

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЧЕЛОВЕК, СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы Всероссийской научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
А. В. Брушлинского и 300-летию основания
Российской академии наук,
12–14 октября 2023 г., Москва

Ответственные редакторы:

Д. В. Ушаков,
А. Л. Журавлев,
Н. Е. Харламенкова,
А. В. Махнач,
Г. А. Виленская,
Н. Н. Казымова

*Посвящается 90-летию
со дня рождения А. В. Брушлинского
и 300-летию основания
Российской академии наук*

Российская академия наук
Институт психологии

ЧЕЛОВЕК, СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы Всероссийской научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского
и 300-летию основания Российской академии наук,
12–14 октября 2023 г., Москва

Ответственные редакторы:

*Д. В. Ушаков,
А. Л. Журавлев,
Н. Е. Харламенкова,
А. В. Махнач,
Г. А. Виленская,
Н. Н. Казымова*

Москва
Институт психологии РАН
2023

УДК 159.9
ББК 88
Ч 39

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Рецензенты:

доктор психологических наук, доцент *М. В. Сапорова*,
доктор психологических наук, профессор *Р. М. Шапионов*

Редакционная коллегия:

А. А. Агишева, Ю. И. Александров, Н. А. Алмаев, Г. В. Акопов, Ю. В. Быховец, И. И. Ветрова, Г. А. Виленская (отв. ред.), И. Ю. Владимиров, А. Е. Войскунский, Е. В. Волкова, А. Н. Воронин, Л. А. Головей, Т. А. Гребенщикова, Н. В. Гришина, Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев (отв. ред.), А. Н. Занковский, В. В. Знаков, Н. Н. Казымова (отв. ред.), А. В. Карпов, М. М. Кашипов, Т. В. Корнилова, С. Ю. Коровкин, С. Н. Костромина, Т. Л. Крюкова, А. С. Кузнецова, А. И. Лактионова, Е. И. Лебедева, В. А. Мазилев, Т. Д. Марцинковская, Л. В. Матвеева, А. В. Махнач (отв. ред.), И. А. Мироненко, В. И. Моросанова, Л. Ш. Мустафина, Д. А. Никитина, Е. А. Никитина, Т. А. Нестик, А. А. Обознов, Н. Д. Павлова, Н. С. Павлова, В. И. Панов, А. Н. Поддьяков, А. О. Прохоров, Е. С. Самойленко, С. В. Сарычев, В. В. Селиванов, Е. А. Сергиенко, А. А. Созинов, Г. У. Солдатова, Е. А. Рыльская, З. И. Рябикина, А. Ю. Уланова, Д. В. Ушаков (отв. ред.), С. А. Хазова, Н. Е. Харламенкова (отв. ред.), М. А. Холодная, А. М. Черноризов, А. В. Юревич

Ч 39 Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, 12–14 октября 2023 г., Москва / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова, А. В. Махнач, Г. А. Виленская, Н. Н. Казымова. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. — 1636 с.

doi: 10.38098/conf_22_0466

ISBN 978-5-9270-0466-9

УДК 159.9

ББК 88

Настоящая книга включает материалы исследований, представленных российскими и зарубежными учеными на Всероссийской научной конференции «Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований», посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук. Содержание работ охватывает различные направления психологии: от истории психологии до психологии человека в цифровом мире, наряду с психологией развития, психологией личности, психологией мышления и многими другими. Собранные в книге материалы представляют собой различные варианты дальнейшей разработки проблем психологии человека, системной реализации методологии психологии субъекта как фундаментального основания организации психологического знания, познания вершинных проявлений психологии человека — духовности, нравственности, гуманизма.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2023

ISBN 978-5-9270-0466-9

Содержание

Психология субъекта:
истоки, современные проблемы, перспективы исследований 33

История психологии и историческая психология в контексте проблем современного общества

Процессуальное единство психики и сознания
в категориальной системе А. В. Брушлинского 53

Г. В. Акопов

Этапы творческого пути А. В. Брушлинского:
библиометрический анализ 58

В. И. Белопольский, А. А. Костригин

Духовно-нравственные аспекты
глобальной историко-политической психологии 65

А. А. Гостев

К вопросу о научной и организационной деятельности
Г. И. Челпанова в Московском психологическом обществе 71

Л. Д. Дубровская

Развитие метода микросемантического анализа
в трудах М. И. Володиковой 77

К. Б. Зуев

Взаимосвязь теорий безопасности и привязанности:
историографический аспект 83

Е. С. Игнатова

Сопоставительный анализ институционализации психологии
в Германии и США в 1930–1940-х годах 89

И. А. Мироненко, В. А. Рафикова

Брушлинский Андрей Владимирович – педагог, ученый
и управленец наукой: штрихи к портрету 95

Н. Л. Нагибина

Применение концепции проблемного обучения А. В. Брушлинского в методике преподавания истории психологии	101
<i>М. Д. Няголова, Н. Н. Йорданова</i>	
Воспоминания о работе А. В. Брушлинского в Российской академии наук	107
<i>В. Ф. Петренко</i>	
Формирование дисциплинарного поля отечественной научной психологии первой половины XX века: персонологический аспект	110
<i>О. Е. Серова</i>	
Объективная значимость философских спекулятивных определений: «ощущение» в «Философии духа» Гегеля	116
<i>В. В. Суворов</i>	
К вопросу об историческом времени в психологии	122
<i>Е. В. Харитонова</i>	
К вопросу о первоначальной форме психического.	127
<i>М. Г. Чеснокова</i>	
Методологические проблемы современной психологии	
Личность в работах М. М. Бахтина: в поиске решения цивилизационных вызовов	135
<i>В. Г. Аникина</i>	
Метамодерн: современные парадигмальные тенденции в общественной жизни и науке	141
<i>Н. В. Борисова</i>	
Междисциплинарность как приоритетное направление научных исследований и образовательной деятельности	147
<i>М. Ю. Двоеглазова</i>	
Структурно-динамический подход к исследованию экономической социализации личности: обоснование и возможности применения	152
<i>Т. В. Дробышева</i>	
Значение научного вклада А. В. Брушлинского для развития субъектно-деятельностного подхода в психологической науке	157
<i>Ю. П. Зинченко</i>	

Диалоги о мышлении: А. В. Брушлинский и О. К. Тихомиров о предвидении, предвосхищении и прогнозировании	160
<i>В. В. Знаков</i>	
Некоторые аспекты системного и деятельностного подходов к предмету изучения в социально-психологических исследованиях. . .	165
<i>Ж. И. Казачёнок</i>	
Методологические аспекты влияния цифровизации на когнитивное развитие личности.	171
<i>А. В. Карпов</i>	
Методология кросс-культурной психологии	177
<i>О. А. Мельник</i>	
Парадигма воспринимаемого качества в изучении обоняния	183
<i>В. Н. Носуленко, Р. В. Романенко</i>	
Личность и ее бытие в контексте психологии субъекта А. В. Брушлинского (история научной дискуссии).	188
<i>З. И. Рябикина, М. Р. Хусаинова</i>	
Дифференциация личностных и субъектных характеристик индивида на основании процессуального критерия	193
<i>П. А. Сафонов</i>	
Человек как субъект виртуальной онтологии	199
<i>В. В. Селиванов</i>	
Рефлексия методологии С. Л. Рубинштейна и ее трансформации А. В. Брушлинским в субъектно-деятельностную парадигму современной психологии	204
<i>И. Н. Семенов</i>	
Психология субъекта: современное состояние и перспективы	209
<i>Е. А. Сергиенко</i>	
Психометрическая проверка методики понятийных (категориальных) способностей	215
<i>Я. И. Сиповская</i>	
Научные дискуссии в психологии как источник нового знания . . .	221
<i>М. А. Степанова</i>	

Субъектность естественного и искусственного интеллекта 226
И. А. Суров

Объективация потенциала человека
как фундаментальная проблема психологии 232
А. П. Якунин

Психическое развитие человека, субъектогенез

Кризис как актуализатор личностного роста и развития 239
Н. П. Андриюшкова

Психические состояния на разных этапах общения
студентов-дефектологов и психологов 243
Л. В. Артищева

Сущность человека и ее проявления 248
В. К. Волков, В. И. Козлов, Ю. В. Струк, О. А. Якушева

Роль тела в построении идентичности
у лиц, желающих сменить пол 253
В. В. Грибов, Н. В. Соловьёва, С. А. Креницкая

Субъект жизнедеятельности 258
В. А. Зобков

Модель психического у детей 2–3 лет
с типичным развитием 261
Е. А. Ильина

Формирование стадий становления субъектности
в научно-исследовательской деятельности школьников 266
А. В. Капцов, Е. И. Колесникова

Формирование адекватной самооценки подростков,
оставшихся без попечения родителей 272
Н. П. Кондратьева

Взросление: особенности выбора решений и возможности 276
Е. В. Куфтык

Возрастные и гендерные различия модели психического
у детей 9–11 лет 280
Е. И. Лебедева

Интерпретация неоднозначно понимаемых социальных ситуаций в подростковом возрасте	285
<i>Е. И. Лебедева, Г. А. Виленская, А. Ю. Уланова, О. Ю. Филиппу, Н. С. Павлова</i>	
Экопсихологические условия формирования гендерной психосемантики в структуре сознания	290
<i>О. Г. Лопухова, В. И. Панов</i>	
Субъектность в динамике когнитивной сферы подростков на фоне активизации самоопределения и самореализации	296
<i>Е. В. Михеева, И. В. Васильева</i>	
Российско-американские исследования детей с опытом институционализации: влияние качества раннего окружения на психическое здоровье и развитие детей	302
<i>Р. Ж. Мухамедрахимов</i>	
Удовлетворенность жизнью людей старшего возраста: общее и индивидуальное	308
<i>Е. А. Никитина</i>	
Системно-субъектный подход как вариант развития психологии субъекта А. В. Брушлинского	313
<i>Н. С. Павлова</i>	
Осмысленность жизни, семейное положение и профессия как факторы субъективного благополучия у мужчин и женщин . . .	319
<i>Д. М. Рамендик</i>	
К вопросу об эмпирической оценке стратегий футуризации старения	325
<i>О. Ю. Стрижицкая, М. Д. Петраш</i>	
Современные исследования моделирования социального взаимодействия на основе теорий мышления	330
<i>А. А. Чуганская</i>	
Психолого-педагогическое сопровождение и развитие успешности в профессиональной деятельности учителя начальных классов	334
<i>Ф. М. Ямалеева</i>	

Современные исследования в психологии личности и дифференциальной психологии

Избегаемое и желаемое будущее: возможные Я взрослых в контексте их самоотношения	341
<i>М. О. Аванесян, В. А. Самохин</i>	
Возможное, реальное и идеальное Я: эмпирическое исследование различий.	346
<i>А. В. Баранова</i>	
Динамика внутреннего диалога во внешней речи	351
<i>А. В. Визгина</i>	
Исследование склонности к депрессивному состоянию и копинг-стратегий у студентов-психологов с преобладанием разных когнитивных стилей	357
<i>Е. В. Воробьева, Е. Ф. Рахимова</i>	
Социальные представления о коррупции (на примере студенческой молодежи)	361
<i>А. А. Гайворонская</i>	
Изменения уверенности в 2022 году по сравнению с 2021 годом	365
<i>Е. В. Головина</i>	
Контекстуальный характер личностной феноменологии: исследование целеполагания.	370
<i>Н. В. Гришина</i>	
Связи эмпатии с уровнем морального развития и базисными убеждениями личности	375
<i>А. И. Денисова</i>	
Структура экзистенциальных ценностей у студентов с разным уровнем эффективности в проектной деятельности	381
<i>Ю. А. Дмитриева, С. Ю. Коробова, Е. И. Колтунов, В. Г. Грязева-Добшинская</i>	
Индивидуальность и интеллект: перспектива интеграции	387
<i>Л. Я. Дорфман, А. Ю. Калугин</i>	
Изучение индивидуально-психологических особенностей человека и животных (основания для сравнительных исследований).	392
<i>Е. В. Зайцева, И. Г. Скотникова</i>	

Каузальная связь самотрансценденции и благополучия личности . . .	396
<i>М. В. Зиннатова</i>	
Процессуальная модель образа мира личности	401
<i>А. И. Кононова, С. Н. Костромина</i>	
Взаимосвязь черт Темной тетрады, отчуждения моральной ответственности и эмоционального интеллекта.	405
<i>Д. С. Корниенко, Н. П. Ячmeneва, М. В. Балева</i>	
Процессуальность личности и процессуальность психического в работах А. В. Брушлинского	411
<i>С. Н. Костромина</i>	
Ценностные ориентации в подростковом возрасте	417
<i>Е. С. Кошелева</i>	
Личностные особенности юношей и девушек с разным уровнем переживания одиночества.	419
<i>О. Г. Ксёнда, А. Э. Марченко</i>	
Особенности субъективного семантического пространства понятий «изоляция», «одиночество», «уединение», «отчуждение» у взрослых	423
<i>И. Р. Муртазина, Д. И. Кузьмина</i>	
Представления о совести у верующих и неверующих старшеклассников	429
<i>Л. Ш. Мустафина</i>	
Позитивное восприятие старения как предиктор качества жизни в пожилом возрасте	434
<i>М. Д. Петраш, К. М. Крупина, Д. И. Голубицкая</i>	
Эмоциональный интеллект и имплицитные теории эмоций в эмоциональном прогнозировании	440
<i>В. А. Савельева, Т. В. Корнилова</i>	
Особенности нравственной самооценки младших подростков	446
<i>Л. Ф. Тибеева</i>	
Эффективность оценки риска, базисные убеждения и когнитивно-регуляторные характеристики молодежи	451
<i>И. А. Филенко, С. А. Богомаз, Т. Е. Левицкая</i>	

Динамика отношения к своему телу в ходе лечения у девушек-подростков, страдающих нервной анорексией	456
<i>Т. Д. Шевеленкова, М. М. Сальникова</i>	

**Макро- и микросоциальная психология:
проблемы и перспективы**

Динамика ценностных ориентаций россиян и вектор развития современного общества	465
<i>Ю. А. Гаюрова</i>	

Восприятие барьеров успешной деятельности в разных группах фрилансеров	471
<i>Т. В. Дробышева, В. М. Касьянов</i>	

Функции коллективных чувств в общественной жизни	477
<i>Т. П. Емельянова</i>	

Индивидуальный личностный рост как результат субъектного развития терапевтической группы	482
<i>Е. В. Кончакова, К. М. Гайдар</i>	

Теория социального познания и макро- и микросоциальная психология	487
<i>Т. И. Короткина, А. П. Якунин</i>	

Спортивная игра кёк-бөрү в контексте этнического самосознания южных алтайцев	492
<i>Ж. В. Кузнецова</i>	

Суверенность психологического пространства и социально-психологическая пресыщенность условиями жизни в мегаполисе.	498
<i>И. В. Ларионов, Т. В. Дробышева</i>	

Использование секций исторического и ролевого моделирования в интересах формирования личности	503
<i>Д. П. Лямин</i>	

Личностные особенности партнеров, перешедших от отношений незарегистрированного брака к зарегистрированным отношениям	508
<i>Ю. М. Панфилова</i>	

Личностные особенности молодых людей,
выступающие предикторами перехода
к семейно-брачным отношениям 513
В. П. Позняков, С. Е. Поддубный

Предикторы социальной успешности пользователей
социальных сетей 518
Л. М. Попов, П. Н. Устин

Влияние семьи и друзей на приобретение или отказ
от табакокурения 523
С. А. Решетко

Моделирование малой группы как субъекта
совместной деятельности в рамках параметрической теории 528
С. В. Сарычев, Г. Н. Ларина

Мышление человека в познании, общении и деятельности

Субъектно-ориентированное сравнение и отношение
к модной внешности 537
Н. Г. Артемцева, Е. С. Самойленко

Эмоциональный интеллект у созависимых мужчин
разных профессий 542
Н. Г. Артемцева, С. А. Малкина

Программное обеспечение для реализации
интерактивной задачи слежения за звуковыми объектами
с высокой экологической валидностью 547
И. А. Басюл

Развитие мышления дошкольников из семей военнослужащих
в игровой деятельности 550
Е. И. Буданова, В. Р. Медведев, Л. К. Тушнова, Н. В. Еркин

Объяснение как способ освоения методологического знания. 553
С. А. Гильманов

Соотношения между временем и правильностью
зрительного различения 559
П. И. Егорова, И. Г. Скотникова

Движения глаз при свободном описании эмоциональных экспрессий	564
<i>А. В. Жегалло</i>	
Особенности функционирования ресурсности мышления субъекта в профессиональной деятельности	570
<i>М. М. Кашапов</i>	
Субъектно-ориентированное сравнение и характеристики идентичности личности	576
<i>А. В. Корбут</i>	
Вклад управляющих функций в преодоление тупика в инсайтном решении	581
<i>Ф. Н. Маркин, И. Н. Макаров, И. Ю. Владимиров</i>	
Развитие визуального мышления: проблематика и пути решения	585
<i>Н. Г. Молодцова</i>	
Специфика познавательной сферы при слуховом восприятии информации	591
<i>А. Ю. Разваляева</i>	
Облегчают ли движения поиск инсайтного решения?	595
<i>А. Д. Савинова</i>	
Не-факторы в подходах А. В. Брушлинского и В. Ю. Крылова	600
<i>Т. Н. Савченко, Г. М. Головина</i>	
Особенности ресурсности профессионального мышления молодых педагогов, принимающих участие в конкурсах профессионального мастерства	605
<i>И. В. Серафимович, А. В. Вторушина</i>	
Чувство собственности как фактор виртуализации для субъекта реальности и деятельности	610
<i>М. И. Яновский</i>	
Психофизиологические закономерности организации индивидуального и коллективного поведения	
Универсальная топология описания активности популяций специализированных нейронов	619
<i>И. О. Александров, Н. Е. Максимова</i>	

Пейсмекеры тела	624
<i>Т. Н. Греченко</i>	
Сенсомоторные тесты и исполнительные функции у школьников	629
<i>В. Л. Ефимова, Е. И. Николаева, О. А. Дружинин</i>	
Особенности исполнительных функций у людей, принимающих различные типы психоактивных веществ	633
<i>П. В. Ивашина</i>	
Зрительный контакт в индивидуальных стратегиях восприятия лицевых экспрессий: айтрекинг.	637
<i>С. Б. Клумова, Г. Я. Меньшикова</i>	
Особенности восприятия и запоминания вандално нанесенных текстов	640
<i>О. В. Кружкова</i>	
Недизъюнктивность и холистическое мышление в западной культуре.	645
<i>А. К. Крылов</i>	
Психофизиологические аспекты синдрома эмоционального выгорания	650
<i>Е. С. Растегаева</i>	
Реализация компьютерной методики чередования от двух до четырех простых заданий в среде PsychoPy	656
<i>А. А. Созинов, Д. С. Кожевникова, А. В. Бахчина, Ю. И. Александров</i>	

Субъект труда и профессиональной деятельности

Семантика образа субъекта как характеристика профессионального опыта музыканта	665
<i>М. М. Абдуллаева, О. Г. Корнева</i>	
Проблема цели в психолого-педагогических исследованиях студентов	670
<i>З. А. Аксютина, Т. Ю. Удалова</i>	
Родительство как предмет изучения психологии труда	676
<i>А. А. Алдашева, О. Н. Сиваш, О. В. Рунец</i>	

К вопросу об определении психологического и субъективного благополучия работников промышленных предприятий	681
<i>Т. Ю. Башкатов</i>	
Индекс стратегий обработки визуальной информации	686
<i>Ю. В. Бессонова, А. А. Обознов, В. В. Косьянчук</i>	
Профессиональная идентичность личности и феномен выгорания: проблема соотношения в современных исследованиях.	692
<i>И. А. Булгаков</i>	
Благополучие сотрудников полиции через призму субъектного подхода	696
<i>И. В. Васильева</i>	
Психологическое здоровье психологов	701
<i>Н. А. Васильченко, Ю. Б. Шлыкова</i>	
Профессиональное выгорание и проактивность в свете МКБ-11 (к 130-летию Владимира Николаевича Мясищева)	707
<i>Н. М. Воищева, В. Ю. Слабинский</i>	
Временная перспектива личности и специфика воспоминаний о профессионально-значимых событиях	711
<i>А. В. Данилова-Релина</i>	
Субъект спортивной деятельности	717
<i>В. С. Емельянов, И. А. Юров</i>	
Зарубежные и отечественные подходы к исследованию психологического контракта	721
<i>Т. В. Зорина</i>	
Разработка проблемы «стиля руководства» в контексте психологического анализа «стиля человека»	725
<i>И. В. Калинин</i>	
Субъективное благополучие и источники мотивации работников государственного учреждения	731
<i>М. В. Карагачева, В. Д. Денисова</i>	
Образ врача-педиатра в сознании студентов	736
<i>О. Б. Кононова</i>	

Оценка профессионально важных качеств будущего педагога по его невербальным проявлениям	740
<i>О. А. Королькова, Е. Г. Хозе</i>	
Оценка когнитивной работоспособности с позиции анализа функционального состояния студентов с инвалидностью, обучающихся по программам среднего профессионального образования	746
<i>И. В. Кошелев</i>	
Субъективно значимые причины развития напряженности при работе в дистанционных условиях	749
<i>А. С. Кузнецова</i>	
Жизнестойкость и креативность в аспекте эффективности сотрудников маркетингового агентства при решении творческих задач и/или исполнительских задач	755
<i>Л. В. Кузнецова, А. С. Смолков</i>	
Формирование психического здоровья студента как цель учебной дисциплины в медицинском вузе	761
<i>Т. В. Кулемзина, С. В. Красножен</i>	
Повышение профессиональной субъектности персонала угледобывающих предприятий в рамках реализации социально-экономической концепции развития нормирования труда	766
<i>О. А. Лапаева</i>	
Сформированность профессиональной направленности как индикатор развития субъектности	771
<i>С. Л. Леньков, Н. Е. Рубцова</i>	
Развитие личности студента как субъекта учебно-профессиональной деятельности	777
<i>И. А. Петухова</i>	
Осознанная саморегуляция как средство социально-профессиональной адаптации на этапе средней зрелости	783
<i>В. А. Пикта</i>	
Связь структуры эмоционального интеллекта с эффективностью работы менеджера с претензиями и недовольством клиентов	789
<i>В. А. Прозоровский, М. В. Фокина</i>	

Характеристика эмоциональной сферы психолога с синдромом эмоционального выгорания	795
<i>Е. В. Семакова, Н. Г. Максимова</i>	
Структура профессионального самосознания в системе самореализации личности педагогов-психологов на этапе профессиональной адаптации	800
<i>А. А. Смык</i>	
Обоснование реализации предиктивного подхода к исследованию структуры потребностной сферы личности.	805
<i>Н. Н. Степанчук</i>	
Концепты и фрагменты реальности в научно-исследовательской и научно-практической работе (в психологии труда)	810
<i>В. А. Толочек, А. С. Машкова</i>	
Динамика стадий становления субъектности учителя при интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы	815
<i>Э. Э. Уманская, О. Г. Лопухова</i>	
От трудового воспитания к трудовому самосознанию	821
<i>Н. В. Усова, М. А. Кленова</i>	
Мотивация и самооценка в структуре саморегуляции служебной деятельности сотрудников Росгвардии	827
<i>Н. М. Учаев, А. В. Зобков</i>	

Психология творчества и одаренности человека

Метакогнитивные предикторы отказа от решения задач	835
<i>С. Б. Албакова, И. Ю. Владимиров</i>	
Количественные показатели и оценки в терапевтической работе со сказкой.	839
<i>Д. Ю. Григорьева, Л. Г. Хаев, И. А. Бурганов</i>	
Креативные ресурсы лидерства в кризисе: основания дифференциации обучения менеджеров	845
<i>В. Г. Грязева-Добшинская, С. Ю. Коробова, Ю. А. Дмитриева, П. С. Глухов, В. А. Глухова</i>	
ЭЭГ-корреляты инсайтного решения творческих задач научного характера	851
<i>Л. А. Дикая, В. А. Егорова, Е. А. Мелещенко</i>	

Особенности узнавания зловещих лиц	856
<i>В. Д. Илюшичев, А. А. Курицын, А. В. Чистопольская</i>	
Влияние эмоций на протекание инсайтного решения. Исследование на материале условно инсайтных задач	859
<i>Н. П. Кириллова, И. Ю. Владимиров</i>	
Досуговая вовлеченность и успешность обучения у студентов с разным профессиональным профилем	863
<i>Т. С. Князева</i>	
Имплицитные теории креативности испытывают вклад со стороны самооценок интеллекта и креативности, но не интеллекта	868
<i>Т. В. Корнилова, М. А. Чумакова, В. А. Савельева</i>	
Модификация задачи «9 точек»: схемы и конфигурации	874
<i>С. Ю. Коровкин</i>	
Усиление фиксации на неверном решении с помощью загрузки управляющих функций.	879
<i>Н. Ю. Лазарева</i>	
Модель не визуальных движений глаз при выполнении когнитивных задач в кратковременной памяти	883
<i>П. А. Лехницкая</i>	
Подходы к изучению юмора как культурно-исторического феномена	888
<i>А. А. Луценко</i>	
Интеллектуально-личностные предпосылки эффективности подсказки в решении проблемных задач	892
<i>А. А. Матюшкина, М. И. Кунашенко</i>	
Инструменты внутренней и внешней консолидации поколений в России: литература, кино, Интернет	898
<i>О. И. Маховская</i>	

Способности и ментальные ресурсы

Когнитивный стиль «гибкий—ригидный познавательный контроль в младшем и среднем подростковом возрасте»	907
<i>Е. Г. Бударина</i>	

К вопросу психометрических характеристик теста умственных способностей Р. Амтхауэра	912
<i>Т. В. Волкова, К. И. Ананьева</i>	
Понятийные способности и темперамент	917
<i>Н. Э. Волкова</i>	
Личностные особенности студентов как статистические предикторы лживости	923
<i>С. М. Гайнуллина, С. А. Башкатов</i>	
Межполовые различия биоэлектрической активности при выполнении теста Струпа	930
<i>Д. А. Докучаев</i>	
Динамика метакогнитивных характеристик личности как субъекта учебно-профессиональной деятельности у студентов медицинского вуза	936
<i>В. В. Енин</i>	
Измерение рабочей памяти в рамках теста на интеллект: разработка спецификации	941
<i>Т. Н. Канонир, Е. А. Орёл</i>	
Формирование специальных способностей в условиях очного и дистанционного обучения	946
<i>Т. П. Коваленок</i>	
К вопросу о сензитивных периодах развития совладающего интеллекта	952
<i>И. О. Куваева, Е. В. Волкова</i>	
О развитии личной мудрости	958
<i>Н. Н. Мехтиханова</i>	
Рефлексия, рефлексивность и духовные способности	962
<i>Г. В. Ожиганова</i>	
Психология интеллекта: исследования и практика	967
<i>Н. А. Пастернак</i>	
Психофизиологическое исследование эффекта Струпа с использованием полиграфа	972
<i>А. Н. Певнева</i>	

Ментальная репрезентация воплощенного телесного опыта	978
<i>Т. А. Ребеко</i>	
Эмпатия как ментальный ресурс качества жизни	983
<i>А. А. Смирнов, Е. В. Соловьева</i>	
Оценка индивидуальной меры рефлексивности работников виртуальной организации	989
<i>К. Р. Спицына</i>	
Субъектно-деятельностный подход vs системно-деятельностный подход: о концептуальных основах российского школьного образования . . .	994
<i>М. А. Холодная</i>	
Возникновение и развитие представлений о самореализация: духовно-нравственный аспект.	1000
<i>М. А. Шачинова</i>	
Психология человеческого бытия и экзистенциальная психология	
Смыслообразование в духовно-нравственно-смысловой сфере личности спортсмена	1007
<i>А. В. Алёшичева, Н. Г. Самойлов</i>	
Оптимистически ориентированная методика преодоления страдания Виктора Франкла	1012
<i>Ю. В. Андреева</i>	
Проксемика и этика общения	1017
<i>В. Г. Анташева, О. И. Захарова</i>	
Аутентичная жизнь и связанность с природой: бытийная «оптика».	1022
<i>Л. А. Кретова</i>	
Субъектная концепция аутентичности личности	1027
<i>С. К. Нартова-Бочавер</i>	
Образ будущего студентов в контексте трансформирующегося бытия	1032
<i>З. И. Рябикина, Н. А. Яворчук</i>	
«Невзрослеющий взрослый»: характеристики современной прекарной личности	1037
<i>Е. Е. Сапогова</i>	

Событийная перспектива будущего в условиях
социальных кризисов 1042
О. С. Сулим, В. В. Нуркова

Психология человеческого бытия и экзистенциальная психология . 1047
В. А. Ширяева

Дискурс и его психологическое воздействие на человека

Социальные функции дискурса в современном российском обществе,
традиционные и новые вызовы 1053
Н. А. Алмаев

Семантико-синтаксическая структура дискурса
научных статей отдельных авторов и коллабораций 1057
А. Н. Воронин, А. С. Рафикова

Вариативность когнитивного пространства
в зависимости от контекста: от пространства признаков
к пространству контекстов 1062
Н. Б. Горюнова, А. Н. Воронин

Интенциональный аспект взаимодействия
в экологическом интернет-дискурсе 1067
И. А. Зачесова

Измерение состояния нарративной транспортиции
у русскоязычных кинозрителей 1072
Т. А. Кубрак, А. А. Старостина

Дискурс о пандемии коронавируса
и психологические особенности его реципиентов. 1077
В. В. Латынов

Особенности воздействия медийного дискурса
на психику человека 1082
Л. В. Матвеева

Оценка дискурсивных маркеров речевых интенций
в социальных медиа 1086
Н. Д. Павлова, В. А. Афиногенова, Т. А. Кубрак, Т. Д. Сальников

К проблеме типологии речевых интенций 1091
Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова

Убеждающее и внушающее речевое воздействие в политическом дискурсе	1096
<i>Г.Л. Сперанская</i>	

Современные исследования психологии стресса и совладания

Роль экзистенциальной тревоги в переживании посттравматического стресса	1103
<i>А.А. Агишева</i>	

Враждебность при посттравматическом стрессе у студентов	1108
<i>Т.Д. Азарных</i>	

Определение критериев трудности жизненных ситуаций на основе экспертных оценок	1113
<i>Е. В. Битюцкая</i>	

Применение компьютерного моделирования логических процессов к типологии восприятия трудных жизненных ситуаций	1119
<i>Е. В. Битюцкая, Э. Э. Гасанов, Н. А. Патрашкин, К. В. Хазова</i>	

Психологическая зрелость как ресурс совладания с трудной жизненной ситуацией.	1126
<i>И. В. Боязитова</i>	

Антиципация и ее особенности при переживании последствий оскорбления	1131
<i>А. А. Бузина</i>	

К вопросу о концептуализации понятия «переживание невидимой угрозы»	1137
<i>Ю. В. Быховец</i>	

К вопросу о ресурсах стрессоустойчивости подростков	1142
<i>Л.А. Головей, О. С. Галашева</i>	

Представление о внутренней картине здоровья и внутренней картине болезни у студентов-медиков	1147
<i>А. Ю. Груздов, М. С. Филиппович</i>	

Значение стратегий совладания в ситуации профессионального самоопределения старшеклассников	1151
<i>М. В. Данилова, Л. В. Мурзина</i>	

Особенности копинг-стратегий подростков при разной социальной поддержке	1157
<i>Е. Н. Дымова</i>	
Типологические особенности совладающего поведения личности	1162
<i>А. А. Дьячук</i>	
Индивидуальное и диадическое совладание в близких отношениях и его продуктивность.	1168
<i>О. А. Екимчик</i>	
Феноменологические различия между посттравматическим стрессовым расстройством и комплексным посттравматическим стрессовым расстройством в зарубежной литературе	1173
<i>А. В. Ермолаева</i>	
Психологические особенности мирного населения прифронтовых территорий.	1179
<i>С. В. Колобова</i>	
Жизнестойкость, копинг-стратегии и уровень тревожности у юношей и девушек	1184
<i>О. Б. Кононова, М. В. Богун</i>	
Отчуждение в близких отношениях как избегающий копинг.	1188
<i>Т. Л. Крюкова</i>	
Травматический стресс и его преодоление человеком как личностью и субъектом	1194
<i>С. Г. Мелик-Карамян</i>	
Социальные ориентиры и активность субъекта в ситуации угрожающего жизни заболевания	1199
<i>Д. А. Никитина</i>	
Особенности совладающего поведения пациентов с онкологическими заболеваниями частых локализаций при благоприятном и неблагоприятном течении болезни	1205
<i>Я. Н. Пахомова, М. А. Демчук</i>	
Особенности восприятия острых конфликтных ситуаций у лиц с биполярным аффективным расстройством (БАР)	1209
<i>О. Д. Пеева, Н. Е. Лысенко, О. Ю. Рашевская</i>	

Выраженность компонентов пищевого поведения и восприятия образа собственного тела у девушек, подвергшихся психологическому насилию в подростковом возрасте	1214
<i>М. Р. Рыбакова, А. Д. Трусова</i>	
Установки на интенсивность родительства в контексте выраженности стресса родителей детей с ОВЗ	1219
<i>У. Ю. Севастьянова, И. В. Тихонова</i>	
Юмор в структуре психологического благополучия.	1224
<i>Е. И. Смолянская</i>	
Исследование родительских убеждений в контексте родительского стресса	1230
<i>И. В. Тихонова</i>	
Идеи системности и процессуальности в психологии личности и психологии посттравматического стресса	1237
<i>Н. Е. Харламенкова</i>	
Профилактика стресса на занятиях по иностранному языку у студентов технических специальностей вузов	1242
<i>Е. В. Шабашова</i>	
Представления мужчин и женщин о стилях и способах совладания со стрессом у детей 8–12 лет и подростков	1248
<i>Н. Е. Шаталова</i>	
Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем с уровнем нервно-психической напряженности у детей в условиях стационарного лечения туберкулеза органов дыхания	1254
<i>О. С. Шелоумова</i>	

Регуляция и саморегуляция человека

Самооценка психического состояния у лиц в условиях экспериментальной сенсомоторной депривации	1261
<i>П. А. Байгузин, А. А. Кудряшов</i>	
Дифференциально-типологический подход к оценке регуляторных и личностных ресурсов субъективного благополучия современной молодежи	1266
<i>Т. Н. Банщикова</i>	

Феномен прокрастинации в контексте регуляции поведения у студентов на разных этапах обучения	1272
<i>И. И. Ветрова</i>	
Контроль поведения и социальная компетентность у мальчиков и девочек младшего школьного возраста	1278
<i>Г. А. Виленская</i>	
Возможное Я: роль агентности в саморегуляции личности	1285
<i>М. М. Гришутина, В. Ю. Костенко</i>	
Индивидуальные траектории развития осознанной саморегуляции учебной деятельности в средней школе	1291
<i>Н. Г. Кондратюк, А. М. Потанина, Т. Г. Фомина, В. И. Моросанова</i>	
Программа подготовки психолога как фактор развития саморегуляции личности	1296
<i>А. П. Корчагина</i>	
Ситуационные детерминанты ментальной регуляции психических состояний.	1300
<i>А. О. Прохоров</i>	
Эмоциональная регуляция как ресурс субъекта	1305
<i>Е. А. Сергиенко, М. Д. Полякова</i>	
Роль социального обмена эмоциями в обеспечении психологической безопасности личности.	1310
<i>Е. С. Спирина</i>	
Самостоятельность/личностная беспомощность и течение болезни у пациентов с колоректальным раком	1316
<i>Д. А. Циринг, И. В. Пономарева</i>	
Взаимосвязь волевых качеств с регуляторными компетенциями и самоконтролем у старших подростков	1321
<i>И. Ю. Цыганов, И. Н. Бондаренко</i>	
Ментальная регуляция психических состояний студентов: ситуативный аспект	1327
<i>А. В. Чернов</i>	
Применение метода психофункциональной разблокировки	1332
<i>Е. В. Шевченко</i>	

Регуляция и саморегуляция состояний: использование
созерцательных практик в консультировании 1339
Р. Р. Ярмолюк

Психология человека в цифровом пространстве

Представления о реальном и виртуальном Я у подростков 1347
В. А. Баранова, О. О. Савина

Зависимость от социальных сетей как фактор формирования
деструктивной субъектности личности 1353
Т. В. Белых

Роль причин помощи во взаимосвязи просоциального поведения
онлайн и просоциальных намерений оффлайн 1357
М. А. Бульцева

Психологические особенности подростков
в контексте компьютерных игр 1362
А. А. Волченкова, А. М. Загуменная

Формирование культуры личной информационной безопасности
в образовательном процессе вуза: опыт, проблемы, перспективы . 1368
Г. В. Грачев

Взаимосвязь самооценки и просоциального поведения
в онлайн-контексте 1374
М. В. Ефремова

Становление виртуальной идентичности
в пространстве цифровых технологий 1378
М. В. Клементьева

Взаимосвязь компонентов виртуального общения
и уровней субъектности личности пользователя. 1383
И. А. Кононенко

Сравнительный анализ маркеров настроений
в сетевой коммуникации 1389
Л. В. Куликов, А. Ю. Маленова, Ю. В. Потапова

Аудиальный эффект «зловещей долины»:
апробация стимульного материала 1393
А. А. Курицын, А. В. Чистопольская, В. Д. Илюшичев, Н. О. Ларионов

Типы и мотивы просоциального поведения подростков в социальных сетях и в реальной жизни	1398
<i>С. В. Ланцова, Е. А. Шмелева, П. А. Кисляков</i>	
Инженерно-психологический анализ применения системы LMS Moodle преподавателями высших учебных заведений	1403
<i>Е. М. Печковская</i>	
Особенности жизненных стремлений подростков, родители которых демонстрируют разные стратегии цифровой родительской медиации	1407
<i>Н. А. Руднова, Д. С. Корниенко</i>	
Становление и трансформации современных цифровых субкультур	1412
<i>А. Д. Титкова, Е. Е. Сапогова</i>	
Синдром цифрового выгорания. Методы диагностики, профилактики и коррекции в разных возрастных группах	1418
<i>А. Б. Шагидаева</i>	
Взаимосвязь склонности к интернет-аддикции и ее симптомов с мотивами использования сети и копинг-стратегиями молодых людей	1424
<i>Е. С. Шестакова</i>	
Жизнеспособность человека, личности, субъекта, общества	
Особенности индивидуально-психологических качеств личности подростков и их жизнеспособности на этапе самоопределения	1431
<i>О. Н. Андрущенко</i>	
Связь жизнеспособности руководителей малого бизнеса с семейным статусом и возрастом	1435
<i>И. А. Артемьев</i>	
Роль резильентности в социальной адаптации лиц с зависимостью от алкоголя	1440
<i>А. В. Бек, М. М. Проничева</i>	
Психология антистарения и жизнеспособность	1446
<i>Т. Н. Березина</i>	

Индивидуально-психологические и социальные ресурсы жизнеспособности военнослужащих.	1450
<i>А. С. Богданова, А. В. Махнач</i>	
Жизнеспособность студентов различных профилей профессиональной подготовки	1454
<i>К. О. Богомазова, О. В. Байгужина, Е. А. Рыльская</i>	
Субъектность как фактор коадаптации личности и социальной среды	1460
<i>Г. В. Валеева</i>	
К вопросу о содержательно-структурном аспекте феномена резильентности.	1466
<i>Ф. И. Валиева</i>	
К вопросу о когнитивных факторах жизнеспособности человека . .	1471
<i>М. А. Грачев</i>	
Психологическая жизнеспособность учителей: гендерный и возрастной аспекты	1475
<i>Л. Н. Захарова, А. С. Заладина, И. А. Лангман</i>	
Качественные и количественные исследования монородительских семей	1480
<i>К. Б. Зувев</i>	
Психологические особенности жизнестойкости и склонности к отклоняющемуся поведению тувинских подростков	1485
<i>А. Э. Клим, А. М. Салчак, Ш. А. Иргит</i>	
Особенности смысложизненных ориентаций педагогов с разным уровнем жизнестойкости	1489
<i>Н. И. Кольчугина, Е. А. Шмелева, П. А. Кисляков, О. А. Силаева</i>	
К вопросу о совладающем поведении и самоэффективности студентов, профессионально занимающихся спортом	1494
<i>А. В. Комарова, Т. В. Слотина</i>	
Ассертивность как компонент жизнеспособности личности	1500
<i>Н. С. Корнилова</i>	
Личностные особенности подростков из семей с различным уровнем конфликтности в контексте проблемы жизнеспособности человека	1505
<i>И. А. Курапова, А. В. Смирнова</i>	

Объектно-субъектные факторы преобразования взаимосвязей самооценок внешнего облика и оценок субъективного благополучия	1510
<i>В. А. Лабунская</i>	
Психоэмоциональное состояние как фактор, влияющий на формирование жизнеспособности детей, находящихся в вынужденной миграции.	1515
<i>И. А. Лаврова</i>	
Динамика развития жизнеспособности у мужчин и женщин в процессе онтогенеза	1519
<i>А. И. Лактионова</i>	
Психологическое сопровождение образовательного процесса – важный фактор психологического здоровья обучающихся	1525
<i>С. А. Лахмостова</i>	
Жизнеспособность, ценностно-смысловые установки и стратегии успешности педагогов, включенных в управленческий кадровый резерв	1531
<i>Н. В. Маркина, М. Е. Гумницкий</i>	
Жизнеспособность семьи в России: современные направления исследований	1537
<i>А. В. Махнач</i>	
Жизнестойкость как предиктор конструктивных форм патриотизма у подростков с девиантным поведением	1543
<i>А. В. Микляева, И. А. Горьковая</i>	
Социально-психологические факторы, влияющие на жизнеспособность тувинских семей	1548
<i>С. М. Момбей-оол, В. Л. Ситников</i>	
Жизнеспособность будущих специалистов в современном мире неопределенности	1552
<i>Т. С. Мороз</i>	
Исследование взаимосвязи между восприятием детско-родительских отношений и показателями жизнеспособности подростков старшего возраста.	1556
<i>Н. В. Мотовилова, В. А. Капустина</i>	

Жизнеспособность семьи в оценках родителей детей с инвалидностью и родителей здоровых детей (пилотное исследование)	1562
<i>М. А. Одицова</i>	
Жизнеспособность личности как потенциальный фактор превенции шуттинга: постановка проблемы	1567
<i>А. А. Ощепков, В. Б. Салахова</i>	
Взаимосвязь депривации и агрессивных форм поведения	1571
<i>И. В. Полякова</i>	
Жизнестойкость педагогов – молодых специалистов: пути формирования	1576
<i>В. И. Рерке, И. В. Беринская</i>	
Травля в сети Интернет и жизнестойкость личности	1582
<i>В. И. Рерке</i>	
Гендерные особенности готовности к семейной жизни тувинской молодежи	1588
<i>А. М. Салчак, А. А. Хертек</i>	
Психологическое благополучие молодежи в контексте ситуации социально-этнического отчуждения.	1593
<i>А. Г. Самохвалова, Е. В. Тихомирова, О. Н. Вишневецкая, Н. С. Шипова</i>	
Жизнеспособность молодежного населения в регионе экологического неблагополучия: к итогам изучения с позиций экопсихологического подхода	1599
<i>Н. М. Сараева, А. А. Суханов, И. Л. Галиакберова</i>	
Исследование взаимосвязи жизнестойкости и готовности к освоению возрастнo-временных изменений в пожилом возрасте . .	1605
<i>Т. Б. Сергеева, Г. И. Борисов</i>	
Социально-перцептивные образы и жизнестойкость подростков и молодежи Республики Тывы.	1611
<i>В. Л. Ситников, С. М. Момбей-оол, А. М. Салчак</i>	
Ресурсная функция социально-перцептивных образов и их связь с жизнеспособностью матерей	1615
<i>А. А. Стреленко</i>	

Одиночество и социотропность: возрастно-половой аспект.	1621
<i>О. Ю. Стрижицкая, И. Р. Муртазина</i>	
Жизнеспособность клинических психологов, работающих в стационаре неврологического профиля: анализ проблемы	1625
<i>Е. В. Тарасова</i>	
Жизнестойкость личности как важнейшее свойство педагогов госпитальных школ	1630
<i>А. Н. Фомина, И. В. Москатова</i>	

Психология субъекта: истоки, современные проблемы, перспективы исследований

Настоящая книга подготовлена по материалам исследований, проведенных отечественными и зарубежными учеными и приуроченных к Всероссийской научной конференции (12–14 октября 2023 г.), посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося российского психолога, крупного организатора науки – Андрея Владимировича Брушлинского. Другая знаменательная дата – 300-летие основания Российской академии наук, которое будет праздноваться 8 февраля 2024 года, – связывает между собой историю Академии наук и историю Института психологии РАН, созданного немногим более полувека назад, а также профессиональную биографию А. В. Брушлинского, который в сентябре 1972 г. в составе сектора философских проблем психологии Института философии Академии наук СССР (с 1991 г. – Российской академии наук) перешел на работу в только что организованный Институт психологии АН СССР.

Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Лауреат премии имени Рубинштейна Президиума РАН (1992) и премии Президента Российской Федерации (1998) Брушлинский трижды избирался директором Института психологии РАН. С 1988 по 2002 г. – главный редактор «Психологического журнала», один из учредителей и академик Российской академии образования, член президиума Российского общества психологов; курировал деятельность Экспертного совета по проблемам комплексного изучения человека, психологии и педагогики.

Изданные в настоящей книге материалы представляют собой интерес с историко-психологической позиции, а также с точки зрения дальнейшей разработки проблем психологии мышления, системной реализации методологии психологии субъекта как фундаментального основания организации психологического знания, познания вершинных проявлений психологии человека – духовности, нравственности, гуманизма.

В ряде научных статей, опубликованных в разделе *«История психологии и историческая психология в контексте проблем современного общества»*, ставится проблема процессуального единства психики и сознания, рассматриваемая авторами в соответствии с системой категорий, используемых А. В. Брушлинским; прослеживаются этапы творческого пути ученого, показано развитие идей Брушлинского (идеи недизъюнктивности психического, метода микросемантического анализа, проблемного обучения и др.) в работах его учеников и последователей и др. В разделе рассматриваются и другие вопросы, предметно связанные с проблемами истории психологии и исторической психологии.

Раздел *«Методологические проблемы современной психологии»* объединил статьи, в которых обсуждаются наиболее общие, фундаментальные основания психологического знания. В нескольких статьях этого раздела значительное внимание уделяется проблеме дискуссии как источнику нового знания, диалогу (например, диалогу А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова о предвидении, предвосхищении и прогнозировании), поиску методологических оснований, позволяющих строить наиболее общие связи между разными поколениями ученых, работающих в одном парадигмальном поле – в контексте психологии субъекта. Новые интегративные подходы (системно-эволюционный, системно-субъектный, системно-диахронический и др.) рассматриваются наряду с общенаучными и общепсихологическими подходами и выступают в качестве наиболее общих оснований исследования крупных теоретико-эмпирических задач – проблемы человека как субъекта виртуальной онтологии, вопросов экономической социализации, цифровизации и ее влияния на когнитивное развитие личности, и др.

Затрагиваются дискуссионные вопросы, касающиеся методологии кросс-культурной психологии, междисциплинарных исследований, духовно-нравственной психологии, психологии личности и бытия, которые в том числе обсуждаются в разделе *«Психология человеческого бытия и экзистенциальная психология»*.

Проблема смыслообразования в сфере нравственных ценностей личности, ее духовное становление и развитие, вопросы этики тесно связаны с темой авторства человека по отношению к своей жизни, с разработкой концепции аутентичности личности. Ответ на вопрос о важности соответствия чувства подлинности личности ее бытийному контексту определяется многими факторами, один из которых

связан с пространственными и временными параметрами человеческого бытия субъекта (подробнее см.: Личность и бытие..., 2008 и др.). Следуя традициям, заложенным в школе С.Л. Рубинштейна, авторы статей данного раздела обращаются к проблеме планирования и осмысления субъектом будущего, к актуальной теме ограничения активности современного человека решением сиюминутных задач, а также к практикам преодоления чувства нестабильности и неуверенности человека в завтрашнем дне.

Формулируя ключевые положения субъектно-деятельностного подхода, А. В. Брушлинский дает определение понятию «субъект», сравнивая его с понятием «личность» и подчеркивая важность применения процессуального подхода к исследованию психического, раскрывая изначально социальную природу «человеческого индивида и его психики» (Брушлинский, 2003, с. 25, 31). Все эти вопросы нашли отражение в трех разделах книги: «*Современные исследования в психологии личности и дифференциальной психологии*», «*Психическое развитие человека, субъектогенез*», «*Макро- и микросоциальная психология: проблемы и перспективы*».

В первом из этих разделов, объединившем исследования в области психологии личности, проводится анализ проблемы процессуальности личности и процессуальности психического; со ссылкой на работы Брушлинского осуществлена интерпретация принципа недизъюнктивности психического в психологии личности, благодаря которой обосновывается принцип контекстуального подхода к изучению личностной феноменологии (Брушлинский, 2006). Интерес представляют исследования, в которых на основе континуально-генетической (недизъюнктивной) логики, предложенной А. В. Брушлинским, выдвигаются положения о нераздельности, но различимости индивидуальности и интеллекта, о допустимости сопоставления феноменологии устойчивого и изменчивого, например, при исследовании проблемы уверенности, анализа избегаемого и желаемого будущего в контексте изучения возможного, реального и идеального Я, обоснования предвосхищающей функции эмоций в ходе исследования проблемы эмоционального интеллекта (Брушлинский, 2003). Не теряет своей актуальности тема морально-нравственного и интеллектуального развития личности, отчуждения моральной ответственности, проблема социальных представлений о совести. Субъектный подход в психологии, фундаментально обоснованный А. В. Брушлинским, развивается применительно к изучению индивидуальной ак-

тивности человека (субъектно-деятельностный подход) и животных (субъектно-поведенческий подход). В статьях обсуждаются и другие вопросы – проблема одиночества и базисных убеждений, личностные черты, входящие в темную триаду и темную тетраду, проблема позитивного старения и др.

Исследования в области психологии личности тесно связаны с актуальными проблемами возрастной психологии (раздел *«Психическое развитие человека, субъектогенез»*). Значительное внимание уделяется разработке методологических подходов к обоснованию принципов психического развития человека и критериев выделения стадий становления субъектности, раскрываются новые аспекты проблемы развития ребенка в системе взаимодействия и формирования отношений с близким взрослым, обсуждаются проблемы взросления и старения. В ряде статей представлены результаты исследования модели психического у детей разного возраста с типичным и атипичным развитием, анализируются особенности интерпретации неоднозначно понимаемых социальных ситуаций в подростковом возрасте. Проблема удовлетворенности жизнью, вопросы позитивного и здорового старения, представленные в статьях данного раздела, свидетельствуют о наличии преемственности в использовании принципа развития для анализа динамики психических особенностей в раннем онтогенезе, а также на всем протяжении жизни человека (Анцыферова, 2004; Принцип развития в психологии, 1978; Принцип развития в современной психологии, 2016).

Многие вопросы, поставленные авторами статей – специалистами в области психологии личности и психологии развития, находят отклик в статьях, включенных в раздел *«Макро- и микросоциальная психология: проблемы и перспективы»*. Это, в частности, касается проблемы суверенности психологического пространства, которая анализируется в связи с проблемой социально-психологической пресыщенности условиями жизни в мегаполисе, а также проблемы индивидуального личностного роста, рассматриваемого в контексте развития группы как коллективного субъекта. Традиционным для социальной психологии стало проведение анализа динамики ценностных ориентаций и исследования партнерских отношений. Интерес представляет анализ личностных особенностей партнеров, выступающих в качестве предикторов перехода молодых людей от добрачных к семейно-брачным отношениям, проблема моделирования малой группы как субъекта совместной деятельности в рамках параметрической

теории. В статьях данного раздела гармонично сочетаются теоретические и практико-ориентированные исследования, представлены новые подходы к пониманию сущности и механизмов социального познания, согласно одному из которых субъект социального познания рассматривается как субъект созерцания, субъект интерпретации и субъект объяснения. Проводится теоретический анализ понятий психологии социального познания, обосновывающий разделение индивидуального представления, групповой оценки и социального представления для индивидуально-психологического и социально-психологического уровней познания. Новым следует считать особый подход к анализу коллективных чувств, основанный на идее выполнения ими определенных функций в жизни больших социальных групп, которыми являются ориентирующая, мотивирующая функции, функция самоутверждения, регулирующая и компенсаторная функции, а также релаксирующая функция.

А. В. Брушлинский писал, что «творчество — неразрывно связано с мышлением, но, конечно, не сводится к нему... любое мышление хотя бы в минимальной степени является творческим, продуктивным... оно всегда — искание и открытие, создание чего-то существенно нового...» (Брушлинский, 2003, с. 185). Современные проблемы психологии мышления и психологии творчества, проблемы способностей отражены в статьях трех следующих разделов: *«Мышление человека в познании, общении и деятельности»*, *«Психология творчества и одаренности человека»*, *«Способности и ментальные ресурсы»*.

Продолжение исследования *мышления как процесса* осуществлено благодаря изучению разных типов проблемной ситуации в профессиональной деятельности — ситуативного и надситуативного типа проблемности, обоснованию психологических механизмов перехода от одного типа к другому, обеспечивающих ресурсность деятельности. В профессиональной деятельности выделены такие механизмы, как интерференция, дистанцирование, социальная перцепция, позитивное переструктурирование опыта, продуктивная трансформация.

Исследование проблемы недизъюнктивности психического, в том числе мышления как процесса, реализовано средствами математического моделирования и выделения таких факторов, как нелинейность, неметричность, нечеткость и т. д. Проведен сравнительный анализ идей А. В. Брушлинского в понимании процессов мышления и В. Ю. Крылова в использовании в математическом моделировании нечетких систем. Рассматриваются модели, в которых используют

ся размытые множества для описания пространств представлений, знаний (отдельных компонентов интеллекта). В ряде статей дается обоснование процедуре (подходу) субъектно-ориентированного сравнения и его видам – интересубъектному (или социальному), который выражается в сопоставлении человеком себя с другими людьми, и интрасубъектному сравнению себя с самим собой в разные периоды времени. Представлены результаты исследования специфики познавательной сферы при слуховом восприятии информации; анализируются эффекты зрительного различения человеком лицевых экспрессий и длительностей световых стимулов в разных экспериментальных условиях, а также сопряженность анализа свободных описаний эмоциональных экспрессий лица и движений глаз. Актуальными остаются исследования развития мышления у школьников, в частности визуального мышления, которое рассматривается в качестве разновидности творческого мышления. Проблема эмоционального интеллекта и другие вопросы, связанные с развитием мышления и в целом – познавательных процессов, широко представлены в статьях, включенных в раздел «*Мышление человека в познании, общении и деятельности*».

Творческий характер мышления, согласно Брушлинскому, предполагает открытие человеком нового знания (Брушлинский, 2003, с. 188). Одно из направлений конференции посвящено обсуждению вопросов, связанных с анализом психологических аспектов *творчества и одаренности*. В материалах, включенных в данный раздел («*Психология творчества и одаренности человека*»), ставится проблема зависимости конструирования имплицитной теории креативности от показателей самооценки интеллекта и креативности и ее независимости от интеллекта; обсуждается традиционная для анализа мыслительного и творческого процесса тема подсказки в решении проблемных задач, осуществляется поиск интеллектуально-личностных предпосылок эффективности такого решения; подтверждается факт влияния эмоций на протекание инсайтного решения.

Анализ психологических закономерностей протекания творческого процесса традиционно строится на основе планирования и реализации задач экспериментального исследования. В представленных для обсуждения статьях с целью получения новых данных и проверки установленных ранее закономерностей предлагаются различные модификации экспериментальных задач (например, задачи 9 точек), вводятся дополнительные переменные, включение которых в план

эксперимента позволяет усомниться или даже опровергнуть известные научные факты (например, факт влияния эффекта «зловещей долины» на процессы внимания и узнавания лиц). Интерес представляют предложенная в одной из статей модель не визуальных движений глаз при выполнении когнитивных задач в кратковременной памяти, а также феномен усиления фиксации на неверном решении при параллельной загрузке управляющих функций (переключении, обновлении, торможении).

Очевидна не только научная, но и практическая значимость исследования когнитивных процессов и креативности при выявлении креативных ресурсов лидерства, определении объективных критериев, позволяющих оценивать и контролировать результаты воздействия медиа на молодежную среду, проведении психотерапии с использованием приемов сказкотерапии, исследовании досуговой вовлеченности и успешности обучения у студентов с разным профессиональным профилем, изучении юмора как психологического феномена и др. Установлены ЭЭГ-корреляты инсайтного решения творческих задач научного характера.

Психология способностей и проблема их развития комплексно представлена в статьях соответствующего раздела — «*Способности и ментальные ресурсы*». Обращение к работам А. В. Брушлинского касается, прежде всего, трактовки принципа детерминизма и обсуждения проблемы развития интеллектуальных и иных способностей, связанных с учетом или игнорированием «внутренних условий» усвоения знания, когда «собственная активность (обучаемость, вообще внутренние условия) даже младенца, а тем более ребенка является *не производной, а именно исходной*» (Брушлинский, 2003, с. 166). Показано, например, что современная система обучения, направленная на развитие ключевых компетенций, функциональной грамотности, ориентирована на системно-деятельностный подход, который должен быть дополнен субъектно-деятельностным подходом, обеспечивающим формирование и совершенствование индивидуальных интеллектуальных ресурсов каждого ученика. Более того, современные условия жизнедеятельности требуют понимания закономерностей формирования специальных способностей в разных формах обучения — очном и дистанционном.

Обращение к теме ментальных ресурсов и способностей позволяет ставить и решать вопросы, связанные с адаптивной функцией интеллекта, реализуемой в трудных жизненных ситуациях, с опре-

делением сензитивных периодов в развитии совладающего интеллекта. Тематика статей охватывает широкий круг вопросов — от изучения ментальной репрезентации воплощенного телесного опыта до исследования эмпатии как ментального ресурса качества жизни, анализа проблем мудрости, рефлексии, рефлексивности и духовных способностей.

Примечательно, что способности и ментальные ресурсы представлены в системной связи с другими свойствами — когнитивными, личностными, темпераментальными, психофизиологическими: обоснованы особенности изменения когнитивного стиля гибкий — ригидный познавательный контроль в младшем и среднем подростковом возрасте, определены половые различия биоэлектрической активности при выполнении теста Струпа, выявлена сопряженность понятийных способностей и свойств темперамента.

Специальное внимание уделено решению методических задач.

Тематика статей, включенных в раздел *«Психофизиологические закономерности организации индивидуального и коллективного поведения»*, соответствует актуальным научным задачам, решение которых требует использования методов анализа активности мозга и других объективных показателей деятельности, в том числе представления результатов в соответствии с новыми объяснительными моделями организации активности популяций специализированных нейронов, например, с обращением к принципу торической топологии организации нейрональной активности в поведении.

Новый взгляд на феномен ритмической активности в жизни живых существ, связанный с оценкой роли пейсмекерной активности микроорганизмов, подтверждает ранее выдвинутые предположения о влиянии микробиоты на нейрональную активность и мозг.

Системный анализ психологических и психофизиологических показателей открывает возможности для углубленного исследования научных проблем, требующих обстоятельного рассмотрения. В статьях, представленных в данном разделе, это положение подтверждается при изучении результатов тестирования сенсомоторных функций, которые, как было показано авторами, отражают уровень функциональной зрелости структур мозга и внутренних связей, обеспечивающих «executive functions» (исполнительные функции), и могут быть использованы для прогноза успешности или неуспешности детей в обучении с целью создания оптимального образовательного маршрута для каждого ребенка.

Изучение психофизиологических аспектов синдрома эмоционального выгорания позволяет оценить комплексный характер реагирования человека на жизненные обстоятельства, связанные с переживанием длительного психоэмоционального стресса, и обозначить варианты оказания человеку профессиональной помощи. Такую же степень значимости имеет исследование, направленное на изучение зрительного контакта в стратегиях движений глаз при восприятии экспрессивных лиц, которое показало, что выбор той или иной стратегии определяется разной степенью переживания человеком тревожности.

Одним из требований к проведению валидного эксперимента является соблюдение правила, предполагающего соответствие применяемого методического инструментария методолого-теоретическим основаниям исследования. Конструирование и реализация компьютерной методики чередования от двух до четырех простых заданий в среде PsychoPy, позволяющей решать самые сложные задачи, связанные с выполнением нескольких заданий и с переключением с одного задания на другое, свидетельствуют о высокой конструктивной валидности исследования, основанного на положениях системно-эволюционного подхода в психофизиологии, развитого В. Б. Швырковым и его сотрудниками. Показано, что разработка методики имеет не частное, но общее значение для решения теоретических и практических проблем в области психофизиологии и психологии.

Высокая экологическая валидность психофизиологических исследований, ориентированных на включение в перечень независимых и дополнительных переменных социальных и культурных факторов, обеспечивает эффективность изучения психологических особенностей, например, специфики мышления, исходя из сопоставления разного типа культур и разных видов ментальности. Выделение особого – холистического типа мышления, свойственного «незападной» культуре, вновь ставит вопрос дискуссионного характера о возможности трактовки мышления или как процесса (А. В. Брушлинский), или как стратегии, предполагающей выбор одного из нескольких альтернативных решений.

Разделы *«Субъект труда и профессиональной деятельности»*, *«Дискурс и его психологическое воздействие на человека»*, *«Психология человека в цифровом пространстве»* посвящены проблемам, анализ которых требует обширных знаний междисциплинарного характера, помогающих специалистам в области психологии труда, инженер-

ной, организационной психологии и эргономики, психологии речи и дискурса, новых направлений в психологии, связанных с развитием информационных технологий, исследовать психологические особенности человека в процессе общения и деятельности.

Первый из этих разделов — «*Субъект труда и профессиональной деятельности*» — объединяет исследования, ориентированные на системный анализ психологических особенностей человека, включенного в процесс трудовой деятельности. Используется понятие «субъект профессиональной деятельности», обозначающее собой особую роль и место человека, его позицию в системе трудовых отношений, в его взаимодействии с объектом и другими субъектами. Закономерным становится обсуждение вопросов, связанных со способностью человека к саморегуляции, выступающей средством социально-профессиональной адаптации, с изучением таких проблем, как эффективность деятельности и ее обусловленность развитием эмоционального интеллекта, со сформированностью профессиональной направленности. Ставится вопрос о прогнозировании и предвидении результатов трудовой деятельности и о специфике воспоминаний о профессионально-значимых событиях, о профессиональной идентичности личности и рисках эмоционального выгорания.

Одной из трудных задач, которые стоят перед специалистом, является проблема концентрации внимания одновременно на нескольких, часто конкурирующих заданиях. Эта проблема удачно специфицирована относительно восприятия информации, представляемой на интерфейсах; предложен индекс соотношения плотности распределения амбьетных и фокальных фиксаций, который, как показатель активности разных мозговых структур, отвечающих за разные уровни переработки зрительной информации, может быть использован для поиска уязвимостей, связанных с переключением внимания при выполнении совмещенных задач.

Отдельная тема исследования — изучение способов достижения состояния психологического благополучия, сохранения психического и психологического здоровья, высокого уровня работоспособности и качества жизни, определение условий развития профессионально важных качеств у специалистов разных профессий, в частности, работников промышленных, в том числе угледобывающих предприятий, сотрудников полиции, работников музыкальной сферы, педагогов и др. Оцениваются субъективно значимые причины развития напряженности при работе в дистанционных условиях.

Традиционно обсуждаются проблемы лидерства и стиля руководства, сущность и принципы формирования психологического контракта в организации. Продолжено изучение родительского труда и его особенностей в зависимости от оценок этого вида труда кровными родителями и экспертами по сопровождению приемных семей; выявлены общие функции труда, независимые от типа семьи, и особенности выполнения родителями своих обязанностей, обусловленные наличием или отсутствием родственных связей между детьми и родителями.

Теоретическая и практическая значимость исследования психологических особенностей человека как субъекта профессиональной деятельности подтверждается своевременным решением прикладных задач и быстрым реагированием специалистов, занимающихся проблемами психологии труда, инженерной и организационной психологии, на новые социальные вызовы. «Таким образом, – писал Брушлинский, – фундаментальная наука (теория, эксперимент и т.д.) всегда в той или иной мере неразрывно связана с практикой, вообще с жизнью, а практика в современном обществе необходимо (хотя бы в минимальной степени) связана с теорией» (Брушлинский, 2003, с. 204).

В тематике статей следующего раздела *«Дискурс и его психологическое воздействие на человека»* отражены актуальные проблемы данной области психологического знания – обоснованы методолого-теоретические подходы к проблеме дискурса, предпринята попытка описать его функции и разнообразие, выявлены маркеры речевых намерений коммуникантов: лексические, семантические, графические, пунктуационные, а также типы речевых интенций; проанализированы особенности интенциональной организации и взаимодействия коммуникантов в экологическом дискурсе, представлены новые результаты исследования специфики кинодискурса. Содержание данного раздела развивает сформировавшееся в ИП РАН оригинальное научное направление исследований (см., например: Психология дискурса..., 2016; и др.).

Новое направление в исследовании дискурса – высказывания людей относительно коронавирусной инфекции и ее профилактики; рассмотрены полярные точки зрения и соответствующие субъектам, высказывающим свои суждения относительно необходимости соблюдения или несоблюдения мер профилактики, личностные особенности, стратегии совладания и представления о пандемии.

Обсуждаются проблемы и особенности медийного и политического дискурса, определены различия в научном дискурсе статей, написанных индивидуально и в составе различных коллабораций. В частности показано, что количество различий между текстами статей отдельных авторов и коллаборативными публикациями существенно выше для теоретических работ и обзоров, по сравнению с экспериментальными и методическими работами. Выявлены наиболее значимые факторы различий семантико-синтаксической структуры дискурса между изучаемыми корпусами текстов.

В соответствии с современными методолого-теоретическими взглядами, учитывающими сложный и динамичный характер когнитивной деятельности, предложено обратиться к контекстно-смысловому подходу, который дает возможность сформировать пространство контекстов для любой информации и может работать с данными произвольной природы.

«Психология человека в цифровом пространстве» — одно из приоритетных направлений исследования в современной науке, ориентированное на изучение психологических особенностей человека, функционирующего в виртуальной среде или использующего современные цифровые технологии для решения разнообразных жизненных задач.

В статьях данного раздела ставится вопрос об уровнях включенности современных людей в процессы цифровизации, о ее дифференциации на отдельные субкультуры в зависимости от начального освоения интернет-пространства и степени погружения в цифровую реальность; описывается синдром цифрового выгорания, рассматриваются методы его диагностики, профилактики и коррекции в разных возрастных группах; описывается феномен интернет-аддикции.

Активное освоение виртуального пространства осуществляется *субъектом*, что предполагает исследование особенностей его виртуального Я и виртуальной идентичности, а также изучение взаимосвязи виртуального общения с проявлениями субъектности личности — активности, осознания способности к рефлексии и собственной уникальности, свободы выбора и ответственности за него, понимания и принятия другого, саморазвития. Показано наличие связей различных характеристик субъектности со структурными элементами киберкоммуникации, благодаря которым обеспечивается эффективность интернет-общения; изучаются жизненные стремления подростков, родители которых демонстрируют разные стратегии цифровой родительской медиации.

Осуществлен сравнительный анализ маркеров настроений в сетевой коммуникации и получены данные, свидетельствующие о возможности сопоставления различных лексических категорий и их информативности с диагностикой состояний и настроений участников сетевой коммуникации. Несколько публикаций посвящено новому способу реализации просоциального поведения, осуществляемого в онлайн-режиме.

Интенсивное развитие цифровизации предполагает создание и дальнейшую разработку приемов, способов и программ обеспечения личной информационной безопасности в разных сферах жизнедеятельности, в том числе и в образовательном процессе школы и вуза, и поддержку оптимального уровня функционирования человека, совладание с психологическими последствиями воздействия техногенных и антропогенных угроз.

Переживание повседневного и травматического видов стресса, их психологические последствия и возможности преодоления стали предметом исследований, результаты которых представлены в материалах раздела «*Современные исследования психологии стресса и совладания*». Существенное внимание уделено определению понятий и описанию обозначаемой ими феноменологии — экзистенциальной тревоге, травматическому и посттравматическому стрессу (ПТС), посттравматическому стрессовому расстройству (ПТСР) и комплексному посттравматическому стрессовому расстройству (КПТСР). В ряде статей сделана попытка дифференциации этих понятий. Такая теоретическая работа фактически продолжает и развивает то, что было предпринято в другом крупном коллективном труде ИП РАН (Психология повседневного и травматического стресса..., 2016).

Стресс возникает при воздействии разных по уровню интенсивности стрессоров и жизненных обстоятельств. В статьях данного раздела описаны критерии трудных ситуаций и их типы; обосновано понятие «невидимая угроза», выявлена специфика влияния таких стрессоров, как «оскорбление», «психологическое насилие», «угрожающее жизни заболевание», «военные действия», и описаны последствия их воздействия — симптомы посттравматического стресса, враждебность, нарушение пищевого поведения, социальная дезадаптация, растерянность, повышенная тревожность, низкий уровень нервно-психической адаптации и др. у разных групп респондентов — детей и подростков с различными заболеваниями и травматическим опытом, родителей, имеющих детей с ОВЗ, у лиц с биполярным аффек-

тивным расстройством, онкологических больных, у мирного населения прифронтовых территорий и др.

Успешное переживание стресса соотносится с особенностями социальной поддержки, совладающего поведения, умения использовать социальные и личные ресурсы. Показано, что характер совладающего поведения определяется восприятием ситуации, готовностью к высоким затратам усилий, переживанием себя как источника изменений, обладающего возможностями и ресурсами для достижения цели, временной организации активности. Значительное внимание уделено анализу стратегий индивидуального и диадического совладания, стратегии отчуждения в близких отношениях.

Умение правильно распознавать переживание стресса ребенком и подростком, а также осведомленность взрослого о стилях и способах совладания со стрессом детьми разного возраста могут рассматриваться в качестве дополнительного ресурса конструктивного совладания со стрессом.

Понимание человека как субъекта деятельности, жизнедеятельности предполагает проявление его активности, направленной на взаимодействие с объектом, с социумом, на развитие способности к регуляции, которой посвящен специальный раздел книги *«Регуляция и саморегуляция человека»*. При этом, как пишет А. В. Брушлинский, «индивид как субъект... всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен» (Брушлинский, 2003, с. 32).

В статьях раздела представлены различные методолого-теоретические подходы к пониманию сущности и механизмов осознанной саморегуляции, ментальной регуляции психических состояний, эмоциональной и волевой регуляции. Описаны индивидуальные траектории развития осознанной саморегуляции учебной деятельности, представлен дифференциально-типологический подход к оценке регуляторных и личностных ресурсов субъективного благополучия современной молодежи.

Анализ ситуационных детерминант ментальной регуляции психических состояний показал, что отраженная психикой совокупность элементов ситуации (объектов, условий, обстоятельств и т. д.) становится значимой для субъекта, только приобретя для него определенный смысл; существенным звеном ментальной регуляции является воплощение смысла в значениях, что приводит к связыванию значения (объекта, предмета, ситуации и пр.) и психического состояния.

В рамках системно-субъектного подхода обоснована связь социальной компетентности и контроля поведения – психологического уровня саморегуляции, опирающегося на ресурсы индивидуальности, а также эмоциональной регуляции с эмпатией и эмоциональным интеллектом.

Отдельное внимание уделено механизмам социального обмена эмоциями в сохранении и восстановлении психологической безопасности личности, функциями которого являются обеспечение моральной поддержки, развитие коммуникативных умений, укрепление доверительного и поддерживающего характера коммуникации, снижение напряжения, адаптация и др.

Экспериментально изучена самооценка психического состояния у лиц, находящихся в условиях экспериментальной сенсомоторной депривации, феномены самостоятельности и личностной беспомощности при угрожающем жизни заболевании; обоснованы методы и методики, направленные на снижение напряжения и достижение состояния психологического благополучия.

Проблемы стресса, совладания с ним и саморегуляции, включенные в контекст изучения жизни субъекта и рассматриваемые с точки зрения жизненных приоритетов и ресурсов личности, могут быть представлены в качестве более общей темы исследования, обозначенной понятием «жизнеспособность личности». Результаты научных исследований, посвященных этой теме, включены в соответствующий раздел книги *«Жизнеспособность человека, личности, субъекта, общества»*.

Приоритетным направлением исследования является проблема жизнеспособности семьи; несколько статей раздела посвящено тувинской семье. Обозначена актуальная тема жизнеспособности родителей, имеющих детей-инвалидов, а также жизнеспособности разных групп, представляющих практически весь онтогенез человека; выявлены половые различия в развитии жизнеспособности на разных этапах жизни.

Современные исследования жизнеспособности позволяют оценить ее особенности у студентов различных профилей профессиональной подготовки, педагогов, военнослужащих, людей, занятых в сфере малого бизнеса, клинических психологов, работающих в стационаре неврологического профиля. Представлены результаты исследования жизнеспособности у детей-мигрантов, лиц, склонных к употреблению алкоголя, и др. Остро актуален вопрос, касающийся

ся жизнеспособности людей, проживающих в экологически неблагоприятных жизненных условиях.

Снижение показателей жизнеспособности коррелирует с переживанием человеком депрессии, чувства одиночества и депривации, стресса и тревоги, агрессии и враждебности; описаны феномены амока и шуттинга, психологические последствия кибербуллинга.

Жизнеспособность проявляет себя в переживании человеком или группой чувства психологического благополучия и безопасности, соотносится с ощущением жизненной энергии и устойчивости к стрессам, со способностью принимать своевременные решения и склонностью к личностному и профессиональному росту, коррелирует с показателями эффективности в деятельности и самооффективности, с мудростью и асертивностью.

Дискуссионным остается вопрос о дифференциации понятий жизнеспособности и жизнестойкости и обозначаемых ими феноменов.

Завершая краткий анализ исследований, опубликованных в настоящем сборнике, приведем некоторые статистические данные.

Для участия в работе Всероссийской научной конференции «Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований», посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, была прислана 331 статья. После проведения процедуры рецензирования статей к публикации было принято 300 материалов. Авторы статей – специалисты, представляющие разные организации и города России, Республики Беларусь, Армении, Болгарии. Это такие города, как Архангельск, Барнаул, Витебск, Владимир, Воронеж, Гомель, Гродно, Донецк, Дмитровград, Долгопрудный, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Йошкар-Ола, Казань, Капан, пгт. Кедровый, Королев, Кострома, Краснодар, Красноярск, Курск, Кызыл, рп. Малаховка, Мариуполь, Минск, Москва, Мурманск, Мытищи, Набережные Челны, Нижний Новгород, Новосибирск, Новый Уренгой, Обнинск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Симферополь, Смоленск, Сочи, Ставрополь, Томск, Тула, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Ханты-Мансийск, Челябинск, Чита, Якутск, Ярославль.

Среди авторов статей – 46 студентов и аспирантов, 76 докторов наук.

В целом отметим, что значительный объем ссылок на статьи и книги А. В. Брушлинского подтверждает актуальность и востребованность субъектно-деятельностного подхода и доказывает, что «субъек-

том является не психика человека, а человек, обладающий психикой, не те или иные свойства, формы активности и т. д., а сам человек, осуществляющий деятельность, поведение, общение...» (Брушлинский, 2003, с. 63).

Редколлегия

Литература

- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Брушлинский А. В.* Мышление как процесс и проблема деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 28–40.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 15–16 октября, 2008 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Принцип развития в психологии / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1978.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

**ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Процессуальное единство психики и сознания в категориальной системе А. В. Брушлинского

Г. В. Акопов (СФ МГПУ, Самара)

Субъектно-деятельностно-процессуальная парадигма, оформленная А. В. Брушлинским, определяет источник поиска перспективных решений проблемы единства сознания. Концепция недизъюнктивности психического, предложенная Брушлинским, в контексте реципрочной активности субъекта во внешнем и внутреннем планах определяет процессуальное единство сознания в спектре различных видов единства. В качестве процессуальных условий реверсивных переходов из состояний осознания в неосознаваемые представлены явления внутренней коммуникации, актуализируемые посредством различных «языков» сознания, а также явления созерцания, посредством которых осуществляется обновление смысловой сферы личности. Рассматривается также позиция Брушлинского о невозможности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: внешнее и внутреннее, недизъюнктивность, единство сознания, созерцание, внутренняя коммуникация личности.

Основополагающие формы человеческой активности – деятельность, общение, поведение, познание и созерцание в работах А. В. Брушлинского – выступают в качестве важнейших категорий (Брушлинский, Поликарпов, 1999). Системообразующим фактором при этом выступает качество субъектности, содержательная конкретизация которого, проведенная Брушлинским, амплифицирована в работах последователей. Смеем предположить, что, упоминая созерцание, автор вслед за С. Л. Рубинштейном придерживается особой трактовки этой категории, нетождественной восприятию.

Диалектика внешнего и внутреннего миров человека как субъекта различных видов активности проявляется не только в односторонних связях, но и в их многообразной взаимообусловленности. Внутреннее устройство («условия») существенно опосредует внешние воздействия, чему способствуют разнообразные функции сознания. Предло-

женная Брушлинским «теория психического как процесса» постулирует его недизъюнктивность «на различных уровнях взаимодействия внешнего и внутреннего» (Брушлинский, 1996, с. 165). Процессуальность особым образом представлена как «изменяющаяся, шаг за шагом образующаяся... а не изначально и целиком готовое, predetermined заранее»; при этом в ходе непрерывного, изменяющегося взаимодействия внешнего и внутреннего возникают все новые «продукты, средства, способы осуществления процесса и другие детерминанты... в качестве...новых внутренних условий» (там же, с. 166–167). Содержание этого процесса включает, как мы установили, чередование словесно оформленных и невербальных знаковых образований, связанных со сферами сознания и бессознательного (Акопов, 2023).

Положение о взаимообусловленности внешнего и внутреннего планов генезиса психики в логике недизъюнктивности является важной основой исследований единства сознания. Любая деятельность, отмечает Брушлинский, «и даже элементарные действия... необходимо и всегда имеют в своем составе хотя бы простейшие психические явления, которыми эти действия и деятельность регулируются, дифференцируются, вообще управляются» (Брушлинский, 1996, с. 164). Разрыв, т. е. дизъюнкция во внешней и внутренней активности индивида, «нарушает преемственность в процессе возникновения психического» (там же). Обращаясь в связи с этим к позиции А. И. Мирякина, противопоставляющего психическое как процесс его продукту, находим у Брушлинского консолидированный ответ: психический процесс и его продукт связаны в психологии характером «взаимоотношений» (там же, с. 166).

Концепция недизъюнктивности психического как процесса, выступающего одним из оснований единства сознания и бессознательного (Брушлинский, 1979а), определяет ту методологическую позицию, которая может способствовать преодолению теоретической раздробленности множества современных теорий сознания (Акопов, 2023), в том числе представлений о соотношении осознаваемого и бессознательного. В статье, посвященной проблеме бессознательного в трудах С.Л. Рубинштейна, автор весьма определенно утверждает, что непрерывность осознанного и неосознанного представляет собой одно из фундаментальных свойств психического процесса (Брушлинский, 1979б).

Теоретическое решение проблемы дискретности — непрерывности психических процессов и сознания было подкреплено Брушлин-

ским также эмпирически; показано, что «непрерывность (континуальность) психического всегда формируется и реализуется одновременно на разных, но взаимосвязанных уровнях осознанного и неосознанного. Роль последнего здесь, естественно, весьма значительна» (Брушлинский, 1996, с. 314; Брушлинский, Поликарпов, 1999). Непрерывность рассматривается Брушлинским также в дискурсе постепенности: «Всегда оставаясь недизъюнктивным или континуальным, психический развивающийся процесс осуществляется в двух формах: как скачкообразное, качественное, внешнее, внезапное... и как постепенная, плавная эволюция, подготавливающая подобные скачки в развитии» (Брушлинский, 1996, с. 321). Взаимосвязь и взаимопереходы между осознанным и неосознанным, согласно автору, «представляют собой один из важнейших механизмов преемственности всего психического» (там же, с. 316).

Отталкиваясь от явлений внутренней речи, изучавшихся Л. С. Выготским в логике непрерывности развития детского сознания, мы выявили у взрослых процессы внутренней коммуникации личности (ВКЛ), обеспечивающие реверсивные переходы от осознаваемой активности субъекта к неосознаваемой. Средствами репрезентации ВКЛ могут быть как словесные знаки различной «емкости», так и образы различных модальностей (визуальные, аудиальные, кинестические и др.), оформленные в прошлом опыте и «вошедшие» в бессознательное (несловесные «языки» сознания), либо в актуальном индивидуальном предсознании личности (Акопов, 2023).

Исследуя дискретную смену личностных смыслов, мы пытались обосновать непрерывный генезис смысловых образований первоначально в деятельностной структуре сознания. Ясно, что вне связи «деятельность—субъект—сознание» невозможно зарождение, становление и развитие смысловой сферы человека. Соответствующая методология в форме системного комплексирования деятельностного и субъектного подходов представлена в работах Е. А. Сергиенко. Обоснованное нами явление созерцания выступает в качестве дополнительной к деятельности категории и может рассматриваться как бессознательный процесс трансценденции ранее осознаваемых переживаний, мыслей, действий и поступков в одних формах активности субъекта в другие формы психического, позволяющие «перезагрузить» сознание и придать жизненным отношениям микро-, мезо- и макроуровня новую осведомленность (осознание) субъекта, проявляемой в эмоциональной, когнитивной, действенной и поведенческой сферах.

В связи с понятием созерцания нередко используется такая его характеристика, как «остановка» внешней или внутренней деятельности. Пауза созерцания — это не абсолютная остановка, не оцепенение; она заполнена более или менее интенсивной, бессознательной активностью, обеспечивающей новый доступ к уже обновленному сознанию. Практическое психологическое значение такой недизъюнктивности трудно переоценить. Явление созерцания, на наш взгляд, представляет один из множества бессознательных механизмов в системе «деятельность—субъект—сознание», своеобразии которого заключается в его одновременной несодержательной представленности в сознании. Непосредственно в процессе созерцания осознается лишь факт погруженности в это состояние; само содержание переживаний, образов, намерений и т. д. становится фактом сознания в постсозерцательном состоянии.

В процессе созерцания становится явной недизъюнктивность переходов из сознательного в бессознательное в их рекурсии, обусловленной деятельностью контекстом и субъектной активацией. Резонно предположить, что содержание психического бессознательного, каковым в нашем случае выступает созерцание, представляет собой процесс порождения нового (обновленного) знания, отношения (смысла), поведенческой стратегии, ценностного или эстетического новообразования. Субъектно-деятельностная или деятельностно-субъектная трансценденция в этих случаях становится психологически понятной, чему способствует также идея трансцендентальной психологии, предложенная А. И. Миракяном и позволяющая «снять» непреодоленную «наукой о сознании» границу между внешним и внутренним («трудная проблема сознания»).

Непрерывность осознанного и неосознанного, согласно Брушлинскому, «одно из фундаментальных свойств психического как процесса». На этой основе был сформулирован тезис «о невозможности искусственного интеллекта» (Брушлинский, 1979б). Сравнительный анализ естественного и искусственного интеллекта (ИИ), выполненный автором, включает следующие моменты: дискретность переходов из одного состояния в другое для «машинного мышления» при непрерывности этих состояний для естественного интеллекта; в основе программ «машинного мышления» лежит формальная, математическая логика, а естественное мышление существенно связано с диалектической логикой. К дискретным системам Брушлинский относит всю математику, посредством которой осуществляется

конструирование программ ИИ. Это не противоречит используемому в математике понятию непрерывности функций, так как известной группе математиков под псевдонимом Н. Бурбаки удалось выстроить всю систему математического знания на основе категории множества – исходно дискретного образования. Естественное мышление, согласно Брушлинскому, исходно недизъюнктивный психический процесс, в основе которого не выбор из отдельно взятых взаимоисключающих альтернатив, а последовательное прогнозирование, что подтверждено рядом экспериментальных исследований под руководством Брушлинского.

Еще один, генетический, аспект различий определяется автором разницей происхождения живого и «машинного мышления»: первое обусловлено развитием целостного организма (первоначально – зиготы) «путем дифференциации в ходе единого, нераздельного процесса развития»; второе, т. е. искусственно создаваемые интеллектуальные программы, формируется посредством «соединения заранее подготовленных, изначально отдельных деталей» (там же, с. 63).

Аргументация А. В. Брушлинского о невозможности ИИ опубликована 40 лет назад. Сегодня существуют программы машинного самообучения, а также ИИ, основанный на нейросети, но вопрос о причинах его неэквивалентности естественному человеческому разуму также может обсуждаться с позиций континуально-генетической концепции Брушлинского.

Литература

- Акопов Г. В.* Единство сознания: постановка проблемы // Актуальные проблемы психологического знания. 2023. № 1 (62). С. 8–22.
- Брушлинский А. В.* Проблема бессознательного в трудах С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1979а. № 3. С. 115–122.
- Брушлинский А. В.* Почему невозможен искусственный интеллект // Вопросы психологии. 1979б. № 2. С. 61–63.
- Брушлинский А. В.* Субъект: Мышление, учение, воображение. М.–Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Брушлинский А. В., Поликарпов В. А.* Мышление и обобщение. 2 изд. Самара: Дом печати, 1999.

Этапы творческого пути А. В. Брушлинского: библиометрический анализ*

В. И. Белопольский (ИП РАН, Москва),

А. А. Костригин (ИП РАН, Москва)

В статье сделана попытка описать этапы творческого пути видного российского психолога, члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, при этом используются методы количественного анализа полного списка его научных публикаций. Выделены 3 этапа его научной деятельности, проведен хронологический анализ публикаций ученого по типам публикаций и по количеству соавторов. Тематический анализ корпуса названий оригинальных теоретических и эмпирических публикаций А. В. Брушлинского позволил выявить наиболее частотные психологические термины и ключевые словосочетания по периодам его научного творчества. Анализируется также динамика цитирований работ ученого в зависимости от даты цитирования и даты их написания, определяются самые цитируемые публикации.

Ключевые слова: история психологии, А. В. Брушлинский, библиография, библиометрический анализ, цитирования.

В последние годы все большую популярность набирает направление историко-психологических исследований, использующее библиометрический и наукометрический анализ научных публикаций для получения новых знаний относительно отдельных персоналий, организаций, отраслей психологии и научных проблем (Белопольский и др., 2022, 2023). Специальной задачей в рамках данного направления является количественный анализ публикационной активности выдающихся отечественных психологов (Зверева, Носкова, 2016; Зувев, 2020), а также разработка методологии таких исследований.

В 2023 году отмечается 90-летие Андрея Владимировича Брушлинского (1933–2002), члена-корреспондента РАН, директора Института психологии РАН, ученика С. Л. Рубинштейна, видного ученого,

* Работа выполнена в соответствии с Госзаданием № 0138-2023-0001.

основателя научной школы «психология субъекта» (Брушлинский, 2006). В связи с памятной датой и высокой значимостью научно-исследовательской и научно-организационной деятельности А. В. Брушлинского возникает необходимость дополнить его научную биографию количественным анализом опубликованных им произведений.

Материалы и методы исследования

В данной работе ставится задача библиометрического анализа всех публикаций А. В. Брушлинского. В качестве объекта исследования выступает полная (на сегодняшний день) библиография работ ученого. Предметом исследования являются количественные показатели научной продуктивности, типов публикаций, тематики исследований, цитируемости работ на протяжении всей его научно-исследовательской деятельности, а также в отдельные ее периоды. Материалом исследования является корпус заголовков опубликованных А. В. Брушлинским монографий, статей, тезисов, научно-популярных, учебно-методических и публицистических работ. Правомочность использования корпуса заголовков научных работ для библиометрического и тематического анализа была обоснована и подтверждена в наших предыдущих работах (Белопольский и др., 2022, 2023). Спецификой данного исследования является объединение в один корпус работ разного типа, написанных одним автором.

Использовались два варианта корпуса (библиографического списка) работ А. В. Брушлинского:

- 1) полный список подтвержденных на данный момент публикаций ученого, включающих в себя все типы – монографии, статьи в журналах, статьи в книгах, тезисы, словарные статьи, публицистические работы, предисловия, послесловия, некрологи, комментарии, выступления на круглых столах, главы в учебниках, интервью;
- 2) список оригинальных теоретических и эмпирических публикаций, которые были инициированы самим автором, – только монографии, статьи в журналах, статьи в книгах.

Хронологический подход, в рамках которого проводилось сравнение библиометрических показателей для разных периодов научной деятельности А. В. Брушлинского, был реализован на основании критерия смены места работы и должностного статуса:

- I период: 1957–1971 гг. (работа в Институте философии АН СССР: научно-технический сотрудник, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник);
- II период: 1972–1989 гг. (работа в Институте психологии АН СССР: старший научный сотрудник);
- III период: 1990–2002 гг. (работа в Институте психологии РАН: директор Института).

К корпусу 1 (полный список) применялся библиографический анализ, в ходе которого были определены показатели количества публикаций в разные периоды научного творчества ученого, количества публикаций различных типов, количества уникальных соавторов.

К корпусу 2 (оригинальные работы) применялся тематический анализ (с помощью сервиса Sketch Engine) заголовков публикаций, определялись частоты психологических терминов (словосочетаний из двух–трех слов) за весь анализируемый период научного творчества А. В. Брушлинского и ключевые термины (словосочетания из двух–трех слов) подкорпусов библиографии ученого по различным периодам.

К обоим корпусам применялся анализ цитирований (на основе показателей Российского индекса научного цитирования – РИНЦ): определялась общая динамика количества цитирований всех работ, в том числе цитирований уже после смерти автора, выявлялось количество цитирований оригинальных исследовательских работ по периодам.

Результаты исследования

Библиографический анализ. За 1957–2002 гг. А. В. Брушлинским было опубликовано всего 214 работ, по периодам: I – 32, II – 58, III – 124. По типам публикаций распределение было следующим: монографии – всего 12 (по периодам соответственно 2–4–6), статьи в журналах – 57 (10–12–35), статьи в книгах – 53 (6–23–24), тезисы – 34 (11–13–10), словарные статьи – 7 (0–1–6), публицистические работы, предисловия, послесловия, некрологи, комментарии, выступления на круглых столах, главы в учебниках, интервью – 51 (3–5–43).

Динамика публикационной активности ученого была возрастающей от периода к периоду по всем типам публикаций (кроме тезисов). При этом следует принять во внимание, что III период был короче, чем два предыдущих. Такая динамика выглядит вполне за-

кономерной для успешной научной карьеры, этапами которой являются должностной рост, получение ученых степеней и званий. Здесь можно упомянуть, что А. В. Брушлинский получил степень кандидата наук в 1965 г., доктора наук – в 1978 г., звание старшего научного сотрудника – в 1972 г., профессора – в 1991 г., члена-корреспондента АН СССР – в 1990 г., академика РАО – в 1992 г. Особый интерес представляет резкое увеличение публикаций по типу публицистических работ, предисловий, послесловий, некрологов, комментариев, выступлений на круглых столах, глав в учебниках, интервью в последний период научного творчества А. В. Брушлинского. Это может быть связано с его вовлеченностью в научно-организационную и общественную деятельность в качестве директора Института психологии РАН и ведущего организатора российской психологической науки.

Другим важным показателем публикационной активности А. В. Брушлинского является количество соавторов его работ. За все годы его научного творчества у него было 47 уникальных соавторов (0–7–43). Как и в распределении количества публикаций, число соавторов увеличивалось от периода к периоду. Особенностью первого периода его научной деятельности является отсутствие соавторов. В последний период, наоборот, наблюдается резкий рост числа соавторов. Стоит отметить, что при анализе полной библиографии учитывались и те публикации А. В. Брушлинского, в которых был очень большой авторский состав и которые носили, скорее, общественно-политический и нормативный характер («Альтернатива курсу реформ: май 1992 года», 1994; «Рабочая концепция одаренности», 1998). Однако и без учета этих соавторов их количество значительно увеличилось в 1990–2002 гг. (19), что было обусловлено как расширением тематики исследований, так и формированием новой научной школы.

Тематический анализ. На материале второго корпуса – заголовков монографий, статей из журналов и книг – были определены наиболее частотные психологические термины в названиях работ А. В. Брушлинского за 1957–2002 гг.: «психологическая наука» (9), «психология мышления» (9), «психология субъекта» (6), «проблема субъекта» (4), «психическое развитие» (4), «советская психология» (4), «деятельность субъекта» (3), «обобщенный замысел» (3), «проблема деятельности» (3). Эти термины характеризуют основную проблематику исследований ученого – методология психологии, психология познавательных процессов, психическое развитие, психология субъекта и личности, история психологии.

Анализ ключевых терминов показал оригинальные словосочетания, которые были характерны для отдельных этапов его творчества. Ключевыми терминами I периода научных исследований А. В. Брушлинского являлись «обобщенный замысел» (5,46), «культурно-историческая теория мышления» (5,4), «решение задачи» (5,4), «решение мыслительной задачи» (5,4), «процесс поисков» (5,4), «ход решения» (5,4). В эти годы интересы ученого были сосредоточены на изучении мыслительных процессов и механизмов человека, а также истории становления культурно-исторического подхода в отечественной психологии. Ключевыми терминами II периода были «проблема деятельности» (2,81), «искусственный интеллект» (2,79), «психика человека» (2,79), «аспект мышления» (2,79), «принцип детерминизма» (2,79). В данный период А. В. Брушлинский разрабатывал методологические вопросы психологии (деятельности, детерминизма, факторов развития психики человека), анализировал проблему искусственного интеллекта, занимался изучением общих аспектов функционирования человеческого мышления. III период отмечен следующими ключевыми словосочетаниями: «психология субъекта» (2,1), «проблема субъекта» (2,09), «критерии субъекта» (2,09), «групповой субъект» (2,09). На первый план в этот период научного творчества А. В. Брушлинского вышли психологические проблемы субъекта.

Цитирование работ А. В. Брушлинского. Востребованность работ А. В. Брушлинского во временной перспективе оценивалась на основе количества их цитирований (по данным РИНЦ на 10.05.2023). Установлена в целом возрастающая динамика цитирований работ ученого как функции года цитирования: относительное плато (до 100 ежегодных цитирований) до 1997 г., далее значительный рост: в 2000-е годы интервал значений был от 389 до 956, а наиболее высокие показатели (свыше 1000) относились к 2014–2018 гг. Это может быть связано как с развитием баз данных (большей доступностью работ ученого), так и изменением отношения к А. В. Брушлинскому – от восприятия его как коллеги и современника к рассмотрению его в качестве исторической персоны и автора оригинального направления в отечественной психологии. В 2021–2022 гг. наблюдается определенное снижение количества цитирований – до 714 и 583, соответственно.

При анализе количества цитирований оригинальных исследовательских работ по периодам научного творчества А. В. Брушлинского были выявлены следующие показатели: I – 444, II – 1990, III – 5744.

Увеличение количества ссылок на публикации, вышедшие в свет в поздние периоды творчества ученого, может быть связано с повышением фундаментальности его исследований (выходило больше монографий, которые, как правило, имеют самую высокую востребованность среди исследователей). Наиболее цитируемыми публикациями А. В. Брушлинского за весь период его научного творчества являются: «Проблемы психологии субъекта» (1994) – 1318 цитирований, «Субъект: мышление, учение, воображение» (1996) – 1290, «Мышление и прогнозирование: логико-психологический анализ» (1979) – 877, «Проблема субъекта в психологической науке (статья первая)» (1991) – 585.

Заключение

Проведенный библиометрический анализ позволил количественно оценить динамику публикационной активности А. В. Брушлинского, типологию его работ, основных соавторов, тематику его теоретических и эмпирических исследований, степень востребованности его публикаций со стороны научного сообщества. Полученные результаты дают дополнительный материал к научной биографии А. В. Брушлинского, уточняют представления об этапах творческого пути и вносят вклад в разработку методологии количественного анализа научного творчества отдельного ученого.

Литература

- Белопольский В. И., Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Ч. I. Научно-организационные и библиометрические аспекты // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 6. С. 5–17.
- Белопольский В. И., Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Ч. II. Тематические и лингвистические аспекты // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 5–15.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды / Ред.-сост. Т. К. Мелешко-Брушлинская, В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Зверева Т. В., Носкова О. Г.* Психологическое наследие К. К. Платонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Зуев К. Б. Наукометрический анализ творческого наследия Б. Ф. Ломова // Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 340–362.

Духовно-нравственные аспекты глобальной историко-политической психологии*

А.А. Гостев (ИП РАН, Москва)

Для расширения возможностей глобальной историко-политической психологии в осмыслении трансформации человечества ставится задача раскрытия взаимодействия исторической, социальной, политической психологии, психологии личности, психологии духовно-нравственной сферы, включая трансперсональный и религиозный опыт. Расширяется прочтение терминов «мега-психология» и «мета-психология». Оно основано на допущении «вселенских» измерений индивидуального и коллективного психического, «трансцендентного духовного я» человека. Допускается его потенциальная способность к отражению духовных законов мироздания. Показана взаимосвязь понятий «мега-психологии» и «мета-психологии». Подчеркивается роль метаисторического фактора в мировой истории, в частности в процессах глобальной трансформации.

Ключевые слова: историческая психология, метаистория, геополитика, религиозность, нравственность, духовность.

Осмысление психологической наукой кардинальных изменений в человечестве требует нового уровня ее интеграции с системой гуманитарного знания. Социальные представления об изменениях в мире необходимо рассматривать на фоне углубленного изучения взаимосвязей внутреннего мира человека и разномасштабного/многоуровневого группового сознания (Гостев, 2020; Журавлев и др., 2020). В этом плане важно взаимодействие познавательных возможностей исторической, социальной, политической психологии, психологии личности, психологии духовно-нравственной сферы, включая трансперсональный и религиозный опыт. Это позволит развивать интегративный подход, ориентированный на более глубокий учет многофакторной

* Статья подготовлена по Госзаданию № 0138029-2021-0001 «История психологии и историческая психологии в контексте актуальных проблем развития современного российского общества».

детерминации мировых событий, на более тесное взаимодействие психологического анализа-синтеза информации о глобальной трансформации (ГТ) с исследованиями в области мировой политики/экономики/финансов, с изучением особой роли аксиологического фактора в жизнедеятельности человечества.

Отметим следующие теоретико-методологические опоры глобальной историко-политической психологии.

1. Роль образной сферы человека и имаго-символосферы групповых субъектов в отражении социальной реальности и влиянии на нее. Особую роль играют национально-культурные архетипы, образы исторической памяти и представления о будущем.
2. Макропсихологический подход (А. В. Юревич), помогающий осмыслить влияния на людей философско-религиозных и мировоззренческих идей, метаисторических факторов (Гостев, Кольцова, 2017). Он проясняется, например, «русским космизмом» (В. И. Вернадский, Н. Ф. Фёдоров, К. Э. Циолковский и др.), идеей о том, что русский народ (не в этническом смысле) в потенции обладает «космическим сознанием» (вспомним, например, Ф. М. Достоевского, представления о «всеединстве» человечества).
3. Психология духовно-нравственной сферы человеческого бытия. Ее значимость видна, например, не только в качестве нравственного регулятора социальной жизни, но и в возможности вхождения в возвышенные состояния — как религиозно-мистического содержания (переживания соприкосновения с высшей реальностью), так и нерелигиозного характера (нравственность повседневного опыта в качестве заслона изменению «традиционно человеческого в людях»).

Отметим, что религиозно-мистические традиции и новации стали значимыми идеологическими/мировоззренческими детерминантами ГТ. Пора более громко заявлять о психологических последствиях:

- разрушения мировых религий и национально-культурных традиций (при учете сопротивления людей данной тенденции);
- создания псевдорелигиозных симулякров;
- конструирования универсальной религии, лишенной исторических метафизических оснований.

«Новая мега-психология»

Проблематику глобальной историко-политической психологии расширяет использование приставки «мега», которая указывает на «огромность чего-то». Актуальность более масштабного и углубленного осмысления происходящего в мире беспредельно возрастает при признании «вселенского измерения» человеческого бытия. В этой связи укажем на осмысление в психологии древней философской идеи об отражении «макрокосма» человеком-«микрокосмом», на присутствие в психологическом знании идей «новой физики» и заявок на создание «квантовой психологии», на осмысление контакта сознания с его «космическим аспектом» (Петренко, Супрун, 2017; также см. работы Ф. Капра). «Вселенский статус» ГТ усложняет ее понимание и на уровне конкретного человека (относительно его «духовного я»), и на уровне метаисторических аспектов изучения социальных общностей.

Мега-психологический масштаб ГТ задается, прежде всего, ее религиозно-мистической компонентой. Достаточно указать на мистические основания идеологии мондиализма и трансгуманизма (Гостев, 2017, 2020). Последний предполагает онтологию «усовершенствованного неопостчеловека», игнорируя вопрос духовно-метафизического статуса человека при переходе в «постчеловеческую цивилизацию» (в какой мере люди-киборги сохраняют в себе «образ божий»).

«Новая метапсихология»

Существующее психологическое понятие не подходит для глобальной историко-политической психологии, ибо не содержит «вселенские основания» психологического знания — даже применительно к теориям личностного роста и «глубинной психологии». Термин «глубинная психология» происходит от психоаналитических построений, опирается на гуманистическую, экзистенциальную, трансперсональную психологию. «Глубинная психология» предполагает особый интерес к многоуровневости психических содержаний, подлежащих осознанию. Подразумевается высокая латентность/потенциальность областей внутреннего мира человека, актуализируемых в контексте специальных психотехник и духовных практик. В этой связи интерес представляет детерминация человеческой психики генетическими основами «духовного я» человека и историческими особенностями духовно-нравственной сферы группового субъекта в ее националь-

но-культурной специфике. Укажем на различные биоэнергоинформационные модели человека, в частности, на признание факта частоты колебания его «энергетического поля» («вибрационная метафора»; сигнал-вибрация от человека по закону резонанса определяет энергоинформационный обмен человека со Вселенной, уровень его духовно-нравственного развития; так называемое «расширенное сознание», например, высокочастотно).

Мета-психологический аспект изучения ГТ предполагает также осмысление идеи о «пневмопсихополях группового субъекта» (эзотерический термин «эгрегор», например, описывает эти идеи, расширяя представления о коллективном бессознательном).

Возможность встречи внутреннего мира человека с «вселенским измерением» бытия позволяют глобальной историко-политической психологии использовать метафизические идеи, осмысляя их как синонимы «идеального», «сверхчувственного» и признавая теоретико-методологическую значимость для психологической науки вопросов о природе «непосредственного отражения мироздания» и постижения первоначал бытия. Эти вопросы обсуждаются, например, при рассмотрении трансляционной функции образной сферы человека, которая описана в монографиях автора статьи. Отмечалось, в частности, что глубинно-психологического прочтения ждет «априорное знание» Канта, идеи Гегеля о познании божественного мира, творчество Э. Гуссерля, других представителей западной и восточной метафизики.

О перспективах

Создание глобальной историко-политической психологии невозможно вне принятия во внимание «вселенского измерения» человеческого бытия, метафизических аспектов духовно-нравственной сферы, дающих потенциальную способность людей к отражению духовных законов мироздания, «божественного начала» в каждом человеке в виде его «трансцендентного духовного я».

Подобные «духовно-космические основания» жизнедеятельности человечества являются неотъемлемым фактором ГТ, переводят понимание происходящего в мире в более широкий контекст изучения происходящего в мире.

Аксиология любого коллективного субъекта/актора ГТ (общества, государственного образования, надгосударственных непубличных структур и пр.) рождает определенную онтологию социально-поли-

тической и экономической жизни в зонах влияния данных исторических субъектов.

Особое значение приобретают метаисторические факторы, которые раскрываются через аксиологическое влияние на жизнедеятельность субъекта истории. Его «духовный космос» включает систему ценностей, идеалов, идеолого-мировоззренческих смыслов, религиозные святыни. И эта аксиологическая система задает особенности понимания Нравственного закона и высших духовно-метафизических ценностей.

Изучение глубинной детерминации коллективных субъектов истории значимо для раскрытия национально-культурных кодов, механизмов сохранения традиционных ценностей, особенностей отражения духовных законов мироздания. Это способно помочь искать основу «всеединства» человечества на основе признания его «вселенского регулятора» на регионально-цивилизационных и национально-культурных «площадках».

Примечательно, что с «духовно-космическими основаниями» жизнедеятельности человечества мы встречаемся и при поиске глубинных оснований человеческой психики («мета-психология» в заявленном варианте), и при расширении масштаба психического отражения-регулирования в соотнесении с «космической многомерностью» («мега-психология»). Идя в «глубинную психологию», мы также попадаем во «вселенское измерение» и «космические масштабы» человеческой психики. Глубины психики оказываются «беспредельным Духовным Космосом», в котором «вселенское» Внутреннее и Внешнее взаимосвязаны. Именно с этих позиций человек способен осознать себя частью мироздания (о чем и говорит С. Л. Рубинштейн в психологической науке).

Разработка заявленной в статье проблематики в историко-психологическом контексте предполагает соотнесение идеи о «вселенском факторе человеческого бытия» с религиозно-философскими европейскими и восточными концепциями, говорящими о нем. Интересно, в частности, сопоставить представления Вернадского о ноосфере с их аналогами в мировых религиозно-философских традициях.

Литература

Гостев А. А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

- Гостев А. А.* Психологические и духовно-нравственные проблемы современного человека: риски-угрозы-вызовы // Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 4 (20). С. 35–66.
- Гостев А. А., Кольцова В. А.* Метаисторические аспекты исторической психологии: новые грани в изучении менталитета // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 194–204.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Ковалева Ю. В., Смирнов А. А.* Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П.* Методологические пересечения психо-семантики сознания и квантовой физики. М.–СПб.: Нестор-История, 2017.

К вопросу о научной и организационной деятельности Г. И. Челпанова в Московском психологическом обществе*

Л. Д. Дубровская (ФГБОУ ВО «ИГУ», Иркутск)

Рассматривается деятельность Г. И. Челпанова в Московском психологическом обществе с 1887–1892 и 1907–1918 гг. На основе историко-психологического анализа выпусков журнала «Вопросы философии и психологии», издаваемого Московским психологическим обществом за период с 1889 по 1918 г., представлены данные о научном и организационном вкладе Г. И. Челпанова. Делаются некоторые выводы о роли Московского психологического общества в психологическом просвещении и организации психологической науки в России.

Ключевые слова: история психологии, Г. И. Челпанов, экспериментальный метод в психологии, Московское психологическое общество, Психологический институт.

Роль Г. И. Челпанова в развитии отечественной психологии неоспоримо признается исследователями. Он известен прежде всего как один из основоположников экспериментальной психологии в России и организатор Психологического института им. Л. Г. Щукиной, созданного при Императорском Московском университете (Психологический институт РАО). В связи с этим, исследователи зачастую ограничиваются организационным и научным вкладом, относящимся к периоду его деятельности в Психологическом институте (1912–1923). Но что известно о нем как члене Московского психологического общества – одного из крупных центров научной и философской мысли?

Московское психологическое общество было создано по инициативе профессора философии М. М. Троицкого в 1885 г. при Императорском Московском университете (Устав общества был утвержден министром народного просвещения 15 июля 1884 г., однако издан лишь 24 января 1885 г. по постановлению Общества). Показателем

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», проект № 091-22-326 «Вклад Г. И. Челпанова в становление отечественной психологии».

активной научной деятельности общества были не только заседания, которые проводились согласно Уставу не реже одного раза в месяц, но и собственный журнал – «Вопросы философии и психологии», основанный Н. Я. Гротом. Журнал издавался с 1889 г. при финансовой поддержке купца А. А. Абрикосова.

Л. М. Лопатин в речи, посвященной вкладу Н. Я. Грота как председателя Московского психологического общества (1887–1899), отмечает, что ему удалось достичь того, что Общество «превратилось в один из популярнейших центров не только московского, но и русского просвещения вообще» (Лопатин, 1899, с. 9–10). В разное время в заседаниях Общества принимали участие Л. Н. Толстой с рефератом «О понятии жизни» (1887), В. С. Соловьев с рефератами «Идеалы и идолы» и «О причинах упадка средневекового мирозерцания» (1891), В. И. Вернадский с речью на тему «Кант и естествознание 18 в.» (1904).

В рамках настоящего исследования мы предприняли попытку историко-психологического анализа научной и организационной деятельности Г. И. Челпанова как члена Московского психологического общества. Были использованы методы биографического и библиографического анализа, а также метод анализа историографических источников. Исследование проводилось на материалах, характеризующих служебную деятельность ученых и научных сообществ. Так, были проанализированы выпуски журнала «Вопросы философии и психологии», изданные с 1889 по 1918 гг., в количестве 138 выпусков. В частности, анализировались отчеты о заседаниях Московского психологического общества, а также отдельные статьи Г. И. Челпанова, раскрывающие его научные взгляды. Полученные результаты были дополнены данными из имеющихся историко-психологических работ, посвященных деятельности Московского психологического общества (например: Ждан, 1995), а также изучению личности и деятельности Г. И. Челпанова.

Анализ источников позволил сделать вывод о том, что можно выделить два периода в деятельности Г. И. Челпанова как члена Московского психологического общества: 1) с 1887 по 1892 г. и 2) с 1907 по 1918 г. Эти периоды связаны с его работой при Московском университете и разделены 15-летним периодом его работы в Императорском университете св. Владимира в Киеве. Следует отметить, что анализ журнальных публикаций и отчетов о заседаниях Московского психологического общества показал, что первый период его научной дея-

тельности в большей степени связан с конкретными психологическими проблемами, изучению которых он посвятил свою магистерскую диссертацию. Работы второго периода в основном имеют методологический характер, что обусловлено его деятельностью как организатора психологического образования и науки в России.

Как отмечает А. Н. Ждан, став в 1887 г. членом Московского психологического общества, Г. И. Челпанов был «одним из самых активных его членов и авторов его печатного органа – журнала „Вопросы философии и психологии“» (Ждан, 2012, с. 6).

Ограниченные объемом данной статьи, рассмотрим лишь отдельные аспекты деятельности Г. И. Челпанова на поприще Московского психологического общества.

Прикомандированный в 1887 г. к Московскому университету для приготовления к профессорскому званию, Г. И. Челпанов 10 марта 1888 г. делает доклад на закрытом заседании Общества – «Общие результаты психометрических исследований в Лейпцигской лаборатории Вундта и их значение для психологии». Как отмечается исследователями, этот доклад вызвал бурное обсуждение. Прения по докладу продолжились на заседании 7 апреля. Среди участников обсуждения, которое продолжалось до глубокого вечера, были Н. Я. Грот, П. Е. Астафьев, Н. В. Бугаев, Н. А. Иванцов, С. С. Корсаков (Ждан, 1995). Впоследствии в несколько сокращенном варианте текст этого доклада под названием «Общие результаты психометрических исследований и их значение для психологии» Г. И. Челпанов публикует в сборнике «Психология и школа», изданном в 1912 г. и предназначенном в большей степени для педагогов. Сборник, по словам Г. И. Челпанова, давал ответ на вопрос: «Как и какую психологию следует преподавать в средней школе и какая психология должна войти в обиход педагога?» (Челпанов, 1999, с. 254). Необходимость повторного обращения к этому тексту Г. И. Челпанов объясняет общим заблуждением о том, что экспериментальная психология и эксперимент как метод в отечественной психологии возник только в первом десятилетии XX века и связан с направлением так называемой «объективной» психологии. Однако, как свидетельствует Г. И. Челпанов, пропаганда экспериментальной психологии проводилась еще в 80-е годы XIX в.

Работая над своим магистерским исследованием «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 1. Представления пространства с точки зрения психологии», Г. И. Челпанов посвящает свои выступления вопросам, касающимся

сы вопросам восприятия. Так, 7 декабря 1890 г. Г. И. Челпанов выступает на открытом заседании с докладом «Теория апперцепции и психической активности в современной психологии», 5 октября 1891 г. Г. И. Челпанов выступает на закрытом заседании с докладом «О восприятии пространства». И спустя еще один год, 14 марта, Г. И. Челпанов выступает на открытом заседании с докладом «Зрение и осязание».

Поскольку с 1892 г. И. Челпанов был назначен приват-доцентом по кафедре философии в Императорском университете св. Владимира в Киеве, то его участие в Московском обществе временно прекратилось. За 15 лет неустанной работы в Киевском университете Г. И. Челпанов создает и руководит сначала Психологическим кружком (1896), а затем и Психологической семинарией (1897), заседания которой отдаленно напоминают то, что происходило в Московском психологическом обществе. За этот период Г. И. Челпанов готовит плеяду своих первых учеников, среди которых философы В. В. Зеньковский, Г. Г. Шпет и А. М. Щербина, а также будущий основатель педологии в России П. П. Блонский.

В 1907 г., в связи с переездом в Москву и вступлением в должность ординарного профессора по кафедре философии и психологии Императорского Московского университета, Г. И. Челпанов вновь активно участвует в деятельности Московского психологического общества. Кроме того, вслед за руководителем в Москву переезжают его ученики. И в 1907 г. среди выступающих на заседаниях Московского психологического общества мы видим: 6 октября – выступление Г. Г. Шпета на закрытом заседании общества с рефератом «Физиологическое объяснение в психологии» и 10 ноября – выступление на закрытом заседании П. П. Блонского с рефератом «Учение о целесообразности у Канта». Среди действительных членов Общества из учеников Челпанова, вышедших из Киевского университета, помимо указанных Г. Г. Шпета и П. П. Блонского, также упоминается А. М. Щербина, а среди членов соревнователей Н. П. Ферстер, которая обучалась у Г. И. Челпанова в Психологической семинарии при Московском университете.

В этот период Г. И. Челпанов выступает с работами, имеющими прежде всего методологическое значение. Так, 22 марта 1908 г. Г. И. Челпанов делает доклад «О предмете психологии». 8 октября 1908 г. Г. И. Челпанов выступает на закрытом заседании Общества с докладом «Об экспериментальном исследовании высших умствен-

ных процессов». 21 марта 1910 г. на торжественном заседании по поводу двадцатипятилетия Московского психологического общества Г. И. Челпанов выступает с речью на тему «О современной индивидуальной психологии и ее практическом значении». Предвосхищая организацию Психологического института при Московском университете, Г. И. Челпанов освещает проблему психологического образования в стране. 3 марта 1911 г. Г. И. Челпанов читает доклад, посвященный психологическому образованию в Российских университетах, — «О положении психологии в русских университетах». В этом же году он выступает с докладом «Об американских психологических институтах», а в 1912 г. — «О прикладной психологии в Западной Европе и Америке». Статья по этому докладу была опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии» в книге V (115) за ноябрь—декабрь 1912 г. В 1915 г. на заседании Общества Г. И. Челпанов делает доклад «Задачи аналитической психологии».

Организационный вклад Г. И. Челпанова в деятельность Московского психологического общества связан с занятием определенных должностей, а также работой в редакционном комитете журнала, издаваемого Обществом. Учитывая активную позицию Г. И. Челпанова в делах Московского психологического общества, на заседании от 11 февраля 1912 г. было принято решение считать Г. И. Челпанова товарищем председателя, которым в это время являлся почетный член Общества, философ Л. М. Лопатин. На заседании 2 марта 1913 г. было принято решение считать Г. И. Челпанова членом редакционного комитета журнала «Вопросы философии и психологии». Также по решению Московского психологического общества в 1913 г. Г. И. Челпанов был избран председателем Организационного комитета для подготовки Первого Психологического съезда, который состоялся в 1915 г. Предложение об организации этого съезда поступило от Санкт-Петербургского общества экспериментальной педагогики и Московского общества экспериментальной психологии. В 1914 г. Г. И. Челпанов выступал председателем на торжественном заседании, посвященном чествованию И. Г. Фихте, которое состоялось 22 марта в Богословской аудитории Императорского Московского университета.

Таким образом, осветив в данном исследовании лишь некоторые аспекты научной и организационной деятельности Г. И. Челпанова в Московском психологическом обществе, мы видим, что данная организация выступала базой для развития психологического знания и его пропаганды в интеллектуальных кругах.

Литература

- Ждан А. Н.* Московское психологическое общество (1885–1922): к 110-летию образования Московского Психологического общества // Вопросы психологии. 1995. № 4. С. 82–92.
- Ждан А. Н.* Профессор Московского университета Георгий Иванович Челпанов // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2012. № 3. С. 4–17.
- Лопатин Л. М.* Николай Яковлевич Грот // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 3 (48). С. 9–20.
- Челпанов Г. И.* Психология. Философия. Образование: Избранные психологические труды. М.–Воронеж: НПО «Модэк», 1999.

Развитие метода микросемантического анализа в трудах М. И. Володиковой

К. Б. Зуев (ИП РАН, Москва)

В статье представлен краткий анализ развития микросемантического анализа в трудах М. И. Володиковой. Показано, что данный метод она использовала в ряде исследований: психологии мышления, психологии нравственности, психологии семьи, этнопсихологии. Полученные результаты обладают не только исторической ценностью, но и эвристическим потенциалом.

Ключевые слова: А. В. Брушлинский, М. И. Володикова, микросемантический анализ, история психологии, психология нравственности.

А. В. Брушлинский наиболее известен современным психологам как автор общепсихологической концепции психологии субъекта. Однако значительная часть научной жизни Андрея Владимировича была посвящена исследованиям в области психологии мышления. Школу С. Л. Рубинштейна часто упрекают в отсутствии экспериментальной базы. Действительно, в диссертациях, подготовленных и успешно защищенных рядом ученых, представлены смехотворные по современным меркам выборки. Но методы, которые реализовывались в них, несомненно, являются строго научными и экспериментальными. В большом количестве исследований А. В. Брушлинского и его учеников использовалась элементарная задача: испытуемого спрашивали, будет ли гореть свеча в космосе, и просили аргументировать свой ответ. Чуть ли не более важным, чем задача, являлся способ фиксации и последующего анализа ответов испытуемых. Все рассуждения записывались на магнитофон, расшифровывались и проходили через процедуру «микросемантического анализа» — построчного рассмотрения хода мысли испытуемого. В работах самого А. В. Брушлинского 1980–1990-х годов метод практически не используется. Однако он получает второе рождение в исследованиях его ученицы — Маргариты Иосифовны Володиковой.

Первые исследования, выполненные Маргаритой Иосифовной, были посвящены психологии мышления. Традиционно эта область относится к общей психологии. Однако же работы, которые М. И. Воловикова выполняла под руководством А. В. Брушлинского, тяготели в сторону психологии личности (Воловикова и др., 2017). Их совместная статья (которая стала первой публикацией М. И. Воловиковой) была опубликована в 1976 г. в журнале «Вопросы психологии» (Воловикова, Брушлинский, 1976). В работе описывается серия экспериментов, впоследствии вошедших в кандидатскую диссертацию М. И. Воловиковой. В них испытуемым в различных вариантах предлагали решить задачу про горение свечи в космосе. Исследование было выполнено на небольшой по современным меркам выборке — 66 человек. Необходимо отметить, что данное исследование находилось также под явным влиянием кибернетики. Но здесь, скорее, проявлялся интерес А. В. Брушлинского, а не его ученицы. Исследования по психологии мышления не относятся к самым цитируемым (известным) работам М. И. Воловиковой (отчасти похожая участь постигла и работы по данной тематике, выполненные ее учителем) и практики не получили дальнейшего развития, однако идеи, высказанные в них, обладают не только исторической ценностью, но и значительным эвристическим потенциалом. Наиболее важными, с нашей точки зрения, являются следующие позиции:

1. Диалог с кибернетикой в вопросе расширения понимания механизма обратной связи. Автор не формулирует выводы в такой форме, однако при описании мыслительного процесса указывает, что «мысленное предвосхищение искомого (будущего окончательного решения. — К. З.) осуществляется без эталона. В этом состоит одна из главных особенностей саморегуляции (в частности, самопрогнозирования) мышления в отличие от детерминации менее сложных процессов, регулируемых только на основе обратных связей» (Воловикова, Брушлинский, 1976, с. 30). В приведенной цитате можно видеть явные отсылки к классическому труду Н. Винера и указание не только на потенциал кибернетики при рассмотрении проблем мышления, но и на его определенные ограничения.
2. В работе описываются механизмы, очень близкие к антиципации: «Мысленное прогнозирование искомого <...> осуществляется прежде всего в форме операционной схемы, на основе которой

предвосхищаются свойства познаваемого объекта и конкретные способы его познания» (там же, с. 31). Среди работ, цитирующих совместную статью М. И. Володиковой и А. В. Брушлинского, только в одной встречается упоминание антиципации.

3. В работе на конкретных эмпирических примерах рассматриваются критерии уровня прогнозирования: степень использования подсказок; немгновенные инсайты; уровень уверенности в правильности найденного решения и исходных условий задач; взаимопревращения промежуточных и конечных решений задачи. Многие из них использовались в других работах, однако некоторые ждут еще конкретной эмпирической и теоретической разработки.

М. И. Володикова больше не возвращалась в своих работах к классическому исследованию мышления. Публикации 1980-х годов, рассматривающие связь морального и интеллектуального развития, выполнялись уже с принципиально других (в том числе мировоззренческих) оснований. Но микросемантический анализ и его развитие присутствовал в подавляющем большинстве ее работ. Остановимся на тех из них, которые являются относительно малоизвестными.

Хронологически следующая серия исследований М. И. Володиковой была посвящена связи морального и интеллектуального развития младших школьников (Воловикова, 1987, 1988; Воловикова, Ребеко, 1990). В них Маргарита Иосифовна выступает уже как самостоятельный сложившийся ученый. Отправной точкой исследований служат работы Ж. Пиаже, Л. Колберга и концепция Я. А. Пономарева о 5 этапах развития способности действовать «в уме». Однако проблемы, рассматриваемые в работах М. И. Володиковой, носят значительно более фундаментальный характер, чем у западных исследователей. Истоки рассогласования нравственного и интеллектуального развития, по мнению автора, «надо искать не только в интеллекте, а во всей жизнедеятельности человека» (Воловикова, 1987, с. 41).

Как и практически во всех работах М. И. Володиковой, в указанных исследованиях использовался качественный метод анализа ответов испытуемых. Однако в этой серии исследований ставилась амбициозная задача «приблизиться к микродинамике смысла» (там же, с. 42). При помощи качественного анализа удалось получить фундаментальные результаты в области соотношения нравственного и интеллектуального развития. Были выделены следующие типы

их взаимоотношения (Воловикова, 1987, 1988; Воловикова, Ребеко, 1990).

1. Хорошо развитая интеллектуальная сфера с возможностью изменения нравственных эталонов. Испытуемые в этом случае предлагают большое количество решений («целый веер») предложенных нравственных задач, в том числе за счет нарушения нравственных эталонов.
2. Хорошо развитый интеллект при жестких моральных эталонах. Ситуация не находит своего окончательного разрешения лишь в сфере интеллекта, потому что единственный «ответ», целиком снимающий противоречивость моральной проблемы, не удовлетворяет испытуемого.
3. Слабый интеллект в совокупности с отсутствием моральных норм снимает проблемность задачи.
4. Однако при слабом интеллекте, но жесткости моральных эталонов испытуемые четко становились на позиции невозможности совершения безнравственных поступков, не давая при этом развернутых когнитивных объяснений. При такой комбинации было обнаружено, что «жесткость, ригидность, нетворческий характер действия по шаблонам в одной сфере — сфере морали — может давать максимально творческий, развивающий эффект в другой — интеллектуальной сфере» (Воловикова, Ребеко, 1990, с. 86).

Представим два направления, о которых неоднократно писала М. И. Воловикова в указанном выше контексте. Первое — это психология семьи. Маргариту Иосифовну нельзя назвать признанным специалистом в данной области. Анализ заголовков ее работ показал, что слово «семья» и его производные не встречаются ни в одном названии. В то же время семейная тематика присутствует как в названии некоторых работ, так и в их содержании. Важность семьи, как социального института, определялась для М. И. Воловиковой той ролью, которую семья играет в сохранении и передаче традиции и воспитании нравственности. Семья рассматривалась М. И. Воловиковой как относительно целостная структура в постоянно меняющемся мире.

Специфичность семейной среды заключается в том, что нравственные нормы усваиваются там непосредственно, без «подключения» интеллекта. Чем более сохранной и ограниченной (в смысле простроенности границ) является семья, тем проще проходит

принятие нравственных норм и идеалов. Принципиально важным для М. И. Воловиковой является то, что внешние и внутренние границы семьи не подавляют свободу и личность ребенка. Здесь уместно обозначить еще одно направление исследований М. И. Воловиковой – этнопсихологию. В одном ее исследовании были объединены моральное и интеллектуальное развитие, психология семьи и кросс-культурная психология. В качестве испытуемых выступили якуты и москвичи. Было выявлено, что у якутов сохранилась весьма консервативная форма семьи, и многие формулировки стандартных задач на моральное развитие им просто непонятны. Так, помощь маме «потому что она устала» является чем-то чуждым опыту якутских детей: «выполнение домашних дел – это обязанность как для детей, так и для мамы» (Воловикова, 1988, с. 182).

Последние примерно 20 лет своей научной карьеры Маргарита Иосифовна часто обращалась к историко-психологическим исследованиям (Зуев, 2022). Рассмотрим те ее работы в этой области, которые относятся к микросемантическому анализу. Первая обзорно-историческая работа об этом методе была опубликована в 2002 г. (Воловикова, 2002), т. е. за несколько лет до защиты докторской диссертации, в которой он также применялся. Позднее, М. И. Воловикова подробнее рассмотрела в отдельной статье историю метода, основные результаты, полученные с его помощью, и перспективы дальнейшего применения (Воловикова, 2008). Маргарита Иосифовна проследила зарождение микросемантического анализа, начиная с середины 1970-х годов, когда он использовался для анализа мышления А. В. Брушлинским и его учениками: «Возможности его применения связаны с пониманием мышления как процесса – всегда творческого, развивающегося, формирующего внутри себя причины своего развития» (Воловикова, 2008, с. 61). М. И. Воловикова подчеркивала: анализ подразумевает детальное рассмотрение всех рассуждений испытуемого, бережное и чуткое отношение к малейшему движению мысли. В качестве основных достижений, полученных при помощи метода в школе А. В. Брушлинского, М. И. Воловикова выделяет открытие феномена мгновенного инсайта и доказательство недизъюнктивного характера мышления. Однако наиболее перспективной областью его применения является, по мнению М. И. Воловиковой, морально-нравственная сфера. В качестве примера Маргарита Иосифовна приводит свои работы 1980-х годов, в которых исследовались младшие школьники. К этому периоду относится и принципиальное ви-

доизменение метода: анализу стали подвергаться не только устные ответы испытуемых, зафиксированные на магнитофонную пленку, но и письменные. При этом «в операционную схему сравнения включается не только мышление, но и личность, которая становится психологической переменной» (Воловикова, 2008, с. 65). Оригинальными представляются идеи о развитии метода. В этом разделе М. И. Воловикова указывает на классическую русскую литературу как наследницу святоотеческой традиции, как на предмет микросемантического анализа (Воловикова, 2008).

В целом же он рассматривается как перспективный психологический метод, позволяющий выйти за рамки классического тестирования.

Литература

Зуев К. Б. Основные направления историко-психологических исследований М. И. Воловиковой // Научные труды московского Гуманитарного университета. 2022. № 6. С. 112–117. doi: 10.17805/trudy.2022.6.12

Воловикова М. И. Моральное развитие и активность личности // Активность и жизненная позиция личности / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской. М.: Изд-во «Институт психологии АН СССР», 1988. С. 170–186.

Воловикова М. И. История разработки и возможности применения микросемантического анализа // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 61–68.

Воловикова М. И., Брушлинский А. В. О мышлении как прогнозировании // Вопросы психологии. 1976. № 4. С. 30–40.

Воловикова М. И., Ребеко Т. А. Соотношение когнитивного и морального развития // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова-Славская. М.: Наука, 1990. С. 81–87.

Взаимосвязь теорий безопасности и привязанности: историографический аспект

Е. С. Игнатова (ПГНИУ, Пермь)

В статье приводятся исторические факты зарождения и развития теорий безопасности и привязанности. На основе анализа зарубежных источников обнаруживается первичность теории безопасности и ее интеграция в формирующуюся теорию привязанности. Констатируется ориентация обеих теорий на развитие психического здоровья личности, обоснование их связи с детскими эмоциональными переживаниями в диаде мать—ребенок и выбором последующего поведения. Рассматривается влияние У. Блатца на научную деятельность М. Эйнсворт и Дж. Боулби в аспектах учета важности родительской фигуры при формировании эмоциональной связи, роли совладания с тревогой в ходе развития чувства уверенности, необходимости гармонии зрелой зависимой безопасности (надежной привязанности) и независимой безопасности (автономии).

Ключевые слова: безопасность, поведение, уверенность, привязанность, эмоциональная безопасность.

Во времена социальных кризисов актуализировался исследовательский интерес к таким психологическим феноменам, как безопасность и привязанность, которые влияют на достижение благополучия. Как традиционно указывается в литературе, авторами теорий являются У. Блатц и Дж. Боулби, соответственно. Имеют схожий жизненный путь, пересекающиеся интересы и карьеры, хотя они никогда не встречались. Ими выработаны сопоставимые идеи о влиянии эмоциональной связи на развитие детей и о том, как последствия этого переносятся во взрослую жизнь. Встает вопрос о том, как соотносятся идеи развития безопасности и надежной привязанности для развития уверенности в себе, самостоятельности и построения гармоничных отношений с миром в историографическом аспекте.

Исторически развитие обеих теорий происходило на фоне следующих трендов: подъем психоанализа, возникновение движения

за психическое здоровье, внедрение идеи о значимой роли воспитания в развитии детей. Объектом психологических исследований становится нуклеарная семья как источник потенциальных психологических проблем.

Начало серьезному психологическому исследованию эмоциональной безопасности отводится канадскому детскому педагогу-психологу и исследователю У. Блатцу (1895–1964) (университет Торонто), проанализировавшему психологическую сущность безопасности (Martyn, 1981).

В статье «Decisions» У. Блатц приводит синопсис теории безопасности (Blatz, 1958), которую студенты называли «Евангелие от Блатца» (Rosmalen, 2015). Он призывал учитывать важность чувства принадлежности: чтобы расти психически здоровыми, дети должны иметь возможность полагаться на родителей. Полное доверие ребенка к родителям есть хороший адаптационный потенциал при условии, что доверие заслужено. У. Блатц рассуждал о развитии безопасности с онтогенетической и социогенетической позиций в координатах зрелости и уверенности.

Базовым выступает описание безопасности: состояние психического, в котором человек готов принять последствия своего поведения, не пытаясь их избежать и не полагаясь на кого-либо, кто принял бы их за него. В определении ключевая роль отводится осознанности и установке на самостоятельность, ответственность. Переживание безопасности обязательно связано с принятием вызова неуверенности и приложением усилий, чтобы справиться с ней. Формируется опыт самостоятельности, прогнозирования последствий и достигается чувство безмятежности, которое автор описывает как сознательный компонент безопасности. Здесь У. Блатц приближается к современному направлению психотерапии – терапии принятия и ответственности, где принятие предполагает активное вовлечение личности в эмоциональные реакции как средство развития психологической открытости, обучения и сострадания себе и другим.

Фактором, препятствующим развитию уверенности, выступает тревога. У. Блатц обозначает способы выхода из тревожного состояния (Blatz, 1958):

- 1) регресс – возвращение к инфантильному состоянию незрелой зависимой безопасности, когда Другой (в младенчестве, как правило, родитель) несет ответственность за поведение обоих, удо-

- влетворяет потребности ребенка и способствует его переживанию безмятежности;
- 2) формирование опыта и навыка переживания независимой безопасности – обучение и принятие последствий собственного поведения;
 - 3) поиск релевантного Другого, обеспечивающего переживание безопасности – зрелая зависимая безопасность;
 - 4) прибегание к невротическим моделям поведения с целью избегания опасности: истерия, мания, паранойя – псевдобезопасность.

У. Блатц признавал невозможность достижения независимой безопасности полностью и пришел к выводу о гармоничности сочетании независимой и зрелой зависимой безопасностей (Martyn, 1981).

Как мы видим, модель безопасности У. Блатца описывает суть поведения человека. По его мнению, все аспекты поведения человека во всех сферах его жизни можно интерпретировать с точки зрения безопасности: детско-родительские отношения, межличностное взаимодействие, учеба/работа, досуг, религия, мировоззрение. Автор обозначил, что в ходе взросления человек вырабатывает паттерны безопасности в зависимости от:

- кругов общения (семья, стабильная родительская фигура–Другие–мир);
- возраста (4–5 лет – развитие сферы увлечений и интересов; 8–9 лет – принятие поведенческих требований среды; после 9 лет – приобретение взгляда на мир, опыта постановки целей);
- успешности «борьбы» с чувством неуверенности (семейная близость – нестабильность);
- кризиса (автоматический выбор поведения – осознанный выбор поведения).

Вырабатываемые паттерны безопасности можно рассматривать как внутренние ресурсы личности, направленные на сохранение ее внутренней целостности при встрече с опасностями и последующими страданиями. Эта идея не нова: встречается в трудах З. Фрейда, например, «Введение в психоанализ» (1915–1917). У. Блатц в молодости интересовался и даже разделял некоторые идеи З. Фрейда, однако впоследствии переформулировал ключевой посыл и условия развития безопасности не только из научных, но и из политических соображений.

Итак, безопасность неразрывно связана с поведением — это одно из ключевых предварительных условий выбора поведения и означает достигнутый человеком уровень готовности его делать и отвечать за последствия собственных действий, сопровождаемый переживанием уверенности и регуляцией тревоги.

Теория У. Блатца выступает теоретико-методологическим основанием диссертационного исследования М. Эйнсворт (1913–1999) на тему «An Evaluation of Adjustment Based upon the Concept of Security» (1940), которая больше известна как ученица и помощница Дж. Боулби (1907–1990) — основоположника теории привязанности. Вместе с ним она собирала эмпирические доказательства теории привязанности еще в Лондоне (1950–1953). Традиционно именно период их совместной работы рассматривается в качестве отправной точки описания ее научной биографии (Bretherton, 1992). Однако нельзя не учесть, что в 1930–1950 гг. М. Эйнсворт училась и работала в университете Торонто под руководством и с У. Блатцом, который оказал значительное влияние на ее научную деятельность, в том числе организацию процедуры «Незнакомая ситуация» (1965). В рамках докторской диссертации (1936–1939) и после (1946–1950) ими совместно разработаны опросники безопасности (Rosmalen, 2015).

Историография научной деятельности М. Эйнсворт и ее вклада в развитие теории привязанности требует отдельного внимания, тем не менее, мы обратимся к некоторым моментам личной биографии. М. Эйнсворт несколько раз меняла место жительства по семейным обстоятельствам. В 1950–1953 гг. активно сотрудничала с Дж. Боулби, однако и после этого оно не завершилось окончательно: длилось вплоть до его смерти. Что касается влияния У. Блатца, то в первой совместной статье «Research strategy in the study of mother–child separation» (1954), когда термин «привязанность» еще не использовался, авторы описывают детско-родительские отношения как «безопасно зависимые», обосновывая свой выбор сложностью описания эмоциональной связи и наличием концепции безопасности. Важно учитывать, что в таком контексте зависимость носит неклинический характер.

В переписке с Дж. Боулби М. Эйнсворт озвучивает свой интерес сформулировать сходства и различия между идеей зависимости и рождающейся идеей эмоционального значения дома и семьи в жизни ребенка. В 1955 г. размышления привели М. Эйнсворт к обнаружению нестрогого соответствия фактической зависимости ребенка

от родителя с точки зрения беспомощности в плане удовлетворения потребностей в питании, тепле и т. д. и эмоциональной связи с ним. Во избежание утилитаризации детско-родительских отношений в плане их нацеленности на удовлетворение лишь физических потребностей ребенка, обозначилась проблема выбора подходящего термина. Несмотря на удовлетворение базовых потребностей, у ребенка может формироваться неуверенность в себе, пролонгироваться период зависимости от Другого. Так, в 1956 г. на первый план выходит представление об инстинктивной и эволюционной обусловленности связи матери и ребенка. Для ее описания М. Эйнсворт и Дж. Боулби во второй совместной статье используют уже более нейтральный, как они считают, термин «привязанность». Примерно в это же время слово «зависимость» начинает применяться в клиническом дискурсе.

Несмотря на изменение терминологии, формирование эмоциональной безопасности, поиск ответа на вопрос о балансе между зависимой безопасностью (привязанностью) и независимой безопасностью (автономией) особенно на первом году жизни ребенка выступают «мишенью» профессиональной деятельности М. Эйнсворт, которая начало исследований указанных моментов официально приписывает У. Блатцу. Подтверждено, что его работы вдохновили М. Эйнсворт на: 1) создание методологических инноваций разработки процедуры «Незнакомая ситуация» (Ainsworth, 2015); 2) классификацию типов привязанности, которая явно коррелирует с видами безопасности, описанными У. Блатцем; 3) разработку концепции чуткости при формировании надежной привязанности.

Таким образом, очевидно влияние теории безопасности У. Блатца на работы М. Эйнсворт и Дж. Боулби. Исторически по ходу формирования теория привязанности наполнялась идеями У. Блатца и его терминологией. Можно говорить об интеграции теории безопасности с теорией привязанности.

Литература

Ainsworth M. D. S., Blehar M. C., Waters E., Wall S. N. Patterns of Attachment: A Psychological Study of the Strange Situation. 1st ed. N. Y.: Psychology Press, 2015.

Blatz W. E. Decisions // Canadian Journal of Psychology. 1958. V. 12. № 3. P. 143–148.

Martyn K. Blatz (W. E.). Collection: guide. Toronto: 1981. URL: https://fisher.library.utoronto.ca/sites/default/public/finding_aids/blatz134.pdf (дата обращения: 09.05.2023).

Bretherton I. The Origins of Attachment Theory: John Bowlby and Mary Ainsworth // *Developmental Psychology*. 1992. V. 28. P. 759–775.

Rosmalen L. van. From security to attachment: Mary Ainsworth's contribution to attachment theory. Netherlands: Leiden University, 2015.

Сопоставительный анализ институционализации психологии в Германии и США в 1930–1940-х годах*

И. А. Мироненко (СПбГУ, Санкт-Петербург),

В. А. Рафикова (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Центральным событием периода 1930–1940-х годов в истории мировой психологии является смещение «центра» психологической науки из Германии в США. В нашем исследовании сопоставляются и контрастируют процессы институционализации психологии в Германии и США в этот период, включая: а) процессы взаимодействия профессионального сообщества в системе внешних социальных институтов, прежде всего, с государством, рынком и гражданским обществом; б) процессы самоорганизации внутри психологического сообщества, с особым вниманием к тем процессам, в которых с очевидностью проявляется иницилирующая активность самого психологического профессионального сообщества как коллективного субъекта деятельности.

Ключевые слова: психологическая наука в период Второй мировой войны, психология в Германии, психология в США, институционализация психологии, профессиональное сообщество как коллективный субъект.

Центральным событием периода 1930–1940-х годов в истории мировой психологии является смещение «центра» психологической науки из Германии, которая считается родиной психологии как академической дисциплины, в США. Это смещение означало не только изменение географии психологии, миграцию ученых из Германии в США и рост статуса американских учебных центров и публикационных площадок относительно немецких и в целом европейских. Со смещением «центра» в США изменился характер мирового мейн-стрима психологии: на смену так называемой немецкой традиции пришла так называемая американская традиция, ведущее положе-

* Исследование выполнено при поддержке научно-исследовательского гранта РФФИ № 20-313-90004.

ние которой в мировой науке не подвергалось сомнению до последних десятилетий XX века.

В нашем исследовании была поставлена цель сопоставительного анализа развития психологии в Германии и США в 1930–1940-е годы. В качестве основания для сопоставления были выбраны особенности процесса институционализации психологии в этот период, рассматриваемые в свете социально-политических факторов, детерминирующих происходящие в психологической науке изменения. Особое внимание уделяется месту и значению в развитии психологии экономического и политического факторов, с учетом влияния на развитие психологии не только государства, что традиционно было в фокусе историко-психологических исследований, но и рынка, и гражданского общества.

В нашем исследовании сопоставляются и контрастируются процессы институционализации психологии в Германии и США, включая: а) процессы взаимодействия профессионального сообщества в системе внешних социальных институтов, прежде всего, с государством, рынком и гражданским обществом; б) процессы самоорганизации внутри психологического сообщества, с особым вниманием к тем процессам, в которых с особой очевидностью проявляется иницирующая активность самого психологического профессионального сообщества как коллективного субъекта деятельности (Артемьева, 2015; Журавлев, 2009).

Формирование источниковой базы исследования проводилось методом поиска в нескольких базах данных и итогового «ручного» отбора. Был выполнен анализ публикаций на разных языках (английском, немецком и русском). Для поиска работ на русском языке использовалась база данных Google Scholar. Для поиска работ немецких авторов нами использовалась база данных PubPsych. Для поиска работ на английском языке использовалась база данных PsycARTICLES. Основным методом анализа литературы в нашем исследовании мы избрали критический дискурс-анализ.

Исследование показало существенные различия в социально-политических детерминантах ситуации развития психологии в рассматриваемый период в Германии и в США, что закономерно привело к существенным различиям в институционализации психологии и формировании профессионального сообщества как коллективно-субъекта деятельности в двух странах.

В США в рассматриваемый период психология ассоциировалась с экспериментальной работой, дающей практические резуль-

таты, которые можно было применить в бизнес-сфере. Это закономерно привлекло внимание прагматично ориентированных крупных капиталистов, которые оказывали психологическим лабораториям и университетским кафедрам щедрую материальную поддержку. Во время Великой депрессии 1929—начала 1930-х годов на массовые проявления недовольства населения американское психологическое сообщество откликнулось вниманием к возникшим социальным проблемам и развитием американской социальной психологии (Рафикова, Мироненко, 2021; Gilgen, 1982).

Ситуация развития немецкой психологии была принципиально иной. С приходом к власти национал-социалистов в Германии установился тоталитарный режим. Жесткий диктат государства определял здесь ход институционализации психологии как во «внешнем» взаимодействии с социальными институтами, так и в части форм самоорганизации научного сообщества. В результате принятия ряда законов в отношении людей еврейского происхождения и последующего отъезда ученых из страны, изменился состав психологического сообщества, произошли кадровые перестановки в университетах. Произошли также сдвиги в методологии и тематике исследований. Были пересмотрены ценностные основания некоторых направлений исследований. Так, в психологии детства и образования стали развиваться ценностные аспекты и парадигма «воспитания нового человека».

Важной характеристикой военного времени и в Германии, и в США стало привлечение психологов к работе в государственных военных структурах. Развитие практических применений психологии в военном ведомстве было важным инструментом укрепления статуса психологии в обществе и ее легитимизации как в Германии, так и в США. В Германии были созданы сети психологических лабораторий в Вермахте (около 20 центров во всех формированиях — Военно-воздушных силах, на флоте и в сухопутных войсках), что способствовало закреплению профессионального статуса психолога в Вермахте и позже введению первого положения о государственных экзаменах для психологов. В США психологи были задействованы в работе Центрального агентства планирования и исследований департамента, были привлечены к профессиональному отбору военных в рамках Комитета по классификации военного персонала и к работе Управления стратегической службы, а также была создана сеть новых психологических структурных формирований.

В свете концепции коллективного субъекта деятельности можно видеть, что становление профессионального сообщества психологов в Германии происходило по-иному, чем в США, в двух странах проявлялись различные аспекты, уровни и признаки субъектности (Артемьева, 2015; Журавлев, 2009). В Германии коллективный субъект, прежде всего, непосредственно взаимодействовал с государством, участвуя в создании системы профессиональной аттестации. В США становление коллективной субъектности психологического сообщества проявилось как самоорганизация сообщества психологов, прежде всего, в форме создания профессиональных организаций (создание Общества психологического изучения социальных проблем, Американской ассоциации прикладной психологии, Психометрического общества; во время Второй мировой войны – создание Национального совета женщин-психологов). Можно выделить в развитии немецкой психологии как коллективного субъекта деятельности несколько переломных точек: 1) 1929–1933 гг. – изменение состава и структуры психологического сообщества и необходимость формирования новой самоидентификации в связи с политическими изменениями начала 1930-х годов; 2) 1933–1945 гг. – укрепление профессионального сообщества вокруг появившейся возможности «легитимизации» профессии психолога (участие в инициативах по внедрению закона о профессиональных экзаменах, статусе психолога в военных структурах); 3) 1945–1950 гг. – необходимость переориентации и перестройки самоидентификации (саморефлексии) сообщества в новых социально-политических условиях, что потребовало поиска новых форм взаимодействия с социумом, включая не только государство, но также рынок и гражданское общество, и самоорганизации, формирования новой самоидентификации.

Результаты исследования позволяют заключить, что в рассматриваемый период интересы рынка (в первую очередь, крупного капитала) и государства в США были тесно связаны, таким образом, поддержка рынка оказывалась в то же время и идеологическим запросом государства. Во время Великой депрессии на массовые проявления недовольства населения психологическое сообщество откликнулось вниманием к возникшим социальным проблемам и развитием американской социальной психологии. Таким образом, американская психология выполняла две функции науки по отношению к государству, в то же время работая на рынок и гражданское общество: а) отвечая на конкретные прикладные задачи (прежде всего, военные); б) в идеологичес-

ком оформлении общих доктринальных направлений государственной политики. Это обеспечило стабильную и устойчивую институционализацию и развитие субъектности американского психологического сообщества, а также рост его международного статуса и влияния.

Немецкое же профессиональное сообщество в период национал-социализма в ситуации тоталитарного государства выработало специфический тип стратегий выживания и развития, демонстрируя высокую включенность науки в повестку власти в сфере: а) практической полезности разработок (этим занимались в основном психологи в структурах Вермахта) и б) формирования представления о психологии как о науке, которая по своему содержанию, вопросам и результатам исследований отвечает национал-социалистической идеологии (так, в психологии детства и образования стали развиваться ценностные аспекты и парадигма «воспитания нового человека»).

Ситуация необходимости адаптироваться к идеологии национал-социализма, полностью отвергнутой в послевоенном мировом развитии, нанесла непоправимый урон немецкой психологии, несмотря на определенный успех в решении практических задач, особо в военных применениях. Хотя в современной немецкой историографии дискутируемым остается вопрос интерпретации институционализации немецкой психологии в период национал-социализма (форсированная профессионализация vs потери; см.: Wieser, Benetka, 2022), в послевоенный период немецкая психология утратила статус особенного, целостного, самобытного направления в мировой науке. Так, в зарубежных и российских учебниках по истории психологии Германия представлена только как родина психологической науки и ряда научных школ (гештальт-психологии). Развитие немецкой психологии в послевоенный период не представлено. Успех американской психологии и ее доминирование в мировой науке в послевоенный период обусловлены не только тем, что она развивалась в ситуации, когда запросы государственной идеологии и рынка выступали в тесной связи и единстве, но и, прежде всего, тем, что американская психология ответила на зарождающийся запрос гражданского общества, которое стало главным актором послевоенного мирового развития.

Литература

Артемьева О. А. Научное сообщество как субъект научной деятельности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 95–103.

- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Рафикова В. А., Мироненко И. А.* Развитие социальной психологии в США в период второй мировой войны и судьба российской школы социальной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 3 (23). С. 246–271.
- Gilgen A. R.* American psychology since World War II: A profile of the discipline. Westport: Greenwood Press, 1982.
- Wieser M., Benetka G.* Psychology in national socialism: The question of “professionalization” and the case of the “Ostmark” // History of Psychology. 2022. V. 25 (4). P. 322–341. doi: 10.1037/hop0000211

Брушлинский Андрей Владимирович — педагог, ученый и управленец наукой: штрихи к портрету

Н. Л. Нагибина (НИЦ психологии и развития человека «Новые технологии», Москва—Сочи)

В статье на основе воспоминаний и анализа научного творчества дается психологический портрет А. В. Брушлинского как педагога, ученого и управленца наукой. Раскрываются особенности его концепции «психического как процесса», даются характеристики его поведения, особенностей познавательной и ценностно-мотивационной сферы, отношения к развитию, учению и обучению.

Ключевые слова: А. В. Брушлинский, психическое как процесс, психологический портрет, психосоциология.

А. В. Брушлинский был педагогом высшей школы. На факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова в 1990—1991 гг. он читал нам оригинальный спецкурс для студентов, специализирующихся по общей психологии — «Психическое как процесс». Яркий лектор, он рассказывал нам об истоках взглядов своего учителя С. Л. Рубинштейна, объясняя его научную позицию, развивая и дополняя идеи своего учителя. Материал он излагал в полемической манере. Главными его мысленными оппонентами выступали А. Н. Леонтьев и его последователи. Так, принцип интериоризации «сначала внешнее — потом внутреннее», который культивировался леонтьевцами, он дополнял и углублял, а в каких-то моментах даже боролся с этим принципом. «Суть теории интериоризации можно выразить в нескольких словах: сначала внешнее, потом внутреннее. Такой очевидный разрыв между внешним и внутренним означает явное нарушение преемственности в процессе возникновения психического. Эта преемственность, вообще недизъюнктивность может быть восстановлена и раскрыта лишь на основе известного методологического принципа детерминизма, согласно которому внешние причины действуют только через внутренние условия» (Брушлинский, 1996, с. 184).

В ходе лекций проводилась мысль о том, что есть субъективная реальность, которая выступает как процесс порождения творческого продукта деятельности, и объективная реальность — сам продукт этой деятельности. И то и другое очень важно для психолога-исследователя. Особенно приятно мне (как музыковеду по первому образованию) было слышать, что продукт творчества как объект исследования является наиважнейшей задачей психолога. «Так как предметом психологии является именно психическое как живой процесс, который всегда, конечно, выступает во взаимосвязи со своими продуктами, то психология не игнорирует эти продукты, а, наоборот, включает их в сферу своего исследования» (Брушлинский, 1996, с. 187).

Если отмечать поведенческие характеристики Андрея Владимировича как педагога, то его отличали интеллигентность, мягкость, пунктуальность, увлеченность проблемами своего учителя, а также при демонстрируемой сдержанности скрытая эмоциональность.

Он, конечно же, использовал возможность для привлечения в аспирантуру ИП АН СССР студентов, которые обратили на себя его внимание. Приглашение в аспирантуру и возможность прямой связи с ним получила и я (он подарил мне свою визитку). Однако мне пришлось ему вежливо отказать, сославшись на то, что, проходя научную практику в лаборатории системных исследований психики, я уже договорилась о продолжении своих научных исследований с Д. Н. Завалишиной. Он пожелал мне успехов, и наши пути с ним на долгое время разошлись.

Еще раз мы пересеклись в конце девяностых годов. Я в эти годы работала в Институте молодежи (сейчас МосГУ), читая оригинальный курс «Психология искусства: типологический подход». В один из журналов ИП РАН я подала статью «Скрябин и Рахманинов: два мира» (в соавторстве с Т. Н. Грековой). Статья попала на рецензию к Андрею Владимировичу. Он созвонился со мной и вызвал на беседу. Меня поразило, насколько он был глубоко в теме. На какое-то замечание я ему очень эмоционально сказала: «Вы не понимаете, Александр Скрябин именно такой, как мы описали!» В этот момент я поймала взгляд Брушлинского и увидела в них: «Если бы вы знали, как глубоко я понимаю Скрябина. Это мой любимый композитор и человек». Известный афоризм Артура Шопенгауэра — «Лицо человека высказывает больше и более интересные вещи, нежели его уста: уста высказывают только мысль человека, лицо — мысль природы», — промелькнул в этот момент в голове.

После этой встречи я стала внимательнее читать все, что написал Андрей Владимирович по психологии и осознавать, что он того же психологического типа, что и Александр Скрябин. А главное, за глубокой защитой скрывается человек огромных эмоций и философских осмыслений мира и себя в этом мире. Надо отметить, что он сразу сказал мне, что в моей статье он видит только вершину айсберга и что за ней стоит более глубокая системная концепция. Меня поразила его «научная зоркость», система действительно за всеми описаниями типов композиторов стояла. Однако, поскольку Андрей Владимирович втягивал меня в затяжную работу над текстом и бесконечные осмысления и правки, я решила отложить работу со статьей. К сожалению, в то время у меня был достаточно интенсивный темп жизни, и объективные условия не позволяли останавливаться на том, что мне в тот момент казалось второстепенным. Позже я напечатала статью в одной из своих книг.

Теперь отдельно хочу сказать о характеристиках того психологического типа, к которому, на мой взгляд, относился Андрей Владимирович Брушлинский. Думаю, что для многих это будет неожиданностью и вызовет удивление. Это тип Достоевского и Тютчева, Шопенгауэра и Дюркгейма, Скрябина и Шнитке, Куинджи и Врубеля.

Тип С в системе Психосмологии (см.: Ильясов и др., 2022, с. 122–125)

Человек этого типа воспринимает мир в двух логиках – субъектной и объектной. В субъектной логике это мир ярких, чувственных страстей и событий, в объектной логике – это мир, над которым можно проводить опыты, подчиняя его.

«Психическое объективно существует только как субъективное, т. е. принадлежащее субъекту – индивиду, различным общностям людей, всему человечеству» (Брушлинский, 1996, с. 14).

Интуиция в познавательном акте является доминирующей, для всего процесса познания характерна высокая эмоциональная насыщенность. «Непрерывный (недизъюнктивный) познавательно-аффективный процесс» (по Брушлинскому) – суть психики для человека этого типа. Для него характерно интуитивное «схватывание» целого, образы очень реальны, они звучат, пахнут, они ощущаются тактильно.

В мышлении склонность обесценивать объект либо гипертрофированно превозносить его, культ творчества, субъектной или «диа-

лектической логики». «Если мышление как деятельность, как система операций осуществляется человеком преимущественно осознанно, то внутри ее мышление как процесс, напротив, формируется в основном на уровне бессознательного, хотя и под косвенным контролем со стороны субъекта (его целей, осознанных мотивов и т. д.). Этот процесс осознается его субъектом лишь в очень небольшой степени» (Брушлинский, 1996, с. 19).

Для людей этого типа характерен интерес к субъективному «Я», попытка подчинить объективность, распространить законы своего «Я» на всю воспринимаемую реальность.

Воспринимаемые стимулы оцениваются по шкалам: «жизнь—смерть», «тьма—свет», «приятно—неприятно». Есть мир собственных чувств и желаний, и есть мир космических законов. Оба этих мира сосуществуют в Я, создавая энергетику борьбы.

В качестве характерных особенностей ценностно-мотивационной сферы ярко выделяется стремление понять себя и мир, стремление навязать свою волю миру, стремление возвысится над этим миром, стремление к сильным чувствам и страстям.

Центральная установка в развитии — выход за пределы возможно через преодоление своих комплексов, через борьбу с самим собой.

«Преимущество и одновременно безотносительность к заранее установленному критерию составляют главное противоречие всякого развития. Процесс и есть та конкретная, единственно возможная форма развития, в которой реально разрешается данное противоречие» (Брушлинский, 1996, с. 205).

Характеризуя особенности стиля учения и обучения, можно отметить стремление выразить себя в изучаемом предмете, слиться с ним. Учение — это постоянный самостоятельный поиск, постижение сути, интуитивное «нашупывание» правильного пути. Эталон педагога для него — друг, беспредельно любящий предмет и верящий в своего ученика. Такой учитель ставит цели (часто превышающие возможности ученика), создает творческую ситуацию для их осуществления. Промежуточный контроль в его обучении предмету направлен на оценку степени приближения ученика к максимальной цели.

Именно таким учителем стал для А. В. Брушлинского его учитель С. Л. Рубинштейн.

Еще один раз я пересеклась с ним, когда попросила издать серию «Мастера российского джаза. Психологические портреты» в 1999 г. под грифом Института психологии РАН. Для солидности написа-

ла вступительное слово к книге и, набравшись смелости и дерзости, попросила Андрея Владимировича подписать это вступительное слово. На удивление, мне не отказали, но попросили распечатать весь текст книги и оставить у секретаря. Через некоторое время я смогла у секретаря Елены Николаевны забрать текст вступительной статьи, полностью написанный директором института. Секретарь мне объяснила, что Андрей Владимирович никогда ничего просто так не подписывает и обычно все рецензии пишет сам. Более того, весь текст книги, который мне возвратили вместе со вступительной статьей, был испещрен карандашными пометками на полях. Отдавая его, Елена Николаевна внимательно на меня посмотрела и сказала: «Первый раз вижу, чтобы Андрей Владимирович так увлекался джазом».

Текст введения к книге, написанный полностью А. В. Брушлинским, очень значим не только для меня, но и для психологической науки в целом. Как всегда, в нем кратко излагались основные мысли яркого психолога XX века, выдающегося ученика и последователя С. Л. Рубинштейна. Особенно приятно было то, что директор ИП РАН отметил перспективность того направления, которое я развивала.

«Исследуемые Н. Л. Нагибиной субъекты — это выдающиеся личности, то есть они максимально развивают свой талант и индивидуальность, добиваясь высоких, общественно значимых результатов. Такое исследование не может быть чисто лабораторным; оно осуществимо только с помощью очень сложных и специфических методов и методик, психологически раскрывающих целостность творца и его творения. Н. Л. Нагибина (вместе с проф. В. А. Барабаншиковым) разработала системно-биографический подход к созданию психологического портрета мастера. Такие психобиографические (и психоисторические) методы исследования людей закономерно выходят теперь на первый план. Именно эти и подобные им методы — по мере их совершенствования (в частности, преодоления описательности) — становятся все более адекватными для изучения жизненного пути человека, целостной уникальной личности, системности творчества во всей его противоречивости» (Брушлинский, 1999, с. 5).

Сейчас я очень сожалею, что не воспользовалась возможностью поучиться у мастера психологии и доработать книгу до идеала — слишком быстро бежала по жизни, решая на ходу многочисленные проблемы.

Литература

- Брушлинский А. В.* Субъект: Мышление, учение, воображение. М.—Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Брушлинский А. В.* Психологический портрет в рамках теории субъекта // *Н.Л. Нагибина.* Мастера российского джаза. Психологические портреты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 3–6.
- Ильясов И. И., Нагибина Н. Л., Намазбаева Ж. И.* Развитие жизнотворчества поликультурной личности XXI века. М.—Алматы—Берлин: Центр развития человека, 2022.
- Нагибина Н. Л.* Мастера российского джаза. Психологические портреты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.

Применение концепции проблемного обучения А. В. Брушлинского в методике преподавания истории психологии*

М. Д. Няголова (Великотырновский университет
им. св. Кирилла и Мефодия, Велико-Тырново, Болгария),
Н. Н. Йорданова (Отдел образования Общины Садова, Садово, Болгария)

Статья посвящена применению подхода проблемности в преподавании истории психологии. Разработана методика преподавания, основанная на принципах проблемного обучения. Ее практическое внедрение привело к повышению качества обучения студентов, а также к проверке результативности концептуальных выводов А. В. Брушлинского о взаимосвязи психологии мышления и методики проблемного обучения.

Ключевые слова: методика преподавания истории психологии, психология мышления, проблемное обучение, проблемная ситуация, мышление как процесс.

Научное творчество Андрея Владимировича Брушлинского (1933–2002) является ярким примером последовательного и верного служения науке, глубины и тщательности фундаментальных исследований проблем любимой ему психологии, стремления к достижению и отстаиванию научной истины. Люди, которые знали его лично, помнят, что он активно принимал участие в научных конференциях, считая, что именно в дискуссиях ученому удастся обосновать и аргументировать собственные взгляды, а также лучше понять целостную позицию своих научных оппонентов. В случаях, когда его критиковали за то, что он не только поддерживает и развивает концепцию С. Л. Рубинштейна, но и всегда подчеркивает ее преимущества по сравнению со взглядами других ведущих психологов того времени, А. В. Брушлинский спокойно отвечал, что он делает все это обоснованно и соблюдает объективность научных фактов.

* Работа выполнена при поддержке научно-исследовательского гранта Великотырновского университета им. св. Кирилла и Мефодия (№ ФСД-31-243-35 / 21.03.2023 г.).

По справедливому замечанию В. В. Знакова, А. В. Брушлинский обладал энциклопедическими знаниями и интересами. «Всю научную жизнь он общался и дискутировал с математиками, биологами, экономистами, юристами, доказывая им не только важность, но и своеобразие психологического знания» (Знаков, 2003, с. 6–7). Междисциплинарный подход был ведущим не только в его исследовательской работе, но и в организации, и руководстве Института психологии РАН, директором которого он был трижды избран за последние 12 лет его жизни. Благодаря этому его научный вклад не ограничивается лишь рамками психологии, а проецируется на гуманитарные и общественные науки в целом.

Согласно исследователям его творчества Т. Ф. Базилевич, В. П. Пономарева и Р. С. Рабаданова, «открытия А. В. Брушлинского в человековедении наиболее отчетливо видятся на расстоянии – в перспективе времени». Основываясь на анализе его книги «Природные предпосылки психического развития» (1977), авторы указывают на особую актуальность разработанных им инновационных феноменов «Субъект деятельности» и «Континуальность органических систем в их отличии от дизъюнктивности «неживых» комплексов». При этом они считают, что именно А. В. Брушлинский, «впервые в политизированной психологии того времени, намечает психотехнологии, оценивающие задатки будущей деятельности, по интеграциям разноуровневых свойств субъекта в поведении, а не традиционно – по отдельным моторным проекциям психических функций» (Базылевич и др., 2013, с. 21).

В дополнение к выводам данного исследования необходимо подчеркнуть, что все большие работы А. В. Брушлинского отличаются инновационным характером на фоне тенденций развития психологической науки того времени. Поскольку он всегда стремился к творческому осмыслению проблем, никогда не относился формально к своей научной работе, его идеи, выводы, взгляды не потеряли своего значения и до сих пор.

В 2023 г. психологическое сообщество отмечает девяностолетний юбилей А. В. Брушлинского. В этом же году отмечаются и памятные даты выхода в свет нескольких его книг: 55-летие книги «Культурно-историческая теория мышления» (1968), 40-летие книги «Психология мышления и проблемное обучение» (1983), 20-летие посмертного издания его труда «Психология субъекта» (2003). Десять лет назад опубликован и перевод на болгарский язык последней книги А. В. Брушлинского – «Психология на субекта» (2013).

Цель настоящей статьи – проанализировать значение книги А. В. Брушлинского «Психология мышления и проблемное обучение» с точки зрения принципа единства психологической теории и практики в контексте его применения к преподаванию университетского курса истории психологии.

В условиях отсутствия разработок конкретных дидактических систем преподавания психологии в болгарских вузах наш интерес направлен на изучение и внедрение принципов проблемного обучения в преподавании истории психологии. Выбор данной методической стратегии усиливается и тем фактом, что в современных научных исследованиях по истории психологии заметно повышается результативность применения проблемологического подхода, предлагаемого Ю. Н. Олейником, в изучении отечественной и зарубежной истории психологии. Таким образом, открывается перспективная возможность согласовать направленность преподавания истории психологии с научными тенденциями ее изучения.

Несмотря на то, что в СССР идеи проблемного подхода в обучении получают свое первоначальное развитие еще в 1970-х годах, и по сей день в российской науке обсуждаются вопросы проблемного обучения. Одна часть исследований посвящена истории изучения возможностей проблемного обучения (Матюшкин, Матюшкина, 2019; Хуторский, 2017). В статье «Проблемное обучение: советский период» А. В. Хуторский проанализировал «явление творческого всплеска в советской школе, которое было вызвано проблемным обучением». По его словам, «система проблемного обучения описана в работах советских дидактиков М. И. Махмутова, И. Я. Лернер, Т. В. Кудрявцева, Д. В. Вилькеева, А. М. Матюшкина, но несколько ранее эту проблему разрабатывают польские ученые – Винсент Оконь (Основы проблемного обучения, 1964) и Чеслав Куписевич» (Хуторский, 2017, с. 1). Автор не проводит конкретного анализа влияния польской дидактической школы на советских педагогов и психологов, но, с другой стороны, упоминает, что начало изучения вопроса о проблемности в обучении можно обнаружить еще в «исследовательском методе Джона Дюи», т. е. в педагогике и психологии функционализма.

Психологическим моделям проблемной ситуации в исторической перспективе уделяют особое внимание А. М. Матюшкин и А. А. Матюшкина. По их мнению, в зависимости от методологии изучения мышления в рамках ведущих психологических школ с мировой из-

вестностью, вырабатываются и четыре типа продуктивных решений проблемных задач (Матюшкин, Матюшкина, 2019).

Наряду с углублением исторических исследований проблемного обучения, существует и другая позитивная тенденция: проведение множества современных теоретических и практических разработок. Большая часть современных исследователей посвящает свои работы обобщению и систематизации тенденций развития проблемного обучения в российском образовании и в странах СНГ. Существенное отличие работ, опубликованных за последние 20 лет, от работ 70-х и 90-х годов состоит в том, что они направлены, прежде всего, на внедрение проблемного подхода в вузовскую методику преподавания. При этом нарастает число преподавателей точных наук и технических дисциплин, которые интересуются применением проблемного обучения в методике преподавания не только в гуманитарных и педагогических университетах, но и в технических вузах. В публикациях сопоставительного характера отмечается, что в зарубежной Высшей школе Нидерландов, Германии, Великобритании, США и других стран широко распространяются принципы проблемного обучения. А. М. Матюшкин и А. А. Матюшкина обосновывают необходимость дальнейшего развития этой актуальной тенденции. По их словам, «начиная с использования проблемного обучения, основанного на проблемном подходе, в школе среднего звена необходимо его дальнейшее применение в системе высшего образования с учетом той специфики, которая обозначена для особого объекта мышления – творческой проблемы» (там же, с. 10).

Перспективность данного вывода получает очередное подтверждение и в практике использования принципов проблемного обучения в условиях преподавания истории психологии. Вузовская методика преподавания истории психологии, ориентированная на проблемное обучение, способствует самостоятельному формированию научных понятий со стороны студентов, стимулирует их аналитико-синтетическую деятельность в направлении творческого решения проблемных задач и разрешения проблемных ситуаций.

Обычно университетский курс истории психологии предполагает свою реализацию посредством двух форм обучения: лекций и семинаров. Подход проблемности применим, прежде всего, к проведению семинаров. Их тематика связана с тематикой лекции, но если лекция соответствует традиционной методической структуре, то проведение семинаров предполагает методику проблемного обучения. Аналити-

ческая и интерпретационная работа студентов с текстами авторских произведений, с критическими текстами историографических работ требует чаще всего организацию семинаров-дискуссий, но в ходе преподавания истории отечественной психологии не исключено и проведение семинара-исследования. В любом случае, однако, проблемная ситуация может иметь эвристический характер только для студентов, но не для преподавателя, задающего ее. С этой точки зрения, разрешение любой проблемной задачи свидетельствует о том, что мышление студента – активного участника проблемной ситуации – всегда является творческим процессом.

Таким образом, практика преподавания истории психологии, основанная на принципах проблемного обучения, подтверждает вывод А. В. Брушлинского «о неразрывности знания и мышления: мышление может развиваться только на основе знаний, и, наоборот, знания могут формироваться лишь на базе мышления» (Брушлинский, 1996, с. 92).

Применение идей А. В. Брушлинского о взаимосвязи психологии мышления и проблемного обучения в методике преподавания истории психологии позволяет преодолеть недостатки «традиционного, сообщающего» вузовского стиля преподавания «готовых знаний». Подход проблемности оптимизирует работу преподавателя в главном направлении его цели – формировании научных понятий у студентов. В результате уровень понимания историко-психологической проблематики со стороны студентов значительно поднимается. Таким образом, интерес к истории психологии вытесняет часто повторяемый постулат о том, что она самая трудная и скучная среди всех психологических дисциплин.

Полученные дидактические результаты подтверждают действенность идей А. В. Брушлинского о разработке методики проблемного обучения в тесной связи с принципами экспериментальной и теоретической психологии мышления.

Мы верим в то, что, хотя трагическая судьба не позволила Андрею Владимировичу довести до конца свою любимую научную работу, будущее покажет вневременную перспективность его психологических идей.

Литература

Брушлинский А. В. Субъект: Мышление, учение, воображение. М.–Воронеж: НПО «Модэк», 1996.

- Знаков В. В.* Слово об Ученом и Учителе (предисловие) // Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003. С. 5–17.
- Базылевич Т. Ф., Пономарев В. П., Рабаданова Р. С.* Развитие идей А. В. Брушлинского в субъектноцентрированном типологическом познании // Человек, субъект, личность в современной психологии. Т. 1 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 21–24.
- Матюшкин А. М., Матюшкина А. А.* Модели проблемной ситуации: проблема продуктивности мышления и обучение // Проблемное обучение: прошлое, настоящее, будущее: коллективная монография в 3 книгах. Кн. 2: Лингво-педагогические модели проблемного обучения / Под ред. Е. В. Ковалевской. Нижневартовск: НВГУ, 2019. С. 3–10.
- Хуторский А. В.* Проблемное обучение: советский период // Вестник Института образования человека. 2017. № 2. С. 19. URL: <http://eidos-institute.ru/journal/2017/200> (дата обращения: 06.07.2023).

Воспоминания о работе А. В. Брушлинского в Российской академии наук

В. Ф. Петренко (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Член-корреспондент РАН Виктор Фёдорович Петренко вспоминает о работе Андрея Владимировича Брушлинского в Российской академии наук.

Ключевые слова: А. В. Брушлинский, Российская академия наук, отделение общественных наук РАН.

Отдавая дань памяти выдающемуся отечественному психологу Брушлинскому Андрею Владимировичу, хочу затронуть его роль в работе Российской академии наук, где до выборов меня в 1997 г. он был единственным психологом, членом-корреспондентом РАН. До Андрея Владимировича из психологов в РАН избирался его учитель – Рубинштейн Сергей Леонидович, учению и памяти которого Брушлинский (как и другая ученица Рубинштейна: Ксения Александровна Абульханова-Славская) был верен всю свою жизнь. До выборов я мало знал Андрея Владимировича. Однако Брушлинский отнесся ко мне вполне доброжелательно, несмотря на то что я являлся учеником Алексея Николаевича Леонтьева, со школой которого у учеников Рубинштейна были существенные расхождения по многим методологическим вопросам. Сам Брушлинский поддерживал на новых выборах талантливого ученого, воспитанника Ярославского университета Дружинина Владимира Николаевича. Блестящий ученый, поэт и организатор науки В. Н. Дружинин имел высокий шанс быть избранным в член-корреспонденты РАН, но присланная в Отделение общественных наук анонимка, упрекавшая его в недостаточном патриотизме в трактовке IQ применительно к способностям разных народов, заставила его выйти из борьбы на выборах в РАН. Весьма жалко, что в лице Дружинина Академия лишилась оригинального и глубоко талантливого ученого.

Андрей Владимирович встретил меня на заседании отделения Общественных наук РАН приветливо, но попросил меня не садить-

ся рядом с ним. Позднее я понял причину этой странной просьбы. На более ранних выборах в РАН Андрей Владимирович выступил на общем собрании РАН против кандидатуры Ю. М. Забродина, которая была одобрена на собрании Отделения общественных наук РАН. Это было нарушение принятых норм и своеобразным вызовом руководству Отделения. Этот поступок закрыл Андрею Владимировичу выборы в академики, и ему было важно продемонстрировать коллегам, что независимый представитель МГУ солидарен с его начинаниями в поддержку в психологии.

Андрей Владимирович сумел пробить для психологов премию РАН им. С. Л. Рубинштейна. Мы с Виктором Знаковым получили ее одними из первых. Другой яркой инициативой Андрея Владимировича было то, что, благодаря его дружеским связям с психологами Франции, им была инициирована поездка группы российских психологов в Париж для общения с французскими коллегами. В составе делегации были О. К. Тихомиров и В. В. Барабанщиков. Поездка была незабываемой. Мы жили в старинном замке под Парижем и участвовали в дискуссии с французами по тематике познавательных моделей. Принимали нас французы очень дружески. Меня удивило то, что французы делали доклады на узком конкретном материале, россиянам же был свойственен более абстрактный и обобщенный стиль как исследования, так и выбор объектов изучения. По-видимому, это общая особенность отечественной науки. Андрей Владимирович сделал блестящий доклад по проблемам мышления, развивая линию С. Л. Рубинштейна о роли субъекта как в целом в психике, так и в процессах мышления.

Окончание прошлого века и начало нынешнего ознаменовались унижением ученых и науки в целом. Тем не менее, мы в университете продолжали тянуть воз науки и образования, получая зарплату, эквивалентную 20 долларам в месяц. Материально тяжело было и сотрудникам Института психологии РАН. Оценивая исключительную честность и порядочность А. В. Брушлинского, сотрудники избрали его в 1989 г. директором Института психологии РАН, а в 1991 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Глубокая порядочность и чувство достоинства достались Андрею Владимировичу от его родителей, философов по образованию, и его предков. Так, его дед был генерал-губернатором одной из южных областей России. Вызывает восхищение преданность дворянина по рождению А. В. Брушлинского делу и памяти его научного ру-

ководителя Рубинштейна Сергея Леонидовича, при еще незабытом в обществе деле о «безродных космополитах». Я узнал о гибели Андрея Владимировича в Алма-Ате, где оппонировал докторскую диссертацию. С трудом поверив в абсурдную, трагическую ситуацию, вылетел в Москву на похороны. Образ Андрея Владимировича, предельно честного и справедливого человека, навсегда останется в моем сердце и в памяти ученых-психологов всего мира.

Формирование дисциплинарного поля отечественной научной психологии первой половины XX века: персонологический аспект

О. Е. Серова (ПИ РАО, Москва)

Представлены результаты инновационного историко-психологического исследования с привлечением неизвестных ранее архивных источников и освоения их информационного потенциала для исторической реконструкции состава персоналий профессионального психологического сообщества и состояния научных исследований тех лет. Благодаря применению интегративной методологии, объединившей возможности источниковедческого и историко-психологического анализа, цели исследования были достигнуты и сформирован новый источник психологической информации – коллекция материалов кабинета истории под руководством профессора Н. А. Рыбникова.

Ключевые слова: история психологии, Н. А. Рыбников, новый источник психологических исследований.

В современных условиях существенного изменения пространственно-временной среды бытования архивного документа задача исследования различных измерений событийного поля отечественной психологии была и остается основной для современных историков психологии. Извлеченные из прошлого достижения теории, методологии, практики экспериментов укрепляют логико-научный фундамент современной науки, приводя ее к открытиям нового уровня, при этом восстановление персонологического аспекта приводит к пониманию реального становления процесса порождения научного знания и его преемственности.

Психологический институт является Памятником культурного наследия с 110-летней историей и обладает коллекцией уникальных документов, представляющих собой подлинные свидетельства состояния научной, организационной и образовательной деятельности отечественных психологов начиная с конца XIX в. Проведенное в 2022 г. сотрудниками группы истории отечественной психологии

исследование «Формирование дисциплинарного поля отечественной научной психологии первой половины XX в.: персонологический аспект» было направлено на овладение информацией, содержащейся (исходно предположительно) в коллекции материалов кабинета истории (под руководством Н. А. Рыбникова), не подвергавшихся ранее научной обработке и неизвестных широкой аудитории.

Для достижения поставленной цели была применена методология поэтапной оценки с использованием методов внешней и внутренней критики источника: атрибутирование, контекстный и синхронный анализ, выработка критериев, интерпретация, историко-психологическая реконструкция.

На этапе внешней оценки атрибуция необработанных архивных источников была проведена по принципу номинального сходства с документами, изначально обладавшими необходимыми атрибутивными признаками. Из разрозненных архивных элементов был составлен единый комплекс исторической информации – «Материалы Кабинета истории психологии», с указанием места и времени возникновения – Психологический институт, 1938–1950 гг. – и автора – чл.-корр. АПН РСФСР, профессора Н. А. Рыбникова. Оценка документов, подлежавших историко-психологическому анализу, привела к выводу о правомерности отнесения их к классу первичных источников информации. Соответствие критерию подлинности предопределило историко-культурную ценность открытых архивных документов и значимость их научного использования в качестве новых источников историко-психологического знания.

Возможность реконструкции любого историко-психологического события обусловлена контекстом и обстоятельствами возникновения источника, поскольку они оказывают прямое влияние на объем, качество и характер информации. В целях предотвращения искажений в последующей интерпретации содержания архивных документов, подготовленных для психологического рассмотрения, был восстановлен исходный контур научно-организационных задач, которые решались в процессе работы Кабинета истории психологии его создателем – профессором Н. А. Рыбниковым, и проведен контекстный и синхронистический анализ.

Н. А. Рыбников впервые поставил вопрос о необходимости изучения истории русской и советской психологии, и с момента организации в 1938 г. кабинета истории психологии под его руководством историко-психологическая работа оформилась в самостоятельную

научную дисциплину в русле общепсихологических исследований — историю отечественной психологии. Кабинет истории психологии выступал куратором всей историко-исследовательской работы Института, так как авторы опирались на исторические материалы, собранные в рамках его деятельности.

В деятельности Кабинета были представлены три крупных аспекта. Научно-исследовательская работа включала три формы исследований: а) историографические исследования, б) историко-психологические исследования, направленные на воссоздание генезиса русской психологической мысли, с привлечением материалов XVIII—XX вв.; в) исследования частных вопросов истории психологии, проводившиеся по запросу различных государственных учреждений.

Архивно-документальная работа была направлена на формирование коллекции материалов научного архива и включала деятельность по собиранию, хранению, систематизации и научному анализу документов по истории психологии и ее современному состоянию. Поступали сюда и личные документы ученых, работавших в разные периоды развития психологической науки. Сведения, почерпнутые из них, служили материалом для написания «Биобиблиографического словаря русских психологов» (1949). К нему были составлены картотека, алфавитный и именной указатели на 750 персоналий за период 1748—1948 гг. Эту работу Н. А. Рыбников считал одной из самых существенных задач работы по истории отечественной психологии (Рыбников, 1952).

Информационно-справочная работа имела целью составление психологических библиографий различных типов. Для обеспечения информационного обмена Кабинет истории психологии проводил работу по объединению вокруг Института психологов из всех регионов страны, поддерживал научно-административные связи со всеми научными центрами СССР.

Таким образом, результаты контекстного анализа и синхронизации источников позволили прийти к выводу, что вновь обретенный комплекс документов прямо соотносим с разделом «архивно-документальная работа» кабинета истории психологии. Контекстно-синхронистический анализ выполнил контролирующую функцию по отношению к ранее сделанным заключениям и приблизил к пониманию потенциала вновь обретенной базы архивных документов как основания для конечной историко-психологической реконструкции.

На этапе внутренней критики источника при изучении содержания документа гарантом непредвзятого отношения к оценке его значимости служило сознание существующего ограничения по признаку культурно-временной дистанции. Яркой отличительной чертой изучаемого комплекса являлось многообразие форм представления информации: в его состав входили автобиографии, тезисы и тексты докладов, научные планы, библиографии, переписка государственных учреждений, справки, докладные записки, ходатайства, личные письма и пр. Обобщающим все это многообразие признаком служила принадлежность конкретному лицу. Интерпретация материала по критерию личной принадлежности позволила выделить персонологический аспект в качестве основного объекта исследования. Отрывочность содержания каждого отдельного источника свидетельствовала о его неполноте, но которая существенно нивелировалась при совокупном рассмотрении документов коллекции по принципу дополнительности. Характер представленной информации в форме документов государственных учреждений позволял констатировать достоверность сведений самого источника. Информация, представленная от первого лица, в форме автобиографий и библиографий обладала потенциалом недостоверности, однако фактор персональной ответственности лица за предоставление некорректных сведений в различные звенья советских государственных учреждений существенно снижал ее уровень.

Таким образом, представленное к анализу комплексное содержание подлинных архивных документов обладало необходимой степенью полноты и достоверности, что позволило восстановить реальную историческую картину по личному составу психологической общности 1920–1950-х годов и специфике научных интересов ее конкретных представителей, отраженной в уникальных и неизвестных современным исследователям источниках информации.

Обобщение и оценка результатов

1. В результате источниковедческой работы был проведен отбор, систематизация, оценка подлинности, определение авторства, времени и места возникновения, анализ и интерпретация содержания документов архива в количестве 2127 листов, и сформирован новый комплексный источник научно-психологического знания – «Материалы Кабинета истории психологии», создателем

и руководителем которого был старейший сотрудник Психологического института, чл.-кор. АПН РСФСР, профессор Н. А. Рыбников.

2. Вновь сформированный источник информации выступил документальной базой для осуществления историко-психологической реконструкции персонологического аспекта дисциплинарного поля отечественной психологии первой половины XX века. Результаты научной реконструкции привели к выявлению 79 персоналий – активно действующих в 1920–1950-е годы психологов, среди которых было выявлено 20 малоизвестных персоналий.
3. В соответствии с содержанием подлинников был проведен тематический анализ и систематизированы данные из области научных интересов психологов тех лет. Тематика исследований за период 1920–1950-х годов распределилась следующим образом: лидирующие позиции занимали исследования по психотехнике и психологии труда – 42 темы; непосредственно к вопросам детской психологии относится 25 тем; по истории психологии 23 исследования; по военной психологии 10 работ и столько же работ, касающихся нарушений различных функций после ранений (10); неврология, психиатрия, умственная отсталость – 16 тем; 12 тем относится к педагогической психологии; 12 тем относятся к психофизиологическим исследованиям; 8 тем по педологии; социальная психология встречается в 4 исследованиях; методологические проблемы рассматриваются в 9 случаях; проблемы марксизма – в четырех. Исследования по сравнительной психологии и зоопсихологии встречаются в 4 темах. Исследования, касающиеся проблем общей психологии: внимание – 4 темы, память – 5 тем, воля – 2 темы, мышление – 4 темы, речь – 3 темы, восприятия – 4 темы, представления (пространственные и зрительные) – 2 темы. Психологии чтения и письма посвящены по 4 темы. Вопросам психологии спорта посвящено 2 исследования, музыкальной психологии – 3, одна из тем – разработка исследования восприятия шрифта. Интересно, что 38% психологов разных специальностей адресовали результаты своей деятельности школе. Места профессиональной деятельности психологов – Москва, Ленинград, Харьков, Одесса, Пермь, Кабардино-Балкария.
4. Архивные документы показали свою уникальность как носители неизвестной информации о защищенных или подготовлен-

ных научных диссертациях, научных публикациях и докладах, относящихся к периоду 1920–1930-х годов.

Литература

Рыбников Н. А. К истории Института психологии. М., 1952. Рукопись. НА АПН. Ф. 47, оп. 1, ед. хр. 73.

Объективная значимость философских спекулятивных определений: «ощущение» в «Философии духа» Гегеля

В. В. Суворов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

В работе устанавливается психологическое содержание понятия ощущения в «Философии духа» Гегеля. Показано, что проведенный Гегелем диалектико-спекулятивный анализ субъективного духа, имеет одним из результатов объективно значимые психологические характеристики понятия ощущения в более широком значении, чем в современной психологии. Сформулированные Гегелем положения представляют исторический интерес, но, кроме того, содержат концептуальные обобщения, применимые для интеграции современных знаний об ощущениях, и могут быть источником концептуальной интерпретации для экспериментальных данных психофизиологических исследований — когнитивных вызванных потенциалов и потенциалов, связанных с событиями. Работа направлена на интеграцию знаний об ощущении в психологии и философии.

Ключевые слова: ощущение, бодрствование, диалектико-спекулятивный анализ, философия духа, вызванные потенциалы.

Выделение психологии в качестве самостоятельной области науки в конце XIX в. имело одним из следствий отмежевание психологии от философии и в этом отношении от широкого концептуального подхода к психическим явлениям. Неудовлетворительность ситуации с определениями ощущения в психологии заключается, в частности, в множественности концептуальных подходов психологов разных школ на природу ощущения: «Термин „ощущение“... лишен исторической достоверности, вне контекста конкретной теории, смена постулатов которой меняет и его значение. В теории В. Вундта, скажем, ощущение означало элемент сознания, в теории И. М. Сеченова оно понималось как чувствование — сигнал, в функциональной школе как сенсорная функция, в современной когнитивной психологии как момент перцептивного цикла и т. д. и т. п.» (Петровский, Ярошевский, 1998, с. 50). Философское исследование Гегеля пред-

ставляет интерес для психологии ввиду целостного подхода с отношением ощущения к двум сферам: сфере ощущений, представляющей определения телесного происхождения и сфере определенностей, возникающих в духе и становящихся ощущаемыми через воплощение (*verleiblicht*, переводится также – отелесивание).

Диалектико-спекулятивное раскрытие ощущения

Понятие ощущения в трактовке Гегеля существенно отличается от других известных определений. Движущим импульсом раскрытия содержания Гегель называет внутреннюю диалектику духа, расщепление единого на противоположности, которые затем оказываются в неразрывной взаимосвязи и переходят одна в другую при этом в ходе «диалектического продвижения от пробуждающейся души к ощущению» (Гегель, 1977) обнаруживается «необходимость спекулятивного рассмотрения для разрешения противоречий» (там же, с. 11).

Гегель отмечает в акте возникновения ощущения при пробуждении души логику идеи, реализующейся в ее природном отчуждении: «Если пробуждение, могло быть названо суждением индивидуальной души... то в ощущении мы можем утверждать наличие некоторого умозаключения и отсюда выводить обуславливаемое ощущением удостоверение состояния бодрствования» (там же, с. 103). Гегель говорит об ощущении как о состоянии, возникающем при физиологическом пробуждении человека ото сна и параллельно с этим в более общем значении, как о достижении духом определенной ступени его раскрытия. Движение духа к ощущению в природной среде происходит по ступеням: «Уже в растении обнаруживается некоторый центр, простирающийся на периферию... некое саморазвитие изнутри вовне... себя порождающее единство» (там же, с. 17). Еще более полное преодоление внешнего отношения частей друг к другу происходит в животном организме: «Вследствие... непосредственной рефлексированности в себя животное есть для себя сушая субъективность и обладает ощущением; ощущение и есть как раз это „вздеприсутствие“ единства животного во всех его членах, которые непосредственно сообщают каждое впечатление единому целому» (там же, с. 18).

В ощущении дух открывает для себя собственные определения через их телесное опосредование, через отрицание себя как другого, возвращаясь от материального мира путем идеализации предметного содержания и себя самого, делая это содержание для себя.

В Антропологии ощущение получает следующее основное определение: «В для-себя-бытии бодрствующей души бытие уже содержится как идеальный момент; она находит... в самой себе, и притом для себя, определенности содержания своей спящей природы... Как определенность это особенное отлично от тождества для-себя-бытия с самим собой и в то же время в простой форме содержится в его простоте — это есть ощущение» (там же, с. 101).

Главными моментами определения являются: во-первых, связывание ощущения с состоянием бодрствования, что означает включенность души во внешний мир, который оказывается причиной и подтверждением пробуждения и возникновения ощущения; во-вторых, имманентность ощущения душе, отнесение ощущения к внутреннему содержанию души, притом что источник возбуждения ощущения может быть внешним, и в-третьих, простота как ощущающей души, так и содержания ощущения, представляющего здесь не в многообразии деталей, а как одно простое: «Каждый индивидуум есть бесконечное богатство определений со стороны ощущений, представлений, знаний, мыслей и т. д.; и тем не менее, я представляю собою нечто совершенно простое, лишенное всех определений вместилище, в котором все это сохранено, хотя и не обладает существованием» (там же, с. 132).

Во «Введении» и затем в разделе «Ощущение» «Философии духа» говорится сначала о связи ощущения с духовным содержанием. В первом отмечается, что религиозное, нравственное и т. д. содержание не могут рассматриваться, как это «может показаться», в качестве особых видов ощущения, из него происходящих; во втором, что «все содержится в ощущении, и... все выступающее в сознании духа и в разуме имеет в ощущении свой источник и свое первоначало... как тот самый первый непосредственный способ, в котором нечто проявляется» (там же, с. 104). Другими словами, духовное не имеет ощущение своим источником, но сознание имеет ощущение источником и способом непосредственного получения содержания из сферы духовного. Гегель поясняет при этом диалектику первичности ощущения — «в низшем, более абстрактном определении высшее оказывается уже содержащимся эмпирически» (там же, с. 14).

Ощущение в акте пробуждения возникает в связи с возбуждением органов чувств, но содержание ощущения происходит не исключительно и непосредственно извне — «то, что ощущающая душа находит в себе, есть... природное непосредственное как идеальное в ней и как ею себе усвоенное» (там же, с. 107). Соответственно этому, Гегель

различает «сферу ощущения, представляющего собой ближайшим образом определение телесности... каковая сфера потому становится ощущением, что она в для-себя-бытии души внутренне создается, вспоминается, и другую сферу возникших в духе и ему принадлежащих определенностей, которые для того, чтобы быть найденными, чтобы стать ощущаемыми, воплощаются (verleiblicht)» (там же, с. 107). В общем значении «процесс ощущения вообще есть здоровое соучастие жизни индивидуального духа с его телесностью» (там же, с. 108).

Особое внимание Гегель уделяет проявлению в форме ощущения содержания духовной сферы, он говорит в этой связи о воплощении в ощущении мыслительных процессов и о целесообразности разработки новой науки — психической физиологии: «Система внутреннего ощущения в его воплощающемся обособлении заслуживала бы того, чтобы быть развитой и разработанной в особой науке — психической физиологии» (там же, с. 108), причем «наиболее интересная сторона психической физиологии состояла бы в том, чтобы подвергнуть рассмотрению... воплощение, которое получают духовные определенности... понять, как ощущается размышление, мыслительная работа в голове как центре системы чувственных возбуждений» (там же, с. 108).

Проведенное рассмотрение позволяет сформулировать частные определения ощущения.

1. Ощущение возникает в акте пробуждения, когда душа как простая самость начинает различать в себе простые определенности собственных особенных состояний. Ощущение находится в неразрывной связи с состоянием бодрствования.
2. Ощущение есть «вездеприсутствие» единства живого существа во всех его членах, которые непосредственно сообщают каждое впечатление единому целому.
3. Ощущение характеризуется для души простотой, в то время как содержание ощущения обнаруживается в «расширении ощущения до предчувствующей души».
4. Ощущение относится к двум сферам: сфере ощущений, представляющей определения телесного происхождения, и сфере определенностей, возникающих в духе и становящихся ощущаемыми через воплощение.
5. Конкретизация перехода духовного содержания в доступное ощущению воплощение относится к области «психической физиологии».

6. К осязаемым определенностям духовной сферы относится также «мыслительная работа».

Психофизиологические корреляты ощущения

Фундаментальное значение для изучения динамики и установления определенных фаз психических процессов приобрели методы косвенного измерения электрической активности мозга путем регистрации сигналов с датчиков, располагаемых на поверхности кожи головы – методы вызванных потенциалов (ВП), когнитивных вызванных потенциалов (КВП) и связанных с событиями потенциалов мозга (ССП) (Гнездицкий, 2003; Джос, Калинина, 2018). В основе методов лежит снятие электроэнцефалограммы, которая обрабатывается специальными аппаратными средствами и математическими методами. Речь идет об обработке совокупности результатов многократно произведенных однотипных измерений. Результатом обработки становится график, на котором выделяются максимумы, синхронизируемые во времени с определенными событиями посредством привязки, с одной стороны, к производимым внешним воздействиям (вспышки света, предъявляемая информация и др.) и, с другой – к ответной реакции испытуемых (нажатие кнопки, голосовой ответ и др.).

Наличие определенных экстремумов на графике, их временные задержки, амплитуды и полярности позволяют заключить о подтверждении сформулированных в предыдущем пункте статьи пунктов определений ощущения.

- Синхронность (0,1–0,3 с) сигналов от рецепторов, вызывающих ощущение с регистрацией фазы активности нервной системы, соответствующей бодрствованию, в момент пробуждения служит подтверждением неразрывной связи пробуждения и появления ощущений (п. 1 Определений).
- Характерный «максимум» в графике регистрации ВП через примерно 0,3 с, опережающий осознание ощущения, возникает при любой модальности раздражения и указывает на универсальный механизм получения центром сигналов с периферии (п. 2).
- Наличие в графике ВП компонентов, относящихся к последовательно наступающим фазам ощущения и восприятия, имеет для любых воздействий первый компонент, означающий «простой» (недифференцированный) факт наступления события (п. 3).

- Сходство параметров соответствующих максимумов на графиках для сенсорного возбуждения (ВП) и для принятия интеллектуального решения (когнитивный вызванный потенциал, КВП) указывает на общность психических механизмов, регистрирующих события в телесной и ментальной (умственной) сферах (п. 4 и п. 6).
- Открытие метода ВП, ССП и других экспериментальных методов, включая визуальные, является демонстрацией существования психофизиологических механизмов, коррелированных с «воплощением» (п. 5 Определений).

Заключение

Трактовка понятия ощущения в «Философии духа», в отличие от трактовок, следующих из других известных определений, дается Гегелем посредством раскрытия общего принципа в ходе диалектико-спекулятивного исследования. Проведенное рассмотрение демонстрирует, что результаты диалектико-спекулятивных исследований имеют, с одной стороны, корреляты в экспериментальных результатах психофизиологических исследований, а с другой, представляют концептуальную семантику для интеграции знаний об ощущении и моделей и методов исследований в областях философии, психологии и психофизиологии.

Литература

- Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977.
- Гнездицкий В. В.* Вызванные потенциалы мозга в клинической практике. М.: МЕДпресс-информ, 2003.
- Джос Ю. С., Калинина Л. П.* Когнитивные вызванные потенциалы в нейрофизиологических исследованиях (обзор) // Журнал микродико-биологических исследований. 2018. Т. 6. № 3. С. 223–235.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.

К вопросу об историческом времени в психологии*

Е. В. Харитонова (ИП РАН, Москва)

В статье представлены особенности понимания исторического времени в рамках исторической психологии. Показано, что для анализа конкретного исторического времени необходимо рассматривать исторические события, произошедшие в данный отрезок времени, также определять связь исторического события с исторической личностью, оказавшей непосредственное влияние на них. Представлено, что еще одной из значимых существенных характеристик психологического исторического времени являются особенности мировоззрения и образа жизни людей этого времени. Историческое время является одной из детерминант индивидуального психического развития человека.

Ключевые слова: историческая психология, историческое время, историческое событие, историческая личность, мировоззрение, образ жизни.

Историческая психология изучает особенности психологических проявлений в конкретном культурном макровремени или истории, которые также называют историческим временем. Сложность в понимании исторического времени в рамках исторической психологии заключается в том, что терминологически это понятие не имеет четкого определения, и, кроме этого, в истории, философии, социологии и других социогуманитарных науках одновременно существует множество определений, и в некоторых случаях понятия «социальное» и «историческое» время не различаются.

Концепция «социального времени» впервые была рассмотрена в работах Э. Дюркгейма, в которых особенно выделяется ритмическая природа социальной жизни, организация общества посредством временных ритмов, важным представляется то, что все члены общества обладают общим временным сознанием, а само время выступает продуктом коллективного сознания. Далее понятие «соци-

* Работа выполнена в соответствии с Госзаданием № 0138-2023-0001.

альное время» более детально описано в трудах П. Сорокина в его работе «Системы социологии», где было впервые введено это понятие, концепт «время» рассматривается в рамках социокультурных трансформаций. Социальное время характерно для определенного социокультурного контекста, оно детерминирует дальнейшие изменения в обществе, формирует историческое сознание общества.

Тесная взаимосвязь социального и исторического времени подчеркивается в работах многих историков, например в исследованиях Т. П. Лолаева. Он полагает, что историческое время можно называть социально-историческим. Для Г. И. Герасимова «историческое время» — это одна из разновидностей времени, используемая для создания образа прошлого. Его особенности определяются объектом истории — прошлым, а также теоретическими особенностями построения образа прошлого в конкретную мировоззренческую эпоху. Время и его основные характеристики имеют исторический характер и определяются главными мировоззренческими идеями эпохи и историка. Историческое время в истории рассматривается как определенное время, но выраженное в макромасштабах социального движения, с точки зрения исторических событий, этим подчеркивается тесная взаимосвязь между историческим временем и историческим событием (Герасимов, 2018).

Таким образом, значимой характеристикой исторического времени, которая определяет его специфику, являются исторические события, хронологически с ним связанные. Историческое событие также в науке не имеет однозначной трактовки, обозначим такое событие следующим образом: произошедшее в прошлом, имеющее установленные временные рамки или конкретную дату, а также значимое для определенного социума, влияющее на его изменение и развитие. Историческое событие влияет на всех вместе и каждого человека в отдельности, оно определяет все сферы общества, влияет на их функции и формы. Историческое событие может коренным образом повлиять на все общество, изменить образ жизни людей, оно остается в общественном сознании, и далее его влияние отражается в особенностях мировоззрения людей.

Понятие «историческое время» в исторической психологии, следовательно, включает в себя такую обязательную характеристику как историческое событие, которое, в свою очередь, вводит еще несколько значимых характеристик: мировоззрение и образ жизни, сложившиеся в конкретное время. Можно сделать вывод, что истори-

ческое время зависит от главных мировоззренческих идей, которые господствуют в то или иное время в данном обществе.

Историческим событиям присущи определенные характеристики: они неразрывны хронологически, их невозможно изменить; исторические события связаны с конкретным историческим временем; значимость исторического события относительна, она зависит от интерпретации наблюдателя, связана с его представлением о нем.

Исторические события осуществляются массами людей, которые движимы определенными интересами или идеалами, но во главе подобных событий или непосредственным исполнителем (например, полет Ю. А. Гагарина), их духовными вдохновителями обычно являются те или иные исторические личности. Эти исторические личности оказывают большее или меньшее влияние на ход, а иногда и на исход исторических событий.

Понятие «историческая личность» обычно отражает связь деятельности конкретного человека с крупными историческими событиями, на ход которых он накладывает свой индивидуальный отпечаток. Деятельность исторических личностей можно оценить с обязательным учетом особенностей исторического периода, морального выбора личности, его духовно-нравственными ценностями, определяющими данный выбор. В данном контексте понятию «историческая личность» наиболее соответствует понятие «выдающаяся личность» или «великий человек», данное Г. В. Плехановым: «Великий человек велик не тем, что его личные особенности придают индивидуальную физиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшим под влиянием общих и особенных причин» (Плеханов, 1955, с. 334).

Тесная связь с историческим временем на уровне отдельной личности подчеркивается в работах Б. Г. Ананьева, К. А. Абульхановой, Г. М. Андреевой. «Связь с концепцией времени, существующей в определенную эпоху, рождает в личности ощущение, что индивидуальная жизнь не ограничена рамками непосредственного существования, но должна быть рассмотрена в историческом масштабе» (Андреева, 2000, с. 193).

Человек соотносит свою жизнь с характеристиками того исторического времени, в котором он находится. «Его освоение означает в том числе адекватное использование социальных ролей, востре-

бованных временем, т.е. способствует тому, чтобы лучше вписаться во время своей эпохи» (там же, с. 194).

Историческое время создает смыслы и ценности, определяет траекторию развития личности. «Историческое время, как и все общественное развитие... есть фактор первостепенного значения для индивидуального развития человека. Все события... всегда располагаются относительно к системе измерения исторического времени. События в жизни отдельного народа и всего человечества... определяют даты исторического времени и конкретные системы его отсчета» (Ананьев, 2001, с. 84).

Для исторической психологии представляют интерес не сами события, происходящие в то или иное время, а историческая детерминация этих событий, обусловленная историческим временем. Именно в таком контексте понимается «историческое время» в рамках исторической психологии, как взаимосвязь конкретных исторических событий, обуславливающих психику человека: «...историческая психология исследует психический мир человека в его обусловленности историческим временем; она изучает особый класс детерминант — историческую детерминацию психики индивидуально и коллективного субъекта; рассматривает человека как носителя исторических норм и ценностей, объекта и субъекта исторического процесса» (Кольцова, 2011, с. 86).

Историческое время, как следует из вышеизложенного, связано не столько с календарным временем, на которое человек не имеет возможности воздействовать, а более с теми идеями, ценностями, общественными настроениями, которые определяют мировоззрение и образ жизни, именно в силу этого отдельные временные промежутки, благодаря особой активности людей, увеличивают ценность единицы исторического времени. Такое «историческое время» более насыщено событиями, социальными явлениями, действиями, нежели другие, и поэтому представляется более продолжительным.

Таким образом, понимание психологического исторического времени требует изучения исторических событий, исторических личностей, мировоззрения и образа жизни в конкретный исторический период. В заключение отметим, что только такой комплексный анализ исторического времени может позволить исследователю наиболее точно реконструировать особенности психологии индивидуального или группового субъекта в изучаемый исторический отрезок времени.

Литература

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.

Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000.

Герасимов Г. И. Историческое время // *Философия и культура*. 2018. № 4. С. 28–38.

Кольцова В. А. Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ // *Психологический журнал*. 2011. Т. 32. № 3. С. 85–95.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 т. Т. 2. М., 1956.

К вопросу о первоначальной форме психического

М. Г. Чеснокова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Автор обращается к проблеме элементарной формы психического и ее решению в культурно-деятельностном и экзистенциальном подходе. Рассматриваются различия в позициях по этому вопросу Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и П. Я. Гальперина, а также современная версия А. Д. Майданского. Констатируется трансформация вопроса об исходной форме психического в вопрос об исходной форме существования в экзистенциальном подходе. Отмечается, что онтологизация психологической проблематики ведет к фактическому упразднению проблемы развития психики в современной психологии.

Ключевые слова: первичная форма психического, деятельность, сознание, смысл, существование, жизненная ситуация.

Вопрос о первичной форме психического возник в психологии на определенном этапе ее становления и был неразрывно связан с утверждением в науке принципа развития. Перед психологами встала задача проследить развитие психики от начальных форм до самых высших. Это была чисто общепсихологическая задача. Поэтому ни одна из частных, по определению Л. С. Выготского, психологических дисциплин (зоопсихология, возрастная психология и т. п.), ограниченных определенным полем исследований, не могла претендовать на ее решение. Это было под силу только общепсихологической теории. Диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному, основанный на выделении «клеточки», казалось, гарантировал возможность реконструкции возникновения и связи психических явлений, фактически разделенных между различными направлениями психологии. Культурно-деятельностная психология впервые поставила вопрос об исходной форме психического во главу угла.

Наиболее известна в этом плане позиция А. Н. Леонтьева, представленная в его монографии «Проблемы развития психики». Элементарной формой психики он считает ощущение как отражение внеш-

ней действительности, или чувствительность. Свое решение вопроса он предваряет противопоставлением двух точек зрения на проблему начальной формы психического. Первая связывает возникновение психики с отражением собственных состояний организма – зачаточное самосознание. Подобного взгляда придерживался, в частности, В. М. Бехтерев. Вторая – с отражением внешней среды. Леонтьев разделяет вторую, выделяя соответствующие стадии развития психики: сенсорная (отражение отдельных свойств), перцептивная (отражение предмета в целом), стадия интеллекта (отражение отношений между предметами).

С. Л. Рубинштейн, в целом разделяя позицию Леонтьева о том, что сознание внешней действительности предшествует развитию самосознания, в вопросе об исходной форме психического стремится рассуждать как истинный диалектик, выводящий развитие из противоречия, лежащего в основе изучаемого явления. Психическое, утверждает он, есть единство субъективного и объективного. Психический акт представляет собой отражение действительности (объективное) в его значении для индивида (субъективное) (Рубинштейн, 2002). Развитие психики идет по пути размежевания субъективного и объективного. Объективный аспект психического дает начало развитию познавательной сферы личности. Субъективный же составляет основание развития аффективной и волевой сферы. Как мы видим, в своих рассуждениях Леонтьев и Рубинштейн исходят из одного общего основания, рассматривая психику как форму отражения. При этом предполагается, что психическое отражение (психика) обладает собственным развитием. И здесь мы сталкиваемся с реальным противоречием, поскольку либо психика – это только отражение действительности, и тогда она не имеет собственных законов развития, но только законы отражения, либо, если такие законы все-таки существуют, мы возвращаемся к субстанциональной трактовке психического, заявленной еще Декартом.

Попытку преодолеть это противоречие предпринял П. Я. Гальперин. Во «Введении в психологию» он выделяет две формы психического отражения: 1) отражение внутренней среды индивида в виде потребностей, ощущений удовольствия/неудовольствия, «общего чувства»; 2) отражение внешней среды в чувствах, образах и понятиях. Здесь обращает на себя внимание, что Гальперин, во-первых, не противопоставляет эти две формы отражения и не ставит вопрос о том, какая из них является первичной, а во-вторых, «парадоксаль-

ным» образом относит ощущения к внутреннему отражению, а чувства — к внешнему. В отличие от Леонтьева он не берется проследить развитие форм психического отражения. А сущность психического определяет как действие на основе образа, где его интересует именно развитие действия, выполняющего различные задачи в случае восприятия, мышления, памяти и т. д., а не развитие образа, выступающего в этом действии в роли средства. Тем самым, с одной стороны, снимается знак равенства между психикой и психическим отражением, а с другой, преодолевается противоречие между психикой и деятельностью. Деятельность на основе отражения и есть психическая деятельность.

Особый интерес представляет в данном контексте позиция Л. С. Выготского. Основной пафос его главной методологической работы «Исторический смысл психологического кризиса» (1927) был направлен на утверждение необходимости изучения объективного процесса возникновения психического отражения («кажмости»). В этом смысле теория филогенеза А. Н. Леонтьева, утверждающая зависимость психического отражения от развития и усложнения структуры деятельности, полностью соответствовала направлению исследований, намеченному Выготским. Однако она в определенном смысле сохраняла и дуализм деятельности и психики как ее отражения. Вопрос об исходной форме психического не являлся для Выготского основополагающим. В своем исследовании он, как известно, руководствовался принципом: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны». И если развитое сознание имеет системное и смысловое строение, то отправной точкой развития является не дифференцированная на функции форма психического. Уже представители Лейпцигской школы (Ф. Крюгер, Х. Фолькельт, Ф. Зандер и др.) обнаружили наличие у младенцев диффузных переживаний, которые они назвали комплекс-качествами. У Выготского переживание не просто лежит в начале развития, оно маркирует ключевые переломные моменты в отношениях индивида с миром. Структура сознания инертна, ее перестройка требует времени. Переживание мгновенно схватывает основные смысловые изменения жизненной ситуации человека. Леонтьев критиковал Выготского за недоучет вторичной, отражательной природы переживания по отношению к деятельности. Однако у Выготского переживание соотносится не с деятельностью (которая как раз способствует дифференциации психики), а с общей социальной ситуацией развития, изменение которой ведет к необхо-

димости перестройки всей системы деятельностей. Ф. Е. Василюк показал, что наиболее острые негативные переживания возникают как раз в условиях кризиса сложившихся форм деятельности и невозможности их дальнейшего осуществления. Переживание отражает эту невозможность, утрату прежних смыслов («переживание-созерцание»). Поворотным моментом является переход переживания в активную фазу, связанную с поиском и формированием новых смыслов («переживание-деятельность»), на основе которых складываются новые виды деятельностей. Соответственно, и здесь мы видим элементы ориентировочной деятельности, в которой Гальперин видел сущность психики.

А. Д. Майданский, синтезируя идеи Выготского, Леонтьева и Спинозы, принимает за отправную точку развития психики аффект. Аффект отражает не предмет, а деятельность с предметом и представляет собой такое состояние живого тела, вследствие которого увеличивает или уменьшается деятельностный потенциал этого тела. Простейшим аффектом является желание, которое выполняет в предметной деятельности ориентировочную функцию. По отношению к предмету восприятия аффект выступает как образ, по отношению к субъекту восприятия — как эмоция (Майданский, 2021).

Экзистенциальный подход смещает фокус внимания с проблемы отражения мира в голове человека на проблему его существования в мире. Для М. Хайдеггера исходной формой существования является настроение как определенный способ расположения по отношению к предметам, событиям и людям (Хайдеггер, 2013). В качестве базовых настроений, преобладающих в современном обществе, он выделяет тревогу и скуку. Эти настроения пробуждаются именно тогда, когда индивид по каким-то причинам выпадает из деятельности, либо эта деятельность больше не несет гарантий его существования, либо вступает в противоречие с его внутренними интенциями. Такая деятельность не только не способствует развитию человека, она переживается им как феноменологическая смерть. Единицей существования в экзистенциальном подходе выступает переживание, но не как отражение происходящих событий, а как их претерпевание-переживание. Последнее оказывается близко понятию переживания-деятельности Василюка.

Выготский, Леонтьев и Рубинштейн были единомышленны в том, что переживается то, что имеет для индивида смысл. Однако сам смысл выступал для них компонентом сознания. Согласно Ю. Джен-

длину, смысл ситуации мы не столько осознаем, сколько ощущаем, поскольку включены в нее целиком как материальные, телесные существа. «Чувствуемый смысл» составляет источник переживания. Разворачиваясь, скрытые в нем интенции могут приобретать самые разнообразные формы: образ, эмоция, мысль, межличностное взаимодействие (Джендлин, 2000).

По мнению А. А. Пузыря, основная заслуга Выготского состояла в открытии, что сама по себе человеческая психика не имеет собственных законов развития. Она развивается постольку, поскольку ее развивают (Пузырей, 2005). Однако совершив это открытие, Выготский продолжал говорить о развитии высших психических функций и сознания. В деятельностном подходе принцип развития окончательно уступил место принципу формирования психики. Исследование критических ситуаций и личностных кризисов показало, что идея формирования также имеет свои границы. Вопреки мысли Выготского развитие/формирование психики не имеет «вершин». Достижение вершин развития в рамках одной деятельности или системы отношений нередко терпит крах при переходе к другой. Онтологизация психологической проблематики привела к фактическому упразднению проблемы развития психики из психологии, уступив место вопросу об особенностях ее функционирования в той или иной жизненной ситуации.

Литература

- Джендлин Ю.* Фокусирование. Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями. М.: Класс, 2000.
- Майданский А. Д.* Эволюция психики: предметная деятельность и аффект // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. Т. 7. № 3. С. 68–81.
- Пузырей А. А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
- Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики. СПб.: Владимир Даль, 2013.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Личность в работах М. М. Бахтина: в поиске решения цивилизационных вызовов

В. Г. Аникина (МГППУ, Москва)

На основе анализа философских и научных дискурсов об особенностях современной цивилизации, очерчивается круг проблемных областей — цивилизационных вызовов, которые для своего решения требуют философского осмысления феномена личности и разработки нового «антропологического проекта» (В. М. Розин). Для поиска решений поставленной проблемы предлагается обратиться к потенциалу философской антропологии М. М. Бахтина. Были выделены основания для описания личности (по М. М. Бахтину) и определены направления возможного решения цивилизационных вызовов.

Ключевые слова: цивилизационный вызов, личность, поступок, диалог, рефлексия.

В кризисном периоде человеческой цивилизации понимание особенностей отношений, которые складываются между личностью и обществом, личностью и культурой занимает центральное место в современных философских и научных дискурсах (Вопросы философии, 2021). Анализ философских и научных публикаций по данному вопросу (В. Г. Буданов, И. А. Герасимова, В. И. Добренъков, В. В. Знаков, Л. П. Киященко, И. Т. Касавин, В. Е. Лепский, В. В. Миронов, А. Г. Маленко, О. Г. Нестеров, Л. А. Никифоров, С. Н. Петросьян, П. А. Поломошнов, В. М. Розин, З. И. Рябикина, А. А. Сомкин, Е. А. Сергиенко и др.) позволил выделить широкий спектр проблем, которые представляют собой современные цивилизационные вызовы как культуре и обществу, так и личности:

- необходимость минимизации негативных последствий научно-технического прогресса; обновление «смыслового проекта культуры» на основе современных технологий (В. М. Розин); исследование и ограничения применения ИИ, с учетом парадигмы жизнедеятельности и развития социальных систем (В. Е. Лепский); поиск границ демаркации «человек—ИИ» (В. Г. Буданов);

- решение проблем коммуникации на разных уровнях, сохранение глубины межличностного общения (В. В. Миронов);
- снижение воздействия на сознание человека техногенной среды (И. А. Герасимова); нивелировка фрагментарности («клиповость») мышления (В. В. Миронов);
- трансформация социума и коллективного сознания (И. А. Герасимова);
- изучение последствий цифровизации для личности и поиск конструктивной нивелировки этих последствий (цифровой аутизм, притупление физиологической, эмоциональной и духовной чувствительности личности); формирование новой идентичности человека (В. М. Розин, И. А. Герасимова, Л. П. Киященко, В. В. Знаков и др.);
- перезапуск диалога человека и природы; наделение природы равным с человеком агентно-субъектным статусом (В. И. Аршинов); разработка ноосферной этики и культуры; формирование чувства геосолидарности и ответственности перед будущим (И. А. Герасимова).

Анализ выделенных проблем показывает, что ведущим цивилизационным вызовом является необходимость построения нового «антропологического проекта» (В. М. Розин) – формирование «нового проекта» личности. Стержнем новой личности должны стать обновленные цивилизационные смыслы и ответственность на уровне глубинного смыслообразования, задающие новую идентичность человека.

В то же время остается открытым вопрос о причинах «неподготовленности» современной личности к современным глобальным изменениям в обществе и культуре. Ответ на данный вопрос обращает нас к философским системам, в рамках которых личность и общество рассматриваются с позиций их фундаментальной взаимосвязи. В современной отечественной философии можно увидеть разработку таких моделей (Сомкин, 2011), в рамках которых осуществляется обращение к потенциалу философской антропологии М. М. Бахтина.

«Расколотовость», безответственность человека – с одной стороны, а с другой – непричастность к культуре, потеря связи культурных (объективных) и субъективных (личностных) смыслов – вот те источники (по М. М. Бахтину) беспомощности личности, ее пассивного принятия объективных смыслов культуры, безответственного подчинения ему. В целом, можно говорить о том, что уже в начале XX в. философ описал личность посттехногенной цивилизации.

В работах М. М. Бахтина мы находим не только объяснения формирования такой личности, но и условия, факторы, которые «рождают» иную — творческую, ответственную, поступающую личность. Понимание бытийных оснований ее появления, позволит увидеть возможность решения основного цивилизационного вызова — построения «нового проекта личности».

Для понимания того, как возможно единство личности и культуры в условиях современной посттехногенной цивилизации, обратимся к основным положениям философской антропологии М. М. Бахтина.

С точки зрения философа, бытие человека представляет собой единственное единство — уникальное и неповторимое пребывание в этом мире, которое характеризуется своей возможной установкой на «раскрытие» бытия со своего уникального места. Он отмечал, что само бытие — действительный единый мир, изначально обладает пассивной автономностью. Объекты культуры (искусство, наука) являются «носителями» объективного смысла, могут обладать содержательно-смысловой значимостью для человека, но не являются еще раскрытыми, т. е. еще не стать субъективными, принадлежащими субъекту. Раскрытие объективного смысла бытия возможно только человеком, так как он обладает долженствованием — установка сознания на поступление.

Важнейшей категорией философии М. М. Бахтина является поступок. Человек, обладая долженствованием, в ответственном акте-поступке, в своей активности «свершает» бытие в бытии-событии, тем самым раскрывая смыслы культуры. В поступке соединяется объективный смысл и субъективный процесс. Предмет культуры в поступке приобретая эмоционально-волевой тон, утверждается для личности как ценность и тем самым приобретает для нее внутренний смысл. Поступок человека проявляется в различных формах: и как реальное действительное действие, и как сказанное слово, помысленная мысль и т. д. Бытие человека свершается в акте-поступке, обнаруживается и осознается только благодаря диалогической природе отношений между Я и Другим. Диалог — признание инаковости я и другого, взаимная любовная устремленность (ценностное отношение) друг к другу, любование другим.

Определяя личность как единственное единство человека, осуществляющее долженствование в поступке, философ определяет ее базовые характеристики: она объединена внутренним смыслом от-

ответственности и вины. Связующий смысл ответственности и есть та основа, которая объединяет области человеческой культуры в личности. Однако, отмечал философ, то, какой будет личность задается архитектурой ее поступка. Архитектура поступка определяет отношение личности к миру и ее же формирование. В работах М. М. Бахтина (Бахтин, 1994) выделяется три типа отношений: Я-для-себя, Другой-для-меня (диалогическое отношение); Я-для-Другого (диалогическое отношение). Это эмоционально-волевые центры, относительно которых выстраиваются пространственно-временные и содержательно-смысловые ценности (культуры, действительной жизни) и отношение личности к бытию.

В зависимости от того, как выстраивается человеком архитектором его поступка, можно говорить (по М. М. Бахтину) о формировании двух типов личности.

Механическая личность (отношение к миру – Я-для-себя). Она объединена смысловым содержанием (внешним), которое отвлечено от акта-поступка. Для нее характерны – определенность, предопределенность, завершенность, безответственность, ориентировка на прошлое. Такая личность становится «индифферентной», «принципиально готовой к теоретическому бытию» (Бахтин, 1994).

Ответственная личность (отношение к миру – Я-для-Другого и Другой-для-меня). Личность осуществляет ответственное должностное в поступке. Ответственный поступок определяется своей непоправимостью, невозвратностью, «безысходностью», входом в единственность раз и навсегда в своей правде (единая и единственная). Особенностями ответственной личности является ее абсолютная произвольность (ответственно-произвольная), абсолютная новизна и творчество.

Данный тип личности формируется на основе диалогических отношений, которые формируются между Я и Другим. В моменте сборки «души» Я участники не теряют своего единственного и уникального места, но обогащают себя, не остаются равными себе. М. М. Бахтин описал процесс познания личности и открытия себя Другим. Мы выделили этапы и затем модель данного процесса, обозначив его понятием – диалогическая модель рефлексии.

Рефлексия – это процесс создания цельного, объемлющего, ценностно значимого видения человеком самого себя, диалогически пережитого в категории «Другой-для-меня», «Я-для-Другого», но не в категории «Я-для-себя» (Аникина, 2019).

Рефлексивный процесс познания Я и Другого представляет собой последовательность следующих этапов: «встреча» Я и Другого, возникновение ценностного отношения друг к другу; «вопросание» Я к Другому; «перемещение» Другого на позицию Я, ценностное рассмотрение его мира изнутри, определение смысловых границ Я (эстетическое созерцание); «возвращение» Другого на «свою» позицию; восполнение Другим кругозора Я, тем избытком знания, которое было получено (эстетический поступок); принятие Я нового видения, понимание своей уникальности, неповторимости, единственности и целостности.

В своей работе мы отмечали (Аникина, 2019), что диалогические идеи М. М. Бахтина позволяют нам выйти за горизонт реальных отношений между людьми, живущими здесь и сейчас. Диалогическая модель рефлексии, позволяет рассматривать диалог между Я и культурно-историческим Другим.

Итак, анализ работ М. М. Бахтина позволил нам определить понятие личности, выделить основания, которые обуславливают ее существование в бытии. Прделанный анализ позволяет наметить условия решения основного цивилизационного вызова.

1. Формирование установки на осознание уникальности и единственности бытия личности, ее бытийной активности в раскрытии культурных смыслов.
2. Принятие данной установки задает нравственный характер бытия личности и тем самым — ответственность за свое бытие, за бытие мира культуры и природной среды.
3. Ориентация на диалог. Единство личности возможно в диалогическом типе отношений между Я и Другим. Диалог предполагает признание ценности Другого как основы своего единственного и единичного бытия.
4. Понимание значения ответственного поступка в бытии человека — как основания для единства бытия.
5. Развитие и формирование рефлексии личности, которая основывается на диалогическом, ценностном отношении Я и Другого.

Литература

Аникина В. Г. Идея диалогизма М. М. Бахтина в разработке модели рефлексии // Межкультурный диалог и вызовы современности:

другость и инаковость в своем и родном: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (19–21 апреля 2019 г.). Орёл, Российская Федерация–Комрат, АТО Гагаузия, Республика Молдова / Под общ. ред. В. П. Степанова, С. М. Губаненковой. Орёл: Модуль-К, 2019. С. 94–98.

Бахтин М. М. К философии поступка // Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 9–68.

Вопросы философии. 2021. № 11. С. 35–76.

Сомкин А. А. Целостная личность и современный социум: единство и оппозиционность: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2011.

Метамодерн: современные парадигмальные тенденции в общественной жизни и науке*

Н. В. Борисова (ИП РАН, Москва)

В статье рассматриваются некоторые особенности следующего за эпохой постмодерна и все более отчетливо проявляющегося исторического периода, именуемого современными исследователями «метамодерном». Особое внимание уделено такой тенденции, как поиск утраченных человечеством в более ранние исторические периоды сверхсмыслов, искренности и простоты. Данная тенденция является результатом разочарований в ценностных установках постмодерна и реакцией на многочисленные современные цивилизационные и антропологические угрозы. Постепенно она дает о себе знать в таких сферах, как искусство, архитектура, литература и др. В статье предпринята попытка предугадать направления ее реализации в психологии.

Ключевые слова: методология, постмодерн, метамодерн, духовно-нравственная психология, историческая психология, новая простота, новая искренность.

Метамодерн как мировоззренческие «колебания» глобального характера

Наиболее востребованная, обсуждаемая в мировом пространстве философская рефлексия относительно характеристик метамодерна — следующего за эпохой постмодерна и все более отчетливо проявляющегося исторического периода — предложена европейскими исследователями Робином ван ден Аккером и Тимотеусом Вермюленом (Ван ден Аккер, 2019). Ключевым понятием, на которое опираются авторы, выстраивая свой оригинальный анализ, является «осцилляция» (*лат. oscillum* — колебание, раскачивание). Обращение к нему позволяет описать динамику современных глобальных общественных процессов политического, экономического, культурного, духовно-

* Исследование проводилось в соответствии с государственным заданием № 0138-2023-0001.

нравственного уровня. Речь идет о колебаниях между двумя полюсами – постмодернистским и допостмодернистским, иронией и энтузиазмом, сарказмом и искренностью, эклектичностью и чистотой, разрушением и созиданием и т. д. (Интервью..., 2023).

Провозглашенная Ф. Фукуямой концепция «конца истории» отражала общее направление деятельности западных политических сил. Суть политико-экономической жизни эпохи постмодерна заключалась в «центризме», «третьем пути» (там же). Тогда «левые и правые могли сойтись на золотой середине <...> провозглашался вечный, непоколебимый политический диалог, основанный на соглашении, что культурный либерализм и неолиберальный экономизм способен решить все <...> проблемы» (там же). Сегодня имеет место уход от данного центризма и сопутствующей ему относительной стабильности к расшатыванию и непрерывному движению. Парламентские центры демонстрируют «абсолютную разрозненность», очевиден подъем правого популизма и стремительное распространение левых идей (там же). По мнению авторов, радикализация левых и правых политических сил будет усиливаться.

В постмодернистском «конце истории» торжествовали сомнение, «бесконечная регрессия» и деконструкция, обесценивалось диалектическое мышление (там же). Заботы общества потребления сводились к достижению собственного комфорта. Постепенно постмодернистская лексика все более демонстрирует неспособность справиться с изменившейся социальной ситуацией. Авторы пишут о затухании целого ряда «постмодернистских импульсов», особое внимание они уделяют таким сферам, как искусство, архитектура и литература. Осцилляция как преодоление устойчивых позиций возрождает интерес к диалектике. В обществе проявляется мировоззренческое противостояние, «борьба с преодолениями и жертвами» (там же). «Все устремилось в будущее, которое мы пока что не способны осмыслить – оно скрывается за поворотом» (там же).

Поиск сверхсмыслов, искренности и простоты

Робин ван ден Аккер отмечает и такую тенденцию, как «новоявленную страсть» к «мистическим смыслам», духовности и религии (там же). В искусстве, например, она явлена в направлениях, называемых «новая простота» или «новая искренность». Объясняет исследователь данную тенденцию неудовлетворенностью сложившейся

ситуацией, потребностью в стабильности. Он понимает ее как некое отвержение осцилляции, желание вырваться за пределы колебаний между иронией и пафосом и осуществить «прыжок веры», как выразился когда-то датский философ С. Кьеркегор (там же). Сам прыжок, считает Робин ван ден Аккер, пока еще невозможен, однако потребность в нем велика.

Желание познавать духовно-нравственную сферу рождает, конечно, не только отсутствие стабильности, но и беспрецедентно сложное положение человека в современном мире. Один из самых авторитетных теоретиков постмодерна как исторического периода Ж. Бодрийяр отмечает, что «фантастический успех» искусственного интеллекта обусловлен «освобождением» человека от «двусмысленности мысли и неразрешимой загадки ее отношений с миром» (Жан Бодрийяр, 2000, с. 86). Искусственный интеллект «решает» извечную проблему свободы, свободного самоопределения человека. «Человек Телематический» уже не является «ни субъектом, ни объектом, ни свободным, ни отчужденным», он не может считаться даже рабом, так как не имеет собственной воли (там же, с. 86–87).

В музыкальной сфере в таком направлении, как «новая простота», работают композиторы А. Пярт, Г. Пелецис, В. В. Сильвестров, В. И. Мартынов и др. В основе их творчества лежит специфическое, духовно ориентированное восприятие мира, конечно, не единое для всех, но в главных установках схожее. В контексте понимания мировосприятия деятелей «новой простоты» особый интерес представляет творчество отечественного композитора Мартынова. Помимо создания и исполнения собственных музыкальных произведений, он известен как оригинальный мыслитель, писатель. В своих многочисленных философских работах Мартынов осуществляет потрясающий по своей глубине анализ духовного состояния общества в исторической динамике.

Главной характеристикой эпохи постмодерна являются повсеместные «исчезновение и отсутствие» как следствие громких высказываний XX столетия, провозгласивших смерть Бога, смерть субъекта, смерть автора, конец истории, закат Европы, конец искусства и т. д. (Мартынов, 2017, с. 283). Этому тотальному отрицанию предшествовало так называемое «восстание масс» и наступление «эры массовой культуры», положившей запрет на любое соприкосновение со сверхсмыслами и сакральным, с тем, что во все времена помогало прозревать суть вещей. Подлинно сакральное заменили его симуля-

кры в виде различных форм восточных культов, движения «New age» и др. (там же, с. 273).

В сложившейся ситуации мыслитель видит и положительные стороны. Осознание своего катастрофического положения может привести к серьезным изменениям, а именно возвращению интереса к сакральному, пребывание в котором когда-то почиталось высшим призванием человека. Музыка в древние эпохи наделялась совершенно иным содержанием, чем сегодня, она существовала как бы помимо человека и вне человека, а человек стремился войти в нее, вписаться, слиться, составить с ней единое целое. «Для людей великих культур древности <...> звуковой поток представлял собой поток космической энергии, для христиан I тысячелетия <...> поток Божественной благодати. При вступлении в него личные особенности вступающего не имеют решающего значения, ибо кто бы ни входил в него, поток всегда остается одним и тем же» (там же, с. 270). Важно понимать, что мыслитель имеет в виду не реставрацию более раннего мировоззрения и отношения к музыке, а искренность и открытость по отношению к истине и жизни.

Духовно-нравственная психология в XXI в.

Подобные тенденции глубинного познания человека, его раскрытия через преодоление индивидуально-эгоистических установок и открытости надындивидуальному, сверхличному, а вместе с этим и пересмотр мировоззренческих ошибок прошлых эпох в психологическом поле уже проявляют себя. Речь идет о том, что духовно-нравственная проблематика, в той или иной мере всегда присутствовавшая в психологической науке, постепенно начинает охватывать и сферы максимального раскрытия человеком его духовно-нравственного потенциала, обращаться к особым людям, пережившим опыт предельной духовной концентрации, поразившим человечество высочайшей степенью жертвенности, причем не ради конкретно исторически и политически обусловленных идеалов, а идеалов вневременного порядка (Борисова, 2022).

Можно предположить, что возрастет интерес к состояниям и переживаниям, связанным с экзистенциальным катарсисом — осознанием собственных заблуждений, суетности и ошибочности прежних ценностных установок. Экзистенциальный катарсис в данном случае можно рассматривать как реакцию на угрозы и разочарования от ци-

визационных преобразований: обесценивания человека и человеческого, стремительного движения человека в мир замещенной реальности вне природы и естественной среды. Разумеется, возрастет и станет более осозанным интерес к философским и религиозным концепциям, к архетипическому в человеке и сакральному — тому, что обладает исключительной значимостью, непреходящей ценностью и требует благоговейного отношения.

Осмыслению со стороны психологической науки, скорее всего, будут подвергаться не только современные трансгуманистические тенденции, что позволит преодолеть их множественные заблуждения, но и гуманистические, поставившие центром мира человека как высшую ценность, его индивидуальность, удобство и комфорт, тем самым снизив духовные запросы человека. Постепенное возрастание доминирования в ходе истории рациональности, прагматичности, экономической и технологической эффективности, комфортабельности в ущерб целостности сознания, этичности и эмоциональности привело к неадекватно высокой оценке в современном мире лишенных человеческих «слабостей» и «недостатков» алгоритмизированных процессов, повсеместно насаждаемых во многих сферах.

Без сомнения, популярностью по-прежнему будут пользоваться рожденные в XX в. и продемонстрировавшие свою продуктивность теоретико-методологические подходы. Но, будем надеяться, что психологическая среда в лице своих талантливых и вдумчивых представителей создаст и новые подходы, не менее, а возможно, и более фундаментальные, которые отразят формирующееся в сознании части современных людей новое понимание мира. Главное, чтобы особое значение в этих подходах придавалось подлинности человеческой жизни.

Литература

Борисова Н. В. Нравственное и правовое сознание представителя нравственной элиты (на примере Паисия Святогорца). Ч. 3. Духовно-нравственные аспекты трансформации социальных связей в ходе исторического процесса // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 70–99.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.

Ван ден Аккер Р. Метамоде́рнизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ-классик, 2019.

Интервью с Робинот ван ден Аккером // *Metamodern: Журнал о метамоде́рнизме*. URL: <http://metamodernizm.ru/robin-van-den-akker> (дата обращения: 15.04.2023).

Мартынов В. И. Зона opus posth, или Рождение новой реальности. М.: ИД «Классика XXI», 2017.

Междисциплинарность как приоритетное направление научных исследований и образовательной деятельности

М. Ю. Двоеглазова (ФГБОУ ВО «МАГУ», Мурманск)

В статье проанализировано значение применения междисциплинарного подхода в исследованиях и образовании для развития науки и практики, формирования междисциплинарного мышления как основы фундаментальных знаний, умения их применять в решении актуальных задач природы и общества. Междисциплинарность предполагает консолидацию усилий научного и педагогического сообщества, направленных на решение актуальных геополитических, макроэкономических, общественно-политических задач современности, успешное решение которых определяет благополучие человека как субъекта жизнедеятельности и прогрессивное развитие человечества.

Ключевые слова: интердисциплинарность, интрадисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность, междисциплинарное мышление.

В современном мире – мире стремительных социально-политических, научно-технологических, экономико-управленческих преобразований – актуальность междисциплинарных исследований и образовательной деятельности «рассматривается как один из путей... совершения научных прорывов, решения важнейших проблем глобализации и информатизации, формирования более интегрированной и комплексной научной картины мира за счет заключенного в них творческого потенциала и вызова традиционным... подходам» (Воловикова, 2016, с. 93). Проблемы современного общества требуют консолидированных усилий представителей естественных и гуманитарных наук, совместная деятельность которых по созданию современного междисциплинарного исследовательского поля станет основой формирования единой научной картины мира и соответственно единого понимания социально-исторических, культурно-психологических, политико-экономических процессов в мире.

Истоки ориентации на междисциплинарность, активно применявшейся в работах основоположников отечественной психологической науки (В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев), были заложены, согласно Т. Аусбергу, Дж. Томпсону, Дж. Ганну, в греческой философии, истории и драматургии.

Очевидно, что методология интрадисциплинарности как тенденции развития дисциплины в рамках собственных границ исчерпывает себя при возникновении широкомасштабных проблем, решение которых имеющимися средствами невозможно, требуется выход в интердисциплинарное знание как поле знания и подход к образованию как подход по применению полипарадигмальной и полидисциплинарной методологии и категориального аппарата более одной дисциплины для всестороннего и глубокого постижения исследовательских проблем и вопросов, образования и самообразования.

Междисциплинарность, позволяя объединять несколько учебных предметов в один активный проект, является основой формирования фундаментальности знаний, междисциплинарного мышления как фундамента создания научной картины мира, которая обуславливает принятие верных решений в ситуации неопределенности, проблемности, многозадачности (Бушковская, 2010).

Междисциплинарность, будучи, согласно Н. Моти, соединением в единую форму двух и более дисциплин, проявляется в трех контекстах (междисциплинарного знания, междисциплинарного исследования, междисциплинарного обучения), варьируется, по мнению Г. Бергера от простого обмена идеями до взаимной интеграции компетенций, методологии, терминологии, процедур организации исследований, определяет развитие наук, на стыке которых оно производится, через обогащение новыми знаниями.

Характеризуя междисциплинарные исследования Г. Бергер, Р.Л. Акофф, Л. Апостоль выстраивают цепочки дефиниций конкретизируя содержание и взаимоотношения между ними. Так, цепочка Г. Бергера выглядит следующим образом: «дисциплина» – «мультидисциплинарный» – «плюрадисциплинарный» – «междисциплинарный» – «трансдисциплинарный». Таким образом, история развития представлений в науке о междисциплинарности может быть условно описана как переход от «поли-/плюри-/кросс-/мультидисциплинарности» к «трансдисциплинарности».

Применение в междисциплинарных исследованиях и обучении «мягкого» или «жесткого» типа междисциплинарности (Р. Кениг)

обусловлено, в первую очередь, взглядами исследователей на специфику построения научного знания, способы и средства достижения результатов. Влияют на выбор типа междисциплинарности, вида междисциплинарности (В. К. Шрейбер), формы дисциплинарного взаимодействия (М. Стембер) и стратегии научного поиска (О. В. Фёдорова), отношения друг к другу и к другим наукам представителей разных дисциплин, характерные для разных стадий процесса междисциплинарного сотрудничества (С. Сьоландер).

Подлинная интердисциплинарность реализуется лишь в междисциплинарных и трансдисциплинарных исследованиях как исследованиях, проводящихся на стыке наук, проявляется в немеханическом взаимодействии достижений наук для решения задач, актуальных для всех сотрудничающих сторон, определяет расширение дисциплинарных рамок за счет синтеза новых теорий и моделей и образования нового общего знания в содействующих дисциплинах, что обуславливает превращение нескольких отдельных наук в единую научную дисциплину со своей теоретико-методологической базой.

Согласно И. М. Осмоловской, Л. А. Красновой, междисциплинарные исследования обладают следующими признаками: общим предметом исследования; взаимодополнением методов из взаимодействующих наук на паритетных правах; общими теоретическими основаниями проводимого изыскания; принадлежностью полученного результата всем задействованным в исследовании и/или инициировавшим исследование наукам (Осмоловская, Краснова, 2017).

На потребность и необходимость проведения комплексных междисциплинарных исследований как условие объяснения целостной природы человека указывал Б. Г. Ананьев: «...в современных условиях психологические исследования все чаще включаются в сложные, комплексные системы, в которых участвуют многие другие науки, необходимые для решения актуальных практических задач. Исключительное значение человеческих факторов в различных видах общественной практики... определяет важность подобных комплексных, т. е. междисциплинарных, исследований. <...> Программа комплексного междисциплинарного исследования объединяется общностью изучаемого объекта и разделением функций между отдельными дисциплинами, периодическим сопоставлением данных и их обобщением, главным образом касающихся связей и взаимосвязей между явлениями разного рода» (Ананьев, 2001, с. 209).

Идея развития и проведения в психологии комплексных междисциплинарных исследований нашла свое отражение в работах В.А. Мазилова, констатировавшего в начале второго десятилетия XXI в. факт отсутствия теории комплексных исследований как научной концепции, дифференцировавшего понятия комплексные и междисциплинарные (Мазилов, 2013). Первый термин был проинтерпретирован как исследования, проводящиеся в рамках психологии, проявляющиеся во взаимодействии психологического знания, содержащегося в различных отраслях психологической науки. Второй термин – междисциплинарность – определен как исследования, предполагающие взаимодействие психологии с другими отраслями науки. По мнению В.А. Мазилова: «Эффективность комплексного исследования в психологии в значительной мере обусловлена степенью концептуального совпадения понимания и трактовки предмета психологии в научно-исследовательских подходах в тех предметных областях, которые будут взаимодействовать в данном исследовании» (там же, с. 201). Комплексные и междисциплинарные исследования, проведенные в психологии в XX–начале XXI в. определили становление новых научных дисциплин, поэтому правомерен вывод о том, что будущее психологии напрямую зависит от междисциплинарных исследований. Вместе с тем при планировании и реализации программы междисциплинарных исследований психологам следует избегать редукции психического к непсихическому, учитывать плюралистичность знаний, различия категориальных аппаратов и методического инструментария разного уровня разработанности как трудности при проведении данного вида изысканий.

Одной из задач высшего образования, согласно «Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры», принятой участниками Международной конференции ООН по высшему образованию 9 октября 1998 г., является освоение обучающимися компетенций в проведении междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований для решения сложных проблем природы и общества, реализации потребностей человека в социальной и культурной сферах.

Проблема междисциплинарного обучения подрастающего поколения, будучи поставленной перед системой отечественного образования в 1980-е годы продолжает оставаться актуальной до настоящего времени. Междисциплинарный подход в образовании есть взаимообусловленная система интеграции знаний, объединяющая отдельные дисциплинарные данные, методы, инструменты, концепции и тео-

рии для создания целостного взгляда или общего понимания сложного вопроса, проблемы; условие повышения мотивации к освоению содержания школьного образования, формирования фундаментальных знаний и их применения на практике. Междисциплинарное образование как единство понимания и построения целостного знания всеми участниками образовательных отношений определяет формирование единой научной картины мира у взаимодействующих в ходе ее построения субъектов.

Междисциплинарность есть форма совместной работы различных дисциплин над всеобщей и единой научной картиной мира, тотальным феноменом познания XXI в. (Порус, 2015). Несомненно, решение глобальных проблем природопользования, энергетической безопасности, экономической устойчивости, политической стабильности, национального суверенитета, качества жизни граждан сопряжено с консолидированным осуществлением научным и педагогическим сообществом задач междисциплинарных исследований и междисциплинарного образования, сопровождающих человека на протяжении всего жизненного пути, реализующихся в творческой созидательной деятельности, окрашенной общественным смыслом бытия, ставшим личностной ценностью, проявляющейся в создании общественно ценных продуктов, одним из которых является сам Человек.

Литература

- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.
- Бушковская Е. А.* Феномен междисциплинарности в зарубежных исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 152–155.
- Воловикова М. Л.* Оценка современных междисциплинарных исследований: проблемы и потенциал // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 93–95.
- Мазилев В. А.* Разработка теории комплексных и междисциплинарных исследований в психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 4. С. 201–211.
- Порус В. Н.* От междисциплинарности к трансдисциплинарности: мосты между философией науки и философией культуры // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 416–432.

Структурно-динамический подход к исследованию экономической социализации личности: обоснование и возможности применения

Т. В. Дробышева (ИП РАН, Москва)

Представлен контур структурно-динамического подхода к изучению экономической социализации как целостного непрерывного процесса развития личности, который длится в течение всей жизни человека и характеризуется сменой разных форм, различающихся по своему содержанию и функциональной направленности. Выделены функции форм первичной, переходной, вторичной экономической социализации, экономической ресоциализации. Показано, их взаимозависимость обеспечивает целостность и относительную устойчивость всей системе в ситуациях внешних воздействий благодаря гибкости отношений между ними. Динамика форм как структурных элементов ЭС объясняется с позиции диалектики отношений формы и содержания. С позиции структурно-динамического подхода намечены перспективные направления исследований изучения процессов экономической социализации.

Ключевые слова: структурно-динамический подход, экономическая социализация личности, формы и функции экономической социализации, субъект экономических отношений.

Потребность в разработке структурно-динамического подхода в изучении феномена «экономическая социализация» (ЭС) была вызвана рядом обстоятельств. Первое из них связано с современным этапом в развитии методологии отечественной психологической науки – системного, субъектно-деятельностного, комплексного, сетевого – общенаучных и общепсихологических подходов, порождающих новые интегративные подходы (системно-эволюционный, системно-субъектный, системно-диахронический и др.) (Ю. И. Александров, И. О. Александров, А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Р. М. Шамионов), посредством которых рассматриваются закономерности и механизмы развития личности

(индивида, группы) как самоорганизующейся и саморегулирующей системы, актуализируется изучение индивидуального и группового (коллективного) субъекта. Второе – с расширением применения структурно-динамического подхода в психологии с целью изучения не только личности (А. Г. Ковалев, Б. Г. Парыгин, К. К. Платонов), но и интеллекта (Д. В. Ушаков), а также оценкой его потенциальных возможностей для изучения процессов социализации. Третье обстоятельство определяется наметившейся в последние годы в экономической и социальной психологии ситуацией перехода от изучения процессов ЭС в период интенсивного формирования личности (дети, подростки, учащаяся молодежь) (Е. В. Голубева, Т. Ю. Миронова, А. С. Евдокимова, И. В. Ермакова, Н. В. Ким, S. E. G. Lea, J. U. McNeal, C. Roland-Levy, M. Egan, S. Shim, M. Sutter, J. Serido, P. Webley и др.) к выявлению закономерностей ее функционирования и развития в экономически активный период жизни (Г. Л. Бардиер, Е. С. Балабанова, Н. Б. Горбачева, А. Л. Журавлев, Е. В. Забелина, А. А. Капустин, Д. А. Китова, И. О. Корокошко, В. А. Хашенко, Ю. В. Честюнина, С. А. Цветков, С. В. Burgoyne, A. M. Danzer, B. Dietz, A. Furnham, G. P. Lazzer, S. E. G. Lea, R. Pieters, Т. Tyshka, R. I. Van Giesen и др.). Последнее указывает на проблему изучения феномена «экономическая социализация» как целостного непрерывного процесса социально-экономического развития личности, который длится в течение всей жизни, а не локально, в конкретный период. Попытка рассмотреть ЭС как целостный и непрерывный процесс развития экономического субъекта предпринималась исследователями в рамках социально-экономических подходов на примере развития экономического (Webly et al., 2001) и потребительского поведения (Шапино, 2018). Однако в первом случае специалисты, следуя представлениям П. Бергера и Т. Лукмана, ограничили процессы ЭС периодом интенсивного формирования личности, во втором – объясняли циклами экономической жизни агента, определяя ЭС как тождественную потребительской социализации (Berger, Lukman, 1966). Вопросы системной детерминации ЭС, психологических механизмов и субъектности личности в процессе ее ЭС в данных работах не рассматривались совсем.

В решении заявленной проблемы нами была разработана концепция «экономической социализации в разных ее формах», содержательно раскрывающая структурно-динамический подход. Форма – относительно устойчивая характеристика ЭС как целостного образования (системы), определяющая особенности происходящих

процессов, содержание ЭС – изменчивая характеристика, оно описывается процессами развития экономического сознания, самосознания и поведения, обусловленными системой детерминант. Концепция базируется на общенаучных и общепсихологических принципах – нелинейности и гетерохронии развития, системности, единства сознания и деятельности, детерминизма, субъектности, саморазвития, а также континуально-генетическом принципе применительно к развитию субъектности, сформулированном в системно-субъектном подходе (Сергиенко и др., 2021). В ее основе – системный анализ форм ЭС – первичной, переходной, вторичной ЭС и экономической ресоциализации, различающихся по содержанию и функциональной направленности. Так, в форме первичной ЭС происходит приобщение личности к экономической культуре общества. Функция переходной ЭС связана с подготовкой к экономически самостоятельной жизни. Вторичная ЭС предполагает активное функционирование экономического субъекта в направлении решения задач повседневной экономической жизни, связанных с самообеспечением и обеспечением своей семьи. В процессе экономической ресоциализации личность адаптируется к радикально изменившимся социально-экономическим условиям жизни.

Наши эмпирические исследования показывают, что содержание ЭС проявляется в расширении/редукции, изменении структуры, модальности, направленности экономических представлений, переживаний (чувств), отношений к явлениям экономической жизни, намерений, предпочтений, установок (Дробышева, 2023). При этом сохраняется кумулятивная связь между феноменами, сформированными в форме первичной ЭС, и их последующей модификацией в формах переходной и вторичной ЭС. Таким образом осуществляется взаимосвязь, взаимозависимость разных форм, обеспечивающая целостность и относительную устойчивость всей системе ЭС. Отношения между формами носят гибкий характер, поскольку направленность смены форм от первичной к переходной, а затем к вторичной не является жестко закрепленной, что наряду с нелинейностью и гетерохронией объясняет вариативность линий социально-экономического развития личности.

Динамика форм как структурных элементов ЭС объясняется диалектикой отношений формы и содержания – изменение содержания ЭС влечет за собой изменение формы. Переход от одной формы к другой характеризуется накоплением изменений в психике и пове-

дении экономического субъекта, которые и определяют последующее качественное изменение формы ЭС. Процесс перехода обусловлен сложной системой воздействий социальной и экономической среды на психику и поведение человека, опосредствованной внутренней организацией элементов его экономического сознания и поведения. Взаимодействие внешних и внутренних факторов внутри системы определяет характер динамики форм и проявляется в соотношении процессов детерминации и самодетерминации в условиях ЭС. Механизмом смены одной формы другой выступает достижение личностью цели ЭС в границах конкретной формы. В таком случае форма «устаревает», а содержание ЭС «требует» новой формы. В таком случае возникает вопрос о роли субъектности личности в процессе смены форм ЭС.

По нашему мнению, успешность перехода от одной формы к другой зависит от проявления личностью ее субъектных качеств — активности, самостоятельности, автономности, самоконтроля, проявляемых ею в процессе саморазвития, преобразования социально-экономической среды, адаптации к изменяющимся экономическим условиям жизни. Причем зрелая в экономико-психологическом плане личность интегрирует свои вышеперечисленные субъектные и личностные (ответственность, толерантность, соблюдение нравственных норм) качества с целью успешного решения актуальных задач экономической жизни.

Подводя итоги выполненной работы, заметим, что в развитии концепции ЭС личности как целостного непрерывного процесса, который длится с рождения и до конца жизни и связан со сменой ее форм, выделяется несколько новых направлений. Так, перспективным представляется разработка нового феномена — экономико-психологическая зрелость группы. Проблемы ЭС личности в новых геополитических условиях поднимают вопрос о роли личности как субъекта экономических отношений в преодолении проблем «экономической изоляции» страны. С развитием дистанционной формы работы в период коронавируса число фрилансеров на российском рынке труда значительно увеличилось. Проблемы экономической социализации самозанятых в современных социально-экономических условиях развития российского общества актуализируют проблему их перехода к предпринимательской деятельности. Проблемы экономической ресоциализации детей, воспитывающихся в детских домах, приемных семьях, представляют интерес как для исследователей, так и прак-

тиков. В частности, экономико-психологическая незрелость воспитанников детских домов предполагает разработку феномена на новом уровне анализа. Изучение вторичной экономической социализации в предпенсионном возрасте — еще одна важная задача, направленная на помощь людям в подготовке к периоду завершения экономической активности.

Литература

- Дробышева Т. В.* Психология экономической социализации личности: основные формы и детерминанты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.
- Сергиенко Е. А.* Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Шаниро М. Г.* Схема процесса экономической социализации // Социальные исследования. 2018. № 2. С. 27–35.
- Berger P. L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality. A treatise in the sociology of knowledge. Garden City, N. Y.: Anchor Books, 1966.
- Webley P., Burgoyne C. B., Lea S. E. G., Young B.* The Economic Psychology of Everyday Life / Ed. by W. P. Robinson. Hove, East Sussex: Psychology Press Ltd, 2001.

Значение научного вклада А. В. Брушлинского для развития субъектно-деятельностного подхода в психологической науке

Ю. П. Зинченко (ПИ РАО, Москва)

В статье рассматривается роль член-корреспондента АН СССР, академика РАО, лауреата премии Президента РФ в области образования А. В. Брушлинского в развитии методологии психологической науки.

Ключевые слова: категория субъектности, генез психического, психология мышления, субъектность как самоуправляемая активность, субъектно-деятельностный подход.

Известно, что А. В. Брушлинский происходил из семьи потомственных военных и ученых и являлся ярким представителем психологов, определяющих методологический контекст научных психологических исследований. Как ученику и последователю С. Л. Рубинштейна, его вниманию и творческим разработкам подвергались как индивидуальные мыслительные усилия субъекта, онтогенез и уровни развития субъектности в процессе жизнедеятельности человека, так и категория субъектности в методологическом контексте общепсихологического подхода к изучению разных феноменов психического. Его конкретная научная и педагогическая деятельность позволила ему системно подходить к анализу таких базовых психических явлений, как генез психического (в 1974–1982 гг. он создает теорию внутриутробного возникновения психики человека), психология субъекта, личности и мышления (в 1970–1985 гг. им осуществляется разработка нового варианта системного подхода — континуально-генетического метода, на основе которого формируется теория мышления как деятельности и процесса перманентного прогнозирования, основанного на воображении, включающего как сознательные, так и бессознательные уровни психических процессов). Полученные результаты научных изысканий он апробировал в рамках спецкурсов, которые читал как профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии МГУ при Институте психологии РАН (1992–2002 гг.): «Теория психи-

ческого как процесса — новый этап в разработке субъектно-деятельностного подхода», «Психология мышления и проблемное обучение», «Субъектно-деятельностный подход в философии, психологии и педагогике», «Психология субъекта» (Брушлинский, 1994, 1996, 2003).

Основа представлений о субъекте А. В. Брушлинского происходит из эволюционно-генетической концепции субъекта, разработанного Г. Ф. Гегелем в рамках немецкой философии, и работ С. Л. Рубинштейна. Согласно Гегелю, субъект в собственном смысле слова появляется в мире на уровне возникновения животной формы жизни, где образуется дихотомия «субъект—объект» и проявляется качество субъективности как способности переживать в особой форме — психическом отражении — внешние и внутренние воздействия и изменения своего физиологического состояния. Субъективность есть то состояние индивида, в котором ему дано психическое отражение.

С. Л. Рубинштейн в 1976 г. сформулировал тезис о том, что активность человека рассматривается как результат психической деятельности субъекта в единстве сознания и деятельности.

Собственно центральным звеном теории А. В. Брушлинского было понимание субъектности как самоуправляемой активности субъекта по отношению к себе, к объекту, к миру, к другим субъектам. В качестве показателя уровня субъектности у человека автор предлагает использовать степень активности, самоорганизованности, саморазвития, саморегуляции человека, находящегося на высшем уровне активности, целостности и автономии. «Человек как субъект — это высшая системная целостность всех его сложных и противоречивых качеств: в первую очередь психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного» (Брушлинский, 2003, с. 10). Категория субъектности включает в себя основные проявления человеческой психики: психофизиологическое, психофизическое, эмоциональное, когнитивное, индивидуально-личностное, ценностно-смысловое, мотивационное, а также функциональные состояния и рефлексивные переживания.

А. В. Брушлинский теоретически обосновал и практически реализовал в научной деятельности Института психологии РАН необходимость интеграции различных психологических направлений исследования на базе категории «субъект». В дальнейшем этот подход был реализован сотрудниками Института психологии под руководством академика РАН А. Л. Журавлева как в многоуровневом аспекте изучения категории «субъектность», так и в конкретных проявлениях

ях «субъектности» в прикладных областях по изучению психических явлений. Был создан огромный научный труд – трехтомник «Разработка понятий современной психологии» (2018, 2019, 2021 гг.) под редакцией А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленской и Н. Е. Харламенковой. Научное наследие А. В. Брушлинского продолжает свое существование в работах его последователей.

Литература

Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М.: Педагогика, 1994.

Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М., 1996.

Брушлинский А. В. Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.

Брушлинский А. В. Психология субъекта. Ч. II // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 7–14.

Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.

Диалоги о мышлении: А. В. Брушлинский и О. К. Тихомиров о предвидении, предвосхищении и прогнозировании

В. В. Знаков (ИП РАН, Москва)

Анализируется предметное поле диалогических рассуждений двух выдающихся российских психологов о структуре и функциях мышления. Выделяются три ключевые проблемы. Первая – соотношение предвидения, предвосхищения и прогнозирования в мышлении. Обосновывается, что по этому вопросу у А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова были очень сходные научные позиции. Другая проблема – утверждение О. К. Тихомирова о существовании репродуктивного мышления и несогласие с этим его оппонента. Третья проблема – обсуждение вклада обоих ученых в формирование современной психологии возможного. Делается вывод, что ключевые идеи диалогов сегодня не потеряли своей актуальности, они являются значимыми, в частности, в контексте психологических исследований искусственного интеллекта.

Ключевые слова: А. В. Брушлинский, О. К. Тихомиров, психология мышления, психология возможного.

А. В. Брушлинский и О. К. Тихомиров родились в один день – 4 апреля 1933 г., учились в одной группе на факультете в МГУ и в течение всей своей научной жизни дискутировали друг с другом.

Приведу только три проблемы, на которые у них были сходные научные позиции, и три дискуссионных вопроса.

1. Соотношение предвидения, предвосхищения и прогнозирования в мышлении.

Андрей Владимирович считал, что предвидение – это самая простая и даже примитивная форма прогнозирования. Она возникает тогда, когда настоящее целиком повторяет прошлое, когда имеет место жесткая лапласовская детерминация и результат можно легко увидеть. В астрономии так обстоит дело с расчетами траекторий движений планет, которые всегда движутся по одним и тем же, строго определенным орбитам. Так же легко можно предвидеть, что зимой

в Москве выпадет снег, а весной он растает. В отличие от предвидения прогнозирование менее определено, динамично и само является психическим новообразованием. Прогнозирование одновременно является и продуктом предшествующей деятельности, и внутренним условием последующей, более сложной деятельности. В мышлении в качестве «желаемого» выступает прежде всего прогнозируемое искомое (будущее решение), которое в течение длительного периода времени остается в значительной степени неизвестным и потому не столь определенным, как в случае предвидения. В процессе решения задачи человек постепенно прогнозирует искомое и благодаря этому формирует, ищет, открывает тот способ решения, который на определенной стадии процесса выступает, по его мнению, как наиболее подходящий (Брушлинский, 1979).

«Прогнозирование» и «предвосхищение» оба ученых употребляли как синонимы.

Для Олега Константиновича «предвосхищение» – это, пожалуй, наиболее часто употребляемое понятие в контексте анализа мыслительной деятельности, например, в «Психологии мышления» это слово употребляется 96 раз (Тихомиров, 1984). В его исследованиях содержится просто гигантский массив описанных им психических новообразований: предвосхищаемые результаты изменения познаваемой ситуации, мотивы, цели. Наиболее известным из открытых в лаборатории О. К. Тихомирова психических новообразований является эмоциональное предвосхищение, предшествующее нахождению решения задачи.

Очевидно, что в этом вопросе психологи явно дополняли друг друга.

2. Во время перестройки перед психологами остро стояла проблема творческого переосмысления понятия нового политического, экономического и другого мышления. Отличительной особенностью нового мышления, по Тихомирову, является возникновение не только нового знания как продукта мыслительной деятельности, но и появление новообразований в мышлении, например, эмоциональных предвосхищений, целей, мотивов. Он писал: «Когда можно говорить о новом мышлении? Тогда, когда в ходе этого мышления, в самой структуре мыслительной деятельности, появляется что-то новое. Не только в конце – в виде знания, проекта, чертежа, а в самой мыслительной деятельности, т. е. когда есть новообразование в структуре самой мыслительной деятельности. У меня не было

трудностей перевода термина „новое мышление“ на психологический язык, потому что за десять лет до этого я формулировал именно этот тезис: что творческая мыслительная деятельность характеризуется новообразованиями в самой мыслительной деятельности» (Тихомиров, 1992, с. 61).

А. В. Брушлинский также указывал на диалектическую сложность и вместе с тем недостаточность исключительной роли знания для характеристики новизны мышления: «Мышление, выступающее как открытие новых знаний, вместе с тем всегда включает и использование уже имеющихся знаний. Процесс мышления есть одновременно и движение знания в нем (хотя, конечно, знание и мышление не одно и то же). Поэтому и любое предвосхищение еще неизвестного, искомого решения возникает не просто как функция прошлого знания, прошлого опыта, а только в ходе актуального мыслительного процесса, решения именно данной, конкретной задачи. Сам по себе прошлый опыт необходим, но недостаточен, чтобы детерминировать поиски неизвестного» (Брушлинский, 2006, с. 359).

3. Эти два ученых предвосхитили возникновение такой новой и современной области психологии, как психология возможного (Знаков, 2022). Олег Константинович скорее интуитивно, чем рационально, рассуждая о соотношении отражающей и порождающей функций психики, сделал вывод о том, что «психика есть не просто отражение уже существующего мира, как внешнего, так и внутреннего, а психика еще выполняет функцию порождения несуществующего мира. Следует ли это порождение несуществующего мира в виде мечты, фантазии, мифологии или даже бреда рассматривать как разновидность отражения? Может быть, просто следует отказаться от суженной трактовки отражения? В принципе, такая возможность существует. Но тогда отражения чего? Возможностей! И не только объективных, но и субъективных. Ведь мы часто придумываем такие варианты, которые объективно невозможны. Скажем, в межличностных отношениях – столько нереалистичного! Функция проигрывания возможностей должна быть рассмотрена при нашем анализе психики более четко» (Тихомиров, 1992, с. 18).

Сегодня в психологии возможного связующим звеном, своеобразным мостом между прогнозируемым возможным и непредсказуемым невозможным является фундаментальное научное положение А. В. Брушлинского об искомом в мышлении человека – прогнозировании изначально неизвестного при решении задачи. Решая мыс-

лительную задачу, субъект устремлен в возможное будущее: он ищет неизвестное, которого пока еще не знает, потому что оно для него из-за своей неопределенности не существует, но он надеется его открыть в будущем — на последующих стадиях мыслительного процесса. Анализ неизвестного как связующего звена между адаптивным и преадаптивным возможным показывает, что, с одной стороны, оно явно связано с предыдущей мыслительной деятельностью субъекта, возникает на ее основе; с другой стороны, искомое как возможное будущее отличается неизвестностью, неопределенностью, изначальной нечеткостью.

Теперь о дискуссионных вопросах в диалогах между учеными.

Подлинный научный диалог между А. В. Брушлинским и О. К. Тихомировым, конечно же, основывался и на некоторых несогласиях между ними. Если у собеседников абсолютно одинаковые позиции и знания предмета, то не о чем спорить.

Один пункт заключался в согласии — несогласии по поводу существования нетворческого репродуктивного мышления. Олег Константинович писал: «Дело в том, что в учебнике по общей психологии для педагогических институтов А. В. Брушлинским сказано, что любое мышление — творческое. А мы сегодня сталкиваемся с тем, что люди часто мыслят догматически, штампами, шаблонами, схемами. Это тоже вид мышления. Сделать вид, что этого мышления нет — значит, нарисовать какую-то идеализированную картину. Получится, что все бюрократы, представители жесткого командно-административного метода управления тоже мыслят творчески. Наверное, нужно все-таки сохранить различие между творческим и нетворческим мышлением. Последнее называется по-разному: репродуктивное, догматическое, стереотипное, мышление штампами, стереотипами» (Тихомиров, 1992, с. 63—64).

Андрей Владимирович действительно считал, что мышление — это всегда порождение нового, и в этом я согласен с ним, а не с Олегом Константиновичем. Парадокс репродуктивного мышления в том, что это скорее уже не мышление, а умственная деятельность, основанная на памяти. По-видимому, в этом диалоге ученые говорят о нескольких отличных по степени обобщенности феноменах: А. В. Брушлинский рассуждает о психологических механизмах индивидуального мышления, а О. К. Тихомиров приводит аргументы из области его способов, проявляющихся в целостном мировоззрении управленцев, бюрократов и других больших групп людей.

Еще одно, хотя и не кардинальное, расхождение между ними заключалось в анализе перебора вариантов в процессе решения задачи. Олег Константинович, поскольку он больше имел дело с человеко-машинными системами, не настаивал категорически на том, что перебор не играет большой роли в решении задачи. Андрей Владимирович считал, что в конечном счете познающий субъект никакого выбора не делает. Это отчетливо видно на примере выполненного под его руководством исследования о том, запретить или разрешить у нас в стране смертную казнь (Брушлинский, 2006).

Анализ перебора был и сегодня остается актуальным в контексте исследований искусственного интеллекта. Сегодня это мало кто осознает, но А. В. Брушлинский и О. К. Тихомиров немало способствовали тому, что современные исследования ИИ пошли не по пути моделирования человеческой психологии. О невозможности и неэффективности этого пути они много раз говорили в публикациях 70–80-х годов.

Ну, и наконец, глобальное теоретико-методологическое расхождение между ними было относительно теории деятельности и проблемы происхождения психики, восходящих к их учителям А. Н. Леонтьеву и С. Л. Рубинштейну. Как известно, различие между ними заключается в признании разного удельного веса природных и социальных факторов, внутренних и внешних условий развития и формирования психики.

Такие диалоги не потеряли научного значения и сегодня. Убедительным подтверждением этого утверждения являются высокие индексы цитирования работ А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова.

Литература

Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ). М.: Мысль, 1979.

Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Знаков В. В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. 3-е изд. испр. и доп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.

Тихомиров О. К. Психология мышления: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Тихомиров О. К. Понятия и принципы общей психологии: Учебное пособие для слушателей ФПК факультетов психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

Некоторые аспекты системного и деятельностного подходов к предмету изучения в социально-психологических исследованиях

Ж. И. Казачёнок (УО «ВА РБ», Минск, Республика Беларусь)

В статье уточнены некоторые методологические аспекты социально-психологических исследований, что будет способствовать релевантности научных выводов для обеспечения жизнестойкости личности как представителя социальной общности. Подчеркиваются значимость учета в познании единства процессов интеграции и дифференциации системы психологических феноменов, а также актуальность использования в качестве предмета изучения интегративных свойств личности.

Ключевые слова: методология, интеграция и дифференциация системы, интегративные свойства личности.

Современная ситуация трансформации экономических, социальных, политических условий жизнедеятельности личности обуславливает осознание исследователем теоретико-методологических основ психологического познания в сферах профессионального труда, формирования личности как субъекта социальной общности, поиска психологических закономерностей формирования ее стойкости в условиях неопределенности и кризиса. Психологическая наука как никогда сейчас проходит экзамен на релевантность научных выводов для решения теоретических и практических актуальных проблем в обществе и государстве. Остаются актуальными проблемы определения сущности предмета и объекта исследования, соотношения природного и социального в человеке и другие аспекты познания в психологической науке.

В настоящее время существует ряд научных публикаций, посвященных современным методологическим проблемам психологии, а также содержащих предложения по выбору подходов и парадигм к исследованию. Это работы Б. Г. Ананьева (1997, 2007), А. Г. Асмолова (2002), А. Н. Леонтьева (1983), Б. Ф. Ломова (2003), К. К. Платонова

(1972, 2007), О. Ф. Шаброва (2007), А. В. Юревича (2010) и др. В Республике Беларусь проблемами разработки методологии психологического исследования занимались В. М. Козубовский (2004), И. А. Фурманов (2004), В. А. Янчук (2000) и др. Научный поиск общей концепции в методологии психологических исследований, принятой большинством ученых, пока не привел к конкретному результату. Целесообразно провести анализ существующих подходов к исследованию психологических феноменов.

С одной стороны, А. В. Юревич отмечает, что в системе установок современной психологии можно различить несколько альтернативных позиций, которые не стоит интегрировать, так как это необходимое условие развития науки. На этапе неустоявшейся методологии исследователь чаще всего останавливается на системе принципов, понятий и моделей в рамках конкретной концепции. Следует признать, что исследование в рамках одного определенного подхода, даже с соотносением различных концепций, ограничивает понимание изучаемого феномена, так как подходы и концепции не противоречат друг другу, а детально и комплексно дополняют друг друга.

С другой стороны, А. Л. Журавлев, Л. Ф. Шабров, В. А. Янчук и другие считают, что необходимо стремиться к интеграции психологических подходов. Для более глубокого познания психологического явления вводится понятие интегративно-эkleктического подхода и процедура триангуляции, где нахождение «правильных решений построено на многомерной логике, предполагающей возможность использования достижений психологического знания на альтернативных традициях» (Янчук, 2000, с. 52) Однако при решении прикладных задач нужно признать трудности в использовании методологического аппарата, позволяющего произвести соотношение различных парадигмальных систем.

В этой связи именно на современном этапе развития психологической науки целесообразно вернуться и по-новому осознать отечественное наследие Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Ломова, К. К. Платонова и др. Поскольку частнонаучная методология не в полной мере обеспечивает решение поставленных задач, следует обратиться к общенаучным методам и подходам. Среди них учеными особо выделяются системный и деятельностный, использование которых обусловливается тем, что предметы психологических исследований часто являются сложными системными явлениями, связанными с точки зрения современных реалий с личностью специалиста, занятого конкретной

деятельностью в конкретной социальной общности в конкретном государстве. Таким образом, исследователю целесообразно не только вернуться к методологии системного и деятельностного подхода, но и столкнуться с проблемами определения границ систем и технологией выявления связей между ее элементами.

По О. Ф. Шаброву, совокупность компонентов образует систему только в том случае, когда отношения между ними порождают некое новое качество, по которому данную совокупность отличают от окружающей среды. Качество это называют системным или интегративным. Из него следует, что никакое, сколь угодно глубокое познание компонентов системы по отдельности недостаточно для ее познания в целом. Системные свойства изучаются, как правило, во взаимосвязи с другими системами (в деятельности и не только профессиональной). Подчеркивая особую роль субъекта деятельности, Е. А. Сергиенко вводит понятие «системно-субъектный подход» как объединение системного и субъектно-деятельностного подходов. Развивая идеи С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского (Брушлинский, 2003, с. 158–159) о бытии и сознании, она утверждает, что на первый план должна выходить не столько деятельность, сколько соотношение «субъект–личность», которая созидает свои ценности через активность, в том числе и профессиональную деятельность. Такой подход позволяет изучить личность целостно, сводя ее разноуровневые аспекты в единую интегративную характеристику. Личность, опосредованная внутренним миром, является субъектом деятельности.

Л. Г. Дикая, которая считает, что современные исследования должны разрабатываться только в русле метасистемного и психосоциального подходов: изучение адаптации человека в системе «профессиональная среда–субъект деятельности–социальная среда». В этой метасистеме интегрирующим качеством профессиональной деятельности субъекта выступает метарегулятивная активность субъекта, распространяющаяся на разные системные уровни: личность, состояние, общество и социум (Дикая, Журавлев, 2013, с. 13).

Для уточнения закономерностей использования системного и деятельностного подходов в рамках исследования был проведен анализ сорока доступных монографий, авторефератов, диссертаций, изданных за последние двадцать лет в Республике Беларусь и ближнем зарубежье, которые прямо или косвенно связаны с проблематикой изучения коммуникативной компетентности (достаточно популярный предмет исследования за последние годы) с позиций указанной мето-

дологии. Несмотря на разработанность системной методологии познания психологических феноменов и повсеместное декларирование авторами приверженности системному подходу, все изученные прикладные социально-психологические исследования проведены, как правило, по схожим схемам.

Вначале выявляются задачи, особенности конкретной деятельности: социальные условия, факторы и закономерности, типовые ситуации, характерные для профессионального общения. С их учетом предлагаются различные варианты структуры коммуникативной компетентности. Из этой структуры выделяются и экспериментально обосновываются компоненты, наиболее значимые для успешности профессиональной деятельности, их критерии и показатели. Далее исследователями предлагаются часто модифицированные, но валидные и надежные методики психодиагностики и развития выделенных компонентов коммуникативной компетентности. После занятий, развивающих отдельные компоненты коммуникативной компетентности, на основании выявленного роста количественных показателей делается заключение о ее позитивной динамике, что, как предполагается, в дальнейшем должно обеспечить успешность профессиональной деятельности.

Один из основополагающих принципов системного подхода гласит, что свойства целого не являются простым логическим объединением свойств частей (компонентов). Они находят свое отражение в целом через взаимное наложение, усиление либо ослабление, делая целое качественно отличным от любой из своих частей.

Таким образом, к сожалению, стратегия познания, наиболее часто применяемая в современных исследованиях, является чисто редуccionистской, где целое однозначно детерминируется свойствами выделенных компонентов. Для обеспечения системного подхода она должна органично дополняться интегративной стратегией исследования, которая требует рассмотрения системного явления как единого целого в рамках деятельности и социальной среды. При применении интегративной стратегии, как заметил К. К. Платонов, перед каждым исследователем встает вопрос, какой психологический феномен рассматривать в качестве целого, а какой – его части.

В работах Б. Ф. Ломова отмечается, что состояние развития любой социально обусловленной системы характеризуется свойствами дифференциации и интеграции. И хотя четкие определения этих аспектов системы пока отсутствуют, дифференциацию можно трак-

товать как развитие в сторону усложнения, как разветвление целого на различные части, формы или ступени (Поддьяков, 2007). Интеграция же выражает связанность дифференцированных частей системы в целое, а также процесс, ведущий к повышению уровня связанности.

Единство свойств интеграции и дифференциации компонентов системы определяет ее качество. В идеальной системе каждый шаг в сторону дифференциации должен сопровождаться шагом в сторону интеграции, последовательно придавая ей новое качество. В реальности эти процессы бывают разноскоростными и разнонаправленными. По мнению А. Н. Поддьякова, развивающего взгляды Б. Г. Ананьева, переход на новый уровень интеграции и дифференциации (т. е. качественный скачок) есть достижение относительной зрелости системы (там же). Важно то, что зрелая система обладает качествами, отсутствовавшими на предыдущем (незрелом) этапе развития. Следовательно, уровень развития личности специалиста, его коммуникативная компетентность и другие свойства личности связаны между собой. Зрелость личности подразумевает не только соответствие ей других важных психологических качеств, но и ее значимость в единой системе при взаимодействии личности с факторами социальной среды.

При аналитическом обзоре научных публикаций, посвященных методологии теоретических и прикладных психологических исследований, для повышения релевантности научных выводов на современном этапе целесообразно:

- ориентироваться на методологию системного и деятельностного подходов, уточнив границы системы и модель исследования;
- исходить из единства процессов интеграции и дифференциации системы любого предмета психологического исследования;
- при исследовании личности в качестве предмета познания и ее закономерностей уделить внимание важнейшей ее характеристике — степени ее зрелости, определяющей не только успешность жизнедеятельности, но и основу стойкости как гражданина и представителя других социальных сообществ.

Литература

Дикая Л. Г., Журавлев А. Л. Предисловие // *Личность профессионала в современном мире* / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Поддьяков А. Н.* Сравнительная психология развития Х. Вернера в современном контексте // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 63–67.
- Янчук В. А.* Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. Минск: Бестпринт, 2000.

Методологические аспекты влияния цифровизации на когнитивное развитие личности*

А. В. Карнов (ЯрГУ, Ярославль)

Рассматривается спецификация одного из основных методологических принципов – принципа социальной обусловленности психики под влиянием качественных трансформаций социума, обусловленных цифровизацией всех его сфер. Представлены материалы, раскрывающие детерминационное влияние цифровизации на генезис когнитивной подсистемы и личность в целом. Установлено, что, наряду с существованием известного в настоящее время синдрома снижения когнитивности, имеет место сопряженный с ним и производный от него феномен, который можно обозначить как синдром снижения метакогнитивности. Он состоит в том, что под влиянием цифровизации в целом и очень широким распространением средств компьютерной техники имеет место дефицитарное развитие базовых метакогнитивных процессов и качеств личности и, как следствие этого, снижение уровня развития рефлексивности. Описаны конкретные факторы этого и показано, что они связаны с самой сутью этой техники и специфики ее использования как в профессиональной, так и в бытовой сфере.

Ключевые слова: когнитивная подсистема, компьютерная техника, цифровизация, метакогнитивные процессы, снижение когнитивности, снижение метакогнитивности.

Основным и наиболее специфическим содержанием методологии науки, в том числе, разумеется, и психологии, являются, как известно, методологические принципы. Они образуют «ядро» методологии, являясь своего рода классикой. Поэтому им, как и любой иной классике, присуща важнейшая черта – оставаясь неизменно актуальными во все исторические периоды развития науки, они, тем не менее, обретают в каждый конкретный период своеобразие, обусловлен-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00039. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00039>.

ное самим этим периодом, и окрашиваются в тона, присущие тому или иному времени. Именно так обстоит дело по отношению к одному из основных методологических принципов психологии, который по-разному обозначается, но сущность которого вполне определена и достаточно подробно раскрыта в соответствующих исследованиях. Это принцип социальной обусловленности психики или, в несколько иной формулировке, – принцип ее общественно-исторической детерминации. Действительно, сегодня уже стало трюизмом положение, согласно которому в настоящее время социум и все его основные сферы, в том числе и профессиональная, подверглись радикальной трансформации, обусловленной тотальной цифровизацией и повсеместным внедрением компьютерных технологий. Это является не просто «еще одним», хотя и мощным, но все же лишь фактором трансформации социальной реальности, а знаменует собой фактически становление новой реальности как таковой. В связи с этим существенные трансформации обретает и действие указанного принципа, а особенно те последствия, которые он обуславливает.

В самом деле, динамика развития цифровых технологий ставит перед психологией новые задачи, требующие не только осмысления, но и поиска путей реагирования на эти вызовы. Так, цифровизация оказывает мощное влияние на формирование когнитивных процессов и качеств. Причем оно далеко не всегда является позитивным, но, напротив, как показывают многочисленные исследования (Палфри, Гассер, 2011; Смолл, Ворган, 2011; Шпитцер, 2014), обуславливает и развитие целого ряда следствий достаточно негативного плана. Все они объединяются в настоящее время в синдром, обозначаемый понятием *снижения когнитивности*. Его сущность заключается в том, что под влиянием цифровизации в целом и очень широким распространением средств компьютерной техники имеет место дефицитное развитие базовых метакогнитивных процессов и качеств личности. Конкретные факторы такого снижения многообразны и в принципе известны – они вытекают из самой сути этой техники и специфики ее использования и в профессиональной, и в бытовой сфере.

Вместе с тем, как показывают выпаленные нами исследования, наряду с ним возник и получил широкое распространение еще один, сопряженный с ним и производный от него феномен, которой можно обозначить как синдром *снижения метакогнитивности* (Карпов, 2021). Он состоит в том, что под влиянием цифровизации в целом и очень широким распространением средств компьютерной техники имеет

место дефицитарное развитие базовых метакогнитивных процессов и качеств личности и, как следствие этого, снижение уровня развития рефлексивности. Конкретные факторы такого снижения связаны с самой сутью этой техники и спецификой ее использования как в профессиональной, так и в бытовой сфере.

Этот новый и пока только становящийся предметом исследования синдром был рассмотрен нами в специальном цикле исследований (Карпов, Карпов, 2022). Его основным результатом явилось установление того, что, действительно, в настоящее время происходит значимое снижение уровня представленности базовых метакогнитивных процессов, приводящее в результате и к снижению уровня рефлексивности. На выборках студентов нескольких специальностей были уставлены следующие основные факты. Прежде всего, по отношению к базовым метакогнитивным процессам – метамышлению, метапамяти, а также к их результативным эффектам – метакогнитивным качествам (метакогнитивной включенности в деятельность, уровню «agency», метакогнитивному мониторингу) – было выявлено их снижение у нынешних студентов-первокурсников по сравнению со студентами 2007 г. в среднем на 30–35%. Далее, аналогичная редукция выявлена и по отношению к общему уровню рефлексивности, хотя здесь степень снижения меньше – в пределах 20–25%. Наконец, показательно и то, что количественные значения практически не зависят от профиля подготовки и даже его направленности (либо гуманитарной, либо естественной), что свидетельствует об обусловленности этого снижения внеучебными и внепрофессиональными факторами, т. е. причинами общего плана, связанными с цифровизацией в целом и гаджетоманией в частности.

В основе данного феномена лежит целый ряд факторов достаточно общего плана. Во-первых, следует учитывать тесную связь, взаимообусловленность двух синдромов – снижения когнитивности и метакогнитивности, поскольку второй имеет не только самостоятельные причины, но и во многом произведен от первого. Их совместное, синергетическое влияние приводит к усилению того и другого; тем самым их негативное влияние становится еще более зримым.

Во-вторых, это, конечно, причина наиболее общего и принципиального характера, состоящая в том, что именно в процессах взаимодействия с компьютерной техникой объем информации является очень большим. Он является гораздо бóльшим и, к тому же, значительно более разнородным и противоречивым, чем во многих иных видах

активности. В связи с этим для того, чтобы сделать взаимодействие реализуемым в принципе, необходимы мощные средства ограничения информационных потоков — приведения их к виду и объему, доступному для субъекта и соответствующему его психофизиологическим ограничениям. Фактически — в наиболее общем плане речь идет о том, что необходимая в этих случаях минимизация рефлексивного контроля и приведения его к оптимальной (а не максимальной) степени позволяет обеспечить не просто одно из условий информационного поведения, а его важнейшее условие — реализуемость.

В-третьих, информационное поведение в целом разворачивается по типу «игры с природой», а вовсе не по типу «рефлексивных игр». Субъект такого поведения по определению не ставит перед собой задачу выявить и учесть субъектность кого-то другого (как в случае субъект-субъектных деятельности) — его планы и намерения, цели и задачи и пр. Естественно, что такая ситуация не только не требует подключения рефлексивных, а значит и метакогнитивных средств, но, напротив, такое подключение выступает как контр-продуктивное — излишне загружающее и усложняющее.

В-четвертых, следует учитывать и существенные изменения самих принципов — стратегий и способов, стиля поиска и нахождения необходимой для решения поведенческих задач информации. Хорошо известно, что одной из отличительных особенностей компьютеризации является резкая смена стратегий по типу активного «добывания» стратегиями по типу «запроса». Внутренний поиск заменяется внешним сканированием и фильтрацией, вследствие чего существенно редуцируется сама активность, направленная на информационное обеспечение деятельности. В результате этого частично ингибируются и те собственно когнитивные механизмы, на основе которых базируется переработка информации в целом и ее рефлексивные компоненты, в частности. Это также имеет следствием нарастание арефлексивных тенденций. Причем, нельзя однозначно сказать, является ли это только негативным, или же выступает как необходимое адаптационное средство по отношению к специфике самой деятельности. Однако, как бы то ни было, данное явление также имеет место.

В-пятых, специфической особенностью информационного поведения является не только большой объем информации, но и ее высокие динамические характеристики, что требует высокой скорости ее переработки, интенсивной смены ее содержания, а в целом — быстрого темпа реализации. В свою очередь, он приводит к тому, что объек-

тивно устраняется возможность для рефлексивных пауз, для сукцессированного метакогнитивного мониторинга. Причем, он начинает выступать здесь даже в негативном плане, поскольку ингибирует реализацию основных поведенческих функций. Необходимость быстро принимать решение значимо снижает рефлексивность на происходящее — будь то эмоциональные факторы или необходимость принять решение. В связи с этим, необходимо отметить и одно из важных средств его организации, установленных и проинтерпретированных в современной когнитивной психологии; им является так называемая «эвристика блокады когнитивного контроля». Однако, такого рода «блокада» может реализовываться не только в отношении «первичных» когнитивных процессов, но в еще более выраженном и субъективно отчетливом виде также и по отношению к «вторичным» когнитивным процессам — к метакогнитивным процессам. Суть такой «вторичной», т. е. именно метакогнитивной «блокады» состоит в том, что сами же метакогнитивные процессы выступают как средства ингибиции — торможения или даже отключения собственно рефлексивных средств. При этом субъект осознанно минимизирует (или блокирует) роль сознания в регуляции поведения; в «столкновении» двух процессов метакогнитивного плана происходит своеобразная аннигиляция самого рефлексивного контроля. В результате этих явлений порождается своего рода «вторичный» феномен — метакогнитивной блокады; сама же рефлексивная регуляция либо редуцируется, либо полностью блокируется. Это имеет многочисленные эмпирические проявления и феноменологические референты, а также соответствующие репрезентации в опыте индивида.

В-шестых, имеет место и обстоятельство предельно общего, даже своего рода философского плана; оно состоит в том традиционном положении, что нигде так явно не выражено противопоставление «человеческого и машинного», как в демаркации процессов и любых иных сущностей, «окрашенных сознанием» и не сопровождающихся им. Именно его наличие и ведущая роль в тех или иных процессах, а следовательно, и включенность в них рефлексивных механизмов и средств, наличие рефлексивной позиции как таковой как раз и выступает решающим признаком такой демаркации. Следовательно, чем более в поведении доминирует само «машинное» начало, т. е. чем более совокупность основных поведенческих функций транспонируется от субъекта к объекту, тем меньше места в ней объективно остается для рефлексивных средств. В силу этого, собственно гово-

ря, и происходит отображение данной особенности на уровне субъективной репрезентации информационного поведения, выражающееся в минимизации средств рефлексивного контроля, в нарастании ее арефлексивности.

Как следствие всех указанных факторов, редукция рефлексивности в целом и метакогнитивных качеств в частности приводит к минимизации и частичной ингибции мощного источника саморазвития – формирования индуктивного опыта, получаемого личностью от «работы над собой», от переработки информации опыта и тех результатов, которыми обогащает ее этот опыт. Минимизируется роль рефлексии как средства самораскрытия и саморазвития, а внутренний мир утрачивает важный источник самообогащения, что выступает фактором снижения сложности личностной организации. Понятно, что это требует не только фиксации, но и разработки конкретных мер, в том числе и дидактического характера, направленных на компенсацию такого негативного влияния.

Литература

Карпов А. В. Методологические основы психологического анализа информационной деятельности: Монография. Ярославль: Филигрань, 2021.

Карпов А. В., Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности: Монография. Ярославль: Филигрань, 2022.

Палфри Дж., Гассер У. Дети цифровой эры. М.: Эксмо, 2011.

Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн. М.: Колибри, 2011.

Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2014.

Методология кросс-культурной психологии

О. А. Мельник (БГПУ, Минск, Республика Беларусь)

Современный этнокультурный мир, сохраняя своеобразие и самобытность, становится все более взаимосвязанным, взаимозависимым за счет стирания границ между государствами, роста миграционных процессов, усиления влияния средств массовой информации, что повышает необходимость формирования новых качеств личности и их проявления на межличностном и межкультурном уровнях. Последние исследования в сфере социальной психологии выявили, что социально-психологические феномены, являясь универсальными, в то же время имеют существенное культурное разнообразие. Данный факт актуализирует направление исследований в области кросс-культурной психологии. В статье представлена методология кросс-культурной психологии, описаны цели, ограничения, направления и требования к исследованиям.

Ключевые слова: кросс-культурная психология, методология, исследования, etic- и emic-подходы, культура.

Важной тенденцией развития современной социальной психологии в настоящее время является возрастающее значение межкультурного аспекта. Изучение психологического сходства и различия между этнокультурными общностями и этническими группами внутри конкретного общества становится наиболее актуальной проблемой. Проблемы политической и экономической глобализации на планете заставили ученых обратить особо пристальное внимание на межкультурные различия. Натиску культурной глобализации может противостоять только содружество культур, основанное на мирных и добровольных принципах взаимодействия, приверженности идеям толерантности, добрососедства, уважении прав и обязанностей разных народов, признании равноправия и равноценности всех культур мирового сообщества.

В связи с чем актуальным направлением современной психологии становится кросс-культурная психология, которая опирается

на методологические принципы социальной психологии. Выделяют две главные цели кросс-культурного исследования.

Первая цель состоит в том, чтобы выяснить, насколько то или иное психическое явление или процесс представляются всеобщими и потому применимыми к объяснению поведения и пониманию функционирования психики всех людей на нашей планете. Этот тип исследования направлен на поиск общего между всеми людьми, независимо от их культуры, воспитания, социального устройства общества, географических условий проживания.

Вторая цель исследования состоит в поиске различий между людьми, принадлежащими к различным культурам, и проверке того, как культура влияет на основные психические явления и процессы (Аронсон и др., 2004, с. 71–72).

Подобная раздвоенность целей исследования, состоящая в одновременном поиске и сходства, и различий, нашла методологическое выражение в двух концептуальных научных подходах. Впервые они были предложены в 1954 г. американским лингвистом К. Л. Пайком (K. L. Pike) и обозначены как *etic-* и *emic-* подходы. Различия между *etic-* и *emic-* подходами сформулировал известный канадский кросс-культурный психолог Джон Берри (D. Berry). *Etic-* анализ человеческого поведения ориентирован на изучение универсальных свойств психики людей, проявляющихся в любой культуре. *Emic-* анализ направлен на поиск кросс-культурных различий и сравнение психических особенностей людей (Лурье, 2003, с. 253–254).

Основные особенности научно-исследовательской деятельности ученого при использовании *etic-* подхода:

- изучает две или несколько культур, стремясь объяснить межкультурные различия и межкультурное сходство;
- использует единицы анализа и сравнения, которые считаются свободными от культурного влияния;
- занимает позицию внешнего наблюдателя, стремясь дистанцироваться от культуры;
- строит структуру исследования заранее, формулирует гипотезу и категории для ее доказательства.

Особенности научной деятельности ученого при использовании *emic-* подхода опираются на иные принципы:

- изучает только одну культурную общность, стремясь описать и понять ее глубинную специфику;

- использует специфичные для культуры единицы анализа и термины носителей культуры;
- изучает любые элементы культуры с точки зрения носителя этой культуры, участника внутрикультурного взаимодействия;
- заранее не может знать, какие единицы анализа он будет использовать, структура исследования разворачивается постепенно, не предсказуемо (Стефаненко, 2003, с. 38–40).

Выбор того или иного научно-исследовательского подхода определяется целью и предметом исследования, а также научными предпочтениями ученого. Однако исключительно жесткая ориентация только на один из возможных подходов не может быть перспективной. Ни один исследователь не может быть свободен от влияния родной культуры, поэтому преодоление этноцентризма в научной работе становится его основной задачей. Как отмечает американский психолог Д. Мацумото, *etic-* и *emic-* идеи представляют собой противоположные полюса человеческого поведения: универсальность на одном полюсе и культурная относительность – на другом. Наблюдая и интерпретируя поведение, люди часто пытаются вместить его либо в *etic-*, либо в *emic-* категорию (Мацумото, 2002, с. 41).

Различия между представителями двух культур состоят только во внешних поведенческих реакциях. В культуре США принято смотреть своему собеседнику прямо в глаза, если американец хочет быть вежливым, установить и поддерживать контакт. В культуре Японии, например, вежливость, контактность демонстрируется скорее избеганием прямого и долгого зрительного контакта. Таким образом, наблюдаемое внешнее поведение относится к *emic-* проявлениям, а внутренние причины, определяющие это поведение (проявление вежливости и доброжелательности), относятся к *etic-* проявлениям. В каждой культуре люди стараются быть вежливыми, но внешние проявления вежливости различны.

Вследствие чего кросс-культурная психология определяется специфическим набором проблем, условий и направлений исследования. Д. Мацумото выделяет два направления исследований (там же).

Первое направление – этнографическое исследование, предполагающее глубинное изучение какой-то одной культуры и требующее погружения исследователя в эту культуру в течение продолжительного времени.

Второе направление – кросс-культурное сравнение, предполагающее анализ и сопоставление поведенческих и психологических особенностей выборки индивидов из двух или более культурных групп.

Таким образом, культура, созданная этнической группой, – это трудно изучаемое многоуровневое явление. В связи с особыми ограничениями отечественный психолог А. Р. Лурия выдвигает три требования к проведению этнопсихологических и кросс-культурных исследований в сфере изучения познавательных процессов. Он отмечает, что полноценные научные результаты только и могут дать их строгое соблюдение.

Первое требование относится к предмету исследования в области кросс-культурного сравнения решения мыслительных задач. Следует изучать не столько то, к чему в конечном счете приводит решение той или иной задачи, сколько то, как протекает сам процесс ее решения, какие приемы применяются при ее решении, какими мотивами направляется решение задачи и в каком отношении находится содержание этой задачи к реальной практике представителей тех народов, с которыми проводится данное исследование.

Второе требование состоит в том, что исследователи, прежде всего, должны тщательно познакомиться с реальной социально-экономической и культурной средой, с условиями конкретной практической деятельности изучаемых народов.

Третье требование связано с использованием как можно более разнообразных, динамически меняющихся приемов исследования протекания познавательных и интеллектуальных процессов у представителей разных культур. Совершенно необходимо, по мнению А. Р. Лурии, варьировать условия, в которых предлагается экспериментальная задача, переходить от практического решения задач к вербальному, от решения задач с помощью экспериментатора к самостоятельному решению, менять содержание задач, привязывать их к конкретной практике своих испытуемых.

Четвертое требование сформулировал Д. Мацумото. Он выдвигает требование конгруэнтности выборки по социально-демографическим характеристикам в кросс-культурных исследованиях (Мацумото, 2002, с. 108).

Пятое требование кросс-культурного исследования – тексты заданий, предъявляемые представителям разных этнических групп, они должны быть лингвистически эквивалентны. В кросс-культурном исследовании при проверке гипотез требуется соблюдение процедуры

проведения опроса на языке респондентов. Опросники, тесты, инструкции к заданиям необходимо переводить на тот язык, который является родным для опрашиваемых. Необходимо также соотносить смысл и значения понятий и терминов, применяемых в исследовании (там же, с. 109). Р. Брислин (R. Brislin) в 1970 г. предложил способ достижения равноценности и сравнимости результатов исследований. Этот способ заключается в проведении процедуры, обозначаемой как «обратный перевод». Протокол (тест или опросник) составляется на родном языке исследователя, затем переводчик или сам исследователь переводят его на язык предполагаемых респондентов, а потом другой человек переводит этот протокол обратно на язык оригинала. Если версия, полученная в результате обратного перевода, идентична оригиналу, то версии на обоих языках считаются равноценными. Если же идентичность не достигнута, тогда процедура повторяется до тех пор, пока версия обратного перевода не станет идентичной оригиналу.

Шестое требование связано с проведением повторного исследования. Культуры постоянно развиваются, поэтому этническим и кросс-культурным психологам необходимо изучать динамику культурных изменений для того, чтобы понять, какие психологические процессы происходят, в каком направлении они развиваются.

Седьмое требование — этическое. Американская психологическая ассоциация (1981, 1992) и Британское психологическое общество разработали этические принципы работы психолога при проведении эксперимента (Аронсон и др., 2004, с. 76; Майерс, 2006, с. 26).

Рассмотрение социально-психологических явлений с точки зрения культурных различий дает ключ к пониманию психологии личности и общества. Выявление социокультурного разнообразия психических феноменов способствует установлению взаимопонимания между народами, формированию межкультурной и межэтнической толерантности, ослаблению напряженности межэтнических конфликтов, определению причин международного терроризма и способов борьбы с ним.

Литература

Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004.

Лурье С. В. Психологическая антропология: История, современное состояние, перспективы. М.—Екатеринбург: Академический проект, 2003.

Майерс Д. Социальная психология в модулях. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006.

Мацумото Д. Психология и культура: Современные исследования. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2003.

Парадигма воспринимаемого качества в изучении обоняния*

В. Н. Носуленко (ИП РАН, Москва),

Р. В. Романенко (ООО «Аромалюкс», Москва)

В статье обсуждается проблема психологического изучения обоняния. Показана необходимость исследования запахов в их сложных сочетаниях, характерных для естественного окружения человека. Предлагается парадигма воспринимаемого качества для выявления содержания воспринимаемых человеком запахов и для оценки их воздействия на человека. Представлены некоторые результаты сравнения и вербального описания парфюмерных композиций в эксперименте.

Ключевые слова: обоняние, запахи, воспринимаемое качество, вербализация, сравнение.

Несмотря на возрастающий интерес исследователей к изучению обоняния, психологические работы по восприятию запахов остаются относительно малочисленными. В последнее время ожидаемо возросло количество публикаций по оценке долгосрочных последствий пандемии COVID-19, проявляющихся в anosмии, паросмии или гипосмии. В нейронауке анализ фокусируется в основном на процессах, происходящих непосредственно в ольфакторном рецепторе или в коре головного мозга. Распространены работы по моделированию обоняния с целью создания «искусственного носа», а также во многих практических областях, касающихся, например выявления первой симптоматики проявления болезней Альцгеймера и Паркинсона.

Вместе с тем вопросы психологической оценки запахов могут представлять как научную, так и практическую ценность. До сих пор во многом остается открытым вопрос о том, как организуются субъективные суждения человека об окружающих запахах и его предпочтения. Какова роль индивидуального-личностных, эмоциональных и социокультурных факторов при сравнении запахов.

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2023-0006; ЕГИСУ НИОКТР № 121041500254-5.

В современных общепринятых ольфакторных методиках исследования обоняния (например: UPSIT, BIOFLA, Sniffin Sticks Test) сравниваемые запахи чаще всего намеренно упрощаются: в качестве стимулов используются не целостные составы из реального окружения человека (например, духи), а отдельные их компоненты (ноты). То есть используется традиционная психофизическая парадигма, которая обеспечивает жесткий экспериментальный контроль и относительную простоту организации самого эксперимента. О невозможности переносить результаты, получаемые в таком эксперименте, говорилось неоднократно (например: Носуленко, 2007). Мы не можем утверждать, что в случае восприятия человеком сложных композиций действуют те же закономерности, что и для восприятия простых запахов. Вполне вероятно допустить, что в душистых смесях могут проявить себя какие-то новые признаки, благодаря которым запах, говоря парфюмерным языком, превращается в «аромат» с новым социокультурным, историческим, эстетическим и эмоциональным содержанием. Поэтому методы, позволяющие выявить и оценить такие новые признаки, все чаще становятся востребованы практикой. Так, в 2022 г. парфюмерный рынок России обогатился более чем двумя тысячами новых ароматов (Князев, 2023). Каждый новый запуск был связан с большими затратами на сертификацию новинки, внешнюю и внутреннюю логистику, сопровождался рекламными и многими другими сопутствующими расходами. Для предварительной оценки так называемого «коммерческого потенциала» нового аромата в парфюмерных компаниях чаще всего применяются фокус-группы, в которые входят профессиональные парфюмерные эксперты. К сожалению, метод фокус-групп не всегда позволяет выявить содержание аромата и количественно оценить значимость признаков, входящих в его состав. А это особенно актуально для ароматов, которые находятся вне существующих в парфюмерии трендов и представляют собой по сути совершенно новые ольфакторные направления, во многом определяющие дальнейшее развитие парфюмерного рынка.

Задачу определения содержания сложных ароматов мы решали в рамках парадигмы воспринимаемого качества, направленной на выявление наиболее значимых для субъекта свойств объектов, которыми определяется их отличительная специфика (Носуленко, 2007; Самойленко, 2010). Таким образом, методология парадигмы воспринимаемого качества продолжает линию субъектно-ориентированного подхода, ставя на первый план определение совокупнос-

ти субъективно значимых свойств сложного объекта, его «воспринимаемого качества». Инструментарий парадигмы воспринимаемого качества дает участнику возможность категоризовать наиболее значимые признаки воспринимаемых объектов и тем самым выделить их «сущностные» качества. В процессе сравнения и свободного описания объектов человек сам определяет значимые для него особенности, находит признаки, по которым воспринимаемые объекты сходны или различны, определяет название категорий, объединяющих разные признаки (а не дает ответы, например, в соответствии с предложенными исследователем альтернативами или шкалами).

Экспериментальное исследование

Специфика изучаемых объектов – парфюмерные композиции (ароматы) – требует особого внимания к организационной стороне проведения экспериментов и к обеспечению условий быстрой смены стимульного материала. Экспериментальной базой было помещение для обучения парфюмерных консультантов компании «Аромалюкс», которое имеет систему проточной воздушной вентиляции. Экспериментатор и участник располагались за столом друг напротив друга на расстоянии 1,5 м таким образом, чтобы участник все время находился со стороны нагнетаемого потока воздуха.

В эксперименте использовалось 6 ароматов итальянского производителя духов *Seregia Tegenzi* в концентрации, соответствующей отечественной парфюмерной классификации «концентрированные духи». Ароматы для эксперимента были выбраны таким образом, чтобы, в соответствии с классификацией производителя, в них имелись общие ольфакторные аккорды (цветочный) и отличающиеся аккорды (пряный, кожаный, древесный, фруктовый, мускусный, амбровый).

В эксперименте приняли участие 32 человека (23 женщины, 9 мужчин) с нормальным обонянием, из которых 10 имели профессиональный интерес в области парфюмерии.

Перед основным экспериментом участники проходили экспрест-тест «Self Assessment. How's my sense of smell?» (разработка компании *Absent*, Великобритания), который позволяет оперативно оценить общее состояние обонятельной функции.

В основном эксперименте ароматы предъявлялись на блоттерах попарно по заранее составленной схеме (всего 15 предъявлений – все комбинации из 6 ароматов). Задача участника состояла в оценке раз-

личия ароматов в паре по 9-балльной шкале, в выборе предпочитаемого аромата в паре и в речевом описании сходств и различий ароматов в каждой паре, а также в обосновании выбора предпочитаемого аромата.

Вербализации участника, а также его невербальное поведение регистрировались двумя видеокамерами. Полученные вербализации распечатывались в текстовые файлы. Для анализа данных применялась процедура индексирования и открытого кодирования вербальных единиц (Носуленко, 2007, 2021; Самойленко, 2010). В результате была сформирована база данных, в которой каждая вербальная единица была проиндексирована по отношению к участнику, к паре предъявляемых ароматов, к оценке различия в паре и к выбору участником предпочитаемого аромата в паре. В процессе открытого кодирования было сформировано 7 полей, в которых вербальные единицы получала коды, в зависимости от характера ее содержания: 1) описание сходства или различия ароматов, 2) конкретное или обобщенное описание, 3) классификационное или градуальное описание, 4) описание аромата в целом или описание его компонентов, 5) компоненты аромата, 6) дескриптивные или аффективные характеристики, 7) обобщающая категория (дескриптор). Таким образом, каждая вербальная единица представляет собой одно «измерение» некоторой комплексной характеристики одного из ароматов. В качестве показателя «представленности» вербальной единицы, характеризующей конкретный признак аромата, использовалась взвешенная разность (F_i) между частотой применения дескрипторов с позитивной направленности («приятный») и дескрипторов негативной направленности («неприятный») (Носуленко, 2007).

Результаты

Из полученных в экспериментах вербализаций было выделено и закодировано 9672 вербальных единиц, в среднем, по 20 вербальных единиц на каждую предъявляемую пару ароматов, или по 1672 вербальные единица на каждый из 6 ароматов. Что касается количества выделенных дескрипторов, то их общее число, включая те, которые встречаются по 1 разу, составляет 132; при этом 75% описаний содержится всего в 30 вербальных единицах.

Анализ представленности различных дескрипторов в описаниях разных ароматов показал хорошую дифференцированность выделяемых признаков. Например, представленность (F_i) дескриптора «нравится» изменяется от $-3,98$ («не нравится») для аромата № 1 до $+29,57$

(«нравится») для аромата № 4. Наиболее значимыми признаками аромата № 1 являются следующие: «резкий» ($F_i = 45,62$), «древесный» ($F_i = 37$), «мужской» ($F_i = 27,13$) и «сладкий» ($F_i = 55,72$). Для аромата № 4 значимыми признаками являются совсем другие: «цитрусовый» ($F_i = 131,35$), «свежий» ($F_i = 50,97$), «яркий» ($F_i = 40,71$) и «фруктовый» ($F_i = 30,42$). Даже такие поверхностные показатели позволяют интерпретировать различия в субъективных предпочтениях.

Заключение

Результаты анализа базы данных подтвердили результаты, которые были получены при использовании метода свободных вербализаций в исследованиях восприятия сложных объектов звуковой и зрительной модальности (Носуленко, 2007; Самойленко, 2010). В частности, обнаруживается связь между шкальной оценкой различия ароматов в паре и частотой использования описаний их сходства и различия. Психофизические показатели предпочтения связаны с представленностью таких аффективных признаков, как «нравится», «приятный» или «надоедливый». В целом, словарь вербальных признаков, построенный на основе свободных вербализаций сравниваемых ароматов, оказывается существенно богаче стандартных терминов, лежащих в основе стандартной категоризации ароматов при их экспертной оценке. Таким образом инструментарий парадигмы воспринимаемого качества может быть применен для исследования обоняния и в практике оценки ароматов.

Литература

- Князев Е. А.* Большой обзор рынка бьюти-ритейла 2023: тренды, аналитика, eCommerce. URL: <https://vc.ru/marketing/633956-bolshoy-obzor-rynka-byuti-riteyla-2023-trendy-analitika-ecommerce> (дата обращения: 19.04.2023).
- Носуленко В. Н.* Психофизика восприятия естественной среды. Проблема воспринимаемого качества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Носуленко В. Н.* Вопросы интеграции качественных и количественных методов в психологическом исследовании // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 3. С. 4–16.
- Самойленко Е. С.* Проблемы сравнения в психологическом исследовании. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Личность и ее бытие в контексте психологии субъекта А. В. Брушлинского (история научной дискуссии)

З. И. Рябикина (КубГУ, Краснодар),

М. Р. Хусаинова (КубГУ, Краснодар)

В статье рассмотрена история научной дискуссии о различных аспектах развития и конкретизации субъектного подхода. Организованная с 2002 по 2016 г. Институтом психологии РАН и Кубанским государственным университетом серия конференций «Личность и бытие: субъектный подход» продемонстрировала значимость психологии субъекта как теоретико-методологического тренда психологии личности и междисциплинарного научного знания о человеке. Предложенный А. В. Брушлинским взгляд на проблему субъекта продолжает оказывать влияние на развивающийся научный дискурс, служит теоретико-методологическим основанием исследований, обуславливая структурирование научных сообществ и формирование научных школ (психология бытия, системно-субъектный подход, субъектно-бытийный подход к личности и др.).

Ключевые слова: А. В. Брушлинский, конференция, субъектный подход, личность, бытие.

Категория «личность» в психологическом дискурсе предстает как одна из наиболее емких и противоречивых, что проявляется в разнообразии подходов, школ, трактовок.

Взгляд на личность сквозь призму субъектного подхода, рассмотрение личности как субъекта бытия сейчас представляются обоснованными и даже очевидными. Но в свое время позиция Андрея Владимировича Брушлинского, чьи работы создали существенные основания для подобной интерпретации, высказываемые им суждения, противопоставленные устоявшемуся в советской психологической науке принципу – «от социального к индивидуальному», послужили отправной точкой в постановке и решении многих исследовательских задач. А. В. Брушлинский продолжил начатое С. Л. Рубинштейном и, объединив специалистов, усилил субъектный вектор

в научных исследованиях, что привело к развитию основных положений новой теории субъекта.

Последователи научных взглядов Андрея Владимировича, сподвижники и коллеги в 2002 г. создали новое поле для дискуссии ученых и практиков – серию Всероссийских научно-практических конференций «Личность и бытие: субъектный подход».

Это было постперестроечное, «смутное» время, когда ажиотаж от хлынувшей через открывшиеся границы разнокачественной западной научной и околонучной информации не исчерпался, но уже ясно осознавалась проблема соотнесения достижений отечественной психологии советского периода с идеями и достижениями западной научной мысли. Таким образом, одной из центральных задач было преодоление теоретико-методологического хаоса.

В отличие от более традиционных названий научных форумов, в которых обычно фиксируется рассматриваемая предметная область, конференции «Личность и бытие: субъектный подход» в большей мере акцентировали внимание на теоретико-методологической общности участников научной дискуссии.

Взгляд А. В. Брушлинского на проблему субъекта стал одним из «соединяющих мостиков» между достижениями отечественной психологии и западной гуманистической ветвью психологического знания о личности. Это задало вектор в развитии представлений о человеке как субъекте бытия, о личности, ориентированной на самоактуализацию, что согласовывалось с решением актуальных задач того времени, актуально сегодня и задает перспективу в дальнейшем исследовательском поиске.

Главными организаторами цикла конференций выступили Институт психологии РАН и Кубанский государственный университет. Неизменными соруководителями этих научных встреч были В. В. Знаков и З. И. Рябикина.

Можно выделить множество важных направлений развернувшейся научной дискуссии, но в рамках данного текста мы можем остановиться на ограниченном круге рассматривавшихся проблем. К некоторым из них мы обратимся, отслеживая последовательность изменений в «повестке».

На первой конференции в 2002 г. в центре внимания были вопросы теории и методологии, рассмотрение проблем личности в образовании, профессии и других пространствах ее бытия с позиции субъектного подхода. В докладе «Психология субъекта: вариант А. В. Брушлинско-

го» В. В. Знаков показал преемственность работ Андрея Владимировича, их связь с идеями С. Л. Рубинштейна и принципиально новые суждения: переход к макроаналитическому методу познания психического; расширение представлений о содержании активности; целостный характер исследования разных планов психологии субъекта. В докладе З. И. Рябикиной «Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире» обосновывалась важность включения понятия «бытие» в дискурс психологии личности, предложен взгляд на структуру личности, как полисистемное образование, включающее не только психические субъективные явления, но и пространства личностной бытийности. Подчеркивалась актуальность рассмотрения личности как субъекта, создающего реальность своего бытия и охарактеризованы риски, в связи с повышением активности личности в этом конструировании.

На второй конференции (2003 г.) в выступлениях акцентировалось внимание на методологическом кризисе психологической науки и возможностях его преодоления; отмечалась роль субъектного подхода, позволяющего по-новому взглянуть на личность, и характер взаимоотношения личности и ее бытия.

На третьей конференции (2005 г.) в докладе В. В. Знакова был сформулирован предмет психологии человеческого бытия и тем самым подтвержден статус новой области психологической науки. Е. А. Сергиенко обосновала становление нового психологического направления, объединяющего субъектно-деятельностный и системный подходы. Обращаясь к идеям А. В. Брушлинского, она уточнила и расширила понимание субъекта, обратив внимание на критерии уровней психической организации. В выступлении «Личность как субъект бытия и со-бытия: психологический аспект анализа» З. И. Рябкина актуализировала важные для развивающегося субъектно-бытийного подхода к личности категории и обратилась к проблеме со-бытия со значимым Другим, в контексте конструирования личного времени и персонального пространства (Личность и бытие..., 2005).

Четвертая конференция была посвящена 75-летию со дня рождения А. В. Брушлинского. В. В. Знаков продолжил, вслед за А. В. Брушлинским, размышления о неизбежности выхода за пределы когнитивного анализа при исследовании психологии человека. З. И. Рябкина говорила о необходимости дальнейшего прояснения закономерностей бытия личности как субъекта, а также о расширении феноменологического поля исследований в рамках субъектно-бытийного подхода к личности. Е. А. Сергиенко в докладе «Развитие идей психологии

субъекта А. В. Брушлинского: системно-субъектный подход» обратилась к словам Андрея Владимировича о том, что путь от несубъектной психологии к субъектной очень труден и остановилась на развитии системно-субъектного подхода, где субъект выступает главным системообразующим фактором создания сложной многоуровневой системы психической организации человека. Н. Е. Харламенкова, обращаясь к высказываниям А. В. Брушлинского о мере субъектности человека, акцентировала важность интеграции социальных и биологических аспектов, а не игнорирование или преуменьшение одного из них (Личность и бытие..., 2008).

На пятой конференции (2010 г.) была акцентирована проблема безопасности, что способствовало институализации психологии безопасности личности в контексте субъектно-бытийного подхода (Личность и бытие..., 2010).

Шестая конференция была посвящена 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского. В. В. Знаков в своем выступлении поднял тему о важности экзистенциального опыта в человеческом бытии и акцентировал внимание на том, что, будучи компонентом человеческого бытия, экзистенциальный опыт включает и объективно непостижимые для субъекта области. Е. А. Сергиенко в своем выступлении рассмотрела акмеологический и эволюционный подходы к пониманию субъекта и предложила взгляд на соотношение субъекта и личности с позиции системно-субъектного подхода. В докладе З. И. Рябикиной были проанализированы обусловленные социокультурными обстоятельствами изменения субъектности личности: трансформация в связи с нарастающей виртуализацией бытия; расширение сфер бытия, в которых субъектность делегируется личностью другим субъектам и т. д. Подчеркивалось отсутствие общей ясной идеи субъекта в реализуемом проекте общественного устройства (Личность и бытие..., 2013).

На седьмой конференции (2016 г.) в фокусе дискуссий – трансформирующаяся социокультурная реальность, как фактор трансформации личности, субъекта и человеческого бытия. Обсуждалось переосмысление категории «субъект» от самоидентификации к самоконструированию и раскрытию множественности вариантов развития субъектности. В. В. Знаков в докладе «XXI век: изменения в мире человека и новый этап развития психологии субъекта» отметил возрастающую необходимость междисциплинарности в рассмотрении возникающих феноменов, важность комплексности наук о человеке. З. И. Рябикина акцентировала возрастающую роль мето-

дологического принципа единства личности и ее бытия в рассмотрении и понимании как личности, так и социокультурной реальности (Личность и бытие..., 2016).

За прошедшие 20 лет проведения конференций, семинаров и прочих научных форумов по названной проблематике оставалось неизменным понимание значимости психологии субъекта как теоретико-методологического тренда психологии личности, психологической науки в целом и междисциплинарного научного знания о человеке. Предложенный А. В. Брушлинским взгляд на проблему субъекта продолжает оказывать влияние на развивающийся научный дискурс, служит теоретико-методологическим основанием исследований, обуславливая структурирование научных сообществ и формирование научных школ (психология бытия, системно-субъектный подход, субъектно-бытийный подход к личности и др.).

История складывается из многих параллельно протекающих процессов. Одним из них стал названный цикл конференций. Это – часть состоявшейся истории отечественной психологической науки, часть истории развития субъектного подхода.

Литература

Личность и бытие: субъектный подход: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005.

Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения А. В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Личность и бытие: субъектный подход: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.

Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского): Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с иностранным участием) / Под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013.

Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016.

Дифференциация личностных и субъектных характеристик индивида на основании процессуального критерия

П. А. Сафонов (ГАУГН, Москва)

Настоящее исследование опирается на методологические принципы системно-субъектного подхода, в котором личность и ее характеристики представляются «ядерным» образованием или командным звеном в структуре психического. Субъектные характеристики, в свою очередь, выступают в качестве исполнительного звена. Личностные характеристики в данном исследовании представлены временной перспективой, а субъектные – антиципационной состоятельностью и психической регуляцией. Процессуальный критерий позволяет выделить командное звено в общей структуре психического на основании относительной стабильности корреляционных связей в экспериментальной ситуации, по сравнению с исполнительными звеньями системы психического, которые демонстрируют значимые изменения корреляционной структуры.

Ключевые слова: личность, временная перспектива, субъект, антиципационная состоятельность, контроль поведения, саморегуляция, когнитивное утомление.

Исследование проводится в рамках системно-субъектного подхода, который разрабатывается научным коллективом под руководством Е. А. Сергиенко. Опираясь на положения этого подхода, личность предлагается рассматривать как «стержневую структуру субъекта, задающую общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев...» (Сергиенко, 2021, с. 71). Личность в системно-субъектном подходе – это носитель смысла и внутреннего содержания, а процессуальная сторона этой единой системы выражается в субъекте, как активном компоненте, действующем с учетом оценки собственных ресурсов и возможностей, соотнося их с требованиями социальной среды.

Гипотеза, выдвинутая в рамках системно-субъектного подхода о соотношении категорий «личность» и «субъект», была проверена

эмпирически серией исследований Е. В. Рязанцевой, Т. С. Миковой, Н. С. Павловой и др.

Несмотря на то, что проблема соотношения этих категорий представляется в рамках подхода дифференцированно, изучение функций субъекта и личности остается проблемой с точки зрения теоретических критериев и методических решений.

Цель настоящего исследования: введение четкого и проверяемого критерия для отнесения того или иного теоретического конструкта к категории личностных или субъектных.

Предлагается метод разделения личностных и субъектных конструктов на основании процессуального критерия: опираясь на общесистемные принципы, мы выделяем управляющее звено на фоне каких-либо воздействий на основании гетерохронии: по сравнению с другими звеньями, управляющее звено изменяется медленнее других (Рубин, 1984), таким образом, анализируя параметры внутрисистемных взаимодействий в экспериментальной ситуации, мы можем выделить командное звено как демонстрирующее наименьшие изменения по сравнению с другими компонентами системы.

Отражением внутрисистемных взаимодействий в настоящем исследовании является корреляционная структура, образованная связями между компонентами избранной для исследования системы. Эта система анализируется в двух состояниях, одно из которых характеризуется как протекающее в нормальных условиях, а другое в условиях экспериментального воздействия, которое направлено на формирование неравновесного состояния компонентов системы (Прохоров, 1998).

В качестве исследуемой системы была выбрана область психического, включающая регуляторные компоненты, антиципацию и психические процессы, определяющие временную перспективу личности.

Под временной перспективой в настоящем исследовании мы понимаем в широком смысле временные ориентации и установки индивида, которые формируются на основе его регуляторных систем и обуславливаются антиципационной состоятельностью как способностью к предвосхищению событий окружающего мира и собственных функциональных состояний (К. А. Абульханова, Е. А. Сергиенко, Ж. П. Фресс, К. Левин, Ф. Зимбардо и др.). Таким образом в исследовательском фокусе оказывается целостная система, которая содержит командное звено – временную перспективу личности

и исполнительные звенья – психическую регуляцию и антиципационную состоятельность.

Неравновесное состояние системы характеризуется когнитивным утомлением, которое определяется обобщенно как функциональное состояние, возникающее в результате напряженной умственной деятельности и проявляется в нарушении различных функций, как психических, так и физиологических, снижении работоспособности и качества деятельности (Бодров, 2009).

Процедура и методы исследования

Исследование проводилось с помощью опросниковых методик, сгруппированных в батарею тестов на специальных бланках. Полученные результаты были обработаны в программах MS Excel, SPSS Statistics v. 17.0 и Statistica v. 8.0.5.

Тестирование проводилось в двух группах: экспериментальной (далее ЭГ) и контрольной (далее КГ). Респонденты ЭГ проходили тестирование в состоянии когнитивного утомления, обусловленного предварительным прохождением теста на наркориск (ЕМ СПТ). Указанный тест содержит 140 вопросов и его прохождение формирует необходимый уровень когнитивного утомления в ЭГ, которая без перерыва переходила к основной батарее тестов. Тестирование ЭГ проводилось с 14:00 до 16:30 и было ограничено лимитом времени – 1 ч 30 мин. КГ проходила тестирование с 16:00 до 18:00 без «утомляющего» теста и без лимита по времени.

В исследовании принимали участие студенты вуза – мужчины в возрасте от 18 до 26 лет. Направленность обучения – техническая (программирование и ИТ). Всего приняло участие 79 чел., ЭГ составила 33 чел., КГ – 46.

Психодиагностические методики, использовавшиеся в исследовании: тест эмоционального интеллекта Н. Шутте – Self Report Emotional Intelligence Test (далее SREIT); опросник «Контроль за действием» Ю. Куля в адаптации С. А. Шапкина; тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) В. Д. Менделевича (далее АС); тест «Контроль поведения» (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, И. И. Ветрова); для исследования временной перспективы использовался опросник Zimbardo Time Perspective Inventory (далее ZTPI) в адаптации А. Сырцовой; опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой (далее ССПМ).

Полученные данные по двум группам не соответствовали нормальному распределению, поэтому для подсчета корреляций использовался метод ранговой корреляции Спирмена.

В результате подсчета корреляций были получены две корреляционные матрицы по ЭГ и КГ, которые сравнивались посредством инструментария, реализованного в стандартных программных пакетах Statistica в виде двух калькуляторов в разделе Difference test (Реброва, 2006).

Первый калькулятор, позволяющий сравнить две корреляции, основан на статистике Стьюдента, требует указания значений коэффициентов и численности групп. Для расчета принимается двусторонняя гипотеза об отсутствии значимых различий в значениях корреляций для ЭГ и КГ (нулевая гипотеза).

В качестве второго этапа сравнения корреляционных матриц, для оценки гипотезы о случайности несходства, выявленного в предыдущей процедуре, применяется точный критерий Р. Фишера (далее F), который реализован во втором калькуляторе парных сравнений в пакете Statistica (раздел Difference between two proportions). Так как при использовании этого калькулятора сравниваются относительные величины, в расчете используется процентное соотношение выявленных корреляций к общему числу сравнений.

Нулевая гипотеза F-критерия формулируется исходя из того, что полученные различия в корреляционных матрицах являются случайными. В расчете используется односторонний вариант критерия. Полученное значение менее 0,05 будет опровергать нулевую гипотезу о случайности различий.

Результаты исследования

Анализ статистических данных говорит о применимости предлагаемого процессуального критерия для выделения личностных характеристик индивида как командного звена исследуемой системы. Данные тестов, отнесенных на теоретическом уровне к личностным характеристикам, демонстрируют относительную стабильность в экспериментальной ситуации, на фоне высокой изменчивости показателей тестов, отнесенных к субъектным.

По тесту ZTP1 было произведено 165 сравнений, из них значимых корреляций выявлено 69 (здесь и далее уровень значимости определяется для $\alpha = 0,05$), значимо отличающихся корреляций в ЭГ от КГ

на первом этапе исследования выявлено 4. Значение F , рассчитанное на втором шаге исследования – 0,3274.

По тесту АС всего произведено сравнений 116, из них значимых корреляций 62. Всего значимо отличающихся корреляций в ЭГ от КГ – 15 ($F=0,0248$).

По шкалам тестов Контроль за действием и SREIT было произведено 90 сравнений в каждом тесте. Значимых корреляций в тесте SREIT выявлено 41, из них значимо отличающихся 10. Значение $F=0,0648$. Значимых корреляций по тесту Контроль за действием 30, из них 3 отличающихся ($F=0,3158$).

В тесте ССПМ всего произведено 182 сравнения в корреляционном анализе, значимых корреляций выявлено 86, из них выявленных первым калькулятором – 17 ($F=0,0362$).

В тесте Контроль поведения произведено 272 сравнения, из них значимых корреляций выявлено 139, из них на первом шаге исследования было выявлено 25 корреляций ($F=0,016$).

Комментируя полученные результаты, отметим, что опровергнуть нулевую гипотезу F -критерия о случайности выявленных различий в корреляционных матрицах ЭГ и КГ мы можем для тестов Контроль поведения, АС и ССПМ, а для тестов ZTP1, SREIT и Контроль за действием проверяемая гипотеза о случайности различий отвергнута быть не может.

Заключение

Интерпретируя выявленные изменения в корреляционных взаимосвязях теста ZTP1 как проявившиеся случайно, а изменения взаимосвязей в тестах АС, ССПМ и Контроль поведения как неслучайные, на теоретическом уровне мы делаем вывод о том, что Временная перспектива как личностная характеристика не изменяется в экспериментальной ситуации, а субъектные характеристики индивида демонстрируют изменения, которые невозможно квалифицировать как случайные.

Следовательно, опираясь на предложенный процессуальный критерий, мы можем отнести Временную перспективу к категории личностных характеристик, а компоненты психической регуляции и антиципационную состоятельность – к категории субъектных.

Отметим, что данные тестов Контроль за действием Ю. Куля и SREIT, относимые нами к числу методик, диагностирующих субъек-

ектные характеристики, не позволяют опровергнуть гипотезу о случайности выявленных различий. Мы объясняем это чувствительностью к объему выборки используемых статистических критериев.

Также полученные результаты могут говорить и в пользу того, что регуляторные компоненты, диагностируемые данными тестами, топологически расположены ближе к личностным характеристикам в структуре психического, нежели чем к субъектным. Необходимо подчеркнуть, что для более глубокой интерпретации данных недостаточно ввиду небольшого объема выборки, и это предположение выдвигается в качестве предпосылки к дальнейшим исследованиям.

В завершении мы выражаем благодарность к. п. н. В. В. Апановичу за обстоятельные и подробные консультации по применению программных статистических пакетов и к. п. н. И. А. Крюковой за помощь в организации исследования.

Литература

Сергиенко Е. А. Психическое развитие с позиции системно-субъектного подхода. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.

Рубин А. Б. Термодинамика биологических процессов: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Бодров В. А. Профессиональное утомление: Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Реброва О. Ю. Статистический анализ медицинских данных. Применение пакета прикладных программ Statistica. 3-е изд. М.: Медиа-Сфера, 2006.

Человек как субъект виртуальной онтологии

В. В. Селиванов (ФГБОУ ВО «МГППУ», Москва)

В статье рассматривается взаимодействие человека и виртуальной реальности (VR). Приводятся основные характеристики виртуальной онтологии, обосновывается ее существование. Два важнейших фактора, обеспечивающие содержание VR-онтологии, обсуждаются: 1) изменения психического при работе субъекта в VR; 2) изменения в деятельности физиологии при работе в VR. Представлены итоги широкомасштабных эмпирических исследований, полученные прежде всего при работе с VR-программами высокой иммерсивности. Доказано, что VR-программы непродолжительного действия могут влиять на изменение функционального плана психики, на микроизменения свойств, процессов, состояний, стилей, бессознательных установок. В рамках субъектно-деятельностного подхода А. В. Брушлинского микроизменения психического получают объяснение.

Ключевые слова: виртуальная реальность, онтология виртуальной реальности, субъект.

А. В. Брушлинский в качестве одной из самых существенных заслуг своего учителя С. Л. Рубинштейна считал разработку им онтологических характеристик психики. Сам Андрей Владимирович внес значительный вклад в продолжение этого дела. Сегодня онтология современного человека и его психического, духовного мира включает и виртуальную онтологию.

Виртуальная реальность — это высокотехнологичное информационное моделирование психического и окружающего человека мира, обладающее четырьмя характеристиками: 1) трехмерностью информационных объектов-ситуаций; 2) анимацией (возможностью симуляции действий с предметами); 3) интерактивностью (изменением субъектом объекта-ситуации за счет поворотов головы, за счет передвижения); 4) созданием средствами программирования эффекта присутствия (presence) (ощущения «реальности» видимых информационных объектов и аватаров) (Взаимодействие личности

и виртуальной реальности..., 2019). В последнее время темпы развития технологий ВР высшего уровня растут быстро. Без такой ВР невозможны метавселенная, современный искусственный интеллект и др. ВР становится важной частью жизни современного человека: реализуются дидактические программы, путешествия не выходя из дома, посещение врача, тренинг профессиональных навыков (особенно в профессиях, выполнение которых связано с риском для здоровья и жизни), реабилитация после заболеваний, снижение и уничтожение страхов, первые конкурсы песни сложных аватаров и др. Всё это — свидетельство особой сферы бытия для субъекта, новой компьютерной онтологии, феноменологии и гносеологии, которая уже существует.

Виртуальная реальность становится компонентом бытия современного человека, а субъект, находясь внутри бытия, существует и внутри ВР. Однако это не означает, что человек не рефлексировывает ВР (т. е. не располагает ее перед собой). Конечно, субъект отражает ВР и в качестве познавательного объекта, отражает и виртуальные предметы в качестве познавательных объектов (даже когда он поглощен ВР).

ВР представляет собой особую сферу бытия для субъекта. Здесь смоделированные объекты и ситуации почти не отличимы от реальных по многим характеристикам, однако человек понимает «нематериальность» видимой им модели, которая имитирует в восприятии окружающее.

Сегодня можно говорить о наличии и быстрых темпах развития новой компьютерной онтологии. Наличие специфического плана бытия (новой онтологии) определяется следующими основаниями. Создается новая информационная феноменология, сущность которой в «прозрачности» фактов перцепции — сознанию человека в ВР доступно только содержание объекта (как объект сформировался, что лежит в основе его структуры и др. недоступно). Отсюда ВР-реальность переживается как непосредственная и реалистичная данность.

Согласно Т. К. Metzinger, совершенная система ВР приведет к искусственному сознанию, где роботы научатся контролировать свое взаимодействие с физической средой через ВР. Вероятно, совершенная социальная ВР обеспечит более непосредственный доступ к содержанию ментального мира разных аватаров. Постоянное усложнение аватаров приведет к тому, что в ВР можно будет меняться не только виртуальными телами (что уже доступно), но и виртуальными интеллектами.

Если произойдет сочетание нейроинтерфейса и ВР (с дополненной реальностью), то это приведет к принципиально новому реальному бытию личности (где мысль будет непосредственно сказываться на некоторых действиях, мысль сможет без реальных действий приводить к созданию материальных объектов), а также к возможности слияния многих биологических «умов» в рамках определенной информационной платформы. В настоящее время существует ВР-эпистемология, ВР-гносеология.

В целом специфика ВР-онтологии прежде всего заключается в особенностях объектов, в которых не воспроизводятся физические свойства, а осуществляется функциональная эмуляция реальных объектов (через воспроизводство их действий).

ВР более интерактивна (в ней можно осуществлять больше действий), более безопасна, более изменчива и пластична по сравнению с внешним миром. Технологии ВР – это достижение не только программирования, но и психологии. ВР изначально реализовывалась и задумывалась как способ эффективного моделирования человеческого восприятия. Поэтому важной задачей для современной психологии выступает прослеживания влияния ВР на психику человека, с ней взаимодействующего. В последнее время ВР-технологии начинают активно использоваться в психологии и педагогике. В этой сфере ВР служит делу формирования профессиональных навыков, снятию или редукации фобий, релаксации, используется для формирования позитивных психических состояний, активации познавательных процессов и познавательной мотивации, усвоению больших объемов информации, для понимания сложных закономерностей изучаемого материала и др. Однако реальных разработок в нашей стране недостаточно. Практически нет исследований о влиянии ВР на психический мир личности.

Одним из важнейших достижений отечественной общей, педагогической психологии и педагогики является конкретная разработка субъектно-деятельностного подхода, впервые разработанного А. В. Брушлинским. Согласно ему, человек, осуществляя предметную деятельность, не только создает определенные продукты, но и изменяет себя, собственные психические процессы, личностные свойства, состояния, духовный потенциал и способности. Эта центральная линия движения свойственна как для общественно-исторического развития, так и для онтогенетического. Возникает естественный вопрос: могут ли действия (деятельность) в ВР изменить психику чело-

века? Действия в ВР – это не реальные действия в ходе предметной деятельности. Например, в ВР обточить деталь или срезать кусочек древесины можно нажатием на клавишу, без характерных движений и ощущения сопротивления материала и инструмента. Очевидное позитивное использование ВР – через предоставление образца действия обучающемуся. В наших исследованиях показано, в частности, что специально организованная дидактическая виртуальная среда, хотя и отличается от повседневной реальности, но выступает эффективным средством для формирования мыслительных процессов и умственных действий как обобщенных способов обращения с познаваемым объектом, для понимания сложных механизмов или процессов, обеспечивая наглядные аналоги сложных абстракций, с которыми пользователь в любой момент может взаимодействовать.

Человек, личность выступает в большей мере субъектом собственных действий, переживаний, эмоций, мыслей именно в информационном бытии, чем в реальном мире. Значимые микроизменения в дидактических и тренинговых ВР-программах непродолжительного действия (до 30 мин) зафиксированы нами в некоторых личностных особенностях (в функциональных свойствах, например, в ситуативной тревожности), в познавательных процессах: прежде всего мышлении, а также в восприятии, памяти, воображении, в познавательно-личностных конгломератах: когнитивных стилях (полезависимости–полenezависимости), в сознании и бессознательных установках (Влияние технологий виртуальной реальности высшего..., 2022).

Особенно сильным изменениям под влиянием тренинговых и специальных обучающих ВР-программ подвержены психические состояния (Селиванов, 2021) и креативность. Непродолжительная работа субъекта в дидактических программах в ВР с использованием современных шлемов обеспечивает существенные изменения (увеличение показателей) по следующим шкалам психических состояний – активации, тонуса, самочувствия, эйфории. Самочувствие, обычное настроение, спокойствие остаются устойчивыми в иммерсивной дидактической ВР. В ходе высоко иммерсивной обучающей деятельности в информационной ситуации, как правило, повышается вербальная, невербальная креативность, увеличивается продуцирование количества новых решений, оригинальности, беглости, гибкости объектов-ситуаций (Барабанщиков, Селиванов, 2022). Степень функциональных изменений психических состояний и креативности в дидактических ВР-программах зависит от меры иммерсивности ВР-

продуктов: большее погружение обычно приводит к большему функциональному изменению психических состояний и креативности.

В большинстве экспериментов использовался смешанный факторный план с одной независимой переменной. Инструктивными независимыми переменными являлись VR-программы разной иммерсивности, зависимыми – психологические характеристики до и после работы субъектов в VR. Предъявление VR-программ осуществлялось через шлемы vive. Этот шлем способен отслеживать не только ориентацию в пространстве, но также наклоны в стороны, вперед-назад, вверх-вниз, передвижение человека.

Наличие изменения состояний, креативности, функциональных личностных свойств, когнитивного стиля и др. в целом приводит к системному доказательству существования VR-онтологии по важнейшему показателю – детерминации психики. Нами было обнаружено, что зрительная сцена в VR высшего уровня (шлемы Vive) оказывает существенное влияние и на физиологию мозговой активности. Непосредственное влияние VR на биологические показатели является еще одним серьезным аргументом в пользу наличия VR-онтологии, одновременно это влияние выступает важным свойством данной онтологии. Человек выступает частью указанной виртуальной онтологии, реализуя именно в информационной среде часть своих целей, мотивов, потребностей.

Литература

Барабанщиков В. А., Селиванов В. В. Психические состояния и креативность субъекта в дидактической VR-среде различной иммерсивности // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 4–19. doi: 10.17759/exppsy.2022150201

Взаимодействие личности и виртуальной реальности: психическое развитие и личностная детерминация / Под ред. В. А. Барабанщикова, В. В. Селиванова. М.: Универсум, 2019.

Влияние технологий виртуальной реальности высшего уровня на изменение психического в юношестве / Под ред. В. А. Барабанщикова, В. В. Селиванова. М.: Универсум, 2022.

Селиванов В. В. Психические состояния личности в дидактической VR-среде // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 1. С. 20–28. doi: 10.17759/exppsy.2021000002

Рефлексия методологии С. Л. Рубинштейна и ее трансформации А. В. Брушлинским в субъектно-деятельностную парадигму современной психологии

И. Н. Семенов (МГПУ, Москва)

Логика 100-летнего развития деятельностной методологии С. Л. Рубинштейном и его школой (руководимой А. В. Брушлинским в 1989–2002 гг.) категориально характеризуется периодизацией этапов: от исходной идеи о «творческой самодеятельности» (1922) через принцип «единства сознания и деятельности» (Рубинштейн, 1945) и анализ субъективности психики (Абульханова, 1969) до обобщения процессуально-деятельностного подхода (Брушлинский, 1988), трансформированного в субъектно-деятельностную парадигму (Брушлинский, 1999). Обоснована науковедческая гипотеза об имплицитно содержащейся в трудах создателя школы инструментальности субъектно-деятельностной методологии, эксплицированной и развиваемой перспективным направлением С. Л. Рубинштейна – А. В. Брушлинского в современной психологии.

Ключевые слова: методология, стратегия, подход, парадигма, субъект, деятельность, жизнетворчество.

Важное достижение российской философско-психологической мысли – построение методологии субъектно-деятельностной парадигмы в современном человекознании. Она разработана в развитие идей С. Л. Рубинштейна участниками его школы по инициативе их соратника А. В. Брушлинского. В связи с обнаруженным нами противоречием между отсутствием у С. Л. Рубинштейна номинативного определения субъектно-деятельностного подхода, но имплицитным наличием присущих ему инструментальных функций – возникает эпистемологическая проблема экспликации логики развития деятельностной методологии и ее обобщения, что содержится в трудах мэтра и его школы. Решению проблемы способствовала как социокультурная рефлексия гносеологических поисков С. Л. Рубинштей-

ном инновационных трактовок предмета и релевантных ему путей психологического познания, так и науковедчески обоснованная реконструкция этапов логики его развития в этой школе.

Согласно нашей гипотезе, имплицитно содержащаяся в трудах мэтра (Рубинштейн, 1945 и др.) методология деятельностного изучения познавательных процессов сознания и личности, была позднее его учениками гносеологически эксплицирована (Абульханова, 1969) и системно трансформирована (Брушлинский, 1999) в интегральную субъектно-деятельностную парадигму. Поиск решения проблемы велся как традиционными историко-научными методами, так и инновационными средствами: рефлексивно-культурологического, содержательно-смыслового и институционально-персонологического анализа научного творчества (Семенов, 2022). Они апробированы в цикле наших статей о жизнедеятельности: психологов (Б. М. Теплов, П. Я. Гальперин, Е. В. Шорохова, А. А. Бодалев, А. В. Петровский, В. Д. Шадриков), философов-психологов (Г. Г. Шпет, А. Н. Леонтьев, Я. А. Пономарев), в том числе из школы С. Л. Рубинштейна (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, В. Г. Асеев, Д. Б. Богоявленская, А. В. Брушлинский, Е. А. Будилова, А. М. Матюшкин, М. Г. Ярошевский). В развитии этого анализа в статье впервые изучается взаимодействие познавательных поисков участников школы со стратегиями и достижениями ее основателя в процессе сотворческой экспликации их методологического потенциала в психологии: от идей С. Л. Рубинштейна через труды К. А. Абульхановой и Л. И. Анцыферовой до работ А. В. Брушлинского (Абульханова, 1973, 1989, 2021; Анцыферова, 1991, 1997, 2000; Брушлинский, 1994, 1996, 2001, 2003, 2006; Рубинштейн, 1922, 1934, 1946, 1957, 1973). В итоге охарактеризованы содержание и этапы логики развития деятельностной методологии в школе С. Л. Рубинштейна.

В историко-научном плане выделены философские предпосылки психологического анализа им деятельности и ее субъектности. Так, отталкиваясь от ассимиляции категорий «объект–субъект» (в гносеологической традиции Декарта–Канта–Гегеля–Когена–Наторпа), «труд–капитал» и «чувственное–субъективное» (в диалектико-материалистической трактовке Марксом–Энгельсом психического отражения), а также с учетом представлений М. Я. Басова, Л. С. Выготского и С. Г. Геллерштейна о роли трудовых действий в развитии активности психики, С. Л. Рубинштейн определил в качестве предмета психологии деятельность в ее опосредствованиях процессами

предметных действий и регулирующего их сознания (Басов, 1931; Выготский, 1931; Геллерштейн, 1933; Рубинштейн, 1934, 1940).

В науковедческом плане логика развития методологии С. Л. Рубинштейна дифференцирована на ключевые этапы: 1) интенциональный (1910–1920), когда исходная рефлексия им философско-психологического познания в контексте запросов педагогики воспитания привела к выдвиганию стратегической идеи на изучение «творческой самодеятельности» человека (1922); 2) этот антропологический вектор познавательных поисков мэтра по обобщению взаимодействия человекознания, естествознания, искусствознания для развития психологии был реализован на «библиотечном» этапе (1920–1930) его жизнетворчества; 3) на психолого-педагогическом этапе (1930–1940) определяется марксистский базис общепсихологического анализа деятельности (1934), реализованного в исследованиях роли речи в онтогенезе когнитивных процессов в контексте обучения, что обобщено в монографических учебниках (1935, 1940) по основам психологии, где имплицитно содержатся теоретико-методологические представления о связи сознания и деятельности в психике; 4) на общепсихологическом этапе (середина 1940-х годов) при переиздании «Основ общей психологии» (1946) отрефлексирована методологическая функция ведущего в советской психологии принципа (Рубинштейн, 1945) единства сознания и деятельности как инструментального базиса построения методов процессуально-деятельностного подхода, эксплицированного хотя и позднее (Брушлинский, 1988), но все же ранее реализованного в этой школе в исследованиях восприятия (1948) и мышления (1958, 1960); 5) на философско-психологическом этапе (1940–1950) заместитель директора (1945–1948) Института философии С. Л. Рубинштейн в докладе (1946) в АН СССР о 350-летнем юбилее Р. Декарта, анализируя его вклад в рационализм Нового времени, вновь обратился к рефлексии в неокантианстве и марксизме роли субъектности в познании, что выразилось в ее имплицитном включении (как компоненты принципа субъектно-деятельностного подхода) в содержание его последних книг (1957, 1958, 1959); 6) экзистенциально-гуманистический этап (конец 1950-х годов) начался на исходе жизнетворчества мэтра с его обращения к философско-психологическому анализу проблематики бытия человека в мире (представленной в трудах, расшифрованных и изданных его супругой и соратницей К. А. Абульхановой (1969, 1973)), где субъектно-деятельностный подход уже модифицируется им фактически

в субъектно-экзистенциальную парадигму, реализуемую в XXI в. как в современных исследованиях сознания «Я» личности и ее рефлекслирующей «самости» (К. А. Абульханова, В. С. Агапов, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, В. В. Знаков, Э. В. Сайко, И. Н. Семенов, А. Н. Славская), так и в разработках: онтогенетических (А. М. Матюшкин, В. Д. Шадриков, В. И. Панов, Е. А. Сергиенко, Л. И. Ларионова), геронтопсихологических (Л. И. Анцыферова, В. М. Поставнев), психолого-педагогических (К. А. Абульханова, А. В. Карпов, А. М. Матюшкин, А. И. Савенков, И. Н. Семенов, И. С. Якиманская) и научно-творческих (М. Г. Ярошевский, Я. А. Пономарев, А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, И. Н. Семенов, Е. Б. Старовойтенко, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич и др.).

Помимо этого, ученики С. Л. Рубинштейна ранее обобщили методологию его школы – уже под руководством А. В. Брушлинского – посредством констелляции базовой субъектно-деятельностной парадигмы, актуальной в современном человекознании. Она также восходит к трудам их учителя о «творческой самодеятельности» (1922), процессуально-деятельностном подходе (1935, 1940), принципах «единства сознания и деятельности» и «субъективности психики» (Рубинштейн, 1945 и др.). Содержание последнего принципа эксплицировано ученицей (Абульханова, 1969), его методологическое значение операционализировано ею в книге (1973) и концептуализировано интегральной рефлексией (1989) творчества С. Л. Рубинштейна в контексте 100-летнего юбилея.

К нему К. А. Абульханова с А. В. Брушлинским переиздали «Основы общей психологии» учителя (1989) и монографически обобщили (1989) его философско-психологическую систему. Отталкиваясь от ее рефлексии, избранный в 1989 г. директором ИП РАН А. В. Брушлинский обосновал интенцию на теоретико-экспериментальную реализацию принципа субъектности деятельности в качестве базовой стратегии ряда академических исследований в психологии (Брушлинский, 1991). Именно он инициировал экспликацию (Брушлинский, 1992) имплицитно содержащуюся в трудах учителя методологию процессуально-деятельностного подхода (Брушлинский, 1988), модифицировал его разработку до субъектно-деятельностной концепции (Брушлинский, 1999) и трансформировал ее – во взаимодействии с общенаучным системным подходом – в ряде книг (Брушлинский, 1994, 1996, 2001, 2003, 2006) в фактически субъектно-деятельностную парадигму современного человекознания.

Она под его руководством реализована последователями этой школы как в их исследованиях мышления, сознания, рефлексии, понимания, личности, социальных отношений, так и в прикладных разработках по персонологии научного творчества и акмеологии профессионального управления, а также — по возрастной и педагогической психологии усвоения социального опыта в развивающем образовании и по социальной психологии межличностных взаимодействий и социокультурных коммуникаций индивидуальных и групповых субъектов. Поддержка всех этих исследований А. В. Брушлинским привела к разветвлению базовой парадигмы на такие системно дополняющие ее подходы, как: психодинамический, психоэкологический, когнитивно-компетентностный, рефлексивный, герменевтический, бытийно-феноменологический, экзистенциальный, гуманистический и т. д. Продуктивность их взаимодействия подтверждает гипотезу об имплицитном инструментализме эксплицированной субъектно-деятельностной методологии, выражая ее конструктивный потенциал как парадигмального базиса фундаментального научного направления С. Л. Рубинштейна—А. В. Брушлинского для перспективного развития современной психологии.

Литература

- Абульханова К. А.* Методологический аспект проблемы субъективно-го // Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1969. С. 317–347.
- Брушлинский А. В.* Школа С. Л. Рубинштейна: концепция деятельности и психического как процесса // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии / Под ред. А. Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 92–100.
- Брушлинский А. В.* Субъектно-деятельностная концепция и теория функциональных систем // Вопросы психологии. 1999. № 5. С. 110–121.
- Рубинштейн С. Л.* Пути и достижения советской психологии (о сознании и деятельности человека) // Вестник Академии наук СССР. 1945. № 4. С. 67–84.
- Семёнов И. Н.* Экзистенциально-личностная феноменология рефлексивного развития процессов самости „Я“ как субъекта культуро-созидающего научного творчества (к 100-летию юбилею школы С. Л. Рубинштейна) // Известия РАО. 2022. № 4 (60). С. 3–23.

Психология субъекта: современное состояние и перспективы

Е. А. Сергиенко (ИП РАН, Москва)

Представлены некоторые направления в развитии психологии субъекта, сформулированные А. В. Брушлинским. Сравняются понятия индивидуального (системно-субъектный подход) и коллективного субъектов. В гипотезе системно-сетевой организации обосновано представление о метапонятийном характере понятий субъекта (индивидуального и коллективного субъекта). Представлены перспективы развития психологии субъекта.

Ключевые слова: индивидуальный субъект, коллективный субъект, системно-сетевая организация, соотношение субъекта и личности, психологическая зрелость, структура, функции.

Усилиями учеников С. Л. Рубинштейна (К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского) был обоснован субъектно-деятельностный подход. К. А. Абульханова развивает его в разработке субъекта как стадии развития личности. А. В. Брушлинский создал психологию субъекта как обобщающую теорию. В российской психологической науке категория субъекта привлекает внимание многих ученых. В психологии субъекта фактически представлена история главных проблем психологической науки XX столетия: это проблемы соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики, представление о субъекте развития, жизнедеятельности, субъекте деятельности. Следовательно, категория субъекта не только обрела статус системообразующей, методологической категории, но и стала методологическим принципом психологической науки. На основе сравнения субъектно-деятельностного и системного подхода был обоснован системно-субъектный подход (Сергиенко, 2011), который позволил разработать гипотезу о специфике и реципрокности конструкторов субъекта и личности, их структуре и функциях, гипотезу психологической процессуальной зрелости, континуальном уровне развития субъекта на протяжении всего онтогенеза человека.

Показано, что категория субъекта играет и будет играть все большую роль в психологии, не умаляя, а развивая и дополняя категорию личности, стягивая не только многие психологические понятия, но и подходы через анализ субъективного опыта, его своеобразия, индивидуальных способностей, особенностей деятельности, сознательного и неосознаваемого, своеобразия понимания себя и мира, построения собственных ментальных моделей, субъективных переживаний и экзистенциальных решений. Обосновывая уровневый характер критериев субъекта, фактически объединяются возможности изучения внутреннего мира человека через анализ развития его субъектности как максимально индивидуализированного и самодетерминированного, целостного отношения к миру, творцу собственного развития, своеобразно представленных на разных уровнях развития субъекта от протоуровней к высшей самореализации интегративной субъектности. А. Л. Журавлев подчеркивает, что бесспорным теоретическим достоинством понятия субъекта является его интегральный характер и возможность использования в психологии для обозначения характеристик как индивида («индивидуальный субъект»), так и группы («групповой, коллективный субъект») (Журавлев, 2018). Определяя понятие коллективного субъекта, А. Л. Журавлев обосновывает его психологический статус, имеющий и гносеологический, и онтологический смысл. Он выделяет критерии коллективного субъекта в отличие от индивидуального. Субъектность группы одновременно описывается тремя основными признаками: взаимосвязанностью членов группы, совместной активностью и групповой саморефлексивностью, с выделением главного признака – способности к совместной активности. При этом уровни выраженности субъектности группы могут быть различными: «от элементарных форм взаимосвязанности (потенциальной субъектности), через многообразные формы совместной активности (реальной субъектности) к различным, в том числе от простых к сложнейшим, формам групповой саморефлексии как особой, качественно отличной от других форм совместной активности (развитой субъектности)». Разные уровни коллективной субъектности могут служить показателем степени целостности группы, способности ее к саморазвитию и самодетерминации. Понятие коллективного субъекта хотя и взаимосвязано с понятием индивидуального субъекта, но представляет собой самостоятельную метакатегорию. Понятие коллективного субъекта имеет собственные критерии и свое поле онтологически связанных понятий, которые

или прямо включены в него, например: психологические отношения, социальные представления, коллективный образ будущего, менталитет и др., или косвенно, опосредованно с ней связаны: жизнеспособность группы, организации, общества, коллективная интенция, групповой дискурс, общие дискурсивные способности, совместная регуляция (контроль поведения), понимание себя и другого (модель психического), интеллектуальный потенциал или ресурс группы (интеллект) и др. Следовательно, данное понятие обретает статус категории в психологии, так же как понятие индивидуального субъекта, отвечая признакам несводимости к другим и невыводимости из других понятий, включает систему понятий (системообразующий принцип), имеет обоснованный методологический статус среди других понятий и соответствует критерию принципообразования, раскрывая принцип субъектности групп, коллективов в социально-психологическом пространстве исследований.

Гипотеза системно-сетевой организации понятий и статус понятия субъекта

Было проведено сравнение основных характеристик сетевой и системной организации. Сетевые системы — открытые, с присущей им нелинейностью разнообразных взаимных прямых и обратных связей, не имеющие управляющего центра. Следовательно, динамическая характеристика становится ведущей, так как имеют место постоянные изменения. В системном, системно-эволюционном подходах и теории динамических систем постоянно подчеркивается процессуальность и непрерывность развития систем разных уровней и их взаимодействие. Оба типа структур — иерархические и сетевые — имеют и позитивные, и негативные стороны. Сетевая организация отличается худшей управляемостью, медленным принятием решений (по пути консенсуса), недостаточной планомерностью развития. Иерархия отличается меньшей чувствительностью к воздействиям, недостаточной гибкостью. Иерархии более уязвимы при утрате центрального управляющего звена, их функциональность разрушается в отличие от сетей. Сетевым структурам свойственны гибкость (адаптивность), широта охвата тем и проблем, способность преодолевать границы. Сеть представляет собой многоуровневую структуру: она состоит из малых сетей и может быть частью еще более крупной сети. Проведенный анализ работ разных авторов, посвященных

системному и сетевому подходам, позволяют выявить некоторые общие между ними черты, что свидетельствует не об их противопоставлении, а скорее об аддитивности и преемственности. Общими для двух подходов становятся идеи целостности, несводимости к отдельным элементам, идеи саморазвития, самоорганизации, самонастраиваемости, непрерывной динамики преобразований в процессе как микро-, так и макрогенеза (Журавлев, Сергиенко, 2022). В таком случае сетевой подход дополняет системный, делая акцент на динамике горизонтальных взаимосвязей, не исключая и динамику сетей разной иерархии. Был проведен анализ 70 современных понятий ученых ИП РАН в трехтомном труде. Показано, что эти понятия также содержат встроенные конструкты, необходимые для интегрированного понятия. Обозначенные нами понятийные поля весьма условны, но указывают на существование архитектуры гиперсетей (индивидуального и коллективного субъекта). Проведенное обобщение позволило выдвинуть гипотезу о существовании метапонятий — субъекта и коллективного субъекта, которые стягивают сетевую организацию понятийных полей, задавая архитектуру их системно-сетевой организации). Библиометрический анализ понятий трех томов показал, что картирование понятий позволяет выделить кластеры сетевой организации, среди которых есть два, которые можно условно обозначить как «индивидуальный субъект» и «коллективный субъект». Эти результаты могут поддерживать гипотезу о существовании метапонятий и их роли в системно-сетевой организации (Журавлев и др., 2023). Индивидуальный и коллективный субъекты становятся центральными понятиями, с множественными связями. Эти результаты — важный аргумент в перспективности развития психологии субъекта.

Перспективы развития психологии субъекта

Перспективы данного подхода могут быть обозначены в следующих направлениях. Если в классическом варианте в фокусе исследований были рациональные знания и законы причинности, то в соответствии с субъектным подходом важнее становится понимание и интерпретация окружения, где не всегда законы рациональности имеют силу. Например, убеждения и мнения, понимание интенций и желаний означает иной ракурс рассмотрения ментальных моделей, порождаемых субъектом. В основе понимания мира лежит

процесс ментализации событий и их моделирование, при этом необходимо отличать собственные модели от моделей других людей. При рассмотрении модели психического как когнитивного механизма понимания (когнитивной функции субъекта) открывается путь, наряду с изучением и других психологических подходов (например, психологии возможного и невозможного, преадаптации), изучать познание человеком других субъектов и феноменов социальных отношений, т. е. навести мосты между индивидуальным и коллективным субъектом. Психология человеческого бытия (Знаков, 2022) — научное направление, которое является продолжением и следствием психологии субъекта и выводит рассматриваемую проблему субъекта на междисциплинарный уровень, предполагающий взаимосвязи с экзистенциальной, социальной, когнитивной психологией, психологией личности и индивидуальности. Этот анализ вершинных, духовных ценностей человека с позиций субъектного подхода выводит психологию на уровень реальных жизненных проблем человека, соединяя классическую психологию с психологией человеческого бытия. Данное перспективное направление комплементарно с системно-субъектным подходом и позволяет раскрыть психологию субъекта на высоких и сложных уровнях его развития.

Выделение индивидуального и коллективного субъекта как интегративных понятий в современной психологии ставит вопрос об их самостоятельности и отношениях. Интересна динамика взаимодействий индивидуального и коллективного субъекта. Данное направление работ предполагает изучение не только уровней развития и динамики психологии коллективного субъекта, но и выделение его специфических функций в сравнении с функциями субъекта и личности в рамках системно-субъектного подхода. Эта задача представляется особенно объемной и становится научным вызовом для исследователей. Предлагаемая гипотеза о соотношении субъекта и личности в контексте системно-субъектного подхода, предполагает более детальное рассмотрение и раскрытия психологических отношений, механизмов и динамики изменений соотношений этих двух ипостасей человека. Требуется также обращение к более общим модусам: субъекту развития, субъекту деятельности, субъекту жизнедеятельности. Как указывал А. В. Брушлинский, путь к психологии субъекта — сложен и труден, но дает значительные преимущества для психологической науки.

Литература

- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 116–161.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А., Фёдоров А. А.* Библиометрический анализ трехтомного труда «Разработка понятий современной психологии» (2018–2021 гг.) // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 123–136.
- Знаков В. В.* Психология возможного. Новое направление исследований понимания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.

Психометрическая проверка методики понятийных (категориальных) способностей

Я. И. Силовская (ИП РАН, Москва)

В статье проводится анализ природы понятийных способностей в контексте понимания в познании. Рассматриваются функции понятийных способностей в структуре интеллекта и описывается авторская методика диагностики категориальных способностей «Обобщение трех слов», а также проводится ее психометрическая проверка.

Ключевые слова: мышление, понятийные способности, категориальные способности, методика, психометрическая проверка.

Как отмечает В. В. Знаков, «функция понимания в познании состоит в осмыслении, анализе знания, имеющего для субъекта проблемный характер, в раскрытии его происхождения и потенциальных возможностей. Проблемное знание отражает область тех неизвестных человеку закономерностей или способов действия, которые он не может раскрыть, опираясь только на прошлый опыт и достигнутый уровень способов действия» (Знаков, 2005, с. 20). Одним из механизмов, обеспечивающих такую форму понимания, являются понятийные способности как психическая основа интеграции индивидуальных интеллектуальных ресурсов, участвующая в становлении индивидуальности. Соответственно, возникает проблема диагностики понятийных способностей у современной молодежи.

Задача данной статьи – провести психометрическую проверку разработанной методики диагностики понятийных (категориальных) способностей.

Для диагностики понятийных способностей была разработана методика «Обобщение трех слов» (диагностика категориальных способностей).

Психометрическая проверка методики диагностики категориальных способностей осуществлялась в два этапа. Первый этап (2015–2019) был связан с валидизацией методики «Обобщение трех слов» на двух выборках: выборке школьников старших классов и выбор-

ке студентов университета. Вторым этапом, представленным в данной статье (2020–2022), был ориентирован на апробацию этой методики только на выборке старшеклассников в силу особой значимости именно этого критически важного возраста с точки зрения результативности либо дефицитарности развития понятийного мышления. Основные результаты по первому этапу апробации ранее были опубликованы в нашей совместной статье (Холодная и др., 2019) и монографии (Холодная, Сиповская, 2023).

Методика «Обобщение трех слов» разработана для оценки способности к категориальному обобщению, обеспечивающей готовность выявлять общие существенные признаки понятий при анализе значений трех слов и подбирать для их обобщения референтную родовую категорию.

Инструкция: «Вам будут устно предъявлены три слова. Вы должны подумать, что общего между обозначаемыми ими понятиями, и назвать этот общий признак одним или двумя словами. Всего будет предъявлено 10 триад слов. На размышления и на запись ответа отводится 30 секунд на каждую триаду слов. Ответ нужно записывать в протокол строго по его нумерации. Начали!»

Ниже приводится список триад слов:

- 1) статья, клумба, картина;
- 2) маяк, газета, костер;
- 3) охота, игра, мышление;
- 4) памятник, мост, антенна;
- 5) икона, карта, декорация;
- 6) закат, прилив, весна;
- 7) капкан, забор, пробка;
- 8) мыльный пузырь, ваза, чемодан;
- 9) зонтик, окоп, палка;
- 10) гамма, бусы, лестница.

Исследование проводится в индивидуальной либо групповой форме. Экспериментатор зачитывает каждую триаду слов вслух с интервалом в 30 с. Ответ на каждую триаду записывается в протокол (экспериментатором, если это индивидуальное исследование; респондентом, если это групповое исследование).

Критерии оценки ответов. Оценивается степень обобщенности каждого ответа.

0 баллов:

- обобщаются только два слова из трех;
- тематическое обобщение на основе ситуативных связей (театр, туристы, нападение хулигана, город, переезд и т. д.);
- абстрактная смысловая ассоциация, не имеющая отношения к общему существенному признаку (детство, прогресс, романтика и т. д.).

1 балл:

- аналитическое обобщение (обобщение через конкретный общий признак или общую деталь) (красивое, построенные человеком, много деталей, может давать свет, пустота внутри и т. д.);
- диффузное (формальное) обобщение, когда, обратив внимание на общий существенный признак, респондент, тем не менее, не может подобрать для его обобщения строгую родовую категорию (множество, труд, природа, украшение, объем и т. д.);

2 балла:

- категориальное обобщение на основе существенного признака с использованием строгой родовой категории (по отношению к перечисленным выше 10 триадам слов ответы: творчество, источники информации, виды деятельности человека, сооружения, изображения, периодичность, препятствия, емкость, средства защиты, последовательность);
- категориальное обобщение с использованием строгой родовой категории вместе с уточняющим видовым признаком (архитектурное сооружение, последовательность повторяющихся элементов);
- самостоятельно найденная строгая родовая категория на основе выделения существенного признака (например, вместо видов деятельности (3-я триада) – эволюционное развитие, формы досуга).

Точность оценки в баллах будет выше, если в случае неясности содержания ответа попросить респондента дать пояснения. Ответ оценивается соответствующим баллом вне зависимости от того, дан он в единственном либо множественном числе (длинный – длинные; сигнал – сигналы). Если респондент по своей инициативе дает на одну триаду два ответа, то ответы суммируются.

Таким образом, данная методика позволяет оценить способность к категориальному обобщению не только в дифференцированной форме (принимая во внимание три возможных уровня обобщения от 0 до 2 баллов), но и с учетом вариативности индивидуальной категориальной системы (максимальными двумя баллами оценивается не «единственно правильный» категориальный ответ, но любая иницированная респондентом строгая родовая категория).

Показатель: сумма баллов за 10 триад слов как показатель категориальных способностей.

Психометрическая проверка методики «Обобщение трех слов» осуществлялась на выборке старших школьников: 158 старших подростков, учащихся общеобразовательной школы (15–17 лет).

Эксперты (9 чел. с высшим психологическим образованием: практикующие психологи, академические психологи, специалисты в области оценки персонала) оценивали уровень обобщения ответов респондентов (10 триад, 10 примеров ответов на каждую триаду, итого 100 частных ответов) по предложенным критериям. Коэффициент конкордации Кендалла W (общая оценка ответов по всем триадам) = 0,88 при $p < 0,001$, что позволяет говорить о высокой (полной) согласованности оценок 9 экспертов и соответственно эффективности предложенных критериев оценивания.

Анализ внутренней согласованности (надежности—согласованности) проводился с целью определить, все ли пункты методики «Обобщение трех слов» направлены на измерение одной и той же переменной. Для этого рассматривалась гомогенность каждого пункта методики относительно общей суммы баллов по каждой триаде слов, а также корреляции между самими пунктами методики: α Кронбаха — 0,74; стандартизированная альфа — 0,81; средний показатель корреляции между пунктами методики — 0,70; число экспертов — 9 чел. Кроме того, проверялась гомогенность двух частей методики: в одной части пункты от первого до пятого (первая часть триад), а в другой — пункты от шестого до десятого (вторая часть триад): корреляция 1-й и 2-й части методики — 0,94; достоверность корреляции двух частей методики — 0,97; достоверность корреляции двух частей методики методом Гуттмана — 0,87.

Представленные результаты анализа внутренней согласованности методики «Обобщение трех слов» указывают на высокую гомогенность каждого пункта методики относительно общей суммы баллов по каждой триаде слов, а также наличие корреляций между сами-

ми пунктами методики и гомогенность двух частей методики (одну часть составили пункты от первого до пятого (первая часть триад), а другую – пункты от шестого до десятого (вторая часть триад).

Таким образом, по результатам психометрической проверки методики «Обобщение трех слов» можно оценить способность к понятийному обобщению старших школьников, т. е. построить шкалу порядка по признаку «способность к понятийному обобщению».

Для оценки ретестовой надежности протокол методики был разделен на две части по 5 триад в каждой (четные и нечетные номера триад). Методика была проведена на школьной выборке, а повторное исследование проводилось через 30 календарных дней. Коэффициент корреляции между результатами 1-й и 2-й серий составил $R_s = 0,73$ при $p < 0,001$, что позволяет говорить о высокой ретестовой надежности методики.

Критериальная валидность определялась с помощью оценки степени соответствия результатов методики и заданных внешних критериев. В качестве внешних критериев учитывались академические достижения (успеваемость) школьников (средний балл успеваемости ученика) и школьный рейтинг, включающий показатели школьной успеваемости, участие в школьных олимпиадах, активную внеклассную деятельность (в том числе волонтерскую работу):

- коэффициент корреляции между баллами, полученными школьниками по методике «Обобщение трех слов», и учебной успеваемостью – $R_s = 0,367$ при $p < 0,01$;
- коэффициент корреляции между баллами, полученными школьниками по методике «Обобщение трех слов», и школьным рейтингом – $R_s = 0,374$ при $p < 0,01$.

В выборке школьников удалось проверить прогностическую валидность методики: коэффициент корреляции между баллами, полученными школьниками по методике в 9-м классе, и результатами ОГЭ в 9-м классе (средний балл по русскому языку и математике) составил $R_s = 0,46$ при $p < 0,001$.

Таким образом, старшие школьники с более высокими показателями по методике «Обобщение трех слов» имеют более высокие внешние оценки учебной успешности (в виде более высокой успеваемости и более высокого школьного рейтинга).

Конструктивная валидность методики рассматривалась с позиции конвергентной валидности результатов. В качестве референтной ме-

тодики использовалась методика, позволяющая оценить способность к категориальному обобщению, а именно субтест «Сходство» из шкалы Векслера; показатель «количество баллов»:

- коэффициент корреляции между баллами, полученными школьниками по методике «Обобщение трех слов», и баллами по субтесту «Сходство» шкалы Векслера – $R_s = 0,332$ при $p < 0,01$.

Соответственно, доказано сходство методик, измеряющих способность к категориальному обобщению. Однако методика «Обобщение трех слов», в отличие от использованных в качестве внешних критериев традиционных методик, является более адекватным инструментом измерения способности к категориальному обобщению в силу большей сложности материала и необходимости выполнения более сложных видо-родовых операций с учетом вариативности возможных «правильных» категориальных ответов.

Литература

- Знаков В. В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Холодная М. А., Сиповская Я. И.* Понятийные способности: теория, диагностика, эмпирика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.
- Холодная М. А., Трифонова А. В., Волкова Н. Э., Сиповская Я. И.* Методики диагностики понятийных способностей // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 3. С. 105–118.

Научные дискуссии в психологии как источник нового знания

М. А. Степанова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Поднимается проблема роли научных дискуссий в развитии психологического знания на примере исследований П. Я. Гальперина, результаты которых вызывали немало возражений. В публикации получили отражение материалы проходившей в Харькове дискуссии 1931 г., выступление П. Я. Гальперина на Всесоюзном совещании по психологии в 1952 г., критический анализ развиваемого им подхода на страницах журнала «Вопросы психологии» в конце 50-х годов. Кроме того, специально проанализированы итоги «домашней» дискуссии 1969 г. и история публикации основного труда П. Я. Гальперина «Введение в психологию». В заключение на основе приведенных фактов сделан вывод о стимулирующем влиянии научных дискуссий на оформление и распространение психологических теорий в профессиональном сообществе.

Ключевые слова: научные дискуссии, история психологии, теория П. Я. Гальперина, предмет психологии, общепсихологическая теория деятельности.

Расширение и обогащение научного знания происходит различными путями. Несмотря на специфику конкретной предметной области, наиболее привычным и потому получившим широкое распространение способом развития любой науки выступает разработка авторами (или авторским коллективом) собственных научных гипотез с последующей их теоретико-экспериментальной проверкой. Сказанное верно и для психологии. Достоинства такого способа получения научного знания очевидны: основательность изучения поставленной проблемы, тщательная проверка выдвинутых гипотез, формулирование выводов, имеющих не только теоретическое, но и практическое значение. Многие психологические теории развивались именно таким образом. Особенностью такого способа научного познания выступает его некоторая ограниченность — всякая теоретическая

позиция по вполне объективным причинам предполагает абстрагирование от иных точек зрения — следствием чего является нечувствительность к фактам, противоречащим научным построениям автора. В случае, когда сразу несколько научных теорий демонстрируют свою недостаточность при толковании психических явлений, возникает кризисная ситуация, которая, в частности, имела место в зарубежной психологии в первой трети прошлого века. Обозначенный «недостаток» оборачивается своей противоположностью и в дальнейшем становится стимулом к возникновению новой теории. П. Я. Гальперин разработал психологическую концепцию о природе и функции психики, обнаружив несостоятельность всех предшествующих представлений о предмете психологии.

В то же время можно говорить об еще одном способе развития научного знания — о совместном обсуждении учеными психологических проблем. Одной из форм такого обсуждения выступают научные дискуссии, которые в свою очередь обретают устную или письменную форму, носят законченный или заверченный характер. Нередко научные дискуссии разворачиваются на страницах научных журналов, например в журнале «Вопросы психологии» за последние десятилетия проходили дискуссии по широкому кругу вопросов: от предмета психологии, будущем нашей психологической науки до направлений практического приложения научных знаний в образовании, медицине и т. п.

Становление упомянутой выше концепции П. Я. Гальперина происходило в ходе обсуждений развиваемого им подхода, причем зачастую с выраженной критической направленностью.

Учение о поэтапном формировании умственных действий и понятий П. Я. Гальперина, по свидетельству самого автора, возникло в конце 40-х — начале 50-х годов как теоретическое решение практической задачи школьного обучения: сформировать умение выполнять в уме арифметические и грамматические действия, исторический и эстетический анализ. Однако обращение к работам П. Я. Гальперина позволяет предположить, что поиск путей развития психологической науки выступал предметом его научных размышлений еще в харьковский период жизни, а потому и зарождение некоторых принципиальных идей, становление психологического мировоззрения датируется еще более ранними годами. В частности, в 1931 г. в Харькове проходила «Дискуссия о положении на психологическом фронте». П. Я. Гальперин принимал участие в этой дискуссии и в сво-

ем выступлении отметил следующее: «В содержании психологических явлений как человеческой деятельности нужно искать предмет психологии и именно с овеществленной в продукте труда (в широком смысле) человеческой деятельности, как психологического содержания, следует начинать психологическое исследование» (Дискуссия..., 1931, с. 33). П. Я. Гальперин задался вопросом о путях изучения содержания психических явлений и выделил два таких пути. С одной стороны, поскольку «психика ориентирует нас в огне, воде и пр., прежде всего содержание душевной жизни должно быть рассмотрено в отношении к внешнему миру» (там же). С другой стороны, мы должны исследовать отношение этого содержания к органическому субстрату. Эти две линии исследования решают задачу изучения «содержания» психики «по отношению к действительности «моего» тела и «моей» естественной и социальной среды» (там же). П. Я. Гальперин предложил также собственное решение проблемы субъективного и объективного: «...если мы имеем дело с предметным содержанием психики, то именно в этой предметности оно вынесено во вне и объективировано» (там же). Эти положения впоследствии получили конкретно-психологическое развитие.

Первое официальное упоминание нового понимания предмета психологии датируется 1952 г., когда П. Я. Гальперин представил свою точку зрения на Всесоюзном совещании по психологии («Совещание по вопросам перестройки психологической науки на основе труда Сталина по вопросам языкознания и в свете решений объединенной сессии АН СССР и АМН СССР»). У Гальперина не было запланированного доклада; он выступил в прениях и отметил, что в психологии наметились две линии исследований: имеющая за собой небольшое число сторонников линия сотрудников кафедры психологии Московского университета и линия Института психологии АПН РСФСР с громадным числом сторонников: «Но... вопросы истины не решаются голосованием. Истина отображает объективную действительность, а действительность себя покажет и сумеет постоять за себя» (Материалы..., 1953, с. 99). В заключительном слове А. А. Смирнов и Б. М. Теплов усомнились в продуктивности развиваемых П. Я. Гальпериним идей, а само выступление Гальперина Теплов квалифицировал как «симптом наличия нездоровых настроений» (Материалы..., 1953, с. 270).

Спустя год П. Я. Гальперин выступил на Совещании по вопросам психологии с докладом «Опыт изучения формирования умственных

действий у школьников». Это выступление было первым подробным изложением предлагаемой им концепции формирования умственных действий с опорой на проведенные экспериментальные исследования. В последующие годы под руководством П. Я. Гальперина были выполнены экспериментальные работы, позволившие не только доказать верность развиваемого подхода, но и уточнить отдельные положения. Тем не менее, в конце 1950—начале 1960-х годов на страницах журнала «Вопросы психологии» вокруг теории поэтапного формирования развернулась дискуссия, в ходе которой Ю. А. Самарин, А. А. Люблинская, Н. А. Менчинская, Е. Н. Кабанова-Меллер высказали по поводу теории свои возражения. В 1960 г. Гальперин ответил оппонентам, отметив, что «различные явления, которые приводятся для опровержения гипотезы, на самом деле служат дальнейшим ее подтверждением» (Гальперин, 1960, с. 146).

Было бы ошибочно не упомянуть о так называемой «домашней» дискуссии 1969 г. по вопросам психологической теории деятельности, однако сама дискуссия касалась не столько подхода П. Я. Гальперина, сколько общепсихологической теории деятельности и направлений ее последующего развития. Другое дело, что именно эта дискуссия позволила четко обозначить общепсихологический статус концепции П. Я. Гальперина как деятельностной, обеспечивающей экспериментальное исследование операциональной стороны деятельности (в отличие от мотивационной, выступившей предметом изучения для А. Н. Леонтьева).

Наконец, выход основного труда П. Я. Гальперина «Введение в психологию» (Гальперин, 1976) также сопровождался немалыми трудностями. В настоящее время это небольшое по своему объему издание относится к классическим, однако изначально вызвало критические замечания. А. А. Леонтьев и Д. А. Леонтьев сообщают о том, что после публикации «Введения...» между А. Н. Леонтьевым и Гальпериним состоялся обстоятельный неллицеприятный разговор, так как книга вызвала у Леонтьева массу критических замечаний. Как отмечают А. А. Леонтьев и Д. А. Леонтьев в комментариях к изданию «Философия психологии» А. Н. Леонтьева, «теория поэтапного формирования П. Я. Гальперина, опираясь в ряде существенных положений на деятельностный подход А. Н. Леонтьева, по сути представляла собой его редуцированный вариант, доказавший свою практическую эффективность в ряде прикладных областей, однако вряд ли подходящий для выполнения роли общепсихологической теории» (Леонть-

ев, 1994, с. 285). П. Я. Гальперин не отказался ни от одного из положений своей теории.

Те серьезные научные преграды, которые вставали на пути распространения теории П. Я. Гальперина в профессиональном психологическом сообществе, невольно способствовали привлечению внимания как к дискуссионным положениям теории, так и к ее автору. Число сторонников и последователей теории П. Я. Гальперина значительно возросло. Это и позволяет на отдельно взятом примере говорить о позитивном, стимулирующем влиянии научных дискуссий на развитие психологической науки.

Литература

Гальперин П. Я. Несколько разъяснений к гипотезе умственных действий // Вопросы психологии. 1960. № 4. С. 141–148.

Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1976.

Дискуссия о положении на психологическом фронте // Советская психоневрология. 1931. № 2–3. С. 7–52.

Материалы совещания по психологии: Стенографический отчет // Известия АПН РСФСР. 1953. Вып. 45.

Леонтьев А. Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М., 1994.

Субъектность естественного и искусственного интеллекта

И. А. Суров (Университет ИТМО, Санкт-Петербург)

Приложение обычных психологических критериев к системам искусственного интеллекта наделяет его субъектностью, что ведет к ряду неприемлемых правовых следствий. В докладе показано, как эта проблема решается на основе различения двух типов неопределенности: субъективного незнания и объективной многовариантности будущего. При этом субъектность, определяемая как способность к разрешению неопределенности объективного типа, остается свойством человека, тогда как искусственные системы, напротив, субъектностью не обладают в силу своей алгоритмичности. Представленный подход устраняет противоречие субъектно-деятельностной психологии с нормами традиционной этики, а также расширяет область ее применимости в современной техно-социальной среде.

Ключевые слова: субъект, неопределенность, детерминизм, алгоритм, интеллект.

Субъект как активно действующее лицо является главным предметом гуманитарных наук. При этом качество субъектности, т. е. способность индивида к свободному и творческому познанию и деятельности, является отличительной характеристикой живого, обуславливающего его высшую ценность (Брушлинский, 2003). Такая способность человека очевидно выделяет его на фоне мебели, техники, зданий и других элементов окружающей среды. Современное развитие информационных технологий, однако, делает это отличие все менее явным.

Системы искусственного интеллекта (ИИ) все более совершенно имитируют мышление человека при распознавании звуков и образов, в играх с полной и неполной информацией, выявлении скрытых закономерностей в данных, прогнозировании будущего и принятии решений, обучении и других когнитивных процессах. Достигнут большой прогресс в имитации речевого поведения, машинном написании научных и художественных текстов и компьютерных программ, картин и музыки, обычно рассматриваемых как примеры творческой ра-

боты. В этой связи рядом исследователей субъектность приписывается ИИ по условию их функциональной неотличимости от человека. В русле этой функциональной логики лежат прецеденты по надделению искусственных интеллектуальных и робототехнических систем авторскими правами и гражданством.

Возникающее противоречие философско-гуманитарного и функционально-прикладного подходов к понятиям субъекта и объекта становится одной из острейших проблем современности (Агеева, 2015). В этой связи возникает необходимость в сущностном определении субъектности, равно применимом к живым и к искусственным интеллектуальным системам. В отсутствие научного ответа на этот вопрос, его решение на основе частных коммерческих интересов несут большие риски, отмечаемые в том числе ведущими разработчиками ИИ (Future of Life Institute, 2023).

Вероятностное определение субъектности

Достаточно общее определение субъектности требует использования общенаучных категорий, применимых в живой и неживой природе. В этой логике кибернетический подход к определению субъектности основан на понятиях вероятности и предопределенности (детерминизма) (Брушлинский, 1970). Движение, например, механической системы однозначно предопределено законами физики, позволяющими вычислить ее будущее состояние сколь угодно точно.

Творческое поведение человека, напротив, такому предсказанию не поддается в силу его неустранимого произвола. В отличие от мяча, поведение футболиста многовариантно: он может использовать тот или иной из освоенного набора игровых приемов, однако предсказать этот выбор точно не представляется возможным. В каждой игровой обстановке можно оценить лишь вероятность того или иного действия. Вероятностное (непредсказуемое, стохастическое, случайное) поведение отличает субъекта от объекта: игроки, команды и тренеры субъектны, тогда как фонари, кроссовки и мячи нет.

Проблема

Непредсказуемость, однако, легко достигается в компьютерной программе; таковой может быть, например, выдача единицы или нуля с вероятностями по 50% с помощью генератора случайных чисел,

встроенного в любой высокоуровневый язык программирования. Когда вместо единицы и нуля альтернативами являются разные ответы чат-бота на пользовательский запрос, такая программа будет показывать непредсказуемое речевое поведение. Если полученные единица и ноль далее включают различные моторы, то результатом будет непредсказуемая, свободная, творческая деятельность робота.

В обоих случаях такая деятельность будет обусловлена как внешними стимулами (сигналы с детекторов, запросы пользователя и т. д.), так и постоянно дообучающимся состоянием встроенной нейросети. Таким образом, «внешние причины действуют через внутренние условия» в полном соответствии с «диалектическим принципом детерминации», используемым для отличия человека от инертных систем (Брушлинский, 1970). При этом в ходе дообучения сети ее числовые параметры все полнее отражают свойства окружающей среды и связи между ними. Таким образом «из объекта вычерпывается все новое содержание», что, согласно А. В. Брушлинскому, составляет «единственный источник продуктивности», т. е. творческого характера мышления (там же).

В соответствии с этими критериями, современные системы ИИ следует считать субъектными, что влечет за собой, в частности, присвоение ему юридических прав и приравнивание их к правам человека. Эти и другие следствия классического подхода к субъектности входят в противоречие с этикой большинства традиционных культур. В этой связи возникает необходимость такого определения субъектности, при котором результаты психологических исследований можно было бы распространить на искусственные и гибридные интеллектуальные системы.

Объективная и субъективная неопределенность

В представляемом решении этой задачи ключевым является понятие неопределенности, т. е. неизвестности состояния некоторого предмета. Неизвестным может быть, например:

1. Число слов в этой статье, температура на улице или местоположение затонувшего корабля.

Или может быть неизвестен, например:

2. Ожидаемый ответ человека на некий вопрос, исход спортивного состязания или пол еще не зачатого ребенка.

Отмеченная выше проблема обусловлена тем, что неизвестность в этих примерах обозначается одним и тем же словом «неопределенность», тогда как между ними есть принципиальное различие (Суров, 2021).

Неопределенности, перечисленные в пункте 1, обусловлены чьим-либо незнанием фактического состояния предмета. Человеку может быть неизвестно число слов в тексте читаемой книги, но на самом деле оно существует и точно определено. Правильный подсчет даст это число и никакое другое. То же самое верно для неизвестной исторической даты, текущей погоды, расположения предметов и т. д. Один человек может их знать, а другой одновременно с этим — не знать. Такие неопределенности можно назвать субъективными или классическими.

Неопределенности, перечисленные в пункте 2, напротив, обусловлены не субъективным незнанием, а тем, что соответствующее состояние в действительности еще не определено. Ответ человека часто формируется в процессе разговора и зависит от формулировки и тона вопроса, общего контекста и настроения собеседников; пол ребенка и исход (честного) футбольного матча определяется огромным числом микроскопических событий и решений в процессе игры. Незнание исхода этих событий неизвестно не в результате субъективного невежества, а в силу объективной многовариантности будущего. Неопределенности такого типа можно назвать объективными или квантовыми (Суров, 2021).

Алгоритм, информация, творчество

Разрешение неопределенностей объективного типа заканчивается получением результата, не предопределенного заранее, а созданного свободной деятельностью субъекта. Такой результат не может быть получен выполнением какого-либо алгоритма; в противном случае, он был бы заранее предопределен этим алгоритмом и начальными условиями.

Разрешение субъективной неопределенности, напротив, всегда следует некоторому алгоритму. Это может быть алгоритм подсчета слов или поиска информации, метод поиска предмета на дне океана или закон Ньютона, предопределяющий траекторию мяча после удара. Во всех случаях этот алгоритм копирует искомую информацию с объекта в нервную систему человека, устраняя его личное незнание.

Результат разрешения объективной неопределенности, напротив, получается путем не копирования, а создания новой информации. Такое создание нового и есть суть творческой деятельности, алгоритмизировать которую по определению невозможно.

В этом представленный подход отличается от рассмотренной выше кибернетической логики: «вычерпывание» (см. цитату выше), по смыслу этого слова, есть перенос уже существующей информации с одного носителя на другой, при котором ничего нового создано быть не может.

Определение субъекта

Из приведенной логики вытекает следующее определение: субъектом является индивид, управляющий разрешением объективной неопределенности.

В применении к творческой деятельности человека это определение согласуется с классическим выводом субъектно-деятельностного подхода. В применении к искусственному интеллекту, однако, это определение дает новый результат.

Следствие: (бес)субъектность ИИ

Сколь угодно сложный ИИ есть лишь более или менее длинная программа с более или менее объемной памятью, которые определяют ответ системы на любой пользовательский запрос. Следовательно, неопределенность о содержании такой выдачи всегда относится к первому, субъективному типу. Привлечение генераторов (псевдо)случайных чисел этого вывода не меняет, так как такие генераторы также есть алгоритм, вычисляющий результат на основе так называемого случайного состояния машины. Согласно данному определению, никакая программная система (на основе классического вычисления) субъектностью обладать не может.

Выводы

Представленное определение устраняет противоречие субъектно-деятельностной психологии с традиционной этической установкой, согласно которой машина субъектом быть не может.

Использованный для этого понятийный аппарат, различающий неопределенности объективного и субъективного типа, имеет боль-

шой потенциал развития. Интерес представляет, в частности, разработка методов определения типа конкретных поведенческих неопределенностей, нахождения соответствующих субъектов, а также сопряжение представленного подхода с существующими моделями развития, творчества и субъектогенеза в современной техно-социальной среде.

Литература

- Агеева Н. А.* Проблема субъектности в контексте научно-технологического развития // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 4. С. 2–10.
- Брушлинский А. В.* Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Future of Life Institute. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments> (дата обращения: 12.05.2023).
- Surov I. A.* Quantum cognitive triad: semantic geometry of context representation // Foundations of Science. 2021. V. 26. № 4. P. 947–975.

Объективация потенциала человека как фундаментальная проблема психологии

А. П. Якунин (ООО ЦДС «Потенциал», Санкт-Петербург)

Целью доклада является анализ методологических и теоретических аспектов проблемы объективации психологического потенциала человека в процессе экстерииоризации. Проводится методологическое обоснование некоторых единиц анализа психического, а именно: субъектность, субъективное и объективное. Делается вывод, что решение проблемы объективации на данном этапе развития психологической науки зависит от решения следующих проблем: 1) разграничение и установление предметов исследования общей и социальной психологии; 2) диалектика сознания и бессознательного; 3) детерминация субъективного и объективного; 4) отражение как функция психического.

Ключевые слова: психология, методология, теория, индивидуальный субъект, объективация, единицы анализа психического.

Вопрос о роли и месте психологии как научной дисциплины в кругу других дисциплин остается открытым не по причине прямого непризнания научной дисциплины как таковой, а по причине нерешенности ее фундаментальной проблемы, а именно: проблема психологических особенностей объективации потенциала человека. Представители других, естественнонаучных, дисциплин требуют закона, прогнозирующего, что любое внешнее проявление человека детерминировано конкретной психологической структурой этого человека. Данное требование естественно для неспециалистов в области конкретной дисциплины, умеющих пользоваться прогностическими средствами этой дисциплины и, как правило, не знающих самого закона, обосновывающего применение данного средства. Поэтому открытие закона, раскрывающего обусловленность объективации потенциала человека психологической структурой этого человека, является первостепенной задачей психологии как науки. Само открытие данного закона обусловлено наличием закона об обусловленности формиро-

вания субъективного уровнем интеллекта человека, который является сложноинтегрированной психологической структурой человека. Таким образом, выдвижение предложения об исследовательском поиске некой психологической структуры, обуславливающей объективные формы реализации потенциала человека, становится очевидной. Целью доклада является анализ методологических и теоретических аспектов проблемы объективации психологического потенциала человека в процессе экстерииоризации.

Проблема феномена объективации была впервые представлена Д. Н. Узнадзе в рамках исследования психологии установки (Узнадзе, 2001). Д. Н. Узнадзе пришел к следующему пониманию объективации: «Акт объективации имеет в виду наличие в действительности объектов, на которые можно было бы человеку направить свои акты, с тем чтобы повторно заметить и в этом смысле объективировать их, а затем, при помощи специальных познавательных функций, уяснить себе, что они представляют собой. Таким образом, объективация не создает объектов, они существуют в объективной действительности, независимо от наших актов, — обращает наличные объекты в предметы, на которых мы концентрируем наше внимание, или, говоря точнее, которые мы объективируем» (там же, с. 162). Исходя из данного определения, можно констатировать, что сущность акта объективации есть опредмечивание наличного объекта посредством некой психологической структуры. При разговоре о некой психологической структуре, утверждается понимание, что на современном этапе развитие психологической науки одним процессом внимания не ограничивается психологическая структура, объективирующая наличный объект в человеческий предмет. Любое, даже самое минимальное по интенсивности взаимодействие человека с объектом превращает этот объект для данного человека в некий предмет (Рубинштейн, 2012). Но тем не менее, и за этим минимальным взаимодействием стоит сложная психологическая структура (там же). Именно на исследование того, какая психологическая структура обуславливает объективацию, т. е. опредмечивание человеком наличного объекта, была обращена программная статья А. В. Брушлинского (Брушлинский, 1991). Он рассматривал процесс экстерииоризации как основополагающий в исследовании сущности психологии человека, поскольку исследование психологии человека в процессе экстерииоризации решает не только проблемы самой психологии, но и проблемы гуманитарного знания о человеке в целом, определяя место конкретного

человека в Социуме (там же). В. Н. Панферов, в рамках схемы психической деятельности человека в процессе экстерииоризации, предложил рассматривать объективацию как одну из базисных позиций человека («Я-реальное»), результирующую активность человека, порождаемую взаимообусловленностью других базисных позиций человека: «Я-могу», «Я-должен», «Я-хочу» и «Я-идеальное» (Панферов, 2002). Формами объективации, согласно автору, выступают телесные движения, предметные действия, поступки, поведение, деятельность, внешний облик, речь, межличностные отношения и социальное положение, посредством которых человек опредмечивает объект взаимодействия (там же). Таким образом, проблема объективации психологического потенциала человека может быть выражена более конкретно, а именно: установление психологической структуры человека, обуславливающей одну из перечисленных форм объективации потенциала человека или их совокупность, опредмечивающих объект взаимодействия.

Установление конкретной формы объективации потенциала человека дает возможность поиска единиц анализа психического в решении проблемы психологической структуры, обуславливающей объективацию той или другой формы. Вопрос о единицах анализа психического, на мой взгляд, является ключевым в решении указанной проблемы, поскольку его решение позволит сформулировать общеметодологические обоснования решения проблемы объективации. Теоретически обобщая положения принципов субъекта, детерминации, развития, системности, трансформации, жизнедеятельности, единства сознания и деятельности, а также работы отечественных авторов по исследованию проблемы единиц анализа психического, можно утверждать, что данными единицами выступают субъектность, субъективное и объективное, которые находятся в разной степени взаимообусловленности. Говоря о разной степени обусловленности, авторы не просто указывают на меру математического критерия уровня данной обусловленности, что важно для эмпирических исследований (Ломов, 1984), но и обобщают методологические идеи С.Л. Рубинштейна о всеобщности механизмов на разном уровне психического как целого (Рубинштейн, 2012). В данном случае речь идет о всеобщности механизма причинно-следственной взаимообусловленности на всех уровнях психического, который есть выражение силы активности любого системного качества психического (когнитивный процесс, психическое состояние, субъективный образ, поведение

и так далее). Объединение положений принципа детерминации о всеобщности взаимосвязи и взаимообусловленности в Природе и Мире и положений принципа субъекта об активности психического дает основание утверждать, что сила активности любого системного качества психического порождает разную меру воздействия на другие системные качества психического, что и получает свое объективное отображение в результатах корреляционного и факторного анализов. Таким образом, субъектность, субъективное и объективное как обобщенные системные качества психического обладают разным уровнем силы активности воздействия друг на друга, что и определяет разную степень взаимообусловленности между ними. Многочисленные эмпирические исследования показали, как говорилось выше, взаимообусловленность между уровнем интеллекта и сформированностью субъективного образа, что означает, что сила активности интеллекта выше силы активности субъективного образа, что и определяет прямое воздействие интеллекта на субъективный образ. В то же время силы активности интеллекта недостаточно для формирования любой формы объективации, что фиксируется результатами корреляционного анализа в эмпирических исследованиях. Исследования в социальной психологии показали, что сила активности воздействия субъективного и объективного друг на друга находится в прямой зависимости от конкретной ситуации, в рамках которой между ними может отсутствовать какая-либо взаимосвязь и взаимообусловленность (эксперименты А. В. Петровского) (Ломов, 1984). Таким образом, можно утверждать, что между субъектностью, субъективным и объективным существует разной степени взаимообусловленность, а именно: между субъектностью, субъективным и объективным – прямая, тогда как между субъективным и объективным – вероятностная. Опираясь на такое понимание степени взаимообусловленности между данными единицами анализа психического, на мой взгляд, можно выйти на решение проблемы детерминации объективации психологического потенциала человека.

С другой стороны, в психологии существует ряд конкретных вопросов, от выяснения которых зависит решение рассматриваемой нами проблемы объективации потенциала человека в предлагаемом направлении. Первая проблема есть разграничение и установление предметов исследования общей и социальной психологии. В рамках общей психологии человек исследуется как «изолированный» индивид, тогда как социальная психология исключает конкретно-

го человека из предмета (Брушлинский, 1991). На основании работ С.Л. Рубинштейна можно говорить, что предмет общей психологии есть установление системной организации человека и исследование всеобщности механизмов на разных уровнях психического, а предмет социальной психологии — исследование психологических закономерностей объективации потенциала человека как представителя группы, обуславливающих психологические закономерности самой группы (Рубинштейн, 2012). Другая проблема связана с вопросом диалектики бессознательного и сознания, так как в настоящее время в психологии стало очевидно, что положения о единстве сознания и деятельности недостаточно, поскольку сознание не всегда регулирует другие формы объективации. Данная проблема, как мной было предложено ранее, должна решаться на основании понятия смысловой сферы как формы объективации, диалектически объединяющей сознание и бессознательное. Проблема детерминации субъективного и объективного в психологии заключается в нарушении правила Д. Юма: нельзя структуру результата причины рассматривать как структуру самой причины, что часто нарушается в психологии. Наконец, четвертая проблема связана с категорией «отражение», которую предлагают заменить понятием «конструирование». Положение принципа субъекта о непрерывности психического дает однозначное решение в отношении именно отражения как непрерывного явления психического (Брушлинский, 1991), чего нельзя сказать о конструировании как прерывном явлении, что влияет на решение проблемы объективации.

Литература

- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психологический журнал. 1991. Т. 13. № 6. С. 3–11.
- Ломов Б. Ф.* Теоретические и методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Панферов В. Н.* Психология человека: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2002.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012.
- Узнадзе Д. Н.* Психология установки. СПб.: Питер, 2001.

ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА, СУБЪЕКТОГЕНЕЗ

Кризис как актуализатор личностного роста и развития

Н. П. Андриюшкова (ДонГУ, Донецк)

Статья посвящена анализу жизненного кризиса как потенциально-го актуализатора личностного роста и развития. Автор отмечает, что преодоление жизненного кризиса предполагает самоизменение личности. Происходят трансформации элементов ценностно-смысловой сферы, аккумулятивное накопление опыта, его структурирование, активизация собственных возможностей, расширение круга форм и способов существования, осознание наличия сложившихся у него личностных изменений и собственной продуктивной самореализации.

Ключевые слова: личностный рост, личностная зрелость, развитие, кризис, ресурс.

Во время переживания жизненного кризиса человек становится достаточно чувствительным к внешним воздействиям. Совершенно незначительные раздражители могут вызвать целую серию эмоциональных проявлений, причем больше отрицательного характера. Однако, именно опыт овладения собой, собственными негативными эмоциями становится для человека решающим моментом, который приводит к осознанию личного авторства в тех событиях и ситуациях, которые разворачиваются в жизненном пространстве личности.

Именно осмысленные в ходе пережитого кризиса переживания актуализируют у личности новые, еще неиспользуемые им внутренние резервы. Внутренний потенциал, который повышает жизненную мотивацию. Как подтверждает опыт психологов-практиков, человек, преодолевший жизненную кризисную ситуацию, приобретает способность овладевать новыми способами самореализации и самоосуществления себя в дальнейшей жизни (Титаренко, 2010).

Преодоление кризиса может привести либо к сохранению своего «Я» и жизненного замысла, либо к «перерождению» личности, обновлению духовного мира, системы ценностей.

Важно подчеркнуть, что конечным следствием кризиса при успешном его преодолении и получении положительного объективного ре-

зультата, сопряженного с личностным ростом и субъективным переживанием собственного успеха и личностной ценности и целостности, является укрепление чувства уверенности в себе, собственной значимости, а также положительной трансформации самой личности. Наряду с этим происходит обогащение психологических ресурсов человека, включение в его багаж новых адаптационных стратегий поведения. Все это указывает на конструктивный поворотный пункт в жизни человека, в его личностном развитии.

А. В. Быков утверждает, что при преодолении кризисов происходит развитие волевых качеств, таких как: настойчивость, организованность, целеустремленность, терпение, выдержка и др. Ведь для разрешения возникающих противоречий человеку нужно повышать качество выполнения деятельности, использовать новые формы и способы действий и добиваться их осуществления. В процессе разрешения жизненного кризиса формируется индивидуальный стиль проявления волевой регуляции, определяющей успешность, результативность, качество жизнедеятельности человека (Быков, 2002).

Следовательно, жизненный кризис как импульс к развитию и саморазвитию человека дает ему возможность осознать собственную траекторию жизни, увидеть как бы по-новому приобретенный жизненный опыт из прошлого, погрузиться в ценностное творение настоящего и свободно и ответственно идти к будущему.

Разрешение личностью жизненного кризиса всегда является шагом к продвижению вперед, к личностному росту, самосовершенствованию и саморазвитию.

Первый важный момент в становлении личности после кризиса связан с актуализацией личностной автономии. Человек все больше и больше становится независимым от социальных и психологических условий, которые препятствовали его продуктивной жизни. Саморазвитие на фоне пережитого кризиса повышает уровень свободы человека, делает его значительно свободнее от оценок других, рефлексивных ожиданий окружающих, требований близкого окружения. У личности появляются новые способности, в частности способность защищать границы собственного личного пространства, возможность удерживать должную психологическую и социальную дистанцию с окружающими. В целом саморазвитие увеличивает уровень самоуважения человека и расширяет его внутреннюю свободу (Фризен, 2016).

Второй важный момент связан с тем, что обновленный после пережитого кризиса опыт человека становится толчком для развития творчества, новых открытий, новых взглядов, прозрений. При этом творческий человек удаляется от социальных стереотипов, не пользуется готовыми руководствами в деятельности и общении, а проявляет собственную индивидуальность, уникальность, нестандартность.

Третий момент определяет то, что пережитый кризис приводит человека к глубокому восприятию реалий жизненного пространства. По мнению К. Роджерса, человек становится способным воспринимать реальность такой, какой она есть. Причем в этой реальности он и себя воспринимает таким, каким он есть. Личность после пережитых кризисных ситуаций начинает воспринимать жизненный мир и себя в нем не иллюзорно, а более четко, правдиво, реально (Соловейчик, 2006). Личность становится мудрее, более открытой и свободной. Все вокруг становится истинным, с позитивами и негативами всего сущностного. Такой уровень постижения себя и жизненного мира свидетельствует о достижении человеком личностной зрелости (Никитина, 2021).

С обретением человеком опыта процесс личностного роста может становиться более урегулированным и автономным. Личностные изменения человека актуализируются фоном пережитых им жизненных кризисов и опытом. Следует подчеркнуть, что потенциал личностного развития заложен в истоках каждого человека, равно как заложены ресурсные возможности для возникновения и переживания человеком жизненных кризисов. Последние необходимы для продуктивного развития человека, поскольку именно они вызывают у него экзистенциальные переживания, связанные с актуализацией смысловых ценностей. Ведь в течение периодов жизни, которые более или менее стабильны, в жизненном пространстве человека также происходят изменения, однако они не такие радикальные и значимые, как во время жизненных кризисов.

Литература

- Быков А. В.* Становление волевой регуляции в кризисные периоды развития личности // Прикладная психология и психоанализ. 2002. № 4. С. 5–25.
- Никитина Е. А.* Современные исследования мудрости: состояние и перспективы // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2. С. 15–24.

- Соловейчик М. Я.* Кризис и основы кризисной интервенции // Искусство психологического консультирования. СПб.: Речь, 2006. С. 98–111.
- Титаренко Т. М.* Испытание кризисом: Одиссея преодоления. М.: Когито-Центр, 2010.
- Фризен М. А.* Субъектность формирующейся личности в плане саморазвития // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2 (66). С. 136–139.

Психические состояния на разных этапах общения студентов-дефектологов и психологов

Л. В. Артищева (КФУ, ИПО, Казань)

Статья посвящена исследованию состояний общения будущих дефектологов и психологов. Общение пронизывает все сферы жизнедеятельности человека, является неотъемлемой его частью. Эмоциональный аспект общения позволяет дать оценку ситуации и условиям общения, друг другу, выстраивать эффективное взаимодействие, определять ход общения и его результат. Состояния общения дефектологов и психологов имеют как общие черты, так и различия. К состояниям общения можно отнести широкий спектр состояний, но ядерные образования формируют радость и заинтересованность. Этапы общения сопровождаются разными состояниями и имеют свою специфику в каждой группе.

Ключевые слова: психические состояния, состояния общения, общение, психологи, дефектологи, отношения, взаимодействие.

Общение встроено в жизнь человека повсеместно. Любая жизненная активность подразумевает общение. Понятие общения представлено в научной литературе достаточно широко (психология, филология, философия, лингвистика). Общение классиками психологической науки определяется как деятельность, с одной стороны, и как обязательный компонент всех других видов деятельности, связанных с взаимодействием людей, с другой стороны (Андреева, 2001; Бодалев, 1995; Ильин, 2009). В общении раскрывается социальное и индивидуальное человека, в процессе общения происходит не только обмен информацией, но и люди познают друг друга, регулируют процесс и себя, выстраиваются отношения, преобразуется внутренний мир каждого (Бодалев, 1995; Ильин, 2009). Общение есть реализация всей системы отношений человека (Андреева, 2001).

Общение не является статичным результатом взаимодействия людей, оно всегда динамично, обусловлено личностью каждого участника общения, их мотивами, целями, установками, а также мож-

но выделить и внешние факторы – ситуация и условия общения, этапы и стадии общения. Так, например, Мясищев рассматривает общение как процесс взаимодействия конкретных личностей, которые в определенной мере влияют друг на друга, взаимодействуют, относятся друг к другу и отражают друг друга (Бодалев, 1995; Ильин, 2009).

Он выделяет в общении главное, это обращение человека с человеком (отношение, отражение, способы поведения). В общении, по его мнению, включены обращение и отношение людей между собой (они могут как совпадать, так и быть противоположными), что проявляется в поведении, которое демонстрируется во время общения. И все переживания, сопровождающие общение как взаимодействие людей разрушают, укрепляют или реорганизуют это взаимодействие. В переживаниях проявляется личность каждого. По мнению Мясищева, общение нельзя сводить только к речевой деятельности, содержательные и действенные элементы общения заключаются и в проявляемых эмоциях. Он изучал воздействие общения на психические процессы, психические состояния и свойства человека. Отклонения во внутренней основе общения детерминируют появление напряжения, что в свою очередь, влияет на протекание психических процессов и эмоциональную сферу человека (Бодалев, 1995). То есть эффективность общения обусловлена не только личностными особенностями людей, но и их эмоциональной составляющей, как человек сопереживает другим, умеет понимать свои состояния и других людей, способен регулировать свои состояния и поведение.

А. А. Бодалев отмечает, что эмоциональные состояния, возникающие в процессе общения или сопровождающие его, могут быть очень неоднозначными, зависящими от ряда факторов (манера и стиль общения, выработанные способы поведения, личностные характеристики, ожидания и требования сторон общения). Способы общения формируют определенный опыт эмоциональных переживаний, связанный с общением (там же). Он отмечает, что общение как деятельность играет важную роль в развитии эмоциональной сферы человека, в формировании его чувств. То есть мы можем говорить о том, что общение не только детерминирует те или иные психические состояния, эмоциональные переживания, которые позволяют регулировать процесс общения, влиять друг на друга и оценивать ситуацию, но и формирует определенные личностные качества на основе эмоционального опыта и опыта общения.

Включенность эмоционального компонента в общение отражена и в работах Г. М. Андреевой. В рамках коммуникативной стороны общения происходит обмен не только информацией, но и настроением, чувствами, эмоциями, психическими состояниями. Значит возникающие в общении состояния и эмоциональные переживания не только выступают результатом оценки ситуации и собеседника, отношения к ним, но и выступают своего рода «информационным элементом», который передается другому. Например, человек, находясь в радостном и приподнятом состоянии, делится приятной новостью, стремится поделиться и позитивным своим настроением, состоянием радости. В контексте интерактивной стороны общения, связанной с взаимодействием людей, организацией совместной деятельности, эмоциональный компонент общения может выступать регулятором этого взаимодействия, а также, как отмечал Обозов, может «окрашивать» взаимодействие. Перцептивная сторона общения, подразумевающая восприятие друг друга, естественным образом сопровождается возникновением определенных эмоций, психических состояний и чувств. При восприятии друг друга формируется определенное отношение друг к другу и оценка, что влечет за собой рождение широкого спектра чувств, состояний, т. е. речь идет об эмоциональном отношении к воспринимаемому человеку. Более того, люди имеют склонность намеренно вызывать в других людях определенный эмоциональный отклик по отношению к себе. Е. П. Ильин в своих работах предлагает включить еще и третью сторону общения, эмоциональную, как заражение эмоцией от другого и вызов эмоций у собеседника.

Таким образом, отметим, что эмоциональный контекст общения так или иначе присутствует в анализе общения как деятельности, как процесса, как взаимодействия людей. При изучении психических состояний перед нами встает вопрос о состояниях общения. Какие состояния мы можем определить как состояния общения, какие состояния сопровождают общение, детерминируют его, могут выступать результатом общения?

Организация и результаты исследования

Нами был создан опросник, который включает в себя 20 вопросов, отражающих условия коммуникации (Р. Вердербер, К. Вердербер), этапы общения (Л. Д. Столяренко), позиции в общении (Л. Д. Столяренко, Э. Берн), виды общения (Е. П. Ильин). Исследовались студенты,

обучающиеся по двум гуманитарным направлениям: дефектология (111 чел.) и психология (38 чел.), чья будущая профессиональная деятельность напрямую связана с взаимодействием и общением с широким кругом людей и выстраиванием коммуникативного контакта для достижения эффективности работы с ними. В данной статье мы раскроем результаты лишь по двум пунктам опросника:

1. Какие психические состояния вы относите к состояниям общения / испытываете в процессе общения?
2. Если условно разделить общение на три части Начало—Середина—Окончание, какие состояния, на ваш взгляд, характерны для каждой части общения?

Мы высчитывали частоту встречаемости выделенных испытуемыми состояний. Также некоторые названные психические состояния были объединены в синонимичные группы (в основу был взят толковый словарь Ожегова). Подобное группирование обосновано тем, что часто одно и то же состояние и его оттенки могут определяться людьми по-разному, так, например, упадок сил после работы или другой деятельности кто-то обозначает как утомление, а кто-то – как усталость. В основе каждого психического состояния лежат физиологические процессы, отличие лишь в интенсивности, что позволяет нам объединить их в одну группу и суммировать значения.

Частота встречаемости психических состояний в ответах каждой группы варьирует от 0,08 до 0,63. Это позволяет нам выделить ядерные (встречаемые чаще всего) и околядерные (реже встречаемые) состояния или периферия. У дефектологов картина такая: радость/веселье (0,68), интерес/заинтересованность (0,52), следующий ряд состояний – спокойствие/безмятежность (0,24), воодушевление/увлечение/вдохновение (0,19), и по убыванию (периферия) грусть/печаль (0,16), тревога/волнение/беспокойство, любопытство (по 0,15), бодрость/энергичность/активность (0,14), удовлетворение/умиротворение (0,13), сосредоточенность/вовлеченность/внимательность, напряжение/стресс, неловкость/смущение/стеснение (по 0,12), усталость/утомление (0,11), безразличие/равнодушие (0,1), раздраженность, страх/испуг (по 0,08). У психологов иное распределение состояний: радость/веселье (0,58), интерес/заинтересованность (0,55), следующий ряд – воодушевление/увлечение/вдохновение (0,32), и периферия обозначена состояниями – сосредоточенность/вовлеченность/внимательность, скука (по 0,18), спокойствие/безмятежность (0,16), грусть/печаль,

напряжение/стресс (по 0,13), тревога/волнение/беспокойство, волнение, возбуждение (по 0,11), бодрость/энергичность/активность, раздраженность, удивление, эмпатия, усталость/утомление, неловкость/смущение/стеснение, сопереживание/сочувствие (по 0,08).

Далее рассмотрим общение более детально, как процесс, имеющий начало, середину и окончание. У дефектологов начало общения сопровождается состояниями заинтересованности (0,44), стеснением и неловкостью (0,19), тревогой и волнением (0,17), радостью (0,15). К середине общения у большинства сохраняется заинтересованность (0,34) и радость (0,16). Завершается общение усталостью и утомлением (0,29), удовлетворением (0,25), радостью (0,17) и грустью (0,14). Психологи демонстрируют немного иную картину динамики общения: начало общения сопровождается заинтересованностью (0,5), стеснением и неловкостью (0,16); к середине общения сохраняется заинтересованность (0,24), возникает воодушевление, увлеченность (0,21) и радость (0,18); завершается общение удовлетворением (0,24), радостью (0,16), спокойствием (0,16), усталостью и утомлением (0,13), грустью (0,13).

Итак, в заключение отметим, что состояния общения отражают различные сферы человека – эмоциональную, познавательную и физиологическую, могут быть высокого, среднего и низкого уровня психической активности, иметь положительную и отрицательную модальность.

«Ядерные» состояния в каждой группе единые, т. е. мы можем говорить о том, что к состояниям общения в основном относят состояния радости и заинтересованности, относящиеся к эмоциональным и познавательным состояниям, соответственно. Физиологические состояния в большей степени располагаются на периферии. Испытуемые демонстрируют схожесть в проявлении психических состояний при завершении общения, начало и середина же имеют специфику в составе ядра состояний и периферии.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Бодалев А. А.* Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995.
- Ильин Е. П.* Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009.

Сущность человека и ее проявления

В. К. Волков (ВГАС, Воронеж), *В. И. Козлов* (ВГТУ, Воронеж),

Ю. В. Струк (ВГМУ им. Н. Н. Бурденко, Воронеж),

О. А. Якушева (ВГМУ им. Н. Н. Бурденко, Воронеж)

Цель исследования – обосновать конструктивное понятие сущности человека и дать общую характеристику ее проявлений. Сущность человека – это совокупность свойственных ему программ, полученных по наследству и приобретенных в процессе жизни, которая с помощью мышления обеспечивает формирование его индивидуальных и личностных качеств и свойств. Сущность человека проявляется формированием трех типов индивидуальностей: простые, полные и возвышенные люди. Подтипами искаженных проявлений сущности человека являются: застывшие, подавленные, обозленные, бесплодно озабоченные люди. Авторы пришли к заключению, что знание конструктивного понятия сущности человека и общей характеристики ее проявлений поможет в каждом конкретном случае психологу, педагогу и врачу понять причины и условия жизненных неудач и невротозов, а также провести обоснованную терапию.

Ключевые слова: сущность и явление, конструктивное понятие, сущность человека, типы индивидуальностей, искаженные проявления сущности человека.

«Сущность и явление – категории философского дискурса, которые характеризуют устойчивое, инвариантное в отличии от изменчиво, вариативного. Сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающаяся в устойчивом единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия; явление – то или иное обнаружение предмета, внешние формы его существования. В мышлении эти категории выражают переход от многообразия изменчивых форм предмета к его внутреннему содержанию и единству – к понятию. Постигание сущности предмета и содержание понятия о нем составляют задачи науки» (цит. по: Симонов, 1987).

«Конструктивным является понятие, в котором общий (понятие) и отличительный (определение) признак объекта представлен указанием на алгоритм его создания» (Длугач, 2010).

Конструктивное понимание сущности человека и ее проявлений необходимо для успешного человекотворчества – главного предназначения культуры (психологии и педагогики). Были опубликованы работы (Волков и др., 2021, 2022; Длугач, 2010), позволяющие внести ясность в рассматриваемую проблему.

Цель исследования – обосновать конструктивное понятие сущности человека и дать общую характеристику ее проявлений.

Результаты исследования

Самобытная индивидуальность состоит, по крайней мере, из трех частей: сущности, ментальных начал и физического тела. Сущность человека – это совокупность свойственных ему программ, полученных по наследству и приобретенных в процессе жизни, которая обеспечивает формирование его индивидуальных и личностных качеств и свойств. Ментальные начала – свойство воспринимать реальность, организовывать мышление и взаимодействие с природой и обществом. Физическое тело – инструмент действий (Волков и др., 2022).

Потребность – специфическая (сущностная) сила живых организмов, обеспечивающая их связь с окружающей средой для самосохранения и саморазвития, источник активности живых систем (Volkov et al., 2020).

Потребности человека подразделяются на три вида.

1. Материально-биологические потребности сохранения (еда, одежда и безопасность).
2. Идеальные потребности роста (самосовершенствование).
3. Социальные потребности (общение, привязанность и дружба).

Реальные потребности могут относиться к конкретному виду или представлять комбинацию нескольких видов (Волков и др., 2021).

Совокупность программ свойственных человеку в процессе его жизни меняется: при приобретении программ, способствующих прогрессивному развитию (доминировании потребностей роста), сущность совершенствуется, в противном случае (доминировании потребностей сохранения) – деградирует.

«Мышление – активный процесс формирования и удовлетворения потребностей» (Длугач, 2010). Мышление человека состоит, по крайней мере, из трех сфер: подсознания – управление по известным программам (связано с прошлым), сверхсознания – выработка новых программ (связано с будущим) и сознания – организация мышления (связано с текущим моментом – настоящим).

Уточним понятие сущности человека: сущность человека – это совокупность свойственных ему программ, полученных по наследству и приобретенных в процессе жизни, которая с помощью мышления обеспечивает формирование его индивидуальных и личностных качеств и свойств.

В зависимости от доминирующих потребностей и развитости мышления среди людей формируются три типа индивидуальностей:

1. Простые люди (крайний тип) – доминируют потребности сохранения, расширено подсознание. Это оглядывающиеся в прошлое, живущие для себя, неограниченные потребители.
2. Полные люди (крайний тип) – доминируют потребности роста, расширено сверхсознание. Это устремленные в будущее, служащие людям и обществу, пришедшие к абсолютному знанию, создатели.
3. Возвышенные люди (промежуточный тип) – доминирующие потребности не сформированы, сознание активно развивается. Человека не удовлетворяет его жизнь, он начинает контролировать свои поступки и ищет выход (Волков и др., 2021).

«Информация – сведения об объектах, дающие возможность живому организму (системе) функционировать согласовано с ними» (Длугач, 2010).

Жизненные неудачи, вызванные обманом, неоправданными надеждами, подлостью, вынуждают человека замкнуться, что приводит к неадекватному восприятию реальности (информационной изоляции). Проявления сущности искажаются. Наблюдаются подтипы: застывшие – застывшее восприятие и притупленность ощущений; подавленные – общая подавленность, зависимость от обстоятельств, ощущения жизненного тупика и безысходности; обозленные – злость, обида, обостренная чувственность, зависимость от чувств, досада; бесплодно озабоченные – бесплодная озабоченность и навязчивые «думки» (Волков и др., 2021).

Искаженные проявления сущности человека выражаются в жизненных неудачах, страданиях, снижении работоспособности и эффективности целенаправленной деятельности. Возникновение синдрома эмоционального выгорания также можно связать с искажением сущности.

Выводы

1. Сущность человека – это совокупность свойственных ему программ, полученных по наследству и приобретенных в процессе жизни, которая с помощью мышления обеспечивает формирование его индивидуальных и личностных качеств и свойств.
2. Сущность человека проявляется формированием трех типов индивидуальностей: простые, полные и возвышенные люди.
3. Подтипами искаженных проявлений сущности человека являются: застывшие, подавленные, обозленные, бесплодно озабоченные люди.

Заключение

По нашему мнению, знание конструктивного понятия сущности человека и общей характеристики ее проявлений поможет в каждом конкретном случае психологу, педагогу и врачу понять причины и условия жизненных неудач и неврозов, а также провести обоснованную терапию.

Литература

- Волков В. К., Карасев А. И., Козлов В. И., Крамской С. И.* Об уточнении олимпийских ценностей // Олимпизм: истоки, традиции и современность // Сборник статей Всероссийской с международным участием науч.-практ. конф. / Под ред. А. В. Сыроева и др. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2021. С. 53–57.
- Волков В. К., Карасев А. И., Козлов В. И., Струк Ю. В.* Понятийные средства конструктивной теории адаптации // Культура физическая и здоровье. 2022. № 3. С. 150–154.
- Длугач Т. Б.* Сущность и явление // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. 2010. С. 682–683.
- Симонов П. В.* Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987.

Volkov V. K., Karasev A. V., Kozlov V. I. About the progressive development of modern man // Materials of the International Conference “Process Management and Scientific Developments”. Birmingham, United Kingdom, January 16, 2020. Scientific publishing house Infinity, 2020. P. 48–54.

Роль тела в построении идентичности у лиц, желающих сменить пол

В. В. Грибов (ИП РАН, Москва), *Н. В. Соловьёва* (Научный центр персонализированной медицины, Москва), *С. А. Креницкая* (Научный центр персонализированной медицины, Москва)

Рассматривается роль тела в построении идентичности, в том числе и гендерной идентичности. Предполагается, что существует три группы людей, которые обращаются в медицинские учреждения за подтверждениями для последующего проведения операции по смене пола: люди с рассогласованием между биологическим и психологическим полом; люди без такого рассогласования, но желающие провести операцию, так как считают, что это рассогласование у них есть; люди с дисморфофобическими нарушениями. Предполагается, что вторая группа – это люди с нечетким образом своего Я, с размытой идентичностью, не преодолевшие внутренний конфликт, избавившиеся от него тем, что восприняли трансгендерную идентичность извне. Рассмотрено влияние образа тела на гендерную идентичность и на развитие дисморфофобических нарушений.

Ключевые слова: трансгендерность, субъект, телесность, гендерная идентичность, идентичность.

Тема трансгендерности является одной из острых и при этом не до конца проясненных в эмпирическом отношении проблем. В настоящее время существуют два основных обозначения явления, при котором человек изъявляет желание сменить пол. Транссексуальность, или транссексуализм, является медицинским диагнозом, который ставится на основании четко прописанных в медицинских классификаторах критериев. В немедицинских кругах, в частности, в психологии, более применим термин трансгендерность, который обозначает несовпадение гендерной идентичности или гендерного выражения человека с биологическим полом. Соответственно, мы так же в нашей работе воспользуемся термином «трансгендерность».

В 2016 г. в США был проведен опрос, который показал, что 0,6% взрослых американцев идентифицировали себя как «трансгендеры», что в два раза превысило показатели, полученные в предыдущие десятилетия, в Европе, в Нидерландах опрос показал, что приблизительно 1,1% мужчин и 0,8% женщин идентифицируют себя с противоположным полом, среди учащихся школ 1,2–1,3% причислили себя к трансгендерам (Ягубов и др., 2022).

Предполагается, что существует три группы людей, желающих прибегнуть к операции по смене пола: люди, у которых наличествует рассогласование между биологическим полом и гендерной идентичностью; люди, которые желают сменить пол, но у которых такого рассогласования нет; люди с дисморфофобическими нарушениями. Предполагается, что люди, у которых нет рассогласования между глубинной гендерной идентичностью и биологическим полом, в отличие от людей, у которых такое рассогласование есть, таким образом стремятся преодолеть глубинные внутренние конфликты.

Телесный опыт (или опыт телесного взаимодействия) представляет собой ту основу, на которой строится последующее психическое развитие индивида, а также его психическое функционирование (Ребеко, 2015). То, каким будет этот опыт, непосредственно зависит от отношений матери и ребенка, т. е. при выходе ребенка из симбиотических отношений с матерью. Если удовлетворительного опыта слияния не было, то у индивида не сформируется четкого понимания своего Я. Важную роль на этапе сепарации—индивидуации и, как следствие, в основе формирования идентичности индивида, лежат телесные ощущения. Следует отметить и то, что если индивидуация—сепарация произошла слишком быстро, если она была травматической, это может привести к фобии близких отношений при одновременном страстном желании к слиянию, что может говорить о неустойчивости образа Я и слабом чувстве идентичности.

Для становления субъектности необходимым условием является формирование границы между Я и не-Я. Эта граница представляет собой не только разделение между внешним и внутренним, между Я и другим, но также и разделение между Я как субъектом, воздействующим на окружающее пространство, и Я как объектом, который пассивен и принимает воздействие на себя для последующей интеграции опыта. Соответственно, тело так же выступает и как субъект, активный, преобразующий, воздействующий на окружающий мир, и как объект, который испытывает и принимает воздействия как внеш-

него, так и внутреннего мира. Категория субъектности, прежде всего, связывается с такой характеристикой, как активность, которая может быть направлена как на внешний мир, так и на самого себя, свое тело, например, в рамках самосовершенствования, саморазвития. Согласно А. В. Брушлинскому, субъект представляет собой целостный конструкт, который объединяет психику, биологическое и социальное как единое и неделимое целое (Брушлинский, 1996). В контексте телесности субъекту присуща такая характеристика, как интенциональность, которая проявляется в готовности отвечать на воздействующие, например, на тело стимулы (Ребеко, 2015).

Т. А. Ребеко предлагает свою модель репрезентации тела, которая опирается на представление об интенциональности как о разноуровневой структуре, один полюс которой представлен минимальным Я, а другой – нарративным Я. Минимальное Я появляется на ранних этапах процесса онтогенеза, характеризуется включенностью в контекст, а также неразделенностью субъекта и объекта, определяется как осознание себя как непосредственного субъекта опыта, не протяженного во времени. Нарративное Я включает в себя уже личностную идентичность и протяженность во времени, оно имеет репрезентацию цели, в которой субъект отделен от ее реализации, это уровень осознания себя в качестве агента действия. Минимальное Я делится, в свою очередь, на два модуля: 1) чувство самопринадлежности, которое представляет собой феноменологию опыта переживания (или опыта претерпевания) как относящегося к себе, т. е. непосредственно к индивиду; 2) чувство самоагентности, которое представляет собой переживание того, что индивид является тем, что вызывает или порождает действия (Ребеко, 2015). Согласно Т. А. Ребеко, репрезентация тела может быть представлена тремя модулями: представление о границе тела, представление об объеме и плотности тела и представление о Другом (Я–Другой). В свою очередь, каждый из модулей репрезентации тела можно разложить на разные степени интенциональности – начиная с неразделенности между субъектом и объектом и заканчивая сформированной личностной идентичностью (там же).

Таким образом, представление о границе тела проявляется в диапазоне от репрезентации кожи как границы между окружающим миром и индивидом до осознания суверенности, т. е. осознание индивидом себя как отдельной личности. На уровне репрезентации кожи тело воспринимается больше как объект, который принимает воз-

действие на него стимулов внешнего мира и характеризуется пассивностью, соответствуя уровню самопринадлежности. На уровне нарративного Я граница тела проявляется как переживание своей суверенности (там же).

Представления об объеме и плотности тела на уровне самопринадлежности и самоагентности переживаются как чувство наполненности. Если возникают нарушения на этом уровне, то проявляются они в нарушениях пищевого поведения. На уровне нарративного Я это представление проявляется как способность дифференцировать части тела, а также в восприятии тела, в представлении о нем как претерпевающим изменения и способном к движению (там же).

Представления о Другом на уровне минимального Я проявляется в комплексе переживаний, связанных с принятием себя и гендерной идентичностью. А на уровне нарративного Я проявляются как способность к децентрации, а также в телесных коррелятах когнитивных стилей и копинговых стратегий.

В онтогенезе эти три модуля развиваются неравномерно и сопрягаются по-разному при разных типах нарушений (там же).

Исследования Т. А. Ребеко показывают, что переживание кожи как активной или пассивной границы связано с гендерной идентичностью. Переживание кожи как пассивной границы связано с фемининностью, а активной — соответственно с маскулинностью. Таким образом, на уровне репрезентации кожи могут быть выделены разные уровни интенциональности, когда индивид переживает себя как пассивный субъект или как активный агент воздействия. При дисморфофобических нарушениях наблюдается неспособность построить целостный образ тела. Нарушается диалектическое равновесие между телом-объектом и телом-субъектом в пользу того, что индивид смотрит на свое тело как на объект, разбитый на множество разных частей. Ментальная репрезентация своего тела у таких людей меняется в зависимости от настроения. Такие люди идентифицируют свою внешность с Я, ставя ее в центр персонального домена, придавая большое значение дефектным, по их мнению, частям тела, уделяя им большое внимание в ментальном образе (там же).

Многие авторы указывали на то, что на формирование гендерной идентичности влияет социальное окружение и культура. Культурные стереотипы способны оказывать влияние на оценку внешности и тела, и, таким образом, телесный опыт рассматривается как отклик на социальный запрос. Неудовлетворенность образом тела обуслов-

ливается социокультурными факторами, сравнение своего облика с обликом сверстников может привести к негативным переживаниям и, как следствие, к негативным паттернам поведения (социальному избеганию). Зрелая же гендерная идентичность характеризуется устойчивым образом телесного Я, который в то же самое время является лабильным, что позволяет непротиворечиво интегрировать культурные нормы и индивидуальные представления о себе (там же).

Предполагается, что размытый образ телесного Я, размытая гендерная идентичность может привести к тому, что индивид, желая (на бессознательном уровне) избежать мук преодоления кризиса идентичности и/или серьезного внутреннего конфликта, решит пойти по пути наименьшего сопротивления и просто принять на веру идеологию значимых для него фигур или группы, таким образом сформировав преждевременную идентификацию, например, приняв трансгендерную идентичность (Эриксон, 1996; Marcia, 1993). Опасность такого подхода заключается в том, что человек принимает на себя то, что на самом деле не соответствует его истинному выбору, истинной потребности, и таким образом сам себе может нанести непоправимый вред.

То же самое касается и людей с дисморфофобическими нарушениями, испытывающих дискомфорт от определенных частей своего тела и воспринимающих свое тело как совокупность отдельных частей, которые невозможно собрать воедино.

Литература

- Брушлинский А. В.* Субъект, мышление, учение, воображение. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Ребеко Т. А.* Телесный опыт в структуре индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Ягубов М. И., Старостина Е. А., Добаева Н. В., Ичмелян М. А.* Гендерное несоответствие: клинические, психологические и терапевтические аспекты // Медицинский вестник Юга России. 2022. Т. 13. № 3. С. 21–31.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. под общ. ред. и с предисл. А. В. Толстых. 2-е изд. М.: Флинта–МПСИ–Прогресс, 2006.
- Marcia J. E., Waterman A. S., Matteson D. R.* Ego Identity. 1993. URL: <http://library1.nida.ac.th/termpaper6/sd/2554/19755.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

Субъект жизнедеятельности

В. А. Зобков (ВлГУ, Владимир)

Рассматриваются три последовательных пути становления субъекта жизнедеятельности: эмоциональный, интеллектуально-волевой и коммуникативно-волевой. Показано, что человек как субъект жизнедеятельности проявляется на этапе коммуникативно-волевого пути. Дано определение субъекта жизнедеятельности.

Ключевые слова: субъект, субъектность, развитие, отношение, Я-отношение, жизнедеятельность, личность.

Субъект и субъектность жизнедеятельности человека начинает складываться в раннем и дошкольном детстве в процессе непосредственного взаимодействия с окружающей действительностью. На этом шести–семилетнем периоде жизни закладываются основы отношения ребенка к себе, деятельности, другим людям. Доминирующее влияние на формирование отношения к деятельности, другим людям оказывает отношение ребенка к себе. Отношение к себе на этом возрастном этапе психического развития малыша проходит в значительной степени по эмоциональному пути, наполненному переживаний эмоций радости (удовлетворенности), страха, гнева. Переживание этих эмоций в жизнедеятельности ребенка оказывает существенное влияние на развитие его речемыслительной деятельности, закладывает основы деятельностно-волевых черт. Эмоциональный путь – это путь формирования непосредственно-индивидуального Я-отношения к жизнедеятельности, где формируются и проявляются индивидуальные черты ребенка: исполнительность, аккуратность, трудолюбие, дисциплинированность, общительность, познавательный интерес. Непосредственно-индивидуальные черты Я-отношения к жизнедеятельности обеспечивают ему (ребенку) эмоционально-положительное отношение к учебной деятельности и успешность обучения на новом возрастном этапе жизнедеятельности.

Новый возрастной этап жизнедеятельности, затрагивающий период обучения в школе и вузе (колледже) (с 6–7 до 21–22 лет), прохо-

дит по интеллектуально-волевому пути. Этот четырнадцатилетний путь связан с формированием и проявлением опосредованно-непосредственных качеств/черт личности учащегося: ответственности, самостоятельности, инициативности, познавательной активности, коммуникативности и др., а также мотивации и самооценки (Зобков, 2016, 2021).

Именно в учебно-познавательной деятельности формируются, развиваются и совершенствуются качества/черты интеллектуальной, волевой, коммуникативной, эмоциональной направленности учащегося, происходит становление мотивации и самооценки, определяющие в целом эффективность и надежность деятельности.

Интеллектуально-волевой путь – это путь формирования качеств/черт и свойств личности как Я-отношение/личность, обеспечивающее отношение к деятельности и ее продуктивность. Названный путь – это путь становления Я-отношения к отношению: деятельности, другим людям, себе. Это путь становления субъектных качеств/черт и свойств личности, которые получают свое проявление на последующем этапе профессионально-личностного развития.

После получения диплома об образовании начинается наиболее длительный этап жизнедеятельности человека, протекающий по коммуникативно-волевому пути. Именно на этом пути реализуются и совершенствуются качества/черты и свойства личности, сформированные ранее, и обеспечивающие позитивное коммуникативное взаимодействие, коммуникативную совместимость, итогом которого является продуктивность деятельности, позитивное отношение к другим людям, себе. Коммуникативно-волевой путь – это путь становления и проявления Я-отношения/субъект, где человек, по высказыванию А. В. Брушлинского, находится на высшем уровне деятельности, общения, целостности, автономности и т. д. (Брушлинский, 2003, 2006, с. 547).

Я-отношение/субъект – это внутренняя содержательная индивидуально-личностно-субъектная характеристика человека, обеспечивающая ему позитивное профессиональное взаимодействие с другими людьми, высокий уровень достижений в деятельности, саморегуляцию своего поведения и деятельности.

Субъект жизнедеятельности – это справедливый, требовательный человек, активно участвующий в коллективном обсуждении и решении дел, вселяющий уверенность в людей, с которыми взаимодействует (отношение к другим людям), стремящийся к высокой

продуктивности коллектива, трудолюбивый, инициативный – творчески реализующий свой личностно-профессиональный потенциал в деятельности (отношение к деятельности), активно созидающий себя как нравственно сильную личность, обладающий саморегуляцией поведения, поддерживающий на оптимальном уровне развития свой физический потенциал (отношение к себе).

К основным качествам/чертам субъекта жизнедеятельности, обеспечивающим ее эффективность и надежность, следует отнести ответственность, инициативность (творчество), справедливость, трудолюбие, требовательность; к свойствам – деловую коллективистическую мотивацию, дифференцированную самооценку.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Зобков В. А.* Генезис отношения человека к жизнедеятельности. Владимир: Транзит-Икс, 2016.
- Зобков В. А.* Системно-структурный подход в воспитании позитивного отношения детей и учащейся молодежи к жизнедеятельности // Вестник Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Педагогические и психологические науки. ВлГУ. 2021. № 47 (66). С. 124–135.

Модель психического у детей 2–3 лет с типичным развитием

Е. А. Ильина (ИП РАН, Москва)

Работа посвящена изучению ранних предикторов модели психического у детей с типичным развитием 2–3 лет (42 ребенка; М = 2 года 8 месяцев; 19 девочек). Для оценки модели психического использовались задачи на понимание детьми намерений по незавершенным обычным и необычным действиям, понимание различий предпочтений и понимание различий визуальной перспективы. Для оценки когнитивного развития применялся «Психолого-педагогический профиль, РЕР-3». Результаты исследования показали, что большинство детей 2–3 лет были успешны в выполнении задач на оценку модели психического.

Ключевые слова: модель психического, ранний возраст, социальное познание.

На протяжении нескольких десятилетий большинство исследований развития модели психического были сосредоточены на изучении понимания неверных мнений как маркера становления модели психического. Данные исследования проводились как с участием типично развивающихся детей дошкольного возраста, так и детей с различными нарушениями развития (нарушением слуха, расстройствами аутистического спектра). Результаты этих исследований показывали неуспешность маленьких детей (вплоть до 4–5-летнего возраста), а также неуспешность детей с аутизмом в понимании неверных мнений. Однако исследования с участием детей младенческого и раннего возраста демонстрируют, что дети уже в младенчестве воспринимают людей как агентов, чьи действия являются преднамеренными. Таким образом, большинство исследователей этого направления сходятся во мнении, что способность модели психического изменяется с возрастом и когнитивные достижения, которые демонстрируют дети того или иного возраста (например, понимание обмана), имеют свою историю развития, которая может быть обусловлена в том числе и индивидуальными различиями.

Одни из ранних предикторов модели психического относятся пониманию намерений других людей и появляются к концу 1-го года жизни, когда дети начинают относиться к себе и другим как к интенциональным агентам и имеющим опыт. Так, дети в возрасте около 1,5 лет дольше наблюдают за действиями исследователя, которые направлены на достижение цели, а не за случайными. В этом же возрасте дети понимают различия между неспособностью агента совершить действие и его нежеланием сделать его (Behne et al., 2005). Дети в возрасте около 18 месяцев вели себя более нетерпеливо (например, тянулись, отворачивались), когда исследователь умышленно держал игрушку, чем когда он добросовестно старался передать ее.

Примерно в этом же возрасте дети начинают понимать различия предпочтений в еде. Б. Репачоли и Э. Гопник представили интересный пример того, как младенец оценивает индивидуальный субъективный опыт (Repacholi, Gopnik, 1997). При несоответствии предпочтений ребенка и исследователя взрослая женщина демонстрировала, как она любит есть брокколи и как ей не нравятся крекеры, что не соответствовало предпочтениям ребенка. Затем взрослый просил: «Я хочу еще, не мог бы ты дать мне еще?» 18-месячные дети в подавляющем большинстве случаев давали взрослому то, что ему нравилось, демонстрируя субъективное понимание желаний, понимая, что взрослый хочет брокколи, вопреки их собственному предпочтению крекеров.

Кроме исследований понимания интенциональности также проводятся разнообразные исследования понимания неверных мнений в младенческом и раннем возрастах (Onishi, Baillargeon, 2005). Однако это направление только начинает развиваться, и большинство исследований или сосредоточены на одном возрасте, или оценивают только один аспект развития модели психического. Мы в своей работе постарались комплексно изучить развитие модели психического в раннем возрасте и представить первые результаты исследования по трем аспектам модели психического: понимание намерений по незавершенным действиям, понимание различий предпочтений и понимание различий визуальной перспективы.

Целью исследования явилось изучение ранних предикторов модели психического у детей 2–3 лет.

Выборку исследования составили 42 ребенка от 1 года 11 месяцев до 3 лет 5 месяцев ($M = 2$ года 8 месяцев; 19 девочек). Все дети являются воспитанниками детских садов г. Кургана. Экспериментальное исследование было проведено в 2023 г.

В качестве методического инструментария использовались: Психолого-педагогический профиль РЕР-3, изначально разработанный для детей с нарушениями развития и направленный на оценку психического развития детей от 2 до 7,5 лет. Метод позволяет оценивать развитие ребенка по следующим показателям: вербальный/невербальный интеллект, понимание речи и экспрессивная речь, общая и тонкая моторика, зрительно-моторная имитация, а также позволяет оценить развитие коммуникативной и моторной сфер и выраженность дезадаптивного поведения. Использование данного методического инструментария обосновано необходимостью исключить влияние уровня когнитивного развития у детей на модель психического.

Для оценки модели психического в раннем возрасте отобраны задачи, позволяющие изучить развитие возможных предикторов:

1. Задачи на понимание намерений в ситуации обычных/необычных незавершенных действий (Gardiner et al., 2011). В каждом блоке заданий ребенку необходимо было восполнить пять незавершенных действий. Обычные действия включали в себя: понимание упавшей ручки, закрывание шкафчика, закрывание крышкой пластмассовой банки, взятие тетради и выбрасывание мусора в корзину. Необычные действия: надевание диска на горизонтальный штырь, засовывание тряпичного мячика в узкое отверстие, складывание бус в колбу, которую нельзя поставить на стол, пропускание веревки через отверстие в воронке и засовывание небольшого отрезка ткани в отверстие. Перед началом демонстрации незавершенного действия исследователь привлекал внимание ребенка словами: «О! Посмотри, что у меня есть!» — и в дальнейшем на протяжении всей процедуры исследования не предоставлял лингвистических или мимических выражений неудачи, моделируя намерение совершить действие, но не достигая конечной цели. Каждое намерение произвести действие моделировалось 3 раза, затем следовал 20-секундный период ответа ребенка.
2. Задача на понимание предпочтений в еде (Repacholi, Gopnik, 1997), направленная на оценку понимания того, что у разных людей могут быть различные предпочтения в отношении одного и того же объекта. На столе перед ребенком стояли 2 закуски: привлекательная, которую обычно едят маленькие дети (печенье), и относительно неаппетитный овощ (свекла). Экспериментатор изображал эмоции удовольствия (Ммм!) или отвращения (Фу!),

«пробуя» еду «понарошку». Таким образом, исследователь выражал удовольствие в ответ на вкус свеклы и отвращение к печению. Затем исследователь клал одну руку ладонью вверх точно посередине между двумя блюдами и просил: «Дай мне».

3. Задача, направленная на оценку понимания визуальной перспективы первого уровня — понимание того, что человек может видеть объект тогда и только тогда, когда его глаза направлены в сторону объекта и когда ничто не перекрывает линию взора. (Flavell et al., 2000). Исследователь предлагал ребенку показать ему дно кружки, на которое была наклеена наклейка (панда). Ребенку было необходимо таким образом продемонстрировать кружку исследователю, чтобы он мог видеть эту наклейку.

Результаты исследования психического развития детей (РЕР-3) показали соответствие основных показателей (вербальный/невербальный интеллект, коммуникативное и моторное развитие, имитация, социальное взаимодействие, дезадаптивное поведение и другие) возрастным нормам. Однако показатели экспрессивной речи и понимания речи были ниже возрастных границ по среднему возрасту группы. Из-за небольшого количества участников исследования нам не удалось оценить возможные связи или влияние уровня речевого развития и модели психического.

Результаты изучения развития предикторов модели психического показали, что большинство детей 2–3-летнего возраста справились с задачей на понимание намерений в ситуации необычных незавершенных действий. В среднем от 80 до 85% детей понимали намерения исследователя и завершали необычное действие — надевали кольцо на горизонтально расположенный штырь, засовывали мячик или платок в специальное отверстие в деревянном ящике, просовывали веревочку сквозь отверстие в воронке. Обращает на себя внимание, что одна из задач на понимание намерений необычных действий вызвала больше затруднений — ребенку необходимо было понять намерение исследователя вложить бусы в пластмассовую колбу. Только 53% детей справились с этой задачей.

Большинство детей 2–3-летнего возраста справились с задачей на понимание намерений в ситуации обычных незавершенных действий. В среднем 60% детей понимали намерения исследователя и завершали обычное действие — поднимали ручку с пола, закрывали крышкой банку, брали тетрадь со стола, выбрасывали мусор. Только одна из задач на понимание намерений обычных действий вызва-

ла больше затруднений — ребенку необходимо было закрыть шкаф. Только 40% детей справились с этой задачей. Остальные участники не совершали никаких действий в установленное на ответ время.

Большинство детей 2–3-летнего возраста справились с задачей на понимание предпочтений в еде. В среднем от 60 до 70% детей понимали предпочтения исследователя. Остальные участники не совершали никаких действий в установленное на ответ время либо давали печенье.

Большинство детей 2–3-летнего возраста справились с задачей на понимание визуальной перспективы. В среднем 90% детей наклоняли кружку для того, чтобы показать, что изображено на дне. Остальные участники либо не пытались показать, либо стенка кружки перекрывала линию зрения, и исследователь не мог видеть наклейку.

Таким образом, большинство детей, в среднем от 70 до 75%, были успешны в задачах модели психического. Результаты проведенного исследования показали, что необходимо оценить возможные связи или влияние уровня речевого развития и модели психического, так как показатели экспрессивной речи и понимания речи были ниже возрастных границ по среднему возрасту группы. Данная задача будет выполнена в будущих исследованиях.

Литература

- Behne T., Carpenter M., Call J., Tomasello M.* Unwilling versus unable: Infants understanding of intentional action // *Developmental Psychology*. 2005. № 41. P. 328–337.
- Flavell J. H.* Development of children's knowledge about the mental world // *International journal of behavioral development*. 2000. № 1. P. 15–23.
- Gardiner A. K., Greif M. L., Bjorklund D. F.* Guided by intention: Preschoolers' imitation reflects inferences of causation // *Journal of Cognition and Development*. 2011. № 3. P. 355–373.
- Onishi K. H., Baillargeon R.* Do 15-month-old infants understand false beliefs // *Science*. 2005. № 5719. P. 255–258.
- Repacholi B. M., Gopnik A.* Early reasoning about desires: evidence from 14- and 18-month-olds // *Developmental Psychology*. 1997. № 1. P. 12–21.

Формирование стадий становления субъектности в научно-исследовательской деятельности школьников*

*А. В. Капцов (СФ МГПУ, Самара),
Е. И. Колесникова (ФГБОУ ВО СамГТУ, Самара)*

Ситуация формирования стадий становления субъектности рассматривается как целостный процесс стадийного характера (онтологическая модель В. И. Панова). Восходящее становление стадий сопровождается формированием соответствующих субъектных качеств и переходом от предметных к метапредметным умениям, например, научно-исследовательским. Приведены примеры практического применения модели в развивающей образовательной программе. С опорой на положения А. В. Брушлинского и В. И. Панова о континуальности и стадийности развития психического рекомендованы принципы исследований экспериментального формирования стадий становления субъектности: введение в дизайн исследования лонгитюдного метода, а также исследование уровня сформированности структуры стадий (их целостности и связности).

Ключевые слова: развитие, стадии субъектности, экопсихологический подход.

Преобразования в современном российском обществе невозможны без активной жизненной позиции всех слоев населения, расширяются варианты государственной поддержки предпринимательства, самозанятости, проявления гражданских, экономических и социальных инициатив. Это касается и государственных образовательных стандартов, в последние варианты которых заложены принципы развития познавательной активности на основе индивидуальных интересов обучающихся, признание обучающегося равноправным участником образовательного процесса. Поэтому, помимо конференций учащихся, ставших уже традиционными, все больше появляется других форм педагогического сотрудничества, например: дом научной коллаборации, проектная деятельность.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-29-14067-МК.

При этом важно сосредоточиться на развитии именно познавательной, а не просто стимулировании поисковой активности, как замечает Д. Б. Богоявленская (Богоявленская, 2023). Это развитие не должно происходить стихийно, а, как предлагает В. И. Панов, на основании психодидактического подхода: «...в качестве исходных оснований для разработки образовательных технологий развивающего типа на первое место выходят психологические цели и задачи развития обучающихся средствами обучения <...> предметные знания и умения превращаются из цели обучения в средство развития способностей и личности учащихся» (Становление субъектности..., 2022, с. 13). Следует также обратить внимание на то, чтобы образовательный результат на данном уровне познавательной активности выражался не только и не столько, например, в реализации проекта или победы в конкурсе, а показывал возможность выхода на следующий уровень развития учащегося. Об этом велась речь как в конце прошлого века в разработанной коллективом отечественных исследователей Рабочей концепции одаренности (Рабочая концепция..., 1998), так и в современных работах, чтобы стремление к самоутверждению посредством достигнутых результатов не заместило бы сам процесс творческого поиска (Богоявленская, 2023, с. 137).

Одним из удачных примеров сочетания проектной, научной (научно-исследовательской) деятельности и развития у молодежи творческих способностей, интереса к инженерно-технической, изобретательской и творческой деятельности является Всероссийский конкурс научно-технологических проектов «Большие вызовы» (Сайт конкурса...).

Конкурс проводится ежегодно с 2015 г. и предоставляет возможность победителям регионального и дистанционного треков продолжить свою работу над проектом под руководством ведущих ученых России в Образовательном центре «Сириус». Направления конкурса отражают современные запросы общества (перечень критических технологий, национальные технологические инициативы и т. п.). Наличие четких прозрачных критериев оценки работ учащихся, возможность дистанционного участия придают конкурсу большую популярность: например, в 2023 г. приняли участие более 90 тысяч школьников и учащихся колледжей России и стран СНГ. В связи с предъявлением к научно-исследовательским работам участников конкурса серьезных требований и юным возрастом участников (для многих это первые шаги в науке) в Самарском региональном центре для одарен-

ных детей организованы проектные смены для развития проектных и научно-исследовательских умений, в том числе и для подготовки к участию в конкурсе. К участию в проектной смене приглашаются все желающие школьники, занятия проводятся в течение двух недель в потоке 15–20 человек с проживанием в центре. В программу входят уроки школьной программы (1–2 в день), а остальное время школьники занимаются по развивающей образовательной программе, состоящей из взаимодополняющих модулей проектной деятельности и психологического модуля.

Основой методологии построения психологического модуля развивающей программы является развитие субъектности школьников, а именно онтологическая модель становления субъектности В. И. Панова, соединяющая творческую природу развития психики с содержанием технологии обучения (Становление субъектности..., 2022, с. 24–25). Становление субъектности В. И. Пановым рассматривается в онтологическом континууме «субъект спонтанной активности – субъект продуктивного действия» и проходит стадии «субъект мотивации», «наблюдатель», «подмастерье», «ученик», «критик», «мастер», «творец» (там же, с. 25). В процессе восходящего становления перечисленных стадий развиваются определенные субъектные качества, происходит переход от предметных к метапредметным умениям школьников, к которым относятся навыки мыслительной деятельности и научно-исследовательские умения.

Стадиальность и непрерывность всего психического подчеркивал и А. В. Брушлинский (Брушлинский, 2003, с. 137). Он указывал на онтологическую разность по своим объективным признакам, но недизъюнктивную взаимосвязанность этапов развивающегося мыслительного процесса (там же, с. 136).

Вместе с тем А. В. Брушлинский, размышляя об «изначальной незаданности» характерного для научно-исследовательской деятельности «мысленного прогнозирования будущего, вначале неизвестного и потому искомого результата (и критериев этого результата)» писал, что «отсутствие эталонов этого результата означает, что все стадии мыслительного процесса формируются как новые, в таком качестве не существовавшие и не повторяющие в неизменном виде прошлый опыт данного человека» (там же, с. 133). Онтологическая модель становления субъектности дополняет эти размышления, так как при восходящем становлении стадий субъектности основой вышестоящих стадий являются предыдущие стадии. Однако при сти-

хийном, неконтролируемом становлении стадий в учебном процессе или в процессе самообразования формирование стадий может протекать скачкообразно, что приведет к сформированности непропорционального профиля стадий становления субъектности (Становление субъектности..., 2022, с. 112–117).

Так, диагностика уровня становления стадий субъектности участников проектной смены показала, что в подавляющем большинстве у них сформирована стадия «субъект мотивации». Мы допускаем, что такая готовность к участию в научно-исследовательской деятельности характеризует не всех участников конкурса, а скорее участников проектной смены, приехавших зачастую за сотни километров. Тем не менее, на занятиях действительно школьники не «отсиживались», а активно участвовали в предлагаемых упражнениях. Менее всего у участников проектной смены на протяжении трех лет подряд диагностировалось развитие стадий «подмастерье», «ученик» и «критик», т. е. школьникам менее всего была свойственна активность с опорой на образцы действий и ориентация на внешний контроль. В большей степени сформированы стадии «мастер» и «творец», т. е. участники смены чаще выступают в роли субъекта самостоятельного произвольного продуктивного выполнения действий с опорой на самоконтроль.

Признание целостности и взаимосвязанности стадий определяет содержание психологического блока развивающей образовательной программы. Упражнения должны быть направлены не только на повышение уровня сформированности отдельной стадии становления субъектности, а предполагать комплексное психолого-педагогическое воздействие на несколько стадий (см., напр.: там же, с. 265–295).

Например, работа с образом результата проекта (стадия «наблюдатель») начиналась со знакомства с прототипами, правилами оформления, критериями оценки проектов, (стадия «подмастерье»), школьники представляли разработанный на настоящий момент свой научно-исследовательский проект. Знакомство и поиск аналогов имеет важную функцию в исследовательской деятельности, напомним, что именно эта стадия имеет низкий уровень развития у данных школьников. В самом деле, этот этап в проектах школьников был плохо разработан, даже встречались отдельные суждения на этот счет и специальное игнорирование поиска аналогов («это я сам додумался», «это я изобрел» и т. д.). Педагог, знакомя с образцами успешных проектов, подчеркивал в проекте у каждого участника проектной смены моменты успешные и требующие доработки с привлечением

обсуждения проекта другими участниками (стадия «критик», также имеющая низкий уровень развития). Причем некоторые участники отмечали, что они видят недостатки проектов других участников, но не считают нужным высказывать свое мнение вслух. Мысленное прогнозирование результатов своей научно-исследовательской деятельности дополнялось практической визуализацией образа результата (стадия «наблюдатель») с использованием арт-методов (фольгирование). Буквально держа в руках свой потенциальный результат проекта, отвечая на вопросы педагога и своих товарищей по смене, участники проекта могли глубже осознать направления работы по совершенствованию своего проекта (стадия «мастер»).

Понимание стадийности становления субъектности как целостного процесса определяет направление эмпирических исследований и диагностики эффекта психолого-педагогических воздействий по становлению стадий субъектности.

Во-первых, необходим лонгитюдный дизайн организации исследования, так как формирование стадий становления субъектности (как естественное, стихийное, так и целенаправленное), представляет собой яркий пример, по А. В. Брушлинскому, единства непрерывного и прерывного в психическом (Брушлинский, 2003, с. 138). Непрерывное отражается в самом процессе становления стадий субъектности, а прерывное — в продуктах, результатах психического процесса (там же), в нашем примере — продуктивность научно-исследовательской деятельности и потенциальные личностные изменения участников проектной смены.

Во-вторых, диагностика потенциального эффекта развивающей программы по повышению уровня сформированности стадий становления субъектности не должна ограничиваться измерением показателей отдельных стадий до и после экспериментов. Количественные параметры исследования должны быть дополнены качественными, например, показателями целостности и связности, показывающих уровень структурной организации сформированности стадий становления субъектности.

Литература

Богоявленская Д. Б., Пирлик Г. П. Ответ на необоснованность нового пути развития одаренности // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 1. С. 132–141. doi: 10.17759/pse.2023280108

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Рабочая концепция одаренности / Под ред. В. Д. Шадрикова. М.: Магистр, 1998.
- Сайт Всероссийского конкурса научно-технологических проектов «Большие вызовы». URL: <https://konkurs.sochisirius.ru/about> (дата обращения: 30.03.2023).
- Становление субъектности: от экопсихологической модели к психодидактическим технологиям: коллективная монография / Под ред. В. И. Панова. СПб.: Нестор-История, 2022.

Формирование адекватной самооценки подростков, оставшихся без попечения родителей

Н. П. Кондратьева (ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», Мытиши)

В статье приведены результаты исследования показателей самооценки подростков, оставшихся без попечения родителей, до и после проведения формирующего эксперимента. Подтверждается влияние тренинга на формирование адекватной самооценки подростков, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: адекватная самооценка, личность, личностный рост, подростки, оставшиеся без попечения родителей, тренинг.

Важнейшее место среди факторов, которые дают начало развитию механизмов саморегуляции, занимает самооценка. Проблема самооценки человека является актуальной на сегодняшний день, поскольку она обеспечивает эффективность деятельности и общения, успешность адаптации как в социальной, так и учебной среде.

Самооценка как один из важнейших регуляторов поведения играет огромную роль в познании подростком деятельности, в развитии его способностей, в налаживании отношений с близкими взрослыми и сверстниками.

Формирование адекватной самооценки – это, бесспорно, одно из важнейших условий гармоничного развития личности подростка. Адекватная самооценка позволяет подростку добиться уверенности в себе, личной компетентности. Неадекватная самооценка порождает образование внутренних конфликтов, приводит к неблагоприятному развитию личности подростка.

Самооценка играет важную роль и в становлении личности подростков, оставшихся без попечения родителей. Этой проблемой занимались такие ученые, как О. И. Гербет, И. С. Карнаух, А. Ю. Нестеров и др. Но, проанализировав литературные источники этих исследователей, мы сделали вывод о неоднозначности исследований по данной проблеме.

О. И. Герберт выделяет следующие критерии сформированности положительной самооценки подростков приюта: отношение к самому себе как к ценности, уверенность в себе и своих силах, принятие себя, овладение подростком культурой межличностного общения, автономность в деятельности, социально-нравственная активность подростка (Герберт, 2007).

Низкая самооценка может наблюдаться у подростков, оставшихся без попечения родителей вследствие возникновения феномена «обесценивания настоящего». Здесь можно говорить об ощущении своей незначимости, о том, что и события, происходящие с ними, в настоящее время оцениваются ими как малозначимые (Жильцова, 2012). Проанализировав исследования приведенных авторов, можно прийти к выводу, что самооценка подростков, лишенных родительского попечительства, имеет свою специфику. Она в большей степени, чем у детей, воспитывающихся в семье, основывается на оценках окружающих (Манойлова, 2013).

Исходя из вышеизложенного, проблема исследования особенностей самооценки подростков, оставшихся без попечения родителей, нам представляется актуальной, так как она является недостаточно изученной.

С целью изучения особенностей самооценки подростков, оставшихся без попечения родителей, нами было проведено исследование, в котором приняли участие 32 старших подростка.

В исследовании были использованы следующие методики:

- методика диагностики самооценки Т. В. Дембо—С. Л. Рубинштейна (модификация А. М. Прихожан);
- методика «Исследование самооценки личности» (С. А. Будасси).

Данные по методике диагностики самооценки Т. В. Дембо—С. Л. Рубинштейна свидетельствуют о том, что у большинства подростков (46,8%) адекватный уровень самооценки. Заниженный уровень выражен у 31,4% человек. За заниженной самооценкой могут скрываться два совершенно разных психологических явления: подлинная неуверенность в себе и «защитная», когда декларирование (самому себе) собственного неумения, отсутствия способности и т. п. позволяет не прилагать никаких усилий. Заниженная самооценка свидетельствует о крайнем неблагополучии в развитии личности. Завышенный уровень развития самооценки присущ 21,8% испытуемых. Завышенная самооценка может подтверждать личностную незре-

лость, неумение правильно оценить результаты своей деятельности, сравнивать себя с другими.

Анализ полученных результатов продолжим по методике «Исследование самооценки личности» С. А. Будасси. Согласно данным этой методики, высокая неадекватная самооценка выявлена у 19% подростков. Такие подростки чрезмерно самоуверенны. Они всегда стараются привлечь к себе внимание. Высокая адекватная самооценка выявлена у 6% подростков. 47% подростков характеризуются средней адекватной самооценкой. Подростки с адекватной самооценкой в большинстве случаев уверены в себе, находчивы в достижении своих целей. У 3% подростков низкая адекватная и 25% подростков низкая неадекватная самооценка. Такие подростки малообщительные, робкие. Их поведение часто нерешительно и пассивно. Преобладающее количество подростков, оставшихся без попечения родителей (47%), имеют среднюю адекватную самооценку.

На основе данных, полученных в ходе констатирующего этапа исследования, была разработана программа тренинговых занятий, направленная на формирование адекватной самооценки подростков, оставшихся без попечения родителей. В тренинговую группу были включены 14 человек с завышенным и заниженным уровнем самооценки на основе констатирующего этапа исследования.

Целью данной программы тренинга являлось создание условий, способствующих личностному росту участников, формированию адекватной самооценки подростков.

Задачи тренинга:

- развивать умения оценивать собственные реальные и потенциальные возможности;
- формировать активную жизненную позицию;
- усилить позитивное отношение к себе;
- способствовать развитию умений достижения цели;
- снизить уровень эмоционального напряжения;
- развивать коммуникативные навыки.

Программа включала в себя 11 занятий.

Анализируя данные экспериментальной группы после тренинга, мы можем сделать вывод, что они значительно изменились. Увеличилось количество испытуемых с адекватной самооценкой. Число подростков с адекватным высоким уровнем самооценки увеличилось на 6,5%. Таким подросткам присуще самоощущение «я хочу, я мо-

гу и достигну». Также увеличилось на 22% количество испытуемых с адекватной средней самооценкой.

Таким образом, по результатам контрольного этапа исследования мы можем отметить, что после проведения тренинга увеличилось количество подростков с адекватной самооценкой в связи со снижением числа таковых с неадекватной завышенной и неадекватной заниженной самооценкой.

Для определения эффективности программы опытно-экспериментального исследования, соответствия результатов исследования поставленным задачам был использован t-критерий Стьюдента. Данный критерий используется с целью оценки различий величин средних значений двух выборок. В результате математической обработки данных исследования была подтверждена гипотеза о наличии различий в результатах экспериментальной группы до и после проведения тренинга ($t_{эмп} = 3,3$; $t_{эмп} = 4,4$). Данные изменения являются статистически значимыми на 1%-ном уровне.

Следовательно, разработанная и апробированная в ходе исследования программа тренинга является эффективной и способствует формированию адекватной самооценки подростков, оставшихся без попечения родителей. Также вышеуказанные результаты исследования свидетельствуют о том, что у подростков, оставшихся без попечения родителей, может формироваться адекватная самооценка. Этот факт можно объяснить сформировавшимися благоприятными условиями в детском доме, созданной позитивной психологической атмосферой. Наряду с этим положительные результаты личностного развития обучающихся могут говорить о профессионализме тех специалистов, которые работают непосредственно с подростками.

Литература

Гербет О. И. Формирование положительной самооценки подростков в условиях приюта: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2007.

Жильцова О. Н. Особенности самооценки подростков, воспитывающихся в государственных учреждениях, их представления о себе в настоящем и будущем // Высшее образование сегодня. 2012. № 2. С. 51–54.

Манойлова М. А. Психологические особенности самооценки детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Наука Красноярья. 2013. Т. 2. № 6. С. 143–152.

Взросление: особенности выбора решений и возможности*

Е. В. Куфтяк (РАНХиГС, Москва)

Взросление предполагает решение множества задач, что усиливает стресс и стимулирует способность справляться с ним. Исследование с участием молодых людей в возрасте 18–25 лет показало, что возможности в данный период связаны с высоким уровнем оптимизма в отношении своего будущего, что позволяет вариативно использовать широкий набор продуктивных и проактивных стратегий, планомерно решая проблемы.

Ключевые слова: взросление, неопределенность, оптимизм, проактивное совладание.

Взросление — это время многочисленных перемен в различных сферах жизни. Эти изменения связаны с постановкой конкретных целей, реализация которых дает чувство удовлетворенности любовью и близостью, профессиональным развитием и деятельностью, реализацией возможностей саморазвития (Arnett, 2014). Но эти изменения могут стать источником стресса, что несет риски для здоровья и благополучия, так как это период повышенной нестабильности, связанный с переживанием любовных отношений, частой сменой работы, прежде чем будет достигнуто решение и определенность в жизни. Согласно медико-статистическим данным, тревожные расстройства, расстройства настроения (аффективные расстройства) и злоупотребления психоактивными веществами являются наиболее распространенными среди лиц в возрасте 20–34 лет, чем в возрасте от 35 и старше. Человек в период взросления сталкивается с противоречиями, необходимостью выбора, трудными жизненными задачами и их решением, но одновременно обладает необычайной жизнестойкостью, креативностью и гибкостью.

Отражением нестабильности данного периода является и отсутствие единого понимания данного возрастного периода. Позд-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 21-513-07004 МОН РЮОа.

ний подростковый период, ранняя зрелость, переход во взрослую жизнь, юность — каждый из этих терминов отражает неудовлетворенность им в теоретической, исследовательской или социальной плоскости. В настоящее время широкое распространение получает понятие «формирующаяся зрелость», которое обозначает период от 18 до 29 лет и концептуализируется как этап развития психики между подростковым и ранним возрастом (ibid.). Исследователи утверждают, что формирующаяся зрелость — это время, когда молодые взрослые уже не чувствуют ограничений со стороны своих родителей, но еще не несут полной ответственности за взрослую жизнь, в результате чего появляется время сосредоточиться на новых возможностях и идентичности (Бехтер и др., 2022). Так, формирующаяся зрелость описывается как период жизни, который теоретически и эмпирически отличается от поздней юности и ранней зрелости из-за психосоциальных факторов, с которыми сталкиваются молодые взрослые в этом возрастном периоде (Куфтяк, 2019). Эти факторы определяют изменения в развитии, которые имеют ряд последствий для перехода в колледж, например, переезд из родительского дома в общежитие или другое независимое место жительства (Arnett, 2014). Однако многие из этих жизненных переходов могут привести к стрессу и неопределенности у начинающих взрослых, что может повлиять на успешность и адаптивность учащихся во время их перехода в колледж и карьеру. Арнетт описал пять особенностей формирующейся зрелости после проведения на основе 300 качественных интервью с 18–29-летними: исследование идентичности, возможности, ощущение промежуточности, нестабильность и сосредоточенность на себе (ibid.). Исследование идентичности относится к процессу самопознания человека в области образования, работы и любви. Возможности означают высокий уровень оптимизма в отношении своего будущего, включая карьеру и любовь. Ощущение промежуточности характеризуется увеличением ответственности, но не полной идентификацией с опытом, связанным с более поздними стадиями взрослой жизни. Нестабильность понимается как неустойчивые, меняющиеся условия жизни (например, работа, любовь). Наконец, самофокусировка связана с растущей способностью человека выбирать, как и с кем он проводит время, без ограничений, связанных с карьерой, браком или детьми (ibid.).

Среди задач исследования — выявление особенностей трудностей, возможностей и выбора решений в период взросления. С помо-

щью качественно-количественных методов — проективный рисунок, мини-сочинение, бланковые методики для измерения уровней стресса, стратегий реактивного и проактивного совладания, субъектно-личностных качеств были получены некоторые результаты. Выборку составили 200 студентов из России и Южной Осетии в возрасте от 19 до 25 лет ($M = 20,8$). Среди российских респондентов 97% относят себя к русским, среди осетинских — 100% относят себя к осетинам.

Полученные данные обнаружили, что обращение за советом, информацией, сочувствием или пониманием к значимым людям и в меньшей степени, сосредоточение внимания на эмоциях и их разрядке повышает удовлетворенность жизнью. Размышление о предстоящих задачах и противостояние им, а также возможность видеть положительные аспекты и возможности развития повышает благополучие. Так, умение справляться с трудностями не только позволяет в этом возрасте эффективно справляться с обременительными, трудными задачами и вызовами, но и сводит к минимуму риск депрессии и повышает их удовлетворенность жизнью.

Возможности в период взросления связаны с высоким уровнем оптимизма в отношении своего будущего, что позволяет вариативно использовать широкий набор продуктивных и проактивных стратегий, планомерно решая проблемы.

Толерантность к неопределенности предопределяет выбор проактивных стратегий, направленных на создание ресурсов для будущего преодоления, позитивное отношение к будущим трудностям и направленность на решение задач.

Вступление во взрослую жизнь — трудное время для молодых людей, время противостояния множеству проблем в различных сферах жизни. В последующей исследовательской работе планируется внести вклад в расширение представлений о трудностях, возможностях и выборе решений в период взросления с учетом культурных различий. Присутствие любых культурных сигналов в непосредственной социальной среде активизирует знание культуры в этом обществе, которое определяет, как люди интерпретируют социальный мир, что и позволяет им действовать культурно согласованным образом.

Литература

Бехтер А. А., Куфтяк Е. В., Филатова О. А. Взаимосвязь временной перспективы и рефлексивности в реактивно-проактивном со-

владении у молодых людей (на примере ранней взрослости) // Психологические исследования. 2022. Т. 15. № 85. С. 1–30. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1276/959> (дата обращения: 12.05.2023).

Куфтяк Е. В. Совладающее поведение в период взросления: соотношение механизмов психологических защит, реактивного и проактивного совладания // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 680–689.

Arnett J. J. Emerging Adulthood: The winding road from the late teens through the twenties. Oxford University Press, 2014.

Возрастные и гендерные различия модели психического у детей 9–11 лет

Е. И. Лебедева (ИП РАН, Москва)

Работа посвящена изучению возрастных и гендерных различий в развитии модели психического – способности приписывать ментальные состояния другим людям для объяснения их поведения – на выборке 152 детей 9–11 лет (76 девочек). Оценивалась успешность понимания детьми коммуникативных намерений говорящего и распознавания ментальных состояний по выражению глаз. Для оценки социального поведения детей использовалась разработанная анкета для учителей. Результаты продемонстрировали возрастную динамику развития модели психического, а выявленные взаимосвязи между моделью психического и отдельными аспектами социального поведения только в группе мальчиков подчеркивают важность изучения связей социального познания и социального поведения отдельно для мальчиков и девочек.

Ключевые слова: модель психического, возрастные различия, гендерные различия, социальное поведение, младший школьный возраст.

Модель психического является сложной когнитивной способностью, позволяющей нам распознавать и приписывать ментальные состояния себе и другим людям для прогнозирования и объяснения поведения (Сергиенко и др., 2020). Хотя большинство исследователей предполагает, что наиболее важные этапы развития дети проходят в дошкольном возрасте, модель психического продолжает развиваться и изменяться на протяжении всей жизни. Тем не менее, исследований развития модели психического после дошкольного возраста намного меньше, и их фокус смещен в сторону индивидуальных различий и возможных взаимосвязей между моделью психического и социальной компетентностью. Из результатов исследований нам известно, что после дошкольного возраста дети начинают понимать ментальные состояния других людей, их влияние на поведение во все более сложном социальном контексте. К 10–12 годам они способны не только понимать различные виды обманной информации, но и успешнее

распознают эмоций и другие ментальные состояния по мимике людей. Однако этот период развития модели психического часто упускается из виду в контексте изучения возрастных различий.

Вопросы гендерных различий также редко рассматриваются в исследованиях модели психического. В настоящий момент существуют противоречивые данные о возможном влиянии пола и/или гендерно-ролевых стереотипов на успешность выполнения заданий на оценку модели психического в детском возрасте. В некоторых исследованиях сообщается о преимуществах девочек в понимании неверных мнений и распознавании эмоций (Calero et al., 2013), в то время как результаты других исследований показывают отсутствие гендерных различий.

Начало школьного образования является важной социальной вехой для детей, когда они сталкиваются с многочисленными социальными изменениями, особенно во взаимодействии со сверстниками. Результаты исследований показывают, что эти отношения со сверстниками в младшем школьном возрасте играют важную роль в развитии социального познания и социального поведения детей. Именно поэтому кажется важным изучить взаимосвязи успешности выполнения заданий на модель психического и социального поведения детей в зависимости от возраста и пола.

Цель данного исследования: изучить возрастные и гендерные различия модели психического у детей младшего школьного возраста, а также исследовать возможные взаимосвязи модели психического с социальным поведением детей по оценке учителей.

В исследовании приняли участие 152 ребенка, из них 42–9-летних (18 девочек), 81–10-летних (43 девочки) и 27 человек – 11 лет (15 девочек).

Для оценки модели психического использовались задания теста Франчески Аппе «Удивительные истории» (Nappé, 1994), направленные на изучение понимания детьми коммуникативных намерений говорящего в ситуациях неоднозначно понимаемых социальных взаимодействий. Последовательно предъявлялось 5 историй, включающих описание взаимодействия персонажей в ситуациях: «белой» лжи, блефа, шантажа, иронии и фигуры речи. После прочтения истории необходимо было письменно ответить на вопросы о правдивости высказываний одного из персонажей и мотивов этого высказывания. За каждый правильный ответ на оба вопроса начислялись баллы: за использование ментальных состояний при обосновании мотивов говорящего – 2 балла, за объяснение мотивов говорящего его жела-

нием достичь результат – 1 балл. В ситуациях иронии и блефа использовалась 4-балльная система оценки, включающая также простое объяснение мотивов, не учитывающее иронии/блефа. Все баллы суммировались в интегральный показатель – понимание коммуникативных намерений говорящего в ситуациях неоднозначно понимаемых социальных взаимодействий (от 0 до 12 баллов).

Для оценки понимания ментальных состояний по их внешним проявлениям в поведении (мимике) использовался тест «Взгляд» (Reading the Mind in the Eyes), разработанный С. Бароном-Коеном с коллегами для детской выборки (Baron-Cohen et al., 2001), переведенный на русский язык и адаптированный Е. Саприной с коллегами (Центр психического здоровья РАМН). Материалы теста представляют собой буклет с 28 фотографиями глаз лиц разного возраста, выражающих то или иное ментальное состояние (задумчивость, грусть, гнев, интерес, сожаление, беспокойство, уверенность и другие), которые предъявляются последовательно. Необходимо распознать ментальное состояние человека на фотографии, выбрав одно из 4 названий состояний, написанных около фотографии. Данный оценочный инструмент не является стандартизированным, поэтому использовались «сырые» данные – количество правильных ответов (максимальный балл – 28).

Социальное поведение детей оценивалось с помощью специально разработанного опросника для учителей, включающего 9 вопросов о частоте агрессивного поведения, просоциальных действий, популярности, убедительности детей, а также их риска стать объектом насмешек и поддаваться влиянию со стороны сверстников. Оценка производилась по шкале от 1 до 10, где 1 балл соответствовал минимальной степени выраженности изучаемого параметра, а 10 – максимальной. Каждый классный руководитель заполнял письменно опросник на учеников своего класса, участвующих в исследовании.

Для оценки возрастной динамики развития модели психического в младшем школьном возрасте мы сравнивали успешность выполнения теста «Взгляд» и каждого задания в тесте «Удивительные истории» у детей 9, 10 и 11 лет. Были обнаружены достоверные различия в понимании коммуникативных намерений персонажа в ситуации иронии, блефа и шантажа ($U = 1345,5$, $p = 0,04$; $U = 1244$, $p = 0,023$ и $U = 1284,5$, $p = 0,012$ соответственно) между детьми 9 и 10 лет, но не между детьми 10 и 11 лет. Отсутствие различий между детьми 10 и 11 лет может быть связано со смещенными размерами выборки исследования по возраст-

там и нуждается в дальнейшем изучении. Тем не менее, данные результаты согласуются с результатами исследования С. Калеро с коллегами о возрастной динамике показателей модели психического после дошкольного возраста (Calero et al., 2013).

Сравнение успешности выполнения между девочками и мальчиками в каждой возрастной группе не показало достоверных гендерных различий ни в одном из заданий на оценку модели психического. Данные результаты являются предварительными и могут быть обусловлены недостаточностью участников исследования.

Для оценки взаимосвязи между социальным поведением детей и их успешностью выполнения заданий на модель психического был проведен корреляционный анализ в отдельных половозрастных группах, который не показал значимых взаимосвязей. Однако выявились достоверные взаимосвязи только в группе мальчиков на всей выборке исследования. Оказалось, что понимание коммуникативных намерений в ситуации неправдивых высказываний отрицательно связано с риском стать объектом насмешек ($r = -0,352$, $p = 0,004$) и положительно с успешностью убеждения ($r = 0,277$, $p = 0,025$) и частотой обращения сверстников ($r = 0,254$, $p = 0,04$). Данные результаты согласуются с результатами К. Рикс с коллегами об отрицательной взаимосвязи уровня модели психического и изоляции в группе или активного отвержения сверстниками в младшем школьном возрасте (Rix et al., 2023). Выбранный метод анализа не позволяет говорить о направленной связи, но, вероятнее всего, существует взаимное обуславливание этих показателей: как недостаточное развитие социального познания может негативно влиять на отношение сверстников к ребенку, так и недостаток общения со сверстниками негативно сказываться на развитии навыков социального познания.

Таким образом, существует возрастная динамика понимания коммуникативных намерений говорящего в ситуациях неправдивых высказываний в младшем школьном возрасте, что подтверждает утверждение об активном развитии модели психического после дошкольного возраста. Выявленные взаимосвязи между успешностью выполнения заданий на оценку модели психического и убедительностью, частотой обращения сверстников и риском отвержения с их стороны только в группе мальчиков подчеркивают важность изучения связей социального познания и социального поведения отдельно для мальчиков и девочек в возрасте, когда модель психического активно развивается.

Литература

- Сергиенко Е. А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И.* Модель психического: структура и динамика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Baron-Cohen S., Wheelwright S., Spong A., Scahill V., Lawson J.* Are intuitive physics and intuitive psychology independent? A test with children with Asperger Syndrome // *Journal of Developmental and Learning Disorders*. 2001. № 1. P. 47–78.
- Calero C. I., Salles A., Semelman M., Sigman M.* Age and gender dependent development of Theory of Mind in 6- to 8-years old children // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2013. № 7. P. 281.
- Happé F. G. E.* An advanced test of theory of mind: Understanding of story characters' thoughts and feelings by able autistic, mentally handicapped and normal children and adults // *Journal of autism and Developmental Disorders*. 1994. № 2. P. 129–154.
- Rix K., Monks C. P., O'Toole S.* Theory of mind and young children's behavior: aggressive, victimised, prosocial and solitary // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. № 10. P. 5892.

Интерпретация неоднозначно понимаемых социальных ситуаций в подростковом возрасте*

Е. И. Лебедева (ИП РАН, Москва), *Г. А. Виленская* (ИП РАН, Москва),
А. Ю. Уланова (ИП РАН, Москва), *О. Ю. Филиппу* (ИП РАН, Москва),
Н. С. Павлова (ИП РАН, Москва)

Работа посвящена изучению взаимосвязи навыков социального познания (модели психического) и социальной компетентности в подростковом возрасте. В исследовании принял участие 81 подросток 13–15 лет. Навыки социального познания и успешность их применения оценивались с помощью теста «Взгляд», направленного на распознавание ментальных состояний по мимике, задач на понимание неверных мнений и задач на интерпретацию неоднозначно понимаемых социальных ситуаций. Для оценки социальной компетентности использовался опросник для учителей о социальном поведении подростков. Успешность применения навыков социального познания оказалась связана с моделью психического и социальной компетентностью в подростковом возрасте.

Ключевые слова: социальное познание, модель психического, социальная компетентность, подростковый возраст.

Возрастающее развитие навыков социального познания, с одной стороны, и увеличение времени, проводимого со сверстниками, с другой, предполагает, что в подростковом возрасте будут расти навыки социального познания, необходимые для успешного социального взаимодействия. Одним из аспектов применения навыков социального познания, в частности модели психического, в подростковом возрасте является понимание и интерпретация поведения других людей в неоднозначно понимаемых социальных ситуациях. Эти навыки могут включать в себя способности объяснения мотивов поведения других людей, а также понимания эмоций и межличностное восприятие (Bosacki, Astington, 2001). Исследования показывают, что такие зада-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00474. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00474>.

чи оценивают способности социального познания в ходе интерпретации социальных ситуаций, что более приближено к повседневному опыту человека.

Влияние модели психического на социальное поведение исследуется в связи с социальной компетентностью подростков посредством опросов учителей и/или родителей относительно социального поведения детей и их популярности (Smith et al., 2019). Результаты исследований демонстрируют неоднозначность взаимосвязей между моделью психического и отдельными аспектами социальной компетентности.

В своем исследовании мы постарались комплексно подойти к проблеме изучения социального познания у детей подросткового возраста, оценивая различные компоненты модели психического — аффективный и когнитивный — у подростков 13–15 лет в их связи со способностью интерпретации поведения других людей в неоднозначных социальных ситуациях. Исследование связей между пониманием ментальных состояний других людей, с одной стороны, и интерпретаций мотивов поведения других людей в неоднозначных социальных ситуациях у подростков расширит понимание того, насколько навыки социального познания и их применение в контексте взаимодействия могут быть связаны в подростковом возрасте.

Кроме того, сопоставление успешности применения навыков социального познания при интерпретации мотивов поведения других людей с оценкой их социального поведения взрослыми поможет полнее раскрыть связь социального познания и социальной компетентности в подростковом возрасте.

В исследовании приняли участие 81 подросток от 13 до 15 лет ($M = 13,47$, $SD = 0,672$; 41 девочка), ученики 6–8 классов общеобразовательной школы Московской области. До начала исследования родители подростков подписывали индивидуальное информированное согласие на участие своего ребенка в исследовании.

Оценка аффективного компонента модели психического проводилась с использованием теста «Взгляд» (Reading the Mind in the Eyes), разработанного С. Бароном-Коемом с коллегами (подробнее см.: Лебедева и др., 2023). Необходимо было распознать ментальное состояние человека на фотографии (задумчивость, грусть, гнев, интерес, сожаление, беспокойство, уверенность и т. п.), выбрав одно из 4 названий состояний, написанных около фотографии. Данный оценочный инструмент не является стандартизированным, поэтому использо-

вались «сырые» данные – количество правильных ответов (максимальный балл – 28).

Для оценки когнитивного компонента модели психического использовались задачи на понимание неверных мнений высшего порядка. Всего было использовано 4 рассказа, описывающих короткие ситуации взаимодействия нескольких персонажей (подробнее см.: Лебедева и др., 2023). После каждого рассказа необходимо было ответить на вопросы о понимании неверных мнений персонажей, сформулированные в форме выбора одного из двух утверждений. Утверждения варьировались по степени сложности: понимание неверных мнений 1-го (он думает, что...), 2-го (она знает, что он думает...), 3-го (она думает, что он знает, что они хотят...) и 4-го порядка (он думает, что она поняла, что он узнал, что она хочет...). Баллы за все задания суммировались в интегральный показатель – понимание неверных мнений высшего порядка (от 0 до 19 баллов).

Для оценки интерпретации поведения других людей в неоднозначных социальных ситуациях были использованы две задачи, разработанные для участников подросткового возраста (Bosacki, Astington, 2001). Необходимо было прочесть историю и письменно ответить на вопросы о понимании ментальных состояний героев, описать одного из героев и предложить альтернативное объяснение поведения.

Пример истории: Наташа и Марина наблюдают за детьми на перемене. Не говоря ни слова, Наташа подталкивает Марину и показывает взглядом на новенькую девочку из их класса, стоящую в стороне. Затем Наташа оглядывается на Марину и улыбается. Марина кивает, и они вдвоем направляются к девочке, стоящей в стороне. Девочка видит, как к ней идут две другие девочки. Хотя они учатся в ее классе, она никогда раньше с ними не разговаривала. Она видела, как они подталкивали друг друга и улыбались. Девочка задается вопросом, чего они могут хотеть от нее.

Схема кодирования ответов на вопросы после прочтения истории включала четыре категории, оценивающие понимание перспективы другого человека (например: «Почему Наташа улыбнулась Марине?»), понимание эмоций («Как ты думаешь, что чувствует новенькая в этой ситуации? Почему?»), межличностное восприятие («Выбери персонажа рассказа и опиши его. Как ты думаешь, что это за человек?») и способность давать альтернативные объяснения («Можно ли по-другому объяснить поведение детей в этой истории?»). Максимальный суммарный балл по всем разделам – 21.

Социальная компетентность подростков оценивалась с помощью специально разработанного опросника для учителей. Он включал 9 вопросов о социальном поведении, один – об академических достижениях и один – о саморегуляции подростка. Оценка производилась по шкале от 1 до 10, где 1 балл соответствовал минимальной степени выраженности изучаемого параметра, а 10 – максимальной. Каждый классный руководитель заполнял письменно опросник на учеников своего класса, участвующих в исследовании.

Результаты корреляционного анализа показывают достоверные взаимосвязи между успешностью интерпретации поведения людей в неоднозначно понимаемых социальных ситуациях и выполнением задач на модель психического. Так, сложность эмоций, приписываемых персонажу в истории, была достоверно связана с распознаванием ментальных состояний по выражению глаз на фотографии ($r=0,269$, $p=0,028$), а способность принять перспективу другого, т. е. встать на его точку зрения – с успешностью выполнения заданий на понимание неверных мнений высшего порядка ($r=0,315$, $p=0,007$). Данные результаты свидетельствуют о связях отдельных компонентов модели психического – аффективного и когнитивного – с различными аспектами применения навыков социального познания в подростковом возрасте.

Анализ данных опросника на социальную компетентность, заполненного педагогами, позволил обнаружить несколько интересных тенденций: так учителя оценивают подростков, понимающих перспективу других людей, как достоверно лучше успевающих по программе обучения ($r=0,425$, $p=0,000$), как более популярных в классе ($r=0,278$, $p=0,017$), обладающих хорошо развитой регуляцией своего поведения ($r=0,278$, $p=0,017$) и как тех, к кому сверстники обращаются чаще ($r=0,357$, $p=0,002$). Отрицательные взаимосвязи принятия перспективы другого человека и легкости, с которой, по мнению учителей, подросток поддается влиянию сверстников ($r=-0,282$, $p=0,016$), говорят о связи социального познания и негативного социального поведения в группе сверстников.

Результаты исследования демонстрируют связь применения навыков социального познания не только с положительными, но и с негативными аспектами социальной компетентности подростков. Эти результаты согласуются с результатами исследования польских коллег: развитие навыков социального познания в подростковом возрасте связано с уровнем доверия и открытостью коммуникации со сверстниками (Białecka-Pikul et al., 2021).

Наши данные о более высоких академических достижениях у подростков, которые лучше интерпретируют поведение других людей в неоднозначно понимаемых социальных ситуациях, согласуются с результатами других исследований взаимосвязи навыков социального познания и школьной успеваемости (Lecce et al., 2017). Однако нет единой точки зрения на направленность данной взаимосвязи: вероятно, что раннее развитие социального познания помогает достигать более высоких результатов в обучении, с другой стороны, понимание прочитанного позволяет лучше справляться с заданиями, требующими оценивать ментальные состояния людей по описанию ситуации взаимодействия.

Таким образом, результаты исследования показывают, что задачи на интерпретацию поведения других людей в неоднозначных социальных ситуациях могут быть экологичным инструментом оценки социального познания в детском возрасте.

Литература

- Лебедева Е. И., Виленская Г. А., Уланова А. Ю., Филиппу О. Ю., Павлова Н. С. Социальная компетентность у подростков с разным уровнем развития модели психического // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 43–54.
- Białecka-Pikul M., Stępień-Nycz M., Szpak M., Grygiel P., Bosacki S., Devine R. T., Hughes C. Theory of mind and peer attachment in adolescence // Journal of Research on Adolescence. 2021. V. 31. № 4. P. 1202–1217.
- Bosacki S., Astington J. W. Theory of mind in preadolescence: Relations between social understanding and social competence // Social Development. 2001. V. 8. № 2. P. 237–255.
- Lecce S., Caputi M., Pagnin A., Banerjee R. Theory of mind and school achievement: The mediating role of social competence // Cognitive Development. 2017. V. 44. № 8. P. 85–97.
- Smith S., Dutcher K., Askar M., Talwar V., Bosacki S. Emotional competencies in emerging adolescence: relations between teacher ratings and student self-reports // International Journal of Adolescence and Youth. 2019. V. 24. № 1. P. 19–28.

Экопсихологические условия формирования гендерной психосемантики в структуре сознания

О. Г. Лопухова (К(П)ФУ, Казань), *В. И. Панов* (ПИ РАО, Москва)

В статье представлены контуры разработки теоретической модели, которая позволяла бы рассматривать гендерные структуры сознания как процесс и результат взаимодействия между внешними (средовыми) и внутренними (субъектными) условиями их формирования. Методологическую основу модели формирования гендерной психосемантики в структуре сознания составляет психосемантический подход В. Ф. Петренко, а также типология субъект-средовых взаимодействий и модель становления субъектности, разработанные в рамках экопсихологического подхода к развитию психики В. И. Панова. Выбор этих подходов обусловлен тем, что образы гендерной идентификации (гендерного сознания) представляют собой семантические структуры, которые порождаются в диалоговом (субъект-субъектном) взаимодействии «индивид–социокультурная среда».

Ключевые слова: гендерная семантика, психосемантический подход, экопсихологический подход, типология субъект-средовых взаимодействий, становление субъектности.

Гендерные модели, как семиотические составляющие культуры и общественного сознания, выступают идентификационным основанием развития личности, построения ее Я-концепции и смысложизненных ориентаций. В простых закрытых обществах (моноэтнических культурах) гендерные семиотические системы выполняли стабилизирующую, структурирующую и в результате адаптирующую функцию, противопоставляя изначальному «хаосу природы» (индивидуальной генетически заданной вариативности) «порядок социальности» — четко определенную структуру гендерных норм, правил, ролей, знаков. В условиях открытости культурных систем и их взаимовлияния исторически заданная культурная специфика гендерных норм и образов подвергается динамическим изменениям, создавая вариативность гендерного ролевого репертуара и гендерных идеалов и то же

время спутанность и взаимное противоречие гендерных моделей, выступающих семантическими основаниями Я-концепции. Такая ситуация создает условия как для свободы в самоопределении и самореализации, так и для внутриличностных конфликтов. Развитие индивидуального сознания происходит в постоянном сложном взаимодействии с динамической системой гендерных трансформаций в обществе, носит нелинейный, диалектический характер, при этом большинство известных концепций гендерной психологии основывается на принципах классического детерминизма в решении традиционной проблемы соотношения биологических и социальных факторов в гендерном развитии личности, что определяет базовое методологическое противоречие.

Целью данного исследования стала разработка теоретической модели, которая позволяла бы рассматривать гендерные структуры сознания как процесс и результат взаимодействия между внешними (средовыми) и внутренними (субъектными) условиями их формирования. Методологическую основу этой модели составляют психосемантический подход (Петренко, 2013), а также типология субъект-средовых взаимодействий и модель становления субъектности, разработанные в рамках экопсихологического подхода к развитию психики (Панов, 2014). Выбор этих подходов обусловлен тем, что образы гендерной идентификации (гендерного сознания) представляют собой семантические структуры, которые порождаются в диалоговом (субъект-субъектном) взаимодействии «индивид—социокультурная среда». При этом формирование индивидуального гендерного сознания происходит в условиях взаимодействия с семантическими репрезентациями гендера на разных уровнях социокультурной среды: микро-, эндо-, мезо-, макро- и хроносистем (Bronfenbrenner, 1979). С позиций экологической теории У. Бронфенбреннера, развитие личности представляет собой двунаправленный динамический процесс, в котором воздействие со стороны различных элементов окружающей среды взаимодействует с активностью самого человека по реструктуризации многоуровневой жизненной среды. Эта позиция представляется перспективной для понимания процессов гендерных трансформаций сознания на индивидуальном и общественном уровне.

Таким образом, в современной психологии назрела необходимость выйти на новый уровень понимания взаимодействия семантических репрезентаций гендера на разных уровнях социальной среды и развивающейся личности, выявить закономерности взаимной трансфор-

мации гендерных систем на личностном и общественном уровнях сознания. В таком контексте проблематика гендерных исследований в психологии будет определяться вопросами: «Как происходит взаимодействие внутренних (индивидуальных, личностных, субъектных) гендерных образований с „внешними“ составляющими гендерной семантики в динамично трансформирующейся системе „индивид—социокультурная среда“?»; «Как проявляются и отражаются на субъективном (психологическом) благополучии личности разные типы взаимодействия „индивид—социокультурная среда“ в контексте гендерной семантики?»; «Какие механизмы развития гендерных образований личности в условиях трансформации гендерной семантики обуславливают ее гармоничность и целостность, а какие приводят к внутренне конфликтным вариантам?» и др.

Чтобы получить ответы на эти вопросы, необходимо рассматривать гендерные структуры сознания не только как данность личностных качеств, но и как процесс их формирования во взаимодействиях их субъекта с социальной средой с позиций экопсихологического подхода к развитию психики. В основе этого подхода лежат отношение «индивид—среда» и типы взаимодействия между его компонентами, что позволяет произвести концептуализацию процессов взаимодействия семантических репрезентаций гендера на разных уровнях социальной среды и развивающейся личности. В свою очередь, это дает возможность использовать принцип образования анизотропного отношения и принцип единства интериоризации и экстериоризации, представленные в данном подходе, для разработки экопсихологической модели условий формирования гендерной психосемантики в структуре сознания.

Согласно принципу образования анизотропного отношения, необходимым условием порождения психического продукта является процессуально-психологическое расщепление (квантование, мультиплицирование) принимаемых воздействий извне (или изнутри) и образование отношения между ними (Миракян, 1999). Эти отношения образуются двояко: структурно и процессуально. Именно процессуальные отношения воспринимаются нашим сознанием как продукт восприятия. Учитывая фундаментальность данного принципа, мы полагаем правомерным распространить его от непосредственно чувственного ощущения до знаковых семантических структур. Гендерные категории сознания, таким образом, можно понимать как продукт анизотропно процессуальных отношений. Принцип образования

анизотропного отношения в концептуализации механизма становления и трансформации гендерных категорий сознания подразумевает разворачивание диалога как в межсубъектном, так и во внутрисубъектном пространстве отношений, результатом которых становится порождение новых смыслов и семантических систем гендера.

Понимание развития личностных гендерных образований во взаимодействии со сложной и динамической семантической системой социокультурной среды опирается на принцип единства интериоризации—экстериоризации, положенный в основу экопсихологической модели становления субъектности (Панов, 2014). В этом контексте гендерное сознание можно представить как единство когнитивного и регуляторного компонентов, которые процессуально выступают условием и результатом взаимного развития. На основании данного принципа становление гендерных образований личности можно рассмотреть через призму экопсихологической модели стадий становления субъектности и типологии субъект-средовых взаимодействий.

Первая стадия — субъект-объектная, когда индивид переживает потребность, переходящую в мотив. Эта стадия соответствует базовым гендерным образованиям, таким как ядерные структуры полового самосознания, «чувство пола». Вторая стадия — «наблюдатель» (объект-субъектная и субъект-объектная) включает наблюдение, формирование гендерных образов на уровне когнитивных структур, когда происходит гендерная категоризация сознания и самооценки. На третьей стадии — «подмастерье» — развивается способность к подражанию (субъект-объектная), характеризующемуся несформированными структурами саморегуляции, что соответствует диффузному гендерному самосознанию.

Регуляторный компонент гендерного самосознания формируется (интериоризируется) на четвертой стадии — «ученик» (через механизм эмпатии) и на последующей (пятой) стадии «критика» (через механизм идентификации). На четвертой стадии реализуется субъект-порождающий, переходящий в субъект-совместный тип взаимодействия «индивид—среда». На стадии «критика» преобладает субъект-объектный тип взаимодействия, который реализуется при наличии «другого/других» как внешних (ролевых, нормативных) или внутренних (интроецированных) образов гендерной идентификации. Такое отношение к «другому» выступает условием переноса данного отношения на самого себя, что приводит к рефлексивному акту, т. е. превращению субъект-объектного типа отношения в субъект-порождающий.

Эта инверсия критического отношения на самого себя является реализацией анизотропного отношения, результатом которого будет рефлексивное отношение к гендерным компонентам Я-концепции. Если на этих стадиях возникает субъект-обособленный (или субъект-конфликтный) тип взаимодействия «индивид—среда (внешняя/внутренняя)», это может приводить к внутриличностным гендерным конфликтам. В связи с этим данные стадии могут быть рассмотрены как состояние бифуркации в развитии личности как субъекта гендерных отношений, преодоление которого дает свободу самореализации (выход на следующие стадии) либо формирование гендерных внутриличностных конфликтов.

Шестую стадию («мастера») характеризует единство инструментального и регуляторного компонентов, что соответствует «концептуальному самосознанию пола». На этой стадии представлены саморефлексия, самокоррекция, развитая гендерная идентичность сформирована как личностное образование, образуя сложные взаимодействия с другими идентификационными образованиями личности. Это обуславливает готовность к субъект-совместному взаимодействию, когда сформированное гендерное сознание выступает адаптивным средством реализации себя в системе общественных отношений.

На седьмой стадии («творец») гендерная идентичность задает индивидуальное семантическое пространство смысложизненных ориентаций и превращается в субъективное средство внешних действий, приобретая антиципирующую функцию. Это выражается в потребности личности передать (предложить) трансформированную гендерную модель социокультурной среде.

В наших эмпирических исследованиях с применением психо-семантического метода множественных идентификаций В. Ф. Петренко апробированы обозначенные выше положения и показано, что трансформация гендерной семантики в современном сознании происходит в соответствии с общими принципами самоорганизующейся системы, реализуя тенденции сохранения и изменчивости (Лопухова, 2009). В частности, выявлено, что внутриличностные гендерные конфликты формируются, когда гендерные образы включаются в самосознание как интроекты (стадия «наблюдатель»), т. е. человек в таком взаимодействии с нормативной гендерной системой выступает как квазисубъект (стадия «подмастерье»). Напротив, субъектная позиция в отношении к гендерным моделям, их творческая переработка и наполнение индивидуальным смыслом интегрируют систе-

му личности (стадия «мастер»), и тогда множественность гендерных идеалов и неопределенность гендерной семантики в современном обществе выступает условием и субъективным средством развития личности (стадия «творец»). Сила и полнота реализации субъектности, генеративные и трансформационные функции рефлексии, определяют социально-психологическую адаптацию личности в ситуациях раскогласования внешних и внутренних составляющих ее бытия.

Таким образом, анализ становления субъектности индивида в субъект-средовых отношениях с социокультурной средой и с самим собой позволяет выявить экопсихологические условия формирования гендерной психосемантики в структуре сознания.

Литература

Лопухова О. Г. Исследование механизма трансформации гендерных представлений в современных социокультурных условиях // Психологические проблемы развития личности в современных социокультурных условиях: Сборник статей. Вып. 2 / Под ред. О. Г. Лопуховой. Казань: ТГГПУ, 2009. С. 74–79.

Миракян А. И. Контуры трансцендентальной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.

Панов В. И. Экпсихология: Парадигмальный поиск. М.—СПб.: ПИРАО—Нестор-История, 2014.

Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Эксмо, 2013.

Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development: experiments by nature and design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.

Субъектность в динамике когнитивной сферы подростков на фоне активизации самоопределения и самореализации*

Е. В. Михеева (НПЛ Т. ИГР, Москва), *И. В. Васильева* (ТюмГУ, Тюмень)

Проведен сравнительный анализ результатов эмпирического исследования субъектности в динамике когнитивных процессов при разных формах активизации самоопределения подростков: посредством курса т-игр системы «Профнавигатор» как инструмента для проектируемой самореализации и интеграции личности; активизации в игровой форме развития когнитивной сферы, как основы рефлексии и самоопределения; а также с использованием классических опросников на самоопределение. Показывается, что т-игровая работа, как условие проявления субъектности, наиболее эффективна. Доказывается, что результаты проявления субъектности устойчивы во времени. Наиболее чувствительны к этому процессу характеристики произвольного внимания, особенности интеллектуальных и языковых структур малодинамичны, как более стабильные факторы.

Ключевые слова: субъектность, субъектная регуляция, самоопределение, т-игра, подростковый возраст, когнитивная сфера, произвольное внимание.

Проявление субъектности – один из самых трудноуловимых феноменов, значимость изучения которого определяется значением субъектности как источника творчества и «человеческого» в человеке (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, В. В. Знаков). Процессы самоопределения (Леонтьев, 2002, 2014), реализация выбора вопреки внутренним и внешним помехам, основой которым служит субъектная регуляция – это формы проявления субъектности (Михеева, 2017). Однако развитие нейропсихологических исследований, искусственного интеллекта, раскрытие механизмов мышления начинают отеснять, подменять субъектность. Можно ли современными средствами зафиксировать ее проявления?

* Исследование выполнено за счет средств Научно-практической лаборатории Т-ИГР.

А. В. Брушлинский, применяя микросемантический анализ суждений на жизненные темы, обнаружил разницу между подростками и взрослыми в том, что первые совершают своеобразное открытие, тогда как вторые, скорее, вспоминают уже принятое решение (там же). Микросемантический анализ – это качественное исследование, его сложно провести на большом количестве респондентов. В каких показателях проявлений субъектности может выразиться количественный аспект?

Цель исследования – выделить среди показателей динамики когнитивной сферы маркеры, чувствительные к проявлениям субъектности. Гипотеза 1: проявление субъектности отражается на динамических аспектах когнитивной сферы и наиболее ярко – на показателях произвольного внимания, и эти следы устойчивы во времени. Гипотеза 2: т-игровая система «Профнавигатор» способствует выраженному проявлению субъектности. Поскольку подростковый возраст требует самоопределения, а значит, и проявления субъектности, в качестве испытуемых были выбраны подростки.

Формирующий эксперимент проводился с октября 2018 по май 2019 г. в условиях общеобразовательной школы. 149 подростков с 6 по 11 класс были распределены в три группы: «Экспериментальная» (Э), «Контрольная-2» (К2) и «Контрольная-1» (К1), которая была создана в целях контроля «особых» (экспериментальных) условий, игровой формы (игры как таковой), а также личности ведущего. В начале и в завершении исследования проводились констатирующий и контрольный диагностические срезы. Для контроля устойчивости изменений итоговый срез был проведен спустя полтора месяца после последней игры.

Для диагностики когнитивной сферы применялись: тест Бурдона (буквенный вариант), фронтально по классам. Для обработки использовались показатели продуктивности («П», как общее количество проверенных знаков); точность («Т», как отношение количества правильно найденных знаков к требуемому); эффективность («Эф», как произведение точности и продуктивности); «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена, ч/б вариант («МР», диагностика уровня развития аналитико-синтетических и прогностических навыков), «Сложные аналогии» («СА», понимания логики русского языка). Оба теста проводились в электронной форме (программа Indigo), группами по 12–14 чел. Для анализа использовались коэффициенты эффективности как отношение решенных задач к требуемым. Обработка данных – ANOVA.

Группа Э прошла т-игровой курс на профессиональное и личностное самоопределение «Профнавигатор» (Прыгин, 2009). Его особенность в интенсификации рефлексии в сочетании с субъектной регуляцией в условиях необходимости противостоять потоку случайных событий. Это, предположительно, ведет к интеграции личности. 4 игры поднимали вопросы: «Кто я, какой я?»; «Как я вижу желаемое будущее?», «Какой вектор профессионального развития больше подходит?», «Кто такой „я-профессионал“?», «Готов ли к реализации выбранного пути?».

Группа К1, помимо констатирующего и контрольного срезов, проходила цикл настольных игр на развитие когнитивной сферы (внимание, памяти, мышления, воображения), а также элементов саморегуляции в потоке случайных событий. Игры подбирались так, чтобы задействовать все процессы т-игры по отдельности. Активизация субъектного уровня проходила в условиях командной игры (участники сообща противостояли заданным условиям) и не требовала психодинамической саморегуляции в условиях неопределенности. Эта саморегуляция была реализована через участие в обычной настольной игре – «бродилке».

Распределение результатов диагностики (по группам в каждом диагностическом срезе по каждому из показателей) близко к нормальному за исключением данных первого среза Э группы ($K-S d=0,19071$, $p=0,05$). В связи с этим основная обработка проводилась ANOVA с добавлением непараметрических методов.

Наибольшая разница обнаружена в динамике внимания: в группе Э (П выросла на 129,54; Т осталась почти неизменной, Эф выросла на 118,51), в К1 (П повысилась на 65,29, Т на 0,037, Эф на 87,24), К2 (П выросла на 79,34, Т на 0,025, Эф на 88,64). По показателям эффективности в решении теста на интеллект и на понимание логики русского языка изменения во всех группах есть, но незначительны. Самые высокие – К1 (MP 0,08, CA 0,15). Динамика MP в группе Э минимальна (MP 0,06). В группе К2 – MP 0,07). Динамика CA в группах Э и К2 сходна (0,09).

Сравнение данных констатирующего и контрольного срезов по каждой группе (однофакторный ANOVA) показал, что разброс данных этапом диагностики объясняется частично. Межгрупповое сравнение (Scheffe-test) показало, что для К1 различия между срезами по Продуктивности статистически незначимы ($p(K1)=0,146$, в сравнении с $p(Э)=0,000$ и $p(К2)=0,013$). В группах Э и К2 анало-

гичная картина по показателям Т ($p(\text{Э})=0,594$; $p(\text{К}2)=0,075$ в сравнении с $p(\text{К}1)=0,016$). Для результатов Эф, МР и СА разница между срезами статистически значима для всех групп (Эф: $p(\text{Э})=0,000$; $p(\text{К}1)=0,032$; $p(\text{К}2)=0,001$. МР: $p(\text{Э})=0,007$; $p(\text{К}1)=0,001$; $p(\text{К}2)=0,008$. СА: $p(\text{Э})=0,021$; $p(\text{К}1)=0,001$; $p(\text{К}2)=0,012$). Получается, что, благодаря специальным занятиям, усилия участников группы К1 были сосредоточены на развитии концентрации, что в отсутствие дополнительных сил, по-видимому, прошло за счет развития продуктивности, поэтому ее изменения статистически незначимы, в то время как группа Э была сориентирована на иные процессы, требовавшие обработки более мощного объема информации и, вероятно, раскрывшие дополнительные ресурсы, поскольку эффект оказался самым ярким и устойчивым.

Полный параметрический анализ ANOVA по критериям пола, возраста, класса и формы участия показал отсутствие связей ($p=1$). В межгрупповом сравнении (Scheffe-test) статистически значимые различия проявились в динамике Продуктивности внимания между группой Э и обеими контрольными ($p(\text{Э}: \text{К}1)=0,47$; $p(\text{Э}: \text{К}2)=0,018$), подтвердив различия в средних, а также как в динамике Точности внимания – между группами К1 и Э ($p=0,024$).

Предположительно, это ожидаемое проявление силы, высвободившейся из ранее не завершенных, но получивших в процессе т-игр разрешение процессов самоопределения (Леонтьев, 2002). Чувствительность П объясняется, с одной стороны, наименьшей ресурсозатратностью, с другой тем, что этот процесс способствует обнаружению оснований для самоопределения и интеграции (согласования). При этом, по сравнению с остальными группами, несколько замедлился процесс интеллектуального и языкового развития. Можно допустить, что в самом процессе самоопределения требовалось больше сил, например, для внутренней интеграции. Важно отметить, что вся описываемая динамика сохранилась спустя почти 1,5 месяца после проведения последней игры. То есть, можно сказать, что проявления субъектности устойчивы во времени.

Среди других факторов наибольшее влияние оказал фактор пола: по П и Эф в диагностическом срезе ($p=0,035$ и $0,02$, соответственно). В контрольном срезе статистически значимых различий по этим показателям не выявлено. Возможно, он подвержен воздействию среды: во время каникул окружение формирует эти различия, но в условиях школы они стираются. Тот факт, что в контрольном срезе гендерные

различия проявились в Точности ($p=0,038$) (разница в П и Э незначима) можно понять из сроков контрольного среза для 6–8 классов, который проводился накануне майских праздников. В этой связи девочки, видимо, были более устойчивы и сосредоточены.

Можно отметить и фактор класса: различия в контрольном срезе по показателям продуктивности между 6 и всеми остальными классами, кроме 7 ($p(8)=0,007$; $p(9)=0,002$; $p(10)=0,025$; $p(11)=0,035$). Видимо, так отразилась адаптация учащихся 6-х классов: был проведен большой набор, и 2/3 участников в этой параллели начинали год в новой школе).

Интересно сравнить и соотношение диагностических показателей по классам в рамках каждой группы. Их непараметрический анализ Kruskal–Wallis ANOVA показал, что в группе К1 результаты по классам сходны по всем переменным ($p=1,00$), что говорит о наличии единого основания. Поскольку группы набирались на основе личного выбора участников, для участников К1 этим основанием мог быть интерес к развитию интеллектуальной сферы, который сильнее различий по классам; группа К2 формировалась по остаточному принципу, и разница между классами по показателям внимания явно выражена, что проявило разнородность группы, особенно на этапе констатирующей диагностики. К контрольному срезу эти различия сгладились, оставаясь статистически значимыми лишь для Продуктивности. Динамика в контрольных группах по всем показателям сходна ($p(П)=0,595$; $p(Т)=0,131$; $p(Эф)=0,719$), так же как результаты МР по всем срезам и динамике В группе Э в обоих срезах и частично в динамике различия между классами по П, Т и Эф статистически незначимы, однако их сходство не так выражено, как в группе К1 ($p(П)=0,218/0,101/0,062$; $p(Т)=0,057/0,655/0,390$; $p(Эф)=0,198/0,171/-$); в динамике Эф значимые различия между классами проявились ($p=0,019$), а в динамике МР – наоборот, отразилась высокая степень схождения ($p=0,906$), как будто участников этой группы что-то объединило. Различия в динамике СА по классам во всех трех группах практически идентичны и близки к 1, что можно расценить как некоторый общий культурный аспект.

Выводы

Исследование показало, что проявления субъектности наиболее ярко выражены в более простых когнитивных процессах, но устойчи-

вы во времени. Их самая высокая динамика – результат курса т-игр системы «Профнавигатор» как процесса активизации самоопределения и субъектной регуляции в условиях вероятностных событий, стимулирующего проявления субъектности. Однако окончательные выводы делать рано. Требуется дополнительные исследования.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Леонтьев Д. А.* Личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 1 / Под общ. ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 56–65.
- Леонтьев Д. А.* Психология выбора. Ч. 2. Личностные предпосылки и личностные последствия выбора // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 56–68.
- Михеева Е. В.* Особенности использования игровой системы «Профнавигатор» в работе по самоопределению детей и подростков с ОВЗ в условиях инклюзивного образования // Конференциум АСОУ: Сборник научных трудов и материалов научно-практической конференции. 2017. № 2. С. 91–97.
- Прыгин Г. С.* Психология самостоятельности. Ижевск–Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2009.

Российско-американские исследования детей с опытом институционализации: влияние качества раннего окружения на психическое здоровье и развитие детей*

Р. Ж. Мухамедрахимов (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Исследования детей с ранним опытом институциональной депривации свидетельствуют о наблюдаемых у них негативных изменениях психического здоровья и развития. Квазилонгитюдное сравнительное изучение вопроса о влиянии характеристик раннего окружения, в том числе проведенного в рамках программы вмешательства изменения его чувствительности, отзывчивости и постоянства, на развитие и поведение детей в период институционализации и после перевода в семью были проведены российско-американской научной группой в проектах в домах ребенка и замещающих семьях Санкт-Петербурга в 2000–2012 гг. В данной работе дано краткое изложение основных результатов этих проектов и их обсуждение в контексте представлений о становлении ребенка в системе взаимодействия и формирования отношений с близким взрослым.

Ключевые слова: дети, институционализация, раннее окружение, программа вмешательства, замещающая семья, развитие, психическое здоровье.

Одним из фундаментальных вопросов наук, изучающих развитие человека, является вопрос о характеристиках окружения, необходимых для его благополучного становления в раннем возрасте и о влиянии раннего опыта на последующее развитие и психическое здоровье человека. В последние десятилетия изучение этого вопроса связано с проводимыми международным научным сообществом исследованиями детей, принятых из сиротских организаций в семьи социально и экономически развитых стран. Наиболее крупными являются многолетние проекты по изучению детей, усыновленных из детских домов Румынии в семьи Великобритании (The English and Romanian

* Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00626. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00626>.

Adoptees Study; ведущий исследователь – М. Rutter), Канады (Е. Ames, К. Chisholm/Maclean), усыновленных из разных стран мира в семьи США (М. Gunnar), Нидерландов (М. Van Ijzendoorn, М. Bakermans-Kranenburg, F. Juffer), Испании (J. Palacios). Большой объем новой информации получен в проекте по изучению детей, переведенных из детских домов в приемные семьи Румынии (The Bucharest Early Intervention Project; Ch. Zeanah, Ch. Nelson, N. Fox). Результаты этих и других исследований свидетельствуют о наблюдаемых у детей с опытом институционализации негативных изменений в различных областях психического развития, нарушении привязанности и поведения (Проблема сиротства в современной России, 2015; McCall et al., 2016; Muhamedrahimov et al., 2022; The St Petersburg–USA Orphanage Research Team, 2008), а также о значительных изменениях в работе ряда биологических систем организма (Gunnar, Bowen, 2021). Выделенные выше проекты исходили из того, что условия проживания детей в сиротских организациях являются депривационными. Однако они не давали ответа на вопрос о том, недостаток каких именно характеристик окружения критически влияет на развитие детей как в период институционализации, так и впоследствии после перевода в семью. Согласно теории привязанности и представлениям о становлении ребенка в системе взаимодействия с близким взрослым, такими показателями должны были бы быть чувствительность и постоянство первичного социального окружения в лице матери ребенка или замещающего ее взрослого. Квазилонгитюдные эмпирические исследования этого вопроса в группе детей с опытом институционализации впервые были проведены российско-американской научной группой в двух крупных проектах в домах ребенка и замещающих семьях Санкт-Петербурга. Ниже дано краткое представление основных результатов этих исследований.

Первый проект «Влияние изменения социального окружения на раннее развитие детей в домах ребенка» (грант USA NICHD № 5R01HD39017-03) проводился в домах ребенка в 2000–2005 гг. (The St Petersburg–USA Orphanage Research Team, 2008). Основной целью исследования было определение роли характеристик раннего социально-эмоционального окружения в развитии и психическом здоровье детей от рождения до 4 лет, проживавших в домах ребенка (ДР). Три участвовавших в исследовании ДР соответствовали стандартам медицинского обслуживания, питания, санитарных условий, наличия игрушек и оборудования, однако в них наблюдалось низ-

кое качество социально-эмоционального взаимодействия персонала с детьми. Кроме того, в связи с графиком работы персонала и переводами из группы в группу, дети встречались с 9–12 групповыми сотрудниками в течение недели и с 60–100 – в первые 2 года жизни, что свидетельствовало о драматической нестабильности их окружения. В целом дети в ДР проживали в условиях социально-эмоциональной депривации.

Для улучшения качества окружения детей в ДР были созданы и внедрены два вида вмешательства. Первый – обучение персонала, направленное прежде всего на повышение квалификации в области удовлетворения потребности развития детей во взаимодействии с чувствительным и отзывчивым близким взрослым, с последующей супервизией работы с детьми. Второй – структурные изменения, включавшие уменьшение числа детей в группе с 12–15 до 6–7; выделение сотрудников для выполнения роли близких взрослых с увеличением часов работы и изменением графика работы так, чтобы они обеспечивали потребность детей в ежедневном общении; интеграцию детей по возрасту и развитию, прекращение их переводов из группы в группу; выделение «семейного часа» для увеличения общения детей с близкими взрослыми.

Дома ребенка были распределены для обеспечения одного из трех условий: в одном были проведены обучение и структурные изменения (О+СИ), в другом – только обучение (ТО), третий продолжал работать без изменений (БИ). В проекте участвовали до 530 сотрудников и 954 ребенка в возрасте от нескольких дней до 4 лет, как, согласно функциональным возможностям, типично развивающихся, так и с нарушениями развития. Качество окружения детей изучалось с использованием метода НОМЕ, физическое развитие определялось по росту-весовым показателям, психическое – по методу BDI (Battelle Developmental Inventory). Характеристики социально-эмоционального взаимодействия взрослого и ребенка изучались по анализу видеозаписи взаимодействия по методикам PCERA (Parent–Child Early Relational Assessment) и IAM (Infant Affect Manual), поведение привязанности и тип привязанности изучались по видеозаписи взаимодействия взрослого и ребенка в незнакомой для ребенка лабораторной ситуации и последующих эпизодов их разлучения и воссоединения.

Результаты исследования показали, что программы вмешательства были успешно реализованы, и качество окружения детей в ДР О+СИ позитивно изменилось и стало выше, чем в БИ. У детей в ДР О+СИ,

как типично развивающихся, так и с нарушениями развития, наблюдались, по сравнению с детьми в ДР ТО и БИ, значительные улучшения в различных областях развития, которые были больше после 9 и более месяцев пребывания в измененных условиях, по сравнению с 4–9 месяцами (эффект дозы вмешательства). Положительные изменения в ДР О+СИ были обнаружены, по сравнению с БИ, по показателям взаимодействия взрослых и детей, проявлениям эмоций на лицах, распределению типов привязанности и поведению привязанности (The St Petersburg—USA Orphanage Research Team, 2008).

Второй проект «Долгосрочное влияние раннего социально-эмоционального опыта на развитие ребенка» (гранты USA NICHD HD39017 и 050212) был проведен в 2007–2012 гг. в замещающих семьях (ЗС), принявших детей из ДР О+СИ, ТО и БИ (McCall et al., 2016; Muhamedrahimov et al., 2023). Основной целью проекта было определить влияние характеристик раннего институционального окружения на поведение и развитие детей после перевода в ЗС. Участниками исследования были дети ($n = 135$) от 1,5 до 10,8 лет с пребыванием в ДР не менее 3 месяцев, а также их замещающие родители. Дети были переведены в ЗС Санкт-Петербурга в $M (SD) = 24,7 (15,2)$ месяцев и проживали в них не менее 1 года. Методы исследования были дополнены опросниками для выявления особенностей поведения детей. Результаты показали, что в целом по всей выборке дети, принятые в семьи в более старшем возрасте, получали по отдельным поведенческим показателям более низкие оценки. Дети из ДР О+СИ были менее агрессивными/вызывающими, проявляли меньше неразборчивого дружелюбия, экстернализации (McCall et al., 2016).

Изучение детей, усыновленных в семьи США, показало, что дети из ДР О+СИ ($n = 45$, возраст обследования 4,39 (1,45) лет), были оценены усыновителями как проявляющие более высокие значения по шкале безопасности привязанности, меньше неразборчивого дружелюбие и проблем поведения, по сравнению с детьми, принятыми в семьи из депривационных условий домов ребенка ($n = 220$, 3,93 (1,41) лет). При этом изменения отдельных поведенческих проявлений были связаны с возрастом на время усыновления, связанного с продолжительностью воздействия условий вмешательства во время проживания в ДР.

В последующих работах было проведено изучение вопроса о возможных различиях взаимодействия с замещающими родителями детей с опытом проживания в ДР О+СИ, по сравнению с детьми из депри-

вационных условий ДР БИ. При этом учитывались возраст на время обследования, продолжительность проживания в ДР, в ЗС а также тип ЗС (помещение ребенка в семью родственников или в неродственные семьи, которые отличались большим числом полных семей и более высоким образованием родителей). Изучение взаимодействия проводилось по результатам анализа видеозаписи свободной игры детей и замещающих родителей в домашних условиях на этапе до 24 (n = 55 случаев) и 25–48 месяцев (n = 48) проживания в семье. Результаты свидетельствуют, что до 24 месяцев отдельные характеристики взаимодействия были лучше в семьях с детьми из О+СИ, чем из БИ, особенно чем больше времени дети проводили в этих ДР, а также в неродственных семьях, чем в семьях родственников. На этапе 25–48 месяцев дети, помещенные в неродственные семьи, проявляли большую активность и качество игры, чем дети, переведенные к родственникам. В целом эти результаты позволяют предположить, что до 24 месяцев в ЗС взаимодействие родителя и ребенка может быть связано как с ранним опытом ребенка, так и особенностями ЗС, тогда как в период 25–48 месяцев оно может быть связано в основном с особенностями ЗС (Muhamedrahimov et al., 2023).

С научной точки зрения, полученные в первом и втором проектах результаты дают основание заключить, что улучшение чувствительности и отзывчивости в сочетании с повышением постоянства социально-эмоционального окружения положительно влияет на показатели психического развития и здоровья детей как в период институционализации, так и после смены институциональных условий проживания на семейные. Анализ базы данных проектов продолжается, при этом к настоящему времени среди влияющих на развитие и поведение детей выделены как характеристики окружения в условиях учреждения (депривационные или с чувствительным, отзывчивым и постоянным близким взрослым), так и возраст детей на время обследования, институционализации, длительность институционализации, а также длительность пребывания в замещающей семье и ее тип (родственная или неродственная).

С прикладной точки зрения, необходимо подчеркнуть, что положительный результат в наибольшей мере получен в доме ребенка при сочетании обучения со структурными изменениями, что дает основание для проведения схожих изменений в других сиротских учреждениях, а также при организации семейного устройства детей. Разработанные в рамках исследования компоненты вмешательства

были использованы при реорганизации сиротских учреждений в Латинской Америке, Казахстане, а также при создании близких к семейным условий проживания в российских организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 № 481). Низкое качество взаимодействия в замещающих семьях, воспитывающих детей с опытом институционализации, может усугублять негативное влияние ранней депривации на психическое здоровье и развитие ребенка. Это подчеркивает важность создания научно-обоснованных программ раннего сопровождения замещающих семей, опирающихся на представления о необходимости удовлетворения потребности ребенка в становлении в системе взаимодействия и формирования отношений с чувствительным, отзывчивым и постоянным близким взрослым.

Литература

- Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Под ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Gunnar M. R., Bowen M.* What was learned from studying the effects of early institutional deprivation // *Pharmacology Biochemistry and Behavior*. 2021. V. 210. P. 173–272.
- McCall R. B., Muhamedrahimov R. J., Groark Ch. J., Palmov O. I., Nikiforova N. V., Salaway J., Julian M.* The development of children placed into different types of russian families following an institutional intervention // *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2016. V. 5. № 4. P. 255–270.
- Muhamedrahimov R. J., Shabalina E. V., Palmov O. I., Nikiforova N. V.* Caregiver–child interaction in children placed into different types of russian families following an institutional intervention // *Adoption Quarterly*. 2023. V. 26. Iss. 3. doi: 10.1080/10926755.2022.2156640
- The St Petersburg–USA Orphanage Research Team. The effects of early social emotional and relationship experience on the development of young orphanage children // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2008. V. 73. № 3. P. 1–262.

Удовлетворенность жизнью людей старшего возраста: общее и индивидуальное

Е. А. Никитина (ИП РАН, Москва)

Полученные на многочисленных выборках общие результаты о факторах удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте важно дополнить данными об индивидуальных ресурсах и факторах риска участников исследований. Социальная поддержка, самооценка, удовлетворенность своим интеллектом, внешностью, характером и здоровьем, автономия позитивное или негативное переживание одиночества, взятые отдельно, не всегда позволяют предсказать благополучие конкретных людей.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, социальная поддержка, самооценка, одиночество, семейный статус.

Несмотря на все возрастающий интерес психологической науки к людям старшего возраста достаточно широко распространен подход, при котором пожилые респонденты рассматриваются как однородная группа, подверженная равнозначным влияниям внешних или внутренних факторов. Использование современных технологий сбора и обработки больших объемов данных позволяет получать информацию о связях многочисленных переменных, полученных в ходе исследований на выборках, включающих тысячи и десятки тысяч участников. Например, в лонгитюдном проекте ELSA (English Longitudinal Study of Ageing) было привлечено более 19000 людей старше 50 лет. Результаты подтвердили важность включенности в социум для психологического благополучия. Р. Ранзин с коллегами демонстрируют связь самооценки и самоуважения с компетентностью и ощущением нужности также на большой ($N = 1087$) выборке респондентов 70–103 лет (Ranzijn et al., 1998). Современные исследования, однако, указывают на сложное взаимодействие изучаемых характеристик.

Относительно, например, психологического благополучия известно, что его предикторы в пожилом и старческом возрасте, у женщин и мужчин, у работающих и пенсионеров могут различаться. Так, J. Kalseth и V. Donisi с коллегами отмечают, что с возрастом увеличи-

вается вклад материальных факторов – уровня экономического развития страны, состояния здравоохранения, доступности медицины и социальных программ (Kalseth et al., 2022). После 80 лет удовлетворенность жизнью мужчин связана с семейным статусом, для женщин – важнее состояние здоровья. Выход на пенсию, сопровождающийся значительным снижением круга общения, может приводить к снижению самооценки здоровья и появлению симптомов депрессии (Pilehvari et al., 2023). Однако включение пенсионеров в регулярную организованную физическую активность не только способствует сохранению физического здоровья, но – через выстраивание режима дня, появление новых контактов, установление новых целей – повышает психологическое благополучие (Barnett et al., 2012). Немаловажен и вклад культурных стереотипов, связанных со старением.

При всей продуктивности номотетического подхода в исследовательской практике подобных обобщенных результатов часто оказывается недостаточно для понимания некоторых индивидуальных случаев. Поэтому в данной статье будут продемонстрированы как общие факторы удовлетворенности жизнью и самооценки для людей пожилого и старческого возраста, так и конкретные случаи, не соответствующие с выявленными закономерностями.

Методика

Было привлечено 114 респондентов (89 женщин, 25 мужчин) в возрасте от 60 до 89 лет, давших информированное согласие на участие в исследовании. Из них 56% имели высшее образование, 44% – среднее и среднее специальное (срок образования – от 10 до 13,5 лет), 53% состоят в браке, 31% продолжает трудовую деятельность. У участников контролировалось отсутствие выраженных когнитивных расстройств, т.е. не менее 15 баллов по тесту SAGE (Self Administrated Gerocognitive Exam): 15–16 баллов набрали 20% респондентов, 17–18 баллов – 25%, 19–20 баллов – 32% и 21–22–23%.

Участникам исследования были предложены следующие методики:

- Анкета, включающая как демографические вопросы, так и вопросы, направленные на самооценку автономии.
- Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (в адаптации Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева, 2020).

- Шкала социальной поддержки SOZU-22 (в адаптации А. Б. Холмогоровой, Н. Г. Гаранян, Г. А. Петровой, 2003)
- Методика «Социотропность—самодостаточность» (О. Ю. Стрижицкой, М. Д. Петраш, И. Р. Муртазиной, Г. А. Вартамян, 2021).
- Шкалы самооценки Я реальное / Я идеальное / Я глазами других (здоровье, интеллект, внешность, характер) — от 0 до 100%, а также степень неудовлетворенности этими показателями, вычисляемая как разность между Я идеальным и Я реальным.
- Дифференциальный опросник переживания одиночества (в адаптации Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева, 2020).

Результаты

В целом по выборке было обнаружено, что удовлетворенность жизнью положительно связана с нахождением в браке (Spearman $\rho = 0,33^{**}$), оценкой своего экономического статуса (0,187, $p = 0,052$), эмоциональной поддержкой (0,281**), социальной интеграцией (0,259**), удовлетворенностью социальной поддержкой (0,187, $p = 0,052$), самооценкой интеллекта (0,365**), внешности (0,205*), характера (0,236*) и здоровья (0,409**), а также представлениями о том, как интеллект (0,291**), внешность (0,208*) и характер (0,348**) оценивают другие люди. Полученные данные совпадают с результатами многочисленных исследований.

Далее мы сравнили с помощью коэффициента Манна–Уитни результаты респондентов, находящихся и не находящихся в браке. У одиноких людей значительно ниже показатели удовлетворенности жизнью, трудовой занятости и автономии времени. Других различий не обнаружено.

При рассмотрении результатов респондентов, состоящих в браке ($N = 59$, 39 женщин, 20 мужчин) сохраняется сходная с общей выборкой структура связей. Также у них на уровне тенденции дополнительно выявляется положительная корреляция удовлетворенности жизнью с автономией пространства (0,258, $p = 0,055$), что вполне объяснимо — наличие собственного места в квартире, где все устроено по желанию человека, оказывается позитивным (безопасным, функциональным, комфортным и дающим возможность самовыражения) элементом среды и может выступать ресурсом благополучия. В этой группе самодостаточность положительно связана с автономией пространства, самооценкой интеллекта и здоровья, общим баллом со-

циальной поддержки, а также отрицательно связана с общим переживанием одиночества. При этом корреляция с удовлетворенностью жизнью не достигает уровня значимости.

Для респондентов, находящихся в разводе или овдовевших (N = 55, 50 женщин, 5 мужчин), удовлетворенность жизнью (так же как и в целом по выборке) положительно связана с эмоциональной поддержкой и социальной интеграцией, с самооценкой интеллекта и здоровья, но также отрицательно – с автономией времени. Возможно, в этой (преимущественно женской выборке) возможность полностью распоряжаться своим временем отражает недостаточную востребованность и включенность в повседневную семейную жизнь.

Являются ли обнаруженные закономерности универсальными? Далее мы рассмотрим 2 случая, не совпадающих с общими тенденциями.

Респондент А. (№ 98), женщина 70 лет, образование высшее, SAGE = 18, вдова, не работает, проживает вместе с детьми и внуком 13 лет. Невысокие баллы по шкалам самодостаточности, удовлетворенности социальной поддержкой, самооценки внешности и характера, зависимости от общения, автономии пространства при высокой автономии времени не приводят к снижению удовлетворенности жизнью (верхний квартиль). Какие из имеющихся у нас данных могут помочь при оценке ресурсов благополучия для данного респондента? Прежде всего обращают на себя внимание высокие значения по шкалам привязанности, эмоциональной и инструментальной поддержки. Респондент отмечает не только социальную интеграцию, но и полагает, что его высоко оценивают дети и внуки. Таким образом, несмотря на смерть супруга, жизнь вместе с детьми и регулярное взаимодействие с ними позволяет женщине реализовать имеющиеся социальные потребности, получить необходимую эмоциональную поддержку.

Респондент К (№ 97), мужчина 65 лет, образование высшее, SAGE = 21, в браке, работает, проживает с женой, дети живут отдельно. Самодостаточность, эмоциональная и инструментальная поддержка, социальная интеграция и удовлетворенность поддержкой находятся в верхних квартилях, самооценка адекватно высокая, при этом удовлетворенность жизнью находится на границе между низшим и вторым квартилями. К числу возможных причин можно отнести неадекватные представления о идеальном образе «Я» – по всем шкалам Я идеальное = 100, а также возможную конфликтность отноше-

ний с супругой, что отражается в представлении о ее низких оценках интеллекта и характера респондента.

Полученные данные подтверждают несводимость сложных психологических явлений к ограниченному набору переменных и демонстрируют роль личностных особенностей респондентов в понимании такого феномена как удовлетворенность жизнью. Как отмечал А. В. Брушлинский: «...двойственность индивида как субъекта проявляется прежде всего в том, что он всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен» (Брушлинский, 2000, с. 45). Результаты показывают, что автономность и социальная включенность не исключают друг друга, т. е. не лежат на разных полюсах единой шкалы, актуализируясь в разной степени в зависимости от ситуации. Накапливаемый с возрастом опыт может позволить пожилому человеку использовать все имеющиеся у него ресурсы во внешне противоречивом, однако оптимальном для решаемой задачи комплексе.

Литература

- Брушлинский А. В.* Гуманистичность психологической науки // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 3. С. 43–48.
- Barnett I., Guell C., Ogilvie D.* The experience of physical activity and the transition to retirement: a systematic review and integrative synthesis of qualitative and quantitative evidence // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. 2012. V. 9. № 1. P. 1–10.
- Kalseth J., Donisi V., Miret M., Forsman A., Cresswell-Smith J.* Exploring the association between welfare state and mental well-being in Europe: does age matter? // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. V. 19. P. 10985.
- Pilehvari A., You W., Lin X.* Retirement's impact on health: what role does social network play? // European Journal of Ageing. 2023. V. 20. P. 14.
- Ranzijn R., Keeves J., Luszcz M., Feather N. T.* The Role of self-perceived usefulness and competence in the self-esteem of elderly adults: confirmatory factor analyses of the Bachman Revision of Rosenberg's Self-Esteem Scale // The Journals of Gerontology: Series B. 1998. V. 53. № 2. P. 96–104.

Системно-субъектный подход как вариант развития психологии субъекта А. В. Брушлинского*

Н. С. Павлова (ИП РАН, Москва)

Показано, что положение о субъекте как активном деятеле, творце своей жизни и истории сформулировано С.Л. Рубинштейном. А. В. Брушлинским и К. А. Абульхановой разработан субъектно-деятельностный подход, а усилиями А. В. Брушлинского – психология субъекта как интегративное изучение психологии человека. Системно-субъектный подход Е. А. Сергиенко – новый виток в развитии психологии субъекта. Представлены исследования автора, выполненные в системно-субъектной парадигме: субъектные и личностные характеристики людей различных профессий при построении временной перспективы; ментальные ресурсы регуляции поведения на этапе позднего онтогенеза. Подтверждены теоретические гипотезы о субъектно-личностной организации человека и о реорганизации ментальных ресурсов личности и субъекта в позднем онтогенезе.

Ключевые слова: субъектно-деятельностный подход, системный подход, психология субъекта, континуально-генетический подход, системно-субъектный подход, субъект, личность.

Необходимость интегративного исследования психологии человека и его психического развития на сегодняшний день не вызывает сомнения. В поисках путей решения этой проблемы психология субъекта занимает позицию ведущего подхода к целостному изучению психологии человека. Основные ее идеи были сформулированы А. В. Брушлинским, а в дальнейшем развиты его учениками и коллегами.

В психологии разработка категории субъекта как активного деятеля, творца своей жизни и истории была начата в деятельностном подходе С.Л. Рубинштейна и продолжена его учениками (А. В. Брушлинским, К. А. Абульхановой и другими сотрудниками Института

* Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2023-0005 «Онто- и субъектогенез психического развития человека в разных жизненных ситуациях».

психологии РАН). Однако С. Л. Рубинштейн четко не разводил категории человека, личности и субъекта. А. В. Брушлинский же, развивая идеи С. Л. Рубинштейна, опираясь на принцип детерминизма и применяя оригинальный континуально-генетический подход, сформулировал определение субъекта и дал начало новой субъектной парадигме в психологической науке (Брушлинский, 2003). «Психология субъекта, разработанная А. В. Брушлинским, проанализирована в работах В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенковой и др.» (Сергиенко, 2021, с. 16). Его идеи дали множество поводов для дальнейших научных поисков и открытий.

Более подробно хотелось бы остановиться на системно-субъектном подходе Е. А. Сергиенко (Сергиенко, 2021). В нем полно и непротиворечиво отражены значения субъекта и личности как двух ипостасей человека, находящихся во взаимодействии друг с другом, определены функции субъекта и личности, обозначены этапы развития субъектности, предложено процессуальное понимание психологической зрелости. Получившаяся модель образует стройную теорию психического развития, базирующуюся на принципах непрерывности (континуальности), гетерархии, дифференциации – интеграции, антиципации и субъектности. В основе теории лежит континуум субъектно-личностного развития человека на протяжении всей жизни. Системно-субъектный подход отвечает современным требованиям научного знания и реализует в рамках психологии субъекта обобщение и систематизацию уже существующих идей, а также теоретическое и эмпирическое обоснование новых конструктов и постановку новых проблем.

Наши исследования, выполненные в русле системно-субъектного подхода, служат верификации его положений. Одна из работ направлена на изучение проблемы субъектно-личностной организации человека (Павлова, Сергиенко, 2016). В ней проверялась теоретическая гипотеза о том, что субъект и личность представляют собой единство и выражают различные аспекты индивидуальности человека: постановка целей осуществляется личностью во временной перспективе и реализуется субъектом в жизни, развитии и деятельности.

Цель: изучение особенностей субъектных (рефлексия и контроль поведения) и личностных (субъективный возраст, смысложизненные ориентации, субъективное благополучие) характеристик людей различных профессий при построении временной перспективы.

Гипотезы исследования:

1. Представители регламентированных и нерегламентированных профессий различаются в субъектных (рефлексия и контроль поведения) и личностных (субъективный возраст, смысложизненные ориентации, субъективное благополучие) характеристиках.
2. Соотношение субъектных и личностных характеристик имеет специфические особенности у людей разных профессий.
3. Временная перспектива личности взаимосвязана с субъектными и личностными характеристиками и имеет отличительные особенности в зависимости от степени регламентации профессиональной деятельности.

В исследовании приняли участие мужчины 23–52 лет ($M = 33$ года), которые составили 2 группы испытуемых, уравненных по возрасту: летный состав военно-воздушных сил РФ ($n = 44$) и люди, чья профессиональная деятельность не связана с работой в условиях строгой регламентации ($n = 40$).

Показано, что представители обеих профессиональных групп характеризуются реципрокным соотношением субъектных и личностных характеристик, а также высокими показателями субъективного благополучия, что указывает на множественность вариантов субъектно-личностной регуляции поведения и позволяет говорить о психологической зрелости представителей обеих профессиональных групп. Профессиональная специфика взаимосвязей субъектных и личностных характеристик проявляется в том, что у людей «свободных» профессий обнаружено большее сопряжение данных конструкторов. В то время как у военных летчиков установлены более тесные взаимосвязи отдельных личностных и субъектных характеристик. Кроме того, у людей нерегламентированных профессий и личностные характеристики находятся в более тесной взаимосвязи между собой.

Мы связываем полученные данные с тем, что люди нерегламентированных профессий в жизни и в профессии больше рассчитывают на себя. Поэтому при регуляции поведения и планировании времени они в большей мере опираются на внутренние ресурсы своей личности. Для летного состава сама внешняя регламентация профессиональной деятельности, а также сложившаяся система военной авиации, социальные гарантии государства и престиж профессии являются внешним ресурсом, который используется субъектом.

Также нами проводится серия исследований людей пожилого и старческого возрастов. В основе работы лежит теоретическая гипотеза о том, что в позднем онтогенезе наблюдается реорганизация ментальных ресурсов личности и субъекта, что проявляется в психологическом благополучии и субъективной оценке качества жизни и здоровья. Цель: изучение особенностей психологического благополучия и качества жизни, связанного со здоровьем, во взаимосвязи с контролем поведения и отношением ко времени (временная перспектива личности как преобладающие временные ориентации на будущее, настоящее или прошлое и субъективный возраст как отношение к себе и оценка личного временного ресурса) людей позднего возраста.

Исследовательские гипотезы:

1. Высокая степень интеграции личностных (временная перспектива и субъективный возраст) и субъектных (контроль поведения) ресурсов сопряжена с более высокими показателями психологического благополучия и субъективной оценки качества жизни.
2. Уровень качества жизни, связанного со здоровьем, психологического благополучия, развития контроля поведения, а также оценка субъективного возраста и временной перспективы отличается в зависимости от пола, возраста (55–64 лет; 65–74 лет; 75–90 лет), образа жизни и места проживания (у себя дома или в геронтологическом центре) людей позднего онтогенеза.

Одно из исследований проводилось на базе Центра социального обслуживания г. Москвы (Павлова, 2022а). В нем приняли участие неработающие пенсионеры 58–93 лет ($n = 48$). Общая выборка разбита на подгруппы в зависимости от возраста и образа жизни: пенсионеры, ведущие активный образ жизни, занимающиеся в кружках, секциях, посещающие театры, экскурсии; одинокие и одиноко проживающие пенсионеры, получающие помощь социального работника по ведению хозяйства и в решении бытовых проблем; такие люди большую часть времени проводят дома одни либо с сиделкой.

Показано, что здоровье и его поддержание — ведущие цели и критерии идеальной жизни людей на этапе позднего онтогенеза. Несмотря на довольно низкие показатели качества жизни, связанного со здоровьем, уровень психологического благополучия соответствует высокому и среднему интервалам. Исходя из этого, был сделан вывод о множественных вариантах благополучного старения. На наш взгляд, это обеспечивается, в первую очередь, опорой на вну-

тренные ресурсы личности, что способствует реализации основных компонентов позитивного функционирования, а также ощущению счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью. В качестве внутренних ресурсов изучалось отношение ко времени и своему возрасту. Установлено, что по мере старения становится больше взаимосвязей временной перспективы и психологического благополучия, а также субъективного возраста и качества жизни. Как внешний ресурс мы рассматривали образ жизни. У людей, ведущих активный образ жизни, выше уровень качества жизни. Но при этом у людей, чаще находящихся дома, наблюдается большее количество корреляций между всеми исследуемыми параметрами. С одной стороны, это свидетельствует о том, что при сниженных показателях качества жизни актуализируется его взаимосвязь с психологическим благополучием, временной перспективой и субъективным возрастом. А с другой стороны – об интеграции внутренних психологических ресурсов для поддержания жизнедеятельности и психологического благополучия. Таким образом, для активных пенсионеров внешняя активность играет ключевую роль в поддержании психологического благополучия и качества жизни. Для людей, ведущих домашний образ жизни, на первом месте – внутренние факторы. Эти выводы схожи с теми, что мы получили в работе с людьми разных профессий.

Еще одно исследование людей позднего возраста продолжается в настоящий момент (Павлова, 2022b). Работа выполняется с участием людей 49–93 лет ($M = 71,5 \pm 10,5$), постоянно проживающих (не менее 1 года) в учреждениях социального обслуживания ($n = 155$). Для анализа общая выборка разбита на подгруппы в зависимости от пола, возраста и объективного состояния соматического здоровья (группа инвалидности или ее отсутствие).

Важными, на наш взгляд, являются данные о том, что в позднем онтогенезе у людей, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания, самооценка здоровья не имеет сопряженности с объективным состоянием соматического здоровья. Это указывает на ведущую роль именно субъективных (внутренних) факторов в оценке своего состояния. Субъективное благополучие является достаточно стабильным, интегративным образованием, не связанным с полом или возрастом. Опять-таки мы получили результат, указывающий на то, что люди с разными объективными и субъективными оценками здоровья чувствуют себя счастливыми и удовлетворены своей жизнью. Более того, наличие дефицитарных аспектов (высо-

кие значения хронологического возраста и I группа инвалидности) связано с увеличением взаимосвязей между самооценкой здоровья и субъективным благополучием. В этой связи можно говорить о механизмах гиперкомпенсации, позволяющих жить вопреки болезням и возрасту, чувствуя себя счастливыми.

Таким образом, в проведенных исследованиях были подтверждены теоретические гипотезы о субъектно-личностной организации человека, а также о реорганизации ментальных ресурсов личности и субъекта в позднем онтогенезе. Результаты наших исследований, а также работ других авторов, выполненных в русле системно-субъектного подхода, верифицируют основные его положения и позволяют сделать вывод о перспективности дальнейших разработок.

В завершение отметим, что континуально-генетический подход и психология субъекта, сформулированные А. В. Брушлинским, получили существенное обогащение и развитие в работах его учеников и последователей. Для науки на современном этапе характерны междисциплинарность исследований, парадигмальная толерантность, поиски путей единения теории и практики. В этой связи принцип развития и психология субъекта могут стать основой для целостного изучения психологии человека и объединения различных школ и парадигм, теории и практики.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Павлова Н. С.* Глава X. Благополучное старение в позднем онтогенезе // Онто- и субъектогенез психического развития человека / Под ред. Н. Е. Харламенковой, В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко, Н. Н. Казымовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022а. С. 220–234.
- Павлова Н. С.* Исследование субъективного качества жизни и субъективного благополучия в позднем онтогенезе // Сибирский психологический журнал. 2022b. № 86. С. 84–102.
- Павлова Н. С., Сергиенко Е. А.* Субъектная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 43–56.
- Сергиенко Е. А.* Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.

Осмысленность жизни, семейное положение и профессия как факторы субъективного благополучия у мужчин и женщин

Д. М. Рамендик (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Это исследование посвящено представлениям о субъективном благополучии у молодых мужчин и женщин, состоящих и не состоящих в браке, а также студентов разных профессий и возрастов. Используются опросники «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ) и «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО). Анализ корреляций между субшкалами этих тестов показал, что у мужчин и женщин в возрасте 19–21 года уровень субъективного благополучия тем больше, чем выше показатели осмысленности жизни. У неженатых мужчин интегральный результат ШСБ коррелировал со всеми показателями СЖО, а у состоящих в браке – только с общим показателем СЖО. У женщин в возрасте 21–35 лет результаты ШСБ и СЖО не коррелировали. У студентов разных специальностей 1 и 5 курсов корреляции ШСБ и СЖО различались, кроме здоровья и наличия целей в жизни.

Ключевые слова: мужчины, женщины, состоящие в браке, студенты разных профессий, осмысленность жизни.

Удовлетворенность (или неудовлетворенность) жизнью переживается и осознается человеком как положительное (или отрицательное) эмоциональное состояние, субъективное чувство благополучия (или неблагополучия) жизни в целом в текущий период времени. Оно формируется под влиянием множества объективных и субъективных факторов и является интеграцией когнитивных и эмоциональных (как положительных, так и отрицательных) оценок влияния этих факторов на жизнь человека, их соответствия его целям и планам. Указанные оценки зависят в определенной мере от объективных условий, таких как здоровье человека, его материальное обеспечение, социальный статус и в целом возможностей для удовлетворения базовых потребностей. Но в еще большей степени оценка субъектив-

ного благополучия (subjective well-being) зависит от психологических факторов: его ведущих ценностей и смыслов, возможностей для осуществления его планов и самореализации. (Леонтьев, 2020; Солодушкина, 2012; Grosz et al., 2021).

Субъективное благополучие и стремление к нему являются важными регуляторами жизни и деятельности человека. Представление о субъективном благополучии не остается постоянным, оно изменяется под влиянием событий как во внешней среде, так и в социально-психологической сфере. Особенно важно знать о факторах, которые влияют на субъективное благополучие молодых людей в тот период жизни, когда происходит создание семей и профессиональное становление человека.

Целью настоящей работы являлось исследование связи представления о субъективном благополучии у молодых людей с полом, вступлением в брак, профессией и овладением ею, а также с уровнем осмысленности жизни.

Всего в работе участвовали 120 чел., из них:

- 20 чел.: по 10 женского и мужского пола, в возрасте от 19 до 21 года, неженатых, обучающихся по специальности «менеджмент»;
- 40 чел. в возрасте от 21 до 35 лет, по 10 мужчин женатых и неженатых, по 10 женщин замужем и не замужем;
- 60 чел. в возрасте от 17 до 25 лет, студентов разных специальностей (дизайнеры, механики, экономисты), по 20 чел. каждой специальности, из них 10 чел. обучались на первом курсе и 10 чел. — на пятом.

Все респонденты отвечали на следующие стандартные тесты-опросники.

1. «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ, адаптированная М. В. Соколовой) — психодиагностический инструмент для измерения эмоционального компонента субъективного благополучия. Субшкалы: 1) напряженность и чувствительность; 2) признаки, сопровождающие основную психиатрическую симптоматику: депрессия, сонливость, рассеянность и т. п.; 3) изменения настроения; 4) значимость социального окружения; 5) самооценка здоровья.
2. Тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева (СЖО). Субшкалы: 1) Цели в жизни; 2) процесс жизни, или эмоциональная

насыщенность; 3) результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией. 4) локус контроля – Я (Я – хозяин жизни); 5) локус контроля – жизнь, или управляемость жизни;

Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью статистической программы STADIA по параметрическим критериям Стьюдента и Фишера. Также был проведен непараметрический корреляционный анализ по критерию Спирмена.

Сравнение количественных показателей результатов тестов женщин и мужчин 19–21 года показало, что ни по одному из показателей средние значения и их дисперсии в группах не различались (по критериям Стьюдента и Фишера). Это позволило проводить непараметрический корреляционный анализ связи уровня субъективного благополучия с другими тестами для всей группы, без разделения по полу. Были выявлены разнонаправленные корреляции. Интегральный показатель «Шкалы субъективного благополучия» (ШСБ) отрицательно коррелировал с показателями СЖО: «Общим показателем осмысленности жизни» ($r = -0,58$, $p = 0,005$), «Цели в жизни» ($r = -0,5$, $p = 0,01$) и «Результативность жизни» ($r = -0,4$, $p = 0,03$).

Таким образом, прослеживается обратная связь между результатами двух тестов: чем выше баллы по уровню субъективного благополучия, тем ниже баллы по осмысленности жизни. В соответствии с интерпретациями результатов тестов, уровень субъективного благополучия тем выше, чем ближе к нулю полученный балл, а показатели осмысленности жизни наиболее высоки у тех испытуемых, чьи баллы приближается к 10.

У женщин и мужчин 21–35 лет, состоящих и не состоящих в браке, различались как оценки собственного субъективного благополучия (по ШСБ), так и корреляции между этой оценкой и показателями осмысленности жизни по СЖО). У женщин, состоящих в браке, показатели по «Шкале субъективного благополучия» были в среднем ниже, чем у незамужних женщин (68,4 и 76,3), но различия на пределе статистической значимости ($t = 2,01$, $\alpha < 0,05$). Результаты теста субъективного благополучия не были связаны с результатами других тестов независимо от семейного положения женщины.

У мужчин оценка своего субъективного благополучия не зависела от семейного положения (72,4) и не отличалась от оценок женщин. У неженатых мужчин интегральный результат ШСБ отрицательно коррелировал со всеми показателями СЖО (по разным показателям

$r = (-0,6; -0,9)$, $p < 0,03$). У женатых мужчин имелась только одна корреляция – с общим показателем осмысленности жизни. Таким образом, в этой возрастной группе у мужчин субъективное благополучие связано с осмысленностью жизни, но у неженатых эта связь проявляется в разных сферах жизни, а у женатых – только в общем отношении к жизни.

У студентов разных профессий и возрастов корреляции между показателями разных субшкал тестов осмысленности жизни (СЖО) и субъективного благополучия (ШСБ) существенно различались (по указанной выше причине все корреляции отрицательные, $r = (-0,5; -0,7)$, $p < 0,02$).

У дизайнеров I курса субшкала «Цели в жизни» СЖО коррелировала с субшкалой «Изменение настроения» ШСБ. Также были корреляции между субшкалой «Локус контроля – жизнь» и субшкалой «Самооценка здоровья». Эти студенты связывали контроль своей жизни, принятие каких-либо решений с самооценкой собственного здоровья, и их настроение зависело от целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу.

На 5 курсе у студентов-дизайнеров корреляций между ШСБ и СЖО было значительно больше. Субшкала «Цель жизни» СЖО коррелировала с «Напряженностью чувств» ШСБ, «Результат жизни» – со «Значимостью социального окружения» и «Удовлетворенностью деятельностью», «Локус контроля – Я» – с «Признаками психической симптоматики», а «Локус контроля – жизнь» – с «Изменением настроения», «Значимостью социального окружения» и «Самооценкой здоровья». Для субъективного ощущения благополучия дизайнерам 5 курса необходимы психическое и физическое здоровье, независимость, самореализованность и целенаправленность.

У экономистов I курса корреляций между субшкалами СЖО и ШСБ немного. «Процесс жизни» и «Локус контроля – жизнь» коррелировали с «Изменением настроения», а «Результативность жизни» – со «Значимостью социального окружения». Результативность жизни проявляется для них в значимых социальных контактах. Субъективное благополучие для них – это хорошее настроение, насыщенная интересная жизнь и наличие друзей. На 5 курсе у студентов-экономистов корреляций ШСБ и СЖО гораздо больше. Имевшиеся на I курсе связи сохранялись, но все шкалы СЖО коррелировали с «Удовлетворенностью деятельностью», а «Локус контроля – жизнь» – с показателями всех субшкал СЖО, кроме «Изменения настроения».

«Процесс жизни» коррелировал с «Самооценкой здоровья», «Локус контроля – Я» – с «Признаками психиатрической симптоматики». Таким образом, взрослея, экономисты сохраняют представления, которые были сформированы ранее, но значительно дополняют их практической характеристикой – наличием удовлетворяющей их работы.

У механиков 1 курса субшкала СЖО «Результат жизни» не коррелировала ни с одной субшкалой ШСБ. Субшкалы ШСБ «Самооценка здоровья» и «Удовлетворенность деятельностью» коррелировали со всеми субшкалами СЖО, кроме «Результата жизни». Кроме того, субшкала СЖО «Цель жизни» коррелировала с «Напряженностью чувств» ШСБ, «Процесс жизни» и «Локус контроля – Я» – с «Напряженностью чувств» и «Признаками психической симптоматики». В итоге складывается довольно практичное субъективное представление о благополучии, нужна здоровая жизнь, процесс которой для них будет интересным и эмоционально насыщенным, а отдаленный результат неважен.

У механиков 5 курса система корреляций упростилась. Каждая из субшкал СЖО коррелировала с двумя субшкалами ШСБ: «Признаки психической симптоматики» и «Удовлетворенность деятельностью». То есть для благополучной жизни им нужно чувствовать себя психически здоровыми и иметь хорошую работу. Данная группа, в отличие от студентов других специальностей, весьма практична и рациональна в своих субъективных представлениях о благополучии.

Таким образом, по результатам нашего исследования, как у мужчин, так и у женщин наличие осмысленных целей и представления о результативности жизни являются факторами представления о субъективном благополучии. Это особенно выражено для мужчин, состоящих в браке. Здоровье и осмысленные цели важны для ощущения субъективного благополучия у студентов разных специальностей как 1, так и 5 курсов. Для дизайнеров 5 курса нужны также независимость и самореализованность, для экономистов 1 курса – социальные контакты, а 5 курса – еще и интересная работа. Для механиков важными факторами являются эмоциональная насыщенность жизни и хорошая работа, но менее важна результативность.

Литература

Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного

мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37.

Солoduшкина М. В. Субъективное благополучие и счастье: экзистенциальное осмысление вопросов позитивной психологии. URL: <http://iandfamily.ru/solod2012> (дата обращения: 01.07.2023).

Grosz M. P., Schwartz S. H., Lechner C. M. The longitudinal interplay between personal values and subjective well-being: A registered report // *European Journal of Personality*. 2021. V. 35. № 6. P. 881–897.

К вопросу об эмпирической оценке стратегий футуризации старения*

О. Ю. Стрижицкая (СПбГУ, Санкт-Петербург),
М. Д. Петраш (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Статья посвящена первичной оценке психометрических показателей опросника «Стратегии футуризации старения». Исследование выполнено на 119 взрослых в возрасте 50–70 лет. В качестве методов использованы: 1) авторский опросник «Стратегии футуризации старения», 2) Шкала психологического благополучия К. Рифф. В статье приводятся результаты эксплораторного факторного анализа и анализа согласованности полученных шкал, а также корреляционный анализ полученных факторов и шкал психологического благополучия. Полученный результат позволяет считать составленный опросник перспективным для дальнейшей разработки и валидации.

Ключевые слова: футуризация старения, психология старения, позитивное старение, ресурсы.

В 2019 г. ВОЗ в своем «Десятилетии здорового старения 2020–2030 гг.» сообщила о концептуализации «здорового старения» как «процесса развития и поддержания функциональных способностей, обеспечивающих благополучие в пожилом возрасте» (WHO, 2019). Ключевыми областями, в которых проявляется здоровое старение, по мнению ВОЗ, являются функциональная способность, внутренняя дееспособность и окружающая среда. Систематический анализ исследований, проведенных за последние двадцать лет, показал, что ресурсы старения могут быть модифицированы, причем ресурсы различаются по степени их модифицируемости (Стрижицкая, Петраш, 2022). Так, ресурсы можно разделить на четыре группы: биологические, средовые, психологические и социальные. В каждой группе присутствуют как трудно модифицируемые, так и относительно легко модифицируемые ресурсы, что открывает возможности для изучения и анализа

* Грант РФФ 22-28-00869 «Футуризация старения как ресурс сохранения качества жизни в пожилом возрасте».

потенциала как отдельных стратегий, так и факторов в целом. Можно сказать, что факторы и механизмы, которые положительно влияют на качество жизни, психическое и физическое здоровье и психологическое благополучие при старении, развиваются на протяжении всей жизни, но это развитие не предопределено. Скорее, оно основано на генетических предрасположенностях (физических, метаболических, когнитивных, эмоциональных и т. д.), но активируется и опосредуется не генетическими факторами, включая сознательное намерение. Эти выводы дают нам основание предположить, что многие из этих ресурсов могут быть развиты путем модификации своего поведения для того, чтобы сформировать ресурсы благополучного старения. «Дивидендами» от включения в повседневную рутину простых стратегий потенциально станут ресурсы, способствующие сохранению и улучшению качества жизни в период старения. Такие стратегии формирования ресурсов старения, или стратегии футуризации старения, составляют основу механизмов футуризации в целом.

В рамках данного исследования мы попытались трансформировать теоретические знания о поведении и механизмах, способствующих благополучному старению, накопленные за последние 40 лет, в диагностический инструмент, который позволит как в научных, так и в практических целях оценивать использование стратегий футуризации старения.

Дизайн исследования

Выборку исследования составили 119 взрослых в возрасте 50–70 лет ($M = 57,39$, $SD = 5,85$), 74,8% женщины. Данные были собраны в 2022–2023 гг. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, участие в исследовании было добровольным.

Для решения поставленных задач нами был разработан авторский опросник «Стратегии футуризации старения», представляющий собой список стратегий формирования благополучного старения. В основу списка был положен анализ исследований за последние 20 лет, направленных на оценку различных характеристик, оказывающих положительное влияние на сохранение качества жизни в период старения. В результате были сформулированы 22 стратегии, каждая из которых оценивалась по 5-балльной шкале. Для исследования на данном этапе мы использовали ретроспективную оценку этих стратегий 10 и 20 лет назад, а также оценку влияния, которое

эти стратегии, по мнению респондентов, могли оказывать на сохранение качества жизни в период старения. Для проверки связи ретроспективной оценки использованных стратегий и психологического благополучия была использована Шкала психологического благополучия К. Рифф (Жуковская, Трошихина, 2011).

Целью данного исследования было оценить первичные психометрические характеристики этого инструмента и возможности его дальнейшего применения.

Результаты исследования

Первичный анализ согласованности стратегий показал, что выделенные нами стратегии обладали достаточно высокой степенью согласованности (0,852), а при удалении стратегии «управление автомобилем» показали результат 0,862. Важно отметить, что этот показатель был устойчив к изменению инструкции: как при ретроспективной оценке, так и при оценке важности стратегий для сохранения качества жизни в период старения результат оставался неизменным.

Вторым этапом анализа стал эксплораторный факторный анализ (ЭФА) оставшейся 21 стратегии методом альфа-факторизации. Анализ показал, что в структуре присутствуют как минимум два фактора, объясняющие до 44,17% дисперсии (КМО 0,793). Объясненные дисперсии факторов составили 12,96, 12,92, 11,44 и 6,85% соответственно. Каждый фактор был проверен на согласованность пунктов по критерию α Кронбаха, в результате были получены следующие факторы.

1. Фактор «Метакогнитивные стратегии», включающие стратегии, направленные на понимание собственных психических процессов, включил четыре пункта и показал согласованность 0,859. Сюда вошли такие стратегии, как: «Задумывался о работе своих памяти, внимания, мышления», «Старался разобраться в себе, что я за человек, почему я веду себя так, как веду».
2. В фактор «Стратегии здорового образа жизни» вошли шесть стратегий, связанных со здоровым образом жизни, согласованность пунктов 0,789. В этот фактор вошли такие стратегии, как: «Следил за уровнями разных видов жиров в организме (на основании результатов медицинских анализов и консультаций с врачами)», «Старался не нервничать по пустякам», «Старался правильно питаться».

3. Фактор «Саморазвитие» объединил стратегии, связанные с обучением и приобретением новых впечатлений, в фактор вошли шесть пунктов с показателем α Кронбаха 0,753. В фактор вошли такие стратегии, как: «Проходил дополнительное обучение», «Изучал иностранные языки».
4. Последний фактор мы обозначили как «Генеративность». В этот фактор вошли две стратегии, связанные с передачей опыта последующим поколениям. α Кронбаха составила 0,734.

Следующим этапом стал корреляционный анализ полученных факторов, показавший, что все факторы коррелируют друг с другом, что показало, что даже при выделении факторов внутри общего перечня стратегий они остаются целостной системой (коэффициенты корреляции от 0,250 до 0,443).

Последним этапом в рамках данного исследования стал корреляционный анализ полученных факторов с показателями психологического благополучия. Результаты показали, что все факторы, кроме фактора «Стратегии здорового образа жизни», коррелируют с одним и более компонентами психологического благополучия (коэффициенты корреляции от 0,182 до 0,371).

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ показал, что выделенные нами стратегии могут рассматриваться как единый показатель, но также содержат в своей структуре четыре блока стратегий, которые также могут выступать как самостоятельные переменные при оценке стратегий формирования старения. Таким образом, при оценке использования стратегий старения можно применять три уровня анализа. Первый уровень – дифференциальная оценка отдельных стратегий. На этом уровне можно анализировать использование каждой стратегии самостоятельно. Второй уровень – это анализ стратегий по блокам, который позволит оценить сбалансированность или наоборот дисбаланс формирования ресурсов старения в том или ином блоке. Наконец, третий уровень анализа – общий показатель стратегий формирования ресурсов старения. По данному показателю можно судить о степени сформированности ресурсной системы в целом.

Полученные результаты представляют собой первый шаг в разработке инструмента по оценке использования стратегий футуриза-

ции старения, однако уже сейчас они позволяют сделать выводы о том, что использование этих стратегий в прошлом связано с более высокими показателями психологического благополучия в настоящем.

Литература

Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 82–93.

Стрижицкая О. Ю., Петраш М. Д. Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 1. С. 8–28.

World Health Organization: Decade of Healthy Ageing 2020–2030 reported conceptualized. URL: https://www.who.int/docs/default-source/documents/decade-of-health-ageing/decade-healthy-ageing-update-march-2019.pdf?sfvrsn=5a6d0e5c_2 (дата обращения: 14.11.2022).

Современные исследования моделирования социального взаимодействия на основе теорий мышления

А. А. Чуганская (ФИЦ ИУ РАН, Москва)

В статье рассматриваются различные теории мышления, которые на современном этапе используются для анализа социального взаимодействия и анализа житейской картины мира.

Ключевые слова: мышление, теория здравого смысла, развитие искусственного интеллекта, коммуникация.

Растущий интерес к визуальному анализу в социальных сетях и видеонаблюдению привлек внимание к новым областям исследований. Одним из наиболее популярных и актуальных направлений в области машинного обучения является задача анализа визуальной информации и составления выводов на этой основе. Такие задачи исследуются в визуальном ответе на вопросы (VQA). Он сочетает в себе перцепционный и лингвистический уровни. В VQA алгоритм анализирует изображение и диалоговое окно, содержащее вопросы к этому изображению. В результате он должен выдать ответ на заданный вопрос. Эта задача служит отправной точкой для более сложных задач, связанных с социальным восприятием и лингвистическим анализом сценария. Существует два уровня анализа изображений: перцептивный и семантический. Во-первых, в психологии анализ визуальной информации для определения объектов, их местоположения и построения воспринимаемого образа относится к области восприятия (в первую очередь, визуального). Такая задача сводится к классификации объектов и анализу, который основан на соотношении со стандартом (сенсорным эталоном). Например, корреляция изображений автомобилей из реальной жизни с камер видеонаблюдения с эталонным классом «автомобиль». Можно как идентифицировать существенные признаки объектов класса («автомобиль» — колеса, тип кузова, двери и т. д.), так и задавать их непосредственно во время обучения или использовать машинное обучение для генерации распознавания изображений, экспериментируя со справочной базой

данных. В рамках восприятия психологи выделяют до 30 признаков, которые могут описывать образы и их взаимное расположение. Задача идентификации объектов в рамках восприятия теперь решается и позволяет достаточно хорошо различать классифицируемые изображения в машинном обучении. Но для класса социальных действий необходима иная модель распознавания и построения методов обучения. В чем разница между социальным восприятием и какие модели могут быть реализованы?

Социальное восприятие — это процесс восприятия людьми социальных отношений, действий, оценок в рамках взаимодействия и коммуникации. В то же время процесс восприятия становится тесно связанным со сферой смыслов и пониманием сценариев поведения. В машинном обучении задача понимания социальных отношений возникает в рамках визуального общего рассуждения. В рамках социального восприятия возникают отдельные подзадачи. Во-первых, простое определение предмета изображения на картинке. Второстепенное — понимание его значения.

Именно задачи повседневных сценариев поведения и социальной коммуникации стали основной для построения моделей в *theory of mind* (ToM). Само определение ToM как системы логических умозаключений, используемой для предсказания поведения индивида посредством атрибутирования ему тех или иных психических состояний, возникло в рамках работ психологов Н. Wimmer и D. G. Premack с G. Woodruff, изучающих модели появления человеческого разума в развитии ребенка и приматов. Для ToM становится важным акцентом рассмотрение только нескольких психических аспектов интеракций — атрибутивных процессов и эмоционального понимания в контексте жизненных ситуаций, что во многом основано на построении и последующей реализации сценарной информации. В последующем исследователи в рамках психологии детей обратили внимание на значимость языка как составляющей социализации и передачи сценарной информации (Villiers, 2005). Интерес исследователей к процессу развития у детей атрибуций в ситуации неоднозначных или имеющих подтекст сценариев привел в последующем к интересу к самому механизму построения таких сценариев в более искусственной среде — *human-robot interaction*. Развитие идей ToM привело к разработке серии экспериментальных заданий для проверки уровня разумности, а фактически — уровня освоения сценария с учетом смысловой составляющей. Система предположений о наличии психики и мышления

у другого человека, который разделяет определенное поле представлений, и образует систему значений в понимании концепции знаковой картины мира. Методологически такое понимание в ТоМ основано на концепции сознания Д. С. Dennett, который считал, что оно состоит из информационных потоков, которые конкурируют за доступ к мозгу, что нивелирует разницу между процессами в естественном сознании человека и построении программ роботов. Именно такое понимание сознания легло в основу работ, которые не только оценивают качество выполнения задач новыми программами в рамках human—computer interaction, но и используют психодиагностический материал как основу для обучения. Так, М. Kosinski использовал 40 заданий, которые давались в рамках исследования процессов мышления и атрибуции на основе ТоМ (Kosinski, 2023). Результат показал, что именно на этих задачах LLM модели, которые легли в основу GPT, существенно увеличили продуктивность с 2020 г., достигнув 95% правильных ответов для GPT-4 в марте 2023 г. Опора на здравый смысл и интуитивность знаний являются характерными для житейской картины мира. Тем самым это становится еще одним концептуальным направлением рассмотрения круга применения ТоМ в рамках концепции знаковой картины мира.

Этот подход начали реализовывать в рамках эмпирических исследований Aigianna Pipitone, Antonio Chella, которые программно внедрили в работу робота Pepper использование внутренней речи и таким образом реализовали идею Л. С. Выготского (Pipitone, Chella, 2021). Они научили робота озвучивать свои мысли в процессе выполнения задачи по сервировке стола по правилам этикета, а затем проанализировал эффективность использования внутренней речи. В эксперименте было три вида задания: выполнить сервировку по заданию человека без каких-либо проблем, выполнить задание с моральной дилеммой, когда человек дает инструкцию, которая противоречит этикету, и третье противоречивое задание — поставить предмет, который уже стоит на столе. Использование внутренней речи помогло повысить эффективность в конфликтных и противоречивых ситуациях благодаря более высокой прозрачности коммуникации и возможности построения диалога. Этот шаг методологически позволяет приблизиться к построению рациональной картины мира, основанной на построении абстрактных связей между понятиями и использования не только поля значений, но и целостного объединения в рамках задач human—computer interaction со смыслами и образами.

Литература

Pipitone A., Chella A. What robots want? Hearing the inner voice of a robot // iScience. 2021. V. 24. № 4. doi: 10.1016/j.isci.2021.102371

Villiers P. A. de. The role of language in theory of mind development: what deaf children tell us // Why Language Matters for Theory of Mind / Eds J. W. Astington, J. A. Baird. Oxford University Press, 2005.

Kosinski M. Theory of Mind May Have Spontaneously Emerged in Large Language Models. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2302.02083>.

Психолого-педагогическое сопровождение и развитие успешности в профессиональной деятельности учителя начальных классов

Ф. М. Ямалеева (ФГБОУ ВО «НГПУ», Набережные Челны)

Профессиональный успех позволяет не только помочь в трудовых днях, но и развивать его социальные и коммуникативные навыки, повышать самооценку и уверенность в себе. В этой статье мы рассмотрим, каким должно быть такое сопровождение и как оно может помочь бывшим студентам, учителям начальных классов в работе с детьми с нарушением речи и достигать успеха в школе и в жизни.

Ключевые слова: учитель начальных классов, профессиональная деятельность, психологическое сопровождение, педагогическое сопровождение.

Современное общество ставит перед учителем начальных классов все более и более высокие требования. Они должны не только учить, но и уметь работать в команде, принимать решения, общаться с окружающими в коллективе, добиваться высоких результатов в педагогической деятельности и многое другое. В таких условиях особенно важно психолого-педагогическое сопровождение развития успешности учителя начальных классов. Профессиональный успех позволяет не только помочь в трудовых днях, но и развивать его социальные и коммуникативные навыки, повышать самооценку и уверенность в себе. В этой статье мы рассмотрим, каким должно быть такое сопровождение и как оно может помочь бывшим студентам, учителям начальных классов к работе с детьми с нарушением речи и достигать успеха в школе и в жизни.

Влияние социально-экономического статуса в целом на успешность учителя — это тема, которая давно привлекает внимание исследователей образования. Одним из главных выводов исследований является то, что социально-экономический статус жизни педагога имеет значительное влияние на успехи его ученика в школе и в дальнейшей жизни.

Семьи с высоким социально-экономическим статусом, как правило, имеют больше ресурсов для обеспечения своих детей качественным образованием. Они могут позволить себе платить за частные школы, дополнительные уроки, кружки и другие формы дополнительного образования. Кроме того, в семьях с высоким доходом часто есть возможность раннего развития ребенка, что также может положительно сказаться на успеваемости в школе (Педагогика дополнительного образования, 2019, с. 23).

С другой стороны, у детей из низкодоходных семей может быть ограничен доступ к дополнительному образованию, а часто и к самой школе высокого уровня. Это может привести к недостаточной подготовленности ребенка к учебе, а также к психологическим проблемам, связанным с низкой самооценкой и ощущением неполноценности (Психология и педагогика, 2019, с. 45).

Кроме того, социально-экономический статус самого учителя может влиять на мотивацию ребенка к обучению. У детей из бедных семей может отсутствовать мотивация из-за отсутствия перспективы на будущее, а также из-за негативного опыта родителей с образованием. В то же время дети из богатых семей могут испытывать меньшую мотивацию, так как у них уже есть все необходимые ресурсы и возможности для успешной жизни (Руденко, 2018).

Учитель играет важную роль в формировании позитивного отношения учеников к учебной деятельности. Он не только является источником знаний, но и мотиватором, наставником и психологом.

С одной стороны, учитель должен создавать интерес к предмету и учебному процессу. Для этого он может использовать различные методы, такие как игры, дискуссии, проекты и т. д. Также важно, чтобы учитель был компетентен в своей области и мог дать ученикам полезные знания и навыки.

С другой стороны, учитель должен помочь ученикам преодолеть трудности и неудачи, которые могут возникнуть в процессе обучения. Он должен быть терпеливым, понимающим и поддерживающим. Также важно, чтобы учитель начальных классов умел создавать доброжелательную и доверительную атмосферу в классе.

Взаимодействие семьи и школы играет важную роль в развитии успешности ученика. Семья является первым местом, где формируются ценности и навыки, которые затем отражаются на поведении и успехах ученика в школе. Кроме того, семья может обеспечить до-

полнительную поддержку и мотивацию для учебы, что также влияет на успехи ученика (Психология и педагогика, 2019).

Взаимодействие семьи и школы играет важную роль в развитии успешности ученика. Семья является первым местом, где формируются ценности и навыки, которые затем отражаются на поведении и успехах ученика в школе. Кроме того, семья может обеспечить дополнительную поддержку и мотивацию для учебы, что также влияет на успехи ученика (Столяренко, Столяренко, 2017).

Однако школа также играет важную роль в успешности ученика. Учителя могут предоставлять дополнительные учебные материалы и помощь, а также оказывать поддержку и мотивацию. Кроме того, школа создает социальную среду, где ученик с нарушением речи может получить опыт взаимодействия с другими людьми, а также развить социальные навыки и умения (Смирнова, Рябкова, 2019).

Поэтому взаимодействие семьи и школы является ключевым фактором в развитии успеха ученика. Родители должны обеспечивать поддержку и мотивацию для учебы, а также участвовать в образовательном процессе. Школа, в свою очередь, должна обеспечивать качественное образование и создавать подходящую социальную среду для развития ученика.

Современное образование требует от учителя начальных классов не только усвоения знаний, но и развития личностных качеств. Для успешности школьной жизни сам педагог должен уметь находиться в коллективе, участвовать в профессиональных конкурсах, семинарах, регулировать свои эмоции и мотивацию. Психолого-педагогическая поддержка является необходимой для развития этих навыков.

Один из эффективных методов поддержки учителя начальных классов – определение наставника. Наставник помогает учителю начальных классов развивать социальные навыки, общаться с другими детьми, повышать самооценку и уверенность в себе, находить индивидуальный подход к каждому ребенку, решать конфликтные ситуации, избегать заблаговременно неудачных решений.

Другой метод – работа с родителями. Родители являются важным фактором в жизни ребенка, их поддержка и вовлеченность в образовательный процесс помогают ребенку достигать успехов в школе. Учитель начальных классов совместно с родителями могут учить ребенка организации времени, помогать в выполнении домашних заданий, поощрять его усилия и успехи.

Для эффективной психолого-педагогической поддержки необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого нового специалиста и создавать индивидуальный подход. Важно также обеспечить позитивную атмосферу в школе и поддерживать дружеские отношения между коллективом.

Одним из ключевых элементов успешной психолого-педагогической поддержки является установление доверительных отношений между учителем и учеником, коллективом, родителями, завучами, директорами.

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение развития успешности учителя начальных классов является важным фактором для формирования полноценной личности, способной к достижению успеха в работе и жизни в целом. Оно включает в себя комплекс мероприятий для поддержки педагога в процессе обучения, развития его социальных и коммуникативных навыков, формирования самооценки и мотивации к достижению целей.

Литература

- Педагогика дополнительного образования. Психолого-педагогическое сопровождение детей: Учебник для академического бакалавриата / Под ред. Л. В. Байбородова. М.: Юрайт, 2019.
- Психология и педагогика: Учебник / Под ред. П. И. Пидкасистый. М.: Юрайт, 2019.
- Руденко А. М.* Основы педагогики и психологии: Учебник. М.: Феникс, 2018.
- Смирнова Е. О., Рябкова И. А.* Психология и педагогика игры: Учеб. пособие для СПО. М.: Юрайт, 2019.
- Столяренко Л. Д., Столяренко В. Е.* Психология и педагогика: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017.

**СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ
И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

Избегаемое и желаемое будущее: возможные Я взрослых в контексте их самооотношения*

М. О. Аванесян (СПбГУ, Санкт-Петербург),

В. А. Самохин (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Ранее считалось, что возможные Я – репрезентации себя в будущем – напрямую влияют на мотивацию и поведение. Цель – определить, как содержание и воплощение возможных Я связано с самооотношением. Для изучения возможных Я применялась методика К. Хукер, для определения самооотношения – методика С. Пантитеева, В. Столина (n = 53, 21–47 лет). Выявлено, что чем выше саморуководство, тем более достижимыми оцениваются желаемые Я, тем реже человек думает об избегаемых Я. Для людей с уровнем самоуничтожения ниже среднего желаемые Я связаны с профессиональной деятельностью, а избегаемые – с неуспешностью в ней. Для людей с уровнем самоуничтожения выше среднего желаемые Я касаются успеха как такового, а избегаемые – воплощения отрицательных качеств. Результаты интерпретируются в контексте направленности личности.

Ключевые слова: желаемые Я, избегаемые Я, самооотношение, саморуководство, самоуничтожение.

Когда речь идет о будущем, то исследователь сталкивается с большим количеством факторов, которые он должен принять во внимание, чтобы объяснить и предсказать поведение человека. Даже относительно стабильная во времени Я-концепция чувствительна к ситуационному контексту, являясь конгломератом представлений о себе в прошлом, настоящем, будущем, окрашенных разной степенью вероятности («реальное Я», «возможное Я», «потерянное Я», «идеальное Я» и др.) (см. обзор: Белинская, 2018).

Долгое время предполагалось, что возможные Я напрямую влияют на мотивацию и поведение. Их определяют как аспект Я-концеп-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 22-28-00871 «Целевые и ситуационные детерминанты процесса самоизменений личности».

ции, представленный репрезентациями индивидуально значимых ожиданий, надежд, опасений и страхов человека о своем будущем. Маркус и Нуриус описали 150 возможных Я, среди которых одинаково представлены положительные, нейтральные и отрицательные характеристики, обобщенные ими в шести категориях: а) общие описания; б) физические описания; в) описания, связанные с образом жизни; г) общие способности; д) описания, отражающие различные профессии, е) описания, напрямую связанные с мнением других (Markus, Nurius, 1986). Однако данная классификация является скорее эмпирической и открытой, постоянно дополняемой. Возможные Я побуждают человека к действию, чтобы реализовать желаемые представления о себе и предотвратить реализацию тех, которые для него нежелательны. Также они делают человека более чувствительным к возможностям ситуации, связанным с активированными в данный момент представлениями о себе. Для изучения того, почему люди стремятся к одним Возможным Я и боятся других, Vignoles с коллегами проверили, как на это влияют шесть мотивов идентичности. Ими было выявлено, что более желаемыми для людей были такие возможные варианты будущего, в которых мотивы самоуважения (self-esteem), эффективности (efficacy), значения (meaning) и преемственности (continuity) были бы удовлетворены. И опасались тех, в которых те же четыре мотива и в незначительной степени мотив самобытности (distinctiveness) будут фрустрированы. Анализ данных также выявил опосредованное влияние мотива принадлежности (belonging) через самооценку к желаемым и избегаемым возможным Я. Авторы делают вывод о том, что и желаемые, и избегаемые возможные будущие Я отражают потенциальное удовлетворение и фрустрацию этих мотивов идентичности (Vignoles et al., 2008).

Анализ литературы показал, что от «возможных Я» и их функций – регуляторной и мотивационной – не отказались, но сосредоточились на поиске переменных, опосредующих их влияние на потенциальное поведение человека. Мы предположили, что важным компонентом, определяющим содержание и воплощение возможных Я, будет самоотношение человека. Новизна исследования состоит в том, что, во-первых, в расчет принималось не одно возможное Я, а их сочетание, а во-вторых, учитывались особенности как желаемых, так и избегаемых возможных Я.

Выборка состояла из 53 человек в возрасте от 21 до 47 лет; 48 ж., 5 м., завершающих программу получения дополнительного образо-

вания в области психологии. Это важно в связи с данными о возможных Я этих людей, которые во многом определялись сделанным ими выбором. Респондентов просили вспомнить свои желаемые и избегаемые возможные Я на момент принятия решения о поступлении (начало 2023 учебного года). Для измерения качественных и количественных характеристик возможных Я применялась методика К. Хукер (Hooker, 1992). После перечисления своих возможных Я(желаемых/избегаемых) предлагается выбрать из них наиболее значимое желаемое и избегаемое возможное Я и оценить его по 7-балльной шкале: 1) способности воплотить его в жизнь/противостоять его воплощению; 2) вероятности его воплощения/противостояния его воплощению; 3) частоты мыслей о нем; 4) важности воплощения/противостояния воплощению (Гришутина, Костенко, 2019). Для определения самоотношения была выбрана методика исследования самоотношения, включающая такие показатели, как: 1) самоуважение (шкалы открытость, самоуверенность, саморуководство, отражение самоотношения); 2) аутосимпатия (самоценность, самопринятие, самопривязанность); 3) самоуничижение (внутренняя конфликтность, самообвинение) (Пантилеев 1993, Столин, 1983).

По результатам методики К. Хукер были получены многочисленные возможные Я респондентов. Количество упомянутых желаемых Я было от 1 до 6 ($M = 3,08$), а избегаемых от 1 до 7 ($M = 2,38$). При помощи контент-анализа были выделены 8 категорий для желаемых возможных Я и 6 категорий для избегаемых возможных Я. Обратим внимание на то, что эти категории не являлись взаимодополняющими («полярными»). Опишем вначале желаемые возможные Я и приведем их типичные примеры. 1. «Профессиональная деятельность» («архитектор», «практикующий психолог»). 2. «Достижения, успех» («успешный руководитель», «востребованный специалист»). 3. «Родительская ответственность» («хорошая мама», «друг для своих детей»). 4. «Отношения» («желанная жена», «заботливая жена»). 5. Отдельно была выделена категория «Положительное Я», связанная с положительным восприятием себя («красивая», «удовлетворенная»). 6. «Обучение» («студент магистратуры», «защита диплома»). 7. В категорию «Хобби» попали увлечения («хозяйка нескольких собак», «водитель автомобиля»). 8. В категорию «Социум» были включены взаимоотношения с обществом и личный вклад в его развитие («вношу вклад в развитие российского образования», «волонтер»).

В категории избегаемых возможных Я вошли 1. «Профессиональная деятельность», в которую включены ответы, связанные с опасением препятствий или проблем в этой сфере («безработная», «уволенная»). 2. «Неуспешность», включавшая опасения, связанные с несостоятельностью и востребованностью как профессионала в своем роде деятельности («заменимый специалист», «неконкурентный специалист»). 3. Категория «Отношения» определялась страхом потери партнера («развестись», «брошенная»). 4. Категория «Отрицательное Я» была связана прежде всего со страхом одиночества («жертва», «одинокая»). 5. Категория «Обучение» включала ответы, выражавшие тревожность, вызванную процессом обучения, его завершением или переходом на новый уровень («провалить защиту», «не завершить переподготовку»). 6. Категория «Здоровье» содержала опасения, связанные с состоянием здоровья или угрозой жизни («больная», «попасть в аварию»).

Далее были определены связи количественных показателей Возможных Я с личностными переменными самоотношения (корреляционный анализ Спирмена). Частота мыслей об избегаемых возможных Я связана с внутренней конфликтностью ($r_s = 0,407$), самообвинением ($r_s = 0,499$), самоуничижением ($r_s = 0,504$) при $p = 0,001$. Способность воплотить желаемые возможные Я и вероятность их воплощения положительно связана с саморуководством, которое переживается как чувство обоснованности и последовательности своих внутренних побуждений и целей ($r_s = 0,304$) и ($r_s = 0,289$) и отрицательно – с внутренней конфликтностью ($r_s = -0,350$) и ($r_s = -0,305$) при $p = 0,05$. Наши данные согласуются с результатами другого исследования (Гришутиной, Костенко, 2019).

Наиболее информативным оказался анализ контрастных групп, созданных на основании переменной «самоуничижение». При их выделении за основу был взят средний показатель $M = 4,73$ (группы с показателями ниже среднего и выше среднего). В контрастных группах анализировались количественные данные по возможным Я. Наиболее часто упоминаемыми категориями, которые значимо различались в группах среди желаемых возможных Я были «профессиональная деятельность» (21 и 10 чел.) и «достижение, успех» (10 и 18 чел. – ниже среднего и выше среднего значения); а избегаемых возможных Я – «неуспешность» (25 и 9 чел.) и «отрицательные качества Я» (8 и 15 чел.) (критерий Манна–Уитни), в остальных категориях значимых различий не выявлено.

Рассмотрим подробнее содержание различающихся категорий. В группе людей с уровнем самоуничижения ниже среднего значения респонденты в качестве желаемых Я чаще упоминали профессиональную деятельность: «я преподаватель психологического факультета», «я health-коуч», «психолог-исследователь», «психолог-тренер», «автор книг». А в качестве избегаемых возможных Я – категорию «неуспешность»: «плохой психолог», «женщина без самореализации», «плохой специалист», «быть не востребованной в профессии», «безработная», «я не попробовавшая воплотить свои мечты и планы».

В группе с высокими показателями самоуничижения желаемые Я чаще касались достижений и успеха: «я богатая», «успешный руководитель», «медийная личность», «шоумен». При анализе избегаемых возможных Я – «отрицательных качеств Я»: «бесчувственная», «трусливая», «грустная», «депрессивная», «обвиняющая», «зависимая».

Можно обобщить, что респонденты, скорее не склонные к самоуничижению, стремятся к реализации в профессиональной деятельности, опасаясь отсутствия успеха в своем развитии. А в группах с высоким самоуничижением акцент был сделан на достижении успеха, а опасения связаны с воплощением отрицательных качеств личности. Можно предположить, что в первом случае можно рассмотреть удовлетворение потребности – развиваться и совершенствоваться как личность, а во втором желание удовлетворить свое чувство значимости.

Литература

- Гришутина М. М., Костенко В. Ю.* Возможное и невозможное «Я»: уточнение конструктов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 268–279. doi: 10.21638/spbu16.2019.304
- Пантिलеев С. Р.* Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993.
- Столин В. В.* Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Vignoles V. L., Manzi C., Regalia C., Jemmolo S., Scabini E.* Identity motives underlying desired and feared possible future selves // Journal of Personality. 2008 V. 76. № 5. P. 1165–2000. doi: 10.1111/j.1467-6494.2008.00518.x

Возможное, реальное и идеальное Я: эмпирическое исследование различий

А. В. Баранова (ФГБУН ИП РАН;
ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, Москва, Рязань)

Исследование посвящено вопросу соотношения характеристик реального, идеального и возможного Я как компонентов Я-концепции. Выборку составили студенты медицинского вуза 1–2 курсов ($n = 53$), средний возраст – 19 лет. Использовалась методика исследования межличностных отношений Т. Лири, критерии Вилкоксона и Манна–Уитни. Результаты показали, что, несмотря на близость данных понятий, между ними имеются не только теоретические, но и эмпирические различия: возможное Я воплощает в себе более широкий спектр предполагаемых изменений личности, в то время как идеальное Я отражает ориентированность на себя, замкнутость на себе.

Ключевые слова: Я-концепция, возможное Я, реальное Я, идеальное Я, методика Т. Лири.

Я-концепция предстает как относительно устойчивая система представлений человека о самом себе, оказывающая влияние на выбор направления активности и поведения человека. В ней выделяются различные компоненты, однако описанию их самих как отдельных конструктов уделяется большее внимание, чем характеристике связей между ними. В настоящее время актуальным вопросом в изменении личности во времени становится степень самостоятельного определения и направления этого изменения, вопрос выбора пути дальнейшей реализации себя. Когнитивные представления, воплощающие варианты последствий подобного выбора, и есть возможные Я как часть Я-концепции. Возможное Я – это всегда возможность быть так или иначе, субъективный опыт присутствия в потенциальной жизненной ситуации. Однако соотношение данного конструкта с другими компонентами Я-концепции по-прежнему остается скорее спорным.

Целью настоящего исследования является сопоставление характеристик реального, возможного и идеального Я для определения их различий и сходства.

Гипотеза исследования: возможное и идеальное Я будут значимо отличаться от реального Я.

Для сопоставления описания реального, идеального и возможного Я была сформирована выборка из 53 человек, из них 16 юношей и 37 девушек, студенты медицинского вуза 1–3 курсов, средний возраст – 19 лет ($M = 19,24$; $SD = 0,83$).

Описание реального, идеального и возможного Я были получены с помощью методики межличностных отношений Т. Лири, традиционно используемой для анализа компонентов Я-концепции. Инструкция к методике давалась в измененном виде: для первого описания предлагалось выбрать те характеристики, которые соответствуют личности в настоящий момент времени (реальное Я), для второго – те, которые описывают личность в идеале, на максимуме своих возможностей (идеальное Я), для третьего – характеристики, воплощающие различные возможности изменения личности как в лучшую, так и в худшую сторону, какими вы могли бы быть/стать (возможное Я).

Обработка эмпирического материала проводилась с помощью программы SPSS, в качестве математико-статистического метода применялся критерий Вилкоксона для связанных выборок. Дополнительно проверялась эмпирическая гипотеза о наличии половых различий в представлениях о реальном, возможном и идеальном Я.

При сопоставлении результатов описания идеального и возможного Я при помощи критерия ранговых знаков Вилкоксона были получены статистически значимые различия на уровне 5 и 1%. Были определены следующие сдвиги: возможное Я отличалось от Я идеального по трем из восьми октантов: Независимый, Сотрудничающий, Великодушный, – а также по параметрам доминантности и дружелюбия. В то же время от реального Я возможное Я отличается по шести октантам: Властный, Независимый, Агрессивный, Недоверчивый, Покорный, Зависимый, а также по параметру доминантности. Реальное же Я и Я идеальное отличались по пяти октантам: Властный, Агрессивный, Недоверчивый, Покорный, Зависимый, а также по параметру доминантности.

Наибольшую выраженность Властность как стремление к лидерской позиции в отношениях, решительность, умение и потребность брать ответственность за действия других получает в пред-

ставлениях о возможном Я, незначимо отличаясь от идеального Я ($z = -1,716$; $p = 0,086$), при этом оба представления превосходят реальное Я ($z = -3,613$; $p = 0,000$ и $z = -3,072$; $p = 0,002$, соответственно). Властность отражает способность влиять на других и на общие решения, что воспринимается как путь желаемого роста личности. Половых различий в выраженности властности не было выявлено.

Независимость, проявляющаяся в самоуверенности, низкой подчиняемости, эгоцентричности, также более выражена в возможном Я в сравнении с идеальным Я ($z = -2,009$; $p = 0,045$) и с реальным Я ($z = -2,767$; $p = 0,006$). При этом отличия реального и идеального Я незначительны ($z = -2,009$; $p = 0,045$). Это может объясняться тем, что возможное ассоциируется с большой свободой действий и выборов, что и реализуется в представлениях о возможном себе как неподвластном установленным рамкам и правилам, в то время как Я идеальное испытывает на себе давление социальных норм. В отличие от юношей, девушки в представлениях о возможном себе предстают более независимыми от чужого мнения ($R_{жен} = 850$, $R_{муж} = 581$, $U = 147$, $p = 0,003$).

Агрессивность как упорство в обретении намеченного, спонтанность и легко возникающая враждебность при столкновении с препятствиями в межличностных отношениях, сходна в представлениях о возможном и идеальном себе ($z = -646$; $p = 0,518$) и значимо отличается от представления о себе в настоящем ($z = -2,356$; $p = 0,018$ для возможного Я; $z = -2,283$; $p = 0,022$ для идеального Я). Я реальное предстает наиболее агрессивным, на втором месте – возможное Я, наименее агрессивное, очевидно, идеальное Я, что объясняется негативным отношением к внешней стороне проявления агрессивности и большей склонности к подавлению данной черты. В сопоставлении с юношами, девушки в представлениях о возможном себе предстают более агрессивными в отстаивании собственной позиции ($R_{жен} = 889$, $R_{муж} = 541,5$, $U = 186,5$, $p = 0,032$).

Недоверчивость, проявляющаяся в критичной настроенности к получаемой от окружающих информации, обособленности и замкнутости; Покорность как неудовлетворенность собой, исполнительность, интровертированность и застенчивость; Зависимость как склонность к демонстрации конформного поведения, чувствительность к чужой оценке – данные октанты в большей степени выражены в представлениях о реальном Я, тогда как в возможном Я и Я идеальном они получают значимо меньшую степень выражен-

ности ($p=0,000$) и мало различимы в данных представлениях о себе, что говорит о наличии некоторого эталона поведения, который воспринимается потенциально достижимым и реализуемым: включенного в общественную жизнь, значимого, самостоятельного, к мнению которого прислушиваются. Также имеются значимые на уровне $0,01$ различия между полами: девушки представляют себя значимо более критичными по отношению к другим ($R_{жен} = 849, R_{муж} = 582, U = 146, p=0,002$), подчиняющимися влиянию других людей ($R_{жен} = 839, R_{муж} = 592, U = 136, p=0,002$), более восприимчивыми к мнению окружающих ($R_{жен} = 855, R_{муж} = 575,5, U = 152, p=0,004$).

Напротив, выраженность показателей по октанту Сотрудничества (дружелюбность, стремление к нахождению общности с другими, откликаемость на средовые изменения) и октанту Великодушия (готовность помочь другим, эмоциональная вовлеченность, потребность нравиться другим) совпадает у Я реального и Я идеального ($z = -1,455; p = 0,146$ и $z = -1,365; p = 0,172$ соответственно для Сотрудничества и Великодушия), Я реального и Я возможного ($z = -1,101; p = 0,271$ и $z = -0,933; p = 0,351$ соответственно для Сотрудничества и Великодушия). Различия наблюдаются при сопоставлении Я-идеального и Я возможного: Я-возможное воспринимается более открытым к сотрудничеству ($z = -2,952; p = 0,003$) и более способным к альтруистичным поступкам ($z = -2,559; p = 0,011$), чем Я идеальное. Данный результат может объясняться тем, что возможное Я воспринимается пиком реализации собственных возможностей как личности, что может выходить за пределы, регламентируемые социальными нормами. При сравнении показателей юношей и девушек было получено, что девушки воспринимают свое возможное поведение как более альтруистическое, помогающее ($R_{жен} = 894,5, R_{муж} = 536,5, U = 191,5, p = 0,042$).

Доминантность как параметр межличностного взаимодействия значимо различается для всех трех представлений о Я, и здесь наблюдается сходная градация: более низкие показатели у реального Я, затем идет идеальное Я и самые высокие баллы получает возможное Я. Этот результат вновь указывает на более широкое, чем у идеального Я, пространство выбора изменений, которое предоставляет Я возможное. По дружелюбию значимые различия по критерию Вилкоксона были получены при сопоставлении Я идеального и возможного Я: возможное Я также воспринимается более открытым для межличностного взаимодействия, чем Я идеальное, направленное на реализацию общественно приемлемых норм и целей.

Полученные данные согласуются с результатами других исследователей. Так, в исследовании Я. Г. Залевской, также проведенном на лицах молодого возраста с помощью методики Т. Лири, Я идеальное отличалось от Я реального также повышением показателей властности, доминантности, и одновременно с этим более высоким уровнем стремления к социальным ценностям и поддержанию дружелюбных отношений с окружением (Залевская, 2021). Также в зарубежных исследованиях было получено, что содержание возможных Я у женщин отличается более заметной репрезентации отношений с другими, они в большей степени характеризуются межличностными и реляционными качествами (Кнох, 2006).

Таким образом, результаты исследования показали, что возможное Я как представление о себе включает в себя большее число оценок возможностей, которые видит для себя респондент в социальном плане, чем идеальное Я и реальное Я. Возможное Я представляется более независимым, открытым для сотрудничества, альтруистичным, в целом более доминирующим и дружелюбным по отношению к другим. Таким образом, мы получаем, что, несмотря на близость данных понятий, между ними имеются не только теоретические, но и эмпирические различия: возможное Я воплощает в себе более широкий спектр предполагаемых изменений личности, в то время как идеальное Я отражает ориентированность на себя, замкнутость на себе, некоторую эгоцентричность.

Помимо этого, половые различия были получены только для представлений о возможном Я, для реального Я и Я идеального значимых отличий получено не было. Вероятно, данный результат объясняется большей значимостью межличностных отношений для девушек, которые видят больше возможностей для собственной реализации в них. Небольшой размер выборки исследования позволяет рассматривать полученный результат как тенденцию и перспективность дальнейшей разработки данного направления исследований, позволяющее найти, предположительно, новый взгляд на Я-концепцию личности.

Литература

- Залевская Я. Г.* Я-реальное и Я-идеальное в контексте исследования межличностных отношений будущих психологов // Психолог. 2021. № 2. С. 77–88. doi: 10.25136/2409-8701.2021.2.34091
- Кнох М.* Gender and possible selves // Possible Selves: Theory, Research and Applications. 2006. V. 22. № 8. P. 61–78.

Динамика внутреннего диалога во внешней речи

А. В. Визгина (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Приводятся результаты эмпирического исследования, направленного на выявление внутреннего диалога (ВД) во внешней речи респондента в ходе интервью. Одной из задач исследования было выявление и описание конструктивных и дисфункциональных форм ВД, с опорой, в качестве критерия конструктивности, на показатель динамики диалога. Были выявлены как диалоги, лишенные динамики, так и те, которые демонстрировали положительную или отрицательную динамику. Были обнаружены следующие формы позитивной динамики: углубление и наращивание аргументации позиций, появление новой интегральной позиции, осознанный выбор одной из позиций, переход от защитного одностороннего к конфликтному двустороннему ВД. Отрицательная динамика заключалась в переходе от двустороннего конфликтного к защитному диалогу.

Ключевые слова: внутренний диалог, динамика диалога, внутренний конфликт, конструктивный диалог, позиция.

Наш подход к исследованию внутреннего диалога (ВД) опирается на его понимание как ограниченного во времени процесса речевого диалогического взаимодействия между разными смысловыми позициями, осуществляемого одним человеком (Кучинский, 1988). К функциям ВД обычно относят: самопознание и самоотношение, эмоционально-волевою и социальную саморегуляцию, осуществление мыслительной деятельности, разрешение внутренних конфликтов, осуществление выбора. Именно процессуальный характер ВД, его способность развиваться в ходе развертывания и взаимодействия позиций, создает возможность для реализации этих функций. Поэтому важным аспектом изучения ВД является его исследование как процесса, выявление особенностей и форм его динамики.

Однако эмпирическое изучение процесса спонтанного развертывания ВД наталкивается на существенные методические трудности, связанные с природой этого явления. Среди эмпирических исследо-

ваний ВД как процесса можно выделить два основных направления: психология мышления, изучающая особенности мыслительных ВД, и область психотерапии, поскольку именно психотерапевтическое пространство позволяет наблюдать речевую продукцию клиента процессуально (Кучинский, 1988). Речь идет, прежде всего, о подходах, возникших под эгидой теории диалогического «Я» (Hermans, 2004). Особый интерес представляют те исследования, в которых с помощью специально разработанных процедур анализа в потоке речи клиента выявляются конфликтующие голоса, и затем изучается их взаимодействие и динамика в ходе психотерапевтического процесса. В этих исследованиях было подтверждено существование как функциональных, так и дисфункциональных ВД. Так было показано, что первичные ВД, выявленные в начале терапии, характеризуются односторонностью, свернутостью, дезинтегрированностью, отсутствием динамики и часто защитностью. Диалогическая неполноценность этих форм ВД объясняется стремлением индивида уйти от негативных переживаний, вызванных внутренним конфликтом, что препятствует развертыванию диалога. В результате ВД свертывается, становится неспособным к динамике, застывая в урезанной форме, часто перерождаясь в защитную форму либо вообще прерываясь. Исследования также показали, что условия, создаваемые в рамках психотерапевтического общения, способствуют постепенной трансформации дисфункциональных форм ВД в конструктивные. В ходе терапии происходит постепенное развертывание и более полное выражение ранее скрытых, отчужденных, подавленных голосов ВД. Представителями этого подхода была разработана уровневая модель развития диалогического взаимодействия между голосами, так называемая Шкала ассимиляции проблемного опыта APES (Stiles et al., 2004), и выделены стадии, которые проходят голоса клиента в процессе терапии: от уровня дезинтегрированности и отсутствия взаимодействия между голосами сначала к конфликтному противостоянию, а затем – к кооперации и поиску совместного решения проблемы. Авторы делают вывод, что именно включение ВД клиента во внешнедиалогическое поле терапии как раз и способствует такому превращению дисфункционального ВД в конструктивный, создавая возможность для его развертывания и динамики. Терапевт помогает клиенту углублять и удерживать контакт между конфликтующими позициями, противостоять защитным тенденциям, поддерживает выражение альтернативного голоса, препятствуя свертыванию и прерыванию ВД.

Встает вопрос, возможно ли развитие ВД в направлении конструктивности вне психотерапии, без вмешательства извне, или такой диалог неизбежно будет урезанным и лишенным динамики? В нашем исследовании мы попытались ответить на этот вопрос, поставив задачу выявления и описания ВД, спонтанно развертывающегося во внешней речи респондента. В качестве ситуации, способствующей спонтанной актуализации ВД при минимальном вмешательстве Другого, мы выбрали индивидуальное психологическое интервьюирование, затрагивающее потенциально конфликтные темы удовлетворенности собой и жизнью, а также трудностей осуществления изменений. Целью исследования было выявить в ответах респондентов внутренние диалоги, реализующих внутренние конфликты, и описать их, опираясь на разработанные параметры. Основными задачами были: проверка самой возможности спонтанного появления и развертывания ВД в устных ответах респондентов, разработка языка описания, релевантного эмпирическим ВД, а также выявление конструктивных и дисфункциональных форм ВД и их описание по параметрам диалогичности. Из большого массива транскрибированных ответов было отобрано 116 внутренне-диалогичных отрывков текста, принадлежащих 60 респондентам, которые затем были подвергнуты специально разработанной процедуре качественного контент-анализа. Данный подход к анализу текстов во многом перекликается с разработанным А. В. Брушлинским методом микросемантического анализа мышления, с помощью которого анализируется речевая продукция, спонтанный речевой поток, с опорой на формально-стилистические аспекты речи как индикаторы малейших изменений направленности мысли (Брушлинский, 2005). Отметим, что сам А. В. Брушлинский вместе со своими учениками впоследствии показал универсальность этого метода, применив его к исследованию процесса решения нравственных задач (Воловикова, 2007).

В результате были выделены две большие группы ВД: конфликтные диалоги и диалоги самоубеждения. Если в диалогах первой группы конфликтующие позиции выражены в одинаковой степени при отсутствии у респондента явного предпочтения одной из них, то для диалогов второй группы характерна солидаризация только с одной из позиций и конфронтация с противоположной. Опираясь на такой критерий конструктивности, как наличие или отсутствие в диалоге позитивной динамики, мы выделили конструктивные и дисфункциональные формы ВД. Данный интегральный показатель отра-

жает изменения разных аспектов диалога по мере его развертывания. Речь идет об изменениях характера взаимодействия между позициями, степени развернутости позиций, локуса солидаризации (на чьей стороне находится респондент), а также о появлении новых позиций и результативности диалога. Среди выявленных ВД были обнаружены как диалоги, лишённые динамики, так и те, которые демонстрировали динамику (положительную или отрицательную).

Были выявлены две формы дисфункциональных ВД с отсутствующей динамикой: урезанные ВД со свернутыми, не взаимодействующими друг с другом позициями и развернутые конфликтные диалоги, характеризующиеся застывшим, не имеющим развития противостоянием позиций.

К проявлениям позитивной динамики мы относим те изменения ВД в ходе его развертывания, которые способствуют углублению самопонимания, самопереживания и самопринятия субъекта, усилению его контакта с собой, а также – к разрешению его внутреннего конфликта. Именно такое развитие позволяет отнести ВД к конструктивным диалогам. Были выявлены следующие формы позитивной динамики: углубление и наращивание аргументации позиций, появление новой интегральной позиции, осознанный выбор одной из позиций, переход на сторону отвергаемой ранее позиции. Рассмотрим их подробнее.

Динамика углубления и наращивания аргументации позиций была выявлена как в конфликтных ВД, так и в диалогах самоубеждения. Один из вариантов углубления позиции – это переход от обобщённых формулировок к раскрытию переживаний респондента, например, от самокритики – к более полному выражению критикуемой позиции, к чувству, стоящему за этой позицией. Другой вариант – это наращивание аргументации конфликтующих позиций в случае конфликтных ВД или основной позиции в случае диалогов самоубеждения. При этом содержательное наполнение позиций не меняется, однако, по мере их проговаривания, они становятся все более развернутыми и аргументированными.

Были также выявлены результативные диалоги, динамика которых приводила к конкретному результату в виде появления новой интегральной позиции или к выбору одной из позиций. Новая позиция, учитывающая обе конфликтующие стороны, может содержать понимание причин, мешающих реализовать желаемое, осознание защитного характера своих высказываний, признание наличия

внутреннего конфликта и временных трудностей в его разрешении при сохранении намерения это сделать в дальнейшем. Осознанный выбор одной из позиций и отказ от другой был выявлен в диалогах, реализующих ценностный конфликт.

Позитивная динамика может также выражаться в трансформации одностороннего диалога самоубеждения, в двусторонний конфликтный ВД, когда субъект из-за недостаточности аргументации переходит от отрицания альтернативной позиции к солидаризации с ней. Это происходит, например, в случае, когда первоначально отстаиваемая позиция не опирается на истинные чувства и не соотносится с «Я», а исходит из долженствований или желаемого представления о себе. Такой переход является конструктивным, так как способствуют установлению контакта субъекта со своими истинными переживаниями.

Во ВД с отрицательной динамикой происходит обратное движение: трансформация конфликтного ВД как противостояния развернутых позиций в защитный диалог, когда субъект переходит к консолидации только с одной из них (например, с декларацией полного благополучия) и к неаргументированному отрицанию альтернативной (например, признания наличия проблемы).

В нашем исследовании мы опирались на представлении о ВД как развивающемся процессе, проходящем разные стадии от дисфункционального к конструктивному полюсу континуума. Выявленные типы диалогов позволяют расположить их на континууме зрелости, в зависимости от выраженности у них признаков диалогичности, начиная от монологизированных, урезанных форм и заканчивая зрелыми формами диалогического взаимодействия. Выявление в речи респондентов диалогов с позитивной динамикой подтвердило наше предположение о возможности развития ВД в направлении конструктивности вне психотерапевтического пространства, без поддерживающего вмешательства Другого. Мы показали, что даже в небольших высказываниях, ограниченных рамками ответа на вопрос, актуализация и развертывание ВД может привести к его развитию, усилению взаимодействия между позициями, их проработке и углублению. Ключевым моментом в этом процессе является столкновение между конфликтующими позициями, которое может стать отправной точкой для его конструктивного развития. Однако, как мы показали, это происходит не всегда, именно в этой точке диалог может начать буксовать, застывая на стадии неразрешимого противоречия между позициями и прерываясь, или демонстрируя обратное разви-

тие, переходя в защитную форму, что характерно для дисфункциональных форм ВД.

Литература

- Брушлинский А. В.* Программа учебного курса «Психология субъекта» // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 363–383.
- Воловикова М. И.* Основные принципы и возможности применения микросемантического анализа // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под. ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 144–160.
- Кучинский Г. М.* Психология внутреннего диалога. Минск: Университетское, 1988.
- Hermans H. J. M.* The dialogical self: between exchange and power // The dialogical self in psychotherapy / Eds H. H. Hermans, G. Dimaggio. L.: Brunner-Routledge, 2004. P. 13–28.
- Stiles W. B., Osatuke K., Glick M. J., Mackay H. C.* Encounters between internal voices generate emotion: An elaboration of the assimilation model // The dialogical self in psychotherapy / Eds H. H. Hermans, G. Dimaggio. L.: Brunner-Routledge, 2004. P. 91–107.

Исследование склонности к депрессивному состоянию и копинг-стратегий у студентов-психологов с преобладанием разных когнитивных стилей

Е. В. Воробьева (ЮФУ, Ростов-на-Дону),

Е. Ф. Рахимова (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Приведены результаты исследования взаимосвязи склонности к депрессивному состоянию и копинг-стратегий у студентов-психологов с преобладанием разных когнитивных стилей. Проведенное исследование показывает, что со склонностью к депрессивным состояниям у студентов-психологов взаимосвязана выраженность когнитивных стилей полезависимости и ригидности. При этом выраженность когнитивного стиля полезависимости взаимосвязана с копинг-стратегией «Бегство—избегание», полenezависимости — с копинг-стратегиями «Положительная переоценка» и «Планирование решения проблем»; с выраженностью когнитивного стиля импульсивности взаимосвязана копинг-стратегия «Поиск социальной поддержки».

Ключевые слова: когнитивный стиль, депрессивное состояние, копинг-стратегии, студенты-психологи.

Когнитивные стили, копинг-стратегии и склонность к депрессивному состоянию во многом определяют поведение человека, влияют на его решения и способ взаимодействия с миром. Период пандемии привел к ухудшению психического здоровья населения, а в студенческой жизни — учащению применения дистанционных технологий при обучении, возрастанию разобщенности, переживаний одиночества и депрессивных состояний (Сетянова, Воробьева, 2020). Выявление индивидуально-психологических особенностей студентов-психологов может найти применение в оптимизации учебного процесса. Копинг-стратегии разнятся у студентов различных факультетов. Для студентов психологических направлений подготовки свойственны те стратегии, которые сопряжены с поиском эмоциональной поддержки (Маркер, Хандархаев, 2017). Предпочтение конструктивных копинг-стратегий студентами-психологами связа-

но с их высоким уровнем личностно-профессионального развития, и напротив, неконструктивные стратегии совладающего поведения отражают зависимость от проблемной ситуации, непродуктивное использование эмоций характеризуются действиями, не способствующими конструктивному решению проблемы, не направлены на мобилизацию ресурсов (Щелина, 2020).

Поскольку когнитивные стили связаны с познавательной сферой, имеет смысл изучать их в различных отраслях подготовки студентов. Полнезависимые испытуемые лучше, нежели полезависимые, понимают информацию, если она представлена не полноценным текстом, а отрывками и фрагментами. Данный когнитивный стиль коррелирует с ощущениями, избирательностью внимания, мышлением, конвергентными способностями, обучаемостью. Полнезависимые студенты с большей вероятностью будут академически успешны. У них преобладает внутренняя мотивация, в то время как полезависимым учащимся необходима дополнительная мотивация извне. Чем ниже уровень полезависимости студентов, тем сильнее они готовы к самостоятельному планированию своей деятельности. Когнитивный стиль импульсивность–рефлексивность связан со способностью к выделению абстрактных связей, логичностью суждений, пространственным мышлением, конвергентным и дивергентным мышлением (беглость и разработанность), обучаемостью. Студенты, которым присущ рефлексивный стиль, более тщательно собирают и обрабатывают большой объем информации. Они с большей вероятностью применяют продуктивные способы решения задач (Лазарева, 2019). У студентов, обучающихся по психологическим направлениям подготовки, характерными чертами когнитивного стиля являются: полнезависимость, рефлексивность, при принятии решений в условиях неопределенности – предпочтение стиля бдительность (тенденция уточнять задачи и цели, изучать альтернативы, искать дополнительную информацию, оценивать информацию перед тем, как сделать выбор) (Сорокоумова и др., 2020).

Цель работы – исследование взаимосвязи склонности к депрессивному состоянию и копинг-стратегий у студентов-психологов с обладанием разных когнитивных стилей.

Материалы и методы

Выборку составили 43 студента-психолога разных курсов в возрасте 17–25 лет, среди которых 37 респондентов женского пола и 6 – мужского.

Использовались следующие тесты и методики: шкала депрессии Бека для определения склонности к депрессивному состоянию; копинг-тест Р. Лазаруса для выделения предпочитаемых стилей совладающего поведения; методика «Включенные фигуры» для характеристики когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость; тест «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана для диагностики когнитивного стиля импульсивность/рефлексивность; методика свободных ассоциаций в качестве оценки когнитивного стиля ригидный/гибкий познавательный контроль.

Данные обрабатывались в программе IBM SPSS Statistics v. 23.

Результаты

Выборка была проверена на нормальность с помощью λ -критерия Колмогорова—Смирнова. Для большинства переменных распределение оказалось нормальным.

Оценка склонности к депрессивному состоянию показала, что большинство полученных результатов по шкале Бека располагается в диапазоне от 18 до 30 баллов, что интерпретируется как легкая и умеренная степень выраженности депрессивных состояний. Среди копинг-стратегий чаще всего используются такие стратегии, как «Бегство—избегание», а также «Положительная переоценка» и «Самоконтроль». Среди предпочитаемых когнитивных стилей — полезависимость, импульсивность и когнитивная гибкость.

Для выявления взаимосвязи между склонностью к депрессивным состояниям и исследуемыми когнитивными стилями, а также выявления взаимосвязи между предпочитаемыми копинг-стратегиями и когнитивными стилями использовался двусторонний критерий Пирсона. В ходе анализа взаимосвязи склонности к депрессивным состояниям и когнитивных стилей получены статистически значимые корреляции склонности к депрессивным состояниям с полезависимостью ($r=0,49^*$, $p<0,05$) и ригидностью ($r=0,48^*$, $p<0,05$).

В ходе анализа взаимосвязей между копинг-стратегиями и когнитивными стилями получено, что с когнитивным стилем ригидность/гибкость не выявлено значимых корреляций ни для одной из копинг-стратегий. С преобладанием когнитивного стиля импульсивности связана копинг-стратегия «Поиск социальной поддержки» ($r=0,54^*$, $p<0,05$); с выраженностью когнитивного стиля полезависимости взаимосвязана копинг-стратегия «Бегство-избегание» ($r=0,32^*$, $p<0,05$).

С выраженным когнитивным стилем полнезависимости – копинг-стратегии «Положительная переоценка» ($r = -0,39^*$, $p < 0,05$) и «Планирование решения проблем» ($r = -0,31^*$, $p < 0,05$).

Выводы

1. Со склонностью к депрессивным состояниям у студентов взаимосвязана выраженность когнитивных стилей полнезависимости и ригидности.
2. С выраженностью когнитивного стиля полнезависимости взаимосвязана копинг-стратегия «Бегство-избегание», полнезависимости – копинг-стратегии «Положительная переоценка» и «Планирование решения проблем».
3. С выраженностью когнитивного стиля импульсивности взаимосвязана копинг-стратегия «Поиск социальной поддержки».

Полученные результаты могут найти применение в практике работы психологических служб университетов.

Литература

- Лазарева Е. А.* Опыт исследования когнитивных стилей студентов // Мир педагогики и психологии. 2019. № 1. С. 268–283.
- Маркер А. В., Хандархаев А. М.* Особенности и взаимосвязь копинг-стратегий у студентов-психологов // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Психология». 2017. № 1. С. 32–38.
- Сетянова Е. Б., Воробьева Е. В.* К вопросу о влиянии пандемии COVID-19 на психическое здоровье населения // Ананьевские чтения – 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Материалы международной научной конференции. Санкт-петербургский государственный университет. СПб., 2020. С. 1036–1037.
- Сорокоумова С. Н., Елшанский С. П., Пучкова Е. Б., Суховершина Ю. В.* Когнитивные стили и персонализация обучения студентов-психологов // Вестник Мининского университета. 2020. № 1. С. 10.
- Щелина С. О.* Совладающее поведение как ресурс личностно-профессионального развития студентов-психологов (бакалавриата и специалитета): Дис. ... канд. психол. наук. М., 2020.

Социальные представления о коррупции (на примере студенческой молодежи)

А. А. Гайворонская (ГУК СК РФ, Москва)

Коррупция является одной из самых серьезных и сложных социальных проблем, с которыми сталкивается сегодня общество. Изучение содержания социальных представлений о коррупции у студенческой молодежи важно, так как социальные представления могут иметь разное внутреннее обоснование, могут определяться либо возникшей ситуацией, либо на основе сознательно используемых личностью ценностей, поэтому выявление причин (мотивов) связано с мерами предупреждения и противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, социальные представления, прототипический анализ, ядро, периферия.

Коррупция является одной из самых серьезных и сложных социальных проблем, с которыми сталкиваются сегодня общество. Определение понятия коррупции содержится в федеральном законе 2008 г. «О противодействии коррупции», а именно под коррупцией понимается:

- 1) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;
- 2) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица.

Коррупция всегда связана с государственной службой, властью, социальным статусом. В проявлениях коррупции содержится социальная дилемма, определяемая как ситуации, в которых краткосрочные

личные интересы вступают в противоречие с долгосрочными коллективными. По мнению М. М. Решетникова, коррупция – только в ее последствиях правовая и экономическая проблема, а исходно – сугубо психологическая и общечеловеческая» (Решетников, 2019). Понимание причин (мотивов) связано с мерами предупреждения и противодействия коррупционных преступлений.

Цель данного исследования – это изучение содержания социальных представлений о коррупции у студенческой молодежи. Перспективность обращения к теории социальных представлений для изучения коррупции объясняется рядом причин.

Ведущая характеристика и группового, и индивидуального сознания – это социальные представления, которые выражают форму социального знания (здравый, обыденный смысл). Социальные представления – это образы и смыслы, идеи, ценности, установки, «наивные теории», объясняющие события окружающего мира, при конструировании которых происходит познание различных феноменов, в том числе коррупции. Социальные представления могут иметь разное внутреннее обоснование и могут определяться либо возникшей ситуацией, либо на основе сознательно используемых личностью ценностей. Социальные представления, являясь основной характеристикой общественного и индивидуального сознания, выражаются в поведение личности.

В исследовании, на анонимных условиях, приняли участие студенты вузов г. Калуги, Смоленска и Мурманска. Всего 148 человек. Женщин и мужчин одинаковое количество. Средний возраст респондентов $M = 19,5$ лет, стандартное отклонение $SD = 1,81$. Различия статистически не значимы (критерий Колмогорова–Смирнова).

Обращение к данной выборке обусловлено тем, что психологические характеристики исследуемой группы – это мобильность, познавательная активность. Известно, что молодежный возраст связан со становлением личности, формированием «Я» концепции.

Методы исследования: ассоциативный эксперимент, прототипический анализ по П. Вержесу. Для осуществления прототипического анализа было необходимо выявить частоту употребления социального представления и его ранг. Для выяснения ранга мы просили респондентов выявленные ассоциации (представления) проранжировать по степени их значимости.

В результате были получены следующие результаты:

- общее количество ассоциаций на понятие коррупция: 588 слов;
- среднее количество слов на одного респондента: 3–4 слова;
- средний ранг ассоциации: 10.

Область I (высокие позиции по частоте и рангу): деньги (27; 14), несправедливость (26; 14), взятка (25; 13), преступление (24; 13), ложь (23; 13), тюрьма (18; 12), чиновники (17; 12), корысть (16; 12).

Область II (высокие позиции по частоте и низкие по рангу): воровство (15; 11), выгода (12; 10), обман (12; 9), мошенничество (10; 9), злоупотребление властью (9; 9), жадность (9; 8), безнаказанность (8; 6), подкуп (8; 8), предательство (8; 9).

Область III: проблема (низкие позиции по частоте и высокие по рангу) (4; 12), агрессия (3; 12), бедность (5; 11), беззаконие (7; 11), полиция (3; 11), упадок (6; 11), система (5; 11), неравенство (4; 11), тюрьма (5; 10).

Область IV (низкие значения по частоте и рангу): алчность (2; 8), глупость (2; 7), богатство (2; 5), высокие посты (2; 5), власть (2; 4), бандитизм (2; 3), грязь (2; 3) дороги (2; 3), желания (2; 3). При этом первое число в скобке указывает частоту употребления слова, а второе число указывает ранг.

Ядро представления образуют те элементы, которые попадают в Область I, здесь располагаются «стереотипы и прототипы, ассоциирующиеся с объектом». Элементы, оказывающиеся здесь, имеют наибольшее число связей с другими элементами представления, т.е. выполняют функцию организации представления. Самая высокая частота употребления была получена у слова «деньги» (употребили 21% человек). За ним следуют слова «несправедливость, взятка, преступление» и др. Остальные области образуют периферическую систему, в которой можно говорить о иерархии: Область II и Область III, объединяющие элементы, важные или по своему рангу, или по частоте упоминания. Они образуют первую периферическую систему. По частоте ведущие представления: воровство, выгода, обман и др. Эта часть обозначается как потенциальная зона изменения, является источником потенциального изменения и трансформации представления. Она объединяет элементы, высказанные меньшинством в первую очередь в отношении объекта представления (Область II), а также элементы, которые ассоциируются с объектом у значительного числа респондентов, но не в первую очередь.

Область IV (собственно периферическая система) образует вторую периферическую систему, или собственно периферическую сис-

тому. В эту область вошли следующие представления: алчность, глупость, богатство и др.

В результате проведенного исследования было получено, что представления о коррупции связаны с деньгами, переживанием несправедливости, взятками и др. Ведущий мотив – это корысть, жажда наживы, улучшение своего материального состояния. В зоне изменений (периферическая система) больше представлены формы и виды феномена коррупции, такие как воровство, поиск выгоды, совершенные обмана и др. Хотелось бы отметить, что многие виды коррупции связаны с мошенничеством и содержит обман.

Литература

Решетников М. М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия: монография. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959 (дата обращения: 19.04.2023).

Изменения уверенности в 2022 году по сравнению с 2021 годом*

Е. В. Головина (ИП РАН, Москва)

Вопрос об изменчивости/инвариантности различных психологических характеристик является актуальным, особенно в настоящее время. А. В. Брушлинским отмечается, что при всей непрерывности психического как процесса в нем закономерно есть нечто прерывное. В работе описано изменение переменных уверенности, фундаментальных мотивов и ориентированности на социальное сравнение в период с 2021 по 2022 г. Показано, что в течение 2021–2022 гг. произошли изменения во взаимосвязях исследуемых характеристик. Сравнительный анализ выявил рост мотива заботы о детях и снижение мотива потребности в самозащите, а также снижение инициативы в контактах в 2022 г. по сравнению с 2021 г.

Ключевые слова: изменчивость, уверенность в себе, социальная смелость, фундаментальные мотивы, ориентированность на социальное сравнение.

А. В. Брушлинский, описывая процессуальность психического, сопоставлял стабильное и изменяемое (Брушлинский, 1982). Вопрос об изменчивости/инвариантности различных психологических характеристик является актуальным, особенно в настоящее время. В данной работе исследуется динамика уверенности в себе и функциональных мотивов в период 2021–2022 гг. Высокая степень неопределенности экономической ситуации может снизить уверенность человека. Д. В. Ушаковым, Т. А. Нестиком отмечается изменение уверенности в рамках доверия к власти, к истинности представляемой информации, к людям и социальным институтам. При принятии решений в ситуации неопределенности также происходят изменения индивидуальных особенностей. Выявлено снижение показателей гибкости, саморегуляции и активности и повышение тревожности в ситуации эпидемии и самоизоляции (Скотникова, Егорова, 2021).

* Исследование проводилось в соответствии с Госзаданием № 0138-2023-0006.

Американскими психологом Д. Кенриком с соавторами отмечается, что мотивационная сторона индивидуальных различий также может меняться в зависимости от ряда жизненных обстоятельств. Изменения фундаментальных коммуникативных мотивов во время пандемии выявлены в международном (42 страны) исследовании К. Пика, в котором принимали участие сотрудники Института психологии Е. А. Самойленко, Т. Н. Савченко, Г. М. Головина, Е. В. Головина (Pick et al., 2022).

Н. С. Шумова, Е. Б. Мизинова и др. изучали динамику психологических характеристик в процессе какой-либо деятельности, адаптации либо в процессе заболевания/выздоровления.

Личный опыт, ощущения, представления, образы являются чисто субъективными и находятся в постоянном изменении (Брушлинский, 1982, с. 33). В то время как коллективные представления «неизменны, находятся „вне времени и становления“, выражают лишь устойчивые и существенные стороны бытия „вне и выше“ ситуативных и индивидуальных случайностей» (там же, с. 34).

При всей непрерывности психического как процесса в нем закономерно есть нечто прерывное (там же, с. 38). Прерывность процесса – это резко возникающее внешнее изменение, которое сохраняет преемственность при переходе к следующему этапу развития. В настоящее время таким «прерывным» является пандемия, спецоперация в Украине.

В разрабатываемую нами модель уверенности входят познавательные, индивидуально-личностные и ценностно-мотивационные аспекты (Головина, 2020). В данной работе в эмпирическом исследовании выявлялась динамика переменных уверенности, фундаментальных социальных мотивов и ориентированности на социальное сравнение в 2021–2022 гг.

Методики исследования

Для измерения уверенности в себе использовался опросник уверенности (Ромек, 2003), основные коммуникативные мотивы диагностировались опросником «Фундаментальные коммуникативные мотивы» (Fundamental Social Motives Inventory – FSMI) (Kenrick et al., 2016), для диагностики ориентированности на социальное сравнение были взяты 2 опросника: «Ориентационная мера сравнения Айова–Нидерланды» – INCOM (Gibbons, Buunk, 1999), адаптированный

Т. Н. Савченко, Е. С. Самойленко и А. В. Корбут (Савченко и др., 2019) и «Российский опросник ориентированности на социальное сравнение» (РООСС) Е. С. Самойленко (Самойленко, 2010).

Выборка: 142 чел. (18–69 лет). Тестирование проводилось с помощью онлайн-опроса.

Процедура статистической обработки данных. Для анализа данных использовались методы непараметрической статистики (анализ корреляций Спирмена). Для сравнения выраженности изучаемых переменных в 2021 и 2022 гг. использовался критерий Манна–Уитни.

Результаты исследования

Анализ взаимосвязей уверенности, фундаментальных социальных мотивов (ФСМ) и ориентированности на социальное сравнение.

Выявлены значимые взаимосвязи уверенности и фундаментальных социальных мотивов в 2021 г.: шкалы уверенности в себе и социальной смелости были положительно связаны с мотивами независимости от группы, беспокойства о расставании с партнером; уверенность в себе отрицательно связана с мотивом беспокойства об исключении из группы, а социальная смелость положительно — с мотивом заботы о семье; все три шкалы уверенности отрицательно взаимосвязаны с мотивом самозащиты.

В 2022 г. уверенность в себе оказалась отрицательно связанной с мотивом беспокойства об исключении из группы, социальная смелость — помимо связи с этим же мотивом, также отрицательно с мотивами поиска партнера и самозащиты. Взаимосвязь же с удержанием партнера — положительная. Инициатива в контактах отрицательно взаимосвязана с поиском партнера и положительно — с беспокойством о расставании с партнером.

Анализ изменений взаимосвязей переменных уверенности, фундаментальных социальных мотивов и направленности на восприятие в 2021 и 2022 гг. показал, что неизменными остались отрицательные взаимосвязи уверенности с мотивом беспокойства об исключении из группы и самозащиты. Таким образом, уверенный человек достаточно независим, он полагается на свои силы и считает, что сам контролирует свою судьбу. Поэтому он не чувствует зависимости от группы в том числе. Также уверенный человек не видит угрозы со стороны окружающего мира и людей. Вместо самозащиты человек предпринимает действия, способствующие благоприятному дню

него разрешению ситуации. Такая ситуация осталась и в 2022 г. Положительная взаимосвязь уверенности с беспокойством о расставании с романтическим партнером появилась со шкалой инициативы в контактах, а годом ранее она была со шкалами уверенности в себе и социальной смелости. Это свидетельствует о том, что на когнитивном и эмоциональном уровне уверенные люди уже не испытывают беспокойства о расставании с близким человеком.

В 2022 г. выявлена отрицательная взаимосвязь уверенности с поиском партнера (романтического) и положительная — с его удержанием. Партнер остается для человека опорой и поддержкой в любое время, а процесс поиска романтического партнера зачастую вызывает чувство неопределенности, неуверенности. И если в 2021 г. уверенность была связана с заботой о семье, то в 2022 г. эта взаимосвязь — с сохранением отношений с партнером, что, думается, всё равно свидетельствует о важности понимания между членами семьи и заботе друг о друге.

Выявлены взаимосвязи переменных уверенности и ориентированности на социальное сравнение в 2021 и 2022 гг.

В 2022 г., по сравнению с 2021 г., исчезли все взаимосвязи уверенности в себе с показателями ориентированности на социальное сравнение, в то время как с социальной смелостью — остались. Это, вероятно, можно объяснить тем, что уверенность в себе является когнитивной составляющей уверенности, а социальная смелость — эмоциональной. Менее уверенные в когнитивном плане лица перестали сравнивать себя со знакомыми и собой, а также сравнивать свои способности и жизненные ситуации с другими. Они осознали ситуацию, адаптировались к ней и не видят смысла в таких сравнениях. Более робкие лица, по сравнению с социально смелыми, все еще сохраняют ориентацию на других, прислушиваются к их мнению.

Проведен анализ различий в выраженности переменных уверенности в себе, фундаментальных социальных мотивов и ориентированности на социальное сравнение между 2021 и 2022 гг.

Критерий Манна–Уитни выявил значимые различия в мотивах «Забота о детях» и «Самозащита». В 2022 г. значимо вырос мотив заботы о детях. Семья является важной ценностью для человека. За последнее время люди стали больше время проводить со своими семьями, больше времени и сил посвящать детям, заботиться о них, естественно забота о детях возрастает, если люди чувствуют, что им может что-то угрожать.

В 2022 г. снизился мотив самозащиты. Думается, это связано со значительным улучшением эпидемиологической ситуации. Люди уже не чувствуют особой потребности в постоянной защите себя от угроз болезни.

Сравнительный анализ выявил рост мотива заботы о детях, снижение мотива потребности в самозащите и снижение инициативы в контактах в 2022 г. по сравнению с 2021 г. Эти результаты можно объяснить возросшей значимостью семьи за последнее время для большинства людей, улучшением эпидемиологической обстановки.

Значимых различий в выраженности ориентированности на социальное сравнение не выявлено.

Таким образом, в работе показана динамика взаимосвязей уверенности с фундаментальными социальными мотивами, ориентированностью на социальное сравнение и изменение этих характеристик в период с 2021 по 2022 г. Полученные результаты согласуются с теоретическими подходами А. В. Брушлинского к сопоставлению стабильного и изменяемого, а также с эмпирическими данными авторов, исследующих динамику психологических характеристик вследствие изменения внешней ситуации (Скотникова, Егорова, 2021; Pick et al., 2022; и др.).

Литература

- Брушлинский А. В.* Мышление как процесс и проблема деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 28–40.
- Головина Е. В.* Уверенность: познавательный и индивидуально-личностный аспекты. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Скотникова И. Г., Егорова П. И.* Переживание эпидемии COVID-19 и Устойчивость—изменчивость свойств индивидуальности в особых условиях // Личность и общество в условиях пандемии: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. В. Юревич, Т.А. Нестик. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 326–344.
- Pick C. M., Ko A., Kenrick D. T. et al.* Fundamental social motives measured across forty-two cultures in two waves // Scientific Data. 2022. V. 9. № 1. P. 499. doi: 10.1038/s41597-022-01579-W.

Контекстуальный характер личностной феноменологии: исследование целеполагания*

Н. В. Гришина (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Методологическая проблема «расчлененности» личности и недизъюнктивного психического на отдельные составляющие компоненты в современной психологии личности усиливается критикой деконтекстуализированного характера исследований. Принцип недизъюнктивности психического (Брушлинский) в психологии личности интерпретируется нами как принцип контекстуального подхода к изучению личностной феноменологии. Эмпирические данные, полученные нами в исследовании целеполагания, показали связь целей человека с более широким жизненным контекстом, в который они «вписываются», а также с опытом прошлого, ожиданиями прошлого, успешностью их реализации в настоящем и т. д.; тем самым была подтверждена необходимость изучения пространственно-временного контекста в описании психологической феноменологии.

Ключевые слова: недизъюнктивность, целеполагание, контекстуальный характер целей.

Современная реальность с ее стремительными и масштабными изменениями порождает новую психологическую феноменологию, расширяет проблемное поле психологических исследований, наполняет новым содержанием привычные понятия, что становится вызовом к психологической науке и, в первую очередь, к психологии личности.

На протяжении всего XX в. психология личности с ее теоретическими концепциями и объяснительными моделями формируется под доминирующим влиянием структурно-функционального подхода, описывающего личность через совокупность характеристик. Преимущество данного подхода обеспечивается тестовым инструментарием, позволяющим осуществлять диагностику личности для решения разнообразных практических задач. Многочисленные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ № 22-28-00871.

личностные методики используются для проведения исследований, снабжающих психологию личности эмпирическими данными. Благодаря этому психология личности фактически превращается в измерительную область психологической науки

Реалии XXI в. становятся вызовами к психологической науке, прежде всего, в области поиска исследовательских решений. Необходимость релевантного описания психологической феноменологии в условиях существования человека в новой реальности обнаруживает ограниченность подходов классической психологии и обостряет существовавшие десятилетиями методологические проблемы.

Среди этих проблем – «расчлененность целостной личности» и «недизъюнктивной» психики на самостоятельно существующие память, мышление, восприятие, внимание и другие психические функции», что, по утверждению А. В. Юревича, лежит в основе кризисной ситуации в психологии конца XX в. (Юревич, 1999, с. 5). Данная «расчлененность» является прямым следствием «измерительно-го» подхода к изучению психического.

Сложившаяся практика исследования психической и психологической феноменологии, в которой целостность личности приносится в жертву удобству ее «поэлементного» описания, прямо противоречит «недизъюнктивной» природе психического. В частности, идея процессуальности психического является фундаментальным принципом концепции А. В. Брушлинского. Обобщая результаты своих многолетних исследований, он пишет о континуально-генетическом (недизъюнктивном) методе исследования человека и его психики, подчеркивая, что «непрерывность (недизъюнктивность) психического как процесса означает, что все его компоненты, стадии, уровни и т. д. онтологически (точнее, онтически) нераздельны, но различны» (Брушлинский, 2006, с. 549).

В психологии личности методология ее «поэлементного» исследования реализуется и в изучении «онтологии изолированного индивида» (Ф. Е. Василюк), что фактически является следствием продолжения того же нарушения принципа недизъюнктивности психического, поскольку в этом случае из личностной феноменологии фактически «отсекается» все, что находится за пределами приписываемых ей аристотелевским способом мышления характеристик.

Принцип становления личности во взаимодействии со средой фактически так и не стал основанием релевантной исследовательской методологии в психологии XX века, породив усиливающуюся

в последнее десятилетие критику деконтекстуализированного характера проводимых исследований и соответственно получаемых эмпирических данных. Не в последнюю очередь осознание несостоятельности изучения «изолированного индивида», вне времени и пространства его существования, связано с очевидной включенностью современного человека в широкий контекст взаимодействия с окружающим миром.

Преодоление ограниченности данного подхода связано с переходом от «онтологии изолированного индивида» к «онтологии жизненного мира», что требует включения в рассмотрение психологической феноменологии отношений человека с окружающим миром, пространственно-временных координат его существования.

Принцип контекстуальности, наряду с принципами динамизма и целостности, относится к базовым постулатам процессуально-динамического подхода, являющегося основным направлением наших теоретических и эмпирических исследований и был реализован в проведенном исследовании целеполагания.

В психологии цели признанно рассматриваются в качестве основного регулятора активности человека и его отношений с контекстом жизнедеятельности. В свое время методологическое решение проблемы соотношения «внутреннего» и «внешнего» мира было предложено К. Левином введением в психологическую науку концепта жизненного пространства, объединяющего личность и ситуацию. Описание связи личности и ситуации было конкретизировано введенным У. Томасом понятием «определение ситуации», Л. С. Выготский предлагает в качестве единицы этого описания понятие «переживание». В нашем описании целеполагания как процесса взаимодействия человека с контекстом его жизнедеятельности мы дополняем эти конструкции понятием цели: «определение ситуации» имеет когнитивный характер, «переживание» описывает аффективный компонент этой связи, «цель» относится к недостающему «действенному» компоненту. Во взаимодействии с ситуацией все эти составляющие «работают» вместе — «определение ситуации» обеспечивает ее понимание, «переживание» сигнализирует о ее значимости для индивида, «примеряя» свои цели к ситуации, человек решает, насколько данная ситуация позволяет ему их реализовать (Гришина, 2023).

Интерес к понятию целей, как и целевой регуляции активности человека в целом, связан с признанием влияния таких феноменов, как образ будущего, жизненные планы, жизненные задачи и т. д., на по-

вседневную жизнь человека, его жизненные стратегии, жизненные выборы, выстраивание жизненного сценария и т. д. Однако изучение целей как интегральной единицы описания «человека-в-ситуации» сталкивается с рядом методологических трудностей, обусловленных «двойной» принадлежностью целей, которые одновременно относятся к личности и к ситуации, в которой они ставятся человеком.

Анализ практики эмпирических исследований, в которых фигурирует понятие целей, показывает, что цели используются в качестве параметра описания ситуации. Параметрический подход, основанный на выделении различных характеристик ситуаций, является основным в описании ситуаций и фактически повторяет по отношению к анализу ситуаций логику структурно-функциональных описаний личности, основанных на совокупности ее характеристик. Цели ситуаций в большинстве случаев определяются простым обозначением (приписыванием) индивидом своих возможных целей по отношению к ситуации, дополняя тем самым набор описывающих ситуацию характеристик.

Вместе с тем, очевидно, цели имеют контекстуальный характер, что требует иных методических решений. В рамках проводимых нами исследований, посвященных изучению целевой и ситуационной детерминации поведения человека, жизненные цели человека рассматриваются: 1) в более широком жизненном контексте, в соотношении с теми возможностями, которые, по мнению человека, предоставляет ему жизненная ситуация или с ограничениями, которые она содержит; 2) во временном контексте, в соотношении с жизненными планами человека, его представлениями о своем будущем, а также в соотношении с успешным или неуспешным опытом прошлого по реализации своих целей.

Результаты недавнего эмпирического исследования (2022, n = 350) подтвердили необходимость контекстуального изучения целей. Так, например, целеполагание в профессиональной сфере и сфере саморазвития оказалось тесно связанным с оценкой человеком возможностей, предоставляемых его жизненной ситуацией, его удовлетворенностью своей реализацией в этих сферах, готовностью к самоизменениям ради достижения своих целей, соответствием актуальной ситуации своим ожиданиям и планам прошлого, компонентами временной перспективы. Таким образом, релевантное описание целей человека предполагает их соотнесение с более широким жизненным контекстом, в который они «вписываются», а так-

же с опытом прошлого, ожиданиями прошлого, успешностью их реализации в настоящем и т. д.

Принцип недизъюнктивности психического как взаимосвязи всех его компонентов и уровней, как подчеркивал А. В. Брушлинский, означает их онтологическую нераздельность, но не элиминирует их различия. Иллюстрируя их нераздельность, но различность, Брушлинский приводит в пример психическое и физиологическое в головном мозгу человека, которые «нераздельны, но различны, поскольку они суть разные уровни саморегуляции всей жизни человека и животного» (Брушлинский, 2006, с. 549). Этот тезис имеет универсальный характер и прямо соотносится с представлениями об уровневой, контекстуальной природе личностной феноменологии, которая — например, в случае целевой регуляции — нераздельна, но различна.

Целевая регуляция имеет сквозной характер, проходит через разные уровни активности человека, представленные разными контекстами жизнедеятельности. В соответствии с развиваемой нами уровневой моделью целеполагания, в ситуационном контексте привычной деятельности цели предстают как решаемые задачи, в жизненном контексте они формулируются и ставятся как жизненные цели, в бытийном (экзистенциальном) контексте обретают характер жизненных смыслов (Гришина, 2023).

Идеи недизъюнктивности, процессуальности психического, в свое время сформулированные в отечественной психологии, прежде всего в работах С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского, активно осваиваются современной психологией личности, подтверждающей их актуальность и эвристичность.

Литература

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Гришина Н. В.* Целевая регуляция поведения человека // Вестник СПбГУ. Психология. 2023. № 2.
- Юревич А. В.* Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3—11.

Связи эмпатии с уровнем морального развития и базисными убеждениями личности

А. И. Денисова (ГБУЗ «ПКБ № 4 ДЗМ», Москва)

Выявляются взаимосвязи эмпатии с уровнем развития моральных суждений и базисными убеждениями личности. Гипотезы: 1) высокий показатель эмпатии связан с высоким уровнем морального развития; 2) высокий показатель эмпатии связан с базисными убеждениями благосклонности окружающего мира и относительно собственной ценности. *Результаты.* У людей ($n = 195$) с высоким показателем аффективной эмпатии и показателем по шкале «Подстройка» когнитивной эмпатии выше уровень развития моральных суждений. Эмпатия связана с убеждениями о возможности контроля над происходящими событиями. Люди с высокой когнитивной эмпатией имеют базисные убеждения о благосклонности окружающего мира и относительно собственной ценности. Эмпатия рассматривается как связующее звено интеллектуальной и эмоционально-личностной сферами.

Ключевые слова: моральное развитие, эмпатия, базисные убеждения, нравственное самосознание, эмоциональная регуляция.

В современной психологии изучаются роли личностных, когнитивных и эмоциональных факторов как детерминантов нравственного самосознания личности, как основной регулятивной системы моральных выборов и действий.

Понятие эмпатии многомерно: с одной стороны, понятие включает в себя познание, понимание эмоциональных состояний другого человека (за счет сопереживания или умения встать на его место), с другой стороны, эмпатия подразумевает эмоциональный отклик на переживания других людей, сочувствие. Эмпатия реализуется множеством эмпатийных процессов и может быть рассмотрена как опосредствующее звено, связующее когнитивные и личностные переменные в достижении самого сопереживания. В этом плане необходимо различать эмпатию как результат и эмпатийные процессы, приводящие к нему. Эмпатия как динамическая регулятивная система, где когнитивные

и эмоциональные составляющие могут выходить на разные иерархические уровни, является интегративным феноменом между когнитивной и эмоционально-личностной сферой (Корнилова, 2022). Выявляются связи как с когнитивными структурами, например (связь с эмоциональным интеллектом, имплицитными теориями), так и с эмоциональными переживаниями, не включающими когнитивные механизмы.

В рамках психологических работ исследуется структура самого нравственного самосознания, изучается структура личностных ценностей и принципов, норм тактичности. Изучаются также детерминанты морального сознания – роли личностных и когнитивных особенностей и эмоциональных факторов. Когнитивно-эволюционный подход к развитию нравственного самосознания предполагает, что мораль человека носит врожденный характер, ее рассматривают как инстинкт, а в основе нравственного развития и формирования моральной системы лежит «универсальная моральная грамматика» (Хаузер, 2008). Л. Колбергом, представителем когнитивного подхода, ведущая роль в развитии морального сознания личности отводится усвоению человеком общественных правил и норм. В рамках эволюционного подхода широкое развитие получили концепции «моральных эмоций», в которых ведущая роль в моральном выборе личности отводится эмоциям. Эмпатийный подход К. Гиллиган основан на принципе заботы, сочувствия и сопереживания другому человеку. Концепция просоциального поведения Н. Айзенберг фокусирует внимание на развитии альтруизма, реализующего принцип заботы и не мотивированного наградой или наказанием.

В контексте изучения включения эмпатии в функционирование единого интеллектуально-личностного потенциала человека, актуальным является соотнесение эмпатии с уровнем нравственного самосознания, а также со сферой убеждений (как личностных базисных представлений об окружающем мире и собственном «Я») позволяет исследовать эмпатию в контексте иерархической регулятивной системы, отслеживая связи с разными уровнями самосознания. Исследование сферы убеждений личности и их связи с уровнем морального развития позволяет отразить включенность личностной регуляции в нравственном самосознании.

Цели исследования

1. Выявление связей эмпатии с уровнем морального развития личности.

2. Выявление связей показателей эмпатии с базисными убеждениями личности.

Гипотезы

1. Высокий показатель эмпатии (как когнитивной, так и аффективной) будет связан с высоким уровнем морального развития.
2. Высокий показатель эмпатии будет связан с базисными убеждениями благосклонности окружающего мира и относительно собственной ценности.

Метод и методики

1. Для определения выраженности разных когнитивных и аффективных компонентов эмпатии использовался Опросник когнитивной и аффективной эмпатии в русскоязычной адаптации (Белоусова, Гейвандова, 2021).
2. Для диагностики стадий морального развития личности и эмпатийной ориентации применялся Опросник «Справедливость—Забота» С. В. Молчанова.
3. Для диагностики личностных свойств, отражающих базовые убеждения личности, использовалась «Шкала базисных убеждений» Р. Янов-Бульман (рестандартизированная М. А. Падун и А. В. Котельниковой).

Для обработки результатов и их статистического анализа использовался статистический пакет SPSS for Windows v. 19 и MS Excel.

Участники исследования: 195 человек – студенты и аспиранты факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, а также врачи-психиатры ГБУЗ «ПКБ № 4 ДЗМ»; из них 170 женщин, 25 мужчин, возраста от 18 до 49 лет ($Med = 21$, $SD = 24,4$).

Результаты

Шкала Самопожертвования, которая предполагает рефлексивную эмпатическую ориентацию, умение полагаться на интериоризированные ценности и защиту прав других, была положительно связана с Аффективной эмпатией ($\rho = 0,281$, $p < 0,01$) и ее подшкалами Эмоциональная заразительность ($\rho = 0,277$, $p < 0,01$), Периферическая чувствительность ($\rho = 0,190$, $p < 0,01$) и Проксимальная чувствительность

($\rho = 0,164$, $p < 0,05$), Шкала Самопожертвования связана с Постконвенциональным уровнем автономной морали ($\rho = 0,349$, $p < 0,05$), а также с базисными убеждениями о Контролируемости мира ($\rho = 0,183$, $p < 0,05$). В этом плане выраженность Аффективной эмпатии предполагает у человека выраженную рефлексивность, а также ориентацию на универсальные этические нормы.

Подстройка (подшкала когнитивной эмпатии) положительно связана с Постконвенциональным уровнем ($\rho = 0,143$, $p < 0,05$). То есть люди с хорошо сформированными навыками представления и понимания чувств другого человека (которые описываются в теории «модель психического») характеризуются более высоким уровнем морального развития.

Общий балл эмпатии связан с базисными убеждениями о Самоконтроле ($\rho = 0,198$, $p < 0,01$). То есть люди с высокой эмпатией в большей степени убеждены в возможности контроля над происходящими событиями. Проксимальная чувствительность также положительно связана с подшкалой Самоконтроля ($\rho = 0,168$, $p < 0,05$).

Аффективная эмпатия (и ее подшкала Периферическая чувствительность ($\rho = -0,172$, $p < 0,05$) отрицательно связана с базисными убеждениями о Справедливости мира ($\rho = -0,148$, $p < 0,05$).

Когнитивная эмпатия связана с базисными убеждениями о Добrote людей ($\rho = 0,147$, $p < 0,05$), возможности Самоконтроля ($\rho = 0,238$, $p < 0,01$) и Ценности Я ($\rho = 0,227$, $p < 0,01$). Люди с высокой когнитивной эмпатией убеждены в благосклонности окружающего мира, способности управлять событиями и собственной ценностью.

Заключение

Ранее уже были обнаружены связи личностных ценностей, черт личности, эмоционального интеллекта и нравственного развития. Личностные ценности по отношению к себе и другим сказываются на эмпатическом отношении и отражаются в показателях морального развития. В каждой конкретной ситуации человек решает, какие ценности становятся ведущими в контексте принятия решений, что сопоставляется с концепцией динамических регулятивных систем (Kornilova, Chigrinova, 2014). Нами было выявлено, что высокий показатель аффективной эмпатии и ее подшкал, а также показатель по шкале когнитивной эмпатии (Подстройка) соответствуют высокой степени нравственного развития. Эмпатия, как интегративный феномен, свя-

зана с высоким уровнем морального развития, где она может проявляться как связующее звено между эмоциональными и когнитивными компонентами. При этом аффективную эмпатию нужно рассматривать как показатель эмоционального процесса, опосредствующего эмпатию как результат, в то время как другие процессы демонстрируют включенность процессов когнитивной сферы (Корнилова, 2022).

Общий балл эмпатии показывает связь с базисными убеждениями о Самоконтроле, т.е. люди с высоким показателем по эмпатии характеризуются убеждениями у большей возможности контроля над происходящими событиями. Люди с высокой когнитивной эмпатией имеют базисные убеждения о благосклонности окружающего мира и относительно собственной ценности, способности управления событиями. Полученные данные позволяют рассматривать эмпатию как связующее звено интеллектуальной и эмоционально-личностной сферами, где когнитивной и аффективной эмпатии предстают как результирующие формы разных динамических иерархий эмпатийных процессов, взаимосвязанных с другими составляющими интеллектуально-личностного потенциала человека.

Выводы

1. Высокий показатель аффективной эмпатии и ее подшкал, а также показатель по шкале когнитивной эмпатии (Подстройка) соответствуют высокой степени нравственного развития.
2. Люди с высоким показателем по эмпатии характеризуются убеждениями у большей возможности контроля над происходящими событиями.
3. Люди с высокой когнитивной эмпатией имеют базисные убеждения о благосклонности окружающего мира и относительно собственной ценности, способности управления событиями.
4. Эмпатия, как интегративный феномен, связана с высоким уровнем морального развития, где она может проявляться как связующее звено между эмоциональными и когнитивными компонентами.

Литература

Белоусова А. И., Гейвандова М. Я. Когнитивная и аффективная эмпатия: апробация опросника на российской выборке // Вест-

ник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2021. Т. 31 (2). С. 6–20. doi: 10.18384/2310-7235-2021-2-6-20

Корнилова Т. В. Единство интеллекта и аффекта в множественной регуляции эмпатии // Национальный психологический журнал. 2022. № 1 (45). С. 94–103. doi: 10.11621/npj.2022.0108

Корнилова Т. В. Эмпатия в структурах интеллектуально-личностного потенциала: единство интеллекта и аффекта // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 57–68. doi: 10.31857/S020595920020496-1

Хаузер М. Д. Мораль и разум: как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008.

Kornilova T. V., Chigrinova I. A. Personal values, moral development and emotional intelligence in the regulation of choice in situations that involve interpersonal interactions // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. V. 11. № 4. P. 56–74.

Структура экзистенциальных ценностей у студентов с разным уровнем эффективности в проектной деятельности*

Ю. А. Дмитриева (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ), Челябинск),
С. Ю. Коробова (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ), Челябинск),
Е. И. Колтунов (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ), Челябинск),
В. Г. Грязева-Добшинская (ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ), Челябинск)

Актуальность исследования ценностных оснований обусловлена их неразрывной связью с эффективностью студентов в проектной деятельности. С помощью технологии РОССТЛ В. Г. Грязевой-Добшинской с соавторами исследуются такие экзистенциальные ценности, как труд, познание, любовь, игра, жизнь, и свобода, и социокультурные позиции индивида, социального субъекта и индивидуальности личности. Выборку исследования составили 90 студентов, обучающихся на различных специальностях университета. На основании оценки эффективности проектной деятельности выборка была разделена на три группы: с высоким, средним и низким уровнем эффективности. В группах субъектов выявлена специфика структуры экзистенциальных ценностей и социокультурных позиций в сочетании с самим показателем эффективности.

Ключевые слова: экзистенциальные ценности, ценностные основания, проектная деятельность, эффективность деятельности.

Проектный подход является актуальным и широко используемым методом структурирования и организации деятельности в современном мире, где направленность на конкретную сформулированную задачу и ее решение в отведенный срок являются приоритетным способом успешного достижения поставленной цели (Грей, Ларсон, 2003). При выполнении проекта человек сталкивается с необходимостью выбора и принятия решения, достижения результата в ситуации огра-

* Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 23-28-10216 «Прогноз эффективности студентов в проектной деятельности: математическое моделирование психологических ресурсов». URL: <https://rscf.ru/project/23-28-10216>.

ниченного времени, что оказывает сильное воздействие как на саму эффективность выполнения проекта, так и на психологическое состояние человека в целом. По мнению многих исследователей, итоговая эффективность в проектной деятельности определяется персональными ценностно-смысловыми установками деятельности и социально-ролевой идентичностью субъекта. Ценностные установки выступают как личностный смысл для деятельности субъекта, отражают его отношение к миру и влияют на выбор как цели, так и способа реализации деятельности. В рамках ценностно-ориентационного компонента деятельностного подхода ценности и социально-ролевая идентичность субъектов становятся индивидуальным и социальным ориентиром для субъекта в проектной деятельности (Левчук, Дорожкина, 2019).

Цель исследования: выявить специфику структуры экзистенциальных ценностей и социокультурных позиций субъектов проектной деятельности, дифференцированных по уровню эффективности реализации проектной деятельности.

Дизайн исследования

Модель экспериментального исследования эффективности студентов в проектной деятельности включала 3 этапа. 1 этап включал определение студентами тематики собственных научных проектов, уровня сложности, креативности и новизны, самостоятельности выполнения и срока сдачи. Для этого была разработана анкета, содержащая перечисленные выше параметры для определения условий реализации проекта. Предлагались варианты градации каждого параметра по баллам, выбор того или иного варианта задавал диапазон итоговой суммы баллов и позволял претендовать на определенную, заранее запланированную оценку. 2 этап проектной деятельности включал представление студентами разработанного научного проекта, его защиту в устной форме. Эффективность выполненного научного проекта оценивала комиссия из нескольких преподавателей, выступающих в качестве экспертов. 3 этап проектной деятельности включал обсуждение результатов представления научных проектов и оглашение итоговой оценки освоения дисциплины. Все три этапа проходили в течение одного семестра. Эффективность каждого студента в проектной деятельности (эффективность выполнения проекта) оценивалась в диапазоне от 40 до 100 баллов в соответствии с заявленными и выполненными параметрами в анкете.

Методики исследования

Для исследования экзистенциальных ценностей студентов использовалась методика «Рольевые отношения социальных субъектов к творческой личности» (РОССТЛ) В. Г. Грязевой-Добшинской, Н. Ю. Бакунич, В. А. Глуховой, А. С. Мальцевой (Грязева-Добшинская и др., 2008).

Методика РОССТЛ совмещает в себе возможности проективного и психосемантического методов. В методике в формате рисунков представлено 27 типажей творческих личностей, закрепленных в культуре. Субъектам предлагается выбирать персонажей на роли: Я; руководители (мужчина и женщина); заместители (мужчина и женщина); криэйтор; востребованный сотрудник; спасатель в кризисной ситуации; увольняемые (мужчина и женщина). Выбранные образы оцениваются по 12 биполярным конструктам, которые субъекты составляют, выбирая фразеологизмы из предложенного списка. Каждый фразеологизм выражает разные экзистенциальные ценности (труд, познание, любовь, игра, жизнь и свобода) и социокультурные позиции (индивида, социального субъекта и индивидуальности личности). Выраженность экзистенциальных ценностей и социокультурных позиций субъектов рассчитывались как сумма конструктов, выбранных субъектами и относящихся к конкретной ценности и социокультурной позиции.

Выборку исследования составили 90 студентов. Выборка была разделена на три группы по уровню эффективности: с высоким (32 чел., эффективность выше 79 баллов), средним (29 чел., эффективность от 62 до 78 баллов) и низким (29 чел., эффективность ниже 61 балла).

Результаты исследования

В группах субъектов, дифференцированных по уровню эффективности в проектной деятельности, выявлена специфика структуры экзистенциальных ценностей.

У субъектов с высоким уровнем эффективности в проектной деятельности структура экзистенциальных ценностей представлена четырьмя биполярными факторами.

Первый фактор образуют ценности свободы и жизни, связанные с социокультурной позицией индивидуальности личности, и противопоставленные ценности труда и позиции индивида. Во втором факторе ценность познания и социокультурная позиция социально-

го субъекта с показателем эффективности проектной деятельности противопоставлена ценности любви и позиции индивида. Третий фактор образован только экзистенциальными ценностями и включает ценности жизни и познания против ценности игры. В четвертый фактор входят социокультурная позиция индивида, четкость рефлексии субъектами своей социальной идентичности и показатель эффективности в проектной деятельности против позиции индивидуальности личности.

У субъектов с высокой эффективностью проектной деятельности экзистенциальные ценности тесно связаны с социокультурными позициями субъектов. Возможность творчества, созидания и порождения нового сочетается с пониманием сложности мира и ценности свободы, и противопоставляется позиции индивида как носителя традиционной ценности труда. Эффективность проектной деятельности подкрепляется ценностью познания нового в позиции самореализации в социуме, противопоставляясь открытости и доверию миру с позиции индивида. Также эффективность в проектной деятельности связана с четкостью рефлексии своей идентичности с позиции индивида, а не индивидуальности личности.

У субъектов со средним уровнем эффективности структура экзистенциальных ценностей также включает четыре биполярных фактора. Первый фактор образуют ценность труда и социокультурная позиция социального субъекта против ценности жизни и свободы. Второй фактор образован только социокультурными позициями и показателем четкости социально-ролевой идентичности субъектов. Один полюс составляют позиция индивидуальности личности и показатель четкости социально-ролевой идентичности субъектов, второй — позиция социального субъекта и индивида. Третий фактор включает ценность любви и показатель эффективности в проектной деятельности, противопоставленные ценности познания. Четвертый фактор составляют социокультурная позиция индивида и ценность игры, противопоставленные друг другу.

У субъектов со средним уровнем эффективности в проектной деятельности экзистенциальные ценности также связаны с социокультурными позициями субъектов. При этом показатель эффективности в проектной деятельности не связан с социокультурными позициями. Эффективность субъектов этой группы обеспечивается доверием и открытостью миру, и противопоставлена ценности познания нового. Четкость социально-ролевой идентичности связана

с социокультурной позицией индивидуальности личности как производителя культуры, способного к порождению нового.

У субъектов с низким уровнем эффективности проектной деятельности структура экзистенциальных ценностей включает пять биполярных факторов. Первый и второй факторы образованы разными экзистенциальными ценностями в сочетании с эффективностью проектной деятельности. Первый фактор включает на одном полюсе экзистенциальные ценности любви и свободы с показателем эффективности проектной деятельности, и, на другом полюсе – ценность познания. Во втором факторе один полюс включает ценность труда с показателем четкости своей социально-ролевой идентичности, второй – ценность игры и показатель эффективности проектной деятельности. В третьем факторе ценность жизни противопоставляется ценностям свободы и игры. Четвертый и пятый факторы образованы только социокультурными позициями: индивид противопоставлен социальному субъекту и индивидуальности личности.

У субъектов с низкой эффективностью при реализации проектной деятельности эффективность связана с выраженностью ценности свободы, отсутствия внешних требований и открытостью, доверием окружающему миру, и противопоставлена ценности познания. Эффективность подкрепляется ценностью игры, риска, и противопоставляется выраженности экзистенциальной ценности труда и четкости рефлексии своей социально-ролевой идентичности. Ценность жизни в данной группе противоречит способности к риску, игре и стремлению к свободе. Экзистенциальные ценности не взаимосвязаны с социокультурными позициями субъектов.

Выводы

В структуре экзистенциальных ценностей студентов с разным уровнем эффективности проектной деятельности выявлен ряд специфических особенностей.

У студентов с высокой эффективностью проектной деятельности эффективность поддерживается ценностью познания, а у студентов с низкой и средней эффективностью проектной деятельности – противопоставлена ценности познания нового. Только студенты с высоким уровнем эффективности демонстрируют взаимосвязи социокультурных позиций (социальный субъект и индивид) с эффективностью в реализации проектной деятельности.

У студентов с высоким и средним уровнем эффективности проектной деятельности экзистенциальные ценности связаны с социокультурными позициями, тогда как у студентов с низким уровнем эффективности они образуют отдельные факторы.

Для студентов со средним и низким уровнем эффективности проектной деятельности эффективность связана с экзистенциальной ценностью любви, доверием и открытостью миру. У студентов с высоким уровнем эффективности проектной деятельности эффективность противопоставлена ценности любви.

Полученные результаты могут быть использованы в целях планирования проектной деятельности в высших учебных заведениях и открывают направления для дальнейших исследований в области изучения влияний экзистенциальных ценностей на эффективность осуществления проектной деятельности.

Литература

Грей К. Ф., Ларсон Э. У. Управление проектами: Практическое руководство. Пер. с англ. М.: Дело и сервис, 2003.

Грязева-Добшинская В. Г., Бакунчик Н. Ю., Глухова В. А., Мальцева А. С. Методика диагностики отношения социальных субъектов к творческой личности // Психология. Психофизиология. 2008. № 33 (133). С. 33–45.

Левчук С. В., Дорожкина О. А. Проектная деятельность: анализ теоретических подходов в контексте психолого-педагогических исследований // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». Тамбов. 2019. Т. 24. № 183. С. 7–13.

Индивидуальность и интеллект: перспектива интеграции*

Л. Я. Дорфман (ПГИК, Пермь), А. Ю. Калугин (ПГГПУ, Пермь)

Опираясь на континуально-генетическую (недизъюнктивную) логику, которую предложил А. В. Брушлинский, выдвинуто положение о нераздельности, но различимости индивидуальности и интеллекта. Интеллект понимается в связи с мышлением и содержит процессуальный аспект. Индивидуальность, наоборот, складывается из свойств, которые обладают относительной устойчивостью и стабильностью. Перспективным направлением дальнейших исследований интеллекта и индивидуальности предлагается рассматривать их как двойную систему, которая нуждается в интеграции. Исследования проводились на моделях – интегративной, медиаторной, лонгитюдной, академических достижений. Они поддержали представления о перспективе изучения интеграций индивидуальности и интеллекта с креативным мышлением как двойной системы.

Ключевые слова: континуально-генетическая (недизъюнктивная) логика, индивидуальность, интеллект, двойная система, интеграция, эмпирические модели.

Следуя континуально-генетической (недизъюнктивной) логике исследования человека и его психики, которую предложил А. В. Брушлинский, можно отметить, что индивидуальность и интеллект нераздельны, но различимы (Брушлинский, 2003). Различение индивидуальности и интеллекта имеет под собой определенные основания. Отвлекаясь от огромного многообразия теорий интеллекта и понимания его в целом как общей познавательной способности, отметим, что структурно-динамическая теория интеллекта Д. В. Ушакова предполагает, что индивидуальные различия могут быть продуктивными в соотнесении, в частности, с процессами функционирования мышления (Ушаков, 2003).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07046.

А. В. Брушлинский подчеркивал, что мышление формируется человеческим индивидом на личностном и процессуальном уровнях. В первом случае это мышление на уровне главных личностных психических свойств: мотивации (вместе с целями), способностей, рефлексии и т. д. Во втором случае это процесс анализа, синтеза и обобщения, с помощью которых человек выявляет новые существенные свойства и отношения познаваемого объекта. Мышление как процесс является предельно гибким, пластичным, изменчивым, развивающимся, непрерывным. Как процесс, мышление изначально и всегда недизъюнктивно, а формирующиеся и функционирующие в нем операции (логические, математические и т. д.) — дизъюнктивны. Под этим углом зрения интеллект можно понимать как содержащий процессуальный аспект. Между тем в отличие от интеллекта, который рассматривается в когнитивном плане, индивидуальность складывается из свойств, которые носят некогнитивный характер, обладают относительной устойчивостью и стабильностью, являются надситуативными, обладают признаками дизъюнктивности.

Исследования отношений интеллекта и индивидуальности являются запутанными и противоречивыми. В первые десятилетия исследований преобладала точка зрения о том, что интеллект и индивидуальность (личность) являются разными конструктами; в последние десятилетия, наоборот, доминирует взгляд на них как сопряженных конструктов. В российских исследованиях установлены связи показателей интеллекта со свойствами индивидуальности. Эти данные, наряду с различием индивидуальности и интеллекта, поддерживают представления об их нераздельности.

Вместе с тем отношения индивидуальности и интеллекта нуждаются в теоретическом переосмыслении и применении современных методов статистики. В таком ракурсе относительно новое направление исследований может заключаться в том, чтобы индивидуальность и интеллект рассматривать как двойную систему с перспективой интеграции систем. Эта проблема недавно ставилась и частично изучалась, но недостаточно (Дорфман, Калугин, 2021). В данной статье предпринимается ее разработка применительно к разноуровневым свойствам интегральной индивидуальности, согласно В. С. Мерлину, и психометрическому интеллекту (кристаллизованному и флюидному) с креативными беглостью, гибкостью, оригинальностью, согласно структурно-динамической теории интеллекта Д. В. Уша-

кова и теории дивергентного (креативного) мышления Дж. Гилфорда (Мерлину, 1986; Ушаков, 2003, 2011).

Исследования выполнялись с позиций системного подхода, концепции системной интеграции индивидуальности человека (Вяткин, Дорфман, 2018), положения о двойных системах (Дорфман, Калугин, 2021). Разноуровневые свойства интегральной индивидуальности относились к Системе 1, кристаллизованный и флюидный интеллект, креативные беглость, гибкость, оригинальность – к Системе 2. Выделение свойств интегральной индивидуальности и интеллекта с креативным мышлением в отдельные системы имеет основания. Они происходят из собственных причин, обусловлены разными принципами и приводят к построению различающихся теорий. Проблема индивидуальности и интеллекта как двойной системы, за редкими исключениями специально не ставилась и не изучалась (там же).

В статье намечается перспектива исследования интеграции разноуровневых свойств интегральной индивидуальности и психометрического интеллекта с креативными беглостью, гибкостью, оригинальностью на эмпирических моделях.

Термин «интеграция» происходит от латинских слов *integratio* – процесс вставки частей во что-то, соединение и *integer* – целый. Ранее отмечалось, что понятие интеграции имеет, как минимум, четыре значения: общее как результат объединения свойств, процесс (а не результат) их собирания, охват свойств, их масштаб, индуктивный характер (там же).

Несколько в ином, но дополняющем свете в интеграции можно обозначить также триаду важных признаков: объединение, укрупнение, обобщение. Возможность объединения возникает в ситуациях, когда исходно сосуществуют несколько разрозненных составляющих, например, свойств темперамента и черт личности, если они обособляются. Так, объединение становится одним из признаков их интеграции. Укрупнение выражается в том, что при интеграции возникают образования с более крупным составом и единицами, чем состав и единицы исходных составляющих, например, масштаб типов темперамента в сравнении с масштабом его отдельных свойств. Обобщение является формой абстракции, посредством которой возникают понятия, общие для исходных составляющих, например, степень абстракции понятия индивидуальности в сравнении с абстракцией ее отдельных свойств. Так обобщение становится еще одним важным признаком интеграции.

Устанавливались интеграции двойных систем. Они изучались путем оценки переменных, образующих индивидуально-интеллектуальные интеграции при взаимодействиях двойных систем и с участием опосредующих звеньев. Задачи решались на моделях – интегративной, медиаторной, лонгитюдной, академических достижений.

Интегративная модель строилась и тестировалась по критерию взаимодействий Системы 1 и Системы 2, а также установления общих для них переменных. Медиаторная модель строилась и тестировалась по критерию опосредования. Опосредующими звеньями служили кристаллизованный и флюидный интеллект (между свойствами интегральной индивидуальности и креативными беглостью, гибкостью, оригинальностью) и креативное мышление (между свойствами интегральной индивидуальности и кристаллизованным и флюидным интеллектом). Лонгитюдная модель строилась и тестировалась по критерию изменений индивидуально-интеллектуальных интеграций на протяжении трех лет (три замера). Модель академических достижений строилась и тестировалась по критерию совместных вкладов свойств интегральной индивидуальности и интеллекта с креативным мышлением в академические достижения. Указанные критерии и модели, построенные на их основе, взятые вместе, образуют единый комплекс условий индивидуально-интеллектуальных интеграций.

В серии исследований участвовали от 211 до 416 студентов высших учебных заведений г. Перми, обучающиеся по направлениям гуманитарного профиля, из них 294 девушки и 122 юноши в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 18,6$, $SD = 1,0$). Такой половой состав отражает соотношение по полу в гуманитарных направлениях вузов. Изучались нервная система, темперамент и личность как разноуровневые подсистемы интегральной индивидуальности (Мерлин, 1986). Флюидный интеллект измерялся с помощью Прогрессивных матриц Равена (Raven's Progressive Matrices (Равен и др., 1997). Кристаллизованный интеллект измерялся с помощью «Универсального интеллектуального теста» Н. А. Батурина и Н. А. Курганского (1995). Дивергентное мышление оценивалось опросником Гилфорда «альтернативное использование» (Alternate Uses Test) (Аверина, Щепланова, 1996; Wallach, Kogan, 1965). Об академических достижениях судили по академической успеваемости. Модели строились и тестировались с помощью структурных линейных уравнений.

Установлено, что интегративная, медиаторная, лонгитюдная, академических достижений модели статистически являются при-

годными. Это свидетельствует о многоаспектности индивидуально-интеллектуальных интеграций. Вместе с тем они были ограниченными и избирательными, затрагивая одни переменные и не касаясь других переменных.

В целом, результаты исследования поддерживают представления о перспективе изучения интеграций индивидуальности и интеллекта с креативным мышлением как двойной системы.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я.* Системная интеграция индивидуальности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Дорфман Л. Я., Калугин А. Ю.* Индивидуально-интеллектуальные интеграции человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Дружинин В. Н.* Психология и психодиагностика общих способностей. М.: Наука, 1994.
- Ушаков Д. В.* Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.

Изучение индивидуально-психологических особенностей человека и животных (основания для сравнительных исследований)

Е. В. Зайцева (ИП РАН, Москва), *И. Г. Скотникова* (ИП РАН, Москва)

Сравнительное исследование индивидуально-психологических особенностей человека и животных актуально в силу необходимости выяснения биологических и социальных детерминант этих особенностей. Однако встает вопрос о возможности и основаниях проводить такие сравнения. В статье рассматриваются категории «индивид», «индивидуальность», «личность» и «субъект» с точки зрения их применимости к изучению животных. Проводится анализ сходства и различий психических проявлений, поведения и принятия решения у человека и животных.

Ключевые слова: индивид, индивидуальность животных, личность животных, субъект, индивидуально-психологические особенности, принятие решения.

Субъектный подход в психологии, фундаментально обоснованный А. В. Брушлинским, мы развиваем применительно к изучению индивидуальной активности человека (субъектно-деятельностный подход) и животных (субъектно-поведенческий подход). В зоопсихологии дискутируется вопрос о наличии внутривидовых различий между животными: насколько их поведение обусловлено индивидуальными особенностями. Рассматривается либо лишь влияние видовых механизмов на поведение отдельных особей, либо также роль свойств индивидуальности, либо даже «личность животных», аналогично личности человека.

Изучение индивидуальных особенностей животных позволяет предполагать механизмы их формирования в филогенезе и выяснять их биологические детерминанты. Но можно ли правомерно сравнивать индивидуальные особенности человека и животных? Для нас этот вопрос важен при подготовке к планируемому эксперименту по изучению индивидуальных особенностей принятия ре-

шений у человека и животных (мышей) с применением когнитивных и поведенческих задач. Имеется ряд соответствий между процессами принятия решений у человека и животных. Согласно теории функциональных систем П. К. Анохина, принятие решения – ключевой компонент деятельности человека и поведения животных. Результат принятия решения разных особей индивидуально различен.

Рассмотрим категории индивида, индивидуальности, личности, субъекта и то, какие из них могут относиться к животным. В трудах Б. Г. Ананьева, впервые однозначно разделившего эти категории и выделившего их специфику, а также в работах других авторов зафиксировано следующее (Скотникова, 2008).

Понятие индивида включает в себя природные, органические свойства: пол, возраст, конституцию, нейродинамические свойства человека, что вполне характеризует и животных. Свойства нервной системы: сила, уравновешенность, подвижность и динамичность – выделены еще И. П. Павловым при изучении выработки условных рефлексов у собак. Разграниченные в результате типы темперамента изучались также на других видах животных.

Описаны два варианта понимания категории индивидуальности: как категории, объединяющей проявления человека в качестве индивида, личности и субъекта, и как инстанции, входящей в структуру субъекта. Применительно к животным можно характеризовать индивидуальность как проявление особью индивидуальных особенностей в поведении и взаимодействии с другими, наличие индивидуального жизненного опыта и некоторых продуктов жизнедеятельности. К категории индивидуальности можно также относить проявления характера и способностей, формирующихся прижизненно на базе природных задатков человека (там же). Индивидуальные особенности и способности отдельных особей в рамках одного вида выявлялись в экспериментах с рептилиями, птицами и млекопитающими (Зорина, Полетаева, 2012).

Понятие личности предполагает обусловленные культурой психические образования (цели, ценности, роли), иерархию мотивов, личностные смыслы и мораль. Поэтому личность как категория может относиться лишь к человеку в силу высокой роли культурных детерминант этой инстанции. Вместе с тем за рубежом распространены понятия личности и личностных черт животных – «animal personality», «personality traits of animal» (Kaiser, Muller, 2021). Они применяются к морским анемонам, паукам, водомеркам, ящерицам,

рыбам, птицам, млекопитающим (Ogden, 2012), в частности к грызунам, копытным, собакам, кошкам, дельфинам, обезьянам. К животным относят даже личностные черты в модели «Большой пятерки»: добросовестность, экстраверсию, эмоциональную стабильность, любознательность.

М. I. Kaiser и С. Muller выделяют три уровня экспериментальных исследований животных: изучение поведения, черт личности и личности в целом (Kaiser, Muller, 2021). Поведение включает наблюдаемые и регистрируемые виды активности животных. Это поведенческие акты, которые при повторении формируют поведенческие типы, создающие основу для личностных черт — устойчивых характеристик особи, предрасположенности к какому-либо действию. Черты личности животного формируются под действием биологических факторов, особенностей среды, влияния других особей, жизненного опыта и складываются в личность в целом — интегративное образование, характеризующее конкретную особь.

Но даже сторонники концепции существования личности животных указывают на несопоставимость их индивидуальных проявлений со всеми личностными свойствами человека. Предлагается также избегать объяснения выявляемых в экспериментах особенностей сложными феноменами (такими, как личность), если можно трактовать их действием более простых или биологических закономерностей. Учитывая огромную роль социума в формировании личности, ее ценностно-смысловых структур, целесообразно использовать не эту категорию применительно к животным, а понятия индивидуальности, индивидуальных особенностей.

Принципиальной является также категория субъекта. Ее ключевые проявления: индивидуальная активность, инициативность — свойственны и человеку, и животным. В немецкой классической философии категория субъекта отнесена к появлению животной формы жизни, которой свойствен активный подвижный образ жизни и наличие самоощущения, в отличие от растений. Позднее в трудах А. Н. Леонтьева простейшее одноклеточное животное характеризуется как первичный субъект, носитель исходной формы психики — чувствительности. Далее субъектность развивается по эволюционным уровням, включая высший — человеческий (Скотникова, 2008). Сравнительное изучение дифференциально-психологических особенностей человека и животных возможно на уровнях индивида, индивидуальности и субъекта.

Генетические материалы многих видов, в том числе вида *Homo sapiens*, очень близки друг другу. Но человека от животных отличает наличие у него сознания. У ряда видов высших позвоночных есть зачатки сознания: узнавание себя в зеркале, способность поставить себя на место другого, преднамеренность коммуникаций и даже иногда целенаправленность поведения (Зорина, Полетаева, 2012). И все же сознание – высшая форма психики, связанная с абстракцией, со-знанием (совместными знаниями о мире и социуме), отделением себя от мира и других людей, бесконечным усложнением потребностей (Александров, 1997) и, добавим: способностью строить в соответствии с ними бесконечно усложняющуюся искусственную среду. Конечно, человека отличает от животных наличие морали, духовности и речи с ее спецификой, присущей человеческому общению. В качестве основных компонентов поведения выделяются инстинкт, обучение и разумное поведение (Крушинский, 1986). В ходе филогенеза в поведении животных все более преобладает обучение, и далее у человека основным становится разумное поведение, зачатки которого есть у высших позвоночных.

Прояснить биологические механизмы и социальные детерминанты индивидуального поведения поможет сравнительное изучение индивидуальных особенностей человека и животных, поведенческие реакции которых сопоставимы с таковыми у человека, но проще и менее многообразны.

Литература

- Александров Ю. И. Основы психофизиологии: Учебник. М.: Инфра-М, 1997.
- Зорина З. А., Полетаева И. И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных: Учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 2012.
- Крушинский Л. В. Биологические основы рассудочной деятельности. М: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Скотникова И. Г. Проблемы субъектной психофизики. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Kaiser M. I., Muller C. What is an animal personality? // Biol.-Philos. 2021. V. 36. № 1. doi: 10.1007/s10539-020-09776-w
- Ogden L. E. Do animals have personality? The importance of individual differences // BioScience. 2012. V. 62. № 6. P. 533–537. doi: 10.1525/bio.2012.62.6.4

Каузальная связь самотрансценденции и благополучия личности

М. В. Зиннатова (УрФУ, Екатеринбург)

В данной статье анализируются понятия самотрансценденции и благополучия, предпринимается попытка доказать каузальную связь самотрансценденции и благополучия личности, теоретически обосновать самотрансценденцию, являющуюся субъектным свойством и внутриличностным процессом, фактором достижения благополучия.

Ключевые слова: самотрансценденция, благополучие, принцип каузальности, каузальная связь.

Человеку свойственно стремление к удовлетворению собственных потребностей в разных сферах, результатом чего является как его субъективная удовлетворенность собственной жизнью, положительный эмоциональный настрой, позитивное отношение к себе и окружающим, так и объективная оценка его жизнедеятельности как благополучной. Однако вопрос о том, что определяет достижение такого результата до сих пор остается в психологической науке открытым.

Среди факторов, способствующих достижению человеком благополучия, можно выделить следующее: «благоприятное» место рождения, проживания; коллективная историческая память, ментальность; нормальная наследственность; благоприятные социально-экономические условия жизнедеятельности; физическое здоровье; психическое здоровье; социальный фактор; активность личности; индивидуально-психологические особенности; культурная среда; качественное образование и воспитание; благоприятное стечение случайных событий и обстоятельств.

Согласно принципу каузальности, каждое явление имеет причину и одновременно есть причина другого явления. Каузальность является одной из форм причинности. Главное отличие принципа каузальности от принципа детерминизма заключается в том, что последний подразумевает бóльшую предопределенность. На основании

изложенного, главная цель представляемой статьи – определить каузальную связь самотрансценденции и благополучия человека.

Самотрансценденция – субъектное свойство личности, обеспечивающее выход за пределы действительного (осознанного) себя, постижение собственных возможностей, их осознание и воплощение в объективной реальности (деятельности, поведении, социальных отношениях) (Зиннатова, 2022). Многоуровневая структура самотрансценденции в самом общем виде включает компоненты: когнитивный, прогностический, эмоциональный, рефлексивный, субъектно-ситуационный, операциональный.

Феномен самотрансценденции является относительно новым в психологии личности. В отечественной психологической науке признается значимость самотрансценденции личности для развития, совершенствования человека (Н. П. Долгих, О. И. Жукова, В. И. Кутугина, В. А. Петровский, Е. В. Селезнева, В. В. Собольников), однако глубокого осмысления и изучения данного конструкта не проводилось. В зарубежной психологии можно ознакомиться с достаточно большим количеством исследований, посвященных самотрансценденции, в том числе прикладных (например, D. D. Coward, T. N. Crawford, F. A. Fishke, J. Iwry, V. L. McCarthy, A. Newberg, P. G. Reed, N. H. Reischer, L. J. Roth, M. D. Smith, P. Worth, D. B. Yaden), однако они характеризуются узкой направленностью (сосредоточены в области геронтопсихологии и клинической практики) и методологической ограниченностью: чаще всего данные исследования базируются на теории самотрансценденции П. Рид, реже – на биопсихосоциальной концепции Р. Клонингера.

В рамках ранее проведенного феноменологического исследования были определены смысловые характеристики самотрансценденции личности: означает проектирование себя за пределами себя; через самотрансценденцию утверждается личность и индивидуальность человека; отражает способность расширить свои границы и ориентироваться на перспективы, деятельность и цели за пределами себя, не отрицая ценность пребывания в настоящем времени; является показателем личностной зрелости и одновременно условием ее достижения; выступает механизмом достижения самоактуализации, саморазвития, самоосуществления, акме субъектом; являясь субъектной вершиной, всегда социальна; достижение самотрансценденции конкретными субъектами может стать катализатором трансформации общества (Зиннатова, 2022).

Понятие «благополучие» изучалось в психологии через призму таких феноменов, как «счастье», «удовлетворенность жизнью» (Life Satisfaction), «качество жизни» (Quality of Life), «субъективное благополучие» (Subjective Well-Being), прежде всего в зарубежной психологии. Детальный этимологический анализ феномена «благополучие» был проведен Л. В. Карапетян (Карапетян, 2014).

Рассматривая виды благополучия, на основе подхода Е. П. Агапова можно выделить следующие:

- физическое (физическое здоровье, жизненная энергия);
- социальное (социальный статус, межличностные связи и удовлетворенность ими);
- материальное (обладание материальными возможностями для удовлетворения потребностей различного уровня);
- средовое (чувство безопасности в месте проживания, качественная вода, воздух, возможность качественного медицинского обслуживания, возможность получения качественного образования);
- духовное (ощущение причастности к культуре общества, возможность приобщаться к ее богатствам);
- деятельностное (критическое отношение к своей деятельности, способность ее планировать и управлять ею в соответствии с социальными нормами, возможность плодотворной работы на благо общества и личное благо, переживание успеха своей деятельности, поддержка деятельности со стороны социального окружения) и в том числе профессиональное (удовлетворенность содержанием, оплатой труда, социальным статусом профессии);
- психологическое (возможность эффективно управлять своей жизнью, возможность следовать собственным убеждениям, принятие себя, наличие целей, смысла жизни, чувство непрекращающегося развития и самореализации, уверенность в себе, позитивный взгляд на жизнь, доброжелательность, эмоциональная стабильность) (Агапов, 2016).

Выделение данных видов благополучия позволяет утверждать:

1. Благополучие – совокупность объективных характеристик жизнедеятельности человека и его субъективное состояние, обеспечивающие и являющиеся результатом максимального удовлетворения собственных потребностей в разных сферах.

2. Все виды благополучия включают как объективный, так и субъективный аспекты, которые характеризуются взаимопроникновением.

Сведение воедино феноменов самотрансценденции и благополучия личности на основе принципа каузальности позволяет отметить их связь:

1. Пиковые переживания, являясь частью самотрансценденции (эмоциональный компонент), положительно коррелируют с благополучием (D. B. Yaden, J. Haidt, R. W. Hood, D. R. Vago, A. Newberg).
2. Самотрансценденция – ресурс поддержания благополучия и психической устойчивости человека в условиях пандемии COVID-19 (P. Worth, M. D. Smith).
3. Самотрансценденция участников религиозных, медицинских миссий выступает фактором их духовного благополучия (E. A. Fishke).
4. Самотрансценденция выражается в заботе о благополучии других (социальный аспект самотрансценденции).
5. Самотрансценденция определяет уровень благополучия в пожилом возрасте (V. L. McCarthy, L. A. Hall, T. N. Crawford, J. Connelly).
6. Самотрансценденция выступает ресурсом психического здоровья и благополучия медсестер и пожилых людей (P. G. Reed). Кроме того, согласно концепции П. Рид, самотрансценденция является фасилитационной детерминантой благополучия и здоровья человека, преодоления его уязвимости.
7. Самотрансценденция взаимосвязана с уровнем эмоционального благополучия и дистресса, связанным с болезнью, у женщин с запущенным раком груди (D. D. Coward).

Таким образом, на основе анализа каузальной связи можно утверждать, что самотрансценденция является фактором благополучия человека. Активизация самотрансценденции способствует повышению удовлетворенности жизнью, позитивному отношению к себе и самопринятию, выстраиванию позитивных отношений с другими, проявлению заботы о благополучии других, стремлению к саморазвитию, реализации себя.

Литература

Аганов Е. П. Феномен человеческого благополучия // Медико-социальные и психологические аспекты безопасности промышленных

агломераций: Материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 16–17 февраля 2016 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 216–223.

Зиннатова М. В. Самоотрансценденция: феноменологическое исследование // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 116–128.

Каранетян Л. В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. «Проблемы образования, науки и культуры». 2014. № 1 (123). С. 171–182.

Процессуальная модель образа мира личности

А. И. Кононова (СПбГУ, Санкт-Петербург),
С. Н. Костромин (СПбГУ, Санкт-Петербург)

В работе рассматривается проблема изучения образа мира личности. Отмечается отсутствие релевантных операционализированных моделей образа мира, позволяющих показать его динамичность и отразить процессуальную природу внутреннего мира человека. Современный взгляд на изменчивую природу личности позволяет разработать конструкт «образ мира» с точки зрения процессуального подхода. В качестве методов исследования используются: теоретико-методологический анализ литературных источников, обобщение научных данных, моделирование. Результаты: разработана авторская процессуальная модель образа мира личности, которая отражает сущностные отношения и связи между тремя слоями образа мира: перцептивным, семантическим и ядерным.

Ключевые слова: образ мира, личностный смысл, индивидуальная система значений, процессуальный подход, психология личности.

Основы исследования категории «образ мира» были заложены в работах А. Н. Леонтьева, согласно которому при психологическом исследовании образа нужно исходить из того, что «всякая вещь первично положена объективно – в объективных связях предметного мира; что она – вторично – полагает себя также и в субъективности, чувственности человека, и в человеческом сознании (в своих идеальных формах)» (Леонтьев, 1983, с. 251). Значимость изучения данной категории обусловлена тем, что «образ мира» представляет собой интегральное понятие психологии, объединяющее всю феноменологию внутренней деятельности личности, и при этом демонстрирующее взаимодействие и взаимопереход объективной и субъективной реальности. Однако существуют две основные трудности, связанные с изучением образа мира личности: 1) конструкт «образ мира» объединяет в себе две базовые категории психологии: «образ» и «мир», которые и в отдельном рассмотрении являются сложными и много-

аспектными по своему содержанию; 2) несмотря на относительную разработанность категории «образ мира» и существование различных теоретических подходов к его изучению (структурный; функциональный; генетический), на сегодняшний день отсутствуют релевантные операционализированные модели образа мира, позволяющие показать его динамичность и отразить процессуальную природу внутреннего мира человека (Костромина, Гришина, 2018). С нашей точки зрения, современный взгляд на изменчивую природу личности и ее способности к преобразованию, самодообраиванию позволяет разработать конструкт «образ мира» с точки зрения процессуального подхода и такие модели образа мира, которые отражают подвижную природу личности.

Образ мира мы понимаем как «интегральную индивидуальную систему значений» (Серкин, 2008, с. 91) личности, смысловую составляющую ее взаимодействия с миром (Леонтьев, 1983; Рубинштейн, 2003). Компонентами образа мира являются: 1) индивидуальная система значений личности (Леонтьев, 1983; Серкин, 2008); 2) личностные смыслы (Леонтьев, 1983); 3) способы взаимодействия человека с миром: познание, созерцание, действие, отношение (Рубинштейн, 2003).

Опираясь на модель Е. Ю. Артемьевой, Ю. К. Стрелкова и В. П. Серкина, которая описывает перцептивный, семантический и ядерный слои образа мира личности, и, применяя ее к идеям процессуального подхода, мы предположили, что эту модель можно трансформировать в такую, которая не только опишет существующие слои и отношения между ними, но и продемонстрирует возможности взаимоперехода одного слоя в другой, отразит процессуальную природу личности (Серкин, 2008).

В качестве такого варианта мы предлагаем процессуальную модель образа мира личности, которая основывается на представлениях о способах взаимодействия человека с миром С. Л. Рубинштейна, идеях об образе мира личности А. Н. Леонтьева и В. П. Серкина, а также положениях процессуального подхода в психологии личности С. Н. Костроминой и Н. В. Гришиной (Кононова, Костромина, 2023).

Согласно процессуальной модели, на основании созерцания мира и взаимодействия с ним во внутреннем мире личности с помощью овладения значениями формируется перцептивный слой образа мира (представление о мире). Этот слой находится ближе всего к объективному миру, и потому он наиболее подвержен изменениям и во многом зависит от различных ситуационных факторов. На уровне личнос-

ти перцептивный слой проявляется в представлениях о себе, других людях, предметах и явлениях мира.

Посредством познания, чувства и действия, которые, обретая свой смысл «пропускаются через личность», трансформируясь в понимание, переживание и поступок, формируется семантический слой, который, в отличие от перцептивного, характеризуется большей устойчивостью и меньшей подверженностью изменениям. На этом уровне представления о мире трансформируются в отношения с миром. Этот слой можно назвать картиной мира. На уровне личности семантический слой проявляется в отношении к себе, другим людям, к миру.

Перцептивный и семантический слой, с нашей точки зрения, соответствуют поверхностному отношению к жизни по С. Л. Рубинштейну, так как на этих уровнях жизнь не выходит за пределы непосредственных связей, в которых человек существует. Здесь ведущими являются процессы выбора людей для взаимодействия и построение отношений с ними, но не осмысление этих отношений.

Более поздним образованием в конструировании образа мира является процесс смыслообразования, когда возникают личностные смыслы и эталонные системы отношений. Формируется ядерный слой, наиболее глубокий, который несет индивидуальную систему значений и личностных смыслов, определяющих координаты личностных ценностей. Он изменяется лишь в тех случаях, когда происходят сильные личностные потрясения. Данный слой можно обозначить как миропонимание. Этот слой описывает рефлексивное отношение к жизни по С. Л. Рубинштейну, так как здесь происходит процесс «выхода за пределы» самой жизни, ее осмысление, синтез персонализированных смыслов и ценностей. На уровне личности данный слой проявляется в убеждениях и жизненных принципах, которые выступают нравственными жизненными ориентирами и могут служить своеобразными индикаторами при исследовании ядерного слоя образа мира.

Представленные слои оказывают взаимное влияние и воздействие друг на друга. Например, то, что привлекает наше внимание для созерцания и взаимодействия на уровне перцептивного слоя, влияет на те смыслы и ценности, которые находятся на ядерном уровне. В то же время, напротив, наша ценностно-смысловая сфера в значительной степени оказывает воздействие на то, что именно мы выбираем в качестве объектов/предметов/субъектов созерцания и взаимодействия. При этом, в связи с процессуальной, изменчивой природой личнос-

ти, мы можем обнаружить, что даже незначительные события могут влиять на изменения перцептивного слоя, т. е. на текущую оценку представлений о мире. В то же время изменения семантического и ядерного слоев в большей степени зависят от субъективно значимых личностных событий, таких как создание семьи, рождение детей, переезд, смена профессии, развод, утрата близкого человека и т. д. Эти события позволяют пересмотреть отношения к определенным вещам или явлениям, к другим людям, задуматься о собственных жизненных принципах, о ценностях и смыслах.

Таким образом, обращая внимание на подвижность образа мира и наличие более и менее стабильных зон, которые его образуют, следует использовать не только разные маркеры эмпирической оценки, но и подбирать релевантный диагностический инструментарий для изучения образа мира (идиографический – для глубинных слоев образа мира, номотетический – для поверхностных). Кроме того, важно ориентироваться в каждом конкретном случае на контекст, в котором происходит изучение образа мира, и индивидуальный событийный ряд, предшествующий его оценке или предстоящий, так как значимые жизненные события могут существенным образом трансформировать и преобразовывать образ мира личности.

Литература

- Кононова А. И., Костромина С. Н. Теоретические основания процессуальной модели образа мира личности // Национальный психологический журнал. 2023. № 2. [В печати].
- Костромина С. Н., Гришина Н. В. Процессуальный подход в психологии личности // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Под ред. В. В. Знакова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 2. Образ мира. М.: Педагогика, 1983.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психо-семантики: Учеб. пособие для вузов. М.: Пчела, 2008.

Взаимосвязь черт Темной тетрады, отчуждения моральной ответственности и эмоционального интеллекта

*Д. С. Корниенко (РАНХиГС, Москва),
Н. П. Ячменева (РАНХиГС, Москва), М. В. Балева (ПГНИУ, Пермь)*

Исследование посвящено изучению вклада эмоционального интеллекта и черт темной тетрады в отчуждение моральной ответственности. В исследовании приняло участие 499 студентов в возрасте от 18 до 26 лет. Результаты регрессионного анализа показали значимый вклад общего показателя темной тетрады, ее отдельных черт и эмоционального интеллекта в отчуждение моральной ответственности. Большой вклад вносит именно темная тетрада и ее отдельные черты, нежели эмоциональный интеллект. Результаты, полученные в исследованиях темной триады, эмоционального интеллекта и морального отчуждения, воспроизводятся при исследовании расширенного конструкта – тетрады. Роль макиавеллизма и нарциссизма противоречива и может быть исследована в дальнейшем.

Ключевые слова: темная триада, темная тетрада, отчуждение моральной ответственности, эмоциональный интеллект.

Темная тетрада является развитием модели темной триады и отличается включением черты в структуру модели неклинического садизма. Неклинический садизм характеризует сниженную эмпатию, жестокое отношение к другим и описывает получение удовольствия от причинения вреда другим. Расширение модели темных черт связано с развитием исследований садизма как неклинической черты, а также наличием общей основы для него и черт темной триады, прежде всего психопатии и макиавеллизма.

Пренебрежительное отношение к окружающим и принятым в обществе нормам, проявление эгоцентризма и чувства собственного превосходства, эмоциональную холодность, склонность к обману часто связывают с низким эмоциональным интеллектом.

Существует несколько подходов, которые рассматривают эмоциональный интеллект как когнитивную способность и как сочета-

ние когнитивных способностей и личностных характеристик. Мета-анализ исследований показывает, что все черты темной триады обнаруживают отрицательную связь с эмоциональным интеллектом. Однако более детальный анализ различных сторон «темных» черт показывает противоречивые результаты, например, различия в связи эмоционального интеллекта с грандиозным и сенситивным нарциссизмом. В кросс-культурном исследовании Т. В. Корниловой с коллегами не была обнаружена связь черт темной триады и межличностного и внутриличностного эмоционального интеллектов. Также выделяется такой конструкт, как темный эмоциональный интеллект, в основе которого высокая выраженность черт темной триады и эмоционального интеллекта (Walker et al., 2021).

На сегодняшний день исследования темной тетрады и эмоционального интеллекта часто обращаются к изучению специфики их связи с онлайн-активностью, агрессивностью и склонностью к насилию, сексуальным поведением, эмоциональными характеристиками, склонностью к академическому мошенничеству, моральными установками (Bonfá-Araujo et al., 2022). Темная тетрада и эмоциональный интеллект часто служат объяснительными характеристиками антисоциального и неэтичного поведения.

Явление «отчуждение моральной ответственности» было предложено А. Бандурой для описания механизмов, которые активируются в случае негативного воздействия на других людей. Эти механизмы действуют избирательно, не применяются к самому себе и облегчают осуществление неэтичного поведения и снижая при этом стресс. Восемь механизмов отчуждения моральной ответственности относятся к непосредственному поведению (например, моральное оправдание), личностному локусу актора (например, например, смещение ответственности), переформулирования последствий поведения (например, смещение ответственности) и искажения образа жертвы (например, дегуманизация) (Ледовая и др., 2015). Исследования механизмов отчуждения моральной ответственности показали устойчивую связь с макиавеллизмом и психопатией. В случае высокого макиавеллизма это объясняется игнорированием моральных норм, а при высокой психопатии низкой сознательностью. Нарциссизм также может приводить к активному использованию механизмов отчуждения моральной ответственности, например, нарциссические лидеры склонны к размыванию и перекладыванию ответственности на других в случае неуспеха. Кроме того, ряд исследований показал, что бессердеч-

ность (бесчувственность) является общей характеристикой для темной триады и для морального отчуждения (Wu et al., 2020).

Исследования всех трех рассмотренных конструктов пока реализованы на специфических выборках (заключенные) и ориентированы на исследование особенностей психопатических личностей (например, Català и соавт.).

Цель данного исследования – рассмотреть вклад эмоционального интеллекта в связь черт темной тетрады в отчуждение моральной ответственности. Можно ожидать, что результаты будут совпадать с прошлыми исследованиями черт темной триады, однако в связи с расширением «темных» черт возможно проявление специфического вклада как эмоционального интеллекта, так и черт тетрады.

Организация исследования

Выборку исследования составили 499 чел. (73% женщины) в возрасте от 18 до 26 лет ($M = 20,8$; $SD = 2,2$) студенты российских вузов.

Методики исследования. «Короткий опросник Темной тетрады» (Корниенко и др., 2022). Использовался общий показатель темной тетрады (ТТ) и отдельных черт – макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и садизм. Краткая версия шкалы отчуждения моральной ответственности MD-8 в адаптации Я. А. Ледовой и соавт., диагностирующей восемь механизмов отчуждения. В исследовании использовался общий показатель отчуждения моральной ответственности (МО). Краткая версия опросника ЭМИН, позволяющая измерить общий, внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект (ЭИ).

Опросники предъявлялись онлайн, респонденты участвовали на добровольной основе и давали согласие на участие в исследовании.

Результаты и обсуждение

Корреляционный анализ исследуемых переменных выявил, что общий показатель ТТ положительно связан с общим показателем МО ($r = 0,467$; $p < 0,001$). При рассмотрении взаимосвязи механизмов МО с общим показателем ТТ и отдельных ее черт обнаруживаются положительные взаимосвязи ($r = 0,105 - 0,423$; $p < 0,05 - 0,001$). При этом среди черт ТТ нарциссизм обнаруживает наименьшее количество связей.

Общий показатель ТТ не связан с общим показателем ЭМ, но связан с его составляющими – отрицательно с показателем внутриличностного ($r = -0,141$; $p < 0,01$) и положительно с показателем межличностного ($r = 0,125$; $p < 0,01$) ЭИ. Связь психопатии и садизма с общим показателем ЭИ отрицательная ($r = -0,194, -0,163$; $p < 0,001$), а для нарциссизма положительная ($r = 0,324$; $p < 0,001$). Макиавеллизм не обнаружил значимых связей с показателями ЭИ.

Общий показатель МО обнаруживает отрицательные связи с общим показателем ЭИ ($r = -0,255$; $p < 0,01$).

Далее был сделан иерархический регрессионный анализ, в который на первом шаге включался общий показатель ТТ, на втором общий показатель ЭИ как предикторы, в качестве зависимой переменной рассматривался общий показатель МО. В итоге была получена модель предикторов, которая объясняет 29% дисперсии общего показателя МО ($R^2 = 0,289$, $F(3, 495) = 67,0$, $p < 0,001$). При этом добавление показателя ЭИ незначительно повышает объяснимость модели ($\Delta R^2 = 0,06$, $F(1, 496) = 41,64$, $p < 0,001$). Общий показатель ТТ вносит наибольший вклад ($b = 0,484$, $t(495) = 12,47$, $p < 0,001$), затем показатель ЭИ ($b = -0,246$, $t(496) = -6,45$, $p < 0,001$).

Аналогичная схема анализа была использована при включении отдельных черт ТТ. В результате модель предикторов объясняет 30% дисперсии общего показателя МО ($R^2 = 0,300$, $F(6, 492) = 35,2$, $p < 0,001$). Добавление показателя ЭИ незначительно повышают объяснимость модели ($\Delta R^2 = 0,032$, $F(1, 493) = 22,4$, $p < 0,001$). При этом наибольший вклад вносит садизм ($b = 0,296$, $t(493) = 5,97$, $p < 0,001$), затем психопатия ($b = 0,145$, $t(493) = 3,01$, $p < 0,01$), макиавеллизм ($b = 0,112$, $t(493) = 2,67$, $p < 0,01$). Вклад нарциссизма незначим.

Более высокая выраженность черт темной тетрады связана с более высокой выраженностью всех механизмов отчуждения моральной ответственности. В целом черты темной тетрады повышают вероятность проявления механизмов отчуждения моральной ответственности независимо от того, рассматривается общий показатель тетрады или вклад отдельных черт. При этом участие эмоционального интеллекта хоть и снижает проявлением механизмов морального отчуждения, но этот эффект значительно ниже в сравнении с эффектом темной тетрады. Среди черт тетрады садизм и психопатия демонстрируют сходный паттерн связей и вкладов с моральным отчуждением и эмоциональным интеллектом, тогда как макиавеллизм

не обнаруживает связей с эмоциональным интеллектом. Интерес представляет минимальное количество связей у нарциссизма с механизмами отчуждения моральной ответственности. Положительная связь нарциссизма с эмоциональным интеллектом позволяет предполагать, что преобладание нарциссизма среди черт тетрады может в некоторой степени нивелировать негативные эффекты других характеристик, что в очередной раз поднимает вопрос о нарциссизме как наиболее «светлой» среди «темных» черт, но, возможно, приводит к темному эмоциональному интеллекту.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что факты, полученные в исследованиях темной триады, эмоционального интеллекта и морального отчуждения, воспроизводятся при исследовании расширенного конструкта – тетрады.

При высокой психопатии и садизме будет более высокое предпочтение механизмов морального отчуждения, тогда как роль макиавеллизма и нарциссизма противоречива и может быть исследована в дальнейшем.

Вклад эмоционального интеллекта в отчуждение моральной ответственности ниже в сравнении с вкладом черт темной тетрады, т. е. при высокой тетраде и высоком эмоциональном интеллекте предпочтение отчуждения моральной ответственности будет снижаться.

Литература

Корниенко Д. С., Вязовкина В. К., Горностаев И. С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады» // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 87–98. doi: 10.31857/S020595920022787-1

Ледовая Я. А., Боголюбова О. Н., Тихонов Р. В. Стресс, благополучие и Темная триада // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. С. 5.

Bonfá-Araujo B., Lima-Costa A. R., Hauck-Filho N., Jonason P. K. Considering sadism in the shadow of the Dark Triad traits: A meta-analytic review of the Dark Tetrad // Personality and Individual Differences. 2022. V. 197. P. 111767. doi: 10.1016/j.paid.2022.111767

- Walker S. A., Double K. S., Birney D. P.* The complicated relationship between the dark triad and emotional intelligence: A systematic review // *Emotion Review*. 2021. V. 13. № 3. P. 257–274. doi: 10.1177/175407392110145
- Wu W., Su Y., Huang X., Liu W., Jiang X.* The dark triad, moral disengagement and social entrepreneurial intention: moderating roles of empathic concern and perspective taking // *Frontiers in Psychology*. 2020. V. 11. P. 1520. doi: 10.3389/fpsyg.2020.01520

Процессуальность личности и процессуальность психического в работах А. В. Брушлинского*

С. Н. Костромина (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Статья посвящена идеям А. В. Брушлинского о процессуальности психического, которые имеют прямое методологическое приложение к описанию процессуальной природы личности и представляют эвристическую ценность для развития процессуального подхода. Основные характеристики психического – непрерывность, неизоморфность, диалектическое сопряжение стабильного и изменчивого, недизъюнктивность психического помогают раскрыть проблему разработки современной методологии личности с точки зрения онтологического понимания процессуальности. Описание механизмов (способов движения) психического позволяет объяснить, каким образом личность, имеющая устойчивую архитектуру и стабильные составляющие, способна непрерывно меняться и преобразовывать себя.

Ключевые слова: психология личности, процессуальный подход, устойчивость, изменчивость, целостность.

Психология личности – одно из наиболее динамично развивающихся направлений современной психологии. Текущий период ее развития может быть охарактеризован как «эмпирическая лавина» или «меганакопления» – количество данных, получаемых в исследованиях, значительно превышает количество работ, ставящих своей целью их теоретическое или методологическое осмысление. Возможно, сложившаяся ситуация – всего лишь закономерный этап, пришедший на смену активного продуцирования теорий и концепций личности (1930–1970-е годы), многие из которых стали классическими, получили признание научного сообщества, приобрели междисциплинарный статус и используются не только в различных прикладных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00460 «Комплементарная модель самодетерминации личности: теоретические основания, диагностический инструментарий, практика внедрения».

отраслях психологии, но и в других научных областях – юриспруденции, менеджменте, социологии и т.д. Тем не менее, сегодня нельзя не признать, что попытка даже небольшого теоретико-методологического анализа «эмпирического конвейера» исследований личности приводит к неутешительным выводам. Во-первых, значительная часть исследований страдает отсутствием «новизны», что связано с постоянным воспроизводством похожих исследовательских дизайнов и предмета (личностные черты, мотивация, ценностные ориентации, Я-концепция и т.д.) с опорой на теории личности, созданные многие десятилетия назад. Во-вторых, значительная часть личностной феноменологии современного человека сегодня не укладывается в «прокрустово ложе» описанных в этих теориях личности проблем (например, самоизменения, аксиологический вызов, смена контекста жизни, полионтологичность, множественные «Я», виртуальные аналоги социальных действий и др.). В-третьих, методология, разработанная для исследования личностных характеристик в контексте теорий личности XX в., зачастую «нечувствительна» к изучению личностной феноменологии современного человека. Во многом это определяется тем, что психология личности XX в. была ориентирована на описание инвариантных личностных подструктур, характеризующихся неизменностью и постоянством. Причем это касается не только структурно-функционального подхода в психологии личности, но и динамического, которые получил в отечественной психологии развитие даже большее, чем в зарубежной. Достаточно вспомнить идеи С. И. Рубинштейна о динамичной природе психического, А. В. Брушлинского его недизъюнктивном характере или Л. И. Анцыферовой (см., в частности, ее работы «О динамическом подходе к психологическому исследованию личности», 1981; «Личность в динамике: некоторые итоги исследования», 1982). Несмотря на заложенный в них «общий знаменатель» о непрерывности, динамичности, напряженности и изменчивости душевной жизни человека (Костромина, Гришина, 2023), в эмпирическом плане это вылилось большей частью в изучение нормативных моделей развития личности или закономерных (поступательных) изменений личностных характеристик в течение жизни.

Между тем интерес в этих работах представляет не обозначение проблемы личностной динамики как законосообразного изменения личности под воздействием определенных движущих сил, отношений с окружающим миром, контекстуальных и ситуационных вли-

яний, а как способность личности непрерывно меняться во времени, перманентно преобразовывая себя.

Чтобы описать природу структурных изменений сложных открытых неравновесных систем, И. Пригожин использует категорию процессуальности, на это же понятие опирается А. В. Брушлинский, для раскрытия содержания психического, которое понимает как более глубокий уровень осуществления деятельности, как онтологический способ существования психического. «На разных уровнях психического отражаются соответственно разные уровни бытия — согласно общей закономерности: внешние причины действуют через внутренние (в данном случае — психические, все более развитые) условия» (Брушлинский, 1982, с. 31). А. В. Брушлинский показательно иллюстрирует описание процессуальности психического сопоставлением стабильного и изменяемого. Так, «личный опыт (ощущения, представления, вообще образы), — пишет он, — 1) чисто субъективны („мои ощущения неотделимы от меня“) и 2) находятся в постоянном изменении („как функция данной минуты“)» (там же, с. 33). В то же время коллективные представления и концепты стабильны. «Они неизменны, находятся „вне времени и становления“, выражают лишь устойчивые и существенные стороны бытия „вне и выше“ ситуативных и индивидуальных случайностей» (там же, с. 34). По мнению автора, изменяемость — это не просто проявление нестабильности. Она конституирует недизъюнктивное существование психического. Таким образом, процессуальность психического в первую очередь рассматривается А. В. Брушлинским в контексте «пребывания в изменении» (С. Л. Рубинштейн) с акцентом на непрекращающемся внутреннем движении, т. е. как «нечто динамическое, становящееся, формирующееся, а значит как ориентированное на изучение конкретных способов движения к изначально не заданному результату» (там же, с. 29–30).

Сказанное в полной мере относится и к личности, являющейся неотъемлемой частью психической жизни человека. С этой точки зрения, категория процессуальности имеет иное методологическое приложение. Процессуальный подход в психологии личности сосредоточен не на раскрытии динамических явлений, а на описании таких механизмов («способов движения»), которые позволяют объяснить, каким образом личность, имеющая устойчивую архитектуру и стабильные составляющие, способна непрерывно меняться и эволюционировать. Суть процессуальности личности не в последова-

тельном изменении, а в постоянной творческой изменчивости, нахождении в метастабильном (слабо устойчивом) состоянии, способном непредсказуемо трансформироваться в неопределенном множестве вариантов. «Именно процессуальность психики является основным при определении предмета психологии» (Брушлинский, 2006, с. 262).

«Процессуальность есть прежде всего непрерывность психического» (там же, с. 323). Эта непрерывность основана на потенциальной готовности перехода из стабильного состояния в нестабильное (нарушением сложившегося организационного порядка), преодолеть который возможно только через переход к новому уровню организации и режимам функционирования. Процессуальность личности подразумевает перманентный (непрерывный) характер внутренних изменений, который метафорически можно отождествить с внутренней жизнью системы: рождением, ростом, развитием, трансформацией и деградацией отдельных внутренних элементов, структур и подсистем, но это не означает, что в психическом нет ничего стабильного. «Психические свойства (потребности, способности) как раз и представляют собой наиболее устойчивое сформировавшееся ядро» (там же, с. 324). В этом сосуществовании стабильного и изменчивого А. В. Брушлинский видит диалектическое единство двух основных тенденций, которые сегодня применительно к личности мы бы могли назвать — стремление к стабильности и готовность к изменениям. Данным положением о процессуальной природе психического фактически снимается оппозиция структурного и динамического подходов в психологии личности, которые должны рассматриваться в диалектическом единстве как переходные взаимодополняющие состояния, поддерживающие ее устойчивость и целостность.

Идея целостности личности, которая на современном этапе может быть объяснена через внутреннюю связанность элементов и подсистем личности, в работах А. В. Брушлинского раскрывается через понятие недизъюнктивности. Недизъюнктивность психического, собственно, как и неизоморфность (отсутствие реального копирования объекта, включение его в систему связей с другими объектами) подразумевают онтологическое понимание процессуальности. В современном дискурсе психологии личности этот аспект чаще всего описывается через принцип контекстуальности — чувствительности к контексту, открытости во взаимодействии со средой и целостности личности. «Непрерывно и существенно изменяющиеся условия жизни, закономерно определяют изменчивость, динамичность, процес-

суальность их психического отражения, тем самым объективно являющиеся новыми, т. е. хотя бы частично отличающимися» (там же, с. 393). Небольшая цитата описывает один из механизмов эволюции психического – механизм самообновления, который Н. Бернштейном был обозначен как «повторение без повторений» (диапазон вариативности).

Другим внутренним источником процессуальности является смысл. Под смыслом А. В. Брушлинский подразумевал «привнесение субъективных аспектов значений». Иначе говоря «содержание смысла привносится субъектом, нарушая непрерывность взаимодействия с реальной действительностью» (Брушлинский, 1982, с. 35–37). В некотором роде речь идет о «разрывах детерминации» (Леонтьев, 2011) или точках бифуркации, вблизи которых особенно ярко проявляется процессуальная природа личности. Применительно к личности такими точками могут переломные моменты моментах жизни, проживание которых нарушает привычное течение жизни и выводит на новый уровень осмысления своего существования. Одновременно следует помнить, что человек есть носитель собственной воли и, следовательно, может быть причиной изменения себя, т. е. «выступает прежде всего как субъект, „как автор“, прежде всего процессуального аспекта своей психики» (Брушлинский, 2006, с. 262).

«Психология субъекта» – знаковая работа А. В. Брушлинского для психологии личности. В ней он обозначил «путь», каким образом снимаются оппозиции между осознанным и неосознанным, психическим и физиологическим, биологическим и социальным. Непрерывная взаимосвязь между ними и есть важнейший механизм преемственности и непрерывности психического, который поддерживает его целостность, При этом «не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю, объединяя человека в неразрывное единство» (Брушлинский, 2003, с. 211). В современном научном дискурсе психологии личности эти положения воплощаются через идеи самодетерминированного поведения субъекта, его способности к самоорганизации, самоизменению, самоосуществлению, где основополагающую роль играет духовный уровень организации личности, который позволяет преодолевать детерминационные связи, открывая путь к осознанным преобразованиям себя, самотворчеству и авторству жизни.

Нельзя не заметить, насколько современно звучат работы А. В. Брушлинского для психологии личности сегодня. Д. А. Леонть-

ев полагает, что новая методология психологии личности должна базироваться на психологии возможного и самодетерминации (Леонтьев, 2011). Принципы процессуального подхода (контекстуальности, множественности, взаимодополнительности, целостности) напрямую перекликаются с идеями о непрерывности, преемственности, недизъюнктивности (взаимопроникновении, неразрывном единстве) психического в работах А. В. Брушлинского, сопрягая классический взгляд на иерархическую организацию системы личности и роль происходящих внутри нее процессов, помогая увидеть проблему личности в современном зеркале социальных трансформаций.

Литература

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Брушлинский А. В.* Мышление как процесс и проблема деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 28–40.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Костромина С. Н., Гришина Н. В.* Процессуальный подход в психологии личности // Современные подходы в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.
- Леонтьев Д. А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.

Ценностные ориентации в подростковом возрасте

Е. С. Кошелева (МПГУ, Москва)

В статье представлены результаты масштабного исследования, проведенного среди старшеклассников из восьми регионов Российской Федерации. На основании полученных данных сделан вывод о том, что в ценностной иерархии молодых людей наблюдается рассогласование ценностных ориентаций на вербальном и невербальном уровнях. Несмотря на открытую демонстрацию позитивного отношения к семейным ценностям, на глубинном уровне молодые люди предпочитают более современные ценности, такие как гедонизм, самостоятельность и репутация.

Ключевые слова: семейные ценности, ценностные ориентации, молодежные ценности.

Изучение представленности тех или иных ценностей в молодежной среде открывает возможность для широкого пласта исследований, так как, несмотря на большое количество работ в данной области, подобная тематика всегда остается актуальной. Формирование личностных ценностей связано с историческим контекстом, текущим социально-политическим строем, культурными, религиозными и семейными традициями. Молодежь наиболее чутко реагирует на изменения, происходящие в обществе (Реан, Кошелева, 2019б). Изучение ценностей, преобладающих в подростковой среде, помогает понять тенденции развития современного общества.

Мы провели масштабное исследование среди молодежи, направленное на изучение ценностей, преобладающих в подростковом возрасте (Реан, Шагалов, 2018; Реан, Кошелева, 2019а, б). Акцент сделан на проблеме семейных ценностей и ценностной иерархии в среде старшеклассников. Подростки проходили опрос в режиме онлайн. Общий объем выборки составил более 7 тысяч человек в возрасте от 14 до 19 лет (42% – юноши, 58% – девушки из восьми регионов РФ). В исследовании применялся социологический опросник и методика изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца.

В результате нашего исследования были получены противоречивые результаты. С одной стороны, по данным социологического опросника, подростки демонстрируют положительное отношение к семейным ценностям. В частности, большинство респондентов утвердительно отвечают на следующие вопросы: «Семья – основа любого государства, не будет семьи – не будет государства» (88,8%); «Считаете ли вы наличие семьи обязательным условием счастья» (76,9%); «Хотите ли вы в будущем создать семью» (92,1%).

С другой стороны, методика Шварца показывает, что на первое место выходит такая группа ценностей как: благожелательность, гедонизм, самостоятельность, репутация и безопасность (Реан, Шагалов, 2018). В то время как метаценность «Сохранение», включающая в себя семейные и культурные традиции, выбирается молодежью в последнюю очередь. Косвенно подобные результаты свидетельствуют о расхождении ценностных ориентаций на вербальном и невербальном уровнях. Несмотря на позитивное отношение подростков к семейным ценностям на вербальном уровне, наблюдается тенденция к формированию более современных взглядов среди школьников. Эту идею подтверждает также положительное отношение подростков к гражданским бракам (76,7%) и рождению детей вне зарегистрированного брака (50%).

Таким образом, мы наблюдаем двойственное отношение современной молодежи к институту семьи. В ценностном мировоззрении молодежи наблюдается с одной стороны положительное отношение к семейным ценностям, с другой – тенденция к формированию более современных ценностей, направленных на самореализацию, успешность, а также толерантное отношение к современным формам семейных союзов.

Литература

- Реан А. А., Кошелева Е. С. Агрессивность как предиктор дефицита ощущения счастья у подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2019а. № 3. С. 258–263.
- Реан А. А., Кошелева Е. С. Агрессивность как предиктор отрицания семейных ценностей у подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2019б. № 4. С. 279–287.
- Реан А. А., Шагалов И. Л. Личностные ценности как предикторы переживания счастья подростками // Вопросы психологии. 2018. № 6. С. 16–28.

Личностные особенности юношей и девушек с разным уровнем переживания одиночества

О. Г. Ксёнда (БГУ, Минск), *А. Э. Марченко* (БГУ, Минск)

Описываются результаты изучения переживания одиночества в юношеском возрасте. Установлена большая распространенность проблемы (62% респондентов отличаются высоким и средним уровнем такого переживания). Одиночество усложняет общение с окружающими, сопровождается личностными переживаниями, имеет негативные последствия для самооценки и самоотношения. Определены личностные особенности, которые способствуют глубокому переживанию одиночества у юношей и девушек. К ним относятся циклотимность, дистимность, возбудимость, педантичность, депрессивность, эмоциональность, тревожность, интровертированность, обособленность, напряженность, эмоциональная нестабильность.

Ключевые слова: юношеский возраст, переживание одиночества, черты личности, акцентуации.

Границами юношеского возраста являются рамки с 16–17 до 20–21 года. Весьма важное место в этот период занимает межличностное общение с пиком активности и формирования дружеских связей. Проблемы в этой сфере могут приводить к увеличению психоэмоционального напряжения, возникновению чувства одиночества. Оно характеризуется как «социально-психологическое явление, психологическое состояние и ощущения человека, с глубокими субъективными эмоциональными переживаниями, связанными с отсутствием близких, положительных эмоциональных связей с другими людьми и/или со страхом их потери в результате вынужденной или имеющей психологические причины социальной изоляции» (Жорчагина, 2005, с. 14).

Установление отношений с противоположным полом, новые социальные условия (учеба или профессиональная деятельность), поиск социальной идентичности, интерес к смысложизненным проблемам способствуют возникновению переживания одиночества (Тихонов,

2013). Исследователями определены личностные особенности, способствующие переживанию одиночества: интровертированность, эмоциональная нестабильность, экспрессивность, тревожность, враждебность и агрессивность (Шагивалеева, 2003), ипохондрия, ригидность, психастения, пессимизм, подавление эмоций (Манакова, 2009).

Современные условия общества с экономическими, политическими, идеологическими, образовательными и цифровыми трансформациями осложняют становление личности. Для изучения переживания одиночества в юношеском возрасте были использованы: тест-опросник определения уровня переживания одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона; опросник Г. Шмишека для определения типа акцентуации личности; «5-ти факторный личностный опросник Маккрэ—Коста 5PFQ» в адаптации А. Б. Хромова для выявления структуры личности; сбор социально-демографических данных (наличие сиблингов, дополнительной занятости (клубы/секции), совместное/отдельное проживание с родителями). Статистический анализ проводился при помощи ряда критериев (U-критерий Манна—Уитни, H-критерий Краскела—Уоллиса, коэффициент корреляции Спирмена). В качестве респондентов были привлечены 149 девушек и 67 юношей от 17 до 21 года.

Анализ показал, что 86 респондентов (39,81%) характеризуются низким, 90 человек (41,67%) средним и 40 (18,52%) высоким уровнем переживания одиночества. Различий по наличию сиблингов, совместному/отдельному проживанию с родителями не выявлено. Значимые различия выявлены у юношей и девушек, посещающих и не посещающих клубы/секции ($U = 3532,500$, $p = 0,002$). У первых среднее значение шкалы переживания одиночества — 20,56, у вторых — 25,96. Находясь среди единомышленников, с которыми есть точки соприкосновения и общие интересы, молодые люди имеют ощущение личной востребованности и не отличаются высоким уровнем переживания одиночества.

В результате диагностики у юношей и девушек выявлены высокие уровни выраженности личностных характеристик: экспрессивности (76% респондентов), эмоциональности (56%) и привязанности (52%). Наиболее выражены у современной молодежи такие акцентуации, как дистимность (67% респондентов), эмотивность (62%), гипертимность (60%), экзальтированность (57%) и демонстративность (50%). Эти данные свидетельствуют, что современные юноши и девушки отличаются сниженным фоном настроения, пессимистичес-

ким взглядом на мир, при этом впечатлительностью и чувствительностью, стремлением к яркому выражению и демонстрированию эмоций. Наши результаты согласуются с исследованиями, представленными Н. В. Богачевой, Е. В. Сивак (Богачева, Сивак, 2019).

С помощью H -критерия Краскела–Уоллиса установлены статистически значимые различия у респондентов с разными уровнями переживания одиночества по акцентуациям: возбудимость ($H=21,284$, $p=0,0001$), дистимность ($H=14,995$, $p=0,0001$), циклотимность ($H=13,294$, $p=0,0001$), гипертимность ($H=9,574$, $p=0,0001$), педантичность ($H=2,729$, $p=0,001$) и тревожность ($H=3,940$, $p=0,002$); по личностным характеристикам: эмоциональная лабильность ($H=170,018$, $p=0,0001$), доверчивость ($H=150,570$, $p=0,0001$), депрессивность ($H=41,428$, $p=0,0001$), эмоциональность ($H=30,933$, $p=0,0001$), тревожность ($H=24,323$, $p=0,0001$), самокритичность ($H=23,988$, $p=0,0001$), напряженность ($H=12,168$, $p=0,001$), демонстративность ($H=10,015$, $p=0,003$). У юношей и девушек с высоким уровнем переживания одиночества по всем данным шкалам значения выше.

Корреляционный анализ показал, что высокий уровень переживания одиночества в этом возрасте имеет прямую связь с акцентуациями (дистимность ($r=0,37$; $p=0,0001$), циклотимность ($r=0,35$, $p=0,0001$), возбудимость ($r=0,428$, $p=0,0001$), педантичность ($r=0,26$, $p=0,0001$), тревожность ($r=0,21$, $p=0,002$)); с индивидуально-личностными характеристиками (депрессивность ($r=0,55$, $p=0,000$), эмоциональность ($r=0,53$, $p=0,0001$), самокритичность ($r=0,49$, $p=0,0001$), тревожность ($r=0,35$, $p=0,0001$), эмоциональная лабильность ($r=0,40$, $p=0,0001$), напряженность ($r=0,29$, $p=0,0001$)). Выявленные особенности личности усложняют формирование межличностных связей, построение коммуникации с другими. Соответственно, юноши и девушки могут испытывать страх перед реальным общением, не могут удовлетворять собственные потребности в количестве и качестве значимых контактов, в определенной эмоциональной связи с людьми. Это становится причиной переживания одиночества.

Таким образом, можно резюмировать, что юношей и девушек с разными уровнями переживания одиночества отличают типы акцентуаций и выраженность определенных личностных характеристик. Для респондентов с высоким уровнем такого переживания характерны циклотимность, дистимность, возбудимость, педантичность, депрессивность, эмоциональность, тревожность, интровертирован-

ность, обособленность, напряженность, эмоциональная нестабильность. Эти черты способствуют проявлению поведенческих паттернов, усложняющих коммуникацию, способствующих снижению числа реальных контактов, «переводу» жизни в виртуальный мир, соответственно, развитию разного рода зависимостей. Полученные данные дают основание для психологического сопровождения подростков и юношей в учебных заведениях и принятия превентивных мер для снижения переживания одиночества и предотвращения его негативных последствий.

Литература

- Корчагина С. Г.* Генезис, виды и проявления одиночества. М.: МПСИ, 2005.
- Тихонов Г. М.* Феномен одиночества: экзистенциальный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1–1 (27). С. 183–186.
- Шагивалеева Г. Р.* Одиночество и особенности его переживания студентами // Казанский педагогический журнал. 2003. № 2. С. 55–60.
- Манакова Е. А.* Индивидуально-личностные особенности переживания одиночества // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2009. № 6. С. 269–271.
- Богачева Н. В., Сивак Е. В.* Мифы о «поколении Z» // Современная аналитика образования. 2019. № 1 (22). С. 1–64.

Особенности субъективного семантического пространства понятий «изоляция», «одиночество», «уединение», «отчуждение» у взрослых*

*И. Р. Муртазина (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Д. И. Кузьмина (Санкт-Петербург)*

Работа посвящена изучению особенностей субъективных семантических пространств понятий «одиночество», «уединение», «отчуждение» и «изоляция» у взрослых. Методики: семантический дифференциал (модификация С. Г. Корчагиной); дифференциальный опросник переживания одиночества (Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев); пятифакторный опросник личностных черт (в адаптации В. Е. Орла, И. Г. Сенина), анкета. Выборку составил 61 чел. в возрасте от 18 до 40 лет. Показано, что респонденты достаточно четко и осознанно дифференцируют понятия одиночество, уединение, отчуждение и изоляция. Наиболее позитивное отношение испытуемые демонстрируют в отношении уединения, оценка одиночества носит, скорее, нейтральный характер, отчуждение и изоляцию большинство респондентов воспринимают как деструктивные, негативные состояния.

Ключевые слова: одиночество, уединение, изоляция, отчуждение, взрослые.

Одиночество – одно из наиболее распространенных явлений в современном обществе, а также одна из наиболее сложных фундаментальных проблем человеческого существования, нуждающаяся в решении в разные возрастные периоды на протяжении всей жизни человека. Феномен одиночества является многомерным и противоречивым, в современном научном знании отсутствует единство мнений относительно содержания данного понятия, поскольку оно весьма неоднозначно и по своим проявлениям: одни люди, находясь в одиночестве, испытывают удовлетворение от уединения, другие даже при наличии социальных связей могут болезненно переживать отчужденность, ощущая непонимание и покинутость.

* Грант РНФ, проект № 23-28-00841.

В психологической литературе мы обнаруживаем такие понятия, как «одиночество», «удинение», «отчуждение» и «изоляция». Е. Н. Осин и Д. А. Леонтьев, говоря об одиночестве, в наиболее общем плане определяют его как «переживание собственной невовлеченности в связи с другими людьми» (Осин, Леонтьев, 2013, с. 56). Авторами обращается внимание на многомерность самого конструкта одиночества, а также подчеркивается, что одиночество может быть как добровольным, так и вынужденным, выступая источником серьезных психологических проблем и нарушений (Леонтьев, 2011).

Е. Е. Тен отмечает, что можно выделить три типа одиночества: уединение, как добровольное помещение себя в условиях пространства одиночества, где индивид един с самим собой; изоляцию, как исключение индивида из обычных отношений в условиях отступления от обычного порядка течения жизнедеятельности, откуда возможно возникновение чувства одиночества; одиночество, как внутренне психическое переживание, как состояние души (Тен, 2017, с. 95).

С. А. Ишанов и Е. Н. Осин отмечают, что одиночество — «негативное переживание, при котором аутокоммуникация либо отсутствует или не приносит желаемого результата. Оно характеризуется нереализованным стремлением к своему «Я», к другим людям или к чему-то большему. Выстраивание этих внутренних отношений позволяет принять одиночество как фундаментальный экзистенциальный факт и научиться ценить уединение» (Ишанов, Осин, 2019, с. 179). Уединение рассматривается авторами как ситуация «аутокоммуникации и саморефлексии, открытую позитивным и негативным переживаниям и несущую потенциал для осознания и трансформации внутренних связей человека с миром» (там же). Как правило, уединение представляет собой ситуацию пребывания наедине с самим собой. Оно является добровольным, выбранным и принятым.

Интересной также является модель одиночества Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина, где уединение, собственно одиночество и отчуждение рассматриваются как разные виды одного феномена, смысловые различия которых заключаются в наличии или отсутствии физической обособленности и наличии или отсутствии негативных переживаний (Осин, Леонтьев, 2013, с. 56).

Таким образом, обнаружив многообразие позиций относительно понятия одиночества, а также многообразие понятий, используемых для описания одиночества, мы решили обратиться к изучению субъ-

ективных семантических пространств понятий «изоляция», «одиночество», «уединение», «отчуждение» у взрослых людей.

Целью нашей работы стало изучение субъективных семантических пространств понятий «одиночество», «уединение», «отчуждение» и «изоляция» у взрослых в связи с особенностями переживания одиночества.

Методики исследования: семантический дифференциал (модификация С. Г. Корчагиной) использовался для изучения семантического пространства понятий «одиночество», «уединение», «изоляция», «отчуждение»; дифференциальный опросник переживания одиночества (Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев) — для изучения одиночества как многомерного феномена; пятифакторный опросник личностных черт NEO PI-R и NEO FFI (в адаптации В. Е. Орла, И. Г. Сенина), анкета с открытыми вопросами, касающимися отношения респондентов к одиночеству.

Выборка: 61 чел. в возрасте от 18 до 40 лет (34 чел. в возрасте от 18 до 25 лет и 27 чел. в возрасте от 26 до 40 лет).

В результате использования методики «Семантический дифференциал» (модификация С. Г. Корчагиной) нами были получены следующие результаты.

Фактор оценки (Fo) отображает отношение к конструкту, который оценивается, показывает, как человек принимает и оценивает переживание.

Наиболее высокие положительные показатели фактора оценки среди понятий «одиночество» ($M = -0,62$; $SD = 1,39$), «изоляция» ($M = -1,12$; $SD = 1,35$), «уединение» ($M = 1,54$; $SD = 1,09$) и «отчуждение» ($M = -1,74$; $SD = 0,99$) относятся к «уединению» ($M = 1,54$; $SD = 1,09$). Высокие показатели по данному фактору могут свидетельствовать о положительном отношении респондентов к уединению. Большинство испытуемых принимают уединение как важную составляющую жизни, оценивая его как позитивное явление. Респонденты отводят уединению конструктивную роль, осознают необходимость уединения для рефлексии, реализации творческого потенциала и отдыха. Респонденты видят в уединении возможности для личностного роста, могут управлять им, исходя из личных предпочтений. Далее по фактору оценки идет понятие «одиночество» ($M = -0,62$; $SD = 1,39$). Ориентируясь на полученный результат, можно заключить, что отношение к одиночеству у респондентов по выборке в целом менее позитивное, чем к уединению, однако более позитивное, чем к изо-

ляции и отчуждению. Следующим после одиночества предстает переживание изоляции ($M = -1,12$; $SD = 1,35$). Данные показатели можно трактовать как негативное, но терпимое отношение к изоляции. В случае необходимости большинство респондентов сможет справиться с переживанием изолированности, при этом восприятие феномена изоляции среди респондентов исследования преимущественно негативное. Самый низкий показатель фактора оценки относится к отчуждению ($M = -1,74$; $SD = 0,99$). Отчуждение оценивается респондентами как деструктивное для личности, наиболее тяжелое и разрушающее состояние.

Фактор силы (F_c) выражает осознание человеком влияния явления на собственную жизнь и оценку глубины рассматриваемого состояния. Самые высокие значения фактора силы проявились в отношении уединения ($M = 0,93$; $SD = 1,03$). Высокие значения данного фактора подразумевают, что преобладающее число испытуемых приписывают переживанию уединения большое значение в своей жизни. Респонденты имеют опыт переживания уединения, что подтверждается ответами респондентов на открытые вопросы о том, что уединение – это необходимое время от времени состояние человека, время для отдыха и перезагрузки. Далее идет понятие «одиночество» ($M = 0,26$; $SD = 0,97$). Положительный балл по фактору силы по отношению к одиночеству свидетельствуют о том, что респонденты имели личный опыт переживания одиночества или же опыт наблюдения переживания других, значимых для них людей. Одиночеству также может приписываться большое влияние на жизнь человека. Низкие, преимущественно негативные значения по фактору силы были выявлены в результате оценки понятий изоляция ($M = -0,37$; $SD = 0,94$) и отчуждение ($M = -0,34$; $SD = 1,01$). Низкие показатели, как нам кажется, могут свидетельствовать о том, что респонденты не считают, что данные состояния могут оказывать серьезное влияние на их жизнь.

Фактор активности (F_a) характеризуется как показатель интенсивности переживания одиночества. По степени интенсивности понятия оцениваются испытуемыми в следующем порядке: уединение ($M = -0,14$; $SD = 0,88$); отчуждение ($M = -0,39$; $SD = 1,18$); изоляция ($M = -0,59$; $SD = 0,98$); одиночество ($M = -0,82$; $SD = 1,11$). Самый высокий показатель интенсивности переживания относится к состоянию уединения. Самый низкий показатель интенсивности выражается в переживании респондентами одиночества ($M = -0,82$; $SD = 1,11$).

Низкие оценки можно интерпретировать как спокойную эмоциональную реакцию на состояние.

Таким образом, как по выборке в целом, так и по каждой возрастной группе в отдельности респонденты достаточно четко и осознанно дифференцируют понятия одиночество, уединение, отчуждение и изоляция. Наиболее позитивное отношение испытываемые демонстрируют в отношении уединения, оценка одиночества носит, скорее, нейтральный характер, отчуждение и изоляцию большинство респондентов воспринимают как деструктивные, негативные состояния. Однако отметим, что при положительной оценке уединения можно отметить отрицательное значение по фактору активности, что может свидетельствовать о признании за уединением пассивного начала. Так, вероятно, уединение рассматривается респондентами в большей мере как возможность отдохнуть, перезагрузиться, восстановить жизненные силы.

Сопоставляя между собой с помощью критерия U Манна–Уитни результаты, полученные в группах респондентов разных возрастов, нами были обнаружены некоторые значимые различия. Представители ранней взрослости более позитивно относятся к уединению, придают данному состоянию более важное значение в своей жизни и испытывают более интенсивные переживания, чем респонденты средней взрослости. Стоит отметить, что различия в отношении к уединению также подтверждаются и при сопоставлении результатов психодиагностических методик. Результаты респондентов двух групп достоверно различаются по шкале «Позитивное одиночество» дифференциального опросника переживания одиночества ($U = 261$; $p = 0,048$). Так, респонденты периода ранней взрослости демонстрируют более позитивное отношение к ситуациям одиночества и уединения, чем респонденты средней взрослости. Полученные данные могут быть связаны с высоким уровнем социальной активности молодых людей, результатом которой является потребность в уединении как способе побыть наедине с собой, разгрузиться и восстановить силы. Уединение также может использоваться как возможность саморазвития или реализации творческого потенциала.

Сравнительный анализ данных двух групп с использованием непараметрического критерия U Манна–Уитни позволил обнаружить достоверно значимые различия между двумя группами по показателям фактора оценки ($U = 176,5$; $p = 0,001$) и фактора силы ($U = 254,0$; $p = 0,003$) в отношении уединения. Полученные различия позволяют

говорить о том, что молодые люди в период ранней зрелости позитивнее относятся к уединению, нежели респонденты периода средней зрелости. Кроме того, по мнению респондентов ранней зрелости, уединение играет большую роль в их жизни, большую, нежели в жизни респондентов средней зрелости.

При сравнении результатов, полученных с помощью семантического дифференциала, у респондентов, положительно относящихся к одиночеству, и респондентов, демонстрирующих непринятие одиночества, было выявлено, что респонденты с позитивным отношением к одиночеству характеризуются более позитивным отношением к уединению и одиночеству, они более самодостаточны и имеют менее выраженный уровень нейротизма, нежели респонденты, не принимающие одиночества.

Литература

- Ишанов С. А., Осин Е. Н.* Наедине с собой: уединение и одиночество // Человек. 2019. Т. 30. № 3. С. 164–183. doi: 10.31857/S023620070005386-1.
- Леонтьев Д. А.* Экзистенциальный смысл одиночества // Экзистенциальная традиция: Философия, психология, психотерапия. 2011. № 2 (19). С. 101–108.
- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А.* Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Журнал Высшей школы экономики. Психология. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.
- Тен Е. Е.* Одиночество как фактор зависимости индивида // Ученые заметки ТГОУ. 2017. Т. 8. № 2. С. 95–98.

Представления о совести у верующих и неверующих старшекласников*

Л. Ш. Мустафина (ИП РАН, Москва)

Актуальность изучения нравственного состояния молодежи остается высокой, и в данной работе исследуется связь религиозной идентичности старшекласников и их представлений о совести. Выборка составила 175 респондентов (14–16 лет). Предполагается, что ядро социальных представлений о совести у верующих старшекласников будет характеризоваться большей содержательной полнотой, чем ядро социальных представлений неверующих старшекласников. Результаты демонстрируют, что ядро представлений верующих старшекласников содержит 16 элементов, в то время как ядро социальных представлений неверующих — 10 элементов, т. е. ядро социальных представлений верующих старшекласников о совести содержательно полнее, и они имеют более четкое и ясное представление о феномене совести, чем неверующие старшекласники.

Ключевые слова: совесть, ядро социальных представлений, молодежь, старшекласники.

Человек социален по своей природе, и общество задает определенные нормы, ориентиры, преломляя которые личность выстраивает свою жизненную линию. Известно, что в формировании целостной гармоничной личности участвуют внутренние механизмы, одним из которых является совесть, регулирующая помыслы и действия личности, направляя ее в ситуации морального выбора.

Определить категорию «совесть» существующими в психологии методами представляется крайне сложным, так как высока вероятность социальной желательности ответов респондентов и работы защитных механизмов психики. Концепция социальных представлений в такой ситуации является, видимо, самым продуктивным решением.

* Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, № 0138-2023-0005.

О современной неблагоприятной ситуации в духовной сфере населения и, прежде всего, молодежи, пишут многие исследователи. Верующая молодежь чаще находится в более благоприятном социальном окружении и формируется под воздействием религиозного воспитания, общения на духовно-нравственные темы, такой молодежи с детства прививается привычка нравственного самоконтроля. Поэтому и представления о нравственных категориях у верующих старшеклассников, как мы предполагаем, могут быть более содержательными и глубокими по сравнению с представлениями неверующих подростков.

Религиозная идентичность у детей и подростков изучалась в 2000-х годах наряду с национальной и этнолингвистической идентичностью в Грузии, Украине, Азербайджане и в России (Развитие национальной..., 2001). В России данное исследование проводилось в Москве и Смоленске. Однако в России регионы имеют свои специфические отличия по религиозному, этническому составу населения. Особый интерес представляет республика Татарстан, где живет примерно одинаковое количество русских и татар, государственные языки – татарский и русский, религиозные объединения отделены от государства, наибольшее распространение получили две религии: ислам и православное христианство.

Социальные представления – это любые формы убеждений, взглядов, знаний членов социальной группы по отношению к изменяющейся жизни. «Социальное представление всегда демонстрирует что-то, свойственное тому, кто его передает – его вклад в интерпретацию. Тем самым представление – это не просто воспроизведение, а создание, оно предполагает некоторую долю автономии и индивидуальной или коллективной креативности» (Жоделе, 2007, с. 378).

Ядро социальных представлений имеет постоянный и устойчивый характер, связано с коллективной памятью, с историей группы, ее ценностями и нормами, а периферия – изменчива, вариативна, зависит от индивидуального опыта респондентов и отражает тенденции развития социальных представлений.

Несмотря на возрастающий с каждым годом интерес исследователей к теме социальных представлений о совести, остается неизученным аспект взаимовлияния религиозности молодежи и их представлений о совести.

Гипотеза исследования: ядро социальных представлений о совести у верующих старшеклассников будет характеризоваться большей

содержательной полнотой, чем ядро социальных представлений неверующих старшеклассников.

Объект исследования – школьники 9–11 классов (14–16 лет), проживающие в Москве и Казани. Всего 175 чел., 97 старшеклассников из Казани и 78 старшеклассников из Москвы. Подростки идентифицировали себя по религиозной принадлежности и в процентном соотношении получились следующие результаты: казанские старшеклассники – 65% верующие (из них православные – 60%, мусульмане – 29%, другие конфессии – 11%), 35% – неверующие; московские старшеклассники – 76% верующие (из них православные – 83%, мусульмане – 10%, другие конфессии – 7%), 24% – неверующие старшеклассники.

Методы исследования

Чтобы выявить структуру социальных представлений о совести (ядро и периферию) используется анкета, составленная по результатам первого этапа исследования, оценочная шкала Ж.-К. Абрика, математико-статистический анализ (описательная статистика, корреляционный анализ, для выявления различий – критерий U Манна–Уитни). Применяющаяся авторская анкета состоит из 39 высказываний о совести (Воловикова, Мустафина, 2017). Утверждения анкеты можно разделить на 2 группы по характеру установки: позитивные высказывания и негативные (отрицающие наличие или значение совести). Позитивные высказывания о совести также можно условно разделить на: суждения о природе совести, о ее влиянии на жизнедеятельность человека и общества, на утверждения, отождествляющие понятия «совесть» и «стыд», высказывания о независимости совести от внешних оценок и утверждения, наиболее полно и глубоко выражающие содержание понятия совести. Подросткам было предложено оценить по шкале Ликерта, в какой степени данные высказывания совпадают с их мнением о совести. В ядро социальных представлений входят элементы (утверждения), коэффициент позитивных ответов которых ≥ 63 .

Результаты исследования

Мы сравнили структуру социальных представлений о совести в группах верующих и неверующих старшеклассников. Результаты демонст-

рируют, что ядро представлений верующих старшеклассников содержит 16 элементов, в то время как ядро социальных представлений неверующих – 10 элементов.

В обеих группах ядро представлений о совести представлено высказываниями с позитивным смыслом, только у верующих старшеклассников в ядре представлений добавочно присутствуют утверждения, выражающие независимость совести от внешних оценок («Совесть независима от мнения окружающих», «Человек с совестью – сильный и внутренне свободный»), характеризующие положительное влияние совести на жизнедеятельность человека и общества («Совесть помогает уважать других и самого себя», «Совесть способствует нормальным отношениям между людьми») и акцентирующие внимание на взаимосвязи понятия «совесть» и ума человека («Совесть предполагает наличие у человека ума и способности рассуждать»). Получается, что старшеклассники, считающие себя верующими, имеют более полное и глубокое представление о феномене совести, чем их неверующие сверстники. Возможно, данные различия объясняются традицией тщательного анализа своих поступков, мотивов, желаний (например, на исповеди) и большим вниманием к вопросам совести в рамках религиозного мировоззрения, что отражается в более полном и глубоком понимании феномена совести у верующих подростков.

Некоторые старшеклассники разделяют цинично-прагматичное отношение к совести, выше процент среди неверующих респондентов по большинству суждений с негативным смыслом. При этом выявился парадоксальный результат: среди верующих старшеклассников в два раза выше процент, чем среди неверующих подростков, соглашающихся с суждениями, что «Человек не делает плохих поступков, чтобы потом не стыдиться» и что «Человек с совестью – слабый и боязливый», что косвенно показывает отношение к совести как к внешнему, социально ориентированному нравственному регулятору, незрелость суждений и слабое понимание сущностных аспектов совести. Здесь следует подчеркнуть, что утверждения с негативным смыслом в целом по выборке как верующих, так и неверующих респондентов не входят в ядро социальных представлений, а относятся к периферии социальных представлений о совести.

Сравнение двух выборок с помощью критерия U Манна–Уитни показало статистически значимые различия. Так, верующие старшеклассники чаще, чем их неверующие сверстники, согласны с утверж-

дениями, что «Совесьть предполагает наличие у человека ума и способности рассуждать», что «Совесьть помогает все делать лучше», «Человек с совесьтью – сильный и внутренне свободный», «Человек сам у себя воспитывает совесьть», «Совесьть есть у всех людей, но не все ее слушают». Неверующие подростки статистически чаще соглашались с тем, что «Совесьть – это бред, от которого нужно отвекать» и что «Совесьть мешаает жить».

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась, т. е. ядро социальных представлений верующих старшекласников о совести содержательно полнее, и они имеют более четкое и ясное представление о феномене совести, чем неверующие старшекласники. Полученные результаты ожидаемы и закономерны в связи с особыми характеристиками религиозного мировоззрения и привычкой верующей молодежи к нравственному самоконтролю.

Литература

- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш.* Исследование социальных представлений о совести учащейся молодежи // Мир образования – образование в мире. 2017. № 1 (65). С. 141–149.
- Жоделе Д.* Социальное представление: феномены, концепт и теория // Социальная психология / Под. ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007. С. 372–394.
- Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков / Под ред. М. Барретта, М. Воловиковой, Т. Рязановой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.

Позитивное восприятие старения как предиктор качества жизни в пожилом возрасте*

М. Д. Петраш (СПбГУ, Санкт-Петербург), *К. М. Крупина* (СПбГУ, Санкт-Петербург), *Д. И. Голубицкая* (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Работа посвящена изучению характера взаимосвязей между качеством жизни и параметрами «восприятия старения». Выборка составила 115 чел., выделено две возрастные группы: поздняя зрелость (50–59 лет) и пожилой возраст (60–68 лет). Гипотеза: «положительные последствия старения» оказывают прямое влияние на качество жизни в пожилом возрасте. Результаты: обнаружена большая выраженность параметров социальной активности, общего показателя образа жизни и параметра восприятия старения «позитивный контроль» в возрастной группе 60–68 лет. С помощью моделирования структурными уравнениями (SEM) показан эффект негативного восприятия старения на психологическое благополучие и прямое влияние позитивного восприятия старения на качество жизни в пожилом возрасте.

Ключевые слова: позитивное восприятие старения, негативное восприятие старения, качество жизни, поздняя зрелость, старение.

Период старения связан с адаптацией к изменениям, происходящим на разных уровнях (физическом, психологическом, социальном) и обусловленных возрастом, что требует от человека определенного ресурса для эффективного реагирования на данный процесс. В качестве такого ресурса можно рассматривать представления о старении (восприятие старения), которые могут быть положительными и отрицательными (Barker et al., 2007), оказывать влияние на благополучие пожилых людей, качество их жизни, здоровье и т. д. Актуальность проблемы качества жизни (КЖ) пожилых людей связана с демографическим сдвигом в сторону постарения населения. Следует отметить, что увеличение продолжительности жизни человека не всегда соотносится с сохранением ее качества. Концептуальная основа качества жизни пожилых людей включает в себя ощущение благопо-

* Проект поддержан грантом РФФИ № 22-28-00869.

лучия и качество жизни, связанное со здоровьем человека (Gabriel, Bowling 2004). Важное место занимают качественные социальные отношения, так как они положительно связаны с качеством жизни, а также социальная активность, которая обеспечивает выполнение инструментальной деятельности в повседневной жизни и может способствовать успешному старению (Томиока et al., 2016), результатом которого может выступать КЖ. Учитывая тот факт, что позитивное восприятие старения связано с физическим и психологическим здоровьем (Barker et al., 2007); улучшает производительность и самоэффективность памяти, физическое и эмоциональное состояние пожилых людей, оно может выступать в качестве предиктора КЖ в период поздней взрослости. В свою очередь, негативное восприятие старения способно оказывать отрицательное влияние на когнитивные показатели, самооценку и уровень субъективного благополучия (Kornadt, Rothermund, 2011). Результаты исследований по вопросу восприятия старения демонстрируют взаимосвязь негативной оценки последствий старения с отсутствием контроля и более негативным эмоциональным образом старения, а склонность замечать положительные последствия старения с ощущением возможности контроля над жизнью (Barker, 2007). Все вышесказанное позволило нам выдвинуть предположение о том, что «позитивные последствия старения» оказывают прямое влияние на качество жизни в пожилом возрасте.

Цель исследования заключалась в изучении взаимосвязи представлений о старении с качеством жизни в пожилом возрасте. Качество жизни нами рассматривалось как комплексная характеристика, включающая 4 блока: оценку собственного здоровья, психологическое благополучие, социальную активность и здоровый образ жизни.

Дизайн исследования

Для изучения качества жизни нами использовались 4 методики (учитывался общий показатель по всем опросникам):

- Шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Е. Г. Трошихиной, Л. В. Жуковской, сокращенная версия (2010);
- австралийская анкета «Здоровое старение» в адаптации О. Ю. Стрижицкой – оценивает вероятность успешного старения по блокам физической активности; равновесия и падений; вредных привычек (курение и употребление алкоголя); веса и диеты; хрони-

- ческих заболеваний и медицинского ухода; сна и активизации работы мозга; социального взаимодействия и продуктивной деятельности; оптимизма и адаптивности;
- опросник «Профиль здорового образа жизни» S. N. Walker (HPLP-II) в адаптации М. Д. Петраш, О. Ю. Стрижицкой, И. Р. Муртазиной (2018) – оценивает многокомпонентную структуру ЗОЖ, включает поведенческий аспект; когнитивный и эмоциональный компоненты благополучия;
 - анкета «Социальная активность» – содержит вопросы относительно взглядов человека на собственную активность, деятельность в социальной сфере.

Для оценки восприятия старения мы использовали анкету «Восприятие старения», основанную на зарубежном опроснике восприятия старения «The Ageing Perceptions Questionnaire» (APQ) (Barker, 2007). Анкета включает 7 шкал: константного и нестабильного образа старения; эмоциональных представлений; шкалы контроля («положительный контроль» и «отсутствие контроля» – «негативный контроль»); шкалы последствий («положительные последствия» – признание положительных последствий старения и «отрицательные последствия» – наличие отрицательных последствий). В нашем исследовании мы использовали последние 4 шкалы.

Выборка исследования включала две возрастные группы: поздняя зрелость (50–59 лет; $n = 57$) и пожилой возраст (60–68 лет; $n = 58$).

Результаты

На начальном этапе исследования был проведен сравнительный анализ по изучаемым параметрам. Выявлены статистически значимые различия по шкале восприятия старения «положительный контроль», наибольшее значение которой показано в старшей возрастной группе ($t = 2,608$; $p = 0,010$). Качество жизни включало 4 показателя, которые отражают общую оценку здоровья, социальной активности, ответственного отношения к здоровью, а также общий показатель психологического благополучия, т. е. учтены важные составляющие качества жизни. Уровневый анализ выявил значимые различия по общему показателю здорового образа жизни (ЗОЖ) ($t = 2,608$; $p = 0,010$), значение которого выше у представителей второй группы (60–68 лет). Следует отметить, наибольшую выраженность в группе «пожилых» по параметрам «физическая активность» ($t = 2,620$; $p = 0,010$), «управление

стрессом» ($t = 2,935$; $p = 0,004$), «внутренний рост» ($t = 2,257$; $p = 0,026$). Другими словами, можно предположить, что старшие участники нашего исследования более ответственно относятся к своему здоровью, вероятно осознавая преимущества и ценность физических упражнений, управления стрессом и стремления к развитию, которые вносят вклад в качество жизни, связанного со здоровьем. Аналогичная тенденция выявлена в части «социальной активности» ($t = 2,099$; $p = 0,038$), что указывает на активную жизненную позицию респондентов. В нашем случае данный факт не удивителен, так как 90,5% участников исследования являются работающими, лишь 10 чел. из всей выборочной совокупности прекратили свою трудовую деятельность. По параметрам психологического благополучия и анкете «здоровое старение» значимых различий не выявлено. Однако отмечается тенденция более выраженной оценки своего здоровья в группе «пожилых», а психологического благополучия – в группе поздней зрелости. Учитывая полученные нами результаты, а также результаты корреляционного анализа, мы предположили, что положительный контроль способствует позитивным последствиям, которые выступают предиктором качества жизни в пожилом возрасте.

Далее мы применили подход моделирования структурными уравнениями (SEM) для исследования характера взаимосвязей между качеством жизни и его предикторами – параметрами «восприятия старения». «Качество жизни» представлено в виде латентной переменной, связанной с наблюдаемыми переменными («психологическое благополучие», «оценка здоровья», «здоровый образ жизни» и «социальная активность»). Параметры «позитивные последствия», «позитивный контроль», «негативный контроль» и «негативные последствия» – явные переменные. Основные критерии полученной модели находятся в допустимых пределах, т. е. модель эмпирически подтверждается ($\chi^2 = 31,968$; $df = 25$; $p = 0,159$; CFI = 0,945; GFI = 0,964; RMSEA = 0,049; PCLOSE = 0,471).

Позитивное восприятие старения показало прямое влияние на качество жизни ($p = 0,001$), т. е. убежденность человека в позитивном влиянии старения на различные стороны жизни способствует повышению его (жизни) качества. «Позитивное восприятие» усиливается положительным контролем ($p = 0,001$), т. е. контроль событий собственной жизни в пожилом возрасте влияет на позитивную оценку периода старения. Также «положительный контроль» продемонстрировал прямое влияние на показатель социальной активности ($p = 0,001$).

Негативное восприятие старения («отрицательные последствия») оказывает прямой эффект на общее психологическое благополучие ($p=0,001$), понижая его. Убеждения в негативном влиянии старения на различные сферы жизни усиливает отсутствие контроля событий собственной жизни ($p=0,001$). В структурную модель вошел параметр возраста, оказывающий прямое влияние на общий показатель «ЗОЖ» ($p=0,001$) и «положительный контроль» ($p=0,026$), который дает возможность контролировать события собственной жизни в старости, на основании чего мы полагаем, что с возрастом формируется более позитивное восприятие старения. Вероятно, это происходит с участием определенных механизмов, способствующих оптимизации восприятия, одним из которых может выступать осознанный образ жизни, т. е. понимание всей важности поддержания поведения, направленного на укрепление собственного здоровья. Исследователями выявлено, что люди с позитивным восприятием собственного старения наиболее устойчивы к негативным стереотипам (Fernández-Ballesteros et al., 2017), а позитивный контроль положительно влияет на эмоциональное благополучие. Известно, что позитивному восприятию старения препятствуют широко распространенные в обществе негативные стереотипы о данном периоде жизни. Проведенное исследование показало прямое влияние позитивного восприятия старения на качество жизни. Аналогичные результаты получены А. Hickey с соавт.: качество жизни пожилых людей в Ирландии было связано позитивным восприятием старения (Hickey et al., 2010).

Полученные результаты могут иметь большое значение при разработке программ психологической поддержки пожилых людей, программ, направленных на развитие навыков в части поиска ресурсов конструктивного старения.

Литература

- Barker M., O'Hanlon A., McGee H. M., Hickey A., Conroy R. Cross-sectional validation of the aging perceptions questionnaire: a multidimensional instrument for assessing self-perceptions of aging // BMC Geriatr. 2007. V. 7. №9. P. 1–13. doi: 10.1186/1471-2318-7-9.
- Fernández-Ballesteros R, Bustillos A, Huici C. Positive perception of aging and performance in a memory task: Compensating for stereotype threat? // Experimental aging Research. 2015. V. 41. №4. P. 410–425. doi: 10.1080/0361073X.2015.1053757

- Gabriel Z, Bowling A.* Quality of life from the perspectives of older people // *Ageing & Society*. 2004. V. 24. № 5. P. 675–691. doi: 10.1017/S0144686X03001582
- Kornadt A. E., Rothermund K.* Contexts of aging: Assessing evaluative age stereotypes in different life domains // *Journal of Gerontology. Series B, Psychological sciences and social sciences*. 2011. V. 66. № 5. P. 547–556. doi: 10.1093/geronb/gbr036
- Tomioka K., Kurumatani N., Hosoi H.* Association between social participation and 3-year change in instrumental activities of daily living in community-dwelling elderly adults // *Journal of the American Geriatrics Society*. 2017. V. 65. № 1. P. 107–113. doi: 10.1111/jgs.14447

Эмоциональный интеллект и имплицитные теории эмоций в эмоциональном прогнозировании

В. А. Савельева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),

Т. В. Корнилова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Целью работы стало выявление роли эмоционального интеллекта и имплицитных теорий эмоций в эмоциональном прогнозировании. Участниками исследования стали 113 студентов ($M = 22,7$, $SD = 4,94$), они заполняли адаптированные опросники «События будущего» (Miranda, Mennin, 2007), «Черта эмоционального интеллекта А. Фернхема и К. Петридеса» и «Имплицитные теории эмоций» (Tamir et al., 2007). Показано, что эмоциональный интеллект вносит положительный вклад в ожидание большего количества положительных событий, чем отрицательных. Снижение контроля увеличивает уверенность в прогнозировании отрицательных событий, а увеличение Благополучия снижает количество прогнозируемых отрицательных событий. Инкрементальные имплицитные теории эмоций вносят вклад в общую уверенность, независимо от типа прогноза.

Ключевые слова: эмоциональное прогнозирование, эмоциональный интеллект, имплицитные теории эмоций, Trait Emotional Intelligent Questionnaire.

В отечественных школах психологии мышления процессы предвосхищений раскрывались как прогнозирование А. В. Брушлинским и целеобразование и смыслообразование О. К. Тихомировым и их учениками. Прогнозируя возможные варианты развития событий, мы одновременно предвосхищаем и свои эмоциональные реакции на их развитие и исходы. Это осмыслено, в частности, в предвосхищающей функции эмоций. Развиваемые в отечественной психологии конкретизации идей единства интеллекта и аффекта и деятельностного подхода в концепциях мотивационной и эмоциональной регуляции мышления и принятия решений учитывали влияние эмоций на когнитивные стратегии.

В зарубежной психологии взаимодействия когнитивных и эмоциональных компонентов стали изучаться как процессы «аффектив-

ного» прогнозирования – affective forecasting (Wilson, Gilbert, 2005), что при учете разделения состояний аффекта и эмоций лучше переводить как эмоциональное прогнозирование (ЭП). Методически при этом сдвиг произошел на анализ самих предвосхищаемых эмоций (а не структуры мышления). Однако применение термина ЭП может способствовать продвижению исследований в областях психологии неопределенности (А. Г. Асмолов, Т. В. Корнилова, и др.) и психологии возможного (В. В. Знаков).

Согласно нашей гипотезе, эмоциональное прогнозирование выступает одним из процессов, обеспечивающих контроль неопределенности со стороны образа мира (А. Н. Леонтьев). Образ мира можно понимать как глубинный амодальный регулятор направленности перцептивных и мыслительных гипотез, направляющий переходы от текущей воспринимаемой ситуации к возможной будущей (в метафорической матрице потенциально возможных переходов, причем эта матрица может включать несколько «слоев» критериев – вероятностной оценки, эмоционально-смысловой). Прогнозирование делает возможным построение такой матрицы (С. Д. Смирнов).

Включение в анализ эмоционального предвосхищения позволяет интерпретировать переоценку прогнозируемых положительных и отрицательных эмоций (по отношению к реально испытываемым), что устанавливается во многих исследованиях. ЭП включается в прогнозирование наступления положительных и отрицательных событий, в частности, посредством регуляции уверенности. Соответствующая методика комплексного анализа прогнозирования «События будущего» (по оценкам 34 ситуаций) была разработана зарубежными коллегами (Miranda, Mennin, 2007) и адаптирована под нашим руководством М. С. Зиренко.

Эмоциональный интеллект (ЭИ) при разных традициях его понимания – как способности или личностной черты – включает аспект обработки эмоциональной информации и понимания своих и чужих эмоций. С этой точки зрения ЭИ должен носить вклад в ЭП, поскольку последнее подразумевает понимание своих эмоций.

При апробации методики «События будущего» была показана отрицательная связь понимания своих эмоций (по опроснику Д. Люсина ЭМИн) с количеством ожидаемых положительных событий, что может объясняться большей критичностью прогнозов у лиц с более высоким ЭИ. Также было показано, что люди, придерживающиеся инкрементальной теории эмоций (о возможности управлять эмоциями),

не бояться прогнозировать отрицательные события в жизни, вероятно, за счет уверенности в том, что смогут справиться с негативными эмоциями при негативных исходах.

К. Двек ввела в изучение имплицитных теорий интеллекта и личности дихотомию их разделения на инкрементальные и константные как различие в убеждениях людей о возможности их развития (в частности, в обучении). Придерживающиеся константной теории люди считают, что интеллект или личностные свойства не поддаются изменению. При инкрементальной теории предполагается, что это свойство можно изменить или развить. М. Тамир в сотрудничестве с Дж. Гроссом и другими коллегами применила эту дихотомию к управляемости эмоциями (Tamir et al., 2007). В кросс-культурном исследовании было показано, что инкрементальные имплицитные теории эмоций связаны с более высокой когнитивной эмпатией (Корнилова, Чжоу, 2021); константные ИТЭ сопутствуют избеганию негативных эмоций (Kappes, Schikowski, 2013); они сопутствуют тревожности и депрессии, снижению удовлетворенности жизнью.

Однако не проводились исследования вкладов ИТЭ и черты ЭИ при использовании апробированного на русскоязычных выборках опросника Trait Emotional Intelligent Questionnaire – TEIQue-SF, который прямо соотносит ЭИ с эмоциональной регуляцией и «нижним» уровнем личностных черт.

Целью данной работы стало выявление роли эмоционального интеллекта и имплицитных теорий эмоций в эмоциональном прогнозировании.

Метод

Участники. В исследовании приняли участие 113 студентов и аспирантов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова (46 мужчин и 67 женщин) в возрасте от 18 до 50 лет ($M = 22,7$, $SD = 4,94$).

Все участники очно и онлайн (под контролем исследователя) заполнили опросник «События будущего» (Miranda, Mennin, 2007) и опросник Черта эмоционального интеллекта TEIQue-SF А. Фернхема и К. Петридеса (в нашей адаптации). 106 участников прошли также адаптированный опросник Имплицитные теории эмоций – ИТЭ (Tamir et al., 2007).

Различий по переменным между мужчинами и женщинами не обнаружено.

Результаты

1. Корреляционный анализ выявил связи ЭИ с ЭП. С уровнем уверенности в наступлении благоприятных событий связаны положительно шкалы эмоционального интеллекта Благополучие ($\rho = 0,475$, $p < 0,01$) и Эмоциональность ($\rho = 0,454$, $p < 0,01$) и отрицательно – Социальность ($\rho = -0,417$, $p < 0,01$) и Снижение самоконтроля ($\rho = -0,191$, $p < 0,05$). Таким образом, менее проявляющие самоконтроль и включение в социальные связи люди проявили меньшую уверенность в прогнозе благоприятных событий.
2. Инкрементальные ИТЭ связаны с ЭИ: положительно с Благополучием ($\rho = 0,259$, $p < 0,01$) и Эмоциональностью ($\rho = 0,218$, $p < 0,05$) и отрицательно – с Социальностью ($\rho = -0,269$, $p < 0,01$) и Снижением самоконтроля ($\rho = -0,273$, $p < 0,01$).
3. Инкрементальные ИТЭ оказались положительно связаны с уверенностью, причем: с уверенностью в наступлении положительных событий ($\rho = 0,371$, $p < 0,01$), с уверенностью в отсутствии отрицательных ($\rho = 0,410$, $p < 0,01$) и с уверенностью в наступлении отрицательных событий ($\rho = 0,215$, $p < 0,05$).

Таким образом, убеждения в контролируемости эмоций сопутствуют уверенности, независимо от типа прогноза (позитивных или негативных событий). Однако, выделяется и тенденция к более позитивному прогнозированию (в частности, отсутствует значимая связь с уверенностью, что положительные события не наступят).

4. Применением бинарной логистической регрессии методом Backward Stepwise (Wald) показан положительный вклад шкалы ЭИ Благополучие в превалирование числа ожидаемых благоприятных событий над неблагоприятными ($B = 0,113$, $p < 0,001$, $-2LL = 107,386$, $R^2CS = 0,203$, $R^2N = 0,286$).
5. Линейная регрессия методом Backward показала вклад в количество прогнозируемых положительных событий ($F = 23,704$, $R^2 = 0,315$) Благополучия ($B = 0,098$, $\beta = 0,391$, $t = 4,145$, $p < 0,01$) и Эмоциональности ($B = 0,151$, $\beta = 0,251$, $t = 2,662$, $p < 0,01$). В уверенность в наступлении положительных событий ($F = 10,713$, $R^2 = 0,240$) внесли вклад инкрементальные ИТЭ ($B = 0,151$, $\beta = 0,167$, $t = 1,850$, $p < 0,07$),

Благополучие ($B=0,017$, $\beta=0,267$, $t=2,633$, $p<0,01$) и Эмоциональность ($B=0,033$, $\beta=0,211$, $t=2,097$, $p<0,05$). В количество прогнозируемых отрицательных событий ($F=9,016$, $R^2=0,150$) отрицательный вклад внесло Благополучие ($B=-0,117$, $\beta=-0,257$, $t=-2,492$, $p<0,05$) и положительный Снижение самоконтроля ($B=0,212$, $\beta=0,193$, $t=1,875$, $p<0,07$). В уверенность в наступлении отрицательных событий ($F=4,663$, $R^2=0,083$) отрицательный вклад внесла шкала ЭИ Социальность ($B=-0,029$, $\beta=-0,198$, $t=-1,926$, $p<0,07$) и положительный – Снижение самоконтроля ($B=0,049$, $\beta=0,301$, $t=2,935$, $p<0,01$).

Обсуждение результатов

На основе применения опросника TEIQ нами установлены связи эмоционального интеллекта с уверенностью в наступлении положительных и не наступлении отрицательных событий: лица с более высокими Благополучием и Эмоциональностью смотрят в будущее с большим оптимизмом. Отрицательный вклад Социальности в уверенность в наступлении отрицательных событий соответствует этому: хорошо устанавливающие социальные связи люди в меньшей степени прогнозируют негативные события, не поддаются влиянию чужих негативных настроений. Общее ощущение благополучия, чувство самоконтроля и эмоциональность как способность к пониманию своих эмоций сопутствуют более позитивно направленному эмоциональному прогнозированию.

Этому соответствует и роль Снижения самоконтроля как отрицательного предиктора: низкая устойчивость к эмоциональному стрессу вносит вклад в уверенность прогнозирования отрицательных событий.

Убеждения в возможности управления эмоциями (инкрементальные ИТЭ) выступили в двоякой роли. С одной стороны, наличие положительной связи с уверенностью в наступлении отрицательных событий может говорить о вере в свою способность справляться с негативными эмоциями, а потому помогает не избегать их, что подтверждается и предыдущими исследованиями. С другой стороны, более сильные связи с уверенностью в наступлении положительных событий и с уверенностью в отсутствии отрицательных событий могут свидетельствовать о том, что убеждение в контролируемости эмоций так же, как и ЭИ, сопутствует более позитивному эмоциональному прогнозированию.

Выводы

1. Эмоциональный интеллект выступает предиктором ожидания как положительных, так и отрицательных событий в будущем; его разные шкалы вносят свой как положительный, так и отрицательный вклады в эмоциональное прогнозирование.
2. Инкрементальные имплицитные теории эмоций – как убеждения личности в возможности изменения и управления эмоциями – выступают предикторами большей уверенности в своих прогнозах независимо от того, какое событие ожидается.

Литература

- Корнилова Т. В., Чжоу Цюци.* Эмпатия и имплицитные теории эмоций и личности (на китайской выборке) // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2021. № 1. С. 114–143. doi: 10.11621/vsp.2021.01.05
- Kappes A., Schikowski A.* Implicit theories of emotion shape regulation of negative affect // *Cognition & Emotion*. 2013. V. 27. № 5. P. 952–960. doi: 10.1080/02699931.2012.753415
- Miranda R., Mennin D. S.* Depression, generalized anxiety disorder, and certainty in pessimistic predictions about the future // *Cognitive Therapy and Research*. 2007. V. 31. № 1. P. 71–82. doi: 10.1007/s10608-006-9063-4
- Tamir M., John O. P., Srivastava S., Gross J. J.* Implicit theories of emotion: Affective and social outcomes across a major life transition // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. V. 92. № 4. P. 731–740. doi: 10.1037/0022-3514.92.4.731
- Wilson T. D., Gilbert D. T.* Affective forecasting: Knowing what to want // *Current Directions in Psychological Science*. 2005. V. 14. № 3. P. 131–134. doi: 10.1111/j.0963-7214.2005.00355.x

Особенности нравственной самооценки младших подростков*

Л. Ф. Тибеева (МБОУ «Многопрофильный лицей № 187», Казань)

В статье представлены результаты изучения нравственной самооценки младших подростков на примере 103 пятиклассников МБОУ «Многопрофильный лицей № 187» г. Казани. Описаны особенности эмоционального отношения и возможного поведения в этически сложных ситуациях общения. Анализ полученных данных позволяет судить о достаточно благоприятном состоянии нравственно-этического сознания младших подростков. Однако выявлено 12% учащихся, требующих особого внимания со стороны родителей, педагогов, психологов, других значимых взрослых в связи с признаками демонстративного отказа от следования этической нормы вежливости в случае несправедливой критики, невозможности прощения людям негативных поступков.

Ключевые слова: нравственная самооценка, младшие подростки, нравственно-этическое сознание.

К числу актуальных проблем современного общества относятся вопросы духовно-нравственного содержания. За последние 15–20 лет проведено достаточно много исследований нравственных идеалов (М. И. Воловикова), ценностей и смыслов (В. В. Знаков), отношения к проблемам добра и зла (Л. М. Попов), нравственного самоопределения (А. Б. Купрейченко) российских граждан различного пола, возраста, социально-экономического статуса и пр. Тем не менее, активно развивающиеся отрасли, например, этическая психология личности, дают основания к расширению тематики исследований.

Так, представляется важным изучение компонентов нравственно-этического сознания младших подростков. Вслед за Р. Б. Овчаровой, которая рассматривает нравственную сферу как «единство и взаимодействие когнитивного, аффективного и волевого компонентов», предлагаем исследовать нравственно-этическое сознание

* URL: <https://rscf.ru/project/19-18-00253>.

с точки зрения таких аспектов, как: когнитивный, эмоционально-мотивационный и рефлексивно-деятельностный.

Когнитивный аспект предполагает знание и понимание моральных норм данного общества и данной эпохи. Понимание, по мнению В. В. Знакова, это «центральная проблема человеческого бытия». Ведь именно понимание, например, моральных дилемм как наиболее сложных жизненных задач, характеризующих уровень развития этического сознания личности, отражает «понимание субъектом мира в разные периоды его жизни, тесно связанное с мышлением. Именно оно помогает субъекту разобраться в ситуации и осуществить моральный выбор между добром и злом, нравственным и безнравственным» (Знаков, 2005). Ведь в жизни бывает так, что аморальный поступок может явиться истинно нравственным, человеческим, а высокоморальный на поверку выходит далеким от нравственных чувств и мотивов. Кстати, проводя сравнение понятий «мораль» и «нравственность», А. А. Гостев пишет: «Нравственность я понимаю как следование духовным законам мироздания, мораль как усваиваемые человеком социальные нормы и этические корпоративные нормы, безнравственность которых человек может не заметить» (Гостев, 2017).

Теоретические представления о «должном» являются первой ступенью в освоении личностью общественной морали на пути к вершине «этической лестницы» — нравственному бытию. Несмотря на то, что в период отрочества «знаемое» не всегда и не у всех означает «выполняемое», необходимо первоначально изучить уровень включенности моральных норм и нравственных идеалов и ценностей в структуру сознания.

Эмоционально-мотивационный компонент представлен отношением, которое может находиться в континууме от «полностью принимаю душой и разумом» до «абсолютно не согласен, не принимаю». В последнем случае даже если моральная норма формально выполняется, она не несет возвышающего и обогащающего духовного начала, а значит, не способствует развитию нравственно-этического сознания субъекта и, более того, оказывает разрушающее воздействие на личность.

Рефлексивно-деятельностный аспект отражает психическую работу субъекта по осознанию мотивов, чувств до и после «этического деяния», которое, по мысли С. Л. Рубинштейна, предполагает другого человека как другого этического субъекта.

К универсальным механизмам развития нравственно-этического сознания относят рефлексию. По мнению А. В. Карпова, эта «метакогнитивная способность» позволяет субъекту осознавать свои мотивы, чувства, качества и поступки с точки зрения соответствия моральным нормам и нравственному идеалу.

Младший подростковый возраст является периодом крайней восприимчивости к влиянию со стороны референтной группы как в школе, так и вне ее. По утверждениям В. И. Слободчикова, Е. И. Исаева, «самоценность отроческого возраста определяется его сензитивностью к освоению теоретического отношения к действительности и становлению новых структур рефлексивного теоретического сознания. И если в младшем школьном возрасте главное психологическое новообразование — «субъект учебной деятельности» (В. В. Давыдов), то младший подросток — это уже субъект нравственно-этической деятельности. Ибо только в общении со взрослыми и сверстниками, которое выходит на первый план, приоритетной задачей становится освоение морального поля и нравственного содержания.

По словам А. В. Брушлинского, «своими изначально практическими действиями и поступками в ходе общения человек как субъект целенаправленно изменяет мир (природу и общество), а тем самым также и себя» (Брушлинский, 2003, с. 27). Тем важнее выявить основания этой деятельности с точки зрения соотнесенности с общественной моралью и нравственностью.

Цель настоящего исследования — выявить особенности отношения младших подростков к отдельным нравственно-этическим категориям. В методике Л. Н. Колмогорцевой «Диагностика нравственной самооценки» можно выделить основные категории, проявляющиеся в общении со взрослыми и сверстниками. Это «доброта», «вежливость», причем в этически сложных ситуациях (несправедливая критика, субъективно неприятное общение); «помощь», «прощение», «дружелюбие».

Исследование проведено на базе «Многопрофильного лицея № 187» Советского района г. Казани в апреле 2023 г. среди 103 пятиклассников из четырех классов. Средний возраст — 11,5 лет. В результате были получены данные об уровне нравственной самооценки казанских школьников. С высоким уровнем выявлено 42% учащихся, со средним — 47%, уровень ниже среднего показали 10% лицеистов, у 2% — низкий уровень.

Количественный и качественный анализ позволяет описать особенности самооценивания с помощью индекса значимости категории для респондента, (среднее значение согласия с суждением). Так, наиболее значимыми категориями (индекс 3,5–3,7 при максимальном значении в 4 единицы) стали «доброта», «вежливость», «дружелюбие». По поводу суждения с отрицательной формулировкой «Если кого-то в классе дразнят, то я тоже дразню» выразили полное несогласие 79% школьников. Остальные выразили частичное несогласие, т. е. 21% допускает участие в групповой вербальной агрессии по отношению к сверстникам.

Сравнение классов показало различия в представленности высокого уровня нравственной самооценки: в 5б классе – 71% человек, тогда как в трех других классах – 22–41%. Интересно отметить, что в 5б классе, достаточно благополучном с точки зрения отношения к этическим нормам, есть один ученик с низким уровнем самооценки, который недавно (около двух месяцев) перешел из параллельного класса и, возможно, находится в стадии адаптации к нравственно-этическому климату нового коллектива.

Абсолютное согласие с утверждением «Приятно доставлять людям радость» продемонстрировали 67% учащихся, о добром отношении к детям и взрослым сообщили 55%, а на вежливость как способ «хорошего ощущения себя в обществе» указали 48% учащихся.

Наиболее сложными для выражения согласия оказались для пятиклассников этические категории «прощение» (в ситуации негативных поступков), «вежливость» (в ситуации несправедливой критики) и «понимание» (в ситуации неправоты других людей). Так, суждение «Я думаю, что можно выругаться на несправедливое замечание в мой адрес» полностью «одобрили» 17% учащихся, еще 23% «скорее согласны» так поступить.

Абсолютно не согласны прощать людям отрицательные поступки 17% школьников, «немного согласны» 16% учащихся. Не считают для себя «важным понимать других людей, если они не правы» – 13% респондентов и частично поддерживают эту точку зрения – 14% школьников.

Таким образом, можно говорить о достаточно положительном нравственно-психологическом состоянии младших подростков, хотя есть группа ребят, требующих особого внимания со стороны родителей, педагогов, психологов. Речь идет о том, чтобы понять причины демонстративного отказа от следования этическим нормам даже

на уровне «знаемого». Выделены проблемные направления, связанные с нестойкостью моральных установок, обусловленных особенностями возраста. В частности, это неготовность вчерашних младших школьников, во многом еще импульсивных, с недостаточными саморегуляцией и рефлексией, соблюдать нормы вежливости в случае нарушения партнером по общению нормы справедливости.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Гостев А. А.* Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Знаков В. В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Эффективность оценки риска, базисные убеждения и когнитивно-регуляторные характеристики молодежи

И. А. Филенко (ТГУ, Томск), *С. А. Богомаз* (ТГУ, Томск),
Т. Е. Левицкая (ТГУ, Томск)

Гипотеза исследования: эффективность оценки рисков молодежью связана с базисными убеждениями и когнитивно-регуляторными характеристиками. Методики: шкала интеллектуальной оценки риска (SRIS); шкала базисных убеждений (WAS); методика личностной готовности к деятельности (ЛГД). Регрессионный анализ данных студентов (337 чел. в возрасте 17–26 лет) выявил вклад базисных убеждений о Ценности Я, Самоконтроле, Благожелательности людей и Контроле, а также переменных Целеполагание, Рефлексивность, Удовлетворенность жизнью в оценку субъективных рисков. У юношей и девушек обнаружены отличия в структуре предикторов, связанных с оценкой рисков, и достоверные различия в исследуемых показателях. Полученные результаты расширяют представления о ресурсах людей по преодолению ситуаций, связанных с риском.

Ключевые слова: ситуации неопределенности, оценка субъективного риска, базисные убеждения, целеполагание, студенческая молодежь, регрессионный анализ.

Современное общество характеризуют понятием «общество риска» в связи с изменчивостью, непредсказуемостью социальных процессов и высокой ценой возможных ошибок, связанных с принятием решений. Хотя изменчивость, непредсказуемость и риск всегда были спутниками человека в его становлении и развитии на протяжении многотысячелетней истории, мы заостряем внимание именно на специфике современных ситуаций: 1) они связаны с принципиально новыми вызовами, которые ранее не встречались человечеству, в связи с чем нет наработанного ранее коллективного опыта по их преодолению; 2) цена современных рисков (социальных, техногенных, экологических и др.) чрезвычайно высока, они глобальны по своим последствиям — поэтому неосторожные действия даже небольшой

группы людей могут резонансно усиливаться и оказывать мощное влияние на всех жителей нашей планеты. Обычный человек осознанно и неосознанно воспринимает эти особенности своей ситуации развития и жизнедеятельности. Ощущая свою незащищенность перед лицом современных вызовов, он может реагировать на них негативными эмоциональными состояниями (депрессии, тревожности, стресса), снижением жизненной и профессиональной продуктивности, избеганием социальных взаимодействий и другими неадаптивными эмоциональными и поведенческими проявлениями. Проблематика изучения психологических ресурсов личности, позволяющих ей эффективно преодолевать ситуации риска и успешно действовать в условиях новизны, неопределенности, высокой динамичности социальной жизни, является одной из важнейших задач современной психологии (Корнилова, Павлова, 2020; Маркман и др., 2022; Magnano et al., 2022). В связи с этим целью нашего исследования явилось изучение готовности к принятию риска студенческой молодежью в связи с базисными убеждениями и когнитивно-регуляторными характеристиками.

В исследовании использовались методики: шкала интеллектуальной оценки риска (Subjective Risk Intelligence Scale – SRIS), предложенная G. Craparo, P. Magnano, A. Paolillo, V. Costantino (2018), адаптированная Т. В. Корниловой, Е. М. Павловой (2020), содержащая общую шкалу и субшкалы: Самоэффективность при решении проблем, Способность к воображению, Непринятие неопределенности, Уязвимость к эмоциональному стрессу, оцениваемые по 5-балльной шкале; шкала базисных убеждений личности (World Assumption Scale – WAS (1989); автор – R. Janoff-Bulman), адаптированная О. А. Кравцовой (2000), включающая 8 субшкал: Благожелательность мира, Благожелательность людей, Справедливость мира, убеждение о Контроле мира, Закономерность, Самоконтроль, Удачливость, Ценность Я с 6-балльной шкалой; опросник ЛГД С. А. Богомаза со шкалами, измеряющими когнитивно-регуляторные характеристики: Целеполагание, Планирование, Рефлексия, Удовлетворенность жизнью, индекс ЛГД с 5-балльной шкалой, позволяющими изучать психологические особенности молодежи в контексте сложных современных ситуаций (Филенко и др., 2022).

Выборка исследования, проводившегося в сентябре–октябре 2022 г., представлена 337 студентами вузов г. Томска (50,4% юношей), возраста от 17 до 26 лет ($20,65 \pm 2,07$ года). Анализ первичных статис-

тик, регрессионный анализ и критерий Манна–Уитни проводились в программе Jamovi v. 2.3.21.0. В качестве зависимой переменной использовалась общая шкала Оценки субъективного риска по методике SRIS, а в качестве независимых – переменные методик WAS и ЛГД, а также фактор пола, поскольку выявлено, что женщины в большей степени отвергают ситуации риска (Charness et al., 2018), однако нет ясности относительно психологических переменных, объясняющих этот феномен.

Правомочность регрессионного анализа оценивалась по степени коллинеарности переменных (вычислялся фактор инфляции дисперсии – VIF). Нормальность распределения остатков регрессии определялась с помощью критерия Шапиро–Уилкса. Отсутствие автокорреляции остатков оценивалось с помощью теста Дурбина–Ватсона. Ниже приведены: коэффициенты детерминации R^2 для итоговой модели; значения F критерия Фишера для каждой модели, характеризующие статистическую значимость коэффициента множественной корреляции, и p-уровень значимости для F критерия; стандартизованные коэффициенты регрессии для предикторов, входящих в уравнение (β) и соответствующие им значение F критерия Фишера; уровни значимости для каждого предиктора (p); значения показателей VIF для анализируемых переменных; эмпирическое значение теста на автокорреляцию Дурбина–Ватсона (DW); значения критерия Шапиро–Уилкса (W) для остатков регрессии.

В итоговой модели (общая группа, N = 337), для зависимого показателя Оценки субъективного риска, в качестве независимых были выделены пять предикторов: Ценность Я ($F = 35,15$, $\beta = 0,297$, $p < 0,001$, $VIF = 1,29$), Целеполагание ($F = 26,58$, $\beta = 0,264$, $p < 0,001$, $VIF = 1,35$), Самоконтроль ($F = 8,25$, $\beta = 0,138$, $p = 0,004$, $VIF = 1,19$), Удовлетворенность жизнью ($F = 4,85$, $\beta = 0,108$, $p = 0,028$, $VIF = 1,25$), Пол ($F = 5,39$, $\beta = -0,206$, $p = 0,021$, $VIF = 1,01$). Коэффициент детерминации $R^2 = 0,358$ (скорректированное $R^2 = 0,348$); значение F критерия Фишера, описывающего статистическую значимость коэффициента множественной корреляции, $F = 36,8$, $p < 0,001$. Критерий Шапиро–Уилкса показал наличие нормального распределения остатков ($W = 0,996$, $p = 0,459$). Тест Дурбина–Ватсона не обнаружил эффекта автокорреляции остатков ($DW = 2,07$, $p = 0,598$). Статистика коллинеарности VIF не подтвердила ее наличия.

В регрессионной модели, полученной для группы мужчин ($n = 170$), Оценка субъективного риска определялась четырьмя предиктора-

ми: Ценность Я ($F = 27,93$, $\beta = 0,351$, $p < 0,001$, $VIF = 1,12$), Самоконтроль ($F = 9,60$, $\beta = 0,207$, $p = 0,002$, $VIF = 1,13$), Целеполагание ($F = 8,59$, $\beta = 0,199$, $p < 0,004$, $VIF = 1,16$), Рефлексия ($F = 6,58$, $\beta = 0,165$, $p = 0,011$, $VIF = 1,05$). Коэффициент детерминации $R^2 = 0,346$ (скорректированное $R^2 = 0,330$); значение F критерия Фишера, $F = 21,8$, $p < 0,001$. Критерий Шапиро – Уилкса показал наличие нормального распределения остатков ($W = 0,993$, $p = 0,596$). Тест Дурбина–Ватсона не обнаружил эффекта автокорреляции остатков ($DW = 1,95$, $p = 0,672$).

В регрессионной модели, полученной для группы женщин ($n = 167$), Оценка субъективного риска связана с четырьмя предикторами: Целеполагание ($F = 26,14$, $\beta = 0,347$, $p < 0,001$, $VIF = 1,28$), Ценность Я ($F = 18,90$, $\beta = 0,290$, $p < 0,001$, $VIF = 1,24$), Благожелательность людей ($F = 7,45$, $\beta = 0,169$, $p = 0,007$, $VIF = 1,07$), Контролируемость ($F = 4,43$, $\beta = 0,131$, $p = 0,037$, $VIF = 1,09$). Коэффициент детерминации $R^2 = 0,421$ (скорректированное $R^2 = 0,406$); значение F критерия Фишера, $F = 29,4$, $p < 0,001$. Критерий Шапиро – Уилкса показал наличие нормального распределения остатков ($W = 0,995$, $p = 0,825$). Тест Дурбина–Ватсона не обнаружил эффекта автокорреляции остатков ($DW = 2,18$, $p = 0,264$).

Критерий Манна–Уитни при сравнении групп юношей и девушек обнаружил достоверные различия по показателям: Оценки субъективного риска (3,27 – юноши; 3,10 – девушки; $p = 0,006$), Целеполагания (3,72 – юноши; 3,52 – девушки; $p = 0,049$), Благожелательности людей (3,71 – юноши; 4,08 – девушки; $p < 0,001$), Контроля мира (4,17 – юноши; 3,89 – девушки; $p < 0,001$).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что показатели Ценности Я и Целеполагание, ориентирующие человека в направлении раскрытия новых возможностей и своей субъектности при взаимодействии с миром, и у юношей, и у девушек являются ресурсными характеристиками, связанными с оценкой рисков. Специфические различия, связанные с полом, проявляются в том, что юноши в сложных ситуациях ориентированы на актуализацию процессов Самоконтроля и Рефлексии, позволяющих им анализировать, контролировать свою деятельность и поведение, а также реализовывать на этой основе разноплановые взаимодействия с миром в условиях риска. Возможно, что данные качества являются проявлением аналитического когнитивного стиля, свойственного юношам. Девушки в большей степени направлены на внешние, социальные ресурсы преодоления рисков, находящиеся в окружающем их мире, которые связаны с Благожелательностью людей, и с Контролем процессов,

происходящих в мире, — что может быть свидетельством холистичности их мировоззрения.

Полученные результаты расширяют наши представления о ресурсах человека, позволяющих ему эффективно действовать в условиях риска, а также могут быть использованы для разработки тренинговых программ для студенческой молодежи, направленных на развитие ресурсов эффективной жизнедеятельности в бифуркационных социальных средах.

Литература

- Корнилова Т. В., Павлова Е. М.* Шкала интеллектуальной оценки риска и ее связь с готовностью к риску и эмоциональным интеллектом // *Консультативная психология и психотерапия*. 2020. Т. 28. № 4. С. 59–78. doi: 10.17759/cpp.2020280404
- Маркман И. Ю., Халимова А. А., Левицкая Т. Е., Богомаз С. А.* Интеллектуальная оценка риска и жизнестойкость как личностный ресурс современной молодежи в условиях пандемии // *Инженер настоящего и будущего: практика и перспективы развития партнерства в высшем техническом образовании: Материалы XVII Международной научно-практической конференции (Таганрог, 6–7 июня 2022 г.)*; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону. Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2022. С. 191–199.
- Филенко И. А., Атаманова И. В., Богомаз С. А.* Инновативность, регуляция жизнедеятельности и ценностные ориентации молодых мужчин и женщин: эффект пандемии COVID-19 // *Российский психологический журнал*. 2022. № 3. С. 178–201. doi: 10.21702/rpj.2022.3.12
- Charness G., Eckel C., Gneezy U., Kajackaite A.* Complexity in risk elicitation may affect the conclusions: A demonstration using gender differences // *Journal of Risk and Uncertainty*. 2018. V. 56. № 1. P. 1–17. doi: 10.1007/s11166-018-9274-6
- Magnano P., Santisi G., Zammitti A., Zarbo R., Scuderi V. E., Valenti G. D., Faraci P.* The relationship between subjective risk intelligence and courage with working performance: the potential mediating effect of workplace social courage // *Eur. J. Investig. Health Psychol. Educ.* 2022. № 12. P. 431–444. doi: 10.3390/ejihpe12040031

Динамика отношения к своему телу в ходе лечения у девушек-подростков, страдающих нервной анорексией

Т. Д. Шевеленкова (РГГУ, ИП им. Л. С. Выготского, Москва),

М. М. Сальникова (РГГУ, ИП им. Л. С. Выготского, Москва)

Представлены результаты исследования динамики отношения к своему телу в ходе лечения у девушек-подростков, страдающих нервной анорексией. Методики: многомерное шкалирование «Отношение к своему телу», авторская методика «История моего тела», оценивающая посредством контент-анализа смысловые отношения со своим телом, формы фундаментального отчуждения себя от тела и его конфликтного воплощения (тело как отказ от женственности, искаженное тело, отчужденное тело и исчезающее тело), восприятие будущего, значимые темы и др. Анализ результатов показывает, что при лечении отношение к своему телу сдвигается в сторону положительного полюса, меняются смысловые отношения с телом. Выявлены различные варианты динамики отношения к телу: положительная, отрицательная и неравномерная динамика.

Ключевые слова: нервная анорексия, отношение к своему телу, конфликтное воплощение тела.

Существует огромный пласт психологических исследований нервной анорексии, однако очень много вопросов остается открытыми. Расстройство образа тела при нервной анорексии часто рассматривают как результат подчинения диктату преобладающей модели стройности. Но при нервной анорексии искажается не просто визуальная оценка размеров тела. Суть в том, что различные аспекты отношения к телу становятся тотально негативными. Более того, анорексическое тело богато семиотическим смыслом, оно сообщает то, что пациент иначе не может сообщить иначе.

Основной конфликт при нервной анорексии состоит в фундаментальном отчуждении себя от тела: отказ от женственности, искаженное тело, отчужденное тело и исчезающее тело. Конфликт возникает в подростковом возрасте. Половое созревание усиливает конфликт-

ный характер человеческого воплощения. Тело становится «телом для других» – объектом оценки и сравнения. Эти изменения означают экзистенциальный переход-уход из детства. Пациентки хотят остановить процесс взросления, предотвратив потерю «асексуального» детства. Они стремятся не только к худобе, но и к легкости, невесомости, к «развоплощению». Самодостаточность, независимость как от пищи, так и от тела, сочетается с чувством морального превосходства и становится источником грандиозного триумфа, «само-разрушающего всемогущества».

В психологии в настоящее время не существует методических приемов, нацеленных на исследование фундаментального отчуждения. Также не вполне понятно, поддается ли оно терапевтическому воздействию, в том числе и в ходе стационарного лечения. Не хватает исследований, затрагивающих именно динамику психологических особенностей в ходе лечения нервной анорексии. При оценке эффективности лечения по истечению месяца у пациенток с нервной анорексией отмечается коррекция веса, улучшение физического состояния, но остается открытым вопрос, сдвинулось ли отношение к телу в сторону положительного полюса, «снято» ли фундаментальное отчуждение от тела?

Цель данного исследования: изучение динамики отношения к своему телу в ходе стационарного лечения (в его начале и в конце, через месяц) у пациенток, страдающих нервной анорексией.

Исследование проводилось на базе Центра изучения расстройств пищевого поведения (ЦИРПП) в городе Москва. В нем приняли участие 20 девочек-подростков в возрасте от 13 до 17 лет с диагнозом «нервная анорексия».

Использовались авторские методики:

1. «Отношение к своему телу» (Т.Д. Шевеленкова, Ж.А. Волжина): многомерное шкалирование по критериям: значимость телесного здоровья, значимость красоты собственного тела, оценка умения управлять своим телом, оценка физического состояния, оценка привлекательности своего тела для других, оценка привлекательности своего тела для себя, оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом, оценка способности отождествлять себя со своим телом.
2. Авторская проективная методика «История моего тела» (Т.Д. Шевеленкова, М.М. Сальникова), выявляющая различные аспек-

ты отношения к телу: мотивацию похудения, вторичные выгоды от похудения, фиксацию на внешнем виде, субъектное или объектное отношение к телу, расстройства воплощения, восприятие будущего, значимые темы.

Результаты исследования отношения к своему телу в начале лечения свидетельствуют о тотально негативном отношении к нему у пациенток с нервной анорексией по всем шкалам многомерного опросника. Первоначально высоким явился и интегративный показатель негативного отношения к своему телу.

Сравнительное исследование отношения к телу по группе в целом в начале и конце лечения показало значимые сдвиги негативного отношения к телу в сторону положительного полюса. Статистически значимые сдвиги произошли по шкалам: «Интегративный показатель негативного отношения к своему телу», «Оценка способности отождествлять себя со своим телом», «Оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом», «Оценка привлекательности своего тела для себя», «Оценка привлекательности своего тела для других», «Оценка умения управлять своим телом». Изменения произошли (как тенденция) и в «негативной оценке физического состояния», которая стала более положительной. К концу стационарного лечения не изменились показатели по таким шкалам, как «Значимость телесного здоровья» и «Значимость красоты собственного тела», которые остались прежними, негативными.

Судя по результатам качественного анализа (контент-анализа) текстов, полученных как высказывание на тему «История моего тела», у пациенток в целом по группе в начале лечения обнаруживалась отрицательная как внешняя (30%), так и внутренняя (30%) мотивация похудения, а также избегание говорить на эту тему (40%). Положительной мотивации похудения выявлено не было. К концу лечения резко снизился процент пациенток с отрицательной мотивацией, как внешней (15%), так и внутренней (20%), но при этом резко повысился процент пациенток, избегающих говорить на эту тему (65%). Положительная мотивация к концу лечения так и не появилась. От начала к концу лечения резко снизилось количество пациенток, упоминающих о вторичных выгодах от похудения (с 55 до 25%). У пациенток в начале лечения также была выявлена фиксация на внешнем виде (100%). К концу лечения фиксация на внешнем виде была обнаружена у 75% пациенток.

В начале лечения всего 5% пациенток обнаруживали позитивное эмоциональное отношение к своему телу. В основном оно было негативное (55%) и амбивалентное (40%). К концу лечения эмоциональное отношение к телу стало позитивным у 50% пациенток, негативное отношение осталось у 20%, а амбивалентное — у 30% пациенток. У 100% девушек-подростков, страдающих нервной анорексией, выявлено объектное отношение к своему телу, которое так и не сменилось на субъектное в конце лечения.

Было также исследовано наличие конфликтного воплощения тела, а именно: отказ от женственности (15% на протяжении всего лечения), «искаженное тело» (75 в начале и 55% в конце), «отчужденное тело» (35 и 5% соответственно), «исчезающее тело» (10 и 0%). К концу лечения девушки стали обнаруживать «нормальное воплощение тела» (0 в начале и 30% в конце). Изменилось и восприятие своего будущего; позитивное восприятие будущего возросло с 10 до 25% упоминаний к концу лечения; неоднозначное отношение практически не поменялось и осталось в пределах 45%. Представление о том, что идеал будущего — худоба, который в начале лечения обнаруживали 30% пациенток, в конце лечения не был обнаружен ни у одной из них. В то же время к концу лечения возросло количество девушек, считающих, что их будущее в целом негативно (от 0 до 10%), а также что будущего у них нет (с 15 до 20%). Также были охарактеризованы значимые темы и процент девушек, упоминающих их в начале и конце лечения: травматические события, отношения с родителями, отношения со сверстниками, переживание тела как препятствия, стагнация или ухудшение жизни в связи с похудением, страх смерти, депрессия, ненависть к себе, принятие себя, принятие состояния болезни, страх отката в болезнь, уход от темы тела, уход от темы болезни.

В исследовании охарактеризовано не только изменение отношения к телу, но и определена его индивидуальная динамика. На основе исследования индивидуальной динамики выделены три группы пациенток: 1) пациентки с положительной динамикой (с улучшением показателей — 25%); 2) с неравномерной динамикой (сочетаются улучшения с частичными ухудшениями показателей — 45%); 3) пациентки с отрицательной динамикой (показатели ухудшились — 30%).

Группа пациенток с положительной динамикой и группа с неравномерной динамикой статистически значимо не различаются, однако присутствует существенное качественное различие: респондентки из первой группы твердо уверены в своем будущем, причем оно пред-

ставляется им в позитивном ключе, у них нет фиксации на внешнем виде, тогда как респонденты из второй группы выражают неоднозначное отношение к своему будущему и у них сохраняется фиксация на внешнем виде в конце стационарного лечения.

Группа пациенток с положительной динамикой и группа пациентов с отрицательной динамикой статистически значимо различаются по следующим показателям: «оценка привлекательности своего тела для себя» ($p=0,05$); «оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом» ($p=0,05$); «оценка способности отождествлять себя со своим телом» ($p=0,05$).

Группа пациенток с неравномерной динамикой и группа пациентов с отрицательной динамикой статистически значимо различаются по следующим показателям: «оценка привлекательности своего тела для других» ($U=0,036$, $p=0,05$); «оценка привлекательности своего тела для себя» ($U=0,005$, $p=0,05$); «оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом» ($U=0,026$, $p=0,05$); «оценка способности отождествлять себя со своим телом» ($U=0,012$, $p=0,05$); «интегративный показатель отношения к своему телу» ($U=0,012$, $p=0,05$). Респондентки из группы пациенток с неравномерной динамикой лучше, т. е. более положительно, относятся к своему телу, чем респонденты из группы пациентов с отрицательной динамикой, что выражается в оценке привлекательности своего тела для других и для себя, в оценке способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом, в оценке способности отождествлять себя со своим телом и, собственно, в положительном отношении к своему телу в целом.

Анализ результатов и выводы

В исследовании был разработан новый методический инструментарий, позволивший проследить динамику в ходе лечения (количественно и качественно) не только различных аспектов отношения к телу, но и установить смысловые отношения с телом и их динамику у пациенток с нервной анорексией.

По группе в целом от начала к концу лечения произошли значимые сдвиги негативного отношения к телу в сторону положительного полюса. Однако к концу стационарного лечения не изменились показатели по таким шкалам многомерного опросника, как «Значимость телесного здоровья» и «Значимость красоты собственного тела», которые остались прежними, негативными.

Качественное исследование выявило в ходе лечения некоторое снижение негативной мотивации к похудению, в то время как лечение в стационаре не привело к появлению положительной мотивации. Не поддается коррекции и «объектное отношение» к собственному телу, тело так и не стало «живым телом». Исчезает представление о худобе как идеале, но в то же время на фоне роста числа пациенток с положительной оценкой будущего, растет число девушек с анорексией, считающих, что в будущем их ничего хорошего не ждет (негативное восприятие) или что будущего у них нет.

К концу стационарного лечения снижается число девушек с конфликтным воплощением тела. Неизменно присутствует только такая форма конфликтного воплощения, как отказ от женственности (15% на протяжении всего лечения).

Выявлена группа пациенток с безусловно положительной динамикой большинства показателей отношения к телу, они твердо уверены в своем будущем, причем оно представляется им в позитивном ключе, у них нет фиксации на внешнем виде, в противоположность группе пациенток с отрицательной динамикой.

**МАКРО- И МИКРОСОЦИАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Динамика ценностных ориентаций россиян и вектор развития современного общества

Ю. А. Гаюрова (СПб ГБУ «Центр семьи», Санкт-Петербург)

В статье анализируется феномен ценностных ориентаций, приводятся данные проведенных исследований различных социальных групп на предмет структуры ценностных ориентаций и определения вектора развития общества. Ценностные ориентации нами изучались на протяжении более 20 лет, в качестве инструмента использовался опросник «Ценности» Ш. Шварца. Типы культурных ценностей, согласно ключу: Интеллектуальная Автономия, Аффективная Автономия, Мастерство, Равноправие, Гармония, Консерватизм и Иерархия. Мы проводим в статье сравнительный анализ данных выборок прошлых лет и актуального пилотажного исследования ценностей подростков на предмет динамики тех или иных типов как отражения адаптивных возможностей современной культуры для сохранения психологического благополучия подрастающего поколения.

Ключевые слова: ценностные ориентации, структура ценностных ориентаций, ценности подростков, динамика ценностных ориентаций в российском обществе.

Г. М. Андреева определяла ценностные ориентации как явление когнитивно-мотивационное, в котором важную роль играет процесс познания мира (Андреева, 2001). Его результатом является система представлений о мире, имеющих оценочное и регулятивное значение. Как и любая теоретическая деятельность, деятельность по формированию представлений о мире и системы оценок его явлений выступает как «единая деятельность индивидуального и группового субъекта» (Брушлинский, 2002, с. 29). Те или иные общие значения в процессе деятельности субъекта приобретают для него личностный смысл, и этот процесс подчиняется условиям жизни общества и конкретного его представителя. Яркой иллюстрацией тому служит фраза Сократа: «Если кто знает, что такое добродетель, то он и поступает добродетельно; а если он поступает иначе, из корысти ли, из страха ли,

то он просто недостаточно знает, что такое добродетель» (Гаспаров, 1999, с. 13). Развитие мотивационной сферы человека в процессе его социализации принято считать «центральной звеном в формировании личности» (Божович, 1995, с. 164).

Ценностные ориентации личности выступали предметом нашего интереса и изучения на протяжении более 20 лет и исследовались нами и как результат социализации студентов, и как социально-психологическая характеристика этнических групп в рамках межэтнического взаимодействия (Гаюрова, 2002), и как показатель мотивационной сферы представителей интеллигенции – преподавателей вузов.

В качестве инструмента исследования ценностных ориентаций мы использовали опросник «Ценности» Ш. Шварца. Автор разработал несколько версий ключей для обработки данных. Нами на протяжении всех лет использовалась версия ключа, благодаря которой можно выявить «Типы культурных ценностей», или такие типы мотивации, которые группируются по принципу бинарных оппозиций: Иерархия–Равноправие, Консерватизм–Автономия и Мастерство–Гармония. Они, в свою очередь, располагающиеся на двух биполярных осях: Открытость к изменениям (Интеллектуальная и Аффективная Автономии)–Консерватизм (ценности безопасность, конформность, уважение традиций) и Акцент на себе (Мастерство, Иерархия)–Акцент на других (Равноправие, Гармония). Автор отталкивался от идеи приоритета в культуре одного из полюсов оси. Тип ценностных ориентаций «Иерархия» включает ценности материальных благ и власти. Противоположным типом является тип «Равноправие», куда входят ценности: Равенство, Верность, Ответственность и т. п. Тип «Консерватизм» имеет приоритетом уважение традиций. Тип «Аффективная Автономия» включает набор потребительских ценностей – удовольствия, потакания себе и пр., тип «Интеллектуальная Автономия» – ценности свободомыслия, широты взглядов, творчества. Типы «Гармония» и «Мастерство» противоположны в отношении к миру и напоминают дихотомию «Восток–Запад», где «Гармония» – это Восток с его созерцательным восприятием мира, черпающим истину в природе и в естественности, а «Мастерство» – это Запад, для которого характерно стремление к преобразованию окружающего мира и утверждение мерой всех вещей – человека.

В настоящий момент нами проводится пилотажное исследование ценностных ориентаций подростков (12–18 лет). Количество респондентов составило 30 чел. В исследовании приняли участие под-

ростки – жители г. Санкт-Петербург. Приводим полученные данные средних значений показателей типов культурных ценностей (по убыванию степени значимости): Интеллектуальная Автономия – 4,77; Аффективная Автономия – 4,69; Равноправие – 4,54; Мастерство – 4,27; Гармония – 4,05; Консерватизм – 3,95; Иерархия – 3,88.

С этим интересно сопоставить данные наших предыдущих исследований. В частности, этнопсихологического исследования ценностных ориентаций русских, татар и чувашей, проведенное нами в 2000 г. (Гаюрова, 2002). Данные по трем этническим группам не имели существенных различий. Доминирующим у всех трех групп был тип культурных ценностей Равноправие, наименьшее значение имел тип Иерархия. Тип Аффективная Автономия – предпоследний в структуре тип.

Нами проводился ежегодный мониторинг данного показателя среди студентов творческих специальностей, а также выборочное исследование среди будущих специалистов технической сферы (строительных специальностей). Мы стали обнаруживать незаметные поначалу изменения в структуре ценностных ориентаций, а именно тенденцию к повышению, а затем росту показателей типа Аффективная Автономия.

В 2015 г. мы провели опрос среди студентов специальностей, связанных с художественным творчеством, и студентов технических специальностей и выявили следующую последовательность типов ценностей по значимости:

- студенты творческих специальностей (N = 85): Интеллектуальная Автономия (5,24), Равноправие (5,01), Аффективная Автономия (4,95), Мастерство (4,70), Гармония (4,63), Консерватизм (4,35) и Иерархия (3,51);
- студенты технических специальностей (N = 123): Консерватизм (5,19), Аффективная Автономия (4,97), Равноправие (4,84), Мастерство (4,67), Интеллектуальная Автономия (4,63), Гармония (4,29) и Иерархия (3,97).

Обращает на себя внимание низкая значимость типа ценностей Интеллектуальная Автономия и Гармония и высокая значимость типа Консерватизм для респондентов технической выборки. Показатели типа Аффективная Автономия парадоксально сочетаются у последних с показателями типа Консерватизм, что означает, вероятно, предпочтение традиционализма не столько в смысле приверженнос-

ти национальной культуре (это противоречило бы ценностям Аффективной Автономии и снижало бы их значения), сколько в смысле поиска социальной опоры и стабильности. Отчасти это можно понимать как склонность к конформности. Тип Гармония имеет низкий статус в структуре и у выборки студентов творческих специальностей, но доминирует у них Интеллектуальная Автономия, понимаемый нами как ценности свободомыслия, свойственные творческой интеллигенции. А возможно, и молодежи в целом, стремящейся быть, а не казаться.

Исходя из всех приведенных данных, можно отметить наличие одной общей тенденции динамики: роста показателей типа культурных ценностей Аффективная Автономия на протяжении последних 20–25 лет. Это ценности потребительского характера: удовольствие, потакание себе (некоторые респонденты-подростки ставили этим ценностям оценки высший балл, который можно ставить не более 2 раз) и др. Как вывод, можно утверждать, что мы живем в «полноценном» потребительском обществе, которое приобрело стойкий вектор нашего развития с распадом СССР. Также наблюдается повышение показателя типа Мастерство. Стоит отметить определенную стабильность положения в структуре ценностных ориентаций всех рассмотренных выборок таких оппозиционных типов, как Равноправие и Иерархия с явным предпочтением Равноправия.

Интеллектуальная Автономия находится на вершине ценностной структуры опрошенных подростков. Фактически, два типа Автономии находятся в конкурентных позициях. Процент респондентов-подростков, у которых тип Аффективная Автономия имеет высшие баллы (6 и 7), – почти половина опрошенных (41,6%). Однако количество респондентов, имеющих высокие баллы по типу Интеллектуальная Автономия составляют 75%.

Ценностные ориентиры выступают в качестве и средства, и результата адаптации к постоянно меняющейся реальности мира, пережившего множество революций, главная из которых, конечно, научно-техническая. Она своим фактом определила развитие и осуществление всех остальных. И ценностные ориентации – наилучший маркер процесса адаптации личности к среде. Благодаря структуре ценностных ориентаций можно судить о тенденции развития общества, пути, который оно выбирает. Сохранение предпочитаемых россиянами акцентов в бинарных осях культуры между типами Иерархия и Равноправие – важный позитивный признак развития нашего

современного общества, отраженный в сознании подрастающего поколения. Еще более важный позитивный момент — это сохранение приоритетной значимости такого типа ценностей, как Интеллектуальная Автономия. Это возможность верить, что в будущем не нужно будет ни у кого спрашивать: дважды два — это сколько? Однако есть вопрос, безотлагательно требующий решений. Это снижение уровня значимости типа ценностей Гармония. В нашем исследовании более 45% подростков поставили оценки ценностям данного типа в диапазоне от 0 до 4 по шкале от -1 до 7. Часто можно было встретить, что респондент ставит относительно высокий балл в пользу защиты природы, а единству с природой — ноль. На наш взгляд, это прямое следствие политики общества, которое проявляет себя минимум через поколение. Начиная еще с советских времен, общество постепенно и неуклонно шло к такой девальвации, повинаясь требованиям времени, необходимости тотальной индустриализации, когда принято стало обращаться с природой как с ресурсом, подлежащим эксплуатации. В ценностях советских людей это, вероятнее всего, не отражалось. Поскольку множество преступлений против природы никто не оглашал. Ставились другие цели — достигать высокого уровня развития индустрии, поэтому все было приемлемо, и о том, что это будет иметь страшные последствия (как материальные, так и духовные), едва ли кто задумывался. Но при этом с природой не порывал. Сейчас напротив, активно движение за защиту природы, факты оглашаются, и борьба идет, но девальвация произошла, и подростки «живут» в Интернете, они это предпочитают реальности. Поэтому важно обратить внимание именно на отрыв от природы, наверное, максимальный за всю историю человечества, и «вернуть» новые поколения из мира искусственного в мир реальный, поскольку дезадаптивность обратной стратегии доказала себя в критических вопросах — уровне суицидов детей и подростков, проблемах снижения успеваемости в школах из-за отсутствия мотивации к учебе, снижения возраста употребления ПАВ, росту востребованности психиатрической помощи подрастающему поколению и многом другом.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Божович Л. И.* Проблемы формирования личности. М., 1995.

- Брушлинский А. В.* О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 9–34.
- Гаспаров М. Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Российская интеллигенция: история и судьба. М.: Наука, 1999. С. 5–14.
- Гаярова Ю. А.* Социально-психологическое исследование этнической толерантности (на примере русских, татар и чувашей г. Самары и Самарской области) // Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Отв. ред. Н. М. Лебедева. М.: Изд-во Российского ун-та Дружбы народов, 2002. С. 27–60.

Восприятие барьеров успешной деятельности в разных группах фрилансеров*

Т. В. Дробышева (ИП РАН, Москва), *В. М. Касьянов* (ГАУГН, Москва)

В статье изложены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение психологических причин, тормозящих готовность фрилансеров развивать свою деятельность в будущем. Приводятся данные о различиях в восприятии ими барьеров успешной деятельности в зависимости от установок на развитие своего дела. Показано, что респонденты, готовые к переходу в предпринимательство, в большей степени, чем те, которые не планируют развивать свое дело, оценивают значимость бюрократических барьеров, последствий пандемии, нестабильности экономической ситуации в стране и трудностей установления контактов с партнерами. Обнаружено, что еще неопределившиеся со своими планами фрилансеры в ситуации улучшения условий для развития бизнеса могут пополнить ряды предпринимателей.

Ключевые слова: социальная психология, социально-психологические барьеры, фрилансеры, психологическая готовность, предпринимательская деятельность.

Проблема изучения восприятия фрилансерами (самозанятыми) социальных явлений, мешающих достижению ими успеха в деятельности как психологических барьеров, имеет научную и прикладную актуальность. В первом случае речь идет о поиске внешних и внутренних причин, тормозящих у самозанятых желание развивать свое дело на новом уровне; во втором — о разработке прикладных технологий снятия психологических барьеров. В 90-е годы прошлого века в отечественной психологии подобные исследования проводились в связи с потребностью выявления психологических барьеров массового предпринимательства в стране (Ермолаева, 1996). В настоящее время

* Работа подготовлена и опубликована в рамках Государственного задания № 0138-2023-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

мя актуальность этого направления работ связана с изменившимися условиями экономического развития российского общества, в частности уходом большого количества западных компаний с российского рынка и сменой вектора развития отечественной экономики на поиск внутренних возможностей, прежде всего человеческих ресурсов. В этом контексте фрилансеры воспринимаются как «социальный капитал» развития предпринимательства, поскольку фриланс определяется рядом исследователей как промежуточная форма между наемным трудом и предпринимательством (Benz, 2004). Однако, как показывают исследования, не все фрилансеры готовы развивать свою деятельность в статусе предпринимателя. Многие из них ориентированы на возвращение к работе в организации или продолжают оставаться фрилансерами-наемными работниками (Стребков, Шевчук, 2015). Все вышеизложенное указывает на потребность поиска причин, влияющих на психологическую готовность фрилансеров к занятию предпринимательской деятельностью.

Основываясь на вышеизложенном, сформулировали цель работы – выявить различия в восприятии фрилансерами социальных и социально-психологических явлений как барьеров в развитии их деятельности. Предположили (гипотеза), что те из них, которые готовы в будущем заниматься предпринимательской деятельностью, будут более высоко оценивать значимость социальных явлений, выступающих барьерами для достижения успеха в их актуальной деятельности, чем фрилансеры, которые не готовы заниматься предпринимательской деятельностью. Конкретизируя предположение, данные различия будут прямо пропорционально связаны со степенью удовлетворенности своей деятельностью в статусе фрилансера.

Описание выборки. В исследовании принимали участие фрилансеры (N = 200 чел.) в возрасте от 23 до 65 лет, из них: 38,5% – мужчины, 61,5% – женщины; 72% из них имели высшее образование и занятость в сфере услуг: парикмахерские, туризм, фото- и видеомонтаж и пр. – 35% выборки; образование, психология – 14%; IT-технологии – 11,5%; иное – 11%.

В работе применяли следующие методы и методики: 5-балльная шкала планирования фрилансерами развития деятельности в перспективе («Если вы будете продолжать работу как самозанятый, планируете ли вы в будущем расширять сферу деятельности, нанимать сотрудников, т. е. создавать или развивать свой бизнес и т. п.?»); опросник «Барьеры успешной деятельности фрилансеров» (Т. В. Дробыше-

ва, В. М. Касьянов), включающий набор суждений, полученных с помощью полужакрытого интервью фрилансеров. В основе измерения также использовали 5-балльную шкалу Лайкерта. В работе применяли 7-балльную шкалу удовлетворенности своей актуальной деятельностью в статусе фрилансера. Посредством анкетирования выявляли социально-демографические характеристики. Различия выявляли с опорой на критерии Манна–Уитни и Краскела–Уоллиса (при $p < 0,05$); анализ связей проводили по критерию Спирмена. Для проверки надежности–согласованности опросника был проведен расчет коэффициента надежности α Кронбаха для каждого пункта в отдельности ($\alpha =$ от 0,68 до 0,78) и всего опросника (для 10 элементов $\alpha = 0,744$; ср. = 28,58; ср. откл. = 6,79).

Результаты исследования

На первом этапе работы в группе респондентов выделились три категории фрилансеров, по-разному планирующих развитие своей деятельности в будущем. К первой группе (далее группа 1, $N = 88$ чел., поровну мужского и женского пола) были отнесены те из них, которые высказали уверенность в том, что в дальнейшем они будут развивать свой бизнес как предприниматели. Во вторую группу (далее группа 2, $N = 70$ чел., из них 67% – женщины) включили фрилансеров, желавших остаться самозанятыми и ответивших категорическим отказом от такой перспективы. Третья группа (далее группа 3, $N = 42$, из них 74% – женщины) объединила респондентов, не определившихся с перспективой развития своей деятельности. Во время опроса они еще не приняли решения. Включение в последующий анализ данной группы фрилансеров основывалось на их восприятии как категории работников, которые потенциально могут развивать свою деятельность как предприниматели.

Последующий анализ восприятия респондентами барьеров успешности их деятельности выявил различия. Поскольку сравнивали выраженность оценок в трех группах попарно, то применяли критерий Манна–Уитни (при $p < 0,05$). Так, фрилансеры, планирующие развивать свою деятельность как предприниматели (разрабатывать новые технологии, способы производства; производить большой объем товаров или услуг; нанимать для этого работников) отличаются от своих коллег, желающих остаться самозанятыми, по своим оценкам: бюрократических барьеров ($U = 2449,50$; $p = 0,023$), трудностей выстраива-

ния отношений с партнерами ($U = 2117,0$; $p = 0,000$), преодоления ситуации снижения деловой активности в период коронавируса ($U = 2302,5$; $p = 0,005$), отсутствия государственной поддержки для развития деятельности фрилансеров ($U = 2201$; $p = 0,002$). Последующий частотный анализ показал, что данные барьеры более значимы для развития своего дела в первой группе, чем во второй. В частности, если трудности преодоления бюрократических барьеров беспокоили третью часть респондентов из первой группы (28,4%), то во второй группе только 13% участников высказали такое отношение к ним. Проблемы контактов с партнерами воспринимались как барьер успешной деятельности больше в первой (19%), чем во второй группе (всего 3% респондентов). Последнее объясняется тем, что самозанятые не могут нанимать других людей для решения своих задач. Они самостоятельно ищут и выполняют работу как наемные работники, но в отличие от сотрудников организаций, еще и сами платят налог государству. Однако круг их социальных связей по работе ограничен. Отсутствие государственной поддержки, прежде всего в лице профсоюзов, также больше беспокоило фрилансеров из первой группы, чем из второй (54,6% выборки – группа 1 и 27% – группа 2).

Интересно, что группа не определившихся со своими планами фрилансеров (группа 3) отличалась от коллег, планирующих развитие своей деятельности в роли предпринимателя (группа 1), только по оценкам нестабильности экономического развития страны ($U = 1444,00$; $p = 0,039$) и отсутствия государственной поддержки ($U = 1324,50$; $p = 0,008$) как явлений, мешающих достижению ими успеха в деятельности. По данным частотного анализа, вышеприведенные барьеры – проблемы в развитии российской экономики (58% – гр. 1 и 38% – гр. 3), отсутствие государственной поддержки (55% – гр. 1, 26% – гр. 3) – больше беспокоили фрилансеров, планирующих активно развивать свою деятельность. Различия в восприятии барьеров неопределившимися фрилансерами (группа 3) и теми, кто предпочитает и дальше оставаться самозанятым (группа 2), ограничили их оценки отношений с другими людьми, партнерами по работе ($U = 1108,00$; $p = 0,023$). Сложность установления социальных контактов для успешности деятельности больше беспокоила респондентов из группы неопределившихся (16,7% – гр. 3, 3% – гр. 2).

Интерпретируя полученные результаты отметим, что повышенный фокус внимания к социальным явлениям, которые трактуются

фрилансерами как барьеры успешности их деятельности, более выражен в группе респондентов, планирующих развивать свою деятельность в статусе предпринимателя. По всей видимости, в процессе построения своих планов они стремятся более глубоко и объективно оценивать социальную ситуацию, признавая, что существует ряд трудностей в развитии бизнеса (отношения с партнерами, бюрократия, общая экономическая ситуация, отсутствие господдержки и даже последствия коронавируса), которые необходимо им преодолевать в перспективе. По сравнению с ними, фрилансеры, которые не хотят развивать свою деятельность на новом уровне, оценивают эти барьеры как менее значимые с точки зрения эффективности выполнения работы. Возможно, это связано с их неудовлетворенностью своей деятельностью как самозанятого. Особенности восприятия барьеров успешности деятельности в группе не определившихся с планами фрилансеров свидетельствуют о том, что в ситуации позитивных изменений экономической ситуации в стране, а также при условии разработки специальных программ по поддержке государством деловой активности самозанятых данная категория респондентов будет склоняться к принятию решения о переходе в предпринимательство.

Для подтверждения/опровержения высказанного выше предположения о причинах различий в восприятии барьеров фрилансерами выполнили сравнительный анализ (по критерию Краскела–Уоллиса при $p < 0,05$) показателей удовлетворенности респондентов своей актуальной деятельностью. Результаты анализа выявили различия в трех группах ($\chi^2 = 5,77$; $p = 0,05$). Причем процент респондентов, удовлетворенных своей работой, во второй группе был существенно ниже, чем в первой и третьей группах. По всей видимости, удовлетворенность своей работой как самозанятого выступает внутренним мотивом готовности фрилансеров к переходу в предпринимательство. Однако последующий корреляционный анализ между оценками барьеров и удовлетворенностью фрилансеров своей актуальной деятельностью не выявил статистически значимых связей.

Подводя итоги выполненного исследования, следует подчеркнуть, что фрилансеры, продемонстрировавшие установки на развитие своей деятельности в будущем как предпринимателей, в восприятии барьеров более глубоко, чем другие, анализируют внешние препятствия. При этом различий в восприятии внутренних барьеров («я сам») или зависящих от самого самозанятого («отсутствие у меня

финансовой подушки») причин, тормозящих развитие деятельности, нами не обнаружено. Детальное изучение этого вопроса представляется перспективным направлением развития исследования.

Литература

Ермолаева Е. П. Предпринимательство: самодиагностика и преодоление психологических барьеров. М.: Академия, 1996.

Стребков Д. О., Шевчук А. В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. № 1. С. 72–100.

Benz M. Entrepreneurship as a non-profit-seeking activity // International Entrepreneurship and Management Journal. 2004. V. 5. P. 23–44.

Функции коллективных чувств в общественной жизни

Т. П. Емельянова (ИП РАН, Москва)

В статье предлагается новый подход к анализу коллективных чувств, основанный на идее выполнения ими определенных функций в жизни больших социальных групп. Выделены ориентирующая, мотивирующая, функция самоутверждения, регулирующая и компенсаторная функции, а также релаксирующая функция. Рассмотрены ситуации в мировой истории, которые пробуждают, «дают ход» и встраивают соответствующие чувства в макропсихологические процессы.

Ключевые слова: коллективные чувства, макропсихология, тревоги, страхи, коллективный копинг.

Изучение больших социальных групп в рамках макропсихологии традиционно включает исследование характеристик ментальности, глобальных угроз, рисков, идеалов, ценностных ориентаций, социальных представлений, коллективной памяти. Аффективная сторона психологии общественной жизни привлекала меньшее внимание исследователей, несмотря на то, что со времен Г. Тарда и Э. Дюркгейма важность аффективной составляющей жизни общества не подвергается сомнению. Одной из причин является крайняя переменчивость аффективных феноменов, а следовательно, их «неуловимость» традиционными эмпирическими методами.

Коллективные чувства исследуются в социальных науках в основном как специально выделенные явления, например, тревоги или страхи населения и преимущественно в рамках социологических опросов (Долгов, 2018). Под коллективными чувствами с социально-психологической точки зрения мы будем понимать устойчивые аффективные феномены, разделяемые членами больших социальных групп, выделенных по признакам принадлежности к поколению, полу, месту проживания и т. п. Коллективные чувства связаны с экономическими, политическими и региональными условиями жизни людей, вызывающими яркий эмоциональный отклик.

Изучение коллективных чувств может вестись по разным основаниям: их модальности, интенсивности, устойчивости (Дробышева, Емельянова, 2017; Емельянова, 2016). Между тем для понимания содержательной стороны аффективной жизни общества важно учитывать то, какую роль коллективные чувства играют в межгрупповом взаимодействии и в политических процессах. Для этих целей полезно определить и систематизировать функции, которые выполняют коллективные чувства в общественной жизни. Традиционные подходы в психологии эмоциональных состояний, а также анализ исторических ситуации позволяют выделить шесть основных функций, выполняемых коллективными чувствами при осуществлении межгруппового взаимодействия, межнациональных отношений и общественной активности. Это следующие функции: ориентирующая, мотивирующая, функция самоутверждения, регулирующая, компенсаторная и релаксирующая. Рассмотрим ситуации, которые пробуждают, «дают ход» и встраивают соответствующие чувства в макропсихологические процессы.

Наиболее изученный вариант функционирования этих аффективных феноменов — ориентировка людей в происходящих событиях. Коллективные чувства возникают в ответ на значимые процессы и события в общественной жизни, информацию в СМИ, действия политиков. В социальных науках наибольшее внимание в этом плане исследователями уделяется негативным и амбивалентным коллективным чувствам. Преобладание негативных чувств у некоторых коллективных субъектов получило наименование феномена «катастрофического сознания». Коллективно разделяемый страх, рациональный или иррациональный, как эмоциональная основа катастрофического сознания, является признаком опасности. Его возникновение оповещает о реальных и потенциальных угрозах благосостоянию группы или общества.

Социальные тревоги, как и социальный страх, обусловлены общественными угрозами, но, в отличие от страха, они характеризуются предвосхищением опасности и меньшей глубиной переживания. То есть чувство социальной тревоги — это разделяемое «предощущение» опасности как возможного развития социальной угрозы. В условиях нарушения привычного хода повседневной жизни социальные тревоги посредством коллективного копинга стимулируют конструирование когнитивных феноменов (социальных представлений, новых схем, сценариев и т. д.). Эти феномены обеспечивают объяснение кри-

зисных ситуаций на уровне здравого смысла и создают удобный образ происходящего, который уменьшает остроту переживания тревоги.

Коллективные чувства позволяют в трудных ситуациях поднять дух, укрепиться в своей позиции – это мобилизующая или мотивирующая функция. Так, во время Великой Отечественной войны чувства любви к Родине, ненависти к захватчикам придавали силы в тяжелейших условиях и воевавшим, и работавшим в тылу. Такого рода чувства рождают пассионарность, по Л. Н. Гумилеву, она является той жизненной энергией, которая под влиянием разных факторов, многократно возрастает.

Регулирующая функция коллективных чувств осуществляется в ситуации переживания большой группой, например нацией, собственной неполноценности, ущербности, преступности действий. Такие чувства, как раскаяние, вина, покаяние, ведут к желанию отрегулировать, исправить свои отношения с жертвами, к намерению компенсировать ущерб пострадавшим. В истории подобные примеры нечасты, но случай политики послевоенной Германии очень характерен.

Функция самоутверждения осуществляется в ситуации, когда группа нуждается в поддержании позитивного имиджа в собственных глазах, особенно в случае недостаточно высоких достижений при завышенных ожиданиях. В этих условиях «работают» чувства собственного превосходства, чувство исключительности, гордость за победы своих предков, дегуманизация оппонента как отрицание человечности аутгруппы. Обесценивая другие группы, самоутверждающиеся перестают видеть в них равных себе. Зачастую такого рода чувства провоцируют политику мессианства, когда одна группа силой насаждает свои убеждения и верования дегуманизированной группе. На этой почве возникает эффект дефаворизации в межгрупповых отношениях (Агеев, 1983), который с легкостью порождает конфликты, как внутригражданские, так и межнациональные. Так, лозунг «Огонь по штабам» не только в эпоху Культурной революции в Китае, но и для леворадикального студенческого движения во Франции стал символом дегуманизации соотечественников во властных структурах. Гражданские конфликты вызываются и чувством превосходства, также выполняющим функцию самоутверждения одних групп в отношении других, низкостатусных групп общества (женщины, этнические, расовые и религиозные меньшинства). В социальной психологии разработано направление по эмпирическому исследованию ориентации на социальное

доминирование на основе методики, разработанной Дж. Сиданиусом и Ф. Пратто (J. Sidanius, F. Pratto).

Компенсаторная функция чувств большой группы, в частности нации, выполняется в целях преодоления таких негативных переживаний, как несправедливость, недооцененность ее со стороны других народов. Следствием механизма компенсации становятся так называемые «ресентимент» и «нарциссизм», которые, в свою очередь, могут породить политику «осажденной крепости», окруженной врагами, чреватую внешней агрессией. Нарциссический гнев (термин Х. Кохута) может быть вызван и самоутверждением за счет других, агрессивной реакцией группы на недооценку своих достоинств. Возвращаясь к истории XX века, типичным представляется пример политики гитлеровской Германии после поражения в Первой мировой войне.

Помимо вышеперечисленных коллективные чувства могут выполнять и функцию релаксации: игнорирование проблем, чувство самоуспокоенности, уверенности в связи с ощущением принадлежности к сильной группе, патерналистские чувства, традиция изучения которых сформировалась в отечественной социальной психологии (Е. П. Белинская, Т. Г. Стефаненко, О. А. Тихомандрицкая).

Особенно в периоды социальной турбулентности коллективные чувства порождают необходимость когнитивного освоения происходящего. Если объект вызывает негативные чувства или ориентировочные реакции, стимулируемые амбивалентными чувствами, вступает в силу механизм коллективного копинга (В. Вагнер), с помощью которого компенсируется эмоционально-нравственный дискомфорт за счет конструирования социальных представлений соответствующего содержания.

Изучение закономерностей возникновения и функционирования коллективных чувств во многом является ключом к пониманию психологических механизмов общественной жизни.

Литература

- Агеев В. С.* Психология межгрупповых отношений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Долгов А. Ю.* Исследование коллективных эмоций в социальных науках (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. «Социология: реферативный журнал». 2018. № 2. С. 117–155.

Дробышева Т. В., Емельянова Т. П. Методический прием исследования динамики коллективных чувств к значимым социальным объектам // Наука. Культура. Общество. 2017. № 3–4. С. 80–91.

Емельянова Т. П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. URL: <http://www.soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf>.

Индивидуальный личностный рост как результат субъектного развития терапевтической группы

Е. В. Кончакова (ФГБОУ ВО «ВГУ», Воронеж),

К. М. Гайдар (ФГБОУ ВО «ВГУ», Воронеж)

В статье представлена попытка теоретического осмысления связи между процессами развития терапевтической группы как группового субъекта и личностного развития ее участников. Обосновывается положение о том, что индивидуальный личностный рост участников группы есть результат субъектного развития терапевтической группы. Исследование этой зависимости позволит глубже понять взаимосвязь индивидуальных и групповых феноменов и сделать терапевтический процесс более результативным.

Ключевые слова: терапевтическая группа, групповой субъект, личностный рост.

Одной из ведущих проблем групповой психотерапии является взаимосвязь динамики группы с индивидуальными терапевтическими изменениями ее участников. Вопрос о том, является ли развитие терапевтической группы как единого субъекта положительным фактором, влекущим за собой продуктивные личностные изменения, неоднократно был предметом дискуссий представителей различных направлений групповой психотерапии (У. Беннис, Г.Л. Исурина, О.В. Немиринский, И.В. Федорус, E. J. Anthony, S. H. Foulkes, E. K. Schwartz, A. Wolf и др.). Тем не менее, исследования конкретных результатов влияния субъектного развития группы на индивидуальные терапевтические достижения ее участников практически отсутствуют. Исключения составляют редкие работы (Г.Л. Исурина, M. A. Lieberman, D. S. Whitaker).

Конечной целью психотерапевтического процесса является не формирование «успешной» группы, а улучшение качества жизни ее участников. В литературе неоднократно описывались модели группового развития применительно к разным типам малых групп (У. Беннис, Б.Д. Карвасарский, К. Роджерс, Г. Шепард, И. Ялом, E. E. Mintz,

J. S. Rutan, W. N. Stone). Но в основном речь шла о групповой динамике как таковой. Вопросы субъектного развития терапевтической группы и проекции этого процесса на индивидуальное развитие ее членов не затрагивались.

В связи со сказанным нами предпринята попытка теоретического осмысления связи между развитием терапевтической группы как целостного субъекта и позитивными личностными изменениями ее участников.

В последнее время групповая психотерапия вышла на новый уровень. Она стала не просто способом коррекции каких-то патологических симптомов, но и методом работы с личностными особенностями людей, не имеющих каких-либо расстройств, но испытывающих жизненные трудности. Центральным в этом случае выступает развитие личности внутри группы – развертывание процесса личностного роста (Немиринский, 2016).

Личностный рост представляет собой неоднозначное психологическое понятие, истоки которого лежат в экзистенциально-гуманистической психологии А. Маслоу и К. Роджерса. В широком смысле под ним понимается субъективный опыт изменений в поведении, мыслях и чувствах, которые, в свою очередь, переживаются как способствующие большей адаптации. Такие изменения могут принять, например, форму повышения мастерства в профессиональной деятельности или проявиться в большей жизнестойкости человека перед лицом препятствий и проблем. Помимо этого, личностный рост трактуется как результат жизненного опыта, приобретенного в том числе в составе терапевтической группы. Так, опыт пережитой психической травмы приводит к проживанию экзистенциального кризиса, переосмыслению ценностных позиций и, как следствие, к личностному росту. Подобные переживания интерпретируются как то, что позволило извлечь ценный урок понимания самого себя, окружающих людей и мира в целом.

Важно учесть, что личностный рост, как правило, представляет собой полностью субъективное явление. Поэтому изучается он в основном посредством метода самоотчета. И независимо от того, являются ли самоотчеты о личностном росте отражением фактических изменений, нет сомнений, что феноменологическое восприятие роста связано с такими результатами позитивного функционирования, как снижение уровня депрессии и повышение уровня психологического благополучия. В частности, согласно концепции К. Рифф,

личностный рост отражает вовлеченность человека в постоянное развитие, открытость новым событиям и людям, а также усилия, направленные на достижение высокого уровня своего потенциала. Являясь одним из компонентов психологического благополучия, личностный рост тесно связан с особенностями межличностного взаимодействия и социального функционирования субъекта.

По мнению О. В. Немиринского, личностный рост – это рост способностей личности принимать на себя ответственность за свою жизнь, доверять людям, любить, отстаивать свое мнение (Немиринский, 1993). Все эти способности имеют безусловную ценность для личностного развития потому, что они расширяют свободу выбора и тем самым однозначно обогащают личность. Таким образом, личностный рост есть содержательный аспект развития личности, касающийся последовательного приобретения человеком ряда личностных способностей, позволяющих комфортно и адаптивно функционировать в обществе.

Рассматривая личностный рост с этих позиций, подчеркнем, что групповая форма психотерапии представляет собой модель личностного роста в конкретных микросоциальных условиях (Исурина, 2017). Иначе говоря, терапевтическая группа, сама развивающаяся как единый субъект, является уникальной «естественно-социальной лабораторией» для изучения феноменов личностного роста и реального достижения позитивных изменений (Немиринский, 1995; Гайдар, 2013). Субъектное развитие этой группы обеспечивается за счет того, что в ходе ее работы в ней складываются и начинают действовать объективные социально-психологические закономерности развития взаимоотношений в малых группах. В терапевтической группе преобладают такие формы совместной активности, как общение, взаимоотношения, групповая рефлексия, поведение. Постепенно группа становится субъектом в этих сферах активности.

Существенным является именно факт взаимодействия групповых и индивидуальных психологических феноменов. Следует учитывать, что любой участник включается в группу со своим уровнем личностного развития, жизненным опытом (в том числе психотравмирующих переживаний и их преодоления), имеет индивидуальную скорость развития, готовность к личностным преобразованиям. Другими словами, у каждого разные «стартовые возможности» и свой темп личностного продвижения в группе. Понятно, что особенности каждого участника вносят свой вклад в формирование групповой психологии. Но она не сводится лишь к ним, не является их суммой, а представляет собой

новообразования, подчиняющиеся собственно социально-психологическим закономерностям, обеспечивающим надындивидуальный характер психологии группы как целостной системы, единого субъекта. Считаем, что именно процесс субъектного развития самой терапевтической группы, ее динамика создает условия для личностного роста участников. Как отмечает Г.Л. Исурина, «специфика групповой психотерапии как самостоятельного метода заключается в целенаправленном использовании всей совокупности взаимоотношений и взаимодействий, возникающих между участниками группы – групповой динамики – в лечебных, психотерапевтических целях» (Исурина, 2017, с. 4).

Несмотря на то, что групповая динамика давно и подробно изучается в отечественной и зарубежной социальной психологии (Г. М. Андреева, Е. М. Дубовская, Р.Л. Кричевский, К. Левин, А. Edmondson, T. R. Clark, W. A. Kahn и др.), связи групповой динамики, понимаемой в широком смысле как совокупность всех социально-психологических процессов и явлений внутри группы, и индивидуальной динамики терапевтических достижений участников группы до сих пор практически не раскрыты.

В контексте настоящего исследования наиболее важно, что динамика субъектного развития терапевтической группы создает необходимые условия для личностного роста ее участников. По мере того как группа обретает психологическую общность, становится единым субъектом, она обогащает своих участников за счет их активного вовлечения в групповые процессы, обретения опыта совместных переживаний, взаимодействий, решения тех или иных проблем, оказания психологической помощи отдельным членам. То есть в силу своего собственного субъектного роста группа «предлагает» участникам объективные возможности для проявления, расширения и совершенствования различных своих личностных способностей. Одновременно все лучше овладевая ими, участники затем «возвращают» их в групповое пространство, изменяя характеристики группы как целостного субъекта. При вычленении этого аспекта групповой динамики, способствующего терапевтическому продвижению (личностному росту) отдельных участников, значимым является тот факт, что на деле имеет место взаимовлияние групповых и индивидуальных явлений в терапевтической группе, взаимные проекции субъектного развития группы и личностного роста ее участников.

И еще один вопрос важно затронуть. Объективная диагностика личностного роста затруднительна, поскольку любые формы само-

отчета и самооценки отражают лишь субъективное восприятие члена группы. В то же время процесс и результат субъектного развития группы можно зафиксировать путем диагностики различных компонентов ее динамики (сплоченности, согласованности, психологического единства, ценностно-ориентационного, нормативного единства, психологического климата и пр.). Современная социальная психология обладает в этой области достаточно обширным диагностическим инструментарием. Результаты групповой диагностики могут служить косвенными, но – главное – объективными показателями личностного роста участников терапевтической группы.

Таким образом, терапевтическая группа выступает как системный феномен, существующий исключительно в «интериндивидуальном» (А. В. Петровский) пространстве. Для достижения положительных терапевтических эффектов ее участников важно, чтобы сама группа развивалась как единый субъект, поскольку эти эффекты могут возникнуть лишь в конкретных микросоциальных условиях этой группы. Опыт взаимодействия в группе, выступающей единым субъектом, который направлен на оказание психологической помощи своим членам, испытывающим определенные жизненные трудности, позволяет участникам раскрыть свои собственные субъектные ресурсы, опробовать их в безопасной психологической обстановке, тем самым нарастить уровень имеющихся способностей, составляющих содержание личностного роста.

Литература

- Гайдар К. М.* Социально-психологическая концепция группового субъекта: Монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013.
- Исурин Г. Л.* Психотерапия и психологическое консультирование как виды клинико-психологического вмешательства // Медицинская психология в России. 2017. Т. 9. № 3 (44). С. 4. URL: <http://mpgj.ru> (дата обращения: 03.05.2023).
- Немиринский О. В.* Личностный рост в терапевтической группе. М.: ИОИ, 2016.
- Немиринский О. В.* Терапевтическая динамика группы как развертывание процесса личностного роста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.
- Немиринский О. В.* Терапевтическая роль групповой динамики // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 3. С. 1–14.

Теория социального познания и макро- и микросоциальная психология

Т. И. Короткина (СПбГУП, Санкт-Петербург),
А. П. Якунин (ООО ЦДС «Потенциал», Санкт-Петербург)

Целью доклада является определение программ исследований теоретических и прикладных направлений социальной психологии. Обоснованием установления новых программ исследований выступает предложенное ранее новое понимание теории социального познания, связанное с рассмотрением субъекта социального познания в трех качествах, а именно: как субъекта созерцания, субъекта интерпретации и субъекта объяснения. Проводится теоретический анализ понятий психологии социального познания, обосновывающий разделение индивидуального представления, групповой оценки и социального представления для индивидуально-психологического и социально-психологического уровней познания. Предлагаются новые подходы в решении ряда проблем прикладных направлений социальной психологии.

Ключевые слова: макросоциальная психология, микросоциальная психология, теория социального познания, субъект социального познания, программы исследований.

Разделение социальной психологии на два отраслевых направления, а именно: на макро- и микросоциальную психологию, позволяет конкретизировать проблемы теоретического, методологического и прикладного характера в исследованиях социально-психологической реальности. Одной из важнейших проблем социальной психологии была и остается проблема межличностного познания (Андреева, 2002; Емельянова, 2016; Панферов, 2009; Якунин, 2018). Теория социального познания является одной из центральных теорий в социальной психологии, развитие которой было представлено ранее. Было показано, что познающего человека как индивидуального субъекта надо рассматривать в трех качествах: как субъекта созерцания, субъекта интерпретации и субъекта объяснения (Якунин, 2018). Целью

данного исследования является обоснование, на основе выдвинутых ранее положений о теории социального познания, нового понимания теоретических положений о различии между индивидуальным представлением, групповой оценкой и социальным представлением, а также теоретический вклад в решение проблем в прикладных направлениях социальной психологии. Задачи исследования: 1) установить различие между понятиями «индивидуальное представление», «групповая оценка» и «социальное представление»; 2) провести анализ различия сущности индивидуально-психологического и социально-психологического уровней отражения объективной действительности; 3) обозначить программы исследований в прикладных направлениях социальной психологии.

Первая задача нашего исследования связана с решением проблемы терминологического обозначения образа отражения на индивидуально-психологическом и социально-психологическом уровнях отражения действительности. Данная проблема возникает по причине разделения социально-психологического уровня на два подуровня: социальная психология малой группы и социальная психология большой группы. Мы считаем, что необходимо точное разграничение этих двух подуровней во избежание теоретических ошибок в дальнейшем и уточнение сущности предметов исследования в макро- и микросоциальной психологии. Данное противоречие возникло в связи с принятием в отечественной социальной психологии терминов, разрабатываемых зарубежными авторами (Емельянова, 2016; Панферов, 2009). В отечественной социальной психологии обозначение результата группового познания реализовывалось на основе понятий «групповой образ» и «групповая оценка личности» (ГОЛ), тогда как с середины 1980-х годов осуществляется – начиная с работ Т. П. Емельяновой – включение в понятийный аппарат отечественной социальной психологии понятия «социальное представление» (Андреева, 2002; Емельянова, 2016; Панферов, 2009; Якунин, 2018). Противоречие заключается в том, что понятие «социальное представление» обозначает исключительно образ большой социальной группы о предмете познания, в то время как понятиями «групповой образ» и «групповая оценка личности» обозначали одновременно и образ познания малой социальной группы, и результат познания большой социальной группы. Нами, в свою очередь, предлагается понятие «групповая оценка личности», более точно «групповая оценка» оставить исключительно как обозначение образа познания малой группы, так как за понятием

«групповая оценка личности» изначально было закреплено определение как результата процессов совместной деятельности и межличностного общения, обусловленного особенностями межличностных отношений (Панферов, 2009). Именно обусловленность межличностными и социальными отношениями конструирования результата познания действительности людьми как представителями малых или больших групп определяет разделение образа познания в малой и большой социальной группе. Почеркнем, что и групповая оценка, и социальное представление, в отличие от индивидуального представления, есть результаты социально-психологического уровня отражения действительности. Установление различия сущности индивидуально-психологического и социально-психологического уровней отражения является следующей задачей доклада.

Обоснованием различия индивидуально-психологического уровня отражения от социально-психологического выступают положения двух принципов, а именно: принципа субъекта и принципа детерминизма. Первый дает возможность определить структурную организацию человека в плоскости континуума «индивидуальное—социальное», на основании второго решаются проблемы обусловленности между субъектностью психического как причиной и субъективным и объективным как следствиями данной причины (Брушлинский, 1991; Емельянова, 2016; Панферов, 2009). На основе ранее представленной структурной организации человека как индивидуального субъекта в процессе социального познания предлагается рассматривать его в трех качествах: субъекта созерцания, субъекта интерпретации, субъекта объяснения (Якунин, 2018). Важнейшим аспектом проблемы данного разделения является положения принципа субъекта о непрерывности психического, что в отношении процесса социального познания также неразрывно связано с категорией «отражение», что дают основания рассматривать процесс социального познания как непрерывный во всем онтогенезе человека (Брушлинский, 1991). С другой стороны, проблема обусловленности субъективного и объективного определяет разделение индивидуально-психологического и социального-психологического уровней социального познания в предложенной Т. П. Емельяновой дилемме когнитивизма и конструктивизма (Емельянова, 2016). Именно определение на основе дисперсионного факторного анализа достоверного уровня взаимообусловленности между субъектностью и субъективным или объективным дает основание разграничить результаты индиви-

дуально-психологического и социально-психологического уровней социального познания. Результаты многочисленных эмпирических исследований в области психологии интеллекта показали наличие достоверной взаимообусловленности между интеллектом человеком и сформированностью индивидуального представления как субъективного образа, а также отсутствие таковой взаимообусловленности между интеллектом человека и любыми формами объективного, что позволяет сделать вывод о когнитивной сущности индивидуально-психологического уровня социального познания и, напротив, конструктивной сущности социально-психологического уровня данного вида познания. Рассмотрение субъекта социального познания в трех процессах (созерцания, интерпретации и объяснения) обосновывает дальнейшее различие сущности двух уровней отражения. В данном вопросе мы, основываясь на многочисленных эмпирических исследованиях, утверждаем, что индивидуальный субъективный когнитивный образ конкретного человека формируется исключительно в одном из трех указанных процессов познания, что в рамках категории «субъект» означает, что данный образ формируется человеком как индивидуальным субъектом либо как субъектом созерцания, либо как субъектом интерпретации, либо как субъектом объяснения. Таким образом, индивидуальное представление — это когнитивный субъективный образ другого человека или группы людей, формируемый индивидуальным субъектом либо в качестве субъекта созерцания, либо в качестве субъекта интерпретации, либо в качестве субъекта объяснения. По проблеме сущности формирования групповой оценки и социального представления мы, исходя из представленных исследований в социальной психологии различных видов взаимодействия (взаимопрития, взаимопознания, взаимоотношения, взаимовлияния и др.), делаем вывод о том, что формирование двух названных групповых видов отражения осуществляется одновременно в трех процессах социального познания (см.: Андреева, 2002; Емельянова, 2016; Панферов, 2009). Это означает, что каждый представитель группы как индивидуальный субъект формирует групповую оценку или социальное представление одновременно и как субъект созерцания, и как субъект интерпретации, и как субъект объяснения. Таким образом, социальное представление и групповая оценка — это конструктивистский образ конкретной (большой или малой) социальной группы о конкретном человеке или группе людей, формируемый индивидуальными субъектами в трех качествах субъекта со-

циального познания, а именно: и субъекта созерцания, и субъекта интерпретации, и субъекта объяснения.

Новое теоретическое понимание процесса социального познания позволяет сформулировать программы исследований в ряде прикладных направлений социальной психологии. В экономической психологии: психологические основания разделения предпринимательства на «малый», «средний» и «крупный», а именно: на уровне «малого» превалируют субъекты интерпретации над субъектами объяснения; на уровне «среднего» – равенство между субъектами интерпретации и субъектами объяснения; на уровне «крупного» – преобладание субъектов объяснения над субъектами интерпретации. В теории социально-психологического тренинга: снятие проблемы негативного восприятия другого или других людей на основе формирования способности к саморегуляции перехода от субъекта интерпретации к субъекту объяснения. В психологии высшей школы: подготовка специалистов по гуманитарным, естественнонаучным и техническим дисциплинам на основе формирования качеств личности субъекта объяснения предмета данных дисциплин, а не субъекта интерпретации.

Заключение

1. Предложено новое определение понятий «индивидуальное представление», «групповая оценка» и «социальное представление».
2. Представлены обоснования новых исследований в прикладных направлениях социальной психологии.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2002.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психологический журнал. 1991. Т. 13. № 6. С. 3–11.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Панферов В. Н.* Психология человеческих отношений. Избранное. СПб.: АНО ИПП, 2009.
- Якунин А. П.* Категория «индивидуальный субъект» и теория социального познания // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 185–191.

Спортивная игра көк-бөрү в контексте этнического самосознания южных алтайцев

Ж. В. Кузнецова (ФГБОУ ВО «МГАФК», Малаховка)

Статья посвящена тюркской спортивной игре көк-бөрү в контексте этнического самосознания алтайцев. Рассматривается роль коня и связанных с ним предметов как этнического маркера в жизни народностей Алтая. Описываются правила көк-бөрү и ее символический смысл, который на образно-знаковом плане служит для алтайцев способом символического приобщения к жизни легендарных предков, к истории своего народа и помогает выстроить многоуровневую систему этнической самоидентификации.

Ключевые слова: көк-бөрү, «шок будущего», тюрки, этническое самосознание, этнический маркер, су-алтай.

Актуальность исследования, связанная с повышением значимости этнического фактора, в том числе и в спортивной жизни страны, вызвана тем, что во времена глобальных перемен, сопровождающихся нестабильностью, масса людей испытывает то, что Э. Тоффлер назвал «шоком будущего» (Тоффлер, 2002). Появляется все больше ситуаций, где человек не может полагаться на прошлый опыт. Поверхностность межличностных отношений, недолговечность социальных и культурных установок приводят к ощущению социальной неприкаянности и беспомощности. Этнос, как одна из наиболее стабильных систем, выполняет в этой ситуации функцию поддержки людей, давая им ощущение стабильности и постоянства в стремительно меняющемся мире. «Шок будущего», который обрушился на людей в результате распада Советского Союза, привел к росту этнического самосознания и повышению внимания к этническим составляющим в политике, обыденной жизни и спорте.

Цель исследования — изучение роли игры көк-бөрү как одного из факторов актуализации этнического самосознания южных алтайцев. Были использованы следующие методы: анализ литературных источников, беседа, включенное наблюдение.

Южные алтайцы – тюркский этнос. Их этническое самосознание сензитивно к реалиям предметного и природного мира, социально-нормативной и образно знаковой реальности, оно находится в стадии формирования и фиксировано на традициях и мифах, основанных на исторически сложившейся этнической идентичности. В основе его лежит родо-племенное и этническое обособление.

Алтайцы отождествляют себя со своей этнической общностью через этноним, пристрастное отношение к своей этничности, идентификацию с именем собственным, традиционные притязания на признания, традиционную половую идентификацию в контексте социально-нормативного пространства. Все эти факторы находят свое отражение как в обыденной жизни, так и в национальном спорте алтайцев.

Так как этническое самосознание алтайцев находится в переходном состоянии от родового к собственно этническому, ему присуща многоуровневость структуры, которая состоит из взаимосвязанных идентификаций – родовой, этнотерриториальной, собственно этнической, общероссийской и общемировой. Также осуществляется и идентификация отдельного человека с самим собой как личностью. Новообразования ценностно-ориентированных идентификаций взаимодействуют между собой по типу кругов Л. Эйлера, по модели конъюнкции, выстраивающейся в соответствии с внешними условиями многоуровневых идентификаций и внутренней позицией каждого человека (Кузнецова, 2014).

Многоуровневость идентификаций нашла свое отражение и в конном спорте алтайцев. Среди конных спортивных игр алтайцев можно выделить: 1) состязания, общие для народностей тюркского мира, которые выступают в качестве фактора приобщения алтайцев к тюркскому миру; 2) состязания, принятые среди различных этнических групп Алтая и объединяющие их; 3) состязания отдельных этнических групп Алтая, служащие актуализатором этнического самосознания данной группы. Спортивную игру *көк-бөрү* можно смело отнести к первой группе.

Автором уже исследовались различные аспекты национальных спортивных игр, в том числе и конных в контексте этнической ментальности и самосознания алтайцев (Кузнецова, 2023).

Большинство спортивных игр у южных алтайцев так или иначе имеют, помимо соревновательной, еще и сакральную составляющую, и многие из них связаны с культом коня, отчетливо прослеживаемым в эпосе и традиционных верованиях тюркоязычных этносов Алтая.

О прекрасных навыках верховой езды алтайцев писал еще В. В. Радлов (Радлов, 1989). Конь для героя алтайских сказаний – главный помощник и друг. Для алтайцев конь – почти высшее существо. В традиционном мировоззрении все, что связано с конем, принято считать «чистым» и защищающим человека от злых духов.

Связанные с конем предметы, помимо сакрально-охранительных функций, имеют функции этнического маркера. Одним из предметов, наделенным ролью этнического маркера, призванного продемонстрировать принадлежность к су-алтай (настоящим алтайцам) является столб для коновязи, находящийся рядом с усадьбой – родовой атрибутом жизни многих поколений. По виду коновязи определяли статус хозяев. В наши дни коновязь сохраняет свое значение как этнический маркер, демонстрирующий этническую принадлежность хозяев (Кузнецова, 2014). Автору доводилось видеть эти столбы возле городских усадеб Горно-Алтайска, у хозяев которых коня заменял автомобиль. В этом случае коновязь, будучи оторванной от утилитарной функции, продолжала выполнять сакрально-охранительные функции и выступала маркером алтайской этничности хозяев.

Таким образом, конь по-прежнему выполняет в труднопроходимых районах Алтая практическую функцию транспорта и традиционной праздничной пищи местных жителей и является этническим маркером настоящего алтайца (су-алтай).

Командное состязание көк-бөрү, принадлежащее к тюркской игровой культуре, является отражением культурно-исторических традиций кочевников-скотоводов, демонстрацией искусства конников, а также маркером этнической самоидентификации алтайцев, обозначением их принадлежности к тюркскому миру. Көк-бөрү – жесткий и травмоопасный спорт. Поэтому он был запрещен в Советском Союзе.

В Россию эта древняя тюркская спортивная игра вернулась в 2000-х, но прижилась только на южном Алтае. Были попытки создания команд көк-бөрү в других тюркоязычных регионах России, но в настоящее время говорить можно только об алтайских командах и соревнованиях на Алтае. То есть можно утверждать, что игра көк-бөрү нашла свой отклик в ментальности и самосознании южных алтайцев. После чемпионатов көк-бөрү дети в селах Алтая играют в көк-бөрү, подражая алтайским спортсменам-любителям, так как профессиональных игроков в көк-бөрү на Алтае нет.

Несмотря на победу алтайской команды на Всемирных играх кочевников в Киргизии, көк-бөрү на Алтае остается спортивной игрой

пастухов-любителей, которые осуществляют с помощью нее свое притязание на признание как среди односельчан, так и среди представителей тюркских этносов других стран.

Команды для игры көк-бөрү созданы в районах компактного проживания южных алтайцев – Онгудайском, Шебалинском, Усть-Канском, Улаганском, Кош-Агачском и Чемальском. Необходимо отметить, что көк-бөрү по-прежнему выступает как спорт народов, принадлежащих к родовым культурам и зрители болеют не только за команду своего района, но и за игроков из своих родов-сеоков, ощущая единство не только с тюркским миром, но и со своим родом, а на международных состязаниях еще и с народом России. «Никогда в жизни за российский триколор я так не дрожал: на спинах у нас было написано „Россия“, и во время соревнований мы постоянно ловили на себе косые взгляды. Но когда стали объявлять победителей – все трибуны встали. Наша маленькая республика Алтай... представляет большую Россию в этом красивом древнем состязании», – рассказывал в интервью председатель федерации көк-бөрү на Алтае Анатолий Унуков.

Таким образом, можно констатировать, что көк-бөрү помогает выстроить многоуровневую систему этнических идентификаций – идентификацию со своим родом (сеоком), со своей этнической группой, с тюркским миром и, наконец, с российским суперэтносом.

В көк-бөрү играют в 3 периода 2 команды по 12 игроков. В поле по 4 участника от каждой команды, которых заменяют во время игры. На противоположных концах поля стоят той казан – «праздничные котлы» из земли и дерна.

Цель көк-бөрү – на скаку схватить или отнять у соперника тушу козла и забросить в казан противника. Если верить рассказам пожилых алтайцев, то раньше у тюрков целью было закинуть тушу в свой казан, что имело значительно больший смысл, так как отражало соперничество родов (сеоков) за скот и попытку накормить свой род. Игра шла село на село, могла длиться несколько дней, победители получали в качестве приза тушу козла (т. е. несли его в свой казан). Современные правила сложились под влиянием европейских видов спорта, где задачей было забросить мяч в ворота соперников.

После приветствий команды клянутся не нарушать правил игры: не дергать за одежду соперников, а коней за сбрую, не бить коней соперников. Затем игроки разъезжаются на исходные позиции. По свистку судьи члены команд мчатся к центру поля, чтобы схватить тушу козла с земли на полном скаку. Команда соперников преследу-

ет схватившего, а соратники помогают ему достичь казан и закинуть туда козла. Можно хватать тушу козла, отбирать у соперников, перетягивать из рук противника, упираясь ногой в его коня, перекидывать тушу над седлом и под брюхом на полном скаку и перебрасывать партнерам по команде. Запрещено неожиданно становиться на пути всадника с тушей. При этом всаднику нужно управлять летящей во весь опор лошастью.

«Кёк-бөрү» переводится как «темно-серый с синеватым отливом волк». Игра, демонстрируя ловкость и бесстрашие игроков, их сплоченность, символически уподобляет их волчьей стае. Кёк-бөрү символизирует охоту волчьей стаи и на образно-знаковом уровне приобщает играющих к родовому тотему тюрков — волку, выступая как образно-знаковый маркер тюркской ментальности. Образ волка, лежащий в основе названия игры кёк-бөрү, отсылает к преданию о зарождении этноса, где волчица является первопредком тюрков. Согласно преданию, предки тюрков были убиты врагами. В живых остался девятилетний мальчик. Ему отрубили руки и ноги и бросили в болото. Его нашла и вскормила своим молоком волчица, ставшая затем его женой. Мальчика потом убили враги, а волчица убежала, спряталась в горах Алтая и родила сыновей. Сыновья женились на местных женщинах. Один из правнуков, Ашина, стал вождем и дал свое имя народу. Народ Ашина вошел в состав тюрков, названных кёк тюрк (синие тюрки).

Таким образом, кёк-бөрү имеет символический смысл и на образно-знаковом плане служит для алтайцев способом символического приобщения к жизни первопредков, к истории этноса и возможностью актуализации этнической принадлежности. Оставаясь любительской, она помогает жителям сельских районов Алтая осуществлять свое притязание на признание как бесстрашных мужчин и настоящих алтайцев (су-алтай), владеющих конем, обретая в этом плане значение этнического маркера. Игра помогает игрокам и зрителям выстроить многоуровневую систему этнической самоидентификации — со своим родом (сеоком), со своей этнической группой, с тюркским миром и с российским суперэтносом.

Литература

Кузнецова Ж. В. Этническое самосознание и ментальность южных алтайцев в контексте реалий предметного мира // Регионология. 2014. № 1. С. 155–164.

Кузнецова Ж. В. Спортивная игра теленгит-куреш как отражение этнической ментальности теленгитов // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 4 (130). doi: 10.23670/IRJ.2023.130.68

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989.

Тоффлер Э. Шок будущего. Пер. с англ. М.: АСТ, 2002.

Суверенность психологического пространства и социально-психологическая пресыщенность условиями жизни в мегаполисе*

И. В. Ларионов (ИП РАН, Москва), Т. В. Дробышева (ИП РАН, Москва)

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение проблемы личностной детерминации социально-психологической пресыщенности горожан условиями проживания в мегаполисе. В исследовании принимали участие москвичи в возрасте от 30 до 65 лет. Применяли авторские опросники, направленные на изучение аффективного и когнитивного компонентов социально-психологической пресыщенности, а также методика «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер. Проанализирована связь показателей суверенности психологического пространства и социально-психологической пресыщенности. Подтверждена гипотеза исследования, чем более выражена суверенность психологического пространства, тем в меньшей степени выражены негативные переживания СПП.

Ключевые слова: социально-психологическая пресыщенность, суверенность психологического пространства, социальная психология мегаполиса, городская среда, мегаполис.

Городская среда мегаполиса отличается высоким темпом жизни, вынужденным поверхностным общением горожан с чужими людьми, сложностью сохранения личного пространства в условиях перенаселенности. Все вышеперечисленные и многие другие характеристики рассматриваются исследователями, с одной стороны, как особенности условий жизни в мегаполисе, с другой – как стресс-факторы, снижающие удовлетворенность проживанием в городе и психологическое благополучие горожан (Барковская, Назарова, 2014). С позиции разрабатываемой нами концепции, навязанный характер город-

* Работа подготовлена и опубликована в рамках Государственного задания № 0138-2023-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

ских условий жизни может актуализировать переживание жителями мегаполиса состояние социально-психологической пресыщенности (СПП), порождаемое взаимодействием личности (группы) и социальной, предметно-пространственной среды мегаполиса, которое проявляется в эмоциональных и поведенческих реакциях горожан на избыток коммуникативных, информационных и предметно-пространственных стимулов городской среды (Дробышева, Ларионов 2021; Ларионов 2023). Основными механизмами СПП, ограничивающими нагрузку на психику горожанина, является избирательность восприятия личностью информации в городской среде, избегание глубокого эмоционального общения. На личностном уровне данные механизмы могут быть связаны с суверенностью психологического пространства личности (Нартова-Бочавер, 2008). Согласно концепции автора, суверенность личности проявляется в том числе в ее способности сохранения психологических границ («психологическая приватность»). Суверенность психологического пространства формируется с раннего детства и отличается динамичностью в течение всей жизни человека. Поддержание приватности рассматривается как психологическая активность, направленная на избирательность в отношении социального и информационного взаимодействия с окружающей средой (потребляемой и продуцируемой информацией). Таким образом, можно предположить (гипотеза), что сформированная суверенность психологического пространства личности будет обратно пропорционально связана с выраженными проявлениями СПП.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 182 респондента (49 мужчин и 133 женщины) в возрасте от 30 до 65 лет (средний возраст – 42 года), проживающие в Москве (122 респондента родились либо проживают в Москве более 20 лет).

Методы исследования

Для изучения проявлений социально-психологической пресыщенности применяли авторские опросники, сконструированные на материале предыдущих исследований. Так, для анализа аффективного компонента респондентам предлагалось оценить выраженность 9 переживаний (беспокойство, грусть, апатия, раздражение, воодушевление, удовлетворение, интерес, радость, отвращение), вызванных 11 явлениями городской среды, рассматриваемыми нами в качестве источников СПП. Опросник, направленный на выявление пове-

денческих проявлений СПП включал в себя 22 поведенческие стратегии, направленные на совладание или избегание с источниками СПП. Использовали следующие методы статистического анализа: частотный анализ, корреляционный анализ (коэффициент Спирмена), конфирматорный факторный анализ.

С целью изучения выраженности суверенности психологического пространства личности была использована методика «Суверенность психологического пространства» Нартовой-Бочавер (Нартова-Бочавер, 2005). Методика включает как общую шкалу суверенности психологического пространства, так и шесть субшкал (суверенность физического тела, суверенность территории, суверенность вещей, суверенность привычек, суверенность социальных связей и суверенность ценностей).

Результаты исследования

На первом этапе работы анализировали выраженность показателей суверенности психологического пространства и СПП, на втором этапе — их взаимосвязь. Анализ данных показал, что выраженность обобщенного показателя суверенности в конкретной выборке соответствует умеренным значениям (средний уровень) (показатель общей суверенности — 61 балл). При этом показатели субшкал отличаются. Так, выявили средний уровень суверенности физического тела (58 баллов), вещей (58 баллов), ценностей (60 баллов), а также высокий уровень суверенности привычек (63 балла), территории (63 балла) и социальных связей (62 балла). Таким образом, в изучаемой группе горожан в целом сформирована способность к сохранению суверенности личного пространства, наблюдаются выраженные способности к принятию временных изменений в распорядке дня, способности контролировать и отстаивать границы личной территории, а также в избирательности отношений с другими людьми. Интерпретируя полученный результат, можно лишь предположить, что более высокие значения суверенности территории и социальных связей свидетельствуют о значимости для жителей мегаполиса самой ситуации нарушения границ их физического пространства, а также о необходимости постоянно контролировать (ограничивать) социальные связи в городской среде, отбирая лишь значимые контакты.

Анализ аффективного компонента СПП показал, что в данной группе респондентов из всех эмоциональных переживаний наиболее выражены: раздражение, беспокойство, интерес. Как можно заме-

титель, модальность этих переживаний носит как негативный (раздражение, беспокойство), так и позитивный (интерес) характер. Данный факт объясняется тем, что городская среда воспринимается жителями мегаполиса противоречиво, являясь одновременно как источником разнообразных возможностей, так и фактором, порождающим неблагоприятные для жизни условия (стрессогенность, перенаселенность, повышенная нагрузка на психику). В изучении поведенческого компонента СПП при помощи конфирматорного факторного анализа были выделены стили социального поведения горожан, которые объединили их устойчивые стратегии поведения в мегаполисе. Обнаружили, что в данной группе респондентов СПП проявляется в избегании навязываемых городской средой контактов и общения, а также в поиске новых, разнообразных возможностей времяпрепровождения в городе. То есть, с одной стороны, перенаселенность города и вынужденное ежедневное общение горожан с чужими людьми, к примеру в общественном транспорте, проявляется в их избегающем поведении: пропустить переполненный поезд в метро, ограничить в городе общение с малознакомыми людьми, переключить свое внимание во время поездки на информацию в гаджете и т. п. С другой стороны, город актуализирует стремление жителей использовать его возможности с целью поиска новых товаров и услуг, форм активности. Данные стили поведения могут быть рассмотрены как механизмы антиципации, предвосхищающие и предохраняющие личность от чрезмерно выраженных негативных переживаний СПП.

Последующий анализ связи между показателями СПП и суверенности психологического пространства показал, что и поведенческие, и аффективные проявления СПП значимо связаны с показателями суверенности психологического пространства. Характер связей суверенности с поведенческими стилями имеет обратно пропорциональную зависимость, причем как с избеганием контактов, так и с поиском новых форм времяпрепровождения. Показатели суверенности и аффективного компонента СПП также обнаружили обратно пропорциональную связь. Конкретно, обратные связи со всеми субшкалами суверенности образованы негативными переживаниями СПП. То есть чем более выражена суверенность психологического пространства, тем в меньшей степени выражены прежде всего негативные переживания СПП, порождаемые явлениями городской среды. Интересно, что позитивные переживания (интерес, воодушевление, радость) не были связаны с показателями суверенности физическо-

го тела, социальных связей и ценностей. Это может быть объяснено спецификой влияния городской среды на ее жителей. То есть навязанный характер социальных контактов, чрезмерность возможностей для потребления, предоставляемых городом, плотность его заселения и т. п. как условия проживания в мегаполисе формируют повышенные требования к данным подтипам суверенности, затрудняя достижение желаемого уровня и, как следствие, снижая положительные эмоциональные переживания.

Итак, результаты проведенного исследования в целом подтвердили нашу гипотезу. То есть чем более выражены показатели СПП, тем менее выражены показатели суверенности и наоборот. Условия жизни в современном городе определяют особенности формирования суверенности психологического пространства личности. Суверенность как активность, направленная на контроль потребления информации и установление контактов, особенно актуальна в современной городской среде. По нашему мнению, ее сформированность является важным залогом психологического благополучия в среде мегаполиса, а также может быть рассмотрена как фактор, снижающий проявления социально-психологической пресыщенности.

Литература

- Барковская А. Ю., Назарова М. П.* Стресс-факторы в социокультурном пространстве современного большого города // *Известия ВолгГТУ*. 2014. № 5 (132). С. 37–42.
- Дробышева Т. В., Ларионов И. В.* Связь социально-психологической пресыщенности и социальных представлений о мегаполисе в разных группах молодежи // *Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология*. 2021. Т. 6 № 4. С. 151–175.
- Ларионов И. В.* Связь переживаний и стилей поведения в структуре социально-психологической пресыщенности горожан условиями жизни в мегаполисе // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2023. № 1 (65). С. 298–307.
- Нартова-Бочавер С. К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008.
- Нартова-Бочавер С. К.* Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый метод диагностики личности // *Психологический журнал*. 2005. Т. 25. № 5. С. 77–89.

Использование секций исторического и ролевого моделирования в интересах формирования личности

Д. П. Лямин («ВА РБ», Минск, Республика Беларусь)

В статье автор кратко отразил некоторые аспекты использования движения исторического моделирования в интересах популяризации научного подхода к изучению истории. Изучение данного вопроса проводилось на базе секции исторического моделирования «Восточный Альянс», а также в сети Интернет с использованием ресурсов социальных сетей (проведение опроса, изучение направлений работы секции, возможностей использования группы для формирования лидера мнений). Кроме того, в статье затронуты возможности личностного развития посредством вовлечения человека в работу клубов. Актуальность исследования обуславливается необходимостью повышения уровня патриотизма и правильного понимания истории, особенно в молодежной среде.

Ключевые слова: социальная установка, национальная самоидентификация, социальное взаимодействие, отношение.

В настоящее время благодаря развитию информационных технологий можно заметить некоторое «стирание» физических границ между государствами, повышение уровня межнационального общения, что ведет формированию мультикультурных традиций в сети, в том числе к переносу некоторых ценностей из одной национальной культуры в другую. Это может привести к формированию в обществе новой системы ценностей и норм, что будет способствовать снижению уровня национальной самоидентификации населения, а также изменению социальных установок общества. Это даст возможность сторонним субъектам корректировать или изменять отношение граждан к выбранным социальным объектам, процессам и явлениям. И с появлением и развитием различных социальных сетей и мессенджеров задача по деструктивному воздействию на личность (социальную группу) упростилась. Пользователи уже разделены на группы (возрастные, профессиональные, по интересам и т.д.), а лидер груп-

пы играет роль лидера мнений и зачастую обладает идиосинкразическим кредитом (кредитом безусловного доверия) у членов группы. Таким образом, имеются хорошие возможности для изменения традиционных ценностных ориентаций населения, что в итоге может привести к принятию чуждой идеологии и снижению уровня патриотизма в обществе.

Следует отметить, что в связи с большими объемами информации наблюдается уменьшение интереса молодежи к изучению исторической литературы, а также снижение аналитических способностей и критического отношения к предлагаемым сведениям. Возникло направление «альтернативной истории», намеренно искажающей различные важные события. Все это может привести к переосмыслению (в негативном свете) роли своего народа в мировой истории, а также уменьшение значимости ключевых исторических государственных и общественных деятелей.

Одним из возможных вариантов противодействия данным угрозам рассматривается использование секций исторического моделирования и реконструкции. Это направление существует уже достаточно давно и сформировалось как движение, однако в полной мере возможности секций и клубов не используются. Целью исследования является выработка рекомендаций по использованию движения исторической реконструкции для формирования у населения (особенно у молодежи) правильного понимания ключевых событий, как в истории своего народа, так и в мировой. Работа проводится на базе секции исторического моделирования и реконструкции «Восточный Альянс» (г. Минск, г. Борисов), а также в сети Интернет (проведение опросов).

Как правило, работа секций исторической реконструкции направлена на:

- патриотическое воспитание молодежи;
- изучение истории своей страны во взаимосвязи с мировой историей;
- воссоздание образцов материальной культуры (реконструкция элементов одежды, предметов быта, массогабаритных копий образцов вооружения и снаряжения);
- изучение и воссоздание образа жизни различных социальных групп определенного исторического периода;
- изучение и воссоздание элементов боевых искусств, основ владения некоторыми видами оружия, характерными для выбранной эпохи;

- пропаганда здорового образа жизни;
- подготовка молодежи к участию в научных мероприятиях (семинары, конференции), проведение исследований по исторической проблематике (Устав «СВоРа», 2015).

Конечно, в первую очередь, участие в движении исторического и ролевого моделирования направлено на глубокое, подтвержденное документально знание истории, в особенности выбранного временного периода. Формирование правильного понимания исторических событий, основанного на научных исследованиях, обеспечит четкое понимание населением истории, сделает невозможным искажение некоторых фактов (с использованием приемов схоластики) ее ключевых моментов, направленных на снижение значимости роли своей страны. В качестве примера деструктивных информационных атак на сознание населения можно рассматривать попытки изменения (сдвига) важных, а иногда ключевых событий Второй мировой войны. В свою очередь, участие в движении исторического моделирования позволяет использовать метод «погружения» личности в некоторые события, прочно закрепляя знания о них. Кроме того, наглядное представление участниками движения наиболее важных и ярких исторических событий (постановка элементов исторически важных сражений) может вызвать у зрителей интерес к самостоятельному поиску дополнительных сведений о нем.

Моделируя действия исторических персонажей, участник постановки отыгрывает некоторые психологические аспекты выбранной личности, приобретая для себя новые поведенческие паттерны, которые потом могут быть использованы в реальной жизни.

Таким образом, будут формироваться требуемые социальные установки, т. е. состояние психологической готовности личности вести себя определенным образом в отношении объекта, процесса или явления (Allport, 1972). А подкрепление формируемой когнитивной компоненты установки эмоциями позволит сделать ее более устойчивой и глубокой (Мясищев, 2011).

Особый интерес представляет изучение влияния участия в движении исторической и ролевой реконструкции с точки зрения развития психологических качеств индивида, формирования и коррекции у него установок, как социальных, так и личностных. Повсеместное использование информационных технологий в значительной степени изменило коммуникативный процесс, общение во многих случаях происходит удаленно. Однако следует помнить о важности живого

общения человека с единомышленниками, особенно в подростковый период, когда происходит формирование навыков социального взаимодействия. К примеру, Л. С. Выготский рассматривал общение одним из главных условий гармоничного развития личности (Андреева, 2010). Работа в клубе (секции) объединяет людей различного возраста и социальной принадлежности. Это дает возможность:

- приобрести и закрепить умения устанавливать контакты с представителями различных социальных слоев и групп;
- научиться находить правильный выход из конфликтных ситуаций;
- развить способность грамотного ведения беседы или спора, умение выслушать собеседника, правильно и обоснованно использовать аргументы в защиту своего мнения;
- получить опыт в поиске и анализе сведений на историческую тематику, умение сопоставлять различные источники информации;
- участие в различных постановочных мероприятиях так называемой «живой истории» дает опыт коллективного творчества, развивает чувство ответственности;
- изучать историю своего народа (государства) по имеющимся историческим свидетельствам, рассматривать конкретные исторические факты в их взаимосвязи (в контексте мировой истории) и т. д.

Кроме того, использование элементов «живой истории» в школах на уроках истории может вызвать интерес к рассматриваемым темам (наглядность, эмоциональность и вовлеченность) и стать стимулом для более глубокого изучения предмета. А желание приобрести навыки владения традиционным холодным оружием потребует хорошей физической подготовки и, как следствие, отказ от вредных привычек.

Таким образом, использование движения исторической реконструкции и ролевого моделирования может способствовать повышению уровня национальной самоидентификации населения, правильного, научного понимания событий мировой истории и места своего государства и народа в ней. Кроме того, участие в секциях способствует личностному росту, помогает приобретать и развивать качества, необходимые человеку в жизни в обществе.

Литература

Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2010.

Мясищев В. Н. Психология отношений: Избранные психологические труды / Под ред. А. А. Бодалева. 4-е изд. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МодЭК», 2011.

Устав секции исторического моделирования «Союз вольных ратников СВоРа» при Республиканском собрании наследников шляхты и дворянства от 05.11.2015 г., г. Минск.

Allport H. Social attitudes and social consciousness // *Classic Contribution to Social Psychology* / Eds E. P. Hollander, R. G. Hunt. N. Y.—London—Toronto: Oxford University Press, 1972. P. 189—190.

Личностные особенности партнеров, перешедших от отношений незарегистрированного брака к зарегистрированным отношениям*

Ю. М. Панфилова (ООО «Комус», Москва)

В нашем исследовании выполнен анализ личностных особенностей партнеров, перешедших от отношений незарегистрированного брака к зарегистрированным отношениям. В первом этапе исследования приняли участие 144 респондента, состоящих в отношениях незарегистрированного брака, через год после основного этапа был проведен срез семейного статуса данных партнеров, которые определил 52 партнеров, перешедших к отношениям зарегистрированного брака. Выявлено, что партнерам, перешедшим к зарегистрированному браку, свойственна большая значимость ценностей «доброта», «универсализм», «самостоятельность», большая выраженности субъектно-ценностной ориентации во взаимодействии, а также большая выраженность готовности к рождению и воспитанию детей и удовлетворенности отношениями с партнером.

Ключевые слова: брак, семейные отношения, незарегистрированный брак, партнерство, взаимодействие.

Форма отношений незарегистрированного брака, находясь за рамками законодательного поля, которым регламентируются права и ответственность только зарегистрированных отношений, остается, в соответствии с демографической статистикой, распространенным социальным явлением (Всероссийская перепись населения, 2020). В соответствии с существующим семейным законодательством, официально правами и ответственностью наделяются отношения, зарегистрированные в органах ЗАГС. Однако широкая представленность и общепринятость отношений незарегистрированного брака в обществе говорит, что данные отношения являются востребованными среди респондентов различных возрастов. При этом, по данным пе-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00356.

реписи населения 2020 г., для жителей городской местности в большей степени характерна данная форма отношений, чем для сельской.

Незарегистрированные браки, как форма отношений между мужчиной и женщиной, могут рассматриваться как этап, предвещающий брачные отношения, а также как более тесная форма отношений регулярных встреч (Sassler, Miller, 2022).

Именно совместное проживание на данный момент становится дальнейшим этапом развития отношений регулярных встреч, особенно у тех пар, жизненная и финансовая ситуация которых не позволяет начать самостоятельную семейную жизнь. В связи с чем именно финансовая обеспеченность партнеров выделяется многими исследователями в качестве решающего экономического фактора при принятии решения о регистрации брака.

Однако социально-психологические факторы перехода от отношений незарегистрированного брака к зарегистрированным отношениям остаются недостаточно исследованными.

Важным вкладом в исследование социально-психологических факторов перехода партнеров от совместного проживания к зарегистрированному браку являются исследования, проводимые под руководством В. П. Познякова, посвященные личностным предикторам перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям (Позняков и др., 2022; Позняков, Панфилова, 2022).

По результатам проведенного диссертационного исследования, посвященного определению личностным факторам ориентации во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке, выделены личностные особенности партнеров, перешедших после проживания в незарегистрированном браке к отношениям зарегистрированного брака. Основным этапом диссертационного исследования охватил 144 респондента в возрасте 18–35 лет, состоящих в незарегистрированном браке, проживающих в г. Москва или Московской области. Через год после завершения данного этапа также был проведен срез статуса отношений партнеров и позволил выявить 52 респондентов, перешедших от отношений незарегистрированного брака к зарегистрированным отношениям.

Объектом исследования выступили именно отдельные партнеры, находящиеся изначально в отношениях незарегистрированного брака, в связи со сложностью изучения особенностей отношений пар в незарегистрированном браке, обусловленной высоким уровнем сопротивления исследованию одного из партнеров в незарегистриро-

ванном браке или обоими партнерами, страхом партнеров снизить стабильность отношений через участие в исследовании.

Был выполнен сравнительный анализ выраженности показателей готовности к переходу к зарегистрированному браку (к таким показателям отнесены: готовность к регистрации брака, нацеленность на рождение и воспитание детей, удовлетворенность отношениями), ориентаций во взаимодействии, ценностных ориентаций и личностных характеристик партнеров, действительно перешедших к отношениям зарегистрированного брака и тех, кто продолжает проживать в незарегистрированных отношениях. В связи с наличием непараметрических данных среди исследуемых показателей, поиск различий в выраженности рассматриваемых показателей выполнен с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни, для оценки выраженности значений переменных анализировались медианные показатели.

Анализ социально-демографических показателей, проведенный на этапе основного исследования, показал, что большинство партнеров, перешедших от отношений незарегистрированного брака к зарегистрированному браку, принадлежали возрастной группе 18–23 года (44%), 38% – к возрастной группе 30–35 лет, в то время как среди партнеров, зарегистрировавших брак после совместного проживания в возрасте 24–29 лет, всего 17%. Высокий процент заключения брака среди партнеров в возрастной группе 18–23 года может объясняться тем, что во многом регистрация брака в этом возрасте может являться шагом к самостоятельной и «взрослой» жизни.

При этом большинство «перешедших» партнеров (44%) предварительно проживали в незарегистрированном браке от 1 до 2 лет, от 6 до 12 месяцев до регистрации брака проживали 28% принявших участие в исследовании, а от 2 до 3 лет – 26%. Таким образом, период проживания от 2 до 3 лет (дополнительно прибавляется один год, через который был проведен срез семейного состояния) выступил наиболее типичным периодом совместного проживания партнеров, предворяющим официальную регистрацию брака.

По результатам сравнения социально-психологических особенностей партнеров, перешедших после проживания в незарегистрированном браке к официальным отношениям и продолживших незарегистрированное совместное проживание, установлено, что у партнеров, перешедших к зарегистрированным отношениям и партнеров, продолживших отношения незарегистрированного брака, были выявлены

различия в степени выраженности показателей «Удовлетворенность отношениями» и «Нацеленность на рождение и воспитание детей», что позволяет говорить о центральном значении намерения воспитывать детей при переходе от незарегистрированного брака к официальным семейно-брачным отношениям.

Установлено, что партнерам, зарегистрировавшим брак после проживания в незарегистрированном браке, характерна большая значимость самотрансцендентных ценностей (универсализм, доброта), а также ценности «самостоятельность», по сравнению с партнерами, продолжившими проживание в незарегистрированном браке. Также у данных партнеров наблюдается большая выраженность субъектно-ценностной ориентации во взаимодействии с партнером, т. е. партнер рассматривается, в первую очередь, как ценность, а не как ресурс для удовлетворения собственных нужд, что проявляется в уважительном отношении к интересам и целям партнеров.

Переход от отношений незарегистрированного брака к зарегистрированным отношениям — предмет исследования, изучение которого стало возможным благодаря повторному срезу статуса отношений партнеров, принявших участие в основном этапе исследования. Установлено, что большинство партнеров, зарегистрировавших брак относились к возрастной группе 18–23 года и предварительно находились в отношениях незарегистрированного брака (на момент участия в основном этапе исследования) от 1 до 2 лет.

Полученные результаты сравнительного анализа социально-психологических особенностей партнеров, перешедших к отношениям официального брака и партнеров, продолживших проживание в незарегистрированном браке, говорят о значимости альтруистических устремлений в отношениях незарегистрированного брака, в которых партнеры впоследствии регистрируют отношения. Подобные стремления раскрываются через значимость ценностей самотрансцендентности (доброта, универсализм), большей выраженностью субъектно-ценностной ориентации. Также переход к зарегистрированным отношениям продиктован пониманием собственных целей в отношениях — более выраженной нацеленностью на рождение и воспитание детей, высокой удовлетворенностью в отношениях с партнером. Высокая значимость ценности «самостоятельность» у партнеров, зарегистрировавших брак, говорит о самостоятельности мнений и суждений у данных партнеров, стремлению к самостоятельному принятию решения зарегистрировать брак.

Определение дополнительных личностных факторов партнеров, перешедших от добрачных отношений (как от отношений незарегистрированного брака, так и от отношений регулярных встреч) к официальным семейным отношениям, является актуальным и востребованным предметом исследования, которое повысит точность и полноту информации об особенностях молодых людей к переходу к официальным семейно-брачным отношениям как в нашем обществе в целом, так и у организаций, занимающихся разработкой социальной программы по повышению значимости семейных ценностей у населения.

Литература

- Позняков В. П., Панфилова Ю. М.* Ориентация во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 372–374.
- Позняков В. П., Поддубный С. Е., Панфилова Ю. М.* Личностные факторы перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям: замысел и программа эмпирического исследования // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 144–150.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Население по возрасту, полу, состоянию в браке по субъектам Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580> (дата обращения: 14.05.2023).
- Sassler S., Miller A. J.* Assessing the deinstitutionalization of marriage thesis: Changes in the meaning of cohabitation over the relationship life course // Journal of Marriage and Family. 2022. V. 85. № 2. P. 370–390.

Личностные особенности молодых людей, выступающие предикторами перехода к семейно-брачным отношениям*

В. П. Позняков (ИП РАН, Москва),

С. Е. Поддубный (ИП РАН, Москва)

Представлены результаты исследования личностных особенностей молодых людей, мужчин и женщин, партнеров в парах близких отношений различного статуса. В результате исследования удалось выявить и проанализировать личностные особенности, выступающие в качестве предикторов перехода молодых людей от добрачных отношений (отношений регулярных встреч без совместного проживания и отношений незарегистрированного брака) к семейно-брачным отношениям. Для нахождения личностных предикторов был применен множественный линейный пошаговый дискриминантный анализ.

Ключевые слова: социальная психология, личность, близкие отношения, семейно-брачные отношения.

Статья продолжает серию публикаций, посвященных изложению результатов теоретико-эмпирических исследований личностных факторов перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям (Поддубный, Позняков, 2022, 2023; Poznyakov et al., 2023), Настоящее исследование выполнено в рамках реализации научного проекта «Личностные предикторы перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям» (Позняков и др., 2022).

Программа и методика исследования

Цель исследования – выявить и проанализировать личностные особенности, выступающие в качестве предикторов перехода молодых людей (мужчин и женщин) от добрачных отношений (отношений регулярных встреч без совместного проживания и отношений незарегистрированного брака) к семейно-брачным отношениям. Основной гипотезой исследования является предположение о том, что личност-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-28-00356.

ные особенности (черты личности, базисные убеждения, ценностные и межличностные ориентации, намерения и ожидания) молодых людей (мужчин и женщин), состоящих в разных формах близких партнерских отношений, могут служить предикторами их перехода к семейно-брачным отношениям.

Для нахождения личностных предикторов был применен множественный линейный пошаговый дискриминантный анализ. Для анализа были взяты показатели, полученные с помощью следующих методик. Методика диагностики намерений и ожиданий С. Е. Поддубного (Поддубный, Позняков, 2018), Пятифакторный личностный опросник Л. Голдберга в адаптации К. В. Сугоняева, Опросник ценностей С. Шварца в адаптации В. Н. Карандашева, Опросник межличностных ориентаций (методика FIRO В. В. Шутца в адаптации А. А. Рукавишниковой), Шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой. Для обработки бланков методик применялся Аппаратно-программный диагностический комплекс «Мультипсихометр» с переводом исходных тестовых оценок в 10-балльную равноинтервальную шкалу. Всего проанализировано 27 показателей.

Характеристика выборки. В исследовании принимали участие 170 гетерогенных по полу пар (мужчина и женщина) в возрасте от 18 до 35 лет. 46 пар (27%) состояли в романтических отношениях более 3 месяцев (1-я группа), 55 пар (33%) состояли в гражданском браке более 3 месяцев (2-я группа), 69 пар (40%) состояли в официальном браке более 3 месяцев (3-я группа). Общий объем выборки – 340 чел., их них 170 мужчин и 170 женщин. Математико-статистическая обработка проводилась с помощью пакета прикладных программ Statistica v. 8.0.

Результаты исследования

Проводился поиск таких функций, которые бы максимально предсказывали долю респондентов, отнесенных к категории зарегистрированного брака. По результатам анализа были получены классификационные функции, позволяющие отнести респондентов к группам с разным статусом отношений. Переменные, входящие в состав классификационных функций, на наш взгляд, являются предикторами, так как с их помощью можно прогнозировать переход молодых людей к семейно-брачным отношениям.

В нашем случае важен процент отнесения респондентов к категории супружеских пар, так как он свидетельствует о наличии у респондентов, отнесенных к данной группе, личностных особенностей, свойственной данной группе. Отнесение респондентов, состоящих в романтических отношениях и отношениях сожителства, к категории супружеских пар может говорить о перспективности их перехода в данный статус.

Полученные в результате дискриминантного анализа классификационные функции (предикторы) статистически значимы (значение λ Уилкса равно 0,839, значение F-статистики с числом степеней свободы (10,666) равно 6,09, уровень значимости (p) F-критерия меньше 0,0000.

Классификационная функция для отнесения респондентов к категории супружеских имеет вид: $F3 = 4,54 * Я\text{ НМ} + 0,50 * Я\text{ МАТ} + 1,48 * \text{Ценность Власть} + 1,35 * \text{Убеждение в ценности собственного «Я»} + 0,00 * \text{Убеждение в справедливости окружающего мира} - 29,15$. (Показатели могут принимать значения в диапазоне от 1 – минимальное, до 10 включительно – максимальное.).

Результаты дискриминантного анализа показали, что наиболее значимыми (относительно других статусных групп) для отнесения респондентов к категории романтических отношений являются показатели Намерений в нематериальной сфере (Я НМ), для отнесения к категории отношений сожителства – Ценность Власти, Убеждение в справедливости окружающего мира, а к категории супружеских – Намерения в материальной сфере (Я МАТ) и Убеждение в ценности собственного «Я». Другими словами, партнеры, состоящие в романтических отношениях, готовы отдать друг другу больше нематериального и меньше материального, по сравнению с другими парами. Для сожителей партнеров значимы ценность Власть, у них, по сравнению с другими, более выражено Убеждение в справедливости окружающего мира, но менее выражено Убеждение в ценности собственного «Я». Для респондентов, состоящих в зарегистрированном браке, по сравнению с другими, менее значима ценность Власть, более всего выражено намерение поделиться материальными ресурсами, менее – намерение поделиться нематериальным, наиболее выражено Убеждение в ценности собственного «Я» и наименее – Убеждение в справедливости окружающего мира. Описанные переменные являются надежными личностными предикторами перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям.

По результатам дискриминантного анализа была построена классификационная матрица, в которой было представлено количество и процент корректных совпадений личностных качеств респондентов из исследованных статусных групп с прогнозируемыми статусными группами. Максимальный процент корректных (правильных) совпадений (82,6%) наблюдается у пар, состоящих в супружеских отношениях, что свидетельствует о высокой диагностической способности исследуемых показателей для данного типа отношений.

Вместе с тем 50,0% респондентов, состоящих в отношениях сожительствa, и 52,2% респондентов, состоящих в романтических отношениях, обладают совокупностью качеств, являющимися предикторами перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что они могут быть использованы для научного обоснования практических рекомендаций для руководителей и специалистов, занимающихся поддержкой и развитием института семьи в современном российском обществе, а также в практике индивидуального и семейного консультирования. Перспективы дальнейших исследований авторы связывают с выявлением и анализом личностных особенностей мужчин и женщин, состоящих в близких отношениях разного статуса, которые могли бы также послужить предикторами готовности партнеров к переходу к семейно-брачным отношениям.

Литература

- Поддубный С. Е., Позняков В. П.* Методика диагностики намерений и ожиданий в ситуации социального обмена с партнером по близким эмоциональным отношениям // Институт психологии российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4. С. 178–202.
- Поддубный С. Е., Позняков В. П.* Намерения и ожидания партнеров в парах с разным статусом близких эмоциональных отношений // Социальный психолог. 2022. № 2 (44). С. 273–281.
- Поддубный С. Е., Позняков В. П.* Личностные особенности мужчин и женщин, партнеров в парах с разным статусом близких отношений // Методология и история психологии. 2023. Вып. 18. С. 335–342.
- Позняков В. П., Поддубный С. Е., Панфилова Ю. М.* Личностные факторы перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям.

замысел и программа эмпирического исследования // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 144–150.

Poznyakov V. P., Poddubny S. E., Panfilova Yu. M. Personality features that contribute to transition of young people from unregistered marriage to marital relations // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2023. № 20 (2). P. 229–243. doi: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-229-243

Предикторы социальной успешности пользователей социальных сетей*

Л. М. Попов (КФУ, Казань), П. Н. Устин (КФУ, Казань)

В работе предложен вариант психологического наполнения феномена социальных успешности личности через призму ее активности в социальных сетях. Даются основные критерии социальной успешности на социально-экономическом уровне, личностно-смысловом, когнитивно-профессиональном, нравственно-этическом и коммуникативном уровнях. Раскрываются возможности расширения представлений о социальной успешности на коммуникативном уровне с учетом общения в социальных сетях, а также феноменов внешнего и внутреннего общения.

Ключевые слова: социальная успешность, социальные сети, предикторы социальной успешности, критерии социальной успешности, общение.

Одним из потенциальных ресурсов расширения возможностей современной психологии выступают социальные сети, феномен которых, несмотря на недавнее появление, успел охватить значительное количество людей по всему миру. Социальные сети выступают определенной виртуальной площадкой, на которой миллионы пользователей объединяются в различные группы и сообщества, расширяя в процессе различных форм взаимодействия друг с другом границы своего социально-психологического пространства. Таким образом, социальные сети выступают в качестве виртуального варианта современной модели социально-психологической реальности.

Толчком к актуализации теоретических и прикладных исследований, связанных с проблемой психологии социальных сетей, послужило появление и развитие различных социальных сервисов

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 19-18-00253 «Нейросетевая психометрическая модель когнитивно-поведенческих предикторов жизненной активности личности на базе социальных сетей». URL: <https://rscf.ru/project/19-18-00253>.

в интернет-среде, однако особый фокус внимания исследователей к социальным сетям усилился после того, как была доказана их прогностическая состоятельность. В работе показаны результаты решения одной из задач междисциплинарного проекта, который реализуется с 2019 г. по настоящее время. Ранее авторами уже были показаны возможности прогнозирования через количественные и качественные характеристики метрик персонального профиля социальной сети «В контакте» таких аспектов жизненной активности личности, как академическая и профессиональная успешность, и были предложены теоретические основания нейросетевой психометрической модели когнитивно-поведенческих предикторов жизненной активности личности (Попов, Устин, 2021). Работа над данной моделью, в свою очередь, показала необходимость проработки еще одного ее компонента – социальной успешности.

Исторический взгляд на явление социальной успешности позволяет, по работам И. В. Терелянской, определить ряд ее характеристик, свойственных времени (Терелянская, 2015). Так, Аристотель считал высшей ступенью феномена – познание истины и созерцание. Мартин Лютер характеризовал ее стороны через такие добродетели, как бережливость, профессионализм и трудолюбие. Прагматики XIX века считали, что социально успешный человек энергичен, независим, привык опираться на собственные силы, действует быстро, решительно и главное – это стремление к достижению намеченной цели.

На современном этапе жизни нашего общества в работах «досетевого периода», т. е. до периода минимального акцента исследователей социальной успешности на интернет-факторе, была выделена ядерная структура социальной успешности в представлениях юношества (Шамионов, Тугушева, 2009). Это умение общаться, знание норм этикета, уверенность в собственных силах, ценность доверия, профессиональное мастерство, максимальное самопроявление, умение переживать за окружающих и сопоставлять свои желания с возможностями, планирование своей деятельности, ощущение полноты своих сил и энергии.

Кластерный вариант представлений о социальной успешности позволяет все ее признаки объединить в три кластера: социальных отношений, личностных свойств и профессиональных успехов (Полюшкевич и др., 2016). Кластер социальных отношений включает наличие связей с другими, социальное положение, поддержку друзей

и родственников. Кластер личностных свойств представлен целеустремленностью, активностью и коммуникабельностью. В кластере профессиональных успехов выделяются склонность к карьерному росту и финансовая независимость.

Задача современного «сетевоего этапа» проявления социальной успешности человека состоит в выделении ее дополнительных критериев. В центр внимания ставится человек как многомерное социальное и психологическое образование. Тогда набор кластеров будет всегда соотноситься с человеком как с многоуровневой социально-психологической структурой, где, в зависимости от авторской концепции, могут быть выделены, например, следующие уровни социальной успешности: социально-экономический, личностно-смысловой, когнитивно-профессиональный, нравственно-этический, коммуникативный.

По материалам сделанного обзора и материалов, полученных при выполнении авторами проекта «Нейросетевая психометрическая модель когнитивно-поведенческих предикторов жизненной активности личности на базе социальных сетей», можно выделить следующие критерии социальной успешности:

- на социально-экономическом уровне — это финансовая независимость человека;
- на личностно-смысловом — это смысловая составляющая в действиях, поведении; уверенность в своих силах; соотнесение желаний с возможностями; актуализация качеств, необходимых для решения конкретной задачи; самореализация и саморазвитие; энергичность; деловитость; независимость; опора на собственные силы; склонность к личностному росту;
- на когнитивно-профессиональном — это целеустремленность; общие и специальные способности; планирование результатов деятельности; фундаментальность познания; склонность к междисциплинарности в научных исследованиях и к интеллектуальной инициативе;
- на нравственно-этическом уровне — это соблюдение этики в деловых и межличностных отношениях, доверие партнерам, переживание за окружающих.

Новым является представление социальной успешности на коммуникативном уровне с учетом коммуникации в социальных сетях, а также внешнего и внутреннего общения. Внешняя коммуникация

представляет собой вариант многомерной социализации человека: межличностной, профессиональной, досуговой, научной и другой. Здесь осуществляется вхождение в культуру, идет быстрый прирост знаний, которые входят извне, т. е. от другого человека, книг, средств массовой информации, Интернета. Это первый этап внешней коммуникации.

Предметом второго этапа внешней коммуникации является передача полученной информации другим людям. Это, например, передача знаний преподавателями. Новым вариантом внешней коммуникации является интернет-общение, когда происходит как передача информации в виртуальном пространстве пользователям социальных сетей (через посты, репосты, фотографии, видео- и аудиозаписи), так и ее когнитивно-эмоциональная оценка (лайки и участие в различных интернет-сообществах).

На третьем этапе, что наиболее характерно для социальных сетей, активный пользователь предлагает свои идеи, результаты умственной, художественной, практической деятельности для обсуждения. Более выраженной характеристикой данного этапа является стремление объединить других пользователей вокруг предложенной идеи. Пользователь становится организатором сторонников его идеи.

Внутреннее общение, общение с самим собой («Я—Я») в культурологии определяется как «автокоммуникация» (Лотман, 2001). В нашем варианте такое общение стало предметом исследования с 1990 г. под названием метод «Интервью с самим собой», а в последующем — метод «скаффолдинга» (Попов, Устин, 2021). В системе общения «Я—Я» создаются условия для нового социального опыта, когда происходит обращение субъекта к объектам (образам, представлениям) своего внутреннего мира. Тогда субъект общения имеет возможность увидеть имеющиеся в его внутреннем мире образы, представления с новой стороны и актуализировать их как творческий продукт.

Литература

- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 159—165.
- Полушкевич О. А., Иванов Р. В., Борисова Ю. В. Представления о социальной успешности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 37—44.
- Попов Л. М., Устин П. Н. Когнитивно-поведенческая концепция и возможности ее реализации в жизненной активности студентов // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 26—35.

Терелянская И. В. Концепт понятия «социальная успешность» в социально-психологическом и историческом контекстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 11. «Естественные науки». 2015. № 4 (14). С. 90–97.

Шамионов Р. М., Тугушева А. Р. Представления о социальной успешности и самоопределении молодежи // Психологическая наука и образование. 2009. Т. 1. № 3. С. 1–11. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2009_n3/Shamionov_Tugusheva (дата обращения: 01.06.2023).

Влияние семьи и друзей на приобщение или отказ от табакокурения

С. А. Решетко (ИП РАН, Москва)

В статье представлен анализ социально-психологических исследований проблемы табакокурения. Основной акцент сделан на работах, посвященных влиянию семьи и друзей на приобщение или отказ от курения. Кроме анализа социально-психологических исследований проблемы курения, в статье представлены результаты проведенного исследования влияния семьи и друзей как факторов психологического отношения к курению.

Ключевые слова: табакокурение, факторы, семья, друзья, психологические отношения, отказ.

Проблема табакокурения не теряет своей актуальности. В период пандемии COVID-19 табакокурение рассматривалось как один из факторов, усугубляющих течение заболевания. В настоящее время распространена социальная реклама отказа от курения в учреждениях здравоохранения. На телевизионных экранах в поликлиниках демонстрируют ролики с участием знаменитостей, рассказывающих о вреде курения и выгоде отказа от него. Традиционно исследования, посвященные изучению проблемы табакокурения, можно разделить на три группы:

- исследования, проводимые на макросоциальном уровне: изучение влияния рекламы на приобщение или отказ от курения, меры, реализуемые государством и общественными организациями, направленные на отказ от курения;
- исследования, проводимые на микросоциальном уровне: рассмотрение социально-психологических характеристик ближайшего окружения (семья, друзья, школьный коллектив и т. д.) как факторов приобщения или отказа от курения;
- исследования индивидуально-личностных особенностей человека (уровень самооценки, конформизма и т. д.) как факторов инициации или профилактики курения (Позняков, Хромова, 2013).

Большой объем работ затрагивает рассмотрение вопроса влияния семьи (психологический климат внутри семьи, стиль родительского воспитания, курение родителей и т. д.), школьного коллектива и друзей на формирование отношения к курению.

Наибольшее число проводимых исследований посвящено проблеме влияния семьи, причем внимание уделяется не только психологическому климату внутри семьи, но и генетической предрасположенности к курению (Решетко, Багратиони, 2015). Детские представления в отношении курения формируются под действием поведения родителей и их отношения к курению. Дети наблюдают за поведением родителей и повторяют его, находясь в аналогичной ситуации (Leeuw et al., 2010). При ответе на вопрос о возможности курения в будущем дети из курящих семей отмечают высокую вероятность начала курения в будущем. Кроме того, маленькие дети, наблюдая курение родителей и воспринимая его как социально приемлемое поведение, склонны повторять его в играх (ibid.). Это показывает, что курение родителей формирует представления о курении начиная с раннего возраста.

Отдельную группу представляют исследования, связанные с изучением влияния сверстников на приобщение к курению. Согласно результатам изучения данного вопроса была выявлена высокая связь между вероятностью начала курения человека и наличием в его окружении курящих друзей. Так, в исследовании, в котором приняли участие 4263 учащихся старших классов, было показано, что вероятность начала курения возрастает более чем в 2 раза при наличии одного курящего друга и более чем в 9 раз при наличии двух и более курящих друзей. На основании результатов этого исследования была доказана высокая взаимосвязь между инициацией курения и наличием в ближайшем окружении курящих людей.

Отмечается тенденция, согласно которой выбор друзей происходит исходя из отношения к курению. Так, некурящие люди склонны выбирать себе друзей среди таких же некурящих, в то время как курящие отдадут предпочтение курящему человеку. Анализируя результаты исследований влияния друзей на инициацию курения, ряд ученых приходит к выводу о большем влиянии друзей, нежели семьи на инициацию или отказ от курения.

Отдельное направление исследований составило изучение влияния социальных норм того образовательного или рабочего учреждения, где человек находится (Alexander et al., 2001). Наиболее ярко взаимосвязь социальных норм и курения была показана на примере

образовательного учреждения – школы. Образовательное учреждение оказывает влияние на поведение посредством создания нормативной среды, в рамках которой закреплены желательные и нежелательные формы поведения, а также санкции за нарушение правил. Согласно результатам исследований, в группе риска возможного начала курения оказываются популярные учащиеся и изгои. Вероятность начала курения среди изгоев и мало популярных учащихся возрастает в школах, где курение запрещено и в отношении его введены жесткие санкции, в такой ситуации начало курения изгоя рассматривают как демонстрацию неблагоприятного отношения к школе. Противоположной оказывается ситуация в образовательных учреждениях, где курение широко распространено и показывает высокий статус внутри ученического коллектива. В таком случае курение популярного учащегося является закономерным следствием его популярности.

По результатам исследования, проведенного нами в 2016–2018 гг., направленном на изучение факторов психологического отношения к табакокурению, среди групповых предикторов психологического отношения к курению статистически значимыми оказались социально-психологические характеристики родительской семьи (Решетко, 2019). В то время как сам факт курения лучшего друга не выступал фактором психологического отношения, оценка влияния друзей на принятие решения относительно курения оказывается важной, но не статистически значимой. Исследование проводилось среди студентов московских вузов, было выделено три группы испытуемых: курящие, бросившие курить и никогда не курившие.

Некурящие и курящие респонденты более высоко оценивали уровень сплоченности внутри родительской семьи, в то время как бросившие курить оценивали свою семью как менее сплоченную. На важную роль семьи в формировании отношений к окружающей действительности указывал В. Н. Мясищев. Он подчеркивал, что первые шаги развития у ребенка происходят чаще в родительской семье и уже позже ребенок расширяет круг общественных связей. Согласно полученным нами данным, семьи курящих и некурящих респондентов характеризуются высоким уровнем доверия между членами семьи, готовностью оказать поддержку друг другу, отсутствием страха получить критику со стороны родственников. Коммуникация в сплоченной семье строится на доверии и взаимоуважении, в соответствии с этим информация о вреде табакокурения, транслируемая родителями, пре-

подносится не как априорная информация, а скорее, как информирование о последствиях. Родители в данных семьях готовы обсуждать данные о влиянии курения на организм, вести диалог в доброжелательной атмосфере и готовы принять решение члена семьи курить или отказаться от курения.

Полученные в ходе исследования результаты подтверждают данные о влиянии семьи на приобщение к курению. Отсутствие статистически значимой связи между курением респондента и его лучшего друга во многом обусловлено возрастными особенностями испытуемых. В нашем исследовании принимали участие студенты, в то время как влияние друзей на принятие решения относительно курения изучалось среди подростков, для которых ведущей деятельностью является интимно-личностное общение, когда влияние сверстников на формирование мировоззрения наиболее сильное.

Проблема табакокурения остается одной из актуальных проблем современности. Исследования, посвященные данной теме, можно разделить на несколько уровней. Отдельный интерес представляют работы, посвященные изучению влияния семьи и друзей. При анализе социально-психологических исследований на микросоциальном уровне прослеживается тенденция уделять внимание какому-либо одному фактору: семье или друзьям. Однако необходимо комплексное рассмотрение факторов инициации и отказа от табакокурения.

Литература

- Позняков В. П., Хромова В. Л.* Различия в отношении к табакокурению у групп курящих и некурящих мужчин и женщин // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 132–156.
- Решетко С. А.* Ближайшее окружение как фактор психологического отношения к табакокурению // Психология – наука будущего: Материалы VIII Международной конференции молодых ученых. Москва, 19–20 ноября 2019 г. / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 374–378.
- Решетко С. А., Багратиони К. А.* Современное состояние психологических исследований проблемы табакокурения // Мир психологии. 2015. № 2 (82). С. 278–286.

- Alexander C., Piazza M., Mekos D., Valente T.* Peers, schools and adolescent cigarette smoking // *Journal of Adolescent Health*. 2001. № 29. P. 22–30.
- Leeuw R. N. H de, Scholte R. H. J., Vermulst A. A., Engels R. C. M. E.* The relation between smoking-specific parenting and smoking trajectories of adolescents: How are changes in parenting related to changes in smoking? // *Psychology and Health*. 2010. № 25. P. 999–1021.

Моделирование малой группы как субъекта совместной деятельности в рамках параметрической теории

С. В. Сарычев (КГУ, Курск), Г. Н. Ларина (КГУ, Курск)

Рассмотрены подходы к моделированию группы как субъекта совместной активности в рамках параметрической теории посредством аппаратного моделирования и проектирования развивающих социальных сред. Описана двухуровневая модель модели группы как субъекта жизнедеятельности, оцениваются ее возможности для социогуманитарных наук.

Ключевые слова: малая группа, модель, параметрическая теория, субъект, социальная психология.

Принцип моделирования психосоциального человека, предложенный А. Л. Журавлевым, Д. В. Ушаковым, А. В. Юревичем, является исходным в системе оптимизации психологического состояния и развития общества. Модель психосоциального человека используется и как объяснительный принцип, и как психологический механизм влияния общества на поведение человека. В образе психосоциального человека есть качества зависимости от общественного влияния и качества субъекта, влияющего на социальное окружение. Модель представляет человека как субъекта общественных процессов, активного, стремящегося и страдающего (Журавлев и др., 2013).

Для вклада психосоциального человека в решение общественных задач существенным является его включение в малые группы. Однако роль малой группы как основной социальной организации для человека выходит за пределы успешности деятельности и связана с формированием духовности индивидов и возможности эффективно взаимодействовать с обществом, на что указывали А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский. На уровне духовности человек перестает быть изолированным индивидом, решающим эгоцентрические задачи адаптации к среде, а подключается к созидательной энергии надындивидуальных общностей, выходя за свои собственные пределы и открываясь взаимодействию с миром (Краткий..., 1998).

С учетом вышеуказанного актуальным становится вопрос о разработке модели малой группы для социогуманитарных наук (аналогично модели психосоциального человека). Основанием для ее разработки могут стать стратометрическая теория А. В. Петровского, параметрическая теория Л. И. Уманского—А. С. Чернышева, теории коллективного субъекта А. Л. Журавлева, К. М. Гайдар. Нами была выбрана параметрическая теория, в разработке которой большую роль сыграл принцип моделирования совместной деятельности как системообразующего звена социальной психологии группы.

Из трех форм организации совместной деятельности (совместно-индивидуальной, совместно-последовательной и совместно-взаимозависимой) в большей мере моделировалось совместно-взаимозависимая форма (Уманский, 1980). Ее моделирование проходило в различных ситуациях: в условиях лабораторного эксперимента (на приборах-моделях совместной деятельности — «Групповом сенсомоторном интеграторе» с приставкой «Стрессор» и «Арке»); в естественном эксперименте (в ходе туристско-спортивной эстафеты); в естественном формирующем эксперименте, актуализирующем социальную среду с большими воспитательными возможностями — «социальный оазис» и социальное обучение (Чернышев и др., 2005).

В лабораторном эксперименте наиболее простыми, экономичными и перспективными оказались модели в форме приборов, используемые социальными психологами (там же). Специфичность моделирования совместной деятельности в лабораторном эксперименте состоит в том, что такая модель включает в себя не только характерные черты совместной деятельности, но и представляет собой реальный самоуправляемый, динамический процесс, в котором эти черты не рядоположены и статичны, а иерархически взаимосвязаны и способствуют повышению эффективности совместной деятельности. Модель групповой деятельности обеспечивает единство цели, задачи и средств деятельности, ее эффективность как со стороны технического результата, так и со стороны формирования личности и коллектива.

В естественном эксперименте в качестве модели совместной деятельности группы была выбрана спортивно-туристская эстафета, каждый из этапов которой (установка палатки, перенос «раненого», переход по бревну, перенос объемного предмета через «паутину» — систему слабо закрепленных палочек, снятие палатки) представлял собой совместно-взаимозависимую деятельность (Чернышев и др., 2019).

В естественном формирующем эксперименте моделировалась социальная среда типа «социального оазиса». Создавался микросоциум, отличающийся от обычной среды высоким уровнем общественного признания в регионе, содержательной совместной деятельностью, значительной автономией личности и коллективов и стимулированием их инициативы, взаимозависимым характером совместной взаимозависимой деятельности, стимулированием кооперативных форм межгруппового взаимодействия, паритетностью взаимоотношений педагогического и детского коллективов. Это создает дополнительный эффект психологического воздействия на личность (там же).

В итоге осуществления цикла экспериментальных исследований в рамках параметрической теории были определены следующие социально-психологические характеристики малой учебной группы как субъекта совместной деятельности, общения и отношения в рамках внутригрупповой жизнедеятельности и в системе социальных организаций разного уровня: социально-психологическая структура; социально-психологическая зрелость; поэтапное развитие уровня социально-психологической зрелости.

Психологическая структура контактной группы как коллектива актуализируется и реализуется в ее жизни и деятельности. Высокий уровень социально-психологической зрелости превращает группу в качественно новое социальное образование, новый социальный организм – в группу-коллектив. Структура группы включает три блока, связанных с влиянием на психологию группы общественной идеологии, личностных особенностей членов группы и социально-психологических общих качеств, возникающих в результате взаимодействия и взаимоотношений индивидов между собой, со своей и другими группами.

Эти блоки и параметры описывают основные аспекты жизнедеятельности группы. Внутри каждого блока и между блоками существуют многообразные взаимосвязи и взаимозависимости. В рамках параметрической теории предложена модель развития группы, которую можно отнести к категории моделей последовательных стадий с завершенным развитием. Показателем уровня развития малой группы являются особенности проявления параметров каждого блока. Только что созданная группа рассматривается как исходная позиция ее формирования и называется группа-конгломерат, состоящая из незнакомых между собой людей, объединенных в пространстве и времени. Дальнейшее развитие группы может происходить в положительном

или отрицательном пространстве. Движение группы в положительном пространстве может последовательно проходить через ряд этапов: номинальная группа, группа-ассоциация, группа-кооперация, группа-автономия. Последующее развитие может происходить в сторону группы-корпорации или в сторону коллектива. Движение группы в отрицательном пространстве также проходит несколько этапов: группа-дезинтеграция, группа-интраэгоизм, антиколлектив. Особенностью этих групп является замкнутость относительно внешней среды в сочетании с внутренней антипатией и эгоизмом, конфликтностью и агрессивностью (Уманский, 1980).

Курскими психологами предложена двухуровневая модель группы как субъекта совместной деятельности в системе различных социальных организаций (Чернышев и др., 2019, с. 198). В модели представлены два уровня жизнедеятельности группового субъекта:

- 1) в системе социальных организаций различного уровня (например, группа, однопорядковые группы, факультет, вуз, добровольческие организации, клубы и пр.);
- 2) в рамках внутригрупповых явлений.

На первом уровне жизнедеятельности «работают» параметры, отражающие личностный потенциал группы («блок личностных качеств») и блок общих социально-психологических качеств. Второй уровень обеспечивается параметрами, главным образом обусловленными внешним социальным компонентом, в который включена группа (другие группы, основная организация и более высокие организации), т. е. «общественным блоком».

С. Г. Елизаровым выявлены формы мотивационно-ценностной включенности группы в социальные организации разного уровня – однопорядковые группы, основную социальную организацию (например, школа, факультет, вуз и т. п.). Под включенностью группы в основную организацию понимается особое динамическое социально-психологическое состояние малой группы, выступающее основой ее взаимоотношений с социальной средой, элементом которой она является, и показателем «меры участия» малой группы в этом процессе. Благодаря включенности группы в совместную активность социальных организаций актуализируется статусно-позиционная структура социального самочувствия личности. Таким образом, мотивированное многоуровневое социально-психологическое включение индивидов и групп в систему социальных организаций снижает барьеры вза-

имодействия группы и социума при принятии социально значимых, особенно духовно-нравственных ценностей (Чернышев и др., 2019).

Эвристические возможности двухуровневой модели для психологии и других социогуманитарных наук заключаются в следующем.

- Модель включает социально-психологический капитал группы для успешности функционирования социальных организаций равного или более высокого статуса. В связи с тем, что малая группа как первичная ячейка социальной организации, как правило, обладает более высокой организованностью, чем основная организация и организации еще более высокого статуса, ее организованность используется для усиления («подпитывания») их организованности.
- Модель способствует формированию установки на группу как открытую социально-психологическую систему, способную преодолевать групповой эгоизм, самоизоляцию и включаться в решение задач, выходящих за границы внутригрупповых интересов.
- Модель раскрывает социально-психологические механизмы влияния группы на духовно-нравственную сферу ее участников благодаря сближению установок, ценностей, норм группы и социальных организаций более высокого статуса, в которых наиболее полно представлены духовно-нравственные ценности общества.
- Модель предметно представляет специфические свойства группы и соответствующие ее функции в решении внутригрупповых задач и задач других социальных организаций.
- Модель отражает результат взаимосвязи субъектности группы на двух уровнях активности (интергрупповой и интрагрупповой уровни) через формирование групповой саморефлексии и статусно-позиционной структуры социального самочувствия индивидов.

Литература

Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Ч. I. Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 3–14.

Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов-н/Д., 1998.

Уманский Л. И. Психология организаторской деятельности школьников. М., 1980.

Чернышев А. С., Лунев Ю. А., Сарычев С. В. Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Чернышев А. С., Сарычев С. В., Гребеньков Н. Н. Параметрическая теория малых групп и коллективов. Курск: Курский гос. ун-т, 2019.

**МЫШЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА
В ПОЗНАНИИ, ОБЩЕНИИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Субъектно-ориентированное сравнение и отношение к модной внешности*

Н. Г. Артемцева (ИП РАН, Москва), *Е. С. Самойленко* (ИП РАН, Москва)

Показана актуальность проведения исследований, направленных на изучение субъектно-ориентированного сравнения в контексте анализа особенностей отношения к модной внешности. Цель исследования, в котором применялись аппаратная методика и опросники, заключалась в выявлении взаимосвязей между степенью положительного отношения к модной внешности, направленностью на субъектно-ориентированное сравнение и выраженностью характеристик, отражающих разные аспекты восприятия моды. Представлены результаты корреляционного анализа, позволяющие констатировать, что чем более выражено у человека положительное отношение к модной внешности, тем более проявляется у него направленность на сравнение себя с другими людьми с точки зрения глобальных жизненных ситуаций.

Ключевые слова: социальное сравнение, сравнение внешности, восприятие моды.

Субъектно-ориентированное сравнение понимается нами как такой процесс, который, в отличие от предметно-ориентированного сравнения, представляющего собой нахождение сходства и различия между предметами окружающего мира, обращен к людям – общающимся и деятельным субъектам. Субъектно-ориентированное сравнение можно дифференцировать на интерсубъектное (или социальное) сравнение, которое выражается в сопоставлении человеком себя с другими людьми, и интрасубъектное сравнение себя с самим собой в разные временные промежутки (в этом случае речь идет о так называемом темпоральном сравнении) и себя в настоящем со своим желаемым, возможным, идеальным Я (Самойленко, 2012).

Понятие субъектно-ориентированного сравнения опирается на представление о субъекте, получившее глубокое осмысление в ра-

* Исследование проводилось в соответствии с Госзаданием № 0138-2023-0006, ЕГИСУ НИОКТР 121041500254-5.

ботах А. В. Брушлинского, который отмечал, что субъект представляет собой наиболее широкое понятие, обозначающее человека во всей целостности его качеств, общающегося, деятельного и обладающего сознанием, позволяющим осуществлять рефлексию. Субъект, по мнению А. В. Брушлинского, — «это человек, люди на высшем (индивидуализированно для каждого) уровне деятельности, общения, целостности, автономности и т. д.» (Брушлинский, 2003, с. 20).

В процессе общения и деятельности особое значение приобретает сравнение субъектом себя с другими субъектами. Степень ориентированности человека на такое сравнение может быть более или менее выраженной и связанной с его индивидуально-психологическими характеристиками, с особенностями его взаимодействия с действительностью и отношения к ее многообразным, прежде всего социальным феноменам, в качестве одного из которых выступает мода.

На сегодняшний день в обществе, в связи с совершенствованием технологий массовых коммуникаций и интенсивным развитием индустрии красоты, значение внешнего, в частности модного облика человека, значительно возросло и все чаще становится объектом исследований в психологии и ряде других дисциплин. Общество выдвигает определенные социально одобряемые стандарты внешности. При этом стремление руководствоваться модными тенденциями и рекомендациями известных специалистов индустрии моды присуще людям в разной степени и может в некотором роде определяться более и менее положительным отношением к модной внешности, которое, по нашему предположению, может быть взаимосвязано со степенью ориентированности человека на сравнение себя с другими людьми по разным параметрам, а также с особенностями его восприятия моды как многообразного феномена. Цель нашего исследования, в котором применялись аппаратурная методика и опросники, заключалась в поиске этих взаимосвязей. Эмпирические гипотезы исследования заключались в предположении о наличии значимых взаимосвязей между степенью положительного отношения к модной внешности, направленностью на субъектно-ориентированное сравнение и выраженностью характеристик, отражающих разные аспекты восприятия моды.

В исследовании приняли участие 102 чел.: юноши и девушки в возрасте от 18 до 24 лет, являвшиеся студентами разных университетов г. Москвы и получавшие образование по разным специальностям.

На первом этапе исследования была реализована аппаратурная методика, которая заключалась в том, что участникам исследования, проводившегося в индивидуальной форме, на экране монитора последовательно предъявлялся стимульный материал, состоящий из 11 фотопортретов девушки в полный рост, различавшихся стилями ее одежды (деловой, спортивный, casual, минимализм, гранж, романтический, вамп, сафари, ретро, эклектика и ни один из этих стилей). Важным моментом является тот факт, что на фотографиях была представлена одна и та же модель, внешний облик которой претерпел изменение исключительно за счет различных стилей одежды. Таким образом планировалось исключить влияние значимых переменных – возраста, пола, фигуры. Участникам предлагалось оценить изображения по критериям «модный/немодный» и «нравится/не нравится», используя 7-балльную шкалу. Время рассматривания фотоизображений не ограничивалось.

Выраженность положительного отношения к модной внешности операционализировалась через индекс, который отражал степень совпадения двух субъективных оценок по шкале «модный/немодный» и по шкале «нравится/не нравится». Индекс подсчитывался через разность между субъективной оценкой модности того или иного внешнего облика и субъективной оценкой, отражающей то, насколько он нравится. По каждому участнику исследования подсчитывались значения индекса, соответствующие каждому из 11 фотопортретов, а затем общий индекс, представляющий собой сумму отдельных значений. Таким образом, чем меньше было значение общего индекса, т. е. чем менее выраженным было расхождение между тем, насколько внешность оценивалась как модная и как та, которая нравится, тем более выраженным мы считали положительное отношение к модной внешности.

На втором этапе участникам исследования предлагалось заполнить четыре опросника. Два из них касались разных аспектов субъектно-ориентированного сравнения: русскоязычная версия шкалы INCOM (в адаптации Самойленко и др., 2019), которая состоит из утверждений относительно сравнения человеком себя с другими людьми и включает три фактора (ориентированность на сравнение способностей, ориентированность на сравнение мнений и ориентированность на сравнение глобальной жизненной ситуации) и опросник РООСС (Самойленко, 2012), касающийся как интерсубъективного, так и интрасубъективного сравнения. Использовались также

русскоязычная версия шкалы «Сравнение физической внешности» PACS-R (в адаптации Артемцевой, Самойленко, 2022) и «Шкала отношения к моде» (ШОМ) (Артемцева, Грекова, 2016), включающая высказывания, отражающие разные субъективные параметры восприятия феномена моды. При статистической обработке данных применялись непараметрические методы корреляционного анализа (Statistica v. 7.0).

В результате проведенного исследования показана значимая взаимосвязь ($r = -0,25$ при $p < 0,05$) между выраженностью положительного отношения к модной внешности и показателем фактора 3 опросника INCOM. Данный фактор отражает ориентированность человека на сравнение себя с другими людьми в отношении глобальной жизненной ситуации и объединяет обратные высказывания: «Я не тот, кто часто сравнивает себя с другими людьми» и «Я никогда не соотношу собственную жизненную ситуацию с той, в которой находятся другие люди». Таким образом, показано, что чем более человек не склонен соотносить собственную жизненную ситуацию с ситуациями других людей, тем менее у него выражено положительное отношение к модной внешности. Получила частичное подтверждение только одна из выдвинутых гипотез, поскольку взаимосвязей направленности на субъектно-ориентированное сравнения с ориентированностью на сравнение себя с другими людьми по внешности и с показателями, характеризующими восприятие моды, не обнаружено.

Значение проведенного исследования мы видим в двух моментах. Во-первых, оно явилось еще одним шагом в построении модели взаимосвязей субъектно-ориентированного сравнения с психологическими конструктами. Во-вторых, оно имеет значение для развития такого направления прикладной психологии, которое можно обозначить как психология моды.

Литература

Артемцева Н. Г., Грекова Т. Н. Методика «Шкала отношения к моде» (ШОМ) как диагностика личностных представлений о моде // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 8 ч. Ч. 2 / Под ред. В. С. Белгородского, О. В. Кашеева, В. В. Зотова, И. В. Антоненко. М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016. С. 18–24.

- Артемова Н. Г., Самойленко Е. С.* Шкала «Сравнение физической внешности»: апробация на российской выборке // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 110–119.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Савченко Т. Н., Самойленко Е. С., Корбут А. В.* Сопоставление психометрических показателей инструментов измерения ориентированности на социальное сравнение // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 112–130.
- Самойленко Е. С.* Процесс сравнения в системах познания, общения и личности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2012.

Эмоциональный интеллект у созависимых мужчин разных профессий*

Н. Г. Артемцева (ИП РАН, Москва), С. А. Малкина (Ярославль)

В статье представлены данные исследования созависимых мужчин помогающих (военных) и других (гражданских) профессий во взаимосвязи с их эмоциональным интеллектом. Выявлены значимые различия в уровне эмоционального интеллекта созависимых мужчин различных профессий. Обнаружено, что все мужчины-военные в нашей выборке имеют очень высокий уровень эмоционального интеллекта, в то время как мужчины других профессий имеют разные уровни эмоционального интеллекта: от очень низкого до очень высокого. Показано, что у мужчин гражданских профессий созависимость отрицательно взаимосвязана только с оценками понимания своих эмоций. В то время как у военных созависимость отрицательно взаимосвязана с несколькими показателями, касающимися управления эмоциями.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, понимание и управление эмоциями созависимость, помогающие профессии.

Одним из способов взаимодействия с миром является профессия. Выбор профессии обуславливается внутренними условиями, которые, в свою очередь, детерминированы в том числе внешним влиянием. Так, А. В. Брушлинский отмечал единство природного и социального на всех стадиях развития человека. Он рассматривал человека как носителя системы, которая раскрывается во взаимодействии с миром (Брушлинский, 1994). Созависимость и эмоциональный интеллект, с нашей точки зрения, являются условиями, детерминированными внутренними и внешними факторами и детерминирующими способ взаимодействия с социумом, в котором наиболее полно через внешние взаимодействия реализовываются внутренние условия, цели и потребности.

* Исследование выполнено в соответствии с Госзаданием № 0138-2023-0006, ЕГИСУ НИОКТР 121041500254-5.

В 1980-х годах появилось понятие эмоционального интеллекта. Это стало началом многочисленных исследований данного конструкта, которые продолжают и по сей день. Мы рассматриваем эмоциональный интеллект как способность к пониманию и управлению эмоциями (своими и других людей). Эмоциональная сфера является зоной уязвимости при созависимости. В описаниях этого феномена часто отмечается склонность созависимых людей к аффективным реакциям — им сложно управлять своим эмоциональным фоном и внешним выражением эмоций. Созависимость в наше время является активно изучаемым явлением, которое понимается в современных исследованиях значительно шире, чем раньше. Созависимым называют человека, чье поведение мотивировано зависимостью близкого значимого другого. Однако созависимыми можно считать также людей, чье поведение обусловлено негативным состоянием значимого другого, даже если у него нет никакой химической зависимости (Артемцева, 2017). Именно поэтому авторы, изучающие созависимость, относят к группе риска по созависимости представителей помогающих профессий (медиков, педагогов, социальных работников, психологов, пожарных, военных). Существуют исследования, проведенные на выборках педагогов, психологов и медиков, подтверждающие более высокий уровень эмоционального интеллекта у представителей этих профессий. Возможно, развитие эмоционального интеллекта у респондентов этих исследований обусловлено именно выбором профессии. В основном, эти выборки состоят из женщин (Малкина, Артемцева, 2021). А вот эмоциональный интеллект у созависимых мужчин различных профессий остается недостаточно изученным. Мы предположили, что способность понимать и управлять эмоциями мужчинами разных профессий будет различаться при одинаковой степени созависимости, а созависимость взаимосвязана с эмоциональным интеллектом. Это предположение стало основанием для формулировки эмпирических гипотез исследования: 1) уровень эмоционального интеллекта у мужчин помогающих профессий отличается от уровня эмоционального интеллекта мужчин других профессий; 2) созависимость взаимосвязана с эмоциональным интеллектом у мужчин помогающих и не помогающих профессий.

Участники исследования: 79 мужчин в возрасте от 20 до 46 лет. Общая выборка исследования была разделена на 2 группы по профессиональному признаку. Первую группу составили военные офицеры-летчики, проходящие службу по контракту в вооруженных силах

России, 41 чел., средний возраст – 29 лет. Вторую группу составили мужчины различных гражданских специальностей (менеджеры, предприниматели, руководители среднего звена, представители творческих профессий и др.), 38 чел., средний возраст – 30 лет. Группы получили условные названия: «Военные» и «Гражданские».

Участникам исследования предлагалось заполнить два опросника: «Профиль созависимости» (Артемцева, 2017), который позволяет определить, актуализированы ли у респондента в данный момент паттерны созависимого поведения, и опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» (Люсин, 2004), который позволяет определить общий уровень эмоционального интеллекта, а также уровень эмоционального интеллекта по шкалам: Межличностный, Внутрличностный, Понимание эмоций, Управление эмоциями, Понимание чужих эмоций, Управление чужими эмоциями, Понимание своих эмоций, Управление своими эмоциями и Контроль экспрессии. При статистической обработке данных применялись непараметрические методы: критерий Манна–Уитни и корреляция Спирмена (Statistica v. 7.0).

По результатам опросника «Профиль созависимости», все респонденты оказались актуализированными созависимыми. Мужчины в обеих группах имеют достаточно высокую степень созависимости. С помощью критерия Манна–Уитни мы сравнили средние показатели по всем шкалам эмоционального интеллекта у респондентов двух групп («Военные» и «Гражданские»). Были выявлены статистически значимые различия показателей общего уровня эмоционального интеллекта ($U = 34,500$, $p < 0,001$) и по всем остальным шкалам: межличностный ($U = 191,500$, $p < 0,001$), Внутрличностный ($U = 48,500$, $p < 0,001$), понимание эмоций ($U = 157,500$, $p < 0,001$), управление эмоциями ($U = 43,000$, $p < 0,001$), понимание чужих эмоций ($U = 297,500$, $p < 0,001$), управление чужими эмоциями ($U = 189,000$, $p < 0,001$), понимание своих эмоций ($U = 114,000$, $p < 0,001$), управление своими эмоциями ($U = 98,500$, $p < 0,001$) и контроль экспрессии ($U = 181,500$, $p < 0,001$). В группе «Военные» все респонденты оказались обладателями очень высокого уровня эмоционального интеллекта. В то время как в группе «Гражданские» произошло такое распределение по уровням: очень низкий уровень – 11 чел. (29%), низкий уровень – 8 чел. (21%), средний уровень – 24%, высокий уровень – 7 чел. (18%) и очень высокий уровень – 3 чел. (8%). Вероятно, это связано с тем, что военные мужчины лучше понимают свои эмоции и эмоции других людей, лучше управляют своими эмоциями и могут влиять на изменение эмоцио-

нального фона других людей. Возможно, именно в силу специального обучения и ответственности, функционирование в рамках помогающей профессии детерминирует развитие эмоционального интеллекта. Полученные нами результаты согласуются с данными другого исследования, в котором были получены результаты о более высоком ЭИ у военных руководителей по сравнению с руководителями среднего звена гражданских специальностей (Краснов, Корнилова, 2016).

В результате корреляционного анализа созависимости с общим уровнем эмоционального интеллекта и со всеми его шкалами в обеих группах были получены следующие результаты: в группе «Гражданские» обнаружена только одна статистически значимая взаимосвязь – созависимость отрицательно связана со значением понимания своих эмоций ($R_s = -0,476$; $p = 0,003$); в группе «Военные» получены несколько значимых отрицательных корреляций, а именно – с показателями внутриличностного эмоционального интеллекта ($R_s = -0,331$; $p = 0,034$), управлением эмоциями в целом ($R_s = -0,453$; $p = 0,003$), управлением чужими эмоциями ($R_s = -0,356$; $p = 0,022$) и управление своими эмоциями ($R_s = -0,311$; $p = 0,048$). Вероятно, хорошая способность владеть собственными эмоциями необходима военным не только в личной жизни, но и на службе, чтобы эффективно функционировать в рамках профессиональной деятельности.

Обсуждение результатов

Уровень эмоционального интеллекта у военных летчиков значимо отличается от уровня эмоционального интеллекта мужчин гражданских специальностей. Вероятно, эмоции – это важный аспект профессии военного, с которым постоянно приходится иметь дело. Это касается и собственных эмоций, и эмоций других людей. У гражданских мужчин созависимость отрицательно взаимосвязана с умением понимать свои эмоции. Контакт со своим внутренним миром помогает мужчинам эффективнее прояснять значимые для них ситуации и избегать моделей созависимого поведения. У военных мужчин взаимосвязи иные, возможно, они обусловлены именно выбранной профессией. Для военных летчиков особо важными оказалась способность управлять эмоциями, как своими, так и чужими. Мы можем предположить, что высокий уровень внутриличностного эмоционального интеллекта и управления эмоциями помогает военным не зависеть от других в совладании со своим внутренним миром, а также

в управлении эмоциями других людей. Это логично, так как основное качество хорошего военного – выдержка, умение стойко выносить все тяготы и лишения службы, умение быстро реагировать в сложных ситуациях. Особенно важными эти качества оказываются для летчиков, которые являются представителями профессии, связанной с повышенным риском. Возможно, полученные результаты обусловлены еще и тем, что летчики изначально проходят более строгий отбор (медицинский и психологический).

Результаты данного исследования вносят вклад в понимание феномена созависимости и особенностей его проявления у мужчин различных профессий, а также в изучение эмоционального интеллекта у созависимых мужчин различных профессий.

Литература

- Артемова Н. Г.* Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Краснов Е. В., Корнилова Т. В.* Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. «Психология. Педагогика». 2016. № 3. С. 28–43.
- Люсин Д. В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
- Малкина С. А., Артемова Н. Г.* Созависимость и эмоциональный интеллект у лиц с нарушением пищевого поведения // Психология – наука будущего: Материалы IX Международной конференции молодых ученых / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 217–221.

Программное обеспечение для реализации интерактивной задачи слежения за звуковыми объектами с высокой экологической валидностью*

И. А. Басюл (ИП РАН, Москва)

Ранее разработанный программный комплекс для реализации интерактивной задачи слежения за звуковыми объектами доработан модулем обработки звука на основе HRTF. Данная доработка существенно увеличила точность и надежность локализации кажущихся источников звука, создаваемых при помощи данного ПО, что значительно повышает экологическую валидность экспериментальных работ, проводимых при помощи данного комплекса.

Ключевые слова: слуховые интерфейсы, разработка программного обеспечения, HRTF, CIPIC.

Задача слежения является одним из классических вариантов исследования особенностей взаимодействия человека с объектами окружающего мира. Как правило, испытуемому предлагается наблюдать (следить) за определенным объектом (одним или несколько), при изменении каких-либо характеристик этого объекта/объектов испытуемый должен выполнить определенное действие в соответствии с решаемой задачей. Такого рода эксперимент моделирует работу с любым типом интерфейса: если вдруг в вашем автомобиле запищал парктроник, то вы предпримите один ряд действий, а если загорелась лампа низкого уровня топлива – другой ряд действий.

В цикле предшествующих работ было разработано программное обеспечение (ПО) для реализации интерактивной задачи слежения за звуковыми объектами (Басюл, 2022). Данное ПО было применено в цикле экспериментальных работ, по результатам которых ряд решений, примененных в данном ПО, были существенно переработаны. В наибольшей степени переработан модуль обработки звукового потока, в меньшей степени – модуль пользовательских инстру-

* Госзадание № 0138-2023-0006 «Личностные и коммуникативные детерминанты познавательных процессов».

ментов, а также расширена система внешних команд для увеличения степени автоматизации управления данным ПО в ходе проведения эксперимента.

Модуль обработки звука в исходной версии ПО реконструирует звуковое пространство при помощи пакета модулей ICST Ambisonics Tools. Реконструированное звуковое пространство декодируется в реальный звуковой сигнал при помощи бинаурального декодера для среды Faust (<http://sekisushai.net/git/sekisushai/ambitools>), скомпилированного для MaxMSP. В ходе исследований было выявлено, что примененный набор алгоритмов не обеспечивает надежной пространственной локализации кажущихся звуковых источников (КИЗ), кроме смещения влево/вправо. Смещение КИЗ вверх/вниз и вперед/назад, реализуемое посредством данного ПО, практически не распознавалось участниками экспериментальной серии. В связи с этим данный модуль заменен набором фильтров, полученных на основе HRTF из базы CIPIC (Algazi et al., 2001).

HRTF из базы CIPIC представляют собой набор импульсных откликов для левого и правого уха человека, полученные в безэховой камере. В данных импульсных откликах «записаны» преобразования (искажения) звукового сигнала, которые осуществляются головой и ушными раковинами слушателя при прохождении звукового сигнала от своего источника к ушным ходам левого и правого ушей соответственно. В данном наборе записей содержатся импульсные отклики для определенного набора точек пространства – 1100 точек (проверить). Шаг по вертикали – $5,625^\circ$, по горизонтали – 5° в диапазоне от -55° (влево) до 55° (вправо) и 15° в диапазоне от 55° до 85° вправо и влево соответственно. Для использования данного набора импульсных характеристик (и фильтров на их основе) для плавного и непрерывного движения КИЗ данная дискретность является слишком большой. Необходимо получить набор импульсных характеристик с большей дробностью и заполнить нижний сектор в диапазоне от 230° до -45° по вертикали.

Набор промежуточных импульсных характеристик для заполнения пустого нижнего сектора, получения равномерных расстояний и уменьшения расстояния между отдельными соседними импульсными откликами получен путем интерполяции существующих в базе CIPIC импульсных откликов. Данная операция выполняется применительно к HRTF, полученным для одного человека. Полученный набор импульсных откликов (исходных и дополнительных после интерполяции) в среде MaxMSP преобразуется в jitter-таблицу, в которой хра-

няться передаточные функции для всех точек пространства, в которых может быть расположен КИЗ. Таких jitter-таблиц формируется две — для левого и правого каналов (и соответствующих ушей), из которых формируется итоговый стереосигнал для наушников пользователя.

Полученный модуль обработки звука осуществляет преобразование звукового сигнала, максимально близкое к преобразованиям, осуществляемым головой и ушными раковинами человека. Первичное тестирование показало заметно лучшую локализацию КИЗ по направлениям верх—низ и перед—зад в сравнении с модулем на базе пакета модулей ICST Ambisonics Tools.

Алгоритм управления джойстиком заменен на управление координатой (угловой), а не скоростью изменения координаты. Данный вариант управления встречается значительно чаще, нежели управления скоростью изменения угловой координаты (скорости вращения вокруг определенной оси).

Система внешних команд расширена командами загрузки конфигурационного файла, загрузки аудио, включением/выключением воспроизведения аудио, включением/выключением записи и логирования. Полученная система внешних команд позволяет реализовать управление ПО только при помощи внешних команд, без необходимости управления из интерфейса ПО.

Доработанный комплекс позволяет реализовывать интерактивные экспериментальные исследования с пространственным звуковым интерфейсом на базе HRTF, что обеспечивает высокую экологическую валидность предъявления стимульного материала.

Литература

- Басюл И. А.* Разработка программного обеспечения для реализации интерактивной задачи слежения за звуковыми объектами // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова, А. В. Юревич, И. И. Ветрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 206–208.
- Algazi V. R., Duda R. O., Thompson D. M., Avendano C.* The CIPIC HRTF database // Proceedings of the 2001 IEEE Workshop on the Applications of Signal Processing to Audio and Acoustics (Cat. № 01TH8575), New Platz, N. Y., 2001. P. 99–102. doi: 10.1109/ASPAA.2001.969552

Развитие мышления дошкольников из семей военнослужащих в игровой деятельности

Е. И. Буданова (СГТИ, Обнинск), *В. Р. Медведев* (ГНИИИ
военной медицины Минобороны России, Москва), *Л. К. Тушнова*
(ГНИИИ военной медицины Минобороны России, Москва),
Н. В. Еркин (ГБОУ «Школа № 2117», Москва)

Рассматривается развитие мышления дошкольников из семей военнослужащих в сюжетно-ролевой игре. По результатам проведенного исследования разработан комплекс занятий на основе подхода к организации сюжетно-ролевой игры по технологии Н. Я. Михайленко и Н. А. Коротковой с использованием способов творческого сюжетосложения в «игре-придумывании», который показал свою результативность.

Ключевые слова: мышление, сюжетно-ролевая игра, дошкольный возраст, игровая деятельность, творческое сюжетосложение.

По мнению подавляющего большинства психологов и педагогов, дошкольный возраст считается сенситивным периодом становления различных психических процессов и личности, в том числе и мышления, когда у ребенка возникают личностные механизмы поведения, формируется соподчинение мотивов, развиваются предпосылки к самоконтролю и саморегуляции.

Рассматривая мышление как процесс, охватывающий весь жизненный путь человека, важно отметить, что на каждом возрастном этапе этот процесс имеет ряд особенностей. Анализируя процесс мышления в дошкольном возрасте, многие авторы сходятся во мнении, что, исходя из специфичности и значимости данного этапа в жизни индивида, мышление необходимо рассматривать в этот период во взаимосвязи с умственным развитием дошкольника. И тем самым необходимым условием развития мышления является включение детей в деятельность, в ходе которой могла бы ярко проявиться их активность в рамках нестандартной, неоднозначной ситуации (Брушлинский, 1996).

Первым в онтогенезе формируется наглядно-действенное мышление. В его основе лежит процесс решения практических задач в условиях зрительного наблюдения за ситуацией и выполнения действий с представленными в ней предметами. В среднем дошкольном возрасте дети начинают переходить от внешних действий с предметами, к действиям с образами этих предметов, совершаемым в уме. Так развивается наглядно-образное мышление, которое опирается на образы. Мыслительная деятельность ребенка в возрасте 5–6 лет начинает проявляться в форме словесно-логического мышления. У детей появляется возможность решения задач в уме, которая возникает благодаря тому, что образы, которыми пользуется ребенок, приобретают обобщенный характер. Наиболее интенсивно и эффективно формирование мышления совершается в сюжетно-ролевой игре.

Для экспериментального исследования влияния сюжетно-ролевой игры на развитие словесно-логического мышления у детей старшего дошкольного возраста из семей военнослужащих была проведена диагностика и применена развивающая работа по повышению уровня мышления у дошкольников, которая включала комплекс игр и упражнений. В исследовании приняло участие 26 детей, база исследования – Муниципальное образовательное дошкольное учреждение центр развития ребенка № 17 «Умка». Перед началом обследования дети в произвольном порядке были разделены на две группы: контрольная (КГ) – 13 детей и экспериментальная (ЭГ) – 13 детей. Для диагностики использованы методики «Нелепицы», «Что здесь лишнее?» и «Раздели на группы» (Немов, 2016).

Проанализировав результаты исследования, мы сделали вывод, что дети КГ и ЭГ продемонстрировали недостаточные результаты по всем уровням развития словесно-логического мышления. Причины низкого уровня развития словесно-логического мышления у детей нашей выборки связаны с тем, что дошкольники имеют свои качественные особенности, которые обусловлены замедленным психофизическим развитием, соматической ослабленностью, низкой познавательной инициативой ребенка, что проявляется в некоторой инертности, недостаточной сформированности мыслительных операций.

На основе подхода к организации сюжетно-ролевой игры по технологии Н. Я. Михайленко и Н. А. Коротковой мы разработали и провели комплекс занятий с использованием способов творческого сюжетосложения в совместной со взрослым «игре-придумывании» (Михайленко, Короткова, 2000).

Для разрешения возникающих проблем у дошкольников во время игровых заданий на развитие умения по-новому комбинировать известные детям сюжеты и события из сказок нами использовалось несколько методов: метод мозгового штурма, метод «гирлянды аналогий», проблемно-диалогический метод (метод телефонного разговора).

Работа с детьми проводилась в несколько этапов. На первом этапе совместного «вспоминания» (пересказа) известной сказки мы ориентировали детей на слушание друг друга, продолжение рассказа партнера. На следующем этапе развертывания нового сюжета при сочетании разноконтекстных ролей в процессе «телефонных разговоров» у детей развивалось взаимодействие, когда они только проговаривали очередные события (а не «разыгрывали» их) и намечали дальнейшее направление сюжета. Далее мы предложили детям придумывать не сказки, а «настоящие истории», что развивало у них умение комбинировать предложенные события в общем сюжете игры и проявлять отзывчивость, сопереживание, заботу к своему товарищу.

На заключительном этапе вновь была проведена повторная диагностика развития словесно-логического мышления у детей старшего дошкольного возраста из ЭГ и КГ. После этого мы сравнили диагностические результаты до и после участия в формирующем этапе, и сделали выводы об эффективности сюжетно-ролевой игры как средства развития словесно-логического мышления детей. Дошкольники стали лучше устанавливать закономерности, научились обобщать различный наглядный материал. Дети научились совершать мыслительные действия «в уме», а также анализировать собственный процесс рассуждений.

Литература

- Брушлинский А. В.* Субъект: Мышление, учение, воображение. М.—Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Михайленко Н. Я., Короткова Н. А.* Организация сюжетной игры в детском саду. М.: Гном и Д, 2000.
- Немов Р. С.* Общая психология. Воображение и мышление. М.: Юрайт, 2016.

Объяснение как способ освоения методологического знания

С. А. Гильманов (ЮГУ, Ханты-Мансийск)

В статье обосновывается необходимость включения процедур объяснения при освоении научного методологического знания в системе профессионального образования. Объяснение должно осуществляться студентами и аспирантами в процессе создания ими проекта исследования при взаимодействии с преподавателем, с участниками процесса обучения, с самим собой. На основе краткого анализа литературы и практики преподавания дисциплин, содержащих методологическое знание, автор утверждает, что объяснение как способ освоения методологического знания результативно: уровень подготовленных исследовательских проектов повышается, обогащается мышление студентов, формируется их обоснованная авторская позиция при определении методологических ориентиров исследований и их реализации.

Ключевые слова: методологическое знание, объяснение, мышление, психолого-педагогическое исследование.

Методология любой науки как совокупность положений о методах и процедурах научной деятельности, опирающихся на устоявшиеся гносеологические и эпистемологические представления о закономерностях познания, всегда в той или иной мере представлена в общем и профессиональном образовании или как «скрытая» (впрямую не предъявляемая) сторона содержания и процесса обучения, либо как оформленная в виде учебной дисциплины, программ практик или их частей. Для высшего образования, где требуется формировать исследовательские компетенции студента, значимость освоения основ научной методологии для развития профессионального мышления невозможно переоценить: исследовательская сторона всегда присутствует в деятельности (особенно в профессиях социогуманитарного профиля) не только в теоретических, но и практических действиях при выявлении проблем, выработке целей и задач, планировании, принятии решений и контроле их исполнения.

Однако анализ практик обучения основам научной методологии, знакомство с содержанием создаваемых студентами учебно-научных продуктов (курсовых проектов, выпускных квалификационных работ и др.), требующих исследовательской деятельности, свидетельствуют о том, что методологические основы науки ими не осваиваются, методологическая компетентность не сформирована: положения научно-логического аппарата (НЛА), содержащегося во введении, формулируются с ошибками, бессистемны, слабо связаны между собой и с дизайном исследования, отсутствует смысловая целостность изложения и т. д.

На наш взгляд, помимо очевидных причин такого положения (слабость понятийного мышления студентов, низкий уровень знаний ими основ наук, отсутствие опыта проведения исследований, слабая мотивация к научной деятельности и др.), можно указать и на чрезвычайную сложность для студентов освоения методологических основ исследовательской деятельности в процессе образования, обусловленную самим характером методологии. Перед студентом она предстает как многоуровневое, обращенное к способам и условиям познания мира и выраженное в системе философских и собственно научных категорий и понятий знание, которым должно осознанно руководствоваться при организации исследовательской деятельности (что обязательно требует и особой рефлексии, метакогнитивности). Такое знание нельзя просто усвоить и воспроизвести, понять как единый объект (и мыслить о нем как объекте), его нельзя назвать ни декларативным (хотя оно и имеет такое содержание), ни процедурным (опосредующие понятийные и прескриптивные составляющие методологии чересчур теоретически нагружены и не позволяют напрямую применять их при выполнении исследовательских действий). При этом методология как ориентировочная, поисковая часть, сторона любой деятельности (в нашем случае – научно-исследовательской) должна осваиваться как целостность, как система, требующая, однако, и выхода за свои пределы (в области культурных смыслов, познавательных, эстетических и нравственных ценностей и др.) при постановке проблемы, рождении идеи, выдвижении гипотезы и способов ее доказательства, что предполагает самостоятельность мышления, авторскую позицию в осмыслении и изложении хода и результатов исследования.

Мы считаем, что одним из способов улучшения организации освоения методологического знания может явиться включение в учеб-

ный процесс процедуры объяснения включения методологических положений в осуществление учебных, познавательных и исследовательских действий студентов при выполнении ими индивидуально-исследования (или только создания проекта такого исследования).

Цель предлагаемой работы – обосновать на основе теоретических и практических подходов ориентиры включения объяснения как реализующегося разными методами и в разных формах способа организации мышления студентов в процессе освоения ими методологического знания и его применения в психолого-педагогических исследованиях.

Объяснение, как процесс и результат раскрытия существенных черт и связей явлений, сопровождающиеся углублением знаний о мире, издавна является одной из первостепенных философских, научно-методологических, психологических, педагогических проблем. Она активно обсуждается отечественными (Г. В. Залевский, В. А. Лекторский, В. А. Мазиллов, Е. П. Никитин, М. С. Роговин, Ю. Н. Слепко, В. С. Швырев, А. В. Юревич и др.) и зарубежными (Р. Achinstein, E. Barnes, M. Friedman, C. G. Hempel, P. Kitcher, W. C. Salmon, N. Rescher, D.-H. Ruben и др.) философами, методологами, психологами. Разработаны основы понимания объяснения и отличия его от других видов познавательных процедур, классификационные подходы, структура и содержание различных видов объяснения. Проблема объяснения затрагивается и исследователями научного, понятийного мышления и способов его формирования как имманентно связанная с этой областью знания (М. Вертгеймер, Ж. Пиаже, М. Полани, Б. Скиннер, Р. Стернберг, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, Л. М. Веккер, Б. М. Величковский, М. А. Холодная и др.). В педагогике объяснение рассматривается преимущественно как словесный метод обучения, заключающийся в пояснении, анализе, доказательстве и истолковании положений излагаемого (П. П. Блонский, В. И. Загвязинский, А. Ф. Закирова, В. В. Краевский, В. В. Крылов, Е. И. Лященко, М. Н. Скаткин, А. М. Сохор и др.), т. е. преимущественно относится к деятельности педагога, обязанного объяснить учащимся учебный материал для достижения ими понимания того, что объясняется.

При всем разнообразии подходов к объяснению для нас значимыми являются суждения ученых, связанные со спецификой объяснения методологического знания. Отметим, что для психологии здесь важен учет дильтеевского подхода к пониманию, превращающего его в особый способ психологического познания, в котором

объяснению отводится определяющая роль. Важна и мысль о том, что объяснение как организация познания играет особую роль в гуманитарных науках, где «не только антецедентные условия, но и эксплананс зависим от индивидуальных характеристик субъекта и объекта воздействия» (Мазиллов, Слепко, 2020, с. 47). Нужно вспомнить и суждения М. Вебера, который противопоставлял непосредственному пониманию понимание объясняющее, когда «объяснить» означает постигнуть смысловую связь, подчеркивал, что при каузальном объяснении отдельных явлений познавательную ценность представляют только те, которым мы приписываем общее культурное значение, которые в отдельном случае могут быть сведены к «существенным» компонентам события (Вебер, 1990, с. 376). При рассмотрении роли объяснения в учебном процессе существенными для нас являются экспериментально обоснованные выводы о том, что генерирование объяснений самим учащимся влияет «на собственное понимание и способность обобщать в новых контекстах», и «может быть более эффективным механизмом обучения, чем получение объяснений» (Lombrozo, 2012, p. 266) и суждения о необходимости предоставлять студентам (в цитируемом здесь тексте – будущим преподавателям) «явные возможности подвергать сомнению и опробовать неявные послания объяснений, которые заложены в вербальном и невербальном языке» (Cabello et al., 2019, p. 1101).

Эмпирическое исследование опоры на объяснение: методика, результаты, выводы

В нашей практике включение объяснения в освоение методологических основ психолого-педагогических исследований осуществлялось в процессах преподавания специализированных дисциплин, руководства квалификационными и диссертационными работами, прохождением практик студентами и аспирантами. Опытно-экспериментальная работа строилась на актуализации объяснений при каждой из стадий процесса создания индивидуального исследовательского проекта: планирования, реализации, оформления результатов. Автор проекта объяснял свои исследовательские действия (преподавателю, соученикам, себе в виде рефлексивных рассуждений), обосновывая: актуальность темы, постановку проблемы, предлагаемую идею и замысел исследования; смысловое единство всех формулировок научно-логического аппарата; выбор методов исследования;

возможность доказательства гипотезы с высокой степенью вероятности; соответствие общего дизайна исследования его цели и доказательству гипотезы; точность формулировок; завершенность и полнота интерпретационных рассуждений в заключительной части, их соответствие цели. Оценка освоенности методологического знания производилась по перечисленным ориентирам при анализе выполненных проектов.

Не излагая подробно результатов включения процедур объяснения в процесс освоения методологических компонентов исследования, отметим основные полученные результаты.

Во-первых, когда при возможности можно было выделить две относительно равные группы студентов, находящиеся в одинаковых условиях обучения (например, две группы одного курса заочного обучения, проходящие курс «Методология и методы социально-гуманитарных исследований» в дистанционной форме), и, выделив контрольную и экспериментальную группы, осуществлять в экспериментальной регулярную актуализацию объяснений, уровень подготовленных исследовательских проектов при завершении изучения дисциплины был всегда выше.

Во-вторых, при рефлексии своих действий в ходе освоения методологического знания те студенты, которые регулярно предпринимали попытки объяснения своих действий, всегда говорили об изменении в мышлении, отмечая пользу объяснений, формирование установки на включение их в обоснование действий: «когда начинаешь объяснять, видишь все „дыры“ в своих рассуждениях»; «сейчас сам себе стараюсь сформулировать объяснение каждого высказывания и решения»; «полезнее оказалось не то, что преподаватель объяснил, а то, как я сам это могу объяснить» и т. д.

В-третьих, особенно важным оказалось формирование авторской позиции при определении содержания и объема понятий (что связано с различием позиций ученых, обосновывающих представления о психологических и педагогических явлениях, процессах, феноменах): проработка понятий сама по себе – система объяснений.

Конечная цель использования объяснений при освоении студентами методологического знания – формирование в их мышлении универсальной когнитивной матрицы («методологического конструкта») включения объяснительной информации в процесс обоснования положений научно-логического аппарата, планирования исследования, интерпретации и оформления его результатов. Такая «матрица» поз-

воляет опираться на нее и в других видах деятельности. К сожалению, в реальном образовательном процессе именно методологическая компетентность остается «слабым звеном» в подготовке специалиста, уступая пальму первенства «натаскиванию» на выполнение стереотипных действий и операций профессиональной деятельности.

Литература

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Мазилев В. А., Сленко Ю. Н. Объяснение в психологическом исследовании: Учеб. пособие. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020.

Cabello V. M., Real C., Impedovo V. A. Explanations in STEM areas: an analysis of representations through language in teacher education // *Research in Science Education*. 2019. № 49. P. 1087–1106. doi: 10.1007/s11165-019-9856-6

Lombrozo T. Explanation and abductive inference // *The Oxford Handbook of Thinking and Reasoning*. Oxford University Press, 2012. P. 261–276.

Соотношения между временем и правильностью зрительного различения

П. И. Егорова (ГАУГН, Москва), *И. Г. Скотникова* (ИП РАН, Москва)

Рассмотрены результаты зрительного различения человеком лицевых экспрессий и длительностей световых стимулов в разных экспериментальных условиях. В среднем по каждой из трех выборок ошибочные ответы оказались медленнее верных при легком и трудном различении, при установках на скорость и на точность ответов. Обсуждаются возможные причины этого факта, отличающегося от часто (хотя и не всегда) встречающегося в литературе эмпирического феномена более быстрых ошибок, чем верные ответы, в задачах легкого различения зрительных сенсорных стимулов при установке на скорость ответов.

Ключевые слова: зрительное различение, принятие решения, время и правильность решения, правило Свенссона, легкая и трудная задачи, установка на ответ, психофизика.

В психофизике и психологии зрительного восприятия известно эмпирическое правило Р. Свенссона (Swensson, 1972), подтвержденное рядом авторов (см.: Luce, 1986), о более быстрых ошибочных ответах, чем верные, при легком различении стимулов (когда различие между ними велико) с установкой на скорость ответа, но о более медленных ошибках при трудном различении (когда различие мало) с установкой на правильность ответа. Однако соотношение времени и правильности решения в зрительном восприятии и особенно феномен быстрых ошибок неоднозначно представлены в литературе. Описаны исключения из правила Свенссона (*ibid.*). При ограничении времени на ответ до 460 мс ошибки быстрые, и их ускорение прямо связано с повышением легкости различения. Но при ограничении до 260 мс время ошибочных и верных ответов почти одно и то же (около 200 мс), независимо от трудности различения (Link, Tindall, 1971). Медленные ошибки получены при установках и на точность, и на скорость ответа, возможно, из-за неэффективности инструкции на скорость (время ответов превышало 450 мс; см.: Wilding, 1974). Предполагает-

ся, что быстрые ошибки наблюдаются при сбое в ходе выбора ответа, а равное время ошибок и верных ответов при затруднении перцептивного анализа (Rabbitt, Vyas, 1970). При установке на скорость получены быстрые ошибки в лексических задачах и медленные при цветовом различении – возможно, в силу предполагаемого авторами более легкого различения лексических стимулов, чем цветовых тонов (Wieschen et al., 2020). В перечисленных работах использовались простые лабораторные сенсорные стимулы (для упомянутых лексических результаты были те же), не всегда отражающие реальные процессы когнитивной переработки информации. Авторы предприняли попытку проверить правило Свенссона на материале более экологически валидных для человека стимулов – экспрессий лица.

Цель нашей работы: экспериментальное исследование временных характеристик принятия решения для проверки правила Свенссона при зрительном восприятии выражений лица отдельно, при легком либо трудном их различении и при установках на скорость либо на точность ответа.

Методика

Применялась компьютерная программа И. Г. Скотниковой–В. А. Садова на основе психофизического метода «одинаковые–разные» («same–different»), являющегося аналогом метода «да–нет» для различения стимулов, который рассматривается как обнаружение стимульного различия. Поэтому в качестве сигнала принимаются пробы с разными стимулами, а в качестве шума – пробы с одинаковыми.

На экране монитора компьютера предъявлялись пары изображений, слабо различающихся выражений человеческого лица. В каждой пробе задачей испытуемого было первым ответом оценить: одинаковые или разные были выражения лица в паре, и затем вторым ответом оценить: уверен он или сомневается в правильности первого ответа. В каждом опыте предъявлялись 300 пар лиц в ходе 4 серий: при легком различении (явно заметных различиях) и при трудном (слабо заметных различиях), при заданных в инструкциях установках на скорость ответа и на его точность. Участвовали 8 испытуемых с высшим и неоконченным высшим образованием и нормальным зрением (3 муж., 5 жен.; 18–62 лет, среднее – 35,4 года).

Блок-схема эксперимента. Порядок серий: Легкая–Трудная–Скорость–Точность.

Степень различия между лицами в паре индивидуально подбиралась для обеспечения легкого различения (где процент верных ответов – Percent Correct (PC) – составлял 85–95%) и трудного (PC = 55–65%). При установках на скорость ответа и на его точность значение PC составляло 80–85% (немного выше среднего порогового уровня различения).

Результаты

1. Ошибочные ответы оказались более медленными, чем верные: в легкой задаче и при установках на скорость и на точность ответа – значимо ($p=0,012$, $p=0,017$ и $p=0,012$, соответственно), а в трудной – в тенденции ($p=0,575$), т. е. отсутствовал феномен быстрых ошибок. Были даны предположительные объяснения полученных результатов: небольшой объем выборки, сложные перцептивные объекты в качестве стимульного материала, невысокая эффективность установки на скорость, поскольку она была задана лишь словесно без ограничения времени на ответ.

Тем не менее, отсутствие феномена быстрых ошибок требовало дополнительной проверки, поэтому мы проанализировали данные по зрительному различению, ранее собранные под руководством И. Г. Скотниковой в лаборатории познавательных процессов и математической психологии ИП РАН. Эти ранее полученные данные будут далее обозначены в тексте как выборки 2 и 3.

2. Методика была той же, но 7 испытуемых различали по длительности два прямоугольника, последовательно вспыхивающих на экране монитора компьютера. Длительность одного из них составляла 600 мс (его место в стимульной паре менялось в случайном порядке), длительность другого индивидуально подбиралась для обеспечения легкого и трудного различения (значения PC были те же, что и в сериях с лицами; см.: Скотникова, Степанова, 2016). Вновь ошибочные ответы были медленнее верных: в легкой задаче значимо ($p=0,028$), а в трудной в тенденции ($p=0,091$), т. е. вновь отсутствовал феномен быстрых ошибок.
3. Проанализированы данные разных лет по различению зрительных длительностей в опытах из 120 проб по той же методике. В цели этих экспериментов не входил анализ времени ответов, поэтому испытуемым не давались установки на ответ и разные

по трудности задачи. Ретроспективно из всего массива данных отобрано 18 пар, которые составили две группы: легкая задача (РС = 81–95%) и трудная (РС = 57–68%). Снова ошибочные ответы оказались медленнее верных: значимо и в легкой задаче, и в трудной ($p = 0,0006$ и $p = 0,0021$, соответственно), т. е. снова отсутствовал феномен быстрых ошибок.

Обсуждение результатов

Итак, ошибочные ответы оказались медленнее верных. Это связывают с сомнениями наблюдателя, из-за чего он медлит и дольше принимает решение (Скотникова, 2008). Следует проанализировать средние данные по уверенным и неуверенным ошибочным и верным ответам в трех наших выборках, и кроме того: индивидуальные данные — как по уверенности, так и по времени ошибочных и верных ответов. Время ошибок оказалось более чувствительным к изменению условий задач (менялось значимо), чем время верных ответов (менялось в тенденции).

Полученные результаты не согласуются с правилом Свенссона, но перекликаются с результатами Уилдинга, представленными выше (Wilding, 1974). Как и в его работе, одной из возможных причин замедления ошибочных ответов в нашей задаче с установкой на скорость может быть неэффективность этой установки. Видимо, необходима более строгая операционализация исследовательских условий для более точного их разведения: отказ от словесной мотивировки испытуемого на скорость и строгое ограничение времени ответа, выбор значений РС в легкой и трудной задачах более близкими к тем, которые задавались в классических работах, где подтверждалось правило Свенссона. Это может позволить обнаружить иные процессы, которые будут вовлекать другие механизмы зрительного различения и, соответственно, будут описываться другими закономерностями.

В целом, установленное нами на разных выборках в разных экспериментальных задачах замедление ошибочных ответов, по сравнению с верными в зрительном различении, указывает на необходимость продолжения экспериментальных исследований соотношений между временем и правильностью решений с привлечением теоретических моделей, позволяющих прояснить внутренние психологические механизмы принятия решения в восприятии.

Литература

- Скотникова И. Г.* Проблемы субъектной психофизики / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Скотникова И. Г., Степанова А. И.* Значение типа стимулов для уверенности в правильности сенсорно-перцептивных решений: различение простых лабораторных и экологически значимых стимулов // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 271–278.
- Luce R. D.* Response times. N. Y.: Oxford University Press, 1986.
- Swensson R. G.* The elusive tradeoff: Speed versus accuracy in visual discrimination tasks // Perception and Psychophysics. 1972. V. 12. P. 16–32.
- Wieschen E. M., Voss A., Radev S.* Jumping to conclusion? A Lévy flight model of decision making // The Quantitative Methods for Psychology. 2020. V. 16. № 2. P. 120–132. doi: 10.20982/tqmp.16.2.P.120

Движения глаз при свободном описании эмоциональных экспрессий*

А. В. Жегалло (ИП РАН, Москва)

Проведен параллельный анализ свободных описаний эмоциональных экспрессий лица и движений глаз. Выделены стадии первичного осмотра изображения и целостной характеристики эмоционального состояния. Стадия первичного осмотра характеризуется большей продолжительностью и числом фиксаций по сравнению со стадией целостной характеристики. На стадии целостной характеристики происходит повторная «верификация» описания с обращением к зонам лица, содержащим релевантную информацию. Продолжительность стадии первичного осмотра, во время которой происходит практически полный осмотр изображения, может рассматриваться как характеристика сложности опознания эмоционального состояния.

Ключевые слова: эмоциональные экспрессии, фиксации, свободное описание, движения глаз, лицо.

При выполнении задачи опознания «базовых», по П. Экману, эмоциональных экспрессий наблюдатель традиционно дает ответ в форме вынужденного или множественного альтернативного выбора. При экспозиции на 3 с изображений сильно выраженных эмоциональных экспрессий анфас из базы POFA опознание выполняется с высокой точностью, а паттерны движений глаз опираются на основные выразительные зоны лица (глаза, переносица, нос, рот) и достаточно просто качественно классифицируются (Барабанщиков, 2012). При фиксированном наборе зон интереса количественная классификация паттернов рассматривания может быть введена на основе кластерного анализа таблиц перехода между выделенными зонами интереса (Барабанщиков, Жегалло, 2017).

В поисках нестандартного стимульного материала, имеющего авторские характеристики изображаемых эмоциональных экспрес-

* Исследование проводилось в соответствии с Госзаданием Минобрнауки России № 0138-2023-0006.

сий, мы обратили внимание на альбом «Bowles's passions of the soul: represented in several heads: engraved in manner of drawings in chalk / from the designs of the late celebrated Monsieur Le Brun» (London, 1760). Данное издание фактически представляет собой комплект нормативных учебных материалов. К каждой гравюре дается авторская интерпретация изображенного эмоционального состояния.

В силу нестандартного характера стимульного материала, время его экспозиции было увеличено с 3 до 30 с. При этом характеристика изображения давалась в форме свободного описания. Общие характеристики движений глаз могут быть проанализированы стандартными способами, вариативность осмотра отдельных изображений оценивается через сходство тепловых карт, построенных для отдельных экспериментальных ситуаций (Жегалло, 2020).

Проведение анализа движений глаз с привязкой к даваемым испытуемым описаниям оказывается значительно более сложной задачей. Ее решение потребовало разработки оригинального программного обеспечения. Для каждой экспериментальной ситуации (ЭС) на экране реализовано отображение: пространственной развертки движений глаз; временной развертки движений глаз; временной развертки звукового сигнала. Выделяя и прослушивая отдельные временные интервалы, оператор выполняет дешифровку даваемых наблюдателем описаний. Список описаний с их временной разметкой также отображается на экране. Для выделенного временного интервала, соответствующего отдельному описанию или нескольким описаниям, реализована визуализация пространственной развертки движений глаз и вывод дополнительной информации о данных испытуемым описаниях и продолжительности каждой фиксации. Описываемые далее результаты относятся к обработке результатов одного испытуемого и представляют собой необходимый этап для определения дальнейшего направления разработки программного обеспечения.

Экспериментальная процедура

В качестве стимульного материала использовались изображения эмоциональных экспрессий лица, кадрированные до размера 884×1024 пикс. Изображения демонстрировались на 17" ЖК экране размером 1280×1024 пикс., расстояние до экрана – 60 см. Участники исследования располагались в электроэнцефалографическом кресле КЭ-1 (Нейроботикс), что обеспечивало комфортное положение и стабильное

положение головы испытуемого. Регистрация движений глаз выполнялась с помощью айтрекера SMI REDm, частота регистрации 120 Гц. Предъявление стимульного материала и регистрация ответов выполнялась с помощью модифицированного ПО Pxlab (Жегалло, 2016).

Задача участников исследования состояла в свободном описании эмоционального состояния натурщиков. Время экспозиции стимула составляло 30 с. Речевая продукция записывалась с помощью внешнего микрофона Fifine Technology K058. Испытуемый – женщина, студент бакалавриата МГППУ, 18 лет. Исследование проводилось в рамках учебного процесса.

Записи движений глаз декодировались с помощью штатного ПО IDF конвертер и загружались в оригинальную программу, обеспечивающую интерактивную расшифровку речевой продукции с автоматической фиксацией временного интервала, соответствующего каждой реплике. Первоначальный анализ записей показал, что речевая продукция строится в основном по следующему основному принципу: в начале каждой ЭС наблюдатель выполняет рассматривание изображения без выдачи какой-либо речевой продукции, за исключением междометий («ааа», «ууу» и т. д.). Далее следует целостная характеристика эмоционального состояния и затем описание парциальных мимических признаков, обосновывающих данную характеристику.

В ходе обработки данных для каждой ЭС были выделены временной интервал, для которого выполнялось первичное рассматривание изображения и временной интервал, в ходе которого давалась целостная характеристика эмоционального состояния. Для каждого из выделенных интервалов автоматически строилось изображение, содержащее пространственную развертку «сырых» данных и фиксаций, а также информацию о репликах испытуемого и продолжительности фиксаций.

Результаты и обсуждение

Приведем характеристику движений глаз для каждой ЭС в порядке их следования для интервалов, соответствующих первичному рассматриванию (ПР) и целостной характеристике изображения (ЦХ). Приводится нумерация изображений и краткая оригинальная характеристика по альбому.

ЭС1. Лист II. Attention (профиль). ПР – 2540 мс; фиксации: мочка уха, волосы, угол глаза, рот. ЦХ – 2327 мс; «у него на лице, навер-

ное, какое-то неудовольствие»; фиксации: мочка уха, угол глаза, нижняя часть носа, рот.

ЭС2. Лист XVII. Terror or Fright (3/4). ПР – 2778 мс; фиксации: ушная раковина, скула, глаз, переносица, верхняя губа. ЦХ – 1282 мс; «ну вот, тут уже точно злоба»; фиксации: глаз, внутренний уголок брови, верхняя губа.

ЭС3. Лист XIV. Compassion (профиль). ПР – 4969 мс; фиксации: скула, глаз, внутренний уголок рта. ЦХ – 3881 мс; «вот это тоже у него лицо очень раздраженное»; фиксации: внешний угол подбородка, рот, внешний угол глаза, переносица.

ЭС4. Лист IV. Admiration with Astonishment (3/4). ПР – 3579 мс; фиксации: глаза, рот, серьга в ухе. ЦХ – 1690 мс; «ну тут, возможно, удивление»; фиксации: глаз, рот.

ЭС5. Лист XIX. Hatred or Jealousy (3/4). ПР – 6975 мс; фиксации: глаза, переносица, скулы, рот, мочка уха, волосы. ЦХ – 2776 мс; «тоже какая-то раздраженность на лице»; фиксации: глаз, рот.

ЭС6. Лист XIII. Weeping (3/4). ПР – 7370 мс; фиксации: глаза, рот, скулы. ЦХ – 1845 мс; «грусть, если можно так сказать»; фиксации: глаза, рот, подбородок.

ЭС7. Лист XX. Despair. (анфас). ПР – 4233 мс; фиксации: глаза, рот, волосы. ЦХ – 2900 мс, «это он... гнев опять на лице»; фиксации: глаза, рот, волосы.

ЭС8. Лист XII. Sadness (анфас). ПР – 5187 мс; фиксации: глаза, рот, ушная раковина, кончик волос. ЦХ – 1909 мс; «то же выражение томного лица»; фиксации: ушная раковина, глаз.

ЭС9. Лист III. Admiration (3/4). ПР – 5260 мс; фиксации: глаза, рот, уголок брови, скула. ЦХ – 1405 мс; «возможна легкая радость»; фиксации: рот.

ЭС10. Лист XI. Simple bodily pain (3/4). ПР – 5406 мс; фиксации: глаз, переносица, рот, внешний уголок брови, скула, волосы за ухом. ЦХ – 1322 мс; «то ли чем-то испуган, то ли ему что-то не нравится»; фиксации: глаз, рот, локон волос.

ЭС11. Лист XV. Scorn (профиль). ПР – 2930 мс; фиксации: верхний край уха, глаз, рот. ЦХ – 1564 мс; «наверное, сильное удивление»; фиксации – верхний край уха, глаз.

ЭС 12. Лист X. Acute pain (3/4). ПР – данные отсутствуют. ЦХ – 1353 мс; «как называется? Отвращение»; фиксации: рот, внутренний угол глаза.

ЭС 13. Лист VII. Desire (3/4). ПР – 3427 мс; фиксации: глаз, рот, кончик носа, мочка уха, шея, плечо. ЦХ – 2260 мс; «тут, скорее все-

го, заинтересованность»; фиксации: глаз, кончик носа, нижняя губа, ушная раковина.

ЭС 14. Лист VIII. Joy with Tranquility (анфас). ПР – 5763 мс; фиксации: глаза, рот, переносица, скула. ЦХ – 1911 мс; «возможно, легкая радость»; фиксации: рот.

ЭС 15. Лист IX. Laughter (анфас). ПР – 4900 мс; фиксации – рот, переносица, глаза, щеки, плечо. ЦХ – 2069 мс; «ну, это, наверное, смеется»; фиксации: переносица, глаз, рот.

ЭС 16. Лист V. Veneration (профиль). ПР – 9488 мс; фиксации: глаз, нос, рот, скула, ушная раковина, подбородок, волосы, шея. ЦХ – 3838 мс; «скорее всего, это жест благодарности кому-то за что-то»; фиксации: мочка уха, внешний угол глаза, основание носа, волосы.

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что стадия первичного рассматривания характеризуется большей продолжительностью и, соответственно, числом фиксаций, чем стадия формулировки целостной характеристики изображения. На стадии формулировки целостной характеристики происходит повторное обращение наблюдателя к областям изображения, имеющим ключевое значение для подтверждения сформулированной характеристики. Время первичного рассматривания до формулировки целостной характеристики можно рассматривать как характерный показатель, указывающий на относительную сложность решаемой задачи. Следует отметить, что в данном эксперименте инструкция не задавала постоянное время рассматривания до начала описания; такой подход следует считать оптимальным, поскольку он позволяет получить более полную информацию о субъективной сложности решаемой задачи для испытуемого. В данном случае задача оказалась достаточно сложной, поскольку авторский замысел и характеристики изображений были выполнены на более детальном уровне, чем «базовые» эмоции. Наблюдатель пытался работать на привычном, «более грубом» уровне и «не воспринимал» задуманные автором нюансы изображений.

Литература

Барабанщиков В. А. Экспрессии лица и их восприятие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Барабанщиков В. А., Жегалло А. В., Хозе Е. Г. Показатели окулomotorной активности наблюдателя при восприятии видео- и фотоиз-

ображений лица // Когнитивные механизмы невербальной коммуникации. М.: Когито-Центр, 2017. С. 146–188.

Жегалло А. В. Использование ПО PXLab для подготовки экспериментов, включающих регистрацию движений глаз с помощью айтрекеров Sensomotoric Instruments // Российский журнал когнитивной науки. 2016. Т. 3. № 3. С. 43–57.

Жегалло А. В. Принципы сопоставления показателей окуломоторной активности при рассматривании разных типов изображений эмоциональных экспрессий // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 1572–1581.

Особенности функционирования ресурсности мышления субъекта в профессиональной деятельности*

М. М. Кашанов (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

В статье впервые обосновано понимание начала мыслительного процесса с выявления проблемности в выполняемой деятельности. Установлены два типа обнаружения проблемности: ситуативный и надситуативный. Обосновано, что психологический механизм перехода с ситуативного уровня на надситуативный образует основу ресурсности мышления. В качестве особенностей функционирования ресурсности мышления субъекта в профессиональной деятельности выделены следующие психологические механизмы: интерференция, дистанцирование, социальная перцепция, позитивное переструктурирование опыта, продуктивная трансформация.

Ключевые слова: мышление, ресурсность мышления, субъект, профессиональная деятельность.

Реализация идеи Андрея Владимировича Брушлинского о связи умственного и нравственного развития способствовала выделению следующих полюсов субъекта: культурного и деятельностного. Им обосновано, что укрепление социального ресурса человека способствует его успешной адаптации (Брушлинский, 1970). Применение духовных знаний обеспечивает повышение ресурсности мышления, которое в современных исследованиях проанализировано с позиций психологии субъекта.

С. Л. Рубинштейн, исследуя психологию субъекта, описывает два основных способа существования людей и, соответственно, два разных отношения людей к жизни. «Первый — жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек. Всякое его отношение — это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом... Второй способ связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и вы-

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-28-00602. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00602>.

водит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее. Это решающий, поворотный момент. Здесь кончается первый способ существования. Здесь начинается либо путь к душевной опустошенности, к нигилизму, к нравственному скептицизму, к цинизму, к моральному разложению (или в менее острых случаях к моральной неустойчивости), либо другой путь – к построению нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе» (Рубинштейн, 1997, с. 79).

Психология субъекта получила выражение в работах А. В. Брушлинского и его единомышленников. Целостность, единство, интегральность являются важными свойствами субъекта, которые выступают основой для системности всех его психических качеств, часто весьма противоречивых и трудно совместимых. Человек, становясь субъектом, способен мысленно выйти за пределы самого себя.

Личность задает направление психического развития, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Личность является носителем содержания внутреннего мира человека, которое субъект реализует в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах. Субъектность человека формируется и проявляется в процессе осуществления трех функций: когнитивной, регулятивной и коммуникативной (Сергиенко, 2013, с. 13).

Важным конституирующим субъекта ресурсом является способность ставить цели. При анализе целеполагания психологу важно осознавать, что нередко альтернативы, из которых необходимо сделать выбор, не даны субъекту непосредственно. Они требуют такого осознания и формулирования, которое требует от субъекта выхода за пределы себя, предвидения возможных последствий (Знаков, 2016, с. 105).

Идея выхода за пределы себя представляется перспективной, особенно в области исследования профессионального мышления. А. В. Брушлинский подчеркивает, что процесс мышления начинается с анализа проблемной ситуации. В результате ее анализа возникает, формулируется задача (проблема) в собственном смысле слова. Возникновение задачи означает, что удалось хотя бы предварительно расчлнить данное (известное) и неизвестное (искомое). Исходя из связи и отношений между известным и неизвестным, становится возможным искать и находить нечто новое, до того скрытое, неизвестное (Брушлинский, 1970, с. 53–54).

Идеи А. В. Брушлинского дали разнообразные импульсы новым исследованиям в области психологии профессионального мышления. Так, проведенное нами обобщение эмпирических результатов, полученных с помощью авторских психодиагностических методик, прошедших полную психометрическую проверку (Кашапов, 2020), позволяет отметить, что процесс мышления начинается с обнаружения проблемности в решаемой и преобразуемой ситуации. Установлено два типа выявления субъектом проблемности. Первый тип ситуативного обнаружения проблемности как рассогласования в выполняемой деятельности характеризуется необходимостью преобразований внутри решаемой профессиональной проблемной ситуации. Второй – надситуативного обнаружения проблемности проявляется в осмыслении необходимости преобразований себя как субъекта профессиональной деятельности. В первом случае возникают профессиональные новообразования: появляются новые компетенции (знания, умения, навыки). А во втором – возникают личностные новообразования: формируются новые компетентности (способности, качества). Выход за пределы ситуативного мышления и реализация надситуативного мышления неестествен в том смысле, что не происходит спонтанно. Такой выход организуется ресурсными возможностями субъекта, прежде всего силой его ресурсного мышления. А сила такого мышления определяется уровнем культуры мышления субъекта.

Особую ценность выделение двух типов обнаружения проблемности приобретает в контексте понимания, каким образом возникает ресурсность мышления в профессиональной деятельности. Психологическим механизмом образования и проявления ресурсности мышления служит переход с ситуативного уровня обнаружения проблемности на надситуативный, ибо в этом случае происходит выход не только за границы (организационные, временные, пространственные, ценностно-смысловые) решаемой ситуации, но и за пределы собственных возможностей. Субъект при этом как бы превосходит самого себя, происходит выход за привычные схемы мышления, поведения, деятельности, отношения.

Новое отношение к возникшему затруднению в профессиональной деятельности, неожиданный угол рассмотрения возникшей проблемной ситуации, отдельных ее частей и причинно-следственных связей открывают нечто новое даже в очень знакомых вещах и явлениях.

Понимание ресурсности мышления предполагает учет интерференции, когда происходит взаимодействие новой информации и уже

имеющихся воспоминаний. Данное взаимодействие усугубляется тем, что хранящаяся информация целостна и не повреждена, но не может быть актуализирована из-за конкуренции с новой полученной информацией. Поэтому эффективность использования психологических ресурсов рассматривается в зависимости от индивидуальных особенностей человека.

Наряду с интерференцией важным механизмом, обеспечивающим функционирование ресурсности мышления, является дистанцирование как механизм, реализация которого способствует изменению отношения к мыслям без изменения их содержания. Основная цель дистанцирования — изменение реакции на собственные мысли, что достигается путем отстранения от них. Благодаря изменению реакции на мысли формируется новая причинно-следственная и целесообразная (инструментально-целевая) связь между познаваемыми явлениями, т. е. происходящее позитивное изменение отношения к мыслям способствует повышению ресурсности мышления.

Следующий механизм ресурсности мышления характеризуется тем, что человек реагирует на возникающий у него целостный образ ситуации, поскольку он взаимодействует не с ее отдельными характеристиками, а с целостной ситуацией. Именно осмысление (нахождение новых смыслов) целостной ситуации становится основой ее понимания субъектом и, соответственно, определяет его поведение. Механизм социальной перцепции в управлении сложной ситуацией является для субъекта инструментальным средством саморазвития его адаптационной стратегии. Используя данный механизм, человек может многие ситуации развернуть, обернуть в свою пользу, тем самым извлечь выгоду для себя и получить желаемое.

Механизм позитивного переструктурирования личностного опыта характеризуется тем, что новые ведущие смысловые образования реализуются посредством роста силы и численности гибко опосредованных связей между существующими смысловыми образованиями. Происходит переход от количественных накоплений к качественным преобразованиям и к позитивным изменениям мышления.

Механизм продуктивной трансформации ресурсности мышления выражается в изменении мышления субъекта и его основных компонентов, результатом которого является когнитивное новообразование, свидетельствующее о переходе на новый этап когнитивного развития. Позитивное изменение мышления создает конструктивную основу для личностного и профессионального роста субъекта.

Следовательно, глубина проникновения в понимание психологических механизмов ресурсности мышления субъекта неразрывно связана с учетом функционирования глубинных механизмов работы психики в разных ситуациях. Перестройка механизмов происходит под влиянием разнообразных факторов. Ситуационные факторы при этом играют роль предиктора и определяют вариативность проявления надситуационных факторов, которые детерминируют трансформацию ситуации в событие. Ресурсность мышления характеризуется умением проектировать ситуацию, ориентированную на развитие личности. Конструирование развивающих ситуаций возможно посредством ненавязчивого установления определенных правил, согласованных с остальными параметрами ситуации. Изменяя один элемент ситуации, субъект может управлять развитием созданной ситуации в целом. Именно в этом случае социальная ситуация трансформируется в поворотное, судьбоносное событие.

Проведенный анализ ресурсности мышления как познавательного процесса нахождения различных способов разрешения профессиональных проблемных ситуаций позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, нельзя рассматривать ресурсность вне субъекта познания, общения и деятельности. Суффикс «-ность» означает в данном случае принадлежность чего-то чему-то.

Во-вторых, ресурсность следует исследовать в контексте активности субъекта. Ресурсность всегда включена в деятельность. Она возникает и обогащается в процессе осуществления деятельности. В этом плане ресурсность выступает и как процесс, и как результат.

В-третьих, благодаря психологическим механизмам ресурсности мышления осуществляется нахождение и реализация творческого потенциала профессионала. Эффективность функционирования ресурсности мышления связана не с развитием отдельных ее качеств, а со степенью организованности ее функциональной системы. Учет функциональных характеристик ресурсности мышления необходим субъекту для эффективного осуществления выполняемой деятельности. В контексте понимания данных механизмов появляется возможность раскрыть диалектическую связь ресурсности и потенциала субъекта.

Литература

Брушлинский А. В. Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970.

Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Кашанов М. М. Понимание ресурсности в контексте профессионализации мышления субъекта // *Методология современной психологии*. 2020. № 11. С. 116–130.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

Сергиенко Е. А. Проблема соотношения понятий субъекта и личности // *Психологический журнал*. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.

Субъектно-ориентированное сравнение и характеристики идентичности личности

А. В. Корбут (ВУМО РФ, Москва)

Цель исследования заключалась в изучении взаимосвязей направленности человека на сравнение себя с другими людьми, измеряемой с помощью русскоязычного варианта шкалы INCOM, с одной стороны, и выраженности рефлексии, степени дифференцированности идентичности и соотношением социального и личностного компонентов идентичности, измеряемых с помощью методики «Кто Я», с другой стороны. Показано, что чем более выражена у субъекта рефлексия и дифференцированность идентичности личности, тем менее он ориентирован на сравнение себя с другими людьми в целом и, в частности, на сравнение собственных мнений и способностей с мнениями и способностями других людей. Обнаружены гендерные различия в характере исследованных взаимосвязей.

Ключевые слова: социальное сравнение, идентичность личности, рефлексия.

Сравнение, выражающее единство сенсорных и интеллектуальных процессов и представляющее собой одну из форм проявления единства анализа и синтеза на эмпирическом уровне познания (Рубинштейн, 1957), реализуется человеком в ситуациях познания предметного мира и других людей, в межличностном взаимодействии и общении, в процессе самопознания и формирования образа Я.

Во всех этих ситуациях сравнение осуществляется субъектом, который представляет собой, согласно А. В. Брушлинскому, деятельного, общающегося и рефлексизирующего человека, выступающего во всей целостности своих качеств (Брушлинский, 1994). В контексте социальной жизни субъект осуществляет субъектно-ориентированное сравнение, одной из форм которого является интерсубъектное (социальное) сравнение, выражающееся в определении сходства и различия между собой и другими субъектами по разнообразным параметрам. Такое сравнение, наряду с универсальностью неко-

торых его характеристик, может иметь разную выраженность, так как люди в разной степени склонны к оценке собственной ситуации в соотношении с аналогичными ситуациями, в которых находятся окружающие. Индивидуальные различия в направленности на интрасубъектное сравнение имеют отношение к особенностям человеческой индивидуальности, в качестве одной из которых может быть рассмотрена идентичность личности.

Цель нашего исследования заключалась в изучении направленности на субъектно-ориентированное сравнение у людей с различным уровнем рефлексии и дифференцированности идентичности.

В исследовании были использованы два методических инструмента. Для изучения внутреннего содержания характеристик идентичности личности применялась методика «Кто Я» М. Куна и Т. Мак-Партленда в модификации Т. В. Румянцевой (Румянцева, 2006). В основе методики лежит анализ самоописаний, позволяющий изучать самовосприятие человека, базирующееся на его социальном ролевом поведении, и представления человека о своей личности. Участникам исследования предлагалось в течение 12 минут дать ответ на вопрос «Кто я?», записывая на бланке первые приходящие в голову ответы. Ответы были подвергнуты количественно-качественному анализу в трех направлениях: 1) выраженность рефлексии личности, которая оценивается по количеству ответов, данных за отведенный промежуток времени; 2) степень дифференцированности идентичности, которая оценивается через общее количество показателей идентичности, использованных человеком при самоидентификации; 3) соотношение социальной идентичности, характеризующейся принадлежностью к социальной группе и социальными ролями, и личностной идентичности (коммуникативной, материальной, физической, деятельной, перспективной, рефлексивной), определяемой индивидуальными характеристиками, которые отличают человека от других людей. Анализировались 28 показателей идентичности, объединяемых в семь обобщенных компонентов идентичности (там же): «Социальное Я», «Коммуникативное Я»; «Материальное Я»; «Физическое Я»; «Деятельное Я»; «Перспективное Я»; «Рефлексивное Я». Подсчитывалось количество показателей по каждому компоненту и оценивалось соотношение социальной и личностной идентичностей.

Для изучения направленности субъекта на сравнение себя с другими людьми применялась адаптированная для русской выборки шкала INCOM (Савченко и др., 2019), которая состоит из 11 пунктов, в от-

ношении которых необходимо выразить степень согласия, используя 5-балльную шкалу. В рамках адаптации пункты шкалы распределились по трем факторам. В первый фактор включены 5 пунктов, отражающие «ориентированность на сравнение способностей», во второй фактор – 4 пункта, отражающие «ориентированность на сравнение мнений», в третий фактор – два пункта, которые, по нашему мнению, можно отнести к «ориентированности на глобальное сравнение жизненной ситуации». Для оценки общей ориентированности на социальное сравнение подсчитывалась сумма баллов по всем 11 пунктам шкалы INCOM; для оценки ориентированности на сравнение отдельно способностей, мнений и жизненной ситуации подсчитывались суммы баллов по каждому из трех факторов.

В исследовании приняли участие 138 респондентов, средний возраст – 23 года (107 женщин и 31 мужчина): студенты, а также служащие, работающие в университетах, школах, детских садах и других сферах.

Были сформулированы три эмпирические гипотезы, касающиеся наличия значимой взаимосвязи ориентированности субъекта на сравнение себя с другими людьми по способностям, мнениям и общей жизненной ситуации, с одной стороны, с выраженностью у него рефлексии, уровнем дифференцированности его идентичности и выраженностью социальной идентичности относительно личностной идентичности, с другой стороны.

В результате проведенного корреляционного анализа обнаружены значимые отрицательные взаимосвязи (при $p=0,05$) на выборке в целом между показателем рефлексии и фактором 1 ($r=-0,19$), фактором 2 ($r=-0,17$) и общим показателем ($r=-0,19$) шкалы INCOM.

Обнаружены значимые отрицательные корреляции на выборке в целом (при $p=0,05$) между показателем дифференцированности идентичности, с одной стороны, и фактором 1 ($r=-0,22$), фактором 2 ($r=-0,19$), фактором 3 ($r=-0,21$) и общим показателем ($r=-0,22$) шкалы INCOM, с другой стороны; отдельно на выборке мужчин – между показателем дифференцированности идентичности, с одной стороны, и фактором 2 ($r=-0,38$, $p=0,05$), фактором 3 ($r=-0,52$, $p=0,01$) и общим показателем ($r=-0,42$, $p=0,05$) шкалы INCOM, с другой стороны; на выборке женщин между показателем дифференцированности идентичности и фактором 1 ($r=-0,20$, $p=0,05$) шкалы INCOM.

На выборке в целом не обнаружено значимых корреляций общего показателя и трех факторов шкалы INCOM с выраженностью социальной идентичности относительно личностной идентичности.

Однако на выборке мужчин обнаружено несколько значимых отрицательных корреляций между выраженностью социальной идентичности относительно личностной идентичности и: фактором 1 ($r = -0,38$, $p = 0,05$), фактором 3 ($r = -0,49$, $p = 0,01$) и общим показателем ($r = -0,44$, $p = 0,05$) шкалы INCOM. Интересно, что на выборке женщин выявлена обратная, по сравнению с мужчинами, значимая положительная корреляция между выраженностью социальной идентичности относительно личностной идентичности и фактором 2 шкалы INCOM ($r = 0,20$, $p = 0,05$).

Таким образом, были частично подтверждены эмпирические гипотезы. Показано, что чем более выражена у субъекта рефлексия и дифференцированность его идентичности, тем менее он ориентирован на сравнение себя с другими людьми в целом и, в частности, на сравнение собственных мнений и способностей с мнениями и способностями других людей.

Важным, с нашей точки зрения, результатом является наличие гендерных различий в характере взаимосвязей направленности человека на интересубъектное сравнение с выраженностью у него рефлексии, уровнем дифференцированности его идентичности и выраженностью социальной идентичности относительно личностной идентичности. Это выражается в следующих моментах. Во-первых, на выборке мужчин показано, что чем более дифференцированной является их идентичность, тем менее они ориентированы на сравнение себя с другими людьми в целом и, в частности, на сравнение мнений и глобальной жизненной ситуации, в то время как на выборке женщин более выраженная дифференцированность идентичности была связана только с менее выраженной ориентированностью на сравнение себя с другими людьми по способностям. Во-вторых, на выборке мужчин обнаружено, что чем более выражена у них социальная идентичность и, соответственно, чем менее выражена личностная идентичность, тем менее они ориентированы на сравнение себя с другими людьми в целом и, в частности, на сравнение собственных способностей и общей жизненной ситуации. Напротив, на выборке женщин обнаружено, что чем более у них выражена социальная идентичность и, соответственно, чем менее выражена личностная идентичность, тем более они ориентированы на сравнение собственных мнений с мнениями других людей.

Полученные результаты вносят вклад в развитие представления об индивидуальности и роли интересубъектного сравнения в постро-

нии Я-концепции, а также соответствуют положению о том, что формирование идентичности личности происходит, в том числе при взаимодействии субъекта с другими субъектами и сравнении себя с ними.

Литература

Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Педагогика, 1957.

Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб.: Речь, 2006, С. 82–103.

Савченко Т. Н., Самойленко Е. С., Корбут А. В. Сопоставление психометрических показателей инструментов измерения ориентированности на социальное сравнение // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 112–130.

Вклад управляющих функций в преодоление тупика в инсайтном решении*

Ф. Н. Маркин (ЯрГУ, Ярославль), *И. Н. Макаров* (ЯрГУ, Ярославль),
И. Ю. Владимиров (ИП РАН, Москва)

В эксперименте проверяется предположение о положительном влиянии перегрузки управляющих функций (УФ) на преодоление тупика в инсайтном решении. Мы используем модель УФ Мияки (Miyake et al., 2000) и проверяем вклад каждой из компонентов УФ в преодоление тупика. В критический момент инсайтного решения (на стадии тупика) ключевую роль могут играть: оттормаживание, переключение или обновление. Мы проводим онлайн-исследование, в котором испытуемые решают инсайтную задачу «Пять квадратов» и получают дополнительное задание, перегружающее УФ, при каждом тупике. Промежуточные результаты показали, что вид воздействия не оказывает влияния на время решения задач. Таким образом мы предварительно не подтверждаем наше предположение о различном участии компонентов УФ в преодолении тупика.

Ключевые слова: инсайт, инсайтное решение, управляющие функции, торможение, обновление, переключение.

Управляющие функции (УФ) – часть рабочей памяти, отвечающая за множество процессов, задействованных в решении задач. В этом исследовании нам важно, что они отвечают за создание и поддержание репрезентации задачи. В парадигме репрезентационизма (Ohlsson, 2011) смена репрезентации после тупика – ключевая стадия решения. В случае инсайтных решений первоначальная репрезентация, как правило, является неправильной; используя ее невозможно достичь ответа. Для успешного решения задачи первоначальную репрезентацию нужно разрушить и построить другую, в рамках которой можно получить ответ. Соответственно, подавление или отвлечение УФ помогает разрушению первоначальной репрезентации и ее ограничений, мешающих решить инсайтную задачу. В наших предыду-

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-18-00358.

щих работах мы вводили дополнительные задания для перегрузки УФ. В большей части проведенных экспериментов мы обнаруживали данные, свидетельствующие, что при решении инсайтных задач загрузка управляющих функций в тупике помогает преодолеть тупик и ускорить решение задач (Маркина и др., 2018). Данный эксперимент носит поисковый характер. В нем мы ставили целью выяснить, как именно УФ оказывает положительное влияние на преодоление тупика. Единственное деление УФ на компоненты с продуманными заданиями на каждый компонент в отдельности – теоретическое построение Мияки. Модель предполагает, что управляющие функции можно разделить на три компонента: торможение, обновление и переключение (Miyake et al., 2000). Так, мы сформулировали гипотезы:

- дополнительная загрузка УФ в тупике способствует инсайтному решению;
- загрузка отдельных компонент УФ будет отличаться по вкладу в решение задачи.

Методика

Эксперимент проводился онлайн, без непосредственного участия экспериментатора. Испытуемые автоматически попадали в одну из 4 экспериментальных групп (по видам дополнительного задания). Испытуемые решали одну инсайтную задачу – «Пять квадратов» (Katona, 1940).

Специально написанная программа фиксировала попадание испытуемого в тупики. Тупик определялся как чрезмерно длинная пауза между действиями испытуемого (дольше двух стандартных отклонений от средней паузы между двумя ходами) (Fedor et al., 2015). В тупике испытуемым предъявлялись задания, направленные на дополнительную загрузку одной из трех составляющих управляющих функций: 1) Обновление (updating) – задание n-back (–1 шаг, задание с геометрическими фигурами); 2) Торможение (inhibition) – тест Струпа; 3) Переключение (shifting) – локально-глобальная задача (испытуемый видел большой квадрат или круг, составленный из маленьких квадратов или кругов; в зависимости от их цвета (синий/черный) нужно было обращать внимание или на большую фигуру, или на маленькую) (Савинова и др., 2022).

Один испытуемый получал один тип заданий, в эксперименте реализован межгрупповой экспериментальный план. Сначала каждый испытуемый знакомился с экспериментальными заданиями и трени-

ровался действиям в программе. Затем ему/ей предъявлялась задача «Пять квадратов». Испытуемый приступал к решению, передвигая палочки на экране. Если между действиями испытуемого случалась длинная пауза, то программа детектировала тупик и предъявляла одно из четырех дополнительных заданий: три варианта загрузки одной из управляющих функций и одно контрольное задание (испытуемому нужно было нажимать на красную точку, которая появлялась в разных частях экрана и пропадала после нажатия). Одному испытуемому на протяжении всего эксперимента предъявлялся только один вид заданий. После выполнения дополнительного задания испытуемый возвращался к решению основной задачи эксперимента. Количество попаданий в тупик и, следовательно, выполнений дополнительного задания могло быть любым. Общая длительность решения основной задачи ограничивалась 15 минутами.

Результаты

В эксперименте на данный момент принял участие 51 испытуемый. Из них мы исключили данные 6 чел., поскольку они не делали дополнительные задания (игнорировали дополнительное задание, загружающее компонент УФ). Итого: выборка на данный момент состоит из 45 чел.: 10 испытуемых в группе обновления, 11 в группе торможения, 5 в группе переключения, 11 в контрольной и 8 чел. ни разу не попали в тупик.

С помощью дисперсионного анализа (ANCOVA) мы сравнили влияние подавления составляющих управляющих функций в тупике. Независимыми переменными были тип экспериментального воздействия (контрольное/торможение/обновление/переключение), зависимой переменной было время решения задачи «Пять квадратов» (чистое время решения основной задачи без учета времени на дополнительные задания и инструкции), ковариатой было количество тупиков. Значимого влияния дополнительных заданий не обнаружено: $F(39,4) = 1,128$; $p = 0,357$; $\eta^2 = 0,076$. Мы продолжаем сбор данных, рассчитывая, что увеличение выборки приведет к более показательным результатам.

Обсуждение и выводы

Предварительно мы можем сделать вывод об отсутствии различий и обсудить сложности эксперимента. В работе мы следова-

ли делению управляющих функций на обновление, переключение и торможение (Miyake et al., 2000) и использовали дополнительные задания, основанные на рекомендациях Мияки (Савинова и др., 2022). Литературный обзор и экспериментальные данные показали, что выбранные задания загружают не только целевую функцию рабочей памяти, но и оказывают влияние на другие. Так, например, глобально-локальная задача загружает не только блок переключения, но также и остальные блоки. Вероятно, подобрать задачу для исключительной загрузки только одного блока управляющих функций невозможно, тем не менее можно стремиться к большей специфичности заданий. Также дополнительные задания не равны по сложности (Савинова и др., 2022), что оказывает дополнительное, сложно поддающееся регистрации влияние. Дополнительно заметим, что некоторые испытуемые сообщали, что субъективно задания помогали им справиться с задачей, и они возникали в нужный момент. Это дает нам большую уверенность, что субъективно мы правильно детектировали тупик и что загрузка управляющих функций оказывает положительное влияние на вероятность и скорость инсайтного решения.

Литература

- Маркина П. Н., Макаров И. Н., Владимиров И. Ю. Особенности переработки информации на стадии тупика при решении инсайтной задачи // Теоретическая и экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 2. С. 34–43.
- Савинова А. Д., Коровкин С. Ю., Падалка Ю. А., Макаров И. Н. Сравнение управляющих функций рабочей памяти в условиях многозадачности // Психология познания: речевая опосредованность и категоризация в современной когнитивной науке: Материалы Всероссийской научной конференции памяти Дж. С. Брунера / Отв. ред. И. Ю. Владимиров, С. Ю. Коровкин. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 121–125.
- Fedor A., Szathmáry E., Öllinger M. Problem solving stages in the five square problem // *Frontiers in Psychology*. 2015. V. 6. P. 1050.
- Katona G. *Organizing and Memorizing: studies in the psychology of learning and teaching*. 1940.
- Ohlsson S. *Deep Learning: How the mind overrides experience*. Cambridge University Press, 2011.

Развитие визуального мышления: проблематика и пути решения

Н. Г. Молодцова (МПГУ, Москва)

Статья посвящена проблеме развития визуального мышления школьников как альтернативы клипового восприятия и мышления без осознания и понимания; анализируется дефиниция визуального мышления, предпринята попытка выделения его структурных компонентов. Визуальное мышление рассматривается автором как понятийный механизм в работе с наглядными образами и разновидность творческого мышления. Особое внимание уделяется выявлению основных положений и условий для развития визуального мышления у детей младшего школьного возраста, на которые автор опирался в процессе создания образовательной технологии «от образа к мысли», где основным методом развития мышления выступает фасилитированная дискуссия. В качестве стимульного материала для развития Визуального мышления рассматриваются произведения живописи.

Ключевые слова: визуальное мышление, произведения живописи, понимание, фасилитированная дискуссия, учащиеся, клиповость, технология.

В эпоху цифровизации на человека уже с детского возраста воздействует огромный поток зрительной информации, который необходимо осмыслить и интериоризировать. Однако этому мешает клиповость восприятия и мышления как реакция на воздействие визуальных образов, без осознания и понимания. Результатом клипового мышления, по мнению исследователей в этой области, является образ, состоящий из обрывков информации и осколков впечатлений, без осмысления, без воображения, без рефлексии. У современных обучающихся утрачивается умение анализировать, полно воспринимать визуальную информацию, отмечается речевая бедность; преобладание конкретного мышления над абстрактным; снижается способность к использованию в речи суждений и умозаключений; наблюдается отсутствие связи между информацией и ее осмыслением, образом и мыслью.

Вследствие этого особенно важной становится проблема профилактики клиповости мышления уже с детского возраста, поиска особых путей и личностно-ориентированных технологий, которые будут способствовать овладению обучающимися способами работы с информацией, содержащейся в визуальных образах, ее понимание и осмыслению.

Как альтернативу клиповому мышлению, с нашей точки зрения, стоит рассматривать визуальное мышление (ВМ), трактуемое нами, вслед за В. П. Зинченко (Зинченко, 1997), В. И. Жуковским и Д. В. Пивоваровым (Жуковский, Пивоваров, 1991), «как механизм проникновения в смысловую ткань зрительного образа, несущего смысловую нагрузку и делающего значение видимым». ВМ анализируется нами также с позиций понятийного механизма, варианта продуктивного мышления, осуществляющего действие с уже заданными наглядными образами и порождение новых визуальных форм, обеспечивающего связь чувственных и рациональных форм познания, что, в свою очередь, является основой визуальной культуры.

Наш теоретический анализ показал, что ВМ можно также рассматривать с точки зрения продуктивной деятельности, которая при наличии целеполагания может быть признана видом творчества. Поэтому правомерен вывод о том, что «исследование ВМ поможет полнее представить не только элементы мыслительной деятельности, но и структуру творческого акта в целом» (Зинченко, 1997).

Вследствие этого проблема проведения изучения развития визуального мышления представляет особую актуальность.

Анализ психологической литературы по этой проблематике позволяет определить следующий ряд положений, которые можно взять в основу создания технологии развития визуального мышления обучающихся.

Визуальное мышление включает в себя умственные действия, порождаемые с одной стороны наблюдением, а с другой – абстрактно-логическим мышлением.

Именно личный опыт воспринимающего обеспечивает связь восприятия и визуального мышления.

Визуальное мышление стимулирует и регулирует эмоции, поэтому, как отмечает Н. Н. Волков, изучая проблему развития визуального мышления, следует особое внимание уделить роли эмоций. Эмоциональность рассматривается Н. Н. Волковым как условие продуцирования ассоциаций (Волков, 1976).

Продуцирование визуального образа предполагает: выделение и опознание элементов, установление между ними всевозможных связей; соотнесение главных элементов с второстепенными.

Визуальное мышление продуктивно развивается в процессе рассматривания и обсуждения произведения живописи, так как при этом задействованы все слагаемые интеллектуального акта:

- аналитико-синтетическая обработка впечатлений от картины;
- опознание элементов картины, представленных в художественных образах;
- обобщение, без которого невозможно раскрытие сюжета картины;
- многократная конкретизация элементов произведения живописи в ходе формирования ее целостного образа;
- систематизация (структурирование) выделенных образов картины.

Процесс понимания произведения живописи вызывает необходимость исследовательского поиска, т. е. является мыслительной задачей.

Работа визуального мышления возрастает на заключительных этапах формирования образа, когда от рассматривания и обсуждения произведения живописи получено достаточно много чувственных впечатлений и появляется необходимость объединения их в целостный художественный образ картины.

Анализ процесса создания визуального суждения – который, как отмечает Р. Арнхейм, включает в себя «активное изучение объекта; его визуальную оценку; отбор существенных черт; сопоставление со следами памяти; анализ и организацию их в целостный визуальный образ» (Арнхейм, 1994) – позволил нам выделить следующие компоненты в структуре визуального мышления:

- аналитико-синтетическую деятельность при извлечении зрительных образов из общего плана картины (умение выделять и анализировать существующие образы);
- создание новых образов с опорой на личные ассоциации;
- вербализацию художественных образов (умение оформлять чувственные впечатления в понятия, суждения, умозаключения).

Теоретико-экспериментальное исследование дало нам возможность сформулировать ряд положений, использование которых в процессе создания образовательных технологий активизирует развитие визуального мышления учащихся:

- Групповое рассматривание и обсуждение детьми произведений живописи является продуктивным способом упражнения в наблюдении (ученик учится последовательно и избирательно воспринимать, и интерпретировать художественные образы).
- Визуальное мышление активнее функционирует при информационной неопределенности, которую обеспечивают картины, поскольку они предполагают множество интерпретаций,
- В деле развития визуального мышления целесообразно создание особой креативной (творческой) среды, которая отличается такими параметрами как проблемность, неопределенность, принятие, безоценочность.
- Важно учить детей систематически постигать процесс передачи смысла через изображение, для чего следует, с одной стороны, совершенствовать перцептивные навыки, а с другой, развивать мыслительные способности, на которые эти навыки опираются.
- Вербальная информация о картине должна появляться как результат познавательной активности учащихся, она не должна мешать процессу создания и расшифровки визуальных образов, не должна предшествовать личному запросу учеников. С этой позиции важным является исследование В. П. Зинченко (Зинченко, 1997), согласно которому: «Учитывая возможную замедленность стадий микрогенеза у ребенка по сравнению с взрослым, едва ли следует спешить называть наблюдаемый им предмет, и уж совсем не надо называть его заранее, чтобы наблюдение не было вытеснено словом, опознанием, отнесением к классу знакомых и неинтересных предметов». Название должно опираться на предварительное обследование предмета, его образа.
- На развитие ВМ влияют перцептивная установка наблюдателя и его личные интересы. Неопределенная инструкция («Опиши картину», «Что бы ты рассказал об этой картине человеку, который ее никогда не видел?») актуализирует эмоции и личные ассоциации.
- Познавательная инициатива ребенка, который оказывается в ситуации самостоятельного поиска решений, в условиях действия ЗБР (зоны ближайшего развития), согласно учению Л. С. Выготского, является основой обучения детей умению оперировать и создавать образы, овладевать способами работы с визуальной информацией.
- В деле развития визуального мышления важно уделять внимание вербализации детьми художественных образов картины, по-

скольку, как отмечают специалисты в области данной проблематики, для визуального мышления, которым мы пользуемся при обработке зрительной информации, изображение, как иероглиф, является знаком, за которым скрывается определенное пространство смыслов. Словесное проговаривание того, что мы видим, организует, уточняет интуитивно ощущаемый смысл, делает его осознаваемым.

- В качестве основного метода развития визуального мышления учащихся стоит использовать метод фасилитированной (поддерживающей) дискуссии, представляющей собой групповое обсуждение картины в процессе ее рассматривания и анализа, опирающееся на определенную стратегию открытых вопросов и технику парафраза. Фасилитированная дискуссия может рассматриваться как вариант мозгового штурма в процессе извлечения из художественных образов картины информации и личностных смыслов, значимых для субъекта познания.

Визуальное мышление, как особый вид мышления, обеспечивающий связь абстрактного мышления с чувственным опытом и осуществляющий процесс оперирования наглядными образами, которые несут смысловую нагрузку и делают значение видимым, может быть сформировано у учащихся при условии целенаправленного развития выделенных нами структурных компонентов ВМ: анализа существующих визуальных образов, создания новых визуальных форм, вербализации художественных образов.

Данные положения легли в основу созданной нами личностно-ориентированной образовательной технологии «От образа к мысли» (Молодцова, 2014), направленной на развитие визуального мышления у детей младшего школьного возраста. Ее реализация на практике позволила нам сделать следующие выводы.

- Продуктивное развитие ВМ не может состояться стихийно, для этого требуется создание специальной среды.
- Развитию ВМ у младших школьников способствуют такие психолого-педагогические условия, как: организованное рассматривание и обсуждение картин; организация креативной среды, отсутствие искусствоведческой информации в готовом виде со стороны взрослого; опора на познавательную инициативу самого ученика, его зону ближайшего развития; создание атмосферы ненасильственной коммуникации, организация учебного сотруд-

ничества; тренинговая форма проведения занятий; специальным образом составленный зрительный ряд, представленный произведениями живописи в качестве стимульного материала для обсуждения, средства для развития ВМ; использование стратегии фасилитированной дискуссии как метода развития ВМ.

- Оптимальные условия для развития визуального мышления у обучающихся можно обеспечить средствами произведений живописи, так как визуальное мышление свободнее действует в ситуациях со слабой информационной определенностью, которую содержат в себе картины, поскольку предполагают разные варианты интерпретаций.

Литература

Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.

Волков Н. Н. Восприятие картины. М., 1976.

Жуковский В. И., Пивоваров Д. В. Зримая сущность: Визуальное мышление в изобразительном искусстве. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.

Зинченко В. П. Образ и деятельность. М.: Воронеж, 1997.

Молодцова Н. Г. Развитие визуального мышления младших школьников на материале произведений живописи // Нижегородское образование. 2014. № 4. С. 105–112.

Специфика познавательной сферы при слуховом восприятии информации*

А. Ю. Разваляева (ИП РАН, Москва)

Ведущей сенсорной системой человека считается зрительная, что привело к традиции изучения когнитивных функций на материале зрительных задач. Однако слух также тесно связан с когнитивной сферой, что отражено в понятиях «слуховые когниции» и «слуховой интеллект», а также в данных, демонстрирующих снижение когнитивных функций, следующее за поражениями слуха. Исследования в рамках когнитивной психологии показали особенности селективного внимания и рабочей памяти при восприятии слуховой информации, а в инженерной психологии сравнивалась когнитивная нагрузка при получении слуховой и зрительной информации, закодированной в вербальной и невербальной формах. Исследования процессов познания с помощью слухового восприятия могут быть обогащены с опорой на пространственно-временную природу слуха.

Ключевые слова: слуховое восприятие, селективное внимание, рабочая память, пространственный слух, когнитивная нагрузка.

Отправной точкой многих исследований восприятия человека является положение о доминирующей роли зрительной системы. Действительно, локализация абсолютного положения объекта осуществляется точнее с помощью зрения, чем с помощью слуха (Letowski, Letowski, 2012); зрительные процессы протекают быстрее, и, судя по всему, некоторые важные когнитивные процессы – например, внимание – ориентируются в первую очередь на области, доступные зрительному восприятию (Spence et al., 2020). Зрительная система также способна «сбивать с толку» слуховую, что может как улучшать распознавание источника звука, так и приводить к ошибкам (фонетическая иллюзия Макгурка, выступления чревовещателей – Letowski, Letowski, 2012).

Однако слуховая система выполняет большую работу, чем зрительная: психофизиологические показатели ее активности выявля-

* Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2023-0006.

ются у бодрствующих и спящих младенцев, а также у взрослых людей под общим наркозом (Näätänen et al., 2010). Изменения слухового восприятия – например, из-за нахождения в безэховой камере – связаны с нарушениями многих процессов, которые в естественных условиях принимаются как должное – начиная с восприятия пространства и заканчивая распознаванием знакомых людей по голосу (Носуленко, Харитонов, 2018). Многие сложные процессы восприятия – выделение звуковых потоков, восприятие тонов, группировка звуков, аудио-визуальная интеграция – происходят неосознаваемо, что лежит в основе представлений об автоматических сенсорно-когнитивных процессах, лежащих в основе высших когнитивных функций (Näätänen et al., 2010). Слуховое восприятие связано с когнитивными функциями настолько сильно, что некоторые авторы предлагают говорить о слуховом познании (auditory cognition) или о слуховом интеллекте (auditory intelligence) – процессе восприятия звуков и речи (в том числе ее невербальных характеристик), их понимания и осмысления (de Beauport, Diaz, 1996, цит. по Baldwin, 2012). Эти связи подтверждаются также в исследованиях возрастных нарушений слуха, которые выступают предикторами нарушений когнитивных процессов (Baldwin, 2012). Однако специфика познавательной сферы в общем и конкретных когнитивных функций, связанных со слуховым познанием, остается областью, требующей более глубокого изучения. Например, в исследованиях локализации звука памяти, знаниям и установке в целом уделялось меньше внимания, чем проверке бинауральных, моноуральных и динамических характеристик, влияющих на локализацию (Letowski, Letowski, 2012).

Специфика когнитивных процессов при восприятии информации в слуховой модальности, особенно невербальных звуков, изучается преимущественно в области когнитивной и инженерной психологии. В последней ставится практическая задача – выявить, насколько эффективно может осуществляться управление системами, использующими разные элементы слуховых интерфейсов – оповещения, искусственную речь, звуковые «иконки», сонификацию и т.д. (Baldwin, 2012). Исследования в данной области осуществляются на материале сложных задач, в том числе двойных, моделирующих когнитивную нагрузку или «загрузку» рабочей памяти. При этом происходит разрыв этой области с психологией восприятия, для которой, наоборот, характерны упрощенные задачи и недостаточное внимание к познавательным процессам в слуховом восприятии. В то же время в ко-

гнитивной психологии часто не учитываются особенности слухового восприятия: например, не принимается во внимание, что уровень звукового давления может оказать влияние на когнитивную нагрузку (ibid.), а также не учитываются особенности локализации звука. Так, в исследованиях внимания звук чаще всего предъявляется в узкой области спереди от испытуемого, в то время как в исследованиях локализации была показана различная точность восприятия звука в данной области и возможность возникновения ошибок «фронт – тыл», когда звук, предъявляемый спереди, воспринимается как находящийся за спиной и наоборот (Spence et al., 2020).

Используемые в когнитивной психологии задачи также чаще всего предоставляют информацию в зрительной модальности. Слуховые задачи использовались в рамках изучения селективного внимания (дихотическое слушание) и рабочей памяти (слуховой тест п-назад и задача на объем памяти с дистрактором), а также в ряде нейропсихологических тестов на память и способность к обработке информации. Было выявлено, что выделение одного из сообщений сложнее, если характеристики звучания этих сообщений очень похожи, и легче, если они различаются по высоте, громкости или локализации (моделирующейся предъявлением каждого сообщения в одном ухе или с помощью манипуляций различиями в интенсивности и времени звука, приходящего на разные уши). Бдительность к слуховой информации сохраняется дольше, и эффекты утомления проявляются позднее, чем при работе со зрительной информацией, но шум, громкая музыка и звуки речи являются сильными дистракторами, оказывающими негативное влияние на познавательную деятельность. Объем рабочей памяти на звуковые стимулы улучшается, если они предъявляются с большей громкостью, а исследования рабочей памяти у детей с помощью задачи п-назад в разных модальностях демонстрируют более медленное развитие пространственно-слуховых способностей по сравнению со зрительными. В целом, при предъявлении информации в разных модальностях в условиях многозадачности, была показана важность не только разных модальностей, но и разных способов кодирования информации – вербального и невербального. Переключение между заданиями происходит легче и быстрее, если используются разные способы кодирования – например, невербальный дисплей и речь с инструкциями или сообщения на дисплее и невербальные оповещения (Baldwin, 2012).

Рассматривая связи между слуховым восприятием, когнициями и познанием в широком смысле следует также опираться на специфику слуховой системы – ее пространственно-временную природу. Формирование слухового образа невозможно без учета временной динамики звука. «Фотография» звука (например, спектрограмма записи) может дать информацию о технических характеристиках записи, но целостный слуховой образ (текущая репрезентация, образ памяти или воображения) всегда обладает длительностью. При этом, как и зрительные образы, слуховые образы, возникающие в естественной среде, сообщают о пространственных характеристиках окружающей среды: расположение источников звука, размер помещения, наличие других объектов или препятствий. Таким образом, пространственно-временная природа звука лежит в основе предметного восприятия мира и обеспечивает хорошую ориентировку в естественных условиях (Носуленко, Харитонов, 2018). Опора на принцип предметности в слуховом восприятии может помочь выявлению принципов предъявления информации в слуховой модальности для улучшения познавательных процессов при решении задач.

Литература

- Носуленко В. Н., Харитонов А. Н.* Жизнь среди звуков. Психологические реконструкции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Baldwin C. L.* Auditory cognition and human performance: research and applications. Boca Raton, FL: CRC Press, 2012.
- Letowski T. R., Letowski S. T.* Auditory spatial perception: auditory localization. Army Research Laboratory. ARL-TR-6016. 2012.
- Näätänen R., Astikainen P., Ruusuvirta T., Huotilainen M.* Automatic auditory intelligence: An expression of the sensory–cognitive core of cognitive processes // *Brain Research Reviews*. 2010. V. 64 (1). P. 123–136. doi: 10.1016/j.brainresrev.2010.03.001
- Spence C., Lee J., Van der Stoep N.* Responding to sounds from unseen locations: crossmodal attentional orienting in response to sounds presented from the rear // *European Journal of Neuroscience*. 2020. V. 51. P. 1137–1150. doi: 10.1111/ejn.13733

Облегчают ли движения поиск инсайтного решения?

А. Д. Савинова (РАНХиГС, Москва)

В ряде работ предполагается, что включение моторики в процесс решения задач должно облегчить нахождение ответа. Мы решили проверить данный эффект и переключить решателя с ментальной стратегии решения на воплощенную. В эксперименте необходимо было решать инсайтные задачи в 3 условиях: контрольном, вербальная инструкция экспериментатора с просьбой решать воплощено, загрузка рабочей памяти. Ожидалось, что вербальная инструкция и загрузка рабочей памяти изменят стратегию решения, что приведет к более быстрому нахождению решения. К сожалению, результаты не подтвердили наши предположения: загрузка рабочей памяти не оказала значимого влияния, а вербальная инструкция хоть и склонила испытуемых к воплощенному решению, но не повлияла на время решения и снизила вероятность его нахождения.

Ключевые слова: инсайт, моторика, объем рабочей памяти, воплощенное познание, задачи спичечной алгебры.

При проведении исследований, посвященных решению задач, можно заметить, что испытуемые предпочитают решать задачу в уме даже в том случае, если представлены средства и возможности для манипулирования элементами. При этом было показано, что включение движений в процесс решения может значительно облегчить поиск решения и ускорить процесс научения (Cowley, Vallée-Tourangeau, 2010; Hostetter, Alibali, 2019). Полезная роль движений в процессе решения может быть объяснена различными факторами. Например, можно случайно заметить подсказки через наблюдение за физическими действиями, а также решение, воплощенное в реальном мире, снижает требования к построению сложных репрезентаций и приводит к общему снижению когнитивной нагрузки (Henok et al., 2020).

Ранее было показано, что испытуемые с трудом отказываются от ментальной стратегии решения, предпочитая ее воплощенному варианту (Спиридонов и др., 2021). Мы предположили, что отказ из-

менить стратегию обусловлен тем, что у испытуемых сложилась ментальная модель — «мысленные задачи нужно решать в уме, ментально», поэтому необходимы специальные условия для ее изменения. В качестве таких условий были выбраны два варианта:

1. Отказ от ментального решения может быть связан с убежденностью испытуемого, что это сделать необходимо, поскольку его об этом просит экспериментатор. Подобный внешний контроль может привести к смещению способа решения и отдельным попыткам решать задачу воплощенно, передвигая элементы задачи руками.
2. Отказ от мысленного решения задачи и переход к воплощенному, моторному решению может произойти произвольно, если загрузить рабочую память испытуемого. Согласно работе Н. Хенок и соавт., воплощенное решение должно снижать когнитивную нагрузку (Henok et al., 2020). Исходя из этого, мы предполагаем, что, загрузив дополнительным заданием рабочую память, мы повысим когнитивную нагрузку у испытуемого, и он захочет ее снизить, совершив когнитивную разгрузку в виде изменения способа решения задачи на воплощенный вариант. Воплощенное решение в ситуации загрузки когнитивного ресурса должно иметь множество преимуществ, поскольку оставляет некоторые полезные «следы» — последний сделанный ход, промежуточный вариант решения, отметки о наиболее интересных частях или элементах задачи и т. д.

Таким образом, мы хотим проверить, насколько предложенные способы (вербальная инструкция и загрузка рабочей памяти) изменят привычную стратегию решения. Мы предполагаем, что доля воплощенного решения будет выше в условии с загрузкой рабочей памяти по сравнению с контрольным условием и с вербальной инструкцией. Поскольку свободный ресурс рабочей памяти является важной характеристикой в данном исследовании, мы также измерим его индивидуальный объем. Поскольку мы предполагаем, что чем выше объем рабочей памяти, тем позже испытуемый откажется от ментальной стратегии в условии с загрузкой рабочей памяти и тем ниже будет доля воплощенного решения во всех условиях.

Для проверки данной идеи был проведен эксперимент. Выборка составила 36 испытуемых (29 женщин, 7 мужчин) в возрасте от 17 до 65 лет ($M = 21,2$, $SD = 7,8$). В качестве материалов исследования

использовались инсайтные задачи в виде задач спичечной алгебры, в которых было необходимо переложить две спички. Всего использовалось 3 задачи:

- a. $9 + 8 = 11$ (ответ: $9 - 9 = 0$ или $-9 + 8 = -1$)
- b. $0 - 5 = 17$ (ответ: $11 + 6 = 17$ или $6 + 5 = 11$)
- c. $8 - 1 = 12$ (ответ: $13 - 1 = 12$ или $5 + 7 = 12$)

Все задачи были представлены испытуемому на столе из настоящих палочек, доступных для моторного манипулирования.

Для загрузки рабочей памяти использовался когнитивный мониторинг со звуковыми сигналами: в зависимости от звука испытуемому необходимо было выполнять то или иное действие. Всего было 2 звуковые альтернативы. Выполнение мониторинга осуществлялось ногами, чтобы освободить руки для манипулирования элементами задачи. Звуки предъявлялись рандомно и в случайный промежуток времени (разница в предъявлении звуков от 1 до 5 с). Длительность каждого звука — не более 0,2 с.

Для измерения индивидуального объема рабочей памяти было проведено тестирование с использованием следующих заданий: цифровой тест с прямым порядком воспроизведения (digit span), N шагов назад (n-back task), тест арифметических операций (calculation task), задания на ментальное вращение. У каждого задания было небольшое число проб, поэтому все измерение занимало 5–10 минут.

Процедура исследования была следующей. Перед решением инсайтных задач испытуемый проходил тестирование на объем рабочей памяти и тренировался в выполнении когнитивного мониторинга. Затем испытуемому предлагалось решать инсайтные задачи в одном из трех условий:

1. Контрольное условие. Испытуемый решал задачу так, как ему удобно, без каких-либо дополнительных условий и ограничений.
2. Вербальная инструкция. Испытуемый решал задачу и периодически получал напоминание о том, что решение должно быть осуществлено воплощено («Пожалуйста, решайте задачу, перекладывая палочки руками» или «Не забывайте перекладывать палочки»). Инструкция давалась каждый раз, когда испытуемый переставал манипулировать элементами задачи.
3. Загрузка рабочей памяти. Испытуемый решал задачу и на всем протяжении решения выполнял когнитивный мониторинг.

Задачи и условия предъявлялись случайно. Время решения каждой задачи ограничивалось 10 минутами. Дизайн эксперимента внутригрупповой. Процесс решения задачи фиксировался с помощью видеокамеры, чтобы затем разметить различные зависимые переменные: время решения, процент и общее количество манипулирования элементами задачи, процент и общее количество осознанного манипулирования, время начала манипулирования; время первого манипулирования палочками, отражающее изменение репрезентации и т. д.

Дисперсионный анализ показал, что такие факторы, как время манипулирования палочками, $F(2,70) = 14,33$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,290$; время осознанного манипулирования, $F(2, 70) = 13,45$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,278$; время прагматических, $F(2, 70) = 5,94$, $p < 0,004$, $\eta^2 = 0,145$; и эпистемических манипуляций, $F(2, 70) = 4,11$, $p < 0,020$, $\eta^2 = 0,105$ значимо отличаются для трех экспериментальных условий. Дополнительный анализ с помощью *t*-критерия Стьюдента продемонстрировал, что различия связаны с тем, что в условии с вербальной инструкцией процент манипулирования значимо выше, чем в контрольном условии и условии с загрузкой рабочей памяти. Условие с загрузкой рабочей памяти не отличается от контрольного.

Аналогичные результаты были обнаружены для таких зависимых переменных, как общее количество манипуляций палочками, $F(2, 70) = 5,98$, $p < 0,004$, $\eta^2 = 0,146$; количество осознанных манипуляций, $F(2, 70) = 4,50$, $p < 0,014$, $\eta^2 = 0,114$; количество эпистемических манипуляций, $F(2, 70) = 4,36$, $p < 0,016$, $\eta^2 = 0,111$. Во всех представленных случаях в условии с вербальной инструкцией было значимо больше манипулирования элементами задачи, чем в иных условиях.

Мы также проанализировали время первого манипулирования, $F(2, 68) = 4,47$, $p < 0,015$, $\eta^2 = 0,116$ и время первого изменения репрезентации, $F(2, 60) = 3,54$, $p < 0,035$, $\eta^2 = 0,106$. Оказалось, что в условии с вербальной инструкцией испытуемые быстрее начинают манипулировать с элементами задачи и раньше совершают первое изменение репрезентации. При этом манипулирование не дает преимуществ во времени решения, поскольку мы не обнаружили значимых различий между тремя экспериментальными условиями, $F(2, 70) = 1,22$, $p < 0,302$, $\eta^2 = 0,034$.

Для проверки того, оказывает ли манипулирование элементами задачи какое-либо воздействие на процесс решения, мы проанализировали данные с помощью логистической регрессии. В качестве зависимой переменной была выбрана вероятность решить задачу

(решил/не решил), а в качестве предикторов – объем рабочей памяти (посчитанный как сумма баллов за выполняемые задания), условия решения и количество осознанных манипуляций.

Результаты построенной логистической модели значимы, $\chi^2(97,4, N=101)=33,8, p<0,001, Nagelkerke R^2=0,38$. Но получилось, что испытуемые с большим объемом рабочей памяти, попадающие в условие с вербальной инструкцией (OR=0,81, 95% CI [0,7; 0,9]) и в условие с загруженной рабочей памяти (OR=0,85, 95% CI [0,7; 0,9]) с низкой вероятностью решают задачу. Количество осознанных манипуляций также снижает вероятность решить задачу: за каждое манипулирование вероятность решения становится немного меньше (OR=0,96, 95% CI [0,9; 1,0]).

Таким образом, в данной работе мы смогли показать, что такое воздействие, как вербальная инструкция экспериментатора с просьбой решать воплощено, действительно влияет на испытуемых, изменяя их способ решения на более воплощенный вариант. Идея о том, что испытуемые будут изменять способ решения при загрузке рабочей памяти, не подтвердилась, что несколько противоречит идеям Н. Хенок и соавт., предполагающих, что воплощенное решение должно снизить требования к когнитивной нагрузке. Возможно, сила накладываемых ограничений на рабочую память была недостаточной, чтобы вынудить испытуемых отказаться от ментального решения задачи. Мы также не смогли показать пользу воплощенного решения. В тех случаях, когда испытуемый решал задачу, манипулируя элементами, у него не только не уменьшалось время решения, но даже наоборот, снижалась вероятность найти верный ответ.

Литература

- Спирidonov В. Ф., Ерофеева М. А., Кловaйт Н. О., Ардисламов В. В., Морозов М. И., Здилар С.* Репликация эффектов интерактивного решения задач спичечной алгебры // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 79. С. 1–46.
- Cowley S., Vallée-Tourangeau F.* Thinking in action // *AI & Society*. 2010. V. 25. P. 469–475.
- Henok N., Vallée-Tourangeau F., Vallée-Tourangeau G.* Incubation and interactivity in insight problem solving // *Psychological Research*. 2020. V. 84. P. 128–139.
- Hostetter A. B., Alibali M. W.* Gesture as simulated action: Revisiting the framework // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2019. V. 26. P. 721–752.

Не-факторы в подходах А. В. Брушлинского и В. Ю. Крылова*

Т. Н. Савченко (ИП РАН, Москва), *Г. М. Головина* (ИП РАН, Москва)

В статье описаны подходы к описанию и математическому моделированию недизъюнктивности, которая становится предметом исследования математиков и психологов. В статье изложены идеи синергетики, предполагающие рассмотрение таких факторов, как нелинейность, неметричность, нечеткость и т. д. Проведен сравнительный анализ идей А. В. Брушлинского в понимании процессов мышления и В. Ю. Крылова в использовании в математическом моделировании нечетких систем. Приводятся модели, в которых используется размытые множества для описания пространств представлений, знаний (отдельных компонентов интеллекта).

Ключевые слова: математическое моделирование, недизъюнктивность, размытость, нелинейность.

В 1980-х годах недизъюнктивность становится предметом математиков и психологов. А. В. Брушлинский, будучи в среде математиков, наоборот, первый из психологов, изучая мышление, обратил внимание, что математический объект, как он тогда описывался, не может меняться при взаимодействии с другими объектами. Это свойство неизменности С. Л. Рубинштейн обозначал понятием дизъюнктивность. А. В. Брушлинский, развивая эту идею, понимает под недизъюнктивностью то, что отдельные компоненты мышления, взаимодействуя друг с другом, изменяются сами и способствуют появлению новых компонентов, в то время как дизъюнктивность элементов выражается в их морфологической неизменности. Без этих взаимодействий невозможно саморазвитие (Брушлинский, 1979). В. Ю. Крылов также опередил свое время, говоря о нелинейности субъективных пространств, нелинейности развития процессов, точках бифуркации, что соответствует описанию процессуальности А. В. Брушлинского, который формулирует холистический подход (там же). Параллельно

* Работа выполнена в соответствии с Госзаданием № 0138-2023-0006.

В. Ю. Крылов развивает синергетический подход в психологии, который предполагает рассмотрение таких факторов, как нелинейность, неметричность, нечеткость и т. д. (НЕ-факторов) (Крылов, 1998). То, что здесь обозначено как соотношение дизъюнктивного и недизъюнктивного, стало предметом специального рассмотрения в некоторых новейших работах математиков.

Говоря о мышлении как о непрерывном процессе, А. В. Брушлинский обратился к П. К. Рашевскому как к некоторому «предтече» нового математического аппарата, который основывается на непрерывной числовой оси, размывающейся с удалением от ее начала. Тогда не нужна точность описания, можно использовать лишь приближенные оценки. «Подобная „размытость“ и есть, по нашему мнению, один из возможных способов перехода от дизъюнктивного типа связей между компонентами, или аспектами, исследуемого явления к более глубокому и общему типу связей – недизъюнктивному» (Брушлинский, 1979, с. 40). Л. А. Заде сформулировал принцип несовместности сложности системы и точности ее описания. Он считал, что элементами мышления являются не числа, а элементы некоторых нечетких множеств или классов, причем принадлежность к классу или множеству задается с помощью степени возможности этой принадлежности. Подход Л. А. Заде постепенно оформился в теорию «размытых» множеств.

В подходе В. Ю. Крылова развиваются идеи Л. А. Заде, в которых предлагается использовать лингвистические переменные вместо числовых или в дополнение к ним. Отношения между переменными описываются с помощью нечетких высказываний, сложные отношения описываются нечеткими алгоритмами. Конечное подмножество нечеткого множества описывается с помощью степени принадлежности к соответствующим термам. Для оценивания семантических близостей между стимулами используются лингвистические шкалы. В соответствии с идеологией мягких вычислений был разработан метод анализа различий между соответствующими понятиями, полученных с помощью нечеткой шкалы. Для моделирования различий использовался неметрический подход, в котором исходные различия моделировались функцией, монотонной этим различиям. Это позволило проводить шкалирование данных, описанных в нечетких психолингвистических шкалах (Головина, 2010). В большинстве работ, где используются функции принадлежности, эти функции имеют одинаковый вид для разных контекстов оценивания и для опи-

сания разных термов одной и той же лингвистической переменной. Конечно, такой подход является упрощенным и не учитывает конкретную когнитивную ситуацию, что является главным в психологических исследованиях. В нашем подходе к моделированию функций принадлежности понятий к соответствующим термам, определялись формы функций, соответствующие распределениям оценок. В настоящее время информация об исследуемом объекте накапливается и функции принадлежности могут изменяться и перестраиваться в соответствии с данными.

Объединение методологий теории нечетких множеств и других методов моделирования привело к созданию нового научного направления — «мягкие вычисления». Так, мы объединили нечеткие множества и неметрическое многомерное шкалирование. Предложенный нами метод применялся для построения семантической структуры психологических дисциплин. «В экспериментальном исследовании были смоделированы функции принадлежности понятий областям психологии. Выделены перекрывающиеся частично и полностью (в случае максимальной нечеткости) области функций принадлежности для смежных дисциплин, а также понятия, соответствующие этим областям... Разработанный метод позволил представить систему психологических дисциплин как многомерное динамическое пространство, каждое измерение которого соответствует определению основанию классификации». (Головина, 2010, с. 192). Кластерный анализ на нечетких множествах позволяет расширить возможности метода классификации К-средних, используя размытость (пересекаемость) классов, оценивая степень принадлежности объектов к каждому классу. Введение степени принадлежности объекта к определенному классу дает возможность повысить интерпретируемость результатов и получить классификацию, более соответствующую реальности. В иерархическом агломеративном методе кластерного анализа введение функции принадлежности при определении степени отделимости классов позволило не доказывать отделимость классов, используя другие методы. В лаборатории математической психологии также была разработана методология совместного применения многомерного шкалирования и кластерного анализа (Савченко, 2010).

Идеи А. В. Брушлинского и В. Ю. Крылова становятся все более актуальными в связи с развитием когнитивного моделирования и широко применяются в реализации моделей функционирования

отдельных компонентов интеллекта. Б. Беспалов делает попытку описать математически смысл недизъюнктивности, выделенный Рубинштейном и развитый Брушлинским. Он предлагает каждый компонент процесса мышления (интеллектуальный, эмоциональный или волевой) описывать с помощью функции принадлежности компонента данному процессу. Тогда процесс будет описан как преимущественно волевой, если в моделирующем его нечетком множестве функция принадлежности процессу принимает максимальное значение. Такую модель он называет нечетко множественной моделью недизъюнктивного психического процесса.

В работе «Психологическое и математическое моделирование интеллекта» сравниваются модели представления и обработки знаний методами нечеткого когнитивного моделирования и с помощью традиционной алгебры многомерных матриц (Селиванов и др., 2012). Оказывается, что синтетическая модель интеллекта, разработанная с применением нечетких множеств, более соответствует естественному интеллекту. Методология мягких вычислений также позволяет повысить качество экспертных оценок, так как введение лингвистических шкал уменьшает число экспертных ошибок. Эта методология использовалась нами при построении когнитивных карт субъективного качества жизни (СКЖ) и удовлетворенности жизнью (УЖ) с помощью системы «Канва», разработанной А. А. Кулиничем. Карты СКЖ дают возможность проведения динамической самодиагностики УЖ.

Таким образом, подходы к описанию и моделированию психических процессов, заложенные психологами и математиками в прошлом столетии, в настоящее время используются и развиваются в сфере когнитивной психологии и искусственного интеллекта. Возможно, что утверждение В. Ю. Крылова о парадигмальном статусе синергетики в психологии становится реальностью.

Литература

- Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование: логико-психологический анализ. М.: Мысль, 1979.
- Головина Г. М.* Мягкие вычисления и нечеткие шкалы // Математическая психология: школа В. Ю. Крылова / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Н. Савченко, Г. М. Головиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 188–194.

- Крылов В. Ю.* Психосинергетика как возможная новая парадигма психологической науки // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 48–49.
- Савченко Т. Н.* История развития российской математической психологии // Математическая психология: школа В. Ю. Крылова / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Н. Савченко, Г. М. Головиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 25–50.
- Селиванов В. В., Борисов В. В., Мунерман В. И.* Психологическое и математическое моделирование интеллекта // Известия СмолГУ. 2012. № 1 (17). С. 333–349.

Особенности ресурсности профессионального мышления молодых педагогов, принимающих участие в конкурсах профессионального мастерства*

И. В. Серафимович (ЯрГУ, Ярославль),
А. В. Вторушина (ГАУ ДПО ЯО ИРО, Ярославль)

В публикации представлены результаты исследования ресурсности профессионального педагогического мышления у молодых педагогических кадров (N = 67). Исследование было реализовано в процессе участие в конкурсах профессионального мастерства как современной практики неформального непрерывного образования. Ресурсность мышления рассматривается как интеграция опыта, полученного молодыми педагогами в конкурсах профессионального мастерства, в их профессиональную деятельность. Ресурсность мышления сильнее проявляется при временном аспекте анализа себя в настоящем и будущем, чем в прошлом. Ресурсность мышления педагогов сельских школ направлена в большей степени на преодоление профессиональных дефицитов, а педагогов городских школ – на переосмысление уже имеющихся профессиональных ресурсов.

Ключевые слова: профессиональное мышление, ресурсность мышления, молодые педагоги, конкурсы профессионального мастерства, непрерывное профессиональное образование, психолого-педагогическое сопровождение профессиональной деятельности.

Развитие системы образования и многообразии требований к педагогу по обеспечению изменений предполагает наличие определенных ресурсов, в том числе когнитивной сферы. А. В. Брушлинский писал о том, что специфика профессионального труда педагога и его ежедневная педагогическая практика требуют от специалиста творческого подхода и непрерывного совершенствования профессиональных навыков, напряженного, самостоятельного мышления, без которого невозможно решение трудных педагогических ситуаций (Бруш-

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-28-00602. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00602>.

линский, 1996). Новые акценты в воспитании и развитии одаренных обучающихся, задачи, связанных с внедрением обновленных ФГОС, функциональной грамотностью, интеграцией в достижения целей по отношению к предметным, метапредметным и личностным результатам – все это далеко неполный перечень вариативных задач для современного педагога. Особенно их непросто реализовывать тем, кто недавно пришел в педагогическую профессию.

При этом ключевую роль начинает играть «...способность человека воспринимать вызовы как необходимость собственных изменений...» (Гришина, 2019, с. 9), которая адекватно проявляется за счет ресурсности когнитивной сферы, в том числе ресурсности профессионального педагогического мышления, понимаемую нами как «интеллектуальную способность субъекта использовать любой импульс в конструктивном ключе» (Кашапов, Сурина, 2023, с. 40). Ресурсность профессионального мышления осуществляется с помощью осознания, привлечения и эффективного использования внешних и внутренних ресурсов, что в целом обеспечивает эффективное решение проблемных ситуаций в профессиональной деятельности.

Мы посчитали важным рассмотреть возможности ресурсности профессионального мышления в контексте педагогической профессиональной событийности, которая имеет протяженный соревновательный характер, создающей условия для возникновения различного рода проблемных ситуаций – это конкурсы профессионального мастерства, являющиеся интерактивной формой непрерывного профессионального образования. Мы предполагали, что участие в конкурсе может стать «новой системой отношений» (Брушлинский, 1996), преломляясь через которую, имеющиеся у молодых педагогов профессиональные ресурсы будут ими переосмыслены, осознаны в новом контексте профессионального видения и действия.

На базе регионального этапа Всероссийского конкурса «Педагогический дебют» (Ярославская область, 2018–2020) нами было проведено исследование, направленное на выявление особенностей ресурсности мышления молодых педагогов. В исследовании приняло участие всего 67 субъектов из которых 88% женщин и 12% мужчин, стаж работы педагогов – до 5 лет ($M = 2,4$; $SD = 0,6$), из которых 42 городских и 25 сельских педагогов. Для исследования уже имеющихся у конкурсантов профессиональных ресурсов мы использовали экспертные оценки, которые выставляли члены жюри в конкурсных испытаниях основного тура. Суммарные оценки рассматривались нами

как количественные показатели: низкие экспертные оценки рассматривались как наличие у конкурсанта профессиональных дефицитов, высокие экспертные оценки – как наличие профессиональных ресурсов. Для исследования внешних и внутренних ресурсов мы применили метод интервью. Моделирование вопросов для интервью проходило по принципу «явной и неявной проблемной ситуации» (Брушлинский, 1996). В первом вопросе мы спрашивали конкурсантов о том, с какими проблемами им пришлось столкнуться во время участия в конкурсе, прохождения различных конкурсных испытаний – проведении урока с детьми, мастер-класса, самопрезентации – и какой выход они нашли и как (наличие явных проблем). Во втором вопросе мы интересовались решению каких профессиональных проблем помогает (может помочь) участие в конкурсе профессионального мастерства (неявная проблемная ситуация). В третьем вопросе мы спрашивали у конкурсантов, что изменится (может измениться) в их жизнедеятельности в образовательной организации, в которой они работают после участия в конкурсе (неявная проблемная ситуация). Таким образом, осмыслением было охвачено три временных отрезка: прошлое, настоящее и будущее.

Интерпретация ответов конкурсантов проходила на основе психосемантического анализа, сделанного по аналогии с анализом контента «Кто Я» (Иванова, Румянцева, 2009). В качестве критериев мы выделили следующие содержательные характеристики проблемных ситуаций, которые соотносятся с направленностью позиции субъекта проблемной ситуации на самого себя: социальной (включающую в себя профессиональную), рефлексивной, коммуникативной, деятельностной, физической, материальной и перспективной. Рассматривая в контексте нашего исследования ресурсность мышления как возможность интеграции субъектом ресурсов, переоценка уже имеющихся профессиональных ресурсов через призму конкурсных испытаний, мы приняли решение о необходимости установления взаимосвязей между экспертными оценками, которые выставляли члены жюри (отражающими уровень развития профессиональных ресурсов конкурсантов) и содержательными характеристиками явных и неявных проблемных ситуаций.

В отношении явных проблемных ситуаций во время участия в конкурсе было установлено, что сам факт их наличия или отсутствия, а также наличие определенных качественных характеристик не связаны с эффективностью прохождения конкурса. Мы понима-

ем это как отсутствие истинной проблемной ситуации, которая запускала бы процесс мышления о конкурсе как о части своего профессионального пути, своей педагогической деятельности, как о важной составляющей непрерывного профессионального образования. «Внутренним, психическим стартом мысли является отображение проблемной ситуации, которое и составляет проблему или вопрос как мотивирующее, движущее начало мысли...» (Веккер, 1998, с. 153). Т.е. описанные конкурсантами проблемы, возникшие во время конкурса, являются для них констатацией факта, не запускающей процесс мышления, направленный на понимание или видоизменение данного факта, фактически стимульная ситуация не становится проблемной.

Неявные проблемные ситуации, на наш взгляд, отражали мысленную репрезентацию функциональных возможностей конкурса для дальнейшей профессиональной деятельности конкурсантов. На данном этапе исследования, с помощью корреляционного анализа Спирмена, мы обнаружили, что существуют особенности ресурсности мышления молодых сельских педагогов и молодых городских педагогов: у молодых сельских педагогов существует обратная взаимосвязь между экспертными оценками и пониманием того, что участие в конкурсе поможет им в их профессиональной деятельности ($r = -0,416$, $p < 0,05$). Однако нами не установлено взаимосвязи между пониманием того, что конкурс поможет молодым сельским педагогом в их профессиональной деятельности и пониманием своих профессиональных ресурсов в образовательной организации после участия в конкурсе. При этом молодые сельские педагоги не видят конкретных путей преодоления этих дефицитов, из-за чего возникает риск, что без психолого-педагогического сопровождения сельских участников конкурса опыт, полученный и осмысленный во время участия в конкурсе, не будет интегрирован в профессиональную деятельность молодых сельских педагогов. Если ресурсность мышления молодых сельских педагогов направлена на преодоление профессиональных дефицитов, то ресурсность мышления молодых городских педагогов направлена на поддержание и развитие уже имеющихся у них профессиональных ресурсов. К такому выводу мы пришли на основании того, что у городских участников конкурса итоговый балл за первый конкурсный тур связан с пониманием того, что конкурс поможет им в профессиональной деятельности прямой связью ($r = 0,331$, $p < 0,05$). Помимо этого, городские участники конкурса видят для себя конкретные пути внедрения полученного опыта в их профессиональ-

ную деятельность: социальный путь ($r=0,353$, $p<0,05$) и рефлексивный путь ($r=0,43$, $p<0,01$). Социальный путь интеграции полученного и переосмысленного опыта заключается в том, что молодые городские педагоги начинают осознавать, что в своей образовательной организации они могут выполнять различные социальные роли, не останавливаясь только на объективной роли педагога, а рефлексивный путь предполагает само- и социорефлексию.

Обобщая полученные результаты, мы делаем вывод о том, что курсы профессионального мастерства могут создать условия для возникновения у молодых педагогов проблемных ситуаций, которые трансформируются в задачу по переосмыслению уже имеющихся у них профессиональных ресурсов. У городских и сельских молодых педагогов разный механизм повышения ресурсности мышления. У сельских молодых педагогов повышение ресурсности мышления происходит путем преодолений профессиональных дефицитов, а у городских молодых педагогов ресурсность мышления развивается путем переосмысления профессиональных ресурсов.

Литература

- Брушлинский А. В.* Субъект: Мышление, учение, воображение. М.—Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Веккер Л. М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
- Гришина Н. В.* Экзистенциальные вызовы транзитивного общества // Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития. Материалы международной научной конференции. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т, 2019. С. 9–14.
- Иванова Н. Л., Румянцева Т. В.* Социальная идентичность: теория и практика. М.: СГУ, 2009.
- Кашапов М. М., Сурина Н. В.* Особенности ресурсности мышления профессионалов социономического типа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2023. Т. 12. № 1. С. 40–48.

Чувство собственности как фактор виртуализации для субъекта реальности и деятельности

М. И. Яновский (ДонГУ, Донецк)

Предлагается анализ возможных связей чувства собственности с мышлением и социальным поведением. Чувство собственности трактуется как проявление мысленной проекции субъектом себя в объект как «место». Выявлены и описаны корреляции такой когнитивной операции с формами допонятийного мышлением и псевдодеятельности.

Ключевые слова: чувство собственности, псевдодеятельность, мышление, синкреты, комплексы, понятия, игровое поведение.

С давних пор существуют представления как о важности формирования чувства собственности для становления личности, развития духовности, так и о разрушительном его влиянии на нравственное и даже когнитивное развитие (например, в буддизме привязанность к вещам оценивается как одна из причин «авидьи» — неведения, невежества, затемненности ума). Острота споров говорит о большей весомости этой проблемы, чем может показаться на первый взгляд. Возможно, причиной расхождений в мнениях является искусственность и определенная степень фиктивности чувства собственности как феномена, отсутствие у него собственной сущности. Действительно, чувство собственности — это отношение к вещи, как бы право на нее. Однако вещь «не знает» моего к ней отношения, поэтому это отношение к вещи — лишь маска, за которой мои отношения с людьми. В отличие от вещей, люди считаются с моим правом собственности. Значит, чувство собственности можно охарактеризовать не как элемент взаимодействий, деятельности с вещью, а как элемент социальных «игр», имеющих значение для занятия места в «паутине» социальных отношений.

Предметом данной статьи является теоретическое рассмотрение чувства собственности как проявления психологических механизмов виртуализации реальности и деятельности для человека. При этом под «виртуализацией» будем понимать подмену для субъекта реальности ее имитациями.

Отношение к собственности, субъективно переживаемое как чувство, можно охарактеризовать как своеобразное отнесение себя к объекту, мысленное проецирование себя в объект как виртуально место. Когда такое мысленное «вкладывание» себя, своей проекции осуществляется, то я и начинаю чувствовать объект как бы частью себя, возникает чувство связи с ним: он «мой» (Гегель, 1990, с. 103; Карнышев и др., 2006). Так формируется чувство собственности. Существенно при этом, что объект здесь выполняет функцию именно места, экрана моей проекции, т. е. неважны его собственные качества, важно, что он «мой». Следовательно, здесь происходит отстройка от реального объекта и редукция его свойств к функции места. Места чего? Места меня, точнее, моего представляемого «я», т. е. моей проекции. Следовательно, и от себя я должен отстроить образ себя, мысленное «я», чтобы спроецировать этот виртуальный образ в объект. Поэтому собственность — это как бы овнешнение «я» (в марксистской терминологии — самоотчуждение личности) и мысленное соотнесение овнешненного «я» с объектом, редуцированным к функции места этого овнешненного «я».

В целом чувство собственности, таким образом, — продукт отстройки и от реального субъекта, и от реального объекта. Если так, то это отстройка и от того, что осуществляет их взаимодействие — от реальной деятельности. Что такое отстройка от реальной деятельности? Это замена ее виртуальным эквивалентом, каковым может стать имитационная деятельность, псевдодеятельность. Такая замена продуктивной реальной деятельности ее имитацией легко оказывается переходом к продуцированию социальных отношений. Действительно, чувство собственности, например, становится основой для формирования социального статуса, социальной роли и т. п. Реальная продуктивная деятельность при этом может быть для человека уже неактуальной.

Итак, содержащийся в чувстве собственности мысленный акт вкладывания проекции себя в объект тождествен отстройке от объективной действительности и от реальной деятельности — в тех или иных ее аспектах. Можно сказать и наоборот: отстройка от объективной действительности и от реальной деятельности равносильна виртуальному вкладыванию себя в объект.

Такая констатация позволяет провести парадоксальное соотнесение чувства собственности с... некоторыми формами мышления. Можно усмотреть сходство механизма возникновения чувства собст-

венности с мыслительной операцией обобщения. Действительно, обобщение — это тоже отстройка от реальных эмпирических объектов, причем тоже с целью их присвоения, только присвоения когнитивного. При полноценном обобщении происходит формирования полноценного понятия — мысленного абстрактного объекта, благодаря которому реальные объекты становятся понятными, т. е. как бы своими для меня, однако при этом остаются общими, «ничьими» (но не «отчужденными»). Можно ли предположить, что существуют пробные, «полуфабрикатные» формы операций обобщения, которые, возможно, и дают: вместо ментального превращения объекта во внутренне «свой», понятный объект, — некое подобие, эрзац понимания: чувство контроля и власти над объектом, собственности на него?

Мы знаем, что неразвитые, промежуточные формы обобщения изучал Л. С. Выготский (Выготский, 1999). Рассмотрим возможность соотнесения таких форм обобщения с чувством собственности.

В своем исследовании Выготский пришел к выводу, что возможны две основные такие неполноценные формы обобщения: «синкреты» и «комплексы». Интересно, что сама методика «двойной стимуляции», применявшаяся в данных экспериментах, воспроизводит процесс, подобный процессу возникновения отношения принадлежности, т. е. как бы присвоения субъектом различных объектов (фигурок разной формы и цвета) при помощи использования слова-средства.

«Синкреты» у Выготского характеризуются тем, что здесь субъективное впечатление от объектов, а также близость в пространстве и времени становятся основанием включения выбранных объектов в группу с одним названием. Так происходит смешение, диффузия субъективного и объективного. Можно предположить, какое чувство к объекту сопровождает такое смешение. С одной стороны, поскольку субъективное не отделено от объективного, то оно не может быть отрефлектировано, оценено. С другой стороны, объективному приписывается субъективный элемент. Поэтому здесь должна возникать как бы априорная уверенность во власти над объектом, в котором есть что-то не физическое, не объективное (т. е. — как бы «магическое»). Это своего рода чувство «магического» всеисилия, беспричинной самоуверенности.

Но самоуверенность, причем как бы априорная, очевидно присутствует в составе чувства собственности.

«Комплексы» — это результат такого квазиобобщения, в котором субъект подбирает и включает элементы в группу не по общему от-

влеченному признаку, а по конкретным ситуативным связям. Выготский различает два типа комплексов: комплексы-ассоциации и комплексы-коллекции.

Комплексы-ассоциации – это результат подбирания элементов-предметов по ассоциативным связям с одним, центральным элементом. Происходит собирание всех элементов вокруг центрального, причем хотя они увязываются с ним по разным свойствам, он остается в центре, все элементы от него зависят. Это комплекс элементов, зависимых от одного центрального, который, таким образом, оказывается точкой их собирания (сбережения).

Собирание, сбережение, оберегание – также компонент чувства собственности.

Другой тип комплексов, комплексы-коллекции – результат подбора элементов через как бы исчерпывание вариантов. Здесь каждый новый элемент подбирается или как дополнение к предыдущему, или как альтернатива ему. В обоих случаях здесь принцип соединения элементов – расширение, «экспансия».

Экспансия – тоже компонент чувства собственности.

Таким образом, вероятные сопровождения неразвитых форм общения – чувства самоуверенности, оберегания и экспансии – наблюдаются и в чувстве собственности, в его составе. Более того, эти компоненты близки трем компонентам чувства собственности, которые можно выделить в нем феноменологически: мессианизм, жалость, агрессия (Яновский, Чуканов, 2018). Немаловажно, что эти же три эмоциональные составляющие воплощены в основе «Драматическом треугольнике» С. Карпмана: Спаситель–Жертва–Преследователь. Это может означать, что чувство собственности – «генератор» игрового (в берновском смысле) поведения.

Игровое социальное поведение иначе можно назвать псевдодеятельностью (Яновский и др., 2022). Тогда можно ли считать чувство собственности псевдодеятельностным феноменом?

В целом псевдодеятельность – явление, которое может возникать на основе имитации «рабочих» установок субъекта по отношению к тем или иным сторонам реальной деятельности, например: важная для продуктивной деятельности установка ответственности может имитироваться утверждением своей зависимости от чего-то и т. п. (там же).

Можно вывести как минимум четыре компонента деятельности, и по отношению к ним в случае реального осуществления деятельности актуализируются «рабочие» субъектные установки. Они таковы.

Цель ↔ ответственность.

Средство ↔ компетентность.

Процесс ↔ функциональность.

Результат ↔ контролирование (Яновский и др., 2022).

Псевдодеятельность возникает на основе имитации «рабочих» установок. И в таких имитациях легко усматриваются проявления чувства собственности.

Так, ответственность имитируется утверждением своей зависимости от чего-то (другого человека, обстоятельства и т. п.). По сути, это реализация мысленного привязывания, как бы проецирования себя в то, от чего зависишь. Но такое мысленное вкладывание своей проекции в объект, как мы фиксировали выше – когнитивная основа чувства собственности.

Компетентность имитируется посредством создания образа как бы очень ценного средства и возможности его использования. По сути, так тоже осуществляется мысленное вкладывание себя в этот образ сверхценности, что позволяет соотносить эту имитацию опять-таки с чувством собственности.

Функциональность имитируется вкладыванием себя в образ как бы включенного в определенным способом организованный процесс деятельности, с каким-то гарантированным результатом. Отметим, что в итоге здесь происходит отстройка от себя ради присвоения (т. е. чувства собственности) некой возможной выгоды.

Контролирование результата деятельности имитируется захватом – т. е. присвоением – чужого, потому что так создается иллюзия заведомого контроля над всем. Присвоение – очевидное проявление чувства собственности.

Таким образом, и формы имитации основных деятельностных установок приводят к формированию чувства собственности. Значит, чувство собственности может считаться явлением псевдодеятельностным по своей сути.

Итак, в целом можно сделать вывод, что чувство собственности теоретически может быть связанным на когнитивном уровне – с определенной потерей человеком связи с внешней и внутренней реальностью, отчуждения от нее, с возможностью определенной деградации мышления к допонятийному уровню, на социальном уровне – с продуцированием различных форм имитационного поведения – псевдодеятельности.

Литература

Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.

Гегель Г. В. Ф. Философия права / Пер. с нем., ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990.

Карнышев А. Д., Бурменко Т. Д., Иванова Е. А. Человек и собственность: Учеб. пособие. Иркутск: БГУЭП, 2006.

Яновский М. И., Борисов Н. А., Кузнецов Ю. М. О психологических механизмах, создающих характер человека // Психология и психотехника. 2022. № 4. С. 73–88.

Яновский М. И., Чуканов Е. В. Феномен собственности как возможная причина актуализации элементов эгоцентрического мышления: к постановке проблемы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Психология». 2018. № 2 (24). С. 32–46.

**ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ
ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО
И КОЛЛЕКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Универсальная топология описания активности популяций специализированных нейронов*

И. О. Александров (ИП РАН, Москва),

Н. Е. Максимова (ИП РАН, Москва)

Показано соответствие геометрических моделей пространства активности нейронов лимбической коры, специализированных относительно актов сложного пищедобывательного поведения кроликов (собственные данные авторов) и нейронов энторинальной коры крыс, специализированных относительно локальных областей пространства («grid neurons») (Gardner et al., 2022). Трехмерные отображения шести-мерных облаков сравниваемых популяций нейронов имеют торообразную форму. Торическая топология облаков допускает непланарный принцип организации, который может обеспечивать координацию конкурирующих подмножеств активных нейронов.

Ключевые слова: специализация нейронов, топология, торическая организация, непланарность.

Цель данного сообщения – оценка возможности применения непланарной торической топологии как универсального принципа организации активности популяций специализированных нейронов.

Для этого будут сопоставлены результаты двух вариантов применения такой топологии в исследовании нейрональной активности. Один из этих вариантов представлен в работах Гарднера и соавт. и Гуанеллы и соавт., а другой – в ряде отечественных работ (Александров, 2006; Горкин, Шевченко, 1995; Максимова и др., 2019; Gardner et al., 2022, Guanella et al., 2007).

В варианте № 1 применение топологии тора к описанию активности нейронов было инициировано в работе (Guanella et al., 2007) для того, чтобы отобразить плоскую регулярную треугольную решетку окружающего пространства на популяцию нейронов медиальной энторинальной коры (у крыс), фиксирующих пространственное

* Исследование проводилось в соответствии с Госзаданием № 0138-2023-0002.

положение животных относительно элементов этой решетки. Торическая проекция допускает равномерное покрытие стандартными треугольниками и как безграничная поверхность, обеспечивает непрерывность перемещения фокуса активности в популяции нейронов (Guanella et al., 2007, p. 232–233). В работе Гарднера и соавт. для построения торической топологии нейронов применены иные алгоритмы, в частности, это было не плоскостная проекция пространственной решетки с размещением на ней абстрактных нейронов (Gardner et al., 2022). В той же работе на основании характеристик активности (частоты разрядов) нейронов, специализированных относительно пространственной решетки, фиксирующей положение животного (grid cells), было реконструировано 6-мерное пространство, в котором активность популяции нейронов описывалась как множество с тороидальной топологией. Облако занимало объем тора, а не распределялось по его поверхности, как это предполагалось Гуанеллой и соавт.; авторы подчеркивают, что двумерное пространство не характеризуется торической топологией (Gardner et al., 2022, p. 5; Guanella et al., 2007). Торическая топология построенного облака была показана при помощи анализа матриц расстояний между точками облака и визуально ярко выраженным отверстием тора. На торе была определена гексагональная симметрия отображения карты пространства, а не треугольная, как это предполагалось в работе Гуанеллы и соавт. (Guanella et al., 2007). Показана стабильность тороидальной организации популяции нейронов, сохраняющейся у животных даже в состоянии сна. Авторы подчеркивают, что единообразие и устойчивость тороидальной структуры позволяет предполагать, что искажения паттерна решетки происходит, скорее, при отображении физического пространства в тороидальную решетку, чем в решеточном коде тора (Gardner et al., 2022, p. 5).

В варианте № 2 торическая организация была впервые выявлена как универсальное решение стратегической задачи «Ход шахматного коня» (модифицированная методика Я. А. Пономарева), примененной для оценки способности оперировать абстракциями. Для перемещения виртуальной фигуры коня по виртуальному игровому полю в соответствии с требованиями 48 задач возрастающей сложности существует универсальный алгоритм, предполагающий возможность перемещать фигуру по полю, придерживаясь торической непланарной траектории (Максимова и др., 2019). Лица, использующие такую стратегию, решают задачи быстро и безошибочно. Установлено,

что психологические структуры, формирующиеся у них в различных предметных областях, содержат торические непланарные образования. Для диагностики торической топологии локальных областей психологической структуры была применена теорема Понтрягина – Куратовского, позволяющая доказать непланарность организации связей в структуре, которая необходимо указывает на ее торичность. Согласно этой теореме, граф является непланарным, если в его состав включен граф $K_{3,3}$ или K_5 . Заметим, что топология тора лишь допускает непланарность связей объектов, размещенных на торе. Торичность является необходимым, но недостаточным условием непланарности, но непланарность – необходимое и достаточное условие торичности. Показано, что в графы, описывающие психологические структуры, входят непланарные графы $K_{3,3}$ или K_5 .

Поскольку было установлено, что торическая непланарная организация характерна для психологической структуры, образованной взаимодействующими компонентами, и установлено, что субстрат компонентов – группы специализированных нейронов, проверяли гипотезу о присутствии торической организации в активности специализированных нейронов.

Анализировали активность 483 нейронов лимбической коры, зарегистрированных у 11 кроликов, обученных выполнять сложное пищедобывательное поведение в двух симметричных циклах на двух сторонах клетки, включающих нажатие на педаль для получения порции пищи в кормушке. В каждом цикле было выделено по 5 поведенческих актов (Горкин, Шевченко, 1995). Матрицу оценок частоты спайковой активности нейронов в 10 актах (483 строки и 10 столбцов) кластеризовали (иерархический кластерный анализ, Within-group linkage, квадрат евклидова расстояния), выделено 19 кластеров. Десять из этих кластеров соответствуют группам нейронов, специализированным относительно 10 актов двух симметричных циклов, а девять кластеров соответствуют субспециализациям, которые обеспечивают взаимодействия этих групп (Александров, 2006). Для этой же матрицы строили геометрическую модель пространства активности нейронов (процедура многомерного шкалирования Proxscal) (Александров, 2006). В трехмерном отображении облака нейронов в построенном 6-мерном пространстве (как и в работе Гарднера и соавт.) была выявлена торическая форма облака: в его центре точки, представляющие нейроны, отсутствуют (Gardner et al., 2022). Статистическое сравнение плотности различных частей обла-

ка (разбитого в данной проекции на равные по площади квадраты, содержащие от 0 до 11 нейронов) показало, что по векторам, направленным из центра облака (4 квадрата с плотностью 0) по 8 направлениям, плотность облака возрастает. Оценка изменения плотности сечения облака при удалении от центральной зоны с нулевой плотностью: квадратичный полином, при введении в аппроксимацию центральной зоны; $R^2_{adj}=0,239$; $df=2$; $F=7,12$; $p=0,002$. Исключение из модели центральной зоны подчеркивает кольцевую выпуклость облака, окружающего центр: $R^2_{adj}=0,742$; $df=2$; $F=47,07$; $p=0,001$. Приведенные оценки показывают, что в проекциях облака выделяется центральное отверстие, а окружающие его точки образуют кольцо с круглым сечением, т. е. открытый тор.

На непланарность организации торического облака нейронов, специализированных относительно актов пищедобывательного поведения, организованных в два цикла, указывает возможность описания его структуры как графа Куратовского $K3,3$. Этот граф – двудольный, он содержит две симметричные доли, соответствующие специализациям относительно актов, составляющих два цикла этого поведения. Вершины каждой доли графа представляют группы нейронов, специализированных относительно поведенческих актов двух циклов. Таким образом, организация облака групп нейронов, обладающих специализациями относительно поведенческих актов двух циклов пищедобывательного поведения и субспециализациями относительно последовательности и совместимости/альтернативности этих актов (Александров, 2006), торична и непланарна.

Отметим соответствие результатов двух реконструкций торической топологии организации активности популяций нейронов – представленных в данной работе (по материалам ряда работ: Александров, 2006; Горкин, Шевченко, 1995; Максимова и др., 2019) и в публикации Гарднера и соавт. (Gardner et al., 2022). В двух сравниваемых моделях единицы, образующие топологию тора, – нейроны с определенными специализациями. В данном исследовании – нейроны специализированы относительно поведенческих актов и образуют компоненты психологической структуры (субспециализации фиксируют модели взаимодействий между компонентами). В работе Гарднера и соавт. указывается на специализацию нейронов относительно организации окружающего пространства, что содержательно восходит к феноменологии «нейронов места» (ibid.). Выявленное топологическое соответствие двух реконструкций, позволяет предполагать универсальный характер торической топологии организации нейрональ-

ной активности в поведении.

Если в данном исследовании приведены определенные указания на непланарность организации торического облака, то в работе Гарднера и соавт. его торичность строго доказана, но непланарная топология принята «по умолчанию», причем приемы формирования «планарной репрезентации» тора описаны подробно в специальном разделе статьи (*ibid.*).

Представляется, что непланарность организации торического облака, диагностированная по включению в его структуру двудольного графа $K_{3,3}$ имеет особенно важное значение. Именно такое сочетание торичности и двудольной непланарности может служить объяснением возможности координации активности конкурентных и даже несовместимых групп нейронов. В рассмотренном случае это группы нейронов, специализированные относительно симметричных актов двух циклов пищедобывательного поведения, которые обладают высокой степенью сходства, общностью происхождения, но не могут быть реализованы одновременно и требуют общей для двух оппонентных циклов скоординированной организации.

Литература

- Александров И. О.* Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Горкин А. Г., Шевченко Д. Г.* Различия в активности нейронов лимбической коры кроликов при разных стратегиях обучения // Журнал высшей нервной деятельности 1995. Т. 45. № 1. С. 90–100.
- Максимова Н. Е., Александров И. О., Заварнова Ю. А., Свиридов В. С., Турубар Д. С.* Дифференциация и организация психологических структур при взаимодействии индивида с новыми предметными областями. Ч. I. Свойства аутореплицирующихся структур и их операционализация // Психологический журнал 2019. Т. 40. № 1 С. 15–27. Ч. II. Эмпирические доказательства существования аутореплицирующихся структур // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2 С. 47–65.
- Gardner R. J., Hermansen E., Pachitariu M., Burak Y., Baas N. A., Dunn B. A., Moser E. I.* Toroidal topology of population activity in grid cells // Nature. 2022. V. 602. № 7895. P. 123–128. doi: 10.1038/s41586-021-04268-7.
- Guanella A., Kiper D., Verschure P.* A model of grid cells based on a twisted torus topology // International Journal of Neural Systems. 2007. V. 17. № 4. P. 231–240.

Пейсмекеры тела*

Т. Н. Греченко (ИП РАН, Москва)

Пейсмекеры живой природы возникли в результате длительного и взаимного влияния ритмических процессов в окружающей среде. У древнейших микроорганизмов пейсмекеры проявляются в виде электрических осцилляций. Электрические характеристики осцилляций всех живых существ сформировались в ходе эволюции и являются своеобразной биологической постоянной. Обсуждается взаимодействие пейсмекеров мозга и микробиоты.

Ключевые слова: пейсмекер, микробиота, мозг, взаимодействие.

Пейсмекеры – автоколебания различных процессов, функции которых в жизни живого организма чрезвычайно разнообразны. Проявляясь в виде осцилляторов разной природы – химических превращений, электрической активности, пейсмекеры осуществляют интеграцию организма в гармонично функционирующее целое, регулируя жизнь животных и растений через систему взаимосвязанных ритмов. Имеют ли эти ритмы независимые источники происхождения со своей собственной локализацией, или же они являются результатом взаимодействия множества параллельно протекающих во всем организме активностей – это проблемы многих экспериментальных исследований и теоретического анализа. Возникновение ритмических процессов связано с особенностями жизни Вселенной, эти процессы отражают многие происходившие явления еще до появления первых живых организмов на уровне реакций различных веществ. Химический осциллятор представляет собой сложную смесь реагирования химических соединений, в которой концентрация одного или нескольких компонентов демонстрирует периодические изменения.

Информация о колебательных химических реакциях накапливалась с середины XIX века. Самые ранние научные доказательства того, что реакции могут колебаться, были встречены с недоверием, но в дальнейшем исследования именно в этой области изменили

* Работа выполнена по Госзаданию № 0138-2023-0002.

место химии в системе естественных наук. Уже первые протобионты, появившиеся почти 4 млрд. лет назад, в своих жизненных циклах отразили повторяющиеся явления, происходящие в окружающей неживой природе. Ритмические циклы метаболизма и поведения имели колоссальное значение как для выживания, так и для дальнейшего совершенствования взаимодействия с внешним миром. Ритмическая смена природных событий на протяжении многовековой эволюции природы приобрела информационное значение для живых существ, что сопровождалось формированием регуляторных механизмов, контролировавших гомеостазис в различных условиях.

Экспериментальное изучение биологического пейсмекера прошло длинный путь от доказательств существования его эндогенного происхождения и определяющей роли в генерации ритмов до выявления распространенности во всем царстве живых объектов. Исследования показывают наличие пейсмекерной активности во многих отделах ЦНС. На изолированных нейронах, извлеченных из различных структур мозга позвоночных животных, получены результаты, доказывающие существование авторитмичной активности. В опытах на культивируемых клетках идентифицирован пейсмекер у нейронов супрахиазмального ядра, мозжечка, верхних олив. Пейсмекеры включаются во время клеточной дифференциации, их появление в зиготе знаменует начало развития новой жизни.

Опыты на срезах мозга показали, что пирамидные нейроны глубоких слоев сенсорной коры способны к независимым осцилляциям. Неокортекс спонтанно активен, и этот факт доказан многими исследователями. Отдельные генераторы альфа-ритма расположены во внешних, гранулярных и глубоких слоях, содержащих первичные локальные пейсмекерные генераторы. Показано, что альфа-осцилляции в латеральном коленчатом теле когерентны исходящим из слоя зрительной коры VI. У млекопитающих осцилляции возникают не только в зрительной, но и в зрительно-моторной системе. Среди задач, которые решают пейсмекерные нейроны, можно выделить, по меньшей мере, следующие: командные нейроны, нейроны-часы, интернейроны, нейроны-генераторы ритмов функционального состояния (Греченко и др., 2015).

Критичными для понимания роли пейсмекерной активности в жизни живых существ являются результаты опытов на микроорганизмах: цианобактериях, сенных палочках, клетках дрожжей, социальных амебах. Полевые потенциалы, зарегистрированные ма-

кроэлектрдами, имели локализацию пиков активности на частотах, характерных для альфа-, дельта-, бета-диапазонов, известных по исследованиям ЭЭГ человека и высших животных: частоты от 0,5 до 40 Гц (Греченко и др., 2015). Многие виды микроорганизмов являются необходимыми участниками всех процессов, происходящих в теле живого организма. Становится очевидным, что микробы, имеющиеся в огромных количествах в теле каждого живого существа (у взрослого человека около 4 кг), участвуют в работе всех органов и систем, включая ЦНС. В настоящее время наиболее интенсивные исследования проводятся для изучения взаимодействия кишечной микробиоты и мозга. Растущее количество данных указывает на то, что сообщество микроорганизмов по всему желудочно-кишечному тракту связано с регулированием функций мозга. Концепция важной роли кишечной микробиоты в состоянии здоровья возникла из результатов многочисленных исследований на животных-гнотобионтах (животных, выращенных в стерильных условиях) и получила свое развитие в экспериментальных и клинических исследованиях человека. Впервые именно в сравнении с животными, выращенными в нормальных условиях, было выявлено изменение поведения и реакции на стресс. Появились данные о том, что кишечная микробиота играет важную роль в бидирекциональной коммуникации между кишечником и мозгом. Имеется в виду, что микробиота может определять развитие нейронов, влиять на нейротрансмиттерную передачу и вызывать изменения поведения, тем самым участвуя в патогенезе и прогрессе многих условий, связанных с нейроразвитием (Нетребенко, 2015). Эта ось взаимовлияний включает патофизиологию нейрорпсихических и неврологических расстройств, включая депрессии, тревожность, шизофрению, аутизм (Socafá et al., 2021).

Изменения функции ЦНС могут вызывать нарушения состояния кишечной микробиоты. Так, наличие стресса приводит к целому ряду физиологических процессов, направленных на поддержание гомеостаза, но может неблагоприятно влиять на жизнь микробного сообщества организма. Исследования показывают, что дисбактериоз кишечника является одной из основных причин дисбаланса в работе мозга: например, у людей с аутизмом часто обнаруживается дисбактериоз кишечника, который может ухудшить память и другие функции мозга. Это фактор, повышающий риск болезни Альцгеймера и других типов деменции. Дисбактериоз кишечника также связан с когнитивными проблемами при болезни Паркинсона.

Механизмы передачи сигналов по оси мозг – микробиота сложны и включают двусторонние связи, которые позволяют кишечным микробам связываться с мозгом, а мозгу – с микробами. Связь микробиоты с ЦНС осуществляется при участии автономной нервной системы, а именно по гипоталамо-гипофизарно-адреналовой оси. Автономная нервная система посредством симпатических и парасимпатических ветвей передает сигналы из просвета кишечника в ЦНС. Другой важный путь коммуникации – через блуждающий нерв. Накопленные данные показывают, что кишечная микробиота взаимодействует с ЦНС через нервные, эндокринные и иммунные пути – и тем самым влияет на функции мозга и поведение (Сгуан, Динан, 2012). Микробиота кишечника синтезирует гамма-аминомасляную кислоту (ГАМК), триптофан (5-гидрокситриптамин – 5-НТ), мелатонин, гистамин, ацетилхолин (ACh), норэпинефрин и дофамин. Влияние микробов кишечника является важной движущей силой в модулировании метаболизма триптофана. Показана роль метаболизма незаменимой аминокислоты триптофана в модуляции функции мозга микробиотой. Трибутирин, метаболический предшественник веществ микрофлоры тонкого кишечника, повышает электрическую активность верхних отделов тонкой кишки (Тропская и др., 2017). Нормальная колонизация кишечника и здоровая микробиота необходимы для стимулирования пластичного развития мозга. Еще в начале XX в. Мечников предположил, что дисбаланс между различными бактериальными популяциями, составляющими микробиоту, может иметь последствия для здоровья и влиять на продолжительность жизни. Таким образом, кишечная микробиота существенным образом влияет на развитие мозга, а ее нарушения приводят к ряду заболеваний ЦНС.

Литература

- Греченко Т. Н., Харитонов А. Н., Жегалло А. В., Александров Ю. И. Психфизиологический анализ осцилляторных процессов в поведении биосоциальных систем // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 78–86.
- Нетребенко О. К. Кишечная микробиота и мозг: обоюдное влияние и взаимодействие // Педиатрия. 2015. Т. 94. № 6. С. 134–140.
- Тропская Н. С., Кислякова Е. А., Попова Т. С. Участие метаболитов микрофлоры в механизмах стимуляции электрической активности

тонкой кишки крыс // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 2017. Т. 163. С. 796–800.

Cryan J. F., Dinan T. G. Mind-altering microorganisms: the impact of the gut microbiota on brain and behavior // *Nature Reviews Neuroscience*. 2012. V. 13. № 10. P. 701–712. doi: 10.1038/nrn3346

Socata K., Doboszewska U., Szopa A., Serefko A., Włodarczyk M., Zielińska A., Poleszak E., Fichna J., Wlaż P. The role of microbiota-gut-brain axis in neuropsychiatric and neurological disorders // *Pharmacological Research*. 2021. V. 172. P. 105840. doi: 10.1016/j.phrs.2021.105840

Сенсомоторные тесты и исполнительные функции у школьников

В. Л. Ефимова (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург),
Е. И. Николаева (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург),
О. А. Дружинин (ООО «Smart Ergogym», Ташкент)

В исследовании приняли участие 611 детей 7–17 лет. Исследовались показатели аппаратных сенсомоторных тестов. Высказывается предположение, что результаты отражают уровень функциональной зрелости структур мозга и внутренних связей, обеспечивающих «executive functions» (исполнительные функции). Результаты некоторых тестов статистически связаны с академической успеваемостью школьников. Наиболее чувствительными для предсказания успешности детей в обучении оказались сложные сенсомоторные тесты с динамической составляющей и дистракторами. Предлагается использовать такие тесты для прогноза успешности или неуспешности детей в обучении с целью создания оптимального образовательного маршрута для каждого ребенка.

Ключевые слова: сенсомоторные тесты, дети, исполнительные функции, тормозный контроль, рабочая память, когнитивная гибкость, успешность в обучении.

Последние десятилетия в психологической литературе получила широкое распространение концепция «executive functions». Этот термин может переводиться как исполнительные функции, функции управления поведением, функции когнитивного контроля, центральное управление поведением и др. Разные авторы включают в исполнительные функции три параметра: тормозный контроль, рабочая память, когнитивная гибкость. Чаще всего для оценки исполнительных функций используются достаточно трудоемкие психологические тесты (Николаева, Вергунов, 2017).

Известно, что управление поведением человека осуществляется параллельно на корковом и подкорковом уровнях. Однако традиционно считалось, что исполнительные функции обеспечиваются

префронтальными областями коры мозга. В последние годы показано, что в этом процессе участвуют и подкорковые структуры, которые также вносят важный вклад в организацию поведения человека, в том числе и в решение когнитивных задач (Koziol, 2013).

Концепция «executive functions» актуальна как для изучения поведения взрослых, так и детей. Успешность ребенка в обучении во многом определяется не уровнем развития интеллекта, а тормозным контролем, рабочей памятью и когнитивной гибкостью. Функциональное созревание мозга детей еще не завершено, поэтому мы предположили, что результаты определенных сенсомоторных тестов могут быть связаны с динамикой функционального созревания мозга и отражать уровень сформированности исполнительных функций.

Поскольку регуляция сенсомоторных реакций подкорковыми структурами осуществляется в миллисекундном диапазоне, исследование целесообразно проводить с помощью аппаратных методов диагностики, позволяющих провести точные измерения. Показано, что результаты сенсомоторных тестов соотносятся с результатами оценки исполнительных функций традиционными методами (Willoughby et al., 2020).

Хотя опубликовано достаточно много исследований, посвященных сенсомоторным тестам, возрастная динамика показателей этих тестов у современных детей изучена недостаточно.

Цель исследования: оценка возрастной динамики успешности выполнения сенсомоторных тестов детьми 7–17 лет.

Методика

Использовали батарею сенсомоторных тестов, реализованных в специализированном аппаратно-программном комплексе профессионального экспертного уровня УПФТ-1/30-«Психофизиолог» (производства научно-производственно-конструкторской фирмы «Медиком», Россия). Проводимые тесты можно разделить на две группы: простые и сложные сенсомоторные реакции. Простые реакции требуют максимально быстрого моторного ответа на слуховой или зрительный стимул. Сложные реакции, в свою очередь, также подразделяются на две два уровня сложности. Уровень 1: испытуемый сначала анализирует поступающий стимул, затем выбирает определенное

действие или бездействие, в соответствии с инструкцией. Уровень 2: задача усложняется, так как в пробах присутствуют помехи или динамическая составляющая.

В исследовании приняли участие 611 учащихся школ Санкт-Петербурга, возраст – от 7 до 17 лет. Участие в исследовании проводилось с письменного согласия родителей. Родители и классные руководители также заполняли анкету, направленную на выявление особенностей исполнительных функций у детей. На втором этапе исследования была проведена оценка связей между результатами сенсомоторных тестов и академической успеваемостью детей.

Проводился факторный и регрессионный анализ данных.

Результаты

Проведенное исследование позволило выявить определенные возрастные и гендерные закономерности в результатах выполнения детьми сенсомоторных тестов. В целом время реакции в простых сенсомоторных пробах уменьшалось до 15 лет, вместе с тем уменьшалось и количество ошибок. В большинстве простых проб мальчики оказались успешнее, чем девочки. После 15 лет время реакции и точность в простых пробах значимо не менялись. Можно предположить, что это связано с тем, что к этому возрасту заканчивается функциональное созревание мозжечка и базальных ганглиев (Ефимова, Дружинин, 2022).

Дальнейшие изменения показателей касались результатов сложных сенсомоторных тестов. В результатах прослеживалась выраженная индивидуальная вариативность. Это может свидетельствовать о том, что сложные тесты моделируют ситуации, близкие к учебной деятельности с участием тормозного контроля, рабочей памяти и когнитивной гибкости (Ефимова и др., 2023).

Нам удалось показать, что результаты сложных сенсомоторных тестов отражают не только уровень функциональной зрелости нервной системы, но и индивидуальные способности ребенка. Вторым этапом работы было сравнение результатов тестов с академической успеваемостью детей. Статистически значимые связи выявлены только по итогам самых сложных тестов, особенно с динамической составляющей. Не выявлена связь результатов простых сенсомоторных тестов с академической успеваемостью.

Выводы

Преимуществом данной методики является применение программно-аппаратных комплексов для проведения сенсомоторных тестов, которые в короткие сроки позволяют проводить исследования большого количества детей непосредственно в самих школах и детских садах.

Сложные сенсомоторные тесты можно использовать для комплексного прогнозирования как успешности в обучении, так и трудностей в обучении, особенно для младших школьников.

Результаты тестов старших и младших школьников позволят прогнозировать трудности в обучении до того, как эти трудности проявятся в учебном процессе. Появляется возможность выявлять группы риска и классифицировать их по степени предполагаемых трудностей.

Для учеников 2–4 классов возможна разработка оптимального индивидуального плана обучения, которая будет учитывать выявленные особенности работы нервной системы конкретного ребенка.

Литература

- Ефимова В. Л., Дружинин О. А.* Простые сенсомоторные реакции и исполнительные функции // Вестник психофизиологии. 2022. № 4 С. 108–114.
- Ефимова В. Л., Николаева Е. И., Дружинин О. А., Мазурова И. С.* Использование сложной сенсомоторной реакции для прогноза успеваемости в школе // Психология и Психотехника. 2023. № 1. С. 1–11.
- Николаева Е. И., Вергунов Е. Г.* Что такое «executive functions» и их развитие в онтогенезе // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 62–81.
- Koziol L. F., Lutz J. T.* From movement to thought: the development of executive function // Applied Neuropsychology. Child. 2013. V. 2. № 2. P. 104–115. doi: 10.1080/21622965.2013.748386
- Willoughby M., Hong Y., Hudson K., Wylie A.* Between- and within-person contributions of simple reaction time to executive function skills in early childhood // Journal of Experimental Child Psychology. 2020. V. 192. P. 104779. doi: 10.1016/j.jecp.2019.104779

Особенности исполнительных функций у людей, принимающих различные типы психоактивных веществ

П. В. Ивашина (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург)

Цель исследования – описать особенности исполнительных функций у лиц с длительным опытом употребления наркотиков. В исследовании приняли участие 232 чел., 82 чел. в возрасте 34,7 лет, не имеющие опыта употребления психоактивных веществ, 150 чел. в возрасте 35,6 лет, имеющих длительный опыт употребления психоактивных веществ. Объем рабочей памяти оценивали с помощью методики О. М. Разумниковой. Проактивная интерференция максимально снижена у тех, кто употребляет опиоиды. Наркотическая зависимость связана со снижением объема рабочей памяти, интенсивностью интерференции и слабостью обучения в процессе воспроизведения. Тормозный контроль в обеих исследуемых группах зависит от возраста.

Ключевые слова: рабочая память, тормозный контроль, аддикция, склонность к аддиктивному поведению.

В настоящее время зависимость от биологически активных веществ рассматривается как значимая причина недееспособности людей работоспособного возраста, что требует поиска эффективных методик профилактики данного расстройства (Domínguez-Salas et al., 2016). Все модели, описывающие причины возникновения заболевания, в той или иной мере выделяют исполнительные функции и отсутствие тормозного контроля как важнейшую причину формирования зависимости (Lechner et al., 2019). Исполнительные функции – это функции, которые включаются в тот момент, когда человек хочет изменить свое поведение (Николаева, Вергунов, 2017). Основными считаются тормозный контроль и рабочая память. Выявление особенностей исполнительных функций, с этой точки зрения, представляется значимым для разработки программ профилактики зависимости. Это и определило цель данного исследования: изучить особенности исполнительных функций у людей, принимающих психоактивные вещества.

Описание выборки. В исследовании приняли участие 232 чел., среди них 150 – пациенты реабилитационного центра, находящиеся на реабилитационной программе, и 82 – не употребляющие психоактивные вещества участники. В экспериментальную группу вошли участники, имеющие диагноз при поступлении в стационар: алкоголь – f.10.2..., 47 чел.; опиоиды – f11.2..., 25 чел.; стимуляторы – f15.2..., 31 чел.; несколько типов психоактивных веществ – f.19.2..., 43 чел.; седативные препараты – f13.2..., 4 чел.

Средний возраст испытуемых контрольной группы – 34,7 лет, экспериментальной – 35,6. Женщин в контрольной группе – 39 чел. (48%), мужчин – 43 чел. (52%), в экспериментальной – 59 чел. (39%) и 91 чел. (61%), соответственно.

Длительность употребления (стаж) контрольной группы – 17 лет. Средний возраст начала употребления – 17 лет.

Объем рабочей памяти оценивали с помощью методики О. М. Разумниковой (Разумникова, Николаева, 2019); тормозный контроль изучался в парадигме простой и сложной сенсомоторных реакций (Вергунов и др., 2018). В рамках простой сенсомоторной реакции выработывали некоторое действие, которое позднее частично запрещалось в рамках сложной сенсомоторной реакции. Оценивалось число ошибочных реакций, когда испытуемый реагировал на запрещенный сигнал, на который ранее ему предлагалось реагировать.

Результаты и их обсуждение

При оценке рабочей памяти испытуемых рассматривали два возможных механизма рабочей памяти: проактивную интерференцию и обучение в процессе воспроизведения. Оказалось, что наиболее резкое снижение объема рабочей памяти обнаружилось у лиц, которые употребляли сразу несколько психоактивных веществ.

В рамках рабочей памяти ухудшение воспроизведения от одной попытки к другой происходит за счет механизма проактивной интерференции. У этих же испытуемых отмечалось отсутствие обучения в процессе воспроизведения в рабочей памяти. При нормативном развитии испытуемый, обнаружив, что ему мешает воспроизвести информацию в данной попытке информация, которую он выучил ранее, начинает активно искать способ преодоления проблемы. Если он успешен в этом процессе (т. е. смог преодолеть влияние более ранней информации), то можно обнаружить, что он с каждым разом начина-

ет воспроизводить все больше информации. В нашем исследовании испытуемые, употребляющие несколько препаратов, не обнаруживают этого механизма обучения.

Вторым значимым результатом стало снижение тормозного контроля в данной группе. Это обнаруживалось по увеличению числа ошибочных реакций.

В рамках регрессионного анализа оказалось, что ухудшение показателей двух методик связано с возрастом: чем старше человек, тем выраженнее были изменения.

Стоит отметить, что в нашей работе были исследованы люди, которые употребляли препараты много лет. Они могут выполнять сложные действия в начале исследования, но слишком быстро устают, что проявляется в резком снижении эффективной активности.

Выводы

1. Заметное значимое снижение механизма рабочей памяти обучения как следствие воспроизведения отмечено только в группе аддиктов, применяющих различные препараты.
2. У испытуемых, длительно употребляющих несколько наркотических веществ, с большей вероятностью имеются более низкие показатели тормозного контроля.
3. Чем старше аддикт, тем более выражены изменения в рабочей памяти и тормозном контроле.

Литература

- Вергунов Е. Г., Николаева Е. И., Балиоз Н. В., Кривощёков С. Г.* Латеральные предпочтения как возможные фенотипические предикторы резервов сердечно-сосудистой системы и особенности сенсомоторной интеграции у альпинистов // Физиология человека. 2018. Т. 44. № 3. С. 1–12. doi: 10.7868/S0131164618030116
- Николаева Е. И., Вергунов Е. Г.* Что такое «executive functions» и их развитие в онтогенезе // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 62–81.
- Разумникова О. М., Николаева Е. И.* Возрастные особенности тормозного контроля и проактивная интерференция при запоминании зрительной информации // Вопросы психологии. 2019. № 2. С. 124–132.

- Domínguez-Salas S., Díaz-Batanero C., Lozano-Rojas O. M., Verdejo-García A.* Impact of general cognition and executive function deficits on addiction treatment outcomes: Systematic review and discussion of neurocognitive pathways // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2016. V. 71. P. 772–801. doi: 10.1016/j.neubiorev.2016.09.030.
- Lechner W. V., Sidhu N. K., Kittaneh A. A., Anand A.* Interventions with potential to target executive function deficits in addiction: current state of the literature // *Current Opinion in Psychology*. 2019. V. 30. P. 24–28. doi: 10.1016/j.copsyc.2019.01.017

Зрительный контакт в индивидуальных стратегиях восприятия лицевых экспрессий: айтрекинг*

С. Б. Клумова (МГУ, Москва), Г. Я. Меньшикова (МГУ, Москва)

Для изучения зрительного контакта в стратегиях движений глаз при восприятии экспрессивных лиц было проведено исследование на 94 респондентах. Испытуемым предъявлялись фотографии лиц, и им предлагалось выбрать представленную эмоцию из заданного списка анкеты. В качестве показателей различий стратегий выступала зона первой фиксации – глаз или нос. По данному критерию мы получили значимые различия для группы высокой и низкой социальной тревожности – более тревожные люди первым делом смотрели на глаза. Это согласуется с данными клинической и социальной психологии о том, что тревожные люди склонны неосознанно обращать внимание первым делом на те места сцены, которые потенциально несут в себе угрозу, чтобы в дальнейшем избежать этих стимулов – такое поведение описывается как защитный механизм.

Ключевые слова: айтрекинг, восприятие лиц, фациопсихология, стратегии движения глаз.

В последние десятилетия тематика изучения человека по выражению его лица нашла широкое распространение. Считается, что представление о человеке у нас складывается столь же быстро, как категоризация лица как социально значимого объекта. Экспериментальная ситуация, когда испытуемого просят оценить состояние человека по фотоизображению, традиционна для психологии восприятия лиц. Современные данные указывают на то, что различие экспрессии происходит за первые две фиксации. Известно, что зрительное восприятие лиц имеет константные паттерны для разных наблюдателей. Интересно, что данные о местонахождении первой фиксации различны: так, в некоторых исследованиях доминирующей областью интереса, занимающей почетное место первой фиксации, оказывается переносица, тогда как в некоторых исследованиях указывается

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00474-П.

ведущая роль левого глаза в первых фиксациях. Мы полагаем, опираясь на современные труды исследователей, что с помощью технологии айтрекинга возможно отследить специфические проявления стратегии восприятия лиц и что полученные данные могут характеризовать индивидуальные паттерны движения глаз, а также что возможно по специфике стратегий движения глаз получить информацию о личностных характеристиках наблюдателя. Например, избегание прямого взора в зону глаз лица, с которым наблюдатель коммуницирует, может говорить об особенностях его социальной готовности к взаимодействию.

Наше исследование занимается нерешенным вопросом о том, проявляется ли избегание или наличие зрительного контакта в индивидуальных зрительных стратегиях восприятия лиц и связано ли это с личными чертами наблюдателя.

Целью нашего исследования является изучение зрительного контакта в стратегиях движений глаз при восприятии экспрессивных лиц.

Гипотеза: существуют различия в индивидуальных стратегиях движений глаз при восприятии экспрессивных лиц.

- 1) они различаются по наличию или отсутствию фиксаций в области глаз, отражающих поддержание зрительного контакта «глаза-в-глаза»;
- 2) они различаются у людей с разными уровнями социально-коммуникативных особенностей;

В данном исследовании была проведена выборка среди 94 респондентов, включающая 53 девушек и 41 юношу. Они должны были определить эмоциональное выражение лиц, которые появлялись на экране монитора в течение 2000 мс. Затем им предлагалось выбрать представленную эмоцию из заданного списка анкеты. Для этого использовались фотографии лиц из варшавской базы изображений лиц WSEFEP. Каждое из лиц выражало 6 базовых экспрессий по П. Экману (1999) и нейтральное выражение.

Для регистрации глазодвигательной активности использовалась аппаратура SMI iViewXTM RED-500 с частотой дискретизации 120 Гц и разрешением 0,1°. После этого испытуемые заполняли опросник социальной тревоги и социофобии ОСТИСФ. Для обработки данных использовались программы BeGaze, SPSS Statistics v. 23 и Origin.

Зависимыми переменными выступили маршрут перемещения взора по трем зонам интереса (глаза, нос и рот) за первые 2–3 фикса-

ции, длительность фиксаций в каждой из зон интереса и количество фиксаций в зоне глаз, а также баллы по уровню социальной тревоги. Мы предположили, что высокий уровень тревоги может быть связан с неосознанным избеганием зрительного контакта. Был проведен частотный анализ маршрутов фиксаций по лицу, корреляционный анализ, выбраны непараметрические критерии. В качестве показателей различий стратегий выступала зона первой фиксации — глаз или нос. По данному критерию мы получили значимые различия для группы высокой и низкой социальной тревожности — более тревожные люди первым делом смотрели на глаза. Это согласуется с данными клинической и социальной психологии о том, что тревожные люди склонны неосознанно обращать внимание первым делом на те места сцены, которые потенциально несут в себе угрозу, чтобы в дальнейшем избегать этих стимулов — такое поведение описывается как защитный механизм. Таким образом, основная гипотеза частично подтвердилась: мы выделили критерии стратегий движений глаз в процессе опознания лицевой экспрессии. Также подтвердилась гипотеза о различиях стратегий в зависимости наличия или отсутствия фиксаций в области глаз, отражающих поддержание зрительного контакта «глаза-в-глаза»; и мы также проверили гипотезу о том, что социально-коммуникативные особенности могут быть связаны с выделенными паттернами. Гипотеза требует дальнейшего изучения.

Литература

Ekman P. Basic emotions // Handbook of cognition and emotion / Eds T. Dalgleish, M. Power. Sussex, UK: John Wiley & Sons Ltd, 1999. P. 4–5.

Особенности восприятия и запоминания вандално нанесенных текстов*

О. В. Кружкова (УрГПУ, Екатеринбург)

Вандализм — распространенное и широко встречающееся в условиях городской среды явление. Одним из вариантов вандальных повреждений городской среды являются вандально нанесенные тексты различного содержания. Представленное в статье исследование направлено на выявление особенностей восприятия вандально нанесенных текстов и степени их запоминаемости после демонстрации на экране айтрекера в лабораторных условиях. В результате было выявлено, что наиболее запоминающимися являются тексты, содержащие элементы протеста (как политического, так и религиозного характера), а наименее запоминающимися оказались тексты с бинарной оппозицией «свои — чужие». При этом каждый тип текстов имеет свои особенности восприятия их респондентами, отраженными в тепловых картах и сценариях движения глаз.

Ключевые слова: вандализм, восприятие, вандально нанесенные тексты, айтрекинг, запоминание.

Вандальные повреждения городской среды — не редкость для большинства современных городов. Развитие систем видеонаблюдения, безусловно, снижает угрозу вандальных повреждений, но не искореняет ее. Вандализм принимает различные формы, иногда трудно отличимые от иных активностей горожан. Будучи несанкционированным преобразованием городской среды, вандализм зачастую пересекается с уличным искусством, гражданской протестной активностью, бытовой неаккуратностью, криминальным поведением. При этом привычно вандализм рассматривается как урон материальному состоянию городской среды, когда возможно рассчитать нанесенный прямой ущерб ее целостности, функциональности, эстетичности. Тем не менее, негативные эффекты вандализма этим не ограничиваются. Так,

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 23-28-01487.
URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01487>.

В. Г. Павлов указывает, что к негативным последствиям вандальных повреждений городской среды будут относиться подрыв института собственности, нарушение публичного порядка и дискредитация общественной нравственности (Павлов, 2014). Вместе с тем из поля зрения ученых практически полностью ускользает soft power потенциал вандализма. Вандально нанесенные изображения в людных местах города за время своего существования наблюдаются значительными массами людей, вандально нанесенные тексты произвольно, а часто неоднократно прочитываются, запоминаются, усваиваются.

Целью представленного исследования стало изучение особенностей восприятия и запоминания вандально нанесенных текстов представителями молодежи. Первоначально методом фотофиксирования был сформирован банк данных из 2000 фотографий вандально нанесенных текстов в городской среде Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Москвы. Из данного массива было отобрано 56 изображений, где были представлены осмысленные, легко читаемые тексты не торгового характера. Данные тексты прошли процедуру экспертной оценки (10 экспертов в области психологии, культурологии, лингвистики, чья профессиональная и научная деятельность связана с изучением и оценкой вандального поведения и его следов). Экспертам было предложено по 10-балльной шкале оценить наличие каждого из типов содержания вандально нанесенного текста:

- бинарная оппозиция «свои–чужие» – к данной группе относятся повреждения, в основе которых прослеживается наличие двух позиций. Бинарность может определяться многочисленными и разноплановыми аспектами. Разделение на группы «своих» и «чужих» может происходить на разных уровнях: социальном, политическом, этническом, религиозном, родственном;
- протест – в текстах обнаруживается проявление противопоставления чьим-либо действиям, взглядам своих взглядов, своей политики. Протест как реакция на актуальные общественные ситуации, как в поддержку, так и против конкретного события, факта, лица;
- философствования – графический вандализм, транслирующий рассуждения или разговоры на философские темы, в том числе экзистенциальные, побуждающий к размышлениям адресата;
- положительная и/или отрицательная мотивация – содержание надписей характеризуется побуждением к действию, зависящему от стимулов (импульсов): положительных или отрицательных;

- романтизация позиционирования – повреждения направлены на закрепление действия субкультуры в сознании адресата как чего-то идеализированного, имеющего место быть в контексте социума.

Проведенный корреляционный анализ оценок экспертов показал высокую степень согласованности их ответов. В итоге из 56 изображений было выбрано 21 изображение, где вандално нанесенный текст по медиане оценок экспертов 7 и более баллов имел только один тип содержания из описанных выше. Данные изображения в дальнейшем демонстрировались респондентам на экране айтрекера (исследование выполнено на базе Лаборатории перспективных социосредовых исследований УрГПУ с использованием айтрекера Tobii Pro Spectrum) каждое в течение 15 секунд, после чего проводился опрос респондентов на запомнившиеся вандално нанесенные тексты. В исследовании приняли участие 13 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет.

Анализ ответов респондентов относительно запомнившихся текстов позволил вывить категории вандално нанесенных текстов, наиболее часто запоминающихся им. Наибольшее запоминание и воспроизведение характерно для текстов, содержащих протест (политический, религиозный). Данные тексты в среднем воспроизводятся после просмотра в 58% случаев. Как правило, данные тексты характеризуются относительно лаконичными, ритмичными формулировками, трафаретным способом нанесения, применением креализованных текстов или дополнительных смысловых символов. Тепловые карты зон внимания демонстрируют сосредоточенность взгляда в центре текста, когда прочтение обеспечивается периферийным зрением, но сценарии движения глаз демонстрируют большие саккады с выходом далеко за пределы текста и изображения в целом.

Второй из наиболее запоминающихся типов содержания вандално нанесенных текстов – философствование (в среднем 48% случаев воспроизведения). Тексты данного типа сверхкороткие (2–3 слова), требующие осмысления со стороны воспринимающего. Зачастую сам подобный текст задает шаблон восприятия. Например, текст «Искусство вне рамок» с иллюзией наличия границ изображения стимулировал типичные поведенческие реакции: в большинстве индивидуальных сценариев движения глаз прочтение текста сопровождалось очерчиванием взглядом вероятной рамки данного текста (в некоторых случаях неоднократным очерчиванием).

Третий по частоте запоминания тип содержания вандално нанесенных текстов – романтизация позиционирования (в среднем 39% случаев воспроизведения). Такие тексты содержат элементы юмора, иронии, специфические приемы написания, понятные для субкультурного сообщества, но не очень привычные для восприятия иных людей. В ряде случаев данные тексты являются отреагированием негативных событий (Кружкова и др., 2018), следствием переживания «невыразимого» (Знаков, 2022). Сценарии движения глаз здесь не предполагают выход за пределы текстового фрагмента, а тепловые карты демонстрируют эффект застревания на отдельных элементах текста или ключевых словах.

Положительная и/или отрицательная мотивация – четвертый по частоте запоминания тип содержания вандално нанесенных текстов (в среднем 29% случаев воспроизведения). Как правило, данные тексты представлены достаточно многословными фразами, несколькими предложениями, ярко передающими эмоциональный настрой автора. Тепловые карты восприятия данных текстов достаточно аморфные без четко выделяемых центров внимания. Сценарии движения глаз демонстрируют, что большинство респондентов несколько раз перечитывают данные тексты, однако перечитывание идет без длительных фиксаций, скользящим взглядом.

Наименее запоминающийся тип содержания вандално нанесенных текстов – бинарная оппозиция «свой–чужие» (в среднем 19% случаев воспроизведения). Данные тексты разнообразны по характеристикам состава и длины фраз, однако их общей особенностью является использование элементов языковой игры для создания интриги, эффекта незаконченности текста, когда воспринимающему необходимо додумать его, понять намек, определить «своих» и «чужих». Фиксации внимания здесь происходят на элементах текста, отвечающих за затруднения прочтения и обеспечивающих необходимость поиска решения для правильного прочтения.

Стоит отметить, что в лабораторных условиях вандално нанесенные тексты, воспринимаемые респондентами, характеризуются относительно высокой запоминаемостью (в среднем 35% случаев воспроизведения), что в определенной мере может свидетельствовать о достаточно высоком их потенциале как soft power технологии воздействия на наблюдателя. Данный факт, безусловно, нуждается в проверке в полевых условиях, однако уже полученные научные результаты позволяют утверждать, что вандално нанесенные тексты

содержат в себе ряд приемов привлечения и удержания внимания, принудительного снижения критичности мышления при их беглом и многократном прочтении.

Литература

- Кружкова О. В., Воробьева И. В., Порозов Р. Ю., Зарбова Б.* Функции вандализма в молодежном поведении: от личности к обществу // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 95–120. doi: 10.17853/1994-5639-2018-10-95-120
- Знаков В. В.* Невыразимый экзистенциальный опыт – психологическое основание понимания невыразимого // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 1. С. 5–23.
- Павлов В. Г.* Вопросы ответственности за вандализм в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 95–100.

Недизъюнктивность и холистическое мышление в незападной культуре*

А. К. Крылов (ИП РАН, Москва)

Сопоставляются «западный» и «незападный» типы менталитетов с использованием подхода системной психофизиологии. Сравниваются понятия холизма и недизъюнктивности (по А. В. Брушлинскому). Делается вывод, что задачи на распознавание образов и категоризацию объектов, часто используемые для изучения ментальности, мышления и восприятия индивидов незападной культуры, являются аналитическим научным методом, недостаточным для полноценного культурологического изучения холистического менталитета.

Ключевые слова: недизъюнктивность, холизм, культура.

В институциональном подходе к культурологии выделено два типа культур: «западная» и «незападная», представители которых являются носителями соответствующего менталитета. Для «западного» менталитета характерны дискретность логики мышления и формальная логика, аналитизм восприятия мира как набора обособленных объектов, рациональность принятия решений; для «незападного» менталитета характерны континуальность логики мышления и терпимость к логическим противоречиям, холистичное восприятие мира как набора взаимосвязей, интуитивное принятие решений (см., например: Александров, Кирдина, 2012).

Соответственно, при рассмотрении типов мышления индивида возможно использование шкалы «аналитичность—холистичность»: индивиды аналитического типа ментальности предпочитают при решении задач расчленять объект на множество частей, воспринимать линейные изменения, выявлять противоречия, применять линейные алгоритмы при решении задач; в то время как индивиды холистического типа ментальности более склонны выделять взаимосвязи и уделять внимание контексту, сглаживать противоречия, применять циклические алгоритмы при решении задач или их симультанное ре-

* Работа выполнена по Госзаданию № 0138-2023-0002.

шение. Для определения типа организации мыслительной деятельности в РФ используется шкала «аналитичность—холистичность», сконструированная на основе четырехкомпонентной модели Р. Нисбетта и апробированная на российской выборке (Апанович и др., 2017).

В кросскультурных исследованиях часто сравнивают выборки респондентов из западных и незападных стран, предъявляя им задачи на распознавание образов. Показано, что представители западных стран больше фокусируются на «объекте», чем на «фоне», выделяют «объект» из «фона», отрывают объект от контекста и анализируют его; представители незападных стран, напротив, рассматривают объект вместе с фоном, в контексте, фокусируются на отношениях между объектами. Таким образом, изучение восприятия с помощью задач на распознавание образов приводит исследователей к представлению об отличиях между менталитетами в терминах отношения фигура/фон.

Результаты таких экспериментов часто произвольно трактуются исследователями как «холистичное восприятие», если респонденты учитывают отношения между объектами, воспринимают что-то целостно, процесс мышления называют *holistic*. Такое описание холистического типа мышления напоминает отчасти понятие недизъюнктивности процесса мышления, предложенное А. В. Брушлинским (Брушлинский, 1996). Появление абстрактной промежуточной стадии в процессе мышления при переходе от одной гипотезы к другой привело А. В. Брушлинского к постулированию недизъюнктивности мышления. Именно обнаружение этой промежуточной низкодифференцированной ступени в смене гипотез и отличает, с точки зрения А. В. Брушлинского, мышление человека от выбора из готовых дизъюнктивных альтернатив в искусственном интеллекте (там же).

Рассмотрение результатов экспериментов А. В. Брушлинского с помощью подхода системной психофизиологии позволило предположить возможный психофизиологический механизм феномена недизъюнктивности как временную дедифференциацию, происходящую в процессе мышления при смене одной гипотезы на другую (Крылов, 2018). Временная дедифференциация при поиске решения в процессе мышления реализуется фазой снижения дифференциации актуализированных систем опыта при переходе от одной гипотезы к другой и, полагаем, является частным случаем универсального механизма регрессии, т. е. обратимой системной дедифференциации, реализация которого характеризует также ситуации обучения,

стресса, высоко эмоциональных и других состояний. При таком, более определенном понимании термина «недизъюнктивность» в процессе мышления, которая свойственна представителям всех культур, мы видим, что сама по себе недизъюнктивность мышления не может описать отличия ментальности в разных культурах и не является синонимом холистичности.

Для изучения различий в «западной» и «незападной» ментальностях часто используют задачи на категоризацию — предъявляют два объекта и просят выбрать, к какому из них относится тестовый объект. С позиций системной психофизиологии на каждой стадии мышления актуализируется свой набор систем индивидуального опыта. Наборы систем, актуализирующихся в связи с определенными категориями объектов, находятся в некоторых межсистемных отношениях друг с другом. Выбор категории для тестового объекта определяется тем, какие межсистемные связи сформировались в индивидуальном опыте. В соответствии с результатами таких экспериментов с категоризацией объектов, можно предполагать, что в западной и незападной культурах формируются разные типы структур индивидуального опыта и разные типы отношений между элементами опыта, что и приводит к различиям решений задач на категоризацию представителями этих культур.

Действительно, индивидуальный опыт является культуроспецифичным (Александров, Кирдина, 2012). Показано, например, что уже в раннем онтогенезе при взаимодействии ребенка с матерью наблюдаются различия: в западной культуре мать фокусирует взгляд ребенка на предмете и называет его — обучает существительным, т.е. воспринимать предметы по одному; в восточной культуре взгляд ребенка фокусируется на лице матери (социальные связи) и мать обучает ребенка глаголам — взаимодействию между объектами. Такой ранний опыт становится системной основой структуры дальнейшего опыта. Позже в индивидуальном развитии в структуре опыта появляются новые слои, зависящие от типа деятельности индивида. Например, коллективистская деятельность земледельцев либо индивидуалистская деятельность охотников (известные оппозиции *hunter/gatherer*). В итоге обнаруживается, что западный тип ментальности связан с предпочтением индивидуализма и личной конкуренции с другими в обществе, а незападный тип ментальности связан с предпочтением воспринимать себя в связи с другими членами общества и коллективизмом (Александров, Кирдина, 2012). Поэтому сравне-

ние того, как решаются задачи, направленные на индивидуальное решение или коллективное решение, представителями разных культур может быть рассмотрено как адекватный метод изучения менталитетов (Апанович и др., 2016).

Появившаяся с работ Р. Нисбетта и широко распространенная в науке абстрактная формулировка о том, что незападный тип ментальности – про отношения и взаимосвязи – является полезным общением, однако может быть недостаточным описанием.

В заключение заметим, что понимание холистичности как учета взаимосвязей и отношений ставит под сомнение адекватность широко распространенных, свойственных западной культуре аналитических методик изучения на основе задач распознавания образов и категоризации. В самих этих методиках заложена идея дизъюнктивности. По нашей оценке, эти методики являются аналитическим подходом в науке, и их использование в кросскультурных исследованиях представляет собой аналитический взгляд на холистическую ментальность, что не может дать полного описания. Дополнительно следует использовать методики исследования, учитывающие недизъюнктивность, аналогично подходу, разработанному А. В. Брушлинским для изучения мышления на основе принципа анализ (аналитичность) через синтез (холистичность), введенный С. Л. Рубинштейном и отражающий комплементарность культур и типов познания (Александров, Александрова, 2010; Александров, Кирдина, 2012).

Литература

- Александров Ю. И., Кирдина С. Г.* Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 3–12.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Комплементарность культуроспецифических типов познания // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2010. № 1. С. 22–35. № 3. С. 18–34.
- Апанович В. В., Безденежных Б. Н., Знаков В. В., Самс М., Яскелайнен И., Александров Ю. И.* Различия мозгового обеспечения индивидуального, кооперативного и конкурентного поведения у субъектов с аналитическим и холистическим когнитивными стилями // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 2. С. 5–22. doi: 10.17759/exppsy.2016090202

Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.

Крылов А. К. Формализация «недизъюнктивности» мышления по А. В. Брушлинскому: системно-эволюционное описание // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 85–91.

Психофизиологические аспекты синдрома эмоционального выгорания

Е. С. Растегаева (ГБУЗ АО «АКПБ», Архангельск)

Профилактика, диагностика и коррекция синдрома эмоционального выгорания и профессиональной дезадаптации требует использования методик, в основе которых лежат универсальные механизмы ответной реакции организма на стресс. Целью настоящего сообщения является обоснование использования в диагностике выгорания методов исследования общепринятых функциональных проб, физиологических показателей совместно с психодиагностическими тестами, что повышает диагностический потенциал комплексных исследований.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, адаптация, дезадаптация, диагностика, физиологические показатели.

Синдром эмоционального выгорания (далее – СЭВ) – ведущая причина нарушений физического и психического здоровья, связанного с работой. Термин, принятый научным сообществом, ввел Г. Фрейденбергер в 1974 г., он обозначил им состояние истощения, безразличия к работе, плохого отношения к пациентам и коллегам, ощущения неудовлетворенностью работой у персонала наркологической клиники. Он рассматривал выгорание как реакцию на длительный профессиональный стресс.

Выгорание – дисфункциональное состояние здоровья, возникающее у работников под влиянием длительного психоэмоционального стресса. Этот динамический процесс реализуется поэтапно, в соответствии с механизмом прогрессирования стресса.

Существуют различные модели и диагностические опросники, разработанные для исследования и измерения СЭВ, но наиболее используемая – модель, разработанная Кристиной Маслач. Главные компоненты СЭВ – эмоциональное истощение, деперсонализация и сниженная самооценка. Опросник выгорания К. Маслач (МВІ) определяет эти компоненты. Эмоциональные ресурсы истощаются,

работники чувствуют, что они больше не в состоянии отдавать себя на психологическом уровне. Появляется другой аспект выгорания – развитие негативных, циничных установок и чувств по отношению к своим пациентам и коллегам. Третий симптом СЭВ – склонность оценивать себя негативно как профессионала.

Существует две группы моделей СЭВ: содержательные и процессуальные. Модель К. Маслач относится к содержательным, рассматривающим выгорание как некое статичное состояние. Эти модели описывают и классифицируют симптомы выгорания (К. Маслач, В. Шауфелли, Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова и др.).

В настоящее время все больше исследователей понимают СЭВ как динамический, меняющийся во времени процесс, ответ на хронический стресс на работе (В. В. Бойко, Г. Гринберг, К. Чернисс, П. И. Сидоров, Т. Г. Неруш, Т. И. Рогинская, С. С. Смирнова и др.).

По В. В. Бойко, синдром проходит три фазы (согласно теории стресса Г. Селье).

1. «Напряжение». Предвестником и запускающим механизмом выступает нервное (тревожное) напряжение, усиливающееся под действием психотравмирующих факторов. Симптомы: тревожность, депрессия, ощущение недовольства собой и профессией.
2. «Резистенция». Человек пытается оградить себя от неприятных впечатлений. Для этого используются механизмы защиты – избирательного эмоционального реагирования, «экономии» эмоций, и сокращения, облегчения своих профессиональных обязанностей.
3. «Истощение» – оскудение психических ресурсов, снижение эмоционального реагирования. Проявляется уже не только эмоциональными нарушениями, но и психосоматическими, психовегетативными симптомами, острыми и хроническими заболеваниями, эмоциями страха, тревоги.

В. В. Бойко в своей концепции (и диагностической методике измерения выгорания) объединяет как психологические симптомы выгорания (эмоциональное истощение, деперсонализацию, редукцию достижений), так и показатели стресса (соматические нарушения).

Действительно, при длительном развитии выгорания возникают не только психологические проблемы, но также соматические нарушения изменения (колебания артериального давления, частоты пуль-

са, головные и мышечные боли и др.). Выгорание является фактором риска для заболеваний сердечно-сосудистой системы.

Хотя в данный момент наука располагает значительным набором психодиагностических методик для определения СЭВ и нарушений профессиональной адаптации, при заполнении опросников (самоотчетов) может быть субъективность оценки своего состояния (Засядько и др., 2019).

К. И. Засядько и соавт. (2019) в исследовании СЭВ и психофизиологических аспектов выгорания врачей-онкологов, обнаружил, что, по данным опросников, признаки выгорания были у каждого второго врача-онколога, однако распространенность физиологических и психофизиологических нарушений была значительно выше. То есть синдром выгорания может развиваться постепенно, незаметно для человека и проявиться уже сформировавшимся заболеванием через несколько лет.

Возможно и обратное. Когда испытуемые сообщают о субъективных ощущениях эмоционального истощения (по данным теста К. Маслач (МВІ), однако физиологического подкрепления (мониторинг показателей сердечно-сосудистой системы, кортизола) эти ощущения не имели.

В настоящий момент проводимые исследования СЭВ чаще всего основаны на применении психологических тестов, они сфокусированы на психологических изменениях и не анализируют особенности психофизиологических изменений. Это не дает полного представления обо всей картине процессов, происходящих в организме испытуемых специалистов.

Продолжающееся неблагоприятное воздействие рабочей среды и/или усиление действия травмирующих факторов может вызывать напряжение механизмов адаптации. На этапе напряжения в организме происходят специфические (патогномичные) физиологические изменения, которые могут использоваться как маркеры ранней диагностики нарушений профессиональной адаптации. В имеющихся немногочисленных исследованиях прослеживается взаимосвязь переживаний профессионального стресса, выгорания и психофизиологических показателей.

В основе развития СЭВ лежат нейрофизиологические механизмы, характерные для хронического стресса: дисбаланс активации полушарий мозга (доминирование правого полушария на фоне левополушарного дефицита), рассогласование деятельности полуша-

рий головного мозга, нарушение межполушарной передачи эмоционально значимой информации, вегетативные сдвиги.

Такие методы, как электроэнцефалография, нейрокартирование, отражают состояние нейрофизиологических механизмов, отвечающих за церебральный гомеостаз, процессы адаптации и регуляцию функциональной межполушарной асимметрии.

К биомаркерам выгорания относят изменения в ЭЭГ. Например, мощность индивидуальной альфа-частоты в состоянии покоя, характерная для депрессии. Уменьшение индивидуальной мощности β -частоты у лиц с истощением свидетельствует о гиперактивности коры. При СЭВ нарушаются процессы обработки эмоциональной информации, что фиксируется на ЭЭГ как снижение амплитуды вызванных потенциалов. Данные процессы являются нейрофизиологическим проявлением эмоционального притупления, исключения эмоций из анализа информации и могут рассматриваться как нейрофизиологические маркеры эмоционального истощения (Golonka et al., 2017).

Нейровизуализационные технологии (функциональная магнитно-резонансная томография) позволяют выявить биохимические и морфологические изменения в областях головного мозга при выгорании (Tei et al., 2014). Обнаружено уменьшение активности в центрах, связанных с эмпатией, эмоциональной регуляцией и распознаванием эмоционального состояния.

Выгорание нарушает когнитивную функцию мозга. Снижение активности дорзолатеральной префронтальной коры, медиальной и средней лобной извилины коррелирует с нарастанием деперсонализации. Эти области участвуют в задачах обработки стимулов, переклечения внимания, памяти, самосознания.

У лиц с длительным рабочим стрессом выявлены структурные изменения ряда отделов головного мозга: функциональное разьединение миндалины и медиальной префронтальной коры, уменьшение объема структур, ответственных за выработку дофамина (Jovanovic et al., 2011). Регистрируемые структурные и функциональные изменения головного мозга характерны для нарушенной нисходящей регуляции при хроническом рабочем стрессе. Наблюдается низкая дофаминергическая функция, что может выражаться в таких симптомах выгорания, как отстраненность, равнодушие, дистанцированности.

Утомление, т. е. уменьшение работоспособности в ходе выполнения физической или умственной нагрузки, истощение — это субъ-

активное ощущение утомляемости. Утомление всегда сопровождается снижением работоспособности, и, в отличие от субъективного ощущения усталости, его можно объективно измерить. Утомление, нарушение работоспособности, оценку функционального состояния можно исследовать, используя тест оценки простой и сложной зрительно-моторной реакции (например, методику «Экспресс-диагностика работоспособности и функционального состояния человека» по методу Т. Д. Лоскутовой в модификации М. П. Мороз 2013–2014 гг.).

Особенности познавательных психических процессов центральной нервной системы специалистов можно оценить, используя тесты слуховой памяти – тест «10 слов» Эббингауза; концентрации, устойчивости внимания, общей эффективности работы, динамики умственной работоспособности (проба Шульте).

Для исследования функциональной асимметрии мозга, процессов возбуждения и торможения, баланса центральной нервной системы (ЦНС), психоэмоционального состояния используют метод активациометрии на приборе «Активациометр» («АЦ-6»); методики определения профиля латеральной организации (ПЛО).

Для объективной оценки и ранней диагностики СЭВ, кроме психологических характеристик специалистов, субъективных самоотчетов можно использовать результаты физиологических исследований, и функциональных проб.

Выявлены взаимосвязи между параметрами сердечного ритма и СЭВ, свидетельствующие о вероятном влиянии эмоциональных нарушений, редуций на рост напряжения адаптационных систем, ригидности ритма и регуляции его эрготропным контуром управления, состоящим из надсегментарных центральных структур. В роли интегративного показателя соматического здоровья хорошо зарекомендовали себя параметры вариабельности ритма сердца, т. е. индексы вариационной пульсометрии (Каплан, 1999). Повышенный индекс свидетельствует о высокой «физиологической цене» затрачиваемых специалистом усилий в профессиональной деятельности.

Таким образом, синдром выгорания – это системное образование, сочетание психологических симптомов и психофизиологических, физиологических нарушений. Специфические физиологические изменения при СЭВ могут использоваться как маркеры дезадаптации и выгорания.

Литература

- Засядько К. И., Шинкарев С. А., Шинкарева Е. В., Тафинцева Л. М.* Комплексное исследование роли эмоционального выгорания в профессиональной дезадаптации врачей онкологического стационара // Вестник психотерапии. 2019. № 70 (75). С. 69–86.
- Каплан А. Я.* Вариабельность ритма сердца и характер обратной связи по результату операторской деятельности у человека // Журнал высшей нервной деятельности. 1999. Т. 48 (6). С. 345–350.
- Golonka K., Mojsa-Kaja J., Popiel K., Marek T., Gawlowska M.* Neurophysiological markers of emotion processing in burnout syndrome // Frontiers in Psychology. 2017. V. 8. P. 2155. doi: 10.3389/fpsyg.2017.02155
- Jovanovic H., Perski A., Berglund H., Savic I.* Chronic stress is linked to 5-HT1A receptor changes and functional disintegration of the limbic networks // Neuroimage. 2011. V. 55. № 3. P. 1178–1188. doi: 10.1016/j.neuroimage.2010.12.060
- Tei S., Becker C., Kawada R., Fujino J., Jankowski K. F., Sugihara G., Takahashi H.* Can we predict burnout severity from empathy-related brain activity? // Translational Psychiatry. 2014. V. 4. № 6. Article e393. doi: 10.1038/tp.2014.34

Реализация компьютерной методики чередования от двух до четырех простых заданий в среде PsychoPy*

*А. А. Созинов (ИП РАН, Москва), Д. С. Кожевникова (ГАУГН, Москва),
А. В. Бахчина (ИП РАН, Москва), Ю. И. Александров (ИП РАН, Москва)*

Решение множества задач в психологии основано на регистрации характеристик реализации индивидуального опыта человека при выполнении заданий с контролируемой трудностью. Нами реализована компьютерная методика для предъявления чередующихся заданий (от двух до четырех). Результаты применения этой методики показывают, что «цена переключения» при чередовании четырех заданий значимо выше, чем при чередовании двух. Следовательно, варьирование количества заданий в представленной методике можно использовать в исследовательских целях, а также для психологической диагностики. Варьирование способа научения и эмоциональной валентности обратной связи позволит использовать регистрируемые показатели для оценки характеристик реализации индивидуального опыта, связанных с особенностями его формирования.

Ключевые слова: индивидуальный опыт, системная дифференциация, переключаемость, количество заданий, «цена переключения».

В психологических исследованиях зачастую возникает необходимость предъявления заданий, при котором показатели выполнения являются проявлением субъективной сложности текущего поведения, не снижающейся по мере тренировки. Эта возможность эффективно обеспечивается за счет чередования заданий (Степанский, Прыгин, 1989). С точки зрения увеличения потенциальной чувствительности указанных показателей к факторам, заложенным в независимых переменных, и обеспечения доступности участникам разных возрастов, полезным свойством методики является возможность варьировать трудность ее выполнения. Одним из подходов к варьированию трудности в психологических исследованиях и при тестировании яв-

* Работа выполнена в рамках Госзадания Минобрнауки № 0138-2023-0002.

ляется выбор режима чередования заданий и их количества (например: Kleinsorge, Aritzsch, 2012).

Выявленная нами связь уровня системной дифференциации и энтропии сердечного ритма при парном сравнении групп участников (Bakhchina et al., 2018) делает актуальным создание методики, позволяющей формировать поведение с разными градациями дифференцированности в соотношении организма и среды и оценивать для них показатель энтропии. Исходя из того, что системная дифференциация увеличивается в ходе развития и научения (формирования новых систем) (подробнее см.: Александров, 2011), можно предположить, что чем больше количество заданий, выполнению и чередованию которых научился участник исследования, тем выше дифференцированность реализуемых им систем. Для этого в среде PsychoPy (Pierce et al., 2019) нами была создана компьютерная методика, позволяющая обучить участников исследования выполнению и чередованию от двух до четырех заданий и записать показатели этого поведения.

Процессы, обеспечивающие переход от выполнения одной задачи к выполнению другой, унаследовали от рефлексорной теории название «переключение». Эта техническая метафора представляется неподходящей, так как чередование заданий само по себе требует научения, и динамика этого научения описывается через такие же этапы формирования, как и научение чередуемым формам поведения. Как мы полагаем, чередование двух форм поведения является (третьим) дополнительным поведением, требующим формирования специально-го опыта чередования (подробнее см.: Созинов, Александров, 2019).

Для оценки характеристик процессов, обеспечивающих переходы между заданиями, используется показатель «цена переключения» (switch cost) – мера того, насколько выполнение задания в первой пробе (после того, как задание сменилось) медленнее, чем в последующей или последующих пробах (в которых задание повторяется) (Monsell, 2003). Следовательно, для измерения этого показателя задания должны чередоваться блоками не менее чем по две пробы. В то же время в нашей методике для избегания предсказуемости момента смены задания количество проб в блоке варьирует (подробнее см. ниже).

Рост «цены переключения» с увеличением количества чередуемых заданий («эффект количества заданий») позволяет обосновать различие трудности этих режимов чередования и различия соответствующих уровней системной дифференциации. В то же время такое соотношение удастся получить далеко не во всех случаях чередова-

ния разного количества заданий (как правило, от двух до четырех): в зависимости от выбора заданий и сигнала, указывающего на смену задания, эффект может быть как сильно выражен, так и полностью отсутствовать (см.: Kleinsorge, Aritzsch, 2012). Поэтому, чтобы в дальнейшем утверждать различия дифференцированности соотношения организма и среды при чередовании разного количества заданий, необходимо оценить наличие эффекта количества заданий.

В нашем варианте методики предусмотрены четыре задания, каждое из которых имеет два варианта ответа. Для всех заданий на экране монитора предъявляется сочетание одной буквы и одной цифры (например, А1), при этом буквы выбираются случайно из списка «А, Г, Е, К, Т, Ф, У, Я», а цифры – случайно из списка «1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9». Выбор буквы и выбор цифры являются взаимонезависимыми.

С предъявленным сочетанием символов участнику необходимо выполнить одно из следующих заданий – ответить: 1) буква – гласная или согласная; 2) буква – в алфавите до или после буквы П; 3) число – четное или нечетное; 4) число – больше или меньше, чем 5 (ср.: Dreher, Grafman, 2003; Kleinsorge, Heuer, 1999). Для каждой пары вариантов ответов всех заданий на клавиатуре назначены одни и те же клавиши (стрелки влево и вправо). Верный ответ сопровождается изменением цвета символов на зеленый, неверный – на красный.

Предъявление символов происходит на квадратном поле, белом на черном фоне, занимающем наибольшую и центральную часть экрана. То, какое задание следует выполнять, определяется тем, в каком углу поля предъявлены символы. Соответствие задания углу поля назначается случайно и сохраняется до конца процедуры. Если участнику предстоит выполнять 2 или 3 задания, то на поле остаются не задействованными соответственно 2 угла или 1 угол поля. Перечисленные параметры, а также межпробный интервал, время предъявления и цвет символов, шрифт и его размер и т. д. могут быть изменены по желанию экспериментатора. Также возможно изменение программного кода, которое позволит назначать последовательность заданий и их соответствие углам поля не случайно, а желаемым образом.

Исполнение кода подпрограммы («эксперимент») можно разделить на следующие этапы: ввод данных участника и параметров эксперимента, ожидание запуска эксперимента, инструкция, тренировочные и основные пробы, сообщение о завершении эксперимента. В текущей версии предусмотрен ввод «имени» участника, его пола

и количества заданий (2, 3, 4 или случайный выбор из этих вариантов). В ходе ожидания запуска демонстрируется просьба подождать, а запуск процедур, предназначенных для участника, осуществляет экспериментатор нажатием неизвестной участнику клавиши («мышь» и остальные клавиши клавиатуры при этом не срабатывают). Инструкция содержит изображение поля с сочетанием символов в одном из углов, указание на то, что будет несколько заданий и что каждое задание выполняется только в «своем» углу поля.

Тренировочная серия предполагает, во-первых, предъявление нескольких проб одного задания подряд; во-вторых, наличие в центре поля подсказки с вариантами ответов (по сторонам, соответствующим клавишам ответа). Тренировочная серия заканчивается по условию, задаваемому экспериментатором (по умолчанию – не менее 5 верных проб подряд после исчезновения подсказки). Основная серия предполагает отсутствие подсказки и чередование заданий, т.е. предъявление проб каждого задания блоками. Последовательность введения заданий в ходе тренировочных серий генерируется случайным образом. Последовательность предъявления заданий при их чередовании в ходе проверочных серий также случайна. Кроме того, перед началом работы экспериментатор задает количество безошибочных блоков (условие перехода к следующему этапу эксперимента: например, завершение чередования двух заданий и предъявление третьего) и количество проб в блоке (по умолчанию – случайный выбор между 2, 3 и 4).

В рамках системно-эволюционного подхода в психофизиологии, развитого В. Б. Швырковым и его сотрудниками, формулируется представление о поведении как реализации систем, сформированных на различных этапах развития индивида (см.: Александров, 2011). Следовательно, одним из факторов, определяющих показатели выполнения новых заданий, является история обучения (способ группировки, последовательность заданий, их распределение по времени и т.д.). Поэтому в представляемой методике тренировочные и проверочные пробы могут быть сконфигурированы так, чтобы обеспечить возможность варьировать способ научения: например, «блочное» научение или научение с чередованием (см. также: Созинов, Александров, 2019). Также обратная связь в каждой пробе может быть модифицирована таким образом, чтобы представлять результат пробы в контексте достижения поощрения (максимизации выигрыша) или избегания потери (минимизации проигрыша) (см.: Александров, 2011).

Сообщение о завершении эксперимента содержит также благодарность за участие и может быть изменено пользователем. Записываемый файл данных каждого участника состоит из сведений по каждой пробе проведенного эксперимента: «имя» участника, серия, номер блока, задание, номер пробы, точность и время ответа, предъявленные символы и их расположение, клавиша ответа, показания таймера. Показатели выполнения заданий в последовательных сериях эксперимента (доля ошибок, медиана времени ответа, «цена переключения», «замедление после ошибок» и т. д.) подсчитываются отдельно в ходе обработки данных.

Для первоначальной оценки искомого эффекта количества чередуемых заданий и отладки методики было проведено исследование с участием 29 чел. (возраст – от 14 до 32 лет), в котором каждый участник сначала обучался выполнению и чередованию двух заданий, а затем выполнению еще двух и чередованию всех четырех заданий. Эффект количества заданий оценивался путем сравнения «цены переключения» при чередовании двух заданий и при чередовании четырех заданий на всей выборке участников. Выявлено значимое различие между продолжительностью проб после смены задания и после его повторения при чередовании двух заданий (критерий Вилкоксона, $p < 0,00001$), а также значимое различие между продолжительностью проб после смены при чередовании двух и четырех заданий ($p < 0,00001$). Анализ данных отдельных блоков показывает, что эти различия сохраняются до конца каждого этапа эксперимента (12 блоков в случае безошибочного их выполнения). При этом различия между продолжительностью проб после повторения задания при чередовании двух и четырех заданий отсутствуют ($p = 0,537$).

Таким образом, в рамках настоящей работы реализована подпрограмма в среде PsychoPy для предъявления простых заданий. В ходе работы участника предъявляемые задания, количество которых варьируется от двух до четырех, чередуются по несколько проб. Результаты применения данной реализации методики показывают, что «цена переключения» при чередовании четырех заданий значимо выше, чем при чередовании двух. Варьирование способа научения выполнению заданий, а также «валентности» обратной связи (представление результата пробы как приобретения или потери очков) позволит оценивать характеристики реализации индивидуального опыта, связанные с особенностями его формирования.

Кроме исследовательских целей представленная методика может быть использована как инструмент диагностики «когнитивного контроля» (Величковский, 2009), «состояний» человека (Кореневский и др., 2010), а также (при дополнительных модификациях) для оценки особенностей мысленной числовой линии и т. п. Файл подпрограммы доступен по запросу первому автору по электронной почте.

Литература

- Александров Ю. И.* Развитие как дифференциация // Дифференциционно-интеграционная теория развития / Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 49–69.
- Величковский Б. Б.* Возможности когнитивной тренировки как метода коррекции возрастных нарушений когнитивного контроля // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 3. С. 78–91.
- Созинов А. А., Александров Ю. И.* Чередование заданий как инструмент изучения структуры опыта // Новые тенденции и перспективы развития психологии / Под ред. А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 594–612.
- Bakhchina A., Arutyunova K., Sozinov A., Demidovsky A., Alexandrov Y.* Sample entropy of the heart rate reflects properties of the system organization of behaviour // Entropy. 2018. V. 20. № 6. Article 449. P. 1–22. doi: 10.3390/e20060449
- Pierce J., Gray J. R., Simpson S., MacAskill M., Höchenberger R., Sogo H., Kastman E., Lindeløv J. K.* PsychoPy2: Experiments in behavior made easy // Behavior Research Methods. 2019. V. 51. P. 195–203. doi: 10.3758/s13428-018-01193-y

**СУБЪЕКТ ТРУДА
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Семантика образа субъекта как характеристика профессионального опыта музыканта

М. М. Абдуллаева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
О. Г. Корнева (МО РФ, Москва)

Данная работа посвящена поиску «ключевых» характеристик образа представителей музыкальной сферы, выполняющих роль «регуляторов» деятельности и позволяющих реконструировать особенности их профессионального опыта. В исследовании приняло участие 131 чел., среди которых были музыканты, звукорежиссеры, диджеи и немусыканты. Им было предложено описать свои и «смежные» профессии при помощи семантического дифференциала и дать свободные ассоциации на представителей этих профессий. При помощи компьютерной программы MAXQDA 18 были получены результаты, демонстрирующие различия по параметрам «публичности» и «технической оснащенности» в образах представителей музыкальной профессии, сотрудничающих друг с другом в концертной и гастрольной жизни.

Ключевые слова: образ субъекта, психосемантика, метод ассоциаций, профессиональный опыт, музыканты.

Обращение к изучению образа субъекта в психологии труда обусловлено его регуляторной функцией, иницирующей и задающей направленность его общения и практической активности (Брушлинский, 2003). Этот образ складывается в течение всей жизни под влиянием разнообразных факторов – экономических, социальных, профессиональных – и несет отпечаток индивидуального опыта человека, учитывающего мнение окружающих и сравнивающего себя с другими. В психологии профессиональной деятельности можно выделить отдельное направление исследований, посвященное изучению связей особенностей активности с представлениями о себе, в нем вводятся особые понятия, фиксирующие предрасположенность субъекта к определенным поведенческим реакциям, например: «потенциальный аварийщик», «профессиональный ас» (Обознов, 2018). Но вопрос о том, насколько однозначно образ субъекта определен его реальным

опытом, требует отдельного обсуждения и методического решения. Механизм «идентификации/отчуждения», лежащий в основе развития субъекта, позволяющий разделять ценности группы и сохранять при этом автономность и критичность мышления, приводит к тому, что образ себя постепенно расширяется и усложняется.

Одним из интересных подходов к анализу связи образа субъекта и его опыта в методическом плане становится психосемантический, позволяющий реконструировать систему значений, являющихся по определению Е. Ю. Артемьевой, «следами деятельностей». При этом значение проявляется «не как то, что лежит перед вещами, а как то, что лежит за обликом вещей — в познанных объективных связях предметного мира» (А. Н. Леонтьев).

В своей работе мы обратились к изучению образа представителей музыкальных профессий, «академизм» которой в настоящее время сочетается с новыми формами музыкальной деятельности и обеспечивается электронными средствами создания и исполнения музыки, не требующими длительного обучения и знания нотной грамоты (Пирязева, 2019; Mühlbach, Arora, 2020). Целью нашего исследования было выделение семантических характеристик образа представителей музыкальной профессии, позволяющих реконструировать особенности их профессионального опыта и выделить различия между профессионалами внутри данной области. Мы предположили, что семантические описания образа музыканта специалистами музыкальной сферы будут отражать значимые характеристики их профессиональной деятельности и отличаться от аналогичного образа, описанного немусыкантами.

В исследовании приняли участие музыканты-исполнители как академического, так и эстрадного профиля (42 чел.), звукорежиссеры (38 чел.) и диджеи (9 чел.). В качестве группы сравнения выступили представители профессиональных сфер, не связанных с музыкой (42 чел.). Всего 131 чел. Респондентам было предложено заполнить анкету на сбор демографических сведений; 16-шкальный семантический дифференциал (СД), по шкалам которого предлагалось оценить профессию музыканта, диджея, звукорежиссера, а также дать ассоциации на слова-стимулы, обозначающие представителей трех областей («диджей», «музыкант», «звукорежиссер»). Для обработки полученных данных мы использовали метод качественного контент-анализа, где в качестве основы для выделения категорий нами была взята классификация нормативных компонентов труда (объект, предмет,

результат труда; условия труда; орудия и средства труда; характеристики трудового процесса, трудовые задачи), субъект труда, образы-регуляторы поведения субъекта (образ субъекта, образ объекта, образ субъект-субъектных и субъект-объектных отношений) с последующим подсчетом частоты встречаемости выделенных категорий в текстовом массиве. Для анализа полученных ассоциаций нами была использована специальная компьютерная программа MAXQDA 18, которая позволяет качественно анализировать большие текстовые массивы. Для статистической обработки полученных данных применялась программа SPSS Statistics v. 22. Проблема неравных выборок решалась случайным отбором наблюдений из сравниваемых групп.

Результаты и их обсуждение

Для проверки предположения о различиях в семантических описаниях предложенных объектов мы поочередно сравнили каждую группу работников музыкальной сферы с контрольной группой немusыкантов и друг с другом при помощи непараметрического критерия Манна–Уитни. Общей тенденцией в ответах представителей музыкальной сферы было «тяготение» к условно «негативным» полюсам при описании «смежных» отраслей, тогда как собственная профессия оценивается преимущественно ближе к «позитивным» полюсам. Различий в оценке профессии музыкантов между группами получено не было. Интересно, что, по сравнению с музыкантами, звукорежиссеры дают более усредненные ответы в оценке профессии диджея, тогда как собственную профессию оценивают либо как «любимую, интересную, творческую, разнообразную и др.», либо описывают прямо противоположным полюсом.

Мы ожидали, что наибольшие различия будут получены между группами представителей музыкальной сферы и немusыкантов в семантических описаниях собственных профессий, так как в основе этих оценок лежит собственный опыт специалистов. Сравнение показало наличие значимых различий ($p < 0,05$) между группами музыкантов и немusыкантов в описаниях «музыканта» и «звукорежиссера». Музыканты описывают свою профессию как менее любимую, но более разнообразную, ответственную и особенную, по сравнению с немusыкантами ($p < 0,005$). Возможно, относительно небольшое количество шкал, по которым были получены различия, говорит о том, что «артистические» музыкальные профессии хорошо знакомы не-

музыкантам. При этом музыканты в сравнении с контрольной группой описывают профессию «звукорежиссера» как менее творческую и более ответственную. Факторный анализ оценок по СД, описывающий 74% данных, показал наличие общего для трех профессиональных групп фактора при оценке собственной деятельности – «субъективное принятие деятельности».

В рамках контент-анализа было проанализировано в общей сложности 4959 слов и закодировано 5552 фрагмента. Мы исходили из того, что наиболее часто встречающиеся слова являются «семантически универсальными» (по Е. Ю. Артемьевой) и составляют основу представления человека об оцениваемом «объекте». При сравнении наиболее часто возникающих ассоциаций в группах немусыкантов и работников музыкальной сферы можно отметить, что большая часть слов совпадает, но есть интересные расхождения. Например, «деньги» попадают в группу редко упоминаемых слов у немусыкантов, тогда как у представителей музыкальной сферы она находится в первой. Такие слова, как «внимание», «концерт» и «гитара», являются высокочастотно упоминаемыми у немусыкантов, музыкантами они практически не используются. Следует отметить, что эти данные согласуются с данными зарубежных исследователей (Bataille, Perrenoud, 2021). Звукорежиссеры и диджеи, по сравнению с музыкантами, более благополучны в своей профессии, их работа менее нервная, у них складывается определенная структура категорий, задаваемая образом объекта. Стрессовость работы музыкантов связана с активными социальными взаимодействиями, и каждому образу-регулятору соответствует свой компонент труда, что, возможно, обусловлено большей зависимостью музыкантов от аудитории.

Выводы и заключение

Полученные данные позволяют утверждать, что существуют качественные различия в образах, репрезентируемых через ассоциации у представителей разных профессиональных групп. Статистический анализ средних оценок по шкалам СД позволил нам выявить расхождения в представлениях о ненаблюдаемых аспектах трудовой деятельности, касающихся динамики трудового процесса, его значимости, раскрыть которые можно только во взаимодействии с представителями данной профессии или будучи непосредственно вовлеченным в нее. В пользу этого также говорят расхождения в наиболее часто используемых

словах между группами немусыкантов и представителей музыкальной сферы: слова, попадающие в самую употребляемую группу у одних, попадают в группу мало употребляемых слов у других.

Качественный контент-анализ при помощи MAXQDA 18 выявил семантические особенности репрезентированных образов, которые не зависят от профессиональной принадлежности и являются универсальными для всех респондентов («клуб» и «наушники» – для профессии диджея, «концерт» – для музыканта, и «студия», «пульт» – для звукорежиссера). Ассоциации, уникальные для каждой пары профессий (например, «винил» – у диджеев и музыкантов, «наркоман» – у музыкантов и звукорежиссеров, «атмосфера» – у диджеев и звукорежиссеров) отражают специфику и содержательную наполненность образов, формируемых людьми как в рамках собственной, так и в отношении других профессий.

Таким образом, выбранные для исследования группы работников музыкальной сферы, сотрудничающих друг с другом в концертной и гастрольной жизни: звукорежиссеры, музыканты, диджеи – демонстрируют особенности современного «расклада» специальностей по параметрам «публичности» и «технической оснащенности» данной профессиональной области, а группа немусыкантов показала особенности обыденного представления о работниках музыкальной сферы.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Обознов А. А.* Психология и безопасность эргатических систем // Психология труда, инженерная психология и эргономика / Под ред. Е. А. Климова, О. Г. Носковой, Г. Н. Солнцева. М.: Юрайт, 2022. С. 576–597.
- Пирязева Е. Н.* Нотация в современной музыке: эволюция способов фиксации // Вестник музыкальной науки. 2019. № 3 (25). С. 70–76. doi: 10.24411/2308-1031-2019-10006.
- Bataille P., Perrenoud M.* “One for the money”? The impact of the “disk crisis” on “ordinary musicians” income: The case of French speaking Switzerland // Poetics. 2021. V. 86. doi: 10.1016/j.poetic.2021.101552
- Mühlbach S., Arora P.* Behind the music: How labor changed for musicians through the subscription economy // First Monday. 2020. V. 25. № 4. doi: 10.5210/fm.v25i4.10382

Проблема цели в психолого-педагогических исследованиях студентов

З. А. Аксютина (ОмГПУ, Омск), Т. Ю. Удалова (ОмГПУ, Омск)

Актуальность исследования обусловлена тем, что при разработке научного аппарата исследования необходимо выявление, формулировка, разработка цели и детализация в задачах, как частных элементах цели. Цель статьи заключается в актуализации проблем понимания студентами цели исследования и целеполагания в процессе осуществления психолого-педагогических исследований студентами. Материалами были публикации российских методологов по проблеме цели исследования. Основными методами была группа теоретических методов исследования. В ходе исследования показана взаимосвязь цели и мотива в научно-исследовательской деятельности, выявлены основные определения понятия «цель исследования», даны основные ошибки допускаемые при постановке цели исследования.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, целеполагание, цель исследования, задачи исследования, логическая ошибка, научный аппарат исследования.

Любая деятельность предваряется осознанием и постановкой цели. Отсутствие цели указывает лишь на проявление некой активности, но не на исследовательскую деятельность. Понимание цели, стремление к ней, осознание ее дает возможности мобилизовать креативность исследователя. Восхождение от замысла исследования к цели позволяет испытать студенту-исследователю глубокое удовлетворение.

Для психологии и педагогики категория «цель исследования» является ключевой. При разработке научного аппарата исследования необходимо ее выявление, формулировка, разработка и детализация в задачах как частных элементах цели. Вполне очевидно, что нереалистичной можно воспринимать научную деятельность без четкой формулировки цели, без ее осмысления. В такой ситуации научно-исследовательская деятельность будет носить хаотичный характер.

Анализ научно-исследовательской практики показывает, что студенты испытывают затруднения при постановке цели научного исследования. Это прослеживается в том, что проблема, связанная с постановкой цели, решается либо плохо, либо крайне слабо. Зачастую научно-исследовательская деятельность реализуется бесцельно, либо исследовательская цель подменяется учебной – сдать курсовую работу, завершить обучение в вузе, для чего требуется написать выпускную квалификационную работу. Эти явления приводят к низкой результативности – не реализуется должным образом творческий потенциал студента, изначально происходит снижение продуктивности научно-исследовательской деятельности в ситуации, когда она еще и не начиналась, отсутствует удовлетворенность научно-исследовательской деятельностью, что часто приводит к отказу от поиска работы по полученному направлению и профилю.

Проблема целеполагания в психолого-педагогических исследованиях рассматривается в науке явно недостаточно. Нет четких методических рекомендаций по ее постановке.

Цель статьи заключается в актуализации проблем понимания студентами цели исследования и целеполагания в процессе осуществления психолого-педагогических исследований.

Новизна исследования состоит в попытке систематики взглядов российских методологов на проблему ошибок при постановке цели исследования.

Материалами для написания статьи были публикации российских методологов, посвященные проблематике цели и целеполагания в психолого-педагогических исследованиях. Основными методами, используемыми при подготовке статьи, была группа теоретических методов и прежде всего анализ, синтез, сравнение, сопоставление.

Рассмотрим причины снижения продуктивности при выполнении научных исследований студентов, обусловленных ошибками при постановке цели.

Первая причина заключается в социально-психологической природе цели.

Вторая причина состоит в том, что государство, в лице образовательных организаций, должно формировать социальные заказы на исследования.

Третья причина предполагает получение некоего идеального продукта, который, в свою очередь, обладает свойствами подвижности, динамичности, изменчивости.

Остановимся на более подробном анализе низкой результативности научно-исследовательской деятельности студентов.

Социально-психологическая природа цели обусловлена тем, что цель формируется в сознании субъекта деятельности, который обладает критическим отношением к образовательной действительности, видит недостатки, проблемы и противоречия в ее функционировании. Цель, с одной стороны, порождается теми объективными обстоятельствами, которые есть в образовательной действительности, но с другой стороны, будучи объективной, цель субъективна, так как разрешается конкретным человеком, имеющим своеобразие мышления, опыта деятельности, обладает определенной степенью осведомленности в профессиональной деятельности. Исследователи, декларирующие одну и ту же цель, могут подразумевать разные ее варианты, что требует пристального внимания в понимании цели.

Образовательные организации должны формировать социальные заказы на исследования с опорой на педагогическую политику. Например, формирование психически здоровой личности. Однако создание модели формирования психически здоровой личности требует разработки экологических, медицинских, реабилитационных и других условий, что весьма затратно и недостижимо в силу экономической неготовности общества и государства к решению имеющейся проблемы.

Цель обладает свойствами подвижности, динамичности, изменчивости, что может приводить к такому феномену, когда при поиске решения существующей проблемы ситуация меняется столь стремительно, что достигнутые результаты не способствуют разрешению противоречий. Динамичность жизни приводит к динамичности цели исследования. Подвижность цели исследования может привести к ее непостижимости, где цель как звезда, до которой не дотянуться руками.

Что бы сохранить целевую установку важно идти к цели, не превращать ее в пустые мечты бездельника, она должна иметь общий характер, оставаясь основным ориентиром в научно-исследовательской деятельности студента.

Итак, цель исследования имеет достаточно общий характер и схематично может выглядеть следующим образом: цель исследования – процесс исследования – содержание исследования – результат исследования.

Схема отображает то, что цель реализуется в процессе исследования, определяет его содержание и обуславливает результат исследования.

Цель — образ желаемого, который достигается в процессе воплощения его в практической реальности. Появление цели вызывает неудовлетворенность реальностью. Цель — первый ключевой элемент научно-исследовательской деятельности, ее достижение происходит через решение системы задач. Задача — это одна из ступенек в движении к цели. Задачи появляются тогда, когда происходит декомпозиция цели с разбивкой ее на элементы для получения заданного результата. Цель имеет стратегический характер (что делать?), а задачи тактический (как делать?). Это создает условия для понимания того, что задача является частью цели, ее составной частью. Вместе с тем отметим, что решение задачи важно совершать только в контексте цели, в противном случае может произойти потеря цели. В свою очередь, решение научной задачи выступает в качестве цели, которая образует новый ряд задач.

Можно наблюдать преобразование цели в задачи, а из задачи формируется дальнейшая цель, получающая развитие в новых задачах. Это указывает на то, что важно формировать цель не только всего исследования, но и каждого параграфа, что будет реализовываться через частные задачи.

Общеизвестно, что основаниями для классифицирования целей и задач выступают:

- степень произвольности;
- содержательное наполнение цели и задач;
- временная перспектива цели и задач.

Целеполагание необходимо рассматривать как умение формулировать цель, конкретизацию ее в задачах, которые целостно позволяют исчерпать цель исследования. Очевидно, что для достижения цели необходимо исчерпать все исследовательские задачи.

Важным аспектом научно-исследовательской деятельности студентов является взаимосвязь цели и мотива в ней. Научно-исследовательская деятельность невозможна без наличия цели, а отсутствие мотива приводит лишь к исполнению некоторых действий. Цель выступает в качестве своего рода побудителя к включению в научно-исследовательскую деятельность, определяет ее содержание и характер. Мотив отражает то, ради чего осуществляется деятельность. При осу-

ществлении научных исследований важна мотивация, с которой студент начинает научно-исследовательскую деятельность. При этом мотивация должна формироваться самим студентом, в противном случае не будет проследиваться погруженность в исследование. Мотив и характер научно-исследовательской деятельности подвержены взаимным влияниям, так как влекут за собой уровень активности при выполнении исследования, характер отношения к нему, последовательность движения к достижению результата. В движении от цели к мотиву происходит своего рода поддержка научно-исследовательской деятельности изнутри через придание деятельности личностных смыслов, имеющих социальную значимость.

Обратимся к пониманию понятия «цель исследования» ведущими методологами в области психологии и педагогики.

В понимании В. И. Загвязинского необходимо «определиться с представлениями о результатах исследования... данные представления непосредственно зависят от представлений о результатах образования в целом и исследуемых процессах в частности» (Загвязинский, 2010, с. 7). У В. В. Краевского цель ключевая характеристика научно-исследовательской деятельности. «Ставя перед собой цель, ученый определяет, какой результат он намерен получить в ходе исследования... Поэтому невозможно ни ставить цель, ни анализировать ее в отрыве от общего движения познающей мысли, от исследовательской деятельности и, главное, ее логики» (Краевский, 2010, с. 140).

Процедура целеполагания требует понимания специфических особенностей и сущности цели психолого-педагогического исследования. Тщательность в построении цели обеспечивает успех в достижении значимых научных результатов.

Методологами уделяется незначительное внимание выявлению ошибок и причин неудач при постановке цели из-за кажущейся простоты ее понимания.

Е. В. Титова выделяет методологические ошибки в педагогических исследованиях. Среди этих ошибок можно выделить те из них, которые связаны с формулировкой цели. Ошибки в целеполагание ею отнесены к ошибкам конструирования исследовательского аппарата (ошибки конструкции). Среди них:

- «нарушение логической последовательности конструирования;
- взаимное несоответствие методологических признаков;
- слияние методологических признаков;

- ошибки формулировок методологических признаков исследования» (Титова, 2011, с. 1648).

Л.А. Шипилина обратила внимание на ошибки в постановке цели исследования. Ею выделены три затруднения (недостатка).

1. «Цель формулируется как процесс деятельности исследователя.
2. Цель не предполагает конечный результат.
3. Цель сформулирована как результат изменений в ученике, учителе и т.д.» (Шипилина, 2018, с. 194).

К причинам их возникновения ею отнесены:

- «низкий уровень методологической культуры исследователя;
- неумение прогнозировать, предвосхищать результаты исследования;
- недостаточность компетенции в области педагогического целеполагания» (там же).

Одним из важнейших аспектов в преодолении ошибок является практико-ориентированное изучение курса логики в педагогических вузах.

Для недопущения ошибок в постановке цели исследования преподавателям необходимо последовательно включать студентов в научно-исследовательскую деятельность расширяя постепенно методологический аппарат исследования. Студентам требуется скрупулезное изучение всех методологических компонентов исследования и широкая практика по его формированию и анализу ошибок в целях пропедевтики.

Литература

- Загвязинский В. И.* Творческое ядро педагогического исследования: от проблемы до гипотезы // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2010. № 10 (78). С. 3–12.
- Краевский В. В.* Методологические характеристики научного исследования // Народное образование. 2010. № 5 (1398). С. 135–143.
- Титова Е. В.* О методологических ошибках в педагогических исследованиях // Письма в Эмиссия. Офлайн. 2011. № 9. С. 1648.
- Шипилина Л. А.* Методология профессионально-педагогических исследований. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2018.

Родительство как предмет изучения психологии труда*

А. А. Алдашева (ИП РАН, Москва), *О. Н. Сиваш* (ИП РАН, Москва),
О. В. Рунец (ИП РАН, Москва)

Целью статьи стало изучение родительского труда в представлениях кровных родителей и экспертов по сопровождению приемных семей как одна из перспективных современных задач исследования родительства. В результате были получены общие функции труда в независимости от типа семьи, такие как формирование морально-нравственных качеств ребенка и передача опыта взаимодействия. Труд кровного родителя направлен на формирование самостоятельности ребенка, способности к конструктивному взаимодействию, ответственности, принятию правил и норм социального поведения. Труд приемного родителя – на уважение психологического пространства ребенка, формирование семейного единства, создание безопасной среды посредством компенсации и коррекции психологических особенностей детей-сирот, принятых на воспитание.

Ключевые слова: родительский труд, образ деятельности, кровные и приемные родители, функции родительского труда, ребенок, принятый на воспитание.

Теоретический анализ проблем родительства показал, что оно рассматривается как базовое жизненное предназначение и основа человеческого бытия. В рамках психологии семьи основными функциями родительства, которые усложняются и расширяются в процессе взросления ребенка, выступают социализация и воспитание, подготовка детей к самостоятельной жизни и т. п. Опрос родителей из разных типов семей показал, что воспитание ребенка выделяется ими как приоритетная функция. Подлинное воспитание, как писал А. В. Брушлинский, представляет собой сотворчество духовных ценностей в ходе совместной деятельности субъектов – воспитателей и воспи-

* Государственное задание № 0138-2023-0010 «Регуляция профессионального взаимодействия в условиях организационных и технологических вызовов».

туемых. Это сотворчество прежде всего общечеловеческих ценностей, поскольку они образуют тот наиболее общий фундамент духовности, на основе которого каждый прокладывает свой жизненный путь, формируя более конкретные и частные нравственные данности, и идеалы. Отсюда важнейшая роль родительского труда в формировании личности в процессе усвоения человеческой культуры (Брушлинский, 2002).

Современное родительство, как и семья в целом, определяется микросистемой факторов влияния, обусловленных целями супругов, их мировоззрением, ценностями и другими (Овчарова, 2005), в том числе и социально-экономическими условиями жизни.

В работах социологов и экономистов родительство и семья, вне зависимости от типа, рассматриваются как основа воспроизводства человеческих ресурсов в национальной экономике (А. И. Антонов, А. П. Багирова, С. И. Голод, И. В. Лаврентьева, А. Г. Харчев и др.). При этом приемная семья как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, имеет свою специфику, определяемую временным характером и договорным способом оформления отношений. Преимущества, благодаря которым эта форма является одним из приоритетных направлений семейной политики в России, заключаются в сохранении и поддержании связи ребенка с кровной семьей; оказание профессиональной помощи ребенку со стороны приемных родителей, имеющих соответствующую подготовку; комфортная психологическая обстановка, максимально приближенная к семейной заботе; подготовка ребенка к самостоятельной жизни и его профессионализация.

Анализ деятельности приемного родителя указывает на то, что в ней содержатся все компоненты родительского труда в кровной семье. При этом приемные родители принимают на себя дополнительные функции – компенсации и коррекции психологических особенностей детей-сирот, принятых на воспитание (Прихожан, Толстых, 2005).

Цель – изучение представлений кровных родителей и экспертов по сопровождению опекунов, попечителей и приемных родителей о психологических функциях родительского труда.

В исследовании приняли участие 101 чел., из них 80 кровных родителей и 21 специалист по сопровождению опекунов, попечителей и приемных родителей. Для изучения родительского труда использовалась методика оценки деятельности – модифицированный опросник О. Липмана с применением оценочной шкалы (частота применения)

для социномических профессий. Процедура подсчета высокочастотных качеств строилась на основе среднего балла, нормальности распределения и выделения квантиля. Статистическая обработка данных включала факторный анализ (методом главных компонент с вращением варимакс с нормализацией Кайзера). Использовался пакет программ SPSS v. 22.0.

Для выделения основных функции родительского труда была проведена факторизация полученных высокочастотных качеств в деятиности как приемного, так и кровного родителей.

Факторный анализ качеств позволил выделить четыре фактора, суммарная дисперсия которых равна 64,84%. Первый фактор (19,14%) назван «Формирование самостоятельности у детей», что предполагает умение ребенка без посторонней помощи справляться с необходимыми делами, проявить ответственность и внимательность, а также эмоционально не зависеть от других. Второй фактор (18,42%) «Формирование конструктивного взаимодействия» отражает функцию родителя обучению социальной компетентности детей, она включает умение эффективно выстраивать взаимодействие и решать конфликтные ситуации. Третий фактор (16,64%) назван нами «Нравственно-формирующая функция». Ее содержание раскрывается действиями, направленными на формирование добросовестного отношения и воспитания чувства долга у детей. Четвертый фактор (10,64%) «Формирование социально одобряемого (социально-нормативного) поведения» отражает направленность на взаимодействие, уважение границ другого, тактичность и умение общаться.

Таким образом, выделенные факторы отражают функции, которые, в представлениях кровных родителей, способствуют успешному воспитанию детей в семье, а именно – формированию самостоятельности у детей, способности к конструктивному взаимодействию, ответственности, усвоению правил и норм социального поведения. Соответственно, можно предположить, что результатом родительского труда, согласно самооценкам кровных родителей, выступает сформированная личность ребенка как гражданина.

Психологическое содержания функций труда приемного родителя было раскрыто с помощью 5-факторной модели, суммарная дисперсия которых составила 70,76%. Первый фактор (18,21%) определен как «Нравственно-формирующая функция», направленная на создание благоприятной атмосферы приемными родителями, в которой ребенок раскрывает свой потенциал. Передача приемными родите-

лями морально-нравственных ценностей: доброты, честности, аффективно-эмоционально насыщенного взаимодействия способствует приобщению к общечеловеческим, национальным, семейным, духовным ценностям. Содержание фактора наполнено такими действиями ПР, как развитие способности ребенка выстраивать межличностные отношения, обучение общению и ориентации в социальных ситуациях, приобретение нравственных ценностей через идентификацию внешних условий и определение своей позиции в ней (Алдашева, Первачева, 2021).

Во втором факторе «Создание безопасной среды» (14,13%) реализуется задача обеспечения безопасного и свободного самовыражения приемного ребенка, которая возложена на приемного родителя. Содержание третьего фактора (13,76%) «Принятие самостоятельных решений» раскрывается как обязанность ПР готовить приемных детей к самостоятельной жизни, развивать их способности в решении творческих задач в разных видах деятельности, в том числе учебной. Четвертый фактор «Уважение личного пространства другого» (13,75%) через воспитание, основанного на взаимоуважении, организации общего быта, досуга, взаимопомощи, создающие условия для получения приемным ребенком (детьми) образования с учетом особенностей состояния здоровья и интересов. Второй, третий и четвертые факторы в сумме дают около 40% объясненной дисперсии и соотносятся с положениями, содержащимися в Договоре о приемной семье (Письмо Министерства образования и науки РФ от 31 августа 2010 г. № 06-364). Пятый фактор (10,92%) получил название «Формирование семейного единства» и связан с устойчивой мотивацией и готовностью ПР формировать и развивать личность приемного ребенка.

Обобщая полученные оценки представлений экспертов по сопровождению приемных семей, можно предположить, что результатом труда приемного родителя является формирование самостоятельности и ответственности приемного ребенка, способного к самообслуживанию, умеющего отвечать за свои поступки, материально содержать себя и свою будущую семью, а также подготовка детей к ответственной взрослой жизни и передача им культурных ценностей.

Выводы

Полученные результаты настоящего исследования показали, что в представлениях кровных родителей и экспертов по сопровожде-

нию деятельности приемных родителей выделяются общие функции родительского труда, такие как: формирование морально-нравственных качеств ребенка, передача опыта взаимодействия в совместном со-бытийном пространстве «взрослый—пространство—ребенок».

Показано, что труд кровного и приемного родителя направлен на формирование самостоятельности ребенка, способности к конструктивному взаимодействию, ответственности, принятию правил и норм социального поведения. В представлениях экспертов, труд приемного родителя ориентирован на уважение психологического пространства ребенка, формирование семейного единства, создание безопасной среды посредством компенсации и коррекции психологических особенностей детей-сирот, принятых на воспитание.

Таким образом, впервые описано психологическое содержание функций разного типа родительского труда. Показаны общие и специфические функции субъекта родительского труда, взявшего на себя обязанность и долг воспитывать детей.

Литература

- Алдашева А. А., Первачёва О. А.* Особенности менталитета приемных родителей как социальной группы // Южнороссийский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 3. С. 112–124. doi: 10.31429/26190567-21-3-112-124
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Овчарова Р. В.* Психология родительства: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: ИЦ «Академия», 2005.
- Письмо Министерства образования и науки РФ от 31 августа 2010 г. № 06–364 «О применении законодательства по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних». Приложение 4. Договор о приемной семье. СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
- Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Психология сиротства. СПб.: Питер, 2005.

К вопросу об определении психологического и субъективного благополучия работников промышленных предприятий

Т. Ю. Башкатов (УрФУ, Екатеринбург)

Определены подходы к рассмотрению благополучия человека с позиций гедонистического и эвдемонического подходов. Представлено авторское рассмотрение возможности определения текущих комбинаций субъективного и психологического благополучия сотрудников, которые обусловлены влиянием промышленного предприятия.

Ключевые слова: благополучие, субъективное благополучие, психологическое благополучие, работники промышленных предприятий.

Вопросы, связанные с благополучием личности, являются объектом пристального рассмотрения на протяжении последних десятилетий. В современных условиях, характеризующихся высокой степенью турбулентности происходящих событий и изменений во всех сферах социальной и общественной жизни, они приобретают особую значимость.

В настоящее время сложилось два основных подхода к рассмотрению благополучия личности – гедонистический (субъективное благополучие) и эвдемонический (психологическое благополучие). Оба подхода имеют свои преимущества и ограничения, и результаты исследований подтверждают, что баланс между этими, с одной стороны, связанными, но при этом все же различными аспектами позитивного психологического функционирования может быть наилучшим подходом для достижения благополучия.

Следует отметить, что благополучие играет ключевую роль во многих видах профессиональной деятельности. Особенно важно это для промышленных предприятий, где работники сталкиваются с высокой нагрузкой, физическими и эмоциональными стрессами, а также рисками для здоровья и безопасности.

Умеренно высокое благополучие работников промышленных предприятий является ключевым фактором их успешности и эффективности, устойчивости к дистрессу, способствует росту произ-

водительности и качества работы на промышленных предприятиях, улучшает социальные отношения в коллективе, а также оказывает влияние на уровень удовлетворенности, вовлеченности и лояльности сотрудников.

Несмотря на умеренно-сильную связь субъективного благополучия с генетикой и личностью, около 60–70% субъективного благополучия обусловлено влиянием окружающей среды. Таким образом, удовлетворение базовых и психологических потребностей положительно способствует субъективному благополучию независимо друг от друга (оценки жизни наиболее сильно связаны с доходом для удовлетворения базовых и психологических потребностей, а позитивные чувства наиболее сильно связаны с удовлетворением социальных потребностей и уважением со стороны окружающих) (Diener et al., 2018). Помимо этого, удовлетворенность досугом и отдыхом является самым сильным предиктором общего субъективного благополучия (через такие психологические механизмы, как: отстранение—восстановление, автономия) (Newman et al., 2014).

Если субъективное благополучие – это оценка жизни с точки зрения удовлетворенности и баланса между позитивными и негативными аффектами, то психологическое благополучие подразумевает восприятие и оценку своего функционирования с точки зрения вершины потенциальных возможностей человека через такие критерии, как: автономность, владение средой, личностный рост, позитивные отношения с окружающими, цель в жизни и самопринятие. Максимальное использование своих талантов и способностей (личностный рост) является центральным фактором психологического благополучия.

Как и в случае с субъективным благополучием, черты личности (экстраверсия, невротизм, сознательность и открытость опыту) тесно связаны с психологическим благополучием. Индивиды с низким уровнем субъективного благополучия и психологического благополучия имеют самые высокие средние показатели невротизма и самые низкие показатели экстраверсии и сознательности, в то время как индивиды с высоким уровнем субъективного благополучия и психологического благополучия демонстрируют обратное (Ryff et al., 2002). Высокая открытость расширяет потенциал и возможности индивидов для самореализации, но может вызывать издержки, связанные с негативными чувствами и оценками жизни. С другой стороны, низкая открытость сохраняет ограниченный диапазон потенциальных воз-

возможностей человека, что может способствовать большей удовлетворенности жизнью (McCrae, Costa, 1991).

В контексте вышесказанного наличие и реализация программ по повышению благополучия работников промышленных предприятий со стороны руководства будет являться значительным фактором повышения мотивации, продуктивности и качества работы сотрудников, а также способности привлечь и удержать талантливых сотрудников. На наш взгляд, разработка таких программ должна базироваться на текущей ситуации, поэтому, в первую очередь, предполагает проведение оценки благополучия работников.

Один из наиболее распространенных и достоверных способов определения благополучия является, наряду с использованием психологических тестов, анонимный электронный опросник, который сотрудники заполняют самостоятельно с периодичностью раз в год. Этот опросник (вопросы в котором должны быть подобраны и проработаны таким образом, чтобы отражать связь факторов субъективного и психологического благополучия с восприятием сотрудниками своей работы на предприятии) является простым и эффективным дополнительным инструментом оценки восприятия работниками благополучия. В качестве примеров можно привести следующие вопросы, ответы на которые даются от категорически несогласен, до полностью согласен...

Субъективное благополучие возможно оценить с помощью следующих ответов:

- В целом я доволен своим предприятием как местом работы.
- Я бы предпочел остаться на предприятии, даже если бы мне предложили равноценную должность в другом месте.
- Моя работа оплачивается достаточно, чтобы я мог оплачивать основные расходы на жизнь.
- Я считаю, что моя зарплата конкурентоспособна по сравнению с зарплатой людей, выполняющих аналогичную работу на других предприятиях.
- Я удовлетворен своим пакетом льгот (например: пенсионные планы, медицинское обслуживание и т. д.).
- Я считаю, что моя работа на предприятии обеспечивает достаточный баланс между работой и жизнью (досугом).
- Я удовлетворен общим физическим окружением, в котором я работаю (условия труда).

- Там, где я работаю, мы никогда не ставим под угрозу безопасность ради достижения других целей (затрат, сроков и т. д.).
- Там, где я работаю, ко мне относятся с уважением, независимо от того, кто я и какую должность занимаю.
- Там, где я работаю, я считаю, что к людям относятся справедливо (при распределении работы, продвижении по службе и т. д.), независимо от их происхождения, личных качеств или других различий.
- Мне выражают признательность и хвалят за хорошо выполненную работу.

На предприятии созданы условия, в которых люди разного происхождения и с разным уровнем образования могут добиться успеха. Психологическое благополучие определяется с помощью следующих ответов:

- Моя работа приносит мне чувство личного удовлетворения.
- Я чувствую, что меня ценят как сотрудника на предприятии.
- Я испытываю управляемый уровень стресса и напряжения в своей работе.
- Предприятие воспитывает культуру инноваций и поощряет творчество и инициативы.
- В моем отделе не тратят время и усилия попусту (нет ненужной работы, бумажной волокиты, работы низкого качества, требующей переделки).
- Там, где я работаю, мы четко понимаем, кто за что отвечает.
- Общение идет в обе стороны — мой руководитель и говорит, и слушает меня.
- Мой руководитель четко объясняет, что от меня ожидается.
- Мой руководитель может корректировать свой стиль руководства в зависимости от ситуации и/или человека.
- Мой руководитель вдохновляет меня делать мою работу как можно лучше.
- Мой руководитель дает мне необходимые рекомендации и советы, помогая мне развиваться и повышать эффективность моей работы.
- Мой руководитель наделяет полномочиями членов нашей команды принимать решения, влияющие на нашу эффективность.
- Мой руководитель поддерживает атмосферу доверия в команде.
- Существует хорошее сотрудничество между командами, отделами или подразделениями.

- У меня есть полномочия принимать решения, необходимые для эффективного выполнения моей работы.
- Я могу достичь своих карьерных целей на предприятии.
- У меня есть реальные возможности развивать свои знания и навыки на предприятии.

Анализ ответов на вышеперечисленные вопросы позволяет определить общий уровень субъективного и психологического благополучия сотрудников при работе на конкретном предприятии и создавать/реализовывать план действий, для улучшения выпадающих пунктов, а также проводить дальнейшие эмпирические исследования в разных плоскостях. Таким же образом можно отслеживать эффективность различных программ предприятия для создания благоприятной рабочей среды, развития профессиональных навыков (личностный рост), обеспечения справедливости и вознаграждения, стимулирования социальной поддержки и учета личностных ценностей работников.

Применение данного способа для определения текущих (обусловленных влиянием предприятия) комбинаций субъективного и психологического благополучия сотрудников позволяет максимально надежно и эффективно выявить процент профилей (в разрезе отдела или департамента) с одновременно низкими показателями по двум разновидностям благополучия и предпринять направленные действия для улучшения ситуации, что, в свою очередь, приведет, как было сказано ранее, к существенному повышению их мотивации, продуктивности и качества работы.

Литература

- Diener E., Oishi S., Tay L.* Advances in subjective well-being research // *Nature Human Behavior*. 2018. V. 2. № 4. P. 253–260. doi: 10.1038/s41562-018-0307-6
- Newman D. B., Tay L., Diener E.* Leisure and subjective well-being: A model of psychological mechanisms as mediating factors // *Journal of Happiness Studies*. 2014. V. 15. № 3. P. 555–578. doi: 10.1007/s10902-013-9435-x
- McCrae R. R., Costa P. T. Jr.* Adding Liebe und Arbeit: The full five-factor model and well-being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1991. V. 17. № 2. P. 227–232. doi: 10.1177/014616729101700217
- Ryff C. D., Keyes C. L. M., Shmotkin D.* Optimizing well-being: The empirical encounter of two traditions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. V. 82. № 6. P. 1007–1022. doi: 10.1037/0022-3514.82.6.1007

Индекс стратегий обработки визуальной информации*

Ю. В. Бессонова (ИП РАН, Москва), А. А. Обознов (ИП РАН, Москва),
В. В. Косьянчук (ГосНИИАС, Москва)

Статья посвящена распределению внимания в условиях конкурирующих задач, проблемам восприятия и идентификации, поддержанию ситуационной осведомленности. Предложен индекс соотношения плотности распределения амьбетных и фокальных фиксаций как показатель активности разных мозговых структур, отвечающих за разные уровни переработки зрительной информации. Индекс может быть использован для поиска уязвимостей, связанных с переключением внимания при выполнении совмещенных задач. В отличие от средней длительности фиксации или разницы длительности фокальных и амьбетных фиксаций, предложенный индекс позволяет дифференцировать изменения когнитивных стратегий обработки зрительной информации и более тесно коррелирует с ошибками пилотирования.

Ключевые слова: внимание, когнитивные стратегии, совмещенная деятельность, конкуренция целей, фиксации, айтрекинг, летная деятельность.

Актуальность исследования состоит в недостаточной методической проработанности выявления несоответствий между представлением информации на интерфейсах и возможностями человека по ее восприятию. Несмотря на совершенствование техники и соблюдение эргономических требований при ее разработке, количество происшествий со сложными техническими средствами не снижается. Предполагалось, что с ростом автоматизации будет возрастать и надежность, автоматика сможет быстрее реагировать на ситуации, чем человек, но автоматизация создает новые риски и новые ошибки, возрастает информационная загруженность операторов, уровень их психического напряжения и требований к оператору (Lynch et al., 2022). Ошибки взаимодействия человека-оператора с интерфейсом

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-29-06091-мк.

признаются причиной 80% морских происшествий (Liu et al., 2021), свыше половины происшествий с беспилотными летательными аппаратами. Выявлен ряд устойчивых проблем человеческого фактора: основные проблемы сосредоточены в области восприятия и понимания информации, распределения внимания, обеспечения ситуационной осведомленности (Lynch et al., 2022). Экспериментально доказано, что вариабельность ошибок взаимодействия оператора с интерфейсом для одних и тех же испытуемых была связана с различной когнитивной обработкой информации (Abu-Alqumsan et al., 2017). Причиной некорректного считывания и интерпретации информации являются особенности интерфейса, которые не соответствуют возможностям человека и требованиям деятельности и которые и не нивелируются в процессе обучения. Для объяснения несоответствий вводятся понятия эргономических уязвимостей интерфейса и психологических уязвимостей человека-оператора. Условием проявления уязвимостей является влияние определенных провоцирующих воздействий, которые могут оставаться неизвестными или не принятыми в расчет на этапах разработки, испытаний и эксплуатации интерфейсов.

В соответствии с гипотезой двух потоков за обработку пространственной и предметной визуальной информации отвечают различные системы мозга: вентральный поток отвечает за идентификацию и распознавание зрительных образов, дорсальный за локализацию и пространственное положение объекта. Исследование с помощью фМРТ подтвердило теорию Б. М. Величковского о связи амбьетных и фокальных визуальных фиксаций с активацией дорсального и вентрального потоков обработки зрительной информации. Амбиентная стратегия обработки зрительной информации направлена на обеспечение ориентировки и характеризуется короткими фиксациями и высокоамплитудными саккадами, тогда как фокальная стратегия связана с осознанным вниманием и идентификацией рассматриваемого объекта и характеризуется длительными фиксациями и короткими саккадами (Величковский и др., 2019).

Совмещенная деятельность требует быстрого переключения между задачами, поддержания ориентировки и идентификации нескольких объектов на одинаково эффективном уровне при определенных внешних условиях противоречит возможностям распределения внимания и нейрофизиологии в силу торможения конкурентных процессов и наличия рефрактерного периода.

Гипотеза настоящего исследования заключалась в предположении, что при одновременном выполнении совмещенных действий, особенно под влиянием усложняющих факторов, можно спровоцировать актуализацию психологической уязвимости интерфейса, связанную с распределением внимания, что проявится в успешности выполнения конкурирующих задач и в уровне когнитивного напряжения оператора.

Целью было выявить маркер психологических уязвимостей, связанный с распределением внимания при совмещенной деятельности при выполнении полетного задания. Типичным для летной деятельности является совмещение двух задач — пилотирование и пространственная ориентировка (Пономаренко, 2000). При использовании пилотажно-навигационного интерфейса эти задачи трансформируются в задачу контроля за автоматическим управлением и задачу поддержания ситуационной осведомленности.

Метод

В экспериментальном исследовании воссоздавалась совмещенная деятельность по выполнению двух одновременных задач: выдерживание заданного режима полета (пилотирование со скоростью в диапазоне от 200 до 220 км/ч) и поиск заданного наземного объекта. Выполнение полетного задания сопровождалось регистрацией окуломоторной активности и движения взгляда с помощью айтрекера SMI Red-M 250 Hz (SMI, Germany). Дизайн эксперимента включал 5 серий, предполагающих выполнение одного и того же полетного задания при усложняющихся условиях по степени их нарастания: в стандартных условиях, плюс усложненные погодные условия, плюс лимитирование времени выполнения задания, моделирования отказа отказ левого двигателя, утомление оператора.

Результаты

Длительность фиксаций в зависимости от амплитуды саккад подчиняется полимодальному распределению, с четким выделением типов фиксаций: сверхкоротких корректировочных фиксаций до 90 мс ($M = 66 \pm 26,9$; 10,5%); коротких амбьентных фиксаций от 90 до 140 мс ($M = 116 \pm 13,7$; 10,3%), обусловленных переключением внимания и связанных с локализацией и ориентировкой в пространстве; предфо-

кальных фиксации 140–200 мс ($M = 169 \pm 15,7$; 13,6%); фокальных 200–350 мс ($M = 269 \pm 39,5$; 24,1%), сверхдлинных фиксации свыше 350 мс ($M = 387,6 \pm 39,0$; 24,9%).

Результаты дисперсионного анализа подтверждают, что более высокая длительность фиксации ассоциирована с более высокой эффективностью совмещенной деятельности: успешным поиском и идентификацией целевого стимула ($F(1, 3256) = 7,03$, $p < 0,008$; $\eta^2 = 0,21$), корректным считыванием показаний скорости ($F(1, 2732) = 16,65$, $p < 0,00$; $\eta^2 = 0,08$), выдерживанием скорости в заданных пределах ($F(1, 2926) = 6,76$, $p < 0,009$; $\eta^2 = 0,05$).

По данным окуломоторной активности, при выполнении совмещенной деятельности происходит ожидаемый эффект туннелирования – приоритетная фокусировка внимания на задаче поиска и опознания заданного объекта в ущерб выдерживанию и контролю указателя скорости. Совмещенная деятельность требует оптимального количества фокальных фиксации и для поиска цели, и для идентификации показаний скорости. Однако задача поиска и опознания заданного наземного объекта выбирается в качестве приоритетной и сопровождается ростом длительности фиксации за счет сокращения длительности фиксации в менее субъективно значимых остальных зонах интереса. Туннелирование заключается в увеличении количества фиксации при сокращении их длительности. Отмечается поляризация типов фиксации: увеличивается как количество коротких и сверхкоротких фиксации, так и сверхдлинных за счет сокращения доли фокальных фиксации. Происходит резкое сокращение количества фокальных фиксации на показаниях скорости за счет большого количества переключений внимания и увеличения доли коротких ориентировочных фиксации. Контроль скорости при выполнении совмещенных задач ухудшается в 2–2,5 раза, что связано не только с эргономическими недостатками интерфейса (недостаточно информативной индикацией скорости и необходимостью переноса взгляда в другую, пространственно удаленную зону интерфейса), но и конкуренцией целей.

Эффект туннелирования усиливается при действии усложняющих факторов, что связано с активизацией зрительного поиска цели в условиях усложненной обстановки. Наибольший эффект отмечается при первом неожиданном предъявлении усложняющего фактора ухудшении метеоусловий и при утомлении оператора.

Установлена инерционность воздействия конкуренции целей: поляризация типов фиксации пролонгирована во времени. Это про-

является в изменении оculoмоторной активности не только на этапе совмещенной деятельности, но и на последующих этапах полетного задания, не предполагающих конкуренции целей.

Также отмечена генерализация влияния усложняющих факторов, проявляющаяся в сокращении длительности фиксаций не только на показаниях скорости, но и на других зонах интереса. Выполнение более приоритетной задачи поиска цели сопровождается сдвигом в преобладание коротких фиксаций не только на указателе скорости, но и на другой навигационной индикации.

Наконец, установлен эффект тренированности: максимальное ухудшение показателей оculoмоторной активности отмечается при первом, внезапном предъявлении усложняющего фактора, в дальнейшем происходит адаптация операторов с частичным восстановлением исходных показателей эффективности стратегий обработки информации.

Для поиска уязвимостей, связанных с распределением внимания и изменением стратегий обработки зрительной информации, предложен индекс соотношения плотности распределения амбьентных и фокальных фиксаций. Индекс рассчитывался для фиксаций, приходящихся на показания приборов, необходимых для выполнения конкурирующих задач. В отличие от усредненного показателя длительности фиксаций или разницы между плотностью фокальных и амбьентных фиксаций, показано, что их соотношение является более чувствительным к изменениям доминирующей стратегии когнитивной обработки зрительной информации и более тесно коррелирует с ошибками при пилотировании.

Выводы

При выполнении совмещенной деятельности отмечаются эффекты туннелирования за счет конкуренции задач, усиливающейся при неравнозначности задач и под влиянием усложняющих факторов. Сосредоточение внимания на одной зоне в ущерб другим сопровождается изменением стратегий обработки зрительной информации, что проявляется в изменении соотношения плотности распределения амбьентных и фокальных фиксаций. Данный показатель может быть использован как на этапе эргономического проектирования интерфейса, так и на этапе выполнения деятельности при разработке биоадаптивных интерфейсов, обеспечивающих оперативную подстрой-

ку отображаемой информации индикаторов и шкал в зависимости от динамики переключения взора оператора.

Литература

- Величковский Б. М., Коростелева А. Н., Pannasch S., Helmert J. R., Орлов В. А., Шараев М. Г., Величковский Б. Б., Ушаков В. Л.* Две системы зрения и их Движения глаз: эксперимент с фиксациями как событиями и сверхбыстрой фМРТ примиряет соперничающие взгляды // *Современные технологии в медицине*. 2019. № 11 (4). С. 7–18. doi: 10.17691/stm2019.11.4.01
- Пономаренко В. А.* Созидательная психология. М.–Воронеж: МПСИ, МОДЭК, 2000.
- Abu-Alqumsan M., Kapeller C., Hintermüller C., Guger C., Peer A.* Invariance and variability in interaction error-related potentials and their consequences for classification // *Journal of Neural Engineering*. 2017. № 14 (6). 066015. doi: 10.1088/1741-2552/aa8416
- Liu J., Aydin M., Akyuz E., Arslan O., Uflaz E., Kurt R. E., Turan O.* Prediction of human–machine interface (HMI) operational errors for maritime autonomous surface ships (MASS) // *Journal of Marine Science and Technology*. 2021. № 27. P. 293–306. doi: 10.1007/s00773-021-00834-w
- Lynch K. M., Banks V. A., Roberts A. P., Radcliffe S., Plant K. L.* Maritime Autonomous Surface Ships: Can we learn from Unmanned Aerial Vehicle incidents using the Perceptual Cycle Model? // *Ergonomics*. 2022. № 66. P. 1–28. doi: 10.1080/00140139.2022.2126896

Профессиональная идентичность личности и феномен выгорания: проблема соотношения в современных исследованиях*

И. А. Булгаков (НИУ ВШЭ, Москва)

В статье представлен теоретический обзор соотношения понятий профессиональной идентичности личности и феномена выгорания, представленного в современных психологических исследованиях. Отмечается неоднозначная, комплексная структура профессиональной идентичности как ключевого элемента социальной идентичности личности. Отмечается значимая роль профессиональной идентичности человека в определении его отношения как к профессиональной деятельности, так и к иным сферам жизни. Отдельно выдвинуты предположения о наличии инструментов предъявления профессиональной идентичности в процессе межличностного взаимодействия, одним из которых могут быть стратегии сохранения «лица». Отмечается их возможная связь с феноменом выгорания. Определены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: выгорание, идентичность, социальная идентичность, профессиональная идентичность, стратегии сохранения «лица», взаимодействие.

Феномен профессиональной идентичности личности и проблема выгорания сотрудников в организациях по праву продолжают привлекать большое внимание специалистов из различных научных областей. Феномен выгорания не просто продолжает оставаться актуальной и востребованной проблемой для исследователей, но и создает еще большую практическую значимость для изучения новых аспектов причин его возникновения у сотрудников в организациях. В это же

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 22-00-014 «Психологические факторы адаптации сотрудников к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации» в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)».

время все больше внимания исследователи начинают уделять феномену профессиональной идентичности личности как возможному предиктору выгорания человека на рабочем месте. Показано, что особенности профессиональной идентичности могут быть связаны с вероятностью наступления выгорания (Crocetti et al., 2014). Существуют исследования, в которых профессиональная идентичность не просто рассматривается как комплексный фактор выгорания, а понимается как феномен, определяющий судьбу человека как на работе, так и за ее пределами, являющийся важнейшей частью структуры социальной идентичности личности (Caza et al., 2016). Все это создает дополнительный исследовательский интерес не только к современному пониманию феномена выгорания, но и к пониманию особенностей устройства связи между профессиональной идентичностью личности и выгоранием. В рамках настоящей работы предлагается теоретический обзор существующих современных подходов к определению соотношения профессиональной и социальной идентичности личности, а также соотношения понимания профессиональной идентичности и выгорания.

Начиная с первых исследований феномена выгорания Г. Фрейденбергера в 1974 г. он рассматривался как один из результатов взаимодействия людей между собой. В то же время предполагается, что социальная идентичность предъясняется человеком в ситуациях межличностного взаимодействия через различные инструменты ее демонстрации, одним из которых могут быть стратегии сохранения «лица». Показано, что выбираемые человеком стратегии предъяснения своей идентичности могут иметь разную связь с выгоранием человека на работе (Kelly et al., 2022). Подобные теоретические предположения о наличии инструментов предъяснения социальной идентичности в контексте ее связи с выгоранием позволяют предполагать наличие более сложной связи между изучаемыми феноменами. Кроме того, понимание профессиональной идентичности как элемента структуры социальной идентичности личности позволяет выдвигать дополнительные предположения о том, что рассматриваемая связь между феноменом профессиональной идентичности и выгоранием может быть сложнее и неоднозначнее. Отмечается, что выгорание не в последнюю очередь зависит от отношения человека к своей профессионально-трудовой сфере жизни, в состав которой входят как особенности труда, так и выстраиваемые отношения с коллегами и руководством. Именно отношение человека к своей профессии

может влиять на его успешность в других сферах жизни, провоцировать или снижать риск выгорания (Ярошенко, 2019).

Одной из точек пересечения всех трех феноменов (профессиональной идентичности, выгорания и стратегий сохранения «лица») может быть рассмотрена ситуация межличностного взаимодействия. Если феномен выгорания с ранних исследований понимается как результат межличностного взаимодействия, то профессиональная идентичность личности, понимаемая как часть социальной идентичности, может рассматриваться в контексте межличностного взаимодействия с точки зрения особенностей ее предъявления. Человек стремится не просто быть частью определенного сообщества (в том числе профессионального), но он стремится предъявить свою идентичность, подтвердить свое знание о себе через контекст социального взаимодействия. Профессиональная идентичность личности также не может быть рассмотрена вне контекста межличностного взаимодействия. Однако данное направление оказывается малоиспользуемым в настоящее время.

Одним из способов предъявления идентичности (в том числе социальной) в процессе взаимодействия являются стратегии сохранения «лица», предложенные С. Тинг-Туми, через которые человек способен предъявлять подготовленную им идентичность внешнему миру. Несмотря на растущий интерес к изучению способов демонстрации идентичности, данная тема все еще мало представлена как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. Тем не менее, некоторые авторы предпринимают попытки исследования данного направления и приходят к выводу о наличии возможной связи между профессиональной идентичностью и выбираемыми человеком стратегиями сохранения «лица» (Cullinan et al., 2022). Кроме того, феномен стратегий сохранения «лица» все более активно начинает изучаться в контексте возникновения выгорания человека на работе, что подтверждается в недавнем исследовании (Kelly et al., 2022).

Приведенные примеры показывают, что в настоящее время феномен выгорания наряду с феноменом профессиональной идентичности личности является востребованным как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Отдельно существует большой набор исследований, которые изучают связь между двумя феноменами. Но при попытке использования полученных результатов обнаруживается, что оба феномена имеют неоднозначную трактовку и осложнены иными аспектами в своем понимании. Так, профессиональная

идентичность рассматривается как важнейший элемент структуры социальной идентичности личности, а связь между профессиональной идентичностью и выгоранием может быть опосредована особенностями того, как сформированная человеком идентичность проявляется в ситуациях взаимодействия. Именно контекст социального взаимодействия может стать единым полем, объединяющим все три феномена и дающим возможность для расширения изучения возможных причинно-следственных связей в рамках дальнейших эмпирических исследований.

Литература

- Ярошенко Е. И.* Социально-психологическая модель эмоционального выгорания личности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 1 (49). С. 264–270.
- Caza B. B., Creary S.* The construction of professional identity // Perspectives on contemporary professional work. Edward Elgar Publishing, 2016. P. 259–285.
- Crocetti E., Avanzi L., Hawk S. T., Fraccaroli F., Meeus W.* Personal and social facets of job identity: A person-centered approach // Journal of Business and Psychology. 2014. V. 29. P. 281–300. doi: 10.1007/s10869-013-9313-x
- Cullinan M. E., Purtell R., Canary H. E.* Emerging professional identity in patient hand-off routines: A practical application of performative face theory // Health Communication. 2022. V. 37. № 5. P. 577–585. doi: 10.1080/10410236.2020.1857518
- Kelly S., Brown W. S., Drye S.* Do we burn ourselves trying to save face? Face concerns as a predictor of subordinate willingness to self-censor and burnout // International Journal of Business Communication. 2022. P. 23294884221118896. doi: 10.1177/23294884221118896

Благополучие сотрудников полиции через призму субъектного подхода

И. В. Васильева (ТюмГУ; ТИПК МВД России, Тюмень)

Описано исследование структуры представлений о благополучии у сотрудников полиции в рамках субъектного подхода. Предполагалось, что представления о благополучии у сотрудников полиции будут отражать специфику их профессиональной деятельности. В качестве метода использовался метод свободных ассоциаций, модифицированный под задачи исследования. Участвовало 45 чел. из разных подразделений органов внутренних дел. Показана неспецифичность структуры представлений относительно профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Преимущественно представления о благополучии у сотрудников полиции связаны с категорией субъекта жизни и менее выражено – с категорией субъекта деятельности.

Ключевые слова: благополучие, субъектный подход, сотрудники полиции, субъект деятельности, субъект жизни.

В рамках постнеклассического подхода к исследованиям важно обратиться к социокультурному контексту, в котором осуществляется жизнедеятельность человека (Лекторский и др., 2016). Актуальные события как в нашей стране, так и в мире в целом отражаются на эмоциональном состоянии людей, их ожиданиях относительно будущего, их ценностях и смыслах. Сотрудники полиции несут двойную нагрузку: как обычные граждане и как сотрудники структур, обеспечивающих безопасность других людей и материальных объектов. Можно предположить, что содержание профессиональной деятельности будет отражаться в представлениях сотрудников полиции о жизни и деятельности.

Исследования благополучия в последнее время становятся все более актуальными. Это связано с интересом к человеку как к субъекту не только деятельности, но и как к субъекту жизни (Сергиенко, 2011). Этот фокус исследований поддерживается развитием герменев-

тической традиции в научных психологических исследованиях, пониманием того, что только знаниевый подход не дает полноты картины для понимания человека и его жизнедеятельности (Знаков, 2008).

Организация исследования

В опросе приняли участие 45 сотрудников органов внутренних дел, из них 10 женщин, 35 мужчин. Участники исследования были представителями: дежурной части (14 чел.), охранно-конвойной службы (5 чел.), дорожно-постовой службы ГИБДД (12 чел.), патрульно-постовой службы (9 чел.), штаба (5 чел.). Возраст участников варьировался от 20 до 43 лет. Стаж в профессиональной деятельности: от 6 месяцев до 5 лет. Образовательный уровень участников исследования: среднее полное образование (4 чел.), среднее профессиональное образование (24 чел.), неоконченное высшее образование (4 чел.), высшее (13 чел.).

Инструкция для участников звучала следующим образом: на слово «благополучие» нужно дать по три ассоциации в формате глагола, прилагательного, существительного, всего девять ассоциаций (в инфинитивной форме). Ассоциативный ряд ограничивался только по форме и количеству и не ограничивался по содержанию. Обработка полученных данных проводилась посредством частотного анализа. На первом этапе обработки считались частоты для полностью совпадавших слов, в одну группу собирались слова (семантические единицы), имеющие идентичную семантику, но относящиеся к разным частям речи (глаголы, прилагательные, существительные). На втором этапе обработки эти группы слов собирались в укрупненные группы по семантическому сходству. Оценка количества семантических единиц, содержащихся в укрупненных семантических группах, позволяет сделать вывод относительно структуры представлений о благополучии участников исследования. Для сравнения пропорций, в которых представлены укрупненные семантические группы, использовался z-тест.

Результаты исследования

Было получено 405 слов (семантических единиц), из которых категоризовано по семантическим группам было 231 слово (57% от общей выборки). Остальные 174 слова (43%) не были категоризованы по причине отсутствия общих оснований.

Таким образом были получены следующие укрупненные смысловые категории, расположенные в порядке убывания представленности: эмоции (68 семантических единиц), работа (33), семья (31), действия по эмоциональной стабилизации (28), материальный достаток (24), здоровье (11), достижения (9), экзистенция (7).

Укрупненную семантическую группу № 1 «эмоции» составляют следующие семантические единицы: радоваться (9), радостный (3), радость (3); веселый (3), улыбаться (1), улыбка (1), жизнерадостный (3), счастье (8), счастливый (6), гармоничный (2), гармония (4), спокойный (7), спокойствие (3), добродушный (1), доброжелательный (1), добрый (4), любить (2), любовь (2), любящий (5), приятный (4). Укрупненную семантическую группу № 2 «работа» составляют следующие семантические единицы: работа (4), работник (1), работать (13), работающий (1), трудиться (1), трудолюбивый (3), служить (3), сотрудник (1). Укрупненную семантическую группу № 3 «семья» составляют следующие семантические единицы: семья (15), семейный (7), родители (2), дети (2), ребенок (1), дом (4). Укрупненную семантическую группу № 4 «действия по эмоциональной стабилизации» составляют следующие семантические единицы: понимание (3), понимать (2), понимающий (2), отдохнувший (1), отдыхать (6), забота (3), заботиться (5), заботливый (1), помогать (5). Укрупненную семантическую группу № 5 «материальный достаток» составляют следующие семантические единицы: «богатство» (1), деньги (3), материальный (4), финансовый (3), избыток (1), доход (1), достаток (5), состоятельность (1). Укрупненную семантическую группу № 6 «здоровье» составляют следующие семантические единицы: здоровье (6), здоровый (5). Укрупненную семантическую группу № 7 «достижения» составляют следующие семантические единицы: добиться (2), достигать (5), достигший (2). Укрупненную семантическую группу № 8 «экзистенция» составляют следующие семантические единицы: жить (4), жизнь (1), житейский (1), существовать (1).

В результате частотного анализа было получено восемь укрупненных семантических групп, описывающих представления участников исследования о благополучии. Расчет разницы между пропорциями (z -тест) представленности каждой укрупненной семантической группы в той части данных, которая была категоризована, показал, что между некоторыми укрупненными семантическими группами наблюдается статистически значимая разница. Представленность семантических групп категория «эмоции» статистически значи-

мо отличается от представленности всех остальных семантических групп ($p=0,000$).

Представленность семантических групп категории «работа» статистически значимо отличается от представленности семантических групп категорий «здоровье» ($p=0,000$), «достижение» ($p=0,001$), «экзистенция» ($p=0,000$). По остальным группам («материальный достаток», «семья», «действия по эмоциональной стабилизации») статистическая значимость не достигается. Представленность семантических групп категории «семья» статистически значимо отличается от представленности семантических групп категорий «здоровье» ($p=0,001$). По остальным группам («материальный достаток», «работа», «действия по эмоциональной стабилизации», «достижение», «экзистенция») статистическая значимость не достигается. Представленность семантических групп категории «действия по эмоциональной стабилизации» статистически значимо отличается от представленности семантических групп категорий «здоровье» ($p=0,004$), «достижение» ($p=0,001$), «экзистенция» ($p=0,000$). По остальным группам («материальный достаток», «работа», «семья») статистическая значимость не достигается. Представленность семантических групп категории «материальный достаток» статистически значимо отличается от представленности семантических групп категорий «здоровье» ($p=0,024$), «достижение» ($p=0,007$), «экзистенция» ($p=0,001$). По остальным группам («действия по эмоциональной стабилизации», «работа», «семья») статистическая значимость не достигается.

Обсуждение результатов

Наиболее часто встречающимися в структуре представлений о благополучии, являются семантические единицы, описывающие позитивные эмоции. Можно говорить о том, что на втором по встречаемости месте и равноценными считаются семантические единицы, описывающие работу, семью, материальный достаток и действия, совершаемые субъектом по эмоциональной стабилизации себя и других людей. И отдельной группой, чьи семантические единицы реже всего встречаются в представлениях субъектов о благополучии, являются семантические единицы, описывающие здоровье, возможности достижения и сам факт существования человека и мира. Можно говорить о том, что представления о благополучии у сотрудников полиции неспецифичны, они не отражают особенных характеристик

профессиональной деятельности, они отражают общечеловеческие представления о благополучии. Это те общие характеристики, которыми может быть описан субъект жизни и субъект деятельности (Сергиенко, 2011). Причем компоненты, которыми может быть охарактеризован субъект деятельности, представлены гораздо меньше (работа, достижения), тогда как компоненты, которыми может быть описан субъект жизни, представлены гораздо шире (семья, здоровье, экзистенция).

Заключение

Представления о благополучии у сотрудников полиции не специфично, не связано с особенностями профессиональной деятельности. В представлениях сотрудников полиции о благополучии отражаются общечеловеческие ценности.

Литература

- Знаков В. В.* Психология субъекта А. В. Брушлинского и психология человеческого бытия // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2008. Т. 14. № 4. С. 4–10.
- Лекторский В. А., Аршинов В. И., Кузнецов В. Ю., Пружинин Б. И.* Постнеклассическая наука и социокультурный контекст // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 8. С. 745–753.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.

Психологическое здоровье психологов

Н. А. Васильченко (КубГУ, Краснодар),

Ю. Б. Шлыкова (КубГУ, Краснодар)

Представлен теоретический и эмпирический анализ изучения психолога как субъекта профессиональной деятельности. Исследуются особенности психологического здоровья психологов трех групп. Удалось выявить существующие связи между различными аспектами психологического здоровья личности и направленностью профессиональной деятельности, которой заняты психологи.

Ключевые слова: субъект, психолог, профессиональная деятельность, психологическое здоровье.

В современном мире ученые все чаще обращаются к проблеме здоровья личности. Особое значение она приобретает в контексте профессиональной подготовки тех специалистов, которые во многом способствуют адекватному отношению человека к своему физическому и психическому и психологическому здоровью, т. е. психологов. Актуальность исследования психологического здоровья психологов обусловлена тем, что его нарушение составляет существенную проблему психологической работы, которая нуждается в понятийном аппарате, раскрывающем особенности феномена психологического неблагополучия, который позволял бы их фиксировать, а также проектировать результативные профилактические мероприятия, направленные на поддержание психологического здоровья всех участников консультативного или терапевтического процесса.

Результаты многочисленных научных исследований показывают наличие проблемы психологического здоровья у психологов. Как ни странно, но многие практикующие психологи неадекватно или неполно понимают особенности психологического здоровья человека, не осознают проблемы собственного психологического здоровья, не осознают ответственности за сохранение психологического здоровья клиентов (Воронина, 2016; Митина, 2005; Печеркина, 2018).

Ориентация на достижение психологического здоровья и его развитие у психологов позволяет решать важные психологические задачи, которые стоят сегодня перед обществом: обеспечение качества процесса развития личности и создание условий для полноценной самореализации личности.

Психологическое здоровье является той составляющей общего благополучия личности, которая может оказывать влияние на все остальные аспекты бытия. В понятие психологического здоровья, как правило, включается большое количество компонентов, составляющих, показателей. Изучаются они все, добавляются новые. Наиболее важным здесь является не сам перечень составляющих психологического здоровья, а интерес к связи психического и физического показателей здоровья.

В настоящем исследовании осуществлено изучение психологического здоровья психологов. Авторы предположили, что особенности отношения к здоровью и психологическое благополучие психологов будет связано с их профессиональной деятельностью. Чтобы ярче показать данную связь, были выбраны различные отрасли профессиональной деятельности психологов, которые могут по-разному оказывать влияние как на личность психолога, так и на его психологическое здоровье.

Целью исследования стало определение связи направленности профессиональной деятельности с психологическим здоровьем психологов. Объектом — компоненты психологического здоровья психологов (отношение к здоровью, субъективная оценка здоровья и качества жизни, социально-психологическая адаптированность, склонность к отклоняющемуся поведению, ведущие копинг-стратегии). Предмет исследования — связь профессиональной направленности с компонентами психологического здоровья психологов.

Методологической базой исследования выступили работы по проблематике здоровья и психологического здоровья (В. А. Ананьев, К. Байер, О. С. Васильева, Л. Д. Дёмина, С. Д. Дерябо, И. В. Дубровина, И. А. Ральникова, В. Е. Каган, Г. С. Никифоров, Л. Шейнберг, В. А. Ясвин), а также проблемам становления психологов в профессиональной деятельности и профессионального здоровья (Р. А. Березовская, В. А. Бодров, Г. Г. Вербина, Н. А. Кондратова, Л. М. Митина, Г. С. Никифоров, А. А. Печеркина, М. В. Хватова).

Для проверки гипотезы исследования, заключающейся в предположении о том, что тип профессиональной деятельности пси-

холога связан с особенностями его отношения к своему здоровью, были использованы следующие методики: опросник «Индекс отношения к здоровью» С. Д. Дерябо, В. А. Ясвина; опросник оценки качества жизни SF-36; методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП); методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда; методика диагностики копинг-стратегий («Способы преодоления критических ситуаций» Е. Хейма).

В исследовании приняло участие 42 респондента. Все они являются психологами в различных профессиональных отраслях. Изначально выборка была разделена на три группы, в соответствии с направленностью профессиональной деятельности: 1 группа – психологи, работающие в образовательных организациях (педагог-психолог, 14 чел.); 2 группа – психологи, ведущие консультативную и терапевтическую индивидуальную деятельность (15 чел.); 3 группа – психологи, работающие в крупных организациях (психолог в сфере управления и работы с кадрами, 13 чел.).

В рамках многих психологических теорий здоровье выступает в качестве основного и необходимого условия актуализации высших («вершинных») возможностей человеческой природы. Очень важным является не только понимание психологического здоровья психологов как цели и результата деятельности, но и определение в нем принципа развития, отношения психолога к собственному психологическому здоровью, а также обозначение проблемы его достижения и совершенствования.

На наш взгляд, психологическое здоровье психологов следует рассматривать как основу полноценного и продуктивного профессионального процесса консультирования и терапии.

Показателем и результатом успешной работы психолога по проблеме собственного психологического здоровья является полноценная самореализация всех участников психологического процесса.

Психологическое здоровье психолога предстает в ряде исследований как совокупность ценностей, знаний, умений и способов саморегуляции, обеспечивающих гармоничное взаимодействие с самим собой и окружающим миром (Воронина, 2016; Печеркина, 2018). Известно, что успешность в любой деятельности обеспечивается степенью развитости личности и, в свою очередь, вызывает определенное состояние благополучия, комфорта, уверенности в себе, перспективности, гармонии. Это, по сути, и является воплощением «искомого»

психологического здоровья (Вербина, 2010; Воронина, 2016; Митина, 2005; Печеркина, 2018).

Отсутствие у психолога удовлетворенности, успеха в профессиональной деятельности, общении порождает негативные состояния дискомфорта, напряжения, в которых формируются отрицательные эмоции и чувства неуверенности в себе, агрессивности либо пассивности и другое, обнаруживая наличие у него проблем психологического здоровья. Речь идет о том, что чем более гармонично соединены все существенные свойства, составляющие личность, и сформированы адекватные отношения с собой и миром, тем более она устойчива, уравновешена и способна противодействовать влияниям, стремящимся нарушить ее целостность, а значит, психологически здорова.

Профессия психолога предъявляет серьезные требования к эмоциональной стороне личности. Наличие эмоциональной напряженности особенно ярко проявляется у представителей данной профессии.

В ходе исследования удалось выявить существующие связи между различными аспектами психологического здоровья личности и направленностью профессиональной деятельности, которой заняты психологи.

1. Отношение психологов к своему здоровью. Педагоги-психологи больше остальных ориентированы на эмоциональный компонент отношения к здоровью ($p=0,01$). Они проявляют личную заинтересованность, но ориентированы чаще на свои болезни или проблемы со здоровьем у близких.

Психологи-консультанты и психотерапевты больше остальных осведомлены о различных аспектах физического и психологического здоровья и их взаимозависимости ($p=0,01$). У этих психологов выше уровень профессиональных знаний о здоровье человека и готовность использовать эти знания ($p=0,01$).

Отличие психологов из сферы управления и организационной психологии в их большей готовности к просветительской деятельности ($p=0,01$) и к включению себя в различные формы оздоровительной деятельности ($p=0,01$).

2. Субъективная оценка качества жизни и здоровья у психологов очень высокие. Различия проявились лишь в том, что группа психологов из организаций демонстрирует очень высокие показатели по большинству параметров (от 72 Т баллы до 75 Т баллы ($p=0,01$)).

3. Склонности к отклоняющемуся поведению (как готовность к преодолению общепринятых норм).

Педагоги-психологи более остальных ориентированы на уже установленные нормы и правила, так как в своей профессии выполняют роль одного из каналов передачи данных норм и правил подрастающему поколению.

Психологи-консультанты занимают более мягкую позицию, достаточно доверяют себе и своему мнению, но способны и соблюдать нормы и правила общества.

Респонденты, работающие в организационно-управленческой сфере, более ориентированы на собственное мнение, на преодоление общепринятых правил, на доказательство своей правоты.

4. Уровень социально-психологической адаптированности.

Психологи, работающие в образовательной сфере и в сфере консультирования и психотерапии, более ситуативны (131/136). Они ориентированы на менее широкий круг общения, но более глубокие отношения. Не склонны к доминированию и контролю. Хорошо понимают природу человека, принимают себя и других, при этом ограничивая свою зону социальных отношений.

Психологи, занимающиеся организационно-управленческой деятельностью, более ориентированы на социальное взаимодействие, готовы к новым контактам и отношениям, принимают себя и других людей, ориентированы на управление и доминирование (161, $p=0,01$).

5. Стратегии совладания. Педагоги-психологи используют различные сферы копинг-поведения, при этом часто демонстрируют неадаптивный копинг (21 балл).

Психологи-консультанты более ориентированы на когнитивный копинг (19 баллов) и чаще демонстрируют адаптивные стратегии (19 баллов), при этом используют и неадаптивные стратегии (16 баллов).

У психологов в организации преобладают редко встречающийся эмоциональный копинг (8, $p=0,01$), и они являются самыми продуктивными в преодолении стрессовых ситуаций и затруднений (18, $p=0,05$).

Профессиональная деятельность психолога является отражением психического и психологического состояния всего общества. Запрос на психологическую помощь, критерии оценки психологического

здоровья, модели психотерапевтической и консультационной работы – все это определяется состоянием общества.

Таким образом, отношение к здоровью и само психологическое здоровье психологов связаны с их профессиональной деятельностью. Перспективным может оказаться исследование особенностей психологического здоровья у психологов с разным опытом профессиональной деятельности и разным уровнем удовлетворенности своей деятельностью, а также исследование психологического здоровья других профессиональных групп.

Литература

- Аверьянов А. И., Бакланова Н. К., Бакланов К. В., Журавлева Е. А.* и др. Психологическое здоровье специалиста социальной сферы. Коллективная монография. М., 2014.
- Вербина Г. Г.* Акмеологическая концепция развития профессионального здоровья специалиста. Чебоксары: Изд-во Чувашского унта, 2010.
- Воронина Е. В., Дереча И. И.* Психологическое здоровье работников социономических профессий // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов. Наука и образование. 2016. № 11 (90). С. 1.
- Митина Л. М., Митин Г. В., Анисимова О. А.* Профессиональная деятельность и здоровье педагога. М.: Академия, 2005.
- Печеркина А. А.* Психологические факторы риска профессионального здоровья психологов // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии. Уральский форум психологов государственных структур и силовых ведомств. Министерство образования и науки РФ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина / Отв. ред. И. А. Ершова. 2018. С. 98–100.

Профессиональное выгорание и проактивность в свете МКБ-11 (к 130-летию Владимира Николаевича Мясищева)

Н. М. Воищева (АНО ДПО «ПШППО», Санкт-Петербург),
В. Ю. Слабинский (АНО ДПО «ПШППО», Санкт-Петербург)

В МКБ-11 впервые в рамках описания факторов, влияющих на здоровье, включено «выгорание». Предложенный в 1974 году Г. Фрейденбергером феномен «выгорание» изучался представителями как психологии, так и медицины, что привело к существованию двух терминов: «профессиональное выгорание» в психологии и «эмоциональное выгорание» в медицине. Для интеграции этих двух подходов необходимо вспомнить историю вопроса. В результате историко-архивного исследования нам удалось найти документы, демонстрирующие влияние выдающегося отечественного психолога В. Н. Мясищева на формирование Фрейденбергера как ученого. В. Н. Мясищев не только внес важный вклад в развитие знания о феномене «выгорание», но и выделил «глубокую перспективу» (проактивность) как фактор превенции профессионального выгорания.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, проактивность, МКБ-11, Мясищев.

С 1 января 2022 г. по рекомендации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в российском здравоохранении начался переход на Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем одиннадцатого пересмотра (МКБ-11). Необходимо отметить динамический характер данной классификации, заложенный еще в момент разработки самой первой версии. Поскольку медицина развивалась и развивается в разных странах, то существуют разные медицинские школы и разное описание и понимание болезней в рамках этих медицинских школ. Для определения распространенности заболеваний, возможности коллаборации медицинских школ и объединения усилий по разработке новых подходов к лечению смертельно опасных заболеваний медицинские ста-

тики предложили унифицировать названия заболеваний в рамках общей квалификации.

Если попробовать предельно четко сформулировать основную задачу медицины как профессиональной деятельности, то такой задачей будет, прежде всего, сохранение жизни. Остальные – поддержание физического и ментального здоровья, увеличение продолжительности и улучшение качества жизни – являются производными от этой главной задачи. Особенно ярко означенный тезис иллюстрируется профессиональной деятельностью врачей во время эпидемий смертельно опасных заболеваний, что наглядно было продемонстрировано медициной во время пандемии Covid-19. Для решения задачи по сохранению жизни пациентов использовались меры «самоизоляции», существенно ухудшившие качество жизни и даже явившиеся стартовым фактором для некоторых физических и ментальных расстройств у населения, что изучается сейчас медицинскими специалистами всего мира.

В 1853 г. участники 1-го Международного статистического конгресса в Брюсселе обратились к д-ру Фарру и д-ру Марку д'Эспин с просьбой подготовить единую классификацию причин смерти. На 2-м Конгрессе, проходившем в Париже в 1855 г., Фарр и д'Эспин представили две разные классификации, основанные на совершенно разных принципах. Конгресс принял компромиссную классификацию из 139 тематических рубрик причин смерти. После обсуждения в международном профессиональном сообществе в 1893 г. в Чикаго была принята 1-я Международная классификаций болезней и причин смерти (МКБ-1). В 1898 г. было принято решение пересматривать МКБ каждые десять лет. В 1948 г. на Парижской международной медицинской конференции в МКБ-6 были добавлены болезни, не приводящие к летальному исходу.

В МКБ-11 вошли новые главы, в частности по народной медицине, и глава, посвященная сексуальному здоровью (объединила расстройства, которые раньше были отнесены к другим классам). В МКБ-11, помимо болезней, травм и причин смерти, включены факторы, влияющие на здоровье. Впервые в рамках описания факторов, влияющих на здоровье, включено «выгорание», что де факто привело к возникновению определенной научной проблемы. Дело в том, что предложенный в 1974 г. Гербертом Фрейденбергером для описания нарастающего эмоционального истощения вследствие межличностного общения во время профессиональной деятельности

феномен «выгорание» широко изучался представителями как психологии, так и медицины. Причем в рамках этих подходов было разработано две различные методологии. В отечественной научной литературе сложившееся положение отразилось в одномоментном существовании и применении двух научных терминов – «профессиональное выгорание» в психологии и «эмоциональное выгорание» в медицине.

Особенности медицинской профессии как таковой выражаются в консерватизме знания и четком следовании разработанным и рекомендованным протоколам, которые, в свою очередь, разрабатываются в соответствии с действующей в данный момент версией Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем. Данный феномен получил название доказательного подхода в медицине и призван, в первую очередь, обезопасить пациентов от врачебных ошибок, совершаемых в том числе и по причине использования инноваций, не прошедших строгую процедуру клинической проверки.

По нашему мнению, для облегчения интеграции двух существующих подходов к изучению феномена «выгорание» необходимо вспомнить историю вопроса. Трудовая деятельность американского психолога Г. Фрейденбергера неразрывно связана с Бруклинским колледжем Городского Нью-Йоркского университета. В этом колледже он получил образование, и среди его учителей был Абрахам Маслоу, в этом же колледже Фрейденбергер преподавал и занимался исследовательской деятельностью.

В результате историко-архивного исследования нам удалось найти документы, демонстрирующие влияние выдающегося отечественного психолога Владимира Николаевича Мясищева на формирование Фрейденбергера как ученого в целом и на разработку им концепции «выгорание» в частности. Так, из письма профессора Ивана Д. Лондона (Ivan D. London) – директора Психологического центра при Бруклинском колледже Городского Нью-Йоркского университета – следует, что в 1967 г. по просьбе американских коллег В. Н. Мясищев принял участие в формировании библиотечных фондов данного учреждения и предоставил все имеющиеся оттиски и полную библиографию своих научных работ. Необходимо отметить, что в структуре Бруклинского колледжа Городского Нью-Йоркского университета находился центр переводов советской научной литературы (монографии, научные журналы) на английский язык.

Кроме того, в своем исследовании Фрейденбергер опирался на результаты многолетних исследований специальной группы ВОЗ по изучению проблемы переутомления – феноменов «остаточной» и «кумулятивной» усталости. Большой вклад в работу данной исследовательской группы также внес Владимир Николаевич Мясищев, который, начиная с 20-х годов XX в. изучал психофизиологические факторы, влияющие на работоспособность (волевое усилие). Результаты исследований данной группы были опубликованы, в частности, в брошюре «Проблемы автоматизации в области психического здоровья» (Всемирная организация здравоохранения, Технический отчет, серия № 183, 1958 г.). Приведенные сведения подтверждаются перепиской В. Н. Мясищева и австралийского психолога А. Купера (А. Соорег).

Важно, что В. Н. Мясищеву удалось не только внести важный вклад в развитие знания о феномене «выгорание», но и выделить фактор, играющий, по мнению современных отечественных и зарубежных исследователей, важнейшую роль в превенции профессионального выгорания – проактивность. В 1948 г. В. Н. Мясищев писал: «Глубокая перспектива (проактивность. – *В. С., Н. В.*) – это задача и цели, проецированные далеко в будущее; это структура личности, ее поведения и деятельности, в которых конкретные и лабильные отношения остро текущего момента подчинены устойчивому отношению, интегрирующему множество моментов настоящего, прошлого и будущего» (Мясищев, Яковлева, 2018).

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что полученные новые научные данные позволяют не только разрешить методологическую проблему наличия двух подходов к изучению феномена «выгорания», но и дают еще одно подтверждение актуальности изучения проактивности в контексте психологии отношений Лазурского–Мясищева с целью разработки новых технологий превенции профессионального выгорания.

Литература

Мясищев В. Н., Яковлева Е. К. Психотерапия отношений. СПб.: Невский Архетип, 2018.

Временная перспектива личности и специфика воспоминаний о профессионально-значимых событиях

А. В. Данилова-Релина (РГГУ, Москва)

Цель: исследовать как временная перспектива личности связана со спецификой воспоминаний о профессионально-значимых событиях. Методология: Опросник временной перспективы и опросник временной перспективы трансцендентного будущего, биографическое полуструктурированное интервью, методика «Линия жизни», тематический анализ. Выборка: 20 респондентов с опытом работы не менее 5 лет в одной профессиональной области. Теоретические основы исследования: теория временной перспективы Зимбардо, культурно-исторический подход к автобиографической памяти Нурковой. Результаты. Автобиографические воспоминания о профессионально-значимых событиях существенно различаются в группах по временным перспективам. Временная перспектива будущего связана с макроструктурой профессиональных автобиографических воспоминаний.

Ключевые слова: временная перспектива личности, автобиографическая память, специфика профессиональных воспоминаний, биографическое интервью, тематический анализ.

Современное восприятие времени и ускорение темпа серьезно влияют на представления человека о своей жизни как в целом, так и о профессиональной в частности. Способность мысленно путешествовать в свое прошлое тесно связана с временными ориентациями человека. Автобиографическая память является важным компонентом временного самоощущения, самости, которая имеет прошлое, живет настоящим и предвидит будущее (Conway et al., 2004). В современной психологии давно существует потребность изучения связи памяти и времени. В отечественной психологии проблема автобиографической памяти изучается крайне мало, нынешний прогресс достигнут благодаря В. В. Нурковой. Исследование временной перспективы в России продвинулось значительнее темы автобиографической памяти. Однако в истории изучения временной перспективы крайне

малое внимание уделялось прошлым ориентациям. Отчасти это связано с тем, что исследования проводились на молодых людях (студентах), у которых временные перспективы прошлого выражены крайне редко. Зарубежная психология имеет ряд исследований связи автобиографической памяти и временной перспективы личности. Для них характерна разрозненность, общий лейтмотив отсутствует. Но результаты подтверждают неразрывный характер отношений времени и памяти. Возникает необходимость включения изучения автобиографической памяти в психологию времени и, в частности, в социальную психологию времени. Понимание влияния временной перспективы на специфику профессионально-значимых событий может пролить свет на то, как люди строят свою профессиональную жизнь, воспринимают ее и видят свое профессиональное будущее.

Временная перспектива личности, рассматриваемая в концепции Ф. Зимбардо как наиболее проработанной, представляет собой целостное видение человеком своего прошлого, настоящего и будущего. У каждого из нас есть субъективная временная перспектива, которая нами не осознается. Так вышло, что люди воспринимают время линейно, для удобства, разумеется, хотя в физике тема времени — большой и нерешенный вопрос, так как линейное восприятие является неверным с точки зрения исследователей, но другой доказанной альтернативы на данный момент в науке нет (Данилова-Релина, 2022, с. 729). Поэтому для организации собственной жизни человек делит свой опыт на временные отрезки. Такое устройство придает смысл определенным временным периодам и помогает нам ориентироваться в различных событиях. Временные отрезки могут быть повторяющимися периодами: смена времен года, ежегодные праздники и т. д. Или единичными событиями, которые являются точками, разделяющими жизнь на «до» и «после»: смерть близкого, свадьба, покупка недвижимости и т. д. Человек использует временные перспективы для планирования событий, кодирования информации, проработки планов и актуализации уже полученных знаний. Понимание того, как и какое преимущество дает определенная временная перспектива в жизни, позволяет получить преимущество и анализировать ситуации, когда временная перспектива мешает нам и нашему развитию (Бойд, Зимбардо, 2010). Существует 6 основных временных перспектив: негативное прошлое, позитивное прошлое, гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее, будущее, трансцендентное будущее.

Автобиографическая память рассматривается нами как высшая психическая функция в концепции В. В. Нурковой. Автобиографическая память развивается в социальном взаимодействии согласно культурным нормам и является образованием онтогенеза. Автобиографическая память позволяет человеку видеть себя на протяжении всей жизни как уникальный субъект, соотносить себя со своим личным опытом. Индивидуальная история прошлого имеет сложную структуру и основывается на социокультурном инструментарии. При этом Нуркова полагает, что в культурно-исторической концепции автобиографическая память рассматривается на макроуровне. Единицей функционирования автобиографической памяти является событие. Выделение отдельных событий — это микроуровень. Макроуровень автобиографической памяти представляет собой целостное видение истории жизни. Автобиографическая память как личностно-мнемическая система представляется самоопределяющими свойствами, такими как осознание целостной истории жизни и формирование из этого отношения к своему прошлому. Неоспоримым фактом является то, что автобиографическая память включена в систему долговременной памяти, но о ее месте в иерархии дискуссии продолжают. Важным аспектом изучения автобиографической памяти являются ее функции: коммуникативные, директивные и личностные.

Проведя исследование преобладающей временной перспективы и поделив респондентов на группы, мы провели тематический анализ биографического полуструктурированного интервью и методики «Линия жизни».

Рассмотрим основные результаты. Наблюдается преобладание временной перспективы будущего у 8 респондентов, временной перспективы негативного прошлого у 6, временной перспективы позитивного прошлого у 3 и временной перспективы трансцендентного будущего у 3 участников исследования. Для респондентов с преобладающей перспективой «негативное прошлое» характерны следующие темы: трудности на протяжении всей карьеры, внешние факторы как причина сложностей, неудовлетворенность профессиональной жизнью, неумение извлекать уроки из прошлого опыта, профессия как функция достижения заработка и общественного одобрения, отсутствие долгосрочных перспектив. У участников интервью в группе «позитивное прошлое» преобладают следующие темы: акцентуация на положительных эмоциях, удовлетворение от самых малых достижений, важность социальных связей в работе, отсутствие воспомина-

ний о трудностях, небольшие ошибки как способ научиться новому, получение удовольствия от процесса работы. Профессиональные воспоминания респондентов группы «временная перспектива будущего» отличаются большей детализированностью. Выявились следующие темы в группе «временная перспектива будущего»: важность достижения поставленных целей в профессии, макроструктура профессиональных автобиографических воспоминаний, важность наставничества, *lifelong learning* (обучение длиною в жизнь), риск как способ развития, самореализация в профессии, ответственность за достижение результата. В группе «временная перспектива трансцендентного будущего» выражены следующие темы: серьезные изменения как ценный урок, отстаивание своих убеждений, воспоминания базируются на ярких эмоциях, время как профессиональный ресурс, наставничество и передача опыта, переоценка ценностей. У лиц, ориентированных на временную перспективу будущего, выше количество обобщенных воспоминаний в сравнении с другими группами.

Согласно нашей теоретической позиции, преобладающая временная перспектива играет роль в планировании событий, кодирования событий и актуализации уже имеющейся информации. В данном исследовании мы проанализировали, как временная перспектива влияет на автобиографические воспоминания. Согласно результатам тематического анализа биографического полуструктурированного интервью, автобиографические воспоминания о профессионально-значимых событиях существенно различаются в разных группах, что подтверждает нашу гипотезу о связи временной перспективы и специфики воспоминаний о профессионально-значимых событиях. Результаты качественного исследования требуют дальнейшей проработки в выявлении различий специфики воспоминаний. Исследований о связи временной перспективы и автобиографической памяти крайне мало, тем не менее, некоторые работы доказывают связь автобиографических воспоминаний и временной перспективы будущего (Addis, Schacter, 2008). По результатам биографического интервью и методики «Линия жизни» обнаружена связь временной перспективы будущего с макроструктурой автобиографических воспоминаний о профессионально-значимых событиях. Опираясь на культурно-исторический подход к автобиографической памяти (Нуркова, 2000), мы видим, что долгосрочные временные ориентации позволяют человеку структурировать свои воспоминания как целостное видение жизни, в данном случае профессиональной. Можно

предположить, что автобиографическая профессиональная память является личностно-мнемической системой, которая представляет собой частную форму автобиографической памяти. При этом стоит отметить, что абсолютное отсутствие работ о профессиональных воспоминаниях, в частности, и работ о связи временной перспективы личности и специфики профессионально-значимых событий, как позволяет нам достаточно широко оценивать результаты нашего исследования, так и вносит существенные ограничения и необходимость дальнейшего кропотливого изучения данной проблематики.

Данная работа позволяет наметить некоторые перспективы внедрения таких фундаментальных характеристик, как время и память в социальную психологию и организационную психологию в частности. Новое направление изучения особенностей временной перспективы и автобиографических профессиональных воспоминаний возможно использовать в сфере профессионального отбора сотрудников и их психологической адаптации. Влияние на субъективную картину автобиографических воспоминаний через временную перспективу личности поможет реализовать целый ряд мер по решению актуальных проблем для современного трудящегося человека.

В дальнейшем полагаем необходимым продолжить изучение связи временной перспективы личности и специфики воспоминаний о профессионально-значимых событиях. Полагаем, что наиболее важным является детальное изучение связи временной перспективы будущего и макроструктуры автобиографических профессиональных воспоминаний. Также считаем необходимым рассматривать в дальнейших исследованиях автобиографическую профессиональную память как частный случай, т. е. отдельную подструктуру автобиографической памяти.

Литература

- Бойд Дж., Зимбардо Ф.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб: Речь, 2010.
- Данилова-Релина А. В.* Особенности временной перспективы у сотрудников с ненормированным графиком работы // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г., Москва / Отв.

ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова, А. В. Юревич, И. И. Ветрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 728–730.

Нуркова В. В. Сверхъённое продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000.

Addis D. R., Schacter D. L. Constructive episodic simulation: Temporal distance and detail of past and future events modulate hippocampal engagement // *Hippocampus*. 2008. V. 18 (2). P. 227–237.

Conway M. A., Singer J. A., Tagini A. The Self and Autobiographical Memory: Correspondence and Coherence // *Social Cognition*. 2004. V. 22 (5). P. 491–529.

Субъект спортивной деятельности

В. С. Емельянов (ФГБОУ ВО «СГУ», Сочи),

И. А. Юров (ФГБОУ ВО «СГУ», Сочи)

Субъект — одна из основных характеристик современной психологии. Субъект проявляется в различных видах деятельности, в том числе и спортивной, где от спортсменов требуются напряжения, усилия, преодоления не только внешних, но и внутренних препятствий. Спортсмен становится субъектом спортивной деятельности в процессе тренировки, самоподготовки, общения с тренером и товарищами по команде, соревновательной деятельности. Атрибуты субъектности спортсменов: готовность к спортивной деятельности; активность; формирование целеполагания; самосознание, уровень притязаний и ожидания; мотивация; самообладание, самооценка, самоконтроль в процессе деятельности; внутренний локус контроля, ответственность; уникальность.

Ключевые слова: спортсмен, субъект, индивид спортивная деятельность, личность, индивидуальность.

В отечественной психологии основы субъектного подхода в психологии были заложены С. Л. Рубинштейном. Он отмечал: «Субъект формируется в труде. В трудовой деятельности развиваются способности человека, формируется его характер, получают закалку и переходят в практические действенные установки его мировоззренческие принципы, сам процесс труда... в той или иной части бывает более или менее трудным, требующим напряжения, усилий, преодоления не только внешних, но и внутренних препятствий» (Рубинштейн, 1989, с. 474).

Это положение в большей степени достоверности относится к субъекту спортивной деятельности, так как он на основе своих индивидуальных (соматических, нейрофизиологических, психофизиологических, темпераментных, гормональных, систем организма) и личностных характеристик (целеполагание, уровень притязаний, мотивации, толерантность, морально-волевых и интеллектуальных

качеств, самосознания, самооценки, самоконтроля, самообладания, саморегуляция) в учебно-тренировочной и соревновательной деятельности, проявляя активность, достигает высоких спортивных достижений, становится чемпионом мира и олимпийским чемпионом, т. е. лучшим среди себе подобных субъектов спортивной деятельности.

Данное определение согласуется с теоретическими положениями К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, Б. Г. Ананьева.

Так, согласно Абульхановой, для обретения качеств субъекта ключевым основанием становится активность человека, направленная на разрешение актуальных для него противоречий в различных сферах жизнедеятельности. При этом субъект, как высший уровень самоорганизации личности, наиболее полно проявляется в способности человека предопределять свой собственный жизненный путь. Она выделяет три типа субъектов: субъект психической деятельности, субъект жизнедеятельности и субъект конкретной деятельности (Абульханова, 2009).

А. В. Брушлинский отмечал, что активность, сознание, саморегуляция как структурные компоненты субъекта — это внутренние условия развития субъектности личности. Он подчеркивает категорию активности как главную характеристику субъекта, т. е. является принципиально системной, объединяя в себе потребностно-мотивационный, психофизиологический, когнитивный, ценностно-смысловой аспекты психики. Не отрицал Брушлинский и наличие исходных биологических факторов в становлении субъекта: подлинно внутреннее в онтогенезе начинается с задатков. Он писал: «Человек как субъект — это высшая системная целостность всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного. Такая целостность формируется в ходе исторического и индивидуального развития. Будучи изначально активным, человеческий индивид, однако, не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности» (Брушлинский, 1991, с. 10).

Следовательно, спортсмен становится субъектом спортивной деятельности в процессе тренировки, самоподготовки, общения с тренером и товарищами по команде, соревновательной деятельности.

По мнению Б. Г. Ананьева, особенные характеристики человека на уровне субъекта включены в собственных свойствах индивида и личности, технических средств труда, знаниях и умениях в опери-

ровании специфическими знаковыми системами. Формами развития субъектных свойств человека являются подготовка, старт, кульминация и финиш как история производственной деятельности человека (Ананьев, 1968).

Понятие «субъект» раскрывает особый аспект человека как активного существа, преобразующего мир и самого себя. Оно обозначает способности индивида быть иницирующим началом, первопричиной своих взаимодействий с социальным миром, творцом своей жизни, создавать условия своего развития, преодолевать деформации собственной личности. Основная характеристика субъекта — переживание человеком себя как суверенного источника активности, способного в определенных границах намеренно осуществлять изменения окружающего мира и самого себя. В процессе спортивной подготовки субъект спорта реализует три основные формы активности: учебно-тренировочную подготовку, психологическую подготовку и соревновательную деятельность. Субъекта спортивной деятельности, который овладеет всеми формами спортивной подготовленности и обеспечивает ее актуализацию в соответствии с задачами спорта высших достижений, можно называть спортивным профессионалом с успешной спортивной карьерой.

При изучении субъекта спортивной деятельности нами были определены следующие атрибуты субъектности спортсменов: готовность к спортивной деятельности; активность; формирование целеполагания; самосознание, уровень притязаний и ожидания; мотивация; самообладание, самооценка, самоконтроль в процессе деятельности; внутренний локус контроля, ответственность; уникальность.

Итак, субъект не является доминирующей характеристикой человека, не поглощает другие характеристики, влияющие на его развитие, а входит как равноправный наряду с другими (индивидуальными, личностными, социальными) компонентами, способствующими достижению необходимых результатов. Активность спортсмена проявляется на индивидуальном, психо, личностном и социальном уровнях, но субъектность реализуется через интегральные свойства, т. е. свойства индивидуальности, которая есть биопсихосоциальное образование, характеризующее целостностью, неделимостью, своеобразием качеств каждого отдельного человека. Эти интегрированные качества определяют индивидуальность как субъекта деятельности с разной степенью эффективности. Индивидуальные и личностные характеристики более объективны и константны, субъектность индивиду-

альности более функциональная, динамическая, вступающая в контакты с окружающим миром, в том числе и спортивным (Юров, 2021).

Литература

- Абульханова К. А.* Субъект и субъектность: проблема определения качеств // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Института психологии и 85-летию его основателя Б. Ф. Ломова. Вв 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 49–62.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 6–10.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. 3-е изд., М.: Педагогика, 1989.
- Юров И. А.* Психология индивидуальности. М.: Русайнс, 2021.

Зарубежные и отечественные подходы к исследованию психологического контракта

Т. В. Зорина (ИП РАН, Москва)

Ввиду различного рода кадровых изменений, возникающих в условиях давления внешних обстоятельств, организациям сложнее формировать в коллективе атмосферу доверия, взаимовыручки и доброжелательности. В текущем контексте роль психологического контракта в медиации отношений между работником и работодателем примечательно весомая. В данной статье выполнен обзор зарубежной и отечественной литературы о психологическом контракте. В статье указывается на необходимость комплексного подхода в дальнейших исследованиях в данном направлении. Рассмотрены основные подходы к изучению психологического контракта субъекта труда, а также выделены основные принципы формирования психологического контракта в организации.

Ключевые слова: психологический контракт, имплицитное соглашение, взаимообмен, ожидания, теория социального обмена.

Экономические санкции, политические конфликты, пандемия и т. п., как эти, так и масса прочих показателей периодически приводят организации к кризису. Кризисы несут с собой изменения и новые возможности, но многие компании оказываются не в состоянии их выдерживать. Главным ресурсом любой организации является персонал. Организации, в нестабильных условиях ведения бизнеса, предъявляют повышенные требования к выполнению работниками своих функций и, совершенствуя стратегию управления персоналом, должны принимать во внимание не только нормы трудового законодательства, но и формирующийся у работников новый психологический контракт. Однако формировать в коллективе атмосферу доверия, взаимовыручки и доброжелательности, ввиду различного рода кадровых изменений, возникающих в условиях давления внешних обстоятельств, становится все сложнее. В данном контексте отмечается роль психологического контракта в медиации отношений

между работником и работодателем. В данной статье представлены несколько подходов, посвященных психологическому контракту, исследованию его проблемы в психологии управления, организационной психологии.

Аргирис ввел термин «психологический контракт», определяя его как имплицитное соглашение между рабочим и начальником цеха, направленное на оптимальное взаимодействие обеих сторон. Однако идея трудовых отношений как обмена восходит к трудам Барнарда, а также Марча и Саймона. Концепция равновесия Барнарда указывает, что качество труда работников зависит от адекватного вознаграждения со стороны организации. Марч и Саймон выделили принцип взаимного обмена, соответствующий основному принципу взаимности психологического контракта. Ранние концепции психологического контракта подразумевают обмен, в первую очередь, материальными ресурсами, согласованными между двумя сторонами и удовлетворяющими потребности обеих сторон.

Левинсон и его соавторы представили более сложную концепцию психологического контракта, включающую взаимные ожидания между работником и работодателем, которые возникают из бессознательных мотивов (Levinson et al., 1962). Работник и организация имеют определенные ожидания относительно друг друга, и именно необходимость в их удовлетворении мотивирует стороны продолжать трудовые отношения. При появлении новых обстоятельств стороны могут договориться, тем самым изменив контракт. Психологический контракт зависит не только от внутренних факторов, но и от множества внешних обстоятельств, социально-экономических условий, что указывает на принцип зависимости.

Хотя идеи Шейна имеют некоторое сходство с анализом Левинсона, Шейн уделяет большое внимание взаимному соответствию ожиданий работника и организации (Shein, 1965). Работники, трудоустроенные в определенную организацию, усваивают либо не усваивают ее ценности, убеждения и модели поведения, становясь в дальнейшем проводниками принятых ценностей. Гоулднер подчеркивает, что сила обязательства зависит от значимости полученной выгоды. Блау отмечает, что обмен материальными, социальными благами и соблюдение норм взаимности являются основополагающими в трудовых отношениях. Принципы доверия и взаимности играют важную роль в развитии отношений социального обмена, закрепляя текущее и стимулируя будущее выполнение обязательств.

Статья Руссо определила психологический контракт как убеждения работника относительно взаимных обязательств, которые существуют между ним и работодателем. Эти обязательства возникают из веры в то, что обещания были даны прямо или косвенно, и выполнение обязательств одной стороной зависит от выполнения обязательств другой. Концепция Руссо отличается от других тем, что в то время, как ранние работы отмечали ожидания, она определила психологический контракт с позиции обязательств. Также отличительной чертой концепции психологического контракта Руссо является акцент на индивидуальности.

Проблематика психологического контракта отечественными учеными начала изучаться в начале XXI в. А. М. Грязнова выделяет понятие имплицитного контракта, определяя его как признание сторонами трудовых отношений обязанностей, которые не подкреплены юридической силой. В исследовании Е. С. Ребриловой психологический контракт понимается как интегральная характеристика работника, возникающая при взаимодействии с социальными условиями организации в контексте корпоративной культуры (Ребрилова, 2009). Наибольшую актуальность такие контракты приобретают в трудовых отношениях, где от качества работы персонала зависят результаты деятельности организации.

А. Г. Эфендиев, Е. С. Балабанова, А. С. Гоголева рассматривают психологический контракт в контексте теории социального обмена, отмечая проблему субъективности и «перцепционности» психологических контрактов. Перспективой авторы видят рассмотрение трудовых отношений через призму социального обмена, ожиданий взаимности, сбалансированности, предсказуемости (Эфендиев и др., 2014). В. Б. Рябов разрабатывает концепцию качества трудовой жизни и определяет психологический контракт как субъективное качество взаимодействия человека и организации (Рябов, 2017). Критический анализ теории и практики психологического контракта А. В. Соловьева усматривает цель концепции психологического контракта в распространении новых способов подчинения работников власти работодателей.

Согласно проведенному анализу литературных источников, в основе психологического контракта лежит социологический концепция обмена. Психологический контракт базируется на таких принципах, как взаимность, доверие, индивидуальность, зависимость, справедливость. Можно говорить о следующих подходах к исследованию психологического контракта:

- индивидуально-личностный, предполагающий исследование психологического контракта на личностном уровне (изучение когнитивных моделей, представлений, убеждений, потребностей, ожиданий работников, концентрация на индивидуальных различиях);
- управленческий, включающий исследования, направленные на поиск причин и установление последствий соблюдения и нарушения психологического контракта в целях удовлетворения индивидуальных и организационных целей;
- комплексный, ориентированный на изучение взаимодействия работника и организации, принимающий во внимание обе стороны трудовых отношений, позволяющий учесть многомерность и сложность феномена психологического контракта. Следует отметить актуальность комплексного подхода в дальнейших исследованиях психологического контракта в организации.

В данной статье выполнен обзор зарубежной и отечественной литературы о психологическом контракте. Выделены принципы формирования психологического контракта в организации, а также рассмотрены основные подходы к изучению психологического контракта.

Литература

- Ребрилова Е. С.* Психологический контракт как характеристика субъекта труда в контексте социальных условий производственной среды: Дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2009.
- Рябов В. Б.* Психологический контракт как характеристика субъективного качества управленческого взаимодействия // Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 3. С. 166–192.
- Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Гоголева А. С.* Социологическая концепция обмена как методология анализа трудовых взаимодействий в современных зарубежных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 2. С. 139–153.
- Levinson H., Price C. R., Munden K. J., Solley C. M.* Men, Management and Mental Health. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962.
- Schein E. H.* Organizational Psychology. NJ: Engelwood Cliffs, 1965.

Разработка проблемы «стиля руководства» в контексте психологического анализа «стиля человека»

И. В. Калинин (РГУ им. А. Н. Косыгина, Москва)

В статье анализируется современное состояние разработки проблемы стиля руководства и констатируется падение интереса к указанной тематике в современной психологии за последние 10 лет. В то же время подчеркивается богатство теоретико-методологических разработок и мыслей в предшествующий период развития психологической науки, которые могут выступить толчком для перспективных исследований в будущем.

Ключевые слова: стиль, стиль человека, индивидуальный стиль деятельности, стиль общения, стиль руководства.

Похоже, что интерес психологов к разработке проблемы стиля руководства, особенно в его теоретико-методологическом аспекте, в настоящий момент находится в фазе падения, несмотря на достаточно большое количество публикаций, которое обнаруживается, например, в системе РИНЦ. Так, по запросу поиска сочетания слов «стиль руководства» в названии публикаций (статьи в журналах, книги, материалы конференций и диссертаций) только по одному направлению «Психология» обнаруживается более ста публикаций. При этом анализ ключевых слов, включенных в название публикаций, связанных с обсуждаемым контекстом «стиля руководства», легко разбивается на сегменты в направлении следующих 7 вопросов.

1. В каком качестве выступает? Условия, причины, фактора (психологического, системообразующего и т. д.), а также формирования, эффективности, становления самооценки и уровня притязаний, организационной культуры, конфликтности, успешности и т. д.)?
2. Где? В школе, на предприятии, в социальной организации, военном училище, медицинском учреждении, сфере сервиса, сфере культуры, в сфере железнодорожного труда, в спортивной деятельности, дипломатических учреждениях?

3. Кого? Руководителя, педагога, менеджера образования, ведущих тренинги, государственных служащих, образовательной организации, муниципальных служащих, спортивного тренера (художественной гимнастики, плавания)?
4. Кем? Школьником, студентом, малой группой, коллективом, школой, вузом, учреждением и даже сотрудниками поколения «Y»?
5. Какой? Педагогический, инновационный, научный, эффективный, авторитарный, ситуативный, индивидуальный, современный, научный?
6. На что влияет? На социально-психологический климат, управление персоналом, поведение работников, эффективность, успешность, мотивацию сотрудников и их взаимоотношения, принятие решений, удовлетворенность трудом?
7. Что влияет на него? Менталитет, методы воспитания, лидерские способности, половозрастную структуру, личностные особенности (например, темперамент).

В отношении двух последних вопросов (№ 6 и № 7) необходимо сделать следующий комментарий: часть авторов не всегда корректно подходят к употреблению понятий вообще и конкретно к понятию «влияние», ошибочно его применяя в тех случаях, когда в ходе эмпирического исследования при обработке результатов обнаруживается просто статистически значимая корреляция. Видимо, сам факт обнаружения такой связи, по их мнению, является достаточным основанием, для того чтобы помещать слово «влияние» в название статьи. Данный факт наталкивает на печальные размышления о падении методологической культуры, по крайней мере, этой весьма определенной части авторов, проявляющих публикационную активность. Впрочем, наш комментарий не теряет своей актуальности и в отношении первого (№ 1) из выделенных выше вопросов.

Тем не менее, к сожалению, следует констатировать, что в своем большинстве за последние 10 лет, серьезных, методологически выверенных работ по указанной проблематике можно пересчитать на пальцах одной руки.

Совсем иначе и теоретико-методологически выгодно выглядят в психологии публикации периода последней четверти XX века и первого десятилетия века XXI, где можно обнаружить массу интереснейших рассуждений и постановку отнюдь нетривиальных вопросов, как в отношении понятия «стиль» вообще, так и в отноше-

нии таких его специализированных проявлений как «когнитивный стиль», «эмоциональный стиль», «стиль общения», «стиль активности», «стиль принятия решений», «стиль руководства». При этом в отношении определенной части поднимаемых проблем наблюдается единство взглядов, а в отношении другой – явная несогласованность.

Так, в отношении анализа поиска общих сущностных оснований в понимании понятия «стиль» наблюдается единство в подчеркивании необходимости:

- 1) выйти за рамки рассмотрения стиля только с позиций парадигмы индивидуальных различий, равно как с позиции когнитивной интерпретации и индивидуального стиля деятельности. И в то же время неоправданность идущего от Бюффона отождествления «стиль = человек». Другими словами, критика слишком зауженного и слишком расширительного употребления понятия «стиль» (Дружинин и др., 1998);
- 2) эвристичности применения введенного В. С. Мерлиным понятия «зона неопределенности» как условия формирования «стиля» (Мерлин, 1986) в соотношении с понятием «свобода» и «свобода выбора». Другими словами, утверждается, что для истинного проявления стилевых особенностей поведения субъект должен находиться в ситуации свободы самопроявления;
- 3) необходимости создания новых классификаций, фиксирующих базовые характеристики, лежащие в основе стилевых проявлений (Либин и др., 1998), которые строятся в отношении не столько отдельной стороны проявления личности, сколько в отношении ее целостного самопредъявления. Другими словами, можно утверждать, что современные классификации всевозможных стилевых проявлений соотносятся не столько с целой личностью, сколько только с ее фрагментом (стороной, плоскостью анализа и т. д.), поэтому их можно соотнести лишь с операциональным (в терминах концепции деятельности А. Н. Леонтьева или же «школы научного менеджмента» Ф. Тейлора) уровнем попыток обсуждения затрагиваемой проблемы. Современный уровень развития науки требует построения, как минимум, классификаций «действенного» и даже «деятельностного» уровня, соотносимых с таким интегральным понятием, как «Человек» (Либин и др., 1998).

В то же время у части авторов можно обнаружить некоторую несогласованность в подходе к проблеме.

Так, в вопросе необходимости соотнесения понятий «стиль» и «личность» В. И. Моросанова выводит эту необходимость из-за того, что указанные понятия слишком отождествлены, в то же время Д. А. Леонтьев ту же самую необходимость выводит из-за того, что они слишком разошлись.

Вероятно, к несогласованности позиций можно отнести и амбивалентные высказывания авторов в отношении вопроса адекватности перенесения особенностей (измерений, индикаторов, закономерностей):

- вскрытых внутри стилей определенной специфики (когнитивного, эмоционального, индивидуального, общения, поведения и т. д.) друг на друга (Либин и др., 1998) (так называемое горизонтальное перенесение);
- обнаруженных на уровнях низшего структурного порядка на вышележащие уровни («гипотеза прорастания») и наоборот («гипотеза протекания»), а также опосредования через «стиль» (Леонтьев, 1998) (так называемое вертикальное перенесение);
- установленных только в когнитивной сфере на личность в целом, что, по мнению А. В. Либина, свидетельствует о «типичном случае отождествления части и целого при создании объяснительных гипотез» (Либин и др., 1998), что ведет к возникновению феноменов «онтологической деформации» и «эпистемологической неадекватности».

Возвращаясь к теме, указанной в названии данной работы, следует обратить внимание на то, что в работах 14 авторов коллективной монографии со знаковым названием «Стиль человека: психологический анализ» на 285 страницах ее основной части нет таких заголовков, которые в своем составе содержат понятие «стиль руководства». Тем не менее, внутри текстов самих статей разными авторами оно все же упоминается, однако всего лишь около 20 раз в приведенных ниже контекстах.

А. В. Либин – в контексте рассмотрения как дифференцирующего признака; в контексте лежащих в основе «стиля руководства» особенностей нервной системы; в контексте замкнутости «стиля руководства» только на своей проблематике без ссылок на исследования стилевых проявлений иного качества (когнитивного стиля, стиля совладания со стрессом и т. д.); в контексте поиска общих моментов «стиля руководства» с индивидуальным стилем деятельности, ко-

гнитивным стилем, стилем совладания со сложными ситуациями; в контексте фрагмента одного из фреймов (компонент № IV) иерархической структуры стиля человека.

И. П. Шкуратова – в контексте схожести некоторых типологий «стилей педагогического общения» с известными «стилями руководства»: авторитарным, демократическим и смешанным».

И. Трофимова – в контексте необходимости формализации пространства активности, детерминант окружения и условий, влияющих на «стиль руководства».

В. А. Толочек – в контексте утверждения точки зрения на «стиль руководства» как рядоположенного с другими основными стилями, такими как «стиль лидерства», «когнитивный стиль», «индивидуальный стиль деятельности»; в контексте отнесения «стиля руководства» к совокупности отличительных признаков деятельности «объективированного типа» в рамках такого специфического вида активности как «общение» особенно его интерактивной стороны.

Такое незначительное присутствие тематики «стиля руководства», несмотря на ее упоминание, вполне объяснимо, если принять во внимание, что указанная коллективная монография была реализована преимущественно в рамках общепсихологического подхода с позиций психологии личности и не решала задачи прикладного уровня. Само название указанной коллективной монографии является ярким подтверждением только что приведенного тезиса. Однако это не умаляет ценности проделанной работы и позволит нам использовать то богатство мыслей, которое в ней содержится для разработки перспективных направлений в рамках сферы прикладного характера, к которым относятся проблема «стиля руководства».

Литература

Дружинин В. Н., Леонтьев Д. А., Либин А. В., Собчик Л. Н., Толочек В. А., Моросанова В. И., Шкуратова И. П. Комментарии III. Ретроспектива–интроспекция–перспектива // *Стиль человека: психологический анализ* / Под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. С. 288–305.

Либин А. В., Моросанова В. И., Скотникова И. Г., Холодная М. А., Шкуратова И. П. Комментарии I. Феноменология–анализ понятий–экспериментальные гипотезы // *Стиль человека: психологический анализ* / Под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. С. 125–141.

Либин А. В., Собчик Л. Н., Моросанова В. И., Скотникова И. Г., Холодная М. А., Шкуратова И. П. Комментарии II. Стиль—тип—личность // Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. С. 218—226.

Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.

Субъективное благополучие и источники мотивации работников государственного учреждения

М. В. Карагачева (ПГУПС, Санкт-Петербург),

В. Д. Денисова (ПГУПС, Санкт-Петербург)

Данная статья посвящена проблеме взаимосвязи субъективного благополучия и источников мотивации, рассмотренной на примере работников государственного учреждения. Целевой индекс интернализации напрямую связан со всеми характеристиками субъективного благополучия в обеих моделях. Более высокий уровень субъективного благополучия необходим, когда существует большая готовность достигать целей в соответствии с внутренними ценностями, и они, наоборот, взаимосвязаны. Таким образом, можно сделать вывод, что понимание взаимосвязи между мотивацией и их характеристиками может не только улучшить качество и эффективность работы сотрудников организации, но и повлиять на общее восприятие жизни и эмоционального фона.

Ключевые слова: личность, благополучие личности, субъективное благополучие, мотивация, источники мотивации.

Понятие психологического и субъективного благополучия стало предметом множества современных исследований. Так, психологическое благополучие изучается в соотношении с такими понятиями, как самоактуализация, локус контроля, самооценки (Слотина, Маленкова, 2022; Яценко, 2021). Также активно изучается роль субъективного благополучия и связь с различными особенностями личности, с мотивацией личности и особенно с мотивацией достижения, самореализацией, ценностными ориентациями, стратегиями (Яценко, 2021; Яценко, Лазорак, 2020). Актуальность изучения проблемы субъективного благополучия у работников государственного учреждения в сравнении со стажем работы связана с тем, что в психологической литературе активно разрабатывается искомая тема удовлетворенности жизни, тогда как не рассматриваются ее прикладные характеристики, в частности мотивационный компонент как фактор повышения ее благополучия.

Целью данного исследования стало выявление и анализ особенностей субъективного благополучия и мотивации женщин, работающих в сфере предоставления государственных услуг населению. Выборку составили работники государственного учреждения в количестве 420 человек. Возраст исследуемых 25–45, все женского пола.

Для изучения субъективного благополучия была использована методика диагностики субъективного благополучия личности (Шамяионов, Бескова, 2018). Изучение мотивации проводилось при помощи опросника для определения источников мотивации Дж. Барбуто и Р. Сколла (Сидоренко, 2005). В данной методике выделяются такие источники мотивации: внутренние процессы, подразумевается желание получать удовольствие от самого процесса деятельности; инструментальная мотивация – желание внешнего подкрепления, значимость оплаты труда, премий; внешняя концепция Я – значимость одобрения окружающими и общественного признания; внутренняя концепция Я – соответствие собственным стандартам, внутренняя мотивация; интернализация цели – желание достигать целей, соответствующих собственным ценностям. В настоящее время тема защиты интересов сотрудников в организации является частью руководства по управлению этим «трудовым капиталом». До сих пор потребность в материальном стимулировании своей работы была на первом месте у сотрудников, в последние десятилетия они часто были оторваны не от материальных потребностей, но от удовлетворенности работой. Те, кто работает, хотят получать моральное удовлетворение от работы, устраиваться на интересную работу, приобретать новые знания, развивать навыки, совершенствоваться как личность. Некоторые рассматривают поощрение сотрудников к «действию» для достижения целей Организации, другие считают это «действием» для удовлетворения своих личных потребностей или процессом влияния на сотрудников, который возник в результате сочетания «внешних и внутренних» факторов. Представления о психологическом благополучии личности многообразны. Весомыми критериями психологического благополучия личности являются не только психологическое и соматическое здоровье и отсутствие психического неблагополучия, но и то, как человек ощущает данное психологическое благополучие, которое проявляется в чувстве удовлетворенности жизнью в целом.

Современные отечественные и зарубежные ученые рассматривают мотивацию достижения сквозь пласт психологической реальности,

состоящей из мотивов и потребностей. Мы опираемся на сформированные в гуманистическом подходе представления о ценности высших человеческих потребностей (пирамида потребностей А. Маслоу), таких как потребность в самоактуализации, потребность в уважении, самоуважении, саморазвитии, потребности в любви, уважении от других, представленных на четвертом и пятом уровнях, на удовлетворение которых направлена мотивация достижения успеха.

Мотивация достижения (источник мотивации) также может быть направлена на удовлетворение «квазипотребностей», навязанных социумом, цивилизацией.

Внешнюю и внутреннюю мотивацию в теории самодетерминации выделили Э. Деси и Р. Райан. Таким образом, мотивация достижения может быть как внешней, так и внутренней. Мнения разных авторов схожи в том, что личность, ориентированная на мотивацию достижения, более активна, инициативна, настойчива в достижении целей. Именно мотивация потребности в достижении является движущей к целям силой, способствует покорению новых вершин, заставляет двигаться от малых целей к большим, не останавливаться на достигнутом.

Изучив методическую, научную литературу по выбранной теме, мы провели эмпирическое исследование особенностей субъективного благополучия с разными источниками мотивации. С помощью подобранный методик, были исследованы особенности психологического благополучия личности с мотивацией достижения успеха.

На основе результатов эмпирического исследования были обнаружены следующие общие особенности работников казенного учреждения:

- все показатели источников мотивации находятся на средних уровнях в большинстве общей выборки;
- большинство показателей субъективного благополучия находятся на средних уровнях в общей выборке;
- гедонистическое благополучие претерпевает низкие значения практически во всех выборках, это говорит о неудовлетворенности внешними условиями проживания, рабочей обстановкой и доходом.

Обнаружены значимые различия таких показателей источников мотивации, как «Внешняя концепция Я». Различие замечено в сопоставлении результатов общей выборки, где данный показатель

имеет отрицательную взаимосвязь с гедонистическим благополучием — с низкими значениями в разных выборках. Такие результаты можно объяснить травмированным желанием принятия и подтверждения своих черт, компетентности и ценностей со стороны других индивидов или референтной группы, которые претендуют на наличие внешних приемлемых атрибутов для жизни, что говорит об упущенности развития всесторонности личности, для удовлетворения базовых потребностей, дабы не упрекать себя в некомпетентности. Однако эти данные говорят об осознанности и искренности работников, описывающих реальность условий их жизни и личное благополучие относительно этого.

Также мы можем говорить о том, что чем больше удовлетворенность собой как внешне, так и внутренне, согласованность личности, уверенность в себе, а также событийно смысловая насыщенность жизни, тем сильнее желание получать удовольствие и наслаждение от процессов работы и наоборот.

Чем выше удовлетворенность собой, согласованность личности, уверенность в себе, общий позитивный тонус настроения, соответствие сформированным нормам, а также событийно смысловая насыщенность жизни, тем выше желание в осязаемых внешних вознаграждениях, например, премии, подарки и т. п. Это означает, что данная корреляция взаимосвязана и обратно, субъективное благополучие будет на высоком уровне, если к мотивации добавить награду за труд.

Чем выше характеристики прилагаемых усилий для достижения благополучия и их результативность, а также событийно-смысловая насыщенность жизни, тем выше желание отвечать собственным стандартам черт, компетентности и ценностей.

Положительные связи показателя источника мотивации как «интернализация цели» со всеми показателями субъективного благополучия. Это означает, чем больше желание достигать целей, соответствующих интернализированным ценностям, тем больше эмоциональное благополучие, гедонистическое, экзистенциально-деятельное благополучие, в общем и целом, это прямая взаимосвязь самооценки и внутреннего благополучия с мотивацией достижения личностно важных целей.

Большинство показателей субъективного благополучия как в общей модели, так и в модели профессионального опыта напрямую коррелируют с индексом мотивационных ресурсов. Можно предположить, что характеристики субъективного благополучия являют-

ся источником мотивации. Целевой индекс интернализации напрямую связан со всеми характеристиками субъективного благополучия в обеих моделях. Более высокий уровень субъективного благополучия необходим, когда существует большая готовность достигать целей в соответствии с внутренними ценностями, и они, наоборот, взаимосвязаны.

Таким образом, можно сделать вывод, что понимание взаимосвязи между мотивацией и их характеристиками может не только улучшить качество и эффективность работы людей, но и повлиять на общее восприятие жизни и эмоционального фона. Мы можем психологически предложить поучаствовать в личностном и профессиональном развитии сотрудников общественных организаций: экологическое изучение индивидуального благополучия и источников мотивации, анализ динамики проектирования и проведение мероприятий, направленных на развитие общего эмоционального фона. Поскольку уровень индивидуального благополучия у многих респондентов в среднем невысок, компании следует поощрять к увеличению числа сотрудников и повышению заработной платы, чтобы улучшить эмоциональный фон сотрудников.

Литература

- Сидоренко Е. В.* Мотивационный тренинг. М.: Речь, 2005.
- Слотина Т. В., Маленкова Е. А.* Самоактуализация и психологическое благополучие студентов транспортного вуза // Человек и транспорт: психология, образование, эргономика. Материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием / Под общ. ред. Е. Ф. Яценко. 2022. С. 132–137.
- Шамионов Р. М., Бескова Т. В.* Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. Вып. 60. doi: 10.54359/ps.v11i60.277.
- Яценко Е. Ф.* Проблема самоактуализации, психологического благополучия и субъективного счастья в период пандемии и социальной изоляции // Проблемы социальной психологии и социальной работы. СПб.: СПбГУП, 2021. С. 34–35.
- Яценко Е. Ф., Лазорак О. В.* Копинг-стратегии и акцентуации характера студентов-первокурсников с разным уровнем субъективного благополучия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4 (84). С. 1040–1049.

Образ врача-педиатра в сознании студентов

О. Б. Кононова (ПГУПС Императора Александра I, Санкт-Петербург)

Статья посвящена изучению образа врача-педиатра в сознании студентов. Гипотезы исследования: структура и содержание образа врача-педиатра в сознании студентов будет отличаться от структуры и содержания Я-образа студентов. В целом можно сказать, что содержание исследуемых образов сильно отличается друг от друга. В образе врача-педиатра наиболее часто используются слова «Умный», «Добрый», «Врач», а в Я-образе: респонденты «Студент», «Человек» и «Красивый». Гипотеза исследования подтвердилась.

Ключевые слова: Я-образ, образ врача-педиатра, студенты.

В современной психологии много работ, направленных на изучение образа в сознании человека: от образа Я и различных социальных ролей до образа мира (Абдуллин, 2012; Казакова, 2015; Кононова, 2010, 2014; Ситников, 2001). Такие исследования наиболее актуальны для изучения образа профессионала в профессиях типа «Человек–человек», ведь научно обоснованные знания о стереотипах и ожиданиях от представителей таких профессий могут помочь построить более успешное и эффективное взаимодействие в системе профессионал – человек. Наша статья посвящена изучению образа врача-педиатра в сознании студентов.

Цель исследования: выявить структуру и содержание образа врача-педиатра в сознании студентов.

Гипотезы исследования: структура и содержание образа врача-педиатра в сознании студентов будет отличаться от структуры и содержания Я-образа студентов.

Выборка представлена 21 студентом Петербургским государственным университетом путей сообщения имени Императора Александра I в возрасте от 21 до 22 лет. Была использована методика «СОЧ(И)» В.Л. Ситникова (Ситников, 2001).

Анализ структуры Я-образа и образа врача-педиатра показал, что при описании и того и другого образа студенты чаще всего ис-

пользуют социальные (Я-образ: $M = 6,048$; Образ врача-педиатра: $M = 7,333$) и эмоциональные характеристики (Я-образ: $M = 5,571$; Образ врача-педиатра: $M = 5,714$), а меньше всего акизитивные характеристики (Я-образ: $M = 0,333$; Образ врача-педиатра: $M = 0,286$). Другими словами, студенты, в первую очередь, рассматривают и себя и педиатра в качестве субъектов социального взаимодействия, носителей общественно значимых и эмоционально-личностных черт. С другой стороны, характеристики, отражающие наличие или отсутствие тех или иных материальных благ и отношение к ним, не являются значимыми в обоих образах с точки зрения студентов.

На третьем месте по частоте встречаемости в Я-образе находятся конвенциональные ($M = 4,857$), а в образе врача-педиатра интеллектуальные характеристики ($M = 3,667$). Конвенциональные характеристики не отражают личное отношение к человеку, а определяют объективную «статусно-ролевою» характеристику личности: человек, сестра, гражданин и т. п. Большинство респондентов не захотели рассказывать о своих личностных качествах, а перечислили свои социальные роли. В образе врача-педиатра в сознании студентов гораздо меньше конвенциальных характеристик. Тот факт, что на третьем месте в образе педиатра респонденты определили интеллектуальные характеристики, вполне оправдан. Ведь в такой важной и ответственной профессии просто нельзя обойтись без высокого уровня интеллекта.

Анализ модальности образов в сознании студентов показал, что в структуре Я-образа преобладают нейтральные характеристики (55%), а в образе педиатра – положительные характеристики (65%). Отрицательных характеристик достаточно мало в обоих образах (Я-образ – 6%; Образ врача-педиатра – 5%). Образ врача-педиатра в сознании большинства студентов имеет положительную окраску. Либо респонденты имели опыт общения с хорошими, компетентными педиатрами, либо хотели бы, чтобы детские врачи были именно такими, а возможно, образ детского врача в сознании студентов похож на известного доктора Айболита из детской книжки, на которой выросло большинство детей в нашей стране.

Я-образ в целом носит нейтральную окраску, с достаточно большим количеством положительных определений и с очень малым количеством отрицательных характеристик. Это говорит в позитивном восприятии себя студентами и о нежелании раскрываться лично, участвуя в данном исследовании.

Содержание образов в сознании студентов характеризуется наиболее часто используемыми определениями.

В Я-образе респонденты ставят на первые места слова «Студент» (52,38%) и «Человек» (42,86%) (конвенциональные характеристики). Далее идут такие слова как: «Красивый» (38,1%) (телесная характеристика), «Веселый» (33,33%) (социальная характеристика), «Личность» (28,57%) (конвенциональная характеристика), «Сын» (23,81%) (конвенциональная характеристика), «Брат» (19,05%) (конвенциональная характеристика), «Внук» (19,05%) (конвенциональная характеристика) и т. д. В Я-образ также вошла такая характеристика, как «Инженер» (19,05%), т. е. для студентов является значимой их профессиональная принадлежность. Стоит отметить, что определение «Умный», которое относится к числу наиболее часто называемых характеристик у врача-педиатра, в Я-образе находится на последнем месте в списке наиболее называемых определений.

В образе врача-педиатра наиболее часто используются слова «Умный» (71,43%) (интеллектуальная характеристика) и «Добрый» (61,9%) (социальная характеристика). Думается, что студенты хотели бы, чтобы детский врач был достаточно умен и, конечно, добр в общении со своими пациентами. На третьем месте — «врач» (52,38%) (конвенциональная характеристика). На четвертом месте по частоте встречаемости находится «Белый халат» (42,86%) — стереотипное представление о враче. Далее идут такие слова, как: «Внимательный» (42,86%) (интеллектуальная характеристика), «Терпеливый» (42,86%) (волевая), «Заботливый» (33,33%) (социальная), «Ответственный» (33,33%) (волевая), «Спокойный» (33,33%) (поведенческая) и т. д. Важно отметить, что в образ врача педиатра в сознании студентов вошла также характеристика «Любит детей» (23,81%). Можно сказать, что перед нами встает образ идеального детского врача: умного, доброго, заботливого, ответственного, терпеливого, спокойного и, конечно, любящего детей.

В целом можно сказать, что содержание исследуемых образов сильно отличается друг от друга.

Невербальные образы изучались с использованием психометрической части методики и показали, насколько студенты сопоставляют или противопоставляют себя образу врача-педиатра.

Примерно половина респондентов сопоставляет себя с образом врача-педиатра (11 из 21 студента), это означает, что многие студенты неосознанно считают себя схожими с педиатром. В целом, несмотря на разницу в восприятии себя и врача-педиатра, студенты могут не-

осознанно стремиться соответствовать образу врача, ведь он достаточно идеализирован, содержит в себе много положительных, социально одобряемых качеств. Треть студентов, наоборот, неосознанно противопоставляет себя врачу-педиатру.

Таким образом, гипотеза нашего исследования о том, что структура и содержание образа врача-педиатра в сознании студентов будет отличаться от структуры и содержания Я-образа студентов подтвердилась.

Литература

- Абдуллин А. Г., Тумбасова Е. Р.* «Образ я» как предмет исследования в зарубежной и отечественной психологии // Психология. Психофизиология. 2012. № 6 (265). С. 4–11.
- Казакова Т. В., Басалаева Н. В., Захарова Т. В.* Теоретический анализ исследований образа мира в отечественной психологии // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (2). С. 550.
- Кононова О. Б.* Образ человека и смысложизненные ориентации старшеклассников, включенных в коллективную творческую деятельность: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010.
- Кононова О. Б.* Образ человека и смысложизненные ориентации старшеклассников, включенных в коллективную творческую деятельность // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 3. С. 166–179.
- Ситников В. Л.* Образ ребенка (в сознании детей и взрослых). СПб.: Химиздат, 2001.

Оценка профессионально важных качеств будущего педагога по его невербальным проявлениям*

О. А. Королькова (ИЭП МГППУ, Москва),

Е. Г. Хозе (ИЭП МГППУ, Москва)

Изучались представления наблюдателей, не имеющих педагогического опыта, о личностных качествах эффективного педагога. Демонстрировались видеозаписи лица натурщиков, участвующих в интервью. Наблюдатели оценивали профессионально-значимые качества и личностные характеристики незнакомых им натурщиков по 25 bipolarным шкалам и давали прогноз успешности их возможной педагогической деятельности. Оценки анализировались при помощи метода семантических универсалий. Наиболее благоприятный прогноз успешности педагогической деятельности был дан для натурщицы, которая оценивалась как доброжелательная, общительная, оптимистичная и энергичная. Натурщики, оцениваемые как более пассивные, безынициативные и замкнутые, воспринимались менее успешными в будущей педагогической деятельности.

Ключевые слова: профессиональное зрение, социальные аффордансы, невербальная коммуникация, успешность профессиональной деятельности.

Существует представление о том, что профессиональная компетентность учителя играет основную роль в создании благоприятных условий учебной среды и существенно влияет на качество обучения и успеваемость учащихся (Kunter et al., 2013). Необходимость развития профессиональной компетентности ставит перед исследователями ключевой вопрос о том, что делает хорошего учителя высокопрофессиональным специалистом. Вместе с тем понимание того, какие качества учителя являются составляющими профессиональ-

* Исследование проведено при финансовой поддержке МГППУ, проект «Исследование особенностей профессионального зрения педагогов с использованием технологии айтрекинга (анализа глазодвигательной активности)».

ной компетентности, может быть полезным как на этапе подготовки учителей, так и на этапе отбора абитуриентов, поступающих в педагогические вузы (Korthagen, 2004). От уровня профессиональной компетентности учителя зависит его возможность решать широкий круг задач в ходе педагогической деятельности, влияющих как на благополучие участников учебного процесса, так и на результативность их деятельности в целом (Muhonen et al., 2022). Так, например, учителю необходимо контролировать ход учебного процесса, выделять и интерпретировать значимые ситуации и учитывать индивидуальные особенности поведения учащихся. Профессиональное зрение педагога представляет собой способность замечать релевантные события в ходе педагогического процесса, интерпретировать их и принимать решения о дальнейших действиях. Оно связано со способностью применять эффективные стратегии обучения и, таким образом, обеспечивать более высокие результаты учащихся. Поскольку профессиональное зрение педагога опирается на способность учителей наблюдать за тем, что происходит в учебной аудитории, одним из основных инструментов для изучения опыта учителя и педагогического процесса выступает метод наблюдения.

В настоящей работе представлено пилотное исследование, направленное на изучение представлений наблюдателей, не имеющих педагогического опыта, о личностных качествах эффективного педагога.

Методика

Участники исследования: в пилотной серии приняли участие 23 чел. (4 мужчины и 19 женщин в возрасте 19–45 лет, средний возраст – 23,6 года) – студенты бакалавриата психологических специальностей, не имеющие педагогического опыта (за исключением одного участника с опытом 3 года).

Стимульный материал. На основе видеозаписей коммуникативной ситуации (процесса интервью) отобраны фрагменты длительностью 1 мин, демонстрирующие лицо натурщиков крупным планом. В видеофрагментах представлена монологическая речь и невербальное поведение натурщиков (жесты, мимика, движения головы). Звук в видеофрагментах отсутствовал. Общее число фрагментов – 6 (3 женщины и 3 мужчины, студенты магистратуры психологических специальностей, закодированные как натурщики S01, S02, S06, S08, S11, S12).

Для оценки профессионально-значимых качеств и личностных характеристик эффективного педагога по его невербальным проявлениям разрабатывается методика «Личностный дифференциал педагога» (ЛДП), включающая 25 биполярных 7-балльных шкал: «Внимательный–Невнимательный»; «Дисциплинированный–Недисциплинированный»; «Доброжелательный–Недоброжелательный»; «Инициативный–Безынициативный»; «Критичный–Некритичный»; «Любящий детей–Не любящий детей»; «Наблюдательный – Ненаблюдательный»; «Общительный–Замкнутый»; «Объективный–Необъективный»; «Оптимистичный–Пессимистичный»; «Ответственный–Безответственный»; «Отзывчивый–Неотзывчивый»; «Предусмотрительный–Непредусмотрительный»; «Самостоятельный–Несамостоятельный»; «Способный видеть потенциал других–Неспособный видеть потенциал других»; «Способный к саморегуляции–Неспособный к саморегуляции»; «Способный к сопереживанию–Неспособный к сопереживанию»; «Способный руководить–Неспособный руководить»; «Справедливый–Несправедливый»; «Стремящийся к саморазвитию–Не стремящийся к саморазвитию»; «Стрессоустойчивый–Нестрессоустойчивый»; «Тактичный–Бестактный»; «Требовательный–Нетребовательный»; «Чуткий–Нечуткий»; «Энергичный–Пассивный». Оценки по шкалам даются от –3 до 3.

Процедура: исследование состояло из двух этапов. На первом этапе участники оценивали себя по шкалам ЛДП, после чего давали прогноз успешности (по 10-балльной шкале) своей возможной профессиональной деятельности как педагога в образовательных учреждениях разного уровня – в средней школе, в колледже и в вузе. На втором этапе участникам в случайном порядке демонстрировались видеофрагменты натурщиков. Задача состояла в последовательном просмотре каждого видео, оценке натурщиков по шкалам ЛДП и прогнозе эффективности их возможной педагогической деятельности. В завершение исследования участников просили в свободной форме ответить на вопросы: «На что вы обращали внимание, когда оценивали людей на видео?»; «Использовали ли вы какие-либо способы оценки? Если да, то какие?»; «Знаком ли вам кто-то из людей на видео?»; «Какие критерии вы использовали, определяя успешность педагогической деятельности?»; «Хотели бы вы заниматься педагогической деятельностью?».

Анализ данных. Мы провели качественный анализ для ответа на вопрос о том, какие личностные характеристики наблюдатели приписывают тем натурщикам, которые, по их мнению, будут успешны

в педагогической деятельности. При помощи теста Фридмана с апостериорными сравнениями, реализованного в среде R v. 3.6.3, сопоставлялись средние ранги оценок эффективности возможной педагогической деятельности шести натурщиков. Вводилась поправка Бенджамини – Хохберга на множественные сравнения. Оценки натурщиков по шкалам ЛДП анализировались при помощи качественного метода семантических универсалий, предложенного Е. Ю. Артемьевой (Серкин, 2008). Семантические универсалии содержат те шкалы, оценки по которым наиболее согласованы внутри группы испытуемых. Рассчитывался диапазон размаха средних значений по всем шкалам ЛДП для всех натурщиков. Отметим, что в оригинальной методике предлагается рассчитывать диапазоны размаха индивидуально по каждому оцениваемому стимулу. Поскольку мы предполагаем, что в нашем исследовании использовались сходные критерии для оценки всех демонстрируемых натурщиков, мы видоизменили оригинальную процедуру подсчета. От верхнего и нижнего края диапазона размаха отступали 10% в сторону середины диапазона. Полюса шкал, средние значения которых попадают в «верхний» либо «нижний» интервалы отступа, составляют групповые семантические универсалии для данного натурщика.

Результаты

Сравнение средних по группе оценок эффективности натурщиков как преподавателей показало значимые различия (для средней школы: $Q(5) = 32,373$; $p = 0,001$; для колледжа: $Q(5) = 16,181$; $p = 0,006$; для вуза: $Q(5) = 13,429$; $p = 0,02$). Апостериорные сравнения выявили, что для профессиональной деятельности в средней школе оценки натурщицы S01 ($M = 7,35$) значимо выше, чем оценки натурщиков S02 ($M = 4,7$), S06 ($M = 5,61$) и S11 ($M = 4,87$) и натурщицы S08 ($M = 5,96$), а оценки натурщицы S12 ($M = 6,22$) значимо выше, чем оценки натурщика S02. Для колледжа оценки натурщицы S01 ($M = 6,78$) выше, чем оценки натурщиков S02 ($M = 5,3$) и S06 ($M = 5,65$) и натурщицы S08 ($M = 5,26$). Оценки эффективности возможного преподавания в вузе после поправки на множественные сравнения значимо не различались. Таким образом, натурщицы S01 и S12 получили наиболее высокие оценки эффективности возможной педагогической деятельности, а натурщик S02 – наиболее низкие. Натурщики S06, S08 и S11 получили промежуточные оценки.

Далее мы выделили семантические универсалии для каждого натурщика. Натурщица S01 была охарактеризована как доброжелательная ($M = -2,3$), общительная ($M = -2,48$), оптимистичная ($M = -2,17$) и энергичная ($M = -2,48$); натурщик S02 – как пассивный ($M = 0,7$); натурщик S06 – как безынициативный ($M = 0,61$), замкнутый ($M = 0,83$) и пассивный ($M = 0,91$); натурщик S11 – как пассивный ($M = 0,74$); натурщицы S08 и S12 при используемом способе подсчета не получили согласованных оценок по шкалам.

Обсуждение и выводы

Предварительный качественный анализ результатов пилотного исследования показал, что «наивные» наблюдатели, не имеющие педагогического опыта, дают наиболее благоприятный прогноз успешности педагогической деятельности для того незнакомого человека, которого они оценивают по невербальным проявлениям как наиболее доброжелательного, общительного, оптимистичного и энергичного. Напротив, наблюдатели ожидают, что натурщики, оцениваемые как более пассивные, безынициативные и замкнутые, будут менее успешны в педагогической деятельности. Полученные результаты согласуются с представлениями экологического подхода к межличностному восприятию, который предполагает, что первое впечатление о незнакомом человеке основывается на социальных «аффордансах», представленных как в его внешнем облике, так и в невербальных проявлениях – мимике, жестах, позе и др. (Zebrowitz, 2011).

В ходе дальнейшей работы планируется сопоставление полученных результатов с оценками, которые дают профессиональные педагоги. Ожидается, что в зависимости от степени сформированности профессионального зрения будут меняться критерии оценки невербальных проявлений эффективного педагога.

Литература

- Серкин В. П.* Методы психологии субъективной семантики и психо-семантики: Учеб. пособие для вузов. М.: Пчела, 2008.
- Korthagen F. A. J.* In search of the essence of a good teacher: towards a more holistic approach in teacher education // *Teaching and Teacher Education*. 2004. V. 20. № 1. P. 77–97. doi: 10.1016/j.tate.2003.10.002

- Kunter M., Kleickmann T., Klusmann U., Richter D.* The development of teachers' professional competence // Cognitive activation in the mathematics classroom and professional competence of teachers. *Mathematics Teacher Education*. V. 8. N. Y.: Springer Science+Business Media, 2013. doi: 10.1007/978-1-4614-5149-5_4
- Muhonen H., Pakarinen E., Lerkkanen M. K.* Professional vision of Grade 1 teachers experiencing different levels of work-related stress // *Teaching and Teacher Education*. 2022. V. 110. Art. 103585. doi: 10.1016/j.tate.2021.103585
- Zebrowitz L. A.* Ecological and social approaches to face perception // *Oxford Handbook of Face Perception* / Eds A. J. Calder, G. Rhodes, M. H. Johnson, J. V. Haxby. Oxford: Oxford Library of Psychology, 2011. P. 31–50. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199559053.013.0003

Оценка когнитивной работоспособности с позиции анализа функционального состояния студентов с инвалидностью, обучающихся по программам среднего профессионального образования

И. В. Кошелев (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

В статье представлена идея использования метода психометрики когнитивной структуры в оценке когнитивной работоспособности с позиции структурно-интегративного подхода к анализу функционального состояния. Гипотеза исследования заключается в обуславливающем характере функционального состояния когнитивной работоспособности. Приводятся результаты среза когнитивной структуры у студентов с инвалидностью, осваивающих программы среднего профессионального образования. Когнитивная структура у обучающихся с инвалидностью характеризуется возможным снижением когнитивной работоспособности, обуславливающей качество освоения профессионально-образовательных программ при подготовке профессиональных кадров и дальнейшую эффективность выполнения профессиональной деятельности.

Ключевые слова: когнитивная структура, функциональное состояние, работоспособность, студенты с инвалидностью.

Одной из центральных проблем исследования в области психологической науки о труде является анализ функционального состояния и работоспособности человека в условиях трудовой деятельности.

Особой актуальностью в поиске путей оптимизации функционального состояния и повышения работоспособности профессионалов с инвалидностью определяется наличие степени выраженности ограничений жизнедеятельности как следствие воздействия врожденных или приобретенных расстройств функций организма, установленных по результатам прохождения медико-социальной экспертизы (МКБ-10).

Когнитивная структура – система ментальных средств, обусловленная закономерностью протекания когнитивных процессов, отве-

чающая за когнитивную переработку информации (Зинченко и др., 1997). Минимальная единица когнитивной структуры, отвечающая за переработку информации, понимается как когнитивный элемент, исчисляемый количественной характеристикой когнитивной системы, тем самым подразумевая, что количество когнитивных элементов определяет успешность решения интеллектуальных задач (Дружинин, 2001).

В авторском подходе А. Б. Леоновой система ментальных средств может выражаться характеристиками когнитивных ресурсов, их диагностика опирается на показатели эффективности когнитивного функционирования, протекания когнитивных процессов в актуальный период времени, интегрированных в структуру функционального состояния.

Функциональное состояние – интегративное образование структурных характеристик функциональной направленности, актуализируемых субъектом, обуславливающих эффективность выполнения профессиональной деятельности в определенных условиях (Леонова, 2007):

- когнитивных (ресурсных);
- субъективных (рефлексивных);
- поведенческих (моторных);
- физиологических (энергетических).

Работоспособность на уровне когнитивной структуры определяется психомоторной характеристикой выполнения целенаправленной деятельности, протяженной во времени с учетом объема точности, латентного времени и моторного темпа при определенных эргономических условиях.

Представленные результаты исследования профиля когнитивной структуры по методу микроструктурного анализа свидетельствуют о возможной степени ограничения когнитивной функциональной эффективности, коррелирующей с видами заболеваний, таких как статодинамические, неврологические и психические, рубрикуемые международной классификацией болезней.

Отметим, что профиль когнитивной структуры может строиться на различных психометрических конструктах, например таком, как процесса рабочей памяти, по упрощенной модели А. Baddeley и G. Hitch, используемом в наших исследованиях (Кошелев, 2022).

Что касается роли функционального состояния в исследовании когнитивной работоспособности, то можно сказать, что оно являет-

ся системообразующим фактором потенциально возможной функциональной эффективности когнитивной структуры в условиях профессиональной деятельности. Так, некоторая степень снижения работоспособности может быть обусловлена недопустимым или неразрешенным видом функционального состояния.

Структурно-интегративный подход к анализу функционального состояния человека в профессиональной деятельности способен выявлять истинные причины сниженной работоспособности, которые заключаются не только в особенностях процессов когнитивной структуры, но и в системной реакции.

Таким образом, наличие степени выраженности ограничений жизнедеятельности рубрикуемых видами заболеваний и классификациями и критериями используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы, а также наличие различных видов функционального состояния могут служить предиктором когнитивной работоспособности профессионалов с инвалидностью.

Литература

Дружинин В. Н. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: Пер Сэ; СПб.: Иматон-М, 2001.

Зинченко В. П., Леонова А. Б., Стрелков К. К. Психометрика утомления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

Кошелев И. В. Прогностическая оценка функциональной эффективности когнитивного ресурса лиц с инвалидностью // Вестник МГПУ «Современный колледж». 2022. № 4. С. 48–59.

Леонова А. Б. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. 2007. № 1. С. 97–103.

МКБ-10. URL: <https://mkb-10.com> (дата обращения: 31.05.2023).

Субъективно значимые причины развития напряженности при работе в дистанционных условиях

А. С. Кузнецова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

В материалах статьи представлены результаты анализа субъективно значимых причин развития напряженности в новых для специалистов дистанционных условиях работы. По итогам опроса 262 сотрудников организаций муниципального управления, выявлены факторы, провоцирующие негативную динамику функционального состояния и рост тревожности. К числу данных факторов участники исследования относят, главным образом, специфичные для работы особенности содержания трудовых задач, беспокойство по поводу результатов труда, сложности во взаимоотношении с коллегами, временные аспекты выполнения работы. Несмотря на новые для респондентов дистанционные формы работы и опасности внешней среды в период роста заболеваний COVID-19, наиболее значимыми причинами напряженности для них являются привычные рабочие стрессоры.

Ключевые слова: дистанционная работа, напряженность, стресс, функциональное состояние, психологическая саморегуляция.

Широкое распространение дистанционных форм выполнения рабочих задач, массовое внедрение которых стало следствием вынужденного перехода к работе в домашних условиях в период локдауна первой волны пандемии COVID-19 в 2020 г., предполагает анализ и детализацию психологических причин развития неблагоприятных функциональных состояний (ФС) у тех специалистов, для которых дистанционные формы рабочего взаимодействия являются новыми и необычными. За истекшие с апреля 2020 г. три года дистанционная работа во многом стала привычной для сотрудников, и многие организации остановились на гибком варианте совмещения обычных и дистанционных форм работы. Вместе с тем остается актуальным вопрос о том, какие факторы организации труда в домашних и офисных условиях являются сходными причинами негативной динамики ФС, а какие — специфичными только для дистанционных условий.

В период с апреля 2020 по октябрь 2021 г. проведен цикл исследований по разработке и внедрению программ психологической поддержки для специалистов непроизводственной сферы, работающих дистанционно (Кузнецова, 2021). Частью данного цикла было направление анализа факторов содержания и условий труда, рассматриваемых в качестве источников рабочей напряженности и формирования стрессовых состояний для поиска ответов на вопросы: 1) есть ли специфика факторов напряженности при переходе на дистанционную работу; 2) является ли вынужденная дистанционная работа в период локдауна первого этапа развития пандемии COVID-19 источником новых стрессоров?

Цель исследований была сформулирована как выявление и систематизация значимых для специалистов рабочих обстоятельств, которые интерпретируются как основные причины ежедневных источников роста напряженности при работе в домашних условиях. В качестве основной гипотезы было выдвинуто предположение о том, что в качестве основных источников напряженности при дистанционной работе специалисты будут указывать на проблемы интерференции рабочих и домашних обязанностей, а при вынужденном переходе в режим самоизоляции к числу стрессоров добавятся внешняя неопределенность ситуации роста заражений COVID-19 и опасения за свое здоровье и здоровье близких.

Всего в исследовании приняло участие 262 сотрудника разных организаций в сфере муниципального управления в возрасте от 24 до 58 лет, преимущественно женщин (247 женщин и 15 мужчин). Для сбора данных использовались следующие диагностические инструменты: 1) опросный лист для перечисления в свободной форме 3–4 причин развития напряженности в течение рабочего дня; 2) шкала ситуативной тревожности Ч. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина; 3) опросник острого утомления А. Б. Леоновой. Респонденты заполняли опросные листы и методики в конце нескольких рабочих дней в течение 2 недель. Перед началом цикла для его потенциальных участников была проведена беседа с целью разъяснения задач исследования и программы сбора данных.

По итогам анализа собранных эмпирических материалов были получены неожиданные результаты. По итогам первичной беседы с участниками программы в апреле–мае 2020 г. были суммированы те обстоятельства профессионального труда и внепрофессиональной сферы, которые респонденты выделили как типичные стрес-

соры новой для них и вынужденной работы на самоизоляции в домашних условиях:

- стремительный и обязательный переход на непривычный режим работы при отсутствии опыта удаленной работы;
- условия работы дома: интерференция рабочих и вне рабочих видов деятельности;
- нестабильная работа интернет-ресурсов и — часто — плохое качество связи во время рабочих совещаний;
- необходимость налаживать оборудование самостоятельно без нужных для этого знаний;
- повышенный шум и помехи в помещениях, выделенных в домашней среде для работы;
- смещение временных графиков работы — «растяжение» рабочих часов;
- отсутствие непосредственных рабочих контактов.

Как видно из данного перечня, специалисты указывают на такой мощный источник напряженности, как пересечение рабочего пространства и зон взаимодействия с членами семьи. Это было вполне ожидаемым и очевидным образом подтверждает выдвинутую гипотезу.

Неожиданными оказались ответы участников исследования об источниках ежедневного стресса. Контент-анализ 125 ответов апрельского периода показал, что половина из них (58%) может быть отнесена к привычным для нормальных рабочих условий категориям, в числе которых:

- содержание труда — особенности трудовых задач и рабочей нагрузки (50%);
- трудности во взаимодействии с коллегами — конфликты, несогласованность действий, необходимость доделывать работу за других (18%);
- временные аспекты выполнения работы — необходимость соблюдать сроки, частые переработки и пр. (13%);
- переживания за оценку результатов работы (7%).

Только 12% ответов касаются обстоятельств, напрямую связанных с вынужденными факторами удаленной работы: проблемы в освоении новых дистанционных программ (8%) и пребывание дома в условиях интерференции рабочих и домашних видов активности (4%). Таким образом, несмотря на критическую новизну работы в дистанцион-

ной среде в неудобных для этого домашних условиях данные обстоятельства респонденты не относят к числу основных факторов ежедневной напряженности. Рост тревожности и ощущение истощения ресурсов к концу рабочего дня они связывают с теми же причинами, которые характерны для и привычной офисной среды.

Далее, собранные во время первой волны пандемии COVID-19 апрельские данные о ежедневных причинах напряженности только в 10% относятся участниками исследования к беспокойству по поводу распространения заболевания и тревоге за собственное здоровье и здоровье членов семьи. На фоне 58% перечисленных выше стрессогенных факторов работы и 28% причин из категории внерабочих и не связанных с пандемией стрессоров – это очень и очень немного. Для полноты процентного анализа стрессоров стоит указать на оставшиеся 4% источников напряженности, где были объединены разнородные и нетипичные для большинства ответов категории.

Таким образом, данные показывают, что выделенные респондентами причины роста ежедневной напряженности в период резкого перехода на дистанционные формы работы – те же самые, которые традиционно относятся к факторам трудового стресса (Бодров, 2006; Леонова, 2020). Анализ показателей ситуативной тревожности ($M = 49,8$; $SD = 10,6$) и острого умственного утомления ($M = 19,5$; $SD = 8,1$) подтверждает высокий уровень выраженности данных проявлений самооценки ФС в конце рабочего дня как признаков кумуляции напряженности и истощения ресурсов.

Эмпирические данные, собранные в течение сентября 2021 г., подтверждают выявленные в 2020 г. факты (исследование выполнено совместно с Е. С. Анастасиевой). По итогам контент-анализа были выделены 3 основные категории источников напряженности (работа, внерабочие сферы жизни, самочувствие и заболевания). Факторы напряженности из категории работы дифференцируются респондентами с большей степенью детализации, что позволило выделить 6 подкатегорий, аналогичных рубрикам в исследовании апреля 2020 г.: специфика содержания рабочих задач, переживания о результатах, условия работы, особенности взаимодействия с коллегами, временные аспекты работы, дистанционные среды.

Для уточнения специфики возможных различий между субъективно-значимыми факторами напряженности при традиционной работе в офисе и дистанционной работе по данным сентября 2021 г.

проведено сравнение соотношений 3 основных категорий (работа, внерабочие сферы жизни, самочувствие и заболевания) по частоте распределения ответов респондентов, работающих в офисе и в домашних условиях. Выявлено разное процентное распределение ответов по данным категориям. При офисных формах труда 89% причин роста напряженности относятся к рабочим обстоятельствам, 5% – к внерабочей сфере, 6% – к категории самочувствия и здоровья. При дистанционной работе процентное распределение ответов несколько иное, но в целом похожее на стресс-факторы, выделенные представителями офисной формы работы: 67% – стрессоры работы; 24% – стрессоры внерабочей сферы; 9% – самочувствие. При этом различия значимыми не являются.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) несмотря на длительное пребывание специалистов в условиях пролонгированной напряженности, вызванной локдауном первой волны пандемии COVID-19, участники исследования относят к числу причин негативной динамики состояния к концу рабочего дня традиционные для привычной рабочей среды факторы содержания и условий труда;
- 2) специфичные для дистанционных условий стрессоры представляют собой факторы, связанные с невозможностью разделить рабочие и внерабочие зоны в домашних условиях, а также факторы интерференции рабочих задач и внерабочей активности;
- 3) субъективная оценка мощности действия факторов, вызывающих напряженность труда, указывает на рост ситуативной тревожности и истощение ресурсов в конце рабочего дня.

На основании собранных результатов была разработана и предложена для участников исследования программа дистанционного обучения приемам саморегуляции ФС (Кузнецова, 2021). Оценка возможностей данной программы показала ее эффективность и целесообразность применения для оптимизации ФС специалистов, работающих дистанционно.

Литература

Бодров В. А. Психологический стресс: природа и преодоление. М.: Пер Сэ, 2006.

Кузнецова А. С. Организация обучения приемам психологической саморегуляции функционального состояния специалистов в дистанционных условиях // Психология управления персоналом и экосистема наставничества в условиях изменения технологического уклада. Вторая Международная научно-практическая конференция (11–12 ноября 2021 г., Нижний Новгород): Сборник статей / Под ред. Л. Н. Захаровой, И. С. Леоновой. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 194–197.

Леонова А. Б. Уровни анализа деятельности сотрудников организации // Организационная психология / Под ред. А. Б. Леоновой. М.: Инфра-М., 2020. С. 86–96.

Жизнестойкость и креативность в аспекте эффективности сотрудников маркетингового агентства при решении творческих задач и/или исполнительских задач

Л. В. Кузнецова (ГАУГН, Москва), А. С. Смолков (ГАУГН, Москва)

Статья посвящена сравнительному анализу взаимосвязи показателей жизнестойкости и креативности с эффективностью сотрудников маркетингового агентства, решающих преимущественно творческие и/или исполнительские задачи. Полученные данные о взаимосвязи показателей жизнестойкости и креативности с эффективностью сотрудников подтвердили и уточнили представление как об общих профессионально важных психологических качествах маркетолога, так и о качествах, в наибольшей степени востребованных в связи с решением сотрудником конкретных функциональных задач.

Ключевые слова: функционал маркетолога, профессиональная эффективность, жизнестойкость, креативность.

В эффективно функционирующем трудовом коллективе каждый сотрудник, независимо от психологических особенностей, чувствует свою причастность к общему делу. Он чувствует свою ценность, а отсюда растет мотивация и продуктивность в выполнении своих профессиональных задач. Тем не менее, очевидным кажется тот факт, что наличие и учет определенных черт и особенностей личности, необходимых для реализации того или иного функционала является основополагающей задачей формирования кадрового потенциала, что, в свою очередь, позволяет профессиональной организации эффективно решать свои задачи, а с другой – формирует у сотрудника чувство успешности, стремление к дальнейшему профессиональному развитию (Быстров, 2019; Маничев, Лепехин, 2020).

По последним данным аналитиков, каждый третий работающий россиянин страдает от хронической усталости, причем чаще других с ней сталкиваются работники в области маркетинга, рекламы и PR (40%). Подобный факт требует анализа в том числе соответствия уровня сформированности профессионально-значимых психологичес-

ких качеств, коррелирующих с эффективностью сотрудников маркетинговых агентств при решении различных задач.

Мы исходим из понятия о маркетинге как о многоаспектной трудовой деятельности, в которой для успеха нужно органичное сочетание аналитических и организационных компетенций, с одной стороны, и креативности в нахождении путей продвижения товаров и услуг при постоянной конкурентной борьбе и рыночной неопределенности – с другой. В профессиограмме маркетолога это находит отражение в требованиях креативности, гибкости, способности к эффективной межличностной коммуникации, с одной стороны, и владению статистическими навыками, навыками информационных технологий, анализа ситуации – с другой.

Несмотря на некоторые вариации, типовая бизнес-структура маркетингового агентства (маркетинговой службы компании) предполагает обязательное выделение отдела (группы) креатива и дизайнера, отдела по работе с персоналом, аналитической группы прогноза и контроль сбыта товара. При этом, какую бы функциональную задачу мы не взяли, каждый сотрудник маркетинговой службы должен обладать высокой степенью устойчивости к неопределенности и одновременно обладать креативным потенциалом в качестве ресурса мотивированного создания новых продуктов и продвижения уже имеющихся с учетом анализа и прогноза рынка.

В качестве устойчивых личностных характеристик, способных обеспечить устойчивую эффективность сотрудников маркетингового агентства при выполнении творческих и/или исполнительских задач нами были рассмотрены жизнестойкость и креативность, выражающаяся в творческих способностях индивида, характеризующихся готовностью к продуцированию принципиально новых идей (Климова, Мальцева, 2019; Нариманова, 2018).

Жизнестойкость была выбрана как основополагающая личностная диспозиция, выраженность трехкомпонентной структуры которой обеспечивает мотивированную ответственную включенность в выбранное дело, высокую устойчивость как к стрессовым нагрузкам, так и к монотонии при сохранении внутренней сбалансированности без снижения эффективности выполняемой деятельности (Богомаз, Баланев, 2009).

Цель исследования – выявление взаимосвязи показателей жизнестойкости и креативности с эффективностью сотрудников маркетингового агентства при решении творческих и/или исполнительских задач.

Было предположено, что у всех сотрудников маркетингового агентства, независимо от преимущественного решения творческих или исполнительских задач, эффективность будет положительно коррелировать с высокими показателями жизнестойкости и креативности.

Кроме того, мы предположили, что показатели креативности будут по-разному связаны с эффективностью сотрудников в зависимости от выполнения ими творческих или исполнительских задач, а именно: в группе 1 («Дизайнеры») будет наблюдаться положительная корреляция с эффективностью таких показателей, как оригинальность и гибкость, а в группе 2 («Исполнители») – положительная корреляция с эффективностью таких показателей, как беглость и точность.

Для проверки выдвинутых гипотез было сформировано две экспериментальные группы респондентов маркетингового агентства: экспериментальную группу 1 составили 25 специалистов в сфере дизайна (группа «Дизайнеры»), экспериментальную группу 2 составили и 25 специалистов в сфере информационных технологий (группа «Исполнители»). Возрастной диапазон респондентов: 30–40 лет.

Для решения поставленных эмпирических задач был сформирован диагностический комплекс, состоящий из трех инструментов: 1. Авторской анкеты для оценки эффективности деятельности респондентов, входящих обе экспериментальные группы, которую заполняло руководство соответствующих отделов; 2. Теста жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева и Е. Рассказовой); 3. Теста Гилфорда на креативность.

В процессе проведения эмпирического исследования был выявлен ряд статистически подтвержденных тенденций в контексте исследуемого вопроса. В частности, было выявлено преобладание в обеих группах респондентов со средним уровнем жизнестойкости. Однако уровень жизнестойкости в экспериментальной группе 1 достоверно выше, чем в экспериментальной группе 2 ($U = 326$, $p = 0,010$). Обнаружено, что в экспериментальной группе 1 такие составляющие эффективности профессиональной деятельности, как «психологические и коммуникативные навыки», «количественная оценка результатов работы» и «общая эффективность», положительно связаны с общим уровнем жизнестойкости и всеми ее составляющими, а именно: с вовлеченностью, контролем, принятием риска. Наиболее тесная корреляционная связь обнаружена между показателем «психологические и коммуникативные навыки» с такими факторами, как «вовлечен-

ность» ($r=0,53$, $p<0,05$), «контроль» ($r=0,85$, $p<0,05$), «общая жизнестойкость» ($r=0,85$, $p<0,05$).

В группе «Дизайнеры» обнаружена тесная корреляционная связь между шкалой анкеты «психологические и коммуникативные качества» и шкалами теста Гилфорда на креативность: гибкость ($r=0,84$, $p<0,05$), оригинальность ($r=0,84$, $p<0,05$). Данная взаимосвязь, способность выхода за пределы стандартных шаблонов, по сути, отражает большую открытость и нестандартность человека, делает его более открытым и интересным в общении, что оценивается экспертами как хорошее владение коммуникативными навыками.

В группе «Дизайнеры» выявлена статистически значимая положительная корреляция между шкалой анкеты «количественная оценка результатов работы» и шкалами теста Гилфорда: «гибкость», «оригинальность», «креативность». Наиболее тесная корреляционная связь обнаружена со шкалой «гибкость» ($r=0,84$, $p<0,05$). Другими словами, эффективность сотрудника креативного подразделения в аспекте объема выполнения рабочих задач обеспечивается в том числе развитием творческого мышления, способностью выйти за пределы стандартного, привычного видения ситуации, что дает возможность получить преимущества перед конкурирующими агентствами при разработке и продвижении товаров и услуг.

В экспериментальной группе 2 («Исполнители») наиболее значимая положительная корреляция выявлена между шкалой анкеты «общая эффективность» и всеми шкалами Жизнестойкости: «вовлеченность» ($r=0,56$, $p<0,05$), «контроль» ($r=0,54$, $p<0,05$), «принятие риска» ($r=0,56$, $p<0,05$), «общая жизнестойкость» ($r=0,58$, $p<0,05$). Другими словами, более высокие показатели по всем трем компонентам Жизнестойкости, так же как и у дизайнеров, коррелируют с более высокими показателями общей эффективности специалистов информационной сферы.

Так же, как и у респондентов экспериментальной группы 1, в группе «Исполнители» выявлена тесная корреляционная связь между шкалой анкеты «количественная оценка результатов работы» и шкалами теста Гилфорда: «гибкость» ($r=0,83$, $p<0,05$), «точность» ($r=0,85$, $p<0,05$), «креативность» ($r=0,88$, $p<0,05$). Причем наибольшие показатели обнаружены по креативности и точности, тогда как в группе «Дизайнеры» более высокие показатели по гибкости и оригинальности.

Проведенное исследование и результаты корреляционного анализа позволили нам уточнить структуру профессионально-значимых пси-

хологических качеств сотрудников маркетинговых агентств в аспекте многозадачности и профессиональной эффективности при решении ими преимущественно творческих и/или исполнительских задач.

Было установлено, что вне зависимости от функциональных обязанностей сотрудников маркетингового агентства жизнестойкость — важнейшее качество, позволяющее сохранять высокий уровень профессиональной эффективности и устойчивости к неопределенности рынка. При этом в группе дизайнеров уровень жизнестойкости в целом выше, а сочетание жизнестойкости с высокими показателями креативности, оригинальности и гибкости позволяет охарактеризовать группу дизайнеров как потенциально в большей степени, способных совладать со стрессовыми ситуациями. Их креативность и способность нестандартно мыслить при прочих равных условиях препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет возможности переосмыслить стрессовые события и найти новое эффективное решение, преобразовать трудности в возможности.

Гипотеза о взаимосвязи эффективности профессиональной деятельности с уровнем креативности и отдельных ее показателей в зависимости от функционала респондентов также нашла подтверждение.

Полученные данные о взаимосвязи показателей жизнестойкости и креативности с эффективностью сотрудников подтвердили и уточнили представление как об общих, профессионально важных психологических качеств маркетолога, так и в зависимости от конкретных функциональных задач, решаемых сотрудниками и маркетинговым агентством в целом. В частности, на фоне в целом среднего уровня жизнестойкости, учитывая ее «потенцирующую» функцию в эффективном совладании с трудными жизненными и производственными ситуациями, считаем целесообразным проведение систематического мониторинга данного личностного конструкта и разработку специальных тренинговых программ, направленных на развитие компонентов жизнестойкости. С учетом постоянно повышающихся требований к оригинальности результатов труда и маркетинговых продуктов, может быть востребовано проведение тренинговых программ по стимулированию готовности к творческим решениям.

Выявленные закономерностей и рекомендации могут найти применение при формировании кадрового потенциала маркетингового агентства с учетом стоящих функциональных задач и управления персоналом.

Литература

- Богомаз С. А., Баланев Д. Ю.* Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 23–28.
- Быстров В. А.* Человеческий фактор как основной ресурс повышения эффективности работы предприятия // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2019. № 4 (30). С. 60–65.
- Климова М. В., Мальцева В. А.* Развитие креативности личности в мультикультурном пространстве // Психология образования в поликультурном пространстве. 2019. № 3. С. 121–125.
- Маничев С. А., Лепехин Н. Н.* Групповая динамика и развитие agile-команд // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 9 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 181–216.
- Нариманова О. В.* Креативность на личностном и организационном уровнях: современные модели и концепции // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2018. Т. 6. № 2 (21). С. 256–278.

Формирование психического здоровья студента как цель учебной дисциплины в медицинском вузе

*Т. В. Кулемзина (ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России, Донецк),
С. В. Красножен (ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России, Донецк)*

Необходимость изучения «Санологии» как науки об индивидуальном здоровье с целью практического применения в системе комплексного лечения и реабилитации заболеваний пациентов разного возраста врачами-специалистами обусловлена тем, что в настоящее время наблюдается прогрессирующее снижение уровня здоровья населения в целом и молодого поколения в частности, увеличивается число детей и подростков с хроническими заболеваниями, расширяется спектр заболеваний. Являясь клинической, дисциплина нацелена как на формирование представления о здоровом образе жизни, здоровьесформирующих подходах и принципах, так и на применение здоровьесберегающих технологий и методов у студентов-медиков уже в период обучения в вузе, а затем и в практической врачебной деятельности.

Ключевые слова: формирование здоровья, психическое здоровье, студенты-медики, образовательный процесс, индивидуальное здоровье.

Современные общемировые тенденции и темп развития общества предъявляют все новые и более высокие требования к принципам образования и преподавания вообще и в медицинском вузе в частности.

Основная задача врача, как и собственно медицины в целом, — это медицинское обеспечение населения для сохранения и повышения качества жизни пациентов. Решение этой задачи, главным образом, обуславливается профессиональными умениями и навыками специалиста, который должен иметь как широкую общеклиническую подготовку, так и ориентироваться во многих смежных вопросах, особенностях течения, лечения и профилактики различных нозологий в зависимости от пола, возраста, условий трудовой деятельности и т. д., а также учитывать психосоциальный статус больного.

Общеизвестно, что качество жизни, являясь интегральным понятием, отражает не только выраженность симптомов, связанных с за-

болеванием, но и функциональный статус пациента (толерантность к нагрузке, способность к самообслуживанию), социальную активность, удовлетворенность состоянием физического и психического здоровья (Одинцова, 2020).

Общемировой медицинской тенденцией последних лет является развитие персонифицированного и превентивного (донозологического) подхода к пациенту и в науке, и в практической деятельности. Ученые различных стран пытаются индивидуализировать понятие «нормы» в медицине, оценить уровень здоровья количественно и др. Появляются новые термины и понятия, такие как «индивидуальное здоровье», «уровень здоровья», «донозологическая диагностика», «превентивная реабилитация». Мониторирование изменений качественных и количественных показателей состояния здоровья различных категорий населения и их последующая коррекция видится перспективным направлением развития и функционирования медицины. Врачи многих специальностей стремятся получить новые знания и навыки, чтобы иметь возможность разрабатывать и давать рекомендации пациентам в данной области.

Для успешного дальнейшего развития данного направления и науки об индивидуальном здоровье, а также для внедрения новых разработок в жизнь и практическую деятельность необходим вектор превентивной медицины, направленный на понимание актуальности данного направления как такового и формирование представления о здоровом образе жизни и сохраняющих его принципах, особенно у учащейся молодежи.

Физическая жизнеспособность человека зависит не только от условий бытия, но и от нравственной атмосферы и эмоционального состояния человека и общества, поэтому необходимо формирование мотивации к сохранению и укреплению собственного здоровья, в первую очередь; трансформация данного восприятия на профиль пациентов является важной составляющей практической деятельности врача любой специальности. Поддержание высокого уровня и качества здоровья современного человека требует учета естественных механизмов жизнеобеспечения, свойственных организму и его системам (Кулемзина, 2018).

Клиническая дисциплина «Санология» является медицинским разделом валеологии и определяется как наука, изучающая сущность, механизмы и проявления здоровья, методы его диагностики, прогнозирования и коррекции на основе оптимизации механизмов здоровья

(саногенетических процессов) с целью повышения его уровня, улучшения качества жизни и социальной адаптации индивидуума. Санология изучает процесс дезадаптации с точки зрения определения, этиологии, патогенеза, лечения (подходов, схем, стандартов) и профилактики (способов предупреждения и возникновения рецидива заболевания). Являясь практической дисциплиной, «Санология» прописывает конкретные рекомендации по профилактике заболеваний, что приобретает особую значимость в практической деятельности врача, поскольку он (врач) не просто обязан знать теоретические основы, но и применять их в собственной жизни, для собственного здоровья. Это способствует реализации врача как профессионала и повышает эффективность осуществления оказания помощи пациенту (Апанасенко, 2020).

Современная система высшего медицинского образования нечасто уделяет внимание здоровьесберегающей педагогике. Профессиональная подготовка медицинских кадров нацелена, прежде всего, на изучение этиологии, патогенеза, лечения и профилактики заболеваний. Однако сберечь здоровье важнее и сложнее, чем заниматься его восстановлением.

Целью настоящего исследования является формирование у студенческой молодежи (во время обучения в вузе) личностно-ориентированной концепции, направленной на превентивное (донозологическое) применение здоровьесохраняющих технологий для сохранения, укрепления и повышения уровня здоровья молодого поколения.

Обучение и внедрение здоровьесберегающих образовательных технологий как медицинских должно быть ориентировано на обеспечение возможности сохранения здоровья в течение жизни, формирование необходимых знаний, учений, навыков здорового образа жизни и использование полученных знаний на протяжении всей жизни.

В современном образовательном процессе наблюдается тенденция к созданию программ обучения здоровому образу жизни (Кулемзина, 2018), однако это стремление в большинстве случаев сводится к формированию общепринятых воспитательных навыков и правил поведения, борьбе с вредными привычками либо обучению элементам оздоровительной физической культуры и здорового питания. Важную роль в формировании здоровья играют индивидуальные признаки и особенности личности.

Оптимальным является персонифицированный подход к выбору корректирующих средств и методов оздоровления, реализующий-

ся на основе концепции личностного ориентирования, направленной на превентивное (донозологическое) применение инновационных здоровьесохраняющих технологий. В полной мере формирование и внедрение персонализированных программ для сохранения и повышения уровня здоровья молодежи может быть обеспечено использованием принципов и подходов интегративной медицины (ИМ), в соответствии с которыми каждый человек имеет свою конституцию (результатирующую не только врожденные или приобретенные особенности индивидуума, но и такие факторы, как психическое состояние, реакция на стресс и последующие нарушения процессов адаптации, отношение к болезни и лечению, условия проживания, уровень жизни и образования, социальная востребованность, семейные отношения и т. д.).

В нашем вузе предмет «Основы санологии» введен с 2015 г. Сначала для студентов специальности «медико-профилактическое дело», затем с 2017 г. — «лечебное дело». Студентам-стоматологам в рабочую программу введены темы по санологии. В настоящее время в связи с интеграцией в российское образовательное пространство специальность «санология» трансформирована в специальность «гигиеническое воспитание».

В рамках рабочих программ обучающиеся осваивают понятийный аппарат специальности, изучают саногенетические механизмы профилактики заболеваний, методы и методики диагностики здоровья, аспекты прогнозирования здоровья, клинико-физиологические основы оздоровительной физической тренировки, методики дыхательной гимнастики и гипоксической тренировки, применение оздоровительных техник в сохранении, укреплении и восстановлении здоровья, изучение психологического состояния и психокоррекционная регуляция его при необходимости, основы интегративной и восстановительной медицины.

Методы, которые могут повысить уровень здоровья здоровых лиц (студентов), действуют по-разному. Например, кинезиотерапия, массаж и мануальные техники, остеопатия и физиотерапия оказывают свое действие непосредственно через тело человека, другие (гомеотерапия, акупунктура, рефлексотерапия и шиацу) восстанавливают баланс энергии в организме, третьи (ароматерапия и психотерапия) оказывают воздействие на здоровье на психическом и эмоциональном уровне. Вполне естественно, что каждый из вышеперечисленных методов лечения помогает сохранить и восстановить здоровье организма, исходя из своей специфики.

В результате многолетней практической деятельности педагоги и врачи приходят к пониманию необходимости применения здоровьесберегающих технологий в ежедневной практике.

Развивающаяся система непрерывного профессионального педагогического и медицинского образования позволяет выделить временной фактор для овладения здоровьесберегающими технологиями теоретически и на практике. Изучение валеологии в средней школе и немедицинских вузах и санологии (медицинской валеологии) в медицинских вузах поможет сформировать мотивацию у студентов в сохранении, укреплении, формировании собственного индивидуального здоровья и расширить собственные резервные возможности организма, вести здоровый образ жизни и выработать стратегию его формирования с помощью самоконтроля собственной активности.

Таким образом, преподавание студентам санологических дисциплин способствует выработке убеждений, устойчивых мотиваций к здоровому образу жизни на основе получаемых знаний и опыта.

Литература

- Апанасенко Г.Л.* Введение в новую парадигму здравоохранения. Здоровье и фитнес. К.: Юрка Любченка, 2020.
- Кулемзина Т.В.* Инновационный подход к процессу формирования здоровья // Материалы III международной научной конференции «Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности». Донецк: ДонНУ, 2018. Т. 6. С. 341–344.
- Одинцова М.А.* Психология жизнестойкости: учеб. пособие, 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/326292130_Maria_Antonovna_Odincova_Psihologia_ziznestojkosti_Seria_Biblioteka_psihologa_MPSI (дата обращения: 01.07.2023).

Повышение профессиональной субъектности персонала угледобывающих предприятий в рамках реализации социально-экономической концепции развития нормирования труда

О. А. Ланаева (ООО «НИИОГР», Челябинск)

В статье представлены основные положения социально-экономической концепции развития нормирования труда, заключающейся в повышении уровня их профессиональной субъектности на основе достижения и поддержания в трудовых отношениях баланса интересов и ответственности между работниками и работодателем. Реализация социально-экономической концепции развития нормирования труда работников предприятий, основу которой составляет достижение и поддержание в трудовых отношениях баланса интересов и ответственности между работниками и работодателем, позволяет ускорять развитие трудовых отношений, повышать эффективность, безопасность и производительность труда работников предприятий.

Ключевые слова: профессиональная субъектность, нормирование труда, баланс интересов и ответственности работодателей и работников, угледобывающее предприятие.

Угледобывающие предприятия, по мере развития рыночных отношений, преобразованы из элементов единого народнохозяйственного комплекса России в экономические субъекты, функционирующие в условиях конкуренции. При этом трудовые отношения на предприятиях не претерпели существенных изменений, что обусловило существование латентного конфликта социально-экономических интересов работников и работодателей, сдерживающего развитие предприятия и работника как субъектов рынка.

Медленная трансформация трудовых отношений предопределяется сохранением методологии технического нормирования трудовой деятельности работников, присущей индустриальной модели труда, согласно которой работник является трудовым ресурсом, а не полноправным участником внешнего и внутреннего рынков труда.

Выполненный анализ научных исследований и практик по развитию нормирования труда, изменений в производственных и трудовых процессах, изучение накопленного передового опыта работы предприятий в рыночных условиях позволили автору обосновать необходимость формирования и реализации в трудовых отношениях работодателя и работников парадигмы баланса интересов и ответственности. Баланс означает, что между интересами и ответственностью работников и работодателя достигнуты пропорции и соотношения, обеспечивающие их партнерское взаимодействие с максимально возможной синергией.

Баланс интересов и ответственности работников и работодателя, обеспечиваемый соразмерностью получаемых работниками и предприятием выгод и благ, сопряженностью социально-экономических компонентов трудовой деятельности работников и производственной деятельности предприятия, создает базу для повышения профессиональной субъектности работников на основе применения субъектно-деятельностного подхода.

Трудовое поведение работников угледобывающих предприятий – шахтеров характеризуется одной важной вненациональной особенностью – организованным, солидарным групповым поведением, способное влиять на процесс выработки и реализации политических решений. Работники угледобывающих предприятий – это развивающаяся и подверженная социальным изменениям общность, особым образом организованная с определенным набором ценностей. Это проявляется в групповом поведении, социальном взаимодействии, выборе путей и средств адаптации к изменениям внешней и внутренней среды предприятия (Лапаева, 2022).

С одной стороны, трудовое поведение работников УДП имеет внутреннюю социальную обусловленность, которая формируется из особенностей организации трудовых процессов этой профессиональной общности. С другой – протестное поведение шахтеров апробировано в европейских революциях как мощный фактор дестабилизации политических режимов.

Многочисленные исследования, содержащие анализ группового поведения шахтеров в периоды забастовок и реструктуризации отрасли, самоорганизации угольщиков указывают на то, что шахтеры как социально-профессиональная группа характеризуются:

- во-первых, выраженной субъектностью: общностью условий жизнедеятельности, сходством ценностных структур, наличием са-

моорганизации, субкультурными характеристиками, социальной идентичностью и солидарным (согласованным, целеориентированным, сознательным) поведением;

- во-вторых, высоким потенциалом, действие которого пропорционально параметрам численности и мобилизованности на совместные действия;
- в-третьих, поведение шахтеров в период высокой турбулентности внешней среды имеет повышенную инерционность приспособления к новым факторам, поскольку профессиональная деятельность в особых условиях производства и образ жизни достаточно регулируются поведенческими стереотипами и ценностями.

Перечисленные особенности трудового поведения работников угледобывающих предприятий использованы автором в качестве обоснования необходимости определения еще одного ключевого понятия субъектно-деятельностного подхода к развитию нормирования труда – «профессиональная субъектность» работников. При определении этого понятия автором были учтены следующие обстоятельства:

- во-первых, наблюдаемые и прогнозируемые процессы трансформации в трудовой сфере угледобывающих предприятий, изменяющие требования к работникам;
- во-вторых, результаты практики развития нормирования труда на угледобывающих предприятиях;
- в-третьих, рост востребованности нормирования труда как эффективного инструмента совершенствования трудовых отношений и оплаты труда в организациях угольной промышленности, обеспечения баланса интересов и ответственности работодателя и работников, повышения производительности труда и, как следствие, конкурентоспособности российских угледобывающих предприятий (Лапаева, 2022).

Сравнительно-сопоставительный анализ определений понятия «субъектность» (Абульханова, 2010; Осницкий, 1996; Лапаева, 2020) послужил основой для формулирования понятия «профессиональная субъектность работника» применительно к развитию нормирования труда как инструмента регулирования трудовых отношений на предприятии. Профессиональная субъектность работника определяется автором как интегративное свойство работника быть активно действующим лицом в системе трудовых отношений, характеризующее его способность в процессе осуществления трудовой деятельности само-

стоятельно и согласованно с другими субъектами развиваться в соответствии с требованиями рынка труда и предприятия (Лапаева, 2022).

Анализ основных положений психологии, социологии и экономики труда, а также оценка и обобщение результатов участия работников в программах развития предприятий и подразделений, аттестаций для определения уровня классности работников и размера оплаты их труда, рейтинговой оценки результатов трудовой деятельности позволили определить, что ключевыми факторами, влияющими на повышение субъектности, являются целеустремленность, ответственность, критическое мышление и склонность к саморазвитию, развитию своего подразделения и предприятия. Процесс изменения этих характеристик отражает развитие профессиональной субъектности работников (там же).

Исходя из понимания автором переназначения социально-экономического предназначения нормы труда и профессиональной субъектности работников предприятия, автор разделяет мнение В. А. Бодрова, что важнейшими положениями субъектно-деятельностного подхода к развитию нормирования труда являются:

- 1) неразрывная связь и взаимовлияние человека и деятельности, в которую он включен;
- 2) творческий и самостоятельный характер деятельности, которую он выполняет;
- 3) понимание деятельности как целенаправленной, сознательной, практически преобразующей активности человека по отношению к внешнему миру и к самому себе;
- 4) развитие субъекта в деятельности и изменение самой деятельности (там же).

В дополнение к перечисленному можно добавить, что реализация социально-экономической концепции развития нормирования труда в практической деятельности предприятий институционально закрепляет профессиональную субъектность, превращая ее в потенциальный социально-экономический ресурс.

Для оценки профессиональной субъектности работников угледобывающего предприятия в диссертации определены и обоснованы качественные и количественные характеристики ее уровней: низкого, среднего и высокого. Опрос репрезентативного количества экспертов, представляющих все уровни управления угольными компаниями и предприятиями РФ, а также научного сообщества, выявил,

что при переходе от низкого к среднему уровню субъектности удовлетворенность работников результатами труда возрастает в 2–4 раза, ценность результатов труда – в 1,3–2,5 раза, безопасность – в 10 раз; при переходе от среднего к высокому уровню удовлетворенность трудом увеличивается в 1,3–3 раза, ценность результатов труда – до 50 раз, безопасность – в 10 и более раз. Такие возможности роста эффективности, безопасности и производительности труда закономерны и обусловлены улучшением качества трудовых отношений как следствия раскрытия личностных характеристик субъектности работников на основе усиления их мотивации к более успешной деятельности, повышению своей ценности на предприятии и на рынке труда (Лапаева, 2022).

Использование резервов роста производительности труда на основе устранения конфликтов социально-экономических интересов работников и работодателя, повышения профессиональной субъектности работников и ответственности работодателей за создание необходимых условий, обеспечение ресурсами, организацию трудовых процессов позволяет устранять трудовые конфликты, ускорять позитивные трансформационные процессы в трудовых отношениях.

Литература

- Абульханова К. А.* О субъекте психической деятельности. М.: Наука. 1973.
- Лапаева О. А.* Социально-экономическая концепция развития нормирования труда: формирование и реализация: Дис. ... д-ра экон. наук. М., 2022.
- Лапаева О. А.* Субъектность работников предприятия: понятие и методики оценки // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 10. С. 161–180.
- Осницкий А. К.* Проблемы исследования субъективной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.

Сформированность профессиональной направленности как индикатор развития субъектности

С. Л. Ленков (РАО, Москва), Н. Е. Рубцова (РосНОУ, Москва)

Предложен авторский подход к определению степени развития субъектности, основанный на латентных факторах, характеризующих сформированность профессиональной направленности личности. На выборке из 311 взрослых респондентов в структуре профессиональной направленности выделены два фактора, интерпретированные как индикаторы развития, соответственно, социально и природно обусловленной субъектности; выявлены их связи с социальными и психологическими показателями субъектности. Социально обусловленная субъектность положительно связана с трудоустройством, уровнем образования, экстраверсией, добросовестностью, толерантностью к неопределенности и др., отрицательно – с нейротизмом. Природно обусловленная субъектность положительно связана с экстраверсией, отрицательно – с вовлеченностью в работу/учебу

Ключевые слова: субъект, субъектность, профессиональная направленность, социально обусловленная субъектность, природно обусловленная субъектность.

В истории развития отечественной психологии изучение проблемы субъекта, наряду с изучением проблемы деятельности, стало краеугольным камнем построения многих оригинальных концепций и теорий, относящихся к различным областям психологического знания. Значительный вклад в разработку проблемы субъекта внес А. В. Брушлинский, обосновавший в ее контексте принципы континуальности и недизъюнктивности психических явлений, предложивший авторское психологическое определение понятия «субъект» и множество иных плодотворных идей (Брушлинский, 2003). В современных исследованиях проблема субъекта приобретает новые грани, определяющие новые направления ее разработки (Рубцова, 2023).

Вместе с тем вопросы определения уровня развития субъекта или степени формирования субъектности (если понимать под ней

способность быть субъектом) остаются глубоко дискуссионными, особенно когда речь заходит о практическом, прикладном применении предложенных теоретических подходов, моделей развития или схем субъектогенеза.

Цель исследования состояла в том, чтобы теоретически и эмпирически обосновать возможности применения показателей сформированности профессиональной направленности в качестве индикаторов общего, генерального развития субъектности.

Методы

Для определения профессиональной направленности использовали опросник «Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности (ИНЛ-2)» (Рубцова, Ленков, 2023). Опросник основан на интегративно-типологическом подходе к психологической классификации профессиональной деятельности (Н. Е. Рубцова), в согласии с которым опросник имеет 7 шкал:

- шкалы «Управление» и «Исполнение» идентифицируют управленческую позицию субъекта труда (или опланта профессионального выбора);
- шкалы «Стратегии» и «Оперативность» позволяют определить предпочитаемый уровень организации и регуляции деятельности;
- шкалы «Объекты», «Люди» и «Информация» предназначены для идентификации предпочитаемой предметной среды труда – материальной, информационной, социальной или интегральной (комплексной).

В качестве показателей развития субъектности были выбраны следующие социальные индикаторы:

- уровень образования: 1 – ниже высшего, 2 – высшее (бакалавриат), 3 – высшее (специалитет или магистратура);
- трудоустройство: 1 – не работает, 2 – работает без официального оформления, 3 – работает официально.

Кроме этого, использовался ряд психологических свойств, измеряемых с помощью известных опросников (в том числе зарубежных – в русскоязычных адаптациях), в числе которых: «Шкала толерантности к неопределенности (MSTAT-II)» (D. L. McLain); «Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS)» (E. Diener et al.); «Методика диагностики

рефлексивности» (А. В. Карпов и др.); «Сверхкраткая версия опросника Большой пятерки (BF-2-XS)» (С. J. Soto, О. P. John); «Утрехтская шкала вовлеченности в работу» (W. B. Schaufeli, A. В. Bakker), с помощью соответствующей модификации которой измерялась также вовлеченность в учебу (у неработающих студентов вузов); «Краткий индекс аффективной удовлетворенности работой (BIAJS)» (Е. R. Thompson, F. T. T. Phua), с помощью соответствующей модификации которого измерялась также удовлетворенность учебой (у неработающих студентов вузов); «Опросник организационной и суборганизационной идентичности» (А. В. Сидоренков и др.), с помощью которого измерялась идентичность с трудовой организацией (для работающих) или с факультетом вуза (для неработающих студентов вузов); «Опросник метакогнитивной осведомленности (MAI)» (G. Schraw, R. S. Dennison).

Выборка включила 311 респондентов (в том числе 127 студентов вузов) в возрасте от 21 до 45 лет. Анализ данных выполнен с помощью статистических методов, реализованных в пакетах SPSS и AMOS.

Результаты

Эксплораторный факторный анализ, примененный к шкалам опросника ИНЛ-2, выделил два фактора, объясняющих свыше 65% общей дисперсии.

Первый фактор объединяет показатели (с факторными нагрузками от 0,607 до 0,815) по шкалам «Управление», «Исполнение», «Стратегии», «Оперативность», «Люди» и «Информация». В составе второго фактора доминирует шкала «Объекты» (0,789), помимо которой с небольшими нагрузками представлены шкалы «Управление» (0,356), «Люди» (0,313) и «Информация» (–0,389); нагрузки остальных шкал по модулю не превышают 0,28. В контексте исследования первый фактор был интерпретирован как «Социально обусловленная субъектность», а второй – как «Природно обусловленная субъектность».

Конфирматорный факторный анализ, выполненный с помощью методов структурного моделирования, подтвердил соответствие выделенной факторной структуры эмпирическим данным.

Корреляционный анализ Пирсона показал, что социально обусловленная субъектность имеет связи:

- высокосignимые ($p=0,01$): положительные – с метакогнитивной осведомленностью (коэффициент корреляции $r=0,591$) и ее субшкалами – знаниями о когнициях (0,589) и регуляцией когниций

(0,549), экстраверсией (0,572), толерантностью к неопределенности (0,493), добросовестностью (0,488), вовлеченностью в работу/учебу (0,386), открытостью опыту (0,365), удовлетворенностью работой/учебой (0,295), идентичностью с трудовой/образовательной организацией (0,290), удовлетворенностью жизнью (0,223), доброжелательностью (0,158), уровнем образования (0,152); отрицательные – с негативной эмоциональностью (нейротизмом) (–0,241);

– значимые ($p=0,05$) положительные – с трудоустройством (0,118).

Природно-обусловленная субъектность имеет высокозначимые ($p=0,01$) связи: положительные – с экстраверсией (0,254), отрицательные – с вовлеченностью в работу/учебу (–0,157). Также обращают на себя внимание некоторые связи, не «дотянувшие» на данной выборке до уровня статистической значимости, но близкие к нему: отрицательные связи с толерантностью к неопределенности ($r=-0,100$, $p=0,078$) и добросовестностью ($r=-0,105$, $p=0,064$); но при этом положительная связь с идентичностью с трудовой/образовательной организацией ($r=0,109$, $p=0,054$).

Дискуссия

Предпринятая в данном исследовании попытка разработать новые подходы к пониманию (а главное – прикладному применению) субъектности является, разумеется, далеко не первой. В связи с этим можно вспомнить, например, виды и уровни развития субъектности, выделенные В. И. Слободчиковым, или модель развития субъектности (схему уровневого субъектогенеза), предложенную в работах Е. А. Сергиенко. Вместе с тем при всей оригинальности данных подходов они являются, скорее, качественными, а их операционализация может существенно трансформировать исходные концепции. В отличие от этого мы предложили операционализированный подход к определению субъектности взрослых, для которого вопросы прикладного применения имеют характер, скорее, технический и организационный, а не принципиальный и инструментальный.

В связи с попыткой генерализовать субъектность, напрашивается аналогия с известными попытками выделить генеральный фактор личности, предпринимаемыми на протяжении длительного времени. Дополнительные резоны рассмотрению этой аналогии придает дискуссионность соотношения понятий «субъект» и «личность». Из-

вестный подход к генерализации личностных свойств, развиваемый многими авторами, связан с выделением общего фактора из свойств «Большой пятерки» (Егорова, Паршикова, 2018). Например, в недавней публикации обоснована связь генерального фактора личности с такими показателями социальной успешности, как уровень заработной платы и карьерные достижения (Van der Linden, Dunkel, Dutton, 2023). С нашей точки зрения, подобные показатели могут рассматриваться также и как индикаторы развития субъектности. Сравнивая эти результаты с выявленными в нашем исследовании связями социально обусловленной субъектности и свойств «Большой пятерки», можно предположить, что дальнейшие исследования позволят установить фундаментальную связь между генеральным фактором личности и фактором социально обусловленной субъектности. Вместе с тем одним из наиболее интересных результатов проведенного исследования представляется выявление второго, альтернативного фактора – природно-обусловленной субъектности. Выяснение совместного влияния данных факторов может быть полезным для общего развития субъектного подхода.

Неожиданным было практически полное отсутствие корреляционной связи с рефлексивностью (для социально-обусловленной субъектности $r = 0,035$ при $p = 0,542$; для природно-обусловленной субъектности $r = -0,078$ при $p = 0,172$). С нашей точки зрения, развитие рефлексивности является одним из важных индикаторов развития субъектности. В силу этого полученное отсутствие связи рефлексивности с показателями социально и природно-обусловленной субъектности демонстрирует, с одной стороны, определенное ограничение исследования – два представленных показателя, основанных исключительно на проявлениях профессиональной направленности, не исчерпывают всего спектра многообразных проявлений субъектности. С другой стороны, это ограничение выявляет одно из возможных направлений продолжения исследования, ориентированное на уточнение психологической структуры субъектности.

Заключение

В структуре профессиональной направленности выделены два общих фактора, которые могут пониматься как показатели развитости, соответственно, социально- и природно-обусловленной субъектности. Выявлены статистически значимые корреляционные связи социально

обусловленной субъектности с уровнем образования, трудоустройством, толерантностью к неопределенности, удовлетворенностью жизнью, всеми факторами «Большой пятерки» (при этом с нейротизмом связь отрицательна), вовлеченностью в работу/учебу, удовлетворенностью работой/учебой, идентичностью с трудовой/образовательной организацией, метакогнитивной осведомленностью. Для природно-обусловленной субъектности аналогичные связи выявлены с экстраверсией и вовлеченностью в работу/учебу (отрицательная). Перспективы продолжения исследования связаны с детализацией психологической структуры субъектности, расширением спектра ее поведенческих и ментальных индикаторов.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Егорова М. С., Паршикова О. В.* Общий фактор личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 62. Статья 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.05.2023).
- Рубцова Н. Е.* Информационное направление развития субъектного подхода // Материалы 77-й Международной научной конференции «Чтения Ушинского» (Ярославль, 21 апреля 2023 г.). Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2023. С. 62–74.
- Рубцова Н. Е., Леньков С. Л.* Опросник «Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности»: разработка второй версии // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 1 (130). С. 158–170. doi: 10.20323/1813_145X_2023_1_130_158_170.
- Van der Linden D., Dunkel C. S., Dutton E.* The General Factor of Personality (GFP) is associated with higher salary, having a leadership position and working in a social job // Acta Psychologica. 2023. V. 234. Article 103847. doi: 10.1016/j.actpsy.2023.103847

Развитие личности студента как субъекта учебно-профессиональной деятельности

И. А. Петухова (ИП РГГУ, Москва)

Вводится и раскрывается содержание нового понятия «учебно-творческая мастерская». Данная форма субъект-субъектного взаимодействия преподавателя со студентами находится на стыке учебной и воспитательной работы. Эти задачи имманентно включены в учебно-профессиональную деятельность студента как ее активного субъекта. В процессе данной работы достигается углубленное понимание и интериоризация содержания учебного материала, формируется адекватная учебно-профессиональная мотивация, происходит активное присвоение социальной позиции студента как будущего профессионального психолога, формируется субъект совместной деятельности и личность с ожидаемыми профессиональными компетенциями, продуктивно реализуется «стадия личностной субъектности» (А. В. Брушлинский).

Ключевые слова: субъект, учебно-профессиональная деятельность, учебно-творческая мастерская, субъектно-деятельностный подход.

С первых дней после поступления в вуз начинается важнейший процесс освоения студентом новой социальной позиции. Превращение школьника, недавно сдавшего ЕГЭ, в студента вуза не происходит автоматически в момент получения им студенческого билета. Студентом нужно *стать*. Прежде всего, это предполагает осознание требований и ожиданий новой социальной ситуации, в которой в дальнейшем могут проявиться его индивидуальные черты активного субъекта совместно-разделенной учебно-профессиональной деятельности (Брушлинский, 1999).

Становление профессионального психолога предполагает высокие требования к формированию соответствующих компетенций. На это отводится не менее пяти лет совместной работы студента с преподавателями различных учебных дисциплин, среди которых особое место занимает «Общая психология». Во-первых, она является самой круп-

ной по объему учебных часов и рассчитана на четыре семестра серьезной совместной работы. Во-вторых, всем своим содержанием она создает научный общепрофессиональный фундамент деятельности психолога в различных сферах — исследовательской, преподавательской, практической. В-третьих, преподаватель, ведущий эту фундаментальную общепрофессиональную дисциплину, взаимодействует со своими студентами в течение первых четырех семестров их вузовской жизни. Эти и ряд других обстоятельств открывают перед преподавателем «Общей психологии» большие возможности в плане выстраивания как коллективных форм учебной и воспитательной работы со студентами, так и индивидуально-ориентированных траекторий продвижения своих подопечных к желаемой цели. Разумеется, эта цель не ограничивается успешным прохождением четырех промежуточных форм контроля, но предполагает овладение необходимыми профессиональными компетенциями, перечень которых можно найти в соответствующих рабочих программах дисциплины.

Опираясь на основные принципы культурно-исторического подхода (Выготский, 1982), положения общепсихологической теории деятельности (Леонтьев, 1975) и разработанный А. В. Брушлинским субъектно-деятельностный подход, можно проанализировать деятельность преподавателя и неразрывно с нею связанную деятельность студента (Брушлинский, 1999, 2003). Основным мотивом деятельности преподавателя является трансляция профессиональной культуры. Но только в том случае, когда этот мотив встречается с «тем, ради чего» пришел в аудиторию студент, возникает совместно-разделенная деятельность, единство которой задает общий для со-участников данной деятельности мотив. В контексте этой деятельности происходит взаимодействие студента как «психологического ребенка» с преподавателем — «психологическим взрослым», что накладывает на последнего огромную ответственность. Преподаватель воздействует на своих слушателей не только на уровне «интеллект—интеллект», но и на более глубоком и ответственном уровне «личность—личность». Интересы, оценки, жизненная позиция, ценностные ориентации преподавателя интериоризируются его учениками вместе с презентуемым предметным содержанием (Петухова, 2004).

Для того чтобы помочь студенту понять, куда он попал и туда ли он попал, куда хотел и куда он мечтает попасть после окончания пятого курса, в течение ряда последних лет я провожу «Учебно-творческие мастерские». В основе Мастерских лежат два принципа: 1) темы

Мастерских строго соотносятся с программой и соответствующими темами учебной дисциплины Общая психология; 2) темы Мастерских выходят за рамки планов семинарских занятий с их строгими контрольными вопросами, касающимися качества сформированных у студента когнитивных компетенций. Они имеют более широкие возможности, поскольку направлены на формирование личностных компетенций будущего профессионального психолога, на развитие адекватной мотивации студента как активного субъекта учебно-профессиональной деятельности.

Так, на начальных этапах вхождения студента в профессиональное психологическое пространство целесообразно использование небальных творческих заданий типа «Мое дерево психологии». Эта работа содержательно основывается на материале одной из первых тем целостного курса «Общей психологии» — «Отрасли психологии и критерии их классификации». Студенты увлеченно рисуют само дерево — с корнями, стволом, ветвями, листочками. У кого-то получается настоящая живописная картина, у кого-то акварель, у кого-то графика, у кого-то рисунки в стиле «техно» и т. д. И где-то в ветвях или в дупле этого фантазийного дерева они помещают себя. А кто-то изображает себя лежащим под деревом и как бы ждет, когда на него свалится желанный плод. Так накапливается богатый материал для составления плана проведения последующей дискуссии. Основные темы для обсуждения следующие: какой путь мне предстоит пройти к намеченной цели; можно ли, ничего не делая, а просто присутствуя на занятиях, получить желаемый результат; можно ли отсидеться «в дупле» и получить адекватное представление об избранной профессии; да и выбирал ли я эту профессию, или диплом психолога через пять лет всё равно свалится мне в руки, как «плод» с дерева? Сами того не осознавая, студенты проходят своеобразный проективный тест и вовлекаются в обсуждение полученных результатов, что чрезвычайно важно именно на первых этапах трудного и долгого пути в профессию. Результатом работы следует считать более глубокую профессиональную ориентацию в избранной профессиональной области, содержательное продвижение в становлении профессионального мышления и личности будущего специалиста. Продуктивное решение этих задач имеют первостепенную важность на стадии «личностной субъектности» от 17–18 до 25 лет (Брушлинский, 2003).

Приведу еще один пример. Учебно-творческая мастерская на тему «Рефлексия и ретрофлексия индивидуального мотивационного про-

филя» весьма удачно вписалась в начало третьего семестра на втором курсе. Главная цель состояла в том, чтобы, опираясь на полученные в ходе изучения Общей психологии теоретические знания по темам: «Основные подходы к изучению личности. Представления о личности в различных школах и направлениях», «Понятия субъекта, индивида, личности, индивидуальности», попробовать себя в роли практического психолога. Девизы: «Я – психолог для себя», «Я – психолог для других», «Я – практический психолог» – помогли студентам сориентироваться в возможных путях рассуждений на заданную тему. Поскольку с позиций культурно-деятельностного подхода «личность существует только в развитии» (Леонтьев, 1975), я предложила каждому студенту второго курса сосредоточиться на сравнительном анализе строения собственной мотивационной сферы и на тех изменениях, которые (возможно) произошли в иерархии смыслообразующих мотивов и мотивов-стимулов за прошедший год. Для написания студентами творческих эссе были обозначены следующие дискуссионные «смысловые вехи» (по Н. И. Жинкину):

1. Ретрофлексия мотивов выбора профессии психолога при поступлении в Институт психологии им. Л. С. Выготского РГГУ.
2. Иерархизация смыслообразующих мотивов и мотивов-стимулов как результат ретрофлексивной работы с «Я-абитуриентом».
3. Рефлексия и иерархизация совокупности мотивов освоения профессии психолога по специальности «клинический психолог» на втором курсе.
4. Сравнительный анализ ядра мотивационной сферы личности «здесь-и-сейчас» (второй курс) и «там-и-тогда» (первый курс).
5. Психологический анализ динамики индивидуального мотивационного профиля личности за год обучения профессии психолога: стабильные составляющие и возможные качественные изменения мотивов.
6. Психологический анализ мотивов выбора профессии психолога и возможные произошедшие за минувший год изменения в мотивационной сфере произвольно выбранного одноклассника (ссылки на конкретные факты: речевые, поведенческие, эмоциональные проявления, особенности работы конкретного студента-одноклассника на лекциях, семинарах и др.).

Спустя неделю студенты прислали на электронную почту свои творческие эссе, которые я изучила, написала краткие резюме по каждому

эссе (более 60) и сформулировала вопросы для совместной дискуссии. Еще через неделю состоялось обсуждение результатов проведенной работы, которая оказалась одновременно и сложной, и увлекательной. В этой коллективной дискуссии преподаватель выполнял функции модератора.

Студентам второго курса не терпелось примерить на себя роль практического психолога, проверить, насколько они продвинулись в овладении содержанием своей будущей профессии. Поэтому обсуждения получились бурными и весьма продуктивными. Интересно, что самым трудным стало проведение анализа содержательного наполнения и динамики изменений мотивационной сферы другого человека (однорупника). Обсуждение этого момента вызвало интерес у всех участников дискуссии и стало предметом специального психологического анализа, проведенного преподавателем-модератором. Действительно, подавляющее большинство студентов первого курса заявляло о том, что они пришли учиться психологии «ради того, чтобы помогать другим людям». Для того чтобы помочь другому человеку, необходимо научиться понимать его мысли, чувства, состояния, намерения и т. д. Проведенная работа обнаружила, что таких знаний у студентов явно недостаточно, следовательно, их необходимо искать, добывать, интериоризировать, чтобы затем адекватно использовать.

Таким образом, важным результатом работы студента в режиме учебно-творческой мастерской является более глубокая профессиональная ориентация в избранной профессиональной области, содержательное продвижение в становлении профессионального мышления и личности будущего специалиста. Опыт проведенной рефлексии и ретрофлексии содержательных характеристик собственной мотивационной сферы и динамики индивидуального мотивационного профиля в сравнении с аналогичными характеристиками, выделенными и аргументированными при психологическом анализе личности «анонимного» однорупника, несомненно, также является важным звеном в профессиональной подготовке клинического психолога. Студенты говорили о том, как много «нужного и полезного» они уже успели почерпнуть из курса Общей психологии и как много они еще должны узнать на пути к своей профессии.

Меня поймет каждый преподаватель, который пытался убедить студентов в теоретической значимости и практической ценности изучаемого учебного материала, но студенты чаще всего не слышат наших призывов «не проходить» (мимо), а осмыслять и интерио-

ризировать средства для успешного решения в будущем своих профессиональных задач. Проведение подобных «учебно-творческих мастерских» (мною апробировано более десяти форм) позволяет преподавателю продуктивно, психологически грамотно, по-человечески достойно и уважительно добиваться наилучших результатов в плане формирования положительной внутренней мотивации студента по отношению к освоению содержания «Общей психологии» как весьма трудной общепрофессиональной учебной дисциплины. Так, в процессе субъект-субъектного общения, в ходе взаимодействия субъекта с преподавателем и с другими членами студенческой общности (группы) происходит недизъюнктивное развитие профессионального мышления и личности студента (Брушлинский, 1999).

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта и его деятельности // Современная психология / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Инфра, 1999. С. 330–346.
- Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Петухова И. А.* Творчество в профессиональной деятельности преподавателя. Памяти В. В. Петухова // Воображение и творчество в образовании и профессиональной деятельности: Материалы 4-х чтений памяти Л. С. Выготского. Москва, 17–20 ноября 2003 г. М.: РГГУ, 2004. С. 126–138.

Осознанная саморегуляция как средство социально-профессиональной адаптации на этапе средней взрослости

В. А. Пикта (ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)

Этап средней взрослости – самый продуктивный период жизни человека. Основным видом деятельности здесь является деятельность профессиональная. Сегодняшний динамически изменяющийся мир накладывает на нее ряд характерных особенностей. В частности, современные люди значительно чаще меняют место работы, чем представители предыдущих поколений, и устанавливают намного больше деловых контактов. Как следствие, регулярно сталкиваются с необходимостью социально-профессиональной адаптации, эффективности которой способствует осознанная саморегуляция. В статье изложена позиция ученых, изучавших данную тематику, среди которых О. А. Конопкин, В. И. Моросанова и другие исследователи. Сделаны выводы. Приведены ссылки на авторитетные источники.

Ключевые слова: психология развития; возвратная психология, акмеология, профессиональная деятельность, средняя взрослость, осознанная саморегуляция.

На период взрослости приходится основная часть человеческой жизни. Мы становимся самостоятельными и независимыми, получаем образование, формируем источник дохода и заводим семью. Последовательность этих событий может меняться, но так или иначе, преодолевая тридцатилетний рубеж, люди приближаются к точке акме – вершине своей эффективности. Данной тематики в своих исследованиях касаются такие ученые, как А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин и А. К. Маркова.

Этап средней взрослости встречает нас с увесистым багажом знаний и опыта, в рассвете физиологического здоровья и психически эмоциональных возможностей. Именно в этом периоде формируется феномен экспертной компетентности, о котором пишут В. А. Пикта и С. В. Марихин (Пикта, Марихин, 2022).

Современное общество открывает широкий спектр направлений для реализации своего потенциала в труде. Возможно, именно по этой причине определяющим видом деятельности в данном возрасте становится деятельность профессиональная.

Далеко не каждый готов посвятить свою жизнь одному предприятию или даже в одной сфере. Более того, по мнению отдельных специалистов в области рекрутинга, работу стоит менять каждые 5–6 лет, в этом есть ряд преимуществ.

1. Саморазвитие через реализацию собственных возможностей и выход из «зоны комфорта».
2. Осознание и преодоление своих слабостей, ведущее к повышению уверенности в себе.
3. Новый опыт, знакомства, знания и навыки.

В некоторых случаях кандидат, «засидевшийся» на одном месте 10 и более лет, теряет свою привлекательность в глазах работодателя. Считается, что ему слишком сложно будет адаптироваться к новым условиям, что повлечет за собой снижение трудовых показателей.

Так или иначе в определенный момент времени менять работу приходится большинству из нас. Этот процесс отзывается стрессом для психики, при котором мобилизуются ее внутренние ресурсы. Данной тематики касаются такие исследователи, как В. В. Солодников и Фордмен. Беспокойство вызывает:

- чередой собеседований,
- затянувшийся поиск,
- расхождение ожидания с действительностью и другие факторы.

Даже когда выбор уже сделан, и соискатель выходит на новое место, сохраняется определенный уровень дискомфорта. Дело в том, что смена коллектива и привычного положения дел неизбежно влечет за собой необходимость приспособления и установки личностных связей. Если это штатный сотрудник, приглашенный для выполнения установленных должностных обязанностей, то стратегия его поведения будет строиться на адаптации, а не на аккомодации, которую может позволить себе руководящий состав. В большинстве случаев человек, входящий в новую компанию, прибегает к осознанной саморегуляции, моделируя свое поведение и сдерживая негативные порывы.

В этом аспекте интересна концепция российского ученого, доктора психологических наук, академика РАО О. А. Конопкина (Ко-

нопкин и др., 1992). В своей статье «Психическая саморегуляция произвольной активности человека» он дает определение осознанной саморегуляции как системно-организованного процесса внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижения принимаемых целей (Конопкин, 1995). А также формулирует ее структуру, состоящую из следующих основных элементов.

- Принятая субъектом цель деятельности.

Восприятие действительности индивидуально для каждого субъекта. Исходя из его конкретных приоритетов и жизненного опыта, формируется цель, стремление к достижению которой играет системообразующую роль во всем процессе саморегуляции.

- Субъективная модель значимых условий.

Существует ряд условий внутренних и внешних, чье выполнение, с точки зрения субъекта, обеспечивает достижение поставленной цели. Их совокупность формирует некую информационную базу, опираясь на которую человек программирует свои действия.

- Программа исполнительских действий.

Информационный продукт, сформированный с учетом предыдущих пунктов. Некая пошаговая инструкция, определяющая последовательность действий, их характеристики и способы выполнения.

- Система субъективных критериев достижения целей.

Элемент саморегуляции, осуществляющий уточнение и корректировку выбранной цели. Дело в том, что общая ее формулировка, выдвинутая вначале, создает некую неопределенность, для преодоления которой человек вносит конкретные параметры оценки результата, соответствующие его субъективному мнению.

- Контроль и оценка реальных результатов.

Так или иначе реальные результаты редко соответствуют эталонным параметрам, сформированным в расчетах. Регулярная оценка и сопоставление первого и последнего также является неотъемлемым элементом, без которого процесс осознанной саморегуляции был бы невозможен.

- Решения о коррекции системы саморегулирования.

Основанием для принятия подобного решения может быть как внесенное субъектом изменение в один из элементов процесса саморегуляции, так и значимые расхождения, выявленные на предыдущем этапе.

Модель процесса осознанной саморегуляции, предложенная О.А. Конопкиным, представляет собой замкнутую систему, элементы которой взаимодействуют между собой. Она достаточно гибкая для того, чтобы реагировать на поступление новой информации и достаточно устойчива для того, чтобы оставаться целостной при изменении внешних условий. Очевидно, что, ввиду неповторимости набора личностных качеств индивида, процесс осознанной саморегуляции будет уникален для каждого человека и ситуации.

Заслуживают внимания труды нашей выдающейся соотечественницы, В.И. Моросановой, профессора, доктора психологических наук, члена-корреспондента РАО и почетного работника науки и техники РФ (Моросанова, Аронова, 2007).

Для изучения системы саморегуляции и ее проявлений в человеческой деятельности она вводит понятие индивидуального стиля саморегуляции, которому характерны стилевые или индивидуально-типические особенности (Моросанова, 2001):

- Особенности процессов осуществляющих реализацию ключевых звеньев саморегуляционной системы.

Здесь относится моделирование и программирование, планирование и оценка результатов. Силевые особенности в данном случае происходят из неравномерности развития этих процессов и специфики сочетания в деятельности конкретного индивида.

- Особенности функционирования звеньев саморегуляционной системы.

Они же являются регуляторно-личностными свойствами, которым можно отнести инициативность, надежность, гибкость и самостоятельность. В силу своего системного характера особенности функционирования звеньев саморегуляционной системы оказывают существенное воздействие на формирование и развитие индивидуального стиля саморегуляции. Они могут способствовать как появлению новообразований в действующем стиле, так и переходу к принципиально новому.

Умение ставить цели и следовать им, решать учебные, бытовые и производственные задачи, моделируя поведение и подстраиваясь под требования окружающей среды, вырабатывается на основании процесса индивидуальной саморегуляции. Для более глубокого анализа и изучения данный процесс можно разделить на 4 основные категории.

1. Планирование целей.

Помимо непосредственного процесса выдвижения целей к данной категории относится их принятие и удержание. Свою роль здесь играет множество факторов, среди которых особенности внешней среды, внутреннее состояние субъекта, иерархии его приоритетов, доступных возможностей и средств и т. д. Целеполагание относится к одному из основных и системообразующих компонентов процесса саморегуляции.

2. Моделирование.

Производится через анализ условий, как внешних, так и внутренних, и выделение среди них тех, которые будут способствовать достижению поставленной цели. Сформировавшаяся в результате модель играет роль источника информации в процессе психической саморегуляции. Ее полнота и содержание могут меняться в процессе деятельности, исходя из индивидуальных особенностей, осуществляющего ее человека.

3. Программирование действий, направленных на достижение целей.

Данная категория включает в себя предвосхищение набора предстоящих действий, а также их последовательности и способа реализации. Индивидуальные особенности программирования будут зависеть от способности индивида соотносить свои силы с возможностями, предоставляемыми окружающей средой, и уровня развития навыков детализационного планирования действий.

4. Контроль и корректировка активности.

На каждом этапе деятельности так или иначе происходит сопоставление достигнутых результатов с их прогнозируемыми значениями. На основании полученных данных принимается решение о сохранении текущего вектора поведения или внесении в него изменений. Таким образом, контроль и корректировка производятся на протяжении всего процесса саморегуляции. Индивидуальные различия в данном случае касаются характера

и степени контроля и могут проявляться в его строгости и точности сопоставления с идеалом.

В период средней взрослости значимая часть времени посвящается труду. Достижения в профессиональной сфере выдвигаются на первый план, порой превосходя заботу о собственном здоровье и благополучии в семейной жизни. Это одно из правил, навязываемых нам современным обществом.

Для сохранения психического и физиологического здоровья человеку необходимо овладевать предоставленными ему инструментами, одним из которых является осознанная саморегуляция. Это не только открывает ряд возможностей, таких как социальная и профессиональная адаптация, эффективные коммуникации с окружающими и раскрытие личностного потенциала, но и формирует позитивную жизненную позицию. Что особенно важно в свете последних мировых событий.

Литература

- Конопкин О. А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
- Конопкин О. А., Моросанова В. И., Степанский В. И.* Функциональное строение и психологические механизмы осознанной саморегуляции деятельности. М.: Психологический институт РАО, 1992. С. 92.
- Моросанова В. И. Аронова Е. А.* Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Моросанова В. И.* Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Психологический институт РАО, 2001.
- Пикта В. А., Марихин С. В.* Феномен экспертной компетентности как результат развития способностей и одаренности специалистов, занятых в торговле // Всероссийская научно-практическая конференция «Психология способностей и одаренности». ФГБОУ ВПО ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2022. С. 263–265.

Связь структуры эмоционального интеллекта с эффективностью работы менеджера с претензиями и недовольством клиентов

В. А. Прозоровский (МИУ, Москва),

М. В. Фокина (МИУ, Москва)

Обсуждаются материалы исследования связи структуры эмоционального интеллекта с эффективностью работы менеджеров с недовольством и претензиями клиентов. Представлена авторская модель экспертной оценки качества работы с претензиями и недовольством клиентов. Приведены данные о различиях в структуре эмоционального интеллекта у высоко и низко эффективных менеджеров в работе с претензиями клиентов. Показана тенденция связи эффективности работы с клиентскими претензиями и оптимума эмоциональной отзывчивости и мотивации достижения, согласно закону Йеркса—Додсона. Обоснован вывод о значении в эффективности работы с недовольством клиентов фактора высокого уровня социальной ответственности как реализации нравственных ценностей во взаимодействии с людьми.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, социальная ответственность, работа с претензиями, работа с недовольством и претензиями клиентов.

Реакция на недовольства и претензии клиентов в значительной степени характеризует качество работы организации. Поддержание высоких стандартов обслуживания недовольных клиентов и ответа на их претензии обеспечивает долгосрочные персонифицированные отношения с клиентами, значимые для конкурентоспособности и прибыльности компании.

В практической литературе и научных работах рассматриваются личностные черты специалиста, способствующие эффективной работе с клиентским недовольством: коммуникативная компетентность, эмоциональная устойчивость, стрессоустойчивость, активность, социальная смелость, высокий интеллект. Выделяют

различные компоненты клиентоориентированного поведения: когнитивный – работа с информацией по проблеме клиента; коммуникативный – продуктивное деловое общение с клиентом; поведенческий – адекватность и достаточность действий по разрешению запроса клиента; эмоциональный – ориентация на потребности и переживания клиента (Королёва, 2012). Таким образом, предполагается, что существуют некие личностные особенности, опорные для способности:

- 1) принять претензию или недовольство клиента как профессиональную задачу, а не как личное оскорбление;
- 2) проанализировать претензию клиента как уникальный конгломерат его убеждений, адекватных или неадекватных ожиданий, потребностей, восприятия и интерпретаций действий продавца, оценки товара/услуги, самой атмосферы акта покупки и сторонних субъективных причин;
- 3) ценностно отнестись к претензии клиента как к материалу профессионального самосовершенствования и повышения качества обслуживания;
- 4) обеспечить клиенту максимально эффективное разрешение его претензии;
- 5) остаться в ресурсном состоянии, избежать деморализации и демотивации.

Поиск интегральных личностных черт, на которых может базироваться умение так действовать в ситуации клиентских претензий, лег в основу исследования. Нами выдвинута гипотеза, что существенное значение имеет эмоциональный интеллект (далее – ЭИ), который вносит значимый вклад в построение конструктивных взаимоотношений между людьми в ситуациях высокой напряженности (Андрева, 2006; Савенков, 2007).

Цель работы – сравнение структуры ЭИ у менеджеров с разным уровнем эффективности работы с недовольством и претензиями клиентов.

Объект исследования: профессиональная деятельность менеджеров по продажам в аспекте работы с недовольством и претензиями клиентов.

Предмет исследования: структура ЭИ менеджеров по продажам с различными показателями эффективности работы с претензиями и недовольством клиентов.

Методы исследования

1. Общенаучные методы: теоретический анализ, обобщение, синтез.
2. Анализ показателей результативности работы с претензиями клиентов.
3. EQ-тест К. Петридиса на оценку уровня и структуры ЭИ.

Характеристика выборки: в исследовании приняли участие 11 менеджеров IT-сервиса по поиску работы и подбору персонала. Из них – 7 женщин, 4 мужчин. Возраст – от 24 до 42 лет ($M = 32,8$, $SD = 4,6$).

Результаты исследования

Оценка эффективности менеджеров по работе с претензиями и недовольством клиентов проводилась на основе 2 групп данных:

- 1) экспертные оценки – показатели оценки профессиональной компетентности менеджеров в области работы с клиентами, сделанные HR-службой / руководством организации в отделе Enterprise (отдел по работе с ключевыми клиентами). Данные экспертной оценки приведены по шкале от 1 (минимальный балл) до 5 (максимальный балл);
- 2) данные наблюдений за деятельностью менеджеров в ситуации обращения клиента с жалобами и претензиями. При этом мы ориентировались на ряд критериев.

Критерии отбора менеджеров в группу низкой эффективности по работе с клиентскими жалобами, претензиями и возражениями:

- систематическое нарушение сроков выполнения поставленных клиентом задач для устранения возникших претензий и жалоб;
- высокие показатели оттока клиентов (churn rate);
- неоднократные случаи жалоб клиентов на непрофессиональное поведение/отсутствие помощи от менеджера при обращении с претензией;
- низкие навыки ведения переговоров с клиентами при отработке возражений/претензий.

Критерии отбора менеджеров в группу высокой эффективности по работе с клиентскими жалобами, претензиями и возражениями:

- оперативное реагирование на претензию клиента, анализ причин возникновения проблемы, принятие мер;
- соблюдение правил и корпоративной культуры взаимодействия с клиентом, выдвигающим претензию, доброжелательное поведение, сосредоточенность на клиенте;
- своевременное урегулирование жалоб/претензий;
- высокие показатели удержания клиента после обращения с жалобой/претензией.

Оценка данных: за каждый критерий низкой эффективности присуждался –1 балл, за каждый критерий высокой эффективности присуждался +1 балл. Баллы суммировались. Сотрудники, сумма баллов которых выражена отрицательным числом, отнесены в группу низкоэффективных; сотрудники, сумма баллов которых выражена положительным числом, отнесены в группу высокоэффективных по данным наблюдения.

Обсуждение и анализ результатов исследования

Обнаружены различия, характеризующие своеобразие структуры ЭИ у высоко- и низкоэффективных менеджеров:

- По фактору «Эмоциональность» показатели эмоционального интеллекта ниже у высокоэффективных менеджеров по параметрам: выражение эмоций и эмоциональное восприятие. Вероятно, для эффективности работы с клиентским недовольством и претензиями существует некий «оптимум эмоциональной чувствительности», когда крайние низкие и крайне высокие значения препятствуют результативности. Крайне низкие показатели затрудняют контакт из-за непонимания переживаний партнера по типу «эмоциональной глухоты». Крайне высокие из-за избыточно высокого уровня эмоциональной восприимчивости ведут к стрессовому уровню напряжения и избыточной эмоциональности в ситуациях предъявления клиентами претензий.
- По фактору «Самоконтроль», включающему стрессоустойчивость, контроль импульсов, саморегуляция, высокоэффективные менеджеры имеют по всем параметрам более низкие показатели, чем низкоэффективные. Вероятно, это отражение той же тенденции «оптимума эмоциональности», когда умеренная реак-

тивность на стресс и способность в известной степени проявить, не скрывая, личные переживания служат пользе установления подлинного, конгруэнтного контакта, который и содействует наилучшему взаимопониманию, тогда как высоко выраженный эмоциональный самоконтроль и стрессоустойчивость менеджеров могут трактоваться клиентами как холодность, равнодушие, отсутствие живого участия, что препятствует разрешению претензии.

- По фактору «Коммуникабельность» высокоэффективные менеджеры имеют более высокие показатели социальной ответственности и более низкие — ассертивности. Безусловно, социально ответственное поведение ориентировано на реализацию высоких нравственных норм ценностного отношения к другим людям в реальном взаимодействии с ними. Это позволяет относиться к претензиям и проблемам клиентов с позиции подлинного внимания, сочувствия, желания помочь, что находит выражение в высокой результативности работы с клиентскими претензиями. Ассертивность, по нашим данным, не имеет прямой связи с умением разрешать претензии клиентов; по-видимому, важнее умение уступить.
- По фактору «Благополучие» высокоэффективные менеджеры опережают низкоэффективных по параметру удовольствие от жизни. Эти данные подтверждают связь между субъективным благополучием и навыками конструктивного социального взаимодействия, а также отражение психологического благополучия в способности эффективно справляться с негативно окрашенными, сложными ситуациями.
- По параметрам адаптивность и самомотивация высокоэффективные менеджеры имеют более низкие показатели, чем низкоэффективные. Вклад адаптивности в сравнительно низкую эффективность работы с клиентским недовольством может состоять в том, что при значительной частоте обращений недовольных клиентов менеджер может предпочесть самосовершенствованию в навыках устранения претензий клиентов новое место работы. Самомотивация как нацеленность на высокий результат и систематическая активность для его достижения, вероятно, работает по принципу оптимума мотивации, описанному законом Йеркса—Додсона: наилучшие результаты достигаются при средней интенсивности мотивации.

Выводы

ЭИ вносит вклад в способность конструктивно реагировать на ситуации, связанные с клиентским недовольством, обеспечивая способность выдерживать эмоциональное напряжение, видеть ситуацию, себя и партнеров сравнительно объективно. Отдельные параметры ЭИ несколько ниже у высокоэффективных менеджеров, чем у низкоэффективных. Это связано с тем, что высокая эмоциональная чуткость способствует обостренной реакции на недовольство клиентов и затрудняет способность к рациональному поведению. Наибольшей эффективности профессиональных действий в ответ на претензии клиентов способствует не ЭИ сам по себе, а способность понимать переживания партнера по общению и отвечать сочувственным откликом в соответствии с морально-нравственными ценностями уважения, внимания и бережного отношения к другому – социальная ответственность.

Литература

- Андреева И. Н.* Предпосылки развития эмоционального интеллекта // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 57–65.
- Королева Н. И.* Коммуникативная компетентность сервисодателя как основа построения стратегий, ориентированных на клиента // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2012. № 3 (13). С. 93–101.
- Савенков А. И.* Эмоциональный и социальный интеллект как предикты жизненного успеха // Вестник практической психологии образования. 2006. Т. 3. № 1. С. 30–38.

Характеристика эмоциональной сферы психолога с синдромом эмоционального выгорания

Е. В. Семакова (Университет «Синергия», Москва),

Н. Г. Максимова (ГБПОУ КО «КТЭП», Калуга)

В статье описана специфика фаз синдрома эмоционального выгорания. Отмечено, что в большей степени у психологов при синдроме эмоционального выгорания сформирована фаза «резистенции» – у 78% (24 чел.). Наиболее часто регистрируемыми симптомами при эмоциональном выгорании являются – признаки эмоционально-нравственной дезорганизации – 70% (22 чел.) ($\chi^2 = 12,759$, $p < 0,001$), неудовлетворенность собой – у 70% (22 чел.) ($\chi^2 = 24,667$, $p < 0,001$, эмоциональный дефицит и эмоциональная отстраненность 52% (16 чел.) ($\chi^2 = 6,469$, $p < 0,01$, $p < 0,05$). Все фазы стресса при эмоциональном выгорании сопровождаются изменением уровня тревожности. Личностная тревожность повышена у 89% (33 чел.), а реактивная тревожность повышена у 47% (17 чел.).

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, дезадаптация, эмоциональная сфера, стадии стресса, тревожность.

Под влиянием стрессовых ситуаций, как и у других специалистов, у психологов возможно развитие дезадаптации. Дезадаптация способна проявиться на различных уровнях (физиологическом, психологическом, социальном). Способность противостоять трудностям (стрессоустойчивость) теснейшим образом связана с отражением собственных возможностей человека, с опытом разрешения аналогичной ситуации, с выбором способа преодоления этих трудностей (конструктивные и неконструктивные способы) (Семакова и др., 2023). Неспособность лично самореализоваться в условиях синдрома эмоционального выгорания еще больше снижает возможности по преодолению стресса, формируя тем самым порочный круг (Мищенко, 2013). Он ведет к прогрессированию дезадаптации и еще больше усугубляет проявления синдрома эмоционального выгорания.

Неэффективный выбор поведения в описываемых условиях влияет на профессиональную деятельность (Катунин, Бутылко, 2020). Это может проявиться редукцией профессиональных обязанностей, выбором ошибочного инструментария при взаимодействии с клиентом, отсутствием необходимого эмпатичного реагирования и др., что приведет к снижению профессиональной эффективности (Москалева, 2018).

В связи с вышесказанным, нами было проведено исследование, целью которого явилось: изучить клинические проявления синдрома эмоционального выгорания на разных стадиях стресса и описать особенности эмоциональной сферы психолога при синдроме эмоционального выгорания.

Для достижения цели было необходимо решить ряд задач:

- 1) выявить наличие синдрома эмоционального выгорания у психологов;
- 2) охарактеризовать особенности проявления различных фаз стресса при синдроме эмоционального выгорания;
- 3) изучить уровень личностной и реактивной тревожности при синдроме эмоционального выгорания;
- 4) обосновать целесообразность психопрофилактики в профессиональной среде психологов.

Исследование проводили на базе Социально-психического центра ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет». В исследовании приняло участие 37 чел. в возрасте 21–65 лет (21–35 лет – молодые специалисты – 16 чел., 36–65 лет – 21 чел.). Всего обследовано 25 женщин и 12 мужчин.

Изучение эмоциональной сферы психологов проводили с использованием различных методов.

Методы исследования

1. Наблюдение.
2. Беседа.
3. Психологическое тестирование:
 - методика эмоционального выгорания В. В. Бойко;
 - шкала самооценки уровня тревожности Ч. Д. Спилберга–Ю. Л. Ханина.

4. Статистический анализ (обработка полученных данных проведена в программе Statistica v. 12.0): сравнение в группах проводилось с помощью критерия χ^2 Пирсона.

В результате исследования было установлено, что более чем у половины психологов, принявших участие в исследовании, синдром эмоционального выгорания проявляется. Только у 16% (6 чел.) обследованных не выявлен синдром эмоционального выгорания, у 33% (12 чел.) опрошенных в сформированной стадии находятся те или иные проявляющие его симптомы, у 51% (19 чел.) психологов, принявших участие в исследовании, синдром эмоционального выгорания находится в стадии формирования.

Анализ фаз стресса (симптомов синдрома эмоционального выгорания) указывает на доминирование симптомов фазы «резистенции» – у 78% (24 чел.) испытуемых с наличием симптомов эмоционального выгорания, у оставшихся 22% (7 чел.) испытуемых симптомы распределены между фазами «напряжение» и «истощение». В фазе «резистенции» наиболее часто регистрировались признаки эмоционально-нравственной дезорганизации – 70% (22 чел.) ($\chi^2 = 12,759$, $p < 0,001$ (связь между признаками статистически значима), также достаточно часто выявлялось неадекватное эмоциональное реагирования и расширение сферы экономии эмоций 52% (16 чел.), редукция эмоциональных обязанностей отмечена у 30% (9 чел.). В фазе «напряжение» наиболее часто регистрировалась неудовлетворенность собой – у 70% (22 чел.) ($\chi^2 = 24,667$, $p < 0,001$ (связь между признаками статистически значима), переживание психотравмирующих обстоятельств, «загнанность в клетку», депрессия отмечена у 14% (4 чел.). В фазе «истощение» доминируют эмоциональный дефицит и эмоциональная отстраненность 52% (16 чел.) ($\chi^2 = 6,469$, $p < 0,01$ (связь между признаками статистически значима), признаки личностной деперсонализации и проявления психосоматических и психовегетативных расстройств определяются у 32% (10 чел.).

Все фазы стресса при эмоциональном выгорании сопровождаются изменением уровня тревожности. Эти изменения неравномерны и имеют интересную специфику. Так, личностная тревожность повышена у 89% (33 чел.) Имеются высокие показатели личностной тревожности в 62% (23 чел.) случаев, умеренные в 27% (10 чел.) случаев. Низкая личностная тревожность регистрируется лишь у 11% (4 чел.) психологов.) Реактивная тревожность повышена у 47% (17

чел.). Высокие показатели реактивной тревожности зарегистрированы у 36% (13 чел.), средний уровень тревожности установлен у 11% (4 чел.) психологов. Низкие показатели зарегистрированы у 53% (20 чел.) психологов.

Демонстрируется, что стрессовое истощение очень значимо отражается на эмоциональной сфере при синдроме эмоционального выгорания. Эмоциональный ответ при этом не полноценный (нет ресурсов для эмоционального реагирования на текущую ситуацию), постоянное внутреннее напряжение вызывает еще большее усугубление дезадаптации.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Более чем у половины психологов, принявших участие в исследовании, синдром эмоционального выгорания проявляется либо какими-то отдельными симптомами (51% (19 чел.)), либо полностью сформирован 33% (12 чел.).
2. В большей степени у психологов при синдроме эмоционального выгорания сформирована фаза «резистенции» – у 78% (24 чел.).
3. Наиболее часто регистрируемыми симптомами при эмоциональном выгорании являются – признаки эмоционально-нравственной дезорганизации – 70% (22 чел.) ($\chi^2 = 12,759$, $p < 0,001$ (связь между признаками статистически значима), неудовлетворенность собой – у 70% (22 чел.) ($\chi^2 = 24,667$, $p < 0,001$ (связь между признаками статистически значима), эмоциональный дефицит и эмоциональная отстраненность 52% (16 чел.) ($\chi^2 = 6,469$, $p < 0,01$, $p < 0,05$ (связь между признаками статистически значима).
4. Эмоциональная сфера психологов при синдроме эмоционального выгорания изменяется неравномерно, изменения носят весьма специфический характер.
5. Личностная тревожность повышена у 89% (33 чел.), а реактивная тревожность повышена у 47% (17 чел.).

Соответственно, можно говорить о том, что преимущественные проявления синдрома эмоционального выгорания у психологов связаны с искажениями эмоционального реагирования, что достаточно часто приводит к редукции профессиональных обязанностей. В этой связи целесообразно превентивное оказание помощи психологам-практикам, выделение групп риска формирования синдрома эмоционального выгорания, а при обнаружении тех или иных тревож-

ных признаков – применение методов психологической коррекции и психотерапии.

Литература

- Катунин А. П., Бутылко Д. В.* Эмоциональное выгорание: сущность и содержание // Молодой ученый. 2020. № 18 (308). С. 399–401.
- Мищенко М. С.* Взаимосвязь эмоционального выгорания с чертами личности психолога // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2013. № 1. С. 27–29.
- Москалёва Т. В.* Синдром эмоционального выгорания // Вестник Московского информационно-технологического университета. 2018. № 4. С. 63–68.
- Семакова Е. В., Дмитриева С. А., Максимова Н. Г.* Педагогическая технология выявления характеристики эмоциональной сферы психолога с синдромом эмоционального выгорания // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13. № 3. С. 104–109.

Структура профессионального самосознания в системе самореализации личности педагогов-психологов на этапе профессиональной адаптации

А. А. Смык (УО ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Республика Беларусь)

В статье рассматривается структура профессионального самосознания в системе самореализации личности педагогов-психологов на стадии профессиональной адаптации. В результате проведенного исследования установлено, что структура профессионального самосознания в системе самореализации личности педагогов-психологов характеризуется наличием карьерных ориентаций, способностью к профессиональной самокритике и осознанности в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: личность, педагог-психолог, самосознание, профессиональная самореализация, карьеризм, профессиональная осознанность, профессиональная критичность.

В современной психологической науке особое внимание уделяется изучению профессионального образа специалистов. Данной проблеме посвящены работы таких ученых, как М. А. Белокнь, Н. В. Парнюк, О. В. Бараусова, Н. В. Шаньгина. В их исследованиях акцентируется внимание на той роли, которую играет образ специалиста в социальном, личностном и профессиональном самоопределении человека, формировании его отношения к профессиональной деятельности. Однако исследования профессионального самосознания в системе самореализации личности педагогов-психологов отсутствуют.

Профессиональное самосознание с позиций зарубежных авторов (К. Роджерс, Ф. Перлз, Э. Шостром, А. Маслоу, М. Кун и Т. Макклапаред и др.) является связующим звеном между личностью и деятельностью, которое в процессе своего формирования позволяет достигнуть оптимального результата, в личностном росте и в профессиональной деятельности. Профессиональное самосознание как часть личностного самосознания рассматривают такие отечественные авторы, как А. К. Маркова, Л. М. Митина, А. А. Деркач, О. В. Москаленко,

И. В. Вачков, Б. Г. Парыгин, В. Г. Маралов, П. А. Шавир, В. Г. Каташев и др. Следовательно, профессиональное самосознание выступает как условие, детерминанта или средство развития личности психолога. Компоненты профессионального самосознания являются как ситуативными «Я-образами «профессионала», так и более устойчивыми системами профессиональной самооценки и самоопределения «Я-концепции» (Valiyeva, 2020). Таким образом, профессиональное самосознание — это система представлений о себе, развивающаяся во времени и заключающаяся в самоотношении и самопознании личности, формирующаяся под влиянием социальной среды с целью ее самоактуализации и профессионального становления.

Идеи становления личности как субъекта развивались в русле субъектного подхода С. Л. Рубинштейном и А. В. Брушлинским. Согласно их взглядам, личность характеризуется как триединство потребностей, мотивов, желаний, с одной стороны, способностей, возможностей — с другой, характера — с третьей, а ее становление происходит в процессе жизнедеятельности (Брушлинский, 2002). Следовательно, именно данные аспекты являются исследовательским полем при выявлении условий достижения самореализации личности.

В своих работах К. А. Альбуханова-Славская анализирует возможность полного, гармоничного совпадения самовыражения и самореализации, и в качестве факторов она выделяет сформированность «образа Я» и личностную готовность организовывать, обеспечивать, создавать всю совокупность внешних условий самореализации (Абульханова-Славская, 2000). Именно данные условия и есть необходимая предпосылка для того, чтобы самовыражение и самореализация гармонично для самой личности совмещались во всех аспектах.

Во взглядах Е. Н. Богданова, А. С. Гусека, А. А. Деркач, В. М. Дьякова, А. А. Реана показано, что профессиональное развитие личности происходит в четырех направлениях: личностно-профессиональном, профессионально-квалификационном, профессионально-должностном и нравственном (Деркач и др., 2000).

На наш взгляд, наиболее полная классификация профессионального становления предложена Е. А. Климовым. Он выделяет три этапа и восемь стадий этого процесса:

- допрофессиональное развитие: стадия предыгры (от рождения до 3 лет); стадия игры (3–7 лет); стадия овладения учебной деятельностью (7–12 лет);

- развитие в период выбора профессией: стадия оптации (12–18 лет);
- развитие в период профессиональной подготовки и дальнейшего становления профессионала: стадия профессионального обучения (18–23 года); стадия профессиональной адаптации (23–27 лет); стадия развития профессионала (27–50 лет); стадия реализации профессионала (50–65 лет); стадия спада (65 и более лет) (Психология труда, 2009).

Актуальность темы обусловлена слабой теоретической разработанностью изучения проблемы профессиональной самореализации в системе самореализации личности педагогов-психологов. Методологической основой исследования является интегративное применение субъектного и деятельностного подходов в психологии.

С целью изучения структуры профессионального самосознания в системе самореализации личности педагогов-психологов на этапе профессиональной адаптации, мы провели исследование, выборку которого составили 31 педагог-психолог в возрасте 23–27 лет. Объект исследования – личность педагогов-психологов. Предмет исследования – структура профессионального самосознания в системе самореализации личности педагогов-психологов.

Для изучения структуры профессионального самосознания в системе профессиональной самореализации психологов был использован критерий факторного анализа, с помощью которого были выявлены факторы, объясняющие структуру корреляций внутри набора изучаемых переменных профессионального самосознания (методика диагностики переживаний в профессиональной деятельности (Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин), методика «Опросник диагностики профессионального самоотношения личности» (К. В. Карпинский, А. М. Колышко), методика «Ретроспективная профессиональная автобиография» (С. А. Иванов) и профессиональной самореализации личности (методика «Тип и уровень профессиональной самореализации» (Е. А. Гаврилова)).

Методологической базой исследования является положение о субъективном подходе личности А. В. Брушлинского и А. Н. Леонтьева, суть которого состоит в понимании личности как субъекта собственной активности. Согласно данному подходу, личность является активным субъектом, который создает и изменяет свою собственную реальность, а также социальное окружение, в котором она находится. Личность стремится к самореализации, развитию своих потенциалов и достижению смысла своей жизни.

В результате факторного анализа данных, было выделено 3 фактора, при этом на них пришлось 74,1% дисперсии результатов, которые достаточно равномерно распределились по факторам: на первый фактор пришлось 32,7%, на второй – 32,8%, на третий – 8,6% дисперсии. Рассмотрим характеристики выявленных факторов.

Фактор «Карьеризм». В данный фактор вошли самоуверенность в профессии, самопривязанность в профессии, профессиональное самоуважение, общий показатель позитивности профессионального самоотношения. Следовательно, педагоги-психологи в возрасте 23–26 лет склонны сравнивать себя ближайшим профессиональным окружением. Респонденты амбициозны, склонны к карьеризму, в трудовой деятельности их интересует не процесс, а результат. В профессии склонны отстаивать свои индивидуальные интересы, нежели групповые того учреждения образования, к которому они работают. При этом педагоги-психологи чувствуют удовлетворенность теми знаниями и умениями, которыми они владеют, для успешной профессиональной самореализации. Кроме этого, у них выражена тенденция к излишнему самодовольству, самолюбованию и некритичному восприятию себя как работника, что ведет к субъективной удовлетворенности результатами становления и реализации в профессии. В целом восприятие профессиональной деятельности для педагогов-психологов носит позитивный характер.

Фактор «Профессиональная критичность». В данный фактор вошли феноменологический компонент, внутренняя конфликтность профессионального самоотношения, самообвинение в профессии, самоуничижение в профессии. Следовательно, педагоги-психологи в возрасте 23–26 лет стремятся достичь высоких профессиональных результатов, проявляя себя в качестве субъекта профессиональной деятельности. Однако при столкновении с профессиональными трудностями педагоги-психологи испытывают отрицательные эмоции, которые адресованы к себе как к специалисту. Таким образом, ситуация профессионального неуспеха вызывает у них такие реакции как гнев, вину, стыд, разочарование. В следствие этого респонденты склонны к обесцениванию себя в контексте профессиональной деятельности.

Фактор «Профессиональная осознанность» определяется переменной самоэффективностью в профессии как компонент профессионального самосознания. Следовательно, педагоги-психологи в возрасте 23–26 лет способны к осознанному применению своих индивиду-

ально-личностных характеристик для конструктивного разрешения противоречий, с которыми они сталкиваются на работе и достижения высоких результатов в профессиональной деятельности, а также к осознанному использованию этих противоречий как стимула для достижения высоких профессиональных результатов.

Таким образом, в результате анализа структуры профессионального самосознания в системе самореализации личности педагогов-психологов, мы пришли к выводу о том, что профессиональное самосознание педагогов-психологов в возрасте 23–26 лет характеризуется наличием карьерных ориентаций, способностью к профессиональной самокритике и осознанности в профессиональной деятельности.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 2000.
- Брушлинский А. В.* О деятельности субъекта и его критериях // Субъект. Познание. Деятельность / Под ред. В. С. Степина. М.: Канон+ ОИ «Реабилитация», 2002. С. 9–34.
- Деркач А. А., Зызыкин В. Г., Маркова А. К.* Психология развития профессионала. М.: РАГС, 2000.
- Психология труда: Хрестоматия: учебно-методический комплекс / Авт.-сост. С. Ю. Манухина. М.: ЕАОИ, 2009.
- Valiyeva V.* Impact of self-esteem on the formation of professional identity of the students of Faculty of Law, of Baku State University, Azerbaijan // *Universidad y Sociedad.* 2020. V. 12. № 1. P. 75–87.

Обоснование реализации предиктивного подхода к исследованию структуры потребностной сферы личности*

Н. Н. Степанчук (ФГБНУ «ИПИИ», Донецк)

В сложных современных условиях развития общества и тотальной нехватки профессионально подготовленных кадров возрастает потребность в создании и функционировании системы выявления и укомплектования кадрового ресурса. Решение проблем профессионального отбора осложняется недостаточной эффективностью респондентных методов психологического диагностирования. В статье приведены краткие результаты анализа научной литературы по вопросам профессиональной деятельности индивида, рассматриваются основные подходы к изучению его потребностей. Особое внимание уделяется возможностям использования оперантных методов, способствующих определению типологической структуры характеристик личности специалиста, облегчающих дальнейшее прогнозирование его профессионального поведения.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, потребности, проективная методика, трудовой портрет.

Деятельность человека является сложным социальным феноменом, зачастую представляемым как процесс преодоления трудностей и препятствий к достижению цели, как способ отношения «человека деятельного» к условиям своей жизни. Психологическая наука, направленная на проблематику личности как субъекта труда и профессиональной деятельности, призвана способствовать развитию «не просто профессионала, а личности профессионала, его лучших психических свойств и качеств — духовности, мотивации, способностей, рефлексии и т. д.» (А. В. Брушлинский).

А. В. Брушлинский, упоминая общеизвестный принцип коммунизма: от каждого по способностям, каждому по потребностям, акцентировал внимание на значительных различиях между людьми

* Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ФГБУН «Институт проблем искусственного интеллекта».

в отношении их способностей и потребностей, даже при наличии максимально благоприятных внешних условий, определяющих развитие человеческих способностей и характера. При этом выявление субъектно-объектных взаимосвязей, обуславливающих профессиональное поведение человека и способствующих достижению личностно значимого и желаемого, и понимание того, что именно предопределяет образование таких взаимосвязей, необходимо даже в тех случаях, когда процесс труда организован нерационально.

При всем многообразии подходов к изучению потребностной сферы индивида, необходимо отметить тенденцию советских и российских ученых (В. Г. Лежнев, С. Л. Рубинштейн, В. Н. Мясищев, А. С. Шаров, А. Н. Леонтьев, И. А. Джидарьян, В. С. Магун, Б. И. Додонов, К. К. Платонов, Е. П. Ильин и др.) опираться в своих исследованиях сущности потребностей на рациональные моменты, в то время как работы зарубежных авторов (К. Левин, Дж. Роттер, Д. Макклелланд) ориентированы на изучение психических процессов и явлений, не входящих в сферу сознания человека.

Современные зарубежные исследователи потребностей человека также опираются на фундаментальную идею «соответствия личности и среды», которая состоит в том, что по своим качествам некоторые люди лучше подходят для одних условий, чем для других. Адекватность индивида окружающей профессиональной среде влияет на мотивацию человека, его поведение, общее психическое и физическое здоровье. Если существует соответствие между характеристиками сотрудника и среды, его функционирование в организации облегчается: люди находят смысл в работе, удовлетворяют свои биологические и психологические потребности, резонирующие с личными ценностями и интересами, составляющими основу самооценки, идентичности и положения в обществе. В случае несоответствия человек может страдать от дезадаптации, что создает напряжение как на его стороне – неудовлетворенность работой, дискомфорт, стресс, так и на стороне среды – снижение производительности, временная нетрудоспособность, прогулы, инвалидность, текучесть кадров (Cooman, Vleugels, 2022).

В качестве основы нашего исследования принята теория потребностей Д. Макклелланда, представившего потребность как отклонение некоторой внутренней или внешней реальности от сложившихся ожиданий человека относительно этой реальности и уделившего основное внимание потребностям достижения успеха, власти, принадлежности и избегания (Макклелланд, 2007).

Потребность в достижении, по Д. Макклелланду, представляет собой стремление человека преуспеть в отношении установленного набора стандартов, реализовать свои собственные цели независимо от ситуации и окружающих, найти лично идентифицируемые источники своего успеха или неудачи, не полагаясь на волю случая. Людям с высокими показателями уровня потребности в достижении присуще желание преуспеть относительно самих себя, большее удовлетворение приносит работа, требующая высокого уровня квалификации и личной ответственности за поиск новых решений сложных задач. Однако в процессе удовлетворения этой потребности они более других нуждаются в обратной связи, чаще демонстрируют оппортунистические черты личности и модели поведения.

Потребность во власти отражает желание человека быть влиятельным и контролирующим, предпочтение находиться в конкурентных ситуациях, использовать неформальную ответственность за других для накопления дополнительных ресурсов, позволяющих повысить статус и обладать атрибутами престижа и власти. Хотя, для поддержки жизнеспособных взаимозависимых межличностных отношений, люди с сильно выраженной потребностью во власти часто вынуждены сдерживать свои желания и соблюдать нравственные нормы, стремясь минимизировать проявления негативной реакции окружающих.

Потребность в принадлежности отражает желание иметь дружеские отношения с другими людьми: командная деятельность, взаимозависимость и сотрудничество имеет первостепенное значение при выборе работы. Высокий уровень потребности в принадлежности мотивирует человека быть как сочувствующим, так и приспособленным к другим, в опасении быть подвергнутым остракизму. Между тем создание прочных межличностных связей является устойчивым ресурсом при маневрировании в угрожающих или неопределенных условиях (Royle, Hall, 2012).

Следовательно, потребностная сфера каждого человека может быть описана с помощью «кубической модели» $2 \times 2 \times 2$, состоящей из 8 октантов, каждый из которых определяется одной тройной комбинацией полюсов основных бинарных признаков (результативность—избегание неудач; послушание—использование мира, людей, себя; кооперация—дистанцирование), представляя собой некий сегмент, характеризующий «трудовой портрет» индивида. Указанные «грани куба» взаимозависимы и тесно связаны между собой, но отнюдь не равновесны. Каждая из восьми тройных комбинаций полюсов

бинарных признаков может быть представлена в шести вариантах, в зависимости от индивидуального «веса» каждой из характеристик в структуре потребностной сферы, что оказывает значительное влияние на содержательное наполнение «трудового портрета» индивида, предусматривая наличие 48 возможных типов.

Выбор методов психологической диагностики потребностной сферы в настоящее время производится на основе устоявшихся предпочтений специалистов, как правило, с помощью вербального интервьюирования, стандартизированных опросников и тестов, что не всегда эффективно, учитывая стремление соискателей маскировать социально порицаемые и демонстрировать одобряемые выборы. В то же время получение информации об индивидуальных особенностях работника или соискателя по результатам проективных методик облегчает прогнозирование особенностей его адаптации на рабочем месте.

Неопределенность, расплывчатость, неясность графического «послания», представленного в стимульном материале проективных методик, позволяет активизировать интерпретативные навыки и механизмы проекции. Реакция, ответ соискателя на задачи проективной методики представляет собой текст, являющийся собой акт отражения образов.

При этом, следуя авторитетному мнению С.Л. Рубинштейна, акт отражения представляет собой не зеркальное репродуцирование или воспроизведение объекта, а «более или менее значительное его идеальное — чувственное, мысленное — преобразование. В образе объекта одни его стороны акцентируются, выступают на передний план, восприятие других... тормозится. Они „маскируются“, сходят на нет. Образ предмета, таким образом, в самом процессе восприятия ретушируется, моделируется, преобразуется в зависимости от взаимоотношения субъекта и отражаемого объекта, жизненного значения этого последнего для субъекта и отношения субъекта к нему» (Брушлинский, 1970, с. 68).

Автором статьи разработана модельная проективная методика, имеющая компактный набор визуального стимульного материала и простую инструкцию (Степанчук, 2022). Предложен способ обработки полученной проективной продукции — неструктурированного текста на естественном языке, основанный на вычленении элементарных по своему выражению языковых знаков, присутствующих в тексте и обладающих культурно-смысловой емкостью. При этом функциональное значение символа как языкового знака проявляется в выражении смысловых связей и понимается как реальность,

не требующая верификации. Учтена решающая роль связи мозга и тела в понимании природы мысли.

Практическая значимость результатов исследования связана с возможностью их развития и широкого использования в русле современной экспериментальной психологии и психодиагностики.

Полученная проективная текстовая продукция позволяет сконструировать информационно-поисковые тезаурусы, предназначенные для алгоритмизации процедур профессионального отбора (отсева, скрининга), что позволяет:

- улучшить организационное соответствие на ранних этапах цикла занятости и повысить уровень контекстуальной производительности (действия, которые вносят вклад в социальное и психологическое ядро организации, например помощь коллегам) по сравнению с выполнением задач (действия, которые способствуют укреплению технического ядра организации);
- предотвратить пагубное влияние хронического стресса, вызванного низким уровнем соответствия человека и среды, и всевозможных тяжелых психологических реакций, включая отчуждение, депersonализацию, эмоциональное истощение, цинизм и тревогу.

Технологии искусственного интеллекта обеспечивают более быструю обработку неструктурированных текстовых данных, что может значительно ускорить и облегчить труд психолога, снизить влияние возможных факторов психофизиологической напряженности в его работе.

Литература

Брушлинский А. В. Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970.

Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007.

Степанчук Н. Н. Проективная методика «Девочки и мальчики»: обоснование применения в работе с персоналом // Методология современной психологии. 2022. № 15. С. 316–323.

Cooman R. D., Vleugels W. Person-Environment Fit: Theoretical Perspectives, Conceptualizations, and Outcomes // Oxford Research Encyclopedia of Business and Management. 2022. P. 1–28.

Royle M. T., Hall A. T. The Relationship between McClelland's Theory of Needs, Feeling Individually Accountable and Informal Accountability for Others // International Journal of Management and Marketing Research. 2012. № 1. P. 21–42.

Концепты и фрагменты реальности в научно-исследовательской и научно-практической работе (в психологии труда)*

В. А. Толочек (ФГБУН ИП РАН, Москва),
А. С. Машкова (ООО «Норникель-Спутник», Москва)

На примере изучения компетенций, личностных черт и особенностей стилей делового общения менеджеров – руководителей низового и среднего звена управления – обсуждаются возможности аналитического и интегративного подхода. Методы: анализ литературных источников; психодиагностика: 1) методики УСК, 16PF; 2) исследовательские методики «Компетенции менеджера» и 3) «Стили делового общения»; факторный анализ (данных методик и коэффициентов объектов факторов по трем группам методик). База исследований – сотрудники коммерческих компаний г. Москвы (N = 71). В результате НИР выделено типовое распределение ролей и функций в эффективных рабочих группах; использование в анализе коэффициентов объектов факторов по эвристичному потенциалу превосходит возможности аналитичных подходов.

Ключевые слова: менеджеры, компетенции, стили делового общения, личностные особенности.

Психология как наука о душе (человека) еще не сложилась; наша дисциплина более себя реализует как наука о поведении, о деятельности, о когнитивных процессах, эмоциональных состояниях, о коммуникациях людей, о качествах персонала, о характеристиках организационной культуры и т. п. Но эти и другие, безусловно, важные аспекты жизнедеятельности человека представлены концептами, в фокусе нашего внимания, в профессиональной лексике концепты, понятия, теории – мы мыслим концептами, абстракциями, но не видим человека как индивидуальность (если, конечно, индивидуальность или личность не выступают базовым концептом нашей НИР, но и в этом случае мы рассуждаем о феномене «индивидуальность» или «личность»).

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-28-00250 «Профессиональная карьера: ресурсный подход».

Методологически радикальный «поворот дисциплины к человеку» сложен, едва ли возможен в короткое время и одноактно. Но методически мы можем и должны искать как прямые, так и косвенные пути к достижению истинной цели нашей работы. Например, типовые средства параметрической статистики предоставляют для этого достаточные возможности. Один из них – учет в наших расчетах «коэффициенты объектов факторов» (Машкова, 2021; Толочек, 2021а, б; Толочек, Машкова, 2020). (Несмотря на формальный язык статистики, обозначающих людей как «объекты», использование таких статистик может быть серьезным приближением к индивидуальности каждого обследуемого нами.) Посредством такого несложного приема мы можем обеспечивать вертикальную интеграцию (по А. В. Юревичу) изучаемых фрагментов предмета исследования; адекватно использовать все три уровня структуры теоретического знания – понятия как «идеальные теоретические объекты» (ИТО), «идеальные эмпирические объекты» (ИЭО), «реальные эмпирические объекты» (РЭО) (Степин, 2000). Обсуждаемую проблему представим так: поиск и разработка интегративных подходов в научно-исследовательской (НИР) и научно-практической работе (НПР), ориентированных на изучение индивидуальности человека как субъекта деятельности. Цель: изучение инструментальных возможностей стандартных методов параметрической статистики в реализации интегративных подходов в научно-исследовательской (НИР) и научно-практической работе (НПР).

Объект, предмет, методы исследования

Объект исследования: профессиональная деятельность менеджеров.

Предмет: деятельность и поведение людей в современных организациях.

Гипотезы:

1. Методы исследования, выявляемые свойства психологических объектов взаимно обусловлены.
2. Комбинации методов параметрической статистики расширяют возможности адекватного описания массивов эмпирических данных.

Методы: анализ литературных источников; моделирование вариантов анализа баз эмпирических данных; корреляционный и факторный анализ.

Дизайн. В НИР воспроизводился типичный вариант полевых исследований (гетерогенные выборки; использование батареи методик, разнородные группы эмпирических данных): использовались две исследовательские методики: «Компетенции менеджера – 2022» и «Стили делового общения» (СДО35); две стандартные психодиагностические (тест-опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера; 16-факторный личностный опросник Р. Б. Кэттелла (16 PF); факторный анализ (метод главных компонент). База исследований – сотрудники коммерческие компании г. Москвы (N = 71).

Результаты и обсуждение результатов

Следуя логике типичного аналитического подхода и алгоритма статистического анализа данных, мы получали в «верхнем треугольнике» корреляционной матрицы около 5000 коэффициентов (29 компетенций; 35 компонентов стилей общения; 23 данных психодиагностики, 9 социально-демографических и служебно-должностных характеристик обследуемых [$N = (97 \times 97) - 97/2 = 4654$]), полноценное описание которых едва ли возможно, и порядка десяти факторов с неудовлетворительной объясняемой дисперсией. «Зыбкая статистика», в свою очередь, побуждала бы нас оперировать отдельными коэффициентами и факторами. В нашем опыте преодоления аналитизма НИР, в опыте реализации интегративного подхода мы использовали нетипичные для психологов статистики – «коэффициенты объектов факторов». (Расчеты КОФ выполняются «по умолчанию», если в опции «Значения факторов» поставить «галочки» в опции «Сохранить как переменные» и «Вывести матрицу значений факторов». После проведения факторного анализа КОФ появятся справа от нашей исходной матрицы данных; в последующем их также можно использовать в разных статистических процедурах.) В типичных НИР и НПР, оперирующих корреляциями и факторными «весами» анализируемых характеристик, каждый отдельный обследуемый рассматривается как частица общего, как элемент концепта – «идеальный эмпирический объект» (ИЭО по В. С. Степину), то при оперировании «коэффициентами объектов факторов» каждый человек выступает как самостоятельная и значимая величина, как полноценная «единица» анализа, как «интеграл», представляющий собой собственные свойства человека как субъекта, представленные количественно – как числовые значения по каждому

из выделяемых факторов (Машкова, 2021; Толочек, 2021б; Толочек, Машкова, 2020).

Результаты первого анализа (ФА) были удовлетворительными, но не наилучшими (согласно объясняемой дисперсии и содержанию выделяемых факторов – 6 факторов компетенций, 6 – стилей делового общения и 10 – психодиагностических факторов). Представим шесть факторов компетенций: «Командный игрок»; «Аналитик»; «Эксперт-критик»; «Контролер»; «Либерал»; «Разыгрывающий». Факторы, выделенных при анализе компонентов стилей делового общения получили названия: «Адаптивный»; «Конкретный»; «Общительный»; «Формалист»; «Жесткий в требованиях»; «Неконгруэнтный» и выделенные на базе данных психодиагностических методик: «Интернал»; «Смелый, активный, беспечный»; «Жесткий, самоуверенный, ситуативный лидер»; «Общительный, прагматичный консерватор»; «Ответственный, ипохондрик»; «Мечтатель»; «Эгоцентричный»; «Отстраненный»; «Нестабильный, напряженный»; «Импульсивный, неорганизованный». В каждом случае нами фиксировались и коэффициенты объектов факторов (КОФ) – те числовые значения, которые при факторном анализе получал каждый обследуемый. Таким образом, мы имели дополнительно три группы КОФ по 6 факторам компетенций, 6 – стилям общения и 10 – личностных черт. При последующем ФА полученных трех групп КОФ было выделено 10 новых интегральных и хорошо содержательно интерпретируемых факторов, в соответствии с которыми каждый из обследуемых также получал свои десять интегральных КОФ – коэффициентов, в которых обобщались особенности выраженности его компетенций, стилей общения и личностных черт, представленных в каждом из новых факторов, обобщающих всю доступную нам информацию о человеке.

Таким образом, вместо порядка пяти тысяч статистик мы получили вполне обозримое числовое пространство для научного описания и в перспективе – внедрения результатов в практику. Но более ценным мы находим результаты четвертого расчета, в котором совместно факторизовались три группы КОФ и были выделены интегральные 10 факторов, которые в соответствии с факторными нагрузками переменных получили следующие названия: 1-й – «Командный лидер» («Играющий тренер»); 2-й – «Идейный» («Поддерживающий лидера»); 3-й – «Логик» («Поддерживающий правила»); 4-й – «Прагматик» («Центральный нападающий»); 5-й – «Либерал» («Поддерживающий конкретные решения»); 6-й – «Командный игрок» («Мотивация причастности»);

7-й – «Нормоэксперт» («Поддерживающий правила и процессы»); 8-й – «Фасилитатор» («Поддерживающий психологический климат»); 9-й – «Рефлексирующий» («Анализирующий действия членов команды»); 10-й – «Идеолог» («Контролирующий ценности группы»). Эти 10 факторов, отражают 10 социальных ролей участников совместной профессиональной деятельности, 10 типовых ролей партнеров рабочих групп, членов «команды». Подобные типовые роли можно различать в спортивных и управленческих командах, креативных, экстремальных и пр. Можно предполагать, что при реализации интегративного подхода наряду с описанием специфической выборки выделяются и некоторые инварианты социальных структур – типовое распределение социальных ролей и функций в эффективных рабочих группах.

Выводы

1. Следование в НИР интегративному подходу позволяет получать результаты, по содержанию и эвристичному потенциалу превосходящие возможности аналитичных подходов.
2. Реализация в НИР и НПР интегративных подходов может достигаться уже на уровне оперирования статистиками при использовании стандартных процедур параметрической статистики (в том числе, факторного анализа).
3. Расширение вариантов анализа и описания массивов эмпирических данных повышают надежность получаемых результатов, компенсируя ограничения методических средств научного исследования.

Литература

- Машкова А. С.* Феномен «компетенции»: оценки компетенций менеджеров (факторы предпочтений) // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2021. № 1. С. 57–78.
- Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Толочек В. А., Машкова А. С.* Компетенции: методы исследования, результаты, существенные свойства психологических объектов: взаимосвязи и взаимоограничения // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 4. С. 252–270.
- Толочек В. А.* Психология труда. СПб.: Питер, 2021а.
- Толочек В. А.* Технологии профессионального отбора. М.: Юрайт, 2021б.

Динамика стадий становления субъектности учителя при интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы

Э. Э. Уманская (АНО «ЦИКС „Каисса“, Москва),
О. Г. Лопухова (КФУ, Казань)

Целью введения шахматной культуры в учебный процесс начальной школы является создание условий для творческого развития каждого субъекта образовательной среды – учителя, ученика, родителей. При этом шахматная культура выступает как источник знаний или культурных норм, а педагог становится посредником между ребенком и культурой. В исследовании эмпирически подтверждено, что внедрение модели интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы при включенной творческой позиции учителей, способствует развитию субъектности учителя, что отражается в переходе учителя на более высокие уровни субъектности в педагогической деятельности.

Ключевые слова: развивающая образовательная среда, становление субъектности, экопсихологический подход, развитие учителя, шахматная педагогика.

Актуальность и проблема исследования

Психическое развитие человека в ходе его обучения целесообразно рассматривать в контексте системы «человек—образовательная среда». Современная школа должна быть пространством полноценного взросления, средой становления успешных, счастливых и здоровых людей. Это возможно только в атмосфере благоприятного социально-психологического климата в образовательном учреждении, поддерживающего и инициирующего процессы развития личности и ее потенциала, т. е. при наличии развивающей образовательной среды. Экопсихологический подход к разработке модели образовательной среды, предложенный В. И. Пановым, выступает методологическим основанием нашего исследования. Исходным основанием экопсихологической модели развивающей образовательной среды служит

представление о том, что под образовательной средой понимается система педагогических и психологических условий и влияний, которые создают возможность как для раскрытия еще не проявившихся интересов и способностей, так и для развития уже проявившихся способностей и личности учащихся, в соответствии с присущими каждому индивиду природными задатками и требованиями возрастной социализации.

Личностные качества педагога, работающего с детьми младшего школьного возраста, проявляются в установлении субъект-субъектных отношений, где ученик рассматривается не как объект для педагогических воздействий, а как субъект со своим внутренним миром, целевой и ценностной позицией. При этом педагог в идеале должен реализовывать субъект-субъектное взаимодействие порождающего типа, где общение между учеником и учителем — это взаимовлияние друг на друга и взаимное развитие, учитель и ученик (ученики) — это не противопоставленные или равноправные личности, реализующие свое субъектное начало, а «целостный (единый) развивающийся субъект».

Введение шахматной культуры в учебный процесс начальной школы создает условия для творческого развития каждого субъекта образовательной среды — учителя, ученика, родителей. При этом шахматная культура выступает как источник знаний или культурных норм, а педагог становится посредником между ребенком и культурой. Ключевым в этих условиях является субъектность педагога, ибо субъекта воспитать может только взрослый человек, занимающий субъектную позицию. Развитие субъектности с позиций экопсихологического подхода мы рассматриваем в рамках экопсихологической модели стадий развития субъектности в континууме «субъект спонтанного действия — субъект продуктивного действия и развития», включающей стадии способности быть субъектом: потребности/мотивации, наблюдения («наблюдатель»), подражания («подмастерье»), обучения («ученик»), критической оценки («критик»/«эксперт»), произвольного действия («мастер»), продуктивного действия и развития («творец») (Панов, 2022).

Проблема в том, что низкий уровень профессиональной субъектной позиции педагога, останавливающийся на стадии «критика», пагубно отражается на развитии субъектности детей, на становлении и формировании их личностных качеств — познавательной мотивации, самооценке, целеполагании и пр. Мы предполагаем, что внед-

рение в образовательной среде начальной школы модели интеграции шахматной культуры в учебный процесс при включенной творческой позиции учителей, будет способствовать развитию субъектности учителя, что отразится в переходе учителя на более высокие уровни субъектности в педагогической деятельности.

Целью проектирования образовательной среды начальной школы по инновационной авторской «Модели интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы» (Уманская, 2022) с позиции экопсихологического подхода (Панов, 2007) является развитие субъектной позиции учителя в направлении его способности реализовывать субъект-субъектные взаимодействия порождающего типа. Научно-исследовательской целью является определение динамики стадий становления субъектности учителя в условиях приобщения младших школьников к шахматной культуре.

Методы и технологии

1. Инновационная авторская программа «Модель интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы» (Настольная книга учителя шахмат, 2022), представляющая целостную систему педагогических технологий формирования интеллектуальной культуры и эстетического сознания, ориентированную на педагогов и учащихся начальной школы. В программу были включены учителя начальных классов школ г. Лениногорска Республики Татарстан и г. Чебоксары Республики Чувашии Российской Федерации. Включение учителей в программу интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы осуществлялось на разных условиях: с использованием «административного ресурса» и обязательном включении коллектива учителей в программу и на основании добровольного выбора участия в программе при методической поддержке администрации и автора программы.
2. Диагностика регуляторных и субъектных составляющих личности педагога проводилась опросником диагностики стадий становления субъектности преподавателя (ОСС-П) (Становление субъектности, 2022), позволяющим количественно (в баллах) определять стадии становления субъектности («Наблюдатель», «Подмастерье», «Ученик», «Эксперт (Критик)», «Мастер», «Творец»), а также выраженность регуляторных процессов («Пла-

нирование», «Контроль», «Коррекция»). Диагностика проводилась методом двойной ретроспективной самооценки: нужно было ответить на пункты опросника с позиции «в прошлом (до начала участия в программе)» и «сейчас», когда имеется опыт участия в программе интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы.

3. При анонимном участии в исследовании, учителя отвечали на вопрос закрытого типа «Ваше отношение к участию в инновационном проекте „Модель интеграции шахматной культуры в начальное образование“ с вариантами ответов «Не заметил(а) положительных последствий» и «Положительное, в целом удовлетворен(а) результатами, ощущаю пользу», что позволило разделить выборку на две части для сравнения.

Выборку составили 100 учителей, включенных в программу «Модель интеграции шахматной культуры в начальное образование», проходивших онлайн диагностику на добровольной основе, анонимно (фиксировался лишь регион: Республика Татарстан / Республика Чувашия).

Результаты

Отраженный в ответах респондентов опыт участия в программе разделил выборку следующим образом: 70% учителей в целом удовлетворены результатами и ощущают пользу, 30% — не заметили положительных последствий. Условно эти группы были названы в дальнейшем анализе «положительный опыт» и «отрицательный опыт».

Сравнение выраженности стадий становления субъектности двух групп учителей не выявило значимых различий, кроме того, все измеряемые опросником стадии становления субъектности выражены на относительно сходном уровне (среднем и несколько выше среднего). Сравнение выраженности регуляторных компонентов субъектности показало, что у группы учителей с «положительным опытом» значимо более высокая выраженность ($p = 0,01$) всех компонентов (планирования, контроля, коррекции), несмотря на то что в среднем у обеих групп учителей эти компоненты выражены на высоком уровне (выше 52 баллов) в соответствии со стандартизированными уровнями по методике ОСС-П.

Более интересные данные получены при сопоставлении субъективной динамики стадий становления субъектности в процессе учас-

тия в программе интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы. Выявлено, что учителя с «положительным опытом» участия в программе в среднем субъективно оценили положительную динамику всех стадий субъектности: динамика на стадии «наблюдатель» составила 0,5 балла, на стадиях «подмастерье», «ученик», «критик» и «мастер» — 0,9 балла, на стадии «творец» — 0,3 балла. Учителя из группы «отрицательный опыт» имеют совершенно другую динамику: на стадии «наблюдатель» различие в среднем составило 0,3 балла, на стадии «подмастерье» — 1,1 балла, на стадии «ученик» — 1,9 балла, на стадии «критик» — 0,8 балла, а на стадиях «мастер» и «творец» выявлена отрицательная динамика: — 0,3 балла. Это говорит о том, что субъективно учителя, внутренне сопротивляющиеся по тем или иным причинам инновационной программе интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы, при общей декларации достаточно высокого уровня субъектной позиции в своей педагогической деятельности, ощущают, тем не менее, стагнацию на промежуточных стадиях, и даже откат на более низкие уровни развития себя как профессионала. Активная включенность учителя и ориентация на творческое саморазвитие в процессе интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы соотносятся с положительной динамикой развития субъектности и выхода на более высокие стадии «мастера» и «творца».

Заключение

Таким образом, эмпирически подтверждено предположение, что внедрение в образовательную среду начальной школы модели интеграции шахматной культуры в учебный процесс при включенной творческой позиции учителей, способствует развитию субъектности педагога с выходом на стадии «мастера» и «творца». Практическая значимость этой работы заключается в том, что «Модель интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы» подразумевает создание условий для выхода педагогов школы на субъект-порождающий типа взаимодействия «человек—образовательная среда», что необходимо для полноценного развития личности учащихся, в том числе, для развития их одаренности. Данная программа также может выступать в качестве одного из средств психологической безопасности в условиях современных рисков образовательной среды.

Литература

Панов В. И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб.: Питер, 2007.

Панов В. И. Экопсихологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 3 (15). С. 100–117. doi: 10.24412/2073-0861-2022-3-100-117

Уманская Э. Э. Настольная книга учителя шахмат. М., 2022.

От трудового воспитания к трудовому самосознанию

Н. В. Усова (СГЮА, Саратов), М. А. Кленова (СГЮА, Саратов)

Сегодня перед Россией встают новые вызовы и угрозы, которые негативным образом сказываются на развитии молодого поколения. Цели, приоритеты и инструменты государственной политики в отношении молодежи диктуют необходимость в долгосрочных ориентирах и инвестициях, ориентированных на молодежные программы, проекты, общественные молодежные объединения. Одним из таких направлений является разработка закона о трудовом воспитании подрастающего поколения. Авторы убеждены, что государство и общество, стремящееся к перспективному и благополучному будущему, не должно оставаться в стороне от вопросов трудового воспитания, сегодня необходимо актуализировать все позитивное что было в трудовом воспитании школьников в советское время, но с тщательным анализом и учетом современной социокультурной среды.

Ключевые слова: трудовое воспитание, трудовое сознание, трудовое самосознание, трудовая активность, ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Глобальные геополитические и социально-экономические процессы, происходящие в обществе, диктуют жесткую задачу поиска новых концепций воспитания подрастающего поколения. Указ Президента Российской Федерации № 809 (2022) направлен на сохранение и укрепление традиционных для российского общества ценностей, включая помимо ценности жизни, достоинства, патриотизма, крепкой семьи и ценность созидательного труда. Все чаще в средствах массовой коммуникации можно встретить идею вернуть в школы трудовое воспитание.

Сегодня, когда мир столкнулся с утратой нравственных и духовных ценностей, а сложившаяся ситуация требует переоценки приоритетов и переосмысления целей, как никогда остро возрастает роль труда в становлении подрастающего поколения.

Труд является основополагающим средством воспитания и определяется как целенаправленная деятельность человека, в ходе кото-

рой он с помощью инструментов труда воздействует на природу и использует ее для создания объектов, необходимых для удовлетворения его потребностей. Труд способен преобразовать не только природу и окружающую среду, но и вносит качественные преобразования в развитие самого человека. Хорошо известный факт – в основе развития человеческого общества лежит совместная трудовая деятельность. Очевидно, что такая деятельность должна осуществляться совместно с семьей, школой и общественными организациями. Труд является ведущим фактором возникновения сознания (Л. С. Выготский, С. Я. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев и др.).

Изменение практической деятельности является толчком качественных преобразований в развитии сознания, в этом контексте труд в плане психического отражения сопровождается переживанием смысла данного действия. Таким образом, трудовое воспитание способно «открыть» для субъекта смысл трудовой деятельности.

Смысл, по определению А. Н. Леонтьева, есть отражение отношения цели действия к мотиву, иными словами процесс трудового воспитания способствует возникновению мотива трудовой деятельности, а ведь хорошо известно, что нельзя научить чему-нибудь человека, если отсутствуют его собственная активность, желание и увлеченность. Трудовое воспитание позволит сформировать отношение к труду как к высшей ценности, развить познавательный интерес к знаниям и мотивацию к труду, воспитать высокие моральные качества, среди которых трудолюбие, долг, ответственность, целеустремленность, предприимчивость и т. д. Трудовое воспитание – это процесс организации и стимулирования трудовой деятельности учащихся, формирования у них трудовых умений и навыков, воспитания добросовестного отношения к своей работе, стимулирования творчества, инициативы и стремления к достижению более высоких результатов.

Опыт трудового воспитания представлен в советской школе, анализ теории и практики которой позволил И. В. Гребеневу, Д. Д. Сомовой говорить о соотношении позитивного и негативного вклада в процесс исторического развития общества, что ставит под сомнение востребованность данного опыта в современной педагогике.

Очевидно, что государство и общество, стремящееся к перспективному и благополучному будущему, не должно оставаться в стороне от вопросов трудового воспитания, при этом необходимо сохранить все позитивное, что было в трудовом воспитании школьников

в советское время, но и учитывать особенности современной социокультурной среды.

Трудовая деятельность, с одной стороны, является фактором развития сознания, а с другой, с помощью сознания трудовая деятельность развивается и совершенствуется. Именно сознание определяет особый способ бытия человека в мире, человек может управлять лишь тем, что осознает.

С появлением сознания у человека появляются три важные способности: познавать общее и особенное в окружающей действительности; определенным образом относиться к окружающей действительности; заниматься творчеством. Появление данных способностей в контексте трудовой деятельности рассматривается нами как взаимообуславливающий процесс, в котором субъект обладает общим знанием, отражающим общее и особенное в процессе выполнения трудовой деятельности, формирует специфическое отношение к разным аспектам труда и способен проявлять творчество в процессе его реализации.

Творчество основано на трудовой деятельности и является главным условием инновационного развития, следовательно, творчество, характеризующее трудовую деятельность неразрывно связано с трудовым сознанием личности. Вне трудового сознания нет и не может быть творчества.

Опираясь на слова главы государства отметим, что именно «инновационные проекты призваны обеспечить принципиально иной уровень защиты здоровья граждан, помогать развивать передовые экологические, безопасные технологии строительства жилья и организации общественного транспорта, а также в целом влиять на современный облик экономики и создавать новые сферы для приложения труда и самореализации граждан, в том числе молодежи».

Появление способности к творчеству в процессе развития трудового сознания создает предпосылки для новых качественных изменений субъекта и перехода на новый уровень развития — появления трудового самосознания. На этом этапе у человека появляется способность познать результаты своего труда путем познания результатов труда других, становится возможным анализ собственной деятельности и своего поведения в ней и, как результат предыдущего развития, открываются возможности для самоконтроля и самовоспитания.

Таким образом, высшим этапом развития трудового сознания является трудовое самосознание — состояние внутреннего мира, ко-

гда субъект, с одной стороны, обладает способностью вводить в сферу сознания те или другие представления о трудовой деятельности, а с другой, может давать отчет о происходящих в его сознании явлениях, о смене одних представлений другими, иначе говоря, может анализировать происходящие в нем самом психические процессы.

По мере взросления и развития воспитанника, по мере формирования его трудового самосознания происходит смещение процесса трудового воспитания в процесс самовоспитания и саморазвития.

Вышеизложенное позволяет говорить, что главной целью трудового воспитания является развитие трудового сознания и трудового самосознания.

Трудовое воспитание должно сопровождаться приобщением молодого поколения к такой форме социальной активности как трудовая активность. Социальная активность является частным случаем инициативного воздействия социальных субъектов на окружающую социальную среду и предполагает не только участие в общественной жизни, но и инициативно-творческое отношение к себе и сферам своей социальной жизнедеятельности. В проявлении разных форм социальной активности молодежи отражается специфика, свойственная возрасту, а вовлечение молодых людей в разные сферы общественной жизни необходимо с учетом разных форм ее проявления. Учитывая, что социальная активность молодежи может служить основой для построения более высокого уровня социальной активности, различные ее формы (альтруистическая, досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная и субкультурная) являются ареной отработки социальных навыков, формирования смыслов социальной активности в жизни, постижения ее предназначения в жизни субъекта. На данный момент в науке уже разработаны и апробированы высокоэффективные модели психолого-педагогического сопровождения молодежи при развитии компетентности в проявлении социальной активности.

Трудовая активность молодежи реализуется в доцифровой и информационной цифровой среде. Феномен наложения двух сред «интерференция», «гибридизация» приводит к трансформации как самой активности, так и трансформации субъекта труда.

Трудовое воспитание и компетентностный подход к проявлению трудовой активности должен учитывать перенос уже сформирован-

ных навыков, полученных в доцифровой среде — в цифровую и формирование принципиально новых знаний, трудовых умений, навыков, которые позволят молодежи успешно выполнять свои функции в новой, с точки зрения восприятия, (информационно-цифровой) среде. Как отмечает Э. Ф. Патраков, речь идет о таких знаниях, умениях и навыках, которые заключаются в освоении технологий коммуникации, передачи информации, обработке данных, идентификации рисков (Патраков, 2021).

Развитие виртуального цифрового пространства, искусственного интеллекта и нейросети требует проведения фундаментальных исследований, раскрывающих влияние данного пространства на трудовую активность молодежи, выявления факторов и методов нивелирования влияния виртуального пространства на деструктивное поведение молодежи, трансформацию форм занятости под влиянием реального и виртуального пространства.

Сегодня трудовая активность молодежи, реализуемая в процессе трудового воспитания и самовоспитания в современной социокультурной среде, сопровождается возникновением дополнительных рисков, что диктует необходимость использования технологий риск-менеджмента не только в процессе организации трудовой активности молодежи, но и в процессе ее социальной активности в целом. Сегодня технологии управления рисками носят междисциплинарный характер и могут способствовать формированию и развитию конструктивных форм трудовой активности.

Таким образом, перед Россией встают новые вызовы и угрозы, которые негативным образом сказываются на развитии молодого поколения. Цели, приоритеты и инструменты государственной политики в отношении молодежи диктуют необходимость в новых, долгосрочных ориентирах и инвестициях, ориентированных на молодежные программы, проекты, общественные молодежные объединения.

Стратегия развития, концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов, прогноз социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года рассматривают молодежь как активного субъекта преобразования общества, драйвера развития и лидерства страны. Именно социально активный человек является ценнейшим ресурсом экономического роста и обеспечения благосостояния поколений.

Работа с молодежью сегодня является приоритетной, так как входит в число наиболее важных национально-государственных инте-

ресов. Обеспечение условий для формирования трудового сознания и самосознания необходимо реализовывать по средствам трудового воспитания и формирования компетенции в трудовой активности.

Постоянно учиться, уметь критически оценивать ситуацию, нести ответственность за собственный выбор, решать возникающие проблемы, заботиться о себе и окружающих, а также проявлять творчество и изобретательность невозможно просто без непосредственной вовлеченности в трудовую деятельность. Отсюда возникает острая потребность в разработке методических рекомендаций по формированию компетентности в области трудовой активности молодежи, т. е. описании конкретных инструментов, средств и методов для достижения качественных результатов, которые можно будет достигнуть лишь при условии выделения основных подходов, принципов, форм и технологий формирования трудового сознания в современных условиях.

Литература

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 27.03.2023).

Патраков Э. В. Цифровая трансформация субъекта труда: социальные взаимодействия, концепции, перспективы исследования // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2021. Т. 27. № 2. С. 66–73. doi: 10.34216/2073-1426-2021-27-2-66-73.

Мотивация и самооценка в структуре саморегуляции служебной деятельности сотрудников Росгвардии

Н. М. Учаев (ВлГУ, Владимир), *А. В. Зобков* (ВлГУ, Владимир)

В статье приводится результат анализа личности сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации со стороны ее мотивации и самооценки. Исследование осуществлялось на группе сотрудников ($N = 129$), разделенных на кластеры по критерию успешности. Со стороны мотивационной направленности обнаружены статистически значимые различия между первым и третьим, а также вторым и третьим кластерами. Со стороны выявленной самооценки обнаружены статистически значимые различия между всеми кластерами. Обнаруженные неадекватные формы самооценки, отмечая особенность мотивационно-самооценочной структурной организации сотрудников, указывают на необходимость дальнейшего, качественно-го исследования выявленного феномена.

Ключевые слова: мотивация, самооценка, успешность профессиональной деятельности, войска национальной гвардии, Росгвардия.

В настоящее время геополитическая действительность характеризуется усиливающейся глобальной конкуренцией, что представляет военную угрозу для Российской Федерации. По этой причине, военная политика Российской Федерации в современных условиях направлена на развитие своей военной организации, форм и способов применения Вооруженных сил, других войск и органов, повышение мобилизационной готовности в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации. Выбранное направление развития определяет требования к профессиональной служебной деятельности.

Задачи военнослужащего войск национальной гвардии определены Федеральным законом, «участие в охране общественного порядка, участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом и т. д.» (Федеральный закон от 03.07.2016, № 226-ФЗ), выполнение которых требует наличия от сотрудника ресурсов и способностей к принятию ключевого решения в ситуациях временной неопределенности событий.

По мнению В. А. Зобкова, «психическая регуляция деятельности на уровне личности осуществляется психологическими механизмами самооценки», в свою очередь, «ведущие мотивы (деловые коллективистские или личностно-престижные), занимающие главенствующее положение», являются смыслообразующими в деятельности, что оказывает влияние на регуляцию поведения человека в деятельности (Зобков, 2019).

В этой связи, на наш взгляд, необходимо проводить исследования в сфере изучения личностных компонентов сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации как один из способов обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации.

Эмпирическое исследование проходило на базе ОВО по г. Владимиру – филиал ФГКУ «УВО ВНГ России по Владимирской области». Общее количество испытуемых – 129 сотрудников. Группа была отобрана по следующим критериям: возраст ($M = 31,13$, $SD = 5,39$), стаж службы ($M = 8,15$, $SD = 4,22$), профессиональная принадлежность к должностям младшего начальствующего состава (полицейские со званиями от старшего сержанта полиции до старшего прапорщика полиции).

Цель исследования: изучить особенности мотивации и самооценки сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации в выделенных кластерах и проанализировать различия между ними.

Для получения и анализа данных нами использовались:

- авторская анкета, позволяющая охарактеризовать выраженность объективно-деятельностных проявлений сотрудников по 10-балльной шкале, используемая в контексте данного исследования для разделения сотрудников на кластеры, атрибутом которых выступает качество выполнения служебной деятельности и условного разделения на первую, вторую и третью категории по успешности деятельности соответственно: высокоуспешные, успешные и наименее успешные (Учаев, Зобков, 2022);
- мотивационно-самооценочный опросник (МСО) В. А. Зобкова, позволяющий установить мотивационную направленность личности (лично-престижная мотивация, деловая и коллективистская мотивация) и характеристики самооценки по ее уровню и виду (завышенная, заниженная, с тенденцией к завышению или занижению; адекватная или неадекватная) (Зобков, 1992);
- математико-статистические методы анализа данных (U-критерий Манна–Уитни, критерий согласия Пирсона).

Исследование показало, что первый кластер ($n = 54$; 42% от численности выборки), отнесенный нами ко второй категории по успешности служебной деятельности, включает в себя 33% сотрудников (от численности кластера), обладающих мотивационной направленностью в пределах показателя ($X1 = 67 \pm 3$), что отражает их направленность на дело, на коллектив с адекватным представлением себя и своего окружения. Мотивационной направленностью в пределах показателя ($X1 < 64$) обладают 7% сотрудников (от численности кластера). Такие сотрудники могут адекватно себя представлять, однако деловые и коллективистические качества проявляются на сниженном уровне, появляется личностно-престижная мотивация. Мотивационной направленностью в пределах показателя ($X1 < 70$) обладают 60% сотрудников (от численности кластера). Мотивационная направленность данных сотрудников испытывает влияние завышенной самооценки, тем самым отражая их желание казаться в глазах окружающих лучше.

Согласно уровню выявленной самооценки у данного кластера, следует отметить 22% сотрудников (от численности кластера) с неадекватно заниженной самооценкой ($X2 \geq 46$ и $X3 < 46$), 20% сотрудников (от численности кластера) с несформированной самооценкой ($X2 \approx X3 > 46$) и 58% сотрудников (от численности кластера) с несформированной самооценкой с тенденцией к ее занижению ($X2 \approx X3 > 46$, при этом $X2 > X3$).

В дальнейшем, анализируя последующие кластеры, мы не считаем целесообразным приводить интерпретацию ранее раскрытых уровней мотивационной направленности.

Анализ второго кластера ($n = 39$; 30% от численности выборки), отнесенный нами к первой категории по успешности служебной деятельности показал, что 25% сотрудников (от численности кластера) обладают мотивационной направленностью в пределах показателя ($X1 = 67 \pm 3$), 8% сотрудников (от численности кластера) с уровнем мотивационной направленности в пределах показателя ($X1 < 64$) и 67% сотрудников (от численности кластера) с уровнем мотивационной направленности в пределах показателя ($X1 > 70$).

Исследование самооценки позволило выявить ее уровень у сотрудников, где 10% сотрудников (от численности кластера) с неадекватно заниженной самооценкой, 44% сотрудников (от численности кластера) с несформированной самооценкой, 44% сотрудников (от численности кластера) с несформированной самооценкой с тен-

денцией к ее занижению и 2% сотрудников (от численности кластера) с несформированной самооценкой с тенденцией к ее завышению ($X_2 \approx X_3 > 46$, при этом $X_3 > X_2$).

Третий кластер ($n = 36$; 28% от численности выборки), отнесенный нами к третьей категории по успешности служебной деятельности, включает в себя 58% сотрудников (от численности кластера), обладающих мотивационной направленностью в пределах показателя ($X_1 = 67 \pm 3$), 22% сотрудников (от численности кластера) в пределах показателя ($X_1 < 64$) и 19% сотрудников (от численности кластера) с уровнем мотивационной направленности в пределах показателя ($X_1 > 70$).

Содержание данного кластера, согласно уровню самооценки, следующее: 3% сотрудников (от численности кластера) с неадекватно заниженной самооценкой, 17% сотрудников (от численности кластера) с неадекватно завышенной самооценкой ($X_3 \geq 46$ и $X_2 < 46$), 8% сотрудников (от численности кластера) с несформированной самооценкой, 3% сотрудников (от численности кластера) с несформированной самооценкой с тенденцией к ее занижению и 69% сотрудников (от численности кластера) с несформированной самооценкой с тенденцией к ее завышению.

Проведенный анализ полученных результатов с помощью Мотивационно-самооценочного опросника личности (МСО) В. А. Зобкова позволил сравнить выделенные кластеры и изучить разницу между ними. Для оценки указанной разницы со стороны мотивационной направленности применялся U-критерий Манна–Уитни.

Результаты проведенного математико-статистического анализа можно представить следующим образом: для первого и второго кластера ($p = 0,430$), первого и третьего кластера ($p < 0,001$), для второго и третьего кластера ($p < 0,001$).

Таким образом, проведенный математико-статистический анализ показал наличие статистически значимых различий только между первым и третьим, а также вторым и третьим кластерами. Между первым и вторым кластером со стороны мотивационной направленности не было обнаружено статистически значимых различий.

Для оценки разницы со стороны уровня самооценки применялся критерий согласия Пирсона.

Результаты проведенного математико-статистического анализа можно представить следующим образом: для первого и второго кластера ($p < 0,001$), первого и третьего кластера ($p < 0,001$), для второ-

го и третьего кластера ($p < 0,001$). Таким образом, проведенный математический анализ показал наличие статистически значимых различий между всеми кластерами.

Таким образом, полученные результаты проведенных математико-статистических операций, направленных на выявление различий между кластерами, позволяют говорить о том, что в целом между кластерами со стороны мотивационной направленности и самооценочного уровня существует различия.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что исследуемая группа, обладающая деловой коллективистской мотивацией, обладает потребностью, предметом которой выступают социально приемлемые ценности, цели и средства деятельности. Однако наблюдаемая неадекватная форма самооценки, а именно: несформированная самооценка, с тенденцией к формированию в будущем заниженной самооценки, указывает на специфичный образ отношений этой группы с социальной действительностью.

Мотивация и самооценка, являющиеся центральным «звеном» в структуре отношение/личность, оказывают влияние на личность сотрудника, которая, в свою очередь, определяет свой путь взаимоотношений с действительностью.

Таким образом, выявленное соотношение структуры мотивации и сложившаяся в этой структуре самооценка являются особенностью исследуемой группы сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации. В связи с тем, что самооценка является важнейшей составляющей самосознания человека, в особенности выявленная в проведенном исследовании ее неадекватная форма, позволяет говорить о необходимости дальнейшего качественного изучения существующего соотношения мотивации и самооценки.

Литература

Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

Зобков В. А. Методология личностного развития человека // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер. «Педагогические и психологические науки». 2019. № 38 (57). С. 39–48.

Зобков В. А. Психология отношения и личности учащегося. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992.

Учаев Н. М., Зобков А. В. Объективно-психологические характеристики служебной деятельности сотрудников Росгвардии // Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: ментальное здоровье и условия его сохранения. Сборник докладов по материалам VI Международной межведомственной научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2022. С. 268–272.

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА И ОДАРЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Метакогнитивные предикторы отказа от решения задач*

С. Б. Албакова (ЯрГУ, Ярославль),

И. Ю. Владимиров (ЯрГУ, ИП РАН; Ярославль, Москва)

Существуют ли предикторы отказа от решения задачи? В нашей работе отказ от решения задачи рассматривается с точки зрения метакогнитивных компонентов. Испытуемым были представлены решаемые и нерешаемые задачи с шахматной доской, при этом им сообщалось об априорной вероятности их решения, также подвергался изменению размер задачного пространства. Во время решения отслеживалась динамика оценок испытуемыми субъективной решаемости задачи и эмоционального состояния. В ходе эксперимента мы обнаружили, что априорная вероятность решения влияет на оценку испытуемыми эмоционального состояния. Если задача априорно более решаемая, то испытуемые оценивают свое эмоциональное состояние значительно негативнее, когда не могут решить ее, в сравнении с оценками для задачи, которая кажется менее решаемой.

Ключевые слова: решение задач, отказ от решения, чувство теплоты, эмоции, метакогниции.

Отказ от решения какой-либо задачи – частое, но слабо исследованное явление. В какой момент, по каким причинам человек отказывается от решения задачи. И какие факторы могут предсказать его поведение? В своей работе Андерсон предлагает формулу, которая описывает факторы выбора стратегии решения: $PG-C$, где P – вероятность достижения цели, G – ценность цели, C – усилия, необходимые для достижения цели (Anderson, 1990). Сам Андерсон в этом контексте не упоминал отказ от решения, однако Пэйн и Дагган, анализируя данную закономерность, пришли к выводу, что в момент, ко-

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ, проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798.

гда значение формулы будет близко к нулю, человек откажется от решения (Payne, Duggan, 2011).

В своем исследовании Пэйн и Дагган проверяли гипотезу о влиянии факторов априорной вероятности решения и размера задачного пространства. Стимульным материалом выступали задачи Лачинсов. Априорная вероятность решения задавалась с помощью сообщения испытуемому того, какое количество решаемых и нерешаемых задач ему будет предъявлено, а размер задачного пространства контролировался количеством действий, которые испытуемый мог совершить при решении задачи. Также в ходе решения авторы спрашивали испытуемых об их уверенности в том, что они решат задачу. В результате Пэйн и Дагган обнаружили, что на отказ от решения влияет и априорная вероятность решения, и размер задачного пространства (ibid.).

Основываясь на исследовании Пэйна и Даггана, мы решили проверить наличие выявленного ими феномена и посмотреть, как отказ от решения предсказывается метакогнитивными оценками продвижения и текущим эмоциональным состоянием испытуемого.

Цель данной работы — исследовать взаимосвязь между субъективными метакогнитивными оценками и характеристиками задачи в контексте отказа от решения.

Мы предполагаем, что априорная вероятность решения и размер задачного пространства влияют на отказ от решения задачи, а именно на время отказа от решения, динамику оценок субъективной решаемости и эмоционального состояния испытуемого.

Выборку составили 29 чел. — 25 женщин и 4 мужчины. Все они студенты Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, факультета психологии, в возрасте от 18 лет до 21 года, средний возраст составил 18,4.

В качестве экспериментальной задачи нами использовалась видоизмененная задача «шахматная доска и кости домино»: доска была черно-белой, а для второго условия было увеличено количество «вырезанных» клеток от 2 до 6. Испытуемому в ходе решения было необходимо «замостить» доску плитками, каждая из которых занимала 2 клетки доски.

В эксперименте варьировались две независимые переменные: априорная вероятность решения и размер задачного пространства. Первая переменная выражалась в соотношении решаемых и нерешаемых задач: испытуемый мог решать либо 3 решаемых и 1 нерешаемую, либо 3 нерешаемых и 1 решаемую задачу. Соотношение задач

сообщалось испытуемому в тексте инструкции. При этом первая задача во всех случаях была нерешаемой. Вторая переменная – размер задачного пространства задачи определялся количеством помех в решении: 2 («разреженная») или 6 («плотная»). В дальнейшем размер задачного пространства будет обозначаться как «плотность».

Каждые 30 с проводился мониторинг метакогнитивных компонентов – субъективной оценки решаемости задачи (1 – не решаю, 7 – решаю) и эмоционального состояния (1 – воодушевлен, 7 – угнетен) по 7-балльной шкале.

Эксперимент строился следующим образом: испытуемый получал инструкцию, решал тренировочную задачу, затем приступал к основной серии; основная серия всегда начиналась с нерешаемой задачи, после отказа от решения испытуемый решал еще три задачи, решаемые либо нерешаемые, в зависимости от инструкции.

Аналізу подвергались только результаты решения первой нерешаемой задачи. Для анализа данных использовались процедуры ANOVA и MANOVA.

В отношении времени отказа от решения задач значимых результатов получено не было. Возможно, отличия от результатов Пэйна и Даггана (Payne, Duggan, 2011) связаны с особенностью задач, которые мы использовали. Если задачи Лачинсов не предполагают возможности полной репрезентации условий, то в нашей задаче ее пространство «схватываемо», умпостижимо, что может позволить испытуемым после ряда попыток оценить решаемость. Вероятно, для того, чтобы в дальнейшем получить классический эффект, необходимо будет увеличить и усложнить пространство задачи, чтобы гарантировано превысить емкость рабочей памяти испытуемых.

Для последующего анализа результаты были разделены на этапы: первый, средний и последний. Этапы выделялись в зависимости от времени решения и основывались на мониторинге метакогнитивных оценок (например, если испытуемый решал задачу 6 мин, то всего этапов оценивания было 12; для анализа использовались 1, 6 и 12 этапы, соответственно). Ограничение в 3 этапа было обусловлено тем, что это наименьшее количество этапов, требующееся испытуемым из нашей выборки для отказа от решения. Деление на этапы необходимо для анализа динамики оценок, данных испытуемыми

При оценке решаемости «плотность» и априорная вероятность решения также не оказали значимого влияния. Возможно, наши результаты расходятся с данными Пэйна и Даггана, потому что решате-

ли не всегда учитывают информацию о вероятности решения, опираясь в большей степени на индивидуальную информацию о текущей задаче (Kahneman, Tversky, 1973).

Значимые результаты были получены при анализе влияния рассматриваемых нами факторов на оценку эмоционального состояния, а именно влияние априорной вероятности решения ($p=0,004$). При решении условно решаемых задач испытуемые гораздо негативней оценивают свое эмоциональное состояние на последних этапах, что может быть связано с тем, что, решая задачу, которая кажется с наибольшей вероятностью решаемой, испытуемые сильнее переживают из-за невозможности ее решить.

В результате нашей работы было выяснено, что априорная вероятность решения задачи влияет на оценку эмоционального состояния испытуемого. Наибольшее снижение оценки эмоционального состояния наблюдается для задач, у которых априорная вероятность решения выше.

Литература

- Anderson J. R.* The adaptive character of thought. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 1990.
- Kahneman D., Tversky A.* On the psychology of prediction // *Psychological Review*. 1973. V. 80. P. 237–251.
- Payne S., Duggan G.* Giving up problem solving // *Memory & Cognition*. 2011. V. 39 (5). P. 902–13.

Количественные показатели и оценки в терапевтической работе со сказкой

Д. Ю. Григорьева (Минск, Республика Беларусь),

*Л. Г. Хае*т (Служба помощи, Берлин, Германия),

И. А. Бурганов (Академия искусств Игоря Бурганова, Москва)

В статье изложены методика и результаты количественного исследования процессов и результатов сказкотерапии на примере трансформации участниками русской народной сказки «Маша и медведь». Результаты сопоставлены с социально-демографическими данными участников и результатами их тестирования, выявлены основные латентные факторы, определяющие терапевтическую работу со сказкой.

Ключевые слова: сказкотерапия, количественный подход в психотерапии, квантификация результатов сказкотерапии, факторный анализ в психотерапии, детерминанты сказкотерапии.

Идеи А. В. Брушлинского, 90-летие со дня рождения которого мы отмечаем, во многом опередили свое время. Более 50 лет назад он писал о перспективах использования кибернетики в психологии. Сегодня применение систем искусственного интеллекта в процессах психодиагностики и психокоррекции стало реальностью: для психологической самопомощи используют чат-боты Woebot, MoodKit, CBT Diary, Dbt112. Антипаника, Zigmund.GPT и др. Большинство из них используют методы когнитивно-поведенческой терапии, однако продолжается процесс «обретения кибернетического лица» и другими направлениями психотерапии.

При этом используют такие инструменты искусственного интеллекта, как нейронные сети, принципы работы которых отличаются от принципов мыслительной деятельности человека. Как подчеркивал А. В. Брушлинский, «проблема моделирования... усложняется, когда приходится анализировать модели, не основанные на отношениях изоморфизма (вообще, соответствия)» (Брушлинский, 1970, с. 149).

При этом «кибернетики все больше и настойчивее подчеркивают зависимость кибернетического моделирования мышления от успехов

исследования живого, реального мыслительного процесса» (там же, с. 11). Внедрение кибернетических методов в психотерапии связано с необходимостью развития количественного подхода, методов квантификации показателей, накопления численных данных.

Особенно актуально это в применении к такому направлению, как сказкотерапия (название достаточно условно). В ней количественные и структурные исследования редки, несмотря на то что В. Я. Пропп заложил их основы еще в 1920-х годах (Пропп, 1928). В настоящее время сказкотерапия становится востребованным направлением психологической помощи, объем и широта области ее применения увеличиваются, расширяется использование различных ее модальностей: работа с текстами, изобразительная деятельность, театральное творчество и т. д. (Вачков, 2017; Зинкевич-Евстигнеева, 2000). Существенно вырос интерес, с одной стороны, к классическим, а с другой, к «новым сказкам», отражающим реальность «дивного нового мира» и идеологию глобального доминирования.

Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева рассматривала сказкотерапию как «воспитательную систему, органичную внутренней природе человека» (Зинкевич-Евстигнеева, 2000, с. 3). Однако «границы, отделяющие сказкотерапию от других психологических подходов и направлений, размыты, основные принципы сформулированы недостаточно четко» (Вачков, 2017, с. 9). Объем количественных данных несопоставим с другими направлениями психотерапии, методики и алгоритмы оценивания разработаны недостаточно.

Цель работы: предложить системное описание характеристик и показателей в сказкотерапии, шкал для их оценки и текстовых маркеров, выявить их взаимосвязи.

Экспериментальная часть пилотного проекта выполнена Д. Ю. Григорьевой по запросу участников. Работу проводили дистанционно, используя методики, разработанные для этого ранее. Группа включала 45 участниц (23 женщины из России и 22 – из Республики Беларусь) с различным семейным положением, возрастом 24–58 лет, в основном с высшим образованием. Большинство оценили проделанную работу как лично интересную и полезную.

Исследованные в работе переменные включали данные анкетирования и тестирования участников, а также данные трансформированной участниками сказки и их ответов на вопросы по выполненной работе (аналог пострисуночного опроса в проективной психодиагностике). Участников просили «переписать наоборот» русскую народную

сказку «Маша и медведь», учитывая, что «фантазию определяют сочетанием двух признаков: 1) открытие, создание нового и 2) преобразование образа познаваемого предмета» (Брушлинский, 1970. с. 79).

В работе для каждого из участников фиксировали 68 показателей, после отсеивания 5 показателей с недостаточной величиной дисперсии оставили 63 показателя. Для существенного снижения уровня субъективности оценок применяли известные алгоритмы групповой экспертизы с взаимодействием. Предполагали действие механизма проекции, учитывали феномен установки давать социально одобряемые ответы, а также принципиальную многозначность сочиненных участниками текстов.

Вычисление дескриптивных статистик отобранных переменных позволило установить следующее. По результатам тестирования, выполненного по авторской методике, самооценка участниц была существенно выше средней и выше оценки их партнеров; оценки активности были ниже средней. Свой статус участницы оценивали как средний, а партнеров – как существенно недостаточный.

Степень близости участниц с партнером – ниже средней. Самооценка степени открытости низкая, оценка степени открытости партнера – как очень низкая. Закрытость своя – высокая, партнера – очень высокая (оценивали отдельно от открытости). Парадоксально, что при этом интенсивность коммуникации оценена существенно выше средней. Темперамент и свой, и партнера был оценен как низкий.

Интересно сравнение самооценок с «объективными» оценками результатов деятельности по выполнению сказкотерапевтических заданий. Активность, стеничность участников была достаточно высокой: ответ на каждый из достаточно простых вопросов по выполненной сказке содержал в среднем более 20 слов. Трансформированные участниками сказки включали от 78 до 496 слов, в среднем 244 слова, что подтверждает высокий уровень активности и мотивации участников. Импульс к творчеству был также достаточно силен: в работах участники использовали от 1 до 10 цветов, в среднем 5,3 цвета (сочетание высокой мотивации и креативности).

Разборчивость почерка жителей Республики Беларусь статистически выше, чем жителей России (здесь, возможно, сказался факт проживания большинства российских участниц в Москве и, таким образом, действие «фактора мегаполиса»). Принятие сказки и критическое отношение к ней высказали одинаковое число участниц. Более $\frac{3}{4}$ участниц нашли параллели между сюжетом сказки и собственной биографией.

Двум третям участниц понравился факт обмана мужчины женщиной, что говорит о существенной асимметрии восприятия мира лицами различного пола. Значительное доминирование женщин зафиксировано в 76% сказок, значимость мужских персонажей часто были девальвирована снижением их размера, возраста, статуса, уменьшительными именами и кличками.

Общее число слов и предложений в исследованных текстах характеризовали, прежде всего, стеничность, витальность участников терапии. Высокий уровень этих показателей свидетельствует о высоком уровне активности, жизненной энергии.

Значения психологических характеристик извлекали из текста с использованием методики контент-анализа (Franzosi, 2009). Для их извлечения из текста подсчитывали в нем число текстовых маркеров данной характеристики. При этом объем описания маркеров коррелировал с объемом их упоминания в текстах.

В дальнейшем возможно автоматическое проведение такого анализа с помощью специализированных систем искусственного интеллекта.

В процессе факторного анализа данных методом главных компонент исследовали более 30 вариантов факторных структур для числа факторов от 2 до 8 с критической величиной факторной нагрузки от 0,55 до 0,75 и различными методами вращения осей. Наиболее статистически эффективной и содержательно конструктивной для решения поставленной задачи оказалась структура для 7 факторов, критической нагрузки 0,61 и вращения осей методом Varimax normalised.

Приведенный вариант факторной структуры достаточно эффективен статистически, так как число вторичных (латентных) факторов равно 7 (достаточно велико); суммарная доля объясненной дисперсии – 0,588 (достаточна); общее число учтенных первичных показателей – 22 (достаточно велико); уровень значимости нагрузок – 0,61 (достаточен).

Наиболее сильный – фактор 1 (0,096 от общей дисперсии) – можно назвать «многодетная семья». Такой участник (в порядке снижения значимости) имеет много сиблингов (факторная нагрузка 0,824), в том числе, братьев (0,732), имеет высокий номер по порядку рождения у матери (0,809), использует бумагу меньшего формата (0,715). Предположили, что в многодетной семье доля личного пространства каждого члена семьи ниже, что и обуславливает неосознанное использование листов бумаги меньшего размера.

Фактор 2 назвали «открытость» (0,091). Он включал ширину полей рукописного текста (0,821), самооценку открытости в отношениях с партнером (0,761), способ отделения листа (оторван, а не отрезан – 0,611). Видимо, отрывание бумаги, в противоположность отрезанию, является признаком стремления к тактильным ощущениям, подсознательно связанного с уровнем открытости.

Фактор 3 может быть назван «осознанностью» (0,089). Он включал нагрузки на оценку проделанной работы как полезной (0,682) и самооценку символической близости участницы с ее партнером (0,653). Предположительно, высокая осознанность детерминирует высокие значения указанных показателей.

Фактор 4 – «возраст» – имеет нагрузки на разборчивость рукописного текста (0,754) и использование бумаги из блокнота (0,727) – видимо, когортное влияние; возраст участника (0,656); число детей (0,642), связанное с возрастом (подавляющее число участниц находилось в фертильном возрасте); малое число персонажей сказки (0,640). То есть малое число детей приводит к повышению числа персонажей сказки – это может быть механизмом неосознанной символической компенсации.

Фактор 5 – «самооценка» – включает нагрузки на высокую самооценку (0,708) и оценку партнера (0,871). Ситуация аналогична описанному в трансактном анализе идеальному образу отношений «я – окей, ты – окей».

Фактор 6 – «коммуникация» – включает нагрузки на интенсивность обращений партнера к участнице (0,765), интерес участницы к сказкотерапевтической работе по ее самооценке (0,699) и ее малый рост (0,667). Известно, что скорость реакции (а отсюда и скорость коммуникации) падает с увеличением физических размеров тела.

Фактор 7 – «интенсивность деятельности» – включает нагрузки на продолжительность выполнения задания (0,627), длину предложения в тексте сказки (0,709) и семейное положение (0,614). То есть имеющие семью, в отличие от одиноких, работают быстрее и пишут более длинными предложениями, что может добавить еще один аргумент в пользу защиты традиционных ценностей.

В целом, все 7 выявленных вторичных факторов имели содержательный психологический смысл и в совокупности образовали систему детерминант сказкотерапии, личностных характеристик ее участника.

Выводы

Предложенная система показателей сказкотерапии, методов и шкал их оценки и квантификации достаточно полно и адекватно отображает информацию, получаемую в процессе психологической помощи. Количественный подход на основе описанной методики позволяет повысить качество и полноту процессов диагностики и коррекции.

Проведенная работа путем создания перечней, а затем и системных совокупностей характеристик и показателей, шкал для их оценки и текстовых маркеров, приближает реализацию «кибернетической» психотерапии – опередившей время идеи А. В. Брушлинского.

Литература

Брушлинский А. В. Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970.

Вачков И. В. Введение в сказкотерапию, или Избушка, избушка, повернись ко мне передом... М.: Генезис, 2015.

Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. СПб.: Речь, 2000.

Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.

Franzosi R. Quantitative Narrative Analysis: Quantitative Applications in the Social Sciences). Beverly Hills, CA: Sage, 2009.

Креативные ресурсы лидерства в кризисе: основания дифференциации обучения менеджеров*

В. Г. Грязева-Добшинская (ЮУрГУ, Челябинск), С. Ю. Коробова (ЮУрГУ, Челябинск), Ю. А. Дмитриева (ЮУрГУ, Челябинск), П. С. Глухов (ЮУрГУ, Челябинск), В. А. Глухова (ЮУрГУ, Челябинск)

Актуальность дифференцированного подхода в обучении лидерству связана с активизацией креативных ресурсов менеджеров инновационных проектов в критических ситуациях. Исследуются креативные ресурсы лидерства: индивидуальная креативность (творческое мышление, тип переживания) и социальная креативность (трансформационный стиль лидерства, социальная идентичность). Выборка: 152 менеджера. Методики: опросник MLQ Б. Басса, Б. Аволио; тест Г. Роршаха; технология РОССТЛ В. Г. Грязевой-Добшинской с соавторами. На основе дискриминантного анализа по каждому типу переживания выявлены креативные ресурсы, дифференцирующие «лидеров» и «менеджеров» с разным уровнем трансформационного лидерства. Результаты показывают направления оптимизации обучения лидерству на основе преимуществ «лидеров» каждого типа.

Ключевые слова: креативность, типы переживания, трансформационное лидерство, социальная и персональная идентичность.

Актуальность дифференцированного подхода в обучении менеджеров связана с необходимостью эффективного формирования личностных компетенций, обеспечивающих лидерство в неопределенных, критических ситуациях. Решение этой проблемы значимо для менеджеров инновационных проектов, реализация которых сопряжена с ситуациями неопределенности, напряженности и востребует активизации их креативных ресурсов. Выбор технологии обучения может быть основан на дифференциации и типизации креативных ресурсов лидерства менеджеров инновационных проектов.

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-18-01059 «Универсальные факторы массовой креативности: диагностика на основе методов машинного обучения». URL: <https://rscf.ru/project/23-18-01059>.

В контексте тенденций развития современных исследований творчества необходимо рассматривать ресурсы индивидуальной и социальной креативности в единстве и многообразии их реализации субъектами (Ушаков, 2005; Kim, Pierce, 2013). Креативные ресурсы, обеспечивающие лидерство менеджеров в инновационной деятельности, включают: индивидуальную креативность (творческое мышление, творческий тип переживания и другие личностные свойства), а также социальную креативность (трансформационный стиль лидерства, социально-ролевую идентичность в командной деятельности).

Ресурсы индивидуальной креативности субъектов задают типы переживания как особенности направленности индивидуальности личности. Типы переживания человека определяют варианты взаимодействия отражаемого внешнего мира и рефлекслируемого внутреннего мира и дальнейший выбор вариантов активности (от креативных до адаптивных), вариантов преодоления критических ситуаций. Типы переживания (по Г. Роршаху) дифференцируются на: интроверсивный, с направленностью на интеллектуальную активность, креативность; экстратензивный, с направленностью на эмоциональную реактивность; амбиэквальный, с выраженной креативной направленностью и коартированный, с направленностью на соответствие стандартам. Типы переживания (по Ф. Е. Василюку) дифференцируются по сложности—простоте внутреннего мира и легкости—трудности внешнего мира субъектов на: гедонистический, реалистический, ценностный и творческий; типы переживания опосредуют активность субъектов в критических ситуациях и выбор стратегии их преодоления (Грязева-Добшинская и др., 2016).

Ресурсы социальной креативности менеджеров как лидеров инновационных проектов включают установки на доминирующий трансформационный стиль лидерства. Ресурсы социальной креативности менеджеров задаются структурой социальной идентичности, принятием социальных и персональных ролей, значимых в совместной деятельности.

Цель исследования: выявить особенности креативных ресурсов лидерства в неопределенных, критических ситуациях у менеджеров с разным типом переживания.

Гипотеза исследования: каждый тип переживания включает менеджеров с различными стилями лидерства и специфическими креативными ресурсами индивидуальной и социальной креативности.

Выборка: 152 менеджера инновационных проектов на промышленных предприятиях (109 мужчин, 43 женщины).

Методики

Для диагностики стиля лидерства использовался многофакторный опросник лидерства (MLQ) Б. Басса и Б. Аволио.

Для диагностики типа переживания и личностных свойств менеджеров использовался тест Г. Роршаха (Грязева-Добшинская и др., 2016).

Рассматривались следующие показатели: *Z* – композиционное мышление как способность объединять разнородные элементы, аспекты ситуации; *f* – гибкость мышления как способность по-разному интерпретировать элементы ситуации; *L* – уровень эмоциональной активации; *MFm* – психофизическая активность, энергетика импульсивных действий; *Pop* – индекс реалистичности, стандартности восприятия и понимания действительности; *Og* – индекс оригинальности, способности преодолевать стандарты в продуктивной деятельности.

Типы переживания определялись по соотношению показателей: сумма *M* – уровень интеллектуальной активности, инициативы, способности порождать и предлагать идеи; сумма *C* – уровень эмоциональной реактивности. Варианты соотношения этих показателей определяют типы переживания: экстратензивный (с преобладанием суммы *C*); интроверсивный (с преобладанием суммы *M*); амбивальный (с высокими значениями сумм *M* и *C*); коартированный (с низкими значениями сумм *M* и сумм *C*).

Для диагностики структуры социальной идентичности и ценностей субъектов использовалась технология «Рольевые отношения социальных субъектов с творческими личностями» (РОССТЛ) В. Г. Грязевой-Добшинской, Н. Ю. Бакунчик, В. А. Глуховой, А. С. Мальцевой. Технология РОССТЛ основана на психосемантическом методе Дж. Келли (Грязева-Добшинская и др., 2016).

Субъектам предлагалось из 27 картинок с разными типами современных творческих людей сформировать команду, выбрав 10 образов на рольевые позиции: Я, социальные статусные роли (руководитель-мужчина, руководитель-женщина, заместитель-мужчина, заместитель-женщина), персональные, ресурсные роли (криэйтор, востребованный сотрудник, спасатель в кризисе), роли увольняемых (увольняемый мужчина; увольняемая женщина).

Выбранные на 10 ролевых позиций образы оценивались по биполярным конструктам, создаваемым произвольно из 72 фразеологизмов, выражающих отношение к ценностям: Труд, Познание, Любовь, Игра, Жизнь, Господство, Свобода. Субъекты заполняли репертуарную решетку, в которой 10 элементов (образов людей) оцениваются по 12 биполярным конструктам.

Для обработки данных применялся индивидуальный факторный анализ. Показатели четкости идентификации с ролями рассчитывались на основе результатов факторного анализа как показатели рейтинга (от 10 до 1) в факторе, в который входит Я субъекта (максимальной нагрузке роли присваивалось значение — 10. минимальной — 1). Ценности рассчитывались как сумма конструктов, выбранных субъектами и относящихся к конкретной ценности.

Дизайн исследования

Выборка была разделена на 4 группы по типу переживания: с экстра-тензивным (54 чел.), интроверсивным (15 чел.), амбиэквальным (45 чел.) и коартированным (38 чел.). Каждая группа дифференцировалась на подгруппы по уровню трансформационного лидерства: «лидеров» с высоким уровнем (среднее значение 66,3) и «менеджеров» с низким уровнем (среднее значение 53,6).

Для выявления свойств, дифференцирующих подгруппы «лидеров» и «менеджеров» в пределах каждого типа переживания, проводился дискриминантный анализ.

Результаты

В пределах каждого типа переживания выявлены личностные свойства, дифференцирующие «лидеров» и «менеджеров». Точность дифференциации составила от 97,4 до 99,8%. В скобках указаны коэффициенты стандартизованной канонической дискриминантной функции для каждого показателя, вносящего вклад в дифференциацию.

Вклад в различие «лидеров» и «менеджеров» с экстра-тензивным типом переживания, помимо показателя трансформационного лидерства (1,152), вносят показатель транзакционного лидерства, основанного на договоренностях (–0,320), а также ресурсы идентичности со социальными статусными ролями «Начальник-мужчина» (0,372), «Начальник-женщина» (0,383) и персональной ролью «Кризитор» (0,222).

В дифференциацию «лидеров» и «менеджеров» с интроверсивным типом переживания, наряду с показателем трансформационного лидерства (1,777) существенный вклад вносят личностные показатели – индекс оригинальности (3,212) и эмоциональной активации (–2,585), а также ресурсы идентичности с персональными ролями «Криэйтор» (–4,362), «Востребованный сотрудник» (1,123), «Спасатель в кризисе» (0,852).

«Лидеров» и «менеджеров» с амбиэквальным типом переживания дифференцируют: показатель трансформационного лидерства (1,416), личностные показатели – индекс оригинальности (0,816), показатели интеллектуальной инициативы (–0,690) и композиционности мышления (0,310), экзистенциальные ценности любви (–0,373) и жизни (0,311), а также ресурсы идентичности с социальными ролями «Начальник-мужчина» (0,361), «Заместитель-мужчина» (0,555), «Заместитель-женщина» (0,766), персональную ролью «Востребованный сотрудник» (0,553) и ролью «Увольняемый мужчина» (–0,549).

Вклад в различие «лидеров» и «менеджеров» с коартированным типом переживания вносят, помимо показателей трансформационного (0,513) и транзакционного лидерства (0,306), многие личностные показатели: эмоциональная (1,060) и психофизическая активация (0,965), эмоциональная реактивность (–0,452) и индекс реалистичности (–0,330), композиционность (0,695) и гибкость мышления (–0,445), ценности познания (–1,022), игры (–0,590), а также ресурсы идентичности с ролью «Начальник-женщина» (0,874).

Выявленные креативные ресурсы лидерства, опосредуемые типом переживания, могут стать основой дифференцированного подхода к выбору технологии обучения менеджеров личностным компетенциям, обеспечивающим эффективное лидерство в критических ситуациях. Результаты показывают возможные направления оптимизации обучения лидерству менеджеров через специфику выявленного преимущества «лидеров» в пределах каждого типа переживания.

Многообразие подходов к обучению менеджеров лидерству обсуждается как тренд современного организационного обучения (Аппело, 2018; Гоулман, 2012). Развитие личностных компетенций в этом контексте показывает необходимость учитывать при выборе технологии обучения не только уровень развития организации, но и специфические креативные ресурсы, которые дифференцируют менеджеров и выявляют лидеров с различными потенциалами для обучения.

Литература

- Аппело Ю.* Agile-менеджмент: Лидерство и управление командами. М.: Альпина Паблишер, 2018.
- Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э.* Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Паблишер, 2012.
- Грязева-Добшинская В. Г., Дмитриева Ю. А., Глухова В. А., Мальцева А. С., Глухов П. С.* Ресурсы инновационного лидерства менеджеров: психологический инновационный аудит. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2016.
- Ушаков Д. В.* Современные исследования творчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 53–56.
- Kim K. H., Pierce R. A.* Adaptive creativity and innovative creativity // Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation and Entrepreneurship / Ed. E. G. Carayannis. N. Y.: Springer, 2013. P. 35–40.

ЭЭГ-корреляты инсайтного решения творческих задач научного характера

*Л. А. Дикая (АПП ЮФУ, Ростов-на-Дону),
В. А. Егорова (АПП ЮФУ, Ростов-на-Дону),
Е. А. Мелешенко (АПП ЮФУ, Ростов-на-Дону)*

В работе представлены результаты изучения ЭЭГ-коррелятов инсайт-ного решения творческих задач научного характера. При проведении исследования испытуемым предъявлялись четыре вербальные задачи из методики на научную креативность. В процессе решения данных задач у испытуемых регистрировалась биоэлектрическая активность коры головного мозга с последующим проведением спектрального анализа и ВП. В результате были выявлены изменения нейронной активности во фронтально-париетальной, центральной фронтальной и в левой височной коре головного мозга у участников исследования при инсайтном решении задач в отличие от неинсайтного. Этот результат позволяет заключить об изменении процессов произвольного и непроизвольного внимания, а также смены фокуса внимания при нахождении решения инсайтным путем.

Ключевые слова: инсайт, творческие задачи научного характера, ЭЭГ, спектральный анализ, вызванные потенциалы.

Изучение мозговых коррелятов творческой активности человека стремительно развивается в последние два десятилетия в отечественной и зарубежной нейронауке.

К неотъемлемым компонентам проявления творчества относится инсайт как внезапное нахождение решения творческой задачи, представляющий собой важный этап творческого процесса. В последние годы значительно возрос интерес ученых к изучению психологических закономерностей и нейрофизиологических механизмов инсайта. Исследователями обнаружены мозговые корреляты инсайтного решения творческих задач: правая лобно-центральная и фронтальная области коры мозга, правая передняя верхняя височная извилина (B. R. Sheth, S. Sandkuhler, M. Jung-Beeman).

Несмотря на научный интерес в области изучения нейрофизиологических коррелятов инсайтного решения, а также возрастающий запрос со стороны специализированных образовательных учреждений по подготовке молодых исследователей, специфика мозговой организации решения творческих задач научного характера инсайтным путем остается малоизученной.

Цель исследования – изучить ЭЭГ-корреляты инсайтного решения творческих задач научного характера.

Данные и методы

Методы исследования – электроэнцефалография (ЭЭГ), метод вызванных потенциалов (ВП).

В исследовании приняли участие обучающиеся высших учебных заведений (18–35 лет) в количестве 13 чел. В рамках экспериментальной парадигмы исследования ЭЭГ-коррелятов инсайтного решения творческих задач научного характера было выполнено 13 записей ЭЭГ (схема 10–20; 24 канала).

В качестве функциональных проб участникам исследования предъявлялись четыре вербальные задачи методики Scientific Creativity Test (Hu, Adey, 2002), адаптированные авторами на русский язык. Испытуемым необходимо было придумать как можно больше способов решения каждой задачи. В момент решения задачи испытуемому необходимо было зарегистрировать свой ответ нажатием на соответствующую кнопку в программе. По завершении решения задачи участнику исследования было выделено время для записи найденного ответа. Фиксация инсайтных решений творческих задач проводилась путем самоотчета.

Для анализа записей ЭЭГ для каждого из отведений проводили спектральный анализ в диапазоне частот 0,5–50 Гц с шагом по частоте 5 Гц (спектральное окно – 5 Гц) на основе алгоритма быстрого преобразования Фурье для двух проб: неинсайтное и инсайтное решение задач. В каждом из состояний анализировались 60-секундные эпохи, не содержащие артефактов физической и физиологической природы. Для каждого шага мощность по частотным характеристикам сравнивалась с аналогичными показателями в обеих пробах по всем отведениям при помощи дисперсионного анализа ANOVA. Для анализа записей ЭЭГ для каждого из отведений проводили анализ ВП, которые записывались в течение 1 с до нажатия кнопки, сигнализирующей об осознании идеи участником исследования.

При обработке результатов проводился анализ записей ЭЭГ: вызванные потенциалы и спектральный анализ. Статистический анализ результатов, полученных методом энцефалографии, проводился в MatLab2018a (EEGLAB) при помощи дисперсионного анализа (ANOVA) с повторными измерениями; нулевой точкой выбран момент нажатия на кнопку регистрации ответа.

Результаты и их обсуждение

При анализе вызванных потенциалов, регистрируемых в процессе решения задач инсайтным и неинсайтным способами, были обнаружены статистически значимые различия в центральной и левой фронтальной (Fp1 и Fp2), в левой и правой фронтально-париетальной (F3 и F7), а также в левой височной коре (T3). Во фронтальной коре по отведению Fp1 наблюдаются различия в компонентах N1 (~650–570 мс до предъявления ответа), N2 (~460–350 мс до предъявления ответа) и P3 (~420–250 мс до предъявления ответа). При решении задач инсайтным путем, в отличие от неинсайтного, зафиксировано более длительное выражение компонентов N1 и N2 и их смещение в сторону негативности. Компонент P3 во время решения задач инсайтным путем характеризуется большей амплитудой. В левой фронтальной коре, в случае инсайтного решения задачи, компонент P1 (~560–480 мс до предъявления стимула) появляется позже, чем при не инсайтном способе решения задачи. В левой фронтально-париетальной коре также наблюдается более позднее возникновение компонента P3 (~110–20 мс до предъявления стимула) во время инсайтного решения задачи. В правой фронтально-париетальной коре наблюдается более раннее возникновение компонента P3 (~110–10 до предъявления стимула).

Данные различия можно объяснить актуализацией процессов сознательного внимания и переориентировки внимания (компоненты N1, N2). Различия касаются также и амплитуды компонента P3 во всех отведениях, характеризующейся большей выраженностью в процессе решения задач инсайтным путем, что может отражать степень известности предъявляемого стимула, а также более раннюю стадию обработки информации. Компонент P3 обладает большей выраженностью во время инсайтного решения задачи по сравнению с неинсайтным, что может характеризовать большую степень вовлеченности сознательных процессов контроля восприятия и внимания, более выраженный контроль процессов рабочей памяти при инсайтном решении задачи.

При анализе спектральной мощности ЭЭГ были обнаружены различия по отведениям Fpz, P_{o4}, T₆ в низко- и высокочастотных бета- и гамма-ритмах. Результаты сравнения относительной мощности низко- и высокочастотных бета- и гамма-осцилляций показывают ее достоверно большую выраженность в случае инсайтного решения по сравнению с неинсайтным решением.

В литературе описана важность бета-активности при решении когнитивных задач и операций, однако больший интерес вызывает роль взаимодействия высоко- и низкочастотного бета-ритма при в задачах с вознаграждением. Несмотря на отсутствие внешнего вознаграждения в дизайне нашего исследования, высокочастотный бета-ритм более выражен при получении положительного результата с низкой вероятностью, что исследователи обычно связывают с неожиданным вознаграждением (Hosseini et al., 2012). Локализация регистрируемой нами бета-активности в отведениях P_{o4} и T₆ подтверждает роль описанных явлений в процессах, связанных с эмоциональным откликом при решении задач.

Высокочастотная и низкочастотная гамма-активность в случае инсайтного решения задач оказалась достоверно более выраженной по сравнению с неинсайтным. Выраженность гамма-осцилляций описывается научной литературе в ситуациях необходимости максимального сосредоточения внимания. Ряд авторов связывает проявление гамма-активности с работой сознания, описывая значение синхронизации работы нейронов в гамма-частотном диапазоне для формирования когерентного единого восприятия (Buzsaki, 2006). Так, гамма-осцилляции с частотой ~40 Гц, наблюдаемые нами по отведению Fpz, что в литературе описывается как необходимый компонент для реализации сознательного зрительного восприятия (Gold, 1999). В литературе описывается роль 40 Гц колебаний в процессе познания окружающего мира и формирования единой картины восприятия. Таким образом, наши результаты позволяют заключить о синхронизации нейронной активности для отбора релевантной для восприятия и дальнейшей обработки информации. Роль фиксируемой нами активности может заключаться в формировании ассоциаций и апелляций к памяти для формирования ассоциаций, вызванных зрительными стимулами, с информацией от других представительств, что может происходить на сознательном и бессознательном уровнях психической деятельности (Baldauf, Desimone, 2014).

Заключение

Таким образом, инсайтное решение творческих задач научного характера отличается изменением нейронной активности в центральной фронтальной коре, правой и левой фронтально-париетальной коре и в левой височной коре головного мозга, что отражает изменение процессов произвольного и непроизвольного внимания и его переориентировки. Также мы обнаружили паттерны ЭЭГ-активности, свидетельствующие о повышении сознательной обработки информации при инсайтном решении творческой задачи научного характера.

Полученные нами результаты анализа биоэлектрической активности коры головного мозга согласуются с гипотезой о таламозависимой синхронизации нейронной активности с целью отбора релевантной для восприятия и дальнейшей обработки информации. Роль фиксируемой нами активности может заключаться в формировании ассоциаций и апелляции к памяти для формирования связи, вызванной зрительными стимулами, с информацией от других представителей, что может происходить на сознательном и бессознательном уровнях психики. Результаты согласуются с выводами других исследователей, описывающих получение эмоционального поощрения при решении задач инсайтным путем. Паттерн бета-осцилляций, фиксируемых нами при инсайтном и неинсайтном путях решения задачи, аналогичен паттерну неожиданного поощрения. С учетом дизайна исследования, не предполагающего внешнее поощрение, мы подтверждаем выводы исследователей о внутреннем поощрении через ощущение положительных эмоций при инсайтном решении задачи и подтверждаем верность нашего способа определения проб, которые были отнесены к группе решений задач инсайтным путем.

Литература

- Baldauf D., Desimone R.* Neural Mechanisms of Object-Based Attention // Science. № 344. P. 424–427.
- Buzsaki G.* Rhythms of the brain. N. Y.: Oxford University Press, 2006.
- Gold I.* Does 40-Hz oscillation play a role in visual consciousness? // Consciousness and Cognition. 1999. V. 8 (2). P. 186–195.
- Hosseini A., Rodriguez-Fornells A., Marco-Pallés J.* The role of beta-gamma oscillations in unexpected rewards processing // Neuroimage. 2012. V. 60 (3). P. 1678–85.
- Hu W., Adey P.* A scientific creativity test for secondary school students // International Journal of Science Education. 2002. V. 24. P. 389–403.

Особенности узнавания зловещих лиц*

В. Д. Илюшичев (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль),

А. А. Курицын (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль),

А. В. Чистопольская (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

В оригинальном эссе Масахиро Мори «Зловещая долина» описывается феномен ощущения негативных эмоций при взаимодействии с искусственным агентом, обладающим высокой степенью сходства с человеком. В том же эссе не было предложено возможных объяснительных моделей для этого эффекта. В дальнейших исследованиях одной из самых популярных идей стала гипотеза об эволюционном происхождении зловещей долины. Согласно ей, корни эффекта лежат в механизме избегания патогенов, который заключается в негативном отношении к представителям своего вида с проявлениями болезни. Также работа системы избегания патогенов предполагает снижение внимания, уделяемого «зловещему» стимулу. В нашей работе мы представляем проверку этой идеи на материале задачи на узнавание лиц.

Ключевые слова: «зловещая долина», узнавание лиц, система избегания патогенов, зрительное внимание, восприятие лиц.

В начале XX в. японский инженер Масахиро Мори описал феномен резкой негативной реакции в ответ на восприятие искусственного агента, внешность которого близка к человеческой. В своей работе «Зловещая долина» он приводит график, описывающий интенсивность и валентность эмоций, индуцируемых рядом искусственных стимулов от совершенно не напоминающих человека до реалистичных человекоподобных роботов (Mori, 1970). Эмоциональная оценка, постепенно увеличивающаяся по мере увеличения человекоподобия, в определенный момент резко падает, этот спад на графике и получил название «Зловещей долины». Концепция зародилась исключительно как эвристика для практической деятельности, и, как следствие, долгое время в ней фактически не уделялось внимания возможным объяснительным механизмам. С ростом интереса к проблеме нача-

* Исследование выполнено в рамках проекта МК-495.2022.2.

ло появляться все больше академических работ, ставящих целью поиск объяснительных механизмов эффекта. Один из вариантов объяснения предлагает эволюционная гипотеза, полагающая, что эффект «Зловещей долины» возникает в результате активации системы избегания патогенов (Steckenfinger, 2009). Предполагается, что эта система интерпретирует механические черты «зловещего» объекта как черты болезни и запускает негативную эмоциональную реакцию. Также авторы считают, что при срабатывании системы меньшее внимание уделяется «зловещему» объекту, что в их работе операционализируется через время фиксации взгляда на нем. Мы предполагаем, что это снижение внимания совместно с тратой когнитивного ресурса на работу системы избегания патогенов будет существенно снижать успешность запоминания зловещих лиц.

Методика

В качестве стимульного материала использовались изображения, разделенные на три группы: «необычные» лица, «зловещие» лица и типичные лица. Все изображения взяты из открытых баз данных, в группе «зловещих» лиц находились изображения, отобранные методом экспертных оценок. Для каждой группы лиц использовалось по 40 изображений. В основной серии испытуемым предлагалось выполнить задание на узнавание изображений. Эксперимент проводился в программе PsychoPy v. 2.0, стимулы предъявлялись на экране с частотой обновления 60 Гц. Эксперимент состоял из трех этапов для каждой из групп стимулов: запоминание, перерыв, узнавание. На этапе запоминания время предъявления стимула составляло 3000 мс, стимулы разделялись фиксационным крестом, также предъявлявшимся на 1000 мс. Затем следовал перерыв, длившийся 3 мин. После перерыва проходила серия узнавания, стимулы предъявлялись на неограниченное количество времени, испытуемый сообщал, видел ли он стимул в предыдущей серии, нажатием на клавишу.

Гипотеза. Скорость и точность узнавания «необычных» лиц будет значительно выше, чем у «зловещих» и типичных. «Зловещие» лица будут узнаваться с меньшей скоростью и точностью, чем типичные.

Выборка. В исследовании приняли участие 20 студентов ЯрГУ им. П. Г. Демидова (средний возраст – 19,85; SD = 1,27). Все испытуемые имели нормальное или скорректированное до нормально-го зрение.

Результаты

Для статистической обработки результатов был использован критерий χ^2 с поправкой Йетса. Были обнаружены значимые различия в успешности узнавания необычных лиц, доля правильного узнавания которых превышает долю правильного узнавания как типичных лиц ($\chi^2 = 21,193$, $p < 0,001$), так и «зловещих» лиц ($\chi^2 = 36,398$, $p < 0,001$). Успешность узнавания «зловещих» лиц не отличается от типичных. При этом тип лица не оказывает влияния на скорость узнавания изображений.

Выводы

В результате проведенного эксперимента наша гипотеза была частично подтверждена: необычные лица значимо отличаются от «зловещих» и типичных по точности узнавания, но не по его скорости. Мы считаем, что полученные данные говорят о меньшей сложности обработки необычных лиц, за счет чего их узнавание оказывается более успешным. Отсутствие различий между группами «зловещих» и типичных лиц может подтверждать идеи Карп и коллег (Carp et al., 2022), показавших, что внимание, уделяемое искусственным лицам, не ниже, чем уделяемое естественным. Полученные нами результаты могут указывать на отсутствие влияния эффекта «зловещей долины» на процессы внимания и узнавания лиц.

Литература

- Carp S. B., Santistevan A. C., Machado C. J., Whitaker A. M., Aguilar B. L., Bliss-Moreau E. Monkey visual attention does not fall into the uncanny valley // *Scientific Reports*. 2022. V. 12 (1). P. 1–12.
- Mori M. Bukimi no tani [the uncanny valley] // *Energy*. 1970. V. 7. P. 33–35.
- Steckenfinger S. A., Ghazanfar A. A. Monkey visual behavior falls into the uncanny valley // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009. V. 106. № 43. P. 18362–18366.

Влияние эмоций на протекание инсайтного решения. Исследование на материале условно инсайтных задач

Н. П. Кириллова (ЯрГУ, Ярославль), И. Ю. Владимиров (ИП РАН, Москва)

Могут ли эмоции повлиять на процесс протекания решения? Известно о влиянии на процесс решения инсайтных задач. В нашем исследовании мы рассматриваем, будет ли эта закономерность наблюдаться на инсайтном решении, инсайтность которого определяется с помощью установочной серии. Мы проверяем предположения Э. Айзен о том, что положительные эмоции сокращают время решения критической задачи (Isen et al., 1987). Также нами проверяется предположение о том, что положительные эмоции снижают и субъективную оценку инсайтности критической задачи. По результатам исследования мы можем говорить о том, что положительные эмоции ускоряют инсайтное решение и снижают его субъективную инсайтность, что может быть связано с влиянием эмоций на работу когнитивных процессов, обеспечивающих инсайтное решение.

Ключевые слова: инсайт, индукция эмоций, решение задач, установочная серия, критическая задача.

На сегодняшний день проблема механизмов инсайтного решения является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых в современной психологии мышления. На наш взгляд, возникновению инсайтного решения предшествует возникновение неверной репрезентации задачи, в ходе которой человек фиксируется, заходит в тупик, а преодоление тупика сопровождается непосредственно инсайтной реакцией.

Еще одной центральной проблемой психологии является взаимосвязь эмоциональных и мыслительных процессов. Очевидно, что эмоции имеют сильное влияние на наше поведение, мышление и иные когнитивные процессы. Совершенно логично возникает вопрос — как настроение может повлиять на наше мышление, в том числе и на процесс решения задач? Может ли настроение облегчить или усложнить процесс решения? Существует ряд исследований, направленных на изучение влияния эмоций на различные когнитив-

ные процессы. Данные, полученные в ходе экспериментов, имеют очень противоречивый характер.

Одна из первых теоретических идей о влиянии эмоций на внимание была представлена Дж. Истербруком (Easterbrook, 1959). Согласно его теории использования подсказок, сильно возбуждающие отрицательные эмоции, такие как страхи, тревога, должны привести к сужению диапазона обрабатываемых признаков. В результате производительность должна снижаться или повышаться, в зависимости от характера задания. Соответственно, в таких условиях должно улучшаться селективное внимание, поскольку периферийные стимулы игнорируются более эффективно. Б. Фредриксон говорила об обратном влиянии положительных эмоций (увеличивают фокус внимания, дают доступ к отдаленным ассоциациям) (Fredrickson, 1998).

Обратным действием обладают положительные эмоции. В серии исследований американский психолог Э. Айзен обнаружила, что положительные эмоции вызывают у испытуемых расширение, приводят к низкочастотным ассоциациям, усиливают креативность и влияют на целый ряд когнитивных процессов (Isen et al., 1987). Эти результаты косвенно свидетельствуют о том, что положительные эмоции расширяют поле внимания испытуемых.

Целью нашей работы является изучение влияния эмоций на протекание инсайтного решения.

Основные *гипотезы* нашего исследования:

1. Положительные эмоции сокращают время решения критической задачи.
2. Положительные эмоции снижают субъективную оценку инсайтности критической задачи.

Методика

В качестве стимульного материала использовались адаптированные задачи Лачинсов на переливания. Испытуемому предлагалось решить 8 установочных задач, решаемых по одному принципу. Последняя 9 задача являлась критической: она решалась единственным, более простым, верным способом. Таким образом, формировалась установка, а последняя задача разрушала ее, тем самым преодоление тупика сопровождалось инсайтными переживаниями. Сложность изучения механизмов формирования и разрушения фиксированности

во многом обусловлена подбором метода, подходящего под цели и задачи исследования. Дело в том, что формирование фиксированной схемы решения является скрытым как от решателя, так и от экспериментатора процессом. На наш взгляд, оптимальным способом для изучения формирования фиксированности является введение специальных адаптированных опросников А. Данек и Дж. Вайли (Danek, Wiley, 2017).

После решения установочной серии, испытуемый смотрел одно из трех эмоционально окрашенных видео, которое предъявлял ему экспериментатор. Видео было либо положительного, либо нейтрального, либо негативного оттенка. После просмотра испытуемому предлагалось решить критическую серию.

После решения критической задачи испытуемым необходимо было вспомнить свои чувства, которые они испытали во время решения последней задачи, и оценить 7 высказываний. Опросник включал следующие шкалы:

- 1) наличие «озарения», «ага-переживания»;
- 2) удовольствие;
- 3) удивление;
- 4) внезапность;
- 5) облегчение;
- 6) отсутствие сомнений;
- 7) азарт.

Выборка составила 51 чел. в возрасте от 18 до 24 лет (12 мужчин и 39 женщин).

Результаты и их обсуждение

Время решения критической задачи зависит от характера индуцированной эмоции и значительно различается. При индукции положительной эмоции оно минимально, при индукции негативной – максимально ($F(16, 225) = 2,199, p = 0,006$). Данные подтверждают первую гипотезу нашего исследования. Объяснений такому результату может быть несколько: положительные эмоции расширяют фокус внимания и поэтому мы можем актуализировать далекие ассоциации, найти нешаблонное решение (Easterbrook, 1959; Fredrickson, 1998); положительные эмоции способствуют повышению гибкости и увеличивают доступ к информации, хранящейся в памяти (Isen et al., 1987).

Наша вторая гипотеза о том, что положительные задачи решаются менее инсайтно, подтверждается частично. При любом воздействии на испытуемых решение сопровождается инсайтными переживаниями, т. е. все шкалы опросника Данек переходят отметку выше 50 (из 100 возможных) баллов. Однако оценка инсайтности при положительном воздействии оказывается ниже, чем при любом другом воздействии.

Таким образом, на основе проведенного нами исследования мы можем утверждать, что эмоции влияют на протекание инсайтного решения.

Показанный нами эффект облегчения инсайтного решения при положительном эмоциональном переживании и затруднения при негативном может объясняться изменением работы обслуживающих решение когнитивных процессов. Мы предполагаем, что это связано с тем, что валентность эмоций может оказывать влияние на функционирование внимания и памяти и в случае положительной валентности облегчать доступ к нестандартным вариантам решения.

Оценка инсайтности при положительном воздействии оказывается ниже, чем при любом другом воздействии. Однако при любом воздействии на испытуемых решение все равно оценивается инсайтными переживаниями. Данный феномен может объясняться тем, что эмоциональное воздействие на испытуемых было недостаточно сильным, чтобы сформировать нужное эмоциональное состояние.

Нами показано, что решение условно инсайтных задач при эмоциональном воздействии на решателя подчиняется тем же закономерностям, что и решение настоящих инсайтных задач.

Литература

- Danek A. H., Wiley J.* What about false insights? Deconstructing the Aha! experience along its multiple dimensions for correct and incorrect solutions separately // *Frontiers in Psychology*. 2017. V. 7. P. 2077.
- Easterbrook J. A.* The effect of emotion on cue utilization and the organization of behavior // *Psychological review*. 1959. V. 66. V. 3. P. 183–201.
- Fredrickson B. L.* What good are positive emotions? // *Review of General Psychology*. 1998. V. 2. № 3. P. 300–319.
- Isen A. M., Daubman K. A., Nowicki G. P.* Positive affect facilitates creative problem solving // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. V. 52. № 6. P. 1122–1131.

Досуговая вовлеченность и успешность обучения у студентов с разным профессиональным профилем

Т. С. Князева (ИП РАН, Москва)

Досуговая вовлеченность студентов, содержательно не связанная с учебой, в большинстве современных работ рассматривается как негативный фактор успеваемости. В настоящем исследовании на примере музыкальной вовлеченности студентов немusикальньх вузов ($N = 136$) проверялось предположение, что вовлеченность в сочетании с такими факторами, как общий интеллект и предметная область обучения, может приводить как к повышению, так и к снижению успешности учебной деятельности. В группе гуманитариев наблюдается нелинейная зависимость: наилучших учебных показателей добиваются студенты с промежуточным уровнем вовлеченности. В группе «точных» профессий связь линейна и отрицательна. Полученные данные интерпретируются с позиций современных моделей интеллекта и предметно-ориентированных моделей знаний.

Ключевые слова: музыкальная вовлеченность, учебная успешность, общий интеллект, профиль обучения, модели интеллекта, модели знаний.

Многие психологические исследования направлены на выявление предикторов академической успеваемости и в качестве основных детерминант выделяют интеллект и усилия. Интеллект выступает как необходимое условие академических достижений, значимость которого варьирует в зависимости от уровня сложности выполняемой учебной деятельности, в то время как мотивация является движущей силой, выполняющей функции побуждения, направления и регуляции поведения. Измерение учебной вовлеченности студентов в настоящее время обсуждается как инструмент оценки качества российского высшего образования и является одним из наиболее актуальных направлений исследований в психологии образования (Малошонок, Вилкова, 2022). Рассмотрение учебной мотивации как системы переменных, предполагает анализ не только мотивов

релевантных учебной деятельности, но и тех аспектов мотивационного поведения, которые напрямую не связаны с предметным содержанием учебы. Как указывает ряд авторов, недостаточная мотивация к учебе может быть обусловлена не столько несформированностью собственно мотивов учения, сколько сформированностью образований, имеющих по отношению к ней «антимотивационную» направленность (например: Карпова, Рябова, 2015). В перечень антимотивационных детерминант учебной деятельности наряду с пластом личностных качеств относят и досуговую вовлеченность. Но всегда ли она имеет негативное влияние на учебу и конкурирующее отношение с учебной вовлеченностью? Остается неясным, в какой степени внеучебная досуговая активность студентов – «антивовлеченность» – влияет на обучение и какие факторы могут опосредовать это взаимодействие.

В нашем исследовании в качестве внеучебной вовлеченности была выбрана музыкальная вовлеченность, поскольку, во-первых, она является одной из самых распространенных среди студенческих хобби и, во-вторых, существует апробированная методика для ее диагностики, в отличие от большинства других видов досуговой активности (Князева, 2018).

В понимании возможных механизмов связи студенческой успешности обучения и музыкальной вовлеченности, нерелевантной учебной деятельности мы опирались на положения моделей интеллекта и моделей предметно-специфических знаний (Р. Кеттелл, Д. Ушаков, Э. Рольфхус, Р. Акерман; М. Руше, М. Зиглер, В. Шредерс и др.). В соответствии с общепринятыми инвестиционными теориями, интересы и увлечения описываются как инвестиционные черты, определяющие, когда, где и как люди вкладывают интеллект, время и усилия в приобретение знаний. С этих позиций процесс вовлеченности в одну область может быть отрицательно связан с приобретением знаний в другой. Однако при наличии значительного интеллектуального ресурса овладение знаниями может происходить без ущерба одновременно в нескольких областях. Альтернативность (близость/дальность) предметных областей, в которых осуществляются познавательные активности, является значимым фактором.

Основной вопрос исследования касался отношения между успеваемостью и музыкальной вовлеченностью на разных уровнях фактора «флюидный интеллект» в группах с различной профессиональной специализацией.

Выборка состояла из участников-добровольцев, студентов средних и старших курсов немзыкальных вузов ($N = 136$; 78,3% женщины), которые были распределены на три группы. В первую и вторую группу гуманитариев вошли «психологи» ($n = 44$) и «филологи» ($n = 42$). Третья группа, «точные» ($n = 50$), объединила студентов негуманитарного профиля, в нее включены математики, программисты, инженеры и студенты с научно-естественной специализацией.

Оценка музыкальной вовлеченности проводилась с помощью шкалы «активная вовлеченность» (active engagement) методики Gold-MSI v. 1.0 (адаптация Т. С. Князевой). Пункты шкалы охватывают ряд активных форм музыкального поведения, например, таких, как поиск информации, связанной с музыкальными интересами, посещение музыкальных мероприятий, выделение времени и денег на музыкальную деятельность и др. Для диагностики флюидного интеллекта использовались Продвинутое Прогрессивные матрицы Дж. Равена. В качестве показателя успешности обучения в вузе использовался средний балл студенческой успеваемости по специальным предметам.

Полученные в результате поддерживают исходные предположения исследования. Была выявлена специфика отношения показателей в группах участников с разной профессиональной специализацией. В целом на низких уровнях фактора интеллекта с ростом вовлеченности успеваемость значимо ухудшалась независимо от групповой принадлежности, т. е. для студентов с невысоким интеллектуальным ресурсом учеба представляет достаточно трудную интеллектуальную деятельность и уменьшение концентрации на учебе приводит к падению успеваемости. Интересные данные получены на высоких уровнях фактора «флюидный интеллект» в группе гуманитариев: связь между вовлеченностью и успеваемостью нелинейна, но хорошо аппроксимируется квадратичной зависимостью. Например, у филологов на высоком уровне интеллекта в случае линейной регрессии величина коэффициента детерминации (R^2) равна 0,015, а для квадратичной регрессии R^2 увеличивается до 0,509, модель становится значимой. Наилучших показателей добиваются те студенты-гуманитарии, чей уровень музыкальной вовлеченности является промежуточным. До определенного уровня учебные результаты улучшаются, умеренная музыкальная вовлеченность оказывает развивающий эффект и положительно сказывается на решении учебных задач, но при превышении некоторого порога, активность музыкального поведения начинает оказывать деструктивное влияние на учебу и приводит к падению

успеваемости. В группе «точных» профессий применение квадратичной модели не приводит к улучшению результатов: на обоих уровнях фактора «интеллект» с ростом музыкальной вовлеченности происходит ухудшение успеваемости. Связь между переменными отрицательна и адекватно описывается линейной моделью (на низком уровне $F = 24,41$; $p = 0,000$; на высоком уровне $F = 56,13$; $p = 0,000$). Малый r -уровень для регрессионных уравнений свидетельствует о высокой статистической достоверности полученных результатов.

Несовпадение результатов у студентов с разной профессиональной специализацией заставляет подозревать, что механизмы влияния музыкальной вовлеченности на успеваемость в группе гуманитариев иные, чем в группе «точных». Возможно, причина наблюдаемых закономерностей связана со структурой хранения предметного знания, что соответствует исходным предположениям. Так, улучшение успешности обучения у гуманитариев при средних значениях вовлеченности может происходить в силу частичного перекрытия предметных областей, которые близки друг другу в номологической сети знания и относятся к общему домену — единому гуманитарному пространству. Согласно современным моделям знаний, музыка и филологическое знание входят в гуманитарный домен, в то время как точные и естественные науки относятся к домену естественных наук. Умеренная музыкальная вовлеченность в группе гуманитариев является дополнительным фактором, мобилизация которого приводит к повышению эффективности учебного процесса. Баланс в соотношении учебной и музыкальной вовлеченности положительно влияет на результативность обучения, на решение учебных задач в гуманитарной области. В группах «точных» результаты объясняются большей удаленностью научно-технической и музыкальной предметных областей, их принадлежностью к разным доменам. В случае точных профессий нельзя исключить дополнительного влияния социально-личностных факторов. Возможно, что система требований, предъявляемых к студентам «точных» специализаций, и используемых критериев при оценке их достижений предполагает необходимость большей концентрации на учебе и задействования интеллектуальных ресурсов по сравнению с гуманитариями. Как показывают многочисленные социологические опросы, направленные на анализ причин студенческого отсева, студенты технических вузов испытывают серьезные затруднения с обучением. Причинами затруднений в обучении наибольшее число опрошенных называют высокую

сложность или даже недоступность изучаемого материала и слабую школьную подготовку (например: Смык и др., 2019).

Психологические исследования учебной вовлеченности на сегодняшний день малочисленны, а случаи изучения антивовлеченности единичны. На примере музыкальной вовлеченности подтверждено, что досуговая активность значима для прогноза студенческой успеваемости и ее можно отнести к факторам, обуславливающим дифференциацию студенческих учебных траекторий. Результаты свидетельствуют о сложной системе отношений, существующих между успешностью обучения и внеучебной вовлеченностью. Рассмотрение этого отношения с учетом факторов общего интеллекта и предметной области обучения существенно дополняет и проясняет литературные данные, демонстрирующие в основном нулевые и негативные связи. В зависимости от интеллекта и предметной области обучения вовлеченность может приводить как к повышению, так и к снижению результативности учебной деятельности. В целом исследование расширяет представление о факторах успешности обучения, вносит вклад в понимание того, как приобретаются и хранятся знания. Результаты работы свидетельствуют о перспективности изучения такой мотивационной подсистемы как внеучебная вовлеченность.

Литература

- Карпова Е. В., Рябова А. Ю.* Особенности генезиса антимотивации в учебной деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-genezisa-antimotivatsii-v-uchebnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 10.01.2023).
- Князева Т. С.* Диагностика музыкальности с помощью Gold-MSI-опросника в контексте потребностей музыкального образования // Вестник кафедры ЮНЕСКО Музыкальное искусство и образование. 2018. № 1. С. 50–65.
- Малошонок Н. Г., Вилкова К. А.* Измерение учебной вовлеченности студентов как инструмент оценки качества российского высшего образования: информационный бюллетень. М: НИУ ВШЭ, 2022.
- Смык А. Ф., Прусова В. И., Зиманов Л. Л., Солнцев А. А.* Анализ масштаба и причин отсева студентов в техническом университете // Высшее образование в России. 2019. № 6. С. 52–62.

ИмPLICITНЫЕ теории креативности испытывают вклад от стороны самооенок интеллекта и креативности, но не интеллекта

Т. В. Корнилова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),

М. А. Чумакова (НИУ ВШЭ, Москва),

В. А. Савельева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Целью работы стало установление вкладов в имPLICITные теории креативности (ИТК) интеллекта и самооенок интеллекта и креативности (СОИ и СОК), что конкретизирует идею о единстве интеллекта и аффекта. Уже имеет историю выявление связей интеллекта с верхними уровнями самосознания личности (самооценками, Я-концепцией); актуальным становится установление связей с имPLICITными теориями, соотносимыми с нижними – «бытийными» слоями. На студенческой выборке (n = 244, из них 203 женщины) применялся опросник ИмPLICITные теории креативности (Павлова, 2014), интеллектуальная тестовая батарея ICAR и процедуры прямых самооенок. Флюидный интеллект выступил предиктором СОИ, а вербальный – предиктором СОК. В отличие от СОИ СОК не связана с интеллектом. Но оба вида самооенок выступили предикторами ИТК.

Ключевые слова: имPLICITные теории креативности, самооенки интеллекта и креативности, вербальный и флюидный интеллект.

ИмPLICITные Теории (ИТ), или Lay Theories, понимаются как частично осознанные представления о различных явлениях, которые на основе складывающихся внутренних схем (например, таситного знания) задают возможные диапазоны восприятия качеств человека или ответных реакций субъекта на конкретное событие и отношения к конкретным ситуациям. ИмPLICITная теория – не теория в научном смысле, но сложившийся в индивидуальном опыте набор житейских представлений об интеллекте, личности или других качествах людей. ИмPLICITные теории интеллекта – житейские представления об интеллекте, противопоставляемые Р. Стернбергом эксплицитным теориям, формулируемым профессионалами. ИТ эмоций отража-

ют житейские представления человека о том, помогают или мешают эмоции в достижении целей и может ли человек управлять своими эмоциями. ИмPLICITные теории креативности – ИТК – отражают неявные (глубинные) представления человека о творчестве и собственном диапазоне возможных творческих достижений.

В настоящее время в исследованиях неявных теорий развивается традиция разделения на инкрементальные (предполагающих развитие свойства) и константные ИТ, восходящая к работам К. Двек, которая также перешла к термину убеждения (установки) или стиля мышления – *mindset* (Dweck, 2006).

ИТК не сводятся к Я-концепции креативности, поскольку направлены и на других лиц; не полностью охватываются уровнем самооценок. Другое их название – *Creative mindsets* (Karwowski, 2014).

Хотя продолжается обсуждение, являются ли *mindset* о креативности константными или поддающимися изменению (росту), эмпирически показано, что гибкий взгляд на творчество, отражаемый инкрементальными ИТ, влияет на творческие достижения (при опосредствующей роли творческой мотивации – Li et al., 2020).

При самоотчетных методиках трудно отделить ИТК от социальных представлений и самооценок креативности. Но об этом можно судить на основе выявления дифференцированных вкладов разноразноуровневых переменных в ИТК.

Опросник «ИмPLICITные теории креативности» («КИТ») был построен Е. М. Павловой на основе определений креативности респондентов, получающих психологическое образование (Павлова, 2014). Были установлены четыре области ИТК: 1) оригинальность – ориентация на поиск оригинальных решений; 2) творческий потенциал (представление о творчестве как реализации своего интеллектуального и личностного потенциала); 3) стремление к новизне и принятие неопределенных ситуаций; 4) активность (творчество как способность, проявляющаяся в определенных видах деятельности и общения). Наши исследования показали, что процесс самооценки творчества основывается как на ИТК, так и на принятии неопределенности, вызванной неоднозначностью как критериев креативности, так и критериев самооценки.

Можно предполагать, что самооценки интеллекта и креативности, с одной стороны, и имPLICITные теории интеллекта и креативности – с другой, функционируют на отличающихся уровнях самосознания личности. ИТ можно соотносить с «бытийными слоями»

(по В. П. Зинченко), а самооценки — с более осознаваемыми верхними слоями, куда относят Я-концепции (включающие и когнитивные, и эмоционально-личностные, в частности ценностные, компоненты). Самооценка творчества часто рассматривается как источник творческой активности и как компонент саморегуляции; но в этих аспектах могут рассматриваться и ИТК.

Устанавливались неоднозначные связи креативности с интеллектом, положительные связи интеллекта с самооценками интеллекта. Самооценки интеллекта (в частности, в исследованиях нашей группы и группы А. Фернхема) на различных выборках продемонстрировали значимые, но умеренные по величине корреляции с показателями психометрического интеллекта. Однако неизвестно, как интеллект связан с ИТК и можно ли говорить о дифференцирующих вкладах прямых самооценок интеллекта (СОИ) и креативности (СОК) в прогнозировании ИТК.

Целью статьи стала дифференциация этих вкладов: 1) выявление роли интеллекта как предиктора самооценок, 2) выявление роли интеллекта как предиктора ИТК и 3) роли самооценок (СОИ и СОК) как предикторов ИТК.

Методы

Участники. В исследовании приняли участие 244 (из них 203 женщины) студента и аспиранта факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в возрасте от 17 до 47 лет ($M = 20,01$; $SD = 2,71$).

Всем участникам был предложен опросник ИмPLICITНЫЕ теории креативности — КИТ (Павлова, 2014), все прошли процедуры прямой самооценки, разработанной А. Фернхемом для самооценки интеллекта — СОИ — и апробированной нами впервые для креативности — СОК. Она включала предъявление кривой нормального распределения с диапазоном баллов от 55 до 145 и инструкцией участнику поставить балл себе.

155 участников также прошли оценку интеллекта по тестовой батарее ICAR (International Cognitive Ability Resource) в русскоязычной апробации (Корнилова и др., 2019; Condon, Revelle, 2014); измерялся вербальный и флюидный интеллект. Оба показателя интеллекта — вербального и флюидного — были несколько выше у мужчин — при среднем влиянии возрастных различий между мужчинами

и женщинами ($M_{жен} = 19,76$, $SD = 2,31$; $M_{муж} = 21,22$, $SD = 4,00$; g Хеджеса = 0,55).

Результаты

Из измеренных характеристик компоненты ИТК больше всего связаны с полом и возрастом. По всем четырем шкалам были получены удовлетворительные показатели соответствия регрессионных моделей данным. Мужчины имели значительно более низкие баллы по шкалам ИТК Активность и Творческий потенциал. Показатели творческого потенциала снижались с возрастом, но с поправкой на пол.

Чтобы не смешивать эти эффекты с взаимодействием между изучаемыми переменными, при дальнейшем анализе мы использовали регрессионные остатки из построенных вместо баллов по шкале.

Вербальный интеллект был положительно связан с флюидным ($r = 0,25$, $p < 0,01$), флюидный интеллект положительно связан с СОИ ($r = 0,24$, $p < 0,01$). СОИ положительно связана с СОК ($r = 0,41$, $p < 0,01$), но СОК не связаны с областями психометрическим интеллекта.

При этом СОК связана с тремя из четырех шкал ИТК: Творческий потенциал ($r = 0,28$, $p < 0,01$), принятие Новизны и неопределенности ($r = 0,20$, $p < 0,01$) и стремление к Оригинальности ($r = 0,27$, $p < 0,01$).

Установлены ожидаемые эффекты интеллекта для самооценки: флюидный интеллект выступил положительным предиктором СОИ ($Est. = 0,25$, $t = 3,15$, $p(t) = 0,002$), а вербальный – предиктором СОК ($Est. = 0,22$, $t = 1,99$, $p(t) = 0,05$).

СОИ выступил предиктором трех из четырех шкал ИТК: $Est. = 0,03$, $t = 1,694$, $p(t) < 0,09$ для Творческого потенциала, $Est. = 0,05$, $t = 3,057$, $p(t) = 0,002$ для Новизны и $Est. = 0,07$, $t = 4,149$, $p(t) < 0,001$ для Оригинальности.

СОК положительно предсказала все четыре шкалы ИТК: $Est. = 0,05$, $t = 2,845$, $p(t) = 0,005$ для Активности, $Est. = 0,06$, $t = 2,264$, $p(t) < 0,001$ для Творческого потенциала, $Est. = 0,04$, $t = 3,197$, $p(t) = 0,002$ для Новизны и $Est. = 0,05$, $t = 4,102$, $p(t) < 0,001$ для стремления к Оригинальности.

Обсуждение результатов

Новизной нашего исследования стал комплексный анализ вкладов психометрического интеллекта и прямых самооценок интеллекта и креативности в имплицитные теории креативности, что позво-

лило судить о разных связях измеренных переменных с интеллектуальным потенциалом. Можно было предполагать, что интеллект положительно связан с уровнем не полностью осознаваемых имплицитных теорий креативности.

Однако в нашем исследовании интеллект не имел значимого прямого вклада в шкалы имплицитных теорий креативности. Но такой вклад проявили оба вида самооценок — интеллекта и креативности. СОК, в отличие от СОИ, не связанная с интеллектом, продемонстрировала положительные эффекты для всех измеренных шкал ИТК. Таким образом, верхний уровень самосознания личности выступает связующим между интеллектуальным потенциалом (представляемым измерениями интеллекта) и более низкими уровнями — имплицитных теорий, куда относится и ИТК. Частью это соответствует ранее выполненному нашему совместному исследованию с М. Новиковой, в котором было показано, что именно интегральная интеллектуальная Я-концепция, манифестируемая разными видами самооценок и самооэффективности, стала связующим звеном между интеллектом и личностной сферой — в измерениях толерантности к неопределенности, готовности к риску и интуитивного стиля.

Итак, на менее осознаваемом уровне — ИТК — интеллект проявляется опосредованно — через уровень осознаваемых самооценок. Более высокая самооценка креативности отражается в более сложных и разнообразных представлениях о природе творчества. Сходные эффекты проявляет и связанная с СОК самооценка интеллекта; но СОИ, видимо, испытывает более тесные взаимодействия с собственно интеллектуальной сферой, или человек менее компетентен в критериях креативности.

Выводы

1. Дифференцированные на уровне самосознания прямые самооценки интеллекта и креативности отстоят на разные дистанции от интеллектуальной сферы: самооценка креативности с интеллектом не связана.
2. Связанные положительно самооценки интеллекта и креативности в разной степени прогнозируются со стороны переменных интеллекта, но вносят сопоставимые вклады в имплицитные теории креативности, для которых не выявлен прямой вклад переменных интеллекта.

Ограничением нашего исследования стало то, что не все участники прошли тест интеллекта ICAR. Возможно, мы получили бы более надежные результаты с полным дизайном.

Литература

- Корнилова Т. В., Корнилов С. А., Зиренко М. С., Чумакова М. А.* Психометрические свойства модифицированной батареи Интернационального Ресурса Когнитивных Способностей (ICAR) // Национальный психологический журнал. № 3 (35). С. 32–45.
- Павлова Е. М.* ИмPLICITные теории и самооценка креативности в структуре самосознания личности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 75–95.
- Dweck C. S.* Mindset: the new psychology of success. N. Y.: Random House, 2006.
- Karwowski M.* Creative mindsets: measurement, correlates, consequences // Psychology of Aesthetics, Creativity and the Arts. 2014. V. 8. P. 62–70. doi: 10.1037/a0034898
- Li P., Zhang Zh. S., Zhang Y., Zhang J., Nunez M., Shi J.* From implicit theories to creative achievements: the mediating role of creativity motivation in the relationship between stereotypes, growth mindset and creative achievement // The Journal of Creative Behavior. 2020. V. 55. № 1. P. 199–214. doi: 10.1002/jocb.446

Модификация задачи «9 точек»: схемы и конфигурации*

С. Ю. Коровкин (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

В работе обсуждаются результаты двух экспериментов, направленных на изучение предсказательных возможностей теорий решения задач на материале модифицированной задачи «9 точек». В предложенной модификации классической задачи возможны несколько решений с различными конфигурациями и последовательностями изображения линий, которые предсказываются разными моделями. Результаты первого эксперимента показывают слабую эффективность существующих моделей для объяснения результатов, которые лучше объясняются степенью схематичности конфигурации. Во втором эксперименте получены данные в пользу сознательного высокоуровневого характера поиска решения.

Ключевые слова: инсайт, решение задач, 9 точек, схема, конфигурация.

Для современной когнитивной психологии мышления характерна дискуссия о том, существуют ли какие-либо особые когнитивные процессы, характерные для инсайтного решения. В этой дискуссии определились две крайние позиции: специфический подход, в соответствии с которым для инсайтного решения характерны специфические процессы, связанные с изменением репрезентации (Kershaw, Ohlsson, 2004), а также неспецифический подход, утверждающий, что инсайтное решение осуществляется стандартным набором когнитивных операций поиска локально-рациональных решений (MacGregor et al., 2001). Наиболее современный консенсус предполагает, что для решения любых задач в основном требуются универсальные неспецифические механизмы решения, но в отдельных моментах требуются дополнительные процессы преодоления затруднений с помощью изменения репрезентации (Öllinger et al., 2014).

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-18-00358. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00358>.

Проверка следствий и предсказаний этих теорий может быть реализована не только на совокупности всех инсайтных задач, но и на более конкретном материале конкретных классических задач. Наиболее острая дискуссия между подходами развернулась на материале самой знаменитой инсайтной задачи — задачи «9 точек». В условии этой задачи необходимо четырьмя прямыми линиями соединить девять точек, не отрывая карандаша от бумаги. Для целей нашего исследования мы разработали модифицированную задачу «9 точек», сохраняющую принципиальные источники трудности классической задачи (Коровкин, 2020). Расположение точек, так же как и в классической версии, формирует замкнутую фигуру. При этом образуемая фигура несимметрична, в отличие от традиционного квадрата. Данная модификация интересна для исследователей тем, что предполагает несколько возможных решений. Решения различаются как последовательностями ходов с разной ценностью хода, так и образуемыми конфигурациями.

Нами было проведено два эксперимента, первый из которых был проведен для проверки неспецифического подхода, в частности предсказаний теории продвижения к цели и мониторинга прогресса на материале модифицированной задачи «9 точек». Второй эксперимент был направлен на изучение природы выявленных в первом эксперименте закономерностей. В первом эксперименте испытуемым предлагалось решить модифицированную задачу «9 точек» с помощью электронного планшета с сенсорным экраном, на котором с помощью компьютерной программы регистрировались точка начала движения и траектория движения (Spiridonov et al., 2019). На решение задачи каждому испытуемому давалось 200 проб. Одна проба представляет собой последовательность движений по экрану планшета от момента касания экрана до момента отрывания кончика пальца от сенсорного экрана. В качестве зависимых переменных в эксперименте рассматривались: количество пересеченных точек первым действием в первой попытке, выбор итоговой конфигурации решения (одной из четырех типов, выявленных в ходе эксперимента), последовательность действий в найденном итоговом решении, количество поворотов вне точек в найденном итоговом решении. Полученные результаты показывают, что испытуемые значимо чаще стараются первым действием перечеркнуть максимально возможное количество точек за одно действие. Для данной задачи оно равно трем. Полученная структура данных соответствует пред-

положению теории о явном предпочтении испытуемых максимально приблизиться к цели первыми действиями.

Однако анализ конфигураций найденных решений продемонстрировал, что испытуемые, как правило, обнаруживают конфигурацию в виде треугольника с дополнительной линией значимо чаще, чем любую другую конфигурацию (27 из 40 решений, 67,5%). При этом данная конфигурация является неудачной как с точки зрения теории продвижения к цели и мониторинга прогресса, так и с точки зрения модели множественных источников трудностей, поскольку ее решение начинается не с действия с максимальной ценностью, а также решение имеет большое число поворотов вне точек. При этом существуют такие решения, которые оказываются более вероятны с точки зрения предсказаний выше означенных теорий. Мы предполагаем, что обнаруживаемая конфигурация представляет собой схему, которую можно усмотреть как единый элемент в рамках горизонта планирования, тем самым значительно упростив задачу поиска решения.

Во втором эксперименте мы поставили вопрос о природе выявленного феномена схематизации решения. Эксперимент был направлен на определение того, связано ли более частое обнаружение конфигурации с быстротой низкоуровневой «схватываемости» схемы или простотой высокоуровневого кодирования. Идея эксперимента состояла в том, чтобы продемонстрировать испытуемым готовые конфигурации решения на ограниченное время. Если для кодирования (запоминания) конфигурация чаще и легче, чем другие решения, воспроизводится при демонстрации на более короткое время, то в таком случае можно говорить о низкоуровневой природе кодирования схемы решения. Отсутствие такой закономерности указывало бы на обратный процесс, т. е. на вероятное высокоуровневое кодирование. В качестве стимульного материала использовались решения модифицированной задачи «9 точек» по отдельности в случайном порядке на экране проектора. Испытуемым давалась инструкция воспроизвести изображенное решение как можно быстрее на бумажном бланке. Каждое изображение с правильным ответом демонстрировалось на протяжении 2 или 5 с (в зависимости от экспериментальной группы), после чего испытуемым давалась 1 мин на воспроизведение. В качестве зависимой переменной мы использовали процент решений за первую минуту решения.

Полученные результаты показывают, что выявленная схематическая конфигурация получает преимущество по сравнению с теоре-

тически предсказанным решением при увеличении времени предъявления конфигурации. При увеличении времени предъявления конфигурации вероятность найти схематическую конфигурацию в первую минуту растет, в то время как вероятность обнаружения теоретически предсказанного решения остается на прежнем, хотя и довольно высоком уровне. Преимущество дополнительного времени для схематической конфигурации может состоять в том, что схема решения требует также и кодировки способов наложения решения на точки, а также модификации исходной схемы «треугольник» до требуемой конфигурации. Таким образом, данные в целом указывают на высокоуровневую природу кодирования и оперированием схемами в решении модифицированной задачи «9 точек».

Результаты проведенных экспериментов показывают, что схемы участвуют в решении инсайтных задач, а нахождение решения может быть следствием удачной подстановки готовой мыслительной схемы и ее модификации под конкретную задачу. Инсайтное решение может представлять собой поиск и обнаружение схемы итогового решения даже при условии доступности пошагового эвристического решения. Следствия из специфического и неспецифического подходов оказываются недостаточно эффективны в объяснении распределения типов решения в разработанной нами модифицированной задаче «9 точек». Несмотря на доступность итоговых конфигураций, соответствующих предсказаниям теоретических моделей, испытуемые чаще обнаруживают схематичную конфигурацию. Эффективность использования схемы итогового решения связана с легкостью ее распознавания и удержания в памяти. Процесс оперирования мыслительными схемами в решении задач, вероятно, может носить высокоуровневый характер.

Литература

- Коровкин С. Ю.* Мыслительные схемы в инсайтном решении задач: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2020.
- Kershaw T. C., Ohlsson S.* Multiple causes of difficulty in insight: The case of the nine-dot problem // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 2004. V. 30. № 1. P. 3–13.
- MacGregor J. N., Ormerod T. C., Chronicle E. P.* Information processing and insight: A process model of performance on the nine-dot and related

problems // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 2001. V. 27. № 1. P. 176–201.

Öllinger M., Jones G., Knoblich G. The dynamics of search, impasse and representational change provide a coherent explanation of difficulty in the nine-dot problem // *Psychological Research*. 2014. V. 78. № 2. P. 266–275.

Spiridonov V., Loginov N., Ivanchei I., Kurgansky A. V. The role of motor activity in insight problem solving (the case of the nine-dot problem) // *Frontiers in Psychology*. 2019. V. 10. № 2. P. 1–17.

Усиление фиксации на неверном решении с помощью загрузки управляющих функций*

Н. Ю. Лазарева (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

В данном исследовании была предпринята попытка изучения механизмов формирования эффекта серии (эффекта Лачинсов). В качестве механизмов формирования эффекта серии рассматривались отдельные управляющие функции (УФ) по А. Мияке: переключение, обновление, торможение. Для загрузки отдельных управляющих функций использовался метод вторичной задачи: испытуемым необходимо было выполнять вторичную задачу совместно с основной задачей. Было продемонстрировано, что параллельная загрузка УФ (переключения, обновления, торможения) не мешает формироваться эффекту серии, напротив, эффект фиксации на фиксированной схеме решения усиливался. Данные результаты противоречат полученным ранее данным. Мы предполагаем, что активация УФ при формировании схемы решения задачи подчинена закону оптимума.

Ключевые слова: эффект серии, инсайт, фиксированность, управляющие функции.

Ранее нами было продемонстрировано, что выполнение параллельной задачи мешает формированию эффекта серии на материале арифметических задач Лачинсов на переливание (Карпов и др., 2018; Luchins, 1942). Под эффектом серии мы рассматриваем тенденцию решать задачи установочным, выработанным ранее, более сложным способом, чем требует новая задача. В качестве ключевого механизма формирования фиксированной схемы решения рассматривались управляющие функции, которые, по всей видимости, важны как на этапе формирования схемы решения задачи, так и на этапе ее переструктурирования. Согласно А. Мияке и соавт., основные когнитивные операции, которые включают УФ – это обновление информации, торможение и переключение (Miyake et al., 2000). Целью

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-18-00358. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00358>.

данного исследования является изучение роли отдельных УФ (переключения, торможения, обновления) в процессе формирования схемы решения задачи.

Метод

Гипотеза: УФ играют ключевую роль при формировании фиксированной схемы решения задачи.

Выборка: 59 чел. ($M = 26,3$; $Med = 25$; $\sigma = 8,6$) – 12 мужчин и 47 женщин.

Стимульный материал

В качестве основных задач, на материале которых формируется эффект серии, используются модифицированные арифметические и вербальные задачи Лачинсов (Luchins, 1942).

Для загрузки УФ использовалось три типа параллельных вторичных задач: обновление (Savinova et al., 2023), торможение (Лазарева и др., 2022), переключение (Savinova et al., 2023). Параллельные задания появлялись внизу экрана под основной задачей.

Процедура

Каждый испытуемый решает две серии задач – вербальную и арифметическую – в условиях различной параллельной загрузки.

Вербальная и арифметическая серии организованы схожим образом. Каждому испытуемому необходимо решить восемь установочных задач, в них решение всегда находится по одному принципу. После решения восьми установочных задач испытуемому нужно решить девятую критическую задачу, которая решается более простым способом.

Как во время решения установочных, так и во время решения критической задачи испытуемые должны выполнять параллельную задачу, загружающую УФ. Используются три варианта параллельных вторичных задач: загрузка торможения, переключения и обновления.

Результаты

Влияние загрузки различных управляющих функций на формирование эффекта серии на материале арифметических задач.

Различные типы параллельной загрузки схожим образом влияют на формирование эффекта серии на материале арифметических задач. Отсутствует взаимодействие факторов тип загрузки и задача серии ($F(11,3; 310,93) = 1,07, p = 0,389, \eta^2 p = 0,037$). Таким образом, значимых отличий в динамике решения серии арифметических задач в условиях различной параллельной загрузки УФ нет.

Исходя из анализа времени решения последней установочной (восьмой) арифметической задачи и критической (девятой) арифметической задач, мы можем говорить о том, что эффект серии формировался во всех трех условиях, при загрузке торможения, обновления и переключения. Время решения последней установочной задачи значимо меньше времени решения критической задачи (для обновления: $t(20) = -2,694, p = 0,014, \text{Cohen's } d = -0,756$; для переключения: $t(18) = -3,297, p = 0,004, \text{Cohen's } d = -0,756$; для торможения: $t(17) = -3,413, p = 0,003, \text{Cohen's } d = -0,804$).

Влияние загрузки различных управляющих функций на формирование эффекта серии на материале вербальных задач.

Различные типы параллельной загрузки схожим образом влияют на формирование эффекта серии на материале вербальных задач. Отсутствует взаимодействие факторов тип загрузки и задача серии ($F(7,7; 211,64) = 1,43, p = 0,189, \eta^2 p = 0,049$). Таким образом, значимых отличий в динамике решения серии вербальных задач в условиях различной параллельной загрузки УФ нет.

Исходя из анализа времени решения последней установочной (восьмой) вербальной задачи и критической (девятой) вербальной задач, мы можем говорить о том, что эффект серии формировался при загрузке обновления и торможения, однако не формировался при загрузке переключения. Время решения последней установочной задачи значимо меньше времени решения критической задачи при выполнении параллельной задачи на обновление ($t(16) = -4,779, p < 0,001, \text{Cohen's } d = -1,159$) и торможение ($t(20) = -2,831, p = 0,01, \text{Cohen's } d = -0,618$). Однако не выявлено значимых различий между временем решения последней установочной и критической задачами при загрузке переключения ($t(19) = -1,998, p = 0,06$).

Обсуждение и выводы

Ранее мы полагали, что чем выше уровень загрузки УФ, тем меньше ресурсов остается для формирования фиксированной схемы реше-

ния задачи. Однако в данном исследовании было продемонстрировано, что загрузка управляющих функций может также повлечь за собой усиление фиксации на неверном способе решения задачи. Данные результаты соотносятся с результатами ряда исследований, в которых было продемонстрировано, что к усилению фиксации может вести стресс и нерегулярные хаотичные изменения условий предъявления задачи. Мы предполагаем, что усиление фиксации на установочном способе может быть связано с тем, что: 1) параллельная задача начинается рассматриваться, как основная; 2) к ресурсам УФ более требователен этап разрушения фиксированной схемы решения, чем этап ее формирования; 3) загрузка отдельных управляющих функций приводит к стрессу, который влечет за собой ускорение научения и служит для закрепления ранее положительно подкрепленных стратегий поведения, что вызывает трудности при переключении с одной схемы решения на другую.

Литература

- Владимиров И. Ю., Карнов А. В., Лазарева Н. Ю.* Роль управляющего контроля и подчиненных систем рабочей памяти в формировании эффекта серии // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 3. С. 36–50. doi: 10.17759/exppsy.2018110303
- Лазарева Н. Ю., Чистопольская А. В., Анфалова С. В.* Разработка невербального зонд-задания для загрузки управляющей функции торможения рабочей памяти // Ярославский психологический вестник. Российское психологическое общество. 2022. № 1 (52). С. 48–52.
- Luchins A. S.* Mechanization in problem solving: The effect of Einstellung. Psychological Monographs. 1942. V. 54. № 6. doi: 10.1037/h0093502.
- Miyake A., Friedman N. P., Emerson M. J., Witzki A. H., Howterter A., Wager T. D.* The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis // Cognitive Psychology. 2000. V. 41. № 1. P. 49–100. doi: 10.1006/cogp.1999.0734
- Savinova A., Padalka J., Makarov I., Korovkin S.* Tracing executive functions in insight // Journal of General Psychology. 2023. doi: 10.1080/00221309.2023.2218636

Модель невизуальных движений глаз при выполнении когнитивных задач в кратковременной памяти

П. А. Лехницкая (КФУ, Казань)

Цель текущего исследования – выяснить, отражают ли невизуальные движения глаз особенности предъявленного стимула и его последующей обработки. В парадигме пустого экрана участникам исследования было предложено решить когнитивные задачи (пересказ текста, арифметические примеры, логические задачи, подбор значения псевдослову). Продолжительность текущей фиксации и пиковая скорость саккады различаются при изучении и выполнении подобных задач. На основании этого можно сделать вывод, что извлечение информации из кратковременной памяти и последующая обработка зависят от характеристик стимула. В качестве дальнейшего направления полученная формула и текущие наблюдения необходимо проверить в последующих экспериментах.

Ключевые слова: невизуальные движения глаз, когнитивная задача, айтрекинг, кратковременная память, когнитивная обработка.

В течение довольно долгого времени исследования движений глаз и когнитивных функций были больше сосредоточены на зрительном восприятии сцен, и только между 1970 и 1980 гг. исследователи начали интересоваться невизуальными движениями глаз, явно не зависящими от обработки визуального стимула (невизуальные задачи) (Diamantopoulos, 2010).

Были предприняты попытки к пониманию причины, по которой люди совершают постоянные движения глазами во время мыслительных операций. Существуют исследования, показывающие, что паттерны взгляда различаются в разговоре в зависимости от того, говорит ли сейчас человек или слушает (Bavelas et al., 2002). Другим примером является теория «латеральных движений глаз», которые связаны с рефлексивным мышлением. Латеральные движения глаз объяснялись асимметричной активацией полушарий (Ehrlichman et al., 2007; MacDonald, Hiscock, 1992), но из-за недостаточной эмпи-

рической базы выводы были признаны ненадежными. Таким образом, особенности проявления невизуальных движений глаз (НДГ) остаются не до конца изученными, что легло в основу предстоящего исследования и сформировало исследовательские вопросы.

1. Будут ли движения глаз различаться при различных когнитивных процессах?
2. Отражают ли движения глаз при извлечении информации из кратковременной памяти характеристики ввода?

Материалы и методы

Исходная эмпирическая база была собрана с помощью стационарной системы айтрекинга (EyeLink 1000 Plus). В ходе исследования было предложено пересказывать повествовательный текст (первый раз – после прочтения, второй и третий – отложено) и стихотворения (из кратковременной и долговременной памяти), решать арифметические примеры, создавать денотации к псевдословам и решать логические задачи. Сначала предъявлялся стимул с заданием, после чего появлялся пустой экран, затем предлагалось решить познавательную задачу в уме, не опираясь на текст задания, глядя в пустой экран. В исследовании приняло участие 50 чел. (16 мужчин, средний возраст – 19 лет) с нормальным или скорректированным до нормального зрением, было подписано информированное согласие участниками исследования. Переключение стимулов осуществлялось участниками. Статистическая обработка эмпирических данных была проведена в программе Statistica и среде программирования Python с использованием библиотек PIL, Numpy, Cv2, Skimage, Pandas, Os, Matplotlib.

Результаты и обсуждение

Был применен критерий Краскела–Уоллиса (multiple comparisons p values (2-tailed) Kruskal–Wallis test). Зависимыми переменными были текущая продолжительность фиксации и текущая пиковая скорость саккады. Пиковая скорость текущей саккады при решении арифметических упражнений отличается от пересказов текста ($p=0,00$), но не имеет статистически значимых различий при создании значения псевдослова и решении логической задачи ($p=1,0$). НДГ при разучивании стихотворения (саккады и фиксации, отно-

сящиеся к чтению стихотворения, были удалены) значимо отличаются от реализации остальных когнитивных задач ($p=0,00$) ($N(12, N=123875)=5940,260, p=0,000$).

Выполнение арифметических упражнений ($p=0,00$) и создание значений псевдословам ($p=0,00$) отличались от всех типов заданий, за исключением логических задач и текста для пересказа ($p=1,00$). Противоположный эффект наблюдается в результатах продолжительности текущей фиксации. Чтение логического задания ($p=0,00$) и текста для пересказа ($p=0,00$) имеет отличие от остальных параметров НДГ при изучении заданий. Статистически значимые различия отсутствуют между решением арифметических упражнений и созданием значений для псевдослов ($p=1,00$).

Были получены значимые различия в длительности текущей фиксации при решении следующих задач: решение арифметических примеров с созданием смысла псевдослова ($p=0,05$), решение логических задач ($p=0,00$), первый пересказ текста ($p=0,00$), разучивание стихотворения ($p=0,00$). Второй пересказ текста и решение логической задачи не различаются ($p=0,56$), также между воспроизведением стихотворения в долговременной памяти и третьим пересказом текста разница не обнаружена ($p=0,72$): этот вывод может объясняться тем, что произошла консолидация памяти.

Для понимания того, как НДГ отражают характеристики визуального стимула при когнитивной обработке задачи, мы рассчитали вероятностные карты, где размер изображения тепловой карты был уменьшен и представлен матрицей, состоящей из «0» и «1». Если в пикселе был черный цвет (фоновый цвет тепловой карты), он кодировался как «0», что означает отсутствие взгляда, т. е. вероятность нахождения взгляда в данной точке равна нулю. Иначе – кодировалось как «1», взгляд был в точке. Далее все матрицы суммировались и делились на общее количество. Для простоты качественного анализа мы дополнительно раскрасили ячейки: чем выше вероятность нахождения взгляда – тем ярче был цвет.

При пересказе текста мы можем наблюдать уменьшение закрашенной площади. Дополнительно был применен U-тест Манна–Уитни, который также показал существенную разницу между пересказом первого и второго текста, пиковая скорость текущей саккады ($p=0,00, z=7,19$), разница в длительности фиксации отсутствовала ($p=0,17, z=-1,36$). Мы не обнаружили разницы между вторым и третьим пересказом текста в пиковой скорости текущей саккады ($p=0,88$,

$z = -0,15$), значимые различия были найдены в продолжительности текущей фиксации ($p = 0,006$, $z = 2,74$).

В карте вероятностей для логических, арифметических и словесных задач возможно наблюдать сохранение формы входных стимулов. По сравнению с поиском текста эти мыслительные операции более сложны, и сохранение формы при обработке задачи может быть результатом когнитивной обработки.

Мы сравнили средние значения параметров НДГ и выявили следующую закономерность: если текущая продолжительность фиксации более 380 и текущая пиковая скорость саккады более 220, то такие НДГ связаны с изучением текстового стимула, иначе – с когнитивной обработкой. Систематизируя эти наблюдения, можно получить формулу, описывающую когнитивное состояние (CS): $CS = (CFD/380 + CSPV/220)/2$, где CFD – текущая продолжительность фиксации, CSPV – текущая пиковая скорость саккады.

Если получается 0, то движения глаз связаны с визуальной обработкой стимула, иначе – с когнитивной обработкой. Чтобы рассчитать продолжительность фиксации, зная длину стимула, нужно разделить это значение на 1,5; для пиковой скорости саккад – на 1,6. Эта формула нуждается в дополнительной проверке и добавлении новых возможных переменных для более точного результата.

Заключение

В текущем исследовании были рассмотрены невизуальные движения глаз, их отражение формы входного стимула и последующую когнитивную обработку. В парадигме пустого экрана участники решали когнитивные задачи. Было получено, что продолжительность текущей фиксации и пиковая скорость саккад различаются при изучении и выполнении некоторых видов когнитивных задач. Извлечение информации из памяти и последующая умственная обработка зависят от характеристик входной задачи и ее сложности. В качестве дальнейшего направления исследований необходимо валидировать полученную формулу и текущие наблюдения.

Литература

Bavelas J. B., Coates L., Johnson T. Listener responses as a collaborative process: The role of gaze // *Journal of Communication*. 2002. V. 52. P. 566–580.

- Diamantopoulos G.* Novel eye feature extraction and tracking for non-visual eye-movement applications: a thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of doctor of philosophy. 2010.
- Ehrlichman H., Micic D., Sousa A., Zhu J.* Looking for answers: Eye movements in non-visual cognitive tasks // *Brain and Cognition*. 2007. V. 64. № 1. P. 7–20.
- MacDonald B. H., Hiscock M.* Direction of lateral eye movements as an index of cognitive mode and emotion: A reappraisal // *Neuropsychologia*. 1992. V. 30. P. 753–755.

Подходы к изучению юмора как культурно-исторического феномена

А. А. Луценко (МГППУ, Москва)

Статья посвящена взгляду на феномен юмора с позиции культурно-исторического подхода. Теоретически исследуется возможность рассмотрения юмора как культурно-исторического феномена, как формы изменения отношения к смыслам через совместно-распределенную деятельность комика и зрителя.

Ключевые слова: культурно-исторический подход, совместно-распределенная деятельность, юмор как психологический феномен, психология смысла.

Юмор — это сложное явление, которое может быть понято и интерпретировано по-разному, в зависимости от культурно-исторического контекста и психологических особенностей человека. Согласно исследованию (Froehlich et al., 2021), существуют четыре типа юмора: аффилиативный, самоутверждающий, саморазрушающий и агрессивный. Аффилиативный и самоутверждающий юмор могут быть полезными, тогда как саморазрушающий и агрессивный юмор — вредными. Однако восприятие юмора может быть различным в зависимости от культурных особенностей (Jiang et al., 2019).

Юмор является отличительной особенностью человека как вида, выполняет ряд функций, может оказывать влияние на психологическое состояние и поведение людей. Юмор как феномен, как способ достижения и как результат представляет интерес для психологических исследований в том, что касается его возможностей, смыслов, механизмов и влияния. Например, юмор снижает стресс и тревогу, улучшает настроение и увеличивает социальную поддержку. В позитивной психологии юмор считается характерным качеством и связан со счастьем, устойчивостью и моралью. Однако важно отметить, что юмор также может иметь обратную сторону и использоваться во вредных целях.

Л. С. Выготский рассматривал юмор как форму выражения культурных ценностей и норм, а также как способ преодоления проти-

воречий в обществе (Выготский, 1982). Использование юмора может помочь в преодолении стресса на работе и повышении психологического благополучия персонала образовательных организаций. Юмор также может использоваться в психотерапии и иметь множество функций, включая психологические, медицинские, психолингвистические, физиологические и диагностические. Юмор может играть важную роль в укреплении психической устойчивости и роста, хорошее чувство юмора может помочь в поддержании более стабильного позитивного настроения, использование юмора в стрессовых событиях может помочь смягчить психологические и физиологические реакции на стресс (Cann, Collette, 2014).

Механизмы юмора изучаются психологами уже много лет. Одна теория предполагает, что юмор возникает из-за несоответствия между тем, что ожидается, и тем, что происходит на самом деле. Другая теория предполагает, что юмор – это способ справиться с тревогой и стрессом. Кроме того, есть исследования, доказывающие, что юмор – это способ высвободить сдерживаемые эмоции, а также что юмор возникает из чувства превосходства над другими. Кроме того, исследования показали, что юмор может укреплять социальные связи и улучшать настроение (Simione, Gnagnarella, 2023).

В целом механизмы юмора сложны и многогранны, и для их полного понимания необходимы дальнейшие исследования. Однако ясно, что юмор играет важную роль в социальных взаимодействиях людей и может оказывать положительное влияние на психическое здоровье и благополучие. Исследования также показали, что восприятие и использование юмора может различаться в зависимости от культурных факторов.

В культурно-историческом подходе Выготского юмор рассматривается как социальный феномен, который возникает в процессе взаимодействия людей в определенной культурной среде. Он рассматривал юмор как форму выражения культурных ценностей и норм, а также как способ преодоления противоречий в обществе. Согласно данному подходу, юмор является продуктом социальной деятельности и культурного развития человечества. Он отражает особенности культуры и исторического контекста, в котором он возникает. Важным аспектом культурно-исторического подхода к юмору является его связь с языком и речью. Выготский считал, что юмор возникает в результате использования неожиданных и необычных сочетаний слов и образов. Таким образом, культурно-исторический подход

к юмору позволяет рассмотреть его как социальный и культурный феномен, который отражает особенности общества и языка. Он позволяет понять, каким образом юмор влияет на социальные отношения и культурное развитие человечества (Выготский, 1982). Однако на сегодняшний день отсутствует теоретическое обоснование возникновения смешного с позиций культурно-исторической психологии.

В своем исследовании мы предположили, что «смешное» возникает как результат совместной деятельности комика и зрителя, причем первый ничего не передает последнему как такового, а так выстраивает свою деятельность по отношению к зрителю (слушателю), что тот находит в своем сознании ту или иную ситуацию смешной.

Исследование психологических особенностей возникновения «смешного» как результата совместной деятельности комика и зрителя проводилось с позиций культурно-исторического подхода к пониманию предметно-орудийной деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев), представлений о двойственности совместной деятельности Н. Н. Нечаева, психологии смысла Д. А. Леонтьева, теории развития высших психических функций Л. С. Выготского, известных передовых исследований.

Анализ и обобщение теоретических представлений о предмете исследования, формализация имеющегося научного знания, контент-анализ комических текстов, анализ результатов деятельности юмористов (по видео), наблюдение за реакцией публики позволили определить следующие положения обоснования возникновения смешного с позиций культурно-исторической психологии:

1. Смех может быть истолкован как психологический феномен в контексте культурно-исторического подхода.
2. Юмор — это психологический феномен художественной коммуникации между комиком и зрителем.
3. Возникновение смешного может быть рассмотрено как результат совместной деятельности комика и зрителя, и как механизм разоблачения ничтожности прежних смыслов.
4. Общение комика и зрителя есть практически-ориентированная, орудийно-оснащенная, взаимообуславливающая предметная деятельность, представленная в идеальном плане в виде смыслов.
5. Юморист, опосредствуя свое выступление на публике, на «других» на самом деле работает с самим собой, со своим сознанием как рефлексом рефлексов, смешит самого себя как другого.

Психологическое знание прирастает анализом юмора как феномена, порождаемого в совместно-распределенной деятельности артиста и зрителя, как реакции (эффекта), возникающего в том или ином контексте коммуникации и как механизма признания ничтожности прошлых смыслов.

В практическом смысле данные знания могут быть использованы психологами, педагогами в качестве теоретической основы при разработке практических программ развития, воспитания детей в образовательных учреждениях и во внеурочной деятельности, например, студиях сценического искусства, психотерапевтами, психиатрами в работе со взрослым населением, а также, как оказалось, в такой прикладной области как криминалистика в деле детекции лжи.

Литература

- Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под. ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982.
- Cann A., Collette C.* Sense of humor, stable affect and psychological well-being // *Europe's Journal of Psychology*. 2014. V. 3 (10). P. 464–479. doi: 10.5964/ejop.v10i3.746
- Froehlich E., Madipakkam A. R., Craffonara B., Bolte C., Muth A. K., Park S. Q.* A short humorous intervention protects against subsequent psychological stress and attenuates cortisol levels without affecting attention // *Scientific Reports*. 2021. V. 11 (1). Article 7284. doi: 10.1038/s41598-021-86527-1
- Jiang T., Li H., Hou Y.* Cultural differences in humor perception, usage and implications // *Frontiers in Psychology*. 2019. V. 10. Article 123. doi: 10.3389/fpsyg.2019.00123
- Simione L., Gnagnarella G.* Humor coping reduces the positive relationship between avoidance coping strategies and perceived stress: a moderation analysis // *Behavioral Sciences*. 2023. V. 13 (2). P. 179. doi: 10.3390/bs13020179

Интеллектуально-личностные предпосылки эффективности подсказки в решении проблемных задач

А. А. Матюшкина (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),

М. И. Кунашенко (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

В исследовании изучаются интеллектуально-личностные предпосылки эффективности подсказки в решении проблемных задач научного содержания: «открытость новому опыту», «добросовестность»; «потребность в познании», уверенность в собственных познавательных возможностях. Предполагается, что данные предпосылки различны для студентов-специалистов/неспециалистов. В исследовании 63 студента решали проблемные задачи с подсказками; выполняли соответствующие гипотезам диагностические методики. Эффективность подсказки для начинающих специалистов сопряжена с уверенностью в собственных познавательных возможностях, добросовестностью; для неспециалистов – с выраженностью потребности в познании; для всех испытуемых – с открытостью новому опыту, интересом к решению, что частично подтверждает гипотезу.

Ключевые слова: проблемная задача, эффективность подсказки, интеллектуально-личностные предпосылки, успешность решения.

Актуальность и значимость темы определяется контекстом проблемы успешности решения проблемных задач, требующих открытия нового с опорой на знания предметной области. Одним из универсальных экспериментальных приемов, влияющих на успешность решения творческих задач, выступают разного вида подсказки. В исследованиях творческого мышления научных школ Я. А. Пономарева – в задачах «на догадку», А. В. Брушлинского – «на прогноз» на материале физики, О. К. Тихомирова – на материале шахматных творческих задач, А. М. Матюшкина – в проблемных задачах на материале геометрии, физики было показано, что одним из значимых условий эффективности подсказок выступает познавательная потребность, переживаемая в форме интеллектуальных эмоций в соответствии с фазой решения: сохранение интереса к решению основной задачи к момен-

ту предъявления наводящей; сомнение в решении основной задачи после успешного решения системы наводящих; догадка на этапе выдвижения гипотез, выделяющей адекватную цели зону поиска. Однако вопрос о том, при каких предпосылках и условиях со стороны личности, субъекта подсказка в решении творческих, продуктивных задач оказывается эффективной, остается дискуссионным. В теории проблемных ситуаций в качестве значимых личностных предпосылок творческого мышления могут быть рассмотрены любознательность, «изысканность, впечатлительность», исследовательская активность, отражающие направленность личности на познание, проявляющиеся как в интеллектуальной, так и эмоциональной сферах. Данные представления созвучны концепции единства интеллектуально-личностного потенциала, разрабатываемой Т. В. Корниловой и ее научной школой. В исследованиях в качестве существенных интеллектуально-личностных предпосылок в решении неопределенных ситуаций (на материале решений вербальных задач неспециалистами с подсказками разной глубины) могут выступать толерантность к неопределенности, эмоциональный интеллект (в задачах, требующих учета эмоционального контекста), имплицитные теории интеллекта, креативности (Корнилова, 2016).

Выполнено значительное количество исследований, которые исследуют связи психометрической креативности и личностных черт («Большой пятерки», Big5). Новизна данного исследования – в изучении интеллектуально-личностных предпосылок эффективности подсказки – «открытости новому опыту», «добросовестности», «потребность в познании», уверенности в собственных познавательных возможностях, – по отношению к процессу решения проблемных задач специалистами/неспециалистами как разрешению проблемных ситуаций. Теоретические основания: теория проблемных ситуаций А. М. Матюшкина, концепция единства интеллектуально-личностного потенциала Т. В. Корниловой; представление о роли прямых и косвенных подсказок в решении проблемной задачи субъектом – специалистом/неспециалистом по отношению к содержанию задачи А. А. Матюшкиной. Под эффективностью подсказки понимается обнаружение и использование ее в успешном решении проблемной задачи; прямая – подсказка, акцентирующая внимание на центральных смысловых отношениях; косвенная – указывающая на смысловой контекст.

Цель – выявление интеллектуально-личностных предпосылок эффективности прямой подсказки в решении проблемных задач

научного психологического содержания специалистами/неспециалистами.

Теоретическая гипотеза: предпосылки эффективности прямой подсказки в решении проблемных задач различны для специалистов/неспециалистов.

Эмпирические гипотезы: 1) выраженность потребности в познании, открытости новому опыту характеризует группу неспециалистов, наиболее эффективно использующую прямую подсказку в решении проблемных задач научного психологического содержания; 2) добросовестность, уверенность в собственных познавательных возможностях характеризует группу начинающих специалистов, наиболее эффективно использующую прямую подсказку в решении проблемных задач научного психологического содержания.

Испытуемые – 29 начинающих специалистов, студентов-психологов 1–2 курса факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, 34 неспециалиста – студенты-«бизнесмены» 1 курса Института бизнеса ВШЭ, прослушавших и получивших зачет по курсу психологии, решали 4 проблемные задачи научного психологического содержания методики понимания смысла отрывка научного текста (ПСОНТ) (Матюшкина, 2022). В процессе оценивали степень своего интереса к решению на этапах понимания задачи, генерирование гипотез, формулирование окончательного решения. Задачи содержали прямые подсказки, на которые респонденты могли опираться в решении/или нет. К прямым относились ключевые для понимания фразы в тексте, заложенные автором научного исследования, известным психологом, на которых акцентировалось/или нет внимание испытуемых в процессе решения. Испытуемые выполняли методики диагностики личности и интеллекта: прогрессивные матрицы Равена, опросник – Шкала потребности в познании (Качиоппо, Петти, адаптация: Щебетенко, 2011), Big Five Inventory – 2 (адаптация: Калугин, Щебетенко и др., 2021), методика диагностики самооценки Дембо–Рубинштейн (модификация: Прихожан, 2002), опросник – Шкала психологической разумности (адаптация: Новикова, Корнилова, 2014).

Успешность решения оценивалась близостью к эталонному ответу тремя экспертами; в зависимости от успешности решения проблемные ситуации характеризовались как трудные и нетрудные в решении (1–2 балла – неуспешное решение, 3–4 балла – успешное). Анализ успешности показал, что наиболее трудными научными задачами как для начинающих специалистов, так и для неспециалистов стали

задачи, требующие глубокого анализа (успешно решили 35% специалистов и 16% неспециалистов), абстракции, прогноза; более успешно решалась задача на обобщение (успешно решили 55% специалистов и 52% неспециалистов). В целом специалисты успешнее обнаруживают прямые подсказки в трудных научных задачах на абстракцию (критерий Манна–Уитни, $U = 165,000$, $p = 0,35$), прогноз ($U = 165,000$, $p = 0,37$) и успешнее их решают.

В ходе качественного анализа выделилось восемь групп испытуемых в зависимости от обнаружения/не обнаружения подсказки-ключевой фразы, выраженности (>6 из 10 баллов — выраженный интерес) интереса при разной успешности решения. Анализ результатов данных групп говорит о том, что для успешного решения проблемных задач как начинающими специалистами, так и неспециалистами, обнаружение подсказки, выраженность интереса имеет существенное значение. Так, успешные решения без обнаружения подсказки у неспециалистов составляют всего 3,4% от всего числа решений; у специалистов отсутствуют успешные решения при низком интересе и не выявленной подсказке.

Студенты-психологи, обнаружившие подсказку и успешно решившие научные задачи, в сравнении со студентами-психологами, не обнаружившими подсказку или обнаружившими, но не опирающимися на нее в решении, характеризуются более выраженным интересом к решению на всех этапах: понимания задачи ($U = 514,5$, $p = 0,006$), выдвижения гипотез ($U = 288,5$, $p = 0,047$), формулирования окончательного решения ($U = 510,5$, $p = 0,006$), что хорошо соотносится с результатами исследований Я. А. Пономарева. При этом у данной группы более высокие самооценки следующих характеристик (по методике Дембо–Рубинштейн): уверенности в себе ($U = 576,0$, $p = 0,031$), своего профессионализма ($U = 537,5$, $p = 0,012$), знаний по психологии ($U = 481,0$, $p = 0,002$). По результатам методики оценки черт «Большой пятерки» данная группа характеризуется более высоким уровнем организованности (субшкала Добросовестности по методике Big5) ($U = 559,5$, $p = 0,020$). По результатам методики психологической разумности данная группа характеризуется более высоким уровнем открытости новому опыту ($U = 546,5$, $p = 0,014$).

Студенты-неспециалисты, обнаружившие подсказку и успешно решившие научные задачи, в сравнении со студентами данной группы, не обнаружившими подсказку или обнаружившими, но не использующими ее в решении, характеризуются более выраженным

интересом на этапе понимания задачи ($U = 424,5$, $p = 0,010$), более выраженной потребностью в познании ($U = 392,0$, $p = 0,004$), что согласуется с ранее полученными результатами о том, что выраженность данной характеристики выступает интеллектуально-личностной предпосылкой успешности решения проблемных задач неспециалистами. Данная группа характеризуется большей открытостью новому опыту по результатам двух методик.

Сравнение начинающих специалистов и неспециалистов, обнаруживших подсказку и использующих ее в решении, показало, что специалисты характеризуются большей выраженностью интереса к решению на всех этапах, что свидетельствует о профессиональной направленности творческого мышления – предпосылке успешности решения проблемных задач специалистами (Матюшкина, 2022). При сравнении специалистов и неспециалистов, не обнаруживших или не использующих в решении подсказку, было выявлено, что специалисты характеризуются более низкой самооценкой уверенности в себе ($U = 1239,0$, $p < 0,001$), более высоким интеллектом по тесту Равена ($U = 1327,5$, $p = 0,003$), более низкой настойчивостью (субшкала Экстраверсии по методике Big5) ($U = 1126,5$, $p < 0,001$), более низкой организованностью (субшкала Добросовестности по методике Big5) ($U = 1146,5$, $p < 0,001$), более высокой эстетичностью (субшкала Открытости новому опыту по методике Big5) ($U = 1330,5$, $p = 0,004$), более низкой личностной креативностью (субшкала Открытости новому опыту по методике Big5) ($U = 1449,5$, $p = 0,025$), большим интересом к сфере переживаний (по шкале психологической разумности) ($U = 1430,5$, $p = 0,014$).

Таким образом, обнаружение прямой подсказки в сочетании с интересом к решению – значимые условия успешности разрешения проблемных ситуаций для начинающих специалистов и неспециалистов. Интеллектуально-личностные предпосылки эффективности подсказки различны для данных групп, что согласуется с теоретической и эмпирическими гипотезами; открытость новому опыту – предпосылка для начинающих специалистов и неспециалистов.

Литература

Калугин А. Ю., Шебетенко С. А., Мишкевич А. М., Сото К. Дж., Джон О. П. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory – 2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 7–33.

- Корнилова Т. В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
- Матюшкина А. А.* Психология разрешения уникальных проблем в творческом мышлении. М.: Наука, 2022.
- Новикова М. А., Корнилова Т. В.* «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 95–110.
- Щебетенко С. А.* Психометрика русской версии Шкалы потребности в познании // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 2. С. 87–100.

Инструменты внутренней и внешней консолидации поколений в России: литература, кино, Интернет

О. И. Маховская (ИП РАН, Москва)

Медиа (литература, кино, Интернет) в руках творческой элиты являются инструментами формирования идеологий новых поколений в России. Персонафикация поколений, героизация лучших представителей отличает отечественную художественную и научную традицию от рациональной западной, заинтересованной в анализе типичных представителей и их идей. В статье приводятся объективные критерии, позволяющие оценивать и контролировать результаты воздействия медиа на молодежь.

Ключевые слова: солидарность, континуальность, творческая элита, поколения, литература, кино, Тургенев, «гамлеты», «донкихоты», семья.

Для понимания развития идеологии поколений важны категории «континуальности» (бессознательного) и «прерывности» (осознанного), которые использовал А. В. Брушлинский при анализе мышления. Представителей поколения объединяет сходный образ мышления, жизни, система ценностей и моды. Качественный подход в психологии наиболее близок к литературным интерпретациям. Литература XIX века в России, а не философия была предтечей гуманитарных наук, в том числе психологии. Базовые сценарии, клише для разрешения конфликта поколений «отцов и детей» не всегда осознаются авторами, пишущими под давлением традиции абсолютного противопоставления поколений. По сути, это проблема влияния творческой элиты на формирование поколений в стране.

Традиция анализа конфликта «отцов и детей» в России была заложена Тургеневым (1960): поколение «гамлетов» сменяет поколение «донкихотов». Популярность постановок пьесы Шекспира и романа Сервантеса обратила внимание писателя: Гамлет и Дон Кихот становятся кумирами молодежи на изломе эпохи. Трагедия Шекспира в России дважды запрещалась цензурой из-за мотивов царевубийст-

ва. Пьеса шла с огромным успехом. Гамлета играл П. Мочалов, одна из премьер состоялась в день дуэли А. С. Пушкина.

Оценки персонажей менялись со временем. Дон Кихот воспринимался как персонаж исключительно благородный и положительный, пример для подражания. Пушкин восторгался Радищевым как «политическим Дон Кихотом», бесстрашным и совестливым. Роман Сервантеса был почти в каждой дворянской усадьбе. С 1769 по 1931 г. он выдержал 32 издания. Гамлет воспринимался как слабovolный человек, не могущий справиться с горем, но со временем стал преподноситься как героическая масштабная фигура, личность, готовая на жертвы ради правды. Как писал И. Гончаров, Гамлет и Дон Кихот взяли почти все, что есть трагического и комического в человеческой натуре. Поколения в России определялись по верхней и нижней границе, трагический Гамлет и прекраснoдушный Дон Кихот.

Важно заметить, что в России XIX века и личность автора, и его герои, и круг идей произведения оценивались сквозь призму высокой нравственности. Психиатры даже под болезнью понимали нравственную аномалию. С шекспировским Гамлетом в отечественной психиатрии связывали неврастению, слабoволие. Гамлет – русский интеллигент, у которого внутренние поиски парализуют действие, интеллект угнетает волевое начало. Альтернативу Гамлету в патографиях, как и предложил Тургенев, составлял Дон Кихот. Революционерам 1905–1907 гг. ставился диагноз «патологический альтруизм». Гамлет и Дон Кихот живут в отрыве от реальности, но один циник, другой – романтик. Однако оба готовы идти до конца и жертвовать собой ради идеалов. Привлекательность абсолютной жертвенности для русского сознания заставляет говорить даже о национальном мазохизме. Презрение к идеологии «отцов» повлияло и на бунт в самой литературе. Так, Максим Горький создает своего рода пародию на трилогию Толстого «Детство. Отрочество. Юность», настаивая на способности зрелой личности преодолеть проблемы обездоленного детства. Он открыл таким образом перспективу для пролетариата. Отрицание, отказ от «отцов» становятся важным мотивом становления «детей». Стараясь избежать гибели, участи рано ушедшего, фатально обреченного на гибель символического «отца», «дети» впадают в донкихотство, т. е. ищут новые модели поведения вне традиции и семьи. Они практикуют экстравагантное новаторство, уходят во фронт, причем касается это не только политики, но и мировоззрения в целом. Одна из причин распространения буддизма в православной России –

«донхикотство» сыновей в пику отцам. Гамлет и Дон Кихот оказываются фигурами, связанными одной семейной историей.

Психологическая причина резкой смены и конфронтации поколений кроется в дисгармоничной структуре отечественной модели семьи с абсолютным авторитетом отца и подчиненным положением детей, опекаемых матерью. Эдипов комплекс разрешается в пользу сильного отца, а не сына, как предписывает западная традиция. Гамлет и Дон Кихот (версия Мюнхгаузен) — самые популярные литературные, театральные и кинематографические герои в России начиная с XIX в.

Но и после Революции образы Гамлета и Дон Кихота остались актуальными для научного и художественного осознания истории в России. Дипломная работа известного ученого Л. С. Выготского была посвящена психологическому анализу шекспировского Гамлета (1917). Потеря реальной связи с отцом определялась ученым как внутренняя катастрофа героя. Преданность отцовским идеалам, нежелание жить по законам Революции привели к гибели и формированию «потерянного поколения» в изгнании после революции 1917 г. Пьеса М. Булгакова «Бег» (1926–1927), а впоследствии ее классическая уже экранизация (фильм А. Алова и В. Наумова, 1970) как раз о болезненном, на грани сумасшествия, уходе поколения последних «гамлетов» монархической России, тоскующих по сильному отцу-монарху.

Классик советского кино Григорий Козинцев экранизировал одну за другой две драмы — «Дон Кихот» (1957) и «Гамлет» (1964). Дон Кихот Козинцева — образ прекрасного душевного послевоенного идеалиста. Гамлет — предупреждение о расплате за отказ от отеческих гробов, любить которые предписывал еще А. С. Пушкин. Образы Гамлета и Дон Кихота создают рифму и ритм исторического времени в России. Гамлет олицетворяет табу на убийство отца и неотвратимое наказание за отступничество. Такова сила идентификации героя со своим отцом. Дон-Кихот — это надежда на свободу и жизнь, поиск экстравагантных фантастических способов спастись, преодолеть детский страх смерти. В фильме «Тот самый Мюнхгаузен» (1979) «донкихотский» идеализм показан как радостная миссия героя, уверенного в том, что фантазия должна стать главной стратегией жизни.

Литературная метафора, предложенная Тургеневым, была заимствована ведущими отечественными социологами. В 2005 г. они выпустили сборник, обобщив исследования порядка тридцати лет

и назвав по-тургеневски «Отцы и дети». Главной объясняющей концепцией смены поколений были все те же «гамлеты» и «донкихоты».

Поколение – общность людей с общими культурными ценностями и практиками, полем коммуникации и взаимодействия, а также схожей идентичностью. Идентификация, механизм, который обеспечивает восприятие художественных произведений в литературе и кино, предлагался социологами в качестве главного способа формирования сознания целых поколений. Утверждалось, что распад старых империй завершается выходом на авансцену истории поколений внуков-реваншистов. Они следуют идеалам не своих отцов-реформаторов, а дедов – носителей имперского сознания с его тягой к сильной власти и тоской по сильному Отцу. Но затем неизбежно следует волна примиренчески настроенного поколения, воспринимающего реванш как авантюру, возврат в прошлое. Молодежный протест воспринимается в России как форма девиантного, а не поискового, преобразовательного поведения. Выделяются военное, послевоенное, перестроечное, постперестроечное поколения, отмечается, что в мемуарах и воспоминаниях многие осознают свое поколение как брошенное, потерянное. Звучат мотивы сиротства, отсутствие связи с обществом и сверстниками, меланхолия, тоска по недостижимому идеалу. Психологическое сиротство, слабая или отсутствующая связь между сыновьями и отцами из-за постоянных войн, а в постперестроечное время из-за разводов, устойчивый синдром советского и постсоветского периодов. Но психологическое сиротство характерно и для поколений дореволюционной России.

Мы можем обобщить: идеологии поколений XIX в. формировались и отражались в литературе, муссировались в литературных, студенческих кружках и салонах. В XX в. таким средством коммуникации стало кино. Оно мобилизовало и ссорило поколения. Очень быстро на смену кино пришли телевидение, Интернет. Общие способы коммуникации, каналы получения знаний о мире входят в число инструментов формирования идеологий новых поколений.

Проблема «отцов и детей» проявляется и через Интернет, несмотря на его философию равенства и паритетности. Высокая неопределенность компьютерной коммуникации превращает сетевую активность в гигантскую проективную методику, а интерпретацию событий пользователями в произвольный ассоциативный эксперимент.

Структура семьи и связанные с нею стратегии воспитания проявляются в отношении родителей (преимущественно отцов) к детским

компьютерным играм. Сотрудничество и конфликт поколений внутри семьи стали предикторами стратегий цифровой социализации и стратегий обучения детей новейшим технологиям. Мы называем этот феномен культурной резистентностью по отношению к технологиям, когда архетипы «ломают», снижают эффективность технологических решений. С жесткой позицией «гамлетов», требованием абсолютного послушания связаны родительский гиперконтроль над использованием компьютера у детей. С позицией субдоминантных «донкихотов» связана гиперопека или попустительство в отношении сетевого поведения детей. Это проявляется в практике совместных детско-родительских игр или их запрете.

Для отечественной гуманитарной традиции характерна героизация поколений, определение через «святых», выдающихся личностей, героев, не через среднего, типичного представителя, а по верхней или нижней границе человеческих возможностей. Во многом это религиозная православная традиция: человек должен делать максимум возможного. Персонификация позволяет опосредованно определить социальную роль поколения – конформистское поколение («гамлеты»), протестное, инфантильное поколение «грез» («донкихоты»). «Гамлеты» и «донкихоты» меняются местами на протяжении жизни. Задача персонификации во многом литературная, как у Пелевина – «Поколение П». Это позволяет рассматривать смену поколений не как механический процесс, обусловленный тем, что люди рождаются в одно и то же время, участвуют в сходных событиях, состоят в одних партиях или неформальных объединениях, но и определяемый закономерным изменением (чередованием) семейных диспозиций: доминантных и субдоминантных, конфликтных и конформных, социально-зрелых и инфантильных.

Параллельно с литературным (субъективным, метафорическим, ассоциативным) освоением проблемы поколений в России, в Европе развивался рациональный (объективный, формально-логический) подход в рамках философии, истории и демографии. У нас проблема поколений психологизируется, а поколения персонифицируются. Объективизм достигается за счет расширения источников, сведений, интерпретаций, включенности автора в события. В Европе считали, что исследователь не несет ответственности за поступки участников истории и не должен влиять на установки свидетелей. В России исследователей интересовал не вопрос как (как создаются, формируются и функционируют поколения), а вопрос, кто эти люди (мораль-

ный облик поколения, его роль в истории, исторический масштаб). Если в Европе под влиянием рациональной традиции интерес вызывали вопросы внутриспоколенческой солидарности, то в России – описание идеальных героев своего времени, их конфликт со временем. Для нас важен герой, образец, для них – общая программа действий и солидарность.

Литература

Марченко Ф. О., Маховская О. И. Психология сетевой агрессии (кибербуллинга) во время эпидемии нарциссизма // Человек: образ и сущность. 2018. № 4. С. 100–119.

Маховская О. И. Межкультурные браки и модели семейных отношений // Межэтнические браки. Информационно-аналитический бюллетень. 2003. № 32. С. 19.

Маховская О. И. Культурно-историческая специфика решения проблемы «отцов и детей» в отечественной гуманитарной традиции: нравственно-психологические аспекты // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 168–182.

Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Тургенев И. С. Пол. собр. соч. В 30 т. Т. 8. Гамлет и Дон Кихот. М., 1978.

СПОСОБНОСТИ И МЕНТАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ

Когнитивный стиль «гибкий—ригидный познавательный контроль в младшем и среднем подростковом возрасте»*

Е. Г. Будрина (ИП РАН, Москва)

В статье рассматриваются особенности когнитивного стиля (КС) «гибкий—ригидный познавательный контроль в младшем и среднем подростковом возрасте». Полученные результаты свидетельствуют о том, что с возрастом увеличивается гибкость познавательного контроля, при этом способность к словесно-образному переводу не изменяется. В младшем подростковом возрасте КС представлен субгруппами полюса ригидного познавательного контроля и субгруппой «гибкие». В среднем подростковом возрасте КС представлен субгруппами полюса гибкого познавательного контроля и субгруппой «интегрированные». Большая часть детей с возрастом мигрирует в другие субгруппы, что свидетельствует в пользу положения о возможности изменений КС гибкий—ригидный познавательный контроль на протяжении школьного возраста.

Ключевые слова: когнитивный стиль гибкий—ригидный познавательный контроль, младший подростковый возраст, средний подростковый возраст, стабильность/мобильность когнитивного стиля.

Для процесса школьного обучения традиционно решается вопрос изучения характеристик, влияющих на успешность обучения. Формат школ постепенно меняется, это связано с увеличением потока информации, адресованной обучаемому с самых первых дней в школе. Одно из условий соответствия школы новому образовательному стандарту — это внедрение высокоскоростного интернета, электронных дневников, ведение урока с использованием интерактивного контента. Объем информации, который должен усвоить ученик в течение всего периода обучения, обуславливает и особые требования к познавательным и регуляторным аспектам учебной деятельности.

* Исследование выполнено в рамках Госзадания № 0138-2021-0007 «Многомерная природа способностей и ментальных ресурсов человека», ЕГИСУ НИОКР 121041500257-6.

Одним из когнитивных стилей (КС), который отражает индивидуальные различия людей в регуляции познавательной деятельности, является гибкий–ригидный познавательный контроль. Данный КС характеризует степень субъективной трудности в смене способа переработки информации в ситуации когнитивного конфликта (вербального и сенсорно-перцептивного). Гибкий познавательный контроль подразумевает сильную автоматизацию познавательных функций, а ригидный (т. е. жесткий) познавательный контроль – слабую автоматизацию познавательных функций. В процессе обучения ригидный познавательный контроль имеет взаимосвязь с невысокими показателями запоминания, низкой успеваемостью, а также импульсивностью и нейротизмом. В то время как высокая гибкость познавательного контроля позволяет учащемуся быстро переключаться с одной стратегии обработки информации на другую.

Учебная деятельность насыщена различными учебными ситуациями и задачами, представленными в разных формах. Учащиеся часто находятся в условиях дефицита времени и информационной перегрузки, и в ходе решения задач сталкиваются с эффектом интерференции. Следствием могут быть ошибки, пропуск части информации, увеличение времени выполнения заданий, напряженность в работе, развитие утомления и т. п.

Целью нашего исследования являлось выявление специфики КС «гибкий–ригидный познавательный контроль» в младшем (5-й класс) и среднем (7-й класс) подростковом возрасте, а также проследить стабильность/мобильность положения подростка в субгруппах КС при переходе от младшего к среднему подростковому возрасту.

Для определения КС «гибкость–ригидность познавательного контроля» использовался тест Дж. Струпа «Словесно-цветовая интерференция».

Основной показатель гибкости–ригидности познавательного контроля – результат измерения величины словесно-цветовой интерференции, которая вычисляется как разность времени (в секундах) выполнения третьей (цветные слова) и второй (цвет) карт теста, т. е. по формуле $T_3 - T_2$. Дополнительный показатель – коэффициент вербальности – это соотношение времени выполнения карты «цвет» и карты «слова» (T_2/T_1).

Общая выборка составила 99 учащихся (одни и те же дети). Первый замер был сделан, когда дети учились в средней школе в 5-м клас-

се, второй замер — когда дети перешли в 7-й класс. Исследование проходило на базе МБОУ СОШ № 31 г. Мытищи.

Перейдем к основным результатам исследования. С целью оценки значимости динамики показателей КС «гибкий—ригидный познавательный контроль» был применен критерий Вилкоксона.

При сравнении средних значений показателей гибкости—ригидности познавательного контроля наблюдается достоверное снижение ($T = -6,627$ при $p < 0,000$) основного показателя «Интерференция» в среднем подростковом возрасте (44,95) по сравнению с младшим подростковом возрастом (58,93). Достоверных различий по дополнительному показателю «Вербальность» не обнаружено. Таким образом, можно говорить о том, что в среднем подростковом возрасте увеличивается автоматизация познавательных функций, которая позволяет учащемуся легко переключаться с одной стратегии или стиля обработки информации на другой, при этом способность к словесно-образному переходу не изменяется.

Данное исследование выполнено в рамках модели квадриполярности когнитивных стилей (Холодная, 2018). Расщепление полюсов КС «гибкий—ригидный познавательный контроль» осуществлялось по основному показателю «Интерференция» и дополнительному «Вербальность». В плане теоретических ожиданий полюс гибкого познавательного контроля представлен субгруппами «гибкие» и «неинтегрированные», а полюс ригидного познавательного контроля — субгруппами «ригидные» и «интегрированные». Две стилевые субгруппы («гибкие» и «интегрированные») относятся к продуктивным и две («неинтегрированные» и «ригидные») — к непродуктивным.

В соответствии с задачей выделения субгрупп испытуемых, имеющих специфические стилевые характеристики, был проведен иерархический кластерный анализ по методу Уорда.

В младшем подростковом возрасте в рамках КС «гибкий—ригидный познавательный контроль» выделяются три субгруппы. Две из них являются «крайними», определяющими данный когнитивный стиль субгруппами: «гибкие» (для которых характерна высокая автоматизация познавательных функций) и «ригидные» (для которых характерна слабая автоматизация познавательных функций). Также присутствует третья субгруппа, относящаяся к полюсу ригидного познавательного контроля: «интегрированные», которых отличает высокий уровень когнитивной зрелости и высокая способностью к произвольному контролю своего интеллектуального поведения.

В среднем подростковом возрасте также выделяются три субгруппы КС «гибкий—ригидный познавательный контроль». Две из них относятся к полюсу гибкого познавательного контроля: «неинтегрированные», которые достаточно быстро называют цвет слова, поскольку они оказываются нечувствительными к когнитивному конфликту в силу неинтегрированности словесно-речевой и сенсорно-перцептивной форм опыта, и «гибкие», которые быстро справляются с когнитивным конфликтом на фоне интегрированности их опыта за счет активной работы механизма непроизвольного интеллектуального контроля внимания. Третья субгруппа, относящаяся к полюсу ригидного познавательного контроля, — «интегрированные», которые отличаются достаточно высоким уровнем когнитивной зрелости и высокой способностью к непроизвольному контролю своего интеллектуального поведения.

Таким образом, в младшем и среднем подростковом возрастах КС «гибкий—ригидный познавательный контроль» представлен 3 субгруппами, так же как и в младшем школьном возрасте (Будрина, 2018). В младшем подростковом возрасте КС представлен субгруппами полюса ригидного познавательного контроля («ригидные» и «интегрированные») и субгруппой «гибкие». В среднем подростковом возрасте КС представлен субгруппами полюса гибкого познавательного контроля («неинтегрированные» и «гибкие») и субгруппой «интегрированные». Субгруппа «ригидные», которая в младшем подростковом возрасте была представлена наибольшим количеством детей, в среднем подростковом возрасте при проведении кластерного анализа не сохранилась, т. е. произошло выпадение данной субгруппы. Субгруппа «неинтегрированные», которая не представлена в младшем подростковом возрасте, появляется в среднем подростковом возрасте.

При проведении повторного среза в среднем подростковом возрасте из 99 учащихся только 36 подростков (36,3%) имеют устойчивое положение в субгруппе КС (13 учащихся остались в субгруппе «интегрированные» и 23 учащихся сохранили свое положение в субгруппе «гибкие»), а 63 подростка (63,7%) мигрируют в другие кластеры.

Миграция детей из субгруппы «ригидные», которая считается самой непродуктивной, происходила по трем направлениям. В первом направлении наибольшее количество детей перешло в субгруппу «интегрированные» (22 подростка из 44), в этом случае дети переместились из одной субгруппы в другую субгруппу в рамках полюса ригидного познавательного контроля. Вторым по количественному переходу является миграция детей этой субгруппы в субгруппу «неинтегрированные» — 15 чел., которые и составили основу этой суб-

группы, в этом случае дети перешли из одной непродуктивной субгруппы в другую непродуктивную субгруппу, но уже в рамках другого полюса. Самым неожиданным является третье направление перехода из субгруппы «ригидные» в субгруппу «гибкие» – 7 чел., в этом случае произошла смена не только полюса ригидного познавательного контроля на полюс гибкого познавательный контроль, но и непродуктивной субгруппы в продуктивную субгруппу.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее.

1. С возрастом увеличивается гибкость познавательного контроля, следовательно, словесно-речевой и сенсорно-перцептивный способы кодирования информации становятся более интегрированы, при этом способность к словесно-образному переводу не изменяется.
2. В младшем и среднем подростковом возрасте КС «гибкий–ригидный познавательный контроль» представлен 3 субгруппами. В младшем подростковом возрасте КС представлен субгруппами полюса ригидного познавательного контроля («ригидные» и «интегрированные») и субгруппой «гибкие». В среднем подростковом возрасте КС представлен субгруппами полюса гибкого познавательного контроля («неинтегрированные» и «гибкие») и субгруппой «интегрированные».
3. Большая часть детей с возрастом мигрирует в другие субгруппы, что свидетельствует в пользу положения о возможности изменений в КС «гибкий–ригидный познавательный контроль».

Таким образом, когнитивный стиль «гибкий–ригидный познавательный контроль» в младшем и среднем подростковом возрасте находится на стадии формирования и специфичен в своих проявлениях.

Литература

Будрина Е. Г. Особенности когнитивных стилей гибкий/ригидный познавательный контроль и узкий/широкий диапазон эквивалентности в младшем школьном возрасте // Психолого-педагогические проблемы развития ребенка в современных социокультурных условиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 29–31 марта 2018 г. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2018. С. 226–231.

Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 3-е изд. М.: Юрайт, 2018.

К вопросу психометрических характеристик теста умственных способностей Р. Амтхауэра*

Т. В. Волкова (НОЧУ ВО МИП, Москва),

К. И. Ананьева (ИП РАН, Москва)

В данной работе рассмотрены вопросы применения теста структуры интеллекта (TSI) в условиях быстро меняющейся семантической ситуации. Исследуется трудность, дискриминативность и внутренняя согласованность заданий теста на выборке студентов-психологов. Показана специфика интеллектуальных способностей испытуемых, подтверждающая отождествление профессии психолога с гуманитарной направленностью и преобладанием вербального интеллекта.

Ключевые слова: общий уровень интеллекта, компоненты интеллектуальных способностей, трудность, дискриминативность, внутренняя согласованность.

Тест структуры интеллекта (TSI) разработан Р. Амтхауэром (1953) для широкого возрастного диапазона (от 13 до 65 лет) и предназначен, прежде всего, для профессиональной ориентации и отбора. Р. Амтхауэр представлял интеллект как структурированную целостность психических способностей, проявляющуюся в различных формах деятельности и выделил 4 ведущих компонента интеллекта: вербальный, счетно-арифметический, пространственный и мнемический, диагностика которых осуществлялась с помощью 9 субтестов. Позднее было создано несколько форм методики, некоторые из них используются до сих пор.

Многочисленные психологические исследования показали, что, выявляя только общий интеллектуальный показатель, можно сделать неверные выводы об интеллектуальном развитии человека (Холодная и др., 2019). А. В. Брушлинский, разрабатывая теоретические представления о мышлении, говорит, что «процессуальный, динамический характер мышления означает, что оно постоянно обогащается,

* Исследование проводилось в соответствии с Госзаданием № 0138-2023-0006, ЕГИСУ НИОКТР 121041500254-5.

насыщается все новым и новым содержанием» (Брушлинский, Поликарпов, 1999, с. 19). Психометрический же интеллект показывает лишь актуальную ситуацию, ограниченную рамками тестовых заданий, к тому же на тестовые результаты влияет не только образовательный уровень испытуемого, но и социокультурные факторы, а в связи с активным развитием цифровизации происходит и качественное изменение типа интеллекта подростков (Ясюкова, 2005), что требует обновления тестового материала и проверки его надежности в актуальном времени. Также интересным представляется рассмотреть особенности выполнения теста студентами-психологами, поскольку методика рекомендуется для использования в целях профотбора и профориентации. Как отмечает Л. Ф. Бурлачук, для профессии психолога важно иметь довольно высокие результаты по всем субтестам, поскольку психолог должен быть универсально подготовлен (Бурлачук, 2006).

В нашей работе представлены результаты исследования интеллектуальных способностей студентов-психологов (111 чел., в возрасте от 16 до 54 лет, их них 30 мужчин и 81 женщина) с помощью теста «ТУС» (адаптации «TSI», выполненной НПЦ «Психодиагностика» ЯрГУ).

Для анализа использовались программы SPSS v. 21.0 и MS Excel. Производился расчет индекса трудности заданий (I), а также коэффициента дискриминативности (KD) для каждого субтеста и вопроса в отдельности. Был выполнен анализ внутренней согласованности методами расщепления и коэффициента надежности α Кронбаха. Также был произведен расчет среднегрупповых значений в группе студентов-психологов и сравнение полученных результатов с другими профессиональными выборками.

Выполненный анализ позволил получить следующие результаты.

Субтест № 1 «Осведомленность» оценивает знание фактов из различных областей жизни, науки, культуры. Получено, что среднее значение коэффициента трудности заданий, входящих в субтест, составляет 0,43, при этом среднее значение дискриминативности заданий неудовлетворительно ($KD = 0,2$). Важно отметить, что первый субтест выполняет мотивирующую роль (общую для слабых и сильных). Показатель надежности α Кронбаха для субтеста составил 0,660, что с учетом широкого диапазона и неоднозначности конструкта «осведомленность» можно считать достаточно хорошим. Анализ по каждому вопросу показал, что студенты-психологи хорошо справляются с заданиями, направленными на «житейскую» осведомлен-

ность и осведомленность в общественных науках, а также с различием смысловых оттенков слов. Дополнительная направленность вопроса на абстрактность, математическая нагрузка, двойственность, варибельность значения или тонкие смысловые оттенки повышают трудность выполнения заданий (например, вопросы № 8, № 14, № 19, № 20). Исходя из полученных данных, задания № 3 и № 4 следует изменить, внося в них более современный контекст.

Субтест № 2 «Исключение лишнего» оценивает вербальный интеллект и способность выделять существенный признак. Средние показатели по заданиям субтеста: $I=0,47$; $KD=0,29$, $\alpha=0,753$. Низкая дискриминативность ($KD(0,2)$) обнаружена в вопросах № 21, № 22, № 23, № 24, № 25, № 29, № 33, при этом вопросы № 21, № 23, № 24 оказались одинаково легкими для слабой и сильной групп ($I=0,25$; $I=0,29$; $I=0,26$). Также слабо дифференцировались группы в вопросах № 22, № 25, № 33 средней трудности ($I\approx 0,5$). Таким образом, для улучшения показателей дискриминативности заданий субтеста нужна корректировка вопросов № 21, № 23, № 24 в сторону повышения их трудности.

Субтест № 3 «Аналогии» оценивает вербальный интеллект, способность к нахождению причинно-следственных и ассоциативных связей. По данному субтесту были получены хорошие средние показатели трудности, дискриминативности и внутренний согласованности: $I=0,46$, $KD=0,32$, $\alpha=0,737$. На вопросе № 56 ($I=0,67$; $KD=0,53$) наблюдался пик дифференциации групп, который возникает из-за нечеткой приведенной аналогии, т. е. вопрос требует корректировки.

Субтест № 4 «Обобщение» оценивает вербальные способности на выстраивание уровневых отношений и вынесение суждения. Средние показатели по субтесту: $I=0,31$, $KD=0,31$, $\alpha=0,665$. При этом наблюдаются низкие значения дискриминативности ($KD<0,2$) в легких ($I\leq 0,2$) заданиях (№ 64, № 68, № 70, № 74, № 76), а трудность повышается, если строгие родовые категории слов принадлежат разным семантическим областям, и тогда существенный объединяющий признак поднимается на абстрактный уровень.

Субтест № 5 «Арифметические задачи» оценивает овладение математическими операциями, а также интуицию и практическое мышление. Средние показатели по данному субтесту: $I=0,60$; $KD=0,49$; $\alpha=0,894$. Трудность плавно повышается от начала, также увеличивается дискриминативность, практически повторяя динамику трудности.

Субтест № 6 «Числовые ряды» оценивает математический интеллект, связанный с формальной логикой. В данном случае были получены наиболее высокие показатели: $I = 0,59$; $KD = 0,38$; $\alpha = 0,861$. Трудность планомерно возрастает от начала к концу субтеста, как и дискриминативность. Легче решаются задания, в которых используется простая зависимость, т. е. операции производятся с помощью одной и той же цифры или производятся одинаковые операции, но с разными цифрами.

Субтест № 7 «Фигуры» оценивает способность к плоскостной комбинаторике и образный синтез. Средние показатели по тесту: $I = 0,44$; $KD = 0,29$; $\alpha = 0,787$. Наибольшая трудность получена по заданиям № 121, № 127, № 134, № 136.

Субтест № 8 «Кубики» оценивает способность к пространственному анализу и воображение. Средние показатели по субтесту: $I = 0,51$; $KD = 0,38$; $\alpha = 0,835$. Волнообразная динамика коэффициентов I и KD совпадает, т. е. задания повышенной трудности успешнее решаются «сильными» респондентами, а нетрудные решаются успешно всеми.

Субтест № 9 «Запоминание» – вербальный тест на оперативную логическую память. Средние показатели по субтесту: $I = 0,36$; $KD = 0,31$; $\alpha = 0,865$, что является в целом хорошими показателями.

Таким образом, представленный материал показывает в целом соответствие методики психометрическим требованиям, за исключением некоторых конкретных заданий, требующих изменений.

Еще одним этапом работы стало проведение факторного анализа данных, полученных на студентах-психологах. Был проведен эксплораторный факторный анализ по методу главных компонент, который выделил два фактора: вербальный компонент (44,2% объясненной дисперсии) и невербальный (11,3% объясненной дисперсии).

Выполненный конфирматорный факторный анализ подтвердил факторные ковариации субтестов по вербальному (субтесты № 1, № 2, № 3, № 4 и № 9) и невербальному (субтесты № 5, № 6, № 7 и № 8) факторам и показал, что полученная модель соответствует принятым психометрическим стандартам: $\chi^2(27,0)$, $df(25,0)$, $p < 0,358$, CFI (0,996), TLI (0,994), SRMR (0,05), RMSEA (0,03). Однако подтверждения деления на «одаренность практическую» по субтестам № 1 и 3 или «теоретическую» по субтестам № 2 и 4 (Сенин и др., 1996, с. 11) не зафиксировано.

Проведенный анализ сравнения средних нашей выборки и кандидатов профотбора в исследовании ЯрГУ по одновыборочному t -

критерию показал статистически значимые различия по субтестам 1–7 (Сенин и др., 1996):

- по вербальным субтестам 1–4, арифметическому субтесту 5 и по геометрическому субтесту 7 выявлено повышение/улучшение интеллектуальных способностей у студентов-психологов;
- по математическому субтесту 6 выявлено понижение /ухудшение интеллектуальных способностей у студентов-психологов.

По пространственному субтесту 8 и по субтесту на запоминание 9 статистически значимых различий не обнаружено.

Таким образом, наблюдаются значимые изменения, прежде всего, в вербальном компоненте интеллекта респондентов, который в наибольшей степени зависит от средового влияния. А. В. Брушлинский, говоря о деятельности, подчеркивал ее социальную сущность, включенную в «систему исторически определенных общественных отношений», и что «максимально-оперативный контакт с действительностью» человек обеспечивает с помощью анализа, синтеза, обобщения (Брушлинский, Поликарпов, 1999, с. 4, 7).

Итак, анализ данных полученных по выполнению заданий методики «ТУС» студентами-психологами показал, что часть заданий теста не соответствуют требованиям трудности и дискриминативности, по-видимому, являясь устаревшими и, соответственно, требуют изменения/корректировки.

Литература

- Брушлинский А. В., Поликарпов В. А.* Мышление и общение (2-е дораб. изд.). Самара: Самар. дом печати, 1999.
- Бурлачук Л. Ф.* Психодиагностика: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2006.
- Тест умственных способностей (ТУС) / И. Г. Сенин, О. В. Сорокина, В. И. Чирков (авторы адаптации). Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996.
- Холодная М. А., Трифонова А. В., Волкова Н. Э., Сиповская Я. И.* Методики диагностики понятийных способностей // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 3. С. 105–118.
- Ясюкова Л. А.* Закономерности развития понятийного мышления и его роль в обучении. СПб.: ГП «Иматон», 2005.

Понятийные способности и темперамент*

Н. Э. Волкова (ИП РАН, Москва)

В данной работе рассматривается соотношение показателей понятийных способностей и темперамента. Было показано, что показатели интеллектуальной активности оказывают статистически значимое влияние на градацию показателей понятийных способностей.

Ключевые слова: понятийные способности, способности к категориальному обобщению, способности к классификации, способности к элементарным логическим операциям, концептуальные способности, темперамент.

С развитием интеллектуальной деятельности поведение человека приобретает значительную вариативность, обеспечивая более адекватное регулирование поведения в соответствии с изменяющимися условиями. Интеллект является наиболее важным психическим свойством, от которого сильнее всего зависят профессиональные достижения, уровень образования и доходы, определяющие успех личности и общества. Вместе с тем Н. И. Чуприкова подчеркивает отсутствие хотя бы сколько-нибудь удовлетворительного понимания природы интеллекта. Качество процессов анализа и синтеза, обобщения и абстракции, а также легкость и быстроту приобретений нового опыта определяет мера дифференцированности и иерархичности репрезентативно-когнитивных структур, выступающих в качестве основы интеллекта. М. А. Холодная рассматривает интеллект как форму организации ментального опыта. Основное назначение интеллекта – построение ментальных репрезентаций происходящего. Чем более развиты понятийные структуры интеллекта, тем больше объективированными являются ментальные репрезентации (Холодная, 2019).

Л. М. Веккер отмечает, что термин «интеллект» охватывает целостно функционирующую совокупность познавательных процессов

* Исследование выполнено в рамках Гос. задания № 0138-2021-0007 «Многомерная природа способностей и ментальных ресурсов человека». ЕГИСУ НИОКР 121041500257–6.

от сенсорного до концептуального уровня (Веккер, 1998). Понятийное мышление как высший уровень этой интегральной совокупности включают в себя все нижележащие слои интеллекта, воплощая в себе форму «интегральной работы многоуровневой иерархии интеллекта, охватываемой общим принципом, в рамках которого действуют частные закономерности каждого из уровней в отдельности» (там же, с. 174). Понятийное мышление (понятийные способности, в терминах М. А. Холодной) предстает одновременно и как высший генетический уровень мыслительных процессов, и как их вид, который воплощает в себе форму интегральной работы интеллекта.

В научной литературе выделяют следующие понятийные способности: способность к категориальному обобщению, способность к классификации, способности к элементарным логическим операциям, концептуальные способности и семантические способности.

Способность к категориальному обобщению (СКО) тесно связана с функциями памяти. К высшим формам обобщения «мышление приходит через опосредование, через раскрытие отношений, связей, закономерностей развития» (Рубинштейн, 2000, с. 327–328). Обобщение на двух крайних полюсах выступает в двух различных формах — в виде генерализации и понятийного обобщения, «связанного со словом, как условием и формой своего существования» (Рубинштейн, 2000, с. 146). Благодаря способности к категориальному обобщению непосредственное восприятие действительности обогащается путем установления сложных связей, зависимостей и отношений между предметами, представленными в понятии, и остальной действительностью.

В. Д. Шадриков рассматривает способность к классификации (СК) как вид интеллектуальной операции, отвечающий за распределение каких-либо предметов, явлений, понятий по классам, группам, рядам на основе определенных общих признаков. Ф. Кликс отмечает, что понятийная классификация возникает прежде всего из сенсорного обращения с предметами и в меньшей степени из общения с другими живыми существами.

Логическое мышление или способность выполнять элементарные логические операции (СЭЛО) обуславливает разумное поведение человека в сложных и неопределенных условиях (Ясюкова, 2005). Данные масштабного эксперимента, в котором приняло участие 3600 респондентов трех возрастных групп, направленного на формирование

логического мышления, показали достоверный рост академической успеваемости и флюидного интеллекта.

Концептуальные способности (КС) в литературных источниках представлены как в узком (один из видов интеллектуальных способностей), так и в широком планах – как более точная мера психометрического интеллекта (g), отражающая продуктивность работы когнитивной подсистемы психики. Р. С. Никерсон, Д. Н. Перкинс и Е. Е. Смит рассматривают специфику человеческого интеллекта, в отличие от искусственного интеллекта, выделяют способность разрабатывать и использовать концептуальные модели как один из шести видов интеллектуальных способностей. К. Д. Эллиот рассматривает концептуальные способности в широком плане. Он отвергает термины IQ и интеллект, полагая что общие концептуальные способности являются более точной мерой психометрического интеллекта. К. Д. Эллиот определяет общие концептуальные способности (General Conceptual Ability; GCA) как «общую способность человека выполнять сложную умственную обработку, включающую концептуализацию и преобразование информации». М. А. Холодная определяет концептуальные способности как «принципиально новый тип интеллектуальных способностей, обеспечивающий порождение ментальной репрезентации происходящего и контроль за этим процессом» (Холодная и др., 2019, с. 107). Согласно автору, в качестве эмпирических критериев концептуальных способностей могут выступать: 1) выявление латентных признаков и закономерностей; 2) формирование представлений о причинах и последствиях происходящего; 3) варьирующиеся и альтернативные интерпретации; 4) конструирование ментального контекста; 5) понимающее (с извлечением смыслов) чтение; 6) разработка новых идей, включая концептуальные метафоры; 7) создание ментальных нарративов разной степени сложности.

На сегодняшний день имеется достаточное количество работ о соотношении понятийных способностей и показателями интеллекта и креативности, однако работ о соотношении понятийных способностей и темперамента в научной базе не обнаружено. Вместе с тем в работах Я. Стреляу указывается на общие аспекты темперамента и способностей, индивидуальные различия которых в большей мере обусловлены наследственностью. Автор подчеркивает, что воспитание оказывает гораздо большее влияние на формирование способностей, чем на темперамент.

В. М. Русалов вслед за В. Д. Небылицыным выделяет общую активность и общую эмоциональность в структуре темперамента, которые в качестве необходимых компонентов включаются в более высокоорганизованные психические структуры, общая активность — преимущественно в общие способности в то время, как общая эмоциональность — в характер. В. М. Русалов предположил, что сходство общих способностей и темперамента обусловлена общей генетической основой благодаря общему для них динамическому компоненту — общей активности.

В работах А. Томаса, С. Чесс и В. С. Мерлина выдвигается гипотеза об опосредованном влиянии темперамента через организацию учебного процесса на общие способности. В исследовании Е. В. Семенченко о характере связей между свойствами темперамента и общих умственных способностей в группах дошкольного и школьного возрастов было показано, что у дошкольников больше статистически значимых коэффициентов корреляций между показателями темперамента и интеллекта, чем у младших школьников, а интеллектуальные характеристики преимущественно связаны с характеристиками темпераментальной предметной активности. На следующих этапах анализа было обнаружено, что у детей с низким интеллектом (как у дошкольников, так и младших школьников) количество статистически значимых корреляций между темпераментом и интеллектом больше, чем у детей с более высоким уровнем интеллекта.

Большинство работ, посвященных соотношению общих способностей и темперамента, оценивают преимущественно не сами общие способности, а уровень умственного развития.

Цель настоящего исследования состояла в изучении влияния градации показателей темперамента на изменение показателей понятийных способностей. Опираясь на теоретический анализ, мы предположили, что более высокая интеллектуальная активность лежит в основе более высоких показателей понятийных способностей.

Дизайн исследования

В исследовании приняло участие 299 респондентов гуманитарных специальностей из Костромы, Москвы, Пензы, Перми и Таганрога в возрасте от 18 до 24 лет ($19,32 \pm 1,48$), среди них 62% девушек. Диагностический комплекс включал:

1. Метод оценки темперамента («Опросник формально-динамических свойств индивидуальности») (Русалов, 2012).
2. Методы оценки понятийных способностей:
 - a) Диагностика способности к категориальному обобщению («Обобщение трех слов») (Холодная и др., 2019).
 - b) Диагностика способности к классификации («Свободная сортировка слов») (Колга, 1976).
 - c) Диагностика способности к элементарным логическим операциям («Элементарные логические операции») (Rusalov, Volkova, 2021).
 - d) Диагностика концептуальных способностей («Понятийный синтез») (Холодная и др., 2019).

Статистическая обработка данных осуществлялась на базе программного пакета IBM SPSS Statistics v. 27.0. Сырые данные были преобразованы в шкалу стенов на основе процентильной стандартизации. В качестве зависимых переменных выступали показатели понятийных способностей (СКО, СК, СЭЛО, КС), независимых – показатели темперамента (АМ, АИ, АК, ЭМ, ЭИ, ЭК). Понятийные способности – метрического типа, независимые переменные имеет несколько градаций показателей (2–4 – низкий уровень, 5–7 – средний уровень, 8–10 – высокий). Полученные эмпирические данные были проверены на пригодность к дисперсионному анализу, поскольку значимость критерия однородности Ливиня превышала 0,05 (дисперсия для каждой из групп статистически достоверно не различается), то результаты ANOVA могут признаны корректными.

Результаты исследования

Как и следовало ожидать, опираясь на исследования В. М. Русалова и С. И. Дудина, градации показателей интеллектуальной активности (АИ) демонстрировали статистическое значимое влияние на показатели способности к классификации ($F = 7,15$; $p < 0,000$), способности к элементарным логическим операциям ($F = 8,58$; $p < 0,000$) и концептуальные способности ($F = 4,53$; $p < 0,01$). То есть с ростом показателя интеллектуальной активности достоверно возрастают показатели указанных понятийных способностей. Однако подобный эффект в случае способности к категориальному обобщению не обнаружен.

Выявлена тенденция изменения показателей концептуальных способностей под влиянием градации показателя коммуникативной активности (АК; $F=2,81$; $p=0,06$).

Показано, что показатели моторной эмоциональности (ЭМ) оказывают статистически значимое влияние на градацию показателей способности к классификации ($F=4,55$; $p<0,01$).

Литература

Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.

Холодная М. А., Трифонова А. В., Волкова Н. Э., Сиповская Я. И. Методики диагностики понятийных способностей // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 3. С. 105–118.

Ясюкова Л. А. Закономерности развития понятийного мышления и его роль в обучении. СПб.: ГП «Иматон», 2005.

Rusalov V. M., Volkova N. E. A test “Elementary logical operations”: Psychometric characteristics on the russian sample // Natural Systems of Mind. 2021. V. 1. № 1. P. 48–58.

Личностные особенности студентов как статистические предикторы лживости

С. М. Гайнуллина (УУНиТ, Уфа), С. А. Башкатов (УУНиТ, Уфа)

Рассматривается содержание понятий «ложь» и «лживость» в контексте анализа работ отечественных и зарубежных авторов. Отмечается отсутствие в литературе эмпирических данных, позволяющих охарактеризовать специфику проявлений феномена лживости в студенческой среде, выступающей как одна из наиболее активных социальных групп населения. В проведенном эмпирическом исследовании приняли участие 407 студентов вуза очной, очно-заочной и заочной форм обучения обоого пола в возрасте от 17 до 37 лет, средний возраст – $19,80 \pm 2,64$ лет. Целью исследования явилось изучение личностных особенностей студентов как предикторов лживости. Полученные результаты свидетельствуют о принципиальной возможности прогнозирования склонности ко лжи на основании анализа статистических зависимостей между независимыми и зависимыми переменными, показавшего, что следующие характеристики студенческой выборки могут выступать предикторами лживости: экстраверсия, добросовестность и нейротизм.

Ключевые слова: ложь, лживость, личностные особенности как предикторы лживости, студенты.

В современной научной литературе продолжаютсся дебаты о природе, сущности и генезисе феномена лжи (лживости), обусловленные множеством дискуссионных вопросов, существующих в этой области знания. Одни исследователи высказывают мнение о том, что ложь функционирует в структуре феноменологического статуса личности, другие указывают на ложь как способ решения различных психологических проблем, третьи считают лживость следствием серьезного психического расстройства, например, такого как алкоголизм или наркомания. Зарубежными и отечественными авторами, начиная со средних веков вплоть до современности, было проведено достаточно много исследований феномена лжи (лживости). Так, М. Монтень

о лживости рассуждал следующим образом: «Лживость – это гнуснейший порок... И если бы мы сознавали всю мерзость и тяжесть упомянутого порока, то карали бы его сожжением на костре с большим основанием, чем иное преступление» (Монтень, 1979). Ж. Дюпра определяет ложь как психосоциологический акт воздействия, при помощи которого пытаются внушить человеку «верование», не соответствующее истине. В. С. Соловьев рассуждает о лжи как о принципе моральной философии. Он выделяет два подхода к решению дилеммы лжи: 1) формальный подход, который принципиально не допускает ложь в какой-либо форме, так как требует от человека безусловного следования правилу «не лги»; 2) альтруистический подход, который допускает ложь в гуманных целях, однако открывает дверь всяким злоупотреблениям.

Н. А. Бердяев выводит оригинальную иерархию проявлений лжи: 1) абсолютная ложь (ложь мира) – изолганное бытие, имеющее своим источником злую свободу хаоса, где нет и не может быть позитивных ценностей; 2) социальная ложь (социально организованная или максимальная ложь), которая включает ложь нации, церкви, государства, партии, семьи, науки, искусства. Также разновидностями социальной лжи философ называет ее личностные, психологические проявления, такие как сознательная и бессознательная ложь, внутренняя сокровенная лживость, ложь другим, ложь себе; 3) условная ложь – вежливость, где открывается возможность проявления добра и любви к человеку, носящая не системный, а эпизодический характер; 4) добродетельная ложь (ложь из сострадания, ложь как средство достижения добра).

В современном научном познании лживость изучается в разных аспектах. М. Г. Чухрова и Т. А. Филь понимают под ложью факт осознанного, преднамеренного искажения истины, выраженный в словах или поступках. А. А. Вихман определяет ложь как специфическую информационно-манипулятивную активность, представляющую собой целостное психологическое образование, характеризующее меру скрытого, одностороннего воздействия субъекта лжи на ее объект. И. М. Кондаков определяет лживость как форму поведения, характеризующую систематическим сознательным стремлением создать у других неправильное впечатление о фактах и событиях для извлечения выгод или для предотвращения негативных последствий.

В литературе существует точка зрения, согласно которой склонность к лживости обусловлена психологическими особенностями

человека. Так, И. А. Церковная утверждает, что лживость связана с психофизиологическими, психологическими и социально-психологическими характеристиками личности (Церковная, 2005). К. Леонгард считает, что большую роль в формировании лживости играет психотип личности, в частности демонстративный тип акцентуации характера. В. В. Знаков описывает ситуативные факторы лживого поведения, относя к ним социальные условия жизни людей. А. А. Дупак отмечает, что такому явлению, как ложь, подвержены все слои общества. По мнению П. Экмана, лживость представляет собой черту личности, тяготеющую к эмоционально окрашенным актам умолчания и искажения актуальной информации (Экман, 2019). Ложь трактуется им «как обман, как действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды».

Таким образом, в научной литературе имеется достаточное количество работ, с разных сторон освещающих психологические аспекты лжи и лживости. Анализ источников показывает, что в наиболее общем виде ложь представляет собой акт осознанного, преднамеренного искажения истины, а лживость — личностно обусловленную склонность к совершению таких актов (поступков). При этом склонность определяется как устойчивая поведенческая тенденция. Однако на уровне конкретных исследований систематизированы не все факты, касающиеся различных характеристик проявления лживости у человека. Анализ литературы также показывает, что проблематика лживости является малоизученной для такой высокоактивной социальной группы населения, как студенты вуза. В период студенчества происходят процессы формирования устойчивой системы ценностей и социального статуса личности, становления самосознания и критического мышления, отмечается стремление давать собственную оценку различным общественным процессам и явлениям, наблюдается поиск аргументации подходов к самостоятельному решению жизненных проблем. При этом у студентов сохраняются субъективные стереотипы, убеждения и установки, которые проявляются в их жизнедеятельности как стремления к идентификации и обособлению, конформизму и негативизму, подражанию и отрицанию общепринятых норм и ценностных ориентаций. В связи с этим не вызывает сомнений, что прогнозирование лживости по предикторам личностных особенностей, что является целью нашего исследо-

вания, имеет социальную значимость и заслуживает научного внимания. С учетом изложенного, мы предположили, что существуют статистические зависимости между личностными особенностями и характеристиками лживости, которые могут выступать в качестве предикторов лживости у студентов вуза.

Организация и методы исследования

В эмпирическом исследовании приняли участие 407 студентов вуза очной, очно-заочной и заочной форм обучения в возрасте от 17 до 37 лет (средний возраст – $19,80 \pm 2,64$ лет), из них 225 женщин и 182 мужчины. Для определения психологических особенностей личности в эмпирическом исследовании использовались следующие методики: личностный опросник П. Косты и Р. Маккрэя NEO PI-R («Большая пятерка») (Орёл, Сенин, 2008); опросник «Виды лжи» И. П. Шкуратовой (Шкуратова, 2009); многомерно-функциональный вопросник «Лживость» И. А. Церковной (Церковная, 2005). Обработка полученных данных проводилась с помощью пакета компьютерных программ Statistica 10.0. Рассчитывались показатели описательной статистики, для оценки зависимости показателей видов лжи и лживости от личностных особенностей применялся непараметрический аналог дисперсионного анализа – Н-критерий Краскела–Уоллиса и регрессионный анализ. При этом в качестве независимых переменных мы выбрали следующие характеристики личностных особенностей: нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, сотрудничество, добросовестность. При оценке статистической значимости и направленности зависимости видов лжи и лживости от показателей личностных особенностей учитывались вероятность нулевой гипотезы p и направление линии тренда зависимости средних рангов зависимых переменных от градаций факторов (независимых переменных).

Результаты и их обсуждение

Было установлено, что следующие переменные могут выступать предикторами лживости: экстраверсия, добросовестность и нейротизм. Так, независимая переменная «экстраверсия» статистически уменьшает показатель «ложь—оправдание» и может выступать прогностическим показателем согласно уравнению линейной регрессии: «ложь—оправдание» = $-46,8846 \times$ «экстраверсия» + 298,0899 ($p < 0,001$).

Эту зависимость можно объяснить следующим образом. Показатель «экстраверсия» включает в себя сердечность, которая характеризуется нежностью, дружелюбием, искренностью, радушием, установлением теплых и близких контактов с другими людьми. Она также проявляется в предпочтениях человека быть среди других людей, переживать чувство удовольствия, быть лидером группы, быть уверенным в своих решениях, испытывать постоянную потребность в деятельности, ярких впечатлениях и волнующих переживаниях (Орёл, Сенин, 2008). Экстраверты активно и уверенно проговаривают свои жизненные планы и решения. Из сказанного следует, что экстраверты, очевидно, не нуждаются во лжи для оправдания, так как редко попадают в такие ситуации. Сделанное заключение подтверждается выявленной зависимостью между ложью—оправданием и нейротизмом, которая описывается уравнением линейной регрессии: «ложь—оправдание» = 25,3938 + 76,2502 × «нейротизм» ($p < 0,001$). Согласно этой зависимости, независимая переменная «нейротизм» увеличивает выраженность зависимой переменной «ложь—оправдание». Очевидно, такая личностная черта человека, как нейротизм, характеризуется тревожностью, напряженностью, пугливостью, враждебностью, склонностью испытывать чувство вины, грусти, безнадежности и одиночества, что может привести к депрессивному состоянию. Такой человек не уверен в себе, испытывает негативные аффективные состояния, не способен контролировать желания и побуждения, подвержен стрессу, аддикциям, паническим атакам (там же). Перечисленные психологические особенности интроверта неизбежно ведут к ошибкам в поведении и деятельности, за которые ему приходится оправдываться, прибегая при этом ко лжи.

Выявленную зависимость показателя «лживость» от предиктора «добросовестность» ($p < 0,001$), из которой следует, что независимая переменная «добросовестность» увеличивает показатель «лживость» и может выступать прогностическим показателем согласно уравнению линейной регрессии: «лживость» = 74,9808 × «добросовестность» + 59,7494, можно объяснить тем, что добросовестные люди продумывают свои действия перед их выполнением; они характеризуются целеустремленностью, волей, решительностью и непреклонностью, компетентностью, организованностью, аккуратностью, чувством долга, скрупулезностью, стремлением к достижению целей, усидчивостью, наличием амбиций, самодисциплины, импульсивности и осторожности (там же). Складывается впечатление, что лживость у добро-

совестной личности является следствием наличия повышенной ответственности за требуемый результат, ведущей в случае появления трудностей в его достижении к нездоровому перфекционизму, который и выражается в актах лживости.

Заключение

1. Анализ литературы показывает, что прогнозирование лживости является актуальной проблемой, имеет социальную значимость и может быть предметом научно-практического исследования.
2. Ложь представляет собой сложный феномен сокрытия человеком информации, акт осознанного, преднамеренного искажения истины, а лживость — личностно-обусловленную склонность к совершению таких актов (поступков).
3. Полученные на достаточно большой выборке студентов вуза результаты свидетельствуют о принципиальной возможности прогнозирования лживости. На основании анализа статистических зависимостей между независимыми и зависимыми переменными было установлено, что следующие характеристики генеральной совокупности студентов вуза могут выступать предикторами лживости: экстраверсия, добросовестность и нейротизм. Предикторы «Экстраверсия» и «Добросовестность» дают возможность прогнозировать высокие значения «лживости». При этом «Экстраверсия» также позволяет предполагать низкие значения показателя «ложь—оправдание», а «Нейротизм» является предиктором «лжи—оправдания». Таким образом, выявленные статистические зависимости подтверждают выдвинутую эмпирическую гипотезу. При этом важно помнить, что отношения между независимыми и зависимыми переменными отражают лишь математическую зависимость переменных, позволяющую предсказывать значения зависимой переменной, и не объясняют причинно-следственные отношения между ними.

Литература

- Монтень М. Опыты. В 3 кн. М., Наука, 1979.
- Орел В. Е., Сенин И. Г. Личностные опросники NEO PI-R и NEO FFI. Руководство по применению. 2-е изд. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2008.

- Шкуратова И. П.* Самопредъявление личности в общении // Федеральное агентство по образованию РФ, ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет», факультет психологии. Ростов-н/Д.: Южный федеральный университет, 2009.
- Церковная И. А.* Многомерно-функциональное исследование лживости как индивидуально-психологической особенности личности: Дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Экман П.* Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2019.

Межполовые различия биоэлектрической активности при выполнении теста Струпа*

Д. А. Докучаев (ИП РАН, Москва)

Проанализированы межполовые различия нейроэффективности когнитивной деятельности на примере выполнения заданий теста Струпа. Нейроэффективность рассматривалась в терминах Р. Дж. Хайера и оценивалась с помощью анализа общего спектра мощности и основных частотных диапазонов ЭЭГ (дельта-, тета-, альфа-, бета1 и бета2-ритмы). Обнаружено, что девушки затрачивают больше энергии, в терминах спектра мощности ЭЭГ, во всех отведениях со статистически значимыми различиями, причем затрачивают больше времени на решение первого и второго субтестов. При анализе частотных полос спектра мощности ЭЭГ было выявлено, что значения биоэлектрической активности у девушек выше во всех частотных диапазонах, кроме отведения Т6 в бета1-диапазоне при выполнении первого субтеста.

Ключевые слова: нейроэффективность, межполовые различия, спектр мощности ЭЭГ, частотный анализ ЭЭГ, ОФДСИ.

В психологии эффектом Струпа называют задержку реакции при прочтении слов, когда цвет слов не совпадает со значением слова (например, слово «красный» написано синим). Эффект назван в честь Джона Ридли Струпа, впервые опубликовавшего этот тест в 1935 г. (Stroop, 1935). Тест предназначен для диагностики когнитивного стиля гибкость/ригидность когнитивного контроля. Этот когнитивный стиль характеризует степень субъективной трудности в смене способов переработки информации в ситуации когнитивного конфликта. Ригидный контроль свидетельствует о трудностях перехода от вербальных функций к сенсорно-перцептивным в силу низкой степени их автоматизации, тогда как гибкий — об относительной легкости такого перехода в силу высокой степени их автоматизации.

* Исследование выполнено в рамках Госзадания № 0138-2021-0007 «Многомерная природа способностей и ментальных ресурсов человека», ЕГИ-СУ НИОКР 121041500257–6.

По словам А. Р. Лурии, «важнейшим положением... является идея о том, что высшие психические функции надо сопоставлять не... с морфологическим субстратом, а с физиологическими процессами, которые осуществляются в тех или иных мозговых структурах во время реализации функции» (цит. по: Хомской, 2005). Методом исследования психологических функций, в частности энергозатрат головного мозга, может выступать электроэнцефалограф, который, позволяя исследователям «увидеть» внутренние процессы развития. Говоря терминами Аристотеля, «то, что воздействует на орган, делает его таким, каково само воздействующее в действительности, потому что он таков в возможности». Отсюда следует, что такая устойчивая характеристика личности, как когнитивный стиль, как бы изменяет морфологическую и физиологическую структуру головного мозга, подобно принципу общего конечного пути, по Чарльзу Шеррингтону.

Одним из важнейших конструкторов в психологии способностей является нейроэффективность. Данный феномен впервые был описан в работе Р. Дж. Хайера и его коллег, обнаруживших обратную зависимость между уровнем энергопотребления головного мозга и результатами тестов интеллекта.

Проведенный нами обзор современных исследований по проблеме нейроэффективности когнитивной деятельности также выявил наличие парадоксальных данных, иногда прямо противоречащих гипотезе нейроэффективности.

Цель исследования: выявить межполовые различия биоэлектрической активности при выполнении заданий теста Струпа.

Материалы и методы

Бланковые методы, применяемые в данном исследовании:

- опросник формально-динамических особенностей индивидуальности «ОФДСИ».

Компьютерные методы психологических исследований:

- компьютерная реализация классической версии теста Струпа в среде InTesting (Волкова, Нилопец, 2016). Тест состоит из трех заданий. Первое задание заключается в том, чтобы как можно быстрее назвать появляющееся на экране слово, обозначающее цвет и напечатанное черным цветом, и нажимать на кнопку, после чего на экране появляется следующее слово, и т. д.; второго —

вслух назвать цвет фигуры, появляющейся на экране, и нажать на кнопку, после чего сразу же появляется следующая фигура, и т. д.; третьего — назвать цвет слов, напечатанных шрифтом не соответствующих значениям цветов, и нажать на кнопку, соответствующую названию цвету чернил, которым слово написано, после чего появляется следующий стимул. По каждому заданию поочередно предъявлялось 100 стимулов. Показателем эффективности выполнения задания служило суммарное время, затраченное на задание. Также рассчитывался показатель «вербальности», определяемый как соотношение времени выполнения второго (цвет) и первого (слова) задания T_2/T_1 . Высокие значения этого показателя свидетельствуют о преобладании словесного способа переработки информации, низкие — сенсорно-перцептивного.

Оборудование

Электроэнцефалограф Encephalan-EEGR-19/26 Medicom MTD (европейский сертификат CE 538571 Британского института стандартов, BSI), который был синхронизирован со стационарным компьютером. Для оценки биоэлектрической активности головного мозга использовался параметр «спектр мощности ЭЭГ», разделенный на основные ритмы (альфа, бета1, бета2, тета, дельта) с помощью преобразования Фурье.

В начале исследования респонденты заполняли бланковые тесты и опросники, затем начиналась сессия записи ЭЭГ. Сеанс ЭЭГ начинался с установки и проверки сопротивления электродов. Использовалась международная схема фиксации электродов 10–20. Электрод заземления располагался на лбу, а референтные электроды — на левой и правой мочках уха. Проводилась двухминутная запись ЭЭГ в состоянии покоя (глаза закрыты, глаза открыты) и после этого, респонденты приступали к выполнению заданий теста Струпа на персональном компьютере.

В исследовании приняли участие 251 респондент (118 юноша, 131 девушка), средний возраст — $15,64 \pm 2,65$ года.

Статистическая обработка эмпирических данных проводилась в программе SPSS v. 26.0 и включала описательную статистику необработанных данных (среднее значение, стандартное отклонение, асимметрия и эксцесс). Проведено апостериорное сравнение с поправками Бонферрони.

Результаты

Время, затраченное на выполнение всех заданий теста Струпа, у девушек выше, чем у юношей, однако статистически достоверные результаты получены только по первому и второму заданию. На первое задание юноши затратили 110098 мс, девушки – 119107 ($p=0,049$). На второе – 104422 и 118415, соответственно ($p=0,012$).

Показатель вербальности достоверно выше у юношей (2,11), чем у девушек (1,88), что свидетельствует о преобладании вербального способа переработки информации у юношей и сенсорно-перцептивного у девушек.

Статистически значимые различия между юношами и девушками выявлены в параметрах эмоциональность интеллектуальная (6,05 у юношей, 6,66 у девушек), эмоциональность коммуникативная (6,17 и 6,33), общая активность (25,04 и 25,19), общая эмоциональность (16,78 и 17,00), общая моторность (19,12, 20,59). Как мы видим, показатели эмоциональности и активности у девушек выше.

Анализ общего спектра мощности ЭЭГ выявил статистически достоверные различия в выполнении первого и третьего заданий теста Струпа. Различия выявлены в отведениях Т4, Т3 – первое задание и Т6, Т5, Т4, F8, Cz, CP3, CP4 – третье задание. Во всех отведениях спектр мощности ЭЭГ выше у девушек. Девушки затрачивают больше энергии в терминах спектра мощности ЭЭГ при выполнении теста Струпа по сравнению с юношами.

Электроды с Т3, Т4, Т5, Т6 расположены в височной доле коры больших полушарий, отвечающей за зрительное распознавание предметов и интерпретацию различных визуальных стимулов. Височная доля более сильно связана с лимбической системой, по сравнению с другими структурами мозга; следует подчеркнуть, что спектр мощности в этих отведениях выше у девушек, что согласуется с данными ОФДСИ, свидетельствующими об их большей эмоциональности.

Отведения Cz, CP3 и CP4 расположены на теменной доле, отвечающей за построение внутримозговых карт пространства, и играют важную роль в его анализе.

F8 – правое лобное отведение. Функция зоны под ним – логическая обработка поступающей информации.

Анализ полос спектра мощности ЭЭГ также выявил статистически значимые различия во всех заданиях между юношами и девушками. В первом субтесте спектр мощности различается в beta1- и beta2-

диапазонах. В бета1-диапазоне статистически достоверные различия выявлены в отведениях P3, T6, T5, Fcz, TP7 и CP4, в бета2 – в отведении CP3. Во всех вышеуказанных отведениях, кроме T6 (бета1-диапазон), спектр мощности у девушек выше по сравнению с юношами.

Во втором задании различия выявлены в спектрах дельта- (отведения T6, T4, TP7), альфа- (T4, TP7), бета1- (TP7), бета2- (P4, C4, F4, Fp2, T4, F8, Pz, TP8) ритмов. Спектр мощности во всех диапазонах достоверно выше у девушек.

В третьем задании достоверные различия спектра мощности выявлены только в полосе альфа в таких отведениях, как F3, Fp1, FC4. Показатели биоэлектрической активности в данном задании значимо выше у девушек.

Для первого и второго субтеста, где необходимо было назвать слово и цвет фигуры, были характерны различия в бета1- и бета2-диапазонах, что говорит об активации структур головного мозга. Большие значения в этих диапазонах у девушек свидетельствуют о большей концентрации внимания, памяти и логического мышления.

Альфа-диапазон, показавший статистически достоверные различия во втором и в третьем заданиях, связан с системой DMN (default mode neugone) и отвечает за регуляцию активности головного мозга, а именно за повышение когнитивных функций, памяти и внутренней обработки информации.

Дельта-диапазон, имеющий статистически достоверные различия во втором заданиях, указывает на повышенную тревожность, поведенческую заторможенность, а также на умственную обработку информации. Есть данные о связи медленноволновых ритмов с подкорковыми структурами, в том числе лимбической системой, отвечающей за эмоции и систему поощрения. Дельта-ритм выше у девушек, что согласуется с большей их эмоциональностью. Вместе с тем имеются данные, что повышение альфа-ритма свидетельствует об отвлечении от стимула и началом обработки внутренней информации.

Можно предположить, что при выполнении задания девушки, по-видимому, не только воспринимают название цвета или цвет фигуры, вербализуют их, но и анализируют пространственные особенности объекта, что согласуется с литературными источниками о более широком охвате и многозадачности девушек, умении делать несколько дел одновременно, вследствие чего наблюдается высокое значение спектра мощности в отведениях, в том числе теменных, отвечающих за пространственные карты, что требует усилий на оттор-

маживание нерелевантных задач операций и требует большей концентрации внимания (Murata et al., 2000).

Выводы

1. Были рассмотрены межполовые особенности нейроэффективности когнитивной деятельности на примере теста Струпа.
2. Девушки затрачивают больше энергии в терминах спектра мощности ЭЭГ во всех отведениях со статистически значимыми различиями, причем затрачивают больше времени на решение первого и второго заданий теста Струпа.
3. При анализе частотных полос спектра мощности ЭЭГ было выявлено, что значения биоэлектрической активности у девушек выше во всех частотных диапазонах, кроме отведения Т6 в бета1-диапазоне при выполнении первого задания, что требует дальнейшего анализа.
4. Было выявлено отсутствие достоверных различий времени называния цвета слова, где цвет шрифта отличается от значения слова между юношами и девушками.

Литература

- Волкова Е. В., Ниловец М. Н.* Testing. № 2016661340 от 06.10.2016.
- Хомская Е. Д.* Нейропсихология. 4-е изд. СПб.: Питер, 2005.
- Murata A., Gallese V., Luppino G., Kaseda M., Sakata H.* Selectivity for the shape, size and orientation of objects for grasping in neurons of monkey parietal area AIP // *Journal of Neurophysiology*. 2000. V. 83 (5). P. 2580–2601. doi: 10.1152/jn.2000.83.5.2580
- Stroop J. R.* Studies of interference in serial verbal reactions // *Journal of Experimental Psychology*. 1935. № 18. P. 643–662.

Динамика метакогнитивных характеристик личности как субъекта учебно-профессиональной деятельности у студентов медицинского вуза

В. В. Енин (СГМУ, Ставрополь)

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление динамики метакогнитивных особенностей личности как субъекта учебно-профессиональной деятельности у студентов медицинского вуза. Целью исследования являлось выявление основных метакогнитивных характеристик личности и их различий у студентов медицинского университета на всех курсах обучения. В процессе исследования были использованы теоретико-рефлексивный анализ, экспертная самооценка, самооценка метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности, t-критерий Стьюдента. Выявлены значимые различия в проявлении метакогнитивной активности и наличии метакогнитивных знаний у студентов на разных этапах обучения в медицинском вузе. Процесс формирования метакогнитивных характеристик является нелинейным. Субъективная значимость метакогнитивных характеристик как фактора, обеспечивающего успешность учебно-профессиональной деятельности, усиливается у студентов к концу обучения в вузе. Полученные факты могут быть использованы для разработки и осуществления факультативных образовательных и развивающих курсов, способствующих развитию рефлексивных возможностей и способности к метакогнитивной оценке собственной результативности у студентов медицинских вузов.

Ключевые слова: субъект учебно-профессиональной деятельности, метакогнитивные знания, метакогнитивная активность, метакогнитивные характеристики, рефлексия.

В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем высшего образования является развитие личности как субъекта учебно-профессиональной деятельности. Формирование у студентов не только профессиональных компетенций, но и способности к самообразованию и самостоятельному управлению своей когнитивной деятель-

ностью, процессом приобретения знаний, развитием своих способностей — одна их важных задач высшей школы.

Метакогнитивизм является одним из молодых и перспективных направлений, возникших в рамках когнитивной психологии, имеющим как теоретическое, так и прикладное значение. Если в системе психологического знания ранее изучались когнитивные процессы личности, направленные ею на исследование объективной реальности, то в метакогнитивизме, который стал сегодня самостоятельным научным направлением, изучают уже когнитивные процессы, с помощью которых личность познает свою субъективную реальность (Карпов, Скитяева, 2005; Холодная, 2002; Brown, 1987; Flavell, 1976; Tobias, Everson, 2002; и др.).

Наличие развитых метакогнитивных способностей является важным качеством, обеспечивающим эффективность реализации как учебной, так и профессиональной деятельности.

Организация и методы исследования

В нашем исследовании проверялось предположение о существовании значимых различий в проявлении метакогнитивных характеристик у студентов на разных этапах обучения в медицинском вузе.

Эмпирическое исследование осуществлялось в три этапа.

Первый этап — теоретический анализ компонентов метапознания личности как фактора личностно-профессионального становления будущих клинических психологов в образовательном пространстве медицинского вуза. На втором этапе осуществлялась диагностика с помощью метода опроса и самооценки выраженности метапознавательных характеристик у студентов различных курсов обучения в медицинском университете. Использовался тест самооценки метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности (авторы — Ю. В. Пошехонова, М. М. Кашапов), позволяющий также (кроме основных шкал) определить такие метакогнитивные характеристики, как «концентрация», «выбор главных идей», «приобретение информации», «управление временем». Также студентам было предложено в качестве экспертов проранжировать значимость этих характеристик для успешности осуществления учебной деятельности. На третьем этапе осуществлялось сравнение всех исследуемых показателей у студентов на разных этапах обучения в медицинском вузе. Основными методами на данном этапе были методы статистической обра-

ботки данных: определение среднего значения, стандартной ошибки и t-критерий Стьюдента.

В качестве испытуемых выступили студенты 1–5-го курсов обучения факультета гуманитарного и медико-биологического образования ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения в количестве – 91 чел., из них студенты первого курса – 17 чел., второго курса – 19 чел., третьего курса – 23 чел., четвертого курса – 25 чел., пятого курса – 7 чел.

Интерпретация полученных значений t-критерия Стьюдента показывает наличие статистически значимых различий между такими показателями, как «выбор главных идей» и «управление временем», с вероятностью допустимой ошибки – 0,05 и «метакогнитивные знания» и «метакогнитивная активность» с вероятностью допустимой ошибки – 0,01 между результатами студентов 1–2 и 4–5 курсов. Полученные данные свидетельствуют об усилении данных характеристик у студентов в процессе обучения в вузе.

При этом выявлено отсутствие достоверно значимых различий по следующим шкалам метапознания: «концентрация» и «приобретение информации» между данными у студентов всех курсов, принимавших участие в исследовании. Это может свидетельствовать о том, что медицинский вуз выбирают школьники, не только способные осуществлять целенаправленную учебную деятельность и приобретать информацию, но и способные сознательно управлять этими процессами.

К концу обучения у студентов сформированы такие важные для их профессиональной деятельности навыки, как отделение важной информации от несущественной и умение выявлять значимые источники и материалы для их дальнейшего изучения. У студентов старших курсов также существенно возрастает уровень способности организовывать и распределять правильно собственное время. Наблюдаются статистически значимые различия между такими показателями, как «метакогнитивные знания», «метакогнитивная активность» и «выбор главных идей», с вероятностью допустимой ошибки – 0,05 между результатами студентов 3 и 4–5 курсов. Выраженность показателя «приобретение информации» незначительно снижается на третьем курсе, но снова возрастает на 4–5 курсе. Объяснением может послужить факт о том, что на третьем курсе у большинства студентов происходит снижение познавательной мотивации, которая снова возрастает, когда студенты переходят к изучению профессиональных дисциплин и прохождению производственных практик.

Исследование субъективной значимости характеристик метапознания для будущих врачей осуществлялось посредством ранжирования данных экспертной оценки студентов от наиболее значимого показателя к наименее значимому. Полученные результаты свидетельствуют о трансформации ценности характеристик метапознания на различных курсах их обучения в вузе. Так, для студентов 1–2 курса наиболее значимыми являются приобретение информации и выбор главных идей, что объясняется большим количеством возможностей для последующей специализации, в том числе и в области клинической психологии. На третьем курсе ведущими ценностными характеристиками метапознания становятся выбор главных идей и управление временем, но к 4–5 курсу ценность управления временем выходит на первый план и вновь повышается ценность приобретения информации. Нелинейность в проявлении субъективной значимости указанных метакогнитивных характеристик может быть связано с тем, что на старших курсах студенты осознают ценность конкретных профессиональных знаний и большинство из них уже сочетают учебу с профессиональной деятельностью.

Заключение

В процессе проведенного исследования было установлено, что большинство метапознавательных характеристик у студентов, принимавших участие в исследовании, имеют положительную динамику в процессе обучения в университете. Такие метапознавательные характеристики, как «приобретение информации», субъективная значимость управления временем, «выбор главных идей», имеют нелинейный характер развития. Что объясняется, с одной стороны, спецификой медицинского образования (ранняя ориентация на выбор специализации) и неравномерностью проявления рефлексивных способностей у студентов вуза – с другой. Полученные данные создают основу для разработки специальных обучающих курсов, направленных на развитие рефлексивных возможностей личности, способствующих проявлению уже на ранних этапах учебно-профессиональной деятельности таких важных для будущей профессии врача метапознавательных способностей, как: рефлексия значимых целей, осознание стратегий управления временем, наличие знаний о собственных познавательных возможностях и способах анализа информации.

Литература

Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002.

Brown A. L. Metacognition, executive control, self-regulation and other more mysterious mechanisms // *Metacognition, Motivation and Understanding*. Ch. 3. New Jersey, 1987. P. 55–116.

Flavell J. H. Metacognitive aspects of problem solving // *The Nature of Intelligence* / Ed. L. B. Resnick. Hillsdale, N. Y.: Lawrence Erlbaum, 1976. P. 231–235.

Tobias S., Everson H. T. Knowing what you know and what you don't: further research on metacognitive knowledge monitoring // *College Board Research Report*. 2002. № 2002–3. P. 1–21.

Измерение рабочей памяти в рамках теста на интеллект: разработка спецификации*

Т. Н. Канонир (НИУ ВШЭ, Москва), *Е. А. Орёл* (НИУ ВШЭ, Москва)

Рабочая память является важным когнитивным процессом, участвующем в реализации сложных познавательных процессов, таких как понимание речи и обучение. Измерение рабочей памяти является неотъемлемой частью комплексных тестов на интеллект. В ходе данного исследования была проведена подготовительная работа для разработки спецификации субтестов для измерения рабочей памяти, которые войдут в оригинальный компьютерный российский тест на интеллект. Теоретической рамкой для разработки субтестов выбрана модель рабочей памяти Бэддели. В статье приводится описание заданий, задействующих разные элементы рабочей памяти, а также общая структура субтестов нового теста. На следующих этапах будут детально описаны задания и структура каждого субтеста.

Ключевые слова: рабочая память, дети и подростки, спецификация, тест на интеллект.

Рабочая память является важным когнитивным процессом, участвующем в реализации сложных познавательных процессов, таких как понимание речи и обучение. Исследования указывают на связь рабочей памяти с навыками чтения и понимания текста и устной речи, математики, академическими достижениями. Измерение рабочей памяти является неотъемлемой частью комплексных тестов на интеллект.

Цель данного исследования – подготовка к разработке спецификации субтестов на рабочую память в рамках разработки оригинального российского компьютерного теста на интеллект для детей в возрасте от 6 до 17 лет.

В ходе анализа современных требований к разработке тестов и возможностей, которые открывает современная психометрика, был выделен ряд аспектов, требующих использования при разработке нового теста (Канонир и др., 2023). Во-первых, разработка нового теста пред-

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 23-28-01399.

усматривается в компьютерной форме, так как именно такая форма предъявления позволяет применить современные подходы к выстраиванию тестов, а также облегчить его администрирование. Во-вторых, создание нового теста позволяет уже на стадии планирования использовать универсальный дизайн, позволяющий учесть потребности к доступности измеряемого конструкта для всех потенциальных популяций. В-третьих, для реализации адаптивного тестирования планируется использовать многоступенчатое тестирование, вариацию компьютерного адаптивного тестирования, что позволит сократить количество предъявляемых респонденту заданий, сохраняя точность измерения. Многоступенчатое тестирование, в отличие от линейной структуры теста, требует большего количества утверждений. Однако в результате респондент может чаще проходить тестирование, так как варианты предъявляемого теста не будут идентичными и появляется возможность отслеживать индивидуальный прогресс. При разработке субтестов на рабочую память необходимо учитывать эти три аспекта, принимая во внимание специфику целевого конструкта.

За теоретическую основу для будущих субтестов на рабочую память взята модель рабочей памяти Бэддели и Хитча. Современные представления о рабочей памяти во многом базируются на исследованиях Бэддели и его коллег (Baddeley, 2000; Baddeley, Hitch, 1974), и именно эта модель, как правило, лежит в основе тестов на рабочую память, включенных в психометрические тесты на интеллект.

Рабочая память обеспечивает временное хранение информации и манипулирование ей, что необходимо для выполнения сложных познавательных процессов, таких как рассуждение, обучение и понимание (Baddeley, 2007). Первоначально, модель состояла из трех компонентов – центральный исполнитель, фонологическая петля, визуально-пространственный блокнот, и позже, в 2000 г., к ним добавился четвертый компонент – эпизодический буфер.

Фонологическая петля состоит из двух компонентов – фонологического хранилища, чье задание удерживать фонологическую информацию, и механизма артикуляционного повторения, который позволяет дольше поддерживать информацию активной, возобновляя мнемические пути. Выделение двух компонентов позже было подтверждено и нейробиологическими исследованиями. Фонологическая петля имеет огромное значение при понимании вербальной информации и освоении языка.

С фонологической петлей связаны различные феномены. Один из них — это эффект фонологической схожести. Фонологическому хранилищу сложнее сохранить последовательно названные буквы или слова, если они звучат похоже, по сравнению с буквами и словами, которые имеют различное звучание. Этот эффект пропадает в долговременной памяти. Эффект фонологической схожести докачивает акустический код кратковременного хранилища, который трансформируется в семантический с переходом информации в долговременное хранилище. Еще один феномен — это эффект длины слов: легче повторить ряд коротких слов, чем ряд длинных слов с тем же количеством общего числа букв. Эффект артикулярного подавления проявляется как задержка процесса повторения при назывании незначимых слов (например, «ах», «э-э»), что приводит к снижению результатов запоминания.

Схожим образом функционирует и визуально-пространственный блокнот, но только с визуальной и пространственной информацией. Нейробиологические исследования свидетельствуют, что необходимо разделять визуальную и пространственную память. Визуальный компонент способен сохранять визуальный вид объектов (форма, цвет) и их расположение, а пространственный компонент позволяет идентифицировать изменения между стимулами (Baddeley, 2007).

Центральный исполнитель является системой контролируемого внимания и обладает следующими основными способностями: способность фокусироваться, способность разделять и переключать внимание, способность связать содержание рабочей памяти и долговременной памяти (Baddeley, 2000). С введением эпизодического буфера часть функционала центрального исполнителя переходит к нему. Однако именно центральный исполнитель — главный компонент в модели, и за ним сохраняется функция управления вниманием. В то же время задача эпизодического буфера — обеспечивать интеграцию информации из фонологической петли, визуально-пространственного блокнота и долговременной памяти.

Измерение рабочей памяти. Уже в самых первых экспериментах исследователи использовали технику двойного кода, когда респондентам нужно одновременно выполнять основное задание и конкурирующее задание. В экспериментах в роли первого задания, как правило, выступали задания на размышление, понимание прозы/предложений, а конкурирующим заданием были числовые ряды.

Включение в задания необходимости манипулировать конкурирующей информацией активизирует работу центрального исполнителя. Модальность информации задействует фонологическую петлю или визуально-пространственный блокнот соответственно. Эпизодический буфер проявляется в заданиях, где нужно связать только что пришедшую в кратковременное хранилище информацию и информацию, только что извлеченную из долговременной памяти, а также если необходимо интегрировать информацию из нескольких модальностей.

Примерами заданий рабочей памяти с включением фонологической петли могут выступать числовые ряды в обратном порядке, ряды из несуществующих слов, последовательность букв и чисел. Примерами тестов на визуально-пространственную рабочую память выступают матрица точек, где нужно запомнить расположение точек в матрице или задание Джил и Джек (Tsigeman et al., 2022).

Большим шагом в измерении рабочей памяти стала батарея тестов Автоматизированное оценивание рабочей памяти, разработанная Алловей, позволившая проводить мониторинговые исследования. Этот тест состоит из четырех блоков: измерение вербальной кратковременной и рабочей памяти, а также и визуально-пространственной кратковременной и рабочей памяти.

Сложность в заданиях на кратковременную и рабочую память варьируется количеством единиц информации, с которой нужно работать. Как правило, задания на рабочую память начинаются с заданий, требующих воспроизведения двух единиц информации, и доходят до воспроизведения семи — девяти единиц. В части тестов каждая серия состоит только из одного задания определенной сложности, но в некоторых тестах, таких как обратные числовые ряды, задания идут блоками по два ряда одинаковой длины.

Измерение рабочей памяти в рамках комплексного теста на интеллект не может включать в себя такое же большое количество заданий, как тест, целиком направленный на анализ рабочей памяти, из-за общего объема теста. Однако важно придерживаться следующего принципа: необходимо включить субтесты как на кратковременную память, так и на рабочую, чтобы при диагностике исключить гипотезу о нарушениях на уровне кратковременной памяти. Таким образом, тест должен включать четыре субтеста — два на вербальную и два на визуально-пространственную память. Все субтесты должны максимально администрироваться автоматически: инструкции, тре-

нировочные задания, предъявление заданий субтеста предлагаются с минимальным участием психолога-администратора тестирования. Исключение на данном этапе могут составлять субтесты на вербальную рабочую память, так как невозможно просить респондента вводить свой ответ в специальную форму, так как если записать ответ письменно, то меняется модальность стимульного материала.

На следующем этапе работы над спецификацией будут предложены конкретные субтесты на каждый измеряемый конструкт и дано их детальное описание.

Литература

- Канонир Т. Н., Федерякин Д. А., Логвиненко Т. И., Орел Е. А., Куликова А. А.* Как современная психометрика может изменить тестирование интеллекта в России: состояние, вызовы, перспективы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023.
- Baddeley A. D.* The episodic buffer: A new component of working memory // Trends in Cognitive Science. 2000. V. 4. P. 417–423.
- Baddeley A. D.* Working Memory, Thought and Action. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Baddeley A. D., Hitch G.* Working memory // The Psychology of Learning and Motivation: Advances in research and theory. V. 8 / Ed. by G. H. Bower. N. Y.: Academic Press, 1974. P. 47–89.
- Tsigeman E, Silas S, Frieler K, Likhanov M, Gelding R, Kovas Yu., Müllensiefen D.* The Jack and Jill adaptive working memory task: Construction, calibration and validation // PLoS One. 2022. V. 17. № 1. doi: 10.1371/journal.pone.0262200

Формирование специальных способностей в условиях очного и дистанционного обучения

Т. П. Коваленок (РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, Москва)

Рассматриваются представления о специальных способностях и особенностях их формирования в процессе профессионального обучения. Выявляется роль и функция знаний в развитии специальных способностей, описаны особенности учебного познания. Представлено описание результатов сравнительного исследования, направленного на оценку эффективности усвоения знаний и формирования способностей в условиях очного и дистанционного обучения. Дана общая характеристика метода количественной оценки качества знаний обучающихся. Сделан вывод о снижении эффективности усвоения знаний и формирования специальных способностей в условиях дистанционного обучения.

Ключевые слова: специальные способности, профессиональное обучение, дистанционное обучение, знания, тест.

Структура и особенности развития и формирования специальных и профессиональных способностей были предметом исследования в работах Б. М. Теплова, В. А. Крутецкого, В. Н. Дружинина, В. Д. Шадрикова, М. А. Холодной, Е. В. Волковой и других авторов. Специальные способности рассматриваются в настоящее время как психологическая основа успешности в конкретной области деятельности, в отличие от общих, определяющих успешность познавательной деятельности (Холодная, 2002). В процессе профессионализации специальные способности становятся компонентами профессиональных, определяя эффективность профессиональной деятельности.

Одной из функций системы образования является активное воздействие на формирующуюся личность, придание ей нужных обществу качеств. Содержание образования определяет набор общих сложных и специальных способностей человека как будущего субъекта социальных взаимодействий.

Важным элементом специальных способностей являются представления об объективной реальности, ее существенных свойствах, связях, закономерностях, зафиксированные в различных видах знания. Известные науке закономерности формирования знаний выявлялись в условиях традиционного обучения и могут изменяться в ситуации информатизации образования и активного использования дистанционных форм обучения. В связи с этим актуальным является изучение особенностей развития способностей в новых условиях.

В психологии и педагогике знания рассматриваются как результат процесса познания, представляющий собой комплекс психологических новообразований — образов, представлений, понятий, суждений и т. п., форму отражения действительности в сознании человека. В процессе познавательной деятельности накапливающиеся знания изменяют протекание всех когнитивных процессов. Изменяется восприятие и осмысление объектов, внимание привлекают другие стороны объекта, изменяются выделяемые признаки, используемые в качестве основания для классификации. Субъективный образ реальности перестраивается в соответствии с полученным знанием (Холодная, 2002). Знания непрерывно меняются и, определяясь характером деятельности, становятся инструментом успешной адаптации и эффективной реализации деятельности. Существенной особенностью знаний является их субъективность, субъект соотносит поступающую информацию с уже имеющимся знанием, конструирует и придает смысл в соответствии с определенной организующей схемой, стержнем которой является деятельность, в частности профессиональная.

При этом важное значение имеет организация познавательной деятельности, которая тоже становится предметом усвоения. Формирование научного мышления, теоретического, объясняющего отношения к действительности становится предпосылкой расширения возможностей человека, развития его «человеческих» способностей. Продуктивность интеллектуальной деятельности определяется не количеством знаний, а владением способами их получения, особенностями хранения и воспроизведения. Главной задачей процесса обучения должна быть планомерная организация усвоения знаний и умений, формирование и развитие механизма усвоения (Решетова, 2017). Логико-психологические механизмы усвоения знаний играют важную роль в обеспечении эффективности развития и формирования специальных способностей.

В процессе учебного познания происходит усвоение научных знаний, представленных в терминах конкретной науки, значение которых не всегда доступно пониманию обучающихся, но может запоминаться и воспроизводиться. Такие формальные знания не могут использоваться для решения задач. Только овладение понятийным содержанием слов, используемого языка науки, обеспечивает сознательность обучения, формирование ориентировочной основы действий по решению задач (Решетова, 2017).

В настоящее время проводятся исследования различных аспектов процесса обучения в электронной среде. Одним из направлений исследования новой образовательной реальности является анализ особенностей формирования знаний и развития специальных способностей в условиях применения дистанционных форм обучения и цифровых технологий. В рамках этого направления было выполнено исследование, участниками которого стали студенты Института механики и энергетики РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, будущие агроинженеры, обучающиеся по направлению «Электрификация».

Целью исследования стала сравнительная оценка эффективности усвоения знаний по дисциплине «Электротехнические материалы» в условиях дистанционного и очного обучения. Сравнивались результаты выполнения тестов текущего контроля знаний в 2 группах студентов 1 курса, обучавшихся очно и дистанционно. Одна группа обучалась в период пандемии, при этом процесс обучения осуществлялся традиционно, проводились лекционные и практические занятия, только использовались платформы онлайн-обучения. Другая группа обучалась на год позже уже в обычных условиях. Содержание дисциплины, преподаватель, методика обучения не изменялись.

В начале семестра на одном из первых занятий студентам предлагалось выполнить Школьный тест умственного развития (ШТУР), чтобы ознакомиться с типами тестовых заданий, которые будут предъявляться в рамках промежуточного контроля по дисциплине. В этот тест включены 8 субтестов, два субтеста предназначены для оценки понимания слов, имеющих иноязычное происхождение, еще два – выявляют успешность логических операций с понятиями. Помимо этого, есть блоки заданий, определяющие способность выявлять закономерности в последовательности чередования чисел, и заданий, требующих совершения действий с образами в 2-мерном и 3-мерном

пространстве. Современный вариант теста, представленный на общедоступном сайте, содержит набор заданий, составленных из понятий школьных дисциплин.

Результаты выполнения этого теста использовались нами для оценки значимости различий в результатах в интеллектуальных качествах, студентов, обучавшимися дистанционно и очно. При этом использовался статистический критерий *U* Манна–Уитни. Не было выявлено значимых различий ни по одной шкале теста умственного развития. На этом основании был сделан вывод о том, что студенты двух групп не отличались по интеллектуальным особенностям до того, как начали обучаться в вузе.

Для контроля усвоения знаний по дисциплине «Электротехнические материалы» преподавателями дисциплины был разработан тест, состоящий из 4 блоков заданий (Занфирова, 2020). Задания субтестов содержат основные понятия дисциплины. Типы субтестов и заданий создавались по аналогии со Школьным тестом умственного развития: 20 заданий, показывающих правильность усвоения значений основных понятий дисциплины, имеющих иноязычное происхождение; 20 заданий, диагностирующих умение определять тип логических отношений между понятиями дисциплины (часть—целое, причина—следствие, вид—род и т. п.). В субтесте «Исключение лишнего», состоящем из 20 заданий, студентам нужно было найти понятие, не входящее в категорию, к которой относятся другие понятия ряда. Заключительный субтест состоит из 10 задач, для выбора правильного ответа в которых требовалось знание формул и осуществление простого алгоритма вычислений. Тест предъявлялся в электронном виде на специальном сайте.

Полученные результаты в группах очного и дистанционного обучения сравнивались по каждому субтесту отдельно. Оказалось, что успешность выполнения теста по дисциплине студентами, обучавшимися дистанционно, существенно ниже, чем в очной группе, и эти различия значимы. Значимость различий определялась критерием *U* Манна–Уитни ($p < 0,001$).

Студенты, осваивавшие дисциплину в условиях дистанционного обучения, хуже усвоили значение понятий дисциплины, имеющих иноязычное происхождение, менее успешно определяли тип логических отношений между понятиями, выделяли основания для классификации. Выявились значимые различия и по успешности решения задач. В группе студентов, обучавшихся дистанционно, среднее ко-

личество успешно решенных задач около 7 (6,9), это меньше среднего значения группы, обучавшейся очно, равного 8,4.

Более низкие результаты свидетельствуют о том, что в условиях дистанционного обучения недостаточно усвоилось значение основных понятий дисциплины, в которых в абстрактном и обобщенном виде представлены существенные признаки и свойства будущей профессиональной деятельности, в ее разных формах, видах и развитии. Овладение понятийным аппаратом научного знания, лежащего в основе дисциплин профессионального цикла, закладывает основы развития и функционирования специальных и профессиональных способностей. Выявленные недостатки знаний могут привести в будущем к затруднениям в реализации деятельности, могут ограничить развитие профессионализма.

Осуществление логических операций, классификации, обобщения, выделение типичных связей между понятиями показывает, насколько усвоены существенные связи и отношения понятий, характеризующих предмет профессиональной деятельности. Анализ распределения результатов по этим субтестам показал, что диапазон различий в правильности выполнения заданий у студентов, овладевавших дисциплиной дистанционно, больше. Очевидно, это связано с теми индивидуальными особенностями обучающихся, которые начинают играть большее значение в условиях снижения внешнего контроля учебной деятельности. Это не интеллектуальные качества, так как предварительное сравнение выборок не выявило значимых различий в показателях умственного развития, а эмоционально-волевые – способность к самоорганизации и самоконтролю. Выполнение заданий на логические операции с понятиями может служить косвенным показателем особенностей организации поступающей информации в памяти обучающихся, структуру хранилищ информации.

Чуть менее значимы различия между группами студентов в успешности решения задач. Очевидно, это связано с тем, что они требуют следования строгому алгоритму, усвоению которого уделялось особое внимание в процессе обучения. Содержание задач, при моделировании профессиональной деятельности, предполагало совершение определенных манипуляций с предметом и средствами профессиональной деятельности.

Таким образом, проведенное исследование показало, что без перестройки процесса обучения, особой организации учебной познавательно-преобразовательной деятельности обучающихся сложно

добиться той же эффективности усвоения знаний и формирования специальных способностей, что и в условиях очного обучения. Возможно, что такая закономерность характерна только для студентов младших курсов, недостаточно подготовленных к самостоятельной организации и регуляции учебно-профессиональной деятельности. В любом случае необходима дальнейшая разработка этой проблемы и совершенствование методик дистанционного электронного обучения.

Литература

Занфирова Л. В., Коваленок Т. П., Чистова Я. С. Мониторинг уровня развития познавательных и учебно-профессиональных способностей будущих инженеров в условиях дистанционного обучения // Современное высшее образование: теория и практика: Коллект. монография / Отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра, 2020. С. 352–363.

Решетова З. П. Психика и деятельность. Психический механизм усвоения // Национальный психологический журнал. 2017. № 3 (27). С. 40–55.

Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.

К вопросу о сензитивных периодах развития совладающего интеллекта*

И. О. Куваева (УрФУ, Екатеринбург),

Е. В. Волкова (ИП РАН, Москва)

Совладающий интеллект отражает способность субъекта продуктивно преодолевать стрессовые ситуации. Опираясь на современные биохимические, генетические и нейрональные исследования, обозначены четыре сензитивных периода развития Совладающего интеллекта – младенческий, подростковый, период ранней зрелости и среднего возраста, пожилой возраст. Каждый период обладает благоприятными условиями для продуктивного функционирования Стресс-совладающей системы. Чем больше условия отклоняются от благоприятных, тем больше требуется ресурсов для регуляции Стресс-совладающей системы и поддержания устойчивости субъекта, тем выше вероятность наступления промежуточного состояния между здоровьем и хроническим заболеванием.

Ключевые слова: совладающий интеллект, сенситивный период, субъект совладания, стресс-совладающая система.

Стрессовые ситуации являются реалиями жизни человека, разрешение которых обуславливает физическое и психическое благополучие субъекта. Быть субъектом, как отмечал А. В. Брушлинский, значит быть творцом своего собственного жизненного пути; на различных этапах онтогенеза человек, формируясь в качестве субъекта, взаимодействует с окружающей действительностью на разных, но взаимосвязанных уровнях (Брушлинский, 2003). Индивидуальные различия способности субъекта продуктивно разрешать трудные жизненные ситуации обусловлены историей взаимодействия биологического, индивидуально-психологического и социокультурного уровней Совладающего Интеллекта.

* Исследование выполнено в рамках Госзадания № 0138-2021-0007 «Многомерная природа способностей и ментальных ресурсов человека», ЕГИ-СУ НИОКР 121041500257-6.

- Биологический уровень отражает биохимические и нейрональные изменения, происходящие в организме при возникновении ситуации угрозы. Стрессовые ситуации изменяют нейрохимические параметры организма; разнообразные эпигенетические влияния в раннем возрасте программируют поведенческие и физиологические реакции на трудные жизненные события в будущем. В отличие от животных человек слишком часто активирует физиологическую систему, предназначенную для реагирования на угрожающие ситуации, что приводит к развитию стресс-связанных заболеваний.
- Психологический уровень соотносится с индивидуально-психологическими особенностями субъекта, его оценкой трудной ситуации, процессами концептуализации ресурсов и узким или широким репертуаром стратегий совладания.
- Социокультурный уровень охватывает совокупность внешних факторов, обуславливающих индивидуальное восприятие стрессовых ситуаций и выбор копинг-стратегий.

Систематический обзор статей, посвященных биохимии стресса и стрессоустойчивости, натолкнул нас на гипотезу о существовании сензитивных периодов развития Совладающего Интеллекта (Kuvaeva, Volkova, 2022). Сензитивный период развития, согласно Л. С. Выготскому, — это период, в котором «определенные влияния оказывают чувствительное воздействие на весь ход развития, вызывая в нем те или другие глубокие изменения» (Выготский, 1999, с. 235). В Большом толковом психологическом словаре А. Ребера сензитивный период соотносится с биологически определенным периодом временем, на протяжении которого организм чувствителен к определенным формам стимуляции; он «физиологически и психологически готов к усвоению определенных реакций или определенного типа знания» (Большой толковый..., 2000, Т. 2, с. 234). Б. Г. Ананьев рассматривал сензитивный период развития как период повышенной восприимчивости к внешним воздействиям. Он указывал на двухфазность развития одних и тех же психофизиологических функций человека: первая фаза связана с пиком развития функции; вторая — с ее специализацией к той или иной деятельности, объектам, сферам жизни. Вторая фаза наступает на более высоком уровне функциональных достижений в первой фазе и «накладывается» на нее.

В качестве нейробиологической основы сензитивных периодов рассматривается большая активность в определенное время одних

нейронов, по сравнению с другими. В моменты активности эти нейроны объединяются в нейронные ансамбли, которые отвечают за интерес и стремление к определенным видам деятельности и формам поведения.

Генетическая дифференциальная восприимчивость и личностная устойчивость обуславливают индивидуальные различия в реакциях на стресс и линии развития субъекта в трудных жизненных ситуациях. Анализ новейших биохимических, генетических и нейрональных исследований стресса и совладания (Kuvaeva, Volkova, 2022) позволяет говорить о четырех возможных сензитивных периодах Совладающего Интеллекта.

Первый сензитивный период, по-видимому, соотносится с младенческим возрастом, особенности протекания которого определяют варианты развития Совладающего Интеллекта. Безопасное и эмоционально комфортное младенчество обеспечивает адекватное функционирование Стресс-совладающей системы. Ранняя сепарация и преждевременное отлучение от материнской груди способствуют гиперактивации оси НРА. Дети, отличающиеся дезорганизованной привязанностью в младенчестве и воспитанные в детских домах, обладают большей миндалиной, являющейся гипотетическим биомаркером сложности в эмоциональной регуляции стрессовых ситуаций. Дети с надежной привязанностью в стрессовых ситуациях вырабатывают гораздо меньше кортизола, чем дети с ненадежной привязанностью (Gunnar et al., 1992). Уверенность в эмоциональной доступности других людей и их поддержке, преобладание позитивного опыта приводят к формированию мозга с наибольшим количеством нервных соединений между нейронами; богато разветвленная сеть нейронов позволяет задействовать разные области мозга, что дает человеку больше возможностей в решении жизненных задач (Гоулман, 2008). Внешняя регуляция, осуществляемая заботливой и отзывчивой матерью, создает условия для развития высокого Совладающего Интеллекта и закладывает условия для прогрессивной линии развития субъекта в трудных жизненных ситуациях.

Вторым сензитивным периодом в развитии Совладающего Интеллекта, вероятно, является подростковый возраст, в котором отмечается усиление нейропластичности мозга и перестройка стрессосопреженных систем. Полярность интенций подростка, с одной стороны, быть как члены референтной группы (мимикрия), с другой – проявлять свою индивидуальности, провоцирует напряжен-

ные ситуации, для совладания с которыми у него недостаточно ресурсов. В ситуациях умеренного стресса подросток накапливает опыт успешного разрешения трудных жизненных ситуаций, в ситуациях запредельного стресса – не справляется в силу дефицита ресурсов, при недостаточности стрессовых нагрузок темпы развития подростка существенно замедляются. Привлечение внесубъектных ресурсов в сочетании с субъектными ресурсами позволяет индивиду продуктивно совладать со стрессовыми ситуациями. Зона ближайшего развития субъекта на данном возрастном этапе – научиться разрешать трудные жизненные ситуации самостоятельно с сохранением здоровья и формированием позитивного опыта преодоления затруднений.

Третий сензитивный период в развитии Совладающего Интеллекта, по-видимому, сопряжен с трудностями профессионального становления, построения супружеских отношений, родительства. Предположение о соотношении стрессогенности жизни человека в периоды ранней взрослости и среднего возраста, затяжных воспалительных процессов и разных линий развития субъекта в трудных жизненных ситуациях требует поисковых и фундаментальных исследований. Этот период жизни – проверка на прочность Стресс-совладающей системы в реагировании на разнообразную нагрузку в разных сферах деятельности (психомоторная, интеллектуальная, коммуникативная). Осознанная психическая саморегуляция, осуществляемая в процессе концептуализации стрессовой ситуации, позволяет субъекту совладания оценить необходимость привлечения внесубъектных ресурсов. На этом этапе становится очевидной линия развития субъекта в трудных жизненных ситуациях (прогрессивная, стабильная, регрессивная).

Четвертый сензитивный период в развитии Совладающего Интеллекта связан с формированием основ активного долголетия, направленного на оптимизацию возможностей в области здоровья, социального участия в жизни общества и безопасности для улучшения качества жизни в процессе старения. После достижения 60-летнего возраста при общем ухудшении умственной работоспособности прежде всего снижается способность к мыслительным операциям (подвижный интеллект), в то время как кристаллизованный интеллект (знания и опыт) продолжает расти. Психосоциальные факторы устойчивости в пожилом возрасте соотносятся с позитивной эмоциональностью, активным преодолением трудностей, социальной поддержкой, физическими упражнениями, полноценным питанием

и надежной привязанностью. Устойчивость к депрессии у пожилых людей коррелирует с такими биомаркерами, как аллель Val/Val, более высокой экспрессией минералокортикоидных рецепторов, более высоким метилированием BDNF, более высоким уровнем нейрпептида Y, эффективным транспортом моноаминов, высоким уровнем дегидроэпиандростерона (ДГЭА) и умеренной доступностью эстрогена.

Необходимо подчеркнуть, что биологический уровень Стрессовладающей системы обеспечивает более благоприятные условия для формирования способности к совладанию, но не определяет ее уровень. Способность к Совладанию, или Совладающий Интеллект – это функциональное свойство структур ментального опыта, репрезентирующих стрессовую ситуацию и возможные способы ее разрешения. Базовой характеристикой способности к совладанию является мера соответствия индивидуально-психологических особенностей субъекта угрожающему воздействию, начиная с избирательной чувствительности к разным характеристикам стрессовой ситуации и заканчивая уровнем организации концепта Стресс как референта знаний и способов совладания. Высокий Совладающий Интеллект, «использующий» возможности сензитивных периодов, соотносится с высокой продуктивностью жизнедеятельности человека на определенном возрастном этапе. Благоприятная реализация возможностей сензитивного периода проявляется в позитивном опыте разрешения стрессовых ситуаций, сохранении здоровья благодаря быстрому восстановлению ресурсов, позитивных эмоциях и снижении риска возникновения стресс-сопряженных заболеваний. Чем больше условия отклоняются от благоприятных, тем больше требуется ресурсов для регуляции/саморегуляции Стресс-совладающей системы и поддержания устойчивости в трудных жизненных ситуациях, тем выше вероятность наступления промежуточного состояния между здоровьем и хроническим заболеванием.

Литература

- Большой толковый психологический словарь / Под ред. А. Ребера. Т. 2 (П–Я). М.: Вече, АСТ. 2000.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
- Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект / Пер. с англ. А. П. Исаевой. М.: АСТ–Хранитель, 2008.

Gunnar M. R., Larson M. C., Hertzgaard L., Harris M. L., Brodersen L. The stressfulness of separation among nine-month-old infants: effects of social context variables and infant temperament // *Child Development*. 1992. V. 63 (2). P. 290–303.

Kuvaeva I. O., Volkova E. V. Biochemical Correlates of Individual Differences in Coping Intelligence // *Natural Systems of Mind*. 2022. V. 2. № 2. P. 18–34. doi: 10.38098/nsom_2022_02_02_03

О развитии личной мудрости

Н. Н. Мехтиханова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

В статье обсуждается проблема развития мудрости. Описываются некоторые современные подходы к ее формированию. Приводятся примеры тем из курса «Психология личности», в рамках которого делаются попытки развития навыков мудрого решения сложных жизненных проблем.

Ключевые слова: духовные способности, развитие, мудрость, обучение мудрости, саморазвитие.

Развитие мудрости может быть достойной целью в жизни каждого человека. Издавна является общепризнанным, что мудрость – основа психологического благополучия, принятия адекватных решений, осуществления благородных поступков, не разрушительной, прогностически обоснованной и гуманистически ориентированной деятельности.

Вопрос о возможности и условиях развития мудрости обсуждается с самых древних времен. В эллинистический период от учеников требовалось искать мудрость в литературе, нравственные примеры находили в творчестве классических поэтов, существовала практика «духовных упражнений». Эпикурейские школы создавали справочники, письма и диалоги, обобщающие их учения, чтобы студенты запомнили их, подражали им и научились жить мудро. Софисты предлагали развивать риторические навыки и рациональность. Сократовское учение было нацелено на исследование опыта, ценностей и знания путем диалога. Аристотель считал, что у некоторых людей способность к суждению или рациональному размышлению более развита. Склонность к практической мудрости частично тоже является врожденным даром, как и любой талант или особые способности, но она может быть развита путем постоянной практики.

В средневековой христианской традиции мудрость рассматривалась как благодать, полученная от Бога, или как отражение божест-

венной мудрости. Некоторые богословы выступали за науку, которая гармонично сочетала бы человеческое и божественное; такое обучение приблизило бы учеников к Богу и, следовательно, к божественной мудрости. Исходя из религиозных убеждений, Августин Блаженный считал, что мудрость – недостижимая, но достойная цель, к которой нужно стремиться. Многие ученые видели в мудрости человеческий идеал. Долгое время мудрость оставалась идеей, моделью, которая никогда не могла быть достигнутой. Например, великий философ И. Кант считал мудрость недосыгаемым состоянием человеческого совершенства, к которому можно только чувствовать любовь. Вопрос о развитии мудрости, таким образом, был практически закрыт для обсуждения. Только в XX в. в связи с обращением психологической науки к проблеме мудрости появились первые работы о том, как развивается мудрость.

В 2019 г. в Торонто (Канада) собралась международная группа исследователей мудрости. Целью группы было дать систематическую оценку доминирующих теоретических и методологических подходов в эмпирической психологии и выработать общую позицию по мудрости в психологической науке. На вопрос «Может ли человек развить мудрость? Если да, то как?» практически все ученые ответили положительно (96%).

В современных образовательных программах акцент ставится, прежде всего, на формировании компетентностей, строго соответствующих направлению подготовки. Правомерно возникают вопросы: достаточно ли этих знаний, умений, навыков, чтобы выпускник вуза стал успешным профессионалом, гражданином и просто счастливым человеком? Есть ли качества, которые выходят за рамки тех, которые мы обычно формируем, но важные для продуктивной жизнедеятельности? Правильно ли мы готовим студентов к миру, в котором они окажутся после обучения? При подготовке психологов частично эти вопросы решаются с помощью базовой части цикла гуманитарных и социально-экономических дисциплин и некоторых дисциплин профессионального цикла. Вместе с тем даже в этих курсах формирование высших способностей (адаптивных, творческих, духовных, моральных, интеллектуальных) осуществляется косвенным образом, подспудно, нецеленаправленно. Считается также, что вся совокупность дисциплин в ходе обучения формирует необходимые качества у студентов. По данным американских ученых, в США и в более чем десятке других стран, по которым имеются соответствующие

данные, коэффициент интеллекта увеличивается приблизительно на 9 пунктов за тридцать лет (одно поколение). Так продолжается уже в течение нескольких поколений (Мехтиханова, Смутьсон, 2013). В то же время многими учеными и практиками признается, что это явно недостаточно. Простое обладание знанием не влечет за собой его правильное и обоснованное использование. Многие хорошо осведомленные люди ведут несчастливую жизнь. Некоторые из них принимают решения, которые являются плохими или даже предосудительными, безнравственными. Примеров таких решений множество. Восполнить недостающее звено в обучении предпринимали многие зарубежные ученые. Педагогами были созданы различные программы по развитию высших способностей. Так, одной из первых была программа «Философия для юношества» Липмана и др. (1980, 1987). В ней использовался набор книг для развития навыков аналитического мышления. Учащиеся читали книги, а затем пытались оценивать информацию и обсуждали персонажей с точки зрения будущих личных выборов. В программе Паула (1984, 1987) акцент был сделан на диалогическое мышление или видение проблем с различных точек зрения. Эннис, Адамс, Брансфорд, Штейн, Фойерштейн Халперн и др. создавали курсы для развития навыков критического мышления. Р. Стернберг отмечает, что все эти и ряд других знаний, умений, качеств входят в одно интегральное личностное образование, являющееся самым важным для личности и актуальным для общества — мудрость. По его мнению, целью обучения должно быть не только распространение знаний, но и помощь студентам в мудром использовании этих знаний с учетом общечеловеческих ценностей. Ведь знание может служить противоположным, с точки зрения нравственности, целям. Людям нужны знания, на которые можно опереться при вынесении суждений: знание человеческой природы, жизненных обстоятельств или стратегий, которые приводят к успеху или к неудаче. Развитие мудрости может улучшить качество нашей жизни и поведения. Образовательная программа Стернберга включает формирование интеллекта, креативности и мудрости, которой принадлежит центральная роль (Sternberg, 2003). В отечественной психологии ученые сравнительно недавно обратились к проблеме развития высших способностей. Особый интерес представляют работы В. Д. Шадрикова, Г. В. Ожигановой. Так, Г. В. Ожиганова к свойствам духовной личности относит: цельность, надежность, справедливость, добротельность, верность, доброту, великодушие, эмпатию, помогающее

поведение. Для духовной личности характерны положительные эмоции, позитивно окрашенные желания и идеи. «Духовная личность» определяется как личность, обладающая высокой нравственностью, которая проявляется в мудром, добродетельном поведении, наличии духовной силы и духовности отношений (Ожиганова, 2019). В наших многочисленных исследованиях феномена «мудрость» как высшей способности было доказано, что мудрость может проявляться в любом возрасте и способствует оптимальной адаптации личности (Мехтиханова, Смутьсон, 2013). В ходе проведения семинарских занятий по курсу «Психология личности» мы используем накопленные в психологии способы обучения мудрым решениям. Так, при изучении темы «Психология агрессивного поведения» студентам дается задание доказать и опровергнуть необходимость смертной казни как способа регулирования агрессии в обществе. Тема «Психология саморегуляции» включает ретроспективный анализ ситуаций, в которых студенты использовали осознаваемые и неосознаваемые способы совладания с трудными жизненными ситуациями. После прочтения работ Э. Фромма студенты пытаются поделиться со своими ровесниками размышлениями о любви. Таким образом, студенты учатся не только усваивать факты, но и мыслить аналитически, творчески, практически и мудро. Они анализируют, критикуют, судят, сравнивают, противопоставляют, оценивают. Они творят, изобретают, открывают новое. Они учатся тому, что так важно для профессионального успеха и полноценной жизни.

Литература

- Мехтиханова Н. Н., Смутьсон М. Л.* Мудрость – свойство пожилых и адаптированных? // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. «Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика». 2013. Т. 19. № 3. С. 36–40.
- Ожиганова Г. В.* Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 4. С. 160–176. doi: 10.17759/expsy.2019120413.3
- Sternberg R. J.* Wisdom, intelligence and creativity synthesized. N. Y.: Cambridge University Press, 2003.

Рефлексия, рефлексивность и духовные способности*

Г. В. Ожиганова (ИП РАН, Москва)

Анализируется понимание рефлексии в современной отечественной психологии. Отмечается сложность и многомерность рефлексии, проявляющаяся в существовании ее различных аспектов, типов, уровней. Проводится соотнесение рефлексии и рефлексивности с духовными способностями. Показано, что в структуре духовных способностей рефлексия и рефлексивность имеют отношение к ментальному компоненту духовных способностей и проявляются в виде высших рефлексивных способностей. В статье дается определение духовных способностей, описывается специфика высших рефлексивных способностей (относимых к категории духовных) и их функционирование в структуре духовных способностей.

Ключевые слова: рефлексия, рефлексивность, высшие рефлексивные способности, духовные способности.

Понятия рефлексии, рефлексивности, рефлексивных способностей рассматривались в работах В. Д. Шадрикова, А. В. Карпова, И. Н. Семенова, Д. А. Леонтьева, М. А. Холодной, Е. А. Сергиенко и многих других авторов.

В работах современных психологов рефлексия отражается как сложный многомерный конструкт. М. А. Холодная, анализируя представления ученых о рефлексии, выделяет следующее: «...во-первых, это осознанное, произвольное состояние/процесс; во-вторых, она характеризуется Я-центрированной направленностью, т. е. всегда выступает в форме самосознания и реализуется в виде внутреннего диалога (разговора с самим собой); в-третьих, суть рефлексии составляет регулирующая функция, которая включает ее в процесс взаимодействия субъекта с физическим и социальным миром; в-четвертых, рефлексия предполагает реализацию различных мыслительных опе-

* Исследование выполнено в рамках Госзадания № 0138-2021-0007 «Многомерная природа способностей и ментальных ресурсов человека», ЕГИСУ НИОКР 121041500257-6.

раций и мыслительных действий, связанных с изучением объекта рефлексирования (анализом, сравнением, обобщением, интерпретацией, прогнозированием и т. д.). Важно подчеркнуть, что подлинная рефлексия предполагает интеграцию всех четырех аспектов» (Холодная, 2022, с. 15).

О сложности и многомерности рефлексии свидетельствует существование ее различных типов, например, таких, как кооперативный (знания о ролевой структуре и позициональной организации коллективного взаимодействия; коммуникативный (понимание внутреннего мира другого человека и причин его поступков); личностный (образы «Я» и поступки, связанные с собственной индивидуальностью); интеллектуальный (представления об объекте и способы действия с ним) (С. Ю. Степанов, И. Н. Семенов). Существует также экзистенциальный тип рефлексии, отражающий ее целеобразующий и ценностно-смысловой аспект (И. Н. Семенов). Выделяется духовный тип рефлексии (В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев; В. П. Зинченко; Г. В. Ожиганова). Мы определяем духовный тип рефлексии как размышление над высшими ценностями и смыслами бытия, как внутреннюю работу по самопреобразованию, исходя из высших ценностей и смыслов. Духовный тип рефлексии имеет отношение к духовным способностям (Ожиганова, 2020).

Предложенная Д. А. Леонтьевым дифференциальная модель рефлексии позволяет выделить четыре типа рефлексии: 1) арефлексия, 2) интроспекция, 3) квазирефлексия, 4) системная рефлексия. Арефлексия характеризуется полным отсутствием самоконтроля, концентрацией только на внешнем интенциональном объекте. Интроспекция описывается как фокусирование на самом субъекте (собственное внутреннее состояние, переживание). Квазирефлексия отражает сосредоточенность на посторонних объектах, не связанных с актуальной ситуацией (погруженность в посторонние размышления). Системная рефлексия – это сосредоточенность на себе и объекте одновременно (самодистанцирование, взгляд на себя со стороны). Она представляет собой продуктивный тип рефлексии по сравнению с первыми тремя, относимыми к непродуктивным типам (Д. А. Леонтьев, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осин, А. Ж. Салихова).

Сложность и многомерность рефлексии отражается не только в ее многоаспектности и разнообразии типов, но и в многоуровневости. Например, В. В. Пономарева выделяет четыре уровня рефлексивно-го восприятия коммуникации, которые, по нашему мнению, могут

быть дополнены пятым духовным уровнем: 1) рефлексивная оценка субъектом ситуации; своих мыслей и чувств в этой ситуации; поведения другого человека в этой ситуации; 2) мнение субъекта о чувствах другого человека в той же ситуации, о его мыслях по поводу этой ситуации и о самом субъекте; 3) саморепрезентация мыслей другого человека, связанных с тем, как тот воспринимается субъектом, и о том, как другой человек воспринимает мнение субъекта о самом себе; 4) оценка субъектом того, как воспринимается другим человеком мнение субъекта касательно мыслей другого о поведении субъекта в различных ситуациях (Пономарева, 2000); «5) высший – духовный уровень, когда субъект, осознавая наличие духовного «Я» в себе и других людях, строит коммуникацию и социальное взаимодействие на основе этого духовного уровня, апеллируя к духовному «Я» другого. Тогда рефлексия приобретает свойства трансценденции – выхода за пределы ситуации и за пределы данного «Я», получает статус высшей духовной рефлексии, основанной на мудрости, сострадании и понимании сути вещей, и реализуется благодаря высшим рефлексивным способностям» (Ожиганова, 2020, с. 122).

Высшие способности раскрываются нами как виды духовных способностей. Мы определяем «духовные способности как свойства личности, отражающие единство ее интеллектуальной и нравственной сфер, обеспечивая одновременное проявление в реальном поведении и деятельности трех составляющих духовных способностей: 1) морального компонента/уровня – связан с высшими моральными способностями (высшими ценностно-нравственными и смысловыми устремлениями); 2) ментального компонента/уровня – включает высшие интеллектуальные способности, например, мудрость, высшие рефлексивные, саморегулятивные, творческие способности, а также высшую способность к саморазвитию; 3) трансцендентного компонента/уровня – предполагает такие высшие трансцендентные способности, как выход за пределы «Я» в служении людям и обществу, переживание специфических духовных состояний» (там же, с. 55).

Высшие рефлексивные способности относятся к субкомпоненту «рефлексивность», входящему в состав ментального компонента духовных способностей. Вслед за В. Д. Шадриковым мы рассматриваем рефлексивность как качество личности, определяющее рефлексивность как процесс. Согласно Шадрикову, рефлексивность имеет меру выраженности и характеризуется направленностью процессов познания на себя в действиях, поступках, созерцании. Эта направленность

может оцениваться с помощью наличия критериев правильности действий и правильности поступков; уровня развития познавательных способностей (интеллекта); показателей направленности на самооценку (Шадриков, 2014).

В структуре духовных способностей субкомпонент «рефлексивность», входящий в состав ментального компонента духовных способностей, реализуется благодаря высшим рефлексивным способностям.

Рассматривая высшие рефлексивные способности, важно отметить, что «их кардинальная особенность, по сравнению с рефлексивными способностями, заключается в том, что они позволяют человеку возвыситься над стремлением к адаптации в отношении внешней среды, выйти за пределы эмпирической личности, материально-го уровня и перейти в сферу духовности» (Ожиганова, 2020, с. 124).

Высшие рефлексивные способности соотносятся со сферой самосознания, саморегуляции, саморазвития и связаны с проявлением мудрости, глубиной осмысления бытия. Благодаря высшим рефлексивным способностям человек может видеть суть вещей, осознавать все, что с ним происходит, понимать причины и следствия явлений и действий; глубоко анализировать свой опыт и состояния; эффективно прогнозировать события, четко осознавать свои жизненные цели и ценности.

Высшие рефлексивные способности, входящие в состав ментального компонента духовных способностей, обусловлены духовной направленностью личности, основу которой составляют смысловой и ценностно-нравственный аспекты высших моральных способностей, имеющих отношение к определяющему моральному компоненту духовных способностей. С помощью высших рефлексивных способностей создается возможность движения личности в сторону своего духовного «Я», что способствует выходу за пределы «Я» эгоцентрического (самотрансценденции в бытии для других и служении обществу), это связано с трансцендентным компонентом духовных способностей. Таким образом осуществляется целостное функционирование всех трех компонентов духовных способностей при выдвигании на первый план субкомпонента «рефлексивность», реализуемого с помощью высших рефлексивных способностей.

Итак, можно говорить о том, что рефлексия и рефлексивность, будучи включены в состав ментального компонента духовных способностей, проявляются в виде высших рефлексивных способностей, позволяющих личности продвигаться к своему духовному «Я».

Проведенный теоретический анализ показывает сложность и многомерность как рефлексии, так и духовных способностей.

Литература

- Ожиганова Г. В.* Духовная личность. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Ожиганова Г. В.* Понятие «духовные способности» // Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. с. 424–425.
- Пономарева В. В.* Исследование роли рефлексивности в структуре личности руководителя // Социальная психология – XXI век. Ярославль, 2000. С. 203–207.
- Холодная М. А.* Светлые и темные стороны рефлексии и арефлексии: эффект расщепления // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 15–26.
- Шадриков В. Д.* Мысль, мышление и сознание // Мир психологии. 2014. № 1. С. 17–32.

Психология интеллекта: исследования и практика

Н. А. Пастернак (ШАБ РАНХиГС, Москва)

Рассматривается проблема целостного видения человека на примере анализа той структуры интеллекта, которую предложил Д. В. Ушаков. Показывается роль способности действовать «в уме» в произвольном поведении личности. Демонстрируется взаимодействие интеллектуального и личностного потенциала при решении задач широкого профиля, а также показываются преимущества и недостатки, связанные с разными особенностями интеллектуального фактора.

Ключевые слова: целостное видение человека, интеллект, способность действовать «в уме», личностные особенности.

Актуальная проблема современной психологии – создание теоретико-экспериментальной базы для психотерапевтической и консультационной практики, переход к симбиозу методологии и практики. Корень данной проблемы – «фасеточность» – отсутствие целостного видения человека. Один из путей ее решения – исследования в рамках той структуры интеллекта, которую описал Д. В. Ушаков.

Согласно Д. В. Ушакову, структура интеллекта представляет собой результат взаимодействия интеллектуального потенциала человека, его личностных особенностей и предпочтений, а также стимулирующих и противодействующих влияний среды. При этом в интеллектуальном потенциале человека ведущую роль играет способность действовать «в уме» (сокращенно СДУ).

Говоря о личностных особенностях в структуре интеллекта, сошлемся на работы Я. А. Пономарева, который, описывая личностные и интеллектуальные особенности гениальных шахматистов, констатировал тот факт, что выдающихся достижений добиваются не те из них, кто обладает высочайшим интеллектом или креативностью, а те, кто настойчив, целеустремлен, амбициозен. Это не означает отсутствия у шахматистов мирового уровня интеллектуального и креативного потенциала: этот потенциал у них, конечно, чрезвычайно высок, но именно личностные особенности и предпо-

чтения позволяют им добиваться выдающихся побед. На формирование этих особенностей и предпочтений огромное влияние оказывает внешняя среда — ее стимулирующие или противодействующие влияния.

В сфере обучения эти влияния проявляются в том числе в соответствии формы подачи учебного материала индивидуальным особенностям, связанным с интеллектуальным фактором. Так, анализируя учебную успеваемость студентов медицинского вуза, мы предположили, что при низком уровне развития СДУ (при доминировании в мышлении наглядного фактора) учебный материал лучше усваивать, используя наглядные средства обучения, схемы, презентации, разбивая большой объем учебного материала на более мелкие куски (Пастернак, 2022). Кроме этого, нами было выдвинуто предположение, что для получения высоких академических результатов этим студентам, помимо настойчивости и упорства, необходимо больше времени, чем их сокурсникам с более высоким уровнем развития данной способности.

Такой подход, в отличие от традиционного, утверждающего, что высокий интеллект обеспечивает возможности более успешного обучения в высшей школе, позволяет выстраивать индивидуальные образовательные траектории в зависимости от особенностей интеллектуального фактора. В этом случае мы говорим не о результативности обучения, которая зависит, прежде всего, от мотивации, а о темпах. Данный факт, с нашей точки зрения, позволяет соединить «теорию и практику», предоставляя заинтересованным лицам из числа обучающихся психологические рекомендации.

Говоря об этом, мы ссылаемся на собственные исследования, связанные с ролью СДУ в интеллектуальном и личностном потенциале человека. Эти исследования базируются на работах Я.А. Пономарева, который показал, что при низком уровне развития СДУ испытуемые, решая интеллектуальную задачу, используют стратегию «проб и ошибок», не моделируя «в уме» образ будущего решения. Данная стратегия сопряжена с определенным временем, которое необходимо для усвоения умственного действия и использования его для решения интеллектуальных задач.

Кроме этого, стратегия «проб и ошибок» составляет индивидуальный опыт, апеллируя к которому личность развивает возможности преадаптации — готовности действовать в ситуациях жизненной неопределенности (Асмолов и др., 2017). Именно поэтому, на наш

взгляд, этот тип интеллекта (с низким уровнем развития СДУ) имеет свои преимущества.

Здесь вновь необходимо вспомнить эксперименты, посвященные творческому мышлению в работах Я. А. Пономарева, который показал, что неудачные попытки решить экспериментальную задачу логическим путем заканчиваются успехом только в случае «подсказки» — нахождения решения в прошлом опыте. Однако, чтобы это произошло, человек должен проявить настойчивость — сохранить желание найти решение после многочисленных неудачных попыток.

Здесь мы снова сталкиваемся с личностными особенностями в структуре интеллекта: речь может идти о познавательной и поисковой активности, интеллектуальной инициативе и др. На формирование этих качеств, как и ранее, огромное влияние оказывают стимулирующие и противодействующие влияния среды, такие как ограничения познавательной активности ребенка в раннем детстве, избыточные запреты и пр. (Пастернак, 2020). К этим же влияниям среды можно отнести возможные школьные неуспехи, связанные с особенностями интеллектуального фактора: они могут как подавить учебную мотивацию, так и стимулировать ее, формируя волевые качества личности.

Когда мы говорим об ограничениях, связанных с низким уровнем развития интеллектуального фактора, мы имеем в виду установленный в эмпирических исследованиях факт, согласно которому лица с высоким интеллектом используют более разнообразные стратегии совладания с трудными ситуациями, анализируя и рефлексивизируя свой жизненный опыт; используя различные формы отвлечения (Корнилова, 2010). Этот факт, на наш взгляд, диктует необходимость упреждающего обучения подростков стратегиям совладающего поведения (Пастернак, 2023). Кроме этого, данные ограничения могут инициировать социальную активность личности, которая способствует ее самореализации — постоянному развитию ее потенциала, проявления индивидуальности, развитию эмоционального интеллекта (Дикая и др., 2020).

Еще одно ограничение, связанное с низким уровнем развития СДУ, относится к целеполаганию и планированию будущего: зная, чего они хотят, молодые люди 18–20 лет редко представляют себе способ достижения поставленных целей, действуя, как и в процессе решения интеллектуальных задач, методом «проб и ошибок» (Пастернак, 2021). Экстраполируя это знание на практику, можно рекомендовать

включить занятия по планированию будущего и целеполаганию в практику работы школьных психологов со старшими подростками.

Для целостного видения перспектив развития личности с низким интеллектом посмотрим на вышеизложенное ограничение с точки зрения жизненного преимущества: опыт, накопленный в процессе «проб и ошибок», в дальнейшем выступит в качестве предадаптации к непростым и непредсказуемым жизненным ситуациям.

Последнее замечание, связанное с возможностями адаптации к ситуациям разного типа: необходимо вспомнить хорошо известный факт, состоящий в том, что лишь небольшой процент детей, демонстрирующий в школе академическую одаренность, впоследствии становится профессионально и социально успешными людьми. Это связано с отсутствием навыков поведения в ситуации жесткой межличностной конкуренции на рынке труда, отсутствием опыта преодолевать жизненные трудности. Данное обстоятельство можно считать «минусом» лиц с высоким интеллектуальным потенциалом.

Все вышесказанное говорит в пользу как дальнейших исследований в области взаимодействия интеллектуального и личностного факторов, дальнейших исследований, связанных с ролью СДУ в произвольном поведении личности и связи этой способности с другими составляющими интеллекта, так и в необходимости построения типологии личности по интеллектуальному фактору. При этом каждый полюс развития интеллекта (низкий и высокий) будет характеризоваться своими сильными и слабыми сторонами.

Так, при низком интеллекте испытуемого полезно информировать о том, что его могут ждать трудности на пути овладения собственным поведением в ситуации стресса, более конкретно, трудности при анализе жизненной ситуации и планировании сценариев поведения. Эти трудности преодолимы путем прохождения психологических тренингов или опытным путем. В последнем случае надо быть готовым к ряду жизненных неудач, которые с течением времени приведут к успеху. При этом сам испытуемый, которому предоставляются данные рекомендации, выбирает для себя, каким путем он предпочитает идти — длинным, сопряженным с ошибками и эмоциональными стрессами, или более коротким, требующим дополнительного обучения и в ряде случаев психологического сопровождения. Этим же испытуемым необходимо сообщать об их «сильных» сторонах — возможности решения задач самого разного типа с использованием интуиции, в развитии которой большую роль играет

их индивидуальный опыт, сопряженный с «пробами и ошибками».

Высокий интеллект, обладая своими очевидными преимуществами, может «страдать» от недостатка опыта «неудач» и преодоления трудностей. В ряде случаев лицам с высоким интеллектом необходимо рекомендовать развивать эмоциональный интеллект, интуитивное мышление.

Литература

- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. Т. 3. № 4. С. 3–26.
- Дикая Л. А., Обухова Ю. В., Егорова В. А., Егоров И. Н.* Особенности взаимосвязей эмоционального интеллекта и личностных черт // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17. № 4. С. 34–48.
- Корнилова Т. В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека и стратегия совладания // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2010. № 1. С. 46–57.
- Пастернак Н. А.* Резервы человеческого интеллекта: способность действовать «в уме» / Под ред. А. Г. Асмолова. М.: Когито-Центр, 2020.
- Пастернак Н. А.* Теория и практика при исследовании временной перспективы личности: способность действовать «в уме» Я. А. Пономарева // Вестник РГГУ. Сер. «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 2. С. 116–129.

Психофизиологическое исследование эффекта Струпа с использованием полиграфа*

А. Н. Певнева (ГрГУ им. Я. Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь)

Обосновывается актуальность исследования психофизиологических показателей эффекта Струпа с использованием полиграфа. В ходе исследования подтвержден эффект Струпа, психофизиологические показатели которого представляют общечеловеческую физиологическую реакцию на стимулы различного порядка и сопровождаются динамикой кожно-гальванической реакции, усилением эмоционального напряжения, увеличением длины изолинии дыхания, наличием спазма дыхательных путей и двигательной активности (тремора).

Ключевые слова: психофизиологические показатели, эффект Струпа, полиграф.

Эффект Струпа, или интерференции, исследование которого было начато физиологами Н. Р. Bowditch и J. W. Warren еще в 1890-х годах, продолжается до настоящего времени рядом исследователей: В. М. Аллахвердовым, М. В. Аллахвердовым, К. Г. Большаковой, Н. Т. Ерчак, А. С. Стародубцевым, Е. В. Стасюкевичем, Т. А. Сысоевой, И. С. Уточкиным. Несмотря на то, что Струп-интерференция, которая является результатом автоматической актуализации нерелевантной информации, представлена одним из самых воспроизводимых эффектов в психологии, не получивших научного объяснения до сих пор, она продолжает изучаться учеными с различных научных точек зрения и ракурсов.

Исследователи В. М. Аллахвердов и М. В. Аллахвердов интерференцию изучают как логический парадокс, приходя к выводу о том, что интерференция возникает не в результате ограничений возможностей познавательной деятельности, а «в результате проверки правильности выполнения парадоксального задания: не осознавать (игнорировать) результат автоматически совершаемых преобразований»

* Исследование выполнено при поддержке гранта ректора ГрГУ им. Янки Купалы № 01-41-12/27-23.

(Аллахвердов, Аллахвердов, 2014, с. 90). А. С. Стародубцев, исследуя влияние когнитивного контроля на эффект Струпа, делает заключение, что «именно ожидание возможной интерференционной ошибки приводит к контролированию решения задачи Струпа и, как следствие, к замедлению времени реакции» (Стародубцев, 2018, с. 150). Наряду с этим М. В. Аллахвердов и А. С. Стародубцев обнаружили влияние положения дистрактора на эффект Струпа. Исследователями было установлено, что классический эффект определяют проверочные действия, выполняемые контролем задачи, как следствие «снижение контрольных операций», что, в свою очередь, приводит к увеличению показателей научения (Аллахвердов, Стародубцев, 2017, с. 146).

Изучением усиления и ослабления эффекта Струпа при вероятностном научении, в котором «варьировалась частота встречаемости конфликтных и совпадающих проб теста Струпа», занимались И. С. Уточкин и К. Г. Большакова. В результате исследователями было доказано, что словесно-цветовые сочетания и вероятности апеллируют к разным уровням эффектов дистрактора, и «при низкой вероятности конфликтных проб эффект Струпа значительно усиливается и практически не поддается тренировке, в то время как при высокой вероятности практически исчезает» (Уточкин, Большакова, 2010, с. 139). Наряду с этим опубликован ряд исследований, которые посвящены теоретическому анализу механизмов возникновения эмоционального эффекта Струпа, а также изучению последнего во взаимосвязи с эмоциональным интеллектом.

В связи с представленным выше и с целью повышения валидности, надежности изучения Струп-интерференции (эффект Струпа), становится актуальным диагностика и учет психофизиологических показателей субъекта. Новый подход в исследовании интерференции путем применения полиграфа способен дать больше возможностей для исследователей, позволяя анализировать эмоциональную реакцию на стресс в предъявлении различных, в том числе нерелевантных стимулов. Максимальный потенциал данной аппаратной техники способствует изучению результативности когнитивной деятельности при решении задач, реализуемой в рамках психофизиологического подхода, тем самым задавая новые ориентиры исследований в рамках общей психологии. Специальные датчики ПКП позволяют производить синхронную регистрацию индивидуальных физиологических реакций дыхания верхнего (грудного) и нижнего диафрагмального или брюшного), кожно-гальванической (КГР; сопротивления кожи),

пальцевой фотоплетизмографии сосудистого тонуса (ФПГ), тремора (двигательная активность) испытуемых на методически обусловленный четкий алгоритм действий, тем самым позволяя повысить надежность и достоверность результатов.

Цель экспериментального исследования направлена на исследование психофизиологических показателей эффекта Струпа с использованием полиграфа. В экспериментальном исследовании приняли участие 42 добровольца в возрасте от 18 до 22 лет, обучающихся в УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы». Психодиагностическим инструментарием послужил словесно-цветовой тест Струпа (Stroop, 1935). Исследование психофизиологических показателей эффекта Струпа проводилось с использованием портативного компьютеризированного полиграфа (ПКП) «Диана-05». С испытуемыми, которые дали добровольное согласие на участие в исследовании, проводилась предтестовая беседа, а также инструктаж по порядку проведения тестирования на полиграфе и надевание датчиков.

Сравнительный анализ средних показателей и спектральной мощности (в Гц) вышеперечисленных реакций проводился при помощи однофакторного дисперсионного анализа Н-критерия Краскела–Уоллиса, U-критерия Манна–Уитни, корреляционный анализ – ранговой корреляции Спирмена (rs). Статистическая обработка данных проводилась при помощи компьютерной программы Statistica v. 6.0.

В ходе исследования было установлено, что средний показатель времени выполнения стимула С-карты составил $4,84 \pm 0,74$ с, Ц-карты – $5,39 \pm 0,90$ с. Показатель вербальности (Бровермана), который является разницей между затраченным временем на выполнение Ц-карты и С-карты, представлен $0,55$ с. Применение критерия Н-критерия Краскела–Уоллиса позволило выявить статистические различия между временем, затраченным на выполнение пробы 1 и пробы 2 ($N = 11,22$; $df = 1$; $p = 0,0008$). На выполнение ЦС-карты, задача которой состояла в названии цвета чернил, которым написаны слова (СЦ-карта), респонденты затратили $9,37 \pm 2,05$ с. Разница во времени выполнения задания с ЦС-картой и Ц-картой в среднем составила $3,97$ с. Сравнительный анализ выявил значимые различия ($N = 58,03$; $df = 2$; $p = 0,000$) в средних значениях времени выполнения пробы 2 и пробы 3. Данный показатель отражает определенные затруднения в смене способа деятельности у респондентов.

Среднее значение по шкале частоты сердечных сокращений (ЧСС) на начало выполнения С-карты у респондентов составило $92,57 \pm 17,45$

уд./мин, на окончание – $97,93 \pm 23,79$ уд./мин. В среднем минимальный показатель ЧСС при выполнении пробы 1 равен $88,12 \pm 18,15$ уд./мин, максимальный – $101,72 \pm 25,05$ уд./мин. Минимальный показатель стресс шкалы (СШ) на начало предъявления стимула соответствует $182,02 \pm 51,73$, а максимальный – $187,40 \pm 52,30$ Гц. Среднее значение наступления КГР на момент предъявления пробы представлено $1,32 \pm 0,83$ Гц, высоты амплитуды – $148,86 \pm 87,42$, а также длины изолинии дыхания – $2764,74 \pm 1038,66$ Гц. В целом выполнение пробы 1 характеризуется повышением показателей ЧСС и СШ на момент окончания ее прохождения. Сравнительный анализ психофизиологических показателей при выполнении 1 и 2 проб теста Струпа не выявил значимых различий.

При сравнительном анализе психофизиологических показателей при выполнении 2 и 3 проб теста Струпа у респондентов зафиксированы различия ($U = 559,50$; $p = 0,003$) во времени запаздывания КГР с момента предъявления стимула Ц-карты и ЦС-карты. Так, в ходе выполнения Ц-карты среднее значение время наступления КГР у испытуемых было выше ($1,61 \pm 0,78$ с) по сравнению с ЦС-картой ($1,12 \pm 0,78$ с). Однако наиболее высокий показатель КГР представлен значением 1,61 Гц. Высота амплитуды КГР, отражающая мощность активирующих процессов возбуждения, имеет U-образную форму.

В исследовании наблюдаются усиление эмоционального напряжения (показатель СШ), максимальное (С-карта – 182,02; Ц-карта – 179,64; ЦС-карта – 178,17) значение которого в каждой пробе возрастает относительно минимального (С-карта – 187,40; Ц-карта – 184,43; ЦС-карта – 183,74) показателя и отражает динамику длины изолинии (С-карта – 2764,74; Ц-карта – 3160,14; ЦС-карта – 3457,74), а следовательно, объема вдыхаемого и выдыхаемого воздуха испытуемыми.

При выполнении пробы 2 (Ц-карты) установлена связь длины изолинии дыхания с ЧСС на начало ($r_s = 0,41$ при $p < 0,01$) и окончание ($r_s = 0,51$ при $p < 0,00$), а также с минимальным ($r_s = 0,40$ при $p < 0,01$) и максимальным ($r_s = 0,52$ при $p < 0,00$) показателями ЧСС. Наряду с этим выявлена корреляция длины изолинии дыхания с показателями СШ на начало ($r_s = 0,35$ при $p < 0,02$) и окончание ($r_s = 0,36$ при $p < 0,01$) прохождения задания, ее минимальным ($r_s = 0,36$ при $p < 0,01$) и максимальным ($r_s = 0,35$ при $p < 0,01$) значением.

Психофизиологические показатели характеризуются возникновением новых значимых связей в процессе выполнения испытуемы-

ми пробы 3. Так, высота амплитуды КГР ($133,95 \pm 82,31$) отрицательно ($r_s = -0,37$ при $p < 0,01$) коррелирует с ЧСС на начало выполнения задания. То есть чем выше показатель КГР (слабое потоотделения), тем меньше ЧСС, и наоборот. Наряду с этим выявлен уже вышеописанный психофизиологический показатель, который отражает связь длины изолинии дыхания с показателями СШ на начало ($r_s = 0,47$ при $p < 0,001$) и окончание ($r_s = 0,45$ при $p < 0,002$) прохождения задания, ее минимальным ($r_s = 0,45$ при $p < 0,002$) и максимальным ($r_s = 0,47$ при $p < 0,001$) значением. Эффект Струпа, по результатам изолинии фотоплетизмограммы (ФПГ) сопровождается дыхательным спазмированием у всех испытуемых.

Заключение

На основании результатов экспериментального исследования психофизиологических показателей эффекта Струпа с использованием полиграфа сформулированы следующие выводы: подтвержден эффект Струпа (интерференции), который характеризуется конфликтом вербальных и перцептивных функций у респондентов; психофизиологические показатели эффекта Струпа определяются динамикой КГР (увеличением потоотделения) на начало предъявления стимула Ц-карты и ЦС-карты, усилением эмоционального напряжения (стресса) на момент окончания пробы 2 и 3, а также увеличением длины изолинии дыхания. Психофизиологические показатели при выполнении Ц-карты обусловлены преимущественно корреляцией длины изолинии дыхания со всеми показателями ЧСС и эмоционального напряжения (начало и окончание задания; *min* и *max* значений), а при названии стимулов ЦС-карты – связью КГР и ЧСС (на начало выполнения пробы) и показателями эмоционального напряжения (начало и окончание выполнения пробы; минимальных и максимальных значений). При этом проявление эффекта Струпа сопровождается задержкой дыхания (спазмированием) у всех испытуемых.

Полиграф, техническое средство для проведения инструментальных психофизиологических исследований, в частности синхронной регистрации параметров дыхания, сердечно-сосудистой активности, электрического сопротивления кожи на эмоциональную реакцию, может иметь широкую практическую значимость во многих социальных сферах.

Литература

- Аллахвердов В. М., Аллаxвердов М. В.* Феномен Струпа: интерференция как логический парадокс // Вестник СПбГУ. Сер. 16. «Психология. Педагогика». 2014. № 4. С. 90–102.
- Стародубцев А. С., Аллаxвердов М. В.* Влияние установки о наличии конфликтных стимулов в тесте Струпа на величину интерференции // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. Т. 7. Вып. 2. С. 137–153. doi: 10.21638/11701/spbu16.2017.203
- Стародубцев А. С.* Влияние когнитивного контроля на эффект Струпа // Петербургский психологический журнал. 2018. № 24. С. 40–62.
- Уточкин И. С., Большакова К. Г.* Усиление и ослабление эффекта Струпа при вероятностном научении // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 3. С. 139–149.
- Stroop J. R.* Studies of interference in serial verbal reactions // Journal of Experimental Psychology. 1935. V. 18. № 6. P. 643–662.

Ментальная репрезентация воплощенного телесного опыта*

Т. А. Ребеко (ИП РАН, Москва)

На материале «освоения» телесности рассматривается тезис о становлении субъекта. Выход из симбиоза сопряжен с воплощением индивидуальных телесных и психических границ Я. Алекситимия понимается как дефект телесного воплощения. Вводится понятие второй кожи как компенсаторного образования в случае неадаптивного разрешения сепарационного конфликта. В качестве второй кожи рассматриваются татуировки. Методами непараметрической статистики доказывается, что как вторая кожа, так и невоплощенное телесное Я могут компенсироваться посредством сверх дифференциации на когнитивном уровне (в когнитивном стиле «диапазон эквивалентности»).

Ключевые слова: воплощенность, субъект, вторая кожа, тату, алекситимия, телесность, границы Я, когнитивный стиль «диапазон эквивалентности».

На материале «освоения» телесности мы планируем расширить известный тезис А. В. Брушлинского о том, что человек не рождается, а становится субъектом в ходе своей жизни. Исходная и повсеместная включенность тела в поле межсубъектного взаимодействия происходит уже в пренатальный период. «В самой природе младенца — уже в пренатальном периоде его развития — имеются внутренние условия, исходные основы и простейшие проявления социальности: он рождается не животным, а именно человеком, еще только начинающим свой жизненный путь, путь становления субъекта в ходе освоения культуры, всего исторического опыта человечества» (Брушлинский, 2003, с. 22). На стадии симбиоза младенец еще не выделяет себя в качестве отдельного существа. Принято говорить, что исходно в онтогенезе на стадии симбиоза имеется «одна кожа на двоих». Кристин Анзье-Премарер развивает идею Д. Анзье о роли кожи в генези-

* Исследование выполнено в рамках Госзадания № 0138-2021-0007 «Многомерная природа способностей и ментальных ресурсов человека», ЕГИСУ НИОКР 121041500257-6.

се границ Я. «Кожа, общая с матерью, представляет собой раннюю диадическую замкнутую систему и обеспечивает младенцу защиту, безопасность и сдерживание, а также оставляет следы ранних приятных и неприятных переживаний» (Anzieu-Premmereur, 2015, p. 661). На формирование Я и на осознание собственного тела как принадлежащего себе и одновременно включенного в систему социальных связей влияет стиль ранних взаимоотношений младенца и матери на ранних этапах онтогенеза. По словам А. Леммы, «мультимодальная сенсорная матрица — опосредует самые ранние отношения между матерью и ребенком, которая коренится в теле и ведет к построению образа тела у ребенка. Все аспекты раннего взаимодействия матери и ребенка, включая физическое обращение и прикосновения, а также визуальную, слуховую, тактильную и кинестетическую коммуникацию, встроены в образ тела человека» (Lemma, 2015, p. 579).

Серьезным вызовом к определению и удержанию границы Себя является этап сепарации. Постепенно, в ходе сепарации, младенец начинает различать свое тело и отделять его от материнского. При этом, как указывают некоторые авторы, разделение между матерью и ребенком, которое действительно существует для внешнего наблюдателя и для ребенка на когнитивном уровне, не существует психологически на аффективном уровне с точки зрения ребенка. Вместо поступательного развития на пути выделения себя в качестве индивида, способного к самостоятельности, человек может создавать так называемую «вторую кожу» в качестве суррогата симбиотического слияния. Этап сепарации, будучи эволюционным вызовом к ментализации собственной телесной уникальности, несет в себе много рисков травматизации. В результате неадаптивного разрешения сепарационного конфликта появляется защитная структура, названная Э. Бик «вторая кожа». Вторая кожа — это защитный механизм, позволяющий личности ощущать себя целостной. Можно допустить, что телесная воплощенность субъекта имеет разные проявления. В литературе имеется многочисленные данные о том, что «вторая кожа» проявляется в форме различных психосоматических проявлений, самоповреждений, виктимного или социально дезадаптивного поведения, а также в предпочтениях одежды, видов активности и многом другом.

В качестве определяющего свойства субъекта А. В. Брушлинский выделяет свойство «целостности», составляющей основу единства всех видов его активности. В этом смысле «вторая кожа» может рас-

смагиваться как вариант становления субъекта в различных формах активности.

В философии принцип холистического единства психики (mind) и тела нашел выражение в понятии «воплощение», которое получило развитие в работах Мерло-Понти. Теоретический конструкт (воплощение) рассматривает «восприятие, познание и телесная активность как единый непрерывный процесс». «Разум и психика формируются нашими воплощенными телесными переживаниями» (Connolly, 2013, p. 626). Человеческое тело, по словам автора, является «внешним» до момента его воплощения. Развитие ментальной репрезентации «плоти» происходит путем интеграции всех органов чувств. «Тело пропитано тем, к чему оно прикасается, что видит, чувствует и пробует на вкус. Сознание собственного тела никогда, даже когда установлено это, не является сознанием «изолированной массы», а позной схемой, которая не фиксируется раз и навсегда, а является результатом положения, занимаемого в каждый момент относительно окружающей среды. Кроме того, это всегда «определенный стиль действий» (Civitarese, 2014, p. 14).

Опыт освоения телесной целостности можно рассматривать как путь субъектного воплощения. Развивая идею несоотнесенности тела и плоти, А. Коннолли описывает клиентов, которые «чувствовали глубокую оторванность от своего тела, к которому относились не как к живому телу (Leib), а скорее, как к неодушевленному объекту (Koeper), которым можно манипулировать и, в худшем случае, подвергнуться нападению» (Connolly, 2013, p. 636).

Мы предположили, что нанесение татуировок является одним из компенсаторных способов телесного воплощения. «Люди говорят о тату и пирсинге как способе овладеть контролем над своим телом, а еще в более широком смысле – над своей жизнью» (Lemna, 2015, p. 154). Алекситимия также является примером невоплощенного чувственного опыта. Г. Кристал рассматривает алекситимию как последствие травмы и говорит, что эмоции алекситимиков часто недифференцированные, «являются смутными и неспецифическими, как если бы они представляли собой недифференцированную форму общих предшественников аффектов» (Кристал, 2014, с. 46).

В нашем исследовании проверяется гипотеза о существовании сопряженной связи между выраженностью алекситимии и воплощением телесного Я. Экспериментальные группы составили женщины с татуировками (35 и 41 чел.), контрастную группу составили женщины без татуировок (17 и 23 чел.).

Методы исследования

1. Опросник Торонтская алекситимическая шкала (TAS-26).
2. Методика «Диапазон эквивалентности» (модификация Колги). Обработка результатов проводилась в соответствии с квадриполярной моделью, предложенной М. А. Холодной.
3. Методика «Я-структурный тест Аммона» (ISTA).

Данные по всем методикам были переведены в ранговую шкалу (в соответствии с квантилями). В качестве зависимой переменной выступала переменная «алекситимия» (5 рангов). Независимыми переменными являются количество татуировок (3 ранга), структура Я-отграничений и когнитивная дифференцированность. В методике «Диапазон эквивалентности» было выделено 5 рангов для каждого из полюсов в соответствии с квадриполярной моделью, предложенной М. А. Холодной. Обработка данных проводилась с помощью пакета Statistica v. 8.0. Использовался непараметрический критерий Краскела–Уоллиса.

Результаты

1. Существует надежная связь сопряжения между уровнем алекситимии и количеством татуировок: $H(2, N = 64) = 37,13771, p = 0,0000$. Лица с низкими значениями по параметру алекситимии не имеют татуировок, лица с высокими значениями по параметру алекситимии имеют большое количество татуировок.
2. Выявлена прямая зависимость между переменной внешнего дефицитарного Я-отграничения от переменной «татуировки»: $H(2, N = 64) = 26,16388, p = 0,00$. Лица с большим количеством татуировок имеют повышенные значения по шкале внешнего дефицитарного Я-отграничения.
3. Выявлена прямая зависимость между переменной внутреннего дефицитарного Я-отграничения от переменной «татуировки»: $H(2, N = 64) = 30,03970, p = 0,00$. Лица с большим количеством татуировок имеют повышенные значения по шкале внутреннего дефицитарного Я-отграничения.
4. Существует надежная связь сопряжения между уровнем алекситимии и полюсами когнитивных стилей: $H(4, N = 52) = 32,035, p = 0,000$. Среди респондентов с низкими значениями по параметру по параметру «алекситимия» (1, 2) в рамках когнитивного стиля широкий–узкий диапазон эквивалентности надежно пре-

обладают когнитивные стили «категоризаторы» и «детализаторы». Среди респондентов с высокими значениями по параметру «алекситимия» (4, 5) надежно преобладают когнитивные стили «глобалисты» и «детализаторы».

5. Обнаружен контраст между количеством татуировок и когнитивными стилями Н (2, N = 52) = 27,01023, p = 0,000. Лица с максимальным количеством татуировок надежно принадлежат к группе «детализаторов».

Обсуждение результатов

В целом полученные данные позволяют утверждать, что при невоплощенном Я (алекситимия) наблюдается тенденция к дефициту зрелой репрезентации телесных границ (дефицитарные Я-отграничения), а также к компенсации границ телесного Я (татуировки). Вместе с тем в объяснении нуждается «неожиданный» результат (преобладание «детализаторов» в группе с максимальным значением по шкале алекситимия и максимальным количеством татуировок). Мы полагаем, что теоретическим «аналогом может служить феномен «обратимой системной дедифференциации», описанный Ю. И. Александровым, которая «характеризует состояние стресса». Невоплощенное телесное Я компенсируется псевдодифференциацией («вынесенной вовне» в виде татуировок) или когнитивной сверхдифференциацией (когнитивный стиль «детализаторы»). Следовательно, пути становления субъекта в ходе онтогенеза характеризуется разным вкладом телесной (тату, алекситимия) и когнитивной воплощенности.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Anzieu-Premmereur Ch.* The skin-ego: dyadic sensuality, trauma in infancy and adult narcissistic issues // *Psychoanal. Rev.* 2015. V 102 (5). P. 659–681.
- Connolly A.* Out of the body: embodiment and its vicissitudes // *J. Anal. Psychol.* 2013. V. 58. № 5. P. 636–656.
- Civitarese G.* Between “other” and “other”: Merleau-Ponty as a precursor of the analytic field // *Fort Da.* 2014. V. 20 (1). P. 9–29.
- Lemma A.* Psychoanalysis in times of technoculture: some reflections on the fate of the body in virtual space // *Int. J. Psychoanal.* 2015. V. 96. № 3. P. 569–582.

Эмпатия как ментальный ресурс качества жизни*

А. А. Смирнов (ФГБОУ ВО «ЯрГУ», Ярославль),

Е. В. Соловьева (ФГБОУ ВО «ЯрГУ», Ярославль)

В статье ставится цель — установить количественные и качественные характеристики эмпатии как ментального ресурса качества жизни личности. Эмпатия как метод познания действительности может быть не просто частью жизни человека, но и в определенной мере формировать сценарий жизни. Концепция В. Н. Дружинина о Вариантах жизни является методологической основой исследования, позволившая установить, что эмпатия выступает в качестве базового конструкта для следующих сценариев — Жизнь как достижение (Погоня за горизонтом) или Жизнь как предмет творчества (Экзистенциальный конструктор).

Ключевые слова: эмпатия, концептуальные и понятийные способности, варианты жизни.

И придет тишина,
Недоступная разуму,
Между тем, что услышано,
И тем, что сказано.

В. Н. Дружинин

В настоящее время взаимосвязи эмоционального и ментального опыта становятся все более тесно связанными. Е. В. Волкова описывает концептуальные структуры как результат прошлого и настоящего опыта, которые обуславливают возможности настоящего и будущего опыта. В исследованиях С. А. Хазовой дано определение ментального ресурса: «Формулируя собственное понимание ресурса, мы опираемся на категорию ментального опыта, центральным образованием которого является способность к концептуализации как способность при обработке информации категоризировать, интерпретировать, формировать смыслы, образовывать систему представлений о мире и себе» (Хазова, 2014, с. 48).

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-28-00602. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00602>.

В новых экспериментальных исследованиях подчеркивается важность методов познания и понимания. «Благодаря понятийному мышлению появляется способность понимать связи, отношения и взаимозависимости, скрытые за поверхностью видимых явлений, и, следовательно, постигать закономерности, управляющие действительностью, в том числе прогнозировать будущие события... Понятийный опыт является предпосылкой социализации индивидуального интеллекта, что создает условия для более тонкого понимания других людей и ситуаций социального взаимодействия» (Холодная, Сиповская, 2023, с. 8–9). Было показано, что в составе абстрактных понятий (таких как Ресурсы и Потенциал) представлены разные элементы сенсорно-эмоционального опыта человека, мера выраженности которых по-разному влияет на разные виды интеллектуальной деятельности (Волкова, Холодная, 2018). Иными словами, понятийные знания стали «мультимодальными». Эмоционально-оценочные признаки опыта сопряжены с высоким уровнем концептуальных способностей.

На основе вышележащих положений мы выдвинули гипотезу: эмпатия как метод познания действительности может выступать ментальным ресурсом качества жизни.

Методы исследования

Цель исследования — установить количественные и качественные характеристики эмпатии как ментального ресурса качества жизни личности. С опорой на ресурсный и структурно-уровневый подходы нами разработан дизайн исследования.

1. Для определения выраженности параметров эмпатии выбран тест В. В. Бойко диагностики уровня эмпатических способностей, шкалы — рациональный (РЭ), эмоциональный (ЭЭ), интуитивный (ИЭ) каналы эмпатии; установки, способствующие эмпатии (СЭ); проникающая способность в эмпатии (ПС); идентификация (И); общий уровень эмпатии (ОУ).
2. Тест эмоционального интеллекта Н. Холла в адаптации Е. П. Ильина.
3. Методика оценки качества жизни. Прототип методики: Life Quality Scale (Институт медицины стресса, США), автор-разработчик — R. Eliot (1993); автор адаптации — Н. Е. Водопьянова. Шкалы: Работа, Личные достижения, Здоровье, Общение с близкими

людьми, Поддержка (внутренняя и внешняя), Оптимистичность, Напряженность, Самоконтроль, Негативные эмоции.

В качестве испытуемых выступили студенты первого курса Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (в общем количестве 100 чел.) юридического факультета и факультета психологии. Процедура исследования заключалась в проведении опроса в первом семестре обучения 2022 г.

Корреляционный анализ выявлен методом ранговой корреляции Спирмена. С помощью выделения индексов структур и подсчета структурных весов определены системообразующие качества структуры (А. В. Карпов).

Результаты и их обсуждение

Мы получили взаимосвязи разного характера между качеством жизни в разных сферах и компонентами эмпатии и эмоционального интеллекта, направленного на другого партнера. Стоит сразу отметить, что сфера Негативные эмоции подразумевает, что чем выше баллы по этой шкале, тем менее человек проявляет негативные эмоции в жизни (обратная шкала).

Представляем наиболее интересные, на наш взгляд, результаты. Общий эмоциональный интеллект связан со всеми сферами жизни положительно с высокой достоверностью. Напомним все сферы оценки качества жизни. Шкалы: Работа ($r=0,5$, $p<0,001$), Личные достижения ($r=0,49$, $p<0,001$), Здоровье ($r=0,24$, $p<0,01$), Общение с близкими людьми ($r=0,37$, $p<0,01$), Поддержка (внутренняя и внешняя) ($r=0,37$, $p<0,001$), Оптимистичность ($r=0,36$, $p<0,001$), Напряженность ($r=0,44$, $p<0,001$), Самоконтроль ($r=0,50$, $p<0,001$), Негативные эмоции ($r=0,46$, $p<0,001$). Эмпатия как компонент эмоционального интеллекта, по Н. Холлу, демонстрирует иные связи. Во-первых, количество положительных явно сокращается, и, во-вторых, они становятся менее значимыми с такими сферами, как Работа ($r=0,17$, $p<0,05$), Личные достижения ($r=0,18$, $p<0,05$), Поддержка ($r=0,18$, $p<0,05$), Негативные эмоции ($r=0,18$, $p<0,05$). Отрицательных взаимосвязей с компонентами эмоционального интеллекта обнаружено не было.

Общая эмпатия, по опроснику В. В. Бойко как интегральный показатель, отрицательно взаимосвязана с двумя сферами жизни: Самоконтроль ($r=-0,22$, $p<0,05$), Негативные эмоции ($r=-0,21$, $p<0,05$). Нами выявлены отрицательные взаимосвязи сфер жизни со всеми

тремя каналами эмпатии: интуитивным, рациональным и эмоциональным. Самая значимая отрицательная взаимосвязь обнаружена между Эмоциональным каналом эмпатии и Самоконтролем ($r = -0,43$, $p < 0,001$). Взаимосвязи присутствуют со всеми параметрами и сферами жизни. Проникающая способность в эмпатии положительно взаимосвязана со всеми сферами жизни, наиболее сильная взаимосвязь наблюдается с Самоконтролем ($r = 0,30$, $p < 0,001$), все остальные примерно одинаковые, варьируются незначительно. Установлена вновь гетерохронность взаимосвязей между параметрами эмпатии: неоднозначность положительных и отрицательных связей (Кашапов, Смирнов, Соловьева, 2022). Мы объясняем подобный механизм через многоуровневую природу феномена эмпатии (М. С. Роговин) и его многомерность (М. А. Холодная).

Дополнительно мы исследовали структурную организацию с помощью выделения индексов структур и подсчета структурных весов определены системообразующие качества структуры (А. В. Карпов). Базовые качества структуры, которые имеют наибольшее количество взаимосвязей: это Негативные эмоции (Вес = 57, $R > 0 = 13$, $R < 0 = 4$). Под весом подразумевается не только количество достоверных связей, но и их сила: чем выше достоверность, тем выше ее вес. Второе качество в исследуемой структуре — это Распознавание эмоций других людей как компонент Эмоционального интеллекта (Вес = 57, $R > 0 = 17$, $R < 0 = 0$). Можно наблюдать, что все взаимосвязи в данном случае положительные. Третье качество в структуре — это Оптимистичность (Вес = 53, $R > 0 = 13$, $R < 0 = 2$).

В качестве объяснительной концепции мы предлагаем опираться на рассуждения В. Н. Дружинина, который описывает варианты жизни (Дружинин, 2005). В. Н. Дружинин предлагает несколько сценариев жизни, которые могут меняться с течением жизни, но их изменения, скорее, исключение: Жизнь начинается завтра (или Жизнь как предисловие), Жизнь как творчество, Погоня за горизонтом (или Жизнь как достижение), Жизнь есть сон, Жизнь по правилам, Жизнь — трата времени, Жизнь против жизни, «Экзистенциальный конструктор» (или Жизнь как предмет творчества).

Поскольку в нашем исследовании наиболее сильные взаимосвязи обнаружены между эмпатией и самоконтролем, можно предположить, что эмпат чаще всего сопряжен с вариантом жизни, где самоконтроль играет значительную роль. Этим вариантами жизни по В. Н. Дружинину, на наш взгляд, могут являться сценарии: Жизнь как достиже-

ние (Погоня за горизонтом) или Жизнь как предмет творчества (Экзистенциальный конструктор). Жизнь как достижение – это желание личности двигаться к цели, действовать, бороться. Дружинин характеризует этот вариант не только с позитивной стороны, он подчеркивает, что такой человек живет в большей степени предчувствием будущего успеха, а не проживанием настоящего момента. Жизнь как предмет творчества Дружинин связывает тоже с выбором и самоконтролем: «Свобода выбирать или сконструировать собственный стиль жизни – достижение постиндустриального, информационного общества. Жизнь превращается в творческий процесс пересоздания самой жизни».

Личность с высокой действенной эмпатией, с высоким уровнем ее организации способна контролировать свои действия, улучшать качество своей жизни. Такой эмпат способен создавать собственные смыслы, умеет категоризировать и работать с поступающей информацией, его ментальный опыт организован и применен в реальном времени. С помощью понятийного уровня эмпатии можно прогнозировать будущие события, а сам прогноз позволяет эмпату выстраивать свою жизнь и быть ее творцом.

Негативные эмоции имеют положительную связь с эмоциональным интеллектом и проникающей способностью в эмпатии, но отрицательно взаимосвязаны с каналами эмпатии. Адекватное переживание негативных эмоций является базовым качеством структуры. Напомним, что шкала является обратной, т. е. чем больше выражена удовлетворенность в этой сфере жизни, тем менее человек проявляет негативные эмоции (гнев, обиду, страх и тревогу). Как можно заметить, самоконтроль в области эмоций является тоже совладающим поведением и характеризует умение справляться со своим стрессом.

Заключение

Нами впервые получены данные о взаимосвязи эмпатии и оценки качества жизни. Выявлена неоднородность данных показателей. Сформулировано предположение, что эмпатия становится ментальным ресурсом в случае высокого самоконтроля эмоций и управлением собственной жизнью.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в изучении многомерности эмпатии и поиске технологий, направленных на повышение самоконтроля в структуре эмпатических способностей.

Литература

- Волкова Н. Э., Холодная М. А.* Связь сенсорно-эмоциональных признаков в составе концептов с показателями интеллектуальной продуктивности // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 1539–1546.
- Дружинин В. Н.* Варианты жизни // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 108–124.
- Кашапов М. М., Смирнов А. А., Соловьева Е. В.* Эмпатия как интересубъектный ресурс вузовской адаптации студентов в условиях цифровизации образовательной среды // Перспективы науки и образования. 2022. № 2 (56). С. 153–167.
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта: природа, функции, динамика // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2014. Т. 20. № 4. С. 47–53.
- Холодная М. А., Синовская Я. И.* Понятийные способности: теория, диагностика, эмпирика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.

Оценка индивидуальной меры рефлексивности работников виртуальной организации

К. Р. Спицына (ФГБОУ ВО «Технологический университет», Королёв)

В статье представлены результаты эмпирической оценки индивидуальной меры рефлексивности работников виртуальной организации ($N = 493$). Осуществлена проверка гипотезы о взаимосвязи показателя рефлексивности и индивидуальной успешности деятельности. Показано, что работники виртуальной организации имеют средний уровень рефлексивности; значимыми межгрупповыми факторами в оценке уровня индивидуальной меры рефлексивности являются «пол» и «субъективная сложность задания». Показано, что индивидуально-личностное свойство рефлексивности входит в психологическую компоненту когнитивного уровня функционального комфорта работников виртуальной организации. Авторами отмечается необходимость изучения рефлексии на структурном уровне проявления в процессе деятельности.

Ключевые слова: рефлексия, рефлексивность, функциональный комфорт, работник виртуальной организации.

На фоне распространения в XXI в. компьютерной техники и телекоммуникационных технологий во всех сферах жизнедеятельности человека особое значение в психологической науке уделяется проблемам в системе взаимодействий человека и технологий, а также вопросам проектирования операторской деятельности (Nosulenko et al., 2005). Объектом современных исследований в психологии труда и когнитивной психологии выступают метакогнитивные процессы в компьютеризированной деятельности, предметом — когнитивные свойства психики работника в системе «пользователь—компьютер». Одним из значимых направлений теоретических и эмпирических исследований является проблема рефлексии.

Ученые отмечают, что на сегодняшний день отсутствует единая концепция рефлексии, наблюдается неопределенность содержания рефлексии в системе психологических категорий: рефлексия опре-

деляется как деятельность, действие, психический процесс, свойство или состояние, способность субъекта и др. (Карпов и др., 2022). Теоретический конструкт рефлексии уточняется в трех модусах психического: рефлексивность как психическое свойство, рефлексия как процесс и рефлектирование как состояние. В русле современного направления когнитивной психологии рефлексия рассматривается как метакогнитивный механизм в процессе произвольной регуляции деятельности.

Научный интерес авторов настоящей статьи сфокусирован на изучении специфики функционального комфорта (ФК) работников виртуальной организации (ВО) (Спицына, 2023): программа эмпирического исследования включала оценку уровня развития индивидуальной меры рефлексивности как компонента функционального комфорта на когнитивном уровне, фактор регулятивной направленности в трудовой деятельности.

На предшествующем этапе исследования авторами выделены факторы, определяющие специфику состояния острого когнитивного утомления в компьютеризированной деятельности (Спицына, 2023): пол, возраст респондента, профессиональная специализация (по Е. А. Климову), субъективная оценка сложности задания. Помимо перечисленных, на текущем этапе исследования будут учитываться факторы психологического благополучия в контексте работы (профессиональный стаж), а также тип функционального состояния комфорта и дискомфорта («реактивный», «пассивный», «неэффективный») работника ВО в процессе выполнения типового трудового задания.

В представленном исследовании рефлексивность оценивается как уникальное психическое свойство и выступает внутригрупповым фактором деления исследуемой выборки работников ВО.

Цель исследования: определение значимых индивидуально-личностных факторов уровня рефлексивности в оценке функционального комфорта работников виртуальной организации.

Задачи исследования: 1) оценить уровень индивидуальной меры рефлексивности работников ВО; 2) выделить группы выборки работников ВО с различным уровнем рефлексивности; 3) сравнить уровень рефлексивности в группах выборки работников ВО по типу функционального состояния комфорта и дискомфорта («реактивный», «пассивный», «неэффективный»).

Нулевая гипотеза исследования: распределение значений рефлексивности является одинаковым для групп респондентов, выделен-

ных по факторам: пол, возраст, тип профессиональной деятельности, субъективная сложность задания, тип функционального состояния комфорта и дискомфорта.

Методологическую основу исследования составили представления о проблеме рефлексии как компоненты структуры деятельности (Карпов и др., 2022; Шадриков, Кургинян, 2015; Холодная, 2022; и др.). Основываясь на положениях «Теории функционального комфорта» Л. Д. Чайновой, с позиции субъектно-деятельностного подхода изучаются факторы, влияющие на функциональное состояние работающего человека во взаимосвязи с успешностью деятельности.

Оценка уровня рефлексивности производилась с использованием психометрической методики определения индивидуальной меры рефлексивности, по А. В. Карпову. Математико-статистические расчеты осуществлялись с помощью программ MS Excel v. 2211, IBM SPSS Statistics v. 26.0.

Сбор эмпирических данных осуществлялся в период с октября по ноябрь 2022 г. Генеральную совокупность составили работники виртуальной организации, мужчины и женщины, русскоговорящие пользователи Интернета. Выборка исследования обеспечена ресурсами краудсорсинговой платформы «Яндекс. Толока», в исследовании приняли участие работники ВО ($N = 493$), русскоговорящие пользователи Интернета, мужчины ($N = 261$; 53%) и женщины ($N = 232$; 47%) в возрасте от 20 до 60 лет (средний возраст – 37 лет), представители различных профессиональных классов.

Проверка на нормальность распределения (критерий Колмогорова–Смирнова) показала, что распределение значений показателя РЕФ работников ВО является нормальным.

В целом работники ВО имеют средний уровень рефлексивности ($Me = 125,0$; $M = 125,4$, $\sigma = 13,9$). Группа с «высоким» уровнем рефлексивности представлена наименьшим числом респондентов. Деление выборки работников ВО по фактору рефлексивности выполнено на три подгруппы с «низким» ($N = 86$, 17,4%), «средним» ($N = 333$, 67,5%) и «высоким» ($N = 74$, 15,0%) уровнем в соответствии с референтными значениями используемой методики.

В соответствии с выделенными факторами острого когнитивного утомления работников ВО (Спицына, 2023), выполнено сравнение распределения значений рефлексивности работников ВО (с использованием непараметрических критериев Краскела–Уоллиса, Манна–Уитни – для двух выборок).

Нулевая гипотеза исследования подтвердилась частично: значимыми факторами в распределении значений рефлексивности работников ВО являются: пол ($p = 0,032$), субъективная сложность задания ($p = 0,028$). Распределение значений рефлексивности является одинаковым для групп работников ВО, выделенных по факторам: возраст ($p = 0,434$), тип профессиональной деятельности ($p = 0,219$), тип функционального состояния комфорта и дискомфорта («реактивный», «пассивный», «неэффективный») ($p = 0,909$).

Наблюдаются значимые различия уровня индивидуальной меры рефлексивности в группах работников ВО мужчин и женщин: женщины обладают более высоким уровнем рефлексивности ($M = 126,94$; $\sigma = 13,54$), чем мужчины ($M = 124,08$; $\sigma = 14,00$). Значимые различия рефлексивности также наблюдаются в группах работников ВО с различной субъективной оценкой сложности задания: уровень рефлексивности значимо выше у тех респондентов, которые оценили «задание трудное» ($M = 126,47$; $\sigma = 12,69$), чем у респондентов «задание легкое» ($M = 123,47$; $\sigma = 15,64$).

Представлен график распределения значений уровня рефлексивности в группах выборки работников ВО по типу функционального состояния комфорта и дискомфорта («реактивный», «пассивный», «неэффективный»).

Совокупность представленных результатов эмпирического исследования позволила установить закономерности:

1. Работники ВО имеют средний уровень рефлексивности, что может свидетельствовать о том, что проблема изучения рефлексии в профессиях субъектно-информационного класса имеет значение на структурном уровне специфики ее проявления.
2. Значимыми межгрупповыми факторами в оценке уровня индивидуальной меры рефлексивности являются: «пол» и «субъективная сложность задания». Высокий уровень рефлексивности проявляется среди женщин и тех работников ВО, кто оценил задание как «трудное». Выявленные факторы совпадают со значимыми факторами в оценке острого когнитивного утомления этой же выборки работников ВО (Спицына, 2023), что свидетельствует о том, что индивидуально-личностное свойство рефлексивности входит в психологическую компоненту когнитивного уровня функционального комфорта работников ВО.
3. В группах работников ВО по типу функционального состояния комфорта и дискомфорта («реактивный», «пассивный», «неэффективный»).

тивный») отсутствуют значимые различия значений рефлексивности, что говорит об отсутствии связи рефлексивности с темповыми характеристиками деятельности.

В представленной работе произведена аналитическая оценка индивидуальной меры рефлексивности работников ВО, вопросы специфики уровневой структуры рефлексии в системе психических процессов не затрагиваются. Существующие результаты современных исследований структурной организации метакогнитивных компонентов рефлексивности показывают, что уровень рефлексивности и мера метакогнитивного потенциала в общем случае не являются тождественными (Карпов и др., 2022), что, безусловно, требует дополнительной научной работы в контексте заявленной проблематики.

Перспективой исследования является определение специфики структуры индивидуальной выраженности составляющих рефлексии с целью объяснения и прогнозирования успешного индивидуального стиля деятельности работников ВО.

Литература

- Карпов А. В., Карпов А. А., Чемякина А. В.* Специфика структурной организации метакогнитивных компонентов рефлексивности // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 1. С. 127–142. doi: 10.21702/рj.2022.1.10
- Спицына К. Р.* Оценка факторов острого когнитивного утомления работников виртуальной организации // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Психология». 2023. Т. 43. С. 76–92. doi: 10.26516/2304–1226.2023.43.76
- Холодная М. А.* Светлые и темные стороны рефлексии и арефлексии: эффект расщепления // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 15–26. doi: 10.31857/S020595920021475-8
- Шадриков В. Д., Кургинян С. С.* Исследование рефлексии деятельности и ее диагностика через оценку конструкторов психологической функциональной системы деятельности // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 106–126.
- Nosulenko V. N., Barabanshikov V. A., Brushlinsky A. V., Rabardel P.* Man–technology interaction: Some of the Russian approaches // Theoretical Issues in Ergonomics Science. 2005. V. 6. № 5. P. 359–383. doi: 10.1080/14639220500070051

Субъектно-деятельностный подход vs системно-деятельностный подход: о концептуальных основах российского школьного образования*

М. А. Холодная (ИП РАН, Москва)

Обосновывается необходимость баланса системно-деятельностного и субъектно-деятельностного подходов как концептуальной основы школьного образования. Подчеркивается роль содержания школьного образования как центрального фактора развития интеллектуальных способностей учащихся и необходимость его перестройки в рамках психодидактики. Перечисляются психодидактические требования к развивающим учебным текстам как единицам содержания учебных предметов.

Ключевые слова: системно-деятельностный подход, субъектно-деятельностный подход, содержание школьного образования, психодидактика, развивающий учебный текст, интеллектуальные способности.

В качестве теоретического обоснования реформ в сфере российского школьного образования в последнее время в большинстве документов фигурировал системно-деятельностный подход (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, П. Я. Гальперин, А. Г. Асмолов), согласно которому в процессе обучения центральная роль отводится активной самостоятельной познавательной деятельности школьника. Однако на уровне его реализации произошла удивительная трансформация исходных теоретических позиций: была заявлена необходимость перехода «от информационного репродуктивного знания к знанию действия». Соответственно появились новые понятия, которые выступили в качестве новой теоретической (и ценностной) основы реформирования школьного образования: «ключевые компе-

* Исследование выполнено в рамках Госзадания № 0138-2021-0007 «Многомерная природа способностей и ментальных ресурсов человека», ЕГИ-СУ НИОКР 121041500257–6.

тенции» и «функциональная грамотность» (Концепция..., 2002; Федеральный компонент..., 2004).

Под «ключевыми компетенциями» имеется в виду готовность учащихся использовать усвоенные знания, умения и способы деятельности в реальной жизни для решения практических задач.

Что касается «функциональной грамотности», то первоначально этот термин обозначал способность использовать навыки чтения и письма в условиях взаимодействия с социумом (оформить счет в банке, прочитать инструкцию к музыкальному центру и т. д.). Однако со временем функциональная грамотность стала трактоваться более широко как способность использовать приобретенные знания, умения и навыки для решения широкого диапазона жизненных задач в различных сферах деятельности (были выделены компьютерная, правовая, коммуникативная, математическая, этическая и другие виды функциональной грамотности).

Характерно, что та же практико-ориентированная направленность представлена и в современной образовательной политике. В частности, снова со ссылкой на системно-деятельностный подход предлагается выражать результаты обучения в деятельностной форме и в терминах, обозначающих «компетенции функциональной грамотности учащихся» (Примерная основная образовательная программа..., 2022, с. 16). При этом подчеркивается, что «оценка функциональной грамотности направлена на выявление способности обучающихся применять предметные знания и умения во внеучебной ситуации» (там же, с. 20).

Смещение акцента на практическое применение знаний игнорирует целый ряд очевидных обстоятельств. В частности, не любые знания можно применить, но только те знания, которые отвечают требованиям осознанности, структурированности, обобщенности, вариативности и т. д., — и нужны годы обучения, чтобы индивидуальные знания приобрели эти качества. Кроме того, применение знаний предполагает определенный уровень понимания ситуации и готовность к принятию решений, что определяется уже не только знаниями, но и интеллектуальными способностями личности.

Возникает серьезнейший вопрос: каким будет интеллектуальный уровень выпускника, если в течение десяти лет его обучение будет «заточено» под формирование «ключевых компетенций» и «функциональной грамотности»? Ответ очевиден — весьма и весьма низким.

Не спасает ситуации и относительно недавно введенное понятие «универсальные учебные действия» (УУД) — познавательные, регу-

лятивные, коммуникативные — в качестве метапредметных результатов процесса обучения. При этом предполагается, что УУД можно формировать на традиционном материале школьных учебников либо вообще вне учебного процесса на основе индивидуальных проектов.

Все эти целевые ориентиры, заданные системно-деятельностным подходом, — «ключевые компетенции», «функциональная грамотность» и УУД — объединяет одна, крайне опасная для судьбы школьного образования тенденция: роль предметного содержания образования и необходимость его перестройки игнорируются под лозунгом отказа от «репродуктивной информационно-знаниевой парадигмы». Иными словами, системно-деятельностный подход, по сути дела, заблокировал путь к решению центральной задачи школьного образования — созданию условий для формирования и совершенствования индивидуальных интеллектуальных ресурсов каждого ученика.

Предметное содержание школьного образования (включая его научно-теоретические и практико-ориентированные аспекты) является ведущим фактором, влияющим на формирование интеллектуальных способностей учащихся. С психологической точки зрения, развитие интеллекта ребенка осуществляется только в предметной среде, поэтому усвоение предметных знаний и предметных действий — это основа интеллектуального роста личности. При этом качество индивидуальных интеллектуальных способностей подрастающего человека будет напрямую зависеть от качества предьявляемого ему предметного содержания. Соответственно попытки отказаться от «лишних» сведений, избежать «перегрузки» учащихся за счет отказа от «абстрактных» теоретических знаний в пользу практически значимых знаний — это не просто крайне рискованный, но в конечном счете деструктивный вариант изменения («минимизации») содержания школьного образования. Ибо суть проблемы в другом, а именно в том, какие психологические требования лежат в основе конструирования учебного материала и в какой мере этот учебный материал является средством психического (прежде всего, интеллектуального) развития школьников.

Таким образом, системно-деятельностный подход как концептуальная основа школьного образования оказывается недостаточным и должен быть дополнен субъектно-деятельностным подходом. В субъектно-деятельностном подходе (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский) центральное место занимает положение о том, что внешние (педагогические и другие) причины

действуют только через внутренние условия, составляющие основание психического развития. Данный подход обосновывает необходимость учета «внутренних условий» интеллектуального роста, в том числе индивидуального ментального опыта, который «изнутри» иницирует и регулирует любую деятельность, в том числе учебную.

Именно субъектно-деятельностный подход обуславливает необходимость обращения к психодидактике. Психодидактика — это область педагогики, в рамках которой разрабатываются принципы конструирования содержания обучения, которые основываются на интеграции психологических, дидактических, методических и предметных (соответственно определенному учебному предмету) знаний.

Единицей содержания школьного предмета является учебный текст. В области школьного образования интерес к текстам связан с их оценкой как условия эффективного обучения в контексте «теории читателя», согласно которой читатель активно конструирует значения (понятия) в процессе работы с текстом.

Учебные тексты нового поколения — это развивающие учебные тексты, которые сконструированы на основе психодидактического подхода и которые обеспечивают формирование интеллектуальных способностей за счет обогащения разных форм ментального (умственного) опыта учащихся (когнитивного, понятийного, метакогнитивного, интенционального) (Гельфман, Холодная, 2018; Холодная, Гельфман, 2016).

Развивающий учебный текст, на наш взгляд, характеризуется рядом специфических особенностей:

- тематическая организация учебного курса: разделение учебного материала по темам позволяет организовать целостное пространство изучаемого материала и обучать в режиме «погружения» в тему;
- нелинейность: структура учебного текста не предполагает стандартную («жесткую») последовательность чтения;
- разнородность: наличие текстов разного типа (текстов с демонстрацией образцов действий и открытых текстов; текстов, инициирующих режим исполнительской, исследовательской, проектной деятельности; текстов объяснительных, проблемных, сюжетных, «невозможных» и т. д.);
- ориентация на понимание учебного материала на теоретическом уровне: в содержании школьных предметов основной упор должен быть сделан на усвоении понятийного аппарата соответст-

- вующей предметной области и развитию понятийного мышления;
- неоднозначность и противоречивость: в учебных текстах предполагаются постановка неожиданной проблемы, столкновение разных точек зрения, задания с неполными исходными данными;
 - диалоговый характер учебных текстов: учебный материал построен с использованием диалоговых сюжетных историй, включает вопросы к ученику-читателю, ориентирует на организацию дискуссии;
 - открытость: знание не дается в готовом виде (ученик постепенно подходит к новым понятиям), при этом текст приглашает учащегося к самостоятельному созданию авторского текста;
 - ориентация на интеллектуальную самостоятельность учащихся: учебный текст «отпускает» ученика вперед, позволяя ему самостоятельно осваивать те или иные аспекты темы;
 - опора на личный опыт ученика: элементы текста содействуют актуализации житейских впечатлений, личного мнения, готовности доверять своим интуитивным оценкам;
 - дифференциация и индивидуализация обучения учащихся с разным уровнем подготовки и разными познавательными стилями: текст предоставляет возможность выбрать для разных учеников разные индивидуальные траектории усвоения одного и того же учебного материала;
 - организация текущей учебной диагностики: в тексте используются различные диагностические материалы, в том числе разделы для самодиагностики своих знаний.

Таким образом, средствами специально сконструированных учебных текстов решается задача развития интеллектуальных способностей учащихся. На наш взгляд, баланс деятельностного и субъектного аспектов процесса обучения является условием реализации базовой цели школьного образования — формирования интеллектуальных ресурсов подрастающего поколения.

Литература

Гельфман Э. Г., Холодная М. А. Психодидактика школьного учебника. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018.

Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. Приложение к приказу Минобразования России от 11.02.2002 № 393.

Примерная основная образовательная программа основного общего образования. М.: Мин-во просвещения РФ–Ин-т стратегии развития образования РАО, 2022.

Федеральный компонент государственного стандарта общего образования. Ч. 1: Начальное общее образование. Основное общее образование: Ч. 2: Среднее (полное) общее образование. М.: Изд-во «Министерство образования РФ», 2004.

Холодная М. А., Гельфман Э. Г. Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Возникновение и развитие представлений о самореализация: духовно-нравственный аспект

М. А. Шачинова (ИП РАН, Москва)

Рассматриваются представления о самореализации у мыслителей различных эпох и культур: от глубокой древности до настоящего периода времени (от философских размышлений до научных описаний феномена самореализации в трудах современных психологов). Теоретический обзор литературных источников выявил понимание самореализации, соотносимое в разной степени с ее духовно-нравственным аспектом, и позволил прийти к выводу о значимости духовно-нравственного аспекта самореализации, подчеркиваемой как мыслителями древности, так и современными психологами, а также возможности изучения личностной самореализации в связи с проявлением духовных способностей.

Ключевые слова: самореализация, духовно-нравственный аспект самореализации, самосовершенствование, саморазвитие, духовные способности.

Актуальность проблемы самореализации в современной науке не вызывает сомнений. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что высокой остается теоретическая и практическая значимость данной проблемы, связанная с поиском путей и средств, приближающих к решению вопроса самореализации личности.

Особого изучения, на наш взгляд, требуют отдельные аспекты самореализации. К числу таких аспектов мы относим духовно-нравственный аспект, связанный с гуманистической проблематикой: важностью самопознания, общественной полезностью целей человека, добродетели и др.

Цель исследования – рассмотреть идеи и концепции самореализации различных эпох и культур – от древности до современности (базируясь и на древних философских источниках, и на современных работах психологов), выявить в этих описаниях представленность духовно-нравственного аспекта и его роль в самореализации.

Истоки идей о самореализации уходят в глубь истории – во времена, когда психологические явления рассматривались философами. Первоначальные идеи важности нравственного благородства для развития жизненного процесса человека обнаруживаются в древневосточной философии. В учении Сиддхартхи Гаутамы, основателя буддизма, выделяется благородный призыв к развитию сострадания, мудрости и нравственности для достижения просветления, в общем смысле слова означающего вершину развития, раскрытие потенциала человека и его духовно-нравственной самореализации.

В древнекитайской философии, в частности в учении Лао-Цзы и Конфуция, выдвигается принцип нравственного самосовершенствования, который по своей сути является идеей общечеловеческой общности, человеколюбия. Можно заключить, что философия даосизма и конфуцианства сближает явление самореализации с духовно-нравственной проблематикой.

В античной философии в рассуждениях Сократа и Платона связь с явлениями, получившими впоследствии название «самореализация», усматривается через самопознание и духовное самосовершенствование. Сократ считает познание собственного «Я» мудростью человека, заключающейся в понимании и достижении истинности существования человека. Платон рассуждает о духовном самосовершенствовании, реализуемом через подавление чувственных потребностей. Аристотель, следуя своим предшественникам Платону и Сократу, утверждает, что при гармоничном развитии человек, помимо удовлетворения собственных желаний, должен понять, как делать хорошее и другим людям, какие моменты делают счастливыми. Важно подчеркнуть, что идеи мыслителей древнего периода характеризуются тем, что рассуждения о реализации сущностной природы личности, раскрытии ее потенциала и внутренних возможностей представляются через гармоничную добродетельную жизнь, совершение моральных поступков, что соотносится с духовно-нравственным аспектом личностной самореализации.

В средневековой картине мира в силу главенства религиозных догм понятие самореализации дополняется особым содержанием – теологическим, и самореализация рассматривается как итог жизненного пути. Утверждается ценность души «внутреннего человека» через просветление, возникает культура совести. Фома Аквинский понимает самореализацию как активность души и духа и видит в ней индивидуальность человека, которая отождествляется с телом и душой.

В своих рассуждениях он исходит из представлений о том, что добродетель проявляет себя через моральный образ жизни внутри социальной иерархии. Таким образом, путь к самореализации проходит через преломление своей свободы – через самопожертвование и самотрансцендентность.

Период Нового времени XVII–XVIII вв. отмечается появлением новых идей о самореализации, проявившихся в работах немецких философов: Г. Гегеля, Л. Фейербаха, И. Канта, Ф. Шеллинга и др. Продуктом самореализации становится создание семьи, получение образования и т. д. Иными словами, подчеркивается продуктивное влияние самореализации на различные сферы жизнедеятельности человека. На наш взгляд, наиболее ярко духовно-нравственный аспект самореализации проявляется в трудах И. Канта. Именно он определяет самореализацию через призму понятия нравственность. Деятельная сущность человека, согласно Канту, наиболее полно проявляется в нравственности как совершенно автономной области человеческого бытия, где происходит свободное полагание субъектом самого себя как цели.

Итак, основные направления представлений о самореализации личности в работах вышеперечисленных мыслителей послужили основой для углубленного и тщательного анализа данного феномена современными философами и психологами, начиная с прошлого столетия. К числу таких подходов в той или иной степени можно отнести идеи А. Маслоу, К. Роджерса, В. Франкла, С.Л. Франка, Н. Гартмана, Э. Кассирера, Р. Ассаджиоли, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Э. Фромма, Б. П. Вышеславцева, П. И. Новгородцева, В. И. Слободчикова, Б. С. Братуся и др.

История современной науки расширяется осмыслением проблематики самореализации человека с позиций экзистенциального подхода. Его представители – С. Кьеркегор, А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и др. – уделяют особое внимание вопросам сущности человеческого бытия. Согласно взглядам С. Кьеркегора, человек является творцом собственной жизни. Он обладает свободой выбора, как относиться к окружающему миру и себе, и несет ответственность за свой выбор.

Проблема самореализации индивида осмысливается и с позиций гуманистического подхода. В гуманистической модели желание индивида приносить пользу и проявлять милосердие дано каждому из нас от рождения. А. Маслоу в своих размышлениях приходит к выводу о том, что способом самоактуализации человека может быть вовлеченность индивида в какое-то дело, которое является для не-

го ценным. В. Франкл пишет о потенциальной способности каждого человека к духовному саморазвитию.

Р. Ассаджиоли рассматривает самореализацию в рамках духовного развития. Духовность в понимании автора – это познание и восприятие человеческой активности, которое развивается и перетекает в самореализацию.

А. В. Брушлинский при рассмотрении процессов самореализации личности определяет субъекта как человека, изучаемого на высшем для него уровне активности, целостности, автономности. Такая целостность подразумевает единство, интегративность деятельности и всех видов человеческой активности (Брушлинский, 1999). Идея автора представляется важной для рассмотрения продуктивности человека в различных сферах деятельности человека в качестве сущностной характеристики духовно-нравственного аспекта самореализации.

Б. С. Братусь определяет достижение истинной человеческой сущности в качестве цели самореализации. Он считает, что способности человека к любви и самоотдаче, стремление к обретению смысла и другие его фундаментальные способности и качества формируются на отношении к другим людям как к самооценности и ориентации на нравственные ценности (Братусь, 1988). К таким фундаментальным способностям, на наш взгляд, можно отнести духовные способности человека, неотделимые от его духовно-нравственных качеств (добродетелей).

Духовные способности определяются как интегральное проявление интеллекта и духовности личности и рассматриваются в качестве способностей человека как субъекта деятельности и отношений в единстве с нравственными качествами человека как личности (Шадриков, 1998).

Г. В. Ожиганова дает такое определение: духовные способности – это «свойства личности, позволяющие ей актуализировать и реализовать свой духовный потенциал в поведении и деятельности, обеспечивая ее духовный рост – движение от „Я“ наличного к „Я“ духовному» (Ожиганова, 2020, с. 188). Она полагает, что: «Духовные способности в наибольшей степени по сравнению с другими способностями переплетены с личностными свойствами, отражают фундаментальные человеческие возможности, связанные с умственной и творческой деятельностью и добродетельным поведением (включая трансцендентный аспект – выход за пределы „Я“), раскрывают высшие ценности и смыслы, касающиеся человеческого предназначения» (Ожиганова, 2021, с. 414).

Мы считаем, что именно духовные способности (их проявление в жизнедеятельности) могут служить фактором, ведущим к самореализации личности, так как духовно-нравственный аспект самореализации соотносим с ее сущностной характеристикой.

Итак, теоретический обзор представлений мыслителей различных эпох и культур о самореализации выявил важность ее духовно-нравственного аспекта и показал, что эти представления закономерно развивались с течением времени. Идеи и взгляды философов и психологов на самореализацию всегда отличались многообразием, однако прослеживается и преемственность в подходах, выразившаяся в закономерном продолжении древней философской мысли о человеколюбии в современных направлениях психологической науки: экзистенциальной и гуманистической психологии.

Развивая идеи древних мыслителей, современные психологи признают важность духовно-нравственного аспекта самореализации, связанного с самопознанием, творческим отношением к действительности, значимостью общественной полезности целей человека, его направленностью на заботу о благе других. Подчеркивается, что раскрытие потенциала личности возможно через деятельную добродетельную жизнь, совершение моральных поступков, самотрансцендентность. Однако, на наш взгляд, данный, духовно-нравственный аспект самореализации недостаточно исследован в современной психологической науке. Между тем именно духовно-нравственный аспект самореализации, проявляясь благодаря духовным способностям, оказывает особо продуктивное влияние на различные сферы жизнедеятельности человека.

Литература

Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.

Брушлинский А. В. Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Российской академии образования. М.: Магистр, 1999. С. 30–41.

Ожиганова Г. В. Духовная личность. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Ожиганова Г. В. Понятие «духовные способности» // Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 424–425.

Шадриков В. Д. Духовные способности. М.: Магистр, 1998.

**ПСИХОЛОГИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ
И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ**

Смыслообразование в духовно-нравственно-смысловой сфере личности спортсмена

А. В. Алёшичева (ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, Рязань),
Н. Г. Самойлов (АНО «ЦСППНКД „АВА“, Рязань)

Осуществлен анализ экзистенциальной парадигмы в психологии человеческого бытия как части психологии субъекта А. В. Брушлинского. Выделены трактовки смысла, по Д. А. Леонтьеву. Определены функции смыслообразования, по Б. С. Братусю. На примере спортивной деятельности предложено рассмотреть влияние смыслов на формирование духовно-нравственно-смысловой сферы, которая является центральной в механизме мобилизации психической и физической работоспособности личности спортсмена. Анализ смысложизненных ориентаций у спортсменов позволил сделать вывод о важности осознания ценностей и смыслов для достижения поставленных задач в соревновательной деятельности.

Ключевые слова: бытие, смысл, духовно-нравственно-смысловая сфера, личность, смысловые образования.

Жизнедеятельность современного человека происходит в условиях напряженности и неопределенности, что, несомненно, отрицательно отражается на психологическом здоровье личности, порождает противоречия в общественных процессах и изменение духовно-нравственных ориентиров. В российском спорте также наблюдается кризис, который отчасти связан с духовностью спортсмена, его гражданской позицией.

Хаотичность процессов способствует формированию новых смыслов, где человек становится их творцом (Ницше). Даже то, что кажется безумным, имеет свою осмысленность (Бисвангер). А значит, всё большую актуальность приобретает психология человеческого бытия, сформированная на основе психологии субъекта А. В. Брушлинского.

Разрабатываемые подходы и положения, касающиеся природы смысла, его понимания, осознания, наконец, применения в жизнедеятельности человека, безусловно, важны. Периоды неопределен-

ности и глобальных перемен в мире, фокусируясь на чрезвычайно важной способности человека разрешать обостряющиеся противоречия, обладать возможностью превзойти себя, поступать надындивидуально и мобилизовать себя для перенесения указанных обстоятельств, демонстрируются спортсменами высокой квалификации в процессе масштабных соревнований.

Самовоспитание личности обуславливает наличие ценностей и смыслов (Брушлинский, 2003), поэтому цель нашего исследования — обосновать роль смыслообразования в формировании духовно-нравственно-смысловой сферы личности спортсмена.

Экзистенциальная парадигма человеческого бытия и смыслообразование

В работах исследователей XIX–XX вв. самосозерцание, внутренняя активность считаются проявлением духовности (М. Шелер, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.), а центральной проблемой учения о бытии является раскрытие смысла человеческого существования. По мнению Р. Р. Москвиной, бытие относится к окружающему человека природному и социальному миру, а существование — к внутренней жизни человека к его индивидуальному Я. В существовании же, как в межличностных переживаниях, наполняющих индивидуальную жизнь человека, множатся и обостряются противоречия, порождающие, по выражению М. Хайдеггера, «забегание вперед». Как отмечает Е. Ф. Губский и соавторы, экзистенциализм М. Хайдеггера, в сущности, является фундаментальной онтологией, центральной проблемой которой выступает решение вопроса о смысле бытия (Губский и др., 1999, с. 534).

В современной психологии отсутствует общепринятое толкование следующих терминов: ценности, смысл, ценностные ориентации, смысловые образования (Брызгалин, 2022).

С позиций трансперсонального подхода показано, что архитектура личности — это архитектура смыслов, воплощенных в личности — демиургической носительнице смыслов. Личность выступает как генератор и преобразователь смыслов. Она открыта миру и способна преобразовывать его своими действиями, порождаемыми новыми смыслами.

В исследовании Д. А. Леонтьева смысл трактуется: 1) как интегративная основа личности; 2) как структурный элемент сознания

и деятельности; 3) как понимание и изучение его в деятельности человека (Леонтьев, 2019).

Анализ смысловых образований осуществлялся в рамках систем «личность—деятельность» (Е. З. Басина, Б. С. Братусь, А. Г. Асмолов) или «личность—сознание» (В. В. Столин). Смысловые образования осуществляют функцию контроля за жизнедеятельностью (Б. В. Зейгарник). Смыслообразование играет важную роль в способности человека «выходить за пределы ситуации», выход за рамки ситуационного поведения позволяет человеку «встать над ситуацией». Чтобы понять природу смысловой реальности, необходимо обратиться к понятиям жизненного мира и жизненных отношений (Леонтьев, 2019).

Итак, образование смыслов — весьма значимая сторона человеческого бытия. За генерацию смысловых образований «отвечает» личностно-смысловой уровень. Б. С. Братусь подчеркивает, что смысловые образования, как и личностные смыслы, порождаются не единичными изолированными отношениями, а целой разветвленной системой подобных отношений. Этим же автором выделены две функции смысловых образований: 1) создание эскиза будущего; 2) осуществление нравственной оценки действий.

Смыслы личности спортсмена и его духовно-нравственно-смысловая сфера

В собственном исследовании мы руководствовались положениями экзистенциальной онтологии для обоснования роли духовно-нравственно-смысловой сферы. На прямую связь духовности и нравственности указывает ряд исследователей (А. А. Гостев, Б. С. Братусь и др.). Духовность, нравственность и смысл выступают единой системой, «органом», системообразующим понятием, как идеальное бытие, как то, что отвечает представлению о сущности.

В поиске ключевых позиций человека в ситуациях неопределенности и выработки стратегии поведения для выхода из них можно использовать в качестве модели механизм мобилизации психической и физической работоспособности спортсмена (Алёшичева, Самойлов, 2019). Эта категория лиц переносит предельные и запредельные физические и психические нагрузки. Значительную роль в преодолении стрессогенных условий соревнований играет способность спортсменов к эффективной смысложизненной ориентации, которая должна активизироваться еще раньше, чем готовность к дейст-

виям, к риску, чем осознание сложившейся ситуации и принятие решения к ее преодолению.

Используя тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, в наших исследованиях показано, что у спортсменов высокого уровня квалификации ($n=75$) перед соревнованиями происходит активизация параметров смысложизненных ориентаций со среднего уровня до высокого (шкала «цели» – с 32,45 до 39,77 балла ($p=0,001$); шкала «процесс» – 31,8 до 35,31 балла ($p=0,001$); шкала «результат» – с 24,67 до 28,52 балла ($p=0,001$); шкала «локус контроля – Я» – с 21,67 до 26,43 балла ($p=0,001$); шкала «локус контроля – жизнь» – с 30,33 до 35,44 балла ($p=0,001$). Это свидетельствует об осознанной ответственной позиции субъектов, а, по выражению В. Франкла, направленность на смысл и ориентация на дело – это главные факторы душевного здоровья.

Общий показатель осмысленности жизни также перед соревнованиями достоверно увеличивается (с 105,41 до 139,15 балла, $p=0,001$) и продолжает оставаться высоким после соревнований (123,85 балла, $p=0,001$).

У начинающих ($n=118$) и опытных ($n=82$) спортсменов разная наполненность смыслом жизни. Первые больше мечтают, ориентируются на будущее, верят в судьбу, чудеса (шкала «цели» – 31,86 балла, шкала «процесс» – 28,79 балла), т. е. наблюдается незрелость взрослой позиции. Спортсмены высокого уровня квалификации самодостаточны, уверены в себе, готовы к сознательному контролю своей деятельности (шкала «цели» – 28,80 балла, шкала «процесс» – 31,11 балла). Полученные данные согласуются с результатами исследования Д. С. Бакуняевой, для профессиональной успешности спортсмена важны нацеленность на события будущего и убежденность в способности сознательного контроля жизненных событий, т. е. «быть направленным в будущее и постоянно отталкиваться от настоящего», быть устремленным вперед. В этом проявляется духовно-нравственное начало личности спортсмена и его высокая ответственность.

Благодаря духовно-нравственному потенциалу субъекта поставленные задачи изменяются в личностно-значимые и согласуются с собственными мотивами и ценностями. Воля является центром повышенной активности. Концентрация силы воли и силы духа формирует единый энергоинформационный поток, под действием которого достигается поставленная цель (Алёшичева, Самойлов, 2019).

В результате факторизации данных первый фактор представлен ценностями личности спортсмена (наличие хороших и верных дру-

зей, непримиримость к недостаткам в себе и др., материально обеспеченная жизнь, общественное признание и пр.), а второй – смыслами (локус контроля-жизнь, общий показатель осмысленности жизни). По Э. Шпрангеру, это называется смысловой связью – связующей инстанционной нитью, которая идет от ценностей к смыслу.

В исследовании М. А. Артюшина показано, что ценности и смыслы выступают позитивным фактором при завершении спортивной карьеры. Они позволяют сформировать позитивное отношение к прошлому, настоящему и будущему, избежать состояния фрустрации, экзистенциального вакуума, психологической смерти.

Заключение

В экзистенциальной онтологии центральным является вопрос о смысле бытия человека. Несмотря на глубинное изучение смысла и ценностей разными исследователями, в современной научной литературе весьма противоречиво представлены дефиниции ценностей, смысла, смыслообразования, ценностных ориентаций.

В ситуации неопределенности необходима выработка новых стратегий поведения. На примере спортивной деятельности показано значение смыслообразования с целью выхода на надындивидуальный уровень.

Духовность придает смысл жизни человеку. Доказано, что ценности и смыслы личности спортсмена являются ядром духовно-нравственно-смысловой сферы. Именно эта сфера является центральным образованием в механизме мобилизации работоспособности спортсмена. Достижение желаемых результатов предполагает осознание смыслового содержания осуществляемой спортивной деятельности.

Литература

- Алёшичева А. В., Самойлов Н. Г.* Психологическое здоровье личности: монография. М.: Когито-Центр, 2019.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Брызгалин Е. А.* Ключевые положения о личностных ценностях и смыслах // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 46–66.
- Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 4-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2019.

Оптимистически ориентированная методика преодоления страдания Виктора Франкла

Ю. В. Андреева (БИСТ, Уфа)

Статья посвящена выявлению основных методов преодоления страдания в контексте экзистенциальной философии В. Франкла. Согласно его учению, даже в самых трудных обстоятельствах жизни личность всегда стремится к духовности и смыслу. При отсутствии напряжения человек поживает на лаврах и не стремится к преодолению, не развивается духовно. Именно страдание учит человека справляться с ним и вырабатывать свои методы полноценного функционирования. Новизна исследования состоит в методике преодоления страдания, составленной автором, на основе анализа и обобщения идей В. Франкла. Благодаря своим представлениям о человеке, способном отделять себя от своих страданий, преодолевать их и смиряться с тем, чего нельзя изменить, Франкл внес вклад не только в психотерапевтическую практику, но и в педагогику.

Ключевые слова: преодоление, смысл, В. Франкл.

Пандемия коронавируса, продолжающаяся несколько лет, сошла на нет, но привнесла ряд социальных изменений, среди которых: дистанцирование контактов, рост социальной и психологической напряженности, чем отчасти объясняется научный поиск психотерапевтических методик и возможностей преодоления трудностей и напряженности.

Переосмысление нравственных ценностей и самого существования человечества побуждает нас обратиться к опыту прошлого, который содержит схожие ситуации, пережитые человечеством не один раз. Среди величайших умов прошлого к поиску смысла жизни и ответов на поставленные вопросы обращался известный венский доктор, психиатр, психолог и философ Виктор Франкл. Он создал учение, которое было парадоксальным и экзистенциальным одновременно.

Одним из самых парадоксальных выводов В. Франкла был такой: выживают и преодолевают трудности не самые физически креп-

кие люди, а те из них, которые не утратили веры и оптимистической перспективы.

Основные выводы своего учения В. Франкл сделал еще в начале 1930-х годов, т. е. еще до того, как пережил ряд концлагерей Второй мировой войны. Уже тогда время и жизнь требовали от него способов борьбы с Великой депрессией, связанной с поражением Германии и Австрии в Первой мировой войне. Уже тогда В. Франкл собственной психотерапевтической практикой подтвердил научные выводы, которые помогали людям не только преодолевать трудности, но и предотвращали саму возможность суицида: многие студенты отказались от самих попыток самоубийства. В. Франкл пронес свое учение через Вторую мировую войну, которое укрепило его в собственных выводах и отчасти помогло ему самому. Само учение носило практико-ориентированный характер, а значит, содержало ряд практических психотехник и методов, помогающих людям в трудных жизненных ситуациях.

Методологической основой своего учения В. Франкл избрал психоаналитическую школу З. Фрейда и А. Адлера. Позже он разошелся во взглядах со своими учителями в той части, которая касалась нивелирования человека до низменного существа, руководствующегося инстинктами: признающими только биологическую эволюцию: от стремления к удовольствию до жажды к власти. В. Франкл оттолкнулся от признания за человеком только его биологической сущности и предложил видение человека в оптимистической перспективе личностного развития, признавая за ним, помимо физического и психического, еще и духовное существование со свободой выбора и ответственностью за него. Духовное существование личности придавало жизни человека объем, выводило его из плоскости физического существования, наполняло жизнь новыми духовными ценностями, а не только физическими потребностями.

Согласно учению В. Франкла, даже в самых трудных обстоятельствах жизни, личность всегда стремится к духовности и смыслу.

Так, постепенно в учении В. Франкла наметилась модель человека, в которой существовало три вектора: физическое, психическое и духовное.

Дабы исключить религиозное толкование духовной сущности человека, В. Франкл назвал духовную часть личности ноэтической. Сам В. Франкл писал об этом так: «То, что мы понимаем как ноэтическое измерение, является антропологическим, а не теологическим» (Франкл, 2019, с. 229).

Физическое измерение проявляет себя стремлением сохранить здоровье, которое регулируется потребностями в еде, сне и отдыхе. В своем психическом измерении человек стремится к удовольствию и избегает напряжения. Все это выражается в эмоциях, переживаниях и регулируется свободой воли. Вопрос напряжения и волевого усилия занимает В. Франкла: при отсутствии напряжения человек поживает на лаврах и не стремится к преодолению страданий, а значит, не развивается, не растет нравственно и духовно.

Именно страдание учит человека справляться с ним и вырабатывать свои приемы и методы полноценного функционирования. В ноэтическом измерении человека содержится духовная сила и мощь преодоления, главные мотивационные силы человека: стремление к выбору и смыслу. Это сила разума, которая позволяет человеку дистанцироваться от животных, от собственных страданий и переживания. В ней содержится сила духа и чувство собственного достоинства.

Ноэтическое измерение человека проявляет себя в качествах: любви, совести, интуиции, кодексе чести, в чувстве юмора, в творчестве, в свободе выбора и в ответственности.

Так, например, в книге В. Франкла: «Сказать жизни „Да!“: психолог в концлагере» мы встречаем утверждение: любовь по своей силе равна смерти, но она дарует спасение. Сосредотачиваясь на образах того, что человек любит (красота заката), радуясь жизни, он находит личностные ресурсы, которые выводят человека из трудностей, позволяя телу быть не напряженным, а разуму — готовым к борьбе и преодолению.

Ноэтическое измерение создает напряжение между тем, что уже достигнуто, и тем, что еще предстоит осуществить; оно открывает перед человеком новые возможности управления самим собой.

В ноэтическом измерении содержится стремление каждого человека к смыслу как напряжению движения вперед, к тому, что находится вонне человека, что отлично от него самого, но зовет его из зоны комфорта и призывает к борьбе. Это совесть. Внутренний компас и ориентир в свободе выбора. Это та внутренняя сила, которая не раз спасала человеку жизнь и которую принято называть силой духа.

Сила духа позволяет человеку находить баланс между расходящимися физическими потребностями и духовными устремлениями.

И здесь философия и психология В. Франкла уступает, на наш взгляд, место педагогическим мотивам, а в сфере научных интересов педагогики находятся различные приемы и методы. Среди них В. Франкл называет дистанцирование.

Дистанцирование, в трактовке В. Франкла, выступает как способность человека свободно подняться выше «плоскости телесных и психических условий своего существования, тем самым открывая новое измерение: ноэтическое, в противостояние телесным и психическим феноменам. Человек становится способным занимать позицию не только по отношению к миру, но и по отношению к самому себе» (Франкл, 2019, с. 11). Дистанцирование может выражать себя в умении человека посвятить себя чему-то большему: делу, профессии, любви, помощи другим людям, творчеству.

Так, в книге «Воля к смыслу» В. Франкл писал: «Я убежден в том, что человек может развивать свою личность; его личность будет совершенствоваться по мере того, как он будет вверять себя чему-то, что выше него, делу, более великому, чем он сам» (там же, с. 5).

Совесть и сила духа позволяют человеку забыть о себе и ориентироваться на то, что жизнь требует от него.

Дистанцирование как внутренняя позиция, как отношение к трудностям защищает человека и чувство его достоинства от неизбежно-го страдания или от непредвиденных ударов судьбы.

Свобода выбирать собственное отношение к трудностям становится внутренним пространством личности для поиска смысла и обретения возможности «выбирать свой жизненный путь» (Франкл, 2009, с. 18).

В человеческой свободе содержится еще и ответственность как возможность ответить на вопрос «Зачем»? — «то, ради чего человек свободен и для чего принимает решение» (Франкл, 2015, с. 14).

Новизна нашего исследования состоит в том, что мы выделили педагогические идеи и методы философа и психолога Виктора Франкла. Указанные ниже методы не существуют в виде отдельной методички или комплексной психотерапевтической практики, каждый метод складывается из отдельных высказываний из многочисленных книг В. Франкла. На определенном уровне научного анализа и обобщения приведем несколько известных нам методов.

Метод «Парадоксальная интенция» (парадоксального намерения) — пациенту предлагают совершить действие, которое вызывает страх с целью его дальнейшего преодоления. Например, тому, кто боится чего-либо, предлагают идти навстречу своему страху намеренно. Постепенно человек убеждается в бессосновательности своих страхов. Прием построен на том, что в неврозе человек запрещает себе бояться, подавляет страх, и это приводит к еще большим неврозам. Здесь,

в позитивной психотерапии В. Франкла разрешается испытывать переживания свободно, освободившись от страха.

Метод «Дерефлексия» разработан как противостояние бессмысленной рефлексии, бессцельному самокопанию, поскольку он ориентирует человека на помощь другим и мотивирует его переключить внимание с самого себя и собственных трудностей на другого человека.

Метод «Медицинское пастырство» — вариант помощи людям в обретении смысла, который, с точки зрения В. Франкла, есть даже в страданиях. Помощь состоит в том, чтобы воспринять свое страдание мужественно и превратить его в подвиг. Сверх того, Франкл утверждал, что у человека есть даже некая здоровая потребность в страдании, которое приносит ему очищающий смысл и делает его жизнь полной. В свою очередь, бегство от страданий и вытеснение из сознания негативных переживаний приводит к неврозу и к новому страданию. Большая часть учения Франкла построена на том, чтобы не устранить страдания, а установить определенный смысл страдания: страдание нужно либо философски принять, либо преодолеть.

Метод «Логодрама» — это вариант психодрамы, которую В. Франкл преобразовал с целью выявления положительных жизненных смыслов посредством ролевой игры, а не с целью выявления подавленных отрицательных эмоций, как в психодраме.

Метод «Анализ сновидений» В. Франкл позаимствовал у З. Фрейда, но, в отличие от него, использовал для выявления скрытых позитивных смыслов, а не скрытых причин неврозов.

Благодаря своим представлениям о человеке, способном отделять себя от своих страданий, способном преодолевать трудности и смиряться с тем, чего нельзя изменить, В. Франкл внес существенный вклад не только в психотерапевтическую практику, но и в воспитание нравственности, а значит, и в педагогику в целом.

Литература

Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина Паблишер, 2019.

Франкл В. Психотерапия и экзистенциализм. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015.

Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина Нон-фикшн, 2009.

Франкл В. Э. Основы логотерапии: психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Проксемика и этика общения

В. Г. Анташева (ПГУТИ, Самара),

О. И. Захарова (ПГУТИ, Самара)

Как в древности, так и в наше время человеку довольно трудно обходиться без общения с людьми и контактов в обществе. Недостаток общения с другими людьми может привести к депрессии, стрессу и другим расстройствам. Коммуникация – это, прежде всего, процесс взаимодействия и взаимосвязи между людьми. Проксемика и этика – это две разные науки, хотя у них есть некоторые общие аспекты. В статье описывается сущность проксемики, различия и взаимосвязь между этикой и проксемикой.

Ключевые слова: этика, проксемика, сущность проксемики, невербальное общение, этика общения, дистанция, этика общения.

Проксемика – это область психологии, предметом изучения которой являются особенности организации личного пространства человека во время общения с другими людьми. Дистанция многое может рассказать о собеседниках: о степени их социализации, уровне развития отношений, о доброжелательности или агрессивности настроения. Часто именно проксемика может предоставить больше всего информации об уровне общения между людьми, чем то, как люди общаются друг с другом.

Хотя проксемика напрямую связана с такими областями знаний, как социальная психология и этика, отождествлять эти понятия нельзя. Этика определяет общение с культурной точки зрения и подразумевает тот факт, что человек, который знает определенные правила поведения, установленные в обществе, получает возможность общаться.

У каждого человека свое понимание комфортного взаимодействия с другими людьми. Это касается как поведения, так и пространства между собеседниками. Так, например, есть люди с проблемами с социализацией, им некомфортно находиться в местах большого скопления людей, где неизбежен контакт и постоянные нарушения

привычной дистанции. Такие люди часто пытаются увеличить свое личное пространство любимыми способами: выкупают соседние места в кинотеатре и транспорте, расставляют вокруг себя вещи, которые не позволяют никому подходить ближе, чем человеку удобно. Чтобы не ошибиться при выборе дистанции для общения с другим человеком, стоит учитывать правила, выведенные проксемикой, и наблюдать за поведением собеседника. С помощью этих знаний можно также выявить отношения между людьми. Обычно, чем они ближе физически друг к другу, тем более они близки душевно.

В 1950-х годах жил довольно известный антрополог по имени Эдвард Холл. Он изучал взаимодействие личного пространства человека с окружающей социальной средой. Ученые выдвинули теорию о том, что каждый человек организует свое собственное личное пространство точно так же, как он организует домашнее пространство и городскую среду. Другими словами, мы сами и наши личные качества напрямую влияют на общественность. Изучение этого вопроса позволило выйти на новый уровень понимания отношений между людьми. Таким образом, проксемика — это раздел социальной психологии, который выводит принципы и паттерны дистанционной невербальной коммуникации.

Как и многие механизмы человеческого поведения, соблюдение пространства изначально определялось целесообразностью с биологической точки зрения. Человек приобрел социальные навыки только на последних стадиях своей эволюции. На сегодняшний день его действия сохранили черты, определяемые древними инстинктами, один из которых — территориальный. Нет сомнений в том, что культурные и национальные факторы напрямую влияют на проксемические характеристики общения, но общая закономерность остается. Э. Холл описал нормы подхода «человек — человеку», т. е. дистанцию, характерную для европейской и американской культур. Эти нормы определяются четырьмя основными расстояниями. В частности, различают: интимное расстояние (0–45 см), личное (от 46 до 120 см), социальное (120–400 см) и общественное (более 400 см).

Интимная зона — на расстоянии около 0,5 метра. Обычно сюда пускают других людей посредством физического контакта, такого как объятия, поглаживания, прикосновения или поцелуи. В нормальных условиях только близкие люди могут подойти к человеку, не рискуя спровоцировать агрессию: родственники, супруги или очень хорошие друзья. Но часто нам приходится терпеть посторонних в ин-

тимной зоне в таких местах, как общественный транспорт или уличная толпа.

Личная зона уже чуть больше — от 0,5 до 1,2 метра. Размер этой зоны меняется от человека к человеку. Чаще всего на таком расстоянии человек общается с друзьями, коллегами или другими приятными для него собеседниками. Эту зону еще называют «дистанция сопереживания». Чем короче расстояние, с которого люди предпочитают разговаривать, тем больше для них характерно сочувствие друг к другу.

Граница социальной зоны еще больше. Обычно она находится в пределах от 1,2 до 3,5 метров. В большинстве случаев в этих пределах происходит деловое общение или общение между незнакомыми людьми.

Общественная зона — это взаимодействие одного человека с группой. Комфортное расстояние в этом случае составляет 4–8 метров. Здесь важные части вербальной и невербальной информации могут быть переданы слушателю без использования вспомогательных средств, таких как микрофоны, громкоговорители или телевизионные экраны.

Не менее важен угол, под которым расположены говорящие относительно друг друга. Редко человек сидит прямо напротив собеседника — обычно он стремится стоять под углом. Близкие родственники обычно сидят с двух сторон одного угла стола, их разделяет лишь его диагональ. Так во время общения они могут пользоваться не только речью, но и жестами и прикосновениями. Деловые партнеры обычно сидят на одной стороне стола, потому что так удобнее изучать документы и обсуждать деловые вопросы. Люди, имеющие противоположные точки зрения, садятся друг напротив друга. Чтобы показать незаинтересованность в общении, человек неосознанно садится дальше от возможных собеседников.

Но даже с общими выделенными дистанциями комфортные зоны могут меняться не только от человека к человеку, а еще и от народа к народу. Так, например, жители Бразилии любят общаться на коротких дистанциях, что не нравится американцам, которые стремятся к более широким пространствам. А россияне предпочитают дистанцию более длинную, чем латиноамериканцы, но более короткую, чем американцы.

Этика общения — это то, как человек использует язык, средства массовой информации и журналистику для создания отношений, которые руководствуются личной моралью и ценностями. Принципы

этики включают честность, беспристрастность и правдивость собственных слов. Этика общения важна из-за акцента на ответственности людей за поддержание гражданского общества. Важность этического общения становится все более важной в зависимости от того, насколько опасения по поводу фальшивых новостей становятся все более распространенными в современном обществе.

Корни этикета взаимоотношений лежат в различных обрядах, ритуалах и табу. Знание этикета всегда помогало устанавливать доверительные отношения. Так, например, изначально рукопожатие означало, что в правой руке нет оружия. Этикет помогает ориентироваться в общении, но не стоит забывать об особенностях этикета для разных стран. То же рукопожатие в большинстве стран считается знаком приветствия или прощания, но в Японии этот ритуал могут посчитать за грубость.

Быть этичным коммуникатором — значит быть честным, точным, а также правдивым. Это проистекает из морали и ценностей человека и из того, как люди определяют, что такое «добро и зло». Этические аспекты человеческих отношений напрямую связаны с психологией. Однако некоторые ученые прямо отождествляют этику общения и проксемику, хотя этого никогда не следует делать. Этика общения позволяет понять культурную сторону общения, которая обеспечивает глубокое взаимопонимание между собеседниками. Задачи проксемики несколько иные. Она занимается глубоким изучением самого процесса невербального общения, на основе которого собеседники отделяются друг от друга. Благодаря знаниям, полученным в процессе разработки этических и проксемических теорий, люди изобрели настоящее искусство общения (Поваляева, Рутер, 2004).

Холл говорил, что, независимо от культурных особенностей человека в конкретной стране, у ее представителей есть личная территория, которую каждый определяет самостоятельно для себя. Личная территория важна для всех, потому что так мы уважительно относимся к другим, принимая во внимание собственные интересы, при этом правильно выражая свои мысли и чувства. Из этого видно, что расстояние между собеседниками становится важнейшим фактором, влияющим на процесс общения. Ученый также говорил, что удаленность предметов наиболее важна на этапе восприятия, как только собеседники способны понимать друг друга и выражать основные эмоции. Следовательно, этика и проксемика напрямую связаны друг с другом, поскольку при формировании дистанции между собеседника-

ми важно учитывать их личное мнение, отношение к возможности контакта, вербального и невербального взаимодействия.

Хотя проксемика и этика напрямую связаны с общением в обществе, это не означает, что эти понятия можно отождествлять друг с другом. Эти две науки весьма похожи, но все же они разные по своей сути. Этика означает общение с культурной точки зрения. То есть этика – это то, как человек общается, если он знает определенные правила поведения, установленные в обществе, и соблюдает он эти правила или нет. Проксемика же, как средство невербальной коммуникации, подразумевает собственный личный взгляд человека на ситуацию и, исходя из этого, определяет оптимальную для него дистанцию.

Литература

Поваляева М. А., Рутер О. А. Невербальные средства общения. Ростов-н/Д.: Феникс, 2004.

Аутентичная жизнь и связанность с природой: бытийная «оптика»

Л. А. Кротова (ИФП «Человек и мир», Москва)

Аутентичность в современной практике эмпирических исследований имеет немало пересечений с рядом других сложноустроенных феноменов, что предполагает схожесть их онтологических оснований и побуждает обращаться к бытийной «оптике» в их изучении. В результате настоящего исследования (122 респондента были разделены на группы в зависимости от приверженности городской или загородной жизни) выявлены значимые корреляции между аутентичностью, переживанием благоговения и ностальгическими воспоминаниями, конституируемыми образами природы. Показатели аутентичной жизни и способности следовать подлинному Я (Шкала аутентичности) оказались выше у приверженцев загородной жизни. Выявленные связи соответствуют представлениям о «размыкании» человека в природный мир и одновременно — в свою аутентичность.

Ключевые слова: аутентичность, ностальгия, психология бытия, связанность с природой, благоговение.

На протяжении всей истории психологической науки важнейшие человеческие вопросы «Что такое человек?» и «Что это значит — быть собой?» оставались в центре ее внимания. Разнообразие теоретических изысканий обогатило психологию и смежные гуманитарные дисциплины такими понятиями, как «самость» и «индивидуация», «Я-концепция», «образ себя», «аутентичность» и «идентичность», в каждом из которых находят свое отображение те или иные стороны феномена. Ускользающая сущность «Я» приводит к ряду бинарных плоскостей, в которых решается вопрос о предмете исследования и происходит его изучение. Предметом исследования может быть как активное «Я», так и рефлексивное или феноменальное; представление о «Я» может концептуализироваться в рамках статичной или динамической модели, в структурных или в процессуальных терминах, а соответствующие структуры и процессы,

в свою очередь, могут быть рассмотрены как интраиндивидуальные или интересубъективные.

Изучение сущности «Я», в основе которого лежит представление о границах «Я», о его отличии от внешнего мира и «Я» других людей, характерно для субъект-объектной парадигмы в психологической науке и в психотерапии, в частности, для персоналистического направления в экзистенциальной психотерапии, где субъект-объектное разделение воспринимается как данность, которая может лишь временно сниматься в процессе актуализации личностного начала, проникновения в жизненные смыслы и смыслы мироустройства, контакта с Другим, обретения способности быть суверенным субъектом собственной жизни: прихода к экзистенции. Однако вопрос о том, как человек определяет границы своей самости, что, почему и насколько он считает «своим», когда и как происходит интериоризация и инкорпорирование внешних объектов, может исследоваться и в другом методологическом ключе, где человек и мир не противопоставлены друг другу. Проблематика человеческого бытия, бытия-в-мире, и методологии его изучения в значительной мере привлекала и продолжает привлекать отечественных исследователей (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, Л. И. Анцыферова, В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Н. В. Гришина, В. Б. Шумский, М. И. Воловикова, С. К. Нартова-Бочавер, Е. Е. Сапогова и другие исследователи). Этот интерес, с точки зрения Г. Н. Миненко, можно рассматривать и как преемственность русским философским представлениям, характерным для начала прошлого столетия, согласно которым человеческой личности, с одной стороны, присуща целостность и связанность с Первореальностью, а с другой – процессуальность, динамическая незавершенность, «когда она «размыкается», с одной стороны, в Мир, а с другой – в собственную личностную глубину» (Миненко, Ильина, 2007, с. 49).

В этом плане исследования аутентичности, в отличие от персоналистических исследований «Я», оказываются ближе к онтологической фокусировке. Необходимость быть включенным в механизмы мегаполиса, изменчивость и деятельностьная перегруженность современной среды способствуют утрате ощущения подлинности собственной жизни, жизненного смысла; возникает стремление «вернуться к себе», переживать «бытие собой». «Подлинное „Я“» является лишь одним из модусов возможных идентификаций, в то время как «аутентичность» в своей сложноустроенности тяготеет к трудноопределимым психологическим понятиям; исследование аутентичности как чер-

ты личности оказывается недостаточным, не вмещающим богатство ее проявлений и взаимосвязей с другими феноменами, и ученые переходят к исследованию аутентичности как переживания, состояния и отношения, к изучению «аутентичной жизни».

Будучи сложноустроенным феноменом, аутентичность имеет немало пересечений в эмпирических исследованиях с другими феноменами, что предполагает схожесть их онтологических оснований. Так, выявлена связь переживания ностальгии и аутентичности (С. Sedikides, Т. Wildschut, М. Baldwin, Х. Zhou и др.), личностно значимых мест в природе и аутентичности (Н. Proshansky, R. Kaminoff, S. Clayton, S. Orotow и др.); сопряженность этих взаимосвязанных феноменов с психологическим благополучием и осмысленностью жизни.

Целью нашего исследования было рассмотреть, как соотносятся личностная связанность с миром природы и загородной жизни, содержание наиболее значимых ностальгических воспоминаний, аутентичная жизнь и благоговейное восприятие окружающего мира. Ранее нами были получены результаты, показавшие, что у приверженцев загородной жизни ностальгические переживания чаще сопряжены с феноменами природного мира, с опытом загородной или сельской жизни, чем у приверженцев жизни в городе (Кретова, Воловикова, 2022). В новом исследовании мы выдвинули эмпирические гипотезы о том, что показатели аутентичности, благоговения, способности следовать подлинному Я и феноменология природного/загородного мира в наиболее важных ностальгических воспоминаниях коррелируют друг с другом, а показатели уровня переживания своей подлинности и уровня благоговения перед миром выше в группе приверженцев загородной жизни.

В исследовании приняли участие 122 респондента (36 мужчин и 86 женщин); преобладали участники среднего возраста (53 участника в группе 30–45 лет, 56 участников в группе 45–65 лет). Для сравнения показателей формировались следующие группы респондентов: «Приверженцы городской жизни», «Загородная жизнь привлекательна, но не планируется», «Переехали за город или готовятся к переезду».

Показатели аутентичности – «Аутентичная жизнь», «Подверженность внешнему влиянию», «Самоотчуждение» – измерялись при помощи «Шкалы аутентичности» (адаптированный опросник Вуда) С. К. Нартовой-Бочавер (Нартова-Бочавер и др., 2020). С учетом разнообразия трактовок аутентичности в современной психологии и бытийной оптики нашего исследования, нам было важно

опереться на методику, обращенную к аутентичности как к способности человека быть самим собой и противостоять внешнему влиянию, подразумевающую потенциал целостности и подлинности человеческой жизни.

Для выявления преобладающей тематики наиболее значимых ностальгических воспоминаний использовался модифицированный «Опросник по ностальгии» К. Батчо. Раздел анкеты «Подлинное Я и Благоговение» включал опросник «Authenticity in Relationships Scale – Multiple Contexts», оценивающий аутентичность в контексте отношений с другими значимыми людьми (Robinson et al., 2013), и вопросы «Шкалы диспозиционального благоговения» (Dispositional Awe Subscale), измеряющие восприятие устремленности к подлинному Я и уровень благоговения перед окружающим миром (Jiang, Sedikides, 2021).

Расчет критерия Манна–Уитни показал значимые различия по шкале «Аутентичная жизнь» между приверженцами жизни за городом (аутентичная жизнь выше; $U = 309,500$, $p = 0,017$) и городскими жителями, которых привлекает загородная жизнь, но переезд не планируется (принятие внешнего влияния и самоотчуждение выше; $U = 279,000$, $p = 0,005$).

Сравнение средних показало, что природа и уединение – это лучшие условия для того, чтобы почувствовать себя собой. Стремление «быть настоящим» характерно для всех респондентов, но, как показал расчет Н-критерия Краскела–Уоллиса, приверженцы загородной жизни в большей степени, чем горожане, ощущают себя способными следовать подлинному Я ($N = 12,413$, $p = 0,002$), что, вероятно, связано как с принятым ими непростым решением о переезде, так и с усилениями, необходимыми для того, чтобы следовать своему выбору.

Коэффициент корреляции Спирмена выявил связь между аутентичностью, переживанием благоговения и тематическим содержанием наиболее значимых ностальгических воспоминаний. Высокие показатели аутентичной жизни, способности следовать подлинному Я, испытывать благоговение, коррелируют друг с другом и с воспоминаниями, связанными с природным миром, жизнью на даче или в деревне (коэффициент корреляции варьирует от 0,468 до 0,237, уровень значимости от 0,000 до 0,009).

Таким образом, в проведенном исследовании на эмпирическом уровне находит подтверждение феноменологическая концепция Хайдеггера о «размыкании» человека в природный мир и одновремен-

но — в свою аутентичность. Это «размыкание» сопряжено со способностью следовать подлинному Я и переживать «себя-в-мире» через опыт благоговения, трансценденции, «захваченности» природной средой, и через значимые ностальгические воспоминания, которые в большинстве своем также конституируются образами природного мира и представляют собой острое переживание человеком своей подлинности.

Полученные в исследовании эмпирические данные соответствуют выводам ученых, изучающих связи между такими сложноустроенными, «трудными» для психологической науки феноменами, как ностальгия, аутентичность, благоговение, непрерывность сознания своего Я, и общей тенденции к холичности в их исследовательских проектах. И хотя практика целостного подхода несет в себе риск «охватывать необъятное», она представляется вполне релевантной для парадигмы бытийности, психологических исследований человека-в-мире, а в плане практической целесообразности помогает избегать фрагментарности в формировании образовательных, воспитательных, психотерапевтических проектов и программ.

Литература

- Кретова Л. А., Воловикова М. И.* Ностальгическое переживание, суверенность и удовлетворенность жизнью у приверженцев городской и загородной жизни // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 1. С. 76–92.
- Миненко Г. Н., Ильина Н. А.* Метафизические основания целостности личности в свете системной методологии // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2007. Вып. 2. С. 42–54.
- Нартова-Бочавер С. К., Ирхин Б. Д., Резниченко С. И.* Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 3. С. 500–549.
- Jiang T., Sedikides C.* Awe motivates authentic-self pursuit via self-transcendence: Implications for prosociality // Journal of Personality and Social Psychology. 2022. V. 123. № 3. P. 576–596.
- Robinson O. C., Lopez F. G., Ramos K., Nartova-Bochaver S.* Authenticity, social context and well-being in the United States, England and Russia // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2013. V. 44. P. 719–737.

Субъектная концепция аутентичности личности*

С. К. Нартова-Бочавер (НИУ ВШЭ, Москва)

Обосновывается актуальность изучения аутентичности личности как чувствительности человека к своему истинному Я – верности индивидуальности, контексту жизни и предназначению. Две наиболее популярные концепции аутентичности, личностно-ориентированная и экзистенциальная, не очень хорошо работают в российской культуре; кроме того, они имеют ряд методологических ограничений – игнорирование генезиса аутентичности, неучет средовых условий ее становления и др. Предлагается более экологически валидная субъектная концепция аутентичности. Приведены семь постулатов концепции. Очерчены перспективы ее применения.

Ключевые слова: аутентичность личности, экзистенциальная психология, личностно-ориентированная психология, субъектный подход.

В современном, быстро меняющемся обществе эволюционирует система мысли о том, как описывать человека. Поскольку человек получил возможность менять свою идентичность несколько раз на протяжении жизни, роль внешних атрибутов эмпирической личности в ощущении чувства Я теряет свою надежность, а выбор жизненного пути становится все более вариативным. И потому человек чаще прислушивается к своему внутреннему голосу, который без внешних посредников подсказывает ему, насколько верны и точны его решения. Именно поэтому в фокусе внимания исследователей оказалась аутентичность личности, в самом общем виде понимаемая как интуитивная способность мониторить степень верности своему истинному Я.

Несмотря на то, что аутентичность – это глубоко интимный психологический феномен, у нее есть и адаптивный смысл. Поскольку каждый человек в течение своей жизни располагает ограниченным бюджетом времени и энергии, усилия, затрачиваемые на решение од-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00262.

ной задачи, исключают возможность решать другие. Аутентичность усиливает чуткость человека к реалистичным, осмысленным и уникальным для его индивидуальных особенностей активностям и освобождает от необходимости браться за те, которые для него непосильны или просто ему не подходят.

Однако где локализовано это истинное Я? Попытки связать переживание аутентичности с темпераментом и чертами не увенчались успехом. Более того, исследования показывают, что даже поступки, согласно логике черт личности (экстравертированные для экстраверта, интровертированные для интроверта), не всегда оцениваются самим человеком как аутентичные. Водораздел между современными концепциями аутентичности происходит как раз по линии понимания той точки опоры, которая и наделяет человека чувством подлинности (Нартова-Бочавер и др., 2023).

К настоящему моменту количество исследований диспозиционной аутентичности неуклонно возрастает, но большинство из них группируется вокруг двух направлений (Reznichenko et al., 2021). Согласно личностно-ориентированной концепции, аутентичность — это трехкомпонентная черта, аспектами которой являются аутентичная жизнь (authentic living), отсутствие принятия внешнего влияния (accepting external influence) и самоотчуждения (self-alienation). В свете выделенных нами оппозиций аутентичность в таком понимании — это адаптивное молекулярное внесоциальное качество, не подразумевающее открытости миру и со-масштабности жизненному пути человека. Это понимание справедливо критиковалось за выраженный индивидуализм и замкнутость в рамках собственной индивидуальности.

Вторая концепция была разработана в рамках экзистенциальной психологии; аутентичность включает четыре компонента, отражающих ее различные аспекты. Осознанность (awareness) — это четкость представления о себе и своем жизненном пути; непредвзятость (по отношению к себе) (unbiased processing) — это способность видеть свои несовершенства как естественную, но изменяемую часть своей личности; аутентичное поведение (behavior) — это действия в соответствии с желаниями и установками человека; аутентичные отношения (relational orientation) — это понимание ценности близких, искренних отношений с другими людьми. Аутентичность в рамках экзистенциальной парадигмы — более содержательное явление, которое подразумевает и верность себе, в том числе своему мировоззрению.

нию, и умение устанавливать искренние отношения с другими людьми. Характеризуя эту концепцию, мы бы отметили сопряженность аутентичности с траекторией жизненного пути и социальным контекстом бытия человека, однако пространство развития этой черты через преодоление своих недостатков или выработку аутентичного поведения все равно остается замкнутым внутри личности. Недавно была предпринята попытка интеграции обеих концепций аутентичности в двухфакторной модели, разделяющей так называемую внутреннюю аутентичность (отсутствие самоотчуждения и принятия внешнего влияния, непредвзятость, осознанность и поведение) и внешнюю (аутентичную жизнь и отношения с другими). Однако тема генезиса аутентичности в процессе проживания событий жизни, жизнотворчества и авторства по отношению к собственной жизни все равно продолжает оставаться закрытой.

Исследования показывают, что личностно-ориентированная и экзистенциальная модели не очень хорошо переносятся на российскую почву, возможно, в силу особенности российской ментальности как объединяющей черты востока и запада, индивидуализма и коллективизма. В настоящий момент отсутствие отечественной концепции аутентичности представляет собой существенную лауну в исследованиях личности, что и побудило нас к представлению собственной концепции, названной субъектной концепцией аутентичности. Следуя идеям психологии субъекта, впервые представленным С.Л. Рубинштейном в работе «Человек и мир» (2003), а также основываясь на экзистенциальном понимании единства человека и того культурного контекста, где он существует («вброшенности» в место и время), мы полагаем, что аутентичность может быть понята только как феномен бытия, всегда являющегося со-бытием («со-Dasein», или «being-with»). Быть — значит находиться в диалоге с миром. Таким образом, аутентичный человек понимается как одновременно потенциальное и актуальное существо, которое стремится к совершенству, но не достигает его, изменяет себя, считаясь с другими и воспринимая их влияние.

Наша субъектная концепция аутентичности учитывает новые тенденции в развитии психологии субъекта — авторство человека по отношению к своей жизни и его синергичность заданному контексту бытия (Брушлинский, 2006; Сергиенко, 2008). Аутентичность понимается как черта личности (диспозиция), ответственная за способность человека сохранять верность своей индивидуальности,

пространственно-временным условиям своей жизни, а также своему жизненному пути, включая призвание. Это трансцендентное свойство, основным благотворным эффектом которого является понимание и переживание смысла своего индивидуального пути. Свобода воли субъекта проявляется не только в активных/реактивных действиях, но также в принятии жизненных вызовов, которые выпадают человеку. Таким образом, аутентичность оберегает не от неудач вообще, а от «чужих» неудач и ошибок, нарушающих логику предназначения, логос данного конкретного человека.

Аутентичность личности – это молярное качество, которое относится не к дискретным ситуациям, а к жизненному пути в целом. Оно включает когнитивное содержание (осознание подлинности как ценности), аффективное (стремление к подлинности) и поведенческое (готовность вести себя в соответствии со своими представлениями и желаниями).

Ниже представлены постулаты субъектной концепции аутентичности, отражающие адаптивный и развивающий функционал этого качества.

Диспозициональная аутентичность:

- 1) отражает сензитивность человека к содержанию его иерархически организованной индивидуальности (истинному «я»), при доминировании «высших», прижизненно формирующихся качеств;
- 2) является изначально социально детерминированным качеством, развивающимся благодаря обратным связям, получаемым взрослеющим человеком от значимых других и социального окружения в целом;
- 3) обладает выраженным адаптивным смыслом, что выражается в связи или предсказании разных параметров психологического благополучия;
- 4) есть прижизненно развивающееся качество; основные векторы развития аутентичности в онтогенезе – усиление и дифференциация а) социальной и б) агентной составляющих проявлений аутентичности;
- 5) обладает также развивающим и «облагораживающим» (elevating) функционалом, что выражается в связи с морально значимыми качествами;
- 6) будучи результатом перманентного диалога человека с миром, обеспечивает заботу о человечестве в целом, отражаясь в связи с экологическими установками личности;

- 7) отражает сензитивность человека к собственному жизненному пути и призванию, наделяя его смыслом выбранного предназначения и таким образом обеспечивая резистентность к профессиональному стрессу и выгоранию.

Для исследования диспозициональной аутентичности, как она понимается в рамках субъектного подхода, была разработана, валидирована и апробирована краткая Московская шкала аутентичности (Reznichenko et al., 2021), включающая пять утверждений.

1. Меня устраивает место и время, в которое мне довелось жить.
2. Я принимаю себя таким/ой, какой/ая я есть от природы.
3. Я знаю свое предназначение и следую ему.
4. Пусть я ошибаюсь, я проживаю свою собственную жизнь.
5. Я себя знаю и хорошо понимаю. Исследования показывают хорошие результаты ее применения.

Нам представляется, что субъектная концепция аутентичности, в силу ее экологической валидности, указания на генезис, диалектического содержания, подразумевающего диалог человека с собой и миром, может стать перспективной основой исследований в области позитивной психологии человеческого бытия и эффективных психоразвивающих практик.

Литература

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды / Ред.-сост. Т. К. Мелешко-Брушлинская, В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Нартова-Бочавер С. К., Ерофеева В. Г., Байрамян Р. М., Чулюкин К. С.* Повседневные представления об аутентичности: от детства к юности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. № 6.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Сергиенко Е. А.* Психология субъекта: поиски и решения // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 16–28.
- Reznichenko S. I., Nartova-Bochaver S. K., Irkhin B. D.* Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms // Psychology in Russia: State of the Art. 2021. V. 14. № 3. P. 81–102.

Образ будущего студентов в контексте трансформирующегося бытия

З. И. Рябикина (КубГУ, Краснодар),

Н. А. Яворчук (КубГУ, Краснодар)

Современный человек в России находится в ситуации стремительных изменений – пандемия, экономические санкции провоцируют рост тревожности и ослабление уверенности в своем будущем. В соответствии с идеями А. В. Брушлинского, субъектность как активность есть свойство, обуславливающее преодоление проблем. Образ будущего студентов в контексте трансформирующегося бытия характеризуется завышенными ожиданиями (в отношении своего дохода и представлений об успешности, безопасности, легкости будущего). Степень влияния трансформаций респонденты оценивают выше среднего ($M = 6,62$ по 10-балльной шкале). В то же время студенты субъектны, активны, а главный фактор, определяющий направление их реализации, – «финансовая стабильность» (52,7% от общего количества целей респондентов).

Ключевые слова: образ будущего, трансформирующееся бытие, студенчество, идеализация, субъектность, целеполагание.

Современный человек в России находится в ситуации стремительных изменений – пандемия COVID-19, уход западных компаний из России, экономические санкции и спецоперация на территории Украины спровоцировали изменения в качестве жизни населения, способствовали росту тревожности и ослаблению уверенности в своем будущем (Гурьева, 2022). Эти аспекты актуализируют понятие субъектности человека как активного деятеля своей жизни (Рябикина, 2003). Трансформации бытия являются наиболее значимыми для студентов, поскольку именно в этот период происходит становление системы ценностей, проработка и детализация образа своего будущего и направлений своей самореализации (Чадаева, 2013).

А. В. Брушлинский отмечал, что, по мере взросления человека, все большее значение приобретают саморазвитие, самовоспитание

и самосовершенствование, составляя систему внутренних условий, через которые могут осуществляться внешние воздействия (Брушлинский, 2003). Внешними воздействиями выступают вышеозначенные стремительные политические и экономические изменения. Они провоцируют перестройку смыслового пространства бытия каждого человека, поскольку ситуация неоднозначности может накладывать ограничения на осознание субъектом своих возможностей и ресурсов, внося коррективы в процессы самоосуществления.

Еще одним важным положением, разработанным А. В. Брушлинским, значимым для нашего исследования, является идея рассмотрения в качестве единиц психики более комплексных образований и структур индивидуального опыта человека, например событий и ситуаций. Воздействие ситуации зависит от значения ее для личности, как она ее интерпретирует и воспринимает (Знаков, 2008). Субъектность в этом случае можно рассматривать в качестве свойства, фильтра негативных воздействий, задающего направление и способы самореализации личности в преодолении текущих социально-психологических условий.

В нашем исследовании представлена система внутренних условий личности, которая опосредует влияние трансформаций реальности: представления о будущем и направлениях самореализации студентов как вектор, задающий активность личности; субъектность как мера такой активности.

В исследовании приняли участие 116 студентов 1–2 курса, обучающихся в КубГУ. Методики исследования: анкета целеполагания В. Р. Манукян, опросник «Уровень развития субъектности личности» М. А. Щукиной, «Временные аттитюды» (Ж. Нюттена в адаптации К. Муздыбаева), а также авторская анкета оценки трансформаций реальности, имеющих наибольшее значение для респондентов.

В авторской анкете студентам предлагалось оценить показатели трансформирующегося бытия. Полученные данные были обработаны посредством факторного анализа, было выделено три фактора.

Первый фактор, «общая оценка будущего», содержит показатели «степень влияния происходящих изменений» (факторная нагрузка 0,764), «корректировка планов на будущее» (0,776), «неопределенность будущего» (0,799) и «востребованность профессии» (–0,540). То есть чем позитивнее ожидания от профессии у респондентов, тем ниже тревога относительно непредсказуемости будущего и тем меньше потребности в изменении планов на будущее они испытывают. Посколь-

ку 56,9% респондентов планируют стать психологами, это объясняет уверенность в растущей востребованности профессии.

Учитывая, что степень влияния оценена респондентами выше среднего (среднее по выборке $M=6,62$ до 10-балльной шкале, $SD=1,99$) и корректировку планов проводили более 65% респондентов, влияние трансформаций бытия на студентов достаточно сильное.

Второй фактор, «оценка материальной обеспеченности», включает величину планируемого дохода (факторная нагрузка – 0,815) и оценку перспективы, в которой будет достигнут указанный уровень дохода (0,833). Чем выше заработок, ожидаемый респондентами, тем длительнее период достижения этого уровня. Стоит отметить, что, по данным Росстата, средняя зарплата в Краснодаре составляет 48751 рублей. Однако лишь 16% респондентов планируют получать от 30 до 50 тысяч рублей, 19% оценивают свой будущий заработок от 60 до 70 тысяч рублей, а 65% студентов предполагают величину своего дохода от 100 до 500000 рублей в месяц. Это является показателем нереалистичных ожиданий от своего будущего, в том числе учитывая отсутствие корреляций этих показателей с изменением востребованности профессии или оценкой степени влияния происходящих изменений.

Третий фактор, «оценка перспективы создания семьи», содержит только один показатель – планы по созданию семьи в годах (факторная нагрузка – 0,969). Средний срок, который определяют для себя респонденты, – 6,62 года ($SD=3,22$), причем 47,4% студентов откладывают создание семьи на срок 8 лет и более. Это может быть показателем отсутствия стабильности и в жизни студентов, но этот фактор не коррелирует ни с одним другим показателем.

Изучение бытийных пространств, в которых респонденты видят свою самореализацию, было проведено с помощью анкеты целеполагания В. Р. Манукян. В результате факторного анализа было выделено четыре фактора.

В первый фактор, «финансовая стабильность» (52,7% от общего количества целей), объединились работа (факторная нагрузка – 0,683), материальные ценности (0,573) и семья (0,755). Материальное благосостояние связано с реализацией себя в пространстве работы (примеры целей: «найти высокооплачиваемую работу», «начать доходный бизнес»), как и семья, которая определяется в том числе помощью родственникам (примеры целей: «купить родителям квартиру», «помогать родителям деньгами на постоянной основе»).

Во втором факторе, «внутренняя целостность» (13,4% от общего количества целей), содержатся сферы духовного развития (0,747) и здоровья (0,68), и эта связь может быть объяснена тем, что духовное развитие для респондентов определяется уменьшением внутренних противоречий (примеры целей: «начать работать с психологом», «стать более общительной», «научиться принимать себя»), что относится к ментальному здоровью, целостности личности.

В третьем факторе, «познавательный интерес» (30,2% от общего числа целей), объединились образование (0,739) и отдых (0,761). Поскольку отдых для студентов связан с путешествиями, то с образованием он соединяется в аспекте познавательного интереса – стремлении к новым знаниям и культурам.

В четвертом факторе содержится сфера целей, связанных с обществом (0,85). Это пространство мало представлено в сознании респондентов (менее 3,7% от всех целей). Студенты не стремятся сделать что-то общественно значимое, концентрируясь на личных интересах. Возможно, это обусловлено контекстом трансформаций бытия, когда актуализируются витальные потребности, направленные на сохранение собственного благополучия. Или же это – ценностная парадигма молодого поколения.

Самым приоритетным для студентов выступает фактор «финансовой стабильности», т. е. в контексте трансформаций бытия на первый план выходит пространство материального благополучия, внутри которого студенты могут помогать семье и обустроить свою жизнь (жилье, автомобиль и т. д.).

Мерой активности описанных выше направлений реализации является субъектность, которая была исследована опросником «Уровень развития субъектности личности» М. А. Щукиной. Около 85% респондентов по всем показателям субъектности набрали балл в пределах интервала нормы. Из этого следует, что студенты обладают выраженной субъектностью, они активны и целенаправленны.

В отношении будущего («Временные аттитюды» Ж. Нюттена в адаптации К. Муздыбаева) у респондентов преобладает высокая позитивная оценка отношений к будущему (эмоциональное, ценностное, личностный контроль). Такие результаты представляются излишне оптимистичными и противоречат оценке влияния изменений на респондентов и корректировке планов на будущее.

На этапе анализа взаимосвязей показателей трансформирующегося бытия с целями и отношением к будущему было обнаруже-

но, что оценка востребованности профессии положительно связана с отношением к будущему у студентов ($p < 0,01$) и отрицательно – с количеством целей, сформированных «из необходимости решить какие-либо проблемы» ($p < 0,01$), т. е. чем более востребованной считают свою профессию студенты, тем позитивнее оценка будущего и тем меньше целей «из нужды» они формируют. Также «количество целей из необходимости» имеет прямую корреляцию с размером планируемого дохода респондентов ($p < 0,01$).

Степень влияния изменений реальности на студентов, корректировка планов на будущее и неопределенность будущего отрицательно связана с их субъектностью ($p < 0,01$). Поскольку методика ее оценки определяется автором как инструмент измерения внеситуативной субъектности, можно предположить, что именно уровень субъектности определяет степень влияния происходящего во внешнем мире на личность. То есть чем выше субъектность, тем более устойчив человек к негативным обстоятельствам.

Полученные результаты говорят о том, что в контексте трансформаций бытия у студентов на первый план выходит желание финансовой стабильности, выраженное в наибольшем количестве поставленных целей в этой сфере, а также в нереалистичной оценке своего будущего дохода. Они осознают влияние происходящих изменений на них, откладывают создание семьи и меняют свои представления о будущем. Студенты субъектны, активны, но обладают идеализированной, завышенной оценкой своего будущего, не ожидая в нем существенных ограничений для своей реализации.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетей, 2003.
- Гурьева М. Н.* Влияние западных санкций на рынок труда в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 5 (1). С. 204–207.
- Знаков В. В.* Психология субъекта А. В. Брушлинского и психология человеческого бытия // Вестник Костромского государственного университета. 2008. № 4. С. 4–10.
- Чадаева К. Д.* Образ будущего в разных возрастах // Известия Тульского государственного университета. 2013. № 2. С. 294–305.
- Рябкина З. И.* Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: теория и методология / Под ред. З. И. Рябкиной, В. В. Знакова. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2003. С. 5–26.

«Невзрослеющий взрослый»: характеристики современной прекарной личности

Е. Е. Сапогова (ФГБОУ ВО МПГУ, Москва)

Феномен невзрослеющей прекарной личности рассмотрен в контексте неопределенности современного существования как формирующаяся адаптивная модель новой взрослости. В русле экзистенциального подхода выявлен ряд характеристик прекарной личности: девальвация необходимости осуществлять «заботу о себе», фрагментарность идентичности, нарастание иррациональной составляющей в рефлексии, доверчивость, стремление к сиюминутности жизнеосуществления и другие.

Ключевые слова: личность, прекарность, «забота о себе», невзросление, «новая взрослость».

Одним из новых явлений, рожденных недостаточной укорененностью в сегодняшнем и малой уверенностью в завтрашнем дне, является прекарность, обнаруживающая себя в «коротких горизонтах» жизненного планирования; стратегии «быстрых клавиш»; готовности к реализации случайных, сущностно не вписанных в «заботу о себе» возможностей; отсутствии целостной и структурированной «линии жизни»; абсентеизме; давлении рационального и перформансного компонента на частные сферы жизни людей и т. д.

Взятые вместе как формы адаптации к временности существования в условиях неопределенности, они образует специфическую прекарную ментальность, становящуюся характерной как для молодых, так и для старших поколений конца XX—начала XXI в., пополняющих ряды прекариата — «нового опасного класса» с его «недовольством, аномией (утратой ориентиров), беспокойством и отчуждением» (Стэндинг, 2014, с. 41—42). Переживание прекарности во многом совпадает с метапатологиями — массовыми нарушениями личностного развития, возникающими как следствие депривации ценностей бытия. Сегодня это понятие может быть расширено до неоптимальных вариантов личностного развития, поскольку, сталкиваясь с не-

возможностью актуализировать собственные возможности и вынужденно принимая обнаруживающиеся целе-смысловые противоречия и ограничения, человек неизбежно сталкивается с переживаниями бессмысленности существования, зависимости, одиночества, невосребованности и др.

Интегральный характер вытекающих из этого последствий для всей жизни личности дает основания рассматривать прекарность как самостоятельный экзистенциально-психологический феномен, как новую экзистенциальную перспективу в развитии человека в условиях, на которые он не может в достаточной мере влиять. Онтологическая прекарность не просто создает новый тип адаптивного поведения человека, но конструирует принципиально иную идентичность, стержнем которой становится девальвация внутренней необходимости осуществлять «заботу о себе», отвечающую за привычную для психологии XX в. модель взросления. Невозможность очертить «длинный горизонт» жизни в условиях неукорененности в настоящем и неуверенности в будущем затрудняет вступление в пору зрелости, размытая экзистенциальный императив принятия на себя ответственности за свое самоосуществление. Делая его не целевым, а эпизодическим экзистенциальным продуктом, человек вынужден ужиться с последствиями утраты авторства собственной жизни, подчинения ее не собственным алгоритмам. Живущее в прекарных условиях поколение постепенно отказывается от необходимости взрослеть и рассматривать свое индивидуальное существование как исключительно собственную задачу.

При этом жизнь утрачивает приветствуемую ранее «векторность»/цельность осуществления и приобретает характер множественных краткосрочных и временных проектов себя, не всегда соотносимых с переживаемой аутентичностью. Это рождает специфические переживания внаходимости по отношению к собственной жизни. Фрагментарность, обнаруживаясь в множественных сменяющих друг друга, а также в «невоплощенных» и «невоплотимых Я» и являясь нарушением отношений человека с временем своей жизни, сужает горизонты возможностей, ограничивает взаимодействие человека с будущим и, как следствие, с самим собой. При этом исчезает «чувство существования», способность «быть живым» (Губин, 2001, с. 40). Утрачивая необходимые ориентиры того, с кем/чем он должен себя идентифицировать, куда направлять саморазвитие, человек постепенно «перестает» взрослеть.

Одновременно существование в неопределенности усиливает в человеке иррациональную составляющую, в первую очередь надежду, которая, с одной стороны, «выполняет связующую функцию человека с планом его бытия, однако в то же время... представляет собой жизнепрепятствующую силу, пролонгирующую переживания и трудности людей, а также выступающую „тормозом“ личностного роста, „самообманом“, замедляющим или делающим невозможным процесс полноценного саморазвития и самосовершенствования» (Савинков, 2019, с. 191). Такая пассивная надежда, по сути, являет собой замаскированную безнадежность, покорность обстоятельствам и усиливает тенденцию предаваться иллюзиям на свой счет.

Поскольку отказ от долгосрочных целей и самопроектов усекает жизненную перспективу и ограничивает диапазон личных стремлений, precarious субъект компенсаторно стремится жить сиюминутностью, выталкивающей «неподконтрольное будущее за горизонты осмысления» (Хорошилов, 2021, с. 71), и дольше сохраняет в себе черты детскости, о чем свидетельствует позднее, а часто и вовсе не состоявшееся взросление, широкое распространение «синдрома Питера Пэна».

Если вся предшествующая социокультурная история развития человека определялась увеличением попыток познавать и контролировать разные сферы реальности, то в современной ситуации представители молодых поколений охотно передоверяют «когнитивным гаджетам» функцию контроля за реальностью, а вместе с тем – частично – и функцию управления самим собой (посредством нейросетей, искусственного интеллекта и пр.). Одновременно сужение сферы индивидуальной ответственности за осуществление собственной жизни и экзистенциальные самотрансформации смешают контроль к тому, что, как кажется, доступно человеку и чем он точно может управлять: здоровый образ жизни, телесность, питание, сексуальная удовлетворенность и пр. Этой подменой поддерживается ощущение осмысленности, целеполагания, создается иллюзия саморазвития.

Меняются также и онтологические ориентиры precarious субъекта: он готов передоверить себя случайности, шансу, допуская непредсказуемое и не зависящее от его личных характеристик попадание в несчастливую или удачную вероятность. В первом случае он оказывается в условиях невоплощенной экзистенции, усиливающий фаталистическое (нередко сопряженное с мистическим) и одновременно отстраненное отношение к реальности, эскапирование

из нее в виртуальные пространства. Во втором случае он оказывается во власти веры в иррациональность и интуицию.

В развитии цивилизации и культуры человек традиционно полагался на рациональность, считая, что из имеющихся жизненных альтернатив он, используя логическое мышление, способен выбрать максимально эффективную, целесообразную и последовательную. Практика существования в обстоятельствах неопределенности вызвала к жизни веру в потенциал иррациональности. Опираясь на нее, человек часто делает выводы и принимает решения, не соответствующие его реальным интересам, целям и мотивам. И дело здесь не в недостатке критики, а в отпускании функции контроля, при котором перспективы существования обеспечиваются не столько планированием и стратегиями, сколько подстереганием случая и его импульсивным использованием. В этом случае ведущими процессами оказываются не столько логика, оценка, сравнение, выбор и пр., сколько инсайт, интуиция, аналогия, опора на персональные приметы и символы и пр. Прекарный статус приводит к тому, что ряд проблем человек решает вне логики и нормативности, а выбор и принятие решений для него происходят как бы сами собой, исходя из внезапно возникшего стечения обстоятельств.

Современная прекарная личность существует в условиях нарастающей скорости изменений, претерпеваемых ее «средой обитания»: прогресс идет настолько быстро, что буквально на ее глазах реальность «устаревает» (материальные объекты, технологии, процессы обучения и пр.), и то же самое происходит с индивидуальным опытом. Это «ускоренное устаревание опыта» (Марквард, 2003) постоянно отбрасывает человека к ситуациям, в которых мир для него снова нов, непонятен, не освоен, что также не дает ему взростеть: он постоянно оказывается в статусе ученика, должного осваивать новое. Из-за этого он реально не успевает накопить опыт, который отличил бы его от ребенка, существующего в том же ученическом статусе. Более того, прекарное состояние не требует делать выводы из появившегося опыта, что усиливает иррациональность мышления: он принимает решения быстро, не застревая в сомнениях и быстро ассимилируя новое. Доверяя случайности, прекарный субъект почти всегда склонен рассматривать их как возможности, поскольку у него нет долгосрочных планов и проектов, которые могут быть ими разрушены.

Одновременно прекарный субъект доверчив: апеллируя к случайности, он вынужден принимать на веру то, чего не поставляет

для принятия решений собственный опыт. О. Марквард предлагает для этого явления красивую метафору «жизнь понаслышке» (там же). Поскольку режим жизни скоростной, человек вынужден обращаться к опыту других, использовать его, опираться на него и доверять ему. Такая «вынужденная вера» также разворачивает современного человека к позиции ребенка, а в качестве последствия имеет неспособность аргументированно различать знание и фикцию. Одновременно это усиливает зависимость от других, особенно в тех областях, в которых у него нет необходимых компетенций, что делает его легкой жертвой манипуляций.

Да и сам опыт, как категория, позволяющая различать ребенка и взрослого, перестает «работать» в условиях неопределенности: поскольку прошлое и будущее становятся радикально непохожими, прошлый опыт оказывается ненужным, бесполезным для будущей жизни, и у взрослеющего человека не оказывается никаких преимуществ перед зрелостью. Это отчетливо видно в том, что набирает силу процесс смены вертикальной социализации горизонтальной: дети социализируются преимущественно в среде сверстников и ровесников, а не во взаимодействии со взрослыми, а взрослым и вовсе приходится учиться/переучиваться на ходу и преимущественно в среде юных. Тот факт, что социализация в современных социумах стремительно становится даже не кофигуративной, а префигуративной, делает привычную взрослость практически невостребованной и выстраивает новый тип «невзрослой взрослой» личности.

Литература

- Губин В. Д.* Проблема «живого» человека // *Miscellanea humanitaria philosophiae: Очерки по философии и культуре.* Вып. 5. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 40–47.
- Марквард О.* Эпоха чуждости миру? // *Отечественные записки.* 2003. № 6.
- Савинков С. Н.* Исследование феноменов «надежда» и «безнадежность» в психологии // *Вестник университета.* 2019. № 8. С. 190–193.
- Стэндинг Г.* Прекариат: Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.
- Хорошилов Д. А.* Онтологическая, социальная и психологическая прекарность: пути взаимодействия в транзитивном обществе // *Новые психологические исследования.* 2021. № 2. С. 64–83.

Событийная перспектива будущего в условиях социальных кризисов*

О. С. Сулим (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
В. В. Нуркова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

В статье рассматривается проблема трансформации образа личного будущего в контексте социальных кризисов: пандемии COVID-19 и специальной военной операции (СВО). В ходе сравнения графических образов будущего в 2019, 2020 и 2022 гг. было выявлено: 1) расширение горизонта планирования при снижении уровня позитивности образа будущего в условиях пандемии COVID-19 и СВО; 2) значимые колебания уровня «сценарности» образа будущего; 3) повышение частоты указания события «моя смерть» в условиях социальных кризисов. При этом не обнаружена связь характеристик образа будущего и самоотчетных данных о толерантности к неопределенности. Полученные результаты обсуждаются в функциональной перспективе использования образа будущего как адаптационного ресурса личности в ситуациях кризиса.

Ключевые слова: проспективная автобиографическая память, образ будущего, неопределенность, линия жизни будущего.

Событийную временную перспективу личности можно рассматривать как карту актуального мотивационного состояния субъекта, призванную обеспечивать навигацию в потоке противоречивых жизненных событий в масштабе продолжительных интервалов времени. Создание подробной карты будущего, учитывающей вероятность, временное расписание и смысловую валентность прогнозируемых событий — ключевая задача развития личности, без решения которой невозможно планомерное успешное осуществление жизненного проекта (Conway et al., 2019). Важно подчеркнуть, что образ будущего с необходимостью включает в себя высокую степень неопределенности. Однако в то время как оценка неопределенности будущего как эпистемологической (принципиальная восполняемость недо-

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-00368.

статка информации за счет познавательной активности) побуждает различные формы деятельного преодоления информационного дефицита и активную жизненную позицию, оценка неопределенности будущего как онтологической (принципиальная невозможность познания будущего) сопряжена с субъективной потерей контроля над своей жизнью, отчуждением и пассивностью. Толерантность к неопределенности является устойчивой индивидуально-психологической чертой, характеризующей тенденцию к стеничной позитивной реакции на вариативность и неполноту ориентировки при реализации действий по достижению целей (Furnham, Marks, 2013). При прогнозировании будущего толерантные к неопределенности личности способны генерировать спектр приблизительно равновероятных гипотез (Смирнов, 2016) и, соответственно, располагают многомерным ментальным пространством будущего. Интолерантные к неопределенности личности, напротив, минимизируют число гипотетических вариантов будущего, ограничивая их наиболее вероятными следствиями уже свершившихся событий, что делает их образ будущего двухмерным, плоскостным. Обе личностные ориентации потенциально имеют свои преимущества и издержки. Вариативный образ будущего продуктивен с точки зрения гибкой реакции на изменения плана, но может сопровождаться низкой настойчивостью и «распылением усилий» в достижении целей. Моновариантный образ будущего, напротив, мобилизует все усилия для единого действия, но может стать дезорганизирующим фактором даже при небольшом отклонении реальности от плана. Существует предположение, что толерантность к неопределенности вносит вклад в эмоциональное отношение к будущему: высокая выраженность данного свойства позволяет видеть в будущем поле для реализации возможностей и в соответствии с этим относится к нему с интересом; низкая выраженность данного свойства ассоциируется с тревогой перед будущим.

Однако экстремальное нарастание неопределенности в сочетании с субъективно высокой вероятностью негативных сценариев развития ситуации могут оказывать деструктивное влияние на в целом достаточно стабильные индивидуальные стили событийной временной перспективы, провоцируя следующую феноменологию: сужение горизонта прогнозирования и планирования; преобладание негативных прогнозов; сверхобобщенность антиципируемых событий; навязчивые интрузии неконтролируемых травмирующих образов вероятного будущего – «флэшфорвардов» (flashforwards); субъективное

обесценивание прошлого и будущего; «вынужденный презентизм» и «новый пессимизм» (см. подробный обзор: Nourkova, Gofman, 2022). С другой стороны, уже получены данные о том, что событийная временная перспектива сама способна выступать в качестве протективного фактора охраны психологического благополучия личности, реагируя на неблагоприятные условия пролонгацией проспективного и ретроспективного временного горизонта; повышением смысловой насыщенности тех событий, которые релевантны фрустрированным ситуацией жизненным темам; сохранением преобладания количества позитивных событий над негативными.

Население РФ последовательно переживает глобальные социальные потрясения: пандемию COVID-19 (2020–2021) и специальную военную операцию (СВО, 2022–настоящее время). По данным Фонда «Общественное мнение», социологические опросы фиксируют нарастание тревожных настроений, о котором в октябре 2022 г. отчитывалось уже 70% опрошенных россиян*. В связи с этим целью эмпирического исследования стал сопоставительный анализ динамики событийной временной перспективы в контексте социальных кризисов для выявления деструктивных, адаптивных и сверхадаптивных паттернов характеристик образов будущего с учетом индивидуальных различий в толерантности к неопределенности.

В исследовании приняли участие 307 респондентов студенческого возраста: 2019 г. – 106 респондентов (M. age = 22,3, SD = 2,28); ноябрь 2020 г. – 106 респондентов (M. age = 19,06, SD = 0,68); октябрь–декабрь 2022 г. – 95 респондентов (M. age = 19,1, SD = 0,68). Сопоставлялись полученные на различных временных срезах данные о событийной временной перспективе, полученные с помощью метода графической истории будущего. Для измерения уровня толерантности к неопределенности использовался «Новый опросник толерантности к неопределенности» (Т. В. Корнилова).

Было обнаружено, что, по сравнению с «контрольным» периодом 2019 г., в условиях пандемии COVID-19, а затем и в период проведения СВО респонденты указывали больше событий будущего и увеличивали протяженность планируемой временной перспективы за счет более позднего возраста последнего прогнозируемого события. Данные результаты могут интерпретироваться как проявление сверхадаптивной функции временной перспективы, так как наличие целостного представления о своем будущем как продолжительном и наполнен-

* URL: <https://fom.ru/Dominanty/14864>.

ном событиями дает возможность выйти за рамки текущего кризиса и сохранить ощущение «авторства» собственной жизни. В то же время было обнаружено планомерное значимое снижение пропорции позитивных событий в образах будущего 2020 и 2022 гг., что можно считать закономерным следствием опыта пандемии COVID-19 и СВО. Однако отметим, что, несмотря на значимое снижение, средний показатель пропорции позитивных событий будущего выборки 2022 г. составил 73%, что не позволяет говорить о тотальной негативизации образа будущего. Напротив, достижение эмоциональной сбалансированности профиля будущего может рассматриваться как адаптивная стратегия, позволяющая прогнозировать будущее более реалистично, предполагая наступление как позитивных, так и негативных событий. Заслуживающим внимания кажется и факт значительных колебаний уровня «сценарности» будущего, т. е. степени ассимиляции типичной событийной номенклатуры культурного жизненного сценария. Во время пандемии COVID-19 уровень сценарности будущего оказался сниженным, однако значительно вырос в период СВО, превысив показатели «спокойного времени» в 2019 г. Значительно упрощая, можно сказать, что в контексте строгих карантинных мер, характеризующихся схлопыванием вариантов активности, рутинизацией, иммобилизацией, гомогенизацией доступной среды и т. п., участники исследования дополняли графические истории будущего яркими, разнообразными, но в целом низковероятными и, скорее, факультативными событиями, функционал которых предположительно заключался в преодолении однообразия повседневности. Контекст военных действий и угроза мирной жизни, наоборот, побудил к генерации максимального количества обычных, базовых, при других обстоятельствах «дефолтных» событий, формирующих прогноз предсказуемого, стабильного, преемственного будущего. Рассмотрение динамики частоты указания события «моя смерть» в графической истории будущего показало, что, если в «спокойное время» данное событие указывалось лишь в 23% протоколов, то в период второй волны пандемии COVID-19 – в 40% протоколов, а в период проведения СВО – в 48%. Необходимо отметить, что во всех трех временных периодах собственная смерть несколько чаще указывалась как нейтральное или позитивное, а не негативное событие. Данные результаты можно интерпретировать в контексте существования двух разных форм осознания смерти (death awareness): тревоги о смерти (death anxiety) и размышлений о смерти (death reflection), которые имеют раз-

личные психологические эффекты (см.: Guerriero, Swim, 2022). Так, тревога о смерти связана с негативными переживаниями и снижением субъективного благополучия, что отчасти купируется использованием различных психологических защит. Напротив, размышления о смерти имеют большую сознательную (а не исключительно эмоциональную, как в случае с тревогой) направленность и связаны с повышением просоциальной мотивации и просоциального поведения. В связи с этим возможно, что преобладание позитивной и нейтральной валентности события «моя смерть» связано с качественно иным типом осознания смерти, при котором это осознание связано с более позитивными психологическими эффектами. Кроме того, указание собственной смерти как события отдаленного будущего может выступать в функции темпорального буфера тревоги об актуальных угрозах. Результаты исследования не позволили выявить взаимосвязи анализировавшихся показателей графической истории будущего и самоотчетных данных по опроснику толерантности к неопределенности. В целом полученные результаты поддерживают трактовку пластичности событийной временной перспективы будущего как психологического ресурса, позволяющего сохранить целостность и согласованность Я вопреки нестабильности внешних условий в ситуациях кризиса.

Литература

- Смирнов С. Д. Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 5–13.
- Conway M. A., Justice L. V., D'Armentau A. The self-memory system revisited // The organization and structure of autobiographical memory. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 28–51.
- Furnham A., Marks J. Tolerance of ambiguity: A review of the recent literature // Psychology. 2013. V. 4. № 09. P. 717–728.
- Guerriero J. G., Swim J. K. Testing the differential effects of death anxiety and death reflection on proenvironmental outcomes // Translational Issues in Psychological Science. 2022. V. 8. № 4. P. 489–502. doi: 10.1037/tps0000334
- Nourkova V. V., Gofman A. A. Event time perspective in adaptation to the COVID-19 pandemic: Preliminary insights from two chinese samples // Timing & Time Perception. 2022. V. 10. № 3. P. 195–222. doi: 10.1163/22134468-bja10051

Психология человеческого бытия и экзистенциальная психология

В. А. Ширяева (МБОУ «СШ № 1», Новый Уренгой)

В статье описаны психодиагностические методы изучения экзистенциально-бытийной сферы личности. Дан анализ некоторым психодиагностическим методикам. Подчеркнута важность использования психодиагностического инструментария при исследовании экзистенциальной структуры личности.

Ключевые слова: экзистенциально-бытийная сфера личности, смысл жизни, мотивация, самоактуализация, психодиагностические методы.

Актуальность исследования заключается в том, что экзистенциально-бытийная сфера личности гармонично функционирует в условиях своевременного обнаружения проблем саморазвития и разрешения внутриличностных конфликтов. В этом контексте приобретает значение психодиагностический инструментарий, позволяющий предупредить или обнаружить проблемы экзистенциального характера (смысл жизни, мотивация, самоактуализация).

Проблема заключается в поиске и анализе психодиагностических источников, изучающих мотивационную сферу личности, ее жизненный мир.

Цель исследования – проанализировать методики, исследующие экзистенциально-бытийную сферу личности.

Существуют различные психодиагностические методы изучения экзистенциально-бытийной сферы личности, обладающие высокой валидностью и надежностью, подтвержденными многочисленными исследованиями: Опросник смыслообразующих ориентаций (Д. Крамбо, Л. Махолик), Шкала субъективного одиночества (Д. Рассел, М. Фергюсон), Опросник макиавеллизма личности (адаптированный вариант В. В. Знаковым МАК-шкалы), Шкала совестливости (В. М. Мельников, Л. Т. Ямпольский), Опросник «Удовлетворенность своей жизнью» (В. Коулман), Опросник «Самоактуализация»

(Э. Шостром), Опросник уровня субъективного контроля (Д. Роттер), Исследование самооотношения личности (С. Пантелеев), Вербальный фрустрационный тест (Л. Собчик) (Петровский, 1993).

Проанализируем некоторые из них.

1. Тест смыслообразующих ориентаций (Д. Крамбо, Л. Махолик. Адаптация Д. Леонтьева).

Данная методика изучает смысложизненные ориентации личности в структуре Я-образа. Диагностика включает в себя 20 жизненных ситуаций, описывающих переживания и состояния, оцениваемые по шкале от 1 до 7 баллов по степени характерности для испытуемого. В структуру показателей входит общий показатель осмысленности жизни, пять субшкал с тремя конкретными смысложизненными ориентациями и двумя локусами контроля («Цели в жизни», «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни», «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией», «Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)», «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни»). При интерпретации теста жизнь предполагается осмысленной, если существует цель, осмысленность при постановке, выборе задач, и удовлетворение от решения задач и достижения цели. Важное значение отводится эмоциональной насыщенности от результатов поступков в прошлом и действий в настоящем времени. Каждая ситуация предоставляет выбор, в основу которого заложен смысл жизни или его отсутствие. Данная методика помогает личности осознать мотивы собственного поведения и корректировать их, исходя из степени удовлетворенности выбором поступков в прошлом и степенью ожидаемых результатов усилий, осуществляемых в настоящем, формирующих смысл жизни и мотивацию к ней в будущем.

2. Опросник «Самоактуализация» (Э. Шостром, адаптация А. Лазукина, Н. Калина).

Данный опросник позволяет установить, в какой степени личность способна раскрыть личный потенциал во взаимодействии с окружающим миром. Тест включает в себя 126 вопросов и 14 шкал. Рассмотрим подробнее шкалы.

- 1) «Ориентация во времени» определяет степень жизни человека «здесь-и-сейчас», способность получать наслаждение от актуального момента времени. Чем выше балл по данной шкале,

тем выше способность осознавать экзистенциальную ценность жизни. Низкий результат говорит о невротической заикленности на прошлых переживаниях.

- 2) «Шкала ценностей» позволяет отделить гармоничное бытие и здоровую коммуникацию с людьми от манипулирования им через призму отношения к таким ценностям, как истина, добро, красота, целостность, жизненность, справедливость, порядок, и многим другим.
- 3) «Взгляд на природу человека» предполагает веру в людей и силу способностей человека. Чем выше показатель, тем устойчивее основание для искренних и гармоничных межличностных отношений.
- 4) «Высокая потребность в познании» раскрывает потребность к новым открытиям, впечатлениям, интерес к осознанию потребностей.
- 5) «Стремление к творчеству и креативность» выражает творческое отношение как неотъемлемый атрибут самоактуализации.
- 6) «Автономность». Означает целостность, полноту, жизненность, самоподдержку, направляемость изнутри, зрелость, свободу и независимость как критерии психического здоровья.
- 7) «Спонтанность» раскрывает способность быть уверенным и доверять окружающему миру в естественном, существующем поведении.
- 8) «Самопонимание». Чем выше балл по данной шкале, тем выше сензитивность по отношению к своим желаниям и потребностям. Низкий показатель означает неуверенность в себе, подверженность влиянию извне.
- 9) «Аутосимпатия» выражается в осознаваемой позитивной «Я-концепции» как основы устойчивой нормальной самооценки.
- 10) «Шкала контактности» изучает коммуникативную сторону личности, умения раскрываться во взаимодействии.
- 11) «Шкала гибкости в общении» раскрывает наличие или отсутствие социальных стереотипов в общении.

Чем выше баллы по шкалам, тем сильнее выражен тот или иной компонент личности. Сверхвысокий балл по шкале означает желаемое, а не действительное состояние компонента личности (Ясперс, 1997).

3. Опросник уровня субъективного контроля (Д. Роттер, адаптация Е. Бажина, С. Голынкиной, А. Эткинда).

Опросник включает в себя 44 утверждения, интерпретацию по семи шкалам: общая интернальность; интернальность в области достижений, в области неудач, в семейных отношениях, в области производственных отношений, в области межличностных отношений, в отношении здоровья и болезни.

Данная методика позволяет изучить поведение личности, исходя из двух видов модели локуса контроля: внутренний (интернальный) и внешний (экстернальный). Люди с интернальным локусом контроля берут на себя ответственность за результаты деятельности. У них выше уровень уверенности в себе, доброжелательности, последовательности, целеустремленности, уравновешенности. Люди с экстернальным локусом контроля склонны перекладывать ответственность за свои действия на окружающих людей, жизненные обстоятельства. Их поведение отличается неуверенностью в себе, высокой тревожностью, конформностью, агрессивностью, неуравновешенностью (Хайдеггер, 1997).

Таким образом, психология бытия и экзистенциальная психология продолжают совершенствоваться в психодиагностическом направлении. Предложенные и проанализированные методики исследования экзистенциально-бытийной сферы личности рекомендуются использовать как для профилактики, так и для разрешения экзистенциальных проблем бытия человека.

Литература

- Петровский В. А.* Феномен субъектности в психологии личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1993.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
- Ясперс К.* Общая психопатология. М.: Практика, 1997.

ДИСКУРС И ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЧЕЛОВЕКА

Социальные функции дискурса в современном российском обществе, традиционные и новые вызовы*

Н. А. Алмаев (ИП РАН, Москва)

В статье рассматриваются социальные функции дискурса, источники повышения его энтропийности и делаются предложения по ее снижению с помощью средств машинного обучения.

Ключевые слова: дискурс, энтропия, социум, психоисторическая травма, классы, группы.

А. В. Брушлинский все-таки, прежде всего, был философом, соответственно, доклад, посвященный его памяти, должен иметь некоторое философское содержание, не быть чисто эмпирическим. В контексте наших усилий как представителей общественного отделения РАН и последователей системного подхода Б. Ф. Ломова философичность означает включенность нашего предмета в более широкую систему общественного взаимодействия, в данном случае — социальной функции рассуждений в исторический контекст. Социальная психология — это все же по существу своему психоистория, сколь бы сомнительными ни казались отдельные научные предприятия в данном направлении. Хотя роль дискурса универсальна в любом обществе, мы будем базироваться на рассмотрении современного российского. Современное состояние российского общества можно охарактеризовать как находящееся в состоянии перехода от индустриополитаризма к классовому обществу, так и не завершенного, протекающего в контексте постоянной модернизации средств производства, в том числе интеллектуальных. Политарное общество (по Ю. И. Семенову) — это некая базовая конструкция, состоящая из бюрократии как правящего класса и мелкой буржуазии. Выделение такой структуры восходит к Марксу, обозначавшему его как азиатский способ производства, характеризующийся отсутствием частной собственности на землю. Древние общества, такие как империи Китая, Египта, Месопотамии

* Выполнено по Госзаданию № 0138-2023-0004.

тами, были агрополитарными системами, а СССР – индустрополитарной. При этом следует отметить, что для психоистории классы играют роль чего-то вроде скелета, к которому крепятся различные и все более мелкие прослойки и группы – аналоги органов и систем – в конце концов, доходящие до отдельной социальной роли, – аналога клетки. Именно так, поскольку один индивидуум может выступать во многих ролях, принадлежать к различным социальным классам, например: наемного работника или мелкого буржуа. При этом социальные трансформации также весьма сложны и неоднородны, например, если крупная буржуазия была довольно быстро ликвидирована после Октябрьской революции, то пролетариат превращался в особый подвид мелких буржуа весьма долго, через постепенные изменения роли профсоюзов. Вероятно, поэтому и на обратном пути к классовому обществу буржуазия намного опередила пролетариат. Следует отметить, что все эти процессы шли в контексте постоянной идеологизации дискурса, т. е. достаточно жесткого навязывания откровенно неадекватных ситуации представлений. Не стоит забывать, что идеология, по Марксу, есть ложное сознание. В настоящее время ситуация еще более осложнилась, единая общая идеология отменена, но это означает лишь усилившийся прессинг множества конкурирующих частных идеологий. Пролетариат и мелкая буржуазия, не проработавшие еще своих психоисторических катастроф, находятся под давлением множества сил и процессов: чиновничества (разных видов), буржуазии (разных видов), китаизации и автоматизации производства, замещающей миграции, трансформации мелкобуржуазной кооперации в симбиотные отношения со сверхкрупными дистрибьюторами, в форме так называемых «маркетплейсов». Выживание в условиях такой «цветущей сложности» требует адекватных представлений как о себе и своей группе, так и о других социальных группах, которые могут оказаться подчас весьма неожиданными союзниками. Если в XIX и XX вв. в качестве организатора политических процессов выступала печать, то теперь данная функция перешла к многообразному общению в Интернете.

Соответственно особую актуальность приобретает способность различать нарративы и дискурсы по их принадлежности к интересам тех групп, которые они выражают. Причем такое представление не может быть навязано извне, это будет ложное сознание, но лишь выработано самими субъектами общения и социального взаимодействия.

Двоякая сложность данной задачи — сложность выражения и (неразрывно связанная с ней) сложность понимания. К первому относится имплицативный (неясный для самого субъекта) характер подлежащего осознанию содержания. Осознать и отреагировать психоисторическую травму, случившуюся за несколько десятков лет до рождения индивидуума, едва ли не сложнее, чем личную психическую. Как представляется, своеобразный жанр романов о «попандацах в прошлое» как раз и служит средством для такого отреагирования. Недостаточность когнитивных ресурсов (по сравнению с масштабом задачи) приводит к постоянному повторению. Как остроумно заметил Стендаль, малообразованным людям повторение заменяет мышление. Цензура идеологии, не позволяющая прямо формулировать сообщения. Множество частных групповых идеологий могут оказывать на принадлежащих к соответствующим группам лиц не меньшее давление, нежели единая общая идеология. В результате осмысленный сигнал тонет в энтропии болтовни. Также следует заметить, что зачастую «докладчики» предоставляют не текст, а свои разговоры, да еще и с видео, дополнительно повышая зашумленность сообщения.

На стороне декодирования также имеются свои источники шумов. Прежде всего потому, что вербализация во многом случайный ассоциативный процесс, причем чем менее человек образован, тем более данный процесс ассоциативный. В результате социальная коммуникация приводит к росту социальной энтропии: индивидуумы не продвигаются в осознании, кто они, в чем их интересы, кто их союзники, кто их оппоненты и в каких именно вопросах, соответственно, лишены субъектности, манипулируемы.

Столь печальное положение дел обуславливает актуальность задачи, адекватной и эффективной автоматической суммаризации вербальных отправлений. Суммаризация должна выделять их основной смысл, основную мысль, быть чем-то вроде «смысловыжималки». Современные технологии векторного представления текстов, как представляется, могут позволить реализацию данной идеи. Тем более в контексте вызовов со стороны генеративных языковых моделей. Адекватным ответом на автоматическое порождение текстов может быть лишь автоматическая же экстракция смыслов. Конечно, суммаризация не решает вопроса имплицитных содержаний, это может сделать только человек, имеющий модель мира. Но адекватная суммаризация уменьшает энтропию текста. В качестве базового требования к «смысловыжималке» выступает то, что на базовом уровне

не она должна оперировать суждениями, а не отдельными словами (Алмаев, Мурашева, 2022; Almayev, 2019). То есть векторы, которыми оперируют модель, относятся к парам слов, связанных отношением «субъект—предикат», это главное условие очеловечивание машинной обработки текста. На базовом уровне не должно быть никакого обучения с учителем. Но вот далее, индивидуумам можно предложить на выбор различные варианты обобщения. Например, вектор какого-либо суждения находится вблизи от двух слов, от векторов двух различных слов. Соответственно, каждое из них может резюмировать его. Право на выбор должно принадлежать индивидууму. Таким образом, он сможет натренировать «смысловыжималку» под свой пристрастный, социально-детерминированный взгляд. Такие процессы могут повысить конфликтность, но они понизят энтропию, как говорится, внесут ясность.

Литература

- Алмаев Н. А., Мурашева О. В.* Тематический анализ дискуссий с применением метода латентного размещения Дирихле // Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7 № 1 (25). С. 47–69.
- Almayev N.* Content Analyses for the Psychological Purposes: Requirements to Software Supporting Tools // Proceedings of the 14th International Conference on Interactive Systems: Problems of Human–Computer Interaction. Ulyanovsk, Russia, September 24–27, 2019. P. 249–254.

Семантико-синтаксическая структура дискурса научных статей отдельных авторов и коллабораций

А. Н. Воронин (ИП РАН, Москва), *А. С. Рафикова* (ГАУГН, Москва)

В статье предпринята попытка оценить различия в научном дискурсе статей, написанных индивидуально и в составе различных коллабораций. Для достижения этой цели проведен реляционно-ситуационный анализ (РСА) текстов научных статей по психологии. Показано, что количество различий между текстами статей отдельных авторов и коллаборативными публикациями существенно выше для теоретических работ и обзоров, по сравнению с экспериментальными и методическими работами. Выявлены наиболее значимые факторы различий семантико-синтаксической структуры дискурса между изучаемыми корпусами текстов.

Ключевые слова: дискурс, коллаборация, семантико-синтаксическая структура текста, реляционно-ситуационный анализ.

Коллаборативное авторство публикаций широко распространено в научной среде. При этом у научного сотрудничества есть ряд преимуществ: доступ к экспертной оценке, доступ к ресурсам, обмен идеями, в том числе в междисциплинарном масштабе, объединение опыта для решения сложных задач, сосредоточенность на собственной деятельности, освоение новых навыков, высокая продуктивность и высокое качество результата (Bukhova, 2010). Достижение целей коллаборации осуществляется с помощью налаживания эффективного взаимодействия «за счет выработки непрерывно согласуемых совместных правил, использования общих систем и инфраструктуры для коммуникаций». Добровольность, доверие и взаимная выгода являются основными принципами научной коллаборации. Результатом научной деятельности, как коллаборативной, так и индивидуальной, являются научные тексты. При этом собственно научную статью можно рассматривать как «сложноорганизованный риторический артефакт», в котором информация и социальное взаимодействие должны быть сбалансированно представлены (Nyland,

1999, p. 341). В научном академическом тексте зафиксированы следующие типы субтекстов: субтекст нового знания, субтекст старого знания, методологический субтекст, субтекст оценки, субтекст авторизации, субтекст адресации, а также периферийный субтекст, представленный аннотацией, ключевыми словами, библиографическим списком и другими периферийными текстовыми фрагментами (Баженова, 2020).

На протяжении последних десятилетий произошел сдвиг в плане восприятия написания научного текста не как обезличенного процесса, а как социального и коммуникативного взаимодействия между автором и читателем. Результатом развития такого подхода к рассмотрению написания научных текстов стал повышенный интерес к изучению таких понятий, как метадискурс и авторский голос. Метадискурс рассматривается как совокупность межличностных ресурсов, используемых для организации дискурса, или авторская позиция в отношении как к своему тексту, так и к читателям (Hyland, 1999). Принято различать 2 типа метадискурса: текстуальный, в который вошли 4 метадискурсивные стратегии: текстовые связи, интерпретаторы, иллокутивные маркеры и нарраторы (цитирование других авторов или других работ автора текста), и интерперсональный метадискурс, представленный 3 стратегиями: маркеры надежности, маркеры отношения и комментарии.

Формирование авторского голоса имеет важное значение при написании научного текста. Хайлэндом была предложена модель, согласно которой делался акцент на важности взаимодействия автора и читателей/других членов научного сообщества при построении авторского голоса (Hyland, 1999). Согласно этой модели, метадискурсивные ресурсы могут быть интерактивными и интеракционными. Интерактивные ресурсы делают текст ясным и связанным, организуют дискурс, подчеркивают главные идеи, заложенные в тексте посредством таких дискурсивных и лингвистических средств, как «переходы», маркеры фрейма, эндофорические маркеры, эвиденциальные конструкции, интерпретаторы, иллокутивные маркеры. Интеракционные ресурсы вовлекают адресата (читателя) в дискуссию и выражают точку зрения автора о пропозициональном содержании.

Совместное написание научных статей представляет собой «итеративный и социальный процесс, в котором участвует группа, сосредоточенная на общей цели, которая осуществляет коммуникацию и координирует свои действия во время создания общего текста» (Lowry

et al., 2004, p. 71). Коллаборативное письмо – это деятельность, которая требует от соавторов быть вовлеченными во все этапы процесса написания текста, разделяя ответственность за этот процесс и авторство всего готового текста. Сопоставление текстов научных статей при индивидуальном и коллаборативном авторстве публикаций представляет собой отдельную и малоизученную задачу. Так, в некоторых исследованиях показано, что коллаборативная работа над текстом положительно влияет на объем текста, количество слов на Т-единицу и количество клауз. В других исследованиях показано, что коллаборативная работа над текстом положительно влияла на лингвистическую точность текстов. Тексты, написанные в коллаборациях, более лексически разнообразные, при этом различий в лексической плотности не было обнаружено. Также показано, что чем больше человек участвует в написании текста, тем большую синтаксическую сложность имеют тексты. С точки зрения комплексной оценки, тексты, написанные коллаборативно, получили более высокие оценки по таким показателям, как организация и сюжет; нарративные техники; язык, грамматика, структура предложения и выбор слов (Fernandez, Dobao, 2012). Таким образом, способ написания научных статей (индивидуальный или совместный) влияет на характеристики научного дискурса и проявляется в синтаксических и семантических особенностях текста. Этим определяется цель исследования – выявление различий лексических, синтаксических и семантических изменений в корпусах текстов научных статей, написанных отдельными авторами и коллаборациями.

Методы

Анализ семантико-синтаксической структуры текстов научных статей по психологии методом реляционно-ситуационного анализа (РСА). Реляционно-ситуационный анализ позволяет выявлять семантику текста, ставя в соответствие синтаксическую структуру предложения логической структуре действий, описанных в этом предложении. РСА позволяет вычислять различные текстовые показатели: синтаксические признаки, семантические роли и связи, показатели принадлежности к словарям различной лексики, показатели теории риторической структуры (RST) для представления логико-когнитивной организации текста – всего 261 показатель. Для проведения анализа было собрано 211 текстов научных статей на русском языке из ве-

дущих психологических журналов, входящих в WoS и Scopus. Треть статей (67) была написана одним автором, у одной трети статей авторство принадлежало малой коллаборации (2–3 автора) и еще одна треть статей была за авторством больших коллаборации (больше 3 авторов). При этом в каждом корпусе текстов одна половина статей была представлена теоретическими работами и обзорами, а вторая – экспериментальными и методическими. Общий объем текстов составил более 6395k знаков. Для статистических расчетов использовался пакет PASW Statistics v. 18.

Результаты

Был проведен расчет показателей PCA для каждого из 211 текстов. Всего рассчитывалось 261 показатель в абсолютных и нормализованных значениях относительно количества слов в текстах. Оценка сдвига между показателями PCA проводилась попарно между корпусами текстов, написанных индивидуально и коллаборативно для теоретических статей и статей, посвященных экспериментальным исследованиям по нормализованным значениям показателей с помощью теста Манна–Уитни. При сравнении каждого признака между группами обе выборки очищались от выбросов при помощи межквартильного интервала и проверялись на нормальность распределение. Для анализа были оставлены показатели, где p -value было меньше 0,05 для указанной пары. Сравнение текстов статей отдельных авторов и коллабораций по всем работам показало, что имеются значимые различия по 19 различным показателям PCA, при этом для теоретических статей и обзоров количество значимых различий равно 32, а для экспериментальных и методических – 14. Если сравнить между собой статьи, написанные индивидуально, малыми и большими коллаборациями по всем направлениям, то максимальное количество различий наблюдаются между теоретическими работами и обзорами, написанными большими коллаборациями и статьями по результатам экспериментальных исследований, и написанными отдельными авторами (по 56 показателям). Минимальные различия наблюдается между экспериментальными статьями отдельных авторов и больших коллабораций.

Для описания различий в структуре данных между текстами статей отдельных авторов и коллаборативными публикациями был использован один из способов факторного сравнения структур двух вы-

борок – метод объединения данных (pooled data method). При этом было выявлено, что в теоретических работах и обзорах наиболее весомыми являются факторы, связанные с обстоятельностью описания условий с использованием уникальных слов, большей средней глубиной дискурсивного дерева и большим количеством подлежащих, выраженных местоимениями. Для экспериментальных работ наибольший вес имеют факторы, связанные с использованием местоимений первого лица, ассертивов и различных лингвистических приемов, направленных на снижение иллокутивной силы высказываний.

Литература

- Баженова Е. А.* Структура нового знания в научном тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (210). С. 144–151. doi: 10.23951/1609-624X-2020-4-144-151
- Bukvova H.* Studying research collaboration: a literature review // All Sprouts Content. 2010. V. 10. № 3. P. 326. URL: https://aisel.aisnet.org/sprouts_all/326.
- Fernandez Dobao A.* Collaborative writing tasks in the L2 classroom: Comparing group, pair and individual work // Journal of Second Language Writing. 2012. V. 21 (1). P. 40–58. doi: 10.1016/j.jslw.2011.12.002
- Hyland K.* Talking to students: Metadiscourse in introductory course books // English for Specific Purposes. 1999. V. 18 (1). P. 3–26. doi: 10.1016/S08894906(97)00025-2
- Lowry P. B., Curtis A., Lowry M. R.* Building a Taxonomy and Nomenclature of Collaborative Writing to Improve Interdisciplinary Research and Practice // The Journal of Business Communication. 2004. V. 41 (1). P. 66–99. doi: 10.1177/0021943603259363

Вариативность когнитивного пространства в зависимости от контекста: от пространства признаков к пространству контекстов

Н. Б. Горюнова (ИП РАН, Москва), А. Н. Воронин (ИП РАН, Москва)

Сложный и динамичный характер когнитивной деятельности обусловлен структурными особенностями конкретной ситуации или контекста. Контекст определяет значимые параметры когнитивного пространства в данный момент, что приводит к различию между стабильными характеристиками пространства и ситуативными, которые временно активируются различными ситуациями или контекстами. Пространственно-временная организация когнитивной системы позволяет перейти от описания пространства признаков к описанию пространства контекстов. Контекстно-смысловой подход дает возможность сформировать пространство контекстов и работать с данными произвольной природы.

Ключевые слова: когнитивное пространство, ментальная репрезентация, пространство признаков, контекст.

Сложный, контекстно-зависимый и динамичный характер когнитивной деятельности является важной составляющей когнитивного развития (Constantino et al., 2021). Когнитивная деятельность зависит от структурных особенностей конкретной ситуации, включая социальный, физический, институциональный и другие контексты. В неопределенных и меняющихся условиях решение разного типа задач основывается на ограниченной информации и требует постоянного обучения и адаптации. Еще ранние исследования показали зависимость восприятия от предыдущего опыта, исходных данных и контекста, например закон Вебера–Фехнера. Взаимодействие индивидуума с более широким окружением изучалась в рамках теории аффордансов Гибсона, а также теории воплощенного познания.

Изучение «когнитивной деятельности в контексте» позволяет описывать когнитивные процессы в более широкой социальной и биофизической среде, более тонко оценивать неоднородность контекста

и более точно прогнозировать решения проблем в ответ на изменения в окружающей среде. Определенные характеристики конкретной ситуации временно активируют подмножество ситуационных когнитивных переменных из большего набора стабильных и латентных параметров когнитивной системы.

Когнитивный процесс, посредством которого конструируется предпочтение одного действия другому в зависимости от контекста, опыта или информации описывается в разных теориях научения. Например, модели обучения с подкреплением были адаптированы для описания обучения в изменяющихся условиях. В этих моделях человек с ограниченными знаниями об окружающей среде делает выборку параметров окружающей среды посредством включения новой информации в структуру текущих знаний. Обучение с подкреплением может формироваться как с использованием ментальных моделей, так и без них. При обучении на основе моделей человек изучает абстрактную модель окружающей среды, которая может облегчить планирование и быстрое реагирование на изменяющиеся обстоятельства. В обучении без моделей опыт используется напрямую и многократно для консолидации связи между поведением и результатом.

Контекст определяет значимые параметры когнитивного пространства в данный момент, что приводит к различию между стабильными характеристиками пространства и ситуативными, которые активируются различными контекстами. Когнитивная деятельность варьирует в зависимости от времени, пространства и фона, на котором она происходит, поэтому теории, рассматривающие ситуационные факторы и зависимость от контекста, важны для ее понимания. Например, в теориях избирательного внимания внешняя среда является сигналом, который фокусирует ограниченные ресурсы внимания на определенных аспектах и может запускать доминантные реакции. Точно так же теория аффордансов объясняет, как физические элементы окружающей среды влияют на восприятие, формируя соответствующее поведение. Теории воплощенного познания подчеркивают, что когнитивная деятельность обусловлена уникальным сенсомоторным профилем и эти способности встроены в биофизический, культурный и социальный контекст (Constantino et al., 2021).

Гипотетически когнитивную систему можно рассматривать как многомерное когнитивное пространство (КП), сложность, топологическая и метрическая определенность которого возрастает в процессе когнитивного развития. Сложность когнитивной системы

приводит к увеличению мерности пространства, отражающей разные свойства и отношения действительности, или же к увеличению «дробности» каждой из его осей, что связано с увеличением метрической определенности.

Субъективное пространство (СП) представляется как множество элементов субъективного мира человека, связанных определенными отношениями. Простейшим видом таких отношений выступает сравнение объектов (образов, понятий и т. п.) по субъективному критерию, интерпретируемое в терминах различия или сходства (близости). В зависимости от задач, которые решает исследователь, выделяют разные виды СП (ощущений, понятий, признаков, контекстов и т. д.), которые являются одним из эвристических приемов изучения индивидуальной системы значений, структурирующих характеристики физической и социальной действительности. Однако существует проблема использования структурных параметров СП в качестве диагностического инструментария из-за их динамичности и зависимости от контекста.

Под КП понимается СП признаков, т. е. актуальное ментальное пространство, в котором субъект реконструирует модель задачи, и определяется как множество когнитивных элементов (признаков), симультанно активизирующихся в процессе решения задач (Воронин, Горюнова, 2016). Гипотетически активизация конкретного набора признаков зависит от контекста. Как и любое пространство, оно обладает свойствами размерности, проницаемости, динамичности, а также сложностью и структурированностью составляющих его компонентов. Мерность КП как показатель структурированного сжатия множества когнитивных элементов (признаков), симультанно активизируемых и поддерживаемых в активном состоянии в процессе познавательной активности, является проявлением когнитивного ресурса индивида. Одним из методов моделирования СП является метод многомерного шкалирования (МШ), который моделирует сходство или близость пар стимулов, представляя каждый стимул как точку в многомерном пространстве. Сходство отражает основной когнитивный процесс обобщения, отражающий способность делать адаптивные предсказания о свойствах и последствиях.

Ментальные репрезентации, выявленные с помощью методов МШ, широко используются в когнитивных моделях процессов идентификации, категоризации и принятия решений (Nosofsky, 2020). В теории ментальной репрезентации подчеркивается роль, которую мет-

рическая структура пространства играет в улавливании ключевых психологических свойств стимулов. Идея состоит в том, что разные метрики фиксируют теоретическое и эмпирическое различие между дискретными и интегральными стимулами. Дискретные стимулы — это стимулы, размерность компонентов которых можно рассматривать отдельно. Примером могут служить разные формы разных размеров, поскольку люди могут выборочно обращать внимание либо на форму, либо на размер. К интегральным стимулам относят стимулы, для которых компоненты не могут быть рассмотрены независимо друг от друга. К таким стимулам относится цвет, поскольку трудно выборочно обращать внимание на основные компоненты оттенка, насыщенности и яркости. Ментальные репрезентации, реконструируемые с помощью метода МШ, позволяют делать предположения о метрической структуре пространства и использовать метрики, отличные от евклидовой (Gronau, Lee, 2020).

Анализ моделей, основанных на методе МШ и использующих психологически интерпретируемые метрики (евклидовые и неевклидовые), позволяет предположить, что размерность и тип метрической структуры КП может являться индикатором полноты репрезентаций ключевых признаков объектов и их релевантности конкретной ситуации или контексту.

В контекстно-смысловом подходе информация обрабатывается и преобразовывается, исходя из ожидаемого контекста, и представляется в форме семантических описаний, хранящихся в памяти, которые могут быть задействованы в реконструкции образов и картинок окружающей реальности. Подобная когнитивная архитектура позволяет работать со смыслом, непосредственно вытекающим из контекста, что объясняет многозначность понятий (Редозубов, 2021).

В классической парадигме каждое понятие характеризуется набором признаков, однако изменение контекста меняет и набор определяющих эти понятия признаков. Релевантность трактовки понятия описываемому явлению можно оценить через сравнения элементов опыта, хранящихся в памяти в виде структуры знаний. Схожесть оценки вероятности присутствия понятий в одних и тех же ситуациях определяет их близость в семантическом пространстве, что позволяет рассчитать матрицу близостей, отражающую внутреннюю структуру пространства понятий.

Пространственно-временная организация когнитивной системы позволяет перейти от описания пространства признаков понятий

к описанию пространства контекстов (ПК). ПК можно представить как многомерное метрическое пространство, в котором расположение контекстов будет соответствовать расстояниям между ними (похожие контексты будут располагаться рядом). ПК должно быть достаточно полным по отношению к описываемому явлению (ситуации), что, в свою очередь, порождает набор возможных релевантных смыслов. Представление о ПК предполагает адаптацию структурных компонентов когнитивного ресурса (памяти, внимания и т. д.) к контекстному переносу. Способность создавать развитую систему адекватных контекстных переносов связывается с креативностью: только далекий, но адекватный контекстный перенос может привести к появлению принципиально нового (Редозубов, 2021). В контекстно-смысловом подходе многообразие окружающего мира описывается системой ограниченного числа понятий, а информация приобретает определенные трактовки только в контекстах. Контекстно-смысловой подход дает возможность сформировать ПК для любой информации и может работать с данными произвольной природы.

Литература

- Воронин А. Н., Горюнова Н. Б.* Когнитивный ресурс: структура, динамика и развитие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Редозубов А. Д.* Формализация смысла. Ч. 2. Пространство контекстов // *Онтология проектирования*. 2021. Т. 11. № 3 (41). С. 309–319.
- Constantino S. M., Schliüter M., Weber E. U., Wijermans N.* Cognition and behavior in context: a framework and theories to explain natural resource use decisions in social-ecological systems // *Sustainability Science*. 2021. V. 16. P. 1651–1671.
- Gronau Q. F., Lee M. D.* Bayesian inference for multidimensional scaling representations with psychologically interpretable metrics // *Computational Brain & Behavior*. 2020. V. 3. P. 322–340.
- Nosofsky R. M., Sanders C. A., Meagher B. J., Douglas B. J.* Search for the missing dimensions: building a feature-space representation for a natural-science category domain // *Computational Brain & Behavior*. 2020. V. 3. P. 13–33.

Интенциональный аспект взаимодействия в экологическом интернет-дискурсе*

И. А. Зачесова (ИП РАН, Москва)

Представлены результаты анализа особенностей интенциональной организации и взаимодействия коммуникантов в экологическом дискурсе. Показано, что дискурсы, формирующиеся в Интернете при обсуждении глобальных и локальных экологических проблем, имеют различные интенциональные основания реализации взаимодействия.

Ключевые слова: сетевой экологический дискурс, речевые интенции, интенциональная организация, отношения доминирования-подчинения, взаимодействие.

В современном обществе в социальных сетях и других интернет-площадках активно обсуждаются проблемы эволюции и сохранения окружающей среды. Экологическому интернет-дискурсу принадлежит определяющая роль в формировании групповых представлений о реальности эволюции среды обитания человека, коллективного экологического сознания. Особую актуальность в этом контексте приобретает изучение экологического интернет-дискурса, содержание которого является откликом на резонансное экологическое событие или сообщение о нем (Зачесова, 2022).

Настоящее исследование нацелено на выявление интенциональных оснований реализации взаимодействия коммуникантов в экологическом интернет-дискурсе. В фокусе внимания были интенциональные основания реализации взаимодействия в аспекте доминирования-подчинения в дискурсах, характеризующихся разным уровнем глобальности обсуждаемых экологических проблем.

В качестве основного метода оценки интенционального содержания дискурса выступал интент-анализ, метод, позволяющий реконструировать стоящие за речью интенции субъектов общения и выявлять элементы интенционального содержания, сопряженные с текущим взаимодействием, коммуникативными тактиками, ри-

* Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2023-0004.

торическими приемами (Павлова, Гребенщикова, 2017). Для оценки взаимоотношений доминирования – подчинения, реализуемых коммуникантами в ходе взаимодействия, использовалась методика Роджерс–Миллара (Rogers, Millar, 1979).

Для оценки различия в распределении частот интенций (и паттернов) использовался критерий χ^2 Пирсона, для оценки различий в выраженности долей и пропорций – критерий χ^2 Пирсона с поправкой Йетса на непрерывность. Для расчета использовалась программа Statistica v. 10.

Материал исследования: аутентичные комментарии обсуждений глобальных экологических проблем («Лесные пожары», «Мусорные свалки») и локально значимых проблем, в решение которых коммуниканты могут внести конкретный вклад («Сортировка мусора», «Экономия воды»), на интернет-площадках Ответы mail.ru, в новостной ленте Яндекс.Дзен и в социальной сети «В контакте». Отбирались популярные сообщения, получившие более 40 комментариев. Всего 239 комментариев. В обсуждениях участвовали 73 человека.

На первом этапе исследования в качестве основного метода оценки интенциональной организации дискурса выступал интент-анализ. Использовались следующие показатели: основные референциальные объекты – упоминаемые в речи объекты, на которые направлены интенции коммуниканта; интенциональная категория – название интенции, интенция определенного вида; реализация интенций – проявление интенций данной категории в речи. Выделялись группы интенций: 1) негативные, связанные с критикой, дискредитацией и/или дистанцированием; 2) нейтральные, направленные на анализ ситуации, точки зрения собеседника, выражение своей позиции; 3) позитивные, служащие поддержке, консолидации, воодушевлению и др.

Были выделены 33 интенциональные категории, реализуемые в отношении интерактивных («Собеседник», «Сообщество») и топик-объектов («Лесные пожары», «Мусорные свалки», «Экономия воды», «Власть», «Виновные», «Чиновники» и др.).

Второй этап исследования посвящен интенциональным основаниям взаимодействия в аспекте реализации доминирования-подчинения. С помощью методики Роджерс–Миллара каждому коммуникативному ходу собеседника с учетом целостного интенционального контекста дискурса приписывался тип реализуемой позиции – доминантной (↑), подчиненной (↓) или нейтральной (→).

Соотнесение данных анализа интенциональной направленности парных реплик и их квалификации по типу доминирования—подчинения позволило выделить паттерны, в которых реализуются складывающиеся в дискурсе отношения и взаимодействие собеседников. По типу доминирования—подчинения было выделено 5 паттернов (типов) согласования реплик: комплементарное подчинение ($\uparrow\downarrow$), симметричное доминирование ($\uparrow\uparrow$), уход от линии доминирования—подчинения ($\uparrow\rightarrow$), нейтральная симметрия ($\rightarrow\rightarrow$), доминирование в ответ на нейтральную позицию ($\rightarrow\uparrow$). Взаимодействующие позиции в отношении доминирования—подчинения реализуются коммуникантами в соответствующих интенциональных паттернах.

Сравнительный анализ результатов первого этапа исследования показал, что сетевые экологические дискурсы, формирующиеся в Интернете при обсуждении глобальных экологических и локально возникающих проблем, в решение которых коммуниканты могут внести конкретный вклад, имеют свою специфику интенциональной организации. При сходном распределении позитивных, негативных и нейтральных интенций дискурсы различаются по частоте упоминания в обсуждениях интерактивных референциальных объектов и топик-объектов. Если оценить представленность референциальных объектов по направленным на них интенциям, то выяснится, что при обсуждении глобальных проблем чаще актуализируются топик-объекты, а в обсуждении проблем локальных превалирует направленность на интерактивные объекты (71/39 и 32/84, соответственно, $\chi^2 = 14,86$ при $p < 0,001$).

В глобальных обсуждениях негативные интенции (составляют 40%), реализуемые в отношении топик-объектов, связаны с критикой и дискредитацией, выражением негативного отношения к возникшей экологической ситуации (предостеречь, выразить опасение, выразить сожаление, критиковать, выразить возмущение и пр.). При этом коммуниканты проявляют единодушие и солидарность в отношении обсуждаемых топик-объектов. Нейтральные интенции (составляют 42%) направлены на обсуждение возможностей предотвращения опасной экологической ситуации и ликвидации ее негативных последствий (аргументировать, пояснить, поделиться, выразить мнение и пр.).

Дискурсам, формирующимся при обсуждении локальных проблем, также главным образом присущи интенции негативной (составляют 36%) и нейтральной (составляют 53%) направленности. Но в них превалирует направленность на интерактивные объекты (84/32, $\chi^2 = 20,28$ при $p < 0,001$). Коммуниканты не только анализируют возможные эко-

логичные действия, мнения собеседников, выражают собственное мнение, делятся опытом (нейтральные интенции: выразить мнение, сообщить, выяснить, аргументировать и пр.), но и оспаривают мнение друг друга, критикуют и высмеивают его, выражают возмущение и оскорбительно высказываются в адрес партнера (негативные интенции: возразить, критиковать, обвинить, высмеять, оскорбить и пр.).

Соотнесение данных анализа интенциональной направленности парных реплик и их квалификации по типу доминирования—подчинения на втором этапе исследования позволило выделить интенциональные паттерны, в которых реализуются складывающиеся в дискурсе отношения и взаимодействие собеседников. При сходном распределении позитивных, негативных и нейтральных интенций паттерны согласования реплик по типу доминирования—подчинения различаются по частоте реализации в обсуждениях как глобальных ($\chi^2 = 35,73$ при $p < 0,001$), так и локально возникающих ($\chi^2 = 36,18$ при $p < 0,001$) проблем.

В обсуждениях глобальных проблем взаимодействие коммуникантов в большей мере реализуется по линии комплементарного подчинения ($\uparrow\downarrow$) и нейтральной симметрии ($\rightarrow\rightarrow$). Оба паттерна проявляются чаще остальных ($p < 0,001$, $p < 0,05$), но между ними самими нет различия в частоте проявления. Дополнительно выяснилось, что нет различий в частотах проявления $\uparrow\rightarrow$ и $\rightarrow\uparrow$, а также $\uparrow\uparrow$ паттерн проявляется чаще, чем $\rightarrow\uparrow$ паттерн. Эти данные требуют проверки на большей выборке в связи с невысокой частотой реализации паттернов. Кооперативный характер взаимодействия собеседников в обсуждении глобальных проблем соотносится с комплементарностью их отношений. В сопряженных репликах, согласованных по типу комплементарного подчинения, в ответ на реплику, выражающую доминантную позицию, партнер соглашается, поясняет и уточняет свою позицию, высказанную ранее (интенциональные паттерны: критиковать — выразить согласие; выразить мнение — выразить согласие; упрекнуть — оправдаться и пр.). В случае согласования реплик по типу нейтральной симметрии собеседники поддерживают шутки друг друга, уточняют информацию (интенциональные паттерны: пошутить — пошутить; сообщить — уточнить; пошутить — уточнить; пояснить — уточнить и пр.).

При обсуждении локальных проблем взаимодействие коммуникантов в большей мере реализуется по линии симметрии доминирования ($\uparrow\uparrow$) ($p < 0,001$).

При таком согласовании парных реплик проявляется своего рода противостояние партнеров. В случае жесткого следования своим интересам обоюдное стремление настоять на своем проявляется в выражении, высказывании недовольства, упреках в адрес собеседника (интенциональные паттерны: выразить мнение – выразить мнение; напомнить – возразить; убедить – убедить; выразить мнение – обвинить; выразить мнение – оскорбить). Эта ситуация соотносится с конфронтацией собеседников и ростом интенций конфликтного содержания. На отдельных участках обсуждения конфронтация коммуникантов проявляется в доминировании в ответ на нейтральную позицию партнера: нейтральное высказывание служит поводом «придаться», отстоять свою позицию, высказать упрек (интенциональные паттерны: предположить – возразить; сообщить – выразить недовольство; выразить сожаление – обвинить).

По результатам анализа можно заключить, что сетевые экологические дискурсы, развертывающиеся в Интернете при обсуждении глобальных экологических проблем и проблем, локально возникающих, имеют разные интенциональные основания взаимодействия в аспекте реализации доминирования–подчинения. Кооперативный характер взаимодействия собеседников в обсуждении глобальных проблем соотносится с комплементарностью их отношений, взаимодействие реализуется по линии комплементарного подчинения ($\uparrow\downarrow$) и нейтральной симметрии ($\rightarrow\rightarrow$). Коммуниканты проявляют единодушие и солидарность в отношении сложившейся экологической ситуации и ликвидации ее негативных последствий. Конфронтация собеседников проявляется при обсуждении проблем, в решение которых каждый может внести свой вклад, и реализуется в согласовании реплик по типу симметрии доминирования ($\uparrow\uparrow$) и доминирования в ответ на нейтральную позицию ($\rightarrow\uparrow$).

Литература

- Зачесова И. А. Интенциональная организация экологического интернет-дискурса // Евразийское научное объединение. 2021. Т. 8. № 4 (78). С. 264–268.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А. Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Rogers L. E., Millar F. Domineeringness and dominance: a transactional view // Human Communication Research. 1979. V. 5. № 3. P. 238–246.

Измерение состояния нарративной транспортиции у русскоязычных кинозрителей

Т. А. Кубрак (ИП РАН, Москва), *А. А. Старостина* (ГАУГН, Москва)

В статье представлен подход к оценке психологического состояния зрителей в процессе просмотра кинофильмов. Обосновывается применение психометрического инструмента Шкалы нарративной транспортиции (Transportation Scale, TS), разработанной в рамках теории транспортиции (Transportation Theory) и в настоящее время проходящей адаптацию и апробацию на русскоязычных кинозрителях. Приводятся данные о связи уровня транспортиции с половыми и индивидуально-психологическими характеристиками, полученные с использованием русскоязычной версии Шкалы нарративной транспортиции.

Ключевые слова: психология кино, нарративная транспортиция, Шкала нарративной транспортиции, нарратив, психологическое воздействие кино, кинодискурс.

Психология кино в современной психологической науке выделилась в отдельную область исследований, которые в условиях активно развивающегося информационного общества приобрели новую значимость (Кубрак, Латынов, 2019). Несмотря на то, что в отечественной науке еще не накопилось достаточного количества таких работ, круг уже затронутых в них вопросов довольно широк – от анализа закономерностей выбора фильмов, включая выявление психологических особенностей любителей определенных жанров, до изучения восприятия и воздействия кино: изменения Я-концепции и представлений зрителей в результате просмотра, зависимости воздействия фильмов от их жанровой принадлежности, влияния сцен насилия на агрессивное поведение, кросс-культурных различий в восприятии фильмов и др. Причем если в исследованиях кинопредпочтений уже складываются определенные методические подходы к их изучению, то отечественные исследования восприятия и воздействия кино на данный момент не имеют специального психометрического инструмента, поз-

воляющего оценить психологические состояния зрителей в момент их взаимодействия с фильмом.

Анализ зарубежных работ в области психологии кино обнаруживает наличие таких разработок, выполненных в рамках уже сформированных теоретических подходов, и их использование позволяет решать широкий круг актуальных вопросов (Кубрак, Латынов, 2019). Так, теория транспортиции (Transportation Theory), разработанная американскими исследователями М. Грин и Т. Брокком с соответствующим психометрическим инструментом — Шкалой транспортиции (Transportation Scale, TS), утверждает, что степень погруженности человека в нарратив коррелирует с эффективностью его влияния на убеждения человека, причем вне зависимости от того, вымышленными или реальными являются представленные в нарративе события (Green, Brock, 2000). В состоянии нарративной транспортиции происходит отстранение от реального мира в пользу мира повествования, переживаются сильные эмоции, меняются убеждения, связанные с сюжетом, и, как следствие, поведение, им соответствующее. Более высокий уровень нарративной транспортиции, как правило, способствует усилению воздействия нарратива.

Шкала нарративной транспортиции (Transportation Scale, TS) представляет собой форму самоотчета с набором утверждений, оцениваемых по 7-балльной шкале Ликерта, которая заполняется респондентом после предъявления стимульного материала. Шкала транспортиции отражает 5 аспектов погруженности в нарратив: эмоциональная вовлеченность, направленное внимание, чувство напряженного ожидания, отсутствие осознания окружающей действительности и сформированность ярких образов. Шкала включает в себя 15 пунктов, 11 из них направлены на выявление общих особенностей транспортиции, а 4 касаются образов главных героев конкретного нарратива (адаптируются под стимульный материал путем включения в них имен персонажей). Авторы выделили три фактора, которые интерпретируются как три аспекта транспортиции — когнитивный, эмоциональный и образный. Они составляют общий фактор нарративной транспортиции, отражающий целостный опыт погруженности в нарратив.

На данный момент нами завершается адаптация и апробация русскоязычной версии Шкалы нарративной транспортиции. Адаптация была произведена методом двойного прямого—обратного перевода и включала в себя тестирование предфинальной версии опросника

на 15 респондентах с последующей корректировкой формулировок опросника до итоговой версии. Апробация состояла из двух этапов. Первый этап осуществлялся на выборке из 1171 чел.: 49,3% мужчин и 50,7% женщин (577 мужчин и 594 женщины); возраст респондентов – от 17 до 29 лет ($M = 19,8$, $SD = 1,9$). В качестве стимульного материала использовался короткометражный фильм «Боллезнь роста» (2021, реж. Э. Роднянская), выбранный в соответствии с критериями качественных нарративов (Green, 2021) как фильм с ожидаемо высоким уровнем транспортиции. На втором этапе для дополнительной проверки конструктивной валидности часть респондентов (46 чел.) смотрела другой короткометражный фильм – «А если нас не будет?» (2012, реж. Г. Киселев), оцененный как фильм с ожидаемо низким уровнем транспортиции. По результатам первого этапа апробации можно говорить о структуре, внутренней согласованности и валидности русскоязычной версии методики.

Помимо валидирующих методик – «Диагностика переживания в деятельности», «Опросник эмоциональной эмпатии» (Emotional Empathic Tendency Scale, EETS) А. Мехрабиана и Н. Эпштейна в адаптации Ю. М. Орлова и Ю. Н. Емельянова, «Шкала потребности в познании» (The Need for Cognition Scale, NCS) в адаптации С. А. Щербетенко – на первом этапе исследования использовалась Сверхкраткая версия Big Five Inventory – 2 (BFI-2-XS) (Мишкевич и др., 2022) для анализа связей индивидуально-психологических характеристик с уровнем нарративной транспортиции. В результате апробации нового психометрического инструмента были получены первые данные об особенностях состояния транспортиции на выборке русскоязычных кинозрителей и о связи пола и черт личности с уровнем транспортиции.

Обнаружены значимые различия в уровне нарративной транспортиции у мужчин и женщин (t -критерий Стьюдента, $p = 0,000$) при просмотре одного и того же фильма. У женщин в среднем выше как общий уровень транспортиции (63,25, у мужчин – 57,82), так и показатели по отдельным факторам: когнитивный (25,31, у мужчин – 22,29), аффективный (15,06, у мужчин – 14,25), образный (22,89, у мужчин – 21,28). Однако ранее проведенные исследования, выполненные в рамках теории транспортиции, не выявили значимых половых различий в уровне нарративной транспортиции (Green, 2021; Green, Brock, 2000; Green et al., 2008; и др.). Полученный нами резуль-

тат может объясняться эффектом, который дает большая близость конкретного фильма к определенной аудитории, делая тот или иной нарратив более транспортабельным для нее (например: Green, Brock, 2000). В нашем исследовании более высокий уровень транспортиции у женщин может быть вызван тем, что главная героиня фильма – тоже женщина, и это может приводить к более сильной с ней идентификации женской части аудитории; сам сюжет также раскрывается с женской точки зрения, дополнительно усиливая погруженность в нарратив. Выявленные различия демонстрирует то, что особенности самого нарратива и его качество являются одними из основных факторов уровня нарративной транспортиции. Перспективой дальнейших исследований могло бы стать изучение связи идентификации и нарративной транспортиции, что, однако, затруднено в настоящее время в связи с отсутствием русскоязычной версии специального опросника для измерения идентификации зрителей с героями фильма.

Обнаружены значимые корреляции между уровнем нарративной транспортиции и чертами личности «Большой пятерки». Так, экстраверсия положительно связана с общим уровнем транспортиции ($r=0,080$, $p<0,01$), когнитивным ($r=0,091$, $p<0,01$) и образным факторами ($r=0,072$, $p<0,05$). Добросовестность (контроль импульсивности) имеет значимую отрицательную связь с образным фактором ($r=-0,066$, $p<0,05$). Негативная эмоциональность (нейротизм) обнаруживает значимые положительные связи с общим уровнем транспортиции ($r=0,130$, $p<0,01$), а также с когнитивным ($r=0,098$, $p<0,01$), эмоциональным ($r=0,090$, $p<0,01$) и образным факторами ($r=0,126$, $p<0,01$). Доброжелательность (склонность к согласию) положительно связана с общим уровнем транспортиции ($r=0,182$, $p<0,01$), а также с когнитивным ($r=0,209$, $p<0,01$), эмоциональным ($r=0,106$, $p<0,01$) и образным ($r=0,123$, $p<0,01$) факторами. Открытость опыту имеет значимые положительные связи с общим уровнем транспортиции ($r=0,139$, $p<0,01$), а также с когнитивным ($r=0,141$, $p<0,01$) и образным ($r=0,134$, $p<0,01$) факторами. Выявленные слабые корреляции позволяют предположить, что уровень нарративной транспортиции в большей степени зависит от фильма и меньше связан с чертами личности. Тем не менее, данные предположения нуждаются в дополнительной проверке. В связи с этим наибольший интерес по результатам работы представляет влияние таких черт, как Доброжелательность, Нейротизм и Открытость опыту.

Литература

- Кубрак Т. А., Латынов В. В. Психология кинодискурса: факторы выбора, восприятие, воздействие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Мишкевич А. М., Шебетенко С. А., Калугин А. Ю., Сото К., Джон О. Апробация краткой и сверх-краткой версий вопросника Big Five Inventory – 2: BFI-2-S и BFI-2-XS // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 1. С. 95–108. doi: 10.31857/S020595920017744-4
- Green M. Transportation into narrative worlds // Entertainment-education behind the scenes: Case studies for theory and practice / Eds L. B. Frank, P. Falzone. Palgrave Macmillan, 2021. P. 87–102.
- Green M. C., Brock T. C. The role of transportation in the persuasiveness of public narratives // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. V. 79. P. 701–721. doi: 10.1037/0022-3514.79.5.701
- Green M. C., Kass S., Carrey J., Herzog B., Feeney R., Sabini J. Transportation across media: Repeated exposure to print and film // Media Psychology. 2008. V. 11. № 4. P. 512–539. doi: 10.1080/15213260802492000

Дискурс о пандемии коронавируса и психологические особенности его реципиентов*

В. В. Латынов (ИП РАН, Москва)

В статье представлены результаты эмпирического исследования психологических особенностей людей, занявших под воздействием дискурса о пандемии полярные позиции в отношении профилактики коронавирусной инфекции. Выделено три психологических типа (Рациональный, Уязвимый, Конформный) среди тех, кто активно соблюдал рекомендации по профилактике, и два типа (Незащищенный, Неуязвимый) – среди слабо их соблюдавших. Выявлено три типа лиц, обнаруживающих позитивное отношение к вакцинации (Уязвимый, Конформный, Рациональный), и три типа – в группе с негативным к ней отношением (Неуязвимо-ответственный, Неуязвимо-безответственный, Уязвимый). Для каждого типа был характерен специфический набор личностных особенностей, стратегий совладания и представлений о пандемии.

Ключевые слова: дискурс, коронавирус, рекомендации по профилактике, вакцинация, личностные черты, стратегии совладания, представления о пандемии.

Пандемия коронавируса, оказывая существенное влияние на все сферы жизни общества, сопровождается и мощным информационным полем. Речь идет, в частности, о распространении разнообразной информации, касающейся основных способов борьбы с коронавирусной инфекцией: выполнения мер профилактики (ношение масок, поддержание дистанции и др.) и вакцинации. Эффектом ее распространения является формирование у населения соответствующих установок и убеждений, на основании которых и принимается решение о выполнении мер профилактики или вакцинации.

В этой связи закономерно возникает вопрос, каковы же психологические особенности людей, занявших под воздействием дискурса

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60301.

о пандемии крайние позиции в отношении соблюдения мер профилактики и принятия идей вакцинации. Насколько эти четыре группы (активно соблюдающие рекомендации по профилактике; слабо их соблюдающие; поддерживающие вакцинацию; негативно к ней относящиеся) психологически однородны?

Целью настоящего исследования стал анализ взаимосвязей психологических характеристик человека и его представлений о COVID-19 с его отношением к вакцинации и поведением в ситуации пандемии.

Главной *задачей* исследования было выделение многообразия психологических типов людей, реализующих один и тот же вариант реагирования на пандемию в таких сферах, как соблюдение рекомендаций по профилактике и принятие идеи вакцинации.

В ходе ее решения проводился анализ психологических характеристик респондентов и их представлений о пандемии в четырех выделенных нами группах: 1) активно соблюдающих рекомендации по профилактике, 2) слабо их соблюдающих, 3) поддерживающих вакцинацию, 4) негативно к ней относящихся. Применительно к этим четырем группам выяснялось, насколько они были однородными с точки зрения психологических особенностей их участников. Внутри каждой группы выявлялись подгруппы, участники которых обладали сходными психологическими характеристиками и представлениями о пандемии.

Методика исследования

Сбор данных осуществлялся в период с 20 января по 20 февраля 2021 г. посредством онлайн-опроса на платформе Ivik*. В исследовании приняли участие 2786 чел.: 922 мужчин и 1864 женщин (33,1% мужчин и 66,9% женщин) из разных регионов РФ. Возраст респондентов – от 14 до 82 лет ($M = 25,6$; $SD = 10,8$).

С целью диагностики черт личности (экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма, открытости опыту) использовалась русскоязычная версия методики Big Five Inventory – 2 (Калугин и др., 2021). Для выявления уровня ситуативной тревожности использовалась подшкала реактивной тревожности Шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина (Ханин, 1976). Диагностика доминирующих стратегий совладания со стрессом (разрешение проблем, поиск соци-

* URL: <http://www.ivik.org>.

альной поддержки, избегание проблем) осуществлялась с помощью методики «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана в адаптации Н. А. Сироты и В. М. Ялтонского (Куприянов, Кузьмина, 2012).

Для выявления представлений, связанных с пандемией COVID-19, Т. А. Кубрак и В. В. Латыновым была разработана анкета «Представления о пандемии», включившая следующие шкалы: уязвимость по отношению к COVID-19; выполнение рекомендаций по профилактике; конспирологические причины появления коронавируса; естественное происхождение коронавируса; связанные со здоровьем последствия пандемии; социальные (бытовые) последствия пандемии; отношение к вакцинации. Кроме того, в анкету вошли вопросы, направленные на выявление самоофективности и отношения к принудительности лечения больных коронавирусом. Информированность о COVID-19 определялась суммированием правильных ответов, касающихся общих знаний о коронавирусе.

Выделение психологических типов проходило следующим образом. По каждому из выбранных параметров (соблюдение рекомендаций по профилактике, отношение к вакцинации) вся выборка, ранжированная по величине значения параметра, делилась на три относительно равные части: группы с низкими, средними и высокими значениями. В случае параметра «Соблюдение рекомендаций по профилактике» в «низкую» группу вошло 819 респондентов (их значения по этому параметру составляли от 5 до 18 баллов), в «среднюю» — 1126 респондентов (от 19 до 22 баллов), в «высокую» — 841 респондент (от 23 до 25 баллов). Для параметра «Отношение к вакцинации» распределение по группам выглядело следующим образом: «низкая» группа — 914 респондентов (их значения по этому параметру составляли от 3 до 5 баллов), «средняя» — 1057 респондентов (от 6 до 9 баллов), «высокая» — 815 респондентов (от 10 до 15 баллов).

Группы со средними значениями выбранных параметров были исключены из дальнейшего статистического анализа, а по данным каждой из контрастных групп (двух «низких» и двух «высоких») был проведен кластерный анализ. В качестве оснований кластеризации выступали 18 переменных: уязвимость по отношению к COVID-19, самоофективность, связанные со здоровьем последствия пандемии, социальные последствия пандемии, информированность о COVID-19, конспирологические причины появления коронавируса, естественное происхождение коронавируса, отношение к вакцинации (эта переменная использовалась при кластеризации двух групп респондентов:

активно выполняющих мер профилактики и слабо их выполняющих), меры профилактики (эта переменная использовалась при кластеризации двух групп респондентов: с позитивным/негативным отношением к вакцинации) (опросник «Представления о пандемии»); тревожность; экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость опыту; копинг-стратегии «разрешение проблем», «поиск социальной поддержки», «избегание проблем».

Результаты и обсуждение

Кластерный анализ данных позволил обнаружить разнообразие психологических типов лиц, реализующих один и тот же вариант реагирования в ситуации пандемии. Выявлено три психологических типа («Рациональный», «Уязвимый», «Конформный») среди тех, кто активно следовал рекомендациям по профилактике, и два типа («Незащищенный», «Неуязвимый») среди тех, кто недостаточно им следовал. Выделено три психологических типа людей, положительно относящихся к вакцинации («Уязвимый», «Конформный», «Рациональный»), и три типа в группе с отрицательным отношением к ней («Неуязвимо-ответственный», «Неуязвимо-безответственный», «Уязвимый»). Каждый тип характеризовался определенным набором личностных черт, копинг-стратегий и представлений о пандемии. Таким образом, можно говорить о психологической неоднородности групп реципиентов, занявших под воздействием дискурса о пандемии, полярные позиции в отношении профилактики коронавирусной инфекции.

Сравнивая типологии, относящиеся к двум рассмотренным сферам (соблюдение рекомендаций по профилактике, отношение к вакцинации), следует отметить несколько важных моментов. Прежде всего, обращает на себя внимание сходство типов, обнаруживающих адаптивное, ответственное реагирование на пандемию. Три психологических типа, обнаруженных в группе поддерживающих вакцинацию («Рациональный», «Уязвимый», «Конформный»), оказались похожи на те типы, которые были выделены на выборке лиц, активно соблюдающих меры профилактики. Это позволяет говорить о трех интегративных характеристиках, побуждающих людей к адаптивному реагированию на пандемию: чувство ответственности и забота о людях («Рациональный» тип), тревога и страх («Уязвимый» тип), желание быть в согласии с окружающими («Конформный» тип).

В «дезадаптивных» типах, выделенных среди респондентов двух других групп (слабо соблюдающих меры профилактики, негативно относящихся к идее вакцинации), подобного совпадения не обнаружено. Отметим лишь некоторое сходство «Неуязвимого» («Меры профилактики (слабое соблюдение)») и «Неуязвимо-ответственного» («Вакцинация (негативное отношение)») типов. Для них характерно сочетание низкой личной уязвимости к COVID-19 и адаптивной структуры личности (доброжелательности, добросовестности, преобладания копинг-стратегии «разрешение проблем»).

Как в случае поддержки вакцинации, так и в случае выполнения рекомендаций по профилактике был выявлен специфический «Конформный» тип. Для него характерно отсутствие очевидных внутриличностных оснований для адаптивного реагирования (соблюдения рекомендаций по профилактике и поддержки вакцинации) в ситуации пандемии. Складывается впечатление, что мотиватором такого позитивного с точки зрения противодействия распространению коронавируса поведения являются внеиндивидуальные факторы, такие, например, как влияние социального окружения или СМИ.

Анализ психологических особенностей выделенных нами типов позволяет говорить о трех основных путях, которые приводят людей к адаптивному реагированию на пандемию (соблюдению рекомендаций по профилактике и принятию вакцинации). Первый во многом обусловлен устойчивыми личностными особенностями человека (ответственностью, самоконтролем, доброжелательностью, адаптивностью копинг-стратегий), второй связан с острым переживанием человеком своей уязвимости к коронавирусу, третий же, по-видимому, имеет внеличностные, связанные с социальным окружением человека детерминанты.

Литература

- Калугин А. Ю., Щебетенко С. А., Мишкевич А. М., Сото К., Джон О.* Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1. С. 7–33.
- Куприянов Р. В., Кузьмина Ю. М.* Психодиагностика стресса: Практикум. Казань: КНИТУ, 2012.
- Ханин Ю. Л.* Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности. Л.: ЛНИИФК, 1976.

Особенности воздействия медийного дискурса на психику человека

Л. В. Матвеева (Москва)

В статье обсуждается проблема глубины воздействия медиадискурса на психику человека. Описываются уровни воздействия: экологический, психофизиологический, психологический, коммуникативный, социальный, культурологический. Приводятся примеры механизмов воздействия.

Ключевые слова: медийный дискурс, психика человека, уровни воздействия, механизмы воздействия, культурный код, ценностно-смысловое содержание культурного кода.

Современное отечественное медийное пространство, по сравнению с международными стандартами, менее регламентировано, более свободно для творчества с точки зрения представления авторской позиции и содержит различного рода феномены пограничных состояний нормы — как биологической и медицинской, так и психологической и социальной. Это довольно опасное состояние, особенно во время кризиса. Основными особенностями медиадискурса являются: изменение численности партнеров, одновременно вступающих в общение, усиление роли образной регуляции коммуникативного взаимодействия, возрастание числа факторов, влияющих на характер содержания сообщения и его форму, уплотнение информационного сообщения в пространственно-временных координатах, построение коммуникативного сообщения как моделирование процесса создания элементов содержания субъективной реальности, постоянное усовершенствование механизмов и способов воздействия на психику человека в процессе создания информационного сообщения, визуализация в медиакommunikациях желаемого аудиторией образа человека («харизматическая личность»), который становится для зрителей «значимым другим». М. Бахтин пишет: «Художественное время и пространство, необратимое и устойчиво архитектурное, в соответствии с оплотненным временем жизни приобретает эмоционально-воле-

вую тональность и включает, как таковые, и вечность, и вневременность, и как бесконечность, и целое, и часть... Важно лишь, что есть термины-границы жизни и кругозора – рождение и смерть, – только наличность этих терминов и всего обусловленного ими создает эмоционально-волевою окраску течения времени ограниченной жизни и пространства-отражение усилия и напряжения смертного человека: и сама вечность, и безграничность получают ценностный смысл лишь в соотношении с детерминированной жизнью» (Бахтин, 2000, с. 10). Это завораживает участников медиакоммуникации по обе стороны экрана – благодаря созданной художественной медийной символической реальности и автор, и зритель соприкасаются с вечностью (след в цифровом пространстве может существовать бесконечно долго), а количество «лайков» в коммуникативном пространстве может быть громадным. Человек таким образом удовлетворяет базовую потребность влияния – «преодоление пространственно-временных ограничений собственного существования» (Сидоренко, 2007, с. 16). Медиадискурс, как и любой дискурс, предполагает целеполагание, ситуативность, влияние и передачу когнитивной, эмоциональной и оценочной информации (Журавлев, Павлова, 2007). Также медиадискурс проходит при создании полный цикл стадий и операций творческой работы над формой и содержанием: получение социального заказа либо от главного редактора или директора киностудии, либо от наличия популярной темы в блогосфере, создания сценария, этапа режиссерской разработки, съемочного процесса, проведения монтажно-монтажного процесса и устранения замечаний и исправления перед передачей в эфир (Матвеева и др., 2004). Поэтому можно утверждать, что медиадискурс, в подавляющем большинстве случаев, является художественной постановкой, т. е. спектаклем. И его воздействие на человека может быть многоаспектным. Согласно известным исследователям воздействия СМИ на поведение людей – Д. Брайант и С. Томпсон, с момента создания печатного станка в 1450 г. озабоченность влиянием масс-медиа была свойственна всем слоям общества (Брайант, Томпсон, 2004). Исследования проводились в четырех направлениях: формирование и изменение убеждений, когнитивное воздействие, установление приоритетности медиа информации, воздействие на политическое поведение. Большая часть исследований в XX в. проводилась либо в рамках школы бихевиоризма, либо когнитивной психологии. Но события XXI в. изменили и медийную и культурную сферу, и политическую и науч-

ную реальность. Так, по мнению Сноудена, известного специалиста по цифровым технологиям, который дал интервью американскому журналисту Грину Гринвальду, в системе западной цензуры основными приемами и механизмами, которые используются в информационной войне, являются системность, лживость, обман и замалчивание. Это может быть интерпретировано как переход механизмов воздействия медиадискурса на психику человека на более глубокий уровень воздействия – ценностно-смысловой. Мы выделяем пять уровней воздействия: экологический, определяющий пространственно-временные координаты существования человека; психофизиологический уровень, определяющий уровень его активированности; психологический, описывающий параметры когнитивного, эмоционального, коммуникативного и ценностно-смыслового воздействия; социальный, определяющего иерархический статус человека и его этническую идентичность; культурологический уровень, описывающий эстетические предпочтения человека, его «вписанность» в культурные нормы, погруженность в сферу материального мира или в сферу идей. Главная цель воздействия – культурные коды, содержащие набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов сознания. Это алгоритм действий в различных ситуациях, критических, угрожающих жизни, здоровью, социальному статусу, т. е. фреймы и сценарии поведения в ситуации выживания племени. Культурные коды опираются на национальные архетипы. Их разрушение может привести к гибели народа как субъекта истории. Согласно Д. С. Лихачеву, в культуре существуют механизмы в художественной форме передавать и изменять ценностно-смысловое содержание культурных кодов: прямое указание и провозглашение ценности автором дискурса, иносказание, показ ценности через сравнение в жанре притчи или сказки, косвенный показ ценности через поведение и принятие решения героем, символическая передача идеи или ценности, демонстрация ценности через сравнение с антиценностями и их разоблачение (Лихачев, 2022).

Литература

- Бахтин М. М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
- Брайант Д., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ. Пер. с англ. М.: ИД «Вильямс», 2004.

Журавлев А. Л., Павлова Н. Д. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2022.

Матвеева Л. В., Анисеева Т. Я., Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации. М.: РИП-холдинг, 2004.

Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2007.

Оценка дискурсивных маркеров речевых интенций в социальных медиа*

Н.Д. Павлова (ИП РАН, Москва), *В.А. Афиногенова* (ИП РАН, Москва),
Т.А. Кубрак (ИП РАН, Москва), *Т.Д. Сальников* (Москва)

Представлен подход, направленный на характеристику интенционального пространства дискурса социальных медиа и выявление дискурсивных проявлений актуальных намерений пользователей. С использованием метода интен-анализа описана 51 категория интенций. Обнаружены маркеры речевых намерений коммуникантов: лексические, семантические, графические, пунктуационные. Для верификации установленных маркеров использована экспериментальная методика понимания высказываний. Оценка потенциала дискурсивных маркеров как индикаторов реализации интенции осуществляется также на базе моделей и методов искусственного интеллекта. В перспективе исследования уточнение набора маркеров интенций дискурса социальных медиа, что послужит разработке метода их объективной, в том числе автоматической оценки.

Ключевые слова: дискурс социальных медиа, интен-анализ, речевые намерения (интенции) субъектов общения, маркеры речевых интенций, распознавание интенций, автоматическая обработка текста.

Перемещение в Интернет значительной части коммуникации, содержание которой не только отражает происходящее, но и формирует картину мира, обуславливает важность изучения психологических характеристик медиаконтента. Особую актуальность приобретает определение интенциональных характеристик дискурса социальных медиа, связанных как с мотивационными и перцептивно-когнитивными процессами, так и с практической деятельностью пользователей. До последнего времени определение речевых намерений субъектов общения и других психологических характеристик речи опиралось в основном на экспертную оценку, что неизбежно стал-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, грант № 22-28-01511.

кивается с влиянием индивидуально-личностных свойств привлекаемых экспертов. Подход, реализуемый в настоящем исследовании, направлен на выявление дискурсивных маркеров актуальных намерений интернет-пользователей, пригодных для их объективной оценки.

С использованием метода интен-анализа (Павлова, Гребенщикова, 2017) на материале дискуссий 2015–2022 гг. на различных онлайн-площадках ($n = 1835$ комментариев) описаны многочисленные интенции коммуникантов (51 категория), как эмоционально окрашенные (высмеять, похвалить и пр.), так и нейтральные, связанные с обменом мнениями и анализом ситуации. Обнаружены контекстно обусловленные маркеры актуальных намерений: лексические, семантические, графические, пунктуационные. Так, признаком реализации интенции «оскорбить» служат бранная лексика (скоты, мерзавцы, уроды), жаргонизмы с непристойным или презрительным оттенком (пропагандон, долбанный, пурга), использование ярлыков (такие фашисты, как вы). Признаком интенции «выразить мнение» выступают глаголы мысли и перцептивные глаголы (знаю, считаю, вижу), фразеологизмы с лексемой «дело» (дело в том, это другое дело), словосочетания, подчеркивающие персональный характер суждения (лично я, я за себя), и др. Некоторые проявления характерны для одной категории интенций, другие – для нескольких. Выделены типовые «формулы» реализации некоторых интенций. Показательно, что коммуниканты не прибегают к таким способам вербализации интенций, как перформативная форма глаголов, прямое обозначение своего эмоционального состояния; превалирует яркая оценочная лексика, передающая непосредственное отношение к ситуации и побуждающая других включаться в обсуждение (Павлова и др., 2023).

Характеризуя специфику проявления интенций в дискурсе социальных медиа, с учетом результатов проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что в общем случае для передачи интенции важно сочетание дискурсивных маркеров. Этот факт подтверждает тезис о полиинтенциональности высказываний, в которых намерения коммуникантов, как правило, выступают в окружении других интенций. Обнаруживается, однако, необходимость выявления набора маркеров, надежно дифференцирующих интенции между собой и релевантных для их определения.

Для верификации установленных маркеров речевых интенций субъектов общения во второй части исследования предусмотрено обращение к психологическим и математическим методам.

Психологическая оценка дискурсивных маркеров осуществлялась с использованием экспериментальной методики понимания высказываний (Павлова, Пескова, 2012). По критерию частотности интенций в дискурсе и специализированности относящихся к ним дискурсивных маркеров отобраны пять категорий негативных интенций: «оскорбить», «возразить», «высмеять», «критиковать», «обвинить». Каждая категория интенций представлена в нескольких экспериментальных высказываниях, которые смоделированы на основе аутентичных комментариев пользователей и содержат те или иные, относящиеся к категории дискурсивные маркеры («Ты не в себе, раз такое говоришь», «Да нет же, все это зависит от организма», «Она просто тупая, ничего не понимающая говорящая голова, истеричка долбанная!» и др.). В соответствии с предложенным списком респонденты должны оценить представленность интенций в высказываниях.

Для апробации экспериментальной процедуры проведено пилотное исследование, в котором приняли участие 10 респондентов. Обнаружены сложности в распознавании интенций, которые указывают на необходимость моделирования высказываний, содержащих различные комбинации маркеров. С учетом полученных данных при проведении основного исследования экспериментальные высказывания были скорректированы и сформированы три бланка методики. В первом варианте высказывания тестирующие понимание интенции представлены в отсутствии относящихся к ней дискурсивных маркеров, во втором — с включением одного маркера данной интенции, в третьем — с их комбинацией. Данные по группам респондентов, работавших с бланками каждого типа, пока обрабатываются ($n = 290$). Есть, однако, основания полагать, что их сравнительный анализ позволит описать понимание интенций, имеющих частично совпадающий набор маркеров, и выявить сочетание дискурсивных проявлений, значимое для опознавания интенции.

Другая линия исследования предполагала оценку потенциала дискурсивных маркеров реализуемых интенций на базе моделей и методов искусственного интеллекта. Для детекции интенции в речевом материале ($n = 772$ комментария) был разработан синтаксический анализатор — программный продукт, принимающий на входе список маркеров определенной интенции и массив текстов, которые затем возвращаются с бинарной меткой наличия или отсутствия данной интенции.

На первом этапе анализировалась интенция «выразить сарказм». Автоматическая оценка данной интенции с помощью установленных маркеров показала точность классификации на уровне 0,78; в качестве эталонной классификации выступала экспертная оценка. Вместе с тем было выявлено 118 текстов с ложно-положительной классификацией, что является результатом неравномерного распределения интенций в любом дискурсе. Исходя из этого, в качестве дополнительного критерия качества классификации интенций была выбрана метрика F1, учитывающая ложноположительные и ложноотрицательные исходы. Рассчитанная для всего текстового массива, она составила, однако, лишь 0,14.

С учетом полученных результатов было решено укрупнить интенции, объединив близкие категории. К примеру, в кластер «высмеять» вошли такие интенциональные категории, как «выразить иронию», «выразить сарказм», «высмеять». При исследовании возможности автоматического обнаружения укрупненных интенциональных категорий точность автоматической классификации также оказалась невысока и составила 0,68, при этом F1 увеличилась до 0,23, что тоже явно недостаточно.

В этой связи было принято решение использовать для автоматического обнаружения интенциональных категорий не только соответствующие дискурсивные маркеры, но и параметры эмоциональной окраски текста. Для сентимент-анализа материалов была использована модель BERT, обученная на корпусах русского языка (Dale, 2021). Был реализован также генетический алгоритм на базе DEAP для автоматического подбора маркеров, максимизирующих качество классификации, что выражается в ее точности и F1 (Fortin et al., 2012). Алгоритм автоматически отбирает маркеры каждой интенции в процессе обучения, исключая те из них, которые мешают однозначной идентификации. Поскольку обучение носит итеративный характер, комментарии были разделены на обучающую и тестовую выборки; во вторую выборку вошло 193 комментария. После обучения генетического алгоритма с учетом эмоциональной окраски текста точность классификации на тестовой выборке составила 0,80, а F1 возросла до 0,5. Достигнутый результат свидетельствует о возможностях автоматической оценки интенций и перспективности применения дискурсивных маркеров как индикаторов их реализации при одновременном учете эмоциональной окрашенности дискурса.

Можно ожидать, что развитие исследования послужит уточнению набора маркеров интенций социальных медиа и разработке метода их объективной, в том числе автоматической оценки.

Литература

- Павлова Н. Д., Афиногенова В. А., Гребенщикова Т. А.* Дискурс социальных медиа: интенциональный подход // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 81–90.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.* Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Павлова Н. Д., Пескова Е. А.* Понимание интенционального подтекста речи адресатом // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 2. С. 74–82.
- Dale D.* Hugging Face. 2021. URL: <https://huggingface.co/cointegrated/rubert-tiny-sentimentbalanced/blob/main/README.md> (дата обращения: 21.01.2023).
- Fortin F.-A., De Rainville F.-M., Gardner M.-A., Parizeau M., Gagné C.* DEAP: Evolutionary algorithms made easy // Journal of Machine Learning Research. 2012. V. 13. P. 2171–2175.

К проблеме типологии речевых интенций*

Н. Д. Павлова (ИП РАН, Москва),

Т. А. Гребенщикова (ИП РАН, Москва)

Обсуждается проблема типологии речевых интенций, значимость которой сопряжена с уяснением факторов, участвующих в распознавании намерений говорящего, и методическими разработками в области анализа и автоматической обработки текста. Рассматривается типология речевых актов Дж. Серля и варианты ее расширения и модификации. Отмечаются ограничения теории речевых актов и опирающихся на нее исследований при переходе от отдельных высказываний к дискурсу. Реалии дискурсивной практики в разных сферах жизни отражают эмпирические типологии интенций. Такая типология разработана на основе данных интен-анализа социальных медиа в соответствии с ведущими функциями дискурса: информационной, регуляционной, экспрессивной и интерпретационно-познавательной.

Ключевые слова: речевые намерения (интенции) субъектов общения, типология интенций, интен-анализ, дискурс социальных медиа.

Многообразие интенций, получающих выражение в речи, поднимает вопрос их типологии. Этот вопрос прямо связан с распознаванием намерений говорящего адресатом и изучением факторов, которые принимают в этом участие. Вместе с тем сведение близких по характеру интенций в более общие категории и унификация их наименований имеют большое значение в практике работы с текстом, в том числе в программах его автоматической обработки.

Выработка метаязыка в описании речевых интенций связана с теорией речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль). С позиций этой теории понятие речевой интенции соотносится с понятием иллокуции. Произнося высказывание, человек осуществляет речевой акт, который имеет определенную иллокуцию, воплощающую коммуникативное намерение говорящего. В общем плане число речевых актов достаточно ограничено: «мы сообщаем другим, каково положение

* Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2023-0004.

вещей; мы пытаемся заставить других совершить нечто; мы берем на себя обязательство совершить нечто; мы выражаем свои чувства и отношения; наконец, мы с помощью высказываний вносим изменения в существующий мир» (Серль, 1986, с. 194). Этот подход составил основу типологии, в соответствии с которой существует пять базисных типов речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации. Репрезентативы, к которым относятся такие акты, как утверждать, полагать, заключать, имеют цель зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения. Директивы: приказывать, командовать, просить, умолять и др., направлены на то, чтобы добиться от адресата совершения некоего действия. Комиссивы — это различного рода обещания и клятвы, цель которых состоит в возложении на говорящего обязательства совершить действие или следовать определенной линии поведения. Экспрессивы — благодарить, поздравлять, сочувствовать, сожалеть, передают аспекты психологического состояния говорящего. Декларации, примером которых служат назначение на пост, присвоение звания и пр., самим действием говорения конституируют факт.

Данная типология, приобретающая широкую известность, не является, однако, общепризнанной. Если, по Дж. Серлю, существует пять типов речевых актов, то другие исследователи описывают до нескольких десятков типов. Так, в дополнение к обозначенным могут быть выделены такие типы речевых актов, как вокативы, куда относят обращения с целью привлечения внимания и поддержания контакта, ретрактивы, которые обозначают речевые акты корректировки утверждения, регулятивы, связанные с организационными аспектами взаимодействия (И. Н. Борисова, О. Г. Почепцов, K. Bach, D. Wunderlich и др.). У авторов многочисленных типологий отсутствует единая точка зрения по поводу отнесения того или иного речевого акта к определенному типу. Например, жалоба выступает одновременно и репрезентативом, поскольку отражает некоторое положение дел, и экспрессивом, выражающим недовольство говорящего таким положением. Не совпадают и исходные основания классификации. У Серля основу типологии составляет группа признаков, наиболее существенными из которых являются: различия в цели высказываний, различия в направлении «приспособления» между словами и миром, соответствие интересам говорящего и адресата. В других типологиях наряду с этими признаками принимаются в расчет характеристики

иного рода: знание/незнание субъектом опыта и структуры референции адресата; степень вовлеченности говорящего и адресата в коммуникацию; соотношение речевого акта с принципами общения и социальными целями, например, избеганием конфликта.

Теория речевых актов и связанные с ней исследования адекватно описывают основные типы речевых актов, устанавливая связь выражаемого намерения с представлением говорящего о ситуации, партнере общения и пр. Вместе с тем исследования этого направления критикуют за чрезмерную теоретичность, ориентацию на изолированные высказывания и данные мысленного эксперимента. Если от отдельных высказываний переходить к дискурсу, невозможно ограничиться перечнем стандартных актов, выделение которых оказывается во многом формальным и произвольным. В естественном дискурсе более релевантными оказываются нередко иные речевые акты, нежели выделяются и анализируются.

М. Стаббс, обобщая серию работ, посвященных речевым актам, указывает на такие их важные функции, как директивно-воздействующая, поэтическая, контактная, металингвистическая, референциальная, контекстуально-ситуативная (Stubbs, 1983). Подчеркивается особая роль в дискурсе метакоммуникативных актов, направленных на контроль за содержанием высказываний, распределение ролей говорящий-слушающий, проверку правильности понимания сказанного. При этом отмечается, что в дискурсе, где любое высказывание полифункционально, металингвистический речевой акт, к примеру, может быть одновременно и директивным.

В этой связи важно отметить наличие эмпирических списков интенций, составленных для некоторых сфер общения и видов дискурса с опорой на коммуникативную компетенцию исследователей и/или респондентов, в том числе и по результатам интент-анализа (Павлова, Гребенщикова, 2014). Данные эмпирических исследований обнаруживают реалии дискурсивной практики, которые плохо укладываются в общую типологию. Коммуникативные ситуации многообразны, и для каждой из них можно описать набор присущих ей интенций субъектов общения.

На этой основе предпринимаются попытки создания вариантов эмпирической типологии интенций. Так, на материале психотерапевтических сессий описан интенциональный состав речи психотерапевта и предложена типология интенций, отвечающая функциональной направленности высказываний (Кириллова, 2011). Согласно

полученным данным, для профессиональной деятельности психотерапевта характерны шесть типов интенций: 1) репрезентативы, служащие отражению положения дел; 2) регулятивы, регулирующие предметное поведение и состояние клиента; 3) интеррогативы, направленные на получение информации; 4) контактивы, связанные с поддержанием отношений коммуникантов; 5) экспрессивы, выражающие внутреннее состояние субъекта; 6) структивы, определяющие сегментацию дискурса.

Новую реальность современного общества представляют социальные медиа, выступающие площадкой онлайн-коммуникации миллионов людей. Изучение сетевых дискуссий различной тематики позволило описать интенциональное пространство дискурса социальных медиа и выявить актуальные интенции пользователей, как эмоционально окрашенные, так и нейтральные (Павлова и др., 2023). Список интенций, полученный с применением метода интент-анализа, на основе экспертной оценки был систематизирован в соответствии с ведущими функциями дискурса: информационной, регуляционной, экспрессивной и интерпретационно-познавательной. Соответственно, выделено четыре типа речевых интенций: репрезентативы, регулятивы, экспрессивы и валюативы. В группу репрезентативов вошли интенции: информировать, пояснить, предположить, сообщить, уточнить, аргументировать, выяснить. В числе регулятивов представлены такие интенции, как: попросить, предложить, предупредить, посоветовать, побудить к действию, намекнуть, привлечь внимание, успокоить, поддержать, убедить. К экспрессивам относятся интенции выражения сожаления, сомнения, удивления, возмущения и пр., а также социально-этикетные интенции: извиниться, поблагодарить, поприветствовать, попрощаться. Обширную группу интенций дискурса социальных медиа составляют валюативы. В их числе интенции, связанные с выражением оценочного мнения и мнения-суждения: возразить, высмеять, критиковать, обвинить, обесценить, оскорбить, осудить, унижить и, напротив, оправдать, защитить, выразить одобрение/понимание/согласие, похвалить, пошутить.

Можно ожидать, что создание эмпирической типологии интенций для различных видов дискурса послужит развитию методов их объективной оценки. Это может быть использовано в технологиях автоматического анализа дискурса, что в сопоставлении с подходами сентимент-анализа открывает перспективу извлечения более диф-

ференцированной информации об обсуждаемых предметах и формирующихся вокруг них интенциях субъектов общения.

Литература

- Кириллова Е. И.* Классификация речевых интенций психотерапевта // Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 11. С. 52–66.
- Павлова Н. Д., Афиногенова В. А., Гребенщикова Т. А.* Дискурс социальных медиа: интенциональный подход // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 81–90.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.* Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 170–194.
- Stubbs M.* Discourse Analysis: the sociolinguistic analysis of natural language. Oxford: Blackwell, 1983.

Убеждающее и внушающее речевое воздействие в политическом дискурсе

Г.Л. Сперанская (БГУКИ, Минск, Республика Беларусь)

В статье рассматривается организация речи при убеждающем и внушающем воздействии. Виды воздействия соотносятся с различными типами речи – связной и условно-связной, и внушающее воздействие рассматривается как соответствующее условно-связному типу речи. Убеждающее и внушающее воздействия объясняются словесной смысловой и выразительной организацией фразы.

Ключевые слова: внушение, убеждение, речь, фраза, сознание, воздействие, направленность.

Основными видами речевого воздействия являются убеждение и внушение, которые обращены к разным уровням организации сознания и поэтому требуют специального различения. В качестве убеждения понимается смысловая организация речи, в которой ее предметное содержание представлено как логически последовательное размышление с установлением причинно-следственных, условных, временных и других связей, использованием пояснений, определений, сравнений в структуре фразы. Высказывание при убеждающей организации речи представлено как развертывание определенной идеи, ситуации, представленной последовательно и целостно, с разной степенью детализации при сохранении предмета общения.

Внушение определяется как «вид целенаправленного коммуникативного влияния на сознание и поведение человека (группы людей), в результате которого человек (группа людей), вопреки имеющейся фактической информации (воспринимаемой, извлекаемой из памяти), признает существование того, что в действительности не существует, либо что-то делает вопреки своим намерениям и привычкам. Иначе говоря, внушение изменяет свойственные человеку способы анализа информации и способы поведения» (Мещеряков, 2003, с. 78). Именно внесение в сознание другого человека представлений, создание в нем впечатлений без их смысловой разверстки и обоснова-

ния и представляется сущностью внушения. Внушение может иметь как целенаправленный характер в специально организованных ситуациях, так и выступать в виде присущей говорящему внушающей речевой организации, которая и им самим, и слушающим мало осознается. Отметим, что внушение является бессознательным для слушающего, так как, по замечанию Б. Ф. Поршнева, человек является рабом слышимого слова, всегда представляя что-либо и откликаясь на воздействие речи. Убеждающее же речевое воздействие осознается слушающим, так как обращено к его рассуждению. Парадоксально, но часто внушающее воздействие оказывается более эффективным, чем убеждающее, которому слушающий противопоставляет свои знания, суждения, хотя и ложные.

Убеждающий или внушающий характер речи связан с типами речевой организации, которые, как показали исследования, являются устойчивыми (Сперанская, 2007, 2015). Типы связной речи – связная и условно-связная речь – обусловлены ее направленностью либо на другого человека, либо на своеобразное самовыражение в присутствии другого, других. Л. А. Радзиховский характеризовал такие типы направленности общения как «диалогическую» и «монологическую» (Радзиховский, 1988), а М. Бубер определял их как типы отношений «Я»–«Ты» и «Я»–«Оно», утверждая, что нет двух родов человека – есть два полюса человечества (Бубер, 1995). Различия в организации общения, речи рассматривали А. У. Хараш, Ф. А. Флоренская, С. И. Бернштейн и др. авторы. Убеждающий тип речи соотносится, соответственно, со связной речевой организацией, или с диалогической направленностью общения, а внушающий тип речевого воздействия соответствует условно-связной речи, или общению с монологической направленностью. Речь разных типов различается по степени смысловой организации фразы (в связной речи во фразе наблюдается в среднем от 2,5 до 4 и более содержательных единиц, в условно-связной – до 2,5 содержательных единиц), а также по использованию выразительных характеристик речи: темпа, громкости, пауз, а также интонации.

В политическом дискурсе, как, впрочем, и в других его видах, мы сталкиваемся с убеждающим и внушающим воздействиями разной степени выраженности, но совершенно определенно отличающимися друг от друга. При восприятии устной речи отличить убеждение от внушения достаточно сложно, так как речевой поток имеет высокий темп, речь необратима, мы являемся при ее восприятии включен-

ными наблюдателями, по-своему переосмысляя услышанное. Кроме того, внимание при восприятии речи ориентировано на усвоение, в первую очередь, ее предметного содержания, а выразительные компоненты речи при этом как бы «прозрачны», хотя именно они играют важнейшую роль в осуществлении направленности высказывания либо на убеждение, либо на внушение.

Связная речь по своей организации оказывает убеждающее воздействие, так как в ней наблюдается развертывание смысла как в структурированных фразах, так и в самом высказывании. Фразы могут даже содержать одновременно придаточное предложение, уточнение, сравнение, пояснение. Каждая новая фраза является смысловым продолжением предшествующей, даже если она имеет простую смысловую структуру. В связной речи наблюдается большое количество союзов, союзных слов, других слов, обеспечивающих связность изложения, как, например: более того, в частности, например, в том числе, если, хотя, какой, как только, почему, когда, поэтому, потому что. Предметное содержание излагается емко, представления «обрастают» дополнительными связями, ложатся в основу последующих представлений.

Выразительные компоненты связной речи составляют единство с ее предметным содержанием. Так, темп речи приобретает замедления и ускорения, активизируя внимание и структурируя смыслы, паузы разной длительности связаны со смысловой организацией речи. Так задается смысловая дифференциация в восприятии речи, облегчается ее понимание. Важнейшее средство выразительности – интонация – оформляет и выделяет фразу, придает речи эмоциональную выразительность. Приведем точный протокол связных высказываний в политическом дискурсе безотносительно контекста, учитывая, что записанная устная речь отличается некоторой упрощенностью, по сравнению с речью письменной: «Запад создал информационное общество и сам начинает не только жить по его правилам, но становится заложником. Если кто-то известен, он значит более приоритетен, важен или опасен, опять-таки как, например, Илон Маск, чем обычный человек, пусть даже имеющий очень серьезные заслуги перед своей американской родиной... Я бы не сказал, что в нашем мире вообще что-то плохо или хорошо. Мир существует безотносительно наших оценок. И желание сильных держав совершать преступления, делать то, что они хотят в своих интересах, было всегда. Вопрос только, что и в каких масштабах они делали».

Условно-связная речь качественно отличается от речи связной, оказывая внушающее воздействие на слушателя. Она представлена большим количеством простых и сложносочиненных предложений, в структуре фразы мало пояснений, сравнений, хотя фразы могут быть и вполне длинными за счет определений и дополнений. При этом в условно-связной речи среднее количество смысловых групп, или единиц во фразе, достигает всего лишь 2,5, а часто остается на уровне 1,8–2 единиц даже у образованных говорящих. При условно-связном типе речи срывы высказываний наблюдаются чаще, чем при связном. Фактически, речь представляет собой последовательное озвучивание представлений в сознании говорящего, а не их объединение в смысловые отношения. В. М. Бехтерев считал, что внушение является привитием человеку впечатлений путем слова. А именно внесение в сознание слушателей образов без смысловых связей и отношений между ними и составляет сущность внушающего воздействия. При условно-связном типе речи говорящий склонен менять предмет речи, хотя и сохраняя тему общения, что мало заметно слушателю и увеличивает объем высказывания. Отметим также частые повторения одно и того же другими словами, что создает впечатление некоторой затянутости изложения.

Выразительные компоненты в условно-связной речи также специфичны: довольно однообразный темп и уровень громкости, что способствует монотонности речи, однообразию интонации, снижающее эмоциональную выразительность речи. Интонация начала и конца фразы, так же как и внутри ее, ровная, что сливает фразы при их восприятии, затрудняет интонационно отделять одну фразу от другой. Можно выделить два вида речи с внушающей ориентацией. В первом темп речи достаточно высокий с примерно одинаковой длительности короткими паузами, создавая слушающему дефицит времени на осмысление возникающих в его сознании образов. Так, в сознание как бы «вбрасывается» в быстром темпе поток последовательных отдельных, иногда мало связанных между собой образов. При другом виде речи с внушающей ориентацией фразы могут разделяться достаточно длинными паузами, как бы закрепляясь в сознании слушающих. Если образы, создаваемые говорящим, яркие, эмоционально значимые, парадоксальные, саркастические, то они привлекают оригинальностью и новизной. Приведем пример взятого вне контекста высказывания с условно-связной речью и в высоком темпе в политическом дискурсе: «Жизнь опережает самую смелую фантазию.

Кажется, что это все вовсе не шутки. Далее, второй тип памяток раздается работникам жилищно-коммунального хозяйства. Руководят этим делом жилищники, ГБУ жилищники в смысле, и их районные подразделения. Мне таких бумажек прислали достаточное количество. Они все достаточно однотипные. А там тоже призывается смотреть и проявлять бдительность на предмет каких-то неуточняемых подозрительных людей, идей, мнений, объектов, предметов и далее, значит звонить всем по телефону 112 или в дежурную службу ГУВД Москвы и вот, собственно говоря, информировать».

Таким образом, убеждающее и внушающее речевое воздействие в политическом дискурсе имеет различную организацию и, соответственно, оказывает различное влияние на сознание слушателей. Различение таких воздействий помогает понять, как человек начинает признавать, вопреки имеющейся фактической информации, существование того, чего в действительности не существует, формирует ложную картину мира. Причины податливости внушающему воздействию различны и являются предметом специального исследования, однако представляется, что защитой от деструктивного внушающего влияния могут быть убеждения как свойства личности, критичность мышления и широта знаний.

Литература

- Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 16–92.*
- Мещеряков Б. Г. Внушение // Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 78.*
- Радзиховский Л. А. Диалог как единица анализа сознания // Познание и общение. М.: Наука, 1988. С. 24–35.*
- Сперанская Г. Л. Содержательная организация фразы при разных типах связной речи // Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі. Минск: АПО, 2007. С. 240–249.*
- Сперанская Г. Л. Типы речевого поведения у взрослых // Горизонты зрелости / Сборник тезисов участников 5-й Всероссийской конференции по психологии развития. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С. 315–320.*

**СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПСИХОЛОГИИ СТРЕССА
И СОВЛАДАНИЯ**

Роль экзистенциальной тревоги в переживании посттравматического стресса

А. А. Агишева (ИП РАН, Москва)

В статье рассматриваются проблемы экзистенциальной тревоги в контексте посттравматического стресса, описывается механизм взаимодействия реактивной и экзистенциальной тревоги у субъектов, имеющих опыт контакта со стрессорами высокой интенсивности. Поднимаются вопросы диагностики и оказания эффективной психологической помощи при актуализации экзистенциальной тревоги вследствие психотравматизации.

Ключевые слова: тревога, тревожность, экзистенциальная тревога, экзистенциальный опыт, посттравматический стресс, психотравматизация.

Описания экзистенциального опыта, как правило, включают в себя осмысление глубоких субъективных переживаний, относящихся к проблемам жизни, смерти, смысла, свободы и одиночества (Мохов, Бабушкина, 2022). Несмотря на непрерывное имплицитное присутствие каждой из перечисленных категорий в повседневной жизни, наибольшая близость к ним возникает в экзистенциально значимых ситуациях и периодах развития, а также вследствие контакта со стрессорами высокой интенсивности. Наглядной иллюстрацией развертывания данного процесса является текущая обстановка в стране и мире, сопровождающаяся для значительного числа граждан интенсивным стрессом и последующим развитием посттравматических состояний, вследствие которых наблюдается актуализация экзистенциальных переживаний, в частности – экзистенциальной тревоги.

Апеллируя к точке зрения К. Гольдштейна, Р. Мэй говорит о том, что тревогу индуцирует не просто потенциально опасная ситуация, но угроза для физической и психологической сохранности организма, включая угрозу жизненно важным ценностям человека (Мэй, 2001). При этом интенсивно воздействуя на представления о мире, подобный экзистенциальный опыт затрагивает ценностно-смысловую

сферу субъекта, становясь катализатором личностных метаморфоз (Мохов, Бабушкина, 2022). По мнению Н. В. Тарабриной, переживание посттравматического стресса сопровождается частичной дезинтеграцией личности. Оставаясь диссоциированными, воспоминания о травмирующем опыте сохраняют константную структуру и форму, не подвергаются когнитивной обработке, в результате чего образы прошлого субъективно переживаются человеком как реальные, принадлежащие настоящему моменту. Наряду с этим «сигнальная» система, призванная эффективно распознавать жизнеугрожающие стимулы, претерпевает серьезные изменения: способность к дифференциации релевантных сигналов снижается, впоследствии широкий круг воздействий может трактоваться пострадавшим как потенциальная угроза, ассоциированная с пережитым травматичным опытом. Условно нейтральные стимулы начинают провоцировать реактивную тревожность, искажая субъективную картину мира человека, наполняя ее «опасными» объектами (Тарабрина, 2009). Так, непосредственное соприкосновение с экзистенциальной тревогой в условиях жизнеугрожающей ситуации дополняется хронифицирующимся переживанием реактивной тревожности, более доступной для осознания и приносящей выраженный дискомфорт, маскирующей при этом глубинные, вытесненные страдания.

Авторы большинства современных подходов рассматривают тревожность, с одной стороны, как константную личностную черту, с другой – как эмоциональное состояние, реактивный ответ на реальную, потенциальную или предполагаемую угрозу. Вместе с тем на протяжении последних десятилетий уделяется активное внимание изучению вопросов тревоги и тревожности как в структуре симптомокомплексов расстройств настроения, адаптации, личностных расстройств, так и изолированно, в качестве самостоятельного симптома, все чаще принимающего патологические формы. При этом интенсификация процессов и информационных потоков, с которыми сталкивается человек сегодня, сформировала высокий спрос на средства оперативной нейтрализации проявлений тревожности, в связи с чем глубинные смыслы тревоги, ее конструктивный потенциал и экзистенциальные аспекты оказались за пределами ведущих доказательных подходов к пониманию и психотерапии тревожности.

По мнению Р. Мэя, идея о возможности жизни без тревоги, утопичная по своей сути, дополняется иллюзорными, нереалистичными представлениями о мире: экзистенциальная тревога сопровожда-

ет человека на протяжении всей жизни, и ее причины располагаются за пределами понимания биологической обусловленности реактивных механизмов. Стремление пройти сквозь экзистенциальную тревогу открывает для личности доступ к новому витку развития, в то время как преднамеренный отказ от тревоги может сопровождаться утратой возможности реализации потенциала личности и в определенном смысле лишением человечности (Мэй, 2001).

Наиболее интенсивная реализация полноты бытия достигается при соприкосновении с экзистенциальными данностями, фокусирующими внимание субъекта на ценностно-смысловой сфере и значимых межличностных взаимоотношениях. С одной стороны, будучи дихотомичным по своей природе, кризис любого генеза (в том числе вызванный переживанием посттравматического стресса) может быть разрешен как конструктивным, так и деструктивным способом, породив соответствующее его сути новообразование. С другой – надситуативное, творческое преодоление кризиса может располагаться в области «трехмерного» пространства и являться выходом из экзистенциальной дилеммы выбора, представляя собой личностную автономию. Таким образом, решение экзистенциальных проблем, неизбежно сопровождающихся экзистенциальной тревогой, располагается за пределами двойственного восприятия окружающего мира и является уникальной, регулярно пересматриваемой альтернативой (Гришина, 2023).

Последовательное осознание травматичного опыта и интеграция диссоциированных аспектов пережитого события способствуют психической регенерации: так, тяжелые переживания постепенно становятся частью бытия субъекта (Тарабрина, 2009). Активное, осмысленное прохождение сквозь экзистенциальный опыт, чувственное переживание различных его аспектов способствуют эффективному приспособлению и творческой адаптации к разным проявлениям бытия, что, в свою очередь, формирует предпосылки к развитию личностной автономии, устойчивости к неопределенности и воодушевление от возможности преобразовывать реальность (Мохов, Бабушкина, 2022). В данном контексте конструктивный аспект экзистенциальной тревоги заключается в возможности выдерживать постоянно колеблющуюся интенсивность ее переживаний, эффективно к ним адаптироваться и продолжать целенаправленную деятельность, приближаясь таким образом к уровню самоактуализации.

Как отмечалось ранее, переживание тревоги обусловлено субъективной интерпретацией стрессового фактора, вместе с тем контакт со стрессорами высокой интенсивности парадоксальным образом может способствовать облегчению мучительной тревоги, однако Р. Мэй оставляет открытым вопрос возможности благоприятного прохождения через экстремальные, жизнеугрожающие ситуации без иллюзий собственного всемогущества, твердой духовной опоры или серьезного доверия к каким-либо религиозным догмам, объясняя это чрезмерной нагрузкой на психику в условиях запредельного уровня стресса, сопровождающего экстремальные ситуации (Мэй, 2001).

Экзистенциальное мужество подразумевает активное развернутое переживание экзистенциального опыта и устойчивость к неопределенности, опираясь на которые личность развивает достаточную суверенность от ситуативной тревожности, а также научается активизировать более зрелые стратегии совладания в потенциально угрожающих ситуациях (Мохов, Бабушкина, 2022). Данная позиция гармонично дополняет точку зрения Р. Мэя, называвшего истинным мужеством способность человека следовать в направлении цели сквозь экзистенциальную тревогу, что в благоприятном варианте развития событий порождает исследовательский интерес и творческую активность, а в неблагоприятных обстоятельствах сопровождается значительным субъективным дискомфортом и может быть преодолено исключительно благодаря стойкости и решимости самого человека (Мэй, 2001).

С точки зрения А. В. Брушлинского, авторство остается за субъектом как обладателем психики, находящимся непосредственно внутри бытия (Брушлинский, 2006). Системное и постепенное исследование собственной экзистенциальной тревоги, научение жить и созидать в условиях ее постоянного присутствия, по всей видимости, значимый этап в становлении субъектности.

Литература

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Гришина Н. В.* Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. № 4. С. 109–116.

Мохов В. А., Бабушкина С. Л. Роль экзистенциального опыта в переживании ситуации неопределенности // Вестник РГГУ. Сер. «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 26–46. doi: 10.28995/2073-6398-2022-2-26-46.

Мэй Р. Смысл тревоги. Пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.

Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса. Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Враждебность при посттравматическом стрессе у студентов

Т. Д. Азарных (ВГУИТ, Воронеж)

Целью исследования являлось изучение связи между высокой враждебностью и тяжестью состояния, суицидальными идеациями (СИД), а также акцентуациями характера при посттравматическом стрессе (ПТС) у студентов с учетом пола. Установлено, что независимо от пола в группе с высокой враждебностью, по сравнению с низкой, больше тяжесть ПТС (MS, IES-R, включая все субшкалы), частота встречаемости коморбидных дезадаптационных состояний психопатологической симптоматики (SCL-90-R), депрессии BDI, а также суицидальных идеаций. В группе с высокой враждебностью выше частота встречаемости закрепленных устойчивых паттернов поведения в виде акцентуаций характера: возбудимой, циклотимной, дистимной независимо от пола, застревающей, эмотивной, тревожной, экзальтированной – у девушек.

Ключевые слова: посттравматический стресс (ПТС), враждебность, суицидальные идеации, акцентуации характера, студенты, пол.

Целью исследования являлось изучение связи между высокой враждебностью и тяжестью состояния, суицидальными идеациями (СИД), а также акцентуациями характера при посттравматических стрессах (ПТС) у студентов с учетом пола.

Под враждебностью понимаются такие качества, как агрессия, раздражительность, гнев и негодование (Тарабрина и др., 2007). При этом установлено, что чем выше уровень враждебности/гнева, тем более вероятна их манифестация в виде агрессии и насилия (Norlander et al., 2005).

Определялась выраженность следующих показателей: 1) ПТС, по Миссисипской шкале (MS) (гражданский вариант); 2) ПТС, по шкале оценки влияния травматических событий (ШОВТС, или IES-R) с субшкалами «вторжение» IN, «избегание» AV, «физиологическая реактивность» AR, а также коморбидных признаков – 3) депрессии, по опроснику BDI; 4) враждебности как симптомокомплекса NOS

психопатологической симптоматики (SCL-90-R) наряду с другими показателями: соматизации (SOM), обсессивности–компульсивности (О-С), межличностной сензитивности (INT), депрессии (DEPR) со шкалой ее дополнительной диагностики (ADD), тревожности (ANX), фобической тревожности (PHOB), паранойяльности (PAR), психотизма (PSY), обобщенного индекса тяжести дистресса (GSI) (все опросники адаптированы на российских выборках в лаборатории психологии посттравматического стресса ИП РАН) (Тарабрина и др., 2007); 5) наличие суицидальных идей (СИД) – по утвердительным ответам на вопрос о самоубийстве в опросниках MS, BDI, SCL-90-R; 6) акцентуации характера – по опроснику черт характера (ОЧХ-В) (Русалов, 2012).

Границей, разделяющей высокую и низкую выраженность депрессии BDI, а также всех симптомокомплексов психопатологической симптоматики (SCL-90-R), включая враждебность, служили значения верхнего квартиля (с учетом пола): выше нее (25% выборки) высокая, ниже – низкая (75%). При этом высокая выраженность депрессии BDI и каждого симптомокомплекса рассматривалась как дезадаптационное состояние (Азарных, 2019).

Необходимость рассмотрения в интервальном режиме симптомокомплексов психопатологической симптоматики связана с высокой вариативностью выраженности их в зависимости от выборок (Тарабрина и др., 2007), что существенно затрудняет оценку тяжести течения ПТС.

Исследования проведены на студентах государственных вузов г. Воронежа дневной формы обучения инженерных и экономических специальностей в возрасте 18–20 лет. Всего в исследовании приняло участие 620 чел.: 476 девушек и 144 юноши в возрасте 18,9 (SD=0,88) лет и 19,1 (SD=1,00), соответственно.

При статистической обработке данных (SPSS v. 13) проводились: 1) вычисление среднего арифметического M и стандартного отклонения SD, достоверность разницы между группами определялась с помощью критериев t Стьюдента и U Манна–Уитни (последний в случае отклонения данных от закона нормального распределения, по критерию Колмогорова–Смирнова); 2) анализ таблиц сопряженности (критерий независимости χ^2 Пирсона, в случае таблиц 2x2 с поправкой на непрерывность).

Установлено, что высокий уровень враждебности в группе с ПТС встречается у девушек в 55,7% случаев, юношей – в 49,3%.

В группе с высокой враждебностью – по сравнению с низкой – независимо от пола выше уровень специфичных для ПТС показателей опросников MS, IES-R, включая все три субшкалы. Это значит, что тяжесть течения ПТС в группе с высокой враждебностью выше.

В группе с высокой враждебностью по сравнению с низкой независимо от пола выше также частота встречаемости всех других дезадаптационных состояний, включая депрессию BDI. При этом выше также частота одновременной встречаемости дезадаптационных состояний. Полученные данные означают, что группа с высокой враждебностью характеризуется большей тяжестью психического дистресса.

О тяжести состояния группы с высокой враждебностью свидетельствует и увеличение частоты встречаемости СИД: 61,5% против 25,1% ($\chi^2=61,302$, $p=0,000$) у девушек и 57,5% и 21,1%, соответственно ($\chi^2=18,456$, $p=0,000$) – юношей. Это значит, что в группе с высокой враждебностью выше как уровень агрессии, так и аутоагрессии. При этом большая тяжесть психического дистресса (большее количество дезадаптационных состояний) увеличивает вероятность как актуализации, так и быстрой смены векторов агрессии, а также их одновременной актуализации.

Высокая враждебность связана с выраженными характерологическими особенностями. Так, в группе с высокой враждебностью, по сравнению с низкой, чаще встречаются следующие акцентуации характера: циклотимная, возбудимая, дистимная, застревающая, эмотивная, тревожная, экзальтированная у девушек, циклотимная, возбудимая, дистимная – юношей; выше также количество одновременно встречающихся акцентуаций.

Увеличение частоты встречаемости любой акцентуации при высокой враждебности свидетельствует о большем снижении адаптационного потенциала личности через закрепление определенных паттернов поведения и соответственно снижение ситуативной адекватности реагирования в этой группе (Русалов, 2012). При этом большее количество акцентуаций при высокой враждебности означает, что таких закрепленных паттернов поведения больше, а адаптационный потенциал – еще ниже.

В плане нарушения социальной адаптации обращает на себя внимание возбудимая акцентуация независимо от пола и застревающая у девушек. Возбудимая увеличивает вероятность агрессивного поведения, снижая при этом контроль за поведением. Кроме того,

для нее характерна повышенная внушаемость, что увеличивает риск манипулирования молодыми людьми, в том числе и в плане совершения как агрессивного, так и аутоагрессивного поведения. Наличие застревающей акцентуации ведет к увеличению вероятности появления идей мести.

В группе с высокой враждебностью сильнее выраженность моделей поведения, связанных также с эмоциональной нестабильностью (циклотимная, возбудимая, дистимная, экзальтированная, эмотивная две последние только у девушек), включенностью соматического контура реагирования (экзальтированная, тревожная только у девушек), ощущением опасности окружающего мира (дистимная, тревожная, последняя только у девушек), сниженной коммуникативной активностью (дистимная).

Кроме того, показано, что у студентов наличие высокой выраженности тревожности, дистимности, экзальтированности препятствуют самореализации (самоактуализации) личности (Колесниченко, 2013), т. е. в группе с высокой враждебностью, по сравнению с низкой, независимо от пола самореализация является менее актуальной и актуализируемой.

Выводы

Высокая враждебность при ПТС встречается у каждого второго студента. Она независимо от пола сопровождается более тяжелым течением ПТС (выше: уровень специфичных для ПТС шкал, частота встречаемости коморбидных дезадаптационных состояний психопатологической симптоматики, депрессии, а также их количество). В группе с высокой враждебностью независимо от пола выше уровень не только агрессии, но и аутоагрессии: выше частота встречаемости суицидальных идеаций СИД.

Высокая враждебность связана с выраженными характерологическими особенностями в виде акцентуаций характера: возбудимой, циклотимной, дистимной, независимо от пола, застревающей, эмотивной, тревожной экзальтированной у девушек, которые снижают адаптационный потенциал личности, закрепляя определенные устойчивые паттерны поведения. В случае с возбудимой и застревающей (только у девушек) акцентуациями враждебность закрепляется в устойчивые паттерны поведения, связанные с агрессией, увеличивая вероятность нарушения социальной адаптации.

Литература

- Азарных Т. Д.* Деадаптационные состояния и их связь со стрессами у студентов // *Современные направления развития вузовского образования* / Под ред. А. Ю. Нагорновой. Ульяновск: Зебра, 2019. С. 402–427.
- Колесниченко В. О.* Роль акцентуаций характера в самореализации личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
- Тарабрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Макаручук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчян З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007.
- Русалов В. М.* Опросник черт характера // *Темперамент в структуре индивидуальности человека: Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 397–453.
- Norlander B., Eckhardt C.* Anger, hostility and male perpetrators of intimate partner violence: A meta-analytic review // *Clinical Psychology Review*. 2005. V. 25. № 2. P. 119–152.

Определение критериев трудности жизненных ситуаций на основе экспертных оценок*

Е. В. Битюцкая (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

В работе предложено решение проблемы определения критериев внешней или «объективной» трудности с помощью применения метода экспертных оценок. Выделен ряд критериев, которые сопоставляются с признаками субъективной трудности. Показано, что в исследованиях жизненных трудностей для ситуаций разного содержания, длительности и влияния на жизнь человека необходимо разрабатывать отдельные перечни критериев трудности и признаков выхода из ситуации. При отборе экспертов важен учет их культурных ценностей, жизненного и профессионального опыта.

Ключевые слова: критерии трудности, трудная жизненная ситуация, субъективная трудность, внешняя трудность.

В современной психологии область исследований трудных жизненных ситуаций интенсивно разрабатывается. Накоплено много эмпирических данных о копинг-стратегиях, их ментальных, эмоциональных, личностных предпосылках. Вместе с тем увеличение научных знаний в обозначенной области обратно коррелирует с их согласованностью: данные разрозненны, имеется явный дефицит сопоставления противоречащих друг другу выводов, обнаруживаемых в разных исследованиях. «А между тем ведь именно общие вопросы больше всего возбуждают интереса, в их решении – цель науки» (Пропп, 1928, с. 9).

Один из вопросов психологии совладания, требующий решения, связан с необходимостью рефлексии критериев субъективной и объективной трудности. Трудная жизненная ситуация (ТЖС) как психологический феномен во многом определяется сочетанием объективных и субъективных компонентов (Битюцкая, Петровский, 2016). С одной стороны, она возникает в социальном и культурном контекстах, при определенных обстоятельствах, требующих от субъекта выхода за рамки обычных или привычных затрат ресурсов для преодо-

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-01255.

ления. С другой стороны, жизненная ситуация становится трудной для человека, когда он воспринимает определенные обстоятельства (и/или свое состояние) как трудность.

Если субъективная трудность ситуации (в зарубежных исследованиях изучается как «стрессогенность» жизненного события) достаточно хорошо описана и операционализована (см. обзор в статье: Битюцкая, Корнеев, 2021), то рассмотрение «объективной» или внешней трудности сопряжено с рядом методологических вопросов. В частности, имеются сложности получения и учета информации о происходящих в жизни субъекта обстоятельствах, поскольку научные эмпирические данные, собранные на выборках взрослых людей, основываются на их субъективных отчетах.

Другой проблемой, которая вскрывается, по мере накопления научных данных, является то, что в зависимости от выбранной исследователем процедуры, критерии трудности варьируются. Если не выработать систему общих критериев для разного уровня отражения (репрезентации) трудных ситуаций, научные исследования в области психологии копинга оказываются в методологическом тупике, поскольку под ТЖС в этом случае понимается «любая ситуация, требующая преодоления».

Для решения заявленной проблемы необходима разработка системы критериев трудности, что предполагает ее оценку не только воспринимающим ситуацию субъектом, но и условно «внешним наблюдателем», способным определить внешнюю или «объективную» трудность. В данной работе мы представляем пилотажное исследование, направленное на выделение перечня критериев трудности ситуации с помощью экспертных оценок.

В исследовании приняли участие 38 студентов-психологов специалитета и магистратуры. Все участники фокус-групп были обученными экспертами: имели знания и опыт анализа жизненных трудностей респондентов, приобретенные в рамках учебных курсов по психологии совладания с ТЖС (в том числе опыт применения контент-анализа к описаниям ТЖС и разбора показателей соответствующих опросников). Всего было организовано 7 фокус-групп. Данные основной группы экспертов были сопоставлены с результатами аналогичных фокус-групп, проведенных с участием профессиональных консультирующих психологов (одна фокус-группа), а также студентов-психологов филиала МГУ в г. Баку, проживающих в Азербайджане (две фокус-группы).

Предварительно эксперты самостоятельно анализировали предоставленные ведущим описание ТЖС разных респондентов: 42 описания ТЖС, 16 из которых необходимо было оценить. По инструкции, эксперты оценивали трудность каждой ситуации по шкале от 0 до 10 баллов (отдельно субъективную – трудность для респондента, по мнению эксперта; отдельно «объективную» – трудность для психолога-эксперта), затем вписывали возле каждой оценки критерий ее определения (каковы основания такого балла). В основной части фокус-группы проводилось обсуждение: 1) случаев, которые каждый эксперт оценил ранее самостоятельно (участники называли баллы и основания, рассматривались причины расхождений оценок: например, один участник оценил трудность ТЖС низкими баллами, а другой – высокими); 2) значимых для каждого эксперта критериев.

По результатам данного исследования, наиболее часто для оценки «объективной» трудности эксперты использовали следующие критерии оценки:

- 1) сопоставление необходимых и имеющихся ресурсов субъекта: оценка ресурсов, требуемых для разрешения, и их соотнесение с возможностями данного человека (например, для кого-то поездка в другую страну на обучение может быть трудно достижимой целью, а кто-то может поехать в любой момент);
- 2) эмоции – переживания субъекта и их насыщенность, негативная эмоциональная окраска ситуации, эмоциональная тяжесть;
- 3) препятствия – количество ограничивающих факторов, препятствий, в том числе время;
- 4) ресурсоемкость – «трудозатратность» достижения цели, цель включает в себя необходимость много работать, прикладывать много сил;
- 5) варианты решения – доступность способов решения, как часто подобные ситуации разрешаются положительно, есть ли у субъекта способность действовать и план, насколько эффективны его действия;
- 6) последствия – насколько важны последствия для дальнейшей жизни;
- 7) риски – опасность/угроза для жизни и здоровья субъекта;
- 8) распространенность/типичность: насколько распространенной является данная ситуация (например, для этого поколения или социальной группы);

- 9) трудность прогноза – непредсказуемость, трудно прогнозируемая ситуация, «непредусмотренность» жизненным планом;
- 10) потеря – утрата близких связей со значимым человеком, смерть близкого, потеря финансовой составляющей, потеря жизненных ориентиров и ценностей;
- 11) низкий контроль над ситуацией – попытки что-то исправить или избежать данной ситуации являются безрезультатными, контроль над ситуацией лежит вне власти субъекта.

Сравнение полученного перечня критериев «объективной» трудности с критериями субъективной трудности, описанными в современной литературе, показывают, что пятый (доступность способов решения) и восьмой (типичность ТЖС) критерии имеют отличия и предполагают позицию внешнего наблюдателя. Например, субъект, будучи поглощен проблемой, вряд ли оценивает типичность ситуации, в которой он оказался. А оценка доступности способов решения предполагает внешний взгляд на положение вещей, обзор многих имеющихся вариантов. Субъект же, как правило, таким обзором не обладает. В этом зачастую и состоит трудность.

Кроме представленных критериев проведенное исследование позволяет сделать ряд значимых наблюдений, которые расширяют представления о ТЖС.

1. Основными признаками различия ТЖС являются их содержание, длительность и влияние (влияние ситуации и ее последствий на другие жизненные сферы субъекта). При изучении конкретных типов ситуаций (например, сложный экзамен, развод или болезнь значимого человека) необходимо разработать отдельные перечни критериев оценки трудности и признаков выхода из ситуации. Это связано с тем, что универсальных характеристик нет. Например, настойчивые попытки преодолеть ситуацию, которые признаны в психологии важным условием мотивации достижения успеха, могут считаться неконструктивными или ошибочными, если субъект довел себя до полного истощения.
2. Оценка трудности варьируется в зависимости от ценностей эксперта, а также ценностей и моделей поведения, принятых в культуре. Например, описанную молодой женщиной и связанную с необходимостью дорогостоящей операции ее отца ситуацию большинство российских экспертов оценили как в высокой степени трудную из-за низкого субъективного контроля и высокой

стрессогенности события для респондентки. В то же время для некоторых азербайджанских экспертов-мужчин низкий контроль респондентки был основанием поставить низкий балл по трудности ситуации, потому что «если девушка не влияет на ситуацию, то ей не нужно прикладывать усилия, значит ситуация не может являться для нее трудной».

3. Оценка трудности зависит от жизненного и профессионального опыта эксперта. Так, консультирующие психологи обосновывали свои оценки трудности ситуации более глубоким анализом переживания ТЖС респондента и прогнозом развития событий, исходя из полученного описания, а также оценивали, сколько нужно времени и усилий для психологической помощи респонденту, если бы он был клиентом. Подобные критерии не встречались в ответах студентов и магистрантов.
4. Несмотря на попытки разделить в этом исследовании «объективную» (оцениваемую экспертами) и субъективную трудность (оцениваемую субъектом, переживающим ТЖС), когда речь идет о происходящей в жизни конкретного человека трудной ситуации, сопоставление его возможностей с требованиями обстоятельств, а также интенсивность эмоциональных переживаний и значимость будут важными критериями определения внешней трудности. Кроме того, значим контекст: исторический, культурный, семейный и т. п. Это означает, что объективная трудность в «чистом виде», без оценки субъективных и контекстных характеристик является абстрактной величиной.

Итак, проведенное исследование высвечивает проблему критериев внешней или «объективной» трудности жизненной ситуации и предлагает для ее решения применить метод экспертных оценок. В процессе разработки критериев внешней трудности, выявляемых для разного типа жизненных ситуаций, показано, что ряд критериев, которые применяли эксперты в позиции внешнего наблюдателя, совпадают с признаками субъективной трудности. К специфичным признакам относятся: доступность субъекту способов решения и типичность ТЖС. Профессиональные психологи-консультанты оценивали трудность ситуации респондента по собственным усилиям, которые понадобились бы для психологической поддержки. Важными выводами являются необходимость разработки отдельных перечней критериев трудности и признаков выхода из ситуации для разных типов труд-

ностей; а также необходимость учета культурных ценностей, жизненного и профессионального опыта экспертов. Следовательно, их отбор для исследований трудности жизненных ситуаций должен быть отдельной задачей иметь четкие обоснования.

Литература

Битюцкая Е. В., Корнеев А. А. Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации: диагностика и структура // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 145–161.

Битюцкая Е. В., Петровский В. А. К вопросу о субъективной и объективной трудности жизненной ситуации // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: Материалы IV-ой Международной научной конференции. Кострома, 22–24 сентября 2016 г. В 2 т. / Отв. ред. Т. Л. Крюкова, М. В. Сапорова, С. А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. Т. 1. С. 17–19.

Пропт В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.

Применение компьютерного моделирования логических процессов к типологии восприятия трудных жизненных ситуаций*

Е. В. Битюцкая (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
Э. Э. Гасанов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва), *Н. А. Патрашкин*
(Сколковский институт науки и технологий, Москва), *К. В. Хазова*
(Сколковский институт науки и технологий, Москва)

В статье представлена классификация воспринимаемых трудных жизненных ситуаций, которая включает 5 типов: драйв, максимальный, оптимальный, амбивалентный типы и уход. Определение типов осуществляется экспертом-психологом на основе 1) профиля респондента по опроснику, позволяющему анализировать воспринимаемую трудную ситуацию, и 2) описания этой ситуации (в ответ на открытые вопросы, качественные данные). Компьютерное моделирование логических процессов А. С. Подколзина используется для моделирования принятия решения психолога и оптимизации процедуры классификации. Получен алгоритм, позволяющий пошагово проследить процесс решения задачи классификации.

Ключевые слова: восприятие ситуации, трудная жизненная ситуация, классификация, компьютерное моделирование.

В современных исследованиях наиболее распространенным способом анализа копинг-стратегий, их детерминант и последствий является сопоставление показателей отдельных копинг-стратегий с ситуационными и личностными переменными. Стремление исследователей разделить на составные части феномен копинга понятно: так его проще изучить. Но человек при совладании с трудностью не использует способы копинга по отдельности; равно как и не воспринимает трудные и стрессовые ситуации с учетом какой-либо одной характеристики. Как правило, люди действуют и воспринимают ситуацию комплексно и совладают с ней, применяя разные копинг-стратегии.

* Исследование частично (разработка классификации) выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-01255.

В связи с этим отдельно взятые шкалы, операционализирующие копинг-стратегии или характеристики оценки стрессора, мало что говорят о взаимодействии человека с ситуацией. Например, способы ухода от проблемы важны не сами по себе, а в связи с тем, используются ли они в сочетании с планомерным копингом или избеганием (Битюцкая и др., 2015; Харламенкова, 2016).

Важным продвижением в этой области можно считать серию работ, выполненных с помощью современных вариантов кластерного анализа, позволяющего выявить типы копинга. В таких классификациях тип копинга определяется как набор копинг-стратегий на основе профиля респондента по опроснику (Doron et al., 2015).

В данной работе мы предлагаем иной вариант разработки и проверки типологии, включающей характеристики восприятия ситуации и совладания с ней. Подход описывает выделение типов экспертом-психологом на основе, во-первых, анализа профиля респондента по опроснику и, во-вторых, дальнейшего сопоставления этого профиля с качественными данными (описанием трудной жизненной ситуации – ТЖС). Типология разрабатывалась для трудных жизненных задач – таких ситуаций, которые предполагают достижение значимой трудной цели, и подконтрольны человеку.

Методики и процедура обработки

Для диагностики восприятия ТЖС и совладания мы использовали следующие инструменты.

Опросник «Типы ориентаций в трудной ситуации» (ТОРС) предназначен для диагностики восприятия актуальной для респондента трудной ситуации. Конструкт основан на идее о двух типах направленности сознания в процессе совладания: 1) на приближение к трудной ситуации (фокусирование на ней, позволяющее направлять усилия на изменение ситуации) и 2) на уход от нее (когнитивное отстранение, позволяющее избегать, игнорировать трудность). К первому типу относятся драйв, тщательность, ориентация на возможности; а ко второму – избегание, бездействие, беспечность. Две ориентации – на сигналы угрозы и на препятствия – могут сочетаться как с ориентациями первого, так и второго типов (Битюцкая, Корнеев, 2020).

Профиль участников исследования по ТОРС рассматривался комплексно – как сочетание выраженных ориентаций. Дифференцирующими для нас были шесть шкал: относящиеся к приближению

(драйв, тщательность, ориентация на возможности) и к уходу (избегание, бездействие, беспечность). Основанием для выделения типов восприятия ТЖС были значения по шкалам в индивидуальном профиле, выводимые из шкалы инструкции (от 0 до 3 баллов), где 1,5 является средним значением. Соответственно, баллы 1,5 и выше интерпретировались как выраженность ориентации.

Методика структурированного описания ситуации операционализирует восприятие ТЖС и позволяет получить качественные данные в виде описания ТЖС. Методика включает вводную инструкцию, предполагающую формулирование трудной жизненной задачи, и шесть открытых вопросов о ней. Вопросы направлены на определение оценок, способов coping, целей, возможностей и ограничений, а также представлений о максимально успешном и неуспешном вариантах развития ситуации. Каждый респондент вначале описывал актуальную для него ситуацию по данной инструкции, а затем эту же ситуацию анализировал на основе опросника ТОРС.

Для обработки данных Методики структурированного описания ситуации использовался контент-анализ (сплошной подсчет). Кодировочная инструкция для контент-анализа разработана Е. В. Битюцкой и Н. Г. Малышевой и включает 187 единиц анализа – категорий и подкатегорий.

Выборка

В исследовании приняли участие 600 респондентов, из них 180 мужчин и 420 женщин (в возрасте 19–52 лет; $M = 24,9$; $SD = 5,8$) – студенты московских вузов, а также работающие специалисты с высшим и средним специальным образованием, жители Москвы и Московской области.

Типы восприятия трудных жизненных ситуаций

Предложенная в данной работе классификация типов восприятия предполагает приближение, уход, амбивалентное восприятие. Приближение разделяется на три типа: драйв, максимальный и оптимальный типы. Уход и амбивалентное восприятие образуют отдельные типы. Таким образом, классификация включает пять типов.

Тип определяется комплексно: по сочетанию 1) профиля респондента по опроснику ТОРС (количественные данные; вектор профиля)

и 2) наличие значимых для типа категорий (качественные данные – описания ТЖС; вектор разметки). По результатам такого анализа психолог выделил пять основных типов:

Тип I: драйв ($n = 61$) – стремление к трудности. В профиле респондента по ТОРС наиболее высокие (или высокие) баллы имеет драйв в сочетании с выраженностью других ориентаций приближения к трудностям и невыраженностью ориентаций ухода. В качественных данных представлены положительные оценки и эмоции, вызов, саморазвитие, характеристики повышения энергии, высокий уровень трудности.

Тип II: максимальный ($n = 83$) – достижение перфекционистской цели при наиболее высоких затратах усилий. В профиле ТОРС высоко выражена ориентация «тщательность» в сочетании с другими ориентациями приближения к трудным ситуациям и не выражены ориентации ухода. Наиболее значимыми индикаторами в качественных данных выступают категории, определяющие высокий уровень достижений и необходимость все успеть, а также низкий уровень энергии, борьба как копинг, многозадачность.

Тип III: оптимальный ($n = 135$) – направленность на достижение трудной цели оптимальными усилиями. В профиле ТОРС характерна выраженность ориентаций приближения к трудностям при невыраженности ориентаций ухода. При этом наиболее высокий (или один из самых высоких) показателей профиля обнаруживается по ориентации на возможности. Характерно частое упоминание подкатегорий планомерного копинга и положительной переоценки ситуации, целей приближения.

Тип IV: амбивалентный ($n = 249$) предполагает выраженность одновременно одной, двух или трех ориентаций приближения в сочетании с одной, двумя или тремя ориентациями ухода в профиле ТОРС. В качественных данных имеется частое упоминание отрицательных эмоций и сложности совладания с ними, низкий уровень энергии, отмечаются высокая трудность (тяжесть) ситуации, ее отрицательные и амбивалентные оценки.

Тип V: уход ($n = 61$) – избегание трудной ситуации. В профиле ТОРС выражены одна, две или три шкалы ухода от трудностей, и не выражены шкалы приближения. В качественных данных особенно часто встречаются интенсивные отрицательные эмоции, копинг и цели избегания, неподконтрольность и непонятность ситуации.

Компьютерное моделирование логических процессов

Отнесение воспринимаемой респондентом ТЖС к определенному типу восприятия является стандартной задачей классификации данных. В настоящей работе мы применяем компьютерное моделирование логических процессов (Подколзин, 2008) и преследуем две цели: 1) смоделировать принятие решения психолога, реализующего задачу классификации, 2) оптимизировать процедуру классификации.

Воспринимаемая ТЖС респондента, которую надо отнести к одному из пяти типов, представлена в виде двух векторов: шестимерный вектор профиля респондента по ТОРС и 187-мерный вектор разметки, полученный из описания ТЖС респондента.

На первом шаге классификации психолог предлагает использовать следующее первое правило:

- если в профиле ТОРС выражена хотя бы одна из ориентаций приближения, и не выражена ни одна из ориентаций ухода, то респондент относится к одному из первых трех типов (к типам приближения);
- если выражена хотя бы одна из ориентаций ухода, и не выражена ни одна из ориентаций приближения, то респондент относится к пятому типу (к уходу);
- в противном случае респондент относится к четвертому (амбивалентному) типу.

Анализ обучающей выборки показывает, что такое простое правило осуществляет правильную классификацию в 85,78% случаев. Для полноты картины были исследованы другие правила классификации, в частности, правила, основанные на голосовании и взвешенном голосовании. Но анализ показал, что они дают результат хуже, чем описанное выше правило. С другой стороны, вариация порогов выраженности ориентаций показала, что если считать тщательность выраженной при соответствующем ей числе больше 1,65, а беспечность считать выраженной при соответствующем ей числе больше 1,85, при сохранении остальных порогов, равными 1,5, то первое правило осуществляет правильную классификацию в 87,95% случаев. Поэтому на первом шаге будем использовать описанное выше правило с уточненными порогами выраженности.

Далее разделим первые три типа, относящиеся к приближению. Лучший результат показало правило, которое на втором шаге отде-

ляет третий класс от первых двух. Причем это, второе правило, тоже основывается на векторе профиля респондента по TOPC:

- если среднее арифметическое значение по шкалам «драйв» и «тщательность» больше значения по шкале «возможности» или максимальное значение в профиле респондента — значение по шкале «драйв», то относим респондента к первым двум классам (драйв и максимальный тип);
- в противном случае относим респондента к третьему (оптимальному) типу.

Осталось разделить первые два типа (драйв и максимальный). Было предложено использовать для этой цели вектор разметки описания трудной жизненной ситуации респондента. Сначала психолог описал 20 подкатегорий, упоминание которых характеризует первый тип (драйв), и каждой подкатегории присвоил вес от 1 (менее значимая) до 3 (наиболее значимая). Далее психолог выделил 18 подкатегорий, которые характеризуют второй тип (максимальный), и определил веса каждой из них. Оказалось, что наиболее эффективным является следующее, третье правило:

- по вектору разметки респондента подсчитываем взвешенные суммы подкатегорий для каждого типа;
- если взвешенная сумма подкатегорий первого типа оказалась больше взвешенной суммы подкатегорий второго типа, то относим респондента к первому типу, иначе ко второму.

Итоговая процедура классификации выглядит следующим образом:

- сначала используем первое правило;
- если респондент этим правилом отнесен к четвертому или пятому типам, то завершаем работу по этому респонденту;
- в противном случае применяем второе правило;
- если второе правило отнесло респондента к третьему типу, то завершаем работу;
- в противном случае применяем третье правило.

На имеющейся обучающей выборке данная процедура правильно классифицирует в 75,6% случаев, что можно считать хорошим качеством классификации.

Выводы

Для разделения массива ответов на три крупных типа: 1) приближение, 2) избегание, 3) амбивалентное восприятие ТЖС возможно реализовать алгоритм, использующий результаты опросника, т. е. часть данных, наименее трудоемкую для обработки. Приближение при этом включает в себя еще три типа; два из них отделяются от третьего также на основе опросника.

Проведение методики структурированного описания ситуации, предполагающей сбор качественных данных, в большей степени необходимо для разделения двух первых типов приближения (драйва и максимального типов, в данном исследовании 24% от общего числа респондентов).

Подход, примененный в данной работе, — компьютерное моделирование логических процессов — позволяет не только оптимизировать отнесение воспринимаемых ТЖС к определенным типам, но и проследить процесс решения задачи классификации по шагам.

Литература

- Битюцкая Е. В., Корнеев А. А.* Диагностика восприятия жизненных трудностей: ситуационный опросник «Типы ориентаций в трудной ситуации» // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 141–163. doi: 10.18384/2224-0209-2020-4-1047
- Битюцкая Е. В., Баханова Е. А., Корнеев А. А.* Моделирование процесса совладания с трудной жизненной ситуацией // Национальный психологический журнал. 2015. № 2. С. 41–55.
- Подколзин А. С.* Компьютерное моделирование логических процессов. Архитектура и языки решателя задач. М.: Физматлит, 2008.
- Харламенкова Н. Е.* Избегание как признак посттравматического стресса и стиль совладания // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: Материалы IV Международной научной конференции, Кострома, 22–24 сентября 2016 г. В 2 т. / Отв. ред. Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома, 2016. Т. 1. С. 168–171.
- Doron J., Trouillet R., Maneveau A., Ninot G., Neveu D.* Coping profiles, perceived stress and health-related behaviors: a cluster analysis approach // Health Promot. International. 2015. № 30 (1). P. 88–100. doi: 10.1093/heapro/dau090

Психологическая зрелость как ресурс совладания с трудной жизненной ситуацией

И. В. Боязитова (КИПУ им. Февзи Якубова, Симферополь)

В статье представлены результаты исследования, целью которого было изучение ресурсных возможностей психологической зрелости как системного ресурса, определяющего специфику субъективного образа ситуации, детерминирующего выбор стратегий совладания с трудной ситуацией студенческой молодежью, проживающей в зоне военного конфликта. На основе когнитивного оценивания трудной жизненной ситуации определены особенности субъективного образа ситуации по критерию посильности/непосильности; на системно-структурном уровне выявлены статистически значимые различия в организации структуры стратегий совладания и структуры психологической зрелости студентов, субъективно воспринимающих трудную ситуацию как посильную, и как непосильную.

Ключевые слова: образ ситуации, посильная/непосильная ситуация, стратегии совладания, психологическая зрелость, системный ресурс.

В психологии глобальные проблемы человечества, нарушающие систему отношений в границах существующего мирового порядка, непосредственно связаны с фундаментальной научной проблемой совладающего поведения, которая активно разрабатывалась и получила новый виток развития в XXI веке (Белинская, 2022; Битюцкая, 2022; Рассказова, 2022; Tormala, 2016; и др.), что связано с нарастающим воздействием экстремальных факторов, негативно влияющих на жизнеспособность общества в целом. Несмотря на масштабность научных работ, сконцентрированных на решении проблем совладания с трудной жизненной ситуацией, тенденции общественного развития требуют системных моделей анализа совладающего поведения, что ориентирует на применение системной методологии исследования.

Высокая потребность в расширении представлений о совладающем поведении, определила проблему нашего исследования пси-

хологической зрелости как системного ресурса, опосредствующего выбор стратегий совладания с трудной ситуацией. Психологическую зрелость как ресурса совладания с трудной ситуацией актуально рассмотреть на примере студенческой молодежи. Несоввершенство и противоречивость субъектных характеристик на этапе ранней взрослости усугубляется экстремальной ситуацией военного конфликта, принципиально отличающейся от трудных ситуаций обычной жизни по разрушительности воздействия.

Эмпирическое исследование проводилось на выборке студентов ($N = 119$) Горловского института иностранных языков (г. Горловка, ДНР), осуществлялось с применением методического инструментария, направленного на изучение степени трудности актуальной жизненной ситуации (методика «Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций» Е. В. Битюцкой), способов копинга с актуальной трудной ситуацией (опросник способов копинга Р. Лазаруса, С. Фолкман в адаптации Е. В. Битюцкой), интраперсональных и интерперсональных свойств психологической зрелости (тест смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева, опросник толерантности к неопределенности в адаптации Е. Г. Луковицкой, опросник когнитивной регуляции эмоций Е. И. Расказовой, опросник «Социальная поддержка» в адаптации А. Б. Холмогоровой, опросник «Стили реагирования на изменения» Т. Ю. Базарова, М. П. Сычевой, тест «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири в модификации Л. Н. Собчик). Статистическая обработка первичных данных проводилась с использованием сравнительного анализа по критерию t -Student, корреляционного анализа с применением критерия g -Спирмена.

По результатам первого этапа исследования, включающего качественный анализ первичных данных когнитивного оценивания трудной ситуации (по содержанию разных, но связанных с трудными условиями проживания в зоне военного конфликта) по шкалам «Общие признаки трудных жизненных ситуаций», «неподконтрольность», «непонятность ситуации», было выделено две группы респондентов: студенты, субъективно воспринимающие ситуацию, как трудную посильную ситуацию, вошли в состав группы «ТПС»; студенты, субъективно воспринимающие ситуацию, как трудную непосильную, составили группу «ТНС». В группе «ТПС» ситуация субъективно воспринимается как «трудная жизненная задача» и характеризуется следующими признаками: контролируемая, управляемая, зависящая от личных усилий, понятная, прогнозируемая, личностные ресурсы

оцениваются как достаточные для быстрого и активного реагирования. Во второй группе «ТНС» ситуация субъективно воспринимается как «ситуация тупик» и имеет следующие признаки: ситуация неконтролируемая, не зависящая от личных усилий, непонятная, сопряжена с трудностями прогнозирования развития ситуации, личностные ресурсы оцениваются как недостаточные для совладания с трудностью, что позволяет говорить о неуспешном копинге.

На втором этапе, в соответствии с поставленной задачей, была сформулирована следующая гипотеза: субъективная посильность/непосильность восприятия трудной ситуации определяет направленность стратегий совладания с трудностями. Для проверки гипотезы был проведен структурно-психологический анализ интеркорреляций параметров когнитивного оценивания трудной ситуации с параметрами способов совладания в группах «ТПС» и «ТНС»: 1) с активными стратегиями совладания, направленными на изменение ситуации (АСИС); 2) с активными стратегиями совладания, направленными на себя и изменение отношения к ситуации (АСИО); 3) со стратегиями совладания, направленными на уход от ситуации; 4) с пассивной стратегией, нацеленной на изменения себя – фантазирование (АПУФ).

Согласно полученным данным, общая организация структуры связей параметров стратегий совладания с параметрами когнитивного оценивания трудной ситуации в группе «ТПС» и группе «ТНС» имеет значимые различия, характеризующие содержание структуры по показателям когерентности (интегрированность, специфичность) и дивергентности (рассогласованность, неспецифичность). В группе «ТПС» когерентность структуры (24 балла) в целом определяется активными стратегиями, направленными на изменение ситуации, на себя и изменение отношения к ситуации; дивергентность (25 баллов) – стратегиями, направленными на уход от ситуации. В группе «ТНС» дивергентность структуры более чем в два раза превышает когерентность (соответственно 74 и 34 балла), дивергентность в большей степени характерна для активных стратегий, а когерентность для стратегий направленными на уход от ситуации и фантазирование.

На третьем этапе исследования проверялась гипотеза о закономерном влиянии степени выраженности психологической зрелости на когнитивное оценивание трудной ситуации как посильной и непосильной. Мы полагали, что общая степень выраженности психологической зрелости как структурного образования, проявляется в системной взаимосвязи интраперсональных (ИнтраПС) и интер-

персональных (ИнтерПС) свойств; структурная организация психологической зрелости по показателям когерентности, дивергентности, организованность структуры, функциональной роли свойств в структуре имеет качественные различия в сравниваемых группах студентов.

В соответствии с полученными данными, вес структуры интраперсональных свойств по показателю когерентности в группе «ТПС» равен 36 баллам, в группе «ТНС» – 39 баллам; по показателю дивергентности в группе «ТПС» – 19 баллам, в группе «ТНС» – 38 баллам. Вес структуры интерперсональных свойств по показателю когерентности в группе «ТПС» соответствует 47 баллам, в группе «ТНС» – 50 баллам; по показателю дивергентности в группе «ТПС» – 19 баллам, в группе «ТНС» – 22 баллам. Установлено, что по степени интегрированности интраперсональные и интерперсональные свойства в сравниваемых группах незначительно отличаются; рассогласованность интраперсональных свойств в группе «ТНС» в два раза выше, чем в группе «ТПС», и незначительно превышает по степени выраженности интерперсональных свойств.

По результатам качественного анализа межуровневой структуры психологической зрелости в группе «ТПС» межуровневый вес структуры по показателю когерентности равен 74 баллам, по показателю дивергентности – 29 баллам; в группе «ТНС» по показателю когерентности – 57 баллам, по показателю дивергентности – 33 баллам. Межуровневый структурный анализ позволяет говорить о значимых различиях в организации межуровневых структур в сравниваемых группах: в группе «ТПС» интегрированность межуровневой структуры психологической зрелости значительно выше, чем в группе «ТНС», и ниже (незначительно) по степени рассогласованности.

Общая структурная организация психологической зрелости по результатам подсчета индекса когерентности в группе «ТПС» равна 157 баллам, в группе «ТНС» – 146 баллам. По итогам подсчета индекса дивергентности в группе «ТПС» соответствует 67 баллам, в группе «ТНС» – 93 баллам. В общем, интегрированность структуры психологической зрелости в большей степени выражена в группе студентов, субъективно воспринимающих трудную ситуацию как посильную; рассогласованность в большей мере характеризует структуру психологической зрелости студентов, субъективно воспринимающих трудную ситуацию как непосильную.

Результаты проведенного исследования показали, что объективно трудная жизненная ситуация, может субъективно восприниматься

как посильная, контролируемая трудная задача, а может субъективно оцениваться как непосильная, неуправляемая, тупиковая проблема. Структурно-психологический анализ показал, что в группе «ГПС» структура совладания в большей степени характеризуется активными стратегиями, направленными на изменение ситуации и отношения к ней; стратегии уход от ситуации, дистанцирование не являются специфическими для данной группы респондентов. В группе «ГНС» в структуре совладания специфическими выступают стратегии, направленные на уход и фантазирование, и неспецифическими в общей сложности выступают активные стратегии, нацеленные на изменение ситуации. Установленные закономерности субъективного восприятия трудной ситуации показали, что не отдельные свойства психологической зрелости, а повышение интегрированности ее структурной организации обеспечивает субъективное оценивание трудной ситуации как посильной, управляемой. Субъективное восприятие ситуации выполняет посредническую функцию между психологической зрелостью и стратегиями совладания с трудной жизненной ситуацией. Психологическая зрелость как системный ресурс опосредствованно влияет на выбор стратегий совладания через когнитивное оценивание ситуации.

Литература

- Белинская Е. П.* Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды // Вестник КемГУ. 2022. № 6 (94). С. 760–771.
- Битюцкая Е. В.* Успешность копинга // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 1. С. 382–404.
- Рассказова Е. И.* Возможности диспозиционной и ситуативной оценки копинг-стратегий // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 1. С. 204–219.
- Tormala Z. L.* The role of certainty (and uncertainty) in attitudes and persuasion // Current Opinion in Psychology. 2016. № 10. P. 6–11.

Антиципация и ее особенности при переживании последствий оскорбления

А. А. Бузина (Москва)

В статье представлены результаты исследования антиципационной состоятельности людей средней взрослости при переживании оскорбления. В исследовании участвовали 120 чел. (85 женщин и 35 мужчин; средний возраст – 46 лет). Выявлен высокий уровень пространственной составляющей антиципации при среднем уровне посттравматического стресса. Рассмотрена взаимосвязь антиципационной состоятельности и копинга, которые выступают ресурсами устойчивости личности. Установлена связь проблемно-ориентированного копинга с общей антиципационной состоятельностью и всеми ее составляющими (личностно-ситуативной, пространственной, временной). Выявлена обратная связь копинга, ориентированного на избегание, с общим показателем и личностно-ситуативной составляющей и обратная связь отвлечения с общей антиципацией.

Ключевые слова: антиципационная состоятельность, оскорбление, эмоциональное насилие, средняя взрослость, посттравматический стресс, копинг.

Как показывают исследования, наибольший травматический эффект вызывают интенсивные стрессоры антропогенного характера, к числу которых относится оскорбление. Подобная ситуация угрожает психологическому благополучию личности, ее целостности и эмоциональной стабильности. Столкнувшийся с оскорблением человек продолжает переживать последствия травмы вне зависимости от ее давности (Харламенкова, 2016).

Ситуация оскорбления, которую принято относить к видам эмоционального (психологического) насилия (Сидорова, 2017), сказывается на личностных особенностях человека. В качестве психологических последствий такого негативного эмоционального воздействия можно выделить снижение самооценки, социальную изоляцию, развитие виктимности.

К последствиям эмоционального насилия относится и идентификация с агрессором, чреватая как развитием ранимости и беспомощности, так и превращением жертвы в агрессора (D'Angelo, 2015). Подобное поведение можно объяснить в том числе низким уровнем антиципационной состоятельности (прогностической компетентности): отчаяние и ощущение бессилия мешают эффективному обращению к опыту, тем самым препятствуя возможности действовать с опережением.

Антиципационная состоятельность (прогностическая компетентность) наряду с механизмом совладания составляет единую систему устойчивости личности (Менделевич, 2018) и представляет собой способность действовать и принимать решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении будущих событий (Ломов, Сурков, 1980).

Очевидно, что интенсивное переживание оскорбления затрагивает психическую устойчивость личности, сказывается на ее способностях к адаптации в стрессовых ситуациях.

Целью исследования являлось выявление взаимосвязи интенсивности посттравматического стресса (ПТС), вызванного переживанием оскорбления, и антиципационной состоятельности в период средней взрослости.

Гипотеза исследования: психологические последствия переживания оскорбления людьми средней взрослости находят отражение в особенностях антиципационной состоятельности и ее связи со стилем совладающего поведения.

Выборка и процедура исследования

Участниками исследования стали 120 чел. (85 женщин и 35 мужчин, средний возраст – 46 лет).

Каждый участник исследования был опрошен в индивидуальном порядке с использованием следующих методик.

1. Опросник травматических ситуаций (LEQ), разработанный Дж. Норбеком, И. Сарасоном, Дж. Джонсоном, Дж. Сигель (J. S. Norbeck, I. G. Sarason, J. H. Johnson, J. M. Siegel), адаптированный на русский язык Н. В. Тарабриной, позволяет оценить наличие или отсутствие признаков ПТС.
2. Тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности), разработанный В. Д. Менделевичем. Участникам

исследования предлагается 81 утверждение, степень согласия с которым нужно оценить по 5-балльной шкале. Тест определяет выраженность составляющих прогностической компетентности – личностно-ситуативной, временной (хроноритмологической), пространственной (моторной ловкости), а также общую антиципационную состоятельность.

3. Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС) (Coping Inventory for Stressful Situations – CISS), разработанная Н. С. Эндлером (N. S. Endler) и Дж. Д. А. Паркером (J. D. A. Parker) и адаптированная на русский язык Т. Л. Крюковой. В опроснике приводятся 48 возможных реакций человека на различные трудные, огорчающие или стрессовые ситуации. С помощью 5-балльной шкалы участники исследования определяют, в какой степени относится к их поведению та или иная реакция.

Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием программных пакетов MS Excel, Statistica v. 10.

Участники исследования были разделены на две группы, в зависимости от заполнения пункта 26 LEQ, относящегося к переживанию оскорбления. Сообщившие о подобном опыте составили первую группу (74 чел.). Те, кто не отметил данный пункт, вошли во вторую группу (46 чел.).

Далее работа велась с первой группой респондентов, которая, в свою очередь, была разделена на три подгруппы. Критерием выделения подгрупп стала интенсивность показателя ПТС: определялся индекс травматичности по LEQ, затем использовался расчет нижнего и верхнего квартилей.

В результате были сформированы три подгруппы: «Низкий ПТС» (18 чел.; индекс – 1.1), «Средний ПТС» (33 чел.; индекс – 1.2) и «Высокий ПТС» (23 чел.; индекс – 1.3).

Результаты и их обсуждение

Для определения уровня антиципационной состоятельности в зависимости от интенсивности ПТС было проведено сравнение показателей подгрупп «Низкий ПТС», «Средний ПТС» и «Высокий ПТС» по методике «Тест антиципационной состоятельности» (с использованием критерия Краскела–Уоллиса). Статистически значимые различия были получены лишь по показателям пространственной составляющей: $N = 8,744$; $p = 0,012$.

Попарное сравнение показателей подгрупп с использованием критерия Манна–Уитни позволило установить статистически значимые различия только для показателей подгрупп «Средний ПТС» и «Высокий ПТС»: $U = 205,0$; $p = 0,003$. В большей степени пространственная составляющая выражена в подгруппе «Средний ПТС»: $Me_{1,2} = 64,0$, $SD_{1,2} = 3,473$; $Me_{1,3} = 61,0$, $SD_{1,3} = 5,163$.

Пространственная составляющая не только определяет уровень моторной ловкости, которую можно отнести к физическим качествам, но и выражает развитость таких умственных показателей, как находчивость, мудрость, умение эффективно обращаться к жизненному опыту. В этом отношении результат подгруппы «Средний ПТС» заслуживает особого внимания.

Можно предположить, что представители данной подгруппы, по сравнению с респондентами с низким уровнем ПТС, склонны к большей умственной проработке ситуации оскорбления, анализу ее причин и возможных последствий. С другой стороны, по сравнению с респондентами с высоким уровнем ПТС, у них больше психологических ресурсов для эффективного реагирования на схожие ситуации.

Стоит отметить и отсутствие связи интенсивности переживания оскорбления с другими составляющими антиципационной состоятельности — личностно-ситуативной и временной, а также с общим уровнем антиципационной состоятельности. Этот результат можно объяснить особым характером такого стрессора, как оскорбление: он имеет латентный характер. Зачастую человек не отдает себе отчета в том, что является жертвой и, как следствие, не может адекватно оценить данную ситуацию, извлечь из нее уроки на будущее.

Рассматривая совладание (копинг) и антиципационную состоятельность как единую систему устойчивости личности, логично обратиться к взаимосвязи этих параметров. Анализ показателей методик КПСС и «Тест антиципационной состоятельности» первой группы респондентов (сообщивших о переживании оскорбления) с использованием коэффициента корреляции Спирмена не позволил выявить связь показателей эмоционально-ориентированного копинга и социального отвлечения с параметрами антиципационной состоятельности.

Была выявлена связь проблемно-ориентированного копинга с общей антиципационной состоятельностью ($r_s = 0,401$; $p = 0,0003$), а также со всеми ее составляющими: личностно-ситуативной ($r_s = 0,294$; $p = 0,010$), пространственной ($r_s = 0,283$; $p = 0,014$) и временной ($r_s = 0,336$; $p = 0,003$).

Таким образом, переживанию оскорбления в период средней зрелости свойственна связь проблемно-ориентированного копинга со всеми составляющими антиципационной состоятельности. Высокий уровень антиципационной состоятельности способствует выбору конструктивных стратегий совладания, направленных не на эмоциональную разрядку, а на поиск действенного, эффективного выхода из проблемной ситуации.

Также удалось выявить обратную связь копинга, ориентированного на избегание с общей антиципационной состоятельностью ($r_s = -0,329$; $p = 0,004$) и ее личностно-ситуативной составляющей ($r_s = -0,315$; $p = 0,006$). Очевидно, что умение превосходить стрессовые ситуации дает человеку возможность справляться с негативным воздействием, не прибегая к стратегии избегания. К такому же выводу позволяет прийти обратная связь общей антиципационной состоятельности и показателей отвлечения ($r_s = -0,274$; $p = 0,017$): человек, отличающийся высоким уровнем антиципационной состоятельности, предпочитает разрешение проблемной ситуации эмоциональному, временному уходу от нее.

Выводы

Исследование позволило частично подтвердить предположение, согласно которому психологические последствия переживания оскорбления людьми средней зрелости находят отражение в особенностях антиципационной состоятельности и ее связи со стилем совладающего поведения.

Установлено, что высокий уровень антиципационной состоятельности определяет обращение к проблемно-ориентированному копингу и предпочтение такого стиля стратегиям, направленным на избегание. Также был выявлен высокий уровень пространственной составляющей у подгруппы респондентов со средним уровнем ПТС.

Безусловно, выявление особенностей антиципационной состоятельности людей среднего возраста, переживающих оскорбление, требует дальнейшего изучения.

Литература

Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности». М.: Наука, 1980.

- Менделевич В. Д.* Антиципационные механизмы неврозогенеза. М.: ИД «Городец», 2018.
- Сидорова И. В.* Оскорбление как разновидность психического насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 28–32.
- Харламенкова Н. Е.* Эмоциональное оскорбление и пренебрежение и его психологические последствия для личности в разные периоды взрослости // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 193–214.
- D'Angelo R.* Thinking about Identification with the Aggressor: A Way out of Impasses, Self-Hatred and Isolation. Los Angeles: Institute of Contemporary Psychoanalysis, 2015.

К вопросу о концептуализации понятия «переживание невидимой угрозы»*

Ю. В. Быховец (ИП РАН, Москва)

Материал посвящен психологическому анализу понятия «переживание невидимой угрозы», под которым понимается субъективная оценка стать жертвой ее воздействия. Для описания данного конструкта используются такие процессы, как антиципация, мышление, воображение, понимание немыслимого.

Ключевые слова: стрессор, посттравматический стресс, невидимая угроза, антиципация, оценка, прогнозирование, мышление, воображением, психология немыслимого.

Невидимые угрозы в рамках психологии посттравматического стресса рассматриваются нами как стрессоры высокой интенсивности, способные приводить у определенной части населения к различным формам психической дезадаптации (Быховец, 2007). В качестве моделей для изучения механизма переживания невидимой угрозы мы будем рассматривать террористическую, вирусную и радиационную угрозы.

Под угрозой мы понимаем потенциальные или реальные события, способные нанести вред благополучию человека. Невидимые угрозы отличаются тем, что, во-первых, причину, угрожающий фактор человек не может увидеть глазом. У него есть только представления, знания о том, что данная угроза опасна. Эти знания он получил либо исходя из его предшествующего жизненного опыта, либо от так называемых модераторов информации о внешнем мире (СМИ, правительственные институты, научное сообщество). Во-вторых, последствия воздействия невидимых угроз отсрочены во времени. А. Н. Кимберг и Е. В. Улько указывают на то, что «восприятие человеком неявной опасности (в сравнении с чувственно представленной опасностью) является специфическим психическим явлением, име-

* Исследование выполнено в соответствии с Госзаданием Минобрнауки РФ № 0138-2023-0005.

ющем особые психологические закономерности, требующие своего описания и изучения (Кимберг, Улько, 2020).

Под переживанием невидимой (террористической/вирусной/радиационной) угрозы мы понимаем субъективную оценку стать жертвой ее воздействия. Требуется более подробно рассмотреть категорию «оценка». В данном случае оценка рассматривается как антиципация возможного негативного события или его последствий – например, террористического акта. На чем основана антиципация (предвосхищение) возможного террористического акта? На объективизации этой угрозы, т. е. на определенных знаниях о существовании террористической угрозы как факта современного мироустройства, на представлениях о том, какую форму могут иметь террористические акты (взрывы, захват заложников и т. п.), на оценке степени близости к угрожающему фактору, на эмоциональной оценке этой угрозы (страх, ужас, чувство беспомощности). Также некоторые авторы указывают, что дополнительной опорой могут стать такие личностные особенности, как склонность к рефлексии, стремление следовать за своими интуитивными представлениями (Кимберг, Улько, 2020), эмпиризм или рационализм как способы мышления (Холодная, 2004).

Все это приводит к такому эффекту, что потенциальная опасность воспринимается как явная и представляется в воображении как реальная. Происходит подмена реального, чувственного восприятия виртуальным, воображаемым. В ситуации с невидимыми угрозами возможных сценариев развития вариативность последствий всегда многообразна и зависит от уровня образованности индивида, его способностей к рефлексии и критическому анализу поступающей извне информации, от его личностных особенностей, психического статуса на момент столкновения с угрозой. В результате формируется поле неопределенностей, которое служит основой для развития состояния стресса, принимающего для особо уязвимой части населения характер острого стресса. Для снижения ситуации неопределенности и стресса человек пытается прогнозировать различные варианты развития событий. Так, для части населения возможным поведенческим ответом может являться реакция отрицания существования невидимой угрозы. Для других – постоянный поиск информации для определения степени негативного влияния невидимой угрозы. В крайнем случае это может являться причиной хронификации острого стресса и развитию отсроченных психопатологических признаков депрессии, тревожного расстройства, посттравматического стрессового

расстройства и т. д. Большая же часть населения справляется с пребыванием в ситуации неопределенности и стресса, используя продуктивные психологические защиты и различные способы совладания с невидимой угрозой. Для этой части населения уверенность в возможности контролировать, хотя бы частично, происходящие с ними события позволяет снизить уровень психической напряженности. Так, например, в случае с вирусной угрозой COVID-19 у населения была возможность контролировать риск заболевания через соблюдение мер социального дистанцирования, профилактических действий (ношение масок, перчаток и т. д.).

Основная, заложенная в нас природой жизнеспасающая система безопасности проявляется в мгновенной реакции на угрозу в виде мобилизации организма. Однако в связи с тем, что ресурсы человека и его психики достаточно ограничены, а также учитывая специфику невидимой угрозы, в данном случае состояние мобилизации наступает по мере накопления информации о патогенности невидимой угрозы и параллельно с этим появлением чувства подконтрольности ситуации.

В качестве возможных объяснительных моделей для описания переживания невидимых угроз могут быть использованы концепция недизъюнктивности А. В. Брушлинского и концепция невозможного и немыслимого В. В. Знакова. Проблема предвосхищения давно и успешно изучается в психологии мышления, обращаясь к которой мы могли бы расширить наше понимание переживания вирусной угрозы. Так, например, А. В. Брушлинский указывает, что мышление разворачивается не в виде выбора из существующих альтернатив, а в виде определенного, непрерывного, неравномерно формирующегося прогнозирования искомого (Брушлинский, 1996), т. е. приложимо к восприятию невидимых угроз. Мы можем заключить, что принятие решения о патогенности невидимой угрозы строится не только основываясь на тех интерпретациях, которые мы получаем из СМИ и других модераторов информации, но также в реальном процессе мышления. Формирование альтернативных объяснений происхождения, последствий невидимых угроз выступает механизмом снижения психической напряженности и стресса. Однако в тех случаях, когда выбор альтернатив затягивается, их количество растет — человек не разрешает дилемму личной уязвимости к невидимой угрозе, что приводит к различным формам психической дезадаптации. Вторым не менее важным, чем мышление, психическим процес-

сом, имеющим значение в предвосхищении, является воображение. «Основным механизмом воображения выступает преобразование, переработка прежних восприятий и представлений», результатом чего является создание нечто нового (Брушлинский, 1996, с. 372). Сталкиваясь с новыми стрессорами, знания о которых у населения либо отсутствовали, либо были лишь частично сформированы, человек создает новые представления и образы, которые ложатся в основу его отношения к данному угрожающему фактору. А. В. Брушлинский критически относился к содержанию понятия воображения, опираясь на то, что не только воображению характерен поиск и открытие нового. Именно анализ и синтез как механизмы мышления также способны приводить к созданию новых представлений, ощущений, восприятий. С нашей точки зрения, в мышлении человек опирается на существовавшие у него ранее знания об объектах внешнего мира. В то время как воображение позволяет конструировать исключительно новые представления, с которыми человек не сталкивался во внешнем мире, а подтверждение которых он также находит вокруг себя.

В продолжение размышлений о переживании невидимых угроз концепция немислимого В. В. Знакова позволяет дополнить наше понимание личностным смыслом переживания угрозы. То есть формируемые в процессе мышления и воображения рациональные знания о патогенности невидимой угрозы соотносятся индивидом с его базовыми убеждениями о себе и мире. Так, ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС, по мере накопления информации о патогенности стрессора, сталкивались со своими представлениями о собственной личной уязвимости, с переживаниями чувства несправедливости мира, в соответствии с которыми их опыт участия в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, а также та угроза жизни, которой они себя подвергали, представлялся немислимым, невозможным, невероятным. Таким образом, человек как бы сталкивается с ограничениями сформированной у него картины мира. То есть на рациональные знания о патогенности невидимой угрозы (например, радиационной опасности) накладываются его переживания личной уязвимости. В. В. Знаков указывает, что в данном случае человек имеет дело с экзистенциальной реальностью, в области которой возникают попытки нахождения рациональных способов превращения немислимого в приемлемое, допустимое (Знаков, 2022).

Таким образом, при концептуализации понятия «переживание невидимой угрозы» мы можем опираться на идеи А. В. Брушлинско-

го о процессуальности функционирования личности (взаимосвязь процессов мышления, воображения, представления, восприятия), а учет индивидуальных субъективных значений немислимых ситуаций позволяет оценить степень травматичности психологического воздействия невидимых угроз.

Литература

Брушлинский А. В. Субъект: Мышление, учение, воображение. М.—Воронеж: НПО «Модэк», 1996.

Быховец Ю. В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.

Знаков В. В. Невыразимый экзистенциальный опыт — психологическое основание понимания немислимого // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 1. С. 6—22.

Кимберг А. Н., Улько Е. В. Большие системы и неявные опасности: проблема посредников // Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков: Материалы X Всероссийской научной конференции (г. Сочи, 09—10 октября 2020 г.) / Под ред. Ю. Э. Макаревской, З. И. Рябикиной, Т. Д. Дубовицкой, И. Г. Макаревской, А. В. Шашкова, Л. В. Кравченко, Л. А. Базалевой, С. В. Воронина. М.: Мир науки, 2020. С. 49—57.

Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.

К вопросу о ресурсах стрессоустойчивости подростков*

Л. А. Головей (СПбГУ, Санкт-Петербург),
О. С. Галашева (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Рассматриваются повседневные стрессоры в разных сферах жизни подростков и напряжение, которое они вызывают. Стрессоустойчивость – система свойств личности, способствующая снижению уровня реагирования на стрессоры. Гипотезой явилось предположение о том, что социальная поддержка и жизнестойкость могут быть ресурсами стрессоустойчивости. Выборка: 299 подростков (155 девушек, 144 юноши). Методы: Опросник повседневного стресса, Шкала стрессоустойчивости, ШВС-Д, опросник Жизнестойкости, опросник социальной поддержки. Выявлены нагруженные стрессом сферы жизни, показан вклад удовлетворенности социальной поддержкой и вовлеченности в повышение стрессоустойчивости и снижение напряжения.

Ключевые слова: повседневный стресс, напряжение, стрессоустойчивость, подросток, сферы жизнедеятельности.

Подростковый возраст – важный этап социализации личности и вхождения во взрослость. Подросток решает жизненные задачи самоопределения, принятия норм социума. Вместе с тем психическое развитие в этот период характеризуется повышенной эмоциональностью, проблемами с саморегуляцией, незавершенным когнитивным развитием, несформированностью копинг-механизмов. Это осложняет социально-психологическую адаптацию, влияет на восприятие стрессоров и стрессоустойчивость. Стрессоустойчивость традиционно рассматривают как систему свойств личности, способствующую снижению уровня реагирования на стрессоры. Стрессоустойчивость описывают в связи с нервно-психической устойчивостью, часто отождествляя эти два понятия (В. Л. Марищук, А. М. Столяренко и др.), а также в контексте свойств личности, обеспечивающих стрессоустойчивость, таких как копинг-стратегии (Р. Лазарус,

* Исследование выполнено в соответствии с Госзаданием Минобрнауки РФ № 0138-2023-0005.

С. Фолкман) или локус-контроль (Дж. Роттер). Исследования выявили, что наибольший вклад в стрессоустойчивость вносят общительность, низкая фрустрированность, оптимизм, дипломатичность (Малышев, 2012). В качестве факторов стрессоустойчивости называют также такие личностные свойства, как обязательность, контроль, выносливость. Ученые указывают на связь эмоционального комфорта как компонента социально-психологической адаптации со стрессоустойчивостью (там же). Другое направление изучения стрессоустойчивости анализирует ее во взаимосвязи с деятельностью, обращая внимание прежде всего на способность человека не снижать продуктивности деятельности и стремиться решить поставленные задачи в затрудненных, эмоциогенных ситуациях, например во время экзамена, контрольной работы и пр. Под руководством Б. Г. Ананьева проводились комплексные измерения стрессоустойчивости студентов в ситуации экзамена и интеллектуального тестирования по показателям гемодинамики, вегетативного реагирования, динамики терморегуляции, эмоциональности, психомоторных и когнитивных функций. Ю. Н. Щербатых предлагает определять стрессоустойчивость по показателям сдвигов гемодинамических и вегетативных характеристик при выполнении работы в условиях изменения эмоциогенных характеристик ситуации. С этими идеями перекликаются идеи С. С. Лутар с соавт., которые определяют стрессоустойчивость как способность переносить «давление», не впадая в негативизм по отношению к себе или другим людям, и связывают это с жизнестойкостью, способностью к сопротивлению (Luthar et al., 2006). Ряд современных авторов рассматривают стрессоустойчивость как интегральное качество личности (А. А. Баранов, В. А. Бодров, А. А. Обознов). Б. Х. Варданян определяет стрессоустойчивость как свойство личности, обеспечивающее гармоническое отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциогенной ситуации, способствующее ее успешному выполнению. Н. Л. Кубашичева также рассматривает стрессоустойчивость как интегральное свойство, сочетающее интеллектуальные, волевые, эмоциональные и мотивационные компоненты, которые обеспечивают оптимальное достижение целей в сложной эмоциональной обстановке (Кубашичева, 2014). Таким образом, большинство авторов пишут о том, что стрессоустойчивость, как интегральное качество личности, проявляется в сложной эмоциогенной ситуации. Можно ли в таком случае рассматривать проявление стрессоустойчивости в обыденной повседневной жизни? Мы пола-

гаем, что повседневная жизнь наполнена событиями, которые способны вызывать как позитивные, так и негативные эмоциональные реакции и связанное с этим напряжение. Стрессоустойчивость к повседневным стрессорам проявляется в сниженной восприимчивости к ним, в особенностях их переживания и реагирования на напряженные ситуации повседневной жизни.

Гипотезой стали предположения о том, что:

1. В качестве ресурсов стрессоустойчивости могут выступать внутренние и внешние факторы. Предполагаем, что к внутренним факторам может быть отнесена жизнестойкость, а к внешним — особенности и качество социальной поддержки.
2. Количество повседневных стрессоров может различаться в зависимости от сферы жизнедеятельности. Взаимосвязи стрессоустойчивости с внешними и внутренними ресурсами также могут различаться в разных сферах жизнедеятельности.

Исходя из этого, целью работы стало изучение показателей стрессовой нагрузки и ресурсов стрессоустойчивости подростков.

Выборка: 299 подростков, в возрасте 13–16 лет (154 мальчика, 155 девочек).

Методы: опросник повседневного стресса Л. А. Головей и О. С. Галашевой, Шкала воспринимаемого стресса (ШВС-Д) Н. Е. Харламенковой с соавт., опросник «Жизнестойкость» С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева, опросник социальной поддержки Г. Зоммера и Т. Фюдрика в адаптации А. Б. Холмогоровой, Г. А. Петровой.

Анализ результатов показал, что средний уровень стрессоустойчивости по выборке составил 32,78 балла (стандартное отклонение — 5,96), это соответствует средним нормативным значениям. Исследование количества повседневных стрессоров, воспринятых подростками в течение двух недель и вызвавших напряжение, составило в среднем 21,98, средняя сила переживания стрессора — 5,5 балла, т. е. незначительно превышает средний уровень по 10-балльной шкале. Количество стрессоров в использованном Опроснике повседневного стресса различается в зависимости от сфер жизнедеятельности и колеблется от 3 до 9 в каждой сфере. Учитывая это, результат по каждой сфере оценивался в процентах от максимально возможного. Факторизация данных по методу главных компонент позволила выявить девять сфер жизнедеятельности, в которых представлены стрессоры. Анализ распределения стрессоров по сферам жизнедеятельности обна-

ружил наибольший процент от числа возможных для каждой сферы стрессоров в следующих сферах: Дела, планирование – 56%; Школа, учеба – 44%; Финансовая сфера – 40%; Общение со старшими – 37,5%. Помимо указанных, значимыми с точки зрения вызываемого напряжения явились сферы внутренней жизни, связанные с переживаниями Отвержения – 35%; Страх – 30%; Самоотношения и Одиночества – по 23% каждая. Уровень напряжения по Шкале воспринимаемого стресса (ШВС-Д) равен 15,66 балла, что укладывается в границы нормы от 7,3 до 16,33 (White, 2014). При этом обнаружены положительные корреляционные зависимости между уровнем воспринимаемого стресса (ШВС-Д), субъективной оценкой силы переживания и количеством стрессоров, что свидетельствует о реальной стрессовой нагрузке, создаваемой повседневными стрессами (все связи при $p < 0,0001$). В то же время все показатели стрессовой напряженности, упомянутые выше, имеют отрицательные связи со стрессоустойчивостью (при $p = 0,000$), что свидетельствует об увеличении стрессовой напряженности подростков по мере снижения их стрессоустойчивости. Эти результаты нашли подтверждение при сравнительном анализе. Различия между группами с низкой ($n = 63$) и высокой ($n = 34$) стрессоустойчивостью достоверны (при $p < 0,000$) как по количеству стрессоров, так и по силе переживания в целом, а также и во всех сферах жизнедеятельности, за исключением сферы «Дела, планирование», с показателями которой связей не обнаружено. Для выявления внутренних и внешних ресурсов стрессоустойчивости был проведен корреляционный и регрессионный анализ. Корреляционный анализ обнаружил отрицательные связи (при $p < 0,001$) стрессоустойчивости с показателями социальной интеграции, удовлетворенности социальной поддержкой, а также со всеми показателями жизнестойкости (вовлеченностью, контролем, принятием риска, жизнестойкостью). Поскольку Опросник стрессоустойчивости имеет обратную шкалу, данные связи можно трактовать исходя из того, что наличие социальной поддержки и удовлетворенность ею, а также показатели жизнестойкости выступают в качестве ресурсов, повышающих стрессоустойчивость. В моделях регрессионного анализа в качестве предикторов рассматривались показатели социальной поддержки и жизнестойкости, в качестве зависимых переменных – стрессоустойчивость, уровень воспринимаемого стресса, общее количество стрессоров, сила их переживания. В первой модели удовлетворенность социальной поддержкой и инструментальная

поддержка оказались предикторами стрессоустойчивости ($\beta = 0,166$, $p < 0,02$; $\beta = -0,122$, $p < 0,03$). Вторая модель выявила в качестве негативных предикторов уровня воспринимаемого стресса снижение эмоциональной поддержки и удовлетворенности социальной поддержкой ($\beta = -0,175$, $p < 0,004$; $\beta = -0,142$, $p < 0,002$), а также снижение уровня вовлеченности ($\beta = -0,002$, $p < 0,050$). Удовлетворенность социальной поддержкой и вовлеченность оказались негативными предикторами количества повседневных стрессоров ($\beta = -0,111$, $p < 0,04$; $\beta = -0,967$, $p < 0,03$) в третьей модели. Инструментальная поддержка ($\beta = -0,116$, $p < 0,075$), социальная интеграция ($\beta = -0,138$, $p < 0,044$), удовлетворенность социальной поддержкой ($\beta = -0,134$, $p < 0,008$) и вовлеченность ($\beta = -0,710$, $p < 0,094$) – негативные предикторы количества повседневных стрессоров. Таким образом, во всех моделях регрессионного анализа в качестве факторов, позитивно влияющих на показатели повседневного стресса, выступают внешние факторы, среди которых наиболее значимую роль играет удовлетворенность подростка социальной поддержкой. Среди внутренних факторов важную роль играет вовлеченность, активность подростка.

Литература

- Кубашичева Н. Л.* Стрессоустойчивость старшеклассников как одно из средств развития психического здоровья // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014. № 9–10. С. 171–173.
- Мальшев И. В.* Особенности стрессоустойчивости и адаптационных характеристик личности учащихся старших классов // *Известия Саратовского университета. Новая сер. «Акмеология образования. Психология развития»*. 2012. № 1. С. 34–37.
- Luthar S. S., Cicchetti D., Becker B.* The construct of resilience: A critical evaluation and guidelines for future work // *Child Development*. 2000. V. 71. № 3. P. 543–562.
- White B. P.* The Perceived Stress Scale for Children: A pilot study in a sample of 153 children // *International Journal of Pediatrics and Child Health*. 2014. № 2. P. 45–52.

Представление о внутренней картине здоровья и внутренней картине болезни у студентов-медиков

А. Ю. Груздов (КГМУ, Курск), М. С. Филиппович (КГМУ, Курск)

В статье проводится анализ внутренней картины здоровья (ВКЗ) и внутренней картины болезни (ВКБ) у студентов-медиков. Предполагается, что программа обучения студентов медицинских вузов определяет у последних более объективные и приближенные к реальности понятия о здоровье и отношении к болезни в сравнении с людьми, получающими или имеющими не медицинское образование. Результаты исследования показывают, что студенты-медики в полной мере понимают определение «здоровье», более чем у половины из них можно найти гармоничный, эргопатический и анозогнозический типы отношения к болезни, которые, исходя из классификации А. Е. Личко и И. Я. Иванова, помогают человеку объективнее всего оценить свое состояние при болезни.

Ключевые слова: внутренняя картина здоровья, внутренняя картина болезни, здоровье, здоровый образ жизни, тип отношения к болезни.

У каждого человека складывается так называемая внутренняя картина здоровья (далее – ВКЗ), т. е. его представление о своем физическом состоянии, сопровождающееся эмоциями и чувствами. В связи с индивидуальными особенностями людей у каждого есть своя собственная ВКЗ, и если мы ей соответствуем, то считаем себя здоровыми. ВКЗ не всегда совпадает с определением здоровья и является субъективной чертой.

Когда человек заболевает, то ВКЗ не во всех ситуациях может дать полное понимание о состоянии здоровья человека – истинном положении дел в организме с врачебной точки зрения. Когда человек выходит за рамки своей ВКЗ в связи с заболеванием, он начинает рассматривать себя с точки зрения внутренней картины болезни (далее – ВКБ) – совокупности ощущений, представлений и знаний индивида о своем патологическом состоянии. ВКБ отличается у всех лю-

дей в связи с разным пониманием той или иной болезни, а также вреде, который она способна или не способна причинить жизни человека.

В исследовании мы проанализировали ВКБ через тестирование определения типа отношения к болезни (ТОБОЛ), разработанного А. Е. Личко и И. Я. Ивановым. В рамках его у индивида может быть всего 12 типов отношения к болезни: тревожный, ипохондрический, меланхолический, апатический, неврастенический, эгоцентрический, паранойяльный, анозогнозический, дисфорический, эргопатический и гармоничный.

ВКЗ и ВКБ имеют специфичность среди студентов-медиков, получающих медицинское образование, поскольку они изучают явление болезни, причины ее возникновения и методы борьбы с ней. У студентов учебных заведений медицинского профиля ВКЗ наиболее приближенно к понятию здоровья, а ВКБ в соответствии с классификацией А. Е. Личко и Н. Я. Иванова предопределяет в основном гармоничный, эргопатический и анозогнозический типы отношения к болезни. Данная точка зрения требует изучения, которое мы реализовали в виде исследования.

Цель исследования – изучить приближенность ВКЗ к истинному понятию здоровья и предопределение ВКБ гармоничного, эргопатического и анозогнозического типов отношения к болезни у студентов-медиков медицинского профиля обучения.

Методы и материалы исследования

Проведение анонимного анкетирования среди студентов-медиков Курского государственного медицинского университета 2 курса различных факультетов в количестве 100 чел. с включением тестирования для определения типа отношения к болезни (ТОБОЛ). Описательная статистика.

Результаты исследования

Первым этапом исследования было проведено анонимное анкетирование, в ходе которого респондентам были заданы вопросы на определение их ВКЗ. Были получены следующие результаты.

На вопрос «Какое бы определение вы дали термину „здоровье“?» абсолютное большинство респондентов (93%) выбрало вариант «Состояние полного физического, душевного и социального благопо-

лучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов». Остальные студенты-медики (7%) выбрали варианты «Отсутствие какого-либо заболевания у индивида», «Физическая удовлетворенность человека с отсутствием каких-либо дефектов» и «Противоположность термина „болезнь“».

При вопросе с выбором нескольких вариантов ответов «При каких условиях вы можете сказать, что вы здоровы?» многие исследуемые ответили: «Если у меня нет физического дискомфорта (болезненных ощущений)» (90%) и «Если у меня нет психологического дискомфорта (стресс, негативные эмоции)» (78%). Меньше половины респондентов (41%) выбрали вариант «Если у меня нет проблем в социальной сфере (коммуникация с окружающими, реализация себя как члена общества)».

На вопрос «Вы следите за своим здоровьем?» больше половины студентов-медиков (63%) ответили «Скорее да, чем нет». Остальные респонденты выбрали вариант «Определенно да» (17%), «Затрудняюсь ответить» (11%) и «Скорее нет, чем да» (9%);

При ответе на вопрос «Вы волнуетесь о здоровье людей из вашего окружения (родственники, друзья, знакомые)?» больше $\frac{3}{4}$ (80%) ответили «Определенно да». Прочие варианты ответов – «Скорее да, чем нет» (14%), «Затрудняюсь ответить» (4%) и «Скорее нет, чем да» (2%).

На вопрос «Чем для вас является здоровый образ жизни?» большинство респондентов (86%) выбрали вариант ответа «Образ жизни человека, помогающий сохранить здоровье и снизить риск неинфекционных заболеваний путем контроля над поведенческими факторами риска (двигательная и социальная активность, пища)». Оставшиеся респонденты предпочли варианты «Образ жизни человека без вредных привычек (курение, алкоголь, применение наркотических веществ и т. д.)» (11%), «Образ жизни человека, при котором человек придерживается строгой диеты и занимается спортом» (2%) и «Образ жизни человека, когда он следит за своим весом» (1%).

На вопрос «Вы рекомендуете людям из вашего окружения (родственники, друзья, знакомые) вести здоровый образ жизни?» многие студенты-медики выбрали следующие варианты ответов: «Определенно да» (42%) и «Скорее да, чем нет» (34%). Другие респонденты выбрали варианты «Скорее да, чем нет» (12%), «Скорее нет, чем да» (11%) и «Определенно нет» (1%).

Вторым этапом исследования являлось проведение теста для определения типа отношения к болезни (ТОБОЛ), сутью которой являлось

выяснение ВКБ респондентов, исходя из ситуации, что они на данный момент больны или если бы они на данный момент были больны. Результаты с выявленными типами отношения к болезни у студентов-медиков следующие: Гармоничный – 14 чел.; Эргопатический – 31 чел.; Анозогностический – 17 чел.; Тревожный – 5 чел.; Ипохондрический – 4 чел.; Неврастенический – 5 чел.; Меланхолический – 6 чел.; Апатический – 7 чел.; Сенситивный – 8 чел.; Паранойальный – 0 чел.; Дисфорический – 1 чел.

Выводы

Проведенное исследование доказывает, что студенты, обучающиеся в учебных заведениях медицинского профиля, обладают более объективными ВКЗ и ВКБ. Студенты-медики в полной мере понимают смысл определения «здоровье», большинство из них следят за своим состоянием и ведут здоровый образ жизни, стремятся распространить его в кругу своего общения. Больше половины студентов относятся к первой группе типов отношения к болезни (гармоничный, эргопатический и анозогностический типы), которая характеризуется приближенной к реальности точки зрения человека о своем текущем патологическом состоянии (т.е. человек не переоценивает, но и не недооценивает болезнь, от которой страдает). Подобные результаты стоит считать положительными – они наглядно показывают, что студенты-медики не придерживаются субъективности в вопросах касательно своей будущей профессии, пытаюсь, напротив, быть объективными в своих суждениях.

Значение стратегий совладания в ситуации профессионального самоопределения старшекласников*

М. В. Данилова (СПбГУ, Санкт-Петербург),

Л. В. Мурзина (СПбГУ, Санкт-Петербург)

В работе рассматриваются основные характеристики и взаимосвязи параметров совладающего поведения подростков и показателей их профессионального самоопределения. Психодиагностический инструментарий составили анкета с вопросами об особенностях ситуации профессионального самоопределения, методика «Мотивы выбора профессии» Р. В. Овчаровой и методика «Юношеская копинг-шкала» (ACS) в адаптации Т. Л. Крюковой. Участники исследования – 100 старшекласников (41 юноша и 59 девушек), из них 42 ученика 9 класса и 58 учащихся 10–11 классов. Полученные результаты свидетельствуют о значимости и специфике разных копинг-стратегий в процессе профессионального самоопределения подростков.

Ключевые слова: подростки, копинг-стратегии, ситуация профессионального развития, мотивы выбора, сформированность профессиональных планов.

Социальная, экономическая, политическая нестабильность и неопределенность современной реальности определяет актуальность проблем совладания с сопровождающими ее стрессами и трудными решениями. В подростково-юношеском периоде развития проблемы вхождения во взрослую жизнь тесно связаны с поиском самоопределения, в частности с формированием профессиональных планов и принятием решения о выборе дальнейшего профессионального пути.

Современные отечественные исследования стресса и совладающего поведения в профессиональном развитии в основном посвящены рассмотрению его роли для профессиональных процессов и ситуаций взрослого человека (Воишева, Слабинский, 2020; Митина, Щелина, 2019; и др.). Однако известно, что подростково-юношеский

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 23-28-00999.

возраст является периодом, когда происходит формирование, коррекция и первое реальное воплощение профессиональных планов, что придает ситуации стрессовый характер и сопровождается кризисом учебно-профессиональной ориентации.

Процесс профессионального самоопределения подростков и юношества проходит под воздействием внутриличностных и внешних факторов. Внутренние факторы составляют способности, личностные черты, ценностно-мотивационные, смысловые характеристики, направленность интересов и др. Внешние факторы формирует среда, которая включает семейные взаимоотношения, подходы к воспитанию, условия обучающей и досуговой среды, взаимодействия с окружающими и т. д.

По данным разных исследований, отмечается, что старшеклассники отмечают ситуацию профессионального выбора как стрессовую, конфликтную. Возможные пути и способы ее преодоления, по мнению авторов, могут быть выработаны с помощью решения внутриличностных конфликтов (Ичетовкина, Ивутина, 2012), через призму адаптационных механизмов (Скрынникова, Игнатович, 2021) и т. д.

Учитывая результаты исследований М. В. Сапоровской о семейной трансгенерации паттернов совладания, можно предполагать, что они начинают формироваться раньше, чем профессионально-значимые характеристики (Сапоровская, 2011). Мы предположили, что совладающее поведение имеет важное значение и тесно связано с ситуационными факторами профессионального самоопределения подростков старшеклассников.

Выборку составили 100 респондентов в возрасте 14–17 лет (41 юноша и 59 девушек), из них 42 девятиклассника и 58 учеников 10–11 классов.

Методы исследования: ситуация и характеристики профессионального самоопределения изучались с помощью анкеты с вопросами о стрессовых ситуациях и событиях, о планах и осознанности профессионального выбора, степени влияния различных факторов на этот выбор. Была использована также методика «Мотивы выбора профессии» Р. В. Овчаровой. Диагностика совладающего поведения проводилась с помощью «Юношеской копинг-шкалы» (ACS) Э. Фрайденберга и Р. Льюиса в адаптации Т. Л. Крюковой.

Анализ анкеты показал, что в число стрессовых старшеклассники включают, в первую очередь, ситуации взаимоотношений в семье. Среди других стрессов они отмечают ситуации неопределеннос-

ти, потери близких и серьезные проблемы с необходимостью выбора своего дальнейшего учебно-профессионального пути. При этом в 9 классе (14–15 лет) подростки свою проблемную ситуацию определяют конкретно («стрессом является необходимость профессионального выбора»), а в 10–11 классах (16–17 лет) эти вопросы объединяются с общефилософскими понятиями выбора смыслов и жизненного пути в целом («стрессовые ситуации поиска решений самоопределения и смыслов», «необходимость выбора жизненного и профессионального пути»). Продолжающие обучение в 10–11 классах подростки в большинстве своем нацелены на выбор дальнейшего образования в вузах, в то время как учащиеся 9 классов затрудняются с формированием своего профессионального маршрута. Степень сформированности профессионального плана оценивалась по шкале от 1 до 3, где 1 – профессиональный план не сформирован, 2 профессиональный план сформирован частично, 3 – профессиональный план сформирован. Так, у девятиклассников профессиональные планы в большинстве случаев сформированы частично ($Mean = 1,5$, $\sigma = 0,6$), т. е. есть определенность только в выборе профессии или только в выборе будущего учебного заведения, тогда как учащиеся 10–11 классов достоверно чаще ($t = 3,58$, $p = 0,001$) имеют более сформированные планы на профессиональное будущее ($Mean = 2,64$, $\sigma = 0,8$).

Анализ мотивации профессионального выбора показал преобладание у всех старшеклассников внутренней индивидуально значимой ($Mean = 18,82$, $\sigma = 2,38$ – в группе 9 класса; $Mean = 18,92$, $\sigma = 3,5$ – в группе 10–11 классов) и социально значимой мотивации ($Mean = 18,24$, $\sigma = 3,08$; $Mean = 18,8$, $\sigma = 4,11$, соответственно). Личная и общественная значимость, интерес к содержанию профессии, возможность принести пользу являются основными мотиваторами выбора будущей профессии. В меньшей степени выражены мотивы внешние положительные ($Mean = 15,57$, $\sigma = 2,4$ – у девятиклассников; $Mean = 15,57$, $\sigma = 4,5$ – в группе 10–11 классов), предполагающие престижность, ориентацию на деньги, ожидание награды и т. д. и внешние отрицательные мотивы ($Mean = 12,12$, $\sigma = 3,0$ – в 9 классе; $Mean = 11,88$, $\sigma = 3,6$ – в 10–11 классах), отражающие выбор под страхом критики, осуждения и других проявлений негативного характера.

Принимая решение о выборе профессии, подростки ориентируются не только на свои интересы и знания о мире профессий, они опираются и на внешние факторы влияния. Параметры влияния определялись следующим образом: 0 – отсутствие влияния, 1 – на-

личие влияния, 2 – выбор осуществлялся под серьезным влиянием. Анализ обнаружил, что подростки старшей группы чаще принимают решение о выборе профессии ориентируясь на свои интересы ($t = 3,0$, $p = 0,004$), а также на результаты профориентации и информацию из СМИ ($t = 2,7$, $p = 0,009$). Стоит также отметить, что у учащихся 10–11 классов наблюдается большая, чем у девятиклассников, степень осознания и дифференциации факторов влияния. Возможно, девятиклассники еще недостаточно осознанно включены в ситуацию профессионального самоопределения. Это подтверждается и тем, что они не смогли отметить ни одного фактора, который серьезно повлиял бы на их возможный профессиональный выбор (респондентам предлагалось оценить влияние фактора по шкале 0 – не повлиял, 1 – повлиял незначительно, 2 – повлиял значительно). При этом девятиклассники часто указывают необходимость выбора профессии в числе повседневных стрессов.

Наиболее распространенной стратегией реактивного совладающего поведения для обеих исследовательских групп является направленность на решение проблем (Mean = 74,24, $\sigma = 14,0$ – в группе девятиклассников; Mean = 82,17, $\sigma = 12,3$ – в группе 10–11 классов). Однако учащиеся 9 класса также достаточно часто используют способы совладания «надежда на чудо» (Mean = 70,93; $\sigma = 12,15$) как уход от ответственности за принятие решения и «самообвинение» (Mean = 69,27; $\sigma = 19,19$), «беспокойство» (Mean = 68,98, $\sigma = 17,38$) как ощущение своей причастности и вины, а также «отвлечение» (Mean = 68,8, $\sigma = 16,41$) как обращение к занятиям, позволяющим отвлечься, отстраниться от проблемы. Эти стратегии являются непродуктивными и затрудняют возможность разрешения трудных и стрессовых ситуаций. Подростки старшей группы, наряду с также непродуктивными («беспокойство»; Mean = 71,32, $\sigma = 16,09$), используют другие способы совладания: продуктивные (ориентация на «работу, достижения»; Mean = 76,29, $\sigma = 11,83$) и социальные (обращение к другим за социальной поддержкой, Mean = 68,14, $\sigma = 15,91$; к друзьям – за советом; Mean = 66,03, $\sigma = 16,18$). Итак, в целом подростки проявляют стремление к решению проблем, а по мере взросления они чаще ($t = 2,39$, $p = 0,019$) прибегают к продуктивным и значимо реже ($t = 3,82$, $p = 0,0002$) – к непродуктивным стилям копинга, а также расширяют спектр способов реагирования в стрессовых ситуациях.

Анализ взаимосвязей совладающего поведения и профессионального самоопределения респондентов обнаружил тесные положитель-

ные взаимосвязи параметров продуктивного копинга с большинством исследуемых показателей (индивидуально- и социально-значимыми мотивами выбора, уровнем сформированности профессиональных планов, факторами влияния интересов и внешкольных занятий на выбор профессии, а также с возрастом). Непродуктивный копинг имеет только обратные связи и только с параметрами ситуации профессионального самоопределения (с показателями влияния СМИ на выбор) и возрастом. Параметры социального копинга взаимосвязаны только с характеристиками профессионального самоопределения (социально-значимыми, внешними положительными и внешними отрицательными мотивами выбора), все связи прямые.

Результаты исследования показали, что, по мере взросления, у старшеклассников отмечается обогащение диапазона способов совладания в трудных и стрессовых ситуациях. Стоит особо отметить противоречивую роль социального копинга, применение которого в процессе профессионального самоопределения может способствовать формированию не только социально значимой мотивации выбора (польза для других, вклад в общество и т. д.), но также внешней положительной (ориентация на популярность, материальную сторону профессии и т. д.) и внешней отрицательной мотивации (ориентация на избегание осуждения, боязнь негативной оценки выбора и т. д.).

В качестве ресурсов успешности профессионального самоопределения подростков можно рассматривать то, что в более старшем возрасте у подростков профессиональные планы более сформированы, чаще проявляется осознанность и наличие внутренней индивидуально- и социально-значимой мотивации выбора профессии.

Литература

- Воищева Н. М., Слабинский В. Ю.* Совладающее поведение и профессиональное выгорание: уровневый подход // Медицинская психология в России. 2020. Т. 12. № 5 (64). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 28.04.2023).
- Ичетовкина К. А., Ивутина Е. П.* Особенности внутриличностных конфликтов в процессе профессионального самоопределения у старшеклассников // Вестник ВятГУ. 2012. № 3. С. 55–58.
- Митина Л. М., Щелина С. О.* Совладающее поведение как фактор личностно-профессионального развития студентов-психологов раз-

ных уровней обучения // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. № 3. С. 46–53.

Сапоровская М. В. Межпоколенные отношения и взаимодействие в семьях с разной структурой // Вестник КГУ. 2011. № 3. С. 279–283.

Скрынникова Н. В., Игнатович В. К. Профессиональное самоопределение в старшем подростковом возрасте и его связь с социально-психологической адаптацией // Педагогика: история, перспективы. 2021. Т. 4. № 6. С. 78–89.

Особенности копинг-стратегий подростков при разной социальной поддержке*

Е. Н. Дымова (ИП РАН, Москва)

Целью настоящего исследования является анализ копинг-стратегий подростков в соответствии с удовлетворенностью эмоциональной и инструментальной социальной поддержкой. В качестве методического материала использовались опросники: Юношеская копинг-шкала (ACS), для выявления предпочтений в стратегиях совладания; Опросник социальной поддержки (F-SOZU-22) с целью определения удовлетворенности социальной поддержкой. В разной степени удовлетворенности эмоциональной и инструментальной социальной поддержкой имеются особенности в выборе копинг-стратегий. При недостатке эмоциональной поддержки подростки придерживаются тактики избегания с ориентацией на помощь извне, рассчитывают на внешнюю поддержку, при недостатке инструментальной поддержки предпочитают избегание с ориентацией на свои силы.

Ключевые слова: удовлетворенность социальной поддержкой, эмоциональная поддержка, инструментальная поддержка, копинг-стратегии, подростки.

Социальная поддержка является неотъемлемой частью благополучного социального и психического развития субъекта. Если в доподростковом возрасте главными источником поддержки, как правило, являются родители, то в подростковом периоде большое значение для ребенка приобретает оценка и поддержка сверстников и друзей (Байрамян, 2021; Лифинцев, Серых, 2016; Сорокина, 2020). С одной стороны, в данном возрасте происходит стремление к автономии, к самостоятельности, выходу за пределы родительского контроля, с другой – подросток начинает дифференцировать отношения и окружает себя людьми, способными оказывать разные виды поддержки: например, от одних эмоциональную поддержку (чувство сопричаст-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-00972.

ности, симпатии), а от других – инструментальную (помощь в оценке, принятии решения, материальную помощь) (Helsen et al., 2000; Wittrup, Hurd, 2020). На основе удовлетворенности воспринимаемой социальной поддержкой подросток выстраивает определенный алгоритм действий, в том числе в трудных, требующих дополнительных ресурсов жизненных, ситуациях.

Целью данного исследования является анализ различий в предпочтении подростками способов совладания при разной удовлетворенности эмоциональной и инструментальной социальной поддержкой.

Гипотеза: выбор подростками копинг-стратегий соотносится со степенью удовлетворенности эмоциональной и инструментальной видами социальной поддержки.

В исследовании принимали участие подростки в возрасте 12–14 лет, проходящие обучение в 6–7 классах общеобразовательной школы (N = 111). Предварительно было получено информационное согласие родителей или законных опекунов на участие подростков в исследовании.

В качестве методического материала использовались: Юношеская копинг-шкала (Adolescent Coping Scale, ACS), Э. Фрайденберг и Р. Льюиса в адаптации Т. Л. Крюковой (2010), предназначенная для выявления предпочтений подростками особенностей стратегий совладания при переживании неприятных, тревожных событий. Опросник включает 18 копинг-стратегий с 5-балльной шкалой Лайкерта (от 1 – «Никогда» – до 5 – «Часто»); Опросник социальной поддержки – F-SOZU-22 (G. Sommer, T. Frydrich) в адаптации А. Б. Холмогоровой, Г. А. Петровой (2007) с целью определения удовлетворенности и типов социальной поддержки.

Обработка данных проводилась с помощью программного пакета Statistica v. 10 и включала в себя описательную статистику (медиана (me), среднее (x), стандартное отклонение (sd)), для анализа групповых различий использовался U-критерий Манна–Уитни, для анализа корреляционных связей между изучаемыми переменными – расчет коэффициента ранговой корреляции r Спирмена.

Полученные в исследовании результаты показали, что показатели методического материала – «Опросника социальной поддержки» (F-SOZU-22) и «Юношеской копинг-шкалы» (Adolescent Coping Scale, ACS) – имеют ненормальное распределение. Следовательно, с целью правомерности дальнейшего исследования и выявления взаимосвязи между показателями был проведен анализ корреляционных связей

между изучаемыми переменными. Инструментом выступил коэффициент ранговой корреляции r Спирмена. Была выявлена значимая корреляционная связь между удовлетворенностью социальной поддержкой и такими показателями юношеской копинг-шкалы как: чудо ($r = -0,194$, $p = 0,042$); разрядка ($r = -0,275$, $p = 0,003$); духовная поддержка ($r = -0,189$, $p = 0,045$); поиск социальной поддержки ($r = -0,444$, $p = 0,001$); общественные действия ($r = -0,151$, $p = 0,011$); отвлечение ($r = -0,176$, $p = 0,043$). Исследуемые показатели отрицательно коррелируют между собой, в связи с этим можно говорить, что респонденты с высокой удовлетворенностью социальной поддержкой реже обращаются к таким способам совладания, как вера в чудо, разрядка, общественные действия, отвлечение и обращение за социальной поддержкой. И наоборот, чем ниже удовлетворенность социальной поддержкой, тем чаще подростки справляются с тревожными событиями с помощью описанных выше способов совладания.

Далее для проверки выдвинутой гипотезы респонденты ($n = 111$) были поделены ($Me = 5$) на две группы по переменной «удовлетворенность социальной поддержкой» (группа, оценивающая уровень социальной поддержки, как достаточный ($n = 65$) и группа, не удовлетворенная поддержкой окружающих людей ($n = 46$)).

Проведенный анализ групповых различий показал, что имеются значимые различия по таким показателям юношеской копинг-шкалы, как: поиск социальной поддержки ($U = 805,5$, $p = 0,004$; Rank Sum: 4329/1886), чудо ($U = 1015$, $p = 0,004$; Rank Sum: 4119/2096), разрядка ($U = 1173,5$, $p = 0,054$; Rank Sum: 3961/2254), духовная поддержка ($U = 1197$, $p = 0,047$; Rank Sum: 3938/2278) и отвлечение ($U = 1180$, $p = 0,048$; Rank Sum: 3844/2261).

По результатам исследования показано, что если подростки чувствуют в целом недостаток оказываемой им социальной поддержки, то в тревожных ситуациях в качестве способов совладания отдают предпочтение определенным способам совладания. Например, подростки прибегают к разрядке, т. е. улучшению самочувствия за счет «выпускания пара», вымещение своих неудач на других людях, слез и крика, или же стремятся отвлечься и отстраниться от проблемы, используя такие способы релаксации, как чтение книг, гаджеты, Интернет, телевизор. Кроме того, в подобных ситуациях подростки стремятся поделиться своей проблемой с другими, заручиться поддержкой, одобрением и советами, а также надеются на лучшее, на то, что все само по себе уладится, что случится чудо.

В целом полученные результаты подтверждают наличие особенностей в выборе копинг-стратегий в подростковом возрасте в соответствии с удовлетворенностью социальной поддержкой в целом. Однако социальная поддержка включает эмоциональный (наличие позитивного чувства близости, доверия и общности с другими людьми) и инструментальный (возможность получения нужной информации, помощи в решении проблем, оказание материальной помощи) виды помощи от окружающих людей. Для более детального исследования взаимодействия социальной поддержки и копинг-стратегий в подростковом возрасте, а также для проверки выдвинутой гипотезы участники исследования были поделены на группы по эмоциональной поддержке ($M_e = 32$) и по инструментальной поддержке ($M_e = 14$).

Проведенный анализ различий показал, что при высокой оценке эмоциональной поддержки в трудных жизненных ситуациях предпочитают такие стратегии совладания, как: «решение проблем» ($U = 1051,5$, $p = 0,015$; Rank Sum: 4261/1954), «дружья» ($U = 1092,5$, $p = 0,004$; Rank Sum: 4109/1995), «принадлежность» ($U = 1029$, $p = 0,017$; Rank Sum: 4215/1890), «несовладание» ($U = 1027$, $p = 0,017$; Rank Sum: 3442/2663), «игнорирование» ($U = 1131$, $p = 0,053$; Rank Sum: 3546/2669) и «активный отдых» ($U = 1003,5$, $p = 0,011$; Rank Sum: 4240/1864).

То есть происходит ориентация на помощь друзей и близких и размышление о существующей проблеме с учетом их мнения. В целом демонстрируется интерес к точкам зрения окружающих и появляется желание получить одобрение и похвалу. При этом респонденты нередко отказываются от каких-либо самостоятельных действий по решению проблемы, игнорируют, сознательно блокируют ее, как будто проблемы не существует. Можно сказать, что подростки придерживаются тактики избегания с ориентацией на помощь извне, рассчитывают на внешнюю поддержку.

Относительно инструментальной поддержки имеются различия по таким копинг-стратегиям, как: «поиск социальной поддержки» ($U = 1048,5$, $p = 0,007$; Rank Sum: 2129/4086), «работа и достижения» ($U = 1139,5$, $p = 0,033$; Rank Sum: 2220/3995), «дружья» ($U = 1053,5$, $p = 0,011$; Rank Sum: 2134,5/3970,5), «несовладание» ($U = 1122$, $p = 0,038$; Rank Sum: 2838/3267), «игнорирование» ($U = 1122$, $p = 0,038$; Rank Sum: 2838/3267) и «самообвинение» ($U = 1106,5$, $p = 0,046$; Rank Sum: 2743/3251).

Результаты показали, что при низкой удовлетворенности инструментальной поддержкой также используется тактика избегания, т. е.

игнорируется проблема, отрицается ее наличие. Однако, без отказа от поддержки и помощи друзей, появляется предпочтение использовать стратегии совладания, ориентированные на упорную работу и достижение высоких результатов, при строгом отношении к себе и ощущении ответственности за возникшую проблему. Другими словами, респонденты данной группы прибегают к тактике избегания с ориентацией не на помощь извне, как в предыдущих результатах, а на свои возможности и силы.

Таким образом, гипотеза исследования о том, что у подростков при разной степени удовлетворенности эмоциональной и инструментальной социальной поддержкой имеются особенности в выборе стратегии совладания, подтвердилась.

Литература

- Байрамян Р. В.* Самоотношение как предиктор совладающего поведения в младшем школьном возрасте // Ананьевские чтения – 2021. Материалы Международной научной конференции / Под общ. ред. А. В. Шаболтас; отв. ред. В. И. Прусаков. СПб., 2021. С. 646–647.
- Лифинцев Д. В., Серых А. Б., Лифинцева А. А.* Социальная поддержка как фактор психического благополучия детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2016. № 4 (24). С. 71–78.
- Сорокина Т. В.* Формирование копинг-поведения младших школьников // Сборник научных статей по итогам международного научного фестиваля молодежного проектирования – 2020, Орехово-Зуево, 27–29 апреля 2020 г. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2020. С. 497–502.
- Helsen M., Vollebergh W., Meeus W.* Social support from parents and friends and emotional problems in adolescence // Journal of Youth and Adolescence. 2000. V. 29. P. 319–335.
- Wittrup A. R., Hurd N. M.* The role of trajectories of stress and social support in underrepresented students' educational outcomes // Applied Developmental Science. 2021. V. 26 (1). № 3. P. 1–28. doi: 10.1080/10888691.2021.1906677

Типологические особенности совладающего поведения личности

А. А. Дьячук (КГПУ им. В. П. Астафьева, Красноярск)

В работе раскрывается соотношение компонентов совладающего поведения, проявляющееся в типологических особенностях. На выборке студентов, участвующих в исследовании дважды, было выделено, что характер совладающего поведения определяется восприятием ситуации, готовностью к высоким затратам усилий, переживанием себя как источника изменений, обладающего возможностями и ресурсами для достижения цели, временной организации активности. На основе обобщения результатов представлены типы совладающего поведения.

Ключевые слова: совладающее поведение, копинг-стратегии, переживание, типологические особенности.

Пандемия COVID-19 стала для многих людей масштабной стрессогенной ситуацией, связанной с неопределенностью, неясностью перспектив, изменением образа жизни и пр. Во многих странах исследователи пытались зафиксировать психологические реакции, эмоциональный и психологический стресс, переживаемый людьми, доминирующие стратегии совладания, используемые в данной ситуации, с выделением детерминант и ресурсов, определяющих их выбор, оценить эффективность копингов.

Предложенная С. Фолкман и Р. Лазарусом классификация копинг-стратегий и рассмотрение проблемно-ориентированных копинг-стратегий как более адаптивных не находят однозначного подтверждения (Леонтьев и др., 2022). Совладание с ситуацией зависит от характера переживания ситуации, индивидуальных особенностей, наличия различных ресурсов (Eisenbeck et al., 2022), опосредования внешних воздействий через внутренние условия (Брушлинский, 2008) и характеризуется определенной динамикой. Изменение состояний в соотношении с разными копингами и различными факторами, продуктивность совладания как процесса в период пандемии стали предметом нашего исследования.

Совладающее поведение понимается нами как активность субъекта, направленная на поиск возможностей и ресурсов в изменяющихся условиях взаимодействия личности со средой для преодоления затруднений в функционировании, самореализации, результатом которой может быть как проектирование вариантов собственного развития, выделение возможностей и воплощение их в действительность, так и использование неадекватных, несвоевременных или деструктивных способов, которые могут нести угрозу устойчивому существованию. В его структуре мы выделили следующие компоненты: восприятие и переживание ситуации, включающие оценку ситуации как трудной, актуальное состояние и самочувствие; самоэффективность как убежденность в возможности влиять на ситуацию, а также выбираемые способы для преодоления стресса, трудностей – копинг-стратегии. Соотношение данных компонентов может придавать совладающему поведению разное качество, проявляющееся в типологических особенностях.

Изучение совладающего поведения осуществлялось на выборке студентов в двух ситуациях: после второй волны распространения коронавирусного заболевания в январе–феврале 2021 г., обучение при котором осуществлялось преимущественно в дистанционном формате; и во время пятой волны распространения COVID-19 (январь–март 2022 г.), когда перевод на дистанционное обучение не был массовым, обучение велось преимущественно в аудиториях. Процедура формирования выборки состояла в привлечении как можно большего количества участников. В результате в первом срезе были получены данные 2016 студентов. Во втором срезе опрос проходил с привлечением тех же студентов ($n = 153$) и новых студентов (всего на втором этапе $n = 692$). Сбор информации проходил онлайн на платформе Google.

Для оценки восприятия и переживания ситуации были использованы «Шкала состояний» А. Б. Леоновой, шкала ситуативной тревожности методики Спилбергера–Ханина, «Шкалы переживания времени» (Е. И. Головаха, А. А. Кроник), опросник «Типы ориентаций в трудных ситуациях» Е. В. Битюцкой. Самоэффективность анализировалась на основе методики «Общая самоэффективность» Р. Шварцера и Е. Маттиаса. Репертуар копинг-стратегий изучался с помощью методик «Проактивный копинг» (в адаптации Е. П. Белинской и А. В. Вечерина) и COPE (в адаптации Е. И. Рассказовой, Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осина).

Результативность совладания рассматривалась через успешность реализации учебной деятельности, которая может быть обеспечена различной «ценой»: усилиями, способностями, инструментальными характеристиками, приводящими к высоким результатам при переживании истощения. Успешность обучения изучалась через соотношение успеваемости и переживаний в учебной деятельности, фиксируемых с помощью методики Д. А. Леонтьева.

Последовательный анализ полученных результатов стал основанием выделения типологизирующих признаков, позволяющих описать функционально-динамические характеристики совладающего поведения личности через разнообразие структурных связей.

Сопоставление репертуара копинг-стратегий в двух срезах показало снижение со временем частоты обращения к активным действиям, предпринимаемым для преодоления ситуации, и подавления конкурирующих видов активности. Менее выраженными стали поиск социальной поддержки эмоционального характера, проактивный копинг, связанный с отношением к ситуации как источнику позитивного опыта, рефлексивное совладание как продумывание возможных вариантов решения проблем. Частое обращение к активным действиям в начале пандемии может быть проявлением паники, реакцией на ограничения, переживания возможности воздействовать на ситуацию, способа структурирования ситуации неопределенности. Мысленный уход как использование различных видов активности для отвлечения от проблемы может приводить как к избеганию, уходу от разрешения трудностей, «прокручиванию» трудностей в представляемых ситуациях, откладыванию решения учебных задач (прокрастинации), снижению результативности, так и через сон и фантазирование способствовать поддержанию хорошего самочувствия, моделированию в мечтах новой ситуации, в результате чего могут возникать пути решения, варианты самореализации. Изменяется функциональная характеристика копингов: в ситуации неопределенности они приобретают иное для личности значение.

В зависимости от самооффективности обращение к социальной поддержке эмоционального характера по-разному связано с удовлетворенностью учебными достижениями: студенты с низкой самооффективностью, обращающиеся за социальной поддержкой, отмечают большую удовлетворенность своими академическими достижениями, в отличие от студентов с высокой самооффективностью.

Сопоставление самоэффективности и успешности в учебной деятельности позволило выделить разный характер их соотношения. Высокий уровень самоэффективности, связанный с неадекватной оценкой своих ресурсов, затрудняет возможности совладания и может приводить к ухудшению академической успешности. Если при оценке ситуации выделяются возможности, активность направлена на реализацию замыслов, а не на предвосхищение возможных трудностей, преодоление препятствий, переживание удовольствия и осмысленность учебной деятельности (внутренней мотивации), то достаточно и невысокого уровня самоэффективности для совладания с трудной ситуацией. Высокий уровень самоэффективности не обеспечивает в последующем высокие результаты в учебной деятельности, более значимым является изменчивость уровня самоэффективности: ее повышение или сохранение на оптимальном для личности уровне.

Ключевыми при выборе способов совладания также являются особенности восприятия ситуации как трудной и ориентация на возможности (поиск новых эмоций, переживаний, ресурсов, вариантов) или на препятствия (уход от трудностей, их «незамечание» и пр.). Ориентация на возможности не является необходимым условием позитивных результатов: ситуация риска, новизна как драйв при недостаточной обеспеченности внутренними механизмами может не реализоваться в задуманное и привести к ситуации фрустрации.

Важную роль в совладающем поведении играет динамический аспект активности, который осуществлялся через анализ переживаний времени. Временная характеристика копинг-стратегий показывает разную роль способов совладания: активные действия направлены на структурирование ситуации, попытку ее организовать; планирование способствует преодолению переживания пустоты времени через наполнение действиями, — что определяет высокую частоту обращения к данным копингам у студентов во время первого среза и их спадом во время второго среза.

По характеру временной организации могут быть выделены следующие типологические индикаторы совладающего поведения.

- Структурированность—неструктурированность как преодоление «разрыва жизни» в ситуации неопределенности.
- Устойчивость—неустойчивость как воспроизведение копингов в последующих ситуациях, преобразование используемых копингов в ресурсы, на которые в последующем опирается личность в трудных ситуациях.

- Временная протяженность полученного эффекта (ситуативность совладания или длительные эффекты).

Типологические особенности определяются не только уровнем самооффективности, временной организацией активности, особенностями восприятия трудной ситуации. Соотношение компонентов совладающего поведения, продуктивности совладания может иметь как прогрессивный, так и регрессивный характер.

- Прогрессивный характер проявляется в нахождении оптимального для самореализации способа совладания, приводящий к видению новых возможностей, вариантов осуществления активности.
- Регрессивный характер характеризуется неадекватностью, несвоевременностью, неполнотой способов и механизмов совладания, что может привести к деструктивным способам, блокирующим саморазвитие и самореализацию, несущих угрозу здоровью и благополучию человека.

Восприятие ситуации как несущей возможности, готовность к высоким затратам усилий, оценка затруднений как вызова, проверки себя в решении новых задач, переживание себя как источника изменений, обладающего возможностями и ресурсами для достижения цели, в соотношении со связанностью, организованностью, насыщенностью времени можно рассматривать как условия успешного функционирования студентов в новых условиях обучения.

На основе выделенных индикаций теоретически можно выделить возможные типы совладающего поведения.

- Совладающее поведение как активность, направленная на самоосуществление, видение возможностей в ситуации, имеющая устойчивый прогрессивный характер.
- Совладающее поведение направлено на выделение возможностей в изменившейся ситуации, поиск новых способов самовыражения, которое является неустойчивыми, в последующем не воспроизводится.
- Совладающее поведение, направленное на ограничение проявлений активности, сосредоточенность на трудностях без учета возможностей для поддержания устойчивости существования.
- Совладающее поведение, при котором используемые копинг-стратегии не соотносятся с особенностями ситуации, либо яв-

ляются несвоевременными, закрывают возможности самореализации.

Намеченные индикации для построения типологии совладающего поведения требуют проведения дополнительных исследований для выявления психологических механизмов связи выделенных компонентов.

Литература

- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение: Избранные психологические труды. М.—Воронеж: НПО «Модэк», 2008.
- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И., Тараненко О. В., Кошелева Н. В.* Изменение субъективного благополучия в ситуации пандемии: роль копинг-стратегий и реакции на пандемию // Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределенности: Материалы VI Международной научной конференции (г. Кострома, 22–24 сентября 2022 г.) / Под науч. ред. Т.Л. Крюковой, М.В. Сапоровской, С.А. Хазовой. Кострома: Костромской гос. университет, 2022. С. 9–13.
- Eisenbeck N., Carreno D. F., Wong P. T. et al.* An international study on psychological coping during COVID-19: Towards a meaning-centered coping style // International Journal of Clinical and Health Psychology. 2022. V. 22. № 1. doi: 10.1016/j.ijchp.2021.100256

Индивидуальное и диадическое совладание в близких отношениях и его продуктивность

О. А. Екимчик (КГУ, Кострома)

Данное исследование посвящено актуальной проблеме индивидуального и диадического копингов и их продуктивности в близких партнерских отношениях. Автор предположил, что вклад индивидуального и диадического копинга в продуктивность совладания с повседневными стрессорами будет различаться. Выборку составили 76 чел. (45% – мужчин) 19–55 лет, состоящие в близких отношениях. С помощью множественного регрессионного анализа установлено, что стратегии диадического копинга оказывают большее влияние на продуктивность совладания со стрессом в близких отношениях, чем индивидуальные.

Ключевые слова: индивидуальный копинг, диадический копинг, близкие отношения, гибкость копинга, продуктивность совладания.

Проблема совладания со стрессом партнерами близких отношений продолжает оставаться актуальной в современном обществе на протяжении уже нескольких десятков лет (Г. Боденманн, Э. Рэнделл, А. Делогнис, Т. О’Брайн, М. Фальконе, М. Боуман, Е.Л. Калугина Т.Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, О.А. Екимчик, Е. М. Королева, О. Ю. Одинцова, О.А. Бычкова и др). В настоящее время наблюдается интенсификация повседневных стрессоров, воздействующих как на отдельного человека, так и на большие и малые группы людей.

Диаду партнеров близких отношений можно рассматривать как малую группу, минимальную по своему объему (Л. И. Уманский, А. В. Петровский, Г. Келли, Дж. Тибо). Партнеры близких отношений могут оказывать влияние друг на друга и восприимчивы к этому влиянию. Близкие отношения есть значимые партнерские узы/связи, предполагающие отзывчивость, привязанность друг к другу. В них эмоциональная безопасность одного партнера зависит от чуткого, отзывчивого ухода, поддержки другого партнера (Екимчик, 2021).

По субъекту совладания оно подразделяется на следующие виды: индивидуальное, диадическое, коллективное, семейное. В фокусе внимания данного исследования диада партнеров близких отношений, что позволяет сосредоточиться на индивидуальном и диадическом копинге. Возникает ряд закономерных вопросов: 1. Человек в близких отношениях, совладея со стрессом, использует индивидуальный копинг и/или диадический? 2. Как сопряжены с качеством отношений и удовлетворенностью ими разные виды совладания? 3. Какой вид совладания в близких отношениях будет продуктивней? Результаты исследований, касающихся этих вопросов (Е. Л. Калугиной, Е. В. Куфтяк, Е. М. Королёвой, О. А. Екимчик и О. Ю. Одинцовой), противоречивы и дискуссионны, что только подчеркивает актуальность дальнейшей разработки проблемы. В данном исследовании в качестве основных конструкторов рассмотрены индивидуальное и диадическое совладание партнеров близких отношений, гибкость их копинга. Кроме копинг-стратегий, проанализированы показатели продуктивности совладающего поведения, а именно: самооценка счастья, удовлетворенность близкими отношениями и стрессогенность ситуации.

Гипотеза: продуктивность диадического и индивидуального копинга в совладании с повседневными стрессорами близких отношений будет различаться.

Выборка: N = 76 чел. (42 женщины и 34 мужчины) в возрасте от 19 до 55 лет ($m = 28,4$ $Sd = 8,3$), состоящие в близких отношениях. При уточнении формы отношений выяснено, что 50% состоят в браке, 26% – проживают раздельно с партнером, 24% – проживают вместе со своим партнером. Стаж отношений варьируется от 0,5 года до 24 лет.

Методы: Опросник диадического копинга Г. Боденманна в адаптации О. А. Екимчик, Т. Л. Крюковой (2017); Экспресс-опросник копинга Ч. Карвера; анкета из 12 вопросов, направленная на получение демографической информации, а также оценки уровня стресса и субъективного ощущения счастья; Шкала оценки отношений в адаптации О. А. Сычева, Опросник Самовоспринимаемой гибкости совладания со стрессом в адаптации О. А. Екимчик, Т. Л. Крюковой (2020). Для количественной обработки данных применялись математические методы: описательная статистика, корреляционный анализ и множественный регрессионный анализ.

Были получены следующие *результаты*. На основании анализа средних значений и стандартных отклонений индивидуального

копинга можно заключить, что у женщин наиболее предпочитаемые стратегии: самоотвлечение ($m(sd) = 7,56 (1,83)$), активный копинг ($m(sd) = 7,36 (1,83)$), поиск эмоциональной ($m(sd) = 7,05 (2,28)$) и инструментальной поддержки ($m(sd) = 6,93 (2,07)$), планирование ($m(sd) = 7,39 (1,66)$), принятие ($m(sd) = 7,27 (1,64)$) и самообвинение ($m(sd) = 6,88 (2,05)$), а у мужчин – самоотвлечение ($m(sd) = 7,35 (2,29)$), активный копинг ($m(sd) = 7,68 (1,61)$), планирование ($m(sd) = 7,18 (2,35)$), принятие ($m(sd) = 7,53 (1,81)$) и юмор ($m(sd) = 6,76 (2,45)$). Мужчинам и женщинам свойственны разнообразные стратегии индивидуального копинга.

Относительно диадического копинга можно утверждать, что как у мужчин, так и у женщин преобладают: поддерживающий копинг субъекта ($m(sd) = 4,01 (0,67)$), поддерживающий копинг партнера ($m(sd) = 3,72 (0,65)$), общий копинг ($m(sd) = 3,76 (0,74)$) и его высоко оценивают ($m(sd) = 3,86 (0,93)$). Женщины чаще информируют о стрессе и являются инициаторами коммуникации в стрессе. Полученные результаты согласуются с данными по адаптации методики (Екимчик, Крюкова, 2017).

Сопоставляя данные по гибкости копинга с нормами, полученными в ходе адаптации методики, можно заключить, что они практически аналогичны (Екимчик, Крюкова, 2020). У женщин больше выражен ситуационный копинг, у мужчин различные виды гибкости совладания представлены на выборке.

Согласно анализу описательной статистики, как мужчины, так и женщины в выборке ощущают себя счастливыми ($m(sd) = 7,97 (1,37)$), удовлетворены своими отношениями ($m(sd) = 4,230,59$) и испытывают средний уровень стресса ($m(sd) = 5,64 (1,98)$), что свидетельствует о продуктивности совладающего поведения партнеров близких отношений. Статистически достоверных различий по оцениваемым параметрам между мужчинами и женщинами не было обнаружено.

Корреляционный анализ позволил установить 16 умеренных связей между стратегиями индивидуального и диадического копинга человека, состоящего в близких отношениях. Данный результат подчеркивает, что индивидуальный копинг и диадический копинг – это различные феномены, имеющие свое собственное непересекающееся содержание. Это позволяет их рассматривать как отдельные самостоятельные предикторы продуктивности совладания с повседневными стрессорами близких отношений.

Для проверки гипотезы был использован множественный регрессионный анализ. В качестве зависимых переменных выступи-

ли показатели продуктивности совладания: удовлетворенность отношениями и субъективное ощущение счастья человеком, уровень воспринимаемого стресса. Независимые переменные были представлены совокупностью характеристик диадического копинга, совокупностью индивидуальных копинг-стратегий, характеристиками гибкости совладающего поведения.

Установлено влияние на удовлетворенность отношениями ($R=0,83$; $R^2=0,69$; $F=4,51$ $p=0,04$) следующей совокупности предикторов: множественный копинг ($\beta=-0,15$, $p=0,04$), оценка диадического копинга ($\beta=0,25$, $p=0,01$), негативный диадический копинг партнера ($\beta=-0,33$, $p=0,000$), информирования партнера о стрессе ($\beta=0,13$, $p=0,07$), планирования ($\beta=-0,21$, $p=0,003$). Повышают оценку удовлетворенности близкими отношениями коммуникация с партнером в ситуации диадического стресса, и высокая оценка диадического копинга. Снижают удовлетворенность отношениями такие факторы, как: негативный диадический копинг партнера, множественный копинг и планирование. Широкий спектр копинг-стратегий, применение индивидуального копинга и отказ партнера в ситуации диадического стресса от совместного совладания либо формальность его усилий негативно сказываются на удовлетворенности отношениями.

Выявлено, что предикторами субъективного ощущения счастья, благополучия ($R=0,59$; $R^2=0,35$; $F=6,08$, $p=0,02$) выступают поддерживающий диадический копинг партнера ($\beta=0,42$, $p=0,000$), общение партнера во время стресса ($\beta=0,24$, $p=0,02$), ситуационный копинг ($\beta=0,27$, $p=0,01$) и самоотвлечение ($\beta=-0,24$, $p=0,02$). Восприятие диадических копинг усилий партнера, его поддержки, коммуникации при диадической стрессовой ситуации в сочетании с ситуативным копингом усиливают ощущение счастья и благополучия у человека, а применение индивидуальной стратегии совладающего поведения «самоотвлечение», наоборот снижают.

Также были проанализированы предикторы воспринимаемого уровня стресса ($R=0,62$; $R^2=0,38$; $F=5,76$, $p=0,02$), а именно активный копинг ($\beta=0,42$, $p=0,000$), оценка диадического копинга ($\beta=-0,41$, $p=0,000$), информирование партнера о стрессе ($\beta=0,29$, $p=0,01$), уход в религию ($\beta=-0,26$, $p=0,01$) и использование психоактивных веществ ($\beta=0,25$, $p=0,02$). Таким образом, уровень воспринимаемого стресса предсказывает, как индивидуальные копинг-стратегии: активный копинг, уход в религию и использование ПАВ, так

и диадические – информирование о стрессе и оценка диадического копинга. Низкие оценки диадического копинга, отказ от веры в чудо, сверхъестественные силы усиливают ощущения стрессогенности ситуации. О стрессогенности ситуации в близких отношениях свидетельствуют напряженные стратегии: активный копинг и использование ПАВ и информирование партнера о стрессе.

Таким образом, вклад в предсказание воспринимаемого стресса, субъективное ощущение счастья и удовлетворенности близкими отношениями вносят, как стратегии диадического, так и индивидуального копинга. При этом важно отметить, что абсолютные коэффициенты предикции стратегий диадического копинга выше, чем индивидуальных стратегий.

Заявленная гипотеза подтвердилась. О продуктивности индивидуального и диадического совладания свидетельствует их совместный вклад как в удовлетворенность отношениями, так и в ощущение субъективного благополучия и умеренную стрессогенность ситуации для партнеров близких отношений. Совладающее поведение партнеров близких отношений представляет сочетание стратегий индивидуального и диадического копинга. Большой вклад в продуктивность совладания со стрессом, удовлетворенность отношениями вносит диадический копинг.

Литература

- Екимчик О. А.* Психология близких отношений в контексте стресса и совладания. Кострома: Костромской гос. университет, 2021.
- Екимчик О. А., Крюкова Т. Л.* Диадический копинг в российских парах: исследование психометрических качеств Опросника диадического совладания Г. Боденманна // Психологические исследования. 2017. Т. 10. Вып. 55. doi: 10.54359/ps.v10i55.346
- Екимчик О. А., Крюкова Т. Л.* Русскоязычная адаптация опросника самовоспринимаемой гибкости совладания со стрессом // Вопросы психологии. 2020. № 5. С. 145–156.

Феноменологические различия между посттравматическим стрессовым расстройством и комплексным посттравматическим стрессовым расстройством в зарубежной литературе

А. В. Ермолаева (МГППУ, Москва)

В рамках статьи рассматривается комплексное посттравматическое стрессовое расстройство как состояние, развивающееся в результате длительной, повторяющейся травматизации в ситуации, когда у индивида недостаточно или нет возможности выйти из подобной ситуации. Проведен теоретический обзор актуальных зарубежных источников литературы по проблеме комплексного посттравматического стрессового расстройства.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, комплексное посттравматическое стрессовое расстройство, острые реакции на стресс, экстренная психологическая помощь, стресс.

Впервые комплексное посттравматическое стрессовое расстройство (С-PTSD) было описано в 1992 г. в работах психиатра Джудит Хермэн как возникающее вследствие травм, пережитых в детском возрасте, таких как насилие, пренебрежение. При этом автор подчеркивала, что травматические симптомы сохраняются даже через много лет после того, как человек перестает подвергаться травматизации. Подчеркивалось, что переживание травмы в детском возрасте не только влечет за собой более сложные, хронические и тяжелые симптомы в дальнейшем, но и намного хуже поддается влиянию терапии.

Исследования указывают на феноменологические различия между посттравматическим стрессовым расстройством и комплексным посттравматическим стрессовым расстройством, что является определяющим для диагностики, для определения признаков, а также выбора способов психологического или медицинского вмешательства (Karatzias et al., 2018, 2019).

Отмечается, что терапия посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР) фокусируется на конкретном травма-

тическом событии, произошедшем в прошлом, обработке переживаний, связанных с травмирующими воспоминаниями. Терапия комплексного посттравматического стрессового расстройства (далее – КПТСР), в отличие от этого, направлена на устранение нарушений самоорганизации, так как они зачастую оказывают более сильное и негативное влияние на жизнь человека, чем симптомы, аналогичные для посттравматического стрессового расстройства. Для такого подхода к терапии специфичным является акцент внимания на улучшении эмоциональной саморегуляции, повышении социальных навыков и обретении чувства безопасности. Лишь после этого в терапии переходят к непосредственному исследованию травмы и связанных с ней чувств. Это делается для того, чтобы стабилизировать эмоциональное состояние, улучшить контроль поведения и функционирование в повседневной жизни, что, в свою очередь, повышает способность переносить эмоции, которые могут возникнуть при дальнейшей проработке травмы.

Посттравматическое стрессовое расстройство и комплексное посттравматическое стрессовое расстройство различаются по следующим переменным: диссоциация, детская травма и психологический дистресс. Далее разберем каждую из них.

Диссоциация определяется как способ психологической защиты, заключающийся в восприятии личностью происходящего как чего-то, что присуще постороннему человеку и является характерной защитой для людей, подвергшихся насилию или переживших другие травматические события. Согласно Хайленду, диссоциация разделяется на две категории: перитравматическая (вторичная) и стойкая. Вторичная диссоциация возникает в ответ на конкретные травматические события и носит защитный характер. Стойкая диссоциация является реакцией на хронический стресс. Диссоциация понимается рядом авторов (R. Noyes Jr, R. Kletti) как стратегия выживания, которой индивид обучается в ответ на опасные для жизни ситуации, которых невозможно избежать физически, поэтому необходимо отделиться от своего разума.

Функциональная магнитно-резонансная томография головного мозга показывает, что почти в каждой области мозга при диссоциации происходит снижение активации, что, соответственно, негативно сказывается на процессах мышления, памяти, ориентации и осмысления ситуации. Исследования Хиланда указывают, что существует четкое различие между комплексным посттравматичес-

ким стрессовым расстройством и посттравматическим стрессовым расстройством в отношении диссоциации. У людей с КПТСР уровень диссоциации значительно выше, чем у людей с ПТСР. При использовании диссоциативных шкал самооценки исследования показывают, что люди с КПТСР набирают значительно больше баллов, чем люди с ПТСР. Также отмечается, что при комплексном посттравматическом стрессовом расстройстве более характерна диссоциация с амнезией, дереализацией и абсорбцией. Исследователи предполагают, что уровень диссоциации возрастает по мере того, как реакции на травму становятся более выраженными, прогрессивно усложняется. Поскольку диссоциация переплетается с симптоматикой посттравматического стрессового расстройства и КПТСР, исследователи смогли определить, что все кластеры симптомов КПТСР были положительно коррелированы с диссоциацией. Но также были определены специфические симптомы диссоциации при КПТСР, к которым относятся дисрегуляция аффекта и нарушение межличностных отношений.

В исследованиях Пауэрса отмечается, что пациенты с КПТСР имеют более тяжелые диссоциативные симптомы, чем пациенты с ПТСР. Были отмечены различия как в отношении общей диссоциации, так и всех ее компонентов: отстраненности, дереализации, деперсонализации, нарушений памяти, расстройства идентичности и эмоциональной скованности. Авторы предполагают, что терапевтические вмешательства, ориентированные на эмоции, могут помочь справиться с диссоциацией и КПТСР.

Все рассмотренные выше исследования свидетельствуют о том, что категория посттравматического стрессового расстройства не охватывает и не объясняет диссоциативный опыт людей с КПТСР, а также помогает дифференцировать эти два расстройства.

Исследования связывают детскую травму с повышенным риском развития комплексного посттравматического стрессового расстройства (Karatzias et al., 2017). Отмечается, что наиболее высокий риск у индивидов, которые подвергались в детстве эмоциональному насилию и пренебрежению. Также отмечается, что детская травма, связанная с родителем или лицом, его замещающим, является более значительным фактором возникновения КПТСР в дальнейшем. Считается, что это связано с механизмом привязанности, когда ребенок в процессе развития, ориентируясь на фигуру привязанности, познает мир и ощущает себя в безопасности. Также отмечается,

что травма, пережитая в детском возрасте, влечет за собой трудности с эмоциональной регуляцией. Это связано с особенностями негативного детского опыта, который сопровождается сильными эмоциями, которые индивид не может регулировать из-за травмы, произошедшей на ранних этапах развития, в тот период, когда происходит непосредственное обучение навыкам эмоциональной регуляции.

Исследования также показали, что люди с комплексным посттравматическим стрессовым расстройством демонстрируют более высокие показатели психологического дистресса, чем люди с посттравматическим стрессовым расстройством (Hyland et al., 2018). Также при КПТСР наблюдаются значительно более высокие показатели агрессии, тревоги, депрессии, межличностных проблем, чаще встречаются нарушения сна и соматизация, чем при ПТСР. В исследованиях Элклита также отмечается, что причинность травмы неважна при разделении КПТСР от ПТСР. Клойтр выявил значительно более низкий уровень психологического благополучия у лиц, страдающих КПТСР, по сравнению с ПТСР, а также большую вероятность возникновения тревожных и депрессивных расстройств на фоне КПТСР. Исследователи предполагают, что коморбидность и уровень тяжести КПТСР указывают на то, что в терапии должны применяться более разнообразные вмешательства и они должны быть значительно более длительными, чем при ПТСР.

В ходе программы психосоматической реабилитации, проводимой Brenner, было обнаружено, что у лиц, страдающих комплексным посттравматическим стрессовым расстройством, намного выше уровень тяжести сопутствующих симптомов, чем у людей, страдающих посттравматическим стрессовым расстройством, а также намного больше сопутствующих заболеваний и более глубокое нарушение функций повседневной жизни. Также отмечается, что у людей, страдающих КПТСР намного выше риск злоупотребления психоактивными веществами и проблемы с контролем аффекта. В количественном отношении большинство участников программы с КПТСР (86,4%) продолжали оставаться недееспособными в конце реабилитации по сравнению с пациентами с посттравматическим стрессовым расстройством (66,7%), а в процессе лечения намного хуже переносили ежедневные нагрузки, предусмотренные программой. Также у пациентов с КПТСР отмечались проблемы в общении с другими пациентами, сложности с групповой интеграцией, заботой о себе и мобильностью.

В других исследованиях отмечается, что лица с КПТСР проявляют более глубокие переживания безнадежности, беспомощности, чем лица с ПТСР. Также было выявлено, что 90% выборки страдающих КПТСР имеют различные сопутствующие заболевания и чаще принимают психотропные препараты (как по назначению врачей, так и без него).

Karatzias в своих работах отмечает, что комплексное посттравматическое стрессовое расстройство чаще сопровождается нарушением функционирования и проблемами во всех областях жизни: в семейных взаимоотношениях, работе, досуге. Значительные проблемы в семейных взаимоотношениях авторы связывают с серьезной детской травмой, произошедшей с лицами, страдающими КПТСР.

Люди с комплексным посттравматическим стрессовым расстройством также намного более склонны к суицидальному поведению и самоповреждениям, а также намного чаще проявляют симптомы, характерные для пограничного расстройства личности.

Таким образом, несмотря на то что посттравматическое стрессовое расстройство и комплексное посттравматическое стрессовое расстройство имеют общие диагностические критерии, КПТСР имеет три уникальных критерия, связанных с нарушением саморегуляции, что делает его отдельным расстройством с совершенно другим профилем симптоматики, чем посттравматическое стрессовое расстройство. Кроме этого, особенности проявления диссоциации, детской травматизации, трудности в эмоциональном благополучии, сопутствующие заболевания намного более тяжело проявляются у лиц с КПТСР, чем у лиц с посттравматическим стрессовым расстройством, что еще раз демонстрирует необходимость не только дифференциации двух заболеваний, но и важность выработки различных подходов к терапии этих расстройств. Терапия посттравматического стресса должна быть направлена на обработку прошлого травмирующего опыта, в то время как лечение КПТСР – на избавление от нарушения саморегуляции.

Литература

Hyland P., Ceannt R., Daccache F., Daher R. A., Sleiman J. B., Gilmore B., Byrne S., Vallières F. Are PTSD and Complex-PTSD distinguishable within a treatment seeking sample of Syrian refugees living in Lebanon? // *Global Mental Health*. 2018. № 5. P. 1–9.

Karatzias T. Evidence of distinct profiles of posttraumatic stress disorder (PTSD) and complex posttraumatic stress disorder (CPTSD) based on the new ICD-11 trauma questionnaire (ICD-TQ) // *Journal of Affective Disorders*. 2017. V. 207. P. 181–187.

Karatzias T., Bradley A., Shevlin M., Hyland P., Brewin C. R., Cloitre M., Kitchiner N., Downes T., Jumble S., Bisson J., Roberts N. The role of negative cognitions, emotion regulation and attachment style in Complex PTSD (CPTSD): Implications for new and existing therapies // *British Journal of Clinical Psychology*. 2018. № 57. P. 177–185. doi: 10.1111/bjc.12172

Психологические особенности мирного населения прифронтовых территорий

С. В. Колобова (МГУ им. А. И. Куинджи, Мариуполь)

Гипотеза исследования заключается в предположении, что психологические особенности мирного населения прифронтовых территорий могут различаться в зависимости от длительности проживания вблизи проведения военных действий. С целью проверки гипотезы был проведен сравнительный анализ личностных особенностей мирных жителей ДНР и областей России, граничащих с Украиной. Результаты свидетельствуют, что у мирного населения ДНР существенно более, чем у мирного населения прифронтовых территорий Курской, Брянской, Воронежской, Белгородской областей, выражены признаки социальной дезадаптации, растерянности, повышенной тревожности, а также ниже уровень нервно-психической адаптации.

Ключевые слова: психологические особенности личности, стресс, прифронтовые территории, дезадаптация.

Цель исследования заключается в изучении личностных особенностей мирных жителей, проживающих на прифронтовых территориях в период проведения СВО.

Выборка исследования составила 100 чел., из них 50 чел., проживающих в регионах, граничащих с Украиной (Курская, Брянская, Воронежская, Белгородская области), и 50 чел., проживающих в ДНР. Возраст обследуемых – от 25 до 50 лет.

Гипотезы:

1. Уровень нервно-психической адаптации мирных жителей зависит от длительности проживания на прифронтовых территориях.
2. Существуют статистически значимые различия между психологическими особенностями мирных жителей в зависимости от длительности проживания на прифронтовых территориях.

Методы исследования. В исследовании были применены теоретические методы (анализ литературных источников), эмпирические (тес-

тирование) и методы математико-статистической обработки (параметрический t-критерий Стьюдента).

Методики исследования:

1. Сокращенный многофакторный опросник для исследования личности (СМОЛ), J. C. Kincannon в модификации В. П. Зайцева и В. Н. Козюли.
2. Методика «Тест нервно-психической адаптации» И. Н. Гурвич (Бурлачук, 2006).

В рамках данной статьи исследован уровень нервно-психической адаптации и психологические особенности жителей прифронтовых территорий ДНР и регионов России, граничащих с Украиной (Курская, Брянская, Воронежская, Белгородская области). Кроме того, проведен сравнительный анализ при помощи методов параметрической статистики.

Средний показатель уровня нервно-психической адаптации мирного населения, проживающего в прифронтовых территориях в Курской, Брянской, Воронежской, Белгородской областях, равен 16,82, что соответствует второй группе психического здоровья, в настоящее время выделенной в военной психиатрии. Данный показатель свидетельствует, что мирные жители, проживающие в близости к проведению военных действий в течение года, являются, согласно критериям данной методики, «практически здоровыми» с благоприятными прогностическими признаками. Результаты исследования уровня нервно-психической адаптации жителей ДНР, где военные действия продолжаются с 2014 г., выявили пониженный показатель адаптации, равный 10,12, что соответствует третьей группе психического здоровья «непатологическая психическая дезадаптация», в настоящее время выделенной в военной психиатрии. В результате сравнительного анализа были получены статистически значимые различия уровня нервно-психической адаптации двух исследуемых групп ($t_{эмп} = 2,155$ при $p < 0,01$ и $t_{крит} = 1,661$).

Согласно Ю. А. Александровскому, ослабление адаптационной психической деятельности, снижение уровня нервно-психической адаптации могут иметь свои проявления в образовании некоторых черт личности психопатологического характера, свойственных пограничным формам нервно-психических расстройств (Александровский, 2011). Таким образом, даже снижение уровня нервно-психической адаптации не до критического уровня влечет за собой последствия,

наносящие урон психическому здоровью и благополучию личности (Ахмедова, 2003).

Далее приведены результаты исследования личностных особенностей мирных жителей ДНР и мирного населения, проживающего в прифронтовых территориях в Курской, Брянской, Воронежской, Белгородской областях.

Согласно результатам анализа личностных особенностей мирного населения, проживающего в прифронтовых территориях в Курской, Брянской, Воронежской, Белгородской областях, были выявлены пики по 3 шкалам: F (шкале достоверности), PA (шкале паранойи) и Sc (шкале шизофрении). Обнаружено, что по шкале F (шкале достоверности) средний показатель жителей прифронтовых территорий составляет 76,45 балла, что может свидетельствовать о высоких значениях по данной шкале. Высокое значение F говорит об известном отклонении от нормальных личностных реакций и чаще встречается у больных психозом или при тяжелом неврозе.

Средний показатель по шкале PA (шкале паранойи) жителей прифронтовых территорий составляет 67,37 балла, что соответствует умеренному повышению характеристики и может свидетельствовать о наличии дисфории, подавленности, раздражительности, склонности к конфликтам в контактах узкого круга, а также о наличии невротического состояния жителей прифронтовых территорий и повышенной тревожности.

Было выявлено, что по Sc (шкале шизофрении) средний показатель жителей прифронтовых территорий составляет 67,29 балла (умеренное повышение), что может свидетельствовать о возможных характеристиках изобретательности, оригинальности суждений, также о некоторой замкнутости, угрюмости, своеобразии суждений, растерянности и непредсказуемости поступков. Показатели остальных шкал находятся в пределах нормы у жителей прифронтовых территорий, граничащих с Украиной.

Согласно результатам анализа личностных особенностей мирного населения, проживающего в ДНР, были выявлены пики и повышенные значения по 4 шкалам: F (шкале достоверности), Pd (шкале психопатии), PA (шкале паранойи) и Sc (шкале шизофрении). Было выявлено, что по шкале F (шкале достоверности) средний показатель жителей ДНР составляет 71,25 балла, что может свидетельствовать о возможном наличии невротических проявлений.

Средний показатель по шкале Pd (шкале психопатии) жителей ДНР составляет 69,42 балла, что соответствует повышенному значению с тенденцией к высокому и может свидетельствовать о социальной дезадаптации в широком смысле этого слова. Отмечается, что повышенные значения по данной шкале могут быть признаком временной дезадаптации, вызванной различными причинами: конфликтной или стрессовой ситуацией, тяжелым соматическим заболеванием, острым психическим расстройством и др.

Средний показатель по шкале PA (шкале паранойи) жителей ДНР составляет 68,67 балла, что соответствует умеренному повышению характеристики и может свидетельствовать о наличии дисфории, подавленности, раздражительности, склонности к конфликтам в контактах узкого круга, а также о наличии невротического состояния и повышенной тревожности.

Было выявлено, что по Sc (шкале шизофрении) средний показатель жителей прифронтовых территорий составляет 67,86 балла, что может свидетельствовать о возможных характеристиках изобретательности, оригинальности суждений, также некоторой замкнутости, угрюмости, своеобразии суждений, растерянности и непредсказуемости поступков. Показатели остальных шкал находятся в пределах нормы у жителей ДНР.

В результате сравнительного анализа, проведенного с помощью методов параметрической статистики, были выявлены статистически значимые различия личностных особенностей мирных жителей ДНР и мирного населения, проживающего в прифронтовых территориях в Курской, Брянской, Воронежской, Белгородской областях по шкале Pd (шкале психопатии) ($t_{\text{эмп}} = 2,392$ при $p < 0,01$ и $t_{\text{крит}} = 1,661$).

Заключение

Было выявлено, что у мирного населения ДНР существенно более, чем у мирного населения прифронтовых территорий Курской, Брянской, Воронежской, Белгородской областей, выражены признаки социальной дезадаптации, растерянности, повышенной тревожности, а уровень нервно-психической адаптации оказался ниже.

Особое внимание привлекают высокие результаты жителей ДНР по шкале психопатии. Стабильно высокие показатели по данной шкале являются признаком хронической дезадаптации, которая может быть как постоянным свойством личности, так и приобретенным

в результате патологического развития или процесса. Именно это обозначает перспективу и обуславливает необходимость дальнейшего исследования в рамках данной темы. На наш взгляд, необходимо проведение лонгитюдного исследования с целью выявления динамики выраженных личностных особенностей жителей прифронтовых территорий и жителей ДНР для разработки программы психологической помощи.

Литература

- Александровский Ю. А.* Предболезненные и начальные проявления психических расстройств невротического уровня // Российский психиатрический журнал. 2011. № 6. С. 4–7.
- Ахмедова Х. Б.* Мирные жители в условиях военных действий: личностные черты и расстройства адаптации // Психологический журнал. 2003. № 3. С. 37–44.
- Бурлачук Л. Ф.* Психодиагностика: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2006.

Жизнестойкость, копинг-стратегии и уровень тревожности у юношей и девушек

О. Б. Кононова (ПГУПС Императора Александра I, Санкт-Петербург),
М. В. Богун (ПГУПС Императора Александра I, Санкт-Петербург)

Современные студенты зачастую остро переживают свое профессиональное становление, испытывают трудности в обучении, сложности в построении межличностных отношений. Статья посвящена изучению жизнестойкости, копинг-стратегий и тревожности у юношей и девушек. Гипотеза исследования: существуют различия между показателями жизнестойкости, копинг-стратегиями и тревожностью у юношей и девушек. У юношей в большей степени выражены такие показатели жизнестойкости, как вовлеченность и контроль, а девушки чаще, чем юноши, прибегают к такой копинг-стратегии, как «Принятие ответственности», а также в большей степени испытывают реактивную и личностную тревожность.

Ключевые слова: жизнестойкость, копинг-стратегии, тревожность.

Мир наполнен эмоциональными переживаниями и сложными ситуациями, которые предъявляют требования к способностям личности справиться с ними с наименьшими для себя потерями. Вопрос построения собственной жизни, ее управляемость или зависимость от обстоятельств будет всегда волновать человека. Особое место в этом вопросе занимает студенческий возраст, так как это значимый этап становления личности, профессионального самоопределения, формирования целостной системы отношений к другим людям и к себе. Изучению различных особенностей студентов посвящено множество современных психологических исследований (Казначеева, Бажанова, 2023; Казначеева, Кононова, 2023; Кононова, 2018, 2021; Кононова, Скворцова, 2023).

Особая роль в формировании жизнестойкости отводится периоду обучения студентов в учреждениях высшего образования. Современные студенты зачастую очень остро переживают свое профессиональное становление через прохождение различных кризисов: труднос-

ти в обучении, сложности в построении межличностных отношений, различные бытовые проблемы (Кононова, Скворцова, 2023). Успешное преодоление и профилактика стресса требуют применения копинг-стратегий, позволяющих студентам адаптироваться к требованиям ситуации. Исследование психических состояний тревожности человека является актуальной проблемой современной психологической науки. Давая описательную характеристику такому состоянию, как тревожность, можно сказать, что как в бытовой, так и в научной среде она является отрицательным явлением с проявляющейся негативной окраской для окружающих (Казначеева, Бажанова, 2023).

Целью данного исследования является изучение жизнестойкости, копинг-стратегий и тревожности у юношей и девушек.

Гипотеза исследования: существуют различия между показателями жизнестойкости, копинг-стратегиями и тревожностью у юношей и девушек.

Выборка – студенты Петербургского государственного университета путей сообщения в возрасте от 18 до 22 лет. Размер выборки – 30 чел., из них 15 юношей и 15 девушек.

Были использованы следующие методики: «Тест жизнестойкости» С. Мадди, «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т.Л. Крюковой, Опросник «Шкала тревоги Спилбергера–Ханина».

При сравнительном анализе результатов исследования с помощью t-критерия Стьюдента были обнаружены значимые различия между юношами и девушками по шкале «Вовлеченность» методики «Тест жизнестойкости» ($t = -6,52$, $p < 0,01$), на основании данных результатов, можно утверждать, что у юношей больше, чем у девушек, выражена уверенность в себе и они больше получают удовольствие от собственной деятельности. Также при сравнительном анализе были выявлены значимые различия по шкале «Контроль» ($t = -6,02$, $p < 0,01$). Исходя из полученных данных можно сделать вывод о том, что у юношей больше, чем у девушек, выражено представление о себе как о личности, которая способна повлиять на исход значимых событий, а также юношам свойственна более активная жизненная позиция и ощущение того, что они самостоятельно совершают выбор.

При сравнительном анализе результатов исследования по методике «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса были обнаружены значимые различия между юношами и девушками по показателям шкалы «Принятие ответственности» ($t = 2,10$, $p < 0,05$). Это означает,

что девушки в большей степени признают свою роль в возникновении проблемы и принимают ответственность за решение этой проблемы.

По результатам исследования по методике «Шкала тревоги Спилбергера–Ханина» были обнаружены значимые различия между юношами и девушками по шкале «Реактивная тревожность» ($t = 5,53$, $p < 0,01$), что может свидетельствовать о том, что у девушек выше, чем у юношей, напряжение и беспокойство в настоящем времени. Также при сравнительном анализе были выявлены различия по шкале «Личностная тревожность» ($t = 6,28$, $p < 0,01$). Это значит, что у девушек выше, чем у юношей, предрасположенность к тревожным переживаниям.

Таким образом, исходя из полученных результатов данного исследования, можно утверждать, что гипотеза о различиях между показателями жизнестойкости, копинг-стратегий и тревожности у юношей и девушек подтвердилась. У юношей в большей степени выражены такие показатели жизнестойкости, как вовлеченность и контроль, а девушки чаще, чем юноши, прибегают к такой копинг-стратегии, как «Принятие ответственности», а также в большей степени испытывают реактивную и личностную тревожность.

Литература

Казначеева Н. Б., Бажанова Е. В. Совладающее поведение и личностные особенности у юношей // Карминские чтения. Актуальные проблемы психологии, философии, конфликтологии, культурологии, права и образования: Материалы VI Национальной с международным участием научно-практической конференции, посвященной Анатолию Соломоновичу Кармину, а также 40-летию создания кафедры «Прикладная психология», Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2022 г. / Под ред. Е. Ф. Ященко, М. В. Иванова. СПб.: ПГУПС Императора Александра I, 2023. С. 198–203.

Казначеева Н. Б., Кононова О. Б. Особенности жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у студентов // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 1 (130). С. 134–143. doi: 10.20323/1813_145X_2023_1_130_134_143

Кононова О. Б. Методика коллективного творческого воспитания в контексте психологического здоровья // Перспективы психолого-педагогической работы в современном образовательном учреждении: Сборник материалов III Международной научно-практической

конференции и образовательного семинара (к 100-летию Санкт-Петербургского государственного института культуры), СПб., 18–19 мая 2018 г. / Отв. ред. В. М. Голянич, О. В. Ходаковская. СПб.: НИЦ «Арт», 2018. С. 51–60.

Кононова О. Б. Психолого-педагогический анализ традиций коллективной творческой организаторской деятельности // Социальная педагогика. 2021. № 4. С. 84–89.

Кононова О. Б., Скворцова К. А. Самоотношение и жизнестойкость студентов транспортного вуза // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2023. № 1 (45). С. 296–303.

Отчуждение в близких отношениях как избегающий копинг

Т.Л. Крюкова (КГУ, Кострома)

Отчуждение — это физическое и психологическое дистанцирование, нарушение связанности между близкими людьми, в семье, которое происходит из-за конфликта или несогласия по поводу стрессогенной ситуации. Представлен краткий обзор исследовательской литературы о семейном отчуждении между поколениями, в основном между взрослыми детьми и их родителями. Приводятся данные эмпирических исследований. Аргументирована важность проведения дополнительной разработки частоты, причин и последствий отчуждения семьи, а также возможных способов снижения уровня напряжения и неблагополучия тех, кто уже испытывает негативные последствия, особенно среди пожилых людей. Когда взрослый ребенок отчуждается, это уменьшает и даже исключает важный и один из немногих доступных пожилому человеку вид поддержки.

Ключевые слова: отчуждение, маркеры отчуждения; конфликт, копинг, ориентированный на избегание; неблагополучие.

Изменения в социальных связях, которые произошли во время связанного с пандемией COVID-19 социального дистанцирования, зафиксированы. Они представляют собой разнонаправленные тенденции: в частности, отмечался рост чувства близости и сопричастности с теми, кто живет вместе. Именно жизнь с партнером надежно и однозначно буферизировала сдвиги в социальных отношениях (Okabe-Miyamoto et al., 2021). Другая явная выраженная тенденция заключается в отстраненности людей, живущих вместе, друг от друга. В междисциплинарном исследовании стресса и совладания в близких отношениях постковидного времени (Крюкова и др., 2020) данная тенденция проявляется сильнее как социальное отчуждение или чувство оторванности человека от группы (семья, друзья, коллеги).

Отчуждение касается тех людей, с которыми у человека есть или была психологическая близость. Оно может быть вызвано радикальными взглядами, внутренним принуждением, побуждаю-

щими человека думать, говорить и вести себя радикальным образом (Agllias, 2018). Актуальная социально-политическая ситуация вызвала разногласия (принятие/непринятие действий, событий) не только в обществе, но, прежде всего, внутри одной семьи, диады партнеров.

Когда человек обнаруживает, что имеет несовпадающее или противоположное со своими близкими мнение по поводу актуального значимого события, он может испытывать тревогу, страх, дезориентацию. Люди, вместе пережившие пандемию и ее последствия, далее сталкиваются с новым вызовом — ценностным конфликтом: активная поддержка и радикализация насилия одними ведет к отчуждению и одиночеству других. Социальное отчуждение или иногда отключение (отстранение) — это физическое отдаление и потеря привязанности между членами семьи, часто из-за интенсивного конфликта или продолжающихся разногласий. Человек может активно участвовать в отчуждении, покидая семью или распуская ее, он может быть изгнан одним или несколькими членами семьи.

Отчуждение можно охарактеризовать как процесс разделения внутри малой группы носителей близких отношений и семьи, часто вовлекающий одного или нескольких ее членов, решивших максимально дистанцироваться друг от друга. Наиболее распространенным способом дистанцирования от семьи и ее членов является прекращение контактов и общения (Scharp, Hall, 2017). Отметим, что термины «отчуждение», «разрыв связей» и «дистанцирование» используются как синонимы: они относятся к активным решениям и действиям, направленным на уменьшение контакта, общения и эмоциональной связи с близкими.

Проблемные вопросы нашего исследования: влияет ли социально-культурный и политический контекст на количество разногласий, уровень близости в отношениях? Какие копинг-действия запускаются стрессогенными событиями и каковы последствия: существует ли отчуждение членов семьи друг от друга и от семьи при разных точках зрения на конфликт?

В двух исследованиях (май 2022; апрель 2023) приняли участие: $n_1 = 141$ респондент в возрасте от 18 до 62, средний возраст — 27 лет ($M = 26,98$ $DS = 8,92$). Из них 111 женщин (78,2%) и 31 мужчина (21,8%); $n_2 = 24$ чел. Среди методов: Шкала воспринимаемого стресса — 10 (PSS-10, Cohen, 1983, адаптация Абабкова и др., 2016); шкала Включенности Другого в собственную Я-концепцию (IOS) (Aron et al., 1992); Шкалы конфликтов и решения проблем (CPS) (Kerig, 1996);

экспресс-опросник копинга (COPE) (Carver et al., 1989) (Крюкова и др., 2019); апробация опросника детско-родительского отчуждения взрослых детей.

Результаты

Существующая социально-политическая ситуация, без сомнения, является стрессовой. Под контекстом ситуации понимаются значительно изменяющиеся условия в стране и в мире для качества жизни в целом, на которые указывают объективные маркеры, такие как: начало специальной военной операции, объявление частичной мобилизации, санкции и т. д. В семьях наибольшее беспокойство в контексте исследуемой ситуации имеют вопросы бюджета, наличия конфликтов и напряжения, актуально также беспокойство и страх за здоровье членов семьи. Чувство отчужденности членов семьи друг от друга через 4 месяца после ее начала значимо повысилось по сравнению с ее началом ($p < 0,001$), а эмоциональная близость или включенность за 4 месяца снизилась ($p < 0,005$). Респонденты объясняют увеличение чувства одиночества и уменьшение эмоциональной близости разногласиями по поводу социально-политической ситуации и возникающими на фоне этого конфликтами между близкими.

Подобное явление чаще встречается между взрослыми детьми и их родителями, и у взрослых внуков с прауродителями, а также другими членами семьи. Отчуждение или эмоциональный разрыв близких и семейных отношений как феномен тут связан с нелояльностью, изоляцией, избеганием и отрицанием важности мнений, позиций, действий членов семьи как между представителями одного поколения, так и разных поколений. Истории, когда родители перестают общаться с детьми, жены уходят от мужей (и наоборот), — это болезненные и драматические проявления поляризации общества, вызванной контекстом.

Процесс отчуждения имеет свои маркеры — физическое дистанцирование, отсутствие эмоциональной близости, неудовлетворительные отношения, прерывистый конфликт и избегание, а также убежденность в том, что нет никакого способа решения проблем (Scharp, Hall, 2017). В ходе исследований процесса отчуждения обратим внимание на следующее: физическая дистанция необязательно означает отчуждение семьи, и при этом наличие физической близости необязательно указывает на близость психологическую. Данные

подтверждают это: существуют значимые корреляции между «одиночеством сейчас» и «наличием конфликтов с близкими» ($p < 0,02$); между «одиночеством сейчас» и «наличием разногласий по поводу спецоперации» и «эмоциональной близостью сейчас» ($p < 0,004$). В ходе исследования обнаружены значимые связи между переживанием одиночества и копинг-стратегиями «избегание», «невербальная агрессия» и «вербальная агрессия». Открыто заявляет о наличии конфликтов в семье только третья часть респондентов (29,25%), наблюдается тенденция к избеганию острой темы, табу на ее обсуждение вплоть до игнорирования.

Оказалось, что чем больше разнятся взгляды членов семьи на социально-политическую ситуацию в стране, тем чаще конфликты, возникшие на ее фоне, решаются игнорированием, всевозможным избеганием данной темы и проявлением вербальной агрессии. Чем больше человек ощущает себя одиноким в семье, тем меньше он пытается переубедить другого или специально делать, говорить что-то, чтобы задеть за живое. Это также можно объяснить желанием предпринять какие-либо действия: чтобы не чувствовать себя подобным образом, человек решает не переубеждать других и не задевать больные места, чтобы не отдаляться. Важно отметить — чем существеннее разногласия, тем чаще респонденты предпочитают избегать острой темы и переводить разговор. Изучались также последствия и итоги разрешения конфликтов: часто встречается избегание темы обсуждения самой ситуации в целом, а не только мнений о ней. Итог конфликта «чувствуем себя ближе, чем до ссоры» имеет обратную связь со стратегиями «избегания» ($p < 0,01$) и «вербальная агрессия» ($p < 0,001$); на вопрос о взаимопонимании и решении конфликта только меньшинство ответило, что это не происходит никогда. Треть соглашается с утверждением «Мы понимаем, что разговор об этом — пустая трата времени, злимся, не разговариваем друг с другом», из чего следует, что конфликт, возникший на фоне специальной операции, не разрешается. Существует тенденция к избеганию разрешения конфликта, когда сами разногласия остаются, а люди принимают решение делать вид, что ничего не происходит.

Таким образом, отчуждение в семейных и межпоколенных отношениях действительно проявляется у людей разного возраста, при этом более молодые респонденты (юные) имеют более высокие показатели одиночества, по сравнению с другими группами. Также были получены следующие результаты:

1. Близость в отношениях уменьшилась, а чувство одиночества в контексте разногласий увеличилось.
2. Число респондентов, открыто заявивших о наличии конфликтов с близкими в семье и отмечающих у себя негативные изменения, различны (37 и 96 респондентов, соответственно). Изучаемые негативные изменения являются компонентами стресса, что доказывает стрессогенный характер ситуации.
3. Наличие разногласий не всегда приводит к прямому конфликту, однако снижает эмоциональную близость с другими в семье, а непосредственное наличие конфликтов увеличивает острое чувство одиночества.
4. Чем выше чувство субъективного одиночества, тем чаще выбирают копинг-стратегии избегание, вербальная и невербальная агрессия. Все указанные показатели отчужденности связаны с разделением внутри семьи, часто вовлекающее тех, кто дистанцируется друг от друга. Отчуждение не всегда говорит о меньшей эмоциональной близости, однако является признаком неразрешенной враждебности.
5. Очевидно, что в данной ситуации стресса в близких отношениях большая часть людей выбирает копинг избегания, суть которого заключается в отрицании или сведении до минимума своей причастности к ситуации; сознательное подавление стрессогенных мыслей; использование защищающих себя мыслей; предпочитаемое истолкование (*wishful thinking*) – призрачные надежды, надежда на чудо (Крюкова и др., 2019).

Второе пилотажное исследование посвящено отчуждению взрослых детей от родителей в ситуации конфликта взглядов, оценок, мнений. Точность эмпирических данных о семейном отчуждении пока не очевидна, однако опыт семейного отчуждения неоспорим: половина выборки не разговаривает с одним или обоими родителями до 1,5 лет. Названы причины отчуждения: словесные оскорбления, крик, обзывания при конфликте; эмоциональное оскорбление (манипуляции, гаслайтинг – психологическое насилие); различные ценности и убеждения, а также отсутствие взаимопонимания и поддержки. Чаще отчуждаются от отца (и отчима), от матери, реже – от прародителей. Среди маркеров отчуждения чаще называют минимизацию контактов (нежелание видеть, слышать, отказ общаться, сведение контактов к формальному минимуму), что свидетельствует об использовании копинга избегание. Кроме этого, взрослые дети отме-

чают разочарование от общения; со стороны ребенка – страх, злость, обида, чувство вины; со стороны родителя – эмоциональная холодность, равнодушие, безразличие, злость, агрессия.

Очевидно, что отчуждение/«разлом» близких отношений означает, что, когда члены семьи отдаляются друг от друга, они теряют часть своей поддержки. Это может создавать дополнительную тревогу, замешательство и способствовать дальнейшему отчуждению, увеличивать психологическое неблагополучие.

Литература

- Крюкова Т. Л., Екимчик О. А., Опекина Т. П.* Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та, 2019.
- Крюкова Т. Л., Екимчик О. А., Опекина Т. П., Шипова Н. С.* Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 120–134. doi: 10.17759/sps.2020110409
- Agllias K.* Missing family: The adult child's experience of parental estrangement // Journal of Social Work Practice. 2018. V. 32. P. 59–72. doi: 10.1080/02650533.2017.1226471
- Okabe-Miyamoto K., Folk D., Lyubomirsky S., Dunn E. W.* Changes in social connection during COVID-19 social distancing: It's not (household) size that matters, it's who you're with // PLoS One. 2021. № 16 (1). e0245009. doi: 10.1371/journal.pone.0245009
- Scharp K. M., Hall E. D.* Family marginalization, alienation, and estrangement: Questioning the non-voluntary status of family relationships // Annals of the International Communication Association. 2017. № 41. P. 28–45. doi: 10.1080/23808985.2017.1285680

Травматический стресс и его преодоление человеком как личностью и субъектом

С. Г. Мелик-Карамян (ЕУА, Капан, Армения)

В статье рассматриваются явления стресса и травматического стресса, а также возможная направленность психотерапевтической работы с этими состояниями, учитывая целостность человека как биологического существа, личности и субъекта, и основываясь на данных теоретических и практических исследований, проведенных в рамках системно-субъектного подхода.

Ключевые слова: стресс, травматический стресс, человек, личность, субъект, ПТСР, системно-субъектный подход.

Понятие стресса изначально использовалось в физике, обозначая внешний фактор, воздействующий на физический объект и вызывающий напряжение. Впоследствии термин был заимствован физиологами и психологами и, согласно классическому определению Г. Селье, стал обозначать общий «адаптивный синдром», помогающий поддержанию гомеостаза и проявляющийся в неспецифической реакции организма на любой потенциально опасный стимул.

Особенностью травматического стресса – согласно определению Н. В. Тарабриной – является такое воздействие стрессора, которое приводит к нарушению в психической сфере по аналогии с физическими нарушениями. Для некоторых людей переживание травматического стресса может впоследствии привести и к посттравматическому стрессовому расстройству (ПТСР).

При рассмотрении различных теоретических концепций, касающихся моделей формирования и действия ПТСР, можно выделить психодинамический, когнитивный, психосоциальный и психобиологический подходы. Так, например, «двухфакторная теория» говорит о ПТСР как об условно-рефлекторном обусловливании, связывающем безусловно-рефлекторную стрессовую реакцию с другими, изначально нейтральными, событиями или обстоятельствами, или как об опертантной обусловленности, заставляющей человека избегать эмо-

ционального дистресса, возникающего при воздействии событий, имеющих явное или ассоциативное сходство с основным травмирующим стимулом. В другом подходе особое внимание отводится когнитивной оценке травмирующей ситуации, которая будет являться основным фактором адаптации после травмы (когнитивные психотерапевтические модели). Существуют также модели, придающие особое значение социальной составляющей, выделяя такие факторы, как сохранение прежнего социального статуса и финансового положения, отсутствие физических последствий травмы и социальную поддержку окружения как наиболее влиятельную по воздействию на успешность преодоления последствий травматического стресса (психосоциальный подход) (Тарабрина и др., 2017).

Характеризуя современный этап развития науки, можем говорить о парадигме становления и самоорганизации, а также о значимости аксиологических проблем. Так, если в классическом понимании стресса доминировал принцип гомеостаза и устойчивости состояния человека, то на современном этапе доминируют теории гетеростаза и интеграции мотивов человека для достижения личностного роста и самореализации (Бохан, 2009).

Этой новой парадигме в психологии полностью соответствует системно-субъектный подход (Е. А. Сергиенко), предлагающий изучение человека целостного, в отличие от изучения отдельных психических процессов, установление субъектной психологии, основывающейся на идее неразрывности биологического, психологического и социального в человеке как субъекте.

Проводя исследования и теоретические разработки именно в рамках данного направления, сотрудники лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН показали следующие особенности проявлений человека как личности и субъекта в нормальных и трудных жизненных ситуациях:

- субъект и личность — две неразрывные ипостаси психической организации, имеющие свои когнитивные, регулятивные и коммуникативные функции (для личности когнитивная — смыслообразование, регулятивная — переживание, коммуникативная — избирательность взаимодействия, а для субъекта когнитивная — понимание, регулятивная — контроль поведения, коммуникативная — субъект-субъектные взаимодействия);

- решающая роль отводится активности самого человека и развитию личности даже в трудных ситуациях;
- главное в определении трудной ситуации – не недостаточность адаптационных ресурсов индивида, а ее угрожающий характер в смысле риска потери смысловых оснований функционирования личности и разрушения ее «личностной теории»;
- понятие субъекта рассматривается как обобщающая категория в современной психологии;
- индивидуальный и групповой субъект представлены как метапонятия, имеющие системно-сетевую архитектуру и объединяющие другие понятия (Сергиенко и др., 2022).

Рассматривая отдельного индивида и группу как субъект, мы можем говорить и об их взаимовлиянии. М. А. Падун, обращаясь к переживанию травматических событий людьми с разными индивидуальными особенностями, отмечает, что их идентичность и картина мира, включающая представления о законах взаимодействия между «Я» и миром, развиваются под воздействием определенного культурного контекста, в котором проходит их онтогенез (Падун, 2018).

Вместе с этим мы понимаем, что каждая личность имеет возможность влиять на свою жизнь, а также на окружение, а следовательно – в глобальном смысле – на мир, в котором она живет. Именно изменения поведения отдельных личностей, накапливаясь, приводят к изменениям культуры, которые происходят не так быстро, но вполне возможны.

Анализируя факты относительно доминирующего влияния культуры на личности ее представителей или личностей – на культуру, Д. Мацумото, рассматривая различные научные данные, приходит к выводу о том, что влияние с двух сторон практически равнозначно: «Культура и личность взаимно обуславливают друг друга в пределах соответствующей культурной среды» (Мацумото, 2002, с. 318).

В ситуациях, когда происходят масштабные травматические события (такие как военные конфликты, пандемия и т. д.), это дает повод говорить о важности психообразования и программ профессиональной психологической и социально-психологической поддержки для преодоления трудностей, существующих не только у отдельной личности, но и в обществе в целом.

Как мы уже обсудили в начале статьи, в настоящее время нет единой теоретической концепции, полностью объясняющей возникновение и развитие ПТСР, однако одной из обобщающих можно считать разработанную в последние годы мультифакторную теорию ПТСР,

выдвинутую А. Мэркером. Согласно этому подходу, есть три группы факторов, сочетание которых приводит к возникновению ПТСР. Это, во-первых, особенности травматического события — ее тяжесть, неожиданность, неконтролируемость; во-вторых, защитные факторы человека, такие как способность к осмыслению произошедшего, механизмы совладания, наличие социальной поддержки; и, наконец, факторы риска, как, например, возраст, уровень интеллекта и социально-экономическое положение, прошлый отрицательный опыт, психические расстройства в анамнезе и др. Как мы видим, из выделенных категорий психотерапия может работать только на подкрепление защитных факторов (Тарабрина и др., 2017). Так, например, если рассматривать человека как индивида, то целью психотерапевтического лечения пациента с ПТСР будет помощь в урегулировании физиологического состояния, в интеграции травматических воспоминаний в общую временную структуру памяти как части личного опыта, но это невозможно без работы с человеком как с личностью с ее переживаниями и смыслообразованием для интерпретации собственных эмоциональных реакций. В свою очередь, для воплощения в жизнь приобретенных умений, для интеграции в социум, для того, чтобы пациент мог с ответственностью включиться в настоящее, необходима активация субъектности, контроля поведения и осознания собственных ресурсов.

Учитывая вышеприведенные данные, можем заключить, что стресс и травматический стресс, в частности, воздействуют на человека целостного, интегрирующего биологическую, психологическую и социальную стороны, следовательно, выход из этого состояния даже в психотерапевтическом процессе будет невозможным при использовании любого из односторонних подходов, акцентирующих либо когнитивную, либо психосоциальную, либо психобиологическую сторону воздействия стресса. Истинное преодоление травматического стресса возможно только при условии, если процесс восстановления будет включать в себя нормализацию биологического функционирования человека (излечение физических травм и восстановление присущих норме физиологических реакций и высшей нервной деятельности), которое, в свою очередь, тесно взаимосвязано с психическими процессами (отреагированием и урегулированием эмоциональных реакций, восстановлением нормального функционирования памяти и мышления, интеграцией процессов смыслообразования и понимания, переживаний и контроля поведения), которые, в свою очередь, приводят к восстановлению социальной адаптированности

(взаимодействию избирательному и субъект-субъектному, реинтегрированию в социальные общности и восстановлению деятельности учебной/рабочей, приводящей также к восстановлению/поддержанию социального статуса и функционирования).

Таким образом, как мы видим, каждый отдельный человек как индивид и представитель вида *homo sapiens* в то же время в норме является существом социализированным, личностью и активным субъектом, интегрированным в определенную культуру и имеющим возможность использовать различные внутренние и внешние ресурсы для преодоления травматического стресса. Наиболее продуктивным будет использование всех ресурсов, имеющихся у каждого отдельного индивида, и применение интегративного подхода в терапии для обеспечения полноценного выхода из стресса для него как для человека, личности и субъекта.

Литература

- Бохан Т. Г.* К проблеме стресса и стрессоустойчивости в психологии человека в изменяющемся мире // Психология человека в современном мире. Т. 5. Личность и группа в условиях социальных изменений: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Л. С. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2009. С. 37–45.
- Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
- Падун М. А.* Социокультурные факторы в переживании посттравматического стресса // Мир науки. 2018. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/24PSMN518.pdf> (дата обращения: 31.05.2023).
- Сергиенко Е. А., Знаков В. В., Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Лебедева Е. И., Уланова А. Ю., Виленская Г. А., Ветрова И. И., Никитина Е. А., Павлова Н. С., Быховец Ю. В., Казымова Н. Н., Падун М. А., Дымова Е. Н., Никитина Д. А., Шаталова Н. Е., Дан М. В.* Онто- и субъектогенез психического развития человека / Под ред. Н. Е. Харламенковой, В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко, Н. Н. Казымовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В.* Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Под общ. ред. Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Социальные ориентиры и активность субъекта в ситуации угрожающего жизни заболевания*

Д. А. Никитина (ИП РАН, Москва)

На выборке людей, оперированных по поводу менингиомы (n=65 чел., возраст 30–70 лет), была верифицирована гипотеза о том, что снижению уровня выраженности психологических последствий, вызванных тяжелым заболеванием, способствует проявление субъектом собственной активности, направленной на построение оптимального соотношения между социальными ориентирами личности и самопринятием в ситуации болезни. Результаты исследования показали, что при переживании ненормативного кризиса человек не всегда правильно использует те возможности, которые предоставляет ему социум, часто игнорируя значимость активного и избирательного обращения к внешним ресурсам: в среднем возрасте – проявления социальной смелости, а в более старшем – поддержания суверенности личностных границ.

Ключевые слова: посттравматический стресс, ненормативный кризис, угрожающее жизни заболевание, менингиома, социальные ориентиры личности, ресурсы совладания.

В творческом наследии А. В. Брушлинского особое место отводится раскрытию понимания ведущей роли субъекта в различных видах социальной активности (принцип детерминизма «внешнее через внутреннее») (Брушлинский, 2003). Все чаще в современных исследованиях развитие идей данной методологии можно встретить при изучении эндогенных стрессоров, одним из которых является угрожающее жизни заболевание. В ситуации тяжелой болезни субъект остро переживает изменения сразу в двух направлениях, включая как внешние перемены (социальные), так и внутренние (личностные). Заболевание меняет характер самоотношения пациента, чаще сопровождаясь самостигматизацией и переживанием соци-

* Исследование выполнено в соответствии с Госзаданием Министерства науки и высшего образования РФ № 0138-2023-0005.

альной стигматизации, что сказывается на взаимоотношениях личности с внешним миром. Больной ощущает рассогласование между привычным самовосприятием и новым самоощущением в статусе пациента, между предъявляемыми требованиями со стороны социума и доступными возможностями.

Немаловажным фактором является и то, что угрожающее жизни заболевание создает новую «социальную ситуацию развития» для субъекта, которая имеет свои особенности в зависимости от того, на каком отрезке жизненного пути человек сталкивается с ней. Для людей разного возраста маркерами психологической адаптации выступают неидентичные социальные ориентиры, при этом мишенями воздействия стрессора являются различные системы внутренних и внешних условий развития и функционирования личности.

Внимание исследователей к принципу «внешнее через внутреннее» (Брушлинский, 2006) при изучении людей, имеющих угрожающее жизни заболевание, связано с поиском ответов на вопрос о том, каким образом для субъекта открывается возможность выхода за пределы экстремальной жизненной ситуации, вопреки комплексности претерпеваемых психотравмирующих перемен (Харламенкова и др., 2021).

Ориентация субъекта на внешние ресурсы, свидетельствующая о попытке выхода за пределы психотравмирующей ситуации, связана с эндогенным характером стрессора (болезнь указывает на угрозу безопасности, идущую от самого организма человека). Ощущая себя ослабленным и неполноценным, больной менее мотивирован к поиску внутренних ресурсов, чаще отдает предпочтение внешним источникам поддержки. Однако обычно именно нивелирование пациентом своего внутреннего потенциала при избыточной направленности вовне, включая гиперсензитивность к аспектам ситуации болезни или к показателям личностного соответствия социальным ориентирам, препятствует преодолению психической травматизации.

В своих работах А. В. Брушлинский указывает на значимость целостности субъекта, под которой понимается единство, интегративность всех видов его активности (Брушлинский, 2003). Следовательно, условиями развития субъекта в ситуации ненормативного кризиса выступают социально значимые проявления его активности, реализуемые не по принципу гиперкомпенсации, а приближающие человека к привычному для него социальному функционированию в соот-

ветствии с возрастом. Мы полагаем, что в ситуации тяжелой болезни основой совладания со стрессом выступает процессуальный характер взаимодействия экстерииоризации и интериоризации, направленный на построение оптимального соотношения (по принципу «внешнее» через «внутреннее») между социальными ориентирами личности – с одной стороны и самопринятием в ситуации заболевания – с другой. Процессуальный характер совладания с признаками психической травматизации отражается в уровне специфике посттравматического стресса, включающей не только полярные – низкий и высокий ПТС, но и частичный ПТС.

Целью исследования стало изучение возрастных особенностей ресурсности совладания субъекта с последствиями психической травматизации при разном уровне посттравматического стресса. Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что снижению уровня выраженности психологических последствий, вызванных тяжелым заболеванием, способствует проявление субъектом собственной активности, направленной на построение оптимального (в соответствии с возрастом) соотношения между социальными ориентирами личности и самопринятием в ситуации болезни.

Участниками исследования стали пациенты с диагнозом «доброкачественная менингиома» при отсутствии когнитивного дефицита в возрасте от 30 до 70 лет, подписавшие информированное согласие ($n = 65$). Были использованы следующие методики: «ШОВТС» (Impact of Event Scale, IES-R, M. J. Horowitz) в адаптации Н. В. Тарабриной; «Фрайбургский многофакторный личностный опросник» (Freiburg Personality Inventory, FPI, J. Fahrenberg, R. Hampel, H. Selg) в адаптации А. А. Крылова и Т. И. Ронгинского; «Список личностных предпочтений А. Эдвардса» (Edwards Personal Preference Schedule, EPPS) в адаптации Т. В. Корниловой, Г. В. Парамей, С. Н. Ениколопова; «Шкала базисных убеждений» (World assumptions scale, WAS) Р. Янов-Бульман в адаптации М. А. Падун, А. В. Котельниковой. Статистическая обработка данных включала анализ медиан (Me) и Н-критерия Краскела–Уоллиса.

Респонденты были разделены на группы с учетом возраста и уровня ПТС (на основе анализа квартилей Интегрального показателя психической травматизации методики «ШОВТС»: средний возраст – $LQ = 14$, $UQ = 33$ и старший возраст – $LQ = 9$, $UQ = 51$). Интерпретируются результаты внутригруппового сравнения (анализируются люди одного возраста с разным уровнем ПТС).

В повседневной жизни для человека среднего возраста важными являются: поддержание личностной продуктивности и активной включенности в межличностные отношения; принятие референтной группы; ощущение собственной конкурентоспособности, а также соответствие индивидуального ритма жизни – ритму жизни общества. При возникновении тяжелого соматического заболевания человек этого возраста может остро переживать ощущение изоляции от социального мира. Возникновение тяжелого заболевания людьми среднего возраста нередко интерпретируется в качестве личностной неудачи. Ощущение своей неполноценности, несоответствия представлениям значимого окружения может вызывать у пациента сильное чувство вины и, как следствие, – застенчивость и необщительность при взаимодействии с социумом. Пытаясь справиться с нетипичной для человека этого возраста ситуацией ограничений, некоторые пациенты склонны обесценивать для себя важность взаимоотношений с внешним миром, отрицают наличие потребности в социальной поддержке.

Результаты исследования (где Me_1 – низкий ПТС, Me_2 – частичный ПТС, Me_3 – высокий ПТС) позволили установить, что снижение симптомов ПТС в среднем возрасте связано с показателями, свидетельствующими о стремлении человека к проявлению социальной смелости («Застенчивость», «FPI»: $Me_1 = 3$, $Me_2 = 6$ и $Me_3 = 7$ – $N = 8,1$; $p = 0,02$), общительности («Общительность», «FPI»: $Me_1 = 7$, $Me_2 = 6$ и $Me_3 = 5$ – $N = 7,8$; $p = 0,02$) и мотивации в достижении поставленных целей на уровне тенденции («Мотивация достижения», «EPPS»: $Me_1 = 8$, $Me_2 = 7$ и $Me_3 = 5$ – $N = 5$; $p = 0,09$) при поддержании эмоционального равновесия («Эмоциональная лабильность», «FPI»: $Me_1 = 3$, $Me_2 = 6$ и $Me_3 = 7$ – $N = 7$; $p = 0,03$). Актуализация таких ресурсов приближает человека среднего возраста к естественным для него социальным ориентирам – пациент сохраняет ощущение включенности в ритм жизни общества, уверенность в себе, при этом он избирательно открыт к информации и оценкам.

В обычной жизни для человека старшего возраста становятся важными: самопознание; удовлетворение потребности в передаче опыта, а также в поддержании самостоятельности, несмотря на естественный процесс старения. Ситуация угрожающего жизни заболевания, напротив, вынуждает пациента этого возраста занимать более зависимую позицию от окружения, препятствует проявлению силы Эго. При деактуализации ресурсов совладания у пациентов

старшего возраста высока вероятность появления сверхценного отношения к болезни, которое формируется при неэффективной попытке человека справиться с нарастающим беспокойством. В этой ситуации естественное стремление к самопознанию, склонность к интернальности трансформируются в сверхчувствительность к телесным проявлениям болезни. Пациент начинает острее ощущать свой физический недуг и испытывать повышенное беспокойство по поводу своей зависимости, страх стать обузой для общества и близкого окружения. Превалирование негативных эмоций и мыслей сказывается на самоуважении личности и вере в собственные силы.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что снижению выраженности симптомов посттравматического стресса в старшем возрасте способствуют: постепенное восстановление позитивного самоотношения («Удача», «WAS»: $Me_1 = 38$, $Me_2 = 31$ и $Me_3 = 29$ – $H = 8,6$; $p = 0,01$), укрепление уверенности в доступности ресурсов («Убеждение о контроле», «WAS»: $Me_1 = 29$, $Me_2 = 25$ и $Me_3 = 24$ – $H = 7$; $p = 0,03$), умение эмоционально принимать трудности («Справедливость», «EPPS»: $Me_1 = 27$, $Me_2 = 20$ и $Me_3 = 19$ – $H = 10,5$; $p = 0,005$) при сохранении самоуважения и автономии («Невротичность», «FPI»: $Me_1 = 5$, $Me_2 = 6$ и $Me_3 = 9$ – $H = 9$; $p = 0,01$). Актуализация подобных ресурсов позволяет человеку старшего возраста чувствовать себя более полноценным и свободным в своем выборе, способствуя, несмотря на болезнь, удовлетворению потребности в поддержании позитивного самоотношения, суверенности личностных границ.

Выявленные в исследовании особенности в переживании посттравматического стресса и совладании с ним показывают, что человек не всегда правильно обращается к системе внутренних и внешних ресурсов. Во многом это происходит по причине того, что субъект пытается решить проблему прямо и непосредственно, сопротивляется возникающим ограничениям (в среднем возрасте – избегает социальной поддержки и полагается исключительно на себя, а в более старшем – обесценивает свои возможности и занимает зависимую позицию). Выход за пределы психотравмирующего события возможен благодаря постепенному возвращению пациента на путь естественного социального функционирования при рациональной (избирательной) актуализации механизмов проявления собственной активности (в среднем возрасте – социальной смелости, а в более старшем – способности устанавливать личностные границы).

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Харламенкова Н. Е., Зайцев О. С., Никитина Д. А., Копосова А. Н.* Тяжелая болезнь как экзистенциальная проблема // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 6. С. 70–82.

Особенности совладающего поведения пациентов с онкологическими заболеваниями частых локализаций при благоприятном и неблагоприятном течении болезни*

Я. Н. Пахомова (НИ ТГУ, Томск, ЧелГУ, Челябинск),
М. А. Демчук (НИ ТГУ, Томск, ЧелГУ, Челябинск)

Статья посвящена исследованию совладающего поведения у пациентов с раком молочной железы и раком предстательной железы при разном течении заболевания. Учитывая важность адаптации к процессу онкологического заболевания, вопрос совладания с трудностями является актуальным и значимым. Согласно полученным данным, пациенты с онкологическим диагнозом часто прибегают к использованию стратегии дистанцирования. Полученные данные могут применяться в психологической и психотерапевтической практике при работе с онкопациентами.

Ключевые слова: совладающее поведение, копинг-стратегии, рак молочной железы, рак предстательной железы, течение болезни.

Жизнь под влиянием стрессовых факторов, связанных с диагностикой рака, требует разработки стратегий выживания, которые помогают пациенту восстановить чувство равновесия. Диагностика и лечение рака являются источником стрессовых жизненных переживаний. Онкологические больные испытывают высокий уровень эмоционального дистресса, включая симптомы тревоги, депрессии, стресса и т. д. Тем не менее, многие люди обладают способностью справляться и адаптироваться к очень стрессовым ситуациям, в том числе к ситуации онкологического заболевания. В этом смысле некоторые ресурсы, такие как стратегии преодоления трудностей, являются важными средствами для совладания с болезнью.

В исследованиях, направленных на изучение взаимосвязи между выживаемостью пациентов и стратегиями совладания, указывается высокая значимость последних (Тарабрина, 2014; Ponomareva

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 21-18-00434. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00434>.

et al., 2023). В исследовании Р. Масиа и соавторов подчеркивается положительный вклад адаптивных копинг-стратегий в показатели качества жизни и уровень здоровья онкопациентов (Масиа et al., 2021).

Рак предстательной железы является одним из наиболее распространенных злокачественных заболеваний у мужчин. Согласно данным Международного агентства по изучению рака, рак простаты занимает четвертое место в мире по выявлению новых случаев данного заболевания и восьмое место по числу летальных исходов среди всех видов рака (Ferlay et al., 2020). Рак молочной железы является ведущей онкологической патологией у женского населения. По мировым статистическим данным, более 1,5 млн женщинам поставлен диагноз рак молочной железы, около 400 тыс. случаев заканчиваются летальным исходом (Ferlay et al., 2020).

Цель исследования: изучить особенности совладающего поведения пациентов с онкологическими заболеваниями частых локализаций (рак молочной железы и рак предстательной железы) при благоприятном и неблагоприятном течении болезни.

Исследование проводилось на базе ГБУЗ «Челябинский областной клинический центр онкологии и ядерной медицины» (Челябинск, Россия). В исследовании приняли участие 131 женщина с заболеванием раком молочной железы разных стадий, из них 69 имеют благоприятное течение болезни (ремиссия, стабилизация), 62 — неблагоприятное течение болезни (прогрессирование, генерализация, рецидив); 124 мужчины с заболеванием раком предстательной железы разных стадий, из них 61 мужчина с благоприятным течением заболевания (в анамнезе присутствовали стабилизация или ремиссия), 63 мужчины с неблагоприятным течением рака (генерализация, рецидив, прогрессирование болезни). В качестве методики исследования использовался опросник способов совладания (в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой). Также методом исследования выступил анализ карт пациентов с целью сбора информации о течении болезни. Математическая обработка полученных данных проводилась при помощи методов описательной статистики (среднее), метода сравнительного анализа — t-критерий Стьюдента.

В результате исследования пациентов с раком молочной железы было обнаружено, что копинг-стратегию «Бегство—избегание» значимо чаще применяют женщины при неблагоприятном течении заболевания, по сравнению с женщинами с благоприятным течением болезни ($p=0,05$). При сопоставлении с нормативными значения-

ми методики было выявлено, что женщины с раком молочной железы вне зависимости от течения болезни часто обращаются к данной стратегии совладания ($M_1 = 11,3$; $M_2 = 12,3$; $M_3 = 10,5$ для респондентов с благоприятным течением, неблагоприятным течением болезни и нормы методики, соответственно). Копинг-стратегия «Бегство – избегание» предполагает стремление субъекта уклониться от решения проблемы, от мыслей о ней. Также часто женщинами используется стратегия дистанцирования ($M_1 = 9,8$; $M_2 = 10,3$; $M_3 = 8,6$), которая описывает когнитивные усилия отделиться от ситуации и уменьшить ее значимость. При сопоставлении с нормами методики было выявлено, что реже пациентки с раком молочной железы применяют копинг «Планирование решения проблемы» ($M_1 = 11,5$; $M_2 = 11,8$; $M_3 = 12,7$), подразумевающий намеренные проблемно-фокусированные усилия по изменению ситуации, включающие аналитический подход к решению проблемы.

При изучении копинг-стратегий среди респондентов с раком предстательной железы было обнаружено, что поиск социальной поддержки значимо чаще применяется пациентами с неблагоприятным течением болезни ($p = 0,04$). Соотнося полученные данные с нормативными значениями методики, обнаружено, что пациенты при благоприятном течении болезни редко используют данную стратегию ($M_1 = 9,6$; $M_2 = 10,8$; $M_3 = 10,7$). Поиск социальной поддержки предполагает усилия субъекта в поиске информационной, действенной и эмоциональной поддержки от других людей. Также при сравнении с нормами методики выявлено, что мужчинами с раком предстательной железы редко используется копинг «Положительная переоценка» ($M_1 = 11,3$; $M_2 = 11,7$; $M_3 = 12,3$), подразумевающий усилия по созданию положительного смысла ситуации с фокусированием на росте собственной личности. Чаще пациенты прибегают к применению стратегии совладания «Дистанцирование» ($M_1 = 9,2$; $M_2 = 9,5$; $M_3 = 8,6$).

Таким образом, пациенты с онкологическим диагнозом часто прибегают к стратегии дистанцирования. Женщины при неблагоприятном течении рака молочной железы, кроме того, используют стратегию «Бегство – избегание», а мужчины с раком предстательной железы с неблагоприятным течением болезни – «Поиск социальной поддержки». Учитывая важность адаптации к процессу онкологического заболевания, вопрос совладания с трудностями является актуальным. Психологические особенности личности могут модулировать течение болезни, оказывать глубокое влияние на физическое

и психическое благополучие пациентов. Полученные данные могут применяться в психологической и психотерапевтической практике при работе с онкопациентами. Лучшее понимание особенностей совладающего поведения у пациентов с раком молочной железы и раком предстательной железы представляет собой ключ к открытию новых возможностей в персонализированном подходе к лечению пациентов, получению положительного результата лечения и повышению его эффективности.

Литература

- Тарабрина Н. В.* Посттравматический стресс у больных с угрожающими жизни (онкологическими) заболеваниями // Журнал консультативной психологии и психотерапии. 2014. № 1. С. 36–90.
- Ferlay J., Ervik M., Lam F., Colombet M., Mery L., Pineros M., Znaor A., Soerjomataram I., Bray F.* Global cancer observatory: cancer today. Lyon, France: International Agency for Research on Cancer. 2020. URL: <https://gco.iarc.fr/today> (дата обращения: 01.07.2023).
- Macia P., Barranco M., Gorbena S., Alvarez-Fuentes E., Iraurgi I.* Resilience and coping strategies in relation to mental health outcomes in people with cancer // PLoS One. 2021. № 16 (5). e0252075.
- Ponomareva I., Pakhomova Y., Tsiring D., Sergienko E.* Psychological predictors of favorable and unfavorable disease course of prostate cancer: results of a pilot study // European Review for Medical and Pharmacological Sciences. 2023. № 27 (1). P. 299–306. doi: 10.26355/eurrev_202301_30876

Особенности восприятия острых конфликтных ситуаций у лиц с биполярным аффективным расстройством (БАР)

О. Д. Пеева (НМИЦ ПН им. В. П. Сербского, Москва),
Н. Е. Лысенко (НМИЦ ПН им. В. П. Сербского, Москва),
О. Ю. Рашевская (ПКБ № 5 ДЗМ, Чехов)

В эмпирическом исследовании с целью выявления нарушений социального восприятия у лиц с БАР на выборке 43 чел. (20 с БАР) изучены особенности идентификации эмоций, понимания ситуационного контекста и каузальной атрибуции. Процедура исследования включала предъявление видеозаписей конфликтных ситуаций и структурированное интервью. У лиц с БАР выявлены высокая интенсивность эмоции удивления, неполнота охвата ситуационного контекста, переоценка роли обстоятельств, недооценка роли жертвы в развитии конфликта с угрозой безопасности. В конфликтной ситуации унижения достоинства лица с БАР склонны приписывать участникам конфликта интенсивные негативные эмоции, фрагментарно воспринимать социальный контекст, недооценивать роль агрессора, оценивать собственные эмоции печали как слабовыраженные.

Ключевые слова: межличностный конфликт, биполярное аффективное расстройство, социальное восприятие.

В научной литературе сообщается о низкой стрессоустойчивости и дефиците регуляции поведения в ситуациях социального взаимодействия у лиц с аффективными расстройствами. Данные о восприятии социальных ситуаций при БАР противоречивы. Одни исследования показывают, что больные с БАР искаженно воспринимают эмоции и трактуют получаемую обратную связь от других, что снижает регуляцию ими своего состояния и возможность выбора адаптивной стратегии поведения (Кудряшова и др., 2017; Gillissie et al., 2022). В других сообщается, что восприятие и понимание социального взаимодействия при БАР не нарушено (Cavieres et al., 2023).

Конфликтное поведение имеет место в том случае, когда участники воспринимают, интерпретируют и оценивают ситуацию как

конфликтную (Минаева, Ханипова, 2000). При исследовании нарушений восприятия социальных ситуаций в качестве основных переменных выделяют идентификацию собственных эмоций, понимание эмоционального состояния других людей, адекватность оценки ситуационного контекста и понимание причинности возникновения ситуации.

Целью экспериментального исследования является выделение особенностей идентификации собственных и чужих эмоций, понимания ситуационного контекста и каузальной атрибуции у лиц с БАР.

Процедура исследования включала три этапа: предъявление видеозаписей конфликтных ситуаций, шкалирование собственных эмоций и эмоций героев конфликтной ситуации, а также структурированное интервью. Видеозаписи отобраны экспертным методом, представляют собой отрывки длиной 30–40 секунд, содержат межличностные конфликтные ситуации унижения достоинства и угрозы безопасности с участием двух оппонентов.

После предъявления каждой видеозаписи обследуемому предлагалось оценить интенсивность собственных эмоций и эмоций героев по шкале от 0 до 3 баллов. В последующем производилась градация средних значений по каждой группе обследуемых в соответствии с установленными диапазонами: интенсивность эмоции в группе соответствовала низкому уровню, если средний балл эмоции по группе укладывался в диапазон от 0 до 1; среднему уровню, если средний балл укладывался в диапазон от 1,01 до 1,99, и высокому, если укладывался в диапазон от 2 до 3.

После предъявления каждой видеозаписи проводилось структурированное интервью. Для оценки понимания ситуационного контекста экспериментатор задавал обследуемому вопрос: «Что произошло? Опишите ситуацию». При анализе ситуационного контекста учитывались описание обследуемым действий оппонентов конфликтной ситуации, их эмоционального состояния; учитывались использование оценочных суждений о героях и морально-нравственная оценка их действий, а также приписывание им болезненных явлений (нарушения внимания или клинические квалификации — «мания», «депрессия» и т. д.). Для оценки каузальной атрибуции экспериментатор задавал обследуемому вопрос: «По какой причине произошла данная ситуация?». При оценке представлений о причинах возникновения конфликтной ситуации учитывались высказывания о роли агрессора, жертвы и обстоятельств.

В исследовании приняли участие 20 обследуемых с БАР (7 мужчин и 13 женщин) в возрасте от 19 до 52 лет ($M = 33,6 \pm 9,8$ лет). Группу сравнения составляли 23 чел. без психических расстройств (8 мужчин и 15 женщин) в возрасте от 18 до 55 лет ($M = 31 \pm 10,9$ лет). Статистическая обработка производилась с использованием пакета программ IBM SPSS Statistics v. 26.0, включала U-критерия Манна–Уитни и критерий Хи-квадрат.

Для выявления особенностей идентификации собственных чувств и эмоций обследуемых проведен сравнительный анализ средних показателей интенсивности эмоций при восприятии конфликтных ситуаций у лиц с БАР и группы нормы. Выявлено, что при восприятии конфликта с угрозой безопасности обследуемые с БАР сообщали о более высокой интенсивности эмоции удивления, чем обследуемые группы нормы. При восприятии конфликта с унижением достоинства обследуемые с БАР сообщали о низкой интенсивности эмоции печали (низкий уровень) и высокой интенсивности эмоции стыда (средний уровень) ($p = 0,06$).

В предыдущих исследованиях было выявлено, что у обследуемых с аффективными расстройствами анализ ситуации острого конфликта сопряжен со стратегиями, направленными на избегание проблемы, попытками рационализировать ситуацию и усилиями, направленными на снижение эмоциональной вовлеченности в ситуацию (Булдыгина, 2022), чем может объясняться низкий уровень печали в ситуациях унижения. Высокая выраженность чувства стыда в ситуациях унижения достоинства в группе лиц с БАР может быть связана с актуализацией воспоминаний травматичного опыта, однако эта гипотеза требует дальнейшего изучения.

При сравнительном анализе средних показателей интенсивности чувств и эмоций, приписываемых жертве конфликтной ситуации, было выявлено, что при предъявлении видеозаписи конфликтной ситуации с угрозой безопасности обследуемые с БАР приписывали жертве высокую интенсивность эмоции удивления. При предъявлении видеозаписи ситуации конфликта с унижением достоинства обследуемые с БАР приписывали жертве высокую интенсивность эмоций печали и отвращения (средний и высокий уровень соответственно). Также показано, что лица с БАР приписывают жертве значимо более выраженные чувства страха и гнева ($p = 0,05$).

Такие результаты подтверждают исследования о нарушении распознавания эмоций у обследуемых с БАР. Приписывание жертве ин-

тенсивных эмоций страха и гнева может являться следствием повышенной чувствительностью к негативным стимулам и ошибочной интерпретации стимулов как более опасных. Возможно, это связано с тем, что обследуемые с БАР, опасаясь испытывать и выражать эмоции страха и гнева в конфликтных ситуациях, «находят» их в других людях, попавших в аналогичные ситуации.

Сравнительный анализ средних показателей по параметрам восприятия ситуационного контекста и каузальной атрибуции с использованием дескриптивного анализа выявил, что при восприятии конфликта с физической угрозой обследуемые с БАР чаще приписывали героям болезненные проявления (10%), реже обвиняли агрессора (65%) и чаще – жертву (45%), по сравнению с группой нормы (соответственно, 0, 70 и 39%). Помимо этого, обследуемые с БАР чаще приписывали причины возникновения ситуации обстоятельствам ($p = 0,07$).

Данные результаты подтверждают и дополняют исследования о нарушении атрибуции состояния другого при БАР. Возможно, снятие ответственности с агрессора и приписывание ее жертве связано с нечеткостью усвоения нравственных норм ввиду условий воспитания. В предыдущих исследованиях было показано, что лица с БАР чаще имеют в анамнезе жестокое обращение и сексуальное насилие со стороны близких, которые способствуют нечеткости разделения ответственности агрессора и жертвы.

При восприятии конфликта с унижением достоинства у обследуемых с БАР выявлялись фрагментарность описания действий оппонентов (65%), упоминание их болезненных проявлений (5%), неполнота охвата эмоционального состояния (30%), недооценка роли жертвы в ситуации (20%), по сравнению с группой нормы (соответственно, 70, 0, 35, 39%). Анализ значимых различий показал низкую частоту использования оценочных суждений ($p = 0,05$) у обследуемых с БАР, по сравнению с группой нормы.

Полученные данные могут говорить о нарушениях ценностно-смысловой сферы, несформированности моральных норм оценки действий других.

Таким образом, были выявлены особенности социального восприятия в группе лиц с БАР, которые оказались специфичны по отношению к содержанию конфликтных ситуаций. Выявлено, что при в целом сохранной способности идентифицировать эмоции негативной валентности в конфликтных ситуациях, лица с БАР в менее диффе-

ренцированно отражают интенсивность и характер собственных негативных эмоции. Специфичным было то, что при предъявлении конфликтной ситуации с унижением достоинства они сообщали о низкой выраженности у себя эмоций депрессивного плана при выраженном чувстве стыда, преувеличением эмоций страха, гнева, печали и отворачивания героя без последующего учета его эмоционального состояния при интерпретации ситуации, недостаточной моральной оценкой поведения оппонентов, недооценкой роли жертвы. Специфичными для конфликтной ситуации с угрозой является недооценка роли агрессора и переоценка роли обстоятельств в ситуации. Однако актуализация болезненных переживаний при выделении и интерпретации конфликтных ситуаций чаще возникала у группы с БАР вне зависимости от наличия угрозы или унижения.

Литература

- Булыгина В. Г., Пеева О. Д., Лысенко Н. Е.* Принятие решений о выборе способа реагирования в конфликтных ситуациях у лиц с аффективными расстройствами // Психология и право. 2022. Т. 12. № 2. С. 85–98. doi: 10.17759/psylaw.2022120207
- Кудряшова В. Ю., Сарайкин Д. М., Иванов М. В.* Копинг-стратегии и саморегуляция поведения у больных шизофренией и аффективными расстройствами // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2017. № 2. С. 33–39.
- Минаева Н. С., Ханипова О. В.* Влияние образа конфликтной ситуации на поведение в конфликте // Психологический вестник Уральского государственного университета. Вып. 1. Материалы юбилейной конференции, г. Екатеринбург, 9 сентября 2000 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. С. 132–134.
- Cavieres A., Acuña V., Arancibia M., Lopetegui N.* Differences in social perception in people with schizophrenia and bipolar disorder // Schizophrenia Research. 2023. № 33. doi: 10.1016/j.scog.2023.100286
- Gillissie E. S., Lui L. M. W., Ceban F., Miskowiak K., Gok S., Cao B., Teopiz K. M., Ho R., Lee Y., Rosenblat J. D., McIntyre R. S.* Deficits of social cognition in bipolar disorder: Systematic review and meta-analysis // Bipolar Disorder. 2022 V. 24 (2). P. 137–148. doi: 10.1111/bdi.13163

Выраженность компонентов пищевого поведения и восприятия образа собственного тела у девушек, подвергшихся психологическому насилию в подростковом возрасте

М. Р. Рыбакова (РязГМУ Минздрава России, Рязань),
А. Д. Трусова (РязГМУ Минздрава России, Рязань)

В данной статье описаны результаты исследования особенностей пищевого поведения и восприятия образа собственного тела у девушек, подвергшихся психологическому насилию в подростковом возрасте. Установлено, что в группах девушек с разным показателем ИМТ наблюдаются различия в паттернах питания, когнитивном компоненте восприятия пищи и эмоциональном регулировании пищевого поведения. Описаны основные компоненты пищевого поведения и восприятия образа собственного тела у девушек с разным ИМТ, а также проведен сравнительный анализ выраженности данных показателей внутри групп. Сделано предположение, что эмоциональное насилие, пережитое в подростковом возрасте, взаимосвязано с особенностями пищевого поведения и восприятия образа собственного тела у девушек с разным ИМТ.

Ключевые слова: пищевое поведение, образ тела, эмоциональное насилие, буллинг.

В настоящее время активное внимание уделяется изучению различных аспектов пищевого поведения. Пищевое поведение рассматривается как ценностное отношение к пище, ее приему в повседневных условиях и в ситуации стресса. Выработанный у личности стереотип питания ориентирован на образ собственного тела и на деятельность, которая направлена на достижение желаемого образа (формы). По данным современных исследований, подростки в большей степени подвержены развитию расстройств пищевого поведения или аддиктивных типов ПП. В подростковом возрасте отношение к собственному телу приобретает особую значимость, выступая важным элементом самосознания.

Буллинг со стороны сверстников по вопросам внешности и веса, подкрепленный влиянием тенденций СМИ, ведет к изменению пищевого поведения, ограничениям рациона, диетам, увлеченным занятием физическими нагрузками и т. д. Данное поведение зачастую не только сохраняется, но и развивается в негативном контексте уже в юношеском возрасте, когда подросток выходит из-под опеки родителей во взрослую жизнь.

Таким образом, актуальность нашего исследования определяется выделением психологического насилия в подростковом возрасте как травмирующего фактора, влияние которого проявляется в особенностях развития пищевого поведения и образа тела в юношеском возрасте. Влияние буллинга и фэтшейминга наиболее распространены в данный возрастной период и закладывают определенные дезадаптивные паттерны пищевого поведения, что проявляется в юношеском возрасте.

Для оценки основных компонентов пищевого поведения были использованы авторская анкета и стандартизированные методики: опросник образа собственного тела (ООСТ); шкала оценки пищевого поведения, (ШОПП/EDI); опросник мыслей и паттернов поведения (ТВQ). Для определения наличия эмоционального травмирующего опыта использовался опросник ICAST-R.

В исследовании приняли участие 74 девушки от 18 до 24 лет, из которых были отобраны 68 девушек, набравшие от 1 до 5 баллов по шкале «эмоциональное насилие» по методике ICAST-R. Исследуемые были разделены на 3 группы по показателю индекса массы тела (ИМТ), согласно ВОЗ: первую группу составили 12 девушек с дефицитарной массой тела (ИМТ ниже 18,5); вторую группу составили 35 девушек с нормальной массой тела (ИМТ 18,5–24,9), третью группу составила 21 девушка с избыточной массой тела (ИМТ выше 25).

По результатам анкетирования (авторская анкета), нам удалось получить следующие результаты.

На вопрос «Считаете ли вы, что те события, которые произошли с вами, можно назвать буллингом?» были получены следующие данные: 65 (95,59%) опрошенных девушек дали положительный ответ («да»), 3 (4,41%) ответили неопределенно («50/50»).

При анализе ответов на вопрос «Укажите, сколько по времени длился буллинг?» девушек по оценке результатов удалось разделить на следующие группы: месяцы – год – 9 (13%), 2–5 лет – 19 (28%), бо-

лее 5 до 7 лет – 7 (10%), 8–10 лет – 8 (12%), более 10 лет – 6 (9%), годы (неопределенный ответ) – 14 (21%), воздержавшиеся от ответа – 5 (7%).

При ответе на вопрос «Как вы считаете, какова была причина буллинга в вашу сторону?» девушки выделяли следующие категории ответов: наличие особенностей конституции тела – 41 (60%), наличие особенностей внешности – 9 (13%), случайный выбор на роль жертвы – 13 (20%), наличие дефектов кожи/тела – 2 (3%), изолированные ответы (зависть, родители являлись учителями) – 3 (4%).

В результате количественной оценки показателей по методике ICAST-R был определен уровень психологического насилия в трех группах. Средние показатели значений по шкале «эмоционального насилия» у девушек с ИМТ ниже нормы составляет 2,58, у девушек с нормой массы тела – 2,08, с избыточным ИМТ – 2,14. Данные показатели соответствуют среднему уровню выраженности «эмоционального насилия» (при максимальной оценке в 5 баллов), при этом самым высоким является показатель девушек с низким ИМТ, что может свидетельствовать о более тяжелом переживании актов насилия, вероятном застревании на фактах травмирующего события.

По результатам исследования, показатели удовлетворенности собственным телом преобладают в низком значении в равной степени во всех трех группах девушек, что может свидетельствовать о неадекватном восприятии собственного тела вследствие социального влияния и неуверенности в межличностных отношениях, поскольку данный компонент также находится на высоком уровне во всех группах.

При рассмотрении особенностей пищевых привычек и ощущений, связанных с приемом пищи, а также отношением к еде, было выявлено, что значимые различия в группах наблюдаются в стремлении к похудению и беспокойстве о весе. Средние показатели более выражены у группы девушек с нормальным ИМТ, чем у девушек с избыточным ИМТ, закономерно более низкий показатель у девушек с дефицитной массой тела. Можно предположить, что девушкам с избыточным ИМТ менее свойственна тревога и беспокойство о весе в силу уже привычного восприятия своей телесности, боязнь набрать «лишние килограммы» не ассоциируется с изменениями в теле, в отличие от девушек с нормой ИМТ, для которых изменения во внешности более заметны при прибавке в весе. При этом у девушек с избыточным весом неудовлетворенность определенными частями тела также выражена больше, чем у девушек с нормальным ИМТ, дефицитным ИМТ. Вероятно, концентрация на конкретном «недо-

статке» в образе позволяет менее негативно воспринимать целостный образ тела. Эпизодическое переедание и очищение («булимические атаки») более свойственны девушкам с высоким ИМТ, данные показатели различны в группах. Более высокие показатели по выделенным выше пунктам у девушек с высоким ИМТ свидетельствуют о том, что данная категория в большей степени не удовлетворена определенными конституционными особенностями, при этом стремление к похудению часто сопровождается ограничениями в еде и следующими за ними булимическими срывами. Возможно, это связано с тем, что данное поведение входит в «привычку» у девушек, не видя смысла бороться с ним, они не испытывают чувство стыда за «булимические атаки», тем самым не связывая их с изменением образа тела. В отечественном исследовании В. Д. Менделевич и Р. Г. Садыкова указывают на преобладание ценности питания как самого процесса при пищевой аддикции у девушек с высоким ИМТ. Прием пищи представляется альтернативой заменой негативных событий, которые происходят в жизни, еда представляется как сублимация.

Различия наблюдаются в когнитивном показателе пищевого поведения, а именно мыслей, связанных с пищей. Связь еды с чувством вины и перспективой набора веса (негативные мысли) прослеживается у девушек с высоким ИМТ, близкий показатель наблюдается у девушек с нормальным весом, так же как и показатель «позволяющих мыслей», «разрешающих» человеку определенное поведение в отношении еды, снижение ограничений (например, съесть больше). При этом девушки с высоким ИМТ в большей степени ассоциируют еду с чем-то положительным и тем, что они в состоянии «контролировать», чем девушки с нормой и дефицитом массы тела, о чем уже свидетельствуют результаты, изложенные выше. Можно предположить, что девушки с избыточной массой тела больше озабочены мыслями о питании, больше центрируются на еде как на чем-то «приятном», что дает возможность «снять стресс» и «избавиться от скуки», так и на как чем-то «негативном», что влечет за собой «последствия» набора веса. При этом и пищевое поведение девушек с высоким ИМТ является более хаотичным, поскольку разрешающий когнитивный компонент превышает показатели других групп. В исследованиях отечественных и зарубежных авторов было выявлено наличие алекситимии у женщин с высоким ИМТ, трудности в понимании и различении своих состояний, ощущений и переживаний, тревога вызывает потребность «утешения» с помощью еды.

Паттерны поведения в отношении к пище также различны в группах. Девушкам с избыточной массой тела также более свойственно носить одежду не по размеру, «мешковатую», чтобы скрыть особенности конституции тела. Боязнь разговоров о теле/весе, избегание взвешивания и общественных мест, где необходимо «снимать одежду», также более выражено в данной группе. Так, в подтверждение полученных данных, по результатам исследований М. И. Фадеевой и Л. В. Савельевой, женщины оценивают собственную внешность негативно и стремятся избегать ситуаций, провоцирующих появление дискомфорта и тревоги по поводу тела (посещения пляжей, спортивных залов, ношения обтягивающей одежды и др.) (Фадеева, Савельева, 2018).

Таким образом, по результатам исследования, девушки с дефицитным ИМТ тяжелее переживают факт «эмоционального насилия», при этом показатели особенностей пищевого поведения и восприятия образа собственного тела у них ниже, чем у девушек других групп. В группе девушек с нормальным ИМТ наблюдается более выраженное стремление к худобе, девушки больше уделяют внимания диетам, а также в равной степени имеют «позволяющие» мысли о питании. Девушки с высоким ИМТ ищут «поддержку» в пище, наблюдается неприятие конкретных частей тела, пищевое поведение является более хаотичным, в данной группе наблюдаются более выраженные тенденции к изменениям пищевого поведения в сторону аддиктивных типов.

Литература

Фадеева М. И., Савельева Л. В. Коррекция нарушений пищевого поведения у пациентов с ожирением // Эндокринология: Новости. Мнения. Обучение. 2018. № 2 (23). С. 51–59.

Установки на интенсивность родительства в контексте выраженности стресса родителей детей с ОВЗ*

У. Ю. Севастьянова (КГУ, Кострома), *И. В. Тихонова* (КГУ, Кострома)

В статье рассматривается феномен выраженности родительского стресса у родителей детей с ограниченными возможностями здоровья (РАС, ЗПР, умственная отсталость, ДЦП, нарушение зрения). Целью данной работы стало изучение установок на интенсивность родительства в контексте выраженности стресса родителей детей с ОВЗ. Проведенное на 41 родителе исследование выявило три группы родительства детей с ОВЗ с учетом выраженности родительского стресса, а также различающиеся по ориентации на установки интенсивного родительства. Было выявлено, что выраженность стресса связана с установками на интенсивное родительство и с чувством удовлетворения родительской ролью.

Ключевые слова: родительский стресс, родители детей с ОВЗ, удовлетворенность родительской ролью, установки на интенсивность родительства.

Рождение и воспитание ребенка с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) часто вызывает у родителей стресс, который определяется как «дисбаланс между восприятием требований родительства и восприятием наличных ресурсов у родителей» (Савенывева, 2019).

С одной стороны, родительство детей с ОВЗ – это страдания, страхи, непринятие ситуации, одиночество, потерянности, приводящие к личностным деформациям родителей. С другой стороны, родительство «особенных» детей – это сила, мужество, повышенная ответственность, потенциальные возможности. Последние характеристики родительства создают определенную реабилитационную среду благоприятных условий для развития и воспитания ребенка с ОВЗ.

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-28-00678. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00678>.

Современная тенденция воспитания детей в семье — это интенсивное родительство, т. е. поведение родителей, предполагающее вклад определенных ресурсов (когнитивных, эмоциональных, материальных, финансовых и пр.) в развитие ребенка как ее доминирующий жизненный проект (Мисиюк и др., 2022).

В настоящее время в отечественной литературе особое внимание уделяется родительской компетентности семей, воспитывающих детей с ОВЗ. В этом контексте активно изучаются психологические состояния родителей в период принятия родителями ребенка с ограниченными возможностями здоровья и субъективная картина родительства, изучаются особенности эмоционального, поведенческого взаимодействия, предпринимаются попытки выделить факторы родительского стресса родителей детей с ОВЗ (Савенышева, 2020). Малое количество исследований посвящено проблеме родительских установок и их влияния на воспитательный процесс детей с ОВЗ (Сафонова, Карабанова, 2020).

Таким образом, исследований установок на интенсивное родительство в семьях, воспитывающих детей с ОВЗ, в отечественной психологической науке сегодня представлено крайне мало. Данное противоречие определило цель нашего исследования: изучение установок на интенсивность родительства в контексте выраженности стресса родителей детей с ОВЗ.

В исследовании принял участие 41 родитель детей с ОВЗ, 4 отца и 37 матерей, в возрасте от 27 до 49 лет ($M = 35,75$; $SD = 5,87$). Все дети имеют установленный статус ОВЗ по заключению психолого-медико-педагогической комиссии. Среди нозологий были представлены: расстройство аутистического спектра, задержка психического развития, детский церебральный паралич, нарушение зрения, умственная отсталость.

Мы использовали следующие методики.

1. Опросник «Intensive Parenting Attitudes Questionnaire» (IPAQ) в адаптации Ю. В. Мисиюк, А. И. Прихидько, П. С. Рогачевой для диагностики выраженности установок на интенсивное родительство.
2. Опросник «Методика исследования удовлетворенности родительской ролью» (Parent Satisfaction Scale) Ч. Ф. Халверсона, Х. П. Дюка в адаптации Е. В. Куфтяк.
3. Русскоязычная версия опросника «Parental Stress Scale» Й. О. Берри, В. Х. Йонес в адаптации Ю. В. Мисиюк, И. В. Тихоновой. Опрос-

ник используется для диагностики выраженности стресса, связанного с выполнением родительской роли.

Респондентам также предлагалась социально-демографическая анкета, которая включала вопросы о возрасте, семейном положении, уровне образования, занятости, числе детей, вариантах нарушений у ребенка.

Статистическая обработка проводилась с использованием программы Statistica v. 10.0. При обработке данных осуществлялась кластеризация методом k -средних, вычислялся коэффициент H -критерий Краскела–Уоллиса и применялась первичная описательная статистика с использованием подсчета среднего арифметического (M) и стандартного отклонения.

Кластерный анализ с использованием метода k -средних, проведенный на основании выраженности показателей родительского стресса группы родителей детей с ОВЗ, разделил выборку на три кластера.

В кластер 1 вошли 7 родителей детей с ОВЗ, средний возраст – 33,28 года, в основном состоящие в браке. Преимущественно имеют двух детей.

Второй кластер – самый многочисленный по составу, в него вошли 24 родителя детей с ОВЗ, средний возраст – 38,6 года.

В кластер 3 вошли 10 родителей детей с ОВЗ, средний возраст – 33,5. Преимущественно имеют одного ребенка.

Респонденты из выделенных кластеров прежде всего различаются по уровню выраженности родительского стресса. Так, для родителей детей с ОВЗ из кластера 1 характерен низкий уровень родительского стресса ($M = 32,57$; $\sigma = 2,69$), респонденты 2 кластера имеют средний уровень ($M = 43,79$; $\sigma = 5,11$), а для родителей из 3 кластера свойственен высокий уровень ($M = 57,20$; $\sigma = 2,44$).

Для родителей 1 кластера присущи низкие средние значения по шкалам родительские стрессоры ($M = 13,0$; $\sigma = 2,7$), потеря контроля ($M = 7,0$; $\sigma = 2,0$), родительский ущерб ($M = 6,14$; $\sigma = 1,84$), родительская неудовлетворенность ($M = 3,86$; $\sigma = 0,9$) – родители получают удовольствие, позитивные эмоции, которые приносит исполнение родительской роли, ощущают близость со своим ребенком, а также для них типично отсутствие переживания утраты контроля над своей жизнью в результате появления ребенка, высокий уровень удовлетворенностью родительской ролью.

У представителей 2 кластера уровень родительского стресса и его показатели тяготеют к средним для выборки значениям (родитель-

ские стрессоры: $M = 16,96$, $\sigma = 2,95$; родительский ущерб: $M = 10,17$, $\sigma = 1,86$; потеря контроля: $M = 9,87$, $\sigma = 2,3$; родительская неудовлетворенность: $M = 5,95$, $\sigma = 1,49$). Средние показатели по данным характеризуют родителей как стремящихся получать удовлетворение от роли родителя.

Респонденты 3 кластера могут быть оценены как наиболее неблагоприятная группа в выраженности проявления стресса и неудовлетворенности родительской ролью (родительские стрессоры: $M = 21,2$, $\sigma = 1,61$; родительский ущерб: $M = 13,4$, $\sigma = 1,95$; потеря контроля: $M = 14,4$, $\sigma = 1,35$; родительская неудовлетворенность: $M = 9,5$, $\sigma = 0,85$). Мы можем отметить, что забота о ребенке для них требует больше времени и сил, наличие ребенка является финансовым бременем, также поведение ребенка с ОВЗ часто непонятно родителю.

С целью изучения направленности установок на интенсивное родительство и параметров удовлетворенности родительской ролью в контексте родительского стресса нами был проведен сравнительный анализ трех кластеров.

При сравнении трех групп респондентов, мы выявили значимые различия по следующим шкалам: установка на удовлетворенность, стимуляция ($p = 0,000$). Причем в минимальных значениях данные были у родителей 3 кластера (установка на удовлетворенность: $M = 15,5$, $\sigma = 1,27$; стимуляция: $M = 16,9$, $\sigma = 3,03$), что говорит об отсутствии или снижении установки на получение удовольствия от выполнения родительской роли и воспитания и установке на пассивное воздействие на развитие ребенка. Также менее выраженные значения были обнаружены по шкале трудозатратность у родителей с ОВЗ 2 и 3 кластеров ($M = 25,47$, $\sigma = 2,36$; $M = 25,4$, $\sigma = 2,59$, соответственно), где идет обесценивание родительской роли. Родители не ощущают трудностей, связанных с высоким уровнем ответственности, постоянным беспокойством о своих детях.

Мы использовали критерий Краскела–Уоллиса для сравнения трех или более выборок, позволивший выявить достоверность различий между кластерами по всем шкалам методики исследования удовлетворенности родительской ролью ($p = 0,000$). Можно заметить, что кластеры распределились по уровням выраженности родительского стресса. Сравнительный анализ средних значений показал, что максимальные значения представлены во всех шкалах: удовольствие, получаемое от воспитания и родительства ($M = 42,14$, $\sigma = 4,45$), важность роли родителя ($M = 55,85$, $\sigma = 3,39$), тяжесть ро-

ли родителя ($M = 58,43$, $\sigma = 2,88$) у представителей первого кластера, в отличие от остальных респондентов. Выраженные показатели были выявлены у представителей 2 кластера, а самые низкие значения у родителей детей с ОВЗ третьего кластера.

Результаты корреляционного анализа позволили установить большое количество связей между показателями выраженности родительского стресса и установками на интенсивное родительство, удовлетворенностью родительство у родителей детей с ОВЗ.

Во всей выборке установлены отрицательные связи уровня родительского стресса с установками на удовлетворенность от родительства, стимуляцией и удовлетворенностью родительской ролью, т. е. чем выше уровень стресса у родителей детей с ОВЗ, тем меньше направленность на то, чтобы получить эмоциональное вознаграждение от воспитания ребенка; не столь выражено желание стимулировать когнитивное, эмоциональное и физическое развитие детей с самого раннего возраста, снижена удовлетворенность своей ролью.

Подводя итог, можно отметить, что в данном исследовании были выделены три варианта родительства детей с ОВЗ с учетом выраженности родительского стресса, а также различающиеся по ориентации на установки интенсивного родительства. Было выявлено, как выраженность стресса связана с установками на интенсивное родительство и с чувством удовлетворения родительской ролью.

Литература

- Мисюк Ю. В., Тихонова И. В., Хазова С. А.* Интенсивное материнство в контексте родительского стресса // Вопросы психологии: Научный журнал. 2022. № 3. С. 71–81.
- Савенышева С. С., Марачевская М. В., Мигунова К. Ю.* Родительский стресс и копинг-стратегии у работающих и неработающих матерей детей раннего возраста // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социоконетика. 2019. № 4. С. 113–117.
- Сафонова М. В., Карабанова Т. Р.* Особенности установок и воспитательных умений родителей разного психологического типа, имеющих ребенка с нарушением интеллекта // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2020. Т. 54. № 4. С. 118–132. doi: 10.25146/1995-0861-2020-54-4-248

Юмор в структуре психологического благополучия

Е. И. Смолянская (ИП РАН, Москва)

Юмор рассматривается как один из факторов, оказывающих влияние на благополучие. Представлена обобщенная структура юмора — компоненты, функции, стили. Приведены результаты исследований по выявлению связей между стилями юмора и психологическим благополучием. Осуществлено эмпирическое исследование на выборке пожилых людей с целью обнаружения связей между стилем юмора, психологическим благополучием и социальной направленностью. Анализ результатов выявил, что самодостаточные пожилые люди чаще используют самоподдерживающий юмор и имеют более высокий уровень психологического благополучия, в том числе по шкалам — «автономия», «личностный рост». Обнаружены положительные корреляции между аффилиативным юмором и шкалами психологического благополучия («общая шкала», «автономия», «самопринятие»).

Ключевые слова: юмор, психологическое благополучие, люди пожилого возраста, социотропность, самодостаточность.

Ввиду прогрессирующего старения населения планеты изучение факторов благополучия пожилых людей приобретает особую актуальность.

При достаточной изученности влияния внешних факторов на психологическое благополучие пожилых людей, роль внутренних факторов все еще требует анализа. В частности, недостаточно изучена роль ориентированности на социум (социотропность—самодостаточность).

В последнее время проблема психологического благополучия изучается активно, в том числе с точки зрения юмора.

Целью данного исследования является выявление связей между уровнями психологического благополучия и используемыми стилями юмора пожилых людей с различной социальной направленностью.

Гипотезы исследования:

1. Юмор является значимым фактором психологического благополучия в пожилом возрасте.

2. Стили юмора различаются у респондентов с разным уровнем ориентированности на социум, так, социотропные респонденты чаще используют affiliативный стиль юмора, а самодостаточность коррелирует с самоподдерживающим стилем юмора.

При изучении чувства юмора Р. Мартин выделяет следующие его компоненты:

- 1) социальный контекст;
- 2) когнитивно-перцептивный процесс;
- 3) эмоциональная реакция;
- 4) вокально-поведенческое выражение смеха.

При этом отмечаются такие психологические функции юмора, как:

- 1) когнитивные и социальные (социальное поведение);
- 2) социальная коммуникация (межличностное общение);
- 3) снятие напряжения или стресса (совладающее поведение).

Чувство юмора может быть концептуализировано различными способами: как паттерн поведения (люди склонны смеяться, шутить, развлекать других); способность (человек может отличаться хорошей памятью на шутки, на понимание шуток, умением развлекать других); черта характера (человек наделен врожденной жизнерадостностью); эстетическая реакция (человек получает удовольствие от определенных типов шуток или юмора); установка (позитивное отношение индивида к юмору и веселым людям в целом); мировоззрение (может проявляться несерьезным отношением к жизни); стратегия совладения как способность человека сохранять юмористическую точку зрения при столкновении со стрессовыми ситуациями.

Таким образом, юмор — очень сложное явление, включающее когнитивные, эмоциональные, поведенческие, физиологические и социальные составляющие, это группа черт и способностей, относящихся к различным формам и функциям юмора.

В зависимости от ориентированности юмора на решение внутренних психологических проблем субъекта или на отношения с окружающими, Р. Мартин выделяет 4 стиля юмора:

1. Самоподдерживающий помогает решать интрапсихические проблемы в качестве стратегии совладающего поведения.
2. Аффилитивный направлен на улучшение межличностных отношений, социален.

3. Агрессивный выражается в критике, агрессивном поведении и манипуляции.
4. Самоуничижительный направлен на улучшение межличностных отношений в ущерб себе, включает элементы самоуничижения.

Среди четырех стилей юмора самоподдерживающий и аффилиативный рассматриваются как адаптивные стили юмора, в то время как агрессивный и самоуничижительный – как неадаптивные.

В проведенном группой зарубежных авторов метааналитическом исследовании, включившем в себя обзор 85 работ, изучалась связь стиля юмора и субъективного благополучия. Результаты продемонстрировали увеличение уровня благополучия при использовании самоподдерживающего и аффилиативного юмора и снижение уровня благополучия там, где обнаруживался агрессивный или самоуничижительный юмор. Возраст и национальность не влияли на связь между стилями юмора и благополучием (Jiang et al., 2020).

В работе М. А. Холодной и С. А. Хазовой, в части изучения значения чувства юмора в совладающем поведении, была выявлена положительная роль адаптивных стилей юмора как стратегий совладания (Холодная, Хазова, 2017).

Исследование, проведенное на выборке студентов по выявлению взаимосвязей между стилями юмора и социотропией–автономией, позволило установить наличие связей между самоуничижительным юмором и социотропией, а также между агрессивным юмором и автономностью (Frewen et al., 2008).

Публикаций по аналогичным исследованиям на пожилых респондентах нами найдено не было.

В настоящем исследовании принял участие 31 респондент в возрасте от 60 до 73 лет, жители Москвы и Московской области, давшие информированное согласие на участие в исследовании, с баллами теста SAGE выше 17. В выборку вошли 13 мужчин и 18 женщин, средний возраст составил $63,54 \pm 1,85$ и $63,16 \pm 3,45$, соответственно.

Методики:

1. Опросник стилей юмора Р. Мартина в адаптации Е. М. Ивановой, О. В. Митиной, А. С. Зайцевой, Е. А. Стефаненко, С. Н. Ениколопова.
2. Шкалы психологического благополучия К. Рифф в адаптации Т. Д. Шевеленковой, Т. П. Фесенко.

3. Шкала «социотропность—самодостаточность» в адаптации О. Ю. Стрижицкой, М. Д. Петраш, И. Р. Муртазиной, Г. А. Варта-нян.

Результаты эмпирического исследования

Корреляционный анализ r Спирмена на всей выборке выявил положительные взаимосвязи между аффилиативным стилем юмора и психологическим благополучием ($r_s = 0,708$, $p = 0,01$), автономией ($r_s = 0,652$, $p = 0,05$) и самопринятием ($r_s = 0,572$, $p = 0,05$). Значимых связей между другими стилями юмора и показателями психологического благополучия обнаружено не было. Выявленные корреляции подтверждают гипотезу о взаимосвязи юмора и психологического благополучия пожилых людей.

По результатам ответов респондентов по методике Шкала «социотропность—самодостаточность» выборка разделена на две группы, путем вычисления медианного значения шкалы «Самодостаточность». Значения от 42 баллов и выше обозначены как «высокий уровень самодостаточности», а 41 балл и ниже — «низкий уровень».

Первую группу ($N = 18$, 10 жен., 8 муж.) составили респонденты с высоким уровнем самодостаточности, вторую группу ($N = 13$, 8 жен., 5 муж.) — с низким уровнем самодостаточности.

Критерий Манна—Уитни выявил значимые межгрупповые различия по показателю «Самоподдерживающий» стиль юмора ($p = 0,01$). В группе с высокой самодостаточностью значение показателя выше, чем в группе с низкой самодостаточностью ($34,28 \pm 8,45$ и $26,23 \pm 6,02$, соответственно). В отношении других стилей юмора значимых межгрупповых различий выявлено не было. Полученные результаты частично подтверждают гипотезу об использовании самоподдерживающего стиля юмора пожилыми людьми с высоким уровнем самодостаточности.

Результаты позволяют предположить, что респонденты с высоким уровнем самодостаточности чаще, чем ориентированные на социум люди зрелого возраста, используют самоподдерживающий стиль юмора, в том числе и как стратегию совладания, признавая, например, что «если я расстроен чем-то, мое чувство юмора помогает мне не впасть в отчаяние».

Дополнительно в отношении всей выборки была выявлена отрицательная связь между агрессивным стилем юмора и социальной неуверенностью ($r_s = -0,646$, $p = 0,05$).

Полученные нами результаты подтверждают имеющиеся на сегодняшний день данные мета-аналитического исследования о положительной роли адаптивных стилей юмора в психологическом благополучии. Нам не удалось в рамках настоящего исследования выявить корреляции между стилем юмора и социотропностью—самодостаточностью, что, возможно, обусловлено малочисленностью выборки.

К числу ограничений данного исследования можно отнести небольшой объем выборки, а также проявление социальной желательности в ответах респондентов.

Перспективным направлением дальнейшей работы считаем проведение анализа различий используемых копинг-стратегий или способов совладающего поведения в группах людей пожилого возраста с разной социальной направленностью, с привлечением большего числа респондентов.

Заключение

Юмор может выступать в качестве одного из внутренних факторов, оказывающих воздействие на психологическое благополучие. Исследователи отмечают когнитивные, эмоциональные, поведенческие, физиологические и социальные компоненты юмора, что позволяет обозначить юмор как важную составляющую психики человека. Многогранность представленности юмора в психических процессах человека указывает на его возможности оказывать воздействие на другие психические свойства и состояния индивида, в том числе и на психологическое благополучие.

В своих работах А. В. Брушлинский обосновывает целостность и непрерывность психических процессов, указывает на взаимосвязь сознательного и бессознательного, физического и психологического, социального и биологического, считая, что они переплетены и составляют в человеке единое целое и не могут быть изолированы в структуре психического. Через принцип недизъюнктивности обозначается единство познавательного и аффективного компонентов любого психического акта (Брушлинский, 1984).

С этой точки зрения, исследование чувства юмора может служить убедительным примером для рассмотрения человека во всей его целостности.

Литература

- Брушлинский А. В.* Деятельность, действие и психическое как процесс // Вопросы психологии. 1984. № 5. С. 17–29.
- Холодная М. А., Хазова С. А.* Феномен концептуализации как основа продуктивности интеллектуальной деятельности и совладающего поведения // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 5–17.
- Frewen P. A., Brinker J., Martin R. A., Dozois D. J. A.* Humor styles and personality-vulnerability to depression // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2008. № 21 (2). P. 179–195. doi: 10.1515/HUMOR.2008.009
- Jiang F., Lu S., Jiang T., Jia H.* Does the relation between humor styles and subjective well-being vary across culture and age? A meta-analysis // *Frontiers in Psychology*. 2020. V. 11. P. 1–10. doi: 10.3389/fpsyg.2020.02213

Исследование родительских убеждений в контексте родительского стресса*

И. В. Тихонова (КГУ, Кострома)

Представлены результаты поискового исследования, выявляющего родительские убеждения, имеющие связь с родительским стрессом и родительской удовлетворенностью. На выборке родителей ($n = 125$) было выявлено 5 групп родительских убеждений: «О себе как родителе», «О процессе воспитания», «О будущем ребенка», «О ребенке в настоящем времени», «Об отношениях с ребенком». Определена специфика их выраженности с учетом уровня стресса и удовлетворенности родительство, выявлены взаимосвязи. Наибольшее количество связей имеет «вера» в позитивное будущее ребенка и в ребенка в настоящем времени. Их роль неоднозначна. Дефицит может в одних случаях повышать родительскую удовлетворенность, в других – родительский стресс. Показана связь родительских убеждений с базисными убеждениями личности.

Ключевые слова: родительство, родительский стресс, удовлетворенность родительство, базисные убеждения личности, родительские убеждения.

Научные работы, доказавшие влияние воспитания и родительского отношения на благополучие ребенка, внесли двойственную лепту в становление субъективного переживания родительства как социальной роли. Результаты исследований подчеркивают огромную роль родителя в развитии ребенка и его успешности, но полученные научные факты, популяризируясь, создают почву для повышения уровня стресса среди современных родителей. Устоявшееся убеждение о родительском детерминизме формирует общественные установки и ориентации на «правильное» родительство (Widding, 2018). Уровень требований к родителям становится высок, напряженность и стрессогенность родительской роли повышается. Понимание не-

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-28-00678. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00678>.

обходимости изучения состояний родителей привело к развитию исследований родительских состояний, связанных со стрессом (Бурина, 2020). В определении феномена родительского стресса (далее РС) важным является:

1. Понимание РС как комплекса негативно окрашенных эмоциональных переживаний, возникающих как результат родительской неудовлетворенности.
2. Понимание РС как обыденного состояния, которое может возникнуть в разной выраженности у любого родителя (Deater-Deckard, 1998).
3. Понимание РС как результата дисбаланса между требованиями родительской роли и ресурсами, когда «помимо сильных стрессовых событий и изнуряющей рутины, на уровень родительского стресса влияют ресурсы и поддержка, которая ему оказывает» (Ким, Кадыров, 2022).

Научный интерес нашего исследования сосредоточен на интенсивном родительском стрессе, формирующем состояния дезадаптации и/или вызывающем психоэмоциональную симптоматику. Важным является понимание факторов, влияющих на формирование психопатологического варианта родительского стресса.

В настоящий момент факторы, способствующие стрессогенности родительской роли, систематизированы и выделены в несколько групп:

- социально-демографические показатели, например: пол; возраст; материальная обеспеченность;
- социально-психологические, например: социальная поддержка, наличие конфликтной ситуации в семье;
- психологические характеристики ребенка, например: темперамент; нарушения развития и детские болезни, поведенческие проблемы детей;
- психологические характеристики родителя: сложности распределения времени и разграничения сфер семьи и работы; физиологические факторы и дефицит сна, стиль воспитания; родительская компетентность и эмоциональное состояние.

Современные исследования механизмов и факторов стресса значительную роль отводят убеждениям и установкам личности. Базисные убеждения определяются как «имплицитные глобальные, устойчивые представления индивида о мире и себе, оказывающие влияние

на мышление, эмоциональное состояние и поведение человека» (Падун, Котельникова, 2008, с. 98), как один из значимых механизмов формирования интенсивного стресса и посттравматического восстановления. Показано их влияние на существенные стороны социальной жизни личности, взаимодействие и взаимоотношения с окружающими людьми.

В контексте исследования родительства базисные убеждения рассматриваются как фактор, влияющий на готовность к материнству (Н. С. Коробова), способность оказывать поддержку ребенку (А. Б. Холмогорова, А. И. Сергиенко, А. А. Герасимова), как детерминанта взаимоотношений (Т. В. Корнеева, А. А. Романова, М. В. Цветков). Показаны особенности базисных убеждений родителей детей с ОВЗ в условиях хронического стресса (Л. Г. Заборина).

Таким образом, базисные убеждения личности могут выступать фактором/механизмом интенсификации стресса и оказывать влияние на родительские состояния. Целью нашего исследования стал поиск родительских представлений, имеющих связь с родительским стрессом. Мы предполагаем, что существует ряд устойчивых родительских представлений и «верований», которые определяют отношение к себе как к родителю. Их разрушение может формировать родительскую неудовлетворенность и приводить к интенсификации родительского стресса.

Для достижения цели исследования и доказательства предположения было проведено исследование. В нем приняли участие 125 родителей ($M = 38,77$; $SD = 7,31$): 27 мужчин (21,6%) в возрасте от 34 до 52 ($M = 43,45$; $SD = 7,3$); 98 женщин (78,4%) в возрасте от 25 до 53 лет ($M = 36,94$; $SD = 6,07$), имеющих 1–3 детей ($M = 1,70$, $SD = 0,65$). Старший (или единственный) ребенок в возрасте от 0 до 3 лет был у 11 респондентов, от 4 до 6 лет – у 28, от 7 до 11 лет – у 25, от 12–15 лет – у 22, от 16 до 20 лет – у 15, старше 20 лет – у 24 чел.

Были использованы следующие методики:

- «Шкала родительского стресса» («Parental Stress Scale» J. O. Berry, W. H. Jones) в адаптации Ю. В. Мисиюк, И. В. Тихоновой, выявляющая общий уровень родительского стресса;
- Опросник «Методика исследования удовлетворенности родительской ролью» («Parent Satisfaction Scale» C. F. Halverson, H. P. Duke) в адаптации Е. В. Куфтяк;
- Модификация метода неоконченных предложений, исследующая комплекс мыслей и убеждений в роли родителя;

- Экспресс-вариант опросника «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман (World assumptions scale (WAS), R. Janoff-Bulman) в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой (Падун, Котельникова, 2008). Так как исследование носило поисковый характер, то первоначальная форма опросника была модифицирована (для предотвращения утомления испытуемых). Из каждой шкалы, предлагаемой авторами («Образ Я», «Доброжелательность окружающего мира», «Справедливость», «Удача», «Убеждения о контроле»), было выделено утверждение, которое по результатам психометрической проверки имеет наибольшую факторную нагрузку. Данные утверждения предлагались респондентам в виде визуальных шкал, степень согласия с утверждением оценивалась в процентной выраженности по шкале.

Использовались следующие статистические процедуры: дескриптивная статистика, кластеризация методом k -средних, угловое преобразование Фишера – φ^* , коэффициент корреляции r Спирмена.

Полученные результаты показывают, что общий уровень родительского стресса в исследуемой выборке имеет умеренные значения ($M/(SD)/\% = 36,52/(8,75)/40,58\%$), а в «профиле» его показателей наибольшую выраженность представляет уровень родительских требований, определяемый шкалой «родительские стрессоры» ($M/(SD)/\% = 13,71/(3,78)/45,70\%$). А также «потеря контроля» ($M/(SD)/\% = 7,74/(2,63)/38,7$), указывающая на переживания, связанные с утратой возможности управления своей жизнью. При этом можно наблюдать, что невысокий уровень стресса родителей сочетается с достаточно высокими показателями удовлетворенности от родительской роли ($M/(SD)/\% = 151,27/(21,37)/72,03\%$), указывающей на констатацию позитивных эмоций, приносимых родительство. И несмотря на то, что признается наличие незначительных тягот ($M/(SD)/\% = 47,79/(8,89)/68,27\%$), ощущение важности и значимости родительской роли довольно высоко ($M/(SD)/\% = 52,56/(9,45)/83,42\%$).

Анализ статистических показателей привел нас к мысли о вариативности выборки по показателям родительского стресса и удовлетворенности от родительской роли. Проведенный кластерный анализ методом k -средних показал наличие 2 групп с достоверными различиями в анализируемых показателях ($p < 0,01$).

Первый кластер включил в себя 91 респондента (82,42% – 75 женщин; 17,58% – 16 мужчин) – они демонстрируют высокие показатели удовольствия от роли родителя, подчеркивают ее значимость.

При этом показатели родительского стресса достаточно низкие. Вторым кластер объединил 34 родителя (67,65% – 23 женщины; 32,35% – 11 мужчин) с умеренным уровнем родительского стресса и пониженным (относительно общей выборки) уровнем удовлетворенности родительской ролью.

Результаты исследования по модификации методики «неоконченные предложения» позволили получить реестр базисных родительских верований. Анализу подвергались ответы-дополнения на утверждения «как родитель я верю, что...», «для родителя самое главное верить...». Всего было получено 109 высказываний, и с помощью контент анализа были выделены 5 групп убеждений-«верований».

1. Убеждения о себе как родителе. Например: «Я – хороший родитель», «Я справлюсь с ролью родителя».
2. Убеждения о процессе воспитания. Например: «Лучшее воспитание – собственный пример», «Чем раньше развивать таланты ребенка, тем успешнее будущее ребенка».
3. Убеждения о будущем ребенка. Например: «Моего ребенка ждет счастливая судьба», «Мой ребенок добьется успеха».
4. Убеждения о ребенке в настоящем времени. Например: «Мой ребенок самый лучший», «Мой ребенок умный».
5. Убеждения об отношениях с ребенком. Например: «Мой ребенок мне доверяет», «Мы с ребенком понимаем друг друга».

Исследование различий по частоте встречаемости базисных родительских убеждений показало, что в кластер 1 и 2 достоверно различаются по частоте встречаемости убеждений о позитивном будущем ребенка ($p < 0,05$; $\varphi^* = 4,74$). При этом достоверных различий по выраженности базисных убеждений личности обнаружено не было ($p < 0,05$).

Корреляционные связи базисных убеждений личности и родительских убеждений выявило, что представление об «Образе Я» имеет слабую положительную связь с убеждениями о правильности воспитания ($r = 0,188$, $p = 0,037$), убеждение о позитивном будущем ребенка имеет отрицательную связь с убеждением о справедливости окружающего мира с ($r = -0,216$, $p = 0,017$), об удачливости ($r = -0,285$, $p = 0,001$) и возможности контроля ($r = -0,238$, $p = 0,008$). В общей выборке показатель родительского стресса «Родительская неудовлетворенность» положительно связан с встречаемостью убеждений о воспитании ($r = 0,193$, $p = 0,032$). Однако в группе родителей с низким стрессом

и высокой удовлетворенностью родительство наблюдаются связи убеждений о позитивном будущем ребенка с «Общим уровнем удовлетворенностью родительство» ($r = -0,224$, $p = 0,035$), «Удовольствием, получаемым от воспитания» ($r = -0,375$, $p = 0,000$), «Тяжестью/легкостью роли родителя» ($r = -0,213$, $p = 0,045$), параметром родительского стресса «Родительский ущерб/вознаграждение» ($r = 0,310$, $p = 0,003$), а убеждения о процессе воспитания с показателем РС «Родительская неудовлетворенность» ($r = 0,235$, $p = 0,027$).

Во 2 кластере убеждения о будущем ребенка имеет отрицательные умеренные корреляции с «Тяжестью/легкостью роли родителя» ($r = -0,355$, $p = 0,040$), с «Общим уровнем РС» ($r = -0,391$, $p = 0,022$) и с «Потерей контроля» ($r = -0,350$, $p = 0,042$), а убеждения о настоящем ребенка с «Важностью роли родителя» ($r = -0,368$, $p = 0,032$) и с «Родительским ущербом/вознаграждением» ($r = -0,377$, $p = 0,028$).

Полученные данные говорят, что действительно существуют родительские убеждения, которые имеют связь с базисными убеждениями личности и, вероятно, будут иметь компенсаторный характер. Например, чем меньше родитель верит в справедливость мира, тем вероятнее у него будут возникать убеждения о позитивном будущем у его ребенка. Полученные взаимосвязи показывают, что родительские верования имеют связь с удовлетворенностью родительство и РС. Однако их роль неоднозначна (у одних родителей их дефицит приводит к повышению уровня родительской удовлетворенности, а у других к повышению РС) и требует дальнейшего изучения и осмысления. Дальнейшая верификация типологии и уточнение взаимосвязей, и определение детерминации является перспективой следующих этапов исследования.

Литература

- Бурина Е. А.* Феномен родительского стресса: обзор теоретических исследований. // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Д. Я. Грибановой. Псков: Изд-во Псковского гос. ун-та, 2020. С. 220–225.
- Ким К. А., Кадыров Р. В.* Родительский стресс и воспитание ребенка с детским церебральным параличом: обзор зарубежных исследований // Клиническая и специальная психология. 2022. Т. 11. № 4. С. 1–29. doi: 10.17759/cpse.2022110401

- Падун М. А., Котельникова А. В.* Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 98–106.
- Deater-Deckard K.* Parenting stress and child adjustment: Some old hypotheses and new questions // *Clin. Psychol.: Sci. and Practice*. 1998. V. 5. № 3. P. 314–332. doi: 10.1111/j.1468-2850.1998.tb00152.x
- Widding U.* Parental Determinism in the Swedish Strategy for Parenting Support // *Social Policy and Society*. 2018. V. 17 (3). P. 481–490. doi: 10.1017/S1474746417000513

Идеи системности и процессуальности в психологии личности и психологии посттравматического стресса*

Н. Е. Харламенкова (ИП РАН, Москва)

На основе критической оценки А. В. Брушлинским роли механизма опосредствования в развитии высших психических функций (Л. С. Выготский) проводится анализ принципа «внешнее через внутреннее» и связанных с ним идей системности и процессуальности субъектных и личностных характеристик в нормальных условиях развития и в посттравматических состояниях.

Ключевые слова: личность, принцип «внешнее через внутреннее», системность, процессуальность, травматический и посттравматический стресс.

Психология мышления, проблема биологического и социального, принципы детерминизма и субъекта, идея недизъюнктивности, процессуальности психического и многие другие направления исследования и проблемы, рассматриваемые в работах А. В. Брушлинского, продолжают оставаться актуальными и сегодня, ведь, несмотря на интенсивное использование человеком современных средств связи, внедрение новых технологий, психология сохраняет устойчивый интерес к изучению человека как субъекта своей жизни.

Высказывая критическое мнение относительно особой роли стимулов-средств, речевых и неречевых знаков в преобразовании психологии человека, Брушлинский писал, что данные средства в культурно-исторической теории психики Л. С. Выготского замещают собой не только объект, на который воздействует человек, но и самого субъекта. «Понимание знака как средства психического развития... приводит к отрыву средства от того, средством чего оно является... к полному разрыву между „направляющим“ и „направляемым“...» (Брушлинский, 1968, с. 11).

* Исследование выполнено в соответствии с Госзаданием Минобрнауки РФ № 0138-2023-0005.

Дискуссионным, с точки зрения Брушлинского, остается вопрос о различиях между натуральными и высшими психическими функциями, об особенностях их взаимосвязи, об их социальной природе. По мнению Выготского, подчеркивает Брушлинский, высшие психические функции отличаются особой организацией, направленностью и функциями, и с их развитием натуральные (низшие) психические функции как бы отменяются. Не соглашаясь с этим утверждением, Брушлинский апеллирует к С.Л. Рубинштейну, согласно которому низшие психические функции изменяются в составе высших.

Особенности высших психических функций по Выготскому определяются их опосредствованностью знаком, что позволяет человеку овладевать своим поведением. Личность тем значительнее, полагал Выготский, чем более она способна к совершению волевых действий, к произвольному и разумному поведению, которые, однако, регулируются внешними средствами.

Брушлинский, следуя рубинштейновскому принципу «внешнее через внутреннее», показывает, что теории социальной детерминации противопоставляют социальное индивидуальное, отрицая факт изначальной социальной природы человека, а также факт активности, ответственности, инициативности субъекта (Брушлинский, 1991). Говоря о внутренних условиях, через которые преломляются внешние воздействия, Брушлинский имеет в виду «развивающееся единство, целостность всех его (субъекта) качеств: природных, социальных (social), общественных (societal), индивидуальных и т. д.» (Брушлинский, 2003, с. 22). Субъект, по Брушлинскому, — «всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека», а личность — менее широкое понятие, которое «раскрывает глубокую взаимосвязь лишь некоторых, хотя и очень существенных черт человека» (там же).

По сравнению с категорией «субъект», категории «личность» уделяется гораздо меньше внимания, однако личностные черты рассматриваются Брушлинским как такие качества, в зависимости от выраженности которых человек по-разному реагирует на те или иные жизненные обстоятельства.

Внутренний мир человека, являясь системным образованием, представляет собой сложно организованную интеграцию природных, социальных, социально-психологических особенностей, поэтому важной, с нашей точки зрения, является проблема «меры» участия и со-участия многообразных внутренних условий в процессе взаимодействия личности с интенсивно изменяющейся социальной средой, особенно в тех случаях, когда развитие субъекта проблематично на-

звать поступательным, все более прогрессивным, ориентированным на самоорганизацию и совершенствование.

В рамках этой проблемы следует поставить некоторые задачи, требующие дальнейшего рассмотрения. Одна из них – устойчивость и процессуальность системы личностных особенностей. Другая – особенности функционирования личности в условиях влияния на человека интенсивных стрессоров и угроз.

Обратимся к первой задаче. Научно обосновывая общую гипотезу о психическом как процессе, Брушлинский верифицирует это положение на примере изучения процессуальности мышления, исследования таких мыслительных операций, как анализ, синтез, обобщение. По аналогии с мышлением следует рассматривать и личность.

Принцип «внешнее через внутреннее» часто предполагает анализ не всей системы внутренних условий, а отдельных личностных характеристик, которые специфицируют взаимодействие человека с миром. Чаще всего имеют в виду мотивы, ценности, установки. Брушлинский, однако, утверждает, что «внутреннее» – не единичные личностные особенности, и даже не только личностные, но вся система социальных, природных, общественных, индивидуальных качеств. Если же мы все-таки остановимся на примере личностных особенностей, нам также нужно будет попытаться разъяснить, как именно функционирует личность, являясь целостной системой, привлекая для этого объяснения принцип процессуальности психического.

Упрощенное толкование формулы «внешнее через внутреннее», как справедливо замечает В. Т. Кудрявцев, препятствует пониманию всей глубины идеи детерминации психики, раскрываемой С.Л. Рубинштейном: «Если из ученически заученной формулы „внешнее через внутреннее“ вытекает лишь аналогия с призмой и лучом, то о специфике человека „принцип детерминизма“ говорит не более, чем закон всемирного тяготения» (Кудрявцев, 2019, с. 93). Внутреннее – не те «застывшие» в понимании многих исследователей личностные черты, установки, стилевые особенности и пр., но субъект, который находится в процессе постоянного «самodelания», творения себя, творения деятельности, т. е. «самодетельности». В этой связи принцип детерминизма трансформируется в «принцип самодетерминизма», благодаря которому и раскрывается сущность человека.

Иными словами, в зависимости от стадии, этапа взаимодействия субъекта с объектом и другими субъектами, личность, функционируя как целое, актуализирует разные ресурсы, которые, гетерохронно включаясь в этот процесс как мотивационные, эмоциональные,

смысловые, ценностные, самооценочные и иные аспекты, сами изменяются в ходе решения той или иной жизненной задачи или проблемы, каждый раз образуя новое системное единство личностных характеристик. Зрелость личностной системы определяется оптимальностью затраты ресурсов, своевременностью включения разных личностных особенностей в определенный момент взаимодействия с Миром, пластичностью системы, использованием субъектом компенсаторных механизмов, результативностью и открытием все новых и новых возможностей.

Вторая задача может быть сформулирована в виде вопроса: сохраняется ли описанный выше принцип функционирования личности в ненормативных условиях жизни, т. е. в случае влияния на человека интенсивных стрессоров и угроз? Брушлинский полагал, что «по мере взросления в жизни человека все большее место занимает саморазвитие, самовоспитание, самоформирование и соответственно больший удельный вес принадлежит внутренним условиям, через которые всегда только и действуют все внешние причины...» (Брушлинский, 1991, с. 8). В целом соглашаясь с этим утверждением, выразим некоторое сомнение относительно того, что система личностных и субъектных характеристик продолжает функционировать так же и в иных обстоятельствах, например в обстоятельствах психической травматизации.

Обсуждая этот вопрос далее, напомним, что влияние интенсивных стрессоров не безусловно, но, в зависимости от целого ряда факторов, в том числе личностных особенностей, субъектных качеств, вызывает у обследуемой выборки людей разный по уровню травматический стресс (Н. В. Тарабрина). Заметим, что принцип «внешнее через внутреннее» сохраняет свою актуальность и в этом случае, однако организация и функционирование «внутреннего» претерпевают свои изменения.

При низком уровне травматического и посттравматического стресса личность использует больше ресурсов, необходимых для поддержания нормального функционирования, что позволяет ей проявлять свои качества системно. При высоком уровне посттравматического стресса интегративный и процессуальный характер развития личности нарушается: в системе «внутренних условий» появляются, говоря языком А. А. Ухтомского, доминанты. Например, более значимой и эмоционально нагруженной может стать подсистема, включающая в себя качества, связанные с самооценкой, личностной идентичностью, образом Я (Никитина, 2021). Вследствие этого другие, важные

для полноценного развития личности элементы внутреннего опыта — мотивационные, регулятивные, морально-нравственные, коммуникативные, — оказываются субдоминантными, второстепенными. Процессуальность, подвижность, изменчивость личности становятся лишь видимыми: интенсивнее проявляют себя регрессия, компенсация, персеверация, ригидность, которые символизируют собой личностную стагнацию.

Подводя итоги, отметим, что выявленные нами особенности организации и развития личности в условиях повышенной психической травматичности, вовсе не ставят под сомнение принцип детерминизма «внутреннее через внешнее», идеи системного и процессуального функционирования личности, но, наоборот, подтверждают их истинность, обращая внимание исследователя на проблему индивидуальности, индивидуально-психологических различий. На это же указывал А. В. Брушлинский, говоря о взаимном влиянии социального и индивидуального, о совместной деятельности, сотворчестве субъектов — «воспитателей и воспитуемых»: «Это сотворчество прежде всего именно общечеловеческих ценностей... на основе которого каждый выбирает и прокладывает свой жизненный путь...» (Брушлинский, 1991, с. 9). Применяя данные слова к поставленной в этой статье проблеме, отметим, что и сами по себе травматические воздействия, и социальная поддержка субъекта имеют общие, часто неконкретные черты, которые, преобразуясь в индивидуальном опыте человека, могут стать причиной либо дистресса, либо посттравматического роста.

Литература

- Брушлинский А. В.* Культурно-историческая теория мышления. М.: Высшая школа, 1968.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–11.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Кудрявцев В. Т.* Смена принципов: от детерминизма к самодетерминизму, от деятельности — к самодеятельности (к 130-летию С. Л. Рубинштейна) // Психолого-педагогический поиск. 2019. № 4 (52). С. 90–104.
- Никитина Д. А.* Посттравматический стресс у людей разного возраста с угрожающим жизни заболеванием: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2021.

Профилактика стресса на занятиях по иностранному языку у студентов технических специальностей вузов

Е. В. Шабашова (НИУ МФТИ, Долгопрудный, Москва)

Автор рассматривает проблему стресса, возникающего у студентов на занятиях по иностранному языку в техническом вузе. Названы источники стресса, приведены примеры психологических и лингводидактических приемов его предупреждения.

Ключевые слова: иностранный язык, технический вуз, стресс.

Иностранный язык как средство общения в профессиональной сфере приобретает все большее и большее значение. Многие нелингвистические вузы России увеличивают количество учебных часов на предмет «иностранное языков», вводят все новые и новые модули (дисциплины) в рамках предмета. Кроме этого, с учетом современных экономических реалий расширяется и спектр иностранных языков, преподаваемых в неязыковых вузах. Одновременно с этим растет количество факторов-стрессоров для обучаемых. В вузах нелингвистических направлений, в частности, технических, одними из чувствительных стрессов в процессе изучения студентами иностранного языка выступают так называемые языковая тревожность и психологические барьеры. Преодоление этих стрессов продолжает оставаться насущным вопросом в педагогической психологии и в образовательном процессе. Подобные стрессы можно успешно профилактировать, используя соответствующие методики.

Проблема стресса и его преодоления в процессе изучения иностранного языка (далее – ИЯ) широко рассматривается в отечественной и зарубежной литературе (Hogwitz, 1986) как на уровне школьного образования, так и на этапах среднего и высшего профессионального образования, включая лингвистические и нелингвистические вузы. С увеличением собственно учебных и психологических нагрузок, с одной стороны, и с катастрофическим уменьшением личного общения студентов, с другой стороны, в настоящий момент данная проблема приобретает все большую и большую актуальность.

Для учащихся технических специальностей увеличение различных видов нагрузок, социальной атомизации студенческого сообщества это особенно характерно и приводит к стрессам. А они, в свою очередь, ведут к «изменениям в протекании психических процессов, к эмоциональным и мотивационным сдвигам, к нарушениям поведения и речи» (Брушлинский, 1994, с. 70).

Сразу оговоримся: в рамках настоящей статьи мы фокусируем наше внимание только на очных занятиях по ИЯ, в аудитории, не затрагивая занятия в виртуальном пространстве, в режиме онлайн.

Исследования показывают, что среди причин, обуславливающих неудовлетворительное психологическое состояние студентов на занятиях по ИЯ и вследствие этого переживаемые ими многочисленные стрессы, преобладают:

- скованность перед преподавателем за ошибки и промахи (низкий уровень лингвистической компетентности обучаемого, интерференция русского и родного языка);
- стеснение говорить с ошибками перед группой (особенно если учебная языковая группа составлена без учета уровня языковой обученности студентов);
- неловкость в ситуации публичного выступления перед аудиторией даже на родном языке;
- доминирование в обучении какого-то одного вида речевой деятельности (например, чтения) или аспекта языка (например, грамматики);
- боязнь вызвать смех или неодобрение как со стороны преподавателя, так и со стороны одноклассников;
- затрудненность в ситуации разговора в учебной паре с сильным (хорошо владеющим ИЯ) собеседником;
- неумение применять имеющиеся знания в ситуации реального общения;
- отсутствия интереса к ИЯ;
- некорректное употребление лингвострановедчески и социокультурно маркированной лексики;
- незнание преподавателем психологических особенностей студенческого возраста;
- нерелевантное различие в темпераментах студента и преподавателя;
- неадекватное возможностям студентов структурирование учебной информации, темпа ее предъявления, игнорирование когнитивных ресурсов обучаемых;

- нарушение равновесия между позитивными и негативными оценками со стороны преподавателя с преобладанием неконструктивной отрицательной оценки, оценка способностей, личностных качеств, возможных негативных перспектив развития и деятельности вместо оценки хода выполнения учебной задачи;
- игнорирование студентом требований преподавателя, неприятие формы выражения требований преподавателя и неприятие личности преподавателя.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что психологические языковые барьеры, вызывающие стресс у студента, бывают внутренними (личностными – зависящими от характера, темперамента, когнитивных способностей, мотивации; связанными со спецификой работы мозга, страхом и прошлыми провалами) и внешними (особенностями взаимодействия в коллективе; необходимостью вынужденной коммуникации; отличительными чертами подачи материала; личностью преподавателя). Кроме того, нужно различать языковые, речевые, слуховые препятствия (Иксанова, 2021, с. 86).

Стратегия преодоления стрессов при изучении ИЯ в техническом вузе представляет собой ряд организационных приемов, которые способствуют активизации, накоплению, совершенствованию, автоматизации внутренних ресурсов обучающихся и использованию этих ресурсов в учебной деятельности. Эти стратегии основаны на применении развивающих технологий обучения, способствующих снятию психоэмоционального напряжения, устранению смысловых преград при восприятии иноязычной речи, снижению проявлений неуверенности в себе и скованности при выступлении перед аудиторией, повышению самооценки обучаемых в процессе овладения ИЯ, усилению мотивации к изучению ИЯ. Преодоление психологических барьеров в учебной деятельности проявляется и через осознание студентами собственных позитивных познавательных возможностей и способностей к овладению ИЯ, эмоциональную устойчивость и положительное отношение к деятельности, снижение уровня ситуативной тревожности на занятиях по ИЯ, а также через осуществление самостоятельного регулирования учебной деятельности (Чаплина, 2006, с. 22).

Ниже мы предлагаем следующие основные психологические и лингводидактические приемы, которые преподаватель может использовать, чтобы помочь студенту совладать со стрессом в процессе изучения ИЯ в неязыковом вузе, помня, что задача преподавателя

ля – мотивировать студента к изучению ИЯ, «раскрыть» студента, позволить ему чувствовать себя комфортно на занятии. Для этого применяются особые методические рекомендации и воспитательные методики, здоровьесберегающие образовательные технологии, в том числе:

1. Учебный материал, аутентичный, актуальный, профессионально направленный, содержит информацию по межкультурной коммуникации. Необходимо соблюдать паритет между коммуникативными и традиционными заданиями.
2. Понятная система оценки.
3. Контрольные мероприятия: четкая формулировка заданий, типы заданий должны быть привычными для студентов.
4. Отношение преподавателя к ошибке, исправление в устной речи. Если ошибка сделана в том языковом либо речевом материале, который еще не пройден, то имеет смысл такую ошибку не исправлять. Если ошибка сделана в уже изученном материале, то выслушать ответ до конца и только затем акцентировать внимание на неправильных моментах, попросив студента, например, подумать над определенным грамматическим явлением или правильно произнести слово.
5. Варьирование организационных форм работы в аудитории: фронтальной, групповой, парной, индивидуальной.
6. Чередование позы студента на занятии: при смене учебных заданий студенты могут ходить по классу, создавая, например, учебные пары или малые группы; могут выходить к доске и чертить (писать) на ней.
7. Применение предметных игр и распределение ролей: использовать тематические упражнения, устраивать брейн-ринги, предметные игры, чередовать форму устных обсуждений – монологов, диалогов, полилогов.
8. Варьирование видов учебной деятельности: продуктивные и репродуктивные виды речевой деятельности, языковые упражнения, самостоятельная работа.
9. Продолжительность заданий.
10. Физкультминутки: зарядка для органов говорения, а именно – фонетическая зарядка с использованием пословиц, поговорок, скороговорок. Это – забавная форма тренировки мускулов артикуляционного аппарата, снятия мышечного напряжения (Шабашова, 2023, с. 156–157).

11. Эмоциональные разрядки и общий психологический климат на занятии. Со стороны преподавателя – уважительное отношение к обучаемым, дружелюбный тон ведения занятия, поощрение студентов даже за незначительные успехи, беспристрастное указание на некорректное поведение студента либо на его ошибку при ответе, создание атмосферы сотрудничества и творчества.
12. Эргономичное пространство учебного помещения: освещенность, свежесть, температура и влажность воздуха, учебная мебель, соответствующая физическим особенностям студентов (росту, весу).

Идентификация и преодоление стрессов в процессе обучения ИЯ в техническом вузе продолжает оставаться насущным вопросом для педагогической психологии и образовательного процесса. Эти стрессы можно успешно предотвращать, используя соответствующие психолого-педагогические приемы, руководствуясь задачей преподавателя – создание положительного психологического климата, мотивирование студентов к изучению ИЯ.

Перечисленные выше методические приемы могут быть с успехом использованы в преподавании различных языков, на разных годах обучения студентов. Эти приемы улучшают формирование и совершенствование иноязычных языковых и речевых навыков, оптимизируют психологическое восприятие коммуникации на ИЯ, способствуют преодолению студентами стрессов, связанных с языковой тревожностью, благотворно влияют на межличностное общение студентов, повышают интерес к изучению ИЯ.

Литература

- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Иксанова М. Г., Красильникова Е. В., Воробьева Н. В.* Особенности языковой тревожности и психологических барьеров студентов нелингвистических направлений в процессе изучения английского языка и способы их преодоления // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 1. С. 83–88.
- Чаплина Е. И.* Стратегии преодоления психологических барьеров у студентов при изучении иностранного языка: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2006.

Шабашова Е. В. Здоровьесберегающие образовательные технологии и критерии организации занятия по иностранному языку в техническом вузе (практический опыт) // Педагогический менеджмент в здоровьесберегающем образовании: сборник научных трудов / Под ред. С. Г. Серикова. Вып. 16. Челябинск: УралГУФК, 2023. С. 151–159.

Horwitz E. K., Horwitz M. B., Cope J. Foreign language classroom anxiety // The Modern Language Journal. 1986. № 70 (2). P. 125–132.

Представления мужчин и женщин о стилях и способах совладания со стрессом у детей 8–12 лет и подростков*

Н. Е. Шаталова (ИП РАН, Москва)

В работе анализируются представления взрослых о способности детей и подростков справляться со стрессовыми ситуациями. Полученные данные подтверждают гипотезу о разных представлениях мужчин и женщин о копинг-стратегиях детей и подростков. Мужчины менее вариативны, чем женщины, и в меньшей степени, чем женщины, склонны приписывать подросткам способ совладания со стрессом, предполагающий проявление эмоций, обращение к алкоголю и наркотикам, что может быть связано с меньшей эмоциональностью мужчин. Женщины, склонные к опекающему поведению, дают больше, чем мужчины, ответов, объединяемых в понятие «социальная поддержка».

Ключевые слова: стресс, копинг-стратегии, представления взрослых о стилях совладания у детей и подростков.

Взрослые и дети — два разных народа.

Р. Брэдбери

Трудные жизненные/стрессовые ситуации стали неотъемлемой частью современной жизни начиная с самого раннего возраста. Проблема совладания с трудными жизненными ситуациями рассматривается в работах многих отечественных и зарубежных специалистов. Подчеркивая важность исследования совладающего поведения непосредственно у представителей разных возрастных, социальных, профессиональных групп, необходимо отметить, что работ, посвященных изучению представлений взрослых людей, не являющихся специалистами в области психологии, о копинг-стратегиях, применяемых детьми и подростками, недостаточно.

Гипотеза: представления мужчин и женщин о копинг-стратегиях детей и подростков различаются: мужчины более склонны при-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-28-00972.

писывать детям и подросткам копинг-стратегии, ориентированные на самопомощь, а женщины — способы совладания, связанные с поддержкой значимых взрослых и друзей.

Методы

1. Анкета для взрослых — создана научным коллективом (Н. Е. Харламенкова, Д. А. Никитина, Е. Н. Дымова, Н. Е. Шаталова) для целей исследования, включает общие вопросы, необходимые для статистической обработки данных, такие как пол, возраст, и вопросы, касающиеся понимания респондентами особенностей переживания стресса детьми и подростками («Как справляются со стрессом дети в возрасте 8–12 лет?», «Как справляются со стрессом подростки?»).
2. Опросник «Юношеская копинг-шкала», разработанная Э. Фрайденберг и Р. Льюисом, в адаптации Т.Л. Крюковой. Содержит 18 шкал, представляющих собой 18 стратегий совладания. Шкалы объединяются в стили совладания. Опросник был использован для категоризации ответов взрослых респондентов на вопрос о способах совладания со стрессом у детей и подростков.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы Statistica v. 10.0.

Респонденты

В исследовании приняли участие взрослые респонденты (основная выборка) в возрасте от 23 до 72 лет (Med = 39), мужчины (n = 17) и женщины (n = 65), заполнившие форму онлайн-опроса, и подростки (дополнительная выборка) в возрасте от 11 до 14 лет (Med = 12), учащиеся 6–7 классов одной из школ г. Лосино-Петровского Московской области (n = 112).

В соответствии с выдвинутой гипотезой, основная выборка была разделена на две подгруппы. Мужчины в возрасте от 28 до 72 лет (Med = 43), женщины в возрасте от 23 до 71 года (Med = 38).

Результаты

Ответы взрослых респондентов на вопрос о способах совладания со стрессом были обработаны, и каждый ответ категоризирован в со-

ответствии со шкалами опросника ЮКШ. Пример: ответ респондента «обращается за помощью к родителям» оценивается как соответствующий шкале ЮКШ Социальная поддержка, а ответ «плачет» – как соответствующий шкале ЮКШ Разрядка.

Обращает на себя внимание тот факт, что никто из респондентов не дал ответы, соответствующие таким копинг-стратегиям, как: Беспокойство, Надежда на чудо, Общественные действия, Игнорирование, Самообвинение, Духовная поддержка, Позитивный фокус. Кроме того, по мнению женщин, дети не используют такой способ совладания со стрессом, как Работа и достижения, а, по мнению мужчин, для детей нехарактерны копинг-стратегии: Решение проблем, Помощь друзей, Уход в себя.

Статистическое сравнение подгрупп по угловому критерию Фишера показало, наличие значимых различий по шкале Разрядка ($\varphi^* = 3,016$, $p < 0,01$). Женщины чаще считают, что подросткам присуща именно такая копинг-стратегия и их ответы в рамках данной шкалы более вариативны, чем ответы мужчин (от слез и крика до употребления ПАВ).

Женщины чаще мужчин приписывают детям 8–12 лет способ совладания со стрессом с помощью взрослых, т. е. дают ответы, относящиеся к шкале Социальная поддержка (различия подтверждены на уровне тенденции: $\varphi^* = 1,752$, $p < 0,05$).

В целом можно сказать, что мужчины и женщины в большей или меньшей степени считают характерными для детей 8–12 лет такие копинг-стратегии, как Социальная поддержка, Отвлечение и Разрядка, а для подростков Социальная поддержка, Друзья и Отвлечение. Кроме того, в подгруппе мужчин достаточно часто встречаются ответы, относящиеся к шкале Несовладание (относительно копинг-стратегий подростков).

Обращает на себя внимание, что в подгруппе мужчин значимо чаще встречается ответ «не знаю» ($\varphi^* = 2,647$, $p < 0,01$).

Вторым этапом обработки данных стало выделение стилей совладания на основе уже категоризированных в соответствии с опросником ЮКШ копинг-стратегий. Ответы респондентов суммировались в соответствии с классификацией Т. Л. Крюковой: Продуктивный (ориентация на решение проблемы), Непродуктивный (несовладание), Социальный (совладание с помощью других) стили (Крюкова, 2005). Стили с наибольшим количеством ответов респондентов были определены как наиболее предпочтительные.

На основе анализа данных по критерию Фишера были получены результаты, свидетельствующие о достоверных различиях между подгруппами. Женщины чаще мужчин предполагают, что для детей 8–12 лет и подростков характерен стиль совладания, с высоким уровнем зависимости от родителей и ориентированный на получение помощи от других людей, соответствующий социальному стилю, по классификации Крюковой ($\varphi^*_{эмп} = 2,502$, $p < 0,01$ у детей и $\varphi^*_{эмп} = 2,912$, $p < 0,01$ у подростков). Также женщины значимо чаще, по сравнению с мужчинами, приписывают подросткам Непродуктивный стиль совладания, включающий в себя эмоциональную составляющую (слезы, выплеск агрессии), вредные привычки (алкоголь, курение), уход в себя, отвлечение, отказ от действий, направленных на решение трудной/стрессовой ситуации ($\varphi^*_{эмп} = 2,597$, $p < 0,01$).

Для сравнения была взята группа подростков в количестве 112 чел., заполнивших опросник ЮКШ. Обработка данных производилась путем вычисления средних баллов по каждой из шкал опросника, которые составили от 1,9 до 3,6 (Med = 2,7) и значений верхнего и нижнего квартилей. Таким образом выявлены наиболее предпочитаемые подростками копинг-стратегии: Решение проблем, Работа и достижения, Беспокойство, Отвлечение и Активный отдых. Наименее предпочитаемыми оказались такие способы совладания, как Дружья, Разрядка, Общественные действия, Игнорирование и Профессиональная помощь.

Обсуждение результатов

Исследование показало, что взрослые респонденты дифференцированно подходят к вопросу о копинг-стратегиях детей и подростков. Стратегии совладания у детей 8–12 лет, отмеченные большинством мужчин и женщин, связаны с представлениями о важности поддержки социального окружения, в первую очередь родителей, и пониманием неспособности детей данного возраста самостоятельно найти выход из стрессовой ситуации. В младшем школьном возрасте важная роль отводится возможности отвлечься от негативных переживаний (посредством игр, прогулок и т. п.) и «выплеснуть» эмоции, понимание этого также нашло отражение в ответах респондентов.

В подростковом возрасте социальная поддержка, по мнению респондентов, продолжает играть важную роль в совладании со стрессом, причем у подростков возрастает значение поддержки со стороны друзей, что указывает на понимание взрослыми особенностей под-

росткового возраста и значимости общения со сверстниками. Отвлечение от ситуации также остается достаточно важной копинг-стратегией, по мнению взрослых респондентов обеих подгрупп. Разрядка, как способ совладания, присущий подросткам, встречается в ответах женщин, а мужчины больше говорят о несовладании — отказе подростков от действий и их неспособности справиться со стрессом. По-видимому, женщины проявляют больше эмпатии и замечают в поведении подростков любые изменения поведения, указывающие на негативные переживания. Мужчины ожидают от подростков более активных действий, направленных на преодоление трудной/стрессовой ситуации. Поэтому, если подросток не проявляет, по мнению мужчины, должной активности, он не в состоянии справиться с ситуацией самостоятельно, иными словами, «бездействует».

Полученные различия между подгруппами мужчин и женщин можно объяснить следующим образом. Большое количество ответов женщин, отнесенных к шкале «Социальная поддержка», связано, по-видимому, с тем, что женщинам в большей степени присуще помогающее, опекающее поведение, тогда как мужчины, являющиеся сторонниками активного, самостоятельного противостояния ситуации, считают подростков неспособными на активные действия.

Как можно заметить, данные, полученные на взрослой выборке и на выборке подростков, значительно различаются. В то время как взрослые респонденты представляют подростков, переживающих стресс, нуждающимися в помощи близких, сами подростки предпочитают самостоятельно решать проблемы, «уходя» в учебу и спорт, выбирая активный отдых, что указывает на стремление к автономности, а может быть, и на убежденность, что взрослые их не поймут или поймут неправильно и не окажут той помощи, в которой подросток нуждается. Высокие средние баллы по шкале ЮКШ Отвлечение у подростков и достаточно большое количество ответов, отнесенных к этой же шкале, полученных на выборке взрослых респондентов, показывают, что взрослые адекватно оценивают потребность подростков в отвлечении от тягостных, негативных мыслей.

Заключение

Полученные данные подтвердили существование некоторых различий между мужчинами и женщинами в понимании ими стратегий совладания, применяемых детьми 8—12 лет и подростками.

И в заключение хочется обратиться к словам Р. Брэдбери, вынесенными в эпиграф. Исследование показало, что одной из причин непонимания между поколениями может стать различие взглядов на одну и ту же проблему, в данном случае – на вопрос совладания со стрессовой ситуацией, когда взрослые стремятся опекать и помогать, в то время как подростки, стремясь к автономности, способны применять продуктивные копинг-стратегии, искать и находить способы самостоятельного преодоления трудностей.

Литература

Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Дис. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2005.

Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем с уровнем нервно-психической напряженности у детей в условиях стационарного лечения туберкулеза органов дыхания

О. С. Шелумова (ЦНИИТ, Москва)

Целью исследования является изучение психоэмоционального состояния детей, поступающих на стационарное лечение туберкулеза органов дыхания, в связи с имеющимися у них ранними дезадаптивными схемами (РДС). Представлены результаты исследования взаимосвязи РДС с повышенным уровнем нервно-психической напряженности и тревоги у пациентов 7–14 лет. Показано, что более высокому уровню нервно-психической напряженности соответствует большая выраженность таких РДС, как «эмоциональная депривированность» и «социальная отчужденность». Уровень тревоги повышается с ростом выраженности РДС «социальная отчужденность».

Ключевые слова: стационарное лечение, туберкулез, ранние дезадаптивные схемы, психологическая дезадаптация, дети, подростки.

Стационарное лечение оказывает влияние на эмоциональное состояние любого пациента. Особенно выражено это воздействие у детей и подростков. Госпитализация ребенка означает прерывание его нормальной повседневной жизни и изменение привычной для него обстановки. Наиболее уязвимую группу представляют дети, госпитализированные без сопровождения родителей или других лиц, осуществляющих уход (Luljguraj, 2021).

Одним из заболеваний, требующих госпитализации для обеспечения оптимального соблюдения сложных схем химиотерапии и проведения комплексного лечения, является туберкулез органов дыхания (ТОД), продолжающий оставаться актуальной проблемой здравоохранения. Длительность стационарного лечения ТОД у детей и подростков при различных клинико-эпидемиологических характеристиках заболевания может варьировать от 6 до 18 месяцев, а в ряде случаев и превышать эти сроки. Продолжительность стационарного лечения, а также отсутствие симптомов, нарушающих социально-

бытовую адаптацию ребенка, приводят к тому, что, наряду с детьми подросткового и младшего школьного возраста, без сопровождения взрослого нередко госпитализируются и дети дошкольного возраста. Это обусловлено такими социальными причинами, как необходимость осуществления родителями или опекунами трудовых функций, а также воспитанием сиблингов.

Госпитализация вызывает у детей широкий спектр психологических трудностей, обусловленных спецификой заболевания и лечения, условиями стационара, предыдущим опытом получения медицинской помощи, а также личностными и возрастными особенностями ребенка. Актуальной научной проблемой в настоящий момент является изучение факторов психологической дезадаптации детей и подростков, проходящих стационарное лечение ТОД для разработки эффективных программ психологического сопровождения. В качестве значимого фактора нарушений адаптации и возникновения различных психопатологических симптомов в настоящее время рассматриваются ранние дезадаптивные схемы (РДС).

Ранние дезадаптивные схемы – это широкие, всеобъемлющие паттерны, состоящие из воспоминаний, эмоций, когний и телесных ощущений, затрагивающие отношения с самим собой и с другими людьми, сформированные в детстве или в подростковом возрасте и продолжающие развиваться на протяжении дальнейшей жизни человека (Янг, 2020). Отмечено, что дисфункциональный опыт общения с опекунами и другими значимыми людьми в детстве и подростковом возрасте во взаимодействии с темпераментальными факторами может привести не только к формированию РДС, но и к дисфункциональному поведению (Loose, 2018). Когда РДС запускаются определенной ситуацией, имеющей какое-либо сходство с аспектами предыдущих негативных переживаний, индивид может отреагировать на этот триггер неадаптивным или дисфункциональным совладающим поведением, например, капитуляцией, избеганием или гиперкомпенсацией. Это дисфункциональное совладающее поведение закрепляет РДС, что приводит к высокому риску психопатологии (Янг, 2020).

Было проведено множество исследований, которые показали, что наличие РДС имеет существенную корреляцию с психическими расстройствами, поведенческими проблемами и расстройствами личности у взрослых. У детей и подростков данные исследований также демонстрируют тесную связь между РДС, психопатологическими симптомами и психическими расстройствами (Loose, 2018).

В частности, выявлена роль РДС в возникновении симптомов депрессии, социальной тревоги и расстройств пищевого поведения. В ряде исследований определенные РДС рассматриваются в качестве предикторов антисоциального поведения у подростков, а также факторов уязвимости для развития и поддержания симптомов пограничного расстройства личности (Calvete, 2008; Lawrence, 2011). Однако данных о взаимосвязи РДС с психоэмоциональными нарушениями у детей, проходящих стационарное лечение ТОД, в научной литературе найти не удалось.

Целью настоящего пилотажного исследования стало изучение психоэмоционального состояния детей, поступающих на стационарное лечение ТОД, в связи с имеющимися у них ранними дезадаптивными схемами. Выборку составили 33 пациента ФГБНУ «ЦНИИТ» в возрасте от 7 до 14 лет (19 девочек и 14 мальчиков). Для выявления РДС использовался Дюссельдорфский иллюстрированный опросник схем у детей (DISC) (Loose, 2018), переведенный и адаптированный Е. В. Романовой и М. В. Галимзяновой. Психоэмоциональное состояние оценивалось с помощью Цветового теста Люшера (ЦТЛ) с математическим анализом цветовых выборов пациентов в соответствии с расчетными формулами. С его помощью изучались такие характеристики психоэмоционального статуса, как уровень нервно-психической напряженности и тревоги. Обследование проводилось в первую неделю госпитализации. Анализ корреляционных взаимосвязей между изучаемыми переменными осуществлялся с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

По результатам обследования незначительный и средний уровень нервно-психической напряженности был выявлен у 11 (33,3%) и 10 (30,3%) пациентов соответственно, повышенный уровень – у 12 (36,4%) пациентов. Отсутствие тревоги отмечалось у 7 (21,2%) пациентов, незначительный и средний уровень тревоги – у 9 (27,3%) и 17 (51,5%) пациентов соответственно.

По результатам DISC у большинства пациентов были выявлены такие РДС, как «зависимость/беспомощность», «запутанность/неразвитая идентичность», «самопожертвование», «подавление эмоций», «жесткие стандарты» (у 20 (60,6%), 22 (66,7%), 24 (72,7%), 21 (63,6%) и 18 (54,5%) пациентов соответственно). В то время, как ряд РДС были выявлены лишь в незначительном проценте случаев: «привилегированность/грандиозность» – у 4 (12,1%), «поиск одобрения» – у 5 (15,2%) пациентов соответственно.

Значимая корреляционная связь была обнаружена между показателем уровня нервно-психической напряженности ЦТЛ и такими РДС, как «эмоциональная депривированность» ($r_s=0,54$, $p=0,01$) и «социальная отчужденность» ($r_s=0,48$, $p=0,01$), а также между уровнем тревоги и РДС «социальная отчужденность» ($r_s=0,5$, $p=0,01$). РДС «эмоциональная депривированность» и «социальная отчужденность» относятся к домену «нарушение связи и отвержение», характеризующегося наличием у индивида ожиданий того, что потребности в безопасности, стабильности, заботе, сопереживании, обмене чувствами, принятии и уважении не будут реализованы предсказуемым образом (Янг, 2020). РДС этого домена формируются в ситуации, когда поведение семьи в детстве отличается отстраненностью, отсутствием эмоционального тепла, отвержением, непредсказуемостью, является оскорбительным или жестоким.

Схема эмоциональной депривированности формируется при наличии следующих форм депривации: лишение заботы (отсутствие внимания, привязанности, поддержки или общения), лишение сочувствия (отсутствие понимания, готовности выслушать, возможности рассказать о своих чувствах и переживаниях и разделить их с другими), лишение защиты (отсутствие поддержки, направления или представления со стороны значимых взрослых). Данная схема относится к наиболее ранним, формирующимся в условиях нуклеарной семьи (Янг, 2020). В отличие от нее схема социальной отчужденности развивается в позднем детстве или подростковом возрасте и может быть обусловлена особенностями взаимодействия ребенка с более широким социальным окружением. Для схемы социальной отчужденности характерно чувство изолированности от остального мира, существенного отличия индивида от окружающих, невключенности в какую-либо группу или сообщество.

Таким образом, результаты исследования указывают на то, что наличие у пациентов таких РДС, как «эмоциональная депривированность» и «социальная отчужденность», может приводить к заведомо негативному отношению к госпитализации, что, в свою очередь, обуславливает повышенный уровень нервно-психической напряженности уже в начале стационарного лечения. Выявление РДС при поступлении ребенка в стационар дает возможность индивидуализации психотерапевтических и психокоррекционных воздействий, а также способствует выстраиванию с пациентом наиболее эффективного взаимодействия со стороны медицинского и педагогического персонала.

Литература

- Янг Дж., Клоско Дж., Вайсхаар М. Схема-терапия: Практическое руководство. Пер. с англ. СПб.: Диалектика, 2020.
- Calvete E. Justification of violence and grandiosity schemas as predictors of antisocial behavior in adolescents // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2008. V. 36. P. 1083–1095.
- Lawrence K. A., Allen J. S., Chanen A. M. A study of maladaptive schemas and borderline personality disorder in young people // *Cognitive Therapy and Research*. 2011. V. 35. P. 30–39.
- Loose C., Meyer F., Pietrowsky R. The Dusseldorf Illustrated Schema Questionnaire for Children (DISC) // *Psicol. Reflex. Crit.* 2018. V. 31. № 7. doi: 10.1186/s41155-018-0087-y
- Luljuraj D., Maneval R. E. Unaccompanied hospitalized children: an integrative review // *J. Pediatr. Nurs.* 2021. V. 56. P. 38–46. doi: 10.1016/j.pedn.2020.10.015

РЕГУЛЯЦИЯ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Самооценка психического состояния у лиц в условиях экспериментальной сенсомоторной депривации

П. А. Байгужин (ЮУрГУ (НИУ, Челябинск),
А. А. Кудряшов (АНО «НИЦ психофизиологии коммуникации»,
Екатеринбург)

Актуализируется исследование психологических эффектов экспериментальной кратковременной изоляции человека — условий исключения сенсорных потоков. Анализируются субъективные оценки психических состояний и ощущений до и после пятиминутного пребывания в изоляционной камере (всего 32 студентки). Установлен «реципрокный» механизм развития напряженности, реализуемый у испытуемых с различным уровнем напряженности как эффект изоляции. Определены неспецифические ощущения: ускоренное восприятие временного периода изоляции, когнитивная активность. Обозначена перспектива данного направления исследований в области психофизиологии психических состояний.

Ключевые слова: сенсорная депривация, эксперимент, изоляция, студенты, напряженность, психические состояния, ощущения, самооценка.

Исследование эффектов сенсорной и сенсомоторной депривации актуальны при решении задач преодоления личностной деформации, вызванной условиями изоляции. Спектр условий изоляции, их причин и детерминирующих личностную деформацию факторов достаточно широкий: от карантинных мероприятий (кратковременный эффект) до инвалидизации или заключения вследствие совершения правонарушения (долговременный эффект). Кроме того, в условиях тотальной и агрессивной цифровизации всех сфер жизнедеятельности, учитывая особенности ее реализации для личности, востребованной для психологии и психофизиологии, является разработка концепта социально-психологического одиночества (Саминжонова, 2022).

Вследствие пандемии, вызванной COVID-19, в научных кругах закономерно увеличилось количество исследований и, соответст-

венно, публикаций об изоляции как о новом социокультурном факторе, воздействие которого отражается на деформации как отдельно личности, так и общества в целом (Dubey et al., 2020). Отдельным направлением, изучающим эффекты изоляции, являются работы, предметом которых являются, например, изменения когнитивной работоспособности и психофизиологического состояния в эксперименте, моделирующем длительный космический перелет (Лебедева, Швед, 2022).

Настоящее исследование является проверкой общей гипотезы о характере изменений психофизиологического состояния обследуемых со стороны индивидуально-психологических, физиологически и поведенческих реакций. В предложенных нами материалах представлен фрагмент исследования психофизиологических эффектов воздействия кратковременной сенсомоторной изоляции молодых лиц (студентов), а именно анализ самооценки психического состояния у лиц в условиях экспериментальной сенсомоторной депривации.

Организация и материалы исследования. В обследовании, добровольно на основе информированного согласия приняли участие 32 студента женского пола пятого курса обучения, средний возраст которых составил $21,5 \pm 1,1$ лет. Критерии отбора к участию в обследовании: отсутствие объективных и субъективных жалоб со стороны здоровья (в частности, имеющих в анамнезе черепно-мозговые травмы или прочие заболевания центральной нервной системы); отсутствие подтвержденных фобий замкнутого пространства, темноты; исключение приема лекарственных средств, других психоактивных веществ (в том числе прием никотин и/или алкоголь содержащей продукции); выполнения физических нагрузок в день обследования.

Студентам предлагалось оценить свое состояние и описать ощущения до и после пребывания в условиях изоляционной камеры, исключающей воздействие внешних факторов (света, звука, электромагнитного излучения). Время неподвижного пребывания в условиях сенсорной депривации – пять минут. Для самооценки психических состояний применяли тест «Оценка психической активации» (по Л. А. Курганскому), отражающий степень проявления психической активации, интереса, «эмоционального тонуса, напряжения и комфортности у обследуемых. Кроме того, с целью оценки уровня эмоциональности, вызванной условиями изоляционной камеры, проведено анкетирование. На основании вариантов реагирования сформировали две группы: первая – со сниженной напряженнос-

тью ($n = 12$), вторая – с «приобретенной» после изоляции напряженностью ($n = 12$). Данные студентов со стабильным показателем «Напряженность» ($n = 8$) не анализировались.

Изоляционная камера состоит из корпуса ($2 \times 2 \times 2,5 \text{ м}^3$), каркас которого изготовлен из дерева. Корпус камеры обшит по принципу «сэндвич»: первый наружный слой (металлический лист толщиной 3 мм), второй наружный и первый внутренний слои (лист фанеры толщиной 3 мм), второй внутренний слой – радиоэкранирующая ткань «Полет»*. Камера имеет заземление, оборудована системой автономной вентиляции, регулируемого освещения, USB-розетками; комфортным рабочим местом обследуемого. Экспертное заключение о техническом состоянии изоляционной камеры на предмет полного экранирования от электрического поля, электромагнитного поля радиочастотного диапазона и шумового воздействия подписан экспертом-представителем ООО «Альфа ЭМС» (г. Екатеринбург). Функциональность изоляционной камеры ранее апробирована в серии психофизиологических исследований (Байгужин и др., 2019).

Обследование студентов проводилось в стандартных условиях лаборатории, во второй половине дня с 14 до 16 часов.

Математико-статистический анализ полученных данных проводился с использованием пакета IBM SPSS Statistics v. 23. Поскольку выборка полученных значений не соответствовала нормальному закону распределения данных, при оценке показателей были использованы медиана (Me) и интерквартильный размах, указанный в виде 25 и 75 перцентилей. Количественные различия изучаемых показателей определяли с помощью непараметрических U -критерия Манна–Уитни и Z -критерия Вилкоксона. Различия считались значимыми при $p < 0,05$. С целью сопоставления частот встречаемости ощущений при оценке их возникновения во время изоляции у студентов сравниваемых выборок применяли ϕ – угловое преобразование Фишера.

Результаты исследования

Под психическим состоянием понимают целостную картину психического функционирования в ограниченный, текущий промежуток времени. Значимых различий по показателям «Активность», «Ин-

* ТУ 8473-029-07550073-07, разработчик-производитель – Центральное конструкторское бюро специальных радиоматериалов, г. Москва. <http://ckbrm.ru>.

терес», «Эмоциональный тонус» и «Комфортность» в сравниваемых группах до и после изоляции не выявлено. Примечательно, что обследуемые первой группы на этапе до изоляции демонстрировали значимо высокую напряженность относительно студентов второй группы ($U = 14,5$, $p = 0,001$). После изоляции наблюдалось противоположное реагирование в сравниваемых группах: в первой группе — у имеющих высокую напряженность до изоляции, после нее отмечалось значимое снижение ($Z = -3,081$, $p = 0,002$); во второй — наоборот ($Z = -3,333$, $p = 0,001$). Научный интерес вызывают результаты сравнительного анализа данных анкеты, раскрывающей спектр переживаний обследованных во время пребывания в изоляционной камере. Так, значимо чаще студенты второй группы ощущали «необъяснимую тревогу» ($\varphi = 1,665$, $p < 0,05$); значимо чаще студенты первой группы описывали переживание «чувства ограничения свободы» ($\varphi = 1,693$, $p < 0,05$). Однако следует отметить и неспецифические переживания, и ощущения, описываемые после изоляции обследуемыми обеих групп. Условия изоляции влияют на восприятие временных отрезков. На вопрос анкеты «Отмечаю ощущение того, что время пребывания...» 8 и 10 студентов первой и второй групп соответственно ответили: «...было менее пяти минут». Половина испытуемых обеих групп отмечали «появление различных образов»; у 10 из 12 испытуемых во время пребывания в камере «в голове появлялись различные мысли». К окончанию времени пребывания в камере почти половина испытуемых отметили улучшение самочувствия.

Заключение

Анализ полученных результатов позволяют констатировать «реципрокный» механизм, реализуемый у испытуемых с различным уровнем напряженности в условиях кратковременной сенсомоторной депривации. Испытуемые, демонстрирующие после изоляции относительно повышенную напряженность, чаще переживали тревогу, тогда как студенты с низкой напряженностью ощущали некое «ограничение свободы». При этом, независимо от принадлежности к той или иной группе, условия экспериментальной сенсомоторной депривации часто инициируют когнитивную активность, выраженную в появлении сторонних «образов и мыслей». Также отмечается искажение внутренних биоритмов, выраженное в ускоренном восприятии времени изоляции. Подобный эффект достаточно изучен

и представлен закономерным вследствие развития утомления, тревожности (Ракшина, Подшивалова, 2013).

Перспективой в развитии данного направления настоящего исследования является многомерный анализ данных психофизиологического, физиологического тестирования обследуемых в условиях кратковременной сенсомоторной депривации.

Литература

Байгузжин П. А., Шибкова Д. З., Кудряшов А. А., Байгузжина О. В. Реактивность вегетативной нервной системы перципиентов в условиях воздействия невербальной информацией // Человек. Спорт. Медицина. 2019. Т. 19. № S1. С. 83–93.

Лебедева С. А., Швед Д. М. Изучение когнитивной работоспособности и психофизиологического состояния человека-оператора в условиях изоляции // Медицина труда и промышленная экология. 2022. Т. 62. № 4. С. 225–231.

Ракшина Н. С., Подшивалова С. В. Особенности восприятия времени у студентов-первокурсников с различным уровнем личностной тревожности // Экологический мониторинг и биоразнообразие. 2013. № 1. С. 97–99.

Саминжонова З. И. Семантический анализ одиночества в социальной психологии // Актуальные исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, СПб., 09 апреля 2022 г. / Отв. ред. Е. А. Денисова. СПб.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина, 2022. С. 35–38.

Dubey S., Biswas P., Ghosh R. et al. Psychosocial impact of COVID-19 // Diabetology and Metabolic Syndrome. 2020. V. 14 (5). P. 779–788.

Дифференциально-типологический подход к оценке регуляторных и личностных ресурсов субъективного благополучия современной молодежи*

Т. Н. Банщикова (СКФУ, Ставрополь)

Актуализируется проблема субъективного благополучия современной молодежи. Цель исследования состояла в рассмотрении дифференциальных аспектов взаимосвязи субъективного благополучия, осознанной саморегуляции и толерантности к неопределенности, в выделении типологических групп по особенностям данной взаимосвязи. Выборку составили молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет (средний возраст – $20,7 \pm 3,5$, $N = 1435$). Кластерный анализ позволил выявить группы молодых людей, характеризующихся различным уровнем субъективного благополучия, осознанной саморегуляции и толерантности к неопределенности. Проведен сравнительный анализ выделенных групп. Установлено, что молодые люди с высокими показателями благополучия характеризуются более высокими значениями регуляторной настойчивости.

Ключевые слова: субъективное благополучие, осознанная саморегуляция, толерантность к неопределенности, молодые люди, дифференциальный подход.

В кризисных социально-политических, экономических и экологических условиях вопросы поиска ресурсов человека, позволяющих успешно справляться с новыми задачами в изменяющихся условиях жизнедеятельности, все чаще обращаются к проблеме ресурсов благополучия (Рассказова и др., 2020; Торкаченко, 2022; Фомина и др., 2022). Установлено, что значимыми факторами, влияющими на устойчивость субъективного благополучия, выступают регуляторные особенности субъекта, его установки на восприятие ситуаций неопределенности (Банщикова и др., 2022; Кондратюк, Моросанова, 2021).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-00975.

Ранее нами были выявлены и описаны структурные модели особенностей взаимосвязи осознанной саморегуляции, толерантности/интолерантности к неопределенности, уровней стресса и субъективного благополучия, которые выступают существенным основанием для понимания психологических механизмов обеспечения субъективного благополучия в условиях переживания стресса неопределенности (Банщикова и др., 2022). Существенным результатом проведенного исследования являются полученные данные о непосредственном вкладе и медиаторной роли осознанной саморегуляции, толерантности/интолерантности к неопределенности в достижении и поддержании субъективного благополучия в условиях стресса. Построенные модели взаимосвязи данных показателей недостаточно практичны и ограничивают возможность прогнозирования поведения молодого человека в достижении, поддержании своего благополучия. Такую задачу невозможно решить без исследования индивидуально-типологических особенностей проявления выявленных общих закономерностей.

Цель исследования – рассмотрение дифференциальных аспектов взаимосвязи субъективного благополучия, осознанной саморегуляции и толерантности к неопределенности, выделение типологических групп по особенностям данной взаимосвязи.

Выборка. Выборку составили 1435 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет (средний возраст – $20,7 \pm 3,5$). Все респонденты являются жителями различных регионов России, в том числе Карачаево-Черкесской Республики (305, 33,4% мужчин), Кабардино-Балкарской Республики (302, 51,3% мужчин), Республики Северной Осетии-Алании (204, 11,8% мужчин), Ставропольского края (391, 44,8% мужчин), Москвы и Московской области (233, 44,6% мужчин).

Методы и методики. В диагностический комплекс вошли: методика диагностики субъективного благополучия личности Р. М. Шамионов, Т. В. Бесковой; опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения, ССПМ 2020»; шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера, Т. В. Корниловой, М. А. Чумаковой.

Проверка надежности шкал всех методик с использованием коэффициента α Кронбаха показала, что все шкалы имеют приемлемые показатели внутренней согласованности (от 0,72 до 0,96).

Математико-статистическая обработка данных включала в себя: предварительную обработку количественных данных в виде нормирования (стандартизации) исходных значений при помощи z-пре-

образования $z = (x - \bar{x})/SD$; кластерный анализ методом k -средних, также оценивалась значимость различий между кластерными средними по каждой из исходных переменных при помощи ANOVA.

Результаты и их обсуждение

В результате кластеризации смешанной выборки из 1435 респондентов было выделено 7 групп статистически значимо различающихся по всем диагностируемым параметрам. Все 7 типов условно были разделены на субъективно благополучные и субъективно неблагоприятные.

Кластер субъективно неблагоприятных включал 3 группы: статические, консервативные, пассивные. Кластер субъективно благополучных включал 4 группы: нормативные, адаптивные, управляющие неопределенностью, гармоничные.

Кластер «Субъективно неблагоприятные» характеризуется отрицательными значениями субъективного благополучия по всем показателям: эмоциональное благополучие ($m = -0,96$); экзистенциально-деятельностное благополучие ($m = -0,98$); эго благополучие ($m = -0,86$); гедонистическое благополучие ($m = -0,73$); социально-нормативное благополучие ($m = -0,96$).

Статический тип. Группа с самыми низкими показателями субъективного благополучия. Представители данной группы отличаются пассивной реакцией на происходящее (низкие показатели толерантности ($m = -1,26$) и интолерантности ($m = -1,17$) к неопределенности). Пассивная реакция подтверждается низкими значениями регуляторной гибкости ($m = -0,94$), низкой способностью программировать свою активность ($m = -1,05$), низкой настойчивостью ($m = -1,26$). Ресурсом поддержания своего состояния выступает высокий уровень регуляторной надежности. Надежность нивелирует развитие стрессовых состояний. Молодым людям данного типа для поддержания своего благополучия достаточно понять поставленную задачу (моделирование) в общих чертах, оценить возможность ее выполнения (оценка результатов) и действовать.

Консервативный тип. Характеризуя данную типологическую группу, в первую очередь следует говорить о самых низких значениях показателей саморегуляции. Вместе с тем следует отметить, что установки на толерантности/интолерантности к неопределенности имеют значения выше среднего. Наблюдается дисбаланс между регулятор-

но-личностными свойствами и требованиями, которые данный тип предъявляет к обществу. Этот эмпирический факт представляется нам довольно неожиданным: чем легче относятся респонденты к неопределенным ситуациям, тем менее выражены их потребности строить планы на будущее, быть устойчивыми в их достижении, учитывать полученные результаты. Возможно, имеется шаблон, образец, готовый алгоритм решения той или иной задачи (ИТН – $m = 0,29$) и ресурсам саморегулирования не придается значение.

Пассивный тип. Профиль представителей данной группы является наиболее распространенным (320 чел.). Выраженность всех факторов находится на среднем уровне, ниже среднего показатели регуляторного процесса «программирование» ($m = -0,43$) и регуляторно-личностной настойчивости ($m = -0,52$). Данные респонденты не настроены на планирование своей деятельности, не проявляют настойчивости в достижении поставленных целей. Они относительно удовлетворены собой (эго благополучие $m = -0,04$), удовлетворены приемлемыми жилищными условиями, имеющимся доходом (гедонистическое благополучие – $m = 0,00$), и их это устраивает. Они не планируют что-то менять в своей жизни.

Кластер «Субъективно благополучные» характеризуется положительными значениями показателей субъективного благополучия: эмоциональное благополучие ($m = 0,60$); экзистенциально-деятельностное благополучие ($m = 0,61$); эго благополучие ($m = 0,55$); гедонистическое благополучие ($m = 0,43$); социально-нормативное благополучие ($m = 0,57$).

Нормативный тип. Профиль представителей данного кластера занимает второе место в рейтинге распространенности среди испытуемых. Это группа характеризуется средними значениями толерантности/интолерантности к неопределенности и неоднозначными показателями осознанной саморегуляции. Отмечаются выраженные значения регуляторных функций планирования, программирования, оценка результатов деятельностью и регуляторной настойчивостью, а также средними значениями экзистенциально-деятельностный и социально-нормативный компонентами благополучия ($m = 0,22$ и $m = 0,34$, соответственно), которые отражают нормативно-ценностные и смысловые представления о «благополучии», смысловую определенность жизни, соответствие жизни социальным нормам, нравственным ценностям. Их девиз – все необходимо планировать и жить по социально установленным нормам.

Адаптивный тип. Регуляторно-личностный профиль испытуемых данного типа характеризуется высокими показателями способности к моделированию внешних и внутренних условий достижения цели ($m=0,99$), регуляторной гибкостью ($m=0,80$) и надежностью ($m=0,80$), в сочетании с относительно выраженным упорством в достижении поставленной цели – настойчивостью ($m=0,47$). Представители данной группы отличаются средними значениями готовности искать способы решения проблемы, несмотря на неопределенность (ТН/ИТН). Ресурсом благополучия выступает тактика приспособления, адаптации к ситуации.

Управляющие неопределенностью. У представителей данного типа самые высокие показатели толерантности и интолерантности к неопределенности ($m=0,70$ и $m=0,72$, соответственно). Регуляторно-личностный профиль данной группы находится на уровне ниже среднего. Для достижения субъективного благополучия низкий уровень саморегуляции компенсируется высокими, в сравнении со всеми другими группами показателями готовности справиться с неопределенностью.

Гармоничный тип. Высокий уровень саморегуляции позволяет представителям данной группы достигать высоких показателей субъективного благополучия без избыточной декларации своей социальной позиции (средний уровень толерантности и интолерантности к неопределенности). Регуляторный профиль данного кластера испытуемых наиболее гармоничен в сравнении с другими выделенными типами.

Заключение

Субъективное благополучие человека стоит понимать как эмоционально-оценочное отношение человека к своей жизни, личности, взаимоотношениям с другими и процессам, имеющим важное для него значение с точки зрения усвоенных нормативно-ценностных представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде, оно выражается в удовлетворенности ею, ощущении счастья (Р. М. Шамионов). Дифференциальный подход имеет существенное значение для практики, его несомненное преимущество раскрывается при создании прогностических моделей благополучности. В результате проведенного кластерного анализа, методом k -средних, было выявлено 7 групп, различающихся выраженностью уровня субъективного благополу-

чия. Были описаны индивидуально-психологические особенности выделенных типологических групп. Установлено, что в основе проявления типологических особенностей субъектного благополучия лежат, с одной стороны, определенные структурно-функциональные особенности осознанной саморегуляции, а с другой – сформированность установки на толерантность к неопределенности. Показано, что высокий уровень осознанной саморегуляции, упорство и решительность в достижении поставленной цели деятельности (настойчивость) в психологически напряженных условиях жизнедеятельности выступают значимыми факторами субъективного благополучия, препятствуя и/или нивелируя развитие неблагоприятных состояний.

Литература

- Банщикова Т. Н., Соколовский М. Л., Коростелева Т. В.* Саморегуляция и толерантность к неопределенности как ресурсы субъективного благополучия современной молодежи: межкультурный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. 2022. Сер. «Психология и педагогика». № 19 (4). С. 717–743. doi: 10.22363/2313-1683-2022-19-4-717-743
- Кондратюк Н. Г., Моросанова В. И.* Надежность саморегуляции как ресурс психологической безопасности личности в условиях стресса и неопределенности: Материалы конференции «Психология саморегуляции в актуальных задачах образования». 2021. С. 156–161. doi: 10.24412/cl-36466-2021-1-156-161
- Рассказова Е. И., Леонтьев Д. А., Лебедева А. А.* Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и преодоление // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 90–108. doi: 10.17759/cpp.2020280205
- Торкаченко Ю. В.* Жизнеспособность как личностный ресурс здоровья и психологического благополучия педагогов // Психолого-педагогический поиск. 2021. № 4 (60). С. 217–229. doi: 10.37724/rsu.2021.60.4.020
- Фомина Т. Г., Филиппова Е. В., Жемерикина Ю. И.* Регуляторно-личностные ресурсы психологического благополучия и успеваемости младших школьников: Дифференциально-психологический аспект // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14. № 2. С. 32–47. doi: 10.17759/psyedu.2022140203

Феномен прокрастинации в контексте регуляции поведения у студентов на разных этапах обучения*

И. И. Ветрова (ИП РАН, Москва)

Цель исследования заключается в сопоставлении особенностей регуляции поведения и академической прокрастинацией у студентов на разных этапах получения высшего образования. Гипотезой исследования выступило предположение, что студенты, обучающиеся на ступенях, следующих за первым высшим образованием (магистратура, аспирантура, второе высшее образование) будут обладать более развитым контролем поведения и будут менее подвержены прокрастинации. Выборка составила 168 чел. (139 женщин и 29 мужчин): 84 респондента, получающие первое высшее образование (первый бакалавриат,), 84 респондента, продолжающих свое обучение. Использовались методики: опросник «Контроль поведения» Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленской, И. И. Ветровой и «Шкала оценки академической прокрастинации PASS» Л. Соломона и Э. Ротблума в адаптации М. В. Зверевой. В результате было выявлено, что различия между студентами на разных ступенях высшего образования получены не только по степени выраженности контроля поведения и академической прокрастинации, но и на уровне структуры связей между этими конструктами. Таким образом, контроль поведения и академическую прокрастинацию можно описать как систему регуляторных процессов в образовательном пространстве, имеющую свою специфику на разных этапах получения высшего образования.

Ключевые слова: регуляция поведения, контроль поведения, прокрастинация, высшее образование, магистратура, аспирантура.

Прокрастинация (*лат.* pro – вместо, crastinus – завтрашний) – паттерн поведения, при котором индивид не просто не выполняет задачи, а постоянно откладывает их на потом. Ярче всего прокрастинирующее поведение проявляется в студенческой среде. При этом прокрастинация является сложным феноменом, который необходимо рас-

* Исследование выполнено в соответствии с Госзаданием Минобрнауки РФ № 0138-2023-0005.

сма­тривать как систему, включающую в себя множество компонентов. И. Н. Кормачевой предложен системный подход к устройству феномена прокрастинации, где внутренний план прокрастинации включает в себя мотивационный, эмоциональный и волевой компоненты. Также в соавторстве с Н. М. Клепиковой И. Н. Кормачева выделяет когнитивный компонент прокрастинации, который заключается в способности осознавать и понимать негативные последствия от­кладывания дел на более поздний срок (Кормачева, Клепикова, 2019).

Дж. Феррари предположил, что прокрастинацию можно рассма­тривать как сбой в процессе саморегуляции, при котором прокрасти­наторы не могут регулировать свою деятельность в ситуациях стресса и высокой когнитивной нагрузки (Ferrari, 2011). К. Уолтерс исследовал связь прокрастинации с саморегулируемым обучением и обнаружил, что метакогнитивная саморегуляция была вторым по значимости пре­диктором прокрастинации после убеждений в академической само­эффективности (Wolters, 2003). Таким образом, существует множество доказательств того, что более низкий уровень саморегуляции пове­дения связан с более высоким уровнем прокрастинации и что само­регуляция является одним из ключей к пониманию прокрастинации.

Однако в этих исследованиях саморегуляция рассма­тривается единым обобщающим фактором, в то время как подход к регуля­тивной функции субъекта в виде контроля поведения позволит рас­крыть особенности соотношения регулятивных процессов на более глубоко­м уровне (Сергиенко, 2018).

Понятие контроля поведения сформировано с опорой на ряд тео­ретических положений: единство и неразрывность когнитивных, эмо­циональных и исполнительных (действий) компонентов психической организации; именно субъект как носитель психического реализует взаимодействие данных компонентов; сам субъект всегда индивиду­ален — организация трех компонентов контроля поведения у каждого человека будет обладать своей спецификой (Сергиенко и др., 2023). Та­ким образом, контроль поведения рассма­тривается как единая систе­ма, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индиви­дуальный паттерн саморегуляции.

Мы предполагаем, что призма контроля поведения позволит бо­лее эффективно изучать взаимосвязь саморегуляции с академической прокрастинацией за счет структуры, включающей важные компонен­

ты для понимания прокрастинирующего поведения: когнитивный, эмоциональный и волевой. Также для выявления значимых различий выбраны студенты разных этапов высшего образования: студенты, получающие первое высшее образование (и не всегда полностью осознанно выбирающие не только направление обучения, но и сам факт необходимости этого высшего образования), и обучающиеся на последующих ступенях образования (магистратура, аспирантура, второе высшее образование — сюда приходит учиться значительно меньшее количество людей, с определенным профессиональным и академическим опытом, выбирающее продолжать обучение на основе уже собственных внутренних мотивов).

Целью исследования стало изучение особенностей регуляции поведения и академической прокрастинации у студентов на разных этапах получения высшего образования.

В исследовании приняли участие 168 чел. в возрасте 18–62 года (средний возраст — 29 лет), все на данный момент являются учащими-ся высших учебных заведений. Среди них 139 женщин (82,7% от общей выборки) и 29 мужчин (17,3% от общей выборки).

В группу 1 вошли 84 чел., получающие первое высшее образование (первый бакалавриат). Минимальный возраст группы составил 18 лет, а максимальный — 35 лет, средний возраст — 21 год.

В группу 2 вошли 84 чел. — респонденты, продолжающие свое обучение после получения степени бакалавра (магистратура, аспирантура, второе высшее и т. д.). Минимальный возраст группы составил 21 год, а максимальный — 62 года, средний возраст — 36 лет.

Были использованы следующие методики:

- 1) опросник «Контроль поведения» Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленской, И. И. Ветровой (2023);
- 2) «Шкала оценки академической прокрастинации PASS» Л. Соломона и Э. Ротблюма в адаптации М. В. Зверевой.

Для оценки различий в уровне выраженности показателей использовался критерий Манна–Уитни. Для проверки гипотезы о наличии взаимосвязи между шкалами методик был проведен корреляционный анализ с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Между группой 1 и группой 2 были выявлены различия как по общему уровню контролю поведения, так и по его отдельным компо-

нентам: когнитивному и волевому контролю. Люди, продолжавшие свое обучение, имеют более высокие показатели по данным шкалам, в сравнении с получающими первое высшее ($U = 3,16$, $p = 0,001$; $U = -2,48$, $p = 0,012$; $U = -3,18$, $p = 0,001$, соответственно). Не было обнаружено различий по эмоциональному контролю.

При детальном рассмотрении количества людей, которые имеют низкий, средний или высокий уровень общего контроля поведения, нами было обнаружено, что в группе 1 у 31 респондента (37% от всей группы) низкий уровень контроля поведения и всего у 8 чел. высокий уровень контроль поведения, в то время как среди респондентов группы 2 низкий контроль поведения только у 9 чел. (10% от группы), а высокий – у 11 респондентов. Остальные респонденты внутри каждой группы имеют средний уровень контроля поведения, благодаря чему особенно выделяется количество человек с низким уровнем контроля среди получающих первое высшее образование.

Среди причин прокрастинирующего поведения, в которые входят «социальная тревожность», «лень», «плохой перфекционизм» и «вызов», различия между группами есть только по последним двум: респонденты группы 1 имеют более высокий уровень показателей по шкале «плохой перфекционизм» ($U = -3,97$, $p = 0,000$) и по шкале «вызов» ($U = -3,15$, $p = 0,001$), чем респонденты группы 2.

Если среди причин были те, что не имели различий, то результаты сравнения личностных характеристик «прокрастинаторов» показали значимые различия по всем характеристикам. Респонденты группы 1 имеют более высокие показатели шкалы организованности ($U = 3,5$, $p = 0,001$) и шкалы импульсивности ($U = 2,44$, $p = 0,014$), в то время как респонденты группы 2 имеют более высокие показатели по шкале избегания неудач ($U = -6,97$, $p = 0,000$) и шкалы самоконтроля ($U = -7,56$, $p = 0,000$).

Несмотря на то, что между группами есть различия в причинах прокрастинации и личностных характеристиках «прокрастинатора», частота прокрастинации не имеет различий. Это может указывать на то, что студенты на разных этапах получения высшего образования одинаково часто «прокрастинируют».

В результате корреляционного анализа было выявлено, что существуют прочные взаимосвязи дефицитов регуляции поведения и проявлений прокрастинации вне зависимости от уровня получаемого образования: общий уровень контроля поведения имеет обратные связи с причинами прокрастинации: социальная тревож-

ность ($r = -0,35$, $p < 0,05$ для группы 1 и $r = -0,32$, $p < 0,05$ для группы 2), лень ($r = -0,46$, $p < 0,05$ для группы 1 и $r = -0,35$, $p < 0,05$ для группы 2), плохой перфекционизм ($r = -0,36$, $p < 0,05$ для группы 1 и $r = -0,23$, $p < 0,05$ для группы 2) и вызов ($r = -0,21$, $p < 0,05$ для группы 1 и $r = -0,27$, $p < 0,05$ для группы 2). Также отдельно когнитивный контроль обратно связан с ленью ($r = -0,25$, $p < 0,05$ для группы 1 и $r = -0,21$, $p < 0,05$ для группы 2), эмоциональный контроль обратно связан с социальной тревожностью ($r = -0,28$, $p < 0,05$ для группы 1 и $r = -0,28$, $p < 0,05$ для группы 2), волевой контроль обратно связан с социальной тревожностью ($r = -0,36$, $p < 0,05$ для группы 1 и $r = -0,35$, $p < 0,05$ для группы 2), ленью ($r = -0,54$, $p < 0,05$ для группы 1 и $r = -0,36$, $p < 0,05$ для группы 2) и вызовом ($r = -0,25$, $p < 0,05$ для группы 1 и $r = -0,25$, $p < 0,05$ для группы 2). То есть можно отметить наибольший вклад дефицита волевого контроля в реализацию прокрастинации.

Помимо универсальных связей контроля поведения и прокрастинации, были выявлены специфические связи, характерные только для одного из изучаемых этапов получения высшего образования. Более того, показатели личностных характеристик прокрастинации организованности и импульсивности кардинально отличаются у респондентов группы 1 и группы 2 в области связей с регуляцией поведения. У респондентов, получающих первое высшее образование, организованность имеет обратную связь с уровнем общего контроля поведения, в то время как у студентов, продолжающих свое обучение, организованность имеет прямую связь с общим уровнем контроля поведения ($r = -0,32$, $p < 0,05$ для группы 1 и $r = 0,31$, $p < 0,05$ для группы 2). Можно предположить, что на более раннем этапе получения высшего образования организованность выступает как компенсаторная стратегия поведения, связанная с недостаточным уровнем регуляции поведения и повышенным уровнем тревожности. У более взрослых респондентов, получающих последующее высшее образование, организованность теряет связи с тревожностью и становится релевантным контролем поведения регуляторным механизмом.

Также импульсивность у студентов, получающих первое высшее образование, напрямую связана с когнитивным контролем ($r = 0,33$, $p < 0,05$), что можно объяснить определенным ощущением когнитивной контролируемости своего поведения, приводящим к спонтанным решениям, ведущим к прокрастинации ввиду не совсем верного выбора целей. Студенты, продолжающие свое обучение после получения первого высшего образования, демонстрируют обратную связь

импульсивности с когнитивным контролем ($r = -0,34$, $p < 0,05$). Вероятно, профессиональное развитие и расширение жизненного опыта приводят к более верной постановке целей и исключению импульсивных решений на уровне когнитивной регуляции.

Обобщая все полученные результаты, можно сделать вывод, что прокрастинация связана преимущественно с дефицитами регуляции поведения. И при отсутствии различий по частоте прокрастинации у студентов разных этапов образования можно выявить специфику соотношения показателей регуляции поведения и прокрастинации. Тем не менее, нельзя точно утверждать, что данные различия обеспечиваются именно различиями в образовании, а не возрастными различиями. Уточняющему анализу этого факта будет посвящена следующая работа.

Литература

- Кормачева И. Н., Клепикова Н. М.* Прокрастинация: феномен и научная проблема // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 18–29.
- Сергиенко Е. А.* Контроль поведения как основа саморегуляции // Южнороссийский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 4. С. 130–146. doi: 10.31429/26190567-19-4-130-146
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ветрова И. И.* Новый метод оценки психической регуляции – опросник «Контроль поведения» // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 1. С. 182–200. doi: 10.17759/exppsy.2023160111
- Ferrari J. R.* Procrastination as self-regulation failure of performance: effects of cognitive load, self-awareness and time limits on 'working best under pressure' // European Journal of Personality. 2001. V. 15 (5). P. 391–406.
- Wolters C. A.* Understanding procrastination from a self-regulated learning perspective // Journal of Educational Psychology. 2003. V. 95 (1). P. 179–187.

Контроль поведения и социальная компетентность у мальчиков и девочек младшего школьного возраста*

Г. А. Виленская (ИП РАН, Москва)

Социальная компетентность ребенка играет важную роль в его благополучии и успешной адаптации в школе. Саморегуляция является важным компонентом социальной компетентности. Изучались контроль поведения как психологический уровень саморегуляции (опросник BRIEF) и социальная компетентность, оцененная учителями (разработанная анкета) и одноклассниками (социометрия). В исследовании участвовали 74 ученика 3–4 классов, 34 девочки, средний возраст – 10 лет 1 мес. Низкие оценки рабочей памяти связаны с агрессивностью у мальчиков и с подверженностью влиянию – у девочек. Эмоциональный контроль играет противоположную роль в социальной компетентности в зависимости от пола: среди предпочитаемых детей мальчики с высоким эмоциональным контролем и девочки – с низким, что может отражать гендерные стереотипы.

Ключевые слова: контроль поведения, социальная компетентность, гендерные различия, младшие школьники, саморегуляция.

Социальная компетентность вносит значительный вклад в успешную адаптацию, эффективность и психологическое благополучие человека. Содержание термина «социальная компетентность» довольно вариативно, но чаще всего она определяется как способность успешно взаимодействовать с другими людьми. Важность социальных отношений для развития человека подчеркивал еще А. В. Брушлинский, говоря, что «субъект-субъектные отношения являются ведущими, поскольку для человека самое главное – это другой человек, другие люди» (Брушлинский, 2003). Школьный возраст предъявляет серьезные требования к формированию социальной компетентности, академическая успешность ребенка и его психологическое благополучие в школьный период во многом зависят от того, насколько

* Исследование выполнено в соответствии с Госзаданием Минобрнауки РФ № 0138-2023-0005.

успешно он может осуществлять социальное взаимодействие с учителями и одноклассниками. Это делает исследования развития социальной компетентности в школьном возрасте высокоактуальными, особенно учитывая явный перевес работ, посвященных формированию социальной компетентности или описывающих, какой она должна быть, над работами, изучающими ее актуальное состояние.

В качестве необходимого условия реализации социальной компетентности часто называют способность управлять своим поведением, регулировать эмоции, планировать взаимодействие, воспринимать и оценивать обратную связь о своем поведении, т. е. регуляторные способности.

Саморегуляция рассматривается нами в рамках системно-субъектного подхода как контроль поведения – психологический уровень саморегуляции, опирающийся на ресурсы индивидуальности (Сергиенко, Виленская, 2018). Однако такое понимание контроля поведения предполагает и изучение его индивидуального своеобразия, и в настоящей работе мы исследовали половые различия в контроле поведения и взаимосвязях его с социальной компетентностью.

Выбранный нами возрастной диапазон – 3–4 классы средней школы, предпубертативный возраст – характеризуется постепенным снижением значимости для детей мнения взрослых и возрастанием ориентации на мнение сверстников, притом что мнение взрослого все еще сохраняет свою значимость. Поэтому для оценки социальной компетентности были использованы как оценки учителей, так и оценки одноклассников.

Литературные данные говорят о том, что развитие социальных навыков и проблемное поведение различаются в зависимости от пола уже с раннего возраста. Девочки, как правило, превосходят мальчиков в социальных навыках и успеваемости, у мальчиков чаще встречается проблемное поведение. При этом учителя и родители оценивают мальчиков выше, чем девочек, по количеству экстернальных проблем поведения и гиперактивности, но гендерные различия по интернализированным проблемам отсутствуют (Ogden et al., 2023).

О гендерных особенностях саморегуляции младших школьников известно относительно мало. Есть данные, что в дошкольный и младший школьный период саморегуляция девочек несколько выше, чем мальчиков, однако в более старшем возрасте эти различия становятся невелики. Существование гендерных особенностей развития саморегуляции показано в работах Фоминой и Моросановой,

где обнаружено, что девочки превосходят мальчиков по планированию, моделированию и оценке результата (Фомина, Моросанова, 2019).

Исходя из литературных данных, мы предположили, что: а) девочки будут иметь лучшие показатели контроля поведения; б) девочки получают более высокие оценки учителей по характеристикам просоциальности и саморегуляции, у мальчиков будут выше оценки проблемного поведения; в) социометрические показатели и оценки учителей будут связаны с показателями контроля поведения детей и будут более высокими у детей с более высоким уровнем контроля поведения.

Выборка и методы

В исследовании участвовали 74 ученика 3–4 классов одной из подмосковных школ, 34 девочки, возраст – 108–165 мес. ($M = 121$ мес., $SD = 9,65$).

Родители школьников подписывали индивидуальное информированное согласие на участие своего ребенка в исследовании.

Для оценки контроля поведения использовался опросник BRIEF (Brief rating inventory of executive functions) (адаптация Горина, Ахутина, 2019). Он включает 8 шкал, оценивающих различные стороны регуляции, как когнитивной, так и эмоциональной, и отчасти волевой, поэтому мы сочли возможным использовать ее для оценки контроля поведения детей младшего школьного возраста. Более высокий балл в опроснике означает более низкий уровень регуляции.

Социальная компетентность подростков оценивалась с помощью анкеты для учителя, включавшей вопросы о социальном поведении ребенка – негативных его аспектах (как часто ребенок ведет себя агрессивно, обманывает, оказывается объектом насмешек, насколько поддается влиянию) и позитивных (как часто ребенок помогает другим или к нему обращаются за помощью, насколько легко ребенку убедить сверстников в чем-то, насколько он популярен среди сверстников). Оценка производилась по шкале от 1 до 10, где 1 балл соответствовал минимальной степени выраженности изучаемого параметра, а 10 – максимальной. Анкета была разработана совместно с Е. И. Лебедевой и А. Ю. Улановой.

Для оценки популярности в кругу сверстников использовались социометрический метод, детям задавали вопросы о том, кого они хотели бы/не хотели позвать на день рождения, кого позвали бы/не позвали в новую школу, если бы была возможность и прямой во-

прос о том, кто наиболее/наименее популярный в классе. Для каждого участника исследования подсчитывались социометрические статусы по общему количеству выборов.

Для оценки различий показателей применялся критерий Манна–Уитни для непараметрических выборок, для выявления взаимосвязей использовался коэффициент r Спирмена, для поиска предикторов применялась линейная регрессия (пакет статистических программ Statistica v. 6.0).

Результаты

При сравнении девочек и мальчиков по показателям контроля поведения было получено единственное различие по эмоциональному контролю, его показатели были хуже у девочек ($U = 904,5$, $p = 0,018$). Первая гипотеза не подтвердилась.

Вторая гипотеза подтвердилась частично, мальчики получили более высокие оценки выраженности проблемного поведения: они более агрессивны ($U = 864,5$, $p = 0,031$), чаще поддаются влиянию сверстников ($U = 806,5$, $p = 0,018$) и чаще становятся объектом насмешек с их стороны ($U = 845,5$, $p = 0,006$). Различий по выраженности «положительных» показателей выявлено не было.

Дополнительно мы сравнили социометрические оценки мальчиков и девочек и обнаружили различие только в одном показателе – девочек реже выбирают как самых непопулярных ($U = 501,0$, $p = 0,04$)

Далее были исследованы корреляционные связи между показателями контроля поведения мальчиков и девочек с одной стороны и оценками учителей и сверстников – с другой. Связи оказались довольно противоречивыми. Часть связей была ожидаемой: у девочек и у мальчиков учителя считали более агрессивными детей с худшей рабочей памятью ($r = -0,34$, $p = 0,02$, $r = 0,41$, $p = 0,03$), так же как более агрессивных учителя оценивали мальчиков с более низкими оценками по шкале контроля вещей ($r = -0,35$, $p = 0,02$). У девочек большинство показателей контроля поведения были связаны с учительскими оценками подверженности влиянию. Больше подвержены влиянию, по мнению учителей, девочки с низкими показателями контроля импульсивности ($r = 0,48$, $p = 0,01$), рабочей памяти ($r = 0,58$, $p = 0,001$) и планирования ($r = 0,38$, $p = 0,05$). Также учителя считают, что девочки с низким контролем импульсивности чаще подвергаются насмешкам ($r = 0,41$, $p = 0,04$).

Однако некоторые взаимосвязи были неожиданными. Так, мальчики с низким уровнем рабочей памяти и девочки с низким уровнем эмоционального контроля, по мнению учителей, чаще проявляют просоциальное поведение ($r=0,30$, $p=0,04$ и $r=0,42$, $p=0,03$, соответственно), а мальчики с низким уровнем инициативности более популярны ($r=0,30$, $p=0,04$).

Оценки сверстников также были противоречивы. По результатам социометрии среди мальчиков одноклассники предпочитают детей с более высокими показателями переключаемости (т. е. когнитивной гибкости) ($r=-0,45$, $p=0,003$) и эмоциональной регуляции ($r=-0,36$, $p=0,02$). В то же время среди отвергаемых мальчиков чаще оказываются дети с высокими показателями инициативности ($r=-0,54$, $p=0,0003$). Среди отвергаемых девочек чаще встречаются дети с низкими показателями контроля импульсивности ($r=0,51$, $p=0,002$). Однако среди предпочитаемых девочек чаще обнаруживаются дети с низким эмоциональным контролем ($r=0,38$, $p=0,02$) и с низкими показателями оценки обратной связи о своем поведении ($r=0,34$, $p=0,05$). Третья гипотеза также подтвердилась частично.

Обсуждение результатов

Полученные результаты отчасти соответствуют имеющимся данным. Практически не обнаружено различий в контроле поведения (по оценкам родителей) между мальчиками и девочками, единственное имеющееся различие в эмоциональном контроле не в пользу девочек. В то же время учителя, как и ожидалось, оценивают поведение мальчиков как более проблемное.

Высокий уровень контроля поведения не всегда связан с социальной успешностью, по оценкам учителей и сверстников. Одной из причин полученных результатов может быть то, что контроль поведения оценивался при помощи опросника для родителей, и восприятие родителями регуляторных способностей своих детей может отличаться от того, как эти способности воспринимаются и реализуются в школьной среде. Так, инициативность у мальчиков может восприниматься (и детьми, и учителями) как излишняя активность, а слабый эмоциональный контроль и невысокая способность оценить последствия своего поведения — как непосредственность и эмоциональная вовлеченность в происходящее. Выраженные эмоцио-

нальные реакции на то или иное событие родители могут оценивать как недостаточный контроль эмоций, а учителя — как предпосылку просоциального поведения. В то же время выявлены показатели контроля поведения, низкие значения которых свидетельствуют о сниженной социальной компетентности или, скорее, о сложностях ее реализации. Это, прежде всего, контроль импульсивности как для мальчиков, так и для девочек. Обнаружена также специфика в связях контроля поведения и социальной компетентности у мальчиков и девочек. Низкие оценки рабочей памяти, по мнению учителей, связаны с агрессивностью у мальчиков и с подверженностью влиянию — у девочек. Это отчасти согласуется с данными Мамоновой с соавторами об ориентации девочек на послушание, а мальчиков на активность и самостоятельность (Мамонова и др., 2016). Эмоциональный контроль играет противоположную роль в социальной компетентности в зависимости от пола: среди предпочитаемых сверстниками детей оказываются мальчики с высоким эмоциональным контролем и девочки — с низким, что может отражать гендерные стереотипы и ожидания относительно «типично мужского» и «типично женского» поведения.

Полученные результаты предполагают необходимость дальнейшего исследования роли контроля поведения в становлении социальной компетентности (возможно, с использованием других методов оценки, помимо опросников для родителей) и уточнения вклада отдельных составляющих контроля поведения в социальную компетентность с учетом ее специфики для мальчиков и девочек.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Мамонова Е. Б., Черемисова И. В., Суворова О. В.* Особенности проявления личностной саморегуляции мальчиков и девочек младшего школьного возраста // Вестник Мининского университета. 2016. № 3 (16). URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/248/249> (дата обращения: 01.07.2023).
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А.* Контроль поведения — интегративное понятие психической регуляции // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 343–378.

- Фомина Т. Г., Моросанова В. И.* Особенности взаимосвязи осознанной саморегуляции, субъективного благополучия и академической успеваемости у младших школьников // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 3. С. 164–175. doi: 10.17759/exppsy.2019120313
- Ogden T., Olseth A., Sørli M.-A., Hukkelberg S.* Teacher's assessment of gender differences in school performance, social skills and externalizing behavior from fourth through seventh grade // Journal of Education. 2023. V. 203 (1). P. 211–221.

Возможное Я: роль агентности в саморегуляции личности

М. М. Гришутина (НИУ ВШЭ, Москва),

В. Ю. Костенко (НИУ ВШЭ, Москва)

Рассматривается объяснительный потенциал конструкта «Возможное Я», являющегося компонентом Я-концепции, сквозь призму феномена агентности. Конструкт демонстрирует связь с мотивационной сферой личности, однако вопрос агентности долгое время отодвигался исследователями на второй план. Пространство потенциальной активности субъекта, возникающей в процессе формулирования личностью своего Возможного Я играет значительную роль в направлении поведения человека. В тексте представлены результаты литературного обзора, а также двух исследований, которые указывают на вероятное значение Возможного Я как инструмента саморегуляции.

Ключевые слова: возможное Я, агентность, саморегуляция, я-концепция, невозможное Я.

Феномены категории «возможного» в последние десять лет все чаще рассматриваются в рамках исследований психологов личности. В работе Д. А. Леонтьева постулируется важность изучения данных феноменов и уход от поиска только причинно-следственных связей для обогащения науки и поиска новых граней познания личности (Леонтьев, 2011).

Возможное Я представляет собой феномен, наиболее точно представляющий категорию возможного в поле личностных конструктов. Конструкт был представлен Хэйзел Маркус и Полой Ньюриус в статье 1986 г. и определяется как «направленный в сферу будущего и возможного конструкт, являющийся когнитивной репрезентацией страхов, желаний, надежд личности и выступающий мостом между самооценкой и мотивацией личности» (Markus, Nurius, 1986, p. 954). Согласно авторам, Возможное Я делится на два основных типа – желаемое и нежелаемое (или избегаемое). Виды Возможного Я формируются на основании опыта и достижений личности, а также оказывают значительное влияние на мотивационную сферу личности, направляя поведение человека (ibid.).

Связь Возможного Я и мотивации главным образом основывается на феномене агентности. Долгое время исследователи обращали внимание в основном на описательную роль конструкта, фокусируясь на качестве содержания возможностей, а также используя его как часть уже существующих моделей и теорий для повышения их соответствия данным. Однако Возможное Я обладает значительным объяснительным потенциалом благодаря феномену агентности. Мартин Эриксон подчеркивает это в своей работе, которую он посвятил рассмотрению некорректной интерпретации конструкта, а также уточнению функций Возможного Я (Erikson, 2007).

В процессе формулирования собственного Возможного Я человек как бы проживает возможность «изнутри», как агент, способный влиять на ее воплощение (Markus, Nurius, 1986). Кроме того, Дж. Брунер изучал Возможное Я как конструкт, обладающий нарративной структурой благодаря тому, что человек, представляя себе Возможное Я, создает историю, где он является главным героем. Функция создания нового контекста через деятельность является одной из ведущих: «...функция Возможного Я – предоставить оценочный и интерпретативный контекст для настоящего Я» (ibid., p. 962). Формулируя Возможное Я, человек может представлять себе, как достичь цели и переживает себя способным изменить результаты для реализации возможности. Создание персонального смысла, личной истории представляет собой важную черту Возможного Я, подтверждая связь между конструктом и Я (the Self) личности, которая переживается через феномен агентности. Игнорирование агентности «отгораживает» личность от ее возможностей.

Термин «агентность» (*англ.* agency) можно рассматривать как англоязычный аналог понятия «субъектность» (Леонтьев, 2010), которое представляет значимый интерес для классиков отечественной психологии (С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской и др.). Понятие агентности используется в теории Возможного Я, поэтому в исследованиях отечественных и западных исследователей Я-концепции упоминается именно оно.

В. В. Знаков отмечает, что актуальная субъектная позиция человека предполагает обращение к будущему, деятельностное преобразование прогнозируемых возможных событий. В свою очередь, агентность в теории Возможного Я – это способность действовать как автономный субъект, являющийся центральным элементом си-

туации, в которой он может принимать решения и творчески подходить к реализации поставленной цели (Markus, Nurius, 1986).

После выхода оригинальной статьи о Возможном Я стали появляться дополнения к теории в виде новых видов Возможных Я. Исследователи рассматривали в основном содержательную часть возможностей, игнорируя то, какую роль в воплощении разных видов Возможного Я личности играет агентность. В статье «Variety of Possible Selves: the role of agency and empirical evidence review» (2022) мы провели анализ видов Возможного Я и выдвинули уточненные определения, учитывая то, какую роль агентность играет в их создании. Обращение внимания на потенциал агентности позволяет более точно обозначить процессы, стоящие за разными видами Возможных Я (Grishutina, Kostenko, 2022).

Изучая роль Возможных Я в саморегуляции личности, в 2018 г. мы провели исследование, которое позволило обнаружить феномен Невозможного Я. Целью исследования было изучение связи конструктивных и неконструктивных форм рефлексии и Возможных Я. Мы предположили, что превалирование неконструктивных форм рефлексии (см.: Леонтьев, Осин, 2014) может создавать препятствия для достижения желаемых Возможных Я. В результате нам удалось обнаружить, что некоторые респонденты оценивали собственные желаемые Возможные Я как маловероятные к воплощению, а также оценивали самих себя как неспособных к реализации выбранной возможности. Полученные данные сопровождались показателями негативных характеристик, таких как высокий уровень нейротизма, самообвинения и негативного аффекта, а также выраженной руминацией, являющейся одним из типов неконструктивных рефлексивных процессов. Было выдвинуто предположение, что негативные показатели оказывают влияние на энергию агентности, манифестация которой способствует реализации желаемого Возможного Я. Поскольку исследования показывают, что уверенность в достижении своей возможности увеличивает вероятность ее реализации, негативная оценка своих способностей к реализации желаемой возможности, вероятно, ограничивает волю, подкрепляя переживания неспособности и неопределенности. В исследованиях выявлена связь руминации с депрессией, тревожностью и неспособностью принимать решения и преодолевать проблемы (Леонтьев, Осин, 2014; Nolen-Hoeksema et al., 2008). Это подтверждает наш вывод о том, что выраженность неконструктивной рефлексии вместе с упомянутым набором

характеристик сдерживает мотивационную энергию, не позволяя человеку действовать как независимый субъект в ситуациях принятия решений и деятельности для достижения своей желаемой возможности (Гришутина, Костенко, 2019). Таким образом, мы определили Невозможное Я как «манифестацию желаемого Возможного Я личности, подверженную влиянию нейротизма и руминации и связанную с высокими уровнями негативного аффекта и самообвинения» (Костенко, Гришутина, 2018, с. 16).

Выводом работы является тезис о том, что Возможное Я как инструмент саморегуляции личности продемонстрировало свою роль в формировании поведения человека через феномен агентности, который оказался связан с оценкой личностью своей способности воплотить Возможное Я, а также веры в потенциальную вероятность его воплощения.

Опираясь на эти данные, следующее исследование было направлено на исследование связи мотивационных аспектов личности (привлекая теорию самодетерминации Э. Диси и Р. Райана), характеристик личности и оценки респондентами своих желаемых возможностей. Нам удалось установить, что внутренне мотивированные на достижение индивиды ощущают себя намного более способными воплотить возможность, а также отмечают ее более высокую субъективную важность. В свою очередь, руминация увеличивает сомнения человека по поводу реализации желаемой возможности и ограничивает ресурсы, которые могут способствовать ее воплощению. Нацеленность на внешние ориентиры в пути к реализации желаемого Возможного Я, неконструктивные формы рефлексии в виде руминации и ухода в фантазирование связаны с переживанием трудностей на пути к желаемому. Подобный процесс также сопровождается низким уровнем способности соотноситься с ценностями, принимать решения и стремиться их достигнуть, а также ощущением неспособности реализовать возможность, воплощение которой и так видится крайне нереалистичным.

Для проведения исследования нами была создана Шкала Невозможности, направленная на диагностику субъективных препятствий, которые могут возникать на пути реализации человеком своей желаемой возможности. Благодаря ей удалось проследить сдерживаемую агентность в полученных результатах настоящего исследования.

Проведенные исследования подтверждают выделяемую М. Эриком значимость объяснительного потенциала Возможного Я.

При рассмотрении феномена агентности и его значения для поведения человека по достижению желаемого возникает вопрос о том, какую функцию конструкт может играть в рамках саморегуляции личности. Результаты исследований указывают на значительную роль Возможного Я в вероятности будущей реализации человеком того, что является для него важным и желаемым.

Принимая во внимание, что виды Возможного Я могут по-разному задействовать энергию агентности для влияния на воплощение человеком своих возможностей, можно предположить, что Возможное Я служит не только репрезентацией желаний, страхов и надежд личности, но, кроме того, может выступать инструментом саморегуляции. Так, исследуя феномен Невозможного Я можно наиболее точно заметить, насколько сдерживание агентности под воздействием негативно выраженных характеристик личности вероятно связано с формированием негативного отношения человека к своей желаемой возможности, в частности к переживаемой оценке способности реализовать ее в жизнь.

Проведенные эмпирические исследования и теоретический анализ позволяют выстроить перспективы будущих исследований в направлении изучения Возможного Я как инструмента саморегуляции личности. Остается значительное место для формирования надежного диагностического метода для исследования агентности личности, а также для дальнейшего исследования значения мотивационного потенциала Возможного Я для повышения уровня благополучия личности.

Литература

- Гришутина М. М., Костенко В. Ю.* Возможное и невозможное «Я»: уточнение конструктов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 268–279. doi: 10.21638/spbu16.2019.304
- Костенко В. Ю., Гришутина М. М.* Невозможное Я: предварительное исследование в контексте теории Хейзел Маркус // Пензенский психологический вестник. 2018. № 1 (10). С. 1–23. doi: 10.17689/psy-2018.1.8
- Erikson M. G.* The meaning of the future: toward a more specific definition of possible selves // Review of General Psychology. 2007. V. 11 (4). P. 348–358. doi: 10.1037/1089-2680.11.4

Grishutina M. M., Kostenko V. Yu. Variety of possible selves: the role of agency and empirical evidence review // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2022. V. 19 (2). P. 405–423. doi: 10.17323/1813-8918-2022-2-405-423

Markus H. R., Nurius P. Possible selves // American Psychologist. 1986. V. 41 (9). P. 954–969. doi: 10.1037/0003-066X.41.9.954

Индивидуальные траектории развития осознанной саморегуляции учебной деятельности в средней школе

Н. Г. Кондратюк (ФГБНУ «ПИ РАО», Москва),

А. М. Потанина (ФГБНУ «ПИ РАО», Москва),

Т. Г. Фомина (ФГБНУ «ПИ РАО», Москва),

В. И. Моросанова (ФГБНУ «ПИ РАО», Москва)

В статье представлены результаты лонгитюдного исследования осознанной саморегуляции учебной деятельности в средней школе с 6 по 9 класс включительно. Анализировались индивидуально-специфические траектории развития осознанной саморегуляции учебной деятельности для каждого школьника. Выборка составила 110 учащихся одной общеобразовательной школы. Все участники заполняли опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности – ССУД-М» на протяжении анализируемого периода обучения. Траектории развития осознанной саморегуляции учебной деятельности демонстрируют различный характер изменений в зависимости от начального уровня саморегуляции в 6 классе: показаны преимущества линейного и квадратичного тренда роста осознанной саморегуляции учащихся в средней школе.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, развитие, лонгитюд, средняя школа.

Развитие осознанной саморегуляции человека в онтогенезе является фундаментальной научной проблемой не только общей психологии и психологии развития, но и психологии труда, педагогической психологии, нейронаук, педагогики. Теоретически обосновано и эмпирически подтверждено, что осознанная саморегуляция является метаресурсом, обеспечивающим продуктивные аспекты достижения любой цели и опосредствующим влияние психологических ресурсов человека на решение разнообразных проблем жизнедеятельности (Моросанова, 2021).

Многие вопросы, связанные со стихийным и/или целенаправленным формированием осознанной саморегуляции в процессе психичес-

кого развития ребенка, ее предпосылок и закономерностей, несмотря на повышенный исследовательский интерес, до сих пор остаются открытыми. В научной литературе достаточно данных о случаях неудовлетворительного уровня развития осознанной саморегуляции даже в средней школе (Конопкин, 2011). Эмпирические исследования демонстрируют, что в период обучения в средней и старшей школе (5–11 классы) осознанная саморегуляция обучающихся в целом характеризуется нелинейной динамикой: возрастая к 6 классу, она резко снижается в подростковом возрасте (7–8 классы), и вновь возрастает уже к 10–11 классу (Моросанова и др., 2017; Morosanova et al., 2018). При этом индивидуально-типологический анализ, проведенный на кросс-секционных данных, показал, что, при соответствии выявленным общим закономерностям, в каждом периоде обучения наблюдается вариативность саморегуляции, возрастающая к старшим классам (Потанина, Моросанова, 2021). В этой связи особенно актуальным становится вопрос об исследовании индивидуально-специфических траекторий развития осознанной саморегуляции.

В данном исследовании ставилась задача проанализировать индивидуальные различия в изменении уровня развития осознанной саморегуляции учебной деятельности школьников с 6 по 9 класс включительно. На основе анализа литературы выдвинута гипотеза о преимуществе нелинейного характера тренда изменений осознанной саморегуляции.

В выборку исследования были включены ученики общеобразовательного учреждения г. Калуги. Анализировались данные респондентов, заполнявших с 6 по 9 класс предъявляемый им стимульный материал от трех (100%) до четырех раз (52,7%). Общая выборка исследования составила таким образом 110 чел.

Для диагностики индивидуальных особенностей осознанной саморегуляции учебной деятельности был использован опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности – ССУД-М» в версии 2017 г. (Моросанова, Бондаренко, 2017).

Анализ данных проводился с помощью метода моделирования латентных изменений (Latent Growth Curve Modeling, LGCM), реализованного в программном обеспечении JASP v. 0.17.2.1.

Для анализа был выбран показатель общего уровня осознанной саморегуляции учебной деятельности, который представляет собой сумму формирующих его компонентов и является, таким образом, фактором более высокого порядка. Общий уровень осознанной са-

морегуляции учебной деятельности является интегральным показателем, отражающим общее развитие способности к саморегуляции, проявляющейся в когнитивно-регуляторных компетенциях планирования цели, моделирования значимых условий ее достижения, программирования действия, оценивания результатов, а также личностно-регуляторных свойствах гибкости, надежности, инициативности и ответственности (Моросанова, 2021; Моросанова, Бондаренко, 2017). Этот показатель соотносим по аналогии с общим уровнем осознанной саморегуляции достижений целей безотносительно к специфике какой-либо деятельности, направленным на диагностику общего деятельностного потенциала человека, в данном случае — по отношению к учебной деятельности.

Анализировались тенденции линейного и квадратичного роста за 4 года. Для линейной и квадратичной кривых роста были смоделированы последовательные изменения общего уровня осознанной саморегуляции с коэффициентом начального уровня признака (*intercept*), коэффициентом линейного наклона (*linear slope*) и коэффициентом квадратичного наклона (*quadratic slope*).

Результаты анализа показали, что подобранная модель демонстрирует хорошие индексы соответствия ($CFI = 1$; $TLI = 1,005$; $RMSEA = 0$, $SRMR = 0,023$) при условии включения и линейного, и квадратичного тренда изменений. При включении только линейного тренда, индексы соответствия демонстрируют неудовлетворительные значения ($CFI = 0,85$; $TLI = 0,82$; $RMSEA = 0,274$; $SRMR = 0,094$). Кроме того, данные теста хи-квадрат свидетельствуют в пользу модели с кривой роста линейного и квадратичного тренда ($p = 0,347$), по сравнению с апостериальной (насыщенной моделью). При этом по тесту хи-квадрат модель только с трендом линейной кривой роста отклоняется в пользу насыщенной ($p < 0,001$). Таким образом, результаты подтверждают полученные ранее в эмпирических исследованиях факты о нелинейности траекторий развития осознанной саморегуляции.

Обнаружена статистически значимая разница между учащимися по степени развития осознанной саморегуляции на начальной точке (6 класс): коэффициент пересечения (*intercept*) — средний балл по показателю общего уровня осознанной саморегуляции у учащихся при первом измерении — 30,79 (при $p < 0,001$), дисперсия коэффициента пересечения равна 127,84 ($p < 0,001$).

Оценка среднего значения и дисперсии коэффициента линейного наклона (*linear slope*) — средней скорости линейного роста с течени-

ем времени – показала отсутствие значимого линейного тренда (1,21 при $p=0,275$). При этом индивидуальные различия в тренде линейного роста, согласно анализируемым данным, оказались статистически значимыми (дисперсия линейного тренда – 144,44 при $p<0,001$). То есть, хотя учащиеся не различаются скоростью линейного роста, они значимо различаются индивидуальными линейными траекториями. Ковариация между фактором пересечения и фактором линейного роста составила $-79,94$ ($p<0,001$), что свидетельствует о низкой скорости в изменении показателя осознанной саморегуляции у учащихся с более низким исходным уровнем саморегуляции.

Для коэффициентов квадратичного наклона (*quadratic slope*) были получены следующие результаты: среднее значение $-0,35$ ($p=0,291$), дисперсия 6,69 ($p<0,001$). Ковариация между фактором пересечения и фактором квадратичного роста равна 16,41 ($p<0,008$). Данный результат свидетельствует о том, что у учащихся, которые имели более высокий средний уровень осознанной саморегуляции в начале обучения в 6 классе, наблюдается более резкая нелинейная траектория ее изменения, в сравнении с учащимися с более низким начальным уровнем осознанной саморегуляции, у которых эта траектория, напротив, более плавная.

Подводя итог анализу индивидуальных траекторий развития осознанной саморегуляции с 6 по 9 класс, можно говорить, что учащиеся различаются как по начальным средним баллам, так и в траекториях роста с течением времени. Линии тренда развития осознанной саморегуляции связаны с изначальным уровнем развития ее у учащихся. Полученные результаты исследования частично подтверждают гипотезу о преимуществе нелинейного развития. Говорить о преимуществе линейного или нелинейного развития осознанной саморегуляции в средней школе можно исходя из двух выделившихся тенденций. Во-первых, низкую скорость линейного изменения показателей имели школьники с более низким исходным уровнем саморегуляции. Высокая скорость нелинейного изменения осознанной саморегуляции наблюдалась у учащихся с более высоким начальным уровнем развития осознанной саморегуляции. Предположительно, при изначальном низком уровне осознанной саморегуляции наблюдается постепенное ее изменение. При изначальном высоком уровне осознанной саморегуляции ее траектория от 6 к 9 классу характеризуется нелинейным характером изменений и может иметь «провалы» или, напротив, «пики» развития саморегуляции в тот или иной

отрезок обучения с 6 по 9 класс. Полученные данные ориентируют на разработку индивидуальных программ сопровождения учащихся по формированию у них навыков осознанной саморегуляции с учетом специфики (тренда) ее изменений во времени и в зависимости от уровня ее развития.

Литература

- Конопкин О. А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. Изд. 2-е. М.: Ленанд, 2011.
- Моросанова В. И.* Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2021. № 1. С. 4–37.
- Моросанова В. И., Фомина Т. Г., Ованесбекова М. Л.* Возрастная специфика взаимосвязи осознанной саморегуляции, академической мотивации и личностных особенностей учащихся // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 3. С. 34–45.
- Потанина А. М., Моросанова В. И.* Регуляторные и личностные ресурсы успешности школьного обучения: индивидуально-типологические аспекты // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 5. С. 65–75.
- Morosanova V., Bondarenko I., Fomina T., Burmistrova-Savenkova A.* Self-regulation, personality factors, academic motivation, math achievement in middle and senior school // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSBS. XLIII. 2018. P. 401–410. doi: 10.15405/epsbs. 2018.07.53.

Программа подготовки психолога как фактор развития саморегуляции личности

А. П. Корчагина (НИУ ВШЭ, Москва)

В статье представлен теоретический анализ возможного влияния программы подготовки психолога-консультанта и психотерапевта на траектории развития психологической саморегуляции личности. Предпринята попытка определить значимость влияния психологической образовательной программы на личность учащегося. Выступая специфическим жизненным опытом для студента, такая программа способна повлиять на динамику развития личностной зрелости. Контекст саморегуляции позволяет более пристально изучать динамику этих процессов и может выступить теоретической опорой для операционализации и дальнейших эмпирических исследований.

Ключевые слова: психологическая образовательная программа, саморегуляция, личностная зрелость, уровень развития эго.

Подготовка специалистов в области психологического консультирования и психотерапии обладает своей уникальной спецификой. Это подтверждают задачи и компетенции образовательного стандарта программ по психологии: некоторые упоминают способность студента осознанно выбирать наиболее успешные межличностные стратегии и помогать заказчику с решением многообразных личностно значимых проблем (ОПК-7, ОПК-8). Помимо этого, несколько профессиональных компетенций (ПК-4, ПК-7) напрямую говорят об изменениях и развитии внутриличностной организации учащихся (Образовательный стандарт магистратуры по направлению 37.04.01). Процесс развития включает в себя множество факторов, как внешних, так и внутренних. Совладание со сложными событиями жизни или проживание специфического жизненного опыта предполагает различные стратегии саморегуляции. Их множество, однако глобально их можно разделить на две группы. Первая направлена на удержание и сохранение существующей структуры личности. Вторая группа отражает концепцию изменений существующей структуры с целью совладать с происходящей

реальностью и интегрировать полученные знания в опыт. В данной статье мы задаемся вопросом: способно ли погружение в психологическую образовательную среду запустить эти механизмы и повлиять на динамику развития личностной зрелости у студентов?

Одной из теорий, обладающим богатым потенциалом к операционализации, которая может позволить более пристально рассмотреть, как образовательные программы такого рода влияют на развитие саморегуляции индивида может выступить Уровневая теория развития эго (Loevinger, 1976). Процесс развития эго заключается в постепенном обретении все большей спонтанности, автономии, расширении спектра возможностей к субъективному контролю над произвольными внутренними процессами. Фактически, теория Дж. Лёвинджер описывает развитие механизмов саморегуляции индивида. Согласно ее концепции, развитие психологической саморегуляции, которое опосредует становление личностной зрелости индивида, продолжается всю жизнь, независимо от возраста. Это было подтверждено некоторыми исследованиями при условии, что человек сталкивается с определенным специфическим жизненным опытом, который является значимым, эмоционально вовлекающим и связан с межличностными взаимодействиями (Durkin et al., 2004). В данной статье мы опираемся на концепцию функциональной саморегуляции Д. А. Леонтьева. В центре его парадигмы — идея непрерывных целесообразных для личности изменений. Принять разворачивающуюся реальность человеку помогает развитие механизмов саморегуляции собственного поведения, а также, что примечательно, — возрастание сложности своей собственной внутриличностной организации (Леонтьев, 2011). Таким образом, каждая стадия развития эго отражает определенный уклад взаимосвязей между различными механизмами и ресурсами саморегуляции, что опосредует развитие личностной зрелости.

Согласно исследованиям, в процессы достижения более высоких стадий развития Эго вовлекается множество факторов: способность устанавливать близкие отношения, брать на себя ответственность, эмпатия, повышение эффективности при принятии решений. Интересно, что эти же факторы влияют на повышение уровня удовлетворения клиентов психологов-консультантов и психотерапевтов. Некоторые исследования показали, что первичный фактор, выходящий за рамки интервенций и влияющий на аспекты личностных изменений — такие типы жизненного опыта, в которые тесно вовлекаются существующие в настоящий момент времени личностные ха-

рактические характеристики индивида. Имеется в виду, что личность оказывается целиком включенной в происходящую жизненную ситуацию, опираясь на себя и ища ресурс в себе самой, в первую очередь. Студент-психолог оказывается в условиях, которые дают ему вызов, необходимый для изменения и развития процессов саморегуляции, что, в свою очередь, опосредует усложнение внутриличностной организации.

Исследования в поле личностных особенностей специалистов-психологов и требований, выдвигаемых к студентам-психологам со стороны профессиональных стандартов и общественных ожиданий, позволяют нам подобрать гипотетический перечень тех конструктов, которые в дальнейшем можно будет операционализировать в рамках эмпирических исследований. Согласно проведенным исследованиям, для психолога с практической ориентацией оказались характерными множество качеств: стрессоустойчивость в процессе общения, способность поддерживать контакт и готовность к нему, эмпатия, опора на себя в принятии решений. По данным других исследований, перечень профессионально важных личностных качеств для психолога-консультанта также включает в себя множество элементов. Это доброжелательность, ответственность, самообладание, чуткость, рефлексия. Также, по ее мнению, в своей работе психолог должен обладать качествами открытости, устойчивости к стрессу и эмоциональной стабильности. Помимо прочего, важной переменной в этом контексте является фактор открытости новому жизненному опыту. Предполагается, что именно наличие этой способности в личностном арсенале индивида помогает осуществлять именно проактивное взаимодействие с жизненным опытом и, в результате, приводит к личностным изменениям. Открытость новому опыту включает в себя готовность искать и не отворачиваться от разных аспектов эмоционального, интеллектуального и эстетического опыта, что позволяет компетентно проявляться в различных сферах жизни. Связь открытости опыту с уровнем личностной зрелости была показана в целом ряде исследований, в том числе на российских выборках (Костенко, Леонтьев, 2016). Далее хотелось бы заострить внимание на рефлексии как на одном из основополагающих качеств, связанных с работой психологов-консультантов и психотерапевтов. Понятие рефлексии было введено Дж. Локком как что-то, что объясняет внутреннее отношение сознания к самому себе. Одна из форм рефлексии – системная рефлексия – является наиболее адаптивной и может являться индикатором процессов развития психологической ситуации. Это один из важнейших инструмен-

тов в арсенале психолога-консультанта, так как он позволяет человеку работать над собой, и заботиться о своем мировоззрении.

Важно рассмотреть еще один инструмент – способность к самообладанию. Данный конструкт резонирует с феноменом саморегуляции личности и отражает способность человека поддерживать динамическое равновесие между внутренними условиями и внешними факторами, что довольно часто является неотъемлемым навыком психолога-практика.

Приведенные теоретические примеры дают возможность полагать, что специфика образовательных психологических программ действительно может существующие структуры личности из равновесия, провоцируя ее на изменение внутриличностной организации индивида и вовлекая в новые механизмы саморегуляции, что соотносится с некоторыми проведенными исследованиями (Manners et al., 2004). С годами профессия психолога становится все более востребованной и дальнейшее изучение этой темы способно сделать вклад как в изучение закономерностей постконвенционального развития саморегуляции человека, так и в изучение факторов и особенностей психологического благополучия таких специалистов. Возможность посмотреть на процессы саморегуляции под таким углом дает возможность более конкретно изучить различные теоретические предположения в рамках эмпирических исследований.

Литература

- Костенко В. Ю., Леонтьев Д. А.* Взгляд на себя со стороны: роль рефлексии и самодетерминации в развитии личности // Мир психологии. 2016. № 3. С. 97–108.
- Леонтьев Д. А.* Саморегуляция как предмет изучения и как объяснительный принцип // Психология саморегуляции в XXI в. / Под общ. ред. В. И. Моросановой. М.–СПб.: Нестор-История, 2011. С. 74–89.
- Образовательный стандарт высшего образования федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“» по направлению 37.04.01. М., 2017.
- Loevinger J.* Ego development: Conceptions and theories. San Francisco: Jossey-Bass, 1976.
- Manners J., Durkin K., Newsdale A.* Promoting advanced ego development among adults // Journal of Adult Development. 2004. Т. 11. № 1. С. 19–27.

Ситуационные детерминанты ментальной регуляции психических состояний*

А. О. Прохоров (КФУ, Казань)

В статье анализируется влияние ситуаций жизнедеятельности на регуляцию психических состояний. Показано, что ситуация «запускает» регуляторный процесс, активируя структуры ментального (субъективного) опыта. В психологический механизм влияния ситуаций жизнедеятельности входят впечатления, влияющие на возникновение образа психического состояния. Репрезентация образа состояния в ментальном опыте связана с рефлексией и осознанием (означиванием), опосредуется переживаниями и смысловыми структурами. Последующая активизация ментальных структур связана с регуляторным процессом, выбором операциональных средств и их использованием для изменения психического состояния.

Ключевые слова: психическое состояние, регуляция, структуры сознания, впечатление, образ, операциональные средства.

В концептуальной модели ментальной регуляции психических состояний структуры сознания представляют собой организацию, входящую в субъективный (ментальный) опыт человека. Опыт интегрирует значения с категориальными структурами сознания, целевые особенности, смысловые структуры сознания (личностный смысл, ценности, смысловые установки и ориентации и др.), рефлекссию и ее виды, переживания, ментальные репрезентации (образные характеристики), систему Я. Их интеграция и синергия обеспечивает регуляцию состояний субъекта и его адаптивные возможности.

Актуализация опыта в ситуациях жизнедеятельности проявляется в возникновении психического состояния определенного качества, в использовании наиболее часто употребляемых способов и приемов регуляции состояний, «наработанных» или «выработанных» или стихийно сложившихся в ходе освоения деятельности и жизнедеятель-

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-18-00232. URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00232>.

ности в целом, а также в организации «упорядоченных» структур сознания (смысловых, рефлексивных и др.), образующих функциональный комплекс, «настроенных» на регуляцию состояний определенного качества, модальности и интенсивности. Она (организация) формируется в связи со спецификой комплексов (блоков), состоящих из состояний, средств регуляции и ментальных структур, образующихся в диапазоне текущего времени и в условиях повторяющихся ситуаций жизнедеятельности (Прохоров, 2020).

Начальным звеном процесса регуляции (саморегуляции) состояний является психологическая ситуация, которая «запускает» регуляторный процесс. Ситуация как элемент психологического тезауруса представляет собой объективную совокупность элементов (событий, условий, обстоятельств и т. п.), оказывающих стимулирующее, обусловливающее и корректирующее воздействие на субъекта. Это достигается за счет энерго-информационной насыщенности ситуации, детерминирующей активность субъекта и одновременно задающей пространственные и временные границы ее реализации. Строение ситуации и, прежде всего, ее структура – это соответствующим образом выстроенный фрагмент действительности с характерным выбором элементов и их свойств, с определенным объемом и границами. В ней выделяют следующие основные компоненты: 1) объективная среда жизнедеятельности (реальная ситуация как она есть), внутри которой отражаются: а) физические и биологические свойства среды; б) культурные и социальные факторы, состоящие из норм, ценностей, религиозных верований и т. п.; в) орудия, предметы и результаты труда; г) пространственные и причинно-следственные отношения между ними. Вторая составляющая ситуации – субъект, действующий в данном ситуационном пространстве. Он представлен своей активностью, мотивами, целями и др. Динамика ситуации, ее включение в определенный временной контекст осуществляются под влиянием изменения ее условий и обстоятельств, происходящих в данный момент или в какой-либо обозначенный интервал времени, или изменения ее организующего начала – потребностей, мотивов, целей субъекта, в ней действующего.

Элементы и связи, образующие целостность ситуации, выделяются субъектом. Они как бы сосредоточены относительно субъекта. Но в то же время их объективность необязательна в актуальном времени «здесь-и-сейчас». Ситуация – это не весь объективный мир, а лишь та его часть, которая отражается субъектом на фоне его актуальной потребности.

Важным аспектом понимания ситуации является рассмотрение ее как сложно организованного субъективного образа объективной действительности (Филиппов, Ковалев, 1986). Ситуация представляет собой полимодальный субъективный образ актуального фрагмента окружающей действительности, который конструируется и репрезентируется самим субъектом. В этом смысле определение ситуации происходит посредством придания значения объективному фрагменту окружающей действительности. Тем самым она становится субъективной. Подобная оценка ситуации предусматривает возможность ее репрезентации на самых различных уровнях психического отражения, в самых различных формах проявления психического, в деятельности и поведении субъекта. Можно говорить о представленности ситуации (точнее, образа) в функционировании психических функций (восприятия, памяти, мышления и др.).

Впечатления, вызванные ситуациями, переживаемыми субъектом, проходя этап сличения с содержанием прошлого опыта, вследствие активности ментальных структур превращаются в образ состояния. Состояние как бы «фиксируется» в образ, уменьшая расплывчатость, приобретая форму. Возникающий образ психического состояния репрезентируется в сознании субъекта как представленность самому себе переживаемого состояния. Данный процесс связан с рефлексией и осознанием (означиванием).

Субъект структурирует пространство состояния, создается система отсчета (ориентиры), так как пространство только тогда и есть, когда оно структурировано (Стрелков, 2001). Появляется мера. Движение по «собственной шкале» дает возможность оценить пространство состояния, что субъективно выражается в качественной определенности тех или иных составляющих, входящих в образ состояния, при переживании интенсивности их проявления. Переживание длительности («дления») и изменения психического состояния создает временной ряд образа, включающий в себя различные характеристики ряда (временные интервалы, последовательность, длительность, дискретность, циклы и пр.), задачей которого является интеграция пространственных характеристик (параметров состояния) в единое образование – образ состояния. Опираясь на свою способность интегрировать временной континуум, субъект развертывает актуальный образ состояния в прошлом и в будущем, оперирует им в настоящем.

Как составляющая сознания образ состояния включен в структуру ментальной регуляции состояний. Ментальная регуляторная сис-

тема выполняет управляющую функцию по отношению к состояниям субъекта, процесс ее влияния опосредуется внешними факторами (ситуациями/событиями, пространством культуры, образом жизни и пр.) вкупе с операциональными действиями и обратной связью.

Осознание субъектом необходимости в регуляции и выбор средств осуществляется благодаря образу состояния, рефлексии и смысловым структурам. Состояния являются отражением этого процесса и свидетельствуют о качестве «внутренней» жизни субъекта в соответствии с его бытием. Актуализация смысловых структур зависит от специфики ситуации как психологического образования. В ситуации «выделяется» не весь объективный мир, а лишь та его часть, которая удовлетворяет смысловую сферу субъекта. С помощью рефлексии происходит осознание собственных смыслов в ходе самотражения в переживаемых ситуациях.

Отраженная психикой совокупность элементов ситуации (объектов, условий, обстоятельств и т. д.) становится значимой для субъекта, только приобретя для него определенный смысл: лишь после акта личностного смыслообразования сформировавшаяся актуальная психологическая ситуация начинает детерминировать активность субъекта и ее проявления. Взаимодействие ситуации и смысловых структур приводит к формированию корреляционных образований (констелляций) из отдельных «ведущих» смысловых структур сознания и значимых составляющих (объектов) ситуации.

Корреляции связывают переживания, психические функции, свойства личности, вегетативные реакции и другие характеристики субъекта, эти изменения актуализируются в виде психического состояния, которое, в свою очередь, объективируется через деятельность, общение и поведение субъекта, обеспечивая соответствие субъекта актуальной ситуации жизнедеятельности.

Благодаря рефлексии происходит оценка, осознание и сличение актуального состояния с искомым, и далее, в случае необходимости, субъект вносит коррекцию в используемые способы и приемы регуляции. С ее помощью субъект способен спрогнозировать, «проиграть» возможные варианты и результаты регуляции состояний в различных обстоятельствах и ситуациях жизнедеятельности, изменить сложившиеся способы действий, проанализировать структуру собственных действий, не приводящих к успеху, найти окончательное решение и приступить к исполнительным действиям. Вовлеченность рефлексивных механизмов определяется целью регуляции – потребностью в изменении психического состояния.

Включенность рефлексивных уровней позволяет субъекту переходить от ментальных аспектов регуляции состояний к операциональным и обратно: осуществляется самоконтроль состояний в текущей ситуации, актуализируются приемы регуляции, оцениваются и анализируются операциональные средства и стратегии регуляции состояний в прошлых ситуациях и деятельности, их эффективность при тех или иных обстоятельствах жизни, планируются и прогнозируются вероятные будущие состояния, средства их контроля и пр.

Существенным звеном ментальной регуляции является воплощение смысла в значениях, что приводит к связыванию значения (объекта, предмета, ситуации и пр.) и психического состояния.

Переживание, включенное в ментальный опыт, изменяет смысловые структуры и психические состояния. Операциональная сторона регуляторного процесса связана с ментальными репрезентациями, перестройкой семантических пространств и действиями субъекта, направленными на изменение состояния, обратной связью и временными характеристиками. Узловую регулирующую функцию в организации включения ментальных структур в процесс регуляции состояний выполняет система Я. Она опосредует выбор операциональных средств (способы, приемы) и объективацию регуляторных действий, направленных на изменение состояния, вкуче с обратной связью и временными характеристиками.

В функциональном плане в основании саморегуляции находятся механизмы регуляции отдельного психического состояния. Достижение цели – желаемого состояния – связано с включенностью в регуляторный процесс означенных выше ментальных структур (смысловых, рефлексивных, переживаний и др.) и осуществляется через цепь переходных состояний.

Литература

- Прохоров А. О.* Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 5–18. doi: 10.31857/S020595920007852-3
- Стрелков Ю. К.* Инженерная и профессиональная психология. М.: Академия, 2001.
- Филиппов А. В., Ковалев С. В.* Ситуация как элемент психологического тезауруса // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 1. С. 14–21.

Эмоциональная регуляция как ресурс субъекта

Е. А. Сергиенко (ИП РАН, Москва),

М. Д. Полякова (ГБУЗ ПКБ № 1 им. Н. А. Алексеева ДЗМ, Москва)

Проблема эмоций и их регуляции входит в число наиболее значимых исследовательских тем в современной психологии. Фокус исследователей сосредоточен на изучении сравнительной эффективности стратегий эмоциональной регуляции с точки зрения решения адаптационных задач в процессе накопления и переживания негативных и позитивных эмоций. Современные исследователи традиционно расширяют концепцию регуляции эмоций, включая в нее межличностные процессы. Существует мнение, что процессы эмоциональной регуляции тесно связаны с эмпатией и эмоциональным интеллектом. Обоснован системно-субъектный подход к изучению эмоциональной регуляции.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоциональная регуляция, системно-субъектный подход.

Способность человека к регуляции своих и чужих эмоций давно привлекает внимание научного сообщества. Постепенно формируются теоретические модели эмоциональной регуляции, количество исследований данной темы растет с каждым годом. Основной фокус современных исследователей сосредоточен на стратегиях эмоциональной регуляции, а также на связи данных процессов с когнитивной и волевой сферами психической деятельности.

Наиболее авторитетной на сегодняшний день принято считать модель регуляции эмоций Дж. Гросса. Модель является процессуальной и отражает динамический компонент развертывания эмоциональной реакции во времени. Автор предлагает пять вариантов стратегий эмоциональной регуляции (ЭР). Большинство зарубежных современных исследований проблематики ЭР базируются на данной модели, однако ряд ученых критически оценивает адаптивность предложенных Гроссом стратегий, указывая на неоднозначность эмоциональной реакции в соответствии с ситуативным контекстом (Кузьмина, Величковский, 2019).

В последние десятилетия большое число работ было посвящено связи эмоций и познания. Эмоции, как известно, способны менять мышление разными способами. Область когнитивных и аффективных способностей включает изучение эмоционального самообладания, когда, например, человек подавляет свой гнев либо скрывает грусть. Способность чувствовать эмоции, иметь доступ к их регуляции и осознанию содействует эмоциональному и интеллектуальному росту, поскольку позволяет управлять не только эмоциональным процессом, но и процессом мышления, что объединяет интеллект и эмоции (Сергиенко, 2011).

Понимание эмоций тесно связано с категорией «эмоционального интеллекта». Эта категория в наибольшей степени отражает когнитивную составляющую понимания эмоций. Она включает одновременно и понятие «интеллект», и понятие «эмоция» как когнитивно-эмоциональный феномен. Дж. Мэйер и П. Сэловея впервые определили эмоциональный интеллект как способность воспринимать и выражать эмоции, ассимилировать эмоции и мысли, использовать эмоции для мышления, понимать и объяснять эмоции, а также регулировать эмоции (свои собственные и других людей). На сегодняшний день, помимо модели Сэловея–Карузо, общепризнанными считаются модель эмоционального интеллекта Р. Бар-Она, а также смешанная модель эмоционального интеллекта Дж. Гоулмана.

Дискуссионным остается вопрос о подходах к изучению процессов эмоциональной регуляции. Ряд исследователей выделяют эмоциональную регуляцию как отдельную феноменологическую единицу. В то время как другие специалисты предлагают рассматривать ЭР системно, как метапроцессуальный феномен, тесно связанный с другими важнейшими психическими функциями.

В психологической науке давно отмечается существенный рост интереса по отношению к категориям субъекта и субъектности. Категория субъекта разрабатывалась в рамках деятельностного подхода С.Л. Рубинштейном. Существенным отличием гуманитарной методологии от естественнонаучной является специфика гуманитарных наук. Эта специфика заключается в их субъектности и ценностной опосредованности знания. Такое заключение привело С.Л. Рубинштейна к обоснованию принципа самодеятельности субъекта.

Ученики С.Л. Рубинштейна, среди которых был А.В. Брушлинский, посвятили развитию идей учителя свою научную деятельность, а именно разработке субъектно-деятельностного подхода в психологии.

А. В. Брушлинский интерпретирует категорию субъекта как высший центр управления всеми личностными свойствами и состояниями человека как взаимодействие между качествами характера, способностями и социопсихологическими, экономическими и т. д. условиями реализации своей деятельности, общения, отношений (Брушлинский, 2003). В таком понимании категория субъекта отражает, с одной стороны, способность человека к проявлению своей целостности, различных процессов, которые качественно меняются в ходе развития (от отдельных свойств, до всей системы), а с другой – является основанием для такого развития (Котелевцев, Хомутова, 2020).

Дальнейшее развитие субъектно-деятельностного подхода происходило по принципу интеграции с системно-эволюционным подходом. Общность принципов системности и развития системно-эволюционного подхода с субъектно-деятельностным привели к формированию системно-субъектного подхода в психологии. Современные представления о развитии человеческой психики опираются на системный подход о непрерывности развития психических процессов, которая обеспечивается гетерохронностью генеза. Единая организация развития человеческой психики и идеи неразрывности биопсихосоциальной природы человека, целостный, интегративный характер субъекта позволяют объединить имеющиеся подходы. В системном подходе и его вариантах (системно-эволюционном, теории динамических систем) не определяется место интегративной индивидуальности, которая обеспечивает целостное поведение человека и его индивидуальные варианты адаптации к внешним условиям окружающей среды. Таким образом, категория субъекта становится центральной в системно-субъектном подходе. С позиций системно-субъектного подхода разные точки зрения на субъект и его проявления объединяются в более широкие ракурсы субъектности, которые могут быть описаны как субъект развития – субъект деятельности – субъект жизни (Сергиенко, 2011).

Функции, специфические для субъекта, соответствуют фундаментальным функциям человеческой психики. Б. Ф. Ломов определял три основные функции психики: когнитивную, регулятивную и коммуникативную. Регулятивную функцию осуществляет контроль поведения – основа саморегуляции человека. Контроль поведения включает в себя три этапа: когнитивный, волевой и эмоциональный. Малоизученной областью контроля поведения является составляющая эмоционального контроля. Предположительно, именно на этапе

эмоционального контроля осуществляются процессы эмоциональной регуляции. Механизмы эмоциональной регуляции тесно связаны с другими составляющими контроля поведения и изолированно от когнитивного и волевого этапов не функционируют, представляя собой общий процесс саморегуляции человека.

Эффективность эмоциональной регуляции является одной из ведущих задач современных исследователей проблемы. Стратегии ЭР принято условно разделять на адаптивные и неадаптивные, однако однозначного ответа на вопрос адаптивности тех или иных стратегий нет. В свою очередь, стратегии можно рассматривать в качестве ресурса субъекта на этапе реализации процессов эмоциональной регуляции. С точки зрения системно-субъектного подхода, стратегии представляют собой индивидуальный ресурс, который опирается на внутренние и внешние факторы психологического благополучия. Вероятно, механизмы ЭР человека являются универсальными, тогда как эффективность ресурсов субъекта будет индивидуальной.

Вопрос ресурсов эффективности ЭР остается актуальным. В настоящее время системно данный вопрос слабо изучен. Можно предположить, что ресурсы представляют собой внешние и внутренние факторы. К внешним ресурсам можно отнести социокультурные условия реализации человека, включая его профессиональные навыки, общественную востребованность реализации индивидуальных способностей, институциональную организацию, социальные нормы, ограничения и др. Внутренними ресурсами становятся индивидуальные способности человека, личностные ориентации, направленность, смыслообразование, что выражается и субъективном образе мира, возможностях его взаимодействия с ним, регуляции собственного поведения, показателями чего могут выступать субъективная оценка собственного здоровья (физического и психического), субъективное благополучие, способность к адаптивным стратегиям. Также в качестве ресурса целесообразно рассматривать субъективный возраст, отражающий восприятие собственного возраста в отличие от хронологического. В исследованиях человека хронологический возраст выступает как основная независимая переменная. Однако субъективно оцениваемый возраст лучше предсказывает психологическое, психическое и физическое здоровье человека (Сергиенко, Киреева, 2015). Поскольку временной ресурс выступает как внешним, так и внутренним фактором представляется важным изучить связь между субъективным возрастом и эмоциональной регуляцией.

Таким образом, зарубежные исследования последних лет фокусируются на вопросах о том, как и какие эмоции (позитивные и негативные) регулируются в внутриличностном пространстве и межличностном взаимодействии, какие факторы влияют на процесс эмоциональной регуляции. В отечественной психологии большое число исследований эмоциональной регуляции носит феноменологический, нередко изолированный характер, что не дает полноценного представления о связи данных процессов с общими регуляторными процессами. Среди задач нашего исследования следует отметить попытку системно-субъектного подхода ЭР, раскрывающего мультифакторность ее организации.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Котелевцев Н. А., Хомутова О. М.* Современное понимание категории субъекта и субъектности в исследованиях зарубежных ученых // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 2 (54). С. 246–250.
- Кузьмина А. А., Величковский Б. Б.* Возможности и ограничения модели регуляции эмоций Дж. Гросса // Молодой ученый. 2019. № 35 (273). С. 108–112.
- Сергиенко Е. А., Киреева Ю. Д.* Индивидуальные варианты субъективного возраста и их взаимосвязи с факторами временной перспективы и качеством здоровья // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 23–35.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.

Роль социального обмена эмоциями в обеспечении психологической безопасности личности

Е. С. Спирина (ПСТГУ, ПГНИУ, Москва, Пермь)

В статье описывается роль социального обмена эмоциями в обеспечении психологической безопасности личности. Социальный обмен эмоциями при формировании психологической безопасности личности выполняет функцию обеспечения моральной поддержки, развития коммуникативных умений, эмоционального интеллекта, укрепления доверительного и поддерживающего характера коммуникации, снижения напряжения, адаптации, способствует освоению копинг-стратегий, активизирует процесс переосмысления ценностей, поиска смысла жизни, изменение системы мотивов и целей деятельности.

Ключевые слова: социальный обмен эмоциями, психологическая безопасность.

В связи с социально-политическими причинами (по данным ТАСС на январь 2023 г., за год в Россию прибыло более 5,1 млн беженцев, по данным РБК на 04.11.2022, количество мобилизованных в период первой мобилизации составило 318 тыс.) многие переживают кризис, находятся в состоянии стресса. Один из инструментов, который позволяет людям, не имеющим психологического образования, поддерживать друг друга, регулировать эмоциональное состояние, – социальный обмен эмоциями (далее – СОЭ).

Несмотря на признанный зарубежными исследователями потенциал СОЭ в области совладания с трудными ситуациями, регулирования эмоциями (P. An, S. Boca, P. Markopoulos, B. Mesquita, P. Philippot, B. Rime, M. Schüll, F. Zhang), мы не нашли исследований, рассматривающих вклад СОЭ в формирование психологической безопасности личности, и потому поставили перед собой цель рассмотреть роль СОЭ в обеспечении психологической безопасности. Материалом исследования стали работы, посвященные СОЭ, методом – теоретический анализ исследований. Статья написана под научным руководст-

вом канд. психол. наук, доцента, зав. кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ Е. С. Игнатовой.

А. В. Литвинова, А. В. Котенева, А. В. Кокурин, В. С. Иванов понимают под психологической безопасностью личности состояние защищенности, духовно-нравственную, эмоциональную, волевою, когнитивную устойчивость к стресс-факторам (Литвинова и др., 2021).

Психологическая безопасность личности включает в себя морально-коммуникативный, мотивационно-волевой, ценностно-смысловой компонент и компонент внутреннего комфорта (Приходько, 2013).

Морально-коммуникативный компонент предполагает свободное использование морально-коммуникативных норм для поддержания отношений (там же), мотивационно-волевой – перестройку отношений со средой, целеполагание, гибкость в коррекции целей и средствах достижения (там же), «использование проблемно-ориентированного копинга» (Литвинова и др., 2021, с. 9). Ценностно-смысловой отражает осмысленность жизни, позволяет найти дополнительные психологические ресурсы (Приходько, 2013), обрести высшие смыслы бытия (Литвинова и др., 2021). Внутренний комфорт предполагает поиск ситуаций психологического комфорта, отсутствие тревоги, дает уверенность в себе (Приходько, 2013).

Одним из основных способов совладания со стрессом, который прослеживается в исследованиях, посвященных психологической безопасности и стресс-преодолевающему поведению, является обращение за социальной поддержкой. Доказано, что стратегии социальной поддержки повышают психологический комфорт, а стратегии потери социальной поддержки снижают психологическую безопасность личности (Литвинова и др., 2021).

Социальная поддержка в полной мере реализуется в СОЭ, который выполняет функцию социальной интеграции (Rime, 2009). Раскроем роль СОЭ в формировании компонентов психологической безопасности.

СОЭ будет способствовать формированию морально-коммуникативного компонента по нескольким причинам.

Во-первых, в процессе СОЭ развиваются коммуникативные навыки, умения, эмоциональный интеллект. Адресат вербализирует эмоции, адресант проявляет навыки активного и эмпатического слушания, распознает эмоции по вербальным признакам, осознает, что можно сказать в ответ, а что произносить нельзя, старается быть тактичным и осторожным в словах, чтобы не задеть чувства друго-

го, в некоторых случаях содействует переживающему в вербализации чувств, формулирует эмпатические реплики.

Во-вторых, функция социальной интеграции подразумевает, что участники СОЭ проявляют интерес, сопереживание, симпатию, привязанность к рассказчику, эмоционально присоединятся к нему (ibid.). Одним словом, в процессе СОЭ, обеспечивающего сближение людей, отношения становятся более доверительными, коммуникация – более теплой, поддерживающей, люди – более открытыми.

В-третьих, удовлетворяя социально-аффективные потребности адресанта, СОЭ выполняет функции поддержки, утешения, легитимации и валидации, получения рекомендаций, разрешения ситуации (ibid.) – иными словами, обеспечивает моральную поддержку.

СОЭ способствует развитию ценностно-смыслового компонента, так как удовлетворяет потребность в поиске, разъяснении смысла (СОЭ социально-аффективной направленности), выполняет функцию переосмысления, переоценки события (СОЭ когнитивной направленности) (Rime et al., 1992).

Представим, что человек утратил что-то ценное для себя. Вербализация эмоционального опыта, связанного с утратой, при условии принятия, эмпатического понимания со стороны собеседника шаг за шагом будет приводить его к осознанию произошедшего, значимости потерянной ценности, что, в свою очередь, приведет к осмыслению своих потребностей, ценностей, которое станет отправной точкой для размышлений о смысле жизни (Трунов, 2013). Помимо предоставления возможности делиться эмоциями, собеседник может способствовать осмыслению значимости утраченной ценности, например, через выражение собственного опыта переживания утраты, описание ее значимости в своей жизни, оттолкнувшись от которого адресант может перейти к размышлению о той важности, которая имела для него потерянная ценность.

Кроме того, обсуждение эмоционального опыта помогает преодолеть «туннельное зрение» (там же), т. е., делая свои переживания темой рассказа, человек обретает возможность посмотреть на себя со стороны, подняться над ситуацией, увидеть ресурсы, которые могут его поддержать.

Мотивационно-волевой компонент будет формироваться благодаря реализации таких задач СОЭ когнитивной направленности, как отказ от целей, которые невозможно реализовать, реорганизация мотивов. Это возможно, во-первых, потому, что при СОЭ ад-

ресант, раскрывая эмоциональный материал, в то же время и маркирует его, организует в последовательные отношения, а во-вторых, как отмечает Б. Риме, собеседники могут давать социально-когнитивные ответы, стимулировать когнитивную работу адресанта, побуждая его отказаться от нереализованных целей, реорганизовать иерархию мотивов, приспособить свои когнитивные модели и схемы под новые условия (Rime, 2009).

Учитывая, что, благодаря вербализации эмоций и их эмпатическому пониманию собеседником, происходит не только переживание, но и осознание, принятие эмоционального опыта (Трунов, 2013), участники СОЭ могут стимулировать когнитивную работу адресанта уже одним своим присутствием и выслушиванием его переживаний. Например, снова и снова рассказывая о чувствах, возникших в связи с потерей здоровья, невозможностью достичь ранее поставленных профессиональных целей, человек будет постепенно приходить к осознанию значимости утраты, принятию новой реальности жизни. С осознанием значимости утраты, как мы писали выше, придут размышления о важных для себя потребностях, ценностях, начнется процесс поиска дальнейшего смысла жизни, соответственно будет меняться иерархия целей, мотивов деятельности. Делясь отношением к новым появляющимся ценностям, целям, мотивам деятельности, он будет закреплять одни, наиболее близкие ему, отвергать другие — будет выстраиваться новая иерархия целей и мотивов. Адресаты могут делиться с адресантом эмоциональным опытом переживания подобных ситуаций, изменений в иерархии ценностей, целей, которые они за собой повлекли, эмпатически откликаться на его чувства.

На пути к поставленным целям могут встретиться трудности, из-за которых можно опустить руки. Функция передачи культурно-опосредованных когнитивных схем и моделей поведения (Rime et al., 1992, с. 256), которую выполняет СОЭ, дает возможность предположить, что в рассказах собеседников о своем эмоциональном опыте адресат может увидеть новые для себя копинг-стратегии, перенять их и опираться на них.

Помимо этого, СОЭ способствует развитию умения гибко перестраивать отношения с окружающей средой. Прислушиваясь к переживаниям других людей, отражая их чувства, делясь в ответ своими эмоциями, участники учатся выходить за рамки своих привычных ролей: из роли коллеги по работе в роль внимательного слушателя, из роли шутника в роль чуткого, ранимого человека. Собеседники

видят изменения в социальных ролях друг друга, замечают выход за их рамки и сами начинают перестраивать отношения, собственную позицию по отношению друг к другу.

Перейдем к компоненту внутреннего комфорта. СОЭ будет способствовать его формированию, так как выполняет функции эмоционального регулирования и адаптации.

Вербализация эмоционального опыта снижает эмоциональное напряжение, приводит к «освобождению» (Трунов, 2013). Разделяя эмоции с другими, человек выражает душевную боль, которая, будучи невербализованной, ни с кем не разделенной, непринятой, может привести к депрессии, тревожности, агрессии по отношению к себе и окружающим. Вербализуя переживания, он снижает риск появления психологических проблем, болезней.

Как пишет Б. Риме, уже сами чувства, испытываемые отдельными людьми, являются не только инструментами индивидуальной адаптации, но и инструментами, которые помогают адаптироваться членам сообщества (Rime, 2009). По его мнению, СОЭ позволяет чувствовать себя комфортно в новых условиях, что, в свою очередь, позволяет чувствовать себя и более уверенно.

Итак, СОЭ способствует формированию психологической безопасности тем, что обеспечивает моральную поддержку, развитие коммуникативных умений, эмоционального интеллекта, укрепление доверительного и поддерживающего характера коммуникации, снижение напряжения, адаптацию, способствует освоению копинг-стратегий, активизирует процесс переосмысления ценностей, поиска смысла жизни, изменение системы мотивов и целей деятельности.

Литература

Литвинова А. В., Котенева А. В., Кокурин А. В., Иванов В. С. Проблемы психологической безопасности личности в экстремальных условиях жизнедеятельности // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 8–16.

Приходько И. И. Разработка психодиагностического инструментария определения психологической безопасности личности специалистов экстремальных видов деятельности // Вестник университета. 2013. № 11. С. 242–253.

Трунов Д. Г. Индивидуальное психологическое консультирование. М.: Этерна, 2013.

Rime B. Emotion elicits the social sharing of emotion: theory and empirical review // *Emotion Review*. 2009. V. 1. № 1. P. 60–85.

Rime B., Philippot P., Boca S., Mesquita B. Longlasting cognitive and social consequences of emotion: social sharing and rumination // *European Review of Social Psychology*. 1992. V. 3. № 1. P. 225–258.

Самостоятельность/личностная беспомощность и течение болезни у пациентов с колоректальным раком*

Д. А. Циринг (ФГАОУ ВО «ТГУ», Томск),
И. В. Пономарева (ФГАОУ ВО «ТГУ», Томск)

Колоректальный рак – наиболее распространенный вид рака, связанный с образом жизни, важно лучше понять его психологические корреляты, чтобы разработать план профилактики. Цель исследования: анализ самостоятельности/личностной беспомощности у пациентов с благоприятным и неблагоприятным течением колоректального рака. Участники исследования – пациенты медучреждения, получающие лечение по поводу колоректального рака. Установлено, что для участников с благоприятным течением колоректального рака характерна самостоятельность, участники с неблагоприятным течением демонстрируют личностную беспомощность. Однозначные выводы о влиянии самостоятельности/личностной беспомощности на течение колоректального рака невозможны из-за небольшого количества участников и наличия неконтролируемых переменных.

Ключевые слова: субъект, самостоятельность, личностная беспомощность, колоректальный рак, течение болезни.

Колоректальный рак, опухоль, поражающая толстую кишку, которая включает восходящий, поперечный, нисходящий и ректальный тракты, является третьим, наиболее часто диагностируемым злокачественным новообразованием и второй основной причиной смерти от рака (Galli et al., 2021). Метаанализ, проведенный на основе 165 исследований, показал, что склонная к стрессу личность или неблагоприятные стили выживания и негативные эмоциональные реакции связаны с увеличением заболеваемости раком, худшим прогнозом течения и увеличением смертности (Chida et al., 2008). Есть исследования, в которых авторы предположили, что поведение, связанное с реакциями беспомощности и безнадежности на стрессоры,

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 21-18-00434. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00434>.

являются предвестниками худшего исхода у больных раком молочной железы (Greer et al., 1979) или заболеваемости новым раком у отдельных лиц. Концепция личностной беспомощности определяет феномен личностной беспомощности как системную характеристику субъекта, представляющую собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними (системой взаимоотношений, опытом неконтролируемых травмирующих событий), определяющих низкий уровень субъектности, т. е. низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить цели и достигать их (Циринг, 2010). Также в концепции указано на континуальную природу феномена, так, противоположной характеристикой является самостоятельность. И если личностная беспомощность проявляется в жизнедеятельности субъекта пассивностью поведения, неспособностью использовать имеющиеся возможности желаемого преобразования ситуации, трудностями во взаимоотношениях с окружающими, то самостоятельность, наоборот, — активностью субъекта, уверенностью в возможности контролировать события, целеустремленностью, настойчивостью, оптимистичностью, креативностью, гибкостью и выраженной мотивацией достижения. Описанный континуум, являясь системным качеством, регулирует поведение личности, ее восприятие, отношение к действительности, в том числе и отношение к здоровью. Личностные и поведенческие факторы могут влиять на развитие и прогрессирование рака посредством таких механизмов, как клеточный иммунный ответ, окислительный стресс, инвазия, ангиогенез и воспаление (O'Suilleabháin et al., 2021).

Целью этого эмпирического исследования является сравнительный анализ показателей самостоятельности/личностной беспомощности у пациентов с благоприятным и неблагоприятным течением колоректального рака.

Выборка исследования. Дизайн исследования предполагает анализ самостоятельности/личностной беспомощности у больных колоректальным раком при благоприятном и неблагоприятном течении заболевания. Критериями включения для испытуемых были: 1) возраст от 40 до 81 года и 2) верифицированный онкологический диагноз — колоректальный рак. Выборку исследования составили 16 мужчин и 19 женщин с диагнозом колоректальный рак на различных стадиях заболевания, получающих противоопухолевое лечение в ГБУЗ «Че-

лябинский областной клинический центр онкологии и ядерной медицины» (г. Челябинск, Россия).

Методики исследования

В качестве методов диагностики самостоятельности и личностной беспомощности использовался Опросник личностной беспомощности (Д. А. Циринг, А. В. Степаненко). Данный опросник основан на концепции личностной беспомощности, включает 6 субшкал (131 пункт), измеряющих компоненты самостоятельности/личностной беспомощности, социальную желательность, итоговый показатель. Основное предназначение методики – это диагностика системной характеристики личности – личностной беспомощности – самостоятельности, характеризующей уровень субъектности. Внутренняя согласованность шкал в данном исследовании составляет 0,863.

Процедура исследования предполагала индивидуальный опрос участников в очном формате. Проведение исследования было одобрено Комитетом по биоэтике ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский «Томский государственный университет» (г. Томск, Россия) (№ 5 от 11 февраля 2021 г.). Пациенты были уведомлены о целях и задачах исследования и подписали письменное информированное согласие на проведение исследования.

Анализ данных. В качестве методов статистической обработки эмпирических данных: методы дескриптивной статистики, сравнение средних значений методом t-критерия Стьюдента. Статистический анализ данных осуществлялся в программе для статистической обработки данных SPSS v. 26.0.

Результаты

В ходе исследования выборка была дифференцирована по критерию течения болезни: благоприятное ($n = 10$) и неблагоприятное ($n = 19$) течение. К благоприятному течению, как правило, относят ремиссию и стабилизацию, к неблагоприятному – прогрессирование, рецидив, генерализацию, второй рак. Сравнительный анализ итогового показателя самостоятельности и личностной беспомощности пациентов с колоректальным раком при различном течении заболевания показал, что имеются достоверные различия между пациентами с благоприятным течением и неблагоприятным течением болезни ($t = -2,15$,

$p = 0,041$). Для участников исследования с благоприятным течением колоректального рака характерна самостоятельность ($M = 47$), тогда как участники с неблагоприятным течением демонстрируют личностную беспомощность ($M = 59,6$). Поведение участников исследования, имеющих неблагоприятное течение колоректального рака, опосредовано личностной беспомощностью, которая ограничивает способность человека преобразовывать окружающую действительность и собственную жизнь, в том числе и его адаптационные возможности. Так, пациент с личностной беспомощностью обнаруживает низкий уровень гибкости в поведении, что отражается на процессах адаптации к новым условиям жизнедеятельности, связанной с болезнью. Для него характерны пессимистичные ожидания будущего, трудности в установлении новых контактов, снижение субъектности в целом. Такое поведение, очевидно, будет препятствовать выздоровлению, способствовать снижению эффективности противоопухолевого лечения.

Участники исследования, характеризующиеся самостоятельностью и имеющие благоприятное течение болезни, проявляют поведенческую активность, связанную с уверенностью в себе, контролем событий своей жизни, в том числе болезни, они целеустремленны, оптимистичны, проявляют гибкость в поведении и выраженную мотивацию достижения, т. е. высокий уровень субъектности. Такое адаптивное поведение пациента с колоректальным раком, скорее всего, будет способствовать благоприятному прогнозу течения болезни, скорейшему выздоровлению.

Заключение

Вывод о статистических различиях показателей самостоятельности и личностной беспомощности у участников исследования с благоприятным и неблагоприятным течением колоректального рака демонстрирует возможность рассматривать психологические факторы наравне с биологическими факторами в патогенезе онкологических заболеваний, в частности колоректального рака. Однако у данного исследования имеется ряд ограничений: немногочисленная выборка, отсутствие дифференциации участников исследования по полу, возрасту, времени течения заболевания. Поэтому перспективами изучения психологических коррелят течения рака является контроль названных переменных.

Литература

- Циринг Д. А.* Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: Academia, 2010.
- Chida Y., Hamer M., Wardle J., Steptoe A.* Do stress-related psychosocial factors contribute to cancer incidence and survival? // *Nat. Clin. Pract. Oncol.* 2008. V. 5. P. 466–475. doi: 10.1038/ncponc1134
- Galli F., Scotto L., Ravenda S., Zampino M. G., Pravettoni G., Mazzocco K.* Personality factors in colorectal cancer: a systematic review // *Frontiers in psychology.* 2021. V. 12. doi: 10.3389/fpsyg.2021.590320
- Greer S., Morris T., Pettingale K. W.* Psychological response to breast cancer: effect on outcome // *Lancet.* 1979. V. 2. P. 785–787.
- O'Súilleabháin P. S., Turiano N. A., Gerstorf D., Luchetti M., Gallagher S., Sesker A. A., Terracciano A., Sutin A. R.* Personality pathways to mortality: Interleukin-6 links conscientiousness to mortality risk // *Brain Behav. Immun.* 2021. V. 93. P. 238–244. doi: 10.1016/j.bbi.2021.01.032

Взаимосвязь волевых качеств с регуляторными компетенциями и самоконтролем у старших подростков

И. Ю. Цыганов (ФГБНУ «ПИ РАО», Москва),
И. Н. Бондаренко (ФГБНУ «ПИ РАО», Москва)

Исследование направлено на выявление взаимосвязей самооенок волевых качеств личности с показателями общего уровня, когнитивных и личностных компетенций осознанной саморегуляции достижения учебных целей, и также самоконтроля. Предполагались различия в наиболее связанных самооенках волевых качеств с общим уровнем саморегуляции и самоконтролем. Результаты опросного исследования на выборке старших подростков позволили выявить планирование учебных целей, программирование учебных действий, инициативность и ответственность, наиболее связанные с самооенками волевых качеств регуляторные компетенции. Самооенки «Дисциплинированный», «Ответственный», «Упорный» – наиболее связанные с общим уровнем саморегуляции, а «Решительный» и «Целеустремленный» – с уровнем самоконтроля.

Ключевые слова: волевые качества, самооенки, осознанная саморегуляция, самоконтроль, старшие подростки.

Современные этап исследований волевой регуляции личности, исторически базирующийся на классических работах И. М. Сеченова и Л. С. Выготского, характеризуется возросшим интересом к ее когнитивным и личностным факторам. В настоящее время этот интерес обращен к проблеме волевых качеств личности, через которые реализуется волевая регуляция, и вопросы ее становления в онтогенезе. Поскольку ранее основное внимание уделялось практико-ориентированным подходам, проблема волевых качеств личности оказалась недостаточно изученной.

Тем не менее, отметим два ведущих направления исследований. В первом, представленном работами Т. И. Шульги, исследование волевых качеств в онтогенезе осуществляется в аспекте возрастных изменений трех основных звеньев волевой регуляции: мотивационного,

исполнительного и оценочно-результативного. Компонентный состав этих звеньев, образованный мотивами, целями, способами волевой регуляции и оценками ее успешности, рассматривается в качестве ресурсов становления волевых качеств (Шульга, 2020). На материале разных видов активности показано, что подростковый возраст является сенситивным периодом становления волевых качеств, и отмечена невозможность решения главных возрастных задач без их достаточно-го развития (1998–2011 гг. под научным руководством Т. И. Шульги). Одна из таких задач – научиться управлять своим поведением для достижения целей. Так открываются пути преодоления препятствий в различных видах деятельности, включая традиционные для подростков трудности в обучении, переход на внутренне мотивированное поведение с целью повышения успешности (там же).

Второе направление, представленное работами В. А. Иванникова, определяет волевую регуляцию как сознательную, опосредованную знаниями человека о внешнем мире, о своих ценностях и возможностях, на основе которых осуществляется предвидение и оценка последствий собственной активности. В. А. Иванников в своей концепции обосновывает важность самооценки человеком своих волевых качеств как представлений о собственной способности наделять необходимым смыслом волевые действия и своевременно совершать их для достижения поставленной цели. Волевые действия при этом оцениваются с точки зрения инициативности, решительности, настойчивости, упорства и т. д. (Иванников и др., 2019).

Решая проблему психологического механизма волевой регуляции личности, В. А. Иванников показал, что одним из таких механизмов служит намеренное изменение смысла действия. Но поскольку это изменение не имеет очевидных внешних проявлений, он обратился к классической теории контроля за действиями Ю. Куля, в которой разработано представление о двух типах волевой регуляции личности – саморегуляции и самоконтроле действий. Полученные результаты подтвердили ресурсный характер самоконтроля действий, при этом вопрос, в какой мере волевые качества обусловлены саморегуляцией, остался открытым (там же).

Мы предположили, что ответ на этот вопрос может быть найден в рамках ресурсного подхода к осознанной саморегуляции В. И. Моросановой (Моросанова, 2021). Согласно этому подходу, волевые качества личности пересекаются с понятием регуляторно-личностных качеств, за которыми стоят личностные стратегии регуляции пове-

дения. Осознанная саморегуляция (СР), включающая в свою структуру регуляторные когнитивные и личностные компетенции, рассматривается нами как метаресурс, мобилизующий волевые качества человека в трудных для него жизненных ситуациях. Ее развитие способно повлиять на формирование волевых качеств на основе опыта успешного достижения целей.

Самоконтроль является личностно-мотивационным свойством, связанным со способностью и умениями управлять своим поведением, владеть собой и своими состояниями, эмоциями, изменять и адаптировать себя с учетом складывающихся обстоятельств, и на этой основе предотвращать проявление нежелательных импульсивных действий, препятствующих достижению целей (Гордеева и др., 2016). Самоконтроль может быть рассмотрен в качестве ресурса поведения и критерия зрелости личности, несмотря на то что, как правило, исследуется на выборках детей и подростков. Его связи с волевыми характеристиками поведения (настойчивостью и упорством), а также данные о способности выступать регуляторным ресурсом в случае трудной ситуации делают обоснованным его включение в исследование взаимосвязи волевых качеств и осознанной саморегуляции (там же).

Цель эмпирического исследования – выявить взаимосвязи самооценок волевых качеств с осознанной саморегуляцией и самоконтролем у старших подростков.

Исследовательские задачи:

1. Выявить взаимосвязи осознанной саморегуляции достижения учебных целей и самоконтроля.
2. Выявить взаимосвязи волевых качеств респондентов с саморегуляцией достижения учебных целей.
3. Определить, в чем состоит специфика взаимосвязи волевых качеств респондентов с саморегуляцией и самоконтролем.

Выборку исследования составили 71 респондент – учащиеся 9-х и 10-х классов в возрасте 15–17 лет ($M = 16,09 \pm 0,654$).

Исследование выполнено в формате группового опроса учащихся в урочное время в классе с применением трех методик:

1. Опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности – ССУД-М» (Моросанова, Бондаренко, 2017). В структуре опросника заложены интегративная шкала измерения общего уровня осознанной СР достижения учебных целей и 8 шкал

оценки выраженности когнитивных (планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов) и личностных (гибкость, инициативность, надежность, ответственность) регуляторных компетенций посредством полученных ответов респондентов на 52 пункта стимульного материала.

2. «Методика самооценки волевых качеств» (Иванников, Эйдман, 1990), направленная на выявление самооценок респондентами выраженности у себя 20 волевых качеств: ответственный, дисциплинированный, целеустремленный, принципиальный, обязательный, настойчивый, решительный, волевой, инициативный, выдержанный, самостоятельный, энергичный, терпеливый, упорный, смелый, спокойный, деловитый, уверенный, организованный, внимательный. Оценивание выраженности у себя каждого качества производится респондентом по шкале от 1 до 5 – от наименьшего к наибольшему уровню.
3. «Краткая шкала самоконтроля» (Гордеева и др., 2016) – адаптированная на российской выборке русскоязычная версия опросника Дж. Тангни, Р. Баумайстера, А.Л. Буна для измерения уровня самоконтроля на основе ответов респондентов на 13 пунктов стимульного материала.

Результаты исследования

Выявлены значимые корреляционные связи между показателями осознанной саморегуляции и самоконтроля ($r=0,30-0,76$ при $p<0,05$; $p<0,01$). Самоконтроль и саморегуляция (интегральный показатель), ожидаемо, оказались сильно коррелирующими конструктами ($r=0,76$, $p<0,01$). Однако они не являются тождественными, о чем говорят средние значения коэффициентов корреляции с компонентами саморегуляции ($r=0,42-0,63$, $p<0,01$). Интересно отметить, что регуляторная компетенция моделирования значимых условий достижения целей с самоконтролем коррелирует слабо ($r=0,29$ при $p<0,05$). Вероятно, самоконтроль эффективен в привычных ситуациях, в то время как регуляторные компетенции (в частности, моделирование) обеспечивают достижение целей в новых ситуациях с высоким уровнем неопределенности (Моросанова, 2021).

Анализ взаимосвязей самооценок волевых качеств с саморегуляцией показал следующие результаты. Такие качества, как «Ответственный», «Дисциплинированный», «Целеустремленный», «Упорный»,

«Настойчивый» и «Уверенный», высоко значимо коррелируют с отдельными регуляторными компетенциями ($r=0,41-0,47$, $p<0,01$). И это не случайно, так как самая высокая связь получена для волевого качества Целеустремленность. В свою очередь, регуляторные процессы Планирование целей и Программирование действий, а также регуляторно-личностное свойство Ответственности, наряду с общим интегральным показателем саморегуляции, образуют наибольшее число значимых взаимосвязей с волевыми качествами старших подростков.

По числу и значению коэффициентов корреляции отметим как наиболее важные волевые качества «Ответственный», «Упорный» и «Решительный», что совпадает с обыденным представлением о волевом человеке.

Волевые качества продемонстрировали многочисленные взаимосвязи с самоконтролем. По степени выраженности выделяются: «Целеустремленный», «Решительный» и «Внимательный» ($r=0,525-0,480$, $p<0,01$). Слабо выраженными оказались взаимосвязи с такими качествами, как «Терпеливый», «Принципиальный», «Обязательный». «Самостоятельный» ($r=0,24-0,29$, $p<0,05$), которые, возможно, имеют большее отношение к морально-этическим свойствам, а не к достижению целей.

Обобщая итоги исследования, отметим, что самоконтроль как «способность индивида управлять своим поведением и эмоциями, обдуманно реагировать на происходящие события, воздерживаться от неадаптивного импульсивного поведения и прерывать действия, обусловленные нежелательными импульсами и эмоциями» (Гордеева и др., 2016, с. 47), продемонстрировал взаимосвязи с осознанной саморегуляцией достижения целей, прежде всего, в аспекте субъектной активности достижения цели. Осознанная саморегуляция в большей степени связана со смыслом активности (высоко значимые корреляции получены для Планирования, Инициативности, Надежности саморегуляции и Ответственности), а самоконтроль преимущественно отвечает за торможение нежелательного поведения, препятствующего достижению цели.

Анализ структуры взаимосвязи самооценок волевых качеств с уровнями саморегуляции и самоконтроля, при наличии множественных связей высокого уровня, обнаружил выраженную специфику. Так, с общим уровнем саморегуляции наиболее тесно связаны самооценки уровня дисциплинированности, ответственности и упорства, в то время как с самоконтролем — целеустремленности и решитель-

ности. Полученные результаты вносят вклад в исследование проблемы волевой регуляции поведения, так как открывают дальнейшие перспективы изучения регуляторных ресурсов становления волевых качеств у подростков.

Литература

- Гордеева Т. О., Осин Е. Н., Сучков Д. Д., Иванова Т. Ю., Сычев О. А., Бобров В. В.* Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 46–58. doi: 10.17759/chrp.2016120205
- Иванников В. А., Гусев А. Н., Барабанов Д. Д.* Связь осмысленности жизни и способа контроля за действием с самооценками студентами волевых качеств. // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2019. № 2. С. 27–44. doi: 10.11621/vsp.2019.02.27
- Моросанова В. И.* Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2021. № 1. С. 3–37. doi: 10.11621/vsp.2021.01.01
- Моросанова В. И., Бондаренко И. Н.* Диагностика осознанной саморегуляции учебной деятельности: новая версия опросника ССУД-М // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 27–37.
- Шульга Т. И.* Некоторые итоги развития проблемы воли и волевой регуляции в исследованиях научной школы // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2020. № 1. С. 8–21. doi: 10.18384/2310-7235-2020-1-8-21

Ментальная регуляция психических состояний студентов: ситуативный аспект*

А. В. Чернов (КФУ, Казань)

В статье рассматриваются ситуативные детерминанты ментальной регуляции психических состояний студентов. В основании исследования лежит концептуальная модель структурно-функциональной организации ментальной регуляции психических состояний субъекта. Исследование проводилось в ходе повседневной (лекция) и напряженной (экзамен) форм учебной деятельности. Показано, что осмысленность жизни и самоотношение напрямую связаны с компонентами психических состояний, тогда как рефлексия – через способы саморегуляции. Установлено, что влияние уровня рефлексии и самоотношения на эффективность саморегуляции психических состояний студентов зависит от напряженности формы учебной деятельности.

Ключевые слова: психическое состояния, ментальная регуляция, ситуация, студент, рефлексия, самоотношение, смысловые структуры.

В контексте системного подхода наиболее эффективным, на наш взгляд, является изучение функционально-структурной организации регуляторного процесса, образование которой обусловлено ситуативно-событийным, деятельностным, временным и культуральными факторами, а также задачами и целью регуляции (Прохоров, 2020). Функциональные структуры включают в себя инвариантные и динамические аспекты проявления функций структур сознания во взаимоотношениях с психическими состояниями, характеристиками предметной и социальной среды и операционализируются посредством регуляторных действий субъекта.

В настоящее время исследования в данной области в большей степени сосредоточены на изучении индивидуальных особенностей саморегуляции, а также на анализе ситуативных факторов, связанных со спецификой саморегуляции в различных условиях деятельности

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-18-00232 «Ментальная регуляция психических состояний».

(Моросанова и др., 2020). В свою очередь, анализ исследований ментальных механизмов саморегуляции показывает, что исследования в этом направлении сосредоточены в изучении вклада отдельных структур сознания в регуляцию психических состояний: смысловых, рефлексивных, системы Я, переживания, ментальных репрезентаций. В контексте исследования саморегуляции в отечественной психологии активно разрабатывается категория «ментального опыта» субъекта, а также производное от него понятие «ментального ресурса» (Осницкий, 2008; Сергиенко и др., 2009; Холодная, 2021). Наибольшее количество исследований посвящено интенциональному компоненту ментального опыта, представленного широким спектром отношений человека (личностные смыслы, смысловые установки, ценностные ориентации). Анализируется когнитивный опыт как компонент ментального опыта и его взаимосвязь с регуляторным процессом. В частности, роль переживаний, рефлексии, ментальных репрезентаций в саморегуляции различных состояний.

В данном исследовании рассмотрены взаимоотношения между ситуациями учебной деятельности субъекта, психическими состояниями, структурами сознания (смысложизненными ориентациями, самоотношением, рефлексией) и операциональными средствами саморегуляции, а также влияние внешних условий (обычные, трудные) на специфику выбираемых регуляторных средств.

В данном исследовании приняли участие 132 студента 2 курса Института психологии и образования КФУ, обучающиеся по направлению «Психология» (средний возраст – 19 лет). Исследование проводилось в повседневных (на лекциях) и в напряженных (на экзаменах) формах обучения. Все исследования проводились в ходе реальных лекционных занятий и экзаменационных испытаний по дисциплине «Общая психология».

В ходе исследования были использованы следующие методики:

1. Опросник «Эффективность саморегуляции психических состояний».
2. Методика «Рельеф психических состояний личности (краткий вариант)» (А. О. Прохоров, М. Г. Юсупов).
3. «Методика исследования самоотношения» С. Р. Пантелеева (МИС).
4. «Методика диагностики уровня развития рефлексивности» А. В. Карпова и И. М. Скитяевой.
5. Методика «Типология саморегуляции психических состояний» А. О. Прохорова и А. Н. Назарова.

6. «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д. А. Леонтьева.

Для анализа полученных данных применялись методы описательной статистики, а также методы математико-статистического анализа данных (корреляционный анализ методом Спирмена, однофакторный дисперсионный анализ), содержащиеся в стандартном пакете программ SPSS v. 23.0.

Цель данного исследования: выявить влияние ментальных структур на психические состояния в повседневных и напряженных ситуациях обучения.

Обратимся к результатам исследования влияния ментальных структур на эффективность саморегуляции психических состояний в различных по напряженности ситуациях обучения (лекция и экзамен). В результате анализа корреляционных связей было установлено, что осмысленность жизни и самоотношение напрямую связано со всеми компонентами психических состояний, тогда как рефлексия взаимодействует с ними опосредованно через способы и приемы саморегуляции. Кроме того, данные взаимосвязи имеют свою специфику, связанную с напряженностью учебной деятельности.

В повседневной ситуации лекции наиболее оптимальные для учебной деятельности психические состояния связаны с высоким уровнем саморегуляции (ощущением себя источником активности и результатов) ($r=0,242$ при $p<0,01$) и низкими показателями внутренней конфликтности ($r=-0,181$ при $p<0,05$). Значимое влияние оказывает и осмысленность жизни, ее интерес и эмоциональная насыщенность (процесс жизни) ($r=0,223$ при $p<0,05$). Рефлексивные структуры, не будучи напрямую связанными с психическими состояниями, оказывают значимое влияние на эффективность их саморегуляции в разных по напряженности ситуациях. Последнее раскрывает опосредующую роль рефлексии во взаимодействии с психическими состояниями и другими ментальными структурами. К примеру, общий уровень рефлексии связан с актуализацией позитивных образов и воспоминаний ($r=0,329$ при $p<0,001$), применением студентами самовнушений и самоприказов ($r=0,298$ при $p<0,01$) в ходе учебной деятельности.

В напряженной ситуации экзамена обнаружены иные закономерности. Здесь наибольшее значение для оптимизации психических состояний имеют высокий уровень уверенности в себе ($r=0,236$ при $p<0,01$) и низкие показатели самообвинения ($r=-0,177$ при $p<0,05$). Готовность поставить себе в вину свои промахи и неудачи, безусловно,

снижает интенсивность переживаемых состояний и приводит к состояниям апатии, уныния. Помимо наличия целей жизни ($r=0,199$ при $p<0,05$), особую значимость имеет и результативность жизни студентов ($r=0,253$ при $p<0,01$), высокая удовлетворенность самореализацией. Взаимосвязи психических состояний и рефлексии здесь также имеют нелинейный характер и опосредованы как операциональными средствами саморегуляции, так и выраженностью компонентов системы Я и смысловых структур.

Далее, для проверки выдвинутой гипотезы был проведен дисперсионный анализ данных, где в качестве факторов влияния выступили напряженность ситуации обучения (лекция/экзамен), общий уровень рефлексивности и характеристика самоотношения (уровень самообвинения) студента. В качестве зависимой переменной выступил общий показатель эффективности саморегуляции психических состояний. Полученная модель обладает высоким уровнем значимости ($p<0,001$), а взаимодействие рассматриваемых показателей достоверно на уровне $p=0,039$.

Было установлено, что влияние уровня рефлексии и самообвинения на психические состояния студентов зависит от напряженности формы учебной деятельности. Отметим, что в повседневной ситуации лекции при низком уровне самообвинения сохраняется высокая эффективность саморегуляции состояний независимо от уровня рефлексивности студентов. По мере роста уровня самообвинения эффективность саморегуляции состояний на лекции снижается, однако при высоком уровне рефлексивности данный эффект менее значителен. В повседневной ситуации низкий показатель самоотношения лишь незначительно влияет на эффективность саморегуляции состояний студентов, при этом высокая рефлексивность позволяет поддерживать высокий его уровень.

В напряженной ситуации экзамена картина меняется: в сопоставлении с лекционной формой обучения эффективность саморегуляции состояний значительно падает. Причем наименее эффективная саморегуляция состояний отмечается в случае высоких показателей самообвинения и низкой рефлексии у студентов. При низком уровне самообвинения эффективность саморегуляции сохраняется на среднем уровне, а со снижением рефлексивности даже повышается. Примечательно, что при высоком уровне самообвинения именно высокая рефлексивность выступает условием эффективности саморегуляции состояний студентов на экзамене.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были выявлены ситуативные детерминанты ментальной регуляции психических состояний студентов. Установлено, что в различных по напряженности ситуациях учебной деятельности взаимосвязь психических состояний, способов саморегуляции и ментальных структур меняется. Взаимосвязи компонентов системы Я, смысловых структур и подструктур психических состояний носят линейный характер, тогда как рефлексия связана с состояниями опосредованно. Обнаружено, что влияние рефлексии на эффективность саморегуляции психических состояний опосредовано уровнем самоотношения и напряженностью ситуации обучения.

Литература

- Моросанова В. И., Кондратюк Н. Г., Гайдамашко И. В.* Надежность осознанной саморегуляции как ресурс достижения целей в профессиях высокого риска // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2020. № 1. С. 77–95. doi: 10.11621/vsp.2020.01.05
- Осницкий А. К.* Регуляторный опыт – основа субъектной активности человека // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008. Т. 1. № 2. С. 17–34.
- Прохоров А. О.* Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 5–18. doi: 10.31857/S020595920007852-3
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Холодная М. А.* «Ментальный опыт» как объяснительное понятие в психологических исследованиях // Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 135–161. doi: 10.38098/thry_21_0439_04

Применение метода психофункциональной разблокировки

Е. В. Шевченко (Москва)

В статье описано применение метода психофункциональной разблокировки у клиентов с психосоматическими реакциями: тревожность, фобии, панические атаки, кожными проявлениями неясного генеза, псориазическими высыпаниями, болями и дискомфортом в спине, бессонницей, эмоциональной лабильностью. Целью работы является описание результатов применения метода психофункциональной разблокировки для определения оптимального количества сеансов для решения запроса/проблемы. В данном исследовании приняли участие 42 чел., в возрасте от 18 до 68 лет. При анализе результатов получен 100% положительный эффект. Побочных реакций не отмечено. Метод психофункциональной разблокировки может быть рекомендован как безопасный метод для коррекции психосоматических заболеваний.

Ключевые слова: психофункциональная разблокировка, #PF_R, коррекция психосоматических расстройств, разрешение бессознательного конфликта, результаты применения #PF_R.

После формирования негативного убеждения нервная система меняется – мир воспринимается искаженно, восприятие опасности и защищенности смещается. Тело принимает определенную негативную программу (недуг), которая на данный момент ему выгодна либо во время формирования которой не было других вариантов. Когда пытаются помочь людям с негативными убеждениями и программами, самая большая проблема заключается в поиске способов перезагрузки их психики, чтобы их собственные механизмы выживания перестали работать против них.

В ведущем мировом научном издании «Science» («Наука», 2000 г.) Дамасио с соавт. опубликовали статью, в которой сообщали, что повторное переживание сильных негативных эмоций провоцирует значительные изменения в участках мозга, получающих сигналы от мышц, кишечника и кожи – тех самых участков, что ответствен-

ны за управление основными функциями по поддержанию жизнедеятельности организма. Полученные учеными результаты исследования головного мозга показали, что воспоминания о произошедшем в прошлом эмоциональном событии вызывают те же самые внутренние ощущения, которые люди испытывали во время самого происшествия. Эмоции каждого типа создают свои собственные характерные ощущения. Так, например, определенная область ствола мозга «активировалась при грусти и злости, однако оставалась неактивной при радости или страхе» (Ван дер Колк, 2020; Main, 1996). Все эти области мозга расположены ниже лимбической системы, и мы признаем их участие каждый раз, когда используем одно из разговорных выражений, связывающих сильные эмоции с телом: «Меня от тебя тошнит»; «У меня мурашки по коже»; «У меня встал ком в горле»; «У меня от ужаса волосы дыбом встали».

Ствол головного мозга вместе с лимбической системой активируются, когда люди сталкиваются с угрозой уничтожения, в результате чего возникает всепоглощающее чувство страха смерти, сопровождаемое сильнейшим психологическим возбуждением. Люди, которые заново переживают негативные эмоции, оказываются заперты в ситуации смертельной опасности, состоянии парализующего страха и аутоагрессии с ощущением неспособности что-либо изменить. У них хронические проблемы со сном, и зачастую они перестают испытывать удовольствие от еды и от жизни, страдают психосоматическими недугами (Майер, 2018; Main, 1996; Pollak et al., 2000).

В классической психологии и психотерапии терапевт помогает вновь и вновь проживать клиенту травмирующую психологическую ситуацию до полной смены убеждения, меняя негативное убеждение на необходимое внушение, которое транслирует терапевт. Основной задачей классического метода является помочь научиться клиенту адекватно реагировать на опасность и возродить способность чувствовать себя защищенным, расслабленным и кому-то нужным (Hesse, Main, 2006; Main, 1996).

В результате теоретического анализа установлено, что исследователи еще не выявили, где закачивается тело и начинается психика, потому что любое психическое действие имеет физические последствия и каждое физическое действие несет психические последствия. Эти взаимосвязи заложены в основу метода психо-функциональной разблокировки (#PF_R). Во время использования метода #PF_R активируются глубинные взаимосвязи между телом и подсознанием экологичным и безопасным для клиента образом, что позволяет клиен-

ту самостоятельно изменить негативную программу, разрешив свой внутренний бессознательный конфликт в комфортном ритме, используя истинный собственный язык тела.

Методика исследования

Метод #PF_R – это отдельное направление в современной психологии. Механизмы данного метода основаны на глубинном психофизическом взаимодействии подсознания и тела. Метод #PF_R позволяет клиенту проживать свою психологическую травму самостоятельно, разрешая свой внутренний конфликт на уровне подсознания без вмешательства извне. Методика данного метода состоит из четырех основных блоков: демонстрация мета-сообщения, вербальной части, динамической части, интервью клиента.

- Первый блок: демонстрация мета-сообщения. В основу метода #PF_R входит трансляция и передача мета-сообщения подсознанию. Мета-сообщение – это записанное и смонтированное определенным образом видео, включающее в себя трансляцию клиентами своих состояний до, во время терапии и после, сопровождаемое специальными установками для раскрытия подсознания клиента, а также истинной причины его внутренних конфликтов, заблокированных в теле эмоций.
- Второй блок – это вербальная часть. Во время сеанса терапевт пребывает в состоянии рабочего транса, в который входит до начала сеанса и транслирует его клиенту или группе.

Рабочий транс – это измененное состояние сознания, которое является функциональным состоянием психики, связывающим сознательное и бессознательное функционирование индивида, в котором степень сознательного участия в обработке информации изменяется. Рабочее трансовое состояние отличается от обычного направленностью внимания во внутрь, т. е. на воспоминания, образы, ощущения, грезы, фантазии, а не фокусируется на внешнем восприятии действительности, как при обычном состоянии сознания.

Во время вербальной части терапевт дает установки на раскрытие и разрешение бессознательного конфликта клиента, с которыми он пришел.

- Третий блок – это динамическая часть, во время которой выполняется процесс запуска тела клиента. В теле самопроизволь-

но появляются абреакции. Во время динамической части тело само меняет негативную программу в собственном ритме. Метод #PF_R используется как групповая практика, так и индивидуальная. Групповая динамика дает возможность подсознанию раскрываться быстрее, что ускоряет процессы восстановления организма.

- Четвертый блок является завершающим и включает в себя интервью клиента: «Как себя чувствуешь? Как можешь описать свое состояние? Как будешь с этим жить дальше?».

Таким образом, мета-сообщение создает резонанс с подсознанием, затем, используя динамические техники #PF_R, у клиента включаются в работу тело, которая проявляется абреакциями. Клиенту не нужно что-либо рассказывать или озвучивать терапевту, что является огромным плюсом в раскрепощении клиента. Во время данного метода именно тело выражает зажатые эмоции и телесные блоки путем самопроизвольных движений, мышечных сокращений, кашля, самопроизвольных эмоций.

После завершения динамической части необходимо завершить сеанс путем интервьюирования клиента, при котором клиент сам характеризует свое состояние и определяет наилучший вектор изменений своего эмоционального и физического состояния.

Участники исследования

В исследование вошли 42 чел. Из них было 23 женщины (54,8%) и 21 мужчина (45,2%). В возрасте от 18 до 68 лет. Медиана возраста составила 35 лет, средний возраст – 37,5 лет. Средний возраст у клиентов мужского пола составил 32,5 года, у женщин – 39,1 лет.

Проблемы, с которыми обращались клиенты, имели следующую структуру:

- тревожность и наличие панических атак, фобий в анамнезе были отмечены у 21 клиента (50%);
- чувство дискомфорта и болей в спине неясного генеза – у 13 клиентов (31%);
- высыпания неясного генеза или псориазические высыпания различной локализации – у 6 клиентов (14,2%);
- бессонница – у 1 клиента (2,4%);
- эмоциональная лабильность – у 1 клиента (2,4%).

Процедура исследования

Перед применением метода #PF_R клиента опрашивали с целью выявления критериев исключения. Все клиенты были проинформированы о проведении и ходе ведения сеанса #PF_R, на что давали свое согласие. Затем проводили сеанс #PF_R по схеме, описанной выше. Контрольное анкетирование проводилось по телефону или мессенджером через сутки после сеанса, 3 дня и 1–3–6 месяцев после проведенного сеанса. На повторный сеанс клиент приглашался не ранее чем через 3–7 дней. Количество сеансов у одного клиента варьировалось от 1 до 5. Среднее количество сеансов у 42 клиентов составило 1,8 сеансов. Продолжительность одного сеанса составила до 3 часов, средняя продолжительность сеанса была 2,5 часа.

Статистические гипотезы

Была выдвинута статистическая гипотеза, что для достижения положительного результата необходимо от 3 сеансов и более.

Статистические критерии

Критериями включения были: возраст от 18 лет, наличие жалоб в виде тревожности, фобий, панических атак в анамнезе, наличие болевого синдрома неясного генеза, проявления аутоагрессии в виде кожных высыпаний неясного генеза или псориатические высыпания различной локализации.

Критериями исключения были: детский возраст, наличие недавно перенесенного инсульта, инфаркта, сердечной недостаточности; эпилепсии; психиатрических заболеваний; задержка физического и умственного развития, пороки развития; слабоумие; болезни Альцгеймера и Паркинсона; органического поражения головного мозга; онкологии; сахарного диабета; беременности и грудное вскармливание; раннего и позднего послеоперационного периода.

Результаты

У всех участников исследования (100%) удалось получить удовлетворительный положительный стойкий результат после проведения #PF_R. В среднем положительный эффект удавалось получить

уже в первые 1–7 дней после проведения сеанса #PF_R, в среднем – 3,7 дня. У женщин и мужчин эффект наступал после 1,8–1,9 сеанса и не коррелировал с половой принадлежностью, запросом или проблемой, с которой пришел клиент. Последующие дополнительные сеансы проводились с целью улучшения эффекта или закрепления полученного результата. Отрицательных эффектов и побочных явлений не было получено.

У клиентов с кожными высыпаниями неясного генеза отмечается значительный регресс кожных проявлений без применения лекарственных препаратов и других местных воздействий.

Обсуждение результатов

Была опровергнута статистическая гипотеза, что для достижения положительного результата необходимо от 3 сеансов и более, так как в среднем положительный результат был получен после 1–2 сеансов.

Выводы

Описываемая методика является достоянием РФ, неся в себе идеологическую культуру и наследие русских ученых В. М. Бехтерева и И. М. Сеченова. Данный метод был запатентован, является авторской методикой и сертифицирован. За короткое время своего существования показал себя как мощный универсальный инструмент в психологии и психотерапии. Метод #PF_R является наиболее быстрым способом коррекции психосоматических реакций, панических атак, фобий, тревожности и даже некоторых органических поражений организма. За время использования методики были получены отличные результаты в 100% случаев. Не получено ни одного случая рецидива. Побочных явлений не отмечено. Метод #PF_R может быть рекомендован как безопасный альтернативный или дополнительный метод для коррекции психосоматических заболеваний.

Литература

Ван дер Колк Б. Тело помнит все. Какую роль психологическая травма играет в жизни человека и какие техники помогают ее преодолеть. М.: Эксмо, 2020.

Майерс Т. Анатомические поезда. М.: Эксмо, 2018.

Hesse E., Main M. Frightened, threatening and dissociative parental behavior in low-risk samples: description, discussion and interpretations // *Development and Psychopathology*. 2006. V. 18. № 2. P. 309–43.

Pollak S. D., Cicchetti D., Hornung K., Reed A. Recognizing emotion in faces: developmental effects of child abuse and neglect // *Developmental Psychology*. 2000. V. 36. № 5. P. 679–688.

Main M. Overview of the field of attachment // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1996. V. 64. № 2. P. 237–243.

Регуляция и саморегуляция состояний: использование созерцательных практик в консультировании

Р. Р. Ярмолюк (АНО «Здоровье.ру», Москва)

В данной статье приведен обзор современных научно-доказательных подходов на основе созерцательных практик, используемых в психотерапии и консультировании для достижения психотехнического эффекта.

Ключевые слова: созерцательные практики, осознанность, терапия, сфокусированная на сострадании, терапия принятия и ответственности, диалектическая поведенческая терапия, схема-терапия.

Изучение созерцательных практик в контексте так называемых «созерцательных наук» представляет собой перспективную область на стыке психологии, философии и нейронауки. Эта относительно новая область исследований изучает влияние созерцательных практик на разум, мозг и общее благополучие. Хотя созерцательные практики, такие как медитация, осознанность и йога, существовали в различных культурах на протяжении веков, в последние десятилетия они получили значительное внимание в научных исследованиях и терапевтическом применении.

Актуальность исследования использования созерцательных практик в русскоязычном пространстве особенно высока, учитывая три различные, но взаимосвязанные проблемы:

- Во-первых, недостаток качественных научных исследований, переводов и, что более важно, должной апробации и валидации методов в этой области препятствует продвижению знаний и ограничивает доступность научно обоснованных подходов, использующих такие практики.
- Во-вторых, специалисты в области психологического консультирования сталкиваются с проблемой растущей популярности таких подходов, что часто приводит к использованию методик, не прошедших научную проверку и апробацию на русскоязыч-

ных группах, и это вызывает сомнения в эффективности и целесообразности таких вмешательств.

- В-третьих, так как тренинги и терапевтические подходы, включающие созерцательные практики, не прошли должную апробацию на русскоязычной выборке, люди, которые обращаются за помощью к психологам, использующим данные методики (так называемый «конечные потребители»), сталкиваются с проблемой получения некачественных услуг в виде упомянутых выше тренингов и подходов. Эти три взаимосвязанные проблемы подчеркивают настоятельную необходимость проведения тщательных исследований, кросс-культурной валидации и повышения уровня подготовки специалистов для обеспечения высококачественного и научно обоснованного применения созерцательных интервенций в области психологического консультирования в России.

Цель данной статьи – пролить свет на текущее состояние научного изучения созерцательных практик, определение ключевых областей поиска и обсуждение потенциального влияния этих практик на отдельных людей и общество в целом. Признавая развивающийся характер этой новой области, мы надеемся, что данная работа поможет заложить основу для наших будущих исследований созерцательных практик и их преобразующего потенциала.

Созерцательные практики – это психотехнические методы, включающие в себя ту или иную форму ментального тренинга и делающие упор на осознанность, рефлекссию и/или самоисследование для целей психологической трансформации и саморегуляции (Mindfulness-oriented interventions..., 2015).

Перечень подходов, использующих осознанность, медитацию и другие созерцательные техники, содержит, но не исчерпывается следующими модальностями: терапия принятия и ответственности, терапия, сфокусированная на сострадании, схема-терапия, когнитивная терапия, основанная на осознанности, и диалектическая поведенческая терапия. В данной статье дается краткий обзор места созерцательных практик в перечисленных интервенциях.

Терапия принятия ответственности (Acceptance and Commitment Therapy, АСТ) – это метод поведенческой терапии, основанный на теории реляционных фреймов (Relational Frame Theory) ориентированный на развитие психологической гибкости. Терапия принятия и ответственности ставит целью развитие 6 так называемых процессов психологической гибкости, два из которых – ценности (values) и привержен-

ные действия (committed action) — составляют основу поведенческих изменений, в то время как оставшиеся четыре — контакт с настоящим (contact with the present moment), наблюдающее я (observing self), когнитивное разделение (de-fusion) и принятие (acceptance) — связаны непосредственно с осознанностью. Контакт с настоящим определяет основополагающий принцип практики осознанности — внимательность или сосредоточение на том, что происходит в окружении прямо сейчас и в меньшей степени на событиях прошлого или будущего. Наблюдающее я (или «я-как-контекст») означает способность занимать позицию наблюдателя, в том числе по отношению к собственным внутренним переживаниям. Когнитивное разделение связано со способностью осознавать мысли как ментальные явления, без заикленности на них. Принятие подразумевает дозволение любых неприятных эмоций, ощущений и переживаний. Принимать означает допускать любые неприятные переживания, если это позволяет приблизиться к своим личным ценностям (Harris, 2009).

Когнитивная терапия на основе осознанности (Mindfulness-based cognitive therapy, МВСТ) — это групповая программа, изначально созданная для помощи пациентам, страдающим рекуррентным депрессивным синдромом. В своем подходе авторы Д. Тисдейл, З. Сигал и М. Уильямс попытались объединить концепцию медитации осознанности с когнитивной моделью депрессии. Появившаяся как развитие программы снижения стресса на основе осознанности (Mindfulness-based stress reduction), модель МВСТ базируется на принципах медитации осознанности, которая дополняется когнитивными техниками. Практика осознанности позволяет распознавать автоматические мысли и замечать первичное снижение настроения при депрессии. Благодаря тому, что участник учится допускать мысли и чувства без избегания или борьбы с ними, негативные мысли и переживания не подавляются, а руминации ослабляются. МВСТ таким образом учит распознавать состояния, свидетельствующие о приближающемся рецидиве депрессии, развивая способность выходить из старых когнитивных и поведенческих паттернов и предоставляя пациентам с хроническим течением депрессии более надежные стратегии совладания (Фресвайк и др., 2021).

Схема-терапия (Schema-therapy) — это относительно молодой развивающийся интегративный подход, представленный Д. Янгом в 1990 г. и объединяющий в себе элементы когнитивно-поведенческой терапии, теорий привязанности, а также гештальт-терапии и экс-

перцепционные техники. Существующий протокол, который объединяет схема-терапию и осознанность – ST-МВСТ, рассчитан на 8 сессий, которые могут быть использованы в качестве самостоятельного протокола или как часть общего цикла терапии. В схема-терапии выделяются особые состояния, именуемые режимами, которые вызываются активацией схем. Осознанность в контексте схема-терапии помогает распознавать, когда срабатывают схема-режимы (такие как «детские» состояния, критикующие режимы или дезадаптивные копинги), и выбирать свою реакцию осознанно, а не автоматически (Фресвайк и др., 2021).

Терапия, сфокусированная на сострадании (Compassion-focused therapy, CFT), разработанная П. Гилбертом, сосредоточена вокруг помощи людям с высоким уровнем стыда и самокритики и объединяет в себе методы когнитивно-поведенческой терапии с концепциями эволюционной науки и буддийской психологии. В центре терапевтического метода CFT – тренинг сострадательного ума (compassionate mind training), цель которого – развитие сострадания как навыка. Теоретическая парадигма CFT основана на эволюционной теории. Выделяются три основные системы регуляции эмоций: система угрозы (защиты), система влечения (поиск ресурсов) и система успокоения. Благодаря использованию таких созерцательных техник, как медитация на сострадании и осознанность, клиенты учатся управлять состояниями внутри каждой системы и более адекватно реагировать на ситуации. Также тренинг сострадательного ума призван трансформировать проблемные когнитивные и эмоциональные паттерны, связанные с тревогой, гневом, стыдом и самокритикой (Gilbert, 2009).

Диалектическая поведенческая терапия (Dialect behavior therapy, DBT) – это разновидность когнитивно-поведенческой терапии, созданная М. Линехан, в которой методы, основанные на осознанности, используются для эмоциональной и поведенческой саморегуляции. Первоначально метод DBT был разработан для лечения пограничного расстройства личности, а в настоящее время используется для решения целого ряда проблем, включая суицидальное поведение, самоповреждение, расстройства пищевого поведения и зависимость от психоактивных веществ. Основной групповой протокол DBT направлен на развитие навыков регуляции эмоциональных состояний, осознанности, межличностной эффективности и устойчивости к стрессу, чтобы с их помощью заменить дисфункциональное поведение более здоровыми альтернативами (Linehan, Wilks, 2015).

Уже сейчас целый ряд современных научно-доказательных подходов психотерапии обращается к использованию созерцательных практик для решения широкого ряда прикладных, тренинговых и клинических задач. Сотни исследований и десятки мета-анализов подтверждают эффективность осознанности, (само)сострадания, медитации, йоги и других практик, заимствованных из созерцательных традиций. Так как изучение созерцательных практик – это относительно новое, но при этом достаточно многообещающее направление исследований, дальнейшие изыскания в данной области представляются крайне важными и перспективными.

Мы надеемся, что за первыми работами по изучению созерцательных практик в условиях русскоязычной ментальности последуют дальнейшие исследования, направленные на валидизацию и апробацию упомянутых методик для повышения уровня научно обоснованного применения созерцательных интервенций в области психологического консультирования на территории России.

Литература

- Фресвайк М., Бруснер Дж., Шуринк Г.* Осознанность и схема-терапия: Практическое руководство. М.: Научный мир, 2021.
- Gilbert P.* Introducing compassion-focused therapy // *Advances in Psychiatric Treatment*. 2009. V. 15. № 3. P. 199–208. doi: 10.1192/apt.bp.107.005264
- Harris R.* ACT made simple: an easy-to-read-primer on acceptance and commitment therapy. Oakland: New Harbinger Publications, 2009.
- Linehan M. M., Wilks C. R.* The course and evolution of dialectical behavior therapy // *American Journal of Psychotherapy*. 2015. V. 69. № 2. P. 97–110. doi: 10.1176/appi.psychotherapy.2015.69.2.97
- Mindfulness-oriented interventions for trauma: integrating contemplative practices / Eds V. M. Follette, J. Briere, D. Rozelle, J. W. Hopper, D. I. Rome. N. Y.: The Guilford Press, 2015.

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Представления о реальном и виртуальном Я у подростков

В. А. Баранова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),

О. О. Савина (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Сравниваются представления подростков о реальном Я и сконструированном в социальных сетях. Выборка: 42 учащихся 7–8 классов школы г. Москвы; 13–15 лет (17% юношей, 83% девушек); онлайн-форма, 2022 г. Методы: тест Куна и Макпартленда «Кто Я?» (модификация «Кто я онлайн?»), опросник «Аспекты сетевой идентичности» (Богдановская, Фленина, 2013); семантический дифференциал – оценка «Я реального», «Я в Интернете» по 10 полярным характеристикам. Результаты: в представлениях подростков о реальном и виртуальном Я преобладают положительные характеристики, значимые для коммуникации; негативных самоописаний значительно меньше. Выявлено сходство характеристик реального и виртуального Я, что указывает на стремление к непротиворечивости реальных и конструируемых в сети компонентов идентичности.

Ключевые слова: образ Я, идентичность, конструирование идентичности, социальные сети, подростковый возраст.

В подростковом возрасте происходит формирование внутреннего мира человека, становление идентичности, переход к более осознанному преобразованию, конструированию Я.

А. В. Брушлинский подчеркивал значимость саморазвития, самоформирования по мере взросления, поскольку именно через внутренние условия действуют внешние причины и влияния (Брушлинский, 2003). В связи с возрастанием динамичности общественных процессов обостряются проблемы становления идентичности личности и подростку нужно быть готовым к трансформациям и перестройкам своего Я. Под трансформацией, с точки зрения деятельностно-смыслового подхода, понимается работа «субъекта (личности, идентичности) во взаимодействии процессов (работы, практики) умирания и воскресения (утраты и обретения) идентичность, тотальность субъекта, личности повторяется, воспроизводится, но в то же время обновля-

ется, изменяется, различается, становится иным» (Магомед-Эминов, 2013, с. 119).

Взросление сегодня характеризуется тем, что цифровые технологии предоставляют широкие возможности конструирования различных образов Я в виртуальном пространстве. Внимание исследователей смещается в область изучения человека в киберсреде, виртуальной идентичности, цифровой ресоциализации (Войскунский и др., 2013; Магомед-Эминов, 2013; Солдатова и др., 2018; Фленина и др., 2014). Социальные сети, с одной стороны, становятся площадкой для самопрезентации, знакомств, обмена информацией, конфликтов; с другой, приводят к снижению заинтересованности в реальном общении, в котором формируется самоидентичность. Идентичность в интернет-пространстве конструируется из готового материала; она вторична, представляет собой совокупность знаков. Подростки сознательно изменяют собственную идентичность в киберпространстве, создавая тот образ себя, который соответствует их идеалам, но может быть далек от реального и привести к рассогласованию между реальным и сконструированным Я.

Целью исследования было сравнение представлений подростков о своем реальном Я и Я в социальных сетях. Исследование проводилось в 2022 г. на платформе onlinetestpad.com.

Методики:

- 1) для изучения содержательных характеристик идентичности личности использовался тест свободных самоописаний Куна и Макпартленда «Кто Я?» (модификация «Кто я онлайн?»);
- 2) опросник «Аспекты сетевой идентичности» И. М. Богдановской и Т. А. Флениной, выявляющий когнитивно-поведенческую и аффективную составляющие сетевой идентичности;
- 3) модификация методики «Семантический дифференциал»: семибальная оценка «Я реального», «Я в Интернете» по 10 полярным характеристикам.

После выполнения опроса можно было получить обратную связь. Статистическая обработка проводилась на платформе onlinetestpad.com (процентный анализ ответов), а также с использованием программы MS Excel (подсчет среднего арифметического и моды, U-критерия Манна–Уитни для определения значимости различий). Проведен контент-анализ самоописаний подростков. Респонденты: учащиеся 7–8 классов в возрасте от 13 до 15 лет, 42 чел. — 17% юноши, 83% девушки.

Основные результаты

Популярными социальными сетями у респондентов являются «В контакте» (95,2%), «Telegram» (54,8%) и социальная сеть/видеоплатформа «ТikТок»; 26% используют другие платформы. Данные сети предоставляют возможность общаться, следить за чьей-то жизнью, вступать в группы. Выбор онлайн-сообществ позволяет утверждать, что основной функцией соцсети для подростков является общение.

Две трети опрошиваемых (66,6%) создавали более одного аккаунта, что свидетельствует о недостаточности для подростка одного аккаунта для самовыражения. Между аккаунтами (поведением владельца в зависимости от аккаунта) существует различие, что показывает стремление экспериментировать со своим образом в виртуальном пространстве.

Количественно-качественный анализ самоописаний Я реально и онлайн-Я (538 характеристик, 12% (64) – социальные роли, 88% (474) – персональные) показывает, что наиболее популярными являются: общительный, ленивый, открытый, добрый, человек, друг/подруга, имя. Эти характеристики совпали с наиболее популярными описаниями своего онлайн-Я. Высокочастотные характеристики реального и виртуального Я связаны с коммуникативной сферой, коммуникативными ролями, что согласуется с ведущей потребностью подросткового возраста – в общении. Наиболее ярко представлены положительные характеристики Я, значимые для коммуникации с другими; негативных самоописаний существенно меньше. Выявлены возрастные особенности самопредставлений: 1) количество характеристик у 14–15-летних подростков ($x_{\text{ср.}} = 15$) ниже, чем у 13-летних ($x_{\text{ср.}} = 19$) ($p < 0,05$); 2) у 13-летних в целом преобладают персональные самоописания, что говорит о незавершенности активного процесса формирования идентичности. Несколько меняется соотношение персональных и ролевых характеристик: у 14–15-летних количество ролей выше, чем у 13-летних ($p < 0,05$); 3) у более старших респондентов больше несовпадений между представлениями о реальном Я и онлайн-Я: у 13-летних совпадают более 50% характеристик, у 14–15-летних – менее 30%; 4) у более старших подростков снижается число негативных самоописаний по сравнению с 13-летними ($p < 0,05$). Сравнение по полу обнаруживает несколько тенденций, девушки в большей мере: 1) дают персональные характеристики, чем ролевые; 2) видят в себе отрицательные черты; 3) отмечают

совпадение представлений о реальном Я и Я в социальных сетях (так как выборка была сдвинута в сторону женского пола, сделать более обоснованные выводы невозможно).

Сравнение реального и онлайн-Я по методике «Семантический дифференциал» демонстрирует их различия ($p < 0,05$): 1) самооценка реального Я по показателю «лень—целеустремленность» имеет тяготение к полюсу «лень» ($x_{cp} = 1,9$), в то время как самооценка виртуального Я сдвинута к полюсу «целеустремленность» ($x_{cp} = 4,85$); 2) по показателю «закрытость—открытость» самооценка виртуального Я выше ($x_{cp} = 5,18$), чем реального Я ($x_{cp} = 4,35$); 3) по показателю «отталкивающий—привлекательный» самооценка виртуального Я ($x_{cp} = 5,62$) выше, чем реального Я ($x_{cp} = 4,80$). По другим характеристикам реальное и виртуальное Я подростков либо совпадают, либо незначительно различаются, что свидетельствует о стремлении к непротиворечивости реальных и конструируемых в сети содержательных компонентов идентичности.

Обнаружены тенденции различий представлений о реальной и виртуальной идентичности у юношей и девушек: у девушек виртуальное Я является более положительным. Также прослеживается тенденция у 13-летних подростков описывать свое виртуальное Я более положительным, чем реальное, у 14–15-летних виртуальное и реальное Я не дифференцировано.

Анализ результатов по опроснику «Аспекты сетевой идентичности» показывает, что для выборки в целом характерно:

1. Отрицание выбора групп в соцсетях в зависимости от пола участников и нахождения единомышленников; скорее, сообщества и группы используются для удовлетворения своих потребностей и интересов. Респонденты не согласны, что для них предпочтительнее использовать ненастоящее имя в Интернете и использовать аватар для представления собственного Я; что в виртуальной реальности более свободно выражать чувства и эмоции, а также лучше увидеть свои недостатки.
2. Согласие с тем, что в Интернете подростки придерживаются тех же мнений и интересов, что и в реальной жизни; что круг общения скорее влияет на выбор групп и формата общения, а возраст определяет интересы в социальных сетях. Респонденты признают, что получают больше удовольствия от взаимоотношений в Интернете, чем в реальности; отмечают, что их виртуальная

жизнь повлияла на качества, присущие реальному Я, что в Интернете они могут показать себя с лучшей стороны.

3. Неопределенной является возможность узнать о себе новое через виртуальное общение, производимое впечатление и манеры в Интернете (что связано с недостаточно развитыми навыками рефлексии).

Выводы

Реальная и виртуальная идентичности подростков схожи. Персональные характеристики личности и присущие ей социальные роли имеют тенденцию к сохранению в обоих форматах: выявлена ценность имени, идентификации с ним, принятия; подростки считают, что факторы из реальности частично определяют поведение в виртуальном пространстве, и основные характеристики Я сохраняются.

В то же время для 13–15-летних подростков важно, что в сети они могут показать себя с лучшей стороны: больше возможностей для реализации себя, в том числе как собеседника, для исправления недостатков, — на виртуальной платформе больше средств для самовыражения и изменений тех факторов, которые не подвергаются коррекции в реальности. Виртуальное Я большинства респондентов является более положительным, подростки сознательно изменяют свою идентичность в киберпространстве, что приводит к поддержанию позитивной самооценки и самоуважения.

Проявилась тенденция, что девушки в большей степени склонны к изменению своей идентичности в киберпространстве, не по интересам и взглядам, а по производимому впечатлению образа Я в сети.

Полученные данные об образе Я у подростка могут быть использованы в работе по формированию адекватного образа Я, развитию коммуникативной компетенции подростка.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Войкунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю.* Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.

- Магомед-Эминов М. Ш.* Смерть и воскрешение как две ипостаси субъекта // Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Т. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 119–121.
- Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н.* Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 105–124.
- Фленина Т. А.* Семантическое пространство понятия «Сетевая идентичность» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 171. С. 310–314.

Зависимость от социальных сетей как фактор формирования деструктивной субъектности личности

Т. В. Белых (СГУ им. Н. Г. Чернышевского, Саратов)

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление связи индивидуально-психологических особенностей личности с зависимостью от социальных сетей, определяющих деструктивный или созидательный вектор формирования субъектности. Методы: теоретический анализ; опросники, корреляционный анализ (по Спирмену), факторный анализ. Выявлен симптомокомплекс свойств у респондентов с зависимостью от социальных сетей, определяющий предпосылки к проявлению деструктивной субъектности. Полученные факты могут быть использованы для разработки и осуществления психопрофилактической работы, с целью обеспечения оптимальной самореализации личности в условиях цифрового взаимодействия.

Ключевые слова: зависимость от социальных сетей, созидательная субъектность, деструктивная субъектность, структура интегральной индивидуальности, самореализация, цифровое взаимодействие.

Проблема изучения формирования субъектности личности в процессе ее становления остается актуальной. На сегодняшний день существуют разные представления о типах субъектности. В зарубежной и отечественной психологии выделяют такие ее виды, как: продуктивная субъектность (Д. Шварц), разъединенная и соединенная субъектность (Х. Р. Маркус, С. Китаёма), делегированная субъектность (З. И. Рябкина), истинная/навязанная субъектность (Г. Ю. Фоменко). В наших предыдущих исследованиях были определены два вида субъектности – созидательная и деструктивная (Белых, 2003, 2017).

Созидательная субъектность личности характеризуется проявлением свойств субъекта саморазвития в пределах диапазона психологической нормы-акцентуации, когда актуальное «Я» способно интегрироваться в «высшее Я», достигая тождественности между нравственными ценностями «Я» и системой общечеловеческих цен-

ностей; при деструктивном типе саморазвития интегральной индивидуальности обнаруживается ограничение возможностей выхода за рамки эгоцентрических ценностей «Я» с преобладанием психологических механизмов декомпенсации, дезадаптации в пределах диапазона аномальной личностной и поведенческой изменчивости, что определяет проявление в деятельности и общении деструктивной субъектности (Белых, 2003).

Цифровизация различных сфер жизнедеятельности порождает проблему изучения влияния включенности личности в цифровую коммуникацию и типа субъектности, которую человек в ее условиях реализует. Исследованию связи личностных свойств, зависимости от использования смартфона и социальных сетей были посвящены наши работы в составе коллектива авторов (Шейнов и др., 2023, 2022). Цифровая коммуникативная среда может оказывать существенное влияние на сформированность комплекса психологических свойств, определяющих как характер эмоциональных состояний и психологических особенностей, так и способ самореализации личности. Данное предположение выступило в качестве гипотезы проведенного исследования.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось в 2021–2022 гг. В исследовании приняли участие 154 студента 1–3 курсов в возрасте от 17 до 20 лет, средний возраст – 18,6 лет, $SD = 0,61$, юношей 45%, девушек 55%. Были использованы следующие методы: опросник зависимости от социальных сетей» (ЗСС-15) В. П. Шейнова; короткая версия САС-16 опросника «Шкала зависимости от смартфона» В. П. Шейнова; Опросник ассертивности (А26) В. П. Шейнова; опросник «Оценка степени незащищенности индивида от манипулятивных воздействий» (НЗМ) В. П. Шейнова; «Методика диагностики потенциала коммуникативной импульсивности» В. А. Лосенкова; Опросник «Нарцисс ли вы?» Е. Кот; Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (В. М. Русалов); Фрайбургский личностный опросник (модифицированная форма «В») (А. А. Крылов и Т. И. Ронгинская); методика диагностики стрессоустойчивости и социальной адаптации (Т. Холмс и Р. Праге); Методика диагностики уровня невротизации (Л. И. Вассерман); Опросника «Восприятие Интернета» (Е. А. Щепилина). Использовался корреляционный анализ (по Спирмену) и факторный анализ

с использованием процедуры Varimax (по методу главных компонентов) в пакете программы SPSS Statistics v. 26.0.

Результаты исследования

При изучении особенности симптомокомплекса индивидуальных и личностных свойств в структуре интегральной индивидуальности у студентов вуза с выраженной зависимостью от социальных сетей было обнаружено, что зависимость от социальных сетей связана с зависимостью от использования смартфона, что соответствует данным, полученным в предыдущих наших исследованиях на российской и белорусской выборках респондентов (Шейнов и др., 2023). Помимо этого факта, на данной выборке респондентов обнаружена связь между зависимостью от использования социальных сетей и «нецеленаправленным использованием Интернета», что может иллюстрировать наличие определенной стратегии самореализации в условиях интернет-коммуникации у лиц с цифровыми аддикциями.

Студенты, проявляющие зависимость от использования социальных сетей на уровне проявления индивидуальных свойств (психодинамические свойства и эмоциональные состояния), характеризуются высокой эмоциональной лабильностью, низкой моторной и коммуникативной эргичностью, низкой скоростью интеллектуальных действий и склонностью эмоционально реагировать на возможные неудачи при осуществлении интеллектуальной активности.

На уровне проявления личностных свойств связь обнаруживается между депрессивностью, невротичностью и нецеленаправленным использованием Интернета. Свойства личности, проявляющиеся в процессе коммуникации, характеризуются наличием связи между застенчивостью и открытостью, с одной стороны (положительные факторные веса), и низкой общительностью (отрицательный полюс фактора) – с другой.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что особенности проявления индивидуальных свойств и их связь с такими характеристиками, как низкая общительность, невротичность, депрессивность, зависимость от использования смартфона и предпочтение нецеленаправленно использовать Интернет, создают предпосылки для возникновения компенсаторных процессов, ограничивающих приспособительные возможности личности к контактному взаимодействию, способствующих дрейфу в сторону невротизации и ано-

мальной личностной изменчивости, а следовательно, снижению личностной ресурсности, что может выступать основанием проявления деструктивной субъектности. В свою очередь, зависимость от использования социальных сетей может выступать как компенсация низкой выраженности моторной и коммуникативной выносливости, скорости обработки информации и высокой эмоциональности лабильности со стороны биологически детерминированных (психодинамических характеристик личности). В дальнейших исследованиях предполагается расширить состав изучаемого симптомокомплекса свойств для выявления системы нравственных и ценностных установок, с целью проверки гипотезы о возможной трансформации ценностно-смысловой сферы личности субъекта инфокоммуникации, характеристики которой являются значимой составляющей проявления созидательной или деструктивной субъектности личности.

Литература

- Белых Т. В.* Психологические закономерности динамики субъектных свойств в структуре индивидуальности. М.: Илекса—Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003.
- Белых Т. В.* Субъект саморазвития: социальные представления и различия в способе самореализации // Социальная психология личности и акмеология: сборник материалов Международной научно-практической конференции / Под ред. Р. М. Шамионова, М. А. Кленовой. М.: Перо, 2017. С. 34–40.
- Шейнов В. П., Белых Т. В., Низовских Н. А., Девицын А. С.* Личностные корреляты зависимости от социальных сетей белорусских и российских мужчин и женщин // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 1. С. 132–149. doi: 10.17759/sps.2023140108
- Шейнов В. П., Низовских Н. А., Белых Т. В., Девицын А. С.* Связи зависимости от смартфона с личностными качествами и свойствами белорусов и россиян // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 2. С. 60–74.

Роль причин помощи во взаимосвязи просоциального поведения онлайн и просоциальных намерений оффлайн*

М. А. Бульцева (НИУ ВШЭ, Москва)

Просоциальное поведение оказывает позитивное влияние как на благополучие отдельных лиц, так и на сплоченность и устойчивость общества в целом. В связи с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий появился новый контекст реализации просоциального поведения – просоциальное поведение онлайн. Данное исследование имело своей целью проверку гипотез позитивной ассоциации и кликтивизма в отношении просоциального поведения, а также выявление роли причин помощи онлайн. Кросс-секционное исследование было реализовано на выборке из 200 респондентов из разных регионов РФ. Результаты исследования показали, что просоциальное поведение онлайн позитивно связано с просоциальными намерениями в реальной жизни, однако причины помощи онлайн могут усиливать или ослаблять эту связь.

Ключевые слова: просоциальное поведение, онлайн-контекст, просоциальные намерения, причины помощи.

Просоциальное поведение охватывает разные виды добровольной активности человека, нацеленные на благо других. При этом человек может реализовывать просоциальное поведение в разных формах и контекстах. В последние десятилетия возрастает включенность людей в использование информационно-коммуникационных технологий, и в целом важность Интернета и компетенций по его использованию, и сформировался вид просоциального поведения в онлайн-контексте. Исследования показали различия в причинах включенности в просоциальное поведение онлайн и в реальной жизни вне сети (оффлайн) на примере индивидуальных ценностей (Ефремова, Бульцева, 2020). Дальнейший анализ контекста показал, что, в сравнении с просоциальным поведением оффлайн, реализация

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00169-П.

действий на благо других онлайн более безопасная, легкая, быстрая, помогает удовлетворять социальные потребности в принадлежности и общении, а также в связи с публичностью дает возможность создать позитивный образ себя.

Реальность большинства современных людей в той или иной степени включает «проживание параллельных жизней» онлайн и оффлайн. Высокую актуальность приобретает вопрос, как связана реализация одних и тех же видов поведения в сети Интернет и реальной жизни. Данное исследование рассматривает этот вопрос на примере просоциального поведения. Во взаимоотношении поведения онлайн и оффлайн может возникнуть негативный эффект «кликтивизма» (Lane, Dal Cin, 2018). Он состоит в том, что после выполнения относительно простых действий в Интернете – например, репост какого-то сообщения, что в целом можно расценивать как вид онлайн-помощи – люди менее склонны впоследствии помогать оффлайн. Объясняется этот эффект особенностями менеджмента впечатлений, теорией гратификации, праймингом нарциссизма, а также такими особенностями Интернета, как публичность, легкость оказания помощи. Однако существует альтернативная гипотеза «позитивной ассоциации», которая состоит в том, что поведение онлайн приводит к релевантному поведению в реальной жизни. Данная гипотеза опирается на теорию «со-конструирования» и соответствия идентичности (Wright, Li, 2011). Таким образом, можно сформулировать две альтернативных гипотезы.

Гипотеза 1: Просоциальное поведение онлайн негативно связано с просоциальным поведением оффлайн.

Гипотеза 2: Просоциальное поведение онлайн позитивно связано с просоциальным поведением оффлайн.

При этом просоциальное поведение является в принципе полимотивированным. А просоциальное поведение онлайн в связи с особенностями среды является более видимым, помогает реализовать потребности в создании определенного образа себя и принадлежности к значимым социальным группам. В связи с этим была разработана комплексная модель причин помощи онлайн, которая включает в себя как условно эгоистичные мотивы (репутация, взаимность), так и более социально-ориентированные мотивы (принадлежность, альтруизм и т. д.) (Jiao et al., 2021). Однако их возможная роль во взаимодействии просоциального поведения онлайн и оффлайн неясна.

Данное исследование ставит дополнительный исследовательский вопрос о роли причин помощи онлайн во взаимосвязи просоциального поведения онлайн и просоциального поведения оффлайн.

Данное кросс-секционное исследование было реализовано на выборке из 200 респондентов (средний возраст равен 43,61, стандартное отклонение равно 11,18) из более чем 40 регионов РФ. При этом в исследовании приняли участие по большей части женщины (64% респондентов) и работающие люди (72,5% респондентов). Данные были собраны методом социально-психологического опроса на платформе anketolog.ru, т. е. использовался невероятностный способ построения выборки согласных.

Чтобы соблюсти предшествование во времени просоциального поведения онлайн-поведению в реальной жизни оценивались опыт помощи онлайн и намерения оффлайн. Конструкты исследования измерялись при помощи шкалы просоциальных намерений (Baumsteiger, Siegel, 2019), интегральной шкалы причин помощи в интернете (Jiao et al., 2021), адаптированных на русский язык, а также шкалы просоциального поведения в онлайн-контексте (Ефремова, Бульцева, 2020). Перевод, адаптация и валидизация шкал проводились при использовании методов прямого и обратного перевода, экспертных интервью, анализа структуры по итогам факторного анализа, а также анализа надежности, конвергентной и дискриминантной валидности. Внутри шкалы просоциальных намерений в реальной жизни было выделено три субшкалы: намерения в отношении знакомых людей (среднее $M = 5,43$, стандартное отклонение $SD = 0,96$, показатель надежности $\alpha = 0,81$), нез знакомых людей (среднее $M = 5,74$, стандартное отклонение $SD = 1,09$, показатель надежности $\alpha = 0,74$) и реализуемые через посредника (среднее $M = 3,53$, стандартное отклонение $SD = 1,43$, показатель надежности $\alpha = 0,84$). Внутри шкалы причин помощи в Интернете было выявлено 6 субшкал: репутация (среднее $M = 5,63$, стандартное отклонение $SD = 1,81$, показатель надежности $\alpha = 0,92$), взаимность (среднее $M = 3,37$, стандартное отклонение $SD = 1,38$, показатель надежности $\alpha = 0,88$), принадлежность (среднее $M = 3,48$, стандартное отклонение $SD = 1,34$, показатель надежности $\alpha = 0,90$), альтруизм (среднее $M = 3,95$, стандартное отклонение $SD = 1,07$, показатель надежности $\alpha = 0,91$), социальное влияние (среднее $M = 3,03$, стандартное отклонение $SD = 1,14$, показатель надежности $\alpha = 0,74$) и финансовые ограничения (среднее $M = 2,88$, стандартное отклонение $SD = 1,07$, показатель надежности $\alpha = 0,82$). Шка-

ла просоциального поведения в онлайн-контексте содержит только один фактор (среднее $M = 2,16$, стандартное отклонение $SD = 0,78$, показатель надежности $\alpha = 0,89$). Ответы на вопросы всех используемых инструментов давались по шкале Ликерта: 7-балльная шкала использовалась для оценки просоциальных намерений, 6-балльная шкала – для оценки причин помощи онлайн, 5-балльная шкала – для оценки опыта просоциального поведения онлайн.

Гипотезы исследования были проверены с помощью регрессионного анализа с оценкой модерационных эффектов (модуль Процесс макро, SPSS v. 21). Было построено 18 регрессионных моделей, позволивших рассмотреть взаимосвязь просоциального поведения онлайн с тремя типами просоциальных намерений в реальной жизни при учете шести возможных причин помощи онлайн.

По итогам регрессионного анализа была выявлена позитивная связь просоциального поведения онлайн и трех типов просоциальных намерений в реальной жизни: в отношении знакомых ($\beta = 0,36$, $F = 29,53$, $R^2 = 0,13$, $p < 0,01$), в отношении незнакомых ($\beta = 0,33$, $F = 24,83$, $R^2 = 0,11$, $p < 0,01$), реализуемые через посредника ($\beta = 0,57$, $F = 91,41$, $R^2 = 0,32$, $p < 0,01$). Таким образом, гипотеза кликтивизма (гипотеза 1) была опровергнута, а гипотеза позитивной ассоциации (гипотеза 2) была подтверждена. Однако были обнаружены дополнительные результаты, характеризующие роль причин помощи. Так, оказалось, что репутация как причина помощи онлайн ослабляет взаимосвязь опыта просоциального поведения онлайн и намерений помогать в реальной жизни знакомым (от $\beta = 0,59$ при низкой выраженности данной причины, до $\beta = 0,38$ при высокой выраженности данной причины, $p < 0,01$), незнакомым (от $\beta = 0,64$ при низкой выраженности данной причины до $\beta = 0,39$ при высокой выраженности данной причины, $p < 0,01$), но не имеет значения в случае намерений помогать через посредника. Взаимность, как причина помощи онлайн, также способствует просоциальным намерениям в отношении знакомых в реальной жизни ($\beta = 0,11$, $p < 0,05$) и ослабляет взаимосвязь опыта просоциального поведения онлайн и просоциальных намерений в отношении незнакомых (от $\beta = 0,62$ при низкой выраженности данной причины до $\beta = 0,24$ при высокой выраженности данной причины, $p < 0,01$). Принадлежность и альтруизм, как причины помощи онлайн, способствует просоциальным намерениям всех типов в реальной жизни ($\beta = 0,14/0,33$ в отношении знакомых, $\beta = 0,15/0,28$ в отношении незнакомых, $\beta = 0,34/0,34$ в отношении помощи через по-

средника, $p < 0,05$). Принадлежность усиливает взаимосвязь опыта просоциального поведения онлайн и просоциальных намерений через посредника (от $\beta = 0,49$ при низкой выраженности данной причины до $\beta = 0,95$ при высокой выраженности данной причины, $p < 0,01$). Финансовые ограничения как антипричина помощи онлайн ослабляют связь опыта просоциального поведения онлайн и просоциальных намерений в отношении незнакомых (от $\beta = 0,69$ при низкой выраженности данной причины до $\beta = 0,30$ при высокой выраженности данной причины, $p < 0,01$).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о существовании на практике «расширенной гипотезы кликтивизма-ассоциации», состоящей в том, что эгоистичные мотивы, которые проще и легче реализовать онлайн, чем оффлайн, ослабляют взаимосвязь просоциального поведения в двух контекстах.

Литература

- Ефремова М. В., Бульцева М. А.* Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и оффлайн-контекстах // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 107–126.
- Baumsteiger R., Siegel J. T.* Measuring prosociality: The development of a prosocial behavioral intentions scale // Journal of Personality Assessment. 2019. V. 101. № 3. P. 305–314.
- Jiao H., Qian L., Liu T., Ma L.* Why do people support online crowdfunding charities? A case study from China // Frontiers in Psychology. 2021. V. 12. Art. 582508.
- Lane D. S., Dal Cin S.* Sharing beyond Slacktivism: the effect of socially observable prosocial media sharing on subsequent offline helping behavior // Information, Communication & Society. 2018. Т. 21. № 11. С. 1523–1540.
- Wright M. F., Li Y.* The associations between young adults' face-to-face prosocial behaviors and their online prosocial behaviors // Computers in Human Behavior. 2011. Т. 27. № 5. С. 1959–1962.

Психологические особенности подростков в контексте компьютерных игр

А. А. Волченкова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль),

А. М. Загуменная (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

В статье анализируются психологические особенности подростков, играющих в компьютерные игры жанра MMORPG и MOBA. Обсуждаются взаимосвязи психологических особенностей подростков, играющих в компьютерные игры различных жанров. Предложены возможные способы психолого-педагогических и родительских интервенций для усиления социальных компетентностей современных подростков.

Ключевые слова: подросток, компьютерные игры, MMORPG, MOBA, социализация.

Активность современного человека немыслима без использования современных цифровых технологий, без владения навыками их применения. Цифровые технологии становятся не просто инструментом для решения прикладных задач, они во многом изменяют жизнедеятельность современного человека, определяют стиль и образ его жизни. Поэтому освоение цифровых средств становится необходимой частью социализации личности. В связи с этим говорят о киберсоциализации, виртуальной компьютерной социализации. В частности, под киберсоциализацией понимается «процесс изменений структуры самосознания личности, происходящий под влиянием и в результате использования им современных информационных и компьютерных технологий в контексте жизнедеятельности» (Вараксин, 2016).

Как показывает социальный анализ современной образовательной реальности, существует высокая необходимость в теоретическом и эмпирическом изучении проблем, которые возникают вследствие влияния цифровизации на подростков.

Киберпространство стало той средой, где человек может одновременно получить поданную в доступной форме информацию о самых разных формах деятельности, творчества и представить, репрезентировать собственные результаты. Для подростков, которые находятся

в поисках себя, «прощупывают» свои возможности, мир Интернета с необозримым информационным полем «обо всем и вся» становится неисчерпаемым ресурсом знаний о мире и человеке. При этом цифровые технологии представления информации могут оказывать суггестивное воздействие на молодого человека, вызывать эмоциональный отклик, становиться стимулом к ряду действий и поступков, пробуждая интерес к ним, формируя увлечения и хобби.

Цифровая культура, включающая в себя не только цифровые устройства, технологии работы с ними, но и складывающиеся в результате их применения социальные практики, системы взаимоотношений стала неотъемлемой составной частью современной мировой культуры. Поэтому процесс социализации молодого поколения предполагает и киберсоциализацию как вхождение в цифровую культуру (Мешкова, 2021).

Расширение объемов индустрии компьютерных игр и быстрый рост их аудитории превратили компьютерные игры в неотъемлемую часть массовой культуры и повседневной жизни людей. Это сравнительно новый вид информационного воздействия, обладающий собственной спецификой. В настоящее время правильнее использовать термин «киберигры», поскольку для пользования такими играми используется не только компьютеры, но и телефоны, планшеты и другие электронные устройства (Макалатия, 2016).

Основной целью данной статьи явилось выявление и описание взаимосвязи психологических особенностей, влияющих на предпочтение определенных жанров компьютерных игр подростками, и описание характера этих взаимосвязей.

Методы исследования и характеристики испытуемых

Использовался комплекс научно обоснованных методов, надежных и валидных методик, сгруппированных следующим образом:

- теоретический анализ литературных источников по проблемам социализации современных подростков в реальности и в киберпространстве;
- общепсихологические методы, принципы планирования и проведения эмпирических исследований (метод поперечных срезов, метод контрольных групп, индивидуальное и групповое психодиагностическое исследование, квазиэксперимент, наблюдение, беседа);

- методики диагностического и исследовательского типа: Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова); Методика диагностики степени готовности к риску (А. М. Шуберт); Методика диагностики мотивации успеха и мотивации боязни неудачи (А. Реан); Методика смысложизненных ориентаций (Д. А. Леонтьев); Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач (Т. Элерс); Методика диагностики личности на мотивацию к успеху (Т. Элерс); Методика «Психологическая безопасность образовательной среды школы» (И. А. Баева); Методика диагностики социальной компетентности обучающегося (А. М. Прихожан).

Эмпирической базой исследования выступила образовательная организация – СОШ № 24 им. Бориса Рукавицына г. Рыбинска.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 93 школьника – учащиеся 7–8 классов в возрасте от 13 до 16 лет (56 девочек и 37 мальчиков).

Результаты исследования

Предпочтения в выборе игр очень разнообразны. По выбору игровой платформы преобладают игры для компьютера, на втором месте – игры для мобильных платформ, очень мало (3 упоминания) приставочных игр, и совсем не встречаются игры дополненной реальности.

В соответствии с результатами, полученными по предпочитаемым подростками играм, все испытуемые сначала были разделены на две группы. В группу I вошли испытуемые, которые предпочитают игры жанра MMORPG, в группу II – испытуемые, которые предпочитают игры жанра MOBA.

В ходе статистической обработки данных применялся корреляционный анализ, который имел своей целью определение характера и силы связи между исследуемыми параметрами.

Анализируя психологические особенности подростков, которые составили группу I, мы видим наличие определенных взаимосвязей, обсудим наиболее значимые, с нашей точки зрения, из них:

- Сильная прямая связь между процессом жизни и мотивацией ($r = 0,519$, $p < 0,01$). То есть чем больше подросток воспринимает процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, тем больше подросток вовлечен

в различные сферы своей жизни, что позволяет ему с большей успешностью реализовывать себя, повышая тем самым уровень субъективности. Таким образом, инициативность подростка, желание учиться, развиваться, добиваться целей напрямую зависит от удовлетворенности жизнью в настоящем.

- Прямая связь между общим показателем смысловых ориентаций и мотивацией успеха ($r=0,382$, $p<0,05$). То есть чем больше у подростка выражено ощущение успешности себя и чем выше ощущение удовлетворенности от нынешнего устройства жизни (выраженность общего индекса смысловых ориентаций), тем больше подросток ориентирован на результативность своей деятельности. Соответственно, мы можем сказать, что подростки, которые помнят свои прошлые ошибки, знают настоящие успехи и удовлетворены ими, больше ориентируются на результат деятельности;
- Сильная обратная связь между реактивной тревожностью и целями жизни ($r=-0,478$, $p<0,01$). То есть чем выше у подростка уровень напряжения, беспокойства, нервозности, который возникает по отношению к типичным событиям, тем ниже у подростка осмысленности в жизненных целях, в желании их для себя ставить.

Анализируя результаты корреляционного анализа психологических особенностей подростков, которые составили группу II, мы видим наличие определенных взаимосвязей, обсудим их далее:

- Сильная прямая связь между эмоциональным компонентом и процессом жизни ($r=0,544$, $p<0,01$). То есть чем больше у подростка развито переживание отношения к окружающему миру, к деятельности, к себе и другим, тем больше у него эмоциональная насыщенность жизни. Это говорит о том, что готовность подростка чувствовать, выражаться, проявлять эмпатию, привязанность, любовь, испытывать и противоположные по знаку чувства – антипатию, гнев, вражду, влияет на наполненную смыслами жизнь подростка;
- Обратная связь между показателем локуса контроля «Я» и мотивацией к избеганию неудач ($r=-0,312$, $p<0,05$). То есть чем выше представление подростка о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями, задачами, тем ниже у подростка страх совершить ошибку или потерпеть неудачу. Полученные

нами данные могут быть объяснены тем, что представления подростка о смысле своей жизни поддерживают и направляют его поведение, влияют на успешность деятельности.

Целесообразно сделать вывод о том, что именно корреляционный анализ исследования проблемы психологических особенностей как субъективных детерминант игровой деятельности позволяет выявить такие свойства подростков, которые проявляются и действуют по необходимости целостно.

Дискуссия

Итак, проведенное эмпирическое исследование еще раз подтверждает широкую распространенность компьютерных игр и тот факт, что для большинства современных подростков они являются неотъемлемой частью обыденной реальности. Частично игры в виртуальном пространстве вытесняют игры «обычные», равно как и общение в Интернете частично заменяет детям и подросткам общение лицом к лицу (Собкин, 2016).

Усиление вовлеченности подростков в виртуальное киберпространство и влияния деятельности в нем на их социальные и психологические характеристики ведет к снижению эффективности социального интеллекта в реальности. Это проявляется в том, что все сложнее поддерживать межличностные отношения в реальности, поскольку все сложнее понимать и держать под контролем свои эмоции и проявлять эмпатию по отношению к другим. Как следствие, это ведет сначала к ухудшению социальной адаптации, а затем к «цифровому аутизму» — состоянию, при котором молодые люди не могут поддерживать длительный психологический контакт друг с другом, не интересуются внутренним миром другого человека, а люди вообще для них становятся заменяемыми, потому что подростки не видят ценности каждого из них в отдельности.

Выводы

Цифровая социализация сегодня дополняет традиционную социализацию, являясь ее важной частью, а развивающаяся цифровая культура дополняет культуру оффлайн-повседневности, представляя новый этап развития общества, настоятельно требующий новых взглядов и подходов.

Игра для подростков является уникальной возможностью попробовать себя в самых разных ситуациях и дает опыт взаимодействия с другими людьми, недоступный в реальной жизни. Компьютерная игра является для них игровой моделью успешной деятельности и, таким образом, может быть использована в качестве средства личностного саморазвития. Разным игрокам приносят наибольшее удовлетворение в играх разные действия. Именно предпочитаемым видом действий, а не сюжетно-смысловыми параметрами во многом обусловлен выбор игр. Взаимосвязь между предпочитаемыми игровыми действиями и другими психологическими характеристиками играющих нуждается в дальнейшем изучении. В игре игроки чувствуют себя сильными, активными, внимательными и уверенными. Проживание в воображаемом игровом пространстве опыта сильного, взрослого, активно воздействующего на мир человека является одним из центральных аспектов притягательности игры и дает ключ к пониманию ее роли в формировании личности подростка.

Компьютерные игры являются полноценной сферой жизни подростков, постепенно догоняющей по важности учебу, спорт или хобби. В играх подростки отдыхают, общаются, приобретают социальные и когнитивные навыки. Игры становятся одним из «учебников жизни», частью культурной среды, формирующей личность будущего взрослого. Поэтому тщательное изучение тех смыслов и ценностей, которые несет игра, и тех средств и способов, которыми игра воздействует на пользователя, является крайне важной задачей психологии.

Литература

Вараксин А. В. Влияние социальных сетей на формирование ценностных ориентиров современной молодежи // Преподаватель – XXI век. 2016. № 2. С. 205–212.

Макалатия А. Г. Смыслы и ценности в современных компьютерных играх // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам: материалы международного конгресса, посвященного 80-летию со дня рождения А. А. Леонтьева. Т. 2. М.: Смысл, 2016. С. 93–97.

Мешкова Л. Н. Современная цифровая среда как средство социокультурного становления личности подростка // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 4А. С. 23–32.

Собкин В. С. Современный подросток в социальных сетях // Педагогика. 2016. № 8. С. 61–72.

Формирование культуры личной информационной безопасности в образовательном процессе вуза: опыт, проблемы, перспективы

Г. В. Грачев (ФГБОУ ВО «СГУ им. Н. Г. Чернышевского», Саратов)

Рассматриваются: опыт, проблемы и перспективы формирования культуры личной информационной безопасности как основного способа обеспечения информационно-психологической безопасности личности в условиях образовательного процесса вуза; четырехкомпонентная структура культуры личной информационной безопасности.

Ключевые слова: культура личной информационной безопасности, информационно-психологическая безопасность личности, четырехкомпонентная структура культуры личной информационной безопасности.

Выступая при открытии Первой научно-практической конференции «Проблемы информационно-психологической безопасности», проведенной 21 ноября 1995 г. Институтом психологии Российской академии наук, А. В. Брушлинский, поздравляя ее участников с официальным признанием нового направления исследований, подчеркнул важность социального заказа по этим исследованиям не только для психологии, но и для всех гуманитарных наук в целом (Брушлинский, 1996).

Дальнейшее развитие психологии и ряда других гуманитарных дисциплин, принятых правовых актов показало высокий уровень своевременного прогнозирования актуальности исследований в этой области и основных направлений, сформулированных на этой и на второй конференции, в частности связанных с проблематикой информационно-психологической безопасности личности, защищенностью от негативных информационно-психологических воздействий граждан, отдельных групп, социальных слоев и массовых объединений людей, манипулирования массовым сознанием (Брушлинский, 1996; Грачев, 1996, 2021; Грачев, Грязнов, 1996).

Ведущаяся в настоящее время против России широкомасштабная информационная война носит системный характер, включая

комплексные многоуровневые информационно-психологические операции с максимальным использованием возможностей интернет-коммуникаций, что еще более активизирует угрозы информационной безопасности личности.

Конкретизация отдельных положений Доктрины информационной безопасности Российской Федерации осуществлена в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В частности, указывается, что одной из задач является защита от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия.

Среди основных направлений обеспечения информационной безопасности в области науки и образования в Доктрине информационной безопасности России выделяется – обеспечение защищенности граждан от информационных угроз, в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности.

В 2019–2022 гг. по инициативе руководства университета на факультете психологии была разработана автором и внедрена в учебный процесс магистерская программа «Киберпсихология (информационно-психологическая безопасность личности в цифровом мире)».

В ходе ее разработки и реализации проведен ряд исследований и получены следующие результаты, основные из которых используются при обучении по данной магистерской программе.

Обучающиеся по магистерской программе «Киберпсихология (информационно-психологическая безопасность личности в цифровом мире)» овладевают на необходимом уровне такой профессиональной компетенцией в будущей профессиональной сфере, как владение технологиями онлайн взаимодействия в интернет-среде для использования в педагогической, консультационной, экспертно-диагностической деятельности психолога.

В рамках этой магистерской программы одной из основных компетенций выступает формирование культуры личной информационной безопасности. Эта компетенция предполагает изучение информационно-психологических операций, их мишеней (мишеней-объектов и психологических мишеней), используемых методов и приемов.

В общем виде для конвенциональных целей можно определить, что культура личной информационной безопасности – это такой способ организации образа жизни личности в широком понимании как субъекта жизнедеятельности, при котором ценностные модели

и сформированные мотивационные структуры его поведения обеспечивают ему и другим субъектам (не создающим целенаправленно угроз безопасности личности и общества) безопасное функционирование и развитие в цифровом мире (в информационно-технологической среде современного общества).

Вместе с тем для решения именно тех задач, для которых создавалась магистерская программа по направлению «Киберпсихология» (Информационно-психологическая безопасность личности в цифровом мире) и в которой, как уже отмечалось выше, приоритетной задачей является подготовка квалифицированных психологов, способных обеспечивать информационно-психологическую безопасность личности за счет формирования культуры личной информационной безопасности у детей, подростков и взрослых в ее структуре, и были выделены такие компоненты, как ценностно-мотивационный, когнитивный, операциональный, поведенческий.

- Ценностно-мотивационный – формирование ценностных моделей и мотивационных образований, образующих направленность, готовность к обучению и использованию действий и поведения по обеспечению культуры личной информационной безопасности.
- Когнитивный – знания, необходимые для формирования культуры личной информационной безопасности (в том числе угрозы, методы противодействия им и др.) как совокупности взаимосвязанных компетенций, системообразующую роль в которой играет информационно-психологическая компетентность личности.
- Операциональный – обеспечивающий умениями и владениями реализацию культуры личной информационной безопасности.
- Поведенческий (деятельностный) – реализация сформированной культуры личной информационной безопасности как способа организации образа жизни личности, обеспечивающего безопасное функционирование и развитие ее в информационно-технологической среде современного общества.

Проведение обучения по разработанной программе, направленной на формирование культуры личной информационной безопасности студентов, позволяет снижать риски информационных угроз кибер- и медиапространства, информационно-психологических и психологических угроз воздействия манипулятивного контента, распространяемого в блогосфере.

Образовательный процесс указанной выше магистерской программы ориентирован не только на формирование собственной культуры личной информационной безопасности магистрантов за счет соответствующего овладения совокупностью взаимосвязанных компетенций, системообразующую роль в которой играет информационно-психологическая компетентность личности, но и владением технологией формирования культуры личной информационной безопасности у различных категорий пользователей Интернета. Предусматривается овладение методическими средствами, позволяющими предметно и детально формировать культуру личной информационной безопасности у различных категорий пользователей Интернета с учетом знания ее структуры, критериев, уровней и показателей сформированности.

Для этого предусмотрены соответствующие учебные дисциплины, синхронизированные по времени и содержанию, в качестве завершающей из них выступает «Культура личной информационной безопасности». Результатом является овладение профессиональными компетенциями, которые позволяют магистранту подготовить программу и методические средства формирования культуры личной информационной безопасности с учетом особенностей ее конкретного пользователя.

Реализация указанной магистерской программы позволяет готовить минимальное количество студентов. Она направлена на то, чтобы они могли в будущей своей деятельности в рамках педагогической или консультативной работы способствовать формированию у заинтересованных пользователей Интернета культуры личной информационной и психологической безопасности. Причем на работу в учебных заведениях ориентированы и имеют возможность лишь единицы.

При традиционном подходе решение задачи по формированию культуры информационной и психологической безопасности студентов в образовательном процессе вуза может в лучшем случае затянуться на многие годы, в худшем – просто не будет выполнена. И, таким образом, не смогут быть реализованы некоторые задачи, соответствующие основным направлениям обеспечения информационной безопасности в области науки и образования, в качестве одного из которых в Доктрине информационной безопасности России, утвержденной Указом Президента России (05.12.2016) выделяется обеспечение защищенности граждан от информационных угроз

за счет формирования культуры личной информационной безопасности, а также задача защиты от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, на которую указывается в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809).

При отсутствии квалифицированных психологов, способных на необходимом уровне реализовывать возможности формирования культуры личной информационной безопасности, работающих в системе школьного образования, не смогут на достаточном уровне выполнены и некоторые задачи, предусмотренные «Концепцией информационной безопасности детей в Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-р), в частности, например, обучение детей вопросам информационной безопасности.

Решение указанных задач реально достижимо лишь при использовании современных возможностей, которые предоставляет программа цифровизации образовательного процесса в РФ в настоящее время, а также заинтересованности научно-психологического сообщества, преподавательского состава и руководства вузов и средних учебных заведений.

Литература

- Брушлинский А. В.* Субъект безопасности и безопасность субъекта // Проблемы информационно-психологической безопасности: Сборник статей и материалов конференций / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 39–43.
- Грачев Г. В.* Информационно-психологическая безопасность личности: проблема и возможности формирования социально-психологической защиты // Проблемы информационно-психологической безопасности: Сборник статей и материалов конференций / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 32–39.
- Грачев Г. В., Грязнов А. К.* Проблемы информационно-психологической безопасности страны: взаимосвязь субъектов и объектов социально-психологической защиты // Проблемы информационно-психологической безопасности: Сборник статей и материалов

конференций / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.:
Изд-во «Институт психологии РАН,» 1996. С. 12–17.

Грачев Г. В. Формирование культуры личной информационной безопасности: проблема и перспективы // Сборник статей II международной научно-практической конференции «Психология интегральной индивидуальности в информационном обществе» (г. Саратов, 23 апреля 2021 г.). Саратов: ИЦ «Наука», 2021. С. 10–16.

Взаимосвязь самооценки и просоциального поведения в онлайн-контексте*

М. В. Ефремова (ЦСКИ НИУ ВШЭ, Москва)

Данное исследование было нацелено на изучение взаимосвязи уровня и зависимости самооценки с просоциальным поведением в онлайн-среде. Исследование было реализовано с использованием количественного кросс-секционного дизайна на выборке из 200 респондентов из разных регионов РФ. В процессе исследования были валидизированы две субшкалы – зависимости самооценки от одобрения других и зависимости самооценки от следования добродетелям. Результаты исследования показали, что, хотя уровень самооценки не связан с просоциальным поведением в онлайн-контексте, зависимость самооценки действительно способствует большей вовлеченности в просоциальные активности в сети Интернет. Полученные результаты обсуждаются в контексте особенностей реализации просоциального поведения онлайн.

Ключевые слова: просоциальное поведение, онлайн-контекст, самооценка, зависимость самооценки.

Стремление поддерживать свою самооценку является фундаментальной потребностью человека. При этом непредвиденные ситуации, успехи и неудачи приводят к динамичному изменению самооценки, вследствие которого люди предпринимают активные действия для ее защиты или повышения. Одним из таких механизмов восстановления и поддержания самооценки выступает включенность в просоциальное поведение – поведение, нацеленное на повышение благополучия и состояния других людей. Исследования показали, что в целом существует позитивная взаимосвязь между уровнем самооценки и просоциальным поведением (Bizamn et al., 1980; Fu et al., 2017), особенно если оно направлено на незнакомых людей, с которыми тот, кто оказывает помощь, не связан никакими моральными

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00169-П.

обязательствами. Данная связь является комплексной и отображает как восприятие себя как достаточно способного человека, чтобы оказать помощь, так и положительные последствия для самооценки от включенности в просоциальное поведение.

В настоящее время в связи с цифровизацией общества активно развивается новый формат просоциального поведения – просоциальное поведение онлайн. Прошлые исследования рассматривали просоциальное поведение в реальной жизни, которое часто ассоциируется с большим преодолением трудностей и рисков, чем просоциальное поведение онлайн, а значит, может быть более личностно-значимым. Более того, существуют индивидуальные различия в «нестабильности самооценки» в наиболее значимых для людей ее аспектах. Они описываются через сферы зависимости самооценки от различных внешних и внутренних факторов (Crocker et al., 2003). При этом, чтобы предпринимаемые действия действительно сказывались на восприятии себя и самооценке, они должны быть актуальны наиболее значимой или пострадавшей сфере зависимости самооценки.

Целью данного исследования является поиск ответа на исследовательский вопрос о взаимосвязи уровня и зависимости самооценки с просоциальным поведением в онлайн-контексте. На основании анализа прошлых исследований и принимая во внимание особенности взаимодействия в интернет-пространстве, мы предположили, что уровень самооценки позитивно связан с просоциальным поведением в онлайн-контексте (H1); зависимость самооценки от одобрения других и от следования добродетелям позитивно связаны с просоциальным поведением в онлайн-контексте.

Данное исследование имело кросс-секционный корреляционный дизайн. Выборка исследования состояла из 200 респондентов (64% женщин, средний возраст – 43,61 года, стандартное отклонение – 11,18) из более чем 40 регионов РФ. Данные были собраны на платформе anketolog.ru посредством социально-психологического опроса.

Зависимой переменной выступало просоциальное поведение в интернет-среде. Оно было операционализировано через частоту выполнения просоциальных действий онлайн и измерялось при помощи шкалы просоциального поведения в онлайн-контексте (Ефремова, Бульцева, 2020). Шкала содержит 13 вопросов, ответы на которые даются по 5-балльной шкале Ликерта. В целом респонденты продемонстрировали частоту включенности в просоциальное поведение онлайн ниже среднего ($M = 2,16$, $SD = 0,78$, $\alpha = 0,89$).

Независимыми переменными выступали уровень и зависимость самооценки. Каждый из данных конструкторов был операционализирован через оценку респондентами себя и источников их самооценки. Уровень самооценки измерялся при помощи шкалы самоуважения М. Розенберга, адаптированной на российской выборке А. А. Золотаревой (Золотарева, 2020). Инструмент содержит 10 вопросов, ответы на который даются по шкале Ликерта, однако в данном исследовании, в отличие от работы А. А. Золотаревой, использовалась 6-балльная шкала. Итог по шкале рассчитывается как сумма ответов респондента на 10 вопросов. Надежность (внутренняя согласованность по критерию α Кронбаха) была приемлемой: $\alpha = 0,85$.

Зависимость самооценки была измерена при помощи двух наиболее релевантных целям данного исследования субшкал опросника зависимости самооценки (Crocker et al., 2003) – зависимость самооценки от одобрения других и зависимость самооценки от следования добродетелям. Каждая из субшкал содержит по 5 вопросов, ответы на которые даются по 6-балльной шкале Ликерта. Субшкалы были переведены на русский язык методом прямого и обратного перевода и валидизированы при помощи математико-статистических процедур. Надежность (внутренняя согласованность субшкал по критерию α Кронбаха) была приемлемой для обеих субшкал: зависимость самооценки от одобрения других ($\alpha = 0,83$), зависимость самооценки от следования добродетелям ($\alpha = 0,84$).

Анализ результатов осуществлялся с использованием регрессионного анализа с оценкой модерационных эффектов (модуль Процесс макро, SPSS 21 версия), чтобы проверить гипотезы и ответить на исследовательский вопрос. Было построено несколько регрессионных моделей, позволяющих рассмотреть изучаемые конструкторы как по отдельности, так и в комплексе.

Результаты показали, что респонденты продемонстрировали уровень самооценки немногим выше среднего ($M = 43,42$, $SD = 8,08$). Зависимость самооценки от одобрения других чуть ниже среднего ($M = 2,79$, $SD = 1,04$), но зависимость самооценки от следования добродетелей выше среднего ($M = 4,22$, $SD = 0,97$).

Результаты анализа показали, что уровень самооценки не связан значимо с просоциальным поведением онлайн ($F = 0,56$, $R^2 = 0,01$, $\beta = 0,05$, $p = 0,45$). При этом оба вида зависимости самооценки оказались значимо позитивно связаны с просоциальным поведением онлайн ($F = 4,94$, $R^2 = 0,05$, $p < 0,01$). Таким образом, если в представле-

нии человека его самооценку формирует исходя из оценок других людей ($\beta=0,14$, $p<0,01$) или сравнения с идеалами добродетельности ($\beta=0,15$, $p<0,01$), то такой человек будет чаще вовлечен в различные просоциальные активности в Интернете. Данные результаты позволяют частично подтвердить гипотезу данного исследования в отношении зависимости самооценки. Однако процент объясняемой моделью вариации оказался недостаточно высоким, что свидетельствует о важности рассмотрения просоциального поведения онлайн в более широком контексте и в свете более широкого списка детерминантов. Анализ возможных модерационных эффектов не показал существования интеракции зависимости самооценки и уровня самооценки в связи с просоциальным поведением онлайн.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что не позитивность – негативность образа себя мотивирует людей включаться в просоциальное поведение в сети Интернет, а зависимость этого образа от внешних критериев сравнения – оценок других людей или представлений о добродетельном человеке. Так как просоциальное поведение в сети Интернет характеризуется большей легкостью осуществления, а также большей видимостью и возможностью создания социально одобряемого публичного образа себя (Sproul, 2011), по всей видимости, включенность в просоциальное поведение у людей с зависимой самооценкой служит цели преодоления разрыва между «Я реальным» и «Я идеальным».

Литература

- Ефремова М. В., Бульцева М. А.* Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и оффлайн-контекстах // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 107–126.
- Золотарева А. А.* Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга // Вестник Омского университета. Сер. «Психология». 2020. № 2. С. 52–57.
- Bizman A., Yinon Y., Ronco B., Shacha T.* Regaining self-esteem through helping behavior // The Journal of Psychology. 1980. № 105. № 2. P. 203–209.
- Crocker J., Luhtanen R. K., Cooper M. L., Bouvrette A.* Contingencies of self-worth in college students: theory and measurement // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. V. 85. № 5. P. 894–908.
- Fu X., Padilla-Walker L. M., Brown M. N.* Longitudinal relations between adolescents' self-esteem and prosocial behavior toward strangers, friends and family // Journal of Adolescence. 2017. № 57. P. 90–98.

Становление виртуальной идентичности в пространстве цифровых технологий

М. В. Клементьева (Финуниверситет, Москва)

Изучены статусы виртуальной идентичности с целью введения психометрической модели. Предпринята попытка анализа становления виртуальной идентичности через призму интеграции положений эпигенетической концепции, культурно-исторической теории и субъектного подхода. Выборку составили данные, полученные с помощью нашей оригинальной методики оценки статуса виртуальной идентичности в группе 350 студентов 18–25 лет. Конфирматорный факторный анализ подтвердил двухфакторную структуру виртуальной идентичности: фактор «степень инициативности поиска идентичности» и фактор «степени осмысленности принятия идентичности». Таким образом, эмпирически обоснованная модель может служить основой дальнейших исследований виртуальной идентичности.

Ключевые слова: виртуальная идентичность, статусы, становление, студенты.

Современный мир представляет собой гибридную реальность, образованную интеграцией виртуальности и повседневной реальности, а ее субъектами становятся носители виртуальной идентичности — технологически опосредованного образа «Я», моделируемого самим пользователем в виртуальной среде, но основа психологического механизма становления виртуальной идентичности остается неизвестной. Психологи, изучающие влияние цифрового опыта на виртуальную идентичность, до сих пор не провели ни одного исследования, которое бы фиксировало статусы этой сложной сущности.

Часто предметом исследования виртуальной идентичности становятся содержательные показатели наполненности образа «Я» виртуальным содержанием, атрибутивные характеристики аватаров и цифровых профилей, способы самопрезентации идентичности в виртуальной среде; в основном исследователи касаются аспектов выражения идентичности, а не механизмов развития идентичнос-

ти. Современные попытки психологически понять влияние виртуальных сред и цифровых инструментов приводят к экспоненциальному росту эмпирического материала, который трудно обобщаем.

Мы полагаем, что необходима теоретическая основа, в рамках которой могут быть осмыслены накопленные данные о виртуальной идентичности, получено объяснение процесса ее становления. Такой основой может стать интеграция положений эпигенетической концепции Э. Эриксона касательно идентичности, культурно-исторической теории Л. С. Выготского об инструментальности психики и механизмах развития личности, субъектного подхода (Ананьев, Брушлинский и др.), связанных с пониманием субъекта как носителя активности.

Понятие идентичности психологически концептуализировано в русле эпигенетической концепции и включает в себя осознание временной преемственности и переживание единства и уникальности «Я». В дальнейшем психологическая операционализация конструкта идентичности была осуществлена Дж. Марсиа, который разработал типологию статусов идентичности (диффузная идентичность, мораторий, предрешенная идентичность, достигнутая идентичность), ставшую на сегодняшний день одной из наиболее популярных психологических идей, которые нашли широкое применение в психологических исследованиях развития идентичности в различных средах. Позднее механизм дифференциации статусов идентичности был рассмотрен как обусловленный взаимодействием двух факторов (поиска (exploration) – принятия (commitment)), а затем дополнен третьим фактором: поиск–принятие–пересмотр (Handbook of Identity..., 2011).

Растущий объем исследований убеждает в том, что статус идентичности представляет собой целостный профиль, состоящий из ключевых параметров (индивидуально-психологических свойств личности и образа «Я», устойчивых паттернов поведения, уровня психологического благополучия, а также характеристик межличностных отношений) и проявляющийся в разных средах. Относительная независимость указанных характеристик от условий конкретных ситуаций объясняет высокую эвристичность и чрезвычайную востребованность виртуальной среды как модели исследования, интервенций, образования, труда, коммуникаций, дополняющей или замещающей реальные среды (Wängqvist, Frisen, 2016).

Очевидно, что современная повседневная жизнь большинства молодых людей протекает как в сети, так и вне ее, и поэтому вирту-

альные среды являются важными условиями социализации, развития личности, не только дополняя оффлайн-среды, но и существенным образом модифицируя их. Актуальным предметом современных дискуссий в области психологической науки и практики становятся факторы позитивного и негативного влияния виртуальной среды на идентичность, соотношения виртуальной и реальной форм идентичности (Pogorelov, Rylskaya, 2022). Однако изучение статусов идентичности не ведется в контексте цифровой среды, и поэтому существенные аспекты развития личности на современном этапе могут быть нивелированы.

Чтобы понять влияние цифровых сред на становление виртуальной идентичности, раскрыть функциональную структуру ее статусов, важно изучить, как в виртуальном пространстве протекают процессы развития. Мы исходим из того, что нельзя противопоставлять виртуальную и реальную среды, поскольку присутствует функциональная схожесть онлайн-контекстов и оффлайн-контекстов, их смешение и взаимопроникновение (Granic et al., 2020).

Поэтому, во-первых, необходим подход к исследованию становления виртуальной идентичности в особой социальной ситуации развития — гибридной реальности, связывающей (смешивающей) виртуальность и реальность.

И, во-вторых, требуется понимание цифрового опыта через призму процесса культурного социогенеза личности. Принимая положение о знаково-символической природе и инструментальности психики, разработанное в культурно-исторической теории Л. С. Выготского, а также высоко оценивая эвристический потенциал его приложения к психологическому пониманию «цифровизации» познавательных, когнитивных процессов в работах современных последователей (А. Е. Войскунский, О. В. Рубцова, М. В. Фаликман и др.), становление виртуальной идентичности рассматриваем как процесс интериоризации цифровых технологий, имеющих характер знаково-символических средств, во взаимодействии с ними в новой ситуации гибридной реальности.

Кроме того, полагаем, что источники развития виртуальной идентичности обнаруживаются в многомерной и субъектно-центрированной виртуальной (гибридной) среде. Допускаем, что гибридная среда возникает и существует в режиме опосредствованного цифровыми технологиями взаимодействия субъекта с ее различными сегментами — субъект не столько взаимодействует с «цифровым актором»

(например, чат-бот), сколько, что важнее, интерактивно формирует границы, области, содержание виртуального пространства, используя созданную гибридную среду и порождаемые ею эффекты в конструировании своей виртуальной идентичности. Очевидно, что этот процесс не может быть адекватно понят вне парадигмы субъектного подхода и его принципов. Считаем, что процесс становления идентичности будет отличаться как по степени активности субъекта в поиске (exploration) идентичности (по шкале активность—реактивность), так и по степени овладения принятием (commitment) идентичности посредством функционального (осмысленного) использования цифровых средств (по шкале непосредственность—опосредованность).

Интегративное соотношение данных шкал, как мы полагаем, образует 4 квадранта и характеризует четыре статуса виртуальной идентичности: диффузной (бессмысленное приспособление своего «Я» к условиям виртуальной среды), предрешенной (осмысленное приспособление своего «Я» к условиям виртуальной среды), моратория (бессмысленная инициатива самовыражения в виртуальной среде), достигнутой (осмысленная инициатива самовыражения в виртуальной среде).

В настоящем исследовании мы вносим вклад в разработку конструкта «статусов виртуальной идентичности», рассматривая психологические механизмы становления виртуальной идентичности, используя авторскую оригинальную методики оценки статуса виртуальной идентичности (ОСВИ).

Целью данного этапа работы была операционализация конструкта и проверка валидности методики.

В исследовании участвовали 350 студентов, обучающихся в вузах Москвы и Тулы, в возрасте 18–25 лет ($\mu = 19$ лет). Им был предложен стимульный материал ОСВИ, предварительно проверенный методами фокус-групп и экспертных оценок с использованием коэффициента согласия Каппы ($\kappa \geq 0,85$) с инструкцией оценить степень своего согласия с утверждениями.

Методика ОСВИ представляет собой шкалу из 20 утверждений, 10 из которых характеризуют «степень инициативности поиска идентичности», другие 10 – «степень осмысленности принятия идентичности».

Например, утверждение «Виртуальный профиль человека уникален, и я знаю точно, каким должен быть мой виртуальный профиль», относится к шкале «степень осмысленности принятия идентичности», а утверждение «Мои родители лучше знают, чем и как заниматься

в Интернете, и я следую их наставлениям» — к шкале «степень инициативности поиска идентичности».

Для измерения использовали 6-балльную шкалу Лейкерта с прямыми и реверсивными показателями. После производили ранжирование по статусам идентичности в рамках модели (Handbook of identity..., 2011).

Проверка показателей методики по тесту Колмогорова—Смирнова показала соответствие нормальному распределению (при $p \geq 0,21$), а проверка параметров по тесту α Кронбаха ($\alpha \geq 0,72$) продемонстрировала согласованность материала.

Конфирматорный факторный анализ (методом наименьших квадратов) продемонстрировал хорошее соответствие эмпирических данных теоретической двухфакторной модели ($\chi^2/df = 1,58$; $p = 0,05$; RMSEA = 0,05; CFI = 0,96).

Таким образом, понимание возможностей и рисков цифровой реальности в становлении виртуальной идентичности связано с необходимостью переосмысления существующих теоретических моделей развития с учетом онлайн-опыта людей и его влияния на личностное развитие. Мы предложили в качестве теоретической основы интеграцию положений эпигенетической концепции, культурно-исторической теории и субъектного подхода. Эмпирически обоснованная психометрическая модель, выстроенная на этой базе, обладает эвристическим потенциалом и может служить основой дальнейших исследований виртуальной идентичности.

Литература

- Granic I., Morita H., Scholten H.* Beyond screen time: identity development in the digital age // *Journal of Psychological Inquiry*. 2020. V. 31. № 3. P. 195–223.
- Handbook of identity theory and research / Eds S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles. N. Y.: Springer Science, 2011.
- Pogorelov D. N., Rylskaya E. A.* The development and psychometric characteristics of the “Virtual Identity of Social Media Users” test // *Journal of Psychology in Russia: State of the Art*. 2022. V. 15. № 4. P. 101–126.
- Wängqvist M., Frisén A.* Who am I online? Understanding the meaning of online contexts for identity development // *Journal of Adolescent Res. Rev.* 2016. № 1. P. 139–151.

Взаимосвязь компонентов виртуального общения и уровней субъектности личности пользователя

И. А. Кононенко (ГОУ ВПО «ДонГУ», Донецк)

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи компонентов виртуального общения и уровней субъектности личности пользователей социальных сетей и мессенджеров. Категории киберкоммуникации были сформированы на основе контент-анализа. Структура субъектности определяется как уровень выраженности ее компонентов: активности, осознания способности к рефлексии, свободы выбора и ответственности за него, осознание собственной уникальности, понимания и принятия другого, саморазвития. Анализ полученных данных позволяет определить содержательную характеристику связей различных сторон субъектности со структурными элементами киберкоммуникации, благодаря которым обеспечивается эффективность интернет-общения.

Ключевые слова: виртуальное общение, субъектность, компоненты виртуального общения, коммуникация.

Современный мир невозможно представить без виртуальной реальности, которая создает сверхкомфортное и универсальное пространство индивидуального и группового общения, а также является областью личностного роста, творчества, самореализации и т. д. Пользователь виртуального мира, в контексте общения, имеет возможность адаптировать предложенное ему цифровое поле к своим потребностям, ценностям, интересам. Из этого следует, что личность выступает той силой, которая воплощает в заданной объективной реальности наполнение своего внутреннего субъективного мира, продолжает себя в мир, перестраивая его в соответствии со своими смыслами.

В отечественной психологической науке достаточно подробно раскрывается понятие «субъект» и определяется, как личность, которая характеризуется проявлением активности в различных сферах собственной жизни (деятельность, общение, самопознание), ответственна за свои действия, готова уладить жизненные противоречия и кон-

фликты и использовать для этого все свои способности, стремится к саморазвитию и самосовершенствованию (Абульханова-Славская, 2005; Брушлинский, 2003; Рубинштейн, 1996). Вопросы, касающиеся «субъектности», также принято рассматривать через категорию «отношение» (Волкова, 1998), деятельность (Капцов, 2018). В научной работе И. А. Серегинной раскрывается структура субъектности, где подчеркивается понятие «осознанности». Осознанность является ключевым атрибутом субъектности, так как без нее совершенно невозможно осуществлять целенаправленную преобразующую деятельность (Серегина, 1999, с. 9).

Теоретические взгляды относительно субъектности в зарубежной науке берут свои истоки в гуманистической психологии. В данном направлении понятие характеризуется через самораскрытие (Jourgard, 1971), некое добровольное сообщение человеком информации о себе, своих мыслей, чувств, отношений с окружающими. Также субъектность рассматривается через понятие самоэффективности личности (Bandura, 2008; Hewson, 2009; Stebbins, 2015), способности индивида осознавать возможность своего активного влияния на окружающую социально-культурную среду и контроля этой деятельности. Х. Р. Маркус и С. Китаяма выделяют две основные модели субъектности: индивидуально-соединенная субъектность (проявляющаяся в процессе взаимодействия индивидов в группе) и индивидуально-разъединенная субъектность (проявляется в личностной автономии и способности индивида к активному поведению) (Markus, Kitayama, 2003). Таким образом, можем отметить, что утверждение о возрастании субъектности личности в цифровой среде выглядит достаточным обоснованным.

Цель статьи: определить взаимодействие уровней субъектности личности пользователя и структурных компонентов виртуально-общения.

Участие приняло 60 испытуемых юношеского возраста. Всего 32 (53%) женщин и 28 (47%) мужчин. Все они были пользователями социальных сетей.

На первом этапе в исследовании был использован метод контент-анализа ответов участников. Им предлагалось дать не менее 20 свободных ассоциаций на словосочетание «Виртуальное общение – это...». На данном этапе были выделены 9 категорий контент-анализа, которые составили понятие о виртуальном общении. Получена база данных, состоящая из дескрипторов (ответов испытуемых), определена

частота встречаемости каждого понятия. Составлена кодировочная таблица индикаторов категорий. На основании ответов каждого испытуемого с помощью кодировочной таблицы были получены оценки по каждой категории виртуального общения для всех участников.

Для изучения взаимосвязей компонентов виртуального общения с уровнем субъектности личности был использован корреляционный анализ. Диагностика проводилась с помощью методики «Определение уровня субъектности» И. А. Серегинной.

По результатам обработки ассоциативного опроса были выделены следующие компоненты киберкоммуникации: «аффективный», «мотивационный», «когнитивный», «объектность», «субъектность», «альтернатива реальности», «самореализация», «пространство и время», «перцепция». Описывая представленные компоненты понятия «виртуального общения», мы опирались на научные труды Г. М. Андреевой, И. С. Лучинкиной, В. Н. Куницыной, В. Н. Панферова.

Рассмотрим внутреннее наполнение выделенных нами категорий виртуального общения с частотным распределением и несколькими примерами анализируемых ассоциаций. Компонент «субъектность» имеет наибольшую частоту встречаемости различных ассоциаций ($f=259$). Качественное содержание отражено в таких дескрипторах, как: диалог, разговор, беседа, коммуникация, общение, переписка, знакомства, контакты. «Аффективный компонент» ($f=188$) содержит такие содержательные дескрипторы: положительные эмоции и чувства, негативные, нейтральные. Поскольку виртуальное общение является опосредствованным Интернетом, то мы выделили такую категорию виртуального общения, как «объектность» ($f=186$): технические средства (клавиатура, телефон, экран), особенности интерфейсов, качество и скорость связи. Следующий по значимости представлен компонент «альтернатива реальности» ($f=159$): параллельная жизнь, новый мир, искусственность, фантазии. Проанализируем также «мотивационный компонент» ($f=153$): потребности быть онлайн, общение ради общения, возможность работать, оказывать помощь, отдыхать. Важной составляющей виртуального общения является его когнитивная направленность ($f=136$): информация, знания, мысли. Следующий компонент для рассмотрения «самореализация» ($f=129$): личность, самовыражение, интересы и увлечения. Киберкоммуникация структурируется также категориями «пространства и времени» ($f=38$): расстояние, страны, ночь, время. Можем отметить, что виртуальное общение представлено компонентами, которые соответству-

ют структуре реального общения. Но при этом интернет-общение характеризуется большей динамичностью в контексте изменения форм, деятельности, в которых происходит коммуникация.

Второй этап исследования заключался в определении взаимосвязи компонентов виртуального общения с различными проявлениями субъектности.

Активность, как одна из характеристик субъектности, связана с компонентом виртуального общения «альтернатива реальности» ($r = -0,30$, $p < 0,05$). Данный компонент в своем содержании определяет цифровую среду как пространство, где происходит освобождение от привычной жизни, возможность получить свободу мыслей и действий. В данном случае прослеживается, что чем меньше человек включен в свою жизнедеятельность и слабо взаимодействует с миром, в том числе и с самим собой, тем приоритетнее его ориентация на различные формы кибервзаимодействия. Из этого следует, что субъектность может находить свою реализацию в виртуальном пространстве.

Одна из важных сторон проявления субъектности – рефлексия, она имеет значимые корреляционные связи с многими компонентами виртуального общения: «аффективный» ($r = 0,38$, $p < 0,01$), «мотивационный» ($r = 0,38$, $p < 0,01$), «когнитивный» ($r = 0,29$, $p < 0,05$), «пространство и время» ($r = 0,28$, $p < 0,05$), «самореализация» ($r = 0,47$, $p < 0,01$). Данные показывают нам, что люди, которые склонны анализировать свое психическое состояние, в онлайн-формате опираются на проявление эмоционального спектра готовности участников взаимодействовать тем или иным образом, возможности понять информацию и презентовать ее в виде обратной связи. Поскольку интернет-общение характеризуется асинхронностью, то важен период сонстрайки для возвращения в контекст беседы. Предполагаем, что у пользователей с достаточно развитой рефлексией этот период будет занимать непродолжительное время и характеризоваться более гибким «включением». Немаловажным представляется отметить самореализацию в процессе общения, через самоанализ, который позволяет тестировать цифровое пространство, проявляя себя в нем определенным образом (фото, видео, смс, блоги, комментарии и т.д.), отражая различные аспекты своей идентичности.

Получена корреляционная связь между характеристикой личности – осознания собственной уникальности и категориями киберкоммуникации: «аффективный» ($r = 0,28$, $p < 0,05$), «мотивацион-

ный» ($r=0,40$, $p<0,01$), «самореализация» ($r=0,42$, $p<0,01$). В работах А. В. Рожковой о самовыражении личности в социальных сетях, отмечается, что сетевое поколение выросло с уверенностью в собственной ценности. Анализируя субъектность личности со стороны осознания ее индивидуальности, можем предположить, что поведение пользователей будет отмечено стремлением показать себя с лучшей стороны, акцентировать внимание на своих лучших качествах, предстать в выгодном свете, продемонстрировать наличие некоторых материальных и нематериальных благ. В перспективе ориентированность на эмоциональный аспект коммуникации с включением демонстрации личностных качеств поможет четче обозначиться в виртуальной среде для обратного взаимодействия с конкретной группой собеседников.

Следующие аспекты субъектности – принятие и свобода выбора – имеют статистически значимые связи с компонентами виртуального общения «объектность» ($r=0,33$, $p<0,01$) и «самореализация» ($r=0,26$, $p<0,05$). Объектность включает в себя понимание функций, форм виртуального общения, нагруженность и потенциал различных онлайн-платформ. Удобство, которое создает объектность, резко повышает количество свободных действий для человека, тем самым увеличивая уровень его субъектности. Субъект получает возможность более полно реализовать свой потенциал посредством нарастания объектности в мире. И чем выше степень объектности виртуального общения, тем больше получает субъект возможностей для самореализации, самопрезентации и т. д. Современные мессенджеры и социальные сети гибки в управлении, разнообразны в формах взаимодействия и даже целях. Поэтому становится все проще организовать в цифровом общении, задав необходимый диапазон конфиденциальности (открытости) аккаунта для обеспечения комфортной коммуникации.

Саморазвитие, как проявление субъектности, также имеет множественные взаимосвязи с категориями киберкоммуникации: «аффективный» ($r=0,39$, $p<0,01$), «мотивационный» ($r=0,33$, $p<0,01$), «когнитивный» ($r=0,29$, $p<0,05$), «субъектность» ($r=0,25$, $p<0,05$), «пространство и время» ($r=0,29$, $p<0,01$), «самореализация» ($r=0,59$, $p<0,01$). Следовательно, личности, для которых важно развитие, активно нацелены на общение для поиска необходимой информации, которая встроится в их ценностно-смысловую сферу. Коммуникация является основой самоидентификации личности и ее самореализации, развитию Я-концепции. Эмоциональная нагруженность,

пространственно-временная неограниченность коммуникации предоставляют пользователям обширные возможности упрощенного и гибкого формирования и перекраивания образа Я. В этом случае цифровое общение для данных пользователей выступает как ресурс.

Таким образом, результаты проведенного исследования указывают на тенденцию того, что различные стороны проявления субъектности личности позволяют более полно реализовать всевозможные аспекты жизнедеятельности человека в виртуальном общении и сделать его более качественным и комфортным.

Литература

- Абульханова К. А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–21.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Серегина И. А.* Психологическая структура субъективности как личностного свойства педагога: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
- Markus H. R., Kitayama S.* Models of agency: sociocultural diversity in the constructor of action // Nebraska Symposium on Motivation. № 49. 2003. P. 5–13.
- Jourard S. M.* The Transparent Self; Self-disclosure and Well-being. N. Y.: Van Nostrand Reinhold, 1971.

Сравнительный анализ маркеров настроений в сетевой коммуникации

Л. В. Куликов (СПбГУ, Санкт-Петербург), *А. Ю. Маленова* (ОГУ, Омск),
Ю. В. Потапова (ОГУ, Омск)

Лексико-семантический анализ сетевых текстов был направлен на выяснение частотных характеристик различных категорий лексики и соотношения между частотными характеристиками в различных сегментах социальной сети «В контакте». Материалом для анализа выступали комментарии пользователей. Основное внимание было направлено на следующие категории лексики: наречия, глаголы, эмотивы общеупотребительной лексики, молодежный сленг (жаргонная лексика), междометия, грубые просторечные выражения, нецензурные («матерные») слова. Получены данные для сопоставления различных лексических категорий в аспекте их информативности для диагностики состояний и настроений участников сетевой коммуникации.

Ключевые слова: языковая картина состояний, эмотивная лингвистика, оценочные высказывания, тональность текста.

Цель исследования – сопоставление лексических категорий в аспекте их информативности для диагностики состояний и настроений участников сетевой коммуникации.

Задачи исследования

Лексико-семантический анализ сетевых текстов был направлен на выяснение частотных характеристик различных категорий лексики и соотношения между частотными характеристиками в различных сегментах социальной сети «В контакте», представляющей собой крупнейшую сеть в Рунете, одну из крупнейших в мировом Интернете. Основное внимание было направлено на следующие категории лексики: наречия, глаголы, существительные – эмотивы общеупотребительной лексики, молодежный сленг (жаргонная лексика), междометия, вульгаризмы (грубые просторечные выражения), обценизмы

(нецензурные, матерные слова). Изучались предпочитаемые коммуникантами пиктограммы, эмодзи, их коммуникативные функции, сравнивалась частота их использования разными категориями участников сети, сопоставлялась с частотой употребления обсценизмов.

Методы

Для выполнения задач исследования как наиболее перспективные были приняты методы психолингвистики, когнитивной лингвистики, когнитивной семантики, которые можно оценивать как методологически близкие. Эти методы предоставляют возможность исследовать речевую продукцию, опираясь на объективные статистические данные (Stefanowitsch, 2011; Stefanowitsch, Gries, 2009) и избегать субъективности ранних методов, основанных в первую очередь на интуиции исследователя. В анализе текстов, в которых предметом описания и оценивания выступает субъект, должен использоваться комплекс измерений, специфицированных для анализа оценочных суждений о субъекте и анализа самооценочных суждений субъекта (автора текста). Предварительный анализ выявил перспективность для решения задач настоящего исследования в аспекте эмотивной и когнитивной лингвистики четырех измерения: валуативного (общеоценочного), аттрактивного (дистантивного), силового и активационного измерения.

Изучение наиболее частотных лексем, используемых в оценочных и самооценочных высказываниях, позволило сформировать списки слов, которые можно было отнести к кругу достаточно информативных. Были сформированы следующие шкалы. Восемь шкал негатива, силы, позитива, отдаления, сближения, слабости, активности – суммарно 625 лексем наречий и 323 лексем глаголов. Пять шкал эмотивов: три настроечные шкалы (астенические, гедонические и меланхолические эмотивы) и две коммуникативные шкалы (отдаления и сближения) – суммарно 254 лексем. Три шкалы сленга: негативного, позитивного, полисемантического – всего 140 лексем. Девять шкал междометий: 1) разочарование; 2) негодование; 3) пренебрежение; 4) отвращение; 5) растерянность; 6) восхищение; 7) одобрение; 8) смех; 9) радостное удивление. Суммарно 103 выражения. Использовано также 140 обсценизмов, наиболее часто используемых в сети «В контакте».

Основным материалом для анализа выступали комментарии, так как пользователь, оставляющий комментарий, не является анони-

мом, и если он оставил на личной странице некую информацию о себе (пол, возраст), то нетрудно включить его в список анализируемых пользователей сети. В данном исследовании было сделано допущение, что если пользователь указывает свой пол и возраст, то они являются подлинными.

Результаты

Наибольшей частотностью в сетевых текстах среди различных лексических категорий отличаются междометия. В первую очередь, это относится к междометиям, имеющим семантику разочарования, досады, легкой степени негодования, отвращения, реже обнаруживаются междометия, выражающие одобрение и различные варианты подчеркивания комического в словах других коммуникантов. Наиболее выраженные различия обнаружены между участниками сети с пониженной и повышенной психологической устойчивостью по наречным шкалам силы, слабости, пассивности. Незначительно по дифференцирующей силе уступают эмотивы. У лиц с пониженной психологической устойчивостью многократно выше частотность эмотивов сближения (любовь, забота, симпатия, взаимность, обожаение и др.) и эмотивов отдаления (стыд, обида, вина, ненависть, отвращение, злоба и др.).

Весьма информативны для психолингвистической диагностики маркеры глагольной шкалы позитива (работать, поддерживать, помогать, отдавать, учить, развивать) и негатива (врать, давить, издеваться, портить), сближения (доверять, дружить, любить, радовать, одобрять, сочувствовать), сленга как позитивной (норм, найс, круто, супер, лол, краш, рофл...), так и негативной (агр, хейт, фейк, стрем, жесь, блин, хайп...) семантической полярности, а также маркерные лексемы ряда других шкал глаголов и существительных. Достоверность различий между маркерами по частоте употребления (в примерах перечислена только их малая часть) проверена с использованием математико-статистических критериев. Так, например, в массиве текстов авторов с повышенной психологической устойчивостью значимо чаще используются лексемы наречной шкалы позитива ($N=7,07$, $p<0,05$), шкалы негатива ($N=8,09$, $p<0,05$), глагольной шкалы позитива ($N=8,46$, $p<0,05$) и значимо реже наречной шкалы отвержения ($N=8,09$, $p<0,05$), шкалы силы ($N=25,2$, $p<0,001$), слабости ($N=10,79$, $p<0,01$), глагольной шкалы пассивности ($N=7,75$, $p<0,05$).

Выводы

Комплекс выявленных маркеров текста представляет собой психолингвистический инструментарий для компьютеризированного многомерного анализа настроений и психологических состояний подростков и юношей, дает возможность мониторинга этих социально-психологических феноменов для представления научных данных в качестве опоры для планирования разнообразных социальных и политических акций.

Результаты дают возможность при решении задач мониторинга настроений и психологических состояний подростков и юношей опираться при составлении диагностических заключений на качественные и количественные характеристики сетевых текстов с учетом половой (гендерной) и возрастной принадлежности авторов.

Литература

- Stefanowitsch A., Gries S. T.* Corpora and grammar // *Corpus Linguistics: An international handbook* / Eds A. Lüdeling, M. Kytö. Berlin–N. Y.: Walter de Gruyter, 2009. P. 933–952.
- Stefanowitsch A.* Constructional preemption by contextual mismatch: A corpus-linguistic investigation // *Cognitive Linguistics*. 2011. V. 22. № 1. P. 107–129.

Аудиальный эффект «зловещей долины»: апробация стимульного материала*

А. А. Курицын (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль),
А. В. Чистопольская (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль),
В. Д. Илюшичев (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль),
Н. О. Ларионов (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

Эффект «Зловещей долины» заключается в резком переходе к негативному аффекту при взаимодействии с объектом, достаточно похожим на человека, но в котором можно заметить искусственные черты. Вопрос о мономодальности подобного эффекта остается неразрешенным. Нами был разработан аудиальный стимульный материал, в котором тип высказывания (роботическое, человеческое) и динамика речи потенциально могли повлиять на оценки антропоморфности и симпатии к воспринимаемому объекту. Показаны различия в оценке симпатии аудиостимула при взаимодействии факторов типа высказывания и динамики речи, а также частное влияние динамики речи как на антропоморфность объекта, так и на симпатию к нему.

Ключевые слова: апробация стимульного материала, зловещая долина, оценка симпатии, разработка аудиостимулов, человекоподобность.

Множество феноменов, связанных с особенностями работы процессов переработки информации, было выделено в ходе наблюдений за повседневной жизнью. Одним из таких феноменов является эффект «зловещей долины» (*англ.* uncanny valley). В 1970-е годы Масахиро Мори опубликовал эссе, в котором предполагалось, что отношение человека к антропоморфному роботу будет переходить от эмпатии к отвращению при приближении его внешнего вида к облику человека, но в контексте неполного его достижения (Mori, 2012). Именно этот резкий переход к негативному аффекту был назван «зловещей долиной». Со временем идеи Мори переняли инженеры и робототехники для более корректной разработки роботов-помощников и т.д.,

* Исследование выполнено в рамках проекта МК-495.2022.2.

однако исключительно психологических исследований на эту не так много. В частности, встает вопрос о существовании самого эффекта в принципе, а также самой закономерности изменения аффекта от изменения антропоморфности (Bartneck, 2007). Вопрос, который еще меньше освещается в рамках изучения феномена «зловещей долины», состоит в том, насколько подобное эмоциональное состояние при взаимодействии с человекоподобным объектом переносимо на другие модальности. Так, в ряде исследований показано, как стилистика речи (вежливость, речевые обороты) виртуального партнера по общению может вызывать намного большее напряжение, чем коммуникация с роботическим объектом без таких особенностей (Clark, 2020). Практически не встречаются работы, которые описывали бы те характеристики звуковых сигналов, которые могли бы повлиять на возникновение эффекта «зловещей долины». Цель всей нашей работы состояла в разработке и апробации стимульного материала в аудиоформате, способный индуцировать эффект «зловещей долины».

Стимульный материал

Нами был разработан набор аудиозаписей, которые различаются друг от друга звуковой обработкой. С привлечением профессионального звукорежиссера было принято решение о формировании 4 типов возможной обработки звуковых дорожек, в которых варьировался тип голоса (роботический или человеческий), а также динамика речи, т. е. наличие или же отсутствие пауз между словами. Разработка роботического и человеческого типов голоса представляет собой обработку звуковой дорожки при помощи специальных плагинов — программных модулей, позволяющих видоизменять те или иные характеристики звукового сигнала. Для роботической обработки были использованы плагины, позволяющие изменять высоту тона и форманту — акустическую характеристику звуков речи (прежде всего гласных), связанную с уровнем частоты голосового тона и образующую тембр звука; плагин, позволяющий сформировать эффект эха; и плагин, который удваивает входящий аудиосигнал. Для обработки человеческого голоса использовался стандартный набор модулей, позволяющих сделать слышимый голос более приятным: использовались плагины, позволяющие видоизменить тембральное звучание голоса, уменьшить (сжать) динамический диапазон звукового сигнала, контролировать уровень звукового сигнала для удаления лишнего шума. Выбор тако-

го сложного выбора обработки был обусловлен необходимостью создать звучание качественно человеческого и качественно не человеческого типа голоса. Это необходимо по двум причинам: во-первых, четкое разделение между человеческим и роботическим голосом может позволить более корректно определить их в качественно разные категории, чтобы не оказаться в пространстве «зловещей долины»; во-вторых, качественное деление на категории человек/не человек может позволить нам модулировать полученные аудио таким образом, чтобы такого рода категоризация могла быть нарушена. И хотя в нашем эксперименте непосредственно нет инструмента, который позволил бы нам отследить процесс категоризации аудиостимула, однако эту роль частично выполняет опросник антропоморфности, шкалы которого разработаны для определения степени человекоподобного объекта (стимула). Для варьирования динамики речи нами было принято решение удалить из записи периоды пауз между словами для половины групп, в другой половине оставить эту динамику. Таким образом, нами было сформировано 4 экспериментальные группы, в которых присутствовал только один из четырех наборов обработки 10 аудиодорожек: роботический голос в динамике, роботический голос без динамики, человеческий голос в динамике, человеческий голос без динамики. Мы предполагали, что взаимодействие факторов типа голоса и его динамики способно повлиять на оценки антропоморфности и симпатии к объекту, а именно: 1) оценка симпатии будет выше в случае наличия динамики речи и человеческого типа голоса, чем в случае их отсутствия; 2) оценка антропоморфности будет выше в случае наличия динамики речи и человеческого типа голоса, чем в случае их отсутствия.

Выборка и метод

Итоговая выборка эксперимента составила 80 чел. (9 мужчин, $M = 20,8$, $SD = 5,22$). Каждый из испытуемых был случайно распределен в 1 из 4 экспериментальных групп. Каждый испытуемый должен был прослушать 10 аудиозаписей и для каждой из них дать свою оценку. Оценка проводилась при помощи опросников симпатии и антропоморфности. Опросник Монатана был направлен на оценку симпатии и включал в себя следующие шкалы: 1) Дружелюбный–Недружелюбный; 2) Приятный–Неприятный; 3) Добрый–Злой; 4) Симпатичный–Несимпатичный (Monathan, 1998). Опросник Пауэрса–Кислера был на-

правлен на оценку антропоморфности и включал в себя следующие шкалы: 1) Человекоподобный—Механический; 2) Естественный—Искусственный; 3) Осознающий себя—Не осознающий себя; 4) Одушевленный—Неодушевленный (Powers, Kiesler, 2006).

Результаты

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа показывают, что взаимодействие факторов тип голоса и наличие динамики оказывает влияние на оценку симпатии ($F(1, 36) = 6,50, p = 0,015, \eta^2 = 0,152$), но не на оценку антропоморфности аудиостимула ($F(1, 36) = 3,33, p = 0,076, \eta^2 = 0,08$). Динамика голоса в отдельности влияет на оценки антропоморфности ($F(1, 36) = 151,20, p < 0,001, \eta^2 = 0,8$) и оценки симпатии ($F(1, 36) = 20,97, p = 0,015, \eta^2 = 0,368$): стимулы с нормальной динамикой речи оцениваются как более симпатичные ($U = 59,5; p < 0,001$) и более человекоподобные ($U = 0,00, p < 0,001$), чем стимулы с отсутствием динамики речи. Тип голоса в отдельности не влияет на оценки симпатии ($F(1, 36) = 0,012, p = 0,91, \eta^2 = 0,0003$) и оценки антропоморфности ($F(1, 36) = 1,67, p = 0,20, \eta^2 = 0,04$): средние для двух этих показателей не различаются между собой.

Обсуждение и вывод

В первую очередь, полученные данные позволяют нам говорить о следующем: человеческий или нечеловеческий голос сами по себе не являются симпатичными/несимпатичными или четко определяемые как более или менее человеческие. Частично это объясняется тем, что роботизированного типа голоса был не синтезирован, но смодулирован на основе уже записанной звуковой дорожки реального человеческого голоса. С одной стороны, такой тип разработки не ставит четкую границу между человеческим и роботическим типами голоса. С другой стороны, полученные данные о взаимодействии факторов типа голоса и динамики речи могут показывать следующее: обогащение аудиостимула не только непосредственными характеристиками звука, но и особенностями временных параметров (наличие/отсутствие пауз) способствует изменению эмоциональной оценки. Это можно учесть, например, при создании специализированных синтезаторов речи для предотвращения индукции негативных эмоций. Частное влияние динамики речи также способствует

и сдвигу в антропоморфности воспринимаемого стимула. Интервальность, «прерывистость» звучащей фразы более характерна для человеческой речи. Натуральность пауз в том числе подчеркивает логичное построение предложения с конкретными подструктурами. Мы можем предположить, что отсутствие этой динамики может вызывать большие затраты на понимание как внешних (звучание), так и внутренних (смысловых) аспектов высказывания. Необходимость большего времени на переработку поступившей информации может сказаться на отнесении объекта к определенной категории, что, в свою очередь, снижает показатели антропоморфности. В дальнейшем мы планируем сконцентрироваться на более корректной форме контроля при отнесении того или иного предъявляемого аудиостимула к конкретной категории (человек/не человек), а также проверить влияние частотных характеристик звукозаписи на эмоциональную оценку.

Литература

- Bartneck C., Kanda T., Ishiguro H., Hagita N.* Is the uncanny valley an uncanny cliff? // RO-MAN 2007. The 16th IEEE international symposium on robot and human interactive communication. Jeju, Korea (South), 2007. P. 368–373.
- Clark L., Ofemile A., Cowan B. R.* Exploring verbal uncanny valley effects with vague language in computer speech // Voice Attractiveness. Singapore: Springer, 2021. P. 317–330.
- Monahan J. L.* I don't know it but I like you: The influence of nonconscious affect on person perception // Human Communication Research. 1998. V. 24. № 4. P. 480–500.
- Mori M., MacDorman K. F., Kageki N.* The uncanny valley [from the field] // IEEE Robotics & Automation magazine. 2012. V. 19. № 2. P. 98–100.
- Powers A., Kiesler S.* The advisor robot: tracing people's mental model from a robot's physical attributes // Proceedings of the 1st ACM SIGCHI/SIGART conference on Human–robot interaction. 2006. P. 218–225.

Типы и мотивы просоциального поведения подростков в социальных сетях и в реальной жизни

С. В. Ланцова (МБОУ «Новоталицкая СШ», Иваново),
Е. А. Шмелева (ШФ ИвГУ, Шуя), *П. А. Кисляков* (РГСУ, Москва)

Социализация современных детей происходит в особой социальной ситуации развития, в которую активно включены цифровые технологии и средства коммуникации. В статье рассматриваются типы и мотивы просоциального поведения подростков в онлайн- и офлайн-среде. Выдвинута гипотеза о том, что типы просоциальности в реальной жизни и онлайн будут различаться. Обнаружено, что при оказании помощи в реальной жизни подростки проявляют альтруистическое и анонимное поведение, а в онлайн-среде они руководствуются эмоциями. Сделаны выводы о необходимости обучения подростков приемам работы с информацией, критическому осмыслению и анализу различных ситуаций.

Ключевые слова: мотивы просоциального поведения, подростки, цифровая среда, альтруистическая мотивация, эмоциональный тип поведения.

Активность в социальных сетях составляет неотъемлемую часть повседневной жизни подростков. Проведено множество исследований о негативных последствиях использования соцсетей, асоциальном поведении в Интернете, потенциально опасном медиаконтенте (см., например, исследования Г. У. Солдатовой, Т. А. Нестика, А. В. Фёдорова, С. Ливинстон, результаты проекта EU Kids Online и др.). Значительно меньше научных работ посвящено изучению просоциальных проявлений в онлайн-среде. Между тем цифровой контекст стал привычной средой обитания и важнейшей частью процесса социализации подростков (Солдатов и др., 2022), поэтому просоциальное поведение в Интернете представляется не менее ценным, чем в реальной жизни.

Под просоциальным поведением в социальных сетях понимаются добровольные действия, осуществляемые в онлайн-контексте

с целью принести пользу или способствовать гармоничным отношениям с другими людьми (Erreygers et al., 2018). Оно включает эмоциональную поддержку, утешение, онлайн-обмен ресурсами и информацией с одноклассником, помощь сверстникам в Интернете. Отметка публикаций друга как «нравится», так называемые лайки, переписки, отправка кому-либо приятного сообщения также считаются про социальным поведением в сети, поскольку помогают поддерживать дружеские отношения (Erreygers et al., 2018).

Г. Карло и Б. Рэндалл обосновали существование шести различных типов просоциального поведения старших подростков, каждый из которых имеет различные личностные и ситуационные корреляты (Carlo, Randall, 2002):

- 1) Альтруистическое – добровольная помощь, мотивированная бескорыстной заботой о потребностях и благополучии другого человека. В основе альтруистической помощи лежит сочувствие, интернализированные социальные нормы, способность принимать точку зрения другого, а также социальная ответственность.
- 2) Уступчивое – помощь в ответ на просьбу, вербальную или невербальную. Высокий уровень уступчивого просоциального поведения связан с ориентацией на одобрение общества и отрицательно коррелирует со способностью к пониманию другого, сочувствием и высоким уровнем моральных рассуждений.
- 3) Эмоциональное – ориентация на помощь другим в обстоятельствах, вызывающих сильные эмоции. Такой тип поведения связан с сочувствием, пониманием другого, эмпатическими способами моральных рассуждений.
- 4) Публичное – осуществляется перед аудиторией, мотивировано желанием получить одобрение и уважение других людей (например, родителей, сверстников) и повысить свою самооценку. Отрицательно связано с высоким уровнем моральных рассуждений и ориентацией на другого.
- 5) Анонимное – помощь оказывается без ведома того, кому она будет оказана. Связано с сочувствием, принятием ответственности и перспектив.
- 6) экстренное – помощь в чрезвычайных и кризисных ситуациях.

Согласно Н. Эйзенберг, просоциальная мотивация имеет общую тенденцию к последовательному развитию, связанному с возрастными изменениями, и развивается от уступчивой в раннем детстве к пуб-

личной у ранних подростков до альтруистической у юношей и взрослых (цит. по: Carlo, Randall, 2002).

Цель нашего исследования – сравнить типы просоциального поведения подростков в социальных сетях и в реальной жизни. Мы предположили, что они могут различаться, поскольку в цифровой среде складывается особая ситуация взаимодействия, характеризующаяся анонимностью, неочевидностью социального присутствия, отсутствием невербальных сигналов. Это может снижать эмпатические реакции, уменьшая альтруистическое и эмоционально мотивированное просоциальное поведение. Простота анонимных действий в сети может способствовать развитию анонимного типа просоциального поведения, публичность и большая аудитория охвата – публичного.

Выборку составили 342 подростка от 11 до 19 лет ($M = 15,2$), 59,6% женского, 40,4% мужского пола, из городских (11,7%), сельских (54,4%) школ Ивановской области, а также студенты колледжей г. Иваново (33,9%).

Были использованы следующие методики: «Методика измерения просоциальных тенденций» Г. Карло и Б. Рэндалла в адаптации Н. В. Кухтовой; «Просоциальная батарея личности» Л. Пеннера, шкала «Полезность»; «Онлайн-просоциальное поведение» С. Эррейджерс, шкала «Выполнение просоциального поведения в сети».

Пошаговый регрессионный анализ показал, что предикторами просоциального поведения подростков в реальной жизни являются анонимная и альтруистическая мотивация ($R^2 = 0,122$; $F = 23,43$, $p < 0,001$). При этом 19,5% изменчивости зависимой переменной объясняется влиянием на нее анонимной мотивации и 18,7% – влиянием альтруистической мотивации.

Предикторами просоциального поведения в онлайн-среде оказались эмоциональная и экстренная мотивация ($R^2 = 0,358$; $F = 94,24$, $p < 0,0001$). При этом 42% изменчивости переменной объясняется эмоциональной мотивацией и 21% – мотивацией оказания экстренной помощи.

Просоциальное поведение подростков в реальной жизни мотивировано такими высокоценными типами просоциальности, как альтруизм и анонимность, т. е., помогая другим людям, подростки не нуждаются в социальном одобрении своих поступков, действуют в соответствии с принятыми ценностями, проявляют социальную ответственность.

Оказывать помощь в социальных сетях подростков мотивируют эмоции и ситуации, которые расцениваются как чрезвычайные, требующие экстренного вмешательства. Помощь в обстоятельствах, вызывающих сильные эмоции, связана с сочувствием и эмпатией, ориентированной на другого. Г. Карло и Б. Рэндалл предполагают, что высокий уровень эмоциональной чувствительности в подростковом возрасте способствует формированию Я-концепции, включающей представление о себе как о добром, щедрым, социально ответственном человеке (Carlo, Randall, 2002). Этот факт также соответствует проведенному нами ранее фокус-групповому исследованию, которое показало, что подростки обращают большее внимание на просоциальный медиаконтент, вызывающий яркие эмоции (положительные или отрицательные) (Shmeleva et al., 2022). Информация о внутреннем состоянии других людей в социальных сетях может быть получена через голосовые сообщения, эмодзи и стикеры (Смирнова, 2020).

Проявление эмоционального и экстренного типов просоциального поведения в социальных сетях также можно рассматривать с точки зрения оценочной функции эмоций. В условиях большого потока информации, при высокой пользовательской активности, эмоциональная оценка минимизирует когнитивное напряжение. Она мгновенна, не требует усилий и связана с механизмами адаптации, когда в первую очередь оцениваются факторы, считающиеся опасными с точки зрения прошлого опыта (Смирнова, 2020).

Таким образом, просоциальное поведение подростков в реальной жизни и в цифровой среде отличаются мотивами и проявлениями. В реальности подростки показали более «взрослый» уровень развития просоциальной мотивации, чем в онлайн-среде. Работая с подростками в цифровой среде, нужно выбирать и создавать контент, который вызывает эмоции. При этом для избежания рисков онлайн-коммуникации необходимо обучать подростков приемам работы с информацией, критическому осмыслению и анализу различных ситуаций.

Литература

Смирнова Т. В. Эмоциональность в цифровом пространстве // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 4. № 3. С. 259–264. doi: 10.35634/2587-9030-2020-4-3-259-264

- Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Вишнева А. Е., Теславская О. И., Чигарькова С. В.* Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. М., 2022.
- Carlo G., Randall B.* The development of a measure of prosocial behaviors for late adolescents // *Journal of Youth and Adolescence*. 2002. № 31. P. 31–44. doi: 10.1023/A:1014033032440
- Erreygers S., Vandebosch H., Vranjes I., Baillien E., De Witte H.* Development of a measure of adolescents' online prosocial behavior // *Journal of Children and Media*. 2018. V. 12. № 4. P. 448–464. doi: 10.1080/17482798.2018.1431558
- Shmeleva E., Kislyakov P., Lantsova S., Surkova A.* Media resources in the raising of prosocial behavior of schoolchildren // *Media Education*. 2022. № 4. P. 634–644. doi: 10.13187/me.2022.4.634

Инженерно-психологический анализ применения системы LMS Moodle преподавателями высших учебных заведений

Е. М. Печковская (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Переход на дистанционный формат преподавания характеризуется применением различных цифровых дистанционных систем. Среди данных систем наиболее применяемой является LMS Moodle. Цель исследования – проведение психолого-эргономического анализа интерфейса LMS Moodle. Гипотеза исследования – сбои и устройство интерфейса влияют на удовлетворенность и удобство пользования LMS Moodle преподавателями высших учебных заведений. Методы исследования: Методика ОПУС, метод критических инцидентов, где выделены ошибки пользователей, анализ устойчивости системы.

Ключевые слова: LMS Moodle, интерфейс, ошибки, сбои, ОПУС.

LMS Moodle Learning Modular System Modular Object-Orientated Dynamic Learning Environment (система управления обучением) была разработана Мартином Догиамасом в 2001 г. в Австралии (Андреев и др., 2008). Система направлена на организацию очного и дистанционного образования. Для очного образования она обеспечивает предоставление дополнительных образовательных ресурсов студентам, которые не могут быть полностью предоставлены на занятиях и организует работу студентов. Moodle может быть применен как элемент автоматизации деятельности преподавателей по проверке тестов, опросов и других видов работ и служить хранилищем образовательных ресурсов, что способствует облегчению работы преподавателей с поиском и размещением материалов. На данный момент это одна из самых распространенных образовательных платформ в мире, переведенная на 100 языков. Репертуар предлагаемых инструментов выполнения рабочих задач характеризуется разнообразием типом заданий, которые представлены следующими типами: автоматическая проверка и проверка оператора. Данная система позволяет индивидуализировать работу преподавателя с данной системой. Среди наиболее применяемых инструментов выделяют

сы тест, опрос, задание. Наименее применяемые функции – глоссарий, семинар, база данных.

Среди преимуществ применения данной образовательной системы были выделены возможность хранения учебных материалов, воспроизведение в различных курсах и возможность переноса из системы одного университета в другой посредством функции SCORM, стандартизирующей формат курса под различные типы LMS. Другим преимуществом является возможность автоматизации проверки тестовых заданий и предоставление статистики по курсу об успеваемости, длительности выполнения.

В исследовании были применены следующие методы: метод критических инцидентов, оценка удовлетворенности пользованием ОПУС, разработанной И. А. Дегтяренко и А. Б. Леоновой (2012), анализ сбоев.

При изучении показателя устойчивости Moodle была рассмотрена версия 3.2 как одна из самых применяемых среди респондентов (с 2018 по 2022 г., общая сумма итераций – 7240). Анализ отчетов системы о сбоях показал, что все версии являются устойчивыми и имеют высокий показатель бесперебойности, выявлены следующие сбои в процессе применения:

- 1) не учтено выполнение работы обучающимся – 2;
- 2) сбой отображения задания обучающимся – 1.

Отказоустойчивость составила 0,99 (на основе данных, предоставленных журналом сбоев системы).

Следует отметить, что в данные наблюдения не входят отказы серверов, на которых размещена система. В ходе обсуждения произошедших сбоев с пользователями и анализа обращений в службу поддержки и в сообщество Moodle Community в сети Интернет, сервер представляет наибольший источник сбоев в течение 2019–2022 гг.

Удовлетворенность пользованием оценивалась методикой ОПУС, единственной валидизированной методикой в РФ. Оценка параметров производилась по примененной автором 7-балльной шкале Лайкерта. Методом усредненных значений были получены следующие результаты: шкалы оценивают эффективность (3,31), полезность (3,08), простоту (4,46), эмоциональную привлекательность (удовлетворенность) (3,30). Данные показатели характеризуют средние значения по критерию эффективности, полезности и привлекательности,

что соответствует результатам интервью с респондентами и критическому анализу инцидентов.

Среди основных причин увеличения нагрузки были выделены сложность разделения рабочего и свободного времени, сложность подготовки заданий и внедрения в интерфейс системы.

В ходе рассмотрения ошибок применения пользователями системы LMS Moodle были выделены следующие ошибочные действия: ошибка исполнения (0,76), ошибка восприятия (0,93), ошибка мышления (0,5), ошибка опыта (0,33). Ошибка восприятия характеризуется неверной интерпретацией отображаемых параметров настроек. Среди наиболее встречаемых ошибок интерпретации элементов интерфейса являются включение режима редактирования, выбор параметров настройки тестов, например, просмотр студентами результатов тестов. Другими ошибками являются показатели «Теги», «Компетентности».

Среди предложений были выделены уменьшение настроек в режиме «Учитель», где не будут отображаться показатели «Компетенции», «Теги». В режиме «Общие настройки модуля», «Идентификатор (ID)», «Доступность».

В результате проведенного исследования были выдвинуты следующие предложения по совершенствованию интерфейса образовательной системы.

1. В роли «Учителя» сократить предлагаемые преподавателю настройки в целях оптимизации и упрощения пользованием системы.
2. Разработать единый сервис технической поддержки организаций, администраторов и преподавателей, оказывающий консультационные услуги по всему миру из официальных представительств организации.
3. Внедрение в систему возможности автоматизации обработки загружаемых данных, в том числе из PDF-формата и автоматического формирования заданий в целях повышения удовлетворенности применением системы, оптимизации деятельности преподавателей и сокращения монотонных операций при применении системы.
4. Повышение управляемости при применении «горячих клавиш» — быстрых переходов, включения инструментов не с помощью мыши, а клавиатуры. За основу реализации может быть принят дизайн

интерфейса в Figma, но доработанный с точки зрения наглядности и простоты навигации.

Литература

Андреев А. В., Андреева С. В., Доценко И. Б. Практика электронного обучения с использованием Moodle. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008.

Дегтяренко И. А., Леонова А. Б. Оценка удовлетворенности работой с интернет-сайтом // Национальный психологический журнал. 2012. № 1 (7). С. 95–103.

Особенности жизненных стремлений подростков, родители которых демонстрируют разные стратегии цифровой родительской медиации

Н. А. Руднова (ФГБНУ «ПИ РАО», Москва),
Д. С. Корниенко (ФГБНУ «ПИ РАО», Москва)

Целью исследования является изучение особенностей жизненных стремлений подростков, родители которых демонстрируют разные стратегии цифровой родительской медиации. Участие в исследовании приняло 2103 подростка в возрасте от 13 до 15 лет ($M = 14,12$, $SD = 0,76$), 57% – девушки. Для сбора данных использовались Опросник цифровой родительской медиации и Опросник «Индекс жизненных стремлений». Дети родителей с ограничивающей стратегией имеют более высокие показатели внешних жизненных стремлений, дети родителей с избирательной стратегией имеют более выраженные внутренние стремления, дети родителей с попустительской стратегией демонстрируют наименее выраженные показатели стремлений.

Ключевые слова: цифровая родительская медиация, внутренние жизненные стремления, внешние жизненные стремления, подростки.

Участие родителей в использовании детьми цифровых устройств и ресурсов сети Интернет в современном обществе стало одной из значимых функций родительства и достаточно активно исследуется (Kuzmanović et al., 2019; и др.). В настоящее время родительские контроль (экранного времени, контента и т. д.) и поддержка (информационная, эмоциональная) обозначены как практики, которые используют родители, регулируя цифровую активность своих детей. Использование данных практик может иметь различное соотношение, что позволило выявить ряд стратегий цифровой родительской медиации: ограничивающую, активную, избирательную, попустительскую и т. д. При этом контролирующие действия родителей относительно цифровой активности их детей связаны с показателями общего авторитарного стиля воспитания, а поддерживающие – с показателями авторитетного (Young, Tully, 2022).

Подростковый возраст является значимым периодом для формирования системы жизненных ориентиров и ценностей, построения жизненных перспектив, а также появления ведущих доминант в направленности личности. В рамках теории самодетерминации был предложен конструкт жизненных стремлений, позволяющий выявить значимость достижения целей, которые затрагивают различные сферы: здоровье, власть, самовыражение, известность, богатство, личностный рост и автономия, отношения и т. д. (Deci, Ryan, 2000). Учитывая, что стиль воспитания, который демонстрируют родители, оказывает значительное влияние на формирование у детей системы ценностей (например: Чернецкая, 2016) и жизненных ориентаций, а общий стиль воспитания связан со стратегией цифровой родительской медиации, можно предположить, что дети, чьи родители демонстрируют различные стратегии цифровой медиации, могут иметь различия в выраженности жизненных стремлений.

Организация исследования

Выборку исследования составили 2103 подростка в возрасте от 13 до 15 лет ($M = 14,12$, $SD = 0,76$), 57% – девушки. Все респонденты – учащиеся общеобразовательных школ, было получено согласие на участие в исследовании от родителей подростков. Заполнение анкет было добровольным, сбор данных проходил в индивидуальном формате.

Опросник цифровой родительской медиации (Руднова и др., 2023) использовался для диагностики цифровых родительских практик. Опросник состоит из 7 утверждений, 4 утверждения входят в Шкалу родительской поддержки, 3 утверждения – в Шкалу родительского контроля. α Кронбаха для Шкалы родительской поддержки – 0,85, для Шкалы родительского контроля – 0,78.

Опросник «Индекс жизненных стремлений» Э. Деси и Р. Райана использовался для выявления особенностей направленности подростков (Deci, Ryan, 2000). В опросник входят 35 утверждений, которые выявляют 11 основных стремлений. К внутренним стремлениям относятся Мастерство, Личностный рост и автономию, Самовыражение, Здоровье, Отношения, Действия на благо сообщества (Сообщество), Социальную приверженность, к внешним – Богатство, Известность, Внешность, Влиятельность. α Кронбаха для шкал варьируется от 0,60 для шкалы Личностного роста и автономии до 0,83 для шкалы Известность. α Кронбаха для субшкалы внешних стремлений – 0,80, для субшкалы внутренних стремлений – 0,87.

Результаты

Согласно результатам корреляционного анализа, родительская поддержка имеет значимую положительную связь со всеми стремлениями подростков (от $r=0,07$, $p<0,01$ для Самовыражения – до $r=0,25$, $p<0,001$ для показателя Сообщество), кроме Богатства. Родительский контроль имеет слабые, но значимые отрицательные связи с показателями Богатства ($r=-0,08$, $p<0,001$), Личностного роста и автономии ($r=-0,06$, $p<0,05$), Самовыражения ($r=-0,09$, $p<0,001$) и Мастерства ($r=-0,05$, $p<0,05$). Положительно родительский контроль связан с Известностью ($r=0,07$, $p<0,01$) и Влиятельностью ($r=0,05$, $p<0,05$).

В результате проведенного кластерного анализа были выделены группы детей, родители которых демонстрировали различные стратегии медиации. Группа 1 – подростки, которые оценивали низко как родительскую поддержку, так и родительский контроль ($N=1001$). Можно обозначить данную стратегию участия родителей в использовании цифровых устройств и ресурсов сети Интернет как попустительскую. Группа 2 – дети, чьи родители демонстрируют средний уровень выраженности поддержки и невысокий уровень контроля ($N=809$). Подобную стратегию можно назвать избирательной. Группа 3 – дети, родители которых демонстрировали очень высокий уровень контроля и умеренный – поддержки ($N=293$). Можно назвать данную стратегию ограничивающей.

Однофакторный дисперсионный анализ выявил, что показатели внутренних жизненных стремлений ($F(2, 210)=29,89$, $p<0,001$) более выражены в группе 2 ($M=19,58$, $t=-7,60$, $p<0,001$ для сравнения с группой 1, где $M=18,53$; $t=4,22$, $p<0,001$ для сравнения с группой 3, где $M=18,74$), а показатели внешних ($F(2, 210)=8,21$, $p<0,001$) – в группах 3 ($M=15,33$, $t=-3,10$, $p<0,01$ для сравнения с группой 1) и 2 ($M=15,17$, $t=-3,46$, $p<0,01$ для сравнения с группой 1, где $M=14,57$). При этом во всех выявленных группах показатели внутренних жизненных стремлений показателей имеют большую выраженность, чем внешних.

Обсуждение

В настоящем исследовании выявлены три стратегии цифровой родительской медиации: 1) попустительская, при которой родители практически не участвуют в использовании детьми цифровых устройств; 2) избирательная, которая сочетает как контроль, так и поддержку подростка в процессе использования ресурсов сети Интернет и гаджетов;

3) ограничивающая, заключающаяся в преобладании контроля. Больше число подростков оценивает стратегию родителей как попустительскую, отмечая низкий уровень и контроля, и поддержки. Подобный результат противоречит полученным ранее результатам, указывающим на преобладание ограничивающей стратегии (Kuzmanović et al., 2019). Можно предположить, что с ростом цифровизации, особенно на фоне интенсивного использования цифровых технологий в образовательной среде в ходе недавней пандемии, родители стали меньше контролировать и ограничивать использование смартфонов и компьютеров детьми. Однако необходимо учитывать, что дети могут не знать о некоторых контролирующих действиях родителей, да и в целом они склонны приуменьшать роль участия родителей (Руднова и др., 2023).

Выявленные между практиками цифровой родительской медиации и жизненными стремлениями детей связи показывают, что родительская поддержка положительно связана как с внешними, так и с внутренними стремлениями. Исключением стал только показатель Богатства. Вероятно, когда родители оказывают информационную или эмоциональную поддержку своему ребенку при использовании им цифровых устройств, они поддерживают не только формальную сторону (как включить, как получить доступ к информации и т. д.), но и содержательную — обсуждают с ребенком мотивы и цели использования цифровых устройств, что стимулирует направленность личности подростка, какая бы она ни была (Чернецкая, 2016). Отсутствие связи цифровой родительской поддержки с направленностью подростка на финансовое благополучие может быть связано с табуированностью темы денег. Высокий родительский контроль может снижать выраженность жизненных стремлений к самовыражению, богатству, профессионализму (мастерству), личностному росту, поскольку внешний контроль снижает возможность для автономии и самостоятельности, которых требуют данные жизненные цели. С другой стороны, цифровой родительский контроль положительно связан со стремлением подростка к известности и влиятельности. Можно предположить, что чем больше подросток ориентирован на достижение данных целей, тем больше его экранное время и активность в виртуальном пространстве и тем больше контролирующих действий предпринимают родители, особенно на фоне возрастающей тенденции к получению известности через выражение в социальных сетях мнений или взглядов, противоречащих традиционным ценностям или моральным установкам.

Как внутренние, так и внешние жизненные стремления менее всего выражены у подростков, родители которых демонстрируют попустительский стиль участия в использовании детьми цифровых устройств. Вероятно, это связано с тем, что стратегия цифровой родительской медиации соответствует общему стилю воспитания, а дети индифферентных родителей имеют достаточно низкую ориентацию на достижение (Чернецкая, 2016), что затрудняет для них постановку собственных жизненных целей. Дети родителей, демонстрирующих ограничивающую стратегию, имеют самые высокие показатели по внешним жизненным стремлениям, что может быть связано как с высоким уровнем ценности достижения у таких детей, так и с высокой ценностью социального статуса и возможности управлять людьми (Чернецкая, 2016), которых подростки стремятся добиться, используя, например, социальные сети. Подростки, родители которых прибегают чаще к поддержке их цифровой активности, чем к контролю, имеют высокие показатели внутренних стремлений, т. е. достижения таких целей, как самовыражение, профессионализм, принадлежность к группе. Можно предположить, что поддержка цифровой активности детей родителями поддерживает еще и внутренние цели подростков, а общий авторитетный стиль воспитания укрепляет ценности личной ответственности, уважения других, общественной деятельности, а также достаточно выраженной ценности себя.

Литература

- Руднова Н. А., Корниенко Д. С., Волкова Е. Н., Исаева О. М.* Цифровая родительская медиация и ее связь с показателями психологического благополучия детей школьного возраста // Наука телевидения. 2023. № 19 (1). С. 121–198. doi: 10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198
- Deci E. L., Ryan R. M.* The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. № 11. P. 227–268.
- Kuzmanović D., Pavlović Z., Popadić D., Milosevic T.* Internet and digital technology use among children and youth in Serbia: EU Kids Online Survey Results, 2018. Belgrade: Institute of Psychology, Faculty of Philosophy, 2019.
- Young R., Tully M.* Autonomy vs control: Associations among parental mediation, perceived parenting styles and U. S. adolescents’ risky online experiences // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2022. № 16 (2). doi: 10.5817/cp2022-2-5

Становление и трансформации современных цифровых субкультур

А. Д. Титкова (ФГБОУ ВО МПГУ, Москва),

Е. Е. Сапогова (ФГБОУ ВО МПГУ, Москва)

В рамках психологической оптики рассматриваются уровни включенности современных людей в процессы цифровизации. Аргументируется авторская гипотеза о возможности различения в рамках единой цифровой субкультуры нескольких субкультур, зависящих от начального освоения интернет-пространства, массовой цифровизации и сегодняшнего полного погружения в цифровую реальность. Вводится и обосновывается понятие цифровой субкультуры для определения степени включенности различных поколений в интернет-пространство и процесс цифровизации как таковой.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая субкультура, цифровая культура, информационная среда, Интернет.

Современная цифровая трансформация, начавшаяся в XX в. и продолжившая свое развитие в XXI, затронула все виды и сферы деятельности человека. Так, процесс цифровизации обнаруживает свое влияние на сферы труда и профессиональной деятельности, интегрируется в образовательную деятельность и процессы общения, занимает лидирующие позиции в оказании информационного воздействия на общество. В условиях современной реальности человек уже не представляет свою повседневность и свое развитие вне цифровых технологий. Это связано с тем, что ряд видов необходимой деятельности сегодня уже не может быть осуществлен без их использования.

Когда мы говорим о процессах цифровизации, в первую очередь, подразумевается использование сети Интернет и таких цифровых устройств, как смартфоны, ноутбуки и компьютеры.

По данным компании Mediascope за 2022 г., ежемесячно Интернетом в России пользуется 81% населения, в сутки – 78%. Частота использования Интернета также имеет различия между разновозрастными группами. Так, по статистике ежедневного использования

было отмечено, что 96% людей в возрасте от 12 до 17 лет, 95% в возрасте от 18 до 24 лет, 94% в возрасте от 25 до 34 лет, 92% в возрасте от 35 до 44 лет, 85% от 45 до 54 лет, 69% от 55 до 64 лет и 37% в возрасте от 65 лет и старше пользуются Интернетом ежедневно (Ачкасова, 2023). Ориентируясь на представленные данные, можно сделать вывод, что молодежь более включена в интернет-среду, по сравнению со зрелыми и пожилыми людьми.

В исследованиях, проводимых под руководством Г. У. Солдатовой, изучается пользовательская активность подростков в сети Интернет. Автор рассматривает время подключения в качестве фактора участия респондентов в цифровой среде. Так, исследователи распределили респондентов по следующим группам показателей пользовательской активности: низкая (до 1 ч), умеренная (до 2 ч), высокая (5–7 ч), гиперподключенность (более 8 ч) (Солдатова и др., 2022).

Представленные данные позволяют считать, что большая часть населения посредством использования цифровых технологий или устройств включена в цифровую среду. Люди пожилого возраста чаще, чем молодежь, смотрят телевидение, а молодые люди чаще, чем пожилые, пользуются Интернетом. Тем не менее, влияние цифровой среды не исчерпывается просто временем, проведенным в ней, т. е. это не столько новый формат социальной практики взаимодействия, сколько новый формат среды обитания современного человека.

Количество времени, проводимого современным человеком в цифровом пространстве, и большое количество видов деятельности, разворачиваемых субъектами в онлайн-среде, наводят на предположение, что многие люди, особенно молодые, уже не делят собственную жизнь на онлайн и оффлайн. Цифровое пространство становится для них полноценной частью жизненного мира, в которой разворачивается их жизнь во всем своем многообразии. Цифровое пространство при этом является и частью культуры как продукт, созданный человеком, развивающийся и постоянно дополняемый новыми идеями, контекстами и функциями.

Мы исходим из общего понимания цифровой культуры как совокупности принципов, целей, ценностей, стратегий и способов взаимодействия с реальностью посредством цифровых технологий. Частью «большой» культуры ее делает умение искать, хранить, анализировать и использовать информацию с помощью современных цифровых технологий. Одновременно цифровая культура есть не просто комплекс таких умений, но и совокупность опосредованных цифровы-

ми технологиями смыслов, ценностей и отношений человека с миром (природы, науки, искусства и т. д.), другими людьми, самим собой.

Очевидно, что, будучи определена лишь по признаку опосредованности активности цифровыми технологиями, цифровая культура не является однородной. Пересекаясь с возрастными, профессиональными, гендерными, этническими и другими многочисленными характеристиками людей (цели, ценности, смыслы и пр.), она распадается на подсистемы, значительно различающиеся между собой, и, к примеру, цифровая культура IT- или биржевых специалистов не похожа на цифровую культуру психологов или лингвистов, а цифровая культура подростков далека от цифровой культуры взрослых и т. д. Принимая идею многосоставности цифровой культуры, мы считаем более целесообразным использовать термин «цифровые субкультуры». В их понимании особенно сложным аспектом выступает проблема операционализации их исследования, особенно в связи с тем, что и сама цифровая культура развивается во времени, носит динамический характер.

Мы предлагаем понимать цифровую субкультуру как комплекс сложившихся во времени, ассимилированных субъектом (группой субъектов) и ставших привычными схем взаимодействия с цифровой реальностью, повседневного использования ее в разных формах социальной и индивидуальной активности. В качестве носителя конкретной цифровой субкультуры выступает человек, принадлежащий к определенному «цифровому поколению» и удовлетворяющий в ней разные жизненные потребности (образование, профессиональная деятельность, досуг, творчество, свобода самовыражения и пр.). Используя термин «цифровое поколение», мы имеем в виду разную меру первичной социализации в информационных полях.

Ставя задачу наполнить конкретным психологическим содержанием понятие цифровой субкультуры, мы предположили, что, отталкиваясь от уровня вовлеченности людей в цифровую культуру, можно говорить о цифровых субкультурах как различающихся между собой подсистемах цифровой культуры, объединяющих людей разного возраста в соответствии с целями и возможностями сегодняшнего использования цифровых ресурсов («особствования» цифрового пространства).

Уделяя особое внимание различным возрастным группам, сосуществующим в цифровом пространстве сегодня, важно сказать о том, что в настоящее время различия между возрастными группами, ис-

пользующими интернет-среду обнаруживают себя в следующих аспектах: 1) деятельности; 2) «пространствах обитания»; 3) количестве времени, проводимого онлайн; 4) умениях использования цифровых технологий; 5) скорости освоения постоянно трансформирующейся цифровой среды; 6) идентификации себя и своего жизненно-го пространства с конкретными областями цифрового пространства.

Так, представители поколения, лишь осваивавшего цифровое пространство в 1990-х годах, когда компьютерная грамотность не стала еще массовым явлением и востребованным комплексом компетенций, были первично социализированы вне виртуальных цифровых сред, но позже развитие цивилизации и культуры в рамках вторичной социализации присоединило к их деятельности, нормам, ценностям, стратегиям, установкам и пр. элементы цифровой культуры.

Для многих представителей «старшей цифровой субкультуры» характерно существование преимущественно оффлайн. В онлайн-среде они чаще находятся вынужденно, к примеру, в случаях, если услуги возможно получить только на портале Госуслуг и нельзя прийти в окно в МФЦ, если оплату нужно осуществлять на сайтах компаний, а не в банке и т. п. Среди данной группы, вероятно, чаще распространена пассивная включенность в цифровое пространство, к примеру, через просмотр статей на форумах, кино или сериалов.

«Пространство обитания» «старшей цифровой субкультуры» менее выделено, так как число активных пользователей Интернета среди людей пожилого возраста невелико, хотя можно увидеть представителей «старшей цифровой субкультуры» и на платформах «ВК», и в «Одноклассниках», и в Instagram, и в других социальных сетях и мессенджерах. Количество аккаунтов, ведущихся пожилыми людьми, невелико, и их обычно отличают или крайне высокая активность, большое количество постов и публикаций, или почти полное отсутствие активности, когда аккаунт был заведен и заброшен. Иными словами, старшее поколение в интернет-среде обычно ведет или очень созидательную деятельность, или почти не ведет ее. Отдельно здесь выделяется мессенджер WhatsApp, в котором представителями «старшей цифровой субкультуры» ведется «активно-пассивная деятельность» (ввиду активности распространения и отсутствия самостоятельно создания) по распространению и перепостам поздравительных картинок, молитв и пожеланий. Большинство представителей «старшей цифровой субкультуры» проводят время преимущественно оффлайн и демонстрируют трудности в освоении новых форм цифровой реаль-

ности. Несмотря на все вышеописанное, среди пожилых людей существует определенное количество людей, отлично владеющих цифровыми технологиями, однако на сегодняшний день их меньшинство.

Представители «среднего цифрового поколения», чья первичная социализация в конце 90-х — начале нулевых годов уже включала возможности и средства цифровизации и сделала их освоение необходимой частью востребованных на рынке труда компетенций и повседневной коммуникации, комфортно существуют в обеих средах, погружаясь в них по необходимости и легко ассимилируя их возможности, но опираясь на приобретенную в оффлайне систему поиска информации, способов ее хранения, фиксации, извлечения и т. д.

Представители «среднего цифровой субкультуры» преимущественно — взрослые, ведущие свое существование примерно поровну в онлайн- и оффлайн-средах. При этом взрослые часто следят за временем, проводимым онлайн, предпочитают несложные игры (например, формата «три в ряд»), из которых можно легко выйти, а также предпочитают кино сериалам. Многие из них используют цифровое пространство и цифровые устройства для общения (при этом чаще рабочего, нежели личного), выполнения трудовых и профессиональных задач, обучения, досуга. Освоение новых цифровых устройств и технологий не представляет для взрослых особой трудности, однако они осваивают их с некоторой неохотой, при наличии в этом необходимости и/или при высокой перспективности технологии для их профессиональной деятельности.

«Младшая цифровая субкультура» представлена людьми юношеского, подросткового и более ранних возрастов, которые уже практически полностью социализируются в информационных средах («инфорги»). Данная цифровая субкультура ведет жизнь, полностью интегрированную с онлайн-пространством: их деятельность ведется в основном онлайн (к примеру, подготовка домашних заданий по учебе). Общение, игры, просмотр контента также ведутся в онлайн-среде. Интернет увлекает молодежь, которая быстро осваивает новые технологии и устройства, а также с легкостью подстраивается под постоянные изменения, происходящие в цифровой среде. В рамках сети Интернет представители младшей цифровой субкультуры имеют наибольшее количество «мест обитания», так, они ярко представлены во всех социальных сетях, ведут общение в мессенджерах и каналах (например, Discord), взаимодействуют в многопользовательских играх (например, Roblox, игры в Steam).

Таким образом, цифровая информационная среда с развитием сети Интернет вошла в жизнь каждого поколения, трансформировав почти все сферы деятельности и общения. Очевидно, что освоение цифровых технологий и их трансформация будут продолжаться и далее, вынуждая представителей всех поколений все больше включаться в интернет-среду и примыкать к цифровым субкультурам.

Литература

- Ачкасова К.* MediaScope. Медиапотребление в 2022 году. 2023. URL: http://mediascope.net/upload/iblock/e20/5xy943jkr4nngaufft1stsr0877w3jn5/CSTB_медиапотребление.pdf (дата обращения: 02.05.2023).
- Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Кошечкина А. Г., Никонова Е. Ю.* Повседневная деятельность подростков в смешанной реальности: пользовательская активность и многозадачность // Сибирский психологический журнал. 2022. № 83. С. 20–45.

Синдром цифрового выгорания. Методы диагностики, профилактики и коррекции в разных возрастных группах

А. Б. Шагидаева (АНО ВО «РосНОУ», Москва)

Публикация раскрывает социально-психологическую проблему цифрового выгорания, которая становится все более актуальной в связи с быстрым развитием цифровых технологий. Для диагностики цифрового выгорания используется оценочный инструмент – уровень цифрового следа, который может быть сопоставлен с результатами диагностики различных психосоциальных дезадаптаций. Предложены методы профилактики и коррекции, такие как обучение навыкам эффективного использования цифровых технологий, регулярные перемены, практика медитации и других методов релаксации, поддержка социальной связи и взаимодействия, оказание профессиональной психологической помощи.

Ключевые слова: цифровое выгорание, синдром цифрового выгорания, диагностика цифрового выгорания психологическое цифровое выгорание, цифровой след.

Феномен так называемого цифрового выгорания на сегодня становится одной из крайне актуальных и достаточно острых социально-психологических проблем, одним из негативных проявлений стремительной цифровизации общественных отношений в начале XXI в. Хотя цифровизация сама по себе призвана активно способствовать общественному прогрессу, она также может повлечь за собой отрицательные последствия как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Синдром цифрового выгорания – это метафора, которая иллюстрирует значимость проблем, вызываемых цифровизацией, и, вполне вероятно, заболевание, которое официально войдет в международные классификаторы в ближайшем будущем (Sharma et al., 2020).

В настоящей публикации на основе материалов литературного обзора и практического опыта работы автора систематизированы особенности психологического синдрома цифрового выгорания, предложены подходы к диагностике (с учетом отсутствия единых методик

в данной области), а также обоснованы перспективные инструменты и методы профилактики и коррекции в разных возрастных группах.

Синдром цифрового выгорания (также известный как техно-стресс) – это состояние, которое возникает у людей, которые работают с компьютерами и другими электронными устройствами в течение длительного времени. Он характеризуется чувством усталости, раздражительности, бессонницы, головной боли, снижением производительности и концентрации внимания, а также другими симптомами, связанными с психологическими и физическими нагрузками, вызванными использованием технологий.

Некоторые из признаков цифрового выгорания могут включать:

- постоянное чувство усталости и истощения;
- снижение производительности и эффективности в работе;
- сокращение мотивации и интереса к работе или учебе;
- повышенную раздражительность и нервозность;
- снижение качества сна и бессонница;
- ощущение отрыва от реального мира и социальной изоляции;
- зависимость от социальных сетей и мобильных устройств;
- снижение самооценки и уверенности в себе.

На сегодня существует значительный пробел в методике социально-психологической диагностики цифрового выгорания: валидные проективные, тестовые и иные методы все еще находятся в стадии разработки и апробации.

С позиций диагностики цифрового выгорания значительный интерес представляет такой оценочный инструмент, как уровень цифрового следа. Цифровой след пользователя – это информация, которую оставляет пользователь в Интернете при использовании различных онлайн-сервисов и приложений. Таковыми могут быть данные о посещенных сайтах, запросах в поисковых системах, лайках и комментариях в социальных сетях, покупках в онлайн-магазинах и т. д.

Оценка цифрового следа может показать, насколько интенсивно и часто пользователь использует технологии, какие приложения и сервисы он использует, как много времени он проводит в Интернете, какие типы контента он потребляет и как он взаимодействует с другими пользователями. Эта информация может помочь психологу определить, насколько пользователь подвержен риску развития цифрового выгорания и какие меры могут быть приняты для предотвращения этого синдрома.

Методика анализа цифрового следа включает в себя следующую последовательность действий:

1. Сбор данных: сбор всех доступных данных, связанных с цифровым следом, включая информацию о пользователе, устройстве, сети, приложениях и т. д.
2. Анализ данных: анализ данных, собранных на предыдущем этапе, с целью выявления связей и паттернов, которые могут указывать на действия пользователя.
3. Интерпретация данных: интерпретация результатов анализа данных с целью определения, какие действия были совершены пользователем.

Интерпретацию целесообразно проводить в виде присвоения значений уровню цифрового следа по определенной методике. В частности, предлагается сравнивать показатели с бенчмарком, в качестве которого рекомендуется выбрать наибольший уровень, зафиксированный лабораторией (Zarate et al., 2022). При таком подходе оценка может представлять собой индекс отношения индивидуального цифрового следа к бенчмарку: например, 0,9 будет означать, что уровень цифрового следа у испытуемого составляет 90% от значения бенчмарка. Данный подход хотя и характеризуется высокой точностью, требует проведения трудоемких процедур сбора данных и приводит к вмешательству в личную жизнь. Средства автоматизации не являются универсальными и не всегда доступны.

В этих условиях лучшие возможности демонстрирует методика самооценки цифрового следа испытуемыми, которым предлагается систематически заполнять форму для фиксации времени, проведенного в онлайн, и цели. Результат может быть представлен количеством минут, которое в среднем в день проводит пользователь в цифровой информационно-коммуникационной среде. Более точная оценка цифрового следа может быть проведена данным способом с применением повышающих и понижающих коэффициентов, отражающих уровень критичности коммуникаций, их необходимости для жизнеобеспечения, а также избыточной вовлеченности в цифровое общение. Например, выполнение поручений по работе может оцениваться с коэффициентом 1,0 (0,9, если не имелось реальных альтернатив выполнения в «оффлайне»), приобретение товаров и пользование госуслугами – с коэффициентом 0,7, а праздный «скроллинг» ленты в социальных сетях – с коэффициентом 1,2. На основе

сбора больших данных коэффициенты могут быть скорректированы и дифференцированы: например, посещение социальных сетей может рассматриваться как более продуктивное для пожилых людей, в то время как для молодых людей формируется воронка непродуктивной цифровой вовлеченности.

Показатели размера цифрового следа затем могут быть сопоставлены с результатами диагностики различных психосоциальных дезадаптаций, например, уровня тревожности, того же эмоционального выгорания, ценностных ориентаций, жизненного баланса и др. Соответствующая методическая батарея хорошо известна практикующим психологам, что тем самым облегчает диагностическую работу.

В литературе (Ozturk, 2020) описаны подтверждения гипотезы о том, что интенсивность и проявления цифрового выгорания существенно отличаются по возрастным группам. При этом было бы неверным делать выводы исключительно на основе учета различий в цифровом следе – важно учитывать индивидуальный уровень развития цифровых компетенций, специфику профессиональной деятельности и др.

Однако в целом можно констатировать, что у молодых людей цифровое выгорание может проявляться в виде снижения успеваемости в учебе, пропуска занятий и уменьшения времени, проводимого с друзьями и семьей. У людей среднего возраста цифровое выгорание может привести к снижению производительности на работе, конфликтам с коллегами и начальством, а также к снижению качества личной жизни.

Цифровое выгорание среди пожилых людей может проявляться следующим образом:

1. Ощущение бесполезности и неполноценности в использовании современных технологий.
2. Стресс и тревога, вызванные неспособностью справиться с новыми технологиями и устройствами.
3. Ощущение изоляции и отчуждения от молодого поколения, которое легко и быстро усваивает новые технологии.
4. Потеря интереса к общению и социальной активности, так как многие мероприятия и взаимодействие с другими людьми перенесены в онлайн-формат.
5. Ухудшение зрения и слуха, что затрудняет использование компьютеров и мобильных устройств.

6. Риск попадания в интернет-мошенничество и киберпреступления, так как пожилые люди могут быть менее осведомлены о современных методах мошенничества и защите своих данных в Интернете.
7. Ухудшение памяти и концентрации, что затрудняет использование сложных программ и приложений.

В целом цифровое выгорание среди пожилых людей может привести к ухудшению качества жизни и социальной изоляции. Поэтому важно обеспечить им поддержку и обучение в использовании современных технологий.

Профилактика и коррекция психологического цифрового выгорания могут включать в себя следующие инструменты и методы:

1. Обучение навыкам эффективного использования цифровых технологий. Оно может включать в себя обучение основам компьютерной грамотности, безопасности в Интернете, использованию социальных сетей и мессенджеров, а также управлению временем, потраченным на цифровые устройства.
2. Регулярные перерывы в использовании цифровых устройств. Инструмент может включать в себя установку временных ограничений на использование устройств, а также проведение перерывов в течение дня для отдыха и релаксации.
3. Практика медитации и других методов релаксации, применение которых может помочь снизить уровень стресса и тревожности, связанных с использованием цифровых устройств.
4. Поддержка социальной связи и взаимодействия, которая может включать в себя участие в группах поддержки, общение с друзьями и близкими, а также участие в социальных мероприятиях.
5. Оказание профессиональной психологической, в том числе клинической, помощи. Если психологическое цифровое выгорание становится серьезной проблемой, то может потребоваться обращение к психологу или другому специалисту для получения помощи и поддержки.

Заключение

Синдром цифрового выгорания является серьезной проблемой, которая может привести к негативным последствиям для здоровья и производительности людей. Для предотвращения и лечения этого состо-

яния необходимо использовать различные методы и инструменты, такие как обучение эффективному использованию технологий, регулярные перерывы в использовании устройств, практика релаксации, поддержка социальной связи и профессиональная психологическая помощь.

Литература

- Sharma M. K., Anand N., Ahuja S., Thakur P. C., Mondal I., Singh P., Kohli T., Venkateshan S.* Digital burnout: COVID-19 lockdown mediates excessive technology use stress // *World Social Psychiatry*. 2020. V. 2. № 2. P. 171.
- Ozturk Y. E.* A theoretical review of burnout syndrome and perspectives on burnout models // *Bussecon Review of Social Sciences* (2687-2285). 2020. V. 2. № 4. P. 26–35.
- Zarate D., Stavropoulos V., Ball M., De Sena Collier G., Jacobson N. C.* Exploring the digital footprint of depression: a PRISMA systematic literature review of the empirical evidence // *BMC Psychiatry*. 2022. V. 22. Article 421.

Взаимосвязь склонности к интернет-аддикции и ее симптомов с мотивами использования сети и копинг-стратегиями молодых людей

Е. С. Шестакова (ФГБОУ ВО «НГМУ» Минздрава России, Новосибирск)

В работе приведены результаты исследования склонности к интернет-зависимому поведению, копинг-стратегий, тревоги, стресса и депрессии в выборке молодых людей. Были определены превышения по показателям социофобии и тревоги в выборке, а также склонность к интернет-зависимости. В ходе корреляционного анализа было определено, что Интернет как способ скоротать время наиболее связан с возможным возникновением зависимости и соответствующих ей последствий. При этом в случае формирования связи с интернет-пространством у личности слабее выражен поиск социальной поддержки, но при этом закономерно ниже уровень тревоги.

Ключевые слова: Интернет, зависимость, тревога, копинг.

За многие годы своего существования Интернет зарекомендовал себя как полезный ресурс, что позволило современному человеку возвести его на пьедестал неотъемлемых атрибутов жизни. Возросшая в последнем десятилетии популярность Интернета уже оказала неоднократно доказанными исследователями влияние на психологическое благополучие как взрослого, так и молодого населения всего мира (Казаринова, Холмогорова, 2021). Все более острым становится вопрос о негативных аспектах внедрения Интернета в повседневную жизнь подрастающего поколения. Колоссальный объем информации, обновляемой каждую секунду, и закономерно растущие часы времени, необходимого для ее получения, становятся актуальной проблемой специалистов психологии, поскольку первыми и самыми важными потребителями этой информации становятся дети. В связи с этим закономерен вывод: риск возникновения интернет-зависимого поведения и его последствий, которые отразятся на всей личности, также крайне высок в юношеском возрасте (Young, 1998). Помимо этого, важной стороной проблемы становится выявление

факторов, которые гипотетически могут способствовать чрезмерному использованию Интернета и приводить к формированию зависимости. Данный аспект имеет значение, поскольку, выявив группу риска, можно не только предотвратить негативные личностные образования, но и скорректировать личность с помощью психологической помощи. Среди корректируемых проблем выделяются социophobia, тревожность, депрессия, черты импульсивности и низкой самооценки (Yücens, Üzer, 2018). Также в одном ряду с характеристиками, описывающими интернет-зависимых молодых людей, стоят и параметры самой сети. Исследователи определили, что причина использования Интернета, а именно тип получаемого контента, также относится к факторам риска, которые связаны с интернет-зависимостью (Brodovskaya et al., 2015).

В связи с этим представляется актуальным настоящее исследование, в котором были собраны воедино все перечисленные аспекты проблемы интернет-зависимого поведения, что позволило предположить наличие различных взаимосвязей между факторами использования Интернета, чертами зависимости и склонностью к ее формированию, различными способами совладающего поведения и симптомами тревоги и депрессии у ныне обучающихся студентов высших учебных заведений.

В онлайн-исследовании, которое было проведено в период с апреля по май 2023 г. при помощи Google-форм, приняли участие 36 респондентов в возрасте от 20 до 22 лет ($21,5 \pm 0,75$), из которых 18 женщин и 18 мужчин. Все респонденты ныне обучаются по программам разных направлений обучения бакалавриата и специалитета российских вузов (ОмГТУ, ОмГУ, НГТУ, НГАУ, НГМУ).

Первоначально респонденты отвечали на вопросы авторской анкеты, специально разработанной для исследования. Сбор информации касался биографии респондентов, а также характеристик их интернет-поведения. В частности, был использован вопрос «Сколько часов в день вы проводите непосредственно в Интернете?». Полученный на него ответ в среднем значении равен 9 часам ($9,88 \pm 2,75$), при этом статистический разброс довольно широк: от 3–4 до 13–20 часов в день у разных респондентов.

Далее испытуемым было предложено ответить на вопросы авторского опросника на предмет исследования предпочитаемого контента. Преобразованная под настоящее исследование методика включала в себя 6 вопросов: «Как часто вы используете Интернет для общения/

учебы/познавательной информации/развлечения/с целью «убить время»/информации о значимых событиях?». Каждый из вопросов был пояснен теми категориями, которые входят в каждую из формулировок. Для ответов использовалась 5-балльная шкала Ликерта с вариантами ответов от «никогда» до «постоянно». Было определено, что наиболее часто встречающаяся причина использования Интернета – это общение (58,5% ответили «постоянно», 41,7% – «часто»). На втором месте по популярности расположилось несколько причин – для учебы и поиска познавательной информации (50% – «постоянно», 33,3% – «часто», 16,7% – «иногда»). Реже всего респонденты используют Интернет для того, чтобы «убить время» (по 33,3% – «иногда» и «редко», 25% – «постоянно», 8,3% – «часто»).

Затем испытуемым было предложено заполнить опросник «Способы совладающего поведения, WCQ» авторства Лазаруса и Фолкман в адаптации Крюковой, Куфтяк и Замышляевой. Определено, что в триаду преобладающих по выборке копингов входят: бегство–избегание ($62,13 \pm 6,92$), а также умеренное дистанцирование ($56,63 \pm 8,81$) и планирование решения ($55,88 \pm 10,02$).

На следующем этапе исследования с помощью методики «Опросник социальной тревоги и социофобии, ОСТиСФ» Сагалаковой и Труевцева было определено, что средний уровень по шкале «Общий показатель социальной тревоги и социофобии» завышен ($45,88 \pm 18,53$). Остальные шкалы, раскрывающие такие аспекты, как тревожные руминации, боязнь быть в центре внимания, страх отвержения, тревога в ответ на критику, находятся в пределах нормативных значений.

Далее была использована «Шкала интернет-зависимости Чена, CIAS» в адаптации Малыгина и Феклисова. С ее помощью удалось выяснить, что в выборке респондентов имеется склонность к возникновению интернет-зависимого поведения ($54,38 \pm 16,47$). При этом все шкалы, определяющие этот феномен, продемонстрировали средние показатели, за исключением таких характеристик, как интегральные симптомы и негативные последствия, которые обобщают значения по отдельным шкалам. Результаты были завышены ($31,38 \pm 7,71$ и $23,00 \pm 9,09$, соответственно).

Последним для диагностики стало использование методики «Шкала депрессии, тревоги и стресса, DASS-21». Методика была использована в официальном переводе авторов Ловибонд. По результатам методики, было определено преобладание по шкале «Стресс» ($19,50 \pm 10,13$), в то время как «Тревога и Депрессия» были зафиксиро-

ваны на среднем и легком уровне в сравнении с авторскими нормами ($10,50 \pm 10,78$ и $12,00 \pm 4,28$, соответственно).

После подсчета результатов методик был начат этап обработки результатов с помощью статистического пакета SPSS v. 26. Был проведен корреляционный анализ между предпочитаемым в Интернете контентом и симптомами интернет-зависимости. Были определены тенденции связи параметра «Интернет как способ „убить время“» с общей склонностью к зависимости ($p=0,717$), симптомами отмены ($p=0,809$), проблемами ($p=0,823$), негативными последствиями ($p=0,717$). В соответствии с данными можно предположить, что у респондентов исследования вероятно развитие склонности к интернет-зависимому поведению в случае использования сети как способа скоротать время. Это может быть связано с тем, что указанный способ использования ресурса наиболее дезадаптивен по существу и безграничен в своем определении. Используя Интернет в данном качестве имеет больший риск размывания границ времени в Интернете. Он не ставит перед собой конкретной задачи, как это имеет место в случае использования Интернета для учебы или общения. В связи с этим также могут быть ярче выражены последствия в симптомах отмены и переживаниях.

Корреляционный анализ также позволил определить несколько других замечаний. Так, чем более выражена толерантность интернет-зависимости, в понимании автора, определяемая как уровень устойчивости связей личности с интернет-пространством, тем слабее развит копинг-механизм поиска социальной поддержки ($p=-0,736$). Это свидетельствует о том, что человек, которому привычно в стрессовой ситуации привлекать внешний ресурс за получением поддержки, менее прикован к одной лишь цифровой среде. Такая личность распространяет свое поведение на многие источники помощи, не заикливаясь лишь на одном интернет-пространстве. При этом толерантность к интернет-зависимости имеет взаимосвязь с тревогой ($p=-0,761$). Отрицательная корреляция между этими двумя показателями свидетельствует о том, что личность, у которой более выражена привязанность к сети, имеет меньший уровень постоянно существующей тревоги или риска развития тревожных реакций. Данное замечание может быть обосновано с той точки зрения, что Интернет представляет собой огромный ресурс, позволяющий получить доступ к информации и общению практически в любой момент. Соответственно с этим человек, использующий Интернет на постоянной основе, выработывает в себе убеждение, что он может не беспокоиться ни о чем.

Таким образом, многомерное использование Интернета имеет несомненные плюсы, среди которых возможно снижение тревоги за счет постоянного доступа к социальной и информационной сферам жизни, в частности выработка устойчивого поля для общения и поддержки, к которой при необходимости можно обращаться. Имеются также и значительные минусы, среди которых на первый план выходит запойное использование Интернета ради Интернета. Бесцельное и многочасовое перелистывание страниц ради того, чтобы «убить время», имеет за собой достаточно быстро формируемые негативные последствия, вплоть до выработки зависимости от Интернета, которой более подвержены еще не до конца сформированные личностные единицы в лице молодежи, которые нуждаются в профилактировании на данную тематику.

Литература

- Казаринова Е. Ю., Холмогорова А. Б.* Предпочитаемый контент в Интернете и социальная тревожность как факторы интернет-зависимости у подростков и студенческой молодежи // Психолого-педагогические исследования. 2021. Т. 13. № 2. С. 123–139.
- Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Nechaev V. D., Sinyakov A. V.* National profiles of internet-communication results of cross-national cluster analysis // European Journal of Science and Theology. 2015. V. 11. № 3. P. 125–130.
- Yücens B., Üzer A.* The relationship between internet addiction, social anxiety, impulsivity, self-esteem and depression in a sample of Turkish undergraduate medical students // Psychiatry Research. 2018. V. 267. P. 313–318.
- Young K. S.* Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder // CyberPsychology & Behavior. 1998. V. 1. № 3. P. 237–244.

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ЛИЧНОСТИ, СУБЪЕКТА, ОБЩЕСТВА

Особенности индивидуально-психологических качеств личности подростков и их жизнеспособности на этапе самоопределения

О. Н. Андрущенко (КГБОУ «Кедровый кадетский корпус», Красноярский край, пгт Кедровый)

Статья посвящена изучению индивидуально-психологических качеств личности подростков и их жизнеспособности на этапе самоопределения. Приводятся данные корреляционных связей развития жизнеспособности в период самоопределения, которые позволяют выделить уровни развития жизнеспособности подростков.

Ключевые слова: жизнеспособность, индивидуально-психологические особенности, субъектность, интеграция, самоопределение.

В рамках субъектного подхода (Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, В. В. Знаков, Е. А. Климов, Г. Ю. Фоменко) для исследования жизнеспособности получили свое развитие такие категории, как «активность», «саморегуляция», «саморазвитие», «личностный потенциал» и др. С точки зрения субъектно-деятельностного подхода, которой придерживалась К. А. Абульханова-Славская, жизнеспособность означает соответствие человека определенным социальным изменениям, поскольку именно сознание определяет способы самовыражения личности, ее интегративную сущность (Абульханова, 2005). Кроме того, Я-концепция, ценностно-смысловые образующие, личностные идеалы также являются образованиями сознания на разных его уровнях. В свое время К. А. Абульханова ввела понятие «семантический интеграл» личности, структура которого состоит из притязания, способов саморегуляции и удовлетворенности (Абульханова, 2005).

В своей работе мы рассматриваем жизнеспособность подростков как интегративное образование. Для него характерна согласованность связей между различными элементами. Анализируя данное понятие, описываем его как многокомпонентное, определяющее не только меру и способы проявления активности, но и успешное

функционирование, и саморазвитие в различных жизненных обстоятельствах. Используем понятие «субъективное благополучие», под которым понимается множество явлений: удовлетворенность жизнью, эмоциональное, психологическое благополучие, социальное благополучие. Определяем понятие «субъектное благополучие» как родовое к понятию «жизнеспособность», придерживаясь положения Е. А. Рыльской о том, что жизнеспособный человек обладает такими важными ресурсами, как здоровье, позитивное мышление, социально-психологическая устойчивость к окружающим воздействиям. Жизнеспособность, по мнению Е. А. Рыльской, «являясь ресурсом развития... оказывает непосредственное влияние на успешность личности» (Рыльская, 2009).

Подростковая жизнеспособность во время обучения выражается в созидании по преобразованию самого себя, в организации образования и зарождении намерений о профессии. О. С. Разумовский и М. Ю. Хазов считают, что данный период является наиболее подходящим для развития и актуализации содержательных компонентов жизнеспособности: социально-психологической устойчивости к действиям окружения, здоровья, позитивного мышления, наличия смысла жизни и ее целей, ответственности и активности, которые выступают ресурсами самой жизнеспособности.

Нами было проведено исследование индивидуально-психологических качеств личности подростков, в котором участвовали 147 учащихся 8-х, 9-х, 10-х классов в возрасте от 13 до 16 лет. Эмпирические методы исследования представлены следующими методиками: опросник Айзенка ЕРІ (модификация Т. В. Матолиной); стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМІЛ (адаптация Л. Н. Собчик); Опросник «Жизнеспособность человека» Е. А. Рыльской; Шкала субъективного благополучия в адаптации М. В. Соколовой; Тест мотивации А. Мехрибиана (модификация М. Ш. Магомед-Эминова); Опросник рефлексивности А. В. Карпова.

С целью выявления и изучения индивидуально-психологических особенностей в нашем исследовании мы рассмотрели данные по показателям: уровня жизнеспособности; уровня субъективного благополучия (эмоционального комфорта); степени выраженности уровня экстраверсии – интроверсии, нейротизма; общей степени развития рефлексивности, устойчивых мотивов личности у кадетов 8-ых, 9-ых и 10-ых классов. Анализ и интерпретация полученных данных позволили получить следующие результаты. Среди респондентов – под-

ростков 8-го класса на первом этапе реализации программы у 70% ярко выражена экстраверсия, высокий уровень жизнеспособности у 10% (средний – у 30%), высокие оценки по шкале нейротизм имеют 20%, высокая степень выраженности рефлексивности у 5%, высокая степень выраженности мотивации у 10% респондентов, 20% имеют высокий уровень выраженности субъективного благополучия.

Среди подростков 9-го класса высокая степень выраженности экстраверсии у 45% респондентов, высокий уровень жизнеспособности у 46% (средний – у 40%), высокие оценки по шкале нейротизм имеют 30% подростков, высокая степень выраженности мотивации у 30%, рефлексивности у 40%, субъективного благополучия у 40%.

У подростков 10-го класса экстраверсия в высокой степени выражена у 38%, с высоким уровнем жизнеспособности 78% подростков (средний уровень – 22%), 5% с высокими оценками по шкале нейротизм, высокая степень мотивации – у 60%, рефлексивности – у 70% подростков, субъективного благополучия – 65%.

Результаты сравнительной характеристики выраженности индивидуально-психологических особенностей подростков показали, что на каждом этапе развития жизнеспособности у подростков изменились следующие характеристики: значительно повысился уровень жизнеспособности на первом этапе – 10%, на втором – 46%, на третьем – 78%; уровень субъективного благополучия: первый этап – 20%, второй – 40%, третий – 65%; рефлексивности – от 5% на первом этапе, на втором – 45%, к 70% на третьем этапе; мотивации: 10% – первый этап, 30% – второй этап, 60% – третий этап. Степень выраженности экстраверсии понизилась от первого (70%) к третьему уровню (38%), на втором – 45%; показатели нейротизма: максимальное значение видим на втором этапе (45%), минимальное – на третьем (5%), на первом этапе показатели равны 20%.

Психологический конструкт на этапе самоопределения, как видно, определяет способность к исследованию не только собственных состояний, но и различных жизненных ситуаций, он позволяет определить ресурсы своих внутренних возможностей, осуществить выбор оптимальных способов деятельности, направленных на достижение поставленной цели, умение принимать на себя социальные роли и линию поведения, соответствующую принятой роли, нести ответственность за свое поведение и деятельность. Все компоненты жизнеспособности связаны между собой, происходит их интеграция, структурирование, соотносимое с уровнями развития жизне-

способности от адаптивности личности к социуму, саморегуляции, далее к субъектному проявлению индивидуально-личностных особенностей в социуме. Формирование жизнеспособности подростков имеет развивающий характер, связано с саморегуляцией, самоорганизацией, осмысленностью жизни, саморазвитием.

Литература

- Абульханова К. А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–21.
- Рыльская Е. А.* Психология жизнеспособности человека: монография. Челябинск, 2009.
- Рыльская Е. А.* Тест «Жизнеспособность человека»: разработка и психометрические характеристики // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 25–30.

Связь жизнеспособности руководителей малого бизнеса с семейным статусом и возрастом

И. А. Артемьев (ИП РАН, Москва)

Жизнеспособность руководителей является важным компонентом организационного успеха, особенно во время кризиса. Жизнеспособные лидеры организации успешнее преодолевают неопределенность, лучше адаптируются к меняющимся обстоятельствам и сохраняют концентрацию на своих стратегических целях. Отмечается недостаточность исследований, посвященных изучению взаимосвязи семейного положения и жизнеспособности руководителей. В статье проанализирован феномен жизнеспособности руководителей, связанный с их возрастом, а также роль семейного положения в жизнеспособности руководителей, описаны факторы, влияющие на жизнеспособность в разных возрастных группах.

Ключевые слова: жизнеспособность руководителя, лидерство, сотрудники организации, жизнеспособность малой группы, возрастная жизнеспособность.

Жизнеспособность руководителей определяется как способность лидера сохранять эмоциональный, когнитивный и поведенческий баланс перед лицом невзгод. Исследования выявили несколько факторов, которые способствуют жизнеспособности руководителей и включают социальную поддержку, стратегии преодоления трудностей, эмоциональный интеллект и самоофективность. Также были выявлены возрастные различия в жизнеспособности руководителей предприятий.

В ряде работ изучаются стратегии выживания как предиктор жизнеспособности руководителей. По мнению Э. Э. Сыманюк и А. А. Печеркиной, уровень жизнеспособности можно рассматривать как психологический предиктор траектории профессионального развития индивида и его стратегий преодоления профессиональных кризисов. Они предполагают, что тип жизнеспособности играет решающую роль в определении стратегий, используемых в кризисных ситуациях, и может служить предиктором того, будет ли профессиональное

развитие индивида конструктивным или деструктивным. В работе Э. Э. Сыманюк и А. А. Печеркиной особое внимание уделяется стратегиям преодоления профессиональных кризисов, которые потенциально могут повлиять на траекторию профессионального роста человека (Сыманюк, Печеркина, 2016). Эти кризисы включают изменения в темпах и направлении профессионального развития индивида, сопровождающихся перестройкой его профессионального сознания, переориентацией целей и корректировкой его социального и профессионального положения (Л. И. Анцыферова, Н. В. Гришина, Э. Ф. Зеер, Е. А. Климов, А. К. Маркова, Л. М. Митина и др.).

А. В. Махнач считает, что системную характеристику человека – жизнеспособность – можно определить по четырем обобщенным категориям: индивидуальные характеристики, поддержка семьи / внешние социальные связи, культура и духовность

Жизнеспособность семьи во время стресса часто подвергается испытанию, когда один из ее членов сталкивается с неблагоприятными событиями. Следовательно, поддержка, оказываемая членами семьи, играет решающую роль в преодолении человеком стресса. Семейное социальное научение способствует оказанию помощи друг другу в стрессовых ситуациях каждому члену семьи, включая родителей и детей. По-видимому, чем эффективнее член семьи может помочь другому в совладании со стрессом, тем выше уровень удовлетворенности семейными отношениями для семьи (Махнач, 2019).

В ряде исследований представлены данные о стратегиях совладания со стрессом, используемых руководителями организаций, а также данные о различиях по возрастным группам и семейном положении респондентов. Эти результаты подчеркивают важность понимания того, как люди справляются со стрессом и невзгодами в контексте своих лидерских ролей (Буторина, Рыльская, 2017; Плюшева, 2017; Рыльская, 2019).

Молодые руководители часто полагаются на характеристики совладания, ориентированные на эмоции. Эти стратегии предполагают обращение за социальной поддержкой к коллегам, друзьям или членам семьи и участие в мероприятиях по уходу за собой, таких как физические упражнения, техники релаксации или хобби. Обращаясь за социальной поддержкой, молодые руководители стремятся поделиться своими заботами, обрести перспективу и получить поддержку, которая может помочь им регулировать свои эмоции и снять стресс. Участие в мероприятиях по уходу за своим здоровьем позволяет им

подзарядиться и восстановить уровень своей энергии, способствуя их благополучию и жизнеспособности.

С другой стороны, руководители старшего возраста, как правило, используют стратегии преодоления трудностей, направленные на решение проблем. Эти стратегии предполагают выявление и устранение коренных причин стресса или проблем, с которыми они сталкиваются при выполнении своих руководящих функций. Руководители старшего возраста могут принимать упреждающие меры по устранению или смягчению источника стресса, такие как внесение изменений в рабочие процессы, поиск дополнительных ресурсов или делегирование задач. Стратегии преодоления проблем позволяют руководителям старшего возраста подходить к трудностям с ориентацией на решение и предпринимать решительные действия для их преодоления.

Кроме того, было обнаружено, что семейное положение влияет на стратегии совладания руководителей. Руководители, находящиеся в браке, часто демонстрируют более позитивные стратегии совладания по сравнению со своими незамужними коллегами. Наличие поддерживающего супруга, а также социальной и семейной поддержки могут способствовать их жизнеспособности. Состоящие в браке руководители могут рассчитывать на эмоциональную поддержку и понимание своих супругов в трудные времена. Они также могут воспользоваться практической помощью и советами, предоставляемыми их супругом в ситуациях решения проблем. Наличие стабильных и поддерживающих супружеских отношений может служить защитным фактором, повышающим их способность справляться с трудностями и общее благополучие.

Таким образом, выдвинута гипотеза, что стратегии совладания, используемые руководителями, варьируются в зависимости от возраста и семейного положения. Молодые руководители, как правило, используют стратегии, более ориентированные на эмоции, в то время как более старшие склоняются к стратегиям решения проблем. Кроме того, брак может предоставить руководителям доступ к ресурсам позитивного преодоления трудностей, повышая их жизнеспособность во время стрессовых ситуаций.

Выборка и методика исследования

Характеристика выборки. Исследование проводилось среди 38 руководителей среднего и высшего звена, из них 20 женщин и 18 мужчин.

Возраст респондентов — от 21 до 55 лет. Участники были разделены на две возрастных группы: 1 группа — от 21 до 30 лет, 2 группа — от 31 и выше. Также в исследовании было проанализирована взаимосвязь семейного положения и компонентов жизнеспособности. Общая выборка была распределена на следующие группы: женатые/замужние — 18 (47,4%), неженатые/незамужние — 20 (52,6%).

Инструментарий. В качестве методики оценки жизнеспособности был использован тест «Жизнеспособность человека» (Махнач, 2016). Тест позволяет оценивать индивидуально-личностные и социально-психологические характеристики человека: «Самоеффективность», «Настойчивость», «Внутренний локус контроля», «Совладание и адаптация», «Духовность», «Семейные и социальные взаимосвязи».

Результаты исследования

При анализе данных использовался критерий Манна–Уитни. Были сопоставлены данные двух групп. Вначале группы сравнивались по возрасту, затем — по брачному статусу. В ходе проведенного исследования получены следующие результаты. При сравнении 2 групп по возрасту значения трех шкал, оценивающих жизнеспособность, имеют статистически значимые различия, а именно «Самоеффективность» — $p < 0,01$, «Локус контроля» — $p < 0,01$, «Настойчивость» — $p < 0,01$. По шкале «Духовность» различие также получены, но не на статистически значимом уровне. Значения шкал «Семейные связи» и «Совладание и адаптация» не имеют значимых различий. Как было отмечено, при сравнении групп по возрасту не было получено различий по шкале «Семейные связи», но нами был проведен статистический анализ групп с разным семейным положением. Сравнивая группы с разным семейным статусом, было выявлено отсутствие различий по всем шкалам, оценивающим жизнеспособность, в обеих групп. Гипотеза о различиях в компонентах жизнеспособности в зависимости от брачного статуса не подтвердилась.

Заключение

В ходе проведенного исследования подтвердились различия в компонентах жизнеспособности руководителей в группах сравнения в зависимости от возраста: по компонентам жизнеспособности, оцениваемым с помощью шкал «Самоеффективность», «Локус контроля»,

«Настойчивость». Эти компоненты жизнеспособности имеют важное значения для эффективности и жизнеспособности лидера. Семейный статус не влияет на жизнеспособность руководителей. В связи с тем, что приведенные показатели являются частью большего исследования жизнеспособности руководителя, стоит отметить, что в будущем полученные в настоящем исследовании данные могут уточниться из-за увеличения выборки респондентов – руководителей малых предприятий. Также отметим, что полное исследование включает и оценку уровня эмоционального интеллекта. Данный показатель может повлиять на взаимосвязи семейного статуса и возраста респондентов с компонентами жизнеспособности. Полученные данные могут быть использованы организациями, в которых развитие жизнеспособности руководителей может осуществляться через расстановку приоритетов в социальной поддержке, стратегии преодоления трудностей, развитии эмоционального интеллекта, а также создание поддерживающей организационной культуры.

Литература

- Буторина О. С., Рыльская Е. А.* Жизнеспособность в структуре личностно-профессионального потенциала руководителя // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 4. С. 134–151.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность замещающей семьи как малой социальной группы: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2019.
- Плющева О. А.* Жизнеспособность специалиста в контексте профессиональной деятельности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 3. С. 155–183.
- Рыльская Е. А.* Тенденции развития представлений о жизнеспособности профессионала: трансспективный анализ // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 1. С. 28–45.
- Сыманюк Э. Э., Печеркина А. А.* Жизнеспособность как предиктор конструктивного профессионального развития // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 525–537.

Роль резильентности в социальной адаптации лиц с зависимостью от алкоголя

А. В. Бек (ФГБУ «НИМЦ им. В. П. Сербского» Минздрава России, Москва), *М. М. Проничева* (ФГБУ «НМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, Москва)

В настоящей статье рассматриваются вопросы изучения психологической резильентности (жизнеспособности) у лиц с алкогольной зависимостью. Поиск путей превенции и преодоления социальной дезадаптации является значимой социальной проблемой, в рамках которой конструкт психологической резильентности представляет научный интерес. Резильентность снижает риски злоупотребления алкоголем и ПАВ у взрослых, подвергшихся жестокому обращению в детстве, смягчает негативные последствия психологической травмы, снижает риски возникновения посттравматического стрессового расстройства, большой депрессии, приводящих к злоупотреблению алкоголем и психоактивными веществами.

Ключевые слова: алкогольная зависимость, резильентность, жизнеспособность, социальная дезадаптация, реабилитация.

Злоупотребление алкоголем является как последствием нарушенной адаптации, так и ее причиной. Психические расстройства, связанные с употреблением алкоголя, а также специфические изменения личности неминуемо ведут к ослаблению адаптационного потенциала индивида. Поиск путей превенции и преодоления явлений социальной дезадаптации является значимой социальной проблемой.

По-прежнему актуальна разработка новых теоретических моделей повышения адаптационного потенциала у лиц с зависимостью от алкоголя, а также составляющих их основу конструктов. В связи с этим несомненный научно-практический интерес представляет конструкт психологической резильентности (в отечественной психологии также рассматривается как «жизнеспособность»), понимаемый как процесс возникновения положительной динамики адаптации личности на фоне неблагоприятных событий. Резильентность

также можно рассматривать как процесс благополучного развития, происходящего вопреки отрицательным прогнозам (Luthar et al., 2000). Являясь побочным продуктом воздействия стрессовых факторов (согласно «стресс-прививочной» модели устойчивости), резильентность оказывает ключевое влияние на адаптационные возможности индивида. Резильентность снижает риски злоупотребления алкоголем и ПАВ у взрослых, подвергавшихся жестокому обращению в детстве, смягчает негативные последствия психологической травмы, снижает риски возникновения посттравматического стрессового расстройства, большой депрессии и суицидальности, приводящих к злоупотреблению алкоголем и ПАВ.

Резильентность как динамическое свойство индивида может стать потенциальной мишенью психологических вмешательств. Современная отечественная модель лечебно-реабилитационных программ в отношении лиц с зависимостью от алкоголя включает в себя восстановительный предреабилитационный этап, этап медицинской реабилитации и профилактический постреабилитационный этап. Однако мероприятия, направленные лишь на предотвращение употребления алкоголя и ПАВ, недостаточны, так как не охватывают весь пласт негативного влияния на жизнь пациента. Постреабилитационный этап должен быть направлен на формирование у пациента ресурсов и навыков, наиболее значимых для решения широкого спектра проблем в социальном функционировании и предотвращении рисков рецидива заболевания. Интервенции, направленные на повышение резильентности, приводящей к усилению социальной поддержки, будут формировать способность пациента справляться со стрессом и предотвращать как неоправданное употребление алкоголя, так и рецидив имеющегося заболевания.

В связи с тем, что пациенты с зависимостью от алкоголя обладают рядом специфических нарушений, затрудняющих преодоление стресса – в первую очередь к ним относятся когнитивные нарушения, нарушения эмоциональной сферы и регуляторных функций, – необходим учет «абилитационного» аспекта реабилитации. Нарушенные функции должны быть восстановлены или компенсированы иными или новыми функциями и навыками. В данном ключе повышение резильентности позволит пациенту осуществлять когнитивный и эмоциональный контроль в ситуации стресса, что дает возможность переносить тягу к алкоголю, увеличивает степень осознанности, позволяет пациенту распознавать и избегать импульсивных паттернов

реагирования, ведет к развитию межличностных отношений и про- социального поведения в целом.

Эмпирические исследования резильентности проводятся по все- му миру и охватывают широкие слои населения, начиная от детей, подверженных негативному влиянию и подростков группы риска, завершая взрослыми и пожилыми лицами, среди которых ветераны войн, лица, пережившие природные и социальные катаклизмы, пациенты с различными заболеваниями, а также лица, проживающие в тяжелых условиях.

Изучение резильентности у лиц с алкогольной зависимостью — относительно молодая область исследования, на сегодняшний день существует небольшое число публикаций по данной тематике. Вонг и коллеги изучали уровень резильентности и пластичность в качестве одного из компонентов резильентности, который может снизить риск раннего начала употребления алкоголя. Пластичность понималась как способность гибко адаптироваться к требованиям окружающей среды. В исследовании детей дошкольного возраста родителей с алкогольной зависимостью сравнивали с детьми родителей без зависимости от алкоголя, было обнаружено, что дети дошкольного возраста с более высоким начальным уровнем резильентности, оцениваемым в возрасте 3—4 лет, с меньшей вероятностью начнут употреблять алкоголь в раннем подростковом возрасте (в возрасте 14—17 лет). Также было обнаружено, что гибкость (пластичность) была стабильной от дошкольного до подросткового возраста. Другое аналогичное исследование показало, что резильентность, определяемая как способность модулировать импульсы, аффекты и поведение в ответ на окружающий контекст, защищает от проблем, связанных с употреблением ПАВ и алкоголя, в возрасте 12—15 лет. Также предполагалось, что эта характеристика резильентности, по-видимому, связана с лучшей рабочей памятью, компонентом исполнительного функционирования. В исследовании резильентности у лиц, злоупотребляющих ПАВ и алкоголем с высоким процентом заключений под стражу (78,8%) и судимостью (60,2%) были высокие баллы по подшкалам детской травмы, по психотизму и невротизму, более высокий уровень импульсивности, враждебность и низкая резильентность. В работе Динсмор и коллег, посвященной исследованию взаимосвязи между уровнем резильентности студентов колледжа и типом употребления алкоголя, выявлена значимая отрицательная корреляция между уровнем резильентности и уровнем потребления

алкоголя. Средние баллы резильентности у женщин были значительно ниже, чем у мужчин. Авторы допускают возможность использования факторов резильентности в качестве основы для разработки как профилактических, так и интервенционных услуг. В исследовании Ким и Кронли, проведенном среди иностранных студентов в США, было выявлено, что резильентность опосредовала взаимосвязь между аккультурационным стрессом и пьянством. Санчес и коллеги изучали влияние резильентности на характер и мотивы потребления алкоголя у латиноамериканских студентов и выявили, что высокая резильентность предсказывала меньшие негативные последствия употребления, уменьшала социальную напряженность и мотивы к увеличению потребления спиртного. В исследовании Дэвилли и Варкер, посвященном оценке эффективности программы обучения новобранцев полиции резильентности, сообщается, что за полгода у новобранцев значимо уменьшился общий уровень стресса, однако процент новобранцев, употребляющих алкоголь на опасном уровне, через полгода увеличился с 31,8% до 56,6%, что может означать потребность в наркологической помощи и расширении профилактики употребления ПАВ и алкоголя у новобранцев. Лю, Кранц и Мэдсон в исследовании студентов колледжей выявили, что такой компонент резильентности, как самоэффективность, объясняет разницу в уровне опасного употребления алкоголя и связанных с ними проблем.

На сегодняшний день существует малое количество исследований, в которых резильентность среди лиц с алкогольной зависимостью изучалась тщательно. Последовательно во всей литературе употребление алкоголя и алкогольная зависимость представлены как «фактор риска», ставящий под угрозу способность человека быть резильентным, или злоупотребление алкоголем рассматривается как «неадекватная стратегия выживания», предполагающая отсутствие у человека резильентности. Расширяется область исследований, в которой рассматривается избавление от алкогольной зависимости как форма резильентности.

В литературе, посвященной исследованию резильентности у лиц с зависимостью от ПАВ и алкоголя, повышенное внимание уделяется факторам риска, при этом его недостаточно в отношении защитных факторов. М. Томита в исследовании резильентности у осужденных женщин с зависимостью от ПАВ отмечает, что у данной категории лиц существуют специфические защитные факторы, которые требуют изучения (Tomita, 2003). Также подчеркивается, что резиль-

ентность необходимо рассматривать как актуальную характеристику лиц с зависимостью, а не только как будущую цель (Rudzinsky et al., 2017).

В некоторых исследованиях используется многомерный подход к исследованию последствий резильентности, ориентированный на наличие нескольких заранее определенных позитивных адаптационных и/или отсутствие негативных результатов. Благополучную адаптацию качестве результата резильентности исследователи оценивают по следующим критериям: образование, занятость, брак, хорошие межличностные отношения и социальные навыки, хорошее здоровье и психосоциальное функционирование (ibid.). Многие из этих факторов предвзяты (например, «белый», «средний класс») и эти «маркеры» адаптированности не учитывают специфику сферы существования, присущей сфере лиц с алкогольной зависимостью.

Основной вопрос при изучении резильентности лиц с алкогольной зависимостью состоит в том, как именно рассматривать конструкт резильентности в отношении лиц с алкогольной зависимостью, отличается ли концепция резильентности лиц с алкогольной зависимостью от концепции резильентности условной нормы и если есть отличия, то в чем состоит их суть. Исследования резильентности лиц с алкогольной зависимостью отталкиваются от того, что этот термин — относительно новый, однако сама концепция — нет.

Кроме этого, исследователям предстоит определить критерии результатов, используемых для оценки резильентности, в частности соотнести формальные оценки и субъективные ощущения: например, «преуспевание» с точки зрения оценки другими (действует ли лицо как хороший супруг, работник, начальник и т. д.) и оценка лицом субъективного самочувствия (ощущения удовлетворенности жизнью, счастья, самореализации и т. д.).

Также необходимо учитывать такие общие проблемы в исследовании резильентности, как отсутствие единого толкования самого термина и его компонентов, разногласия теоретических подходов, валидность инструментов и т. д.

Литература

Luthar S. S., Cicchetti D., Becker B. The construct of resilience: a critical evaluation and guidelines for future work // *Child Development*. 2000. V. 71. P. 543–562. doi: 10.1111/1467-8624.00164

- Luthar S. S., Sawyer J. A., Brown P. J.* Conceptual issues in studies of resilience: Past, present and future research // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2006. V. 1094. P. 105–115. doi: 10.1196/annals.1376.009
- Rudzinski K., McDonough P., Gartner R., Strike C.* Is there room for resilience? A scoping review and critique of substance use literature and its utilization of the concept of resilience // *Substance Abuse Treatment, Prevention and Policy*. 2017. V. 12 (1). P. 41. doi: 10.1186/s13011-017-0125-2
- Tomita M.* The resilience of women drug users sentenced to the execution of a custodial sentence // *Revista de Asistență Socială*. 2013. № 4. P. 95–106.

Психология антистарения и жизнеспособность*

Т. Н. Березина (МГППУ, Москва)

Определено понятие антистарения как показателя, связанного с биологическим возрастом человека. Приведены данные исследований взаимосвязи биопсихологического возраста и жизнеспособности; средний и высокий уровни жизнеспособности снижают биологический возраст и замедляют темпы биологического старения работников СМИ. Выделены 4 уровня регуляции антистарения посредством биологических часов, дано их описание с позиций существования моторесурса «запас жизненных сил и жизнеспособности, определены перспективы исследований.

Ключевые слова: антистарение, биологический возраст, жизнеспособность, личность, биологические часы.

Жизнеспособность определяется как способность человека к самостоятельному существованию, развитию и выживанию. Согласно определению А. В. Махнач, жизнеспособность — это индивидуальная способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, в контексте социальных культурных норм и средовых условий (Махнач, 2007).

Антистарение в психологии рассматривается как особый процесс функциональной организации, направленный на увеличение адаптационных возможностей организма, стабилизацию жизнедеятельности всех систем и увеличение индивидуальной продолжительности жизни. Наряду с соматическими составляющими антистарения, существуют и психологические, которые включают в себя механизмы саморегуляции, обеспечивающие наиболее эффективную организацию жизненного пути личности (Обухова 2003). В качестве компонентов антистарения можно рассмотреть стратегию замедления старения М. Шанахан: 1) сознательность (развитие самосознания, осознание ценности значимых других); 2) наличие социально-эко-

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00058-п.

номических достижений; 3) избегание и нейтрализацию стрессоров; 4) здоровый образ жизни и отсутствие зависимостей; 5) минимизация рискованного поведения; 6) забота о здоровье (Shanahan et al., 2014).

Ранее мы предложили рассматривать антистарение в связи с биологическим возрастом человека, поскольку антистарение может регулироваться на нескольких уровнях биологических часов: от молекулярно-биологических до биопсихологических и психологических. По нашему определению, антистарение – это такое состояние организма и психики, при котором темпы старения замедляются относительно возрастной нормы, а показатели биологического возраста, измеряемого с помощью различных внутренних часов (как молекулярно-генетических, так и психофизиологических), оказываются ниже календарного возраста человека (Березина, 2022).

Связь антистарения (как характеристики, связанной с биологическим возрастом) показала И. О. Лебедева на выборке сотрудников СМИ, работающих в экстремальных ситуациях. Ею было показано, что личностные качества журналистов действительно связаны с их биопсихологическим возрастом и оказывают влияние на темпы старения организма и биопсихологическую зрелость. Также была определена связь биопсихологического возраста и жизнеспособности. Было показано, что средний и высокий уровень жизнеспособности, ответственность и сензитивность снижают биопсихологический возраст специалиста. Данных по взаимосвязи активности, эмоциональной устойчивости, тревожности и биопсихологического возраста профессионала получено не было. Снижению темпов биологического старения способствуют следующие качества личности специалиста СМИ: средний и высокий уровень жизнеспособности; расслабленность; экстраверсия; сензитивность; ответственность; настойчивость; уважение других; общительность. На психологический возраст положительное влияние оказывают настойчивость, расслабленность, реалистичность (Лебедева, 2020).

Ранее нами было предложено существование единого метаресурса – общего запаса жизненных сил, связанного с биопсихологическим старением. Этот метаресурс определяет общее состояние работоспособности человека и влияет на темп биологического старения. Мы предлагаем выделять 4 уровня функционирования биологических часов, связанных с расходом этого метаресурса.

Первый, наиболее глубокий уровень – это молекулярно-биологические часы. Мы полагаем, что именно на этом уровне определяется потенциальная продолжительность жизни.

Второй уровень — биологические часы, лежащие в основе регуляции поведения живых существ, из самых известных: ритмы, регулирующие сезонные миграции животных, ритмы, регулирующие репродуктивный цикл. У человека этот уровень подвергся наибольшей трансформации. Опираясь на отдельные биологические ритмы этого уровня, человек разработал сложные системы сознательной регуляции деятельности. времени. Можно привести в пример такие модели, как тайм-менеджмент, личностная организация времени. В концепции личностной организации времени используются такие понятия, как перспектива времени, способ планирования будущего, организация деятельности. Мы полагаем, что большая часть показателей жизнеспособности определяется именно на этом уровне.

Третий уровень — это биологические часы, регулирующие суточные (циркадные) ритмы. В основе их лежит чередование сна и бодрствования. В течение бодрствования у человека расходуются силы, накапливается усталость. Во время сна происходит восстановление всех сил, восстанавливается работоспособность. происходят процессы восстановления соматического здоровья (на этом, в частности, основано явление классического гипноза). Депривация сна приводит к резкому ухудшению состояния, снижению эффективности деятельности, спонтанному засыпанию, есть данные, что искусственное лишение сна в течение длительного времени может привести к гибели. Показано влияние ритмов сна на иммунологические часы организма, в период сна происходит восстановление факторов иммунитета.

Четвертый уровень — это биологические часы регуляции сердечного ритма. Именно нарушения этого уровня ведут к физической гибели организма (остановка сердца, прекращение дыхания). Известны случаи, когда перерасход жизненных сил в течение короткого времени без возможности их восстановления приводил к остановке сердца (самый известный случай древнегреческого гонца, пробежавшего марафонскую дистанцию).

Перспективы исследований взаимосвязи антистарения, биологического возраста и жизнеспособности.

Есть два интересных вопроса психологии антистарения в ее связи с жизнеспособностью. Если человеческая жизнь конечна и ее продолжительность записана на биологическом уровне (независимо от того, определяется ли этот уровень генами, накоплением системных ошибок или какими-то другими причинами органического характера), то возможно ли с помощью управления поведенческими и психологическими факторами продлить жизнь? Иначе говоря, влияют ли

личностные особенности человека, его отношение к миру, его образ жизни, его хобби и способы времяпрепровождения на скорость старения? И второй вопрос. Влияет ли записанное в биологической обложке возможное долголетие на повседневную жизнь человека? Если у одного человека записаны потенциальные годы жизни 40 плюс/минус 15, а у другого – 80 плюс/минус 20, то может ли это трансформироваться в каких-то бессознательных установках: в построении планов на жизнь, в общей активности, здоровье?

Первый вопрос в психологии проработан значительно лучше, поскольку существует большое количество исследований взаимосвязи поведенческих и психологических характеристик человека, в том числе и жизнеспособности, с биомаркерами старения и продолжительностью жизни. Однако взаимосвязь антистарения и жизнеспособности более ярко может проявиться в поисках ответа на второй вопрос, но это требует дальнейших исследований.

Литература

Березина Т. Н., Литвинова А. В., Зинатуллина А. М. Взаимосвязь индивидуально-личностных стратегий антистарения с биологическим возрастом // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 4. С. 73–89. doi: 10.17759/jmfr.2022110407

Лебедева И. О. Взаимосвязь личностных качеств и биопсихологического возраста специалистов средств массовой информации // Биопсихологический возраст и здоровье профессионалов / Под ред. Т. Н. Березиной. М.: Издат. дом Академии им. Н. Е. Жуковского, 2020. С. 107–113.

Махнач А. В. К определению понятия жизнеспособности // Тенденции развития современной психологической науки: Тезисы юбилейной научной конференции. Москва, 31 января–01 февраля 2007 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. Ч. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 66–68.

Обухова Л. Ф., Обухова О. Б., Шаповаленко И. В. Проблема старения с биологической и психологической точек зрения // Психологическая наука и образование. 2003. Т. 8. № 3. С. 25–33. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu/2003/n3/Obuhova.shtml> (дата обращения: 08.12.2022).

Shanahan M. J., Hill P. L., Roberts B. W., Eccles J., Friedman H. S. Conscientiousness, health and aging: the life course of personality model // Developmental Psychology. 2014. V. 50. № 5. P. 1407–1425. doi: 10.1037/a0031130

Индивидуально-психологические и социальные ресурсы жизнеспособности военнослужащих

А. С. Богданова (ЦПД ФКУЗ «МСЧ МВД России по г. Москве», Москва),
А. В. Махнач (ИП РАН, Москва)

Военнослужащие подвергаются частому воздействию стрессов при несении службы. Повышение уровня их жизнеспособности улучшает их эффективность, боеготовность, адаптацию и снижает неблагоприятные последствия экстремальных воздействий. В исследовании приняли участие военнослужащие (N = 15, средний возраст – 28,9 лет). Исследование проводилось посредством контент-анализа ответов полуструктурированного интервью. Получено, что индивидуально-личностные характеристики (спокойствие, стрессоустойчивость, умение быстро найти решение проблемы, оптимизм, умение переключиться) военнослужащих и внешние факторы, проявляющиеся в виде социальной и семейной поддержки, способны оказывать влияние на оценку своей жизнеспособности.

Ключевые слова: жизнеспособность военнослужащих, жизнеспособность профессионала, ресурсы жизнеспособности, стресс, адаптация.

За последние несколько лет в рамках исследования жизнеспособности человека возрос интерес к изучению этой характеристики у специалистов экстремальных профессий. Особое внимание уделяется изучению жизнеспособности у представителей вооруженных сил как в индивидуальном, так и в групповом формате.

Деятельность военнослужащих напрямую связана с воздействием различных стрессов разной степени интенсивности, сопряженных с физическими и психологическими нагрузками, режимом, риском получения травм и прямой угрозой жизни при несении службы и выполнении оперативно-боевых задач в экстремальных условиях или в ситуации вооруженного конфликта.

Длительное воздействие стресса является причиной ухудшения соматического и психологического здоровья, в связи с этим боль-

шинство исследований направлено на выявление факторов, повышающих риски возникновения нежелательных последствий. В современных исследованиях уделяется меньше внимания факторам, которые способны снизить негативное влияние стресса и предотвратить последующие проблемы. В этом ключе жизнеспособность может выступать как защитный механизм (Eisen et al., 2014; Sefidan et al., 2021), также оказывая влияние на обеспечение боеготовности, успешность несения службы и адаптацию к особым условиям (Military Stress..., 2017).

Многими исследователями подчеркивается многокомпонентная структура и динамичный характер жизнеспособности, она включает не только индивидуально-личностные характеристики человека, но и влияние внешних факторов. Основными компонентами жизнеспособности выступают самоэффективность, настойчивость, совладание и адаптация, внутренний локус контроля, семейные и социальные отношения, духовность и культура (Махнач, 2013, 2018).

Целью данного исследования являлось изучение представлений о стрессах, их видах и характере, с которыми сотрудники сталкиваются чаще всего, индивидуально-личностные характеристики и внешние ресурсы, помогающие справиться со стрессовыми ситуациями.

Для достижения поставленной цели было разработано авторское полуструктурированное интервью. В него вошли открытые вопросы, относящиеся к личным представлениям военнослужащих о стрессе, и вопросы, соотносящиеся с основными компонентами модели жизнеспособности человека (Махнач, 2018).

Выборка: 15 сотрудников ОМОН г. Москвы, мужского пола, имеющих оперативно-боевой опыт. Возраст – от 20 до 35 лет (средний возраст – 28,9 лет). Исследование проводилось в 2022 г. Полученные ответы были проанализированы при помощи контент-анализа.

В результате качественного анализа интервью было выявлено, что сильным стрессом сотрудники для себя считают потерю близких (73%), нестандартные негативные ситуации (27%). При этом все испытуемые (100%) отметили отсутствие сильных стрессов за последний год, но ряд респондентов выделяли наличие умеренных стрессов, связанных с несением службы (33,3%). Личными качествами, помогающими успешно справляться со стрессом, были названы: спокойствие (73%), стрессоустойчивость (33%), оптимизм (13%), умение быстро найти решение проблемы (40%), умение переключиться (7%). Для сотрудников достижениями по службе являются:

карьерный рост (73%), авторитет в глазах сослуживцев и командиров (20%), успешное выполнение поставленных задач (20%), повышение квалификации (7%), приобретение новых рабочих связей (7%). Неудачами в несении службы выступают: невыполнение поставленных задач (60%), несдача нормативов (20%), отсутствие авторитета в глазах коллег и командиров (7%), отсутствие карьерного роста (7%), некомпетентность (7%), увольнение (7%). Личными качествами, помогающими успешному прохождению службы, по мнению военнослужащих, являются: ответственность (60%), исполнительность (40%), спокойствие (27%), коммуникативные навыки (33%), неконфликтность (14%), беспристрастность (7%), честность (7%), физические показатели (7%). Сплоченность и дружность коллектива отметили (93%), в ситуациях, требующих помощи, военнослужащие обратятся к: коллегам (80%), командирам/наставникам (20%). На вопрос «От чего зависят различные неудачи в жизни?» ответы распределились следующим образом: от себя самого (67%), от внешних факторов и людей (13%), от себя самого и внешних факторов (20%). Религиозными себя считают 33% респондентов, верят и надеются на себя и свои силы (60%), верят в людей и их положительные качества (7%). Все респонденты отмечают, что сами не провоцируют конфликтные ситуации, стараются их избегать, а при возникновении таких ситуаций решают их диалогом и не дают волю эмоциям (100%). При возникновении негативных эмоций, таких как досада, разочарование, обида, стараются не фиксироваться на них (54%), ищут пути решения проблемы, вызвавшей эти эмоции (33%), уходят в свои переживания/закрываются (13%). Среди респондентов в браке состоят 62%, не состоят 38%. Военнослужащие, состоящие в браке, чаще делятся своими переживаниями с супругами (75%), друзьями (38%), братьями (13%), родителями (25%). Сотрудники, не состоящие в браке, делятся с родителями (71%), братьями (43%), друзьями (29%). Внешними ресурсами, доставляющими удовольствие, служат: времяпрепровождение с близкими (60%), занятия спортом (33%), рыбалка (27%), прогулки/поездки (27%), занятие с автомобилем (13%), охота (7%), музыка (7%).

Полученные данные подчеркивают важность совокупности ряда индивидуально-личностных характеристик военнослужащих и внешних факторов в стрессовых ситуациях. Они выступают в роли защитного механизма при преодолении различных трудностей, участвуют в обеспечении адекватного функционирования, повышая эффективность служебной деятельности и боеготовности. Даль-

нейшее изучение факторов, повышающих жизнеспособность представителей военно-вооруженных сил, может улучшить показатели их профессиональной эффективности и снизить риск развития нежелательных последствий в контексте несения службы и в ситуациях вооруженных конфликтов.

Литература

Махнач А. В. Жизнеспособность человека: новое понятие и новые вызовы // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 533–560.

Махнач А. В. Мораль и нравственность человека как основа жизнеспособности общества // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 95–108.

Eisen S., Schultz M., Glickman M., Vogt D., Martin J., Osei-Bonsu P., Drainoni M., Elwy A. Postdeployment resilience as a predictor of mental health in operation enduring Freedom / Operation Iraqi Freedom Returnees // American Journal of Preventive Medicine. 2014. V. 47. doi: 10.1016/j.amepre.2014.07.049

Military Stress and Resilience / Eds D. Lagacé-Roy, A. Macintyre, D. Lindsay. 2017.

Sefidan S., Pramstaller M., LaMarca R., Wyss T., Sadeghi-Bahmani D., Annen H., Brand S. Resilience as a protective factor in basic military training, a longitudinal study of the Swiss Armed Forces // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. V. 18. 6077. doi: 10.3390/ijerph18116077

Жизнеспособность студентов различных профилей профессиональной подготовки

К. О. Богомазова (ЮУрГУ, Челябинск), О. В. Байгужина (ЮУрГУ, Челябинск), Е. А. Рыльская (ЮУрГУ, Челябинск)

Представлены результаты исследования жизнеспособности студентов, обучающихся в вузе по разным направлениям подготовки (юридическое, педагогическое, физкультурно-спортивное, техническое). Установлено, что высокими показателями жизнеспособности отличается значимая доля студентов-представителей юридического и физкультурно-спортивного профилей. При этом меньшая часть студентов с низким уровнем жизнеспособности отмечена у представителей физкультурно-спортивного профилей. Будущие педагоги и студенты технической направленности демонстрируют сравнительно большую долю респондентов с низким и меньшую – с высоким уровнем жизнеспособности.

Ключевые слова: жизнеспособность, студенты, профиль обучения, компоненты жизнеспособности.

За последние пять лет значительно вырос интерес исследователей к оценке жизнеспособности студенческой молодежи. Ученые исследуют жизнеустойчивость студентов в условиях территориальной принадлежности (Неверова, 2007), совмещения учебной и профессиональной деятельности (Горьковая, Микляева, 2021), взаимосвязь личностных особенностей и характеристик качества жизни студенческой молодежи (Gzhegotsky et al., 2019). А. В. Махнач с соавт. описали жизнеспособность студента в условиях нынешней неопределенности и влияния экологической обстановки на качество жизни студенческой молодежи (Махнач и др., 2022).

В работах по изучению жизнеспособности рассматриваются вопросы, касающиеся связи академической успеваемости и жизнеспособности студентов, динамики мотивации учебной деятельности, социализации в период обучения в вузе, влияния иных видов деятельности на показатели жизнеспособности и т. д. При этом значи-

тельная часть авторов отмечает снижение социально-психологического благополучия у студенческой молодежи, что непосредственно влияет на ситуацию успешности, ощущение счастья, удовлетворенность жизнью, а также мотивацию к учебной деятельности.

Вышесказанное свидетельствует о значительной актуальности изучения жизнеспособности студенческой молодежи, в значительной мере определяющей будущее нашей страны, представляя в нем молодых педагогов, тренеров, юристов, работников промышленных отраслей и т. д.

В рамках данной статьи представлены результаты исследования жизнеспособности студентов в контексте их профессиональной специализации на этапе обучения в вузе. Говоря о жизнеспособности студентов, мы опираемся на следующее определение этого концепта: «Жизнеспособность студента» – «многоуровневое интегративное качество личности, включающее в себя: на индивидуальном уровне – адаптивные свойства; на личностном – духовно-ценностные ориентации, морально-нравственные установки взгляды и чувства, творческую направленность личности; на индивидуальном – качественно своеобразное проявление потенциальных свойств жизнеспособности, присущее каждому молодому человеку как уникальной личности» (Бураева, 2013).

Рабочей гипотезой данного фрагмента исследования является следующее положение: профиль подготовки в условиях учебно-профессиональной деятельности требует от студентов проявления соответствующих психологических особенностей, находящих свое отражение в определенном уровне жизнеспособности как интегральной способности человека.

Организация и материалы исследования

В исследовании, добровольно, на основе информированного согласия приняли участие 417 студентов обоего пола 3–4 года обучения, средний возраст которых составил $21,02 \pm 1,38$ лет. Все студенты проходили обучение по программам федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по следующим направлениям подготовки: педагогическое ($n = 121$), техническое ($n = 92$), физкультурно-спортивное ($n = 97$), юридическое образование ($n = 107$). Основным критерием отбора было прохождение студентами не менее одной производственной практи-

ки. Проведен сравнительный анализ данных теста Е. А. Рыльской «Жизнеспособность человека», включающих отдельные компоненты (способности адаптации, саморегуляции, саморазвития, осмысленность жизни) и интегральный показатель жизнеспособности. При сравнении данных использованы параметрические и непараметрические критерии (Н Краскела–Уолиса – при множественном сравнении; t Стьюдента и U Манна–Уитни – при апостериорном сравнении), соответствующие требованиям нормальности распределения значений вариационных рядов исследуемых параметров. С целью сопоставления частот встречаемости наблюдаемых признаков в сравниваемых выборках применяли φ -угловое преобразование Фишера.

Результаты исследования

Оценивая профиль компонентов жизнеспособности, отмечаем соответствие среднему уровню их проявления у сравниваемых групп студентов независимо от профиля профессиональной подготовки. Однако групповое сравнение абсолютных величин выявило значимые различия по большинству параметров структуры жизнеспособности: способности саморегуляции ($\chi^2 = 9,878$, $p = 0,020$), способности саморазвития ($\chi^2 = 13,875$, $p = 0,003$), осмысленность жизни ($\chi^2 = 15,183$, $p = 0,002$) и интегральный показатель жизнеспособности ($\chi^2 = 0,869$, $p = 0,012$). Примечательно, что показатель «Способности адаптации» статистически значимых различий в сравниваемых группах студентов не имеет ($\chi^2 = 5,384$, $p = 0,146$).

Анализ результатов апостериорного сравнения данных позволил выявить относительно высокие значения по шкале «Осмысленность жизни» в группе студентов физкультурно-спортивного профиля подготовки по сравнению с группой педагогического профиля ($U = 4174$, $Z = -3,663$, $p = 0,001$), технического ($U = 3288,5$, $Z = -3,124$, $p = 0,002$) и юридического ($t = 2,060$, $df = 203$, $p = 0,041$). Сравнительно низкие значения по шкале «Способности саморегуляции» демонстрировали студенты педагогического профиля подготовки по сравнению со студентами технического ($t = 2,738$, $df = 212$, $p = 0,007$), физкультурно-спортивного ($t = 2,133$, $df = 217$, $p = 0,034$) и юридического профилей подготовки ($t = 2,466$, $df = 227$, $p = 0,014$). Проявление способностей саморазвития выше у студентов физкультурно-спортивного профиля, по сравнению со студентами педагогического ($t = 3,057$,

$df=217, p=0,003$) и у студентов юридического, по сравнению со студентами технического профиля ($t=2,046, df=198, p=0,042$).

Интегральный показатель жизнеспособности значимо ниже в группе студентов-представителей педагогического профиля подготовки в сравнении со студентами физкультурно-спортивного ($t=3,187, df=217, p=0,002$) и юридического профилей ($t=2,028, df=227, p=0,044$).

Практическую значимость исследования имеет оценка распределения уровней проявления компонентов жизнеспособности у студентов-представителей различных профилей профессиональной подготовки. Данный подход к анализу полученных данных дополняет количественную характеристику и позволяет выявить доминирующую подгруппу студентов в межгрупповом сравнении.

Установлено, что 37,2% студентов-будущих педагогов демонстрируют низкий уровень способностей саморегуляции, что на 18,7% больше, по сравнению со студентами технического ($\varphi=3,058, p<0,01$) и физкультурно-спортивного профилей ($\varphi=3,089, p<0,01$). При этом почти четверть студентов-будущих юристов имеют высокий уровень проявления данной способности, что на 9,4% больше таковой группы, по сравнению со студентами педагогического профиля ($\varphi=1,801$ при $p<0,05$).

Высокий уровень способностей саморегуляции демонстрируют 30,9% и 24,3% студентов физкультурно-спортивного и юридического профилей подготовки, что в среднем на 15% чаще, по сравнению со студентами педагогического и технического профилей ($\varphi=1,978-3,016, p<0,05-0,01$). Относительно большая доля студентов технического профиля (39,1%) демонстрирует низкий уровень проявления способностей саморегуляции, что на 16,4% больше, по сравнению с таковой долей у студентов физкультурно-спортивного ($\varphi=2,466, p<0,01$) и у студентов юридического профиля подготовки ($\varphi=1,95, p<0,05$).

Характеризуя распределение долей проявления высокого уровня осмысленности жизни, указываем на относительно частую встречаемость в выборке обследованных будущих юристов и студентов-спортсменов – 27,1 и 33,0%, соответственно, по сравнению с группами студентов педагогического и технического профилей ($\varphi=2,487-3,556, p<0,01$). Значимо отличается доля группы студентов физкультурно-спортивного профиля обучения, демонстрирующих низкий уровень по шкале «Осмысленность жизни» – 12,4%, что в среднем более чем в два раза меньше относительно долей в группах студентов сравниваемых профилей ($\varphi=2,428-3,059, p<0,01$). Оценка распределения

долей студентов с различным проявлением уровней интегрально-го показателя «Общая жизнеспособность» выявила долю студентов педагогического и технического профилей подготовки со сравнительно высокими и низкими уровнями (28,1 и 25,0%, соответственно). В группах студентов физкультурно-спортивного и юридического профилей указанные доли составляли 16,5 и 23,4%, и, напротив, доли студентов этих профилей с высоким уровнем жизнеспособности составляют 29,9 и 31,8% ($\varphi = 2,062-2,715$, $p < 0,05-0,01$, соответственно).

Заключение

Полученные результаты подтверждают выдвинутую рабочую гипотезу о соответствии индивидуально-психологических качеств и свойств студентов – представителей различных по направленности профилей профессиональной подготовки. Целесообразно оценивать жизнеспособность с позиций анализа как отдельных ее компонентов, так и параметров личности, вносящих специфический «вклад» в интегральный показатель «жизнеспособность». Считаем перспективной настоящее направление исследования, практической значимостью которого является уточнение «портрета» выпускника высшей школы, синхронизации его компетентности с трудовыми функциями будущего профессионала, а также профессиограммы.

Литература

- Бураева В. Г.* Основные характеристики устойчивой жизнеспособности студентов. URL: http://www.rusnauka.com/17_APSN_2013/Pedagogica/4_140903.doc.htm (дата обращения: 01.07.2023).
- Горьковская И. А., Микляева А. В.* Жизнеспособность работающих студентов: гендерный аспект // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 625–637.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В.* Жизнеспособность студенческой молодежи России в условиях неопределенности // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 5. С. 90–121. doi: 10.17853/1994-5639-2022-5-90-121
- Неверова Г. А.* Системный подход к воспитанию жизнеустойчивости студентов в условиях студенческого городка // Медицина и образование в Сибири. 2007. № 1. С. 20.

Gzhegotsky M. R., Tymoschuk O. V., Cherkasov V. G., Dmytrenko S. V., Shapoval O. M. Features of the interaction of indicators of peculiarities of personality and characteristics of the quality of life of pupils and student youth by the cluster analysis // *Reports of Morphology*. 2019. V. 25. № 1. P. 25–31. doi: 10.31393/morphology-journal-2019-25(1)-04

Субъектность как фактор коадаптации личности и социальной среды

Г. В. Валеева (ЮУрГГПУ, Челябинск)

Представленное в статье исследование рассматривает субъектность как психологический механизм коадаптации личности и социальной среды в ситуации «неопределенности будущего». Показателями развития субъектности является субъективная составляющая здоровья личности, проявляющаяся в психологической готовности к оздоровительной деятельности как метадеятельности и стрессонапряженность. Исследование выявило нарушения в психофизическом, когнитивном и ценностно-мотивационном компонентах психологической готовности к оздоровлению, а также высокую стрессонапряженность. Анализ «Я-концепции» респондентов показал влияние «Я-концепции» на показатели субъективной составляющей здоровья личности.

Ключевые слова: личность, субъектность, развитие субъектности, субъективная составляющая здоровья, субъективные факторы.

Развитие, представляющее полиморфный процесс, включающий прогрессивные и регрессивные качественные преобразования, всегда создает для личности ситуацию «неопределенности будущего». Если личность выступает как объект, только реагируя на воздействия, то «неопределенность будущего» препятствует ее развитию, что проявляется в нарушении субъективной составляющей здоровья. Если же личность выступает как субъект своей жизнедеятельности, то «неопределенность будущего» расширяет ее возможности в свободном определении своего жизненного пути и управлении им. Тогда личность здорова. Поэтому оздоровление личности возможно только в виде коадаптации ее, как самоосознанного индивида, обладающего внутренним единством и способностью к самоуправлению, и социальной среды, в ходе которого формируются осознанные отношения, обеспечивающие стабильное и полное проявление таких характеристик жизни, как организация, метаболизм, рост, адаптация, реакция на раздражители и воспроизводст-

во. В ходе коадаптации личность и среда приобретают равновесие и устойчивость, т. е. личность становится здоровой, а среда безопасной (Брушлинский, 2003; Валеева, Тюмасева, 2014; Зинченко, 2011; Сергиенко, 2021).

Психологическим механизмом такой коадаптации выступает субъектность. Личность обладает субъектностью тогда и только тогда, когда ее понимание самой себя (Я-концепция) позволяет ей осознанно сохранять и реализовывать динамическое равновесие между мечтой и страхом на основе своих ресурсов (смысл жизни).

Субъектность формируется на основе системы субъективных факторов, взаимодействующих с объективными социальными условиями жизни. Система субъективных факторов представлена «Я-концепцией», «Смыслом жизни», «Иерархией приоритетов развития», «Технологией построения отношений с Миром», определяющими характеристики динамического равновесия между адаптационными возможностями субъекта и изменяющейся объективной составляющей жизнедеятельности. Ядром этой системы факторов является «Я-концепция». «Смысл жизни» формулируется личностью на основе анализа своей «Я-концепции» как сохранение динамического равновесия между мечтой и страхом на основе внутренних ресурсов. «Смысл жизни» имеет ключевое значение для формирования «Образа будущего» личности, так как имеет смысл только то будущее, которое позволяет реализовать личности ее смысл жизни и именно такой образ жизни является здоровым.

Основными показателями развития субъектности является субъективная составляющая здоровья личности, проявляющаяся в психологической готовности к оздоровительной деятельности как метадеятельности и стрессонапряженность (Валеева, Тюмасева, 2014).

Исследование развития субъектности проходило в 2020–2023 гг. на базе ЮУрГГПУ с использованием программы диагностики субъективной составляющей здоровья «Гармония» (там же). Анализ «Я-концепции» респондентов (будущих и действующих учителей) проводился по «Технологии личностного развития «Психология образа»» (Валеева, Тюмасева, 2022). Респонденты: преподаватели 60 чел. (35–65 лет), студенты и магистранты (будущие и действующие учителя) – 164 чел. (22–45 лет), 2/3 – женщины. Все респонденты успешны: преподаватели с высоким профессиональным рейтингом, студенты имеют стипендию по успеваемости, общественно активные, участвуют в научных мероприятиях.

Общие характеристики ресурсных зон респондентов выражены через субъективные показатели в пределах нормы, относятся к психофизическому и психоэмоциональному компонентам психологической готовности к оздоровительной деятельности: выраженность состояний «тревожность» (5 и 7,5 балла), «фрустрационная напряженность» (4,9 и 7,5 балла), «истошаемость» (4 и 6,8 балла); удовлетворены состоянием сердечно-сосудистой системы, самочувствием; объективные: использование оздоровительных технологий, референтная группа – муж (партнер), дети.

Общие характеристики проблемных зон респондентов выражены через субъективные показатели в переходной зоне и относятся к психофизическому и когнитивному компонентам: гиподинамия приводит к неудовлетворенности состоянием костно-мышечной системы у 50–60%: степень выраженности показателя 8 и 9,6 балла; не сформировано представление об оздоровлении как метадеятельности – 6,2 и 7,5% от максимально сформированного, нет представления о результате оздоровления и потребностного напряжения в отношении оздоровления (уровень выраженности показателя 16–17,8 балла): в концепцию здоровья включается информация о причинах не здоровья и о том, как его поддерживать, но для реализации не хватает мотивации, что, не позволяет начать оздоровление.

Общие объективные характеристики респондентов: все респонденты имеют хронические проблемы с физической составляющей здоровья (2 группа); в качестве референтной группы не указывают профессиональную группу, что говорит о трудностях адаптации в профессиональной среде.

Отличия характеристик респондентов. Психоэмоциональный и ценностно-мотивационный компоненты психологической готовности преподавателей педагогического вуза к оздоровительной деятельности: они более стрессоустойчивы (пороговая выраженность показателя – 276 баллов), выдержанные («агрессия» – 6,2 балла), так как иерархия ценностей сформирована; психические процессы гибко приспосабливаются к меняющимся требованиям среды (ригидность» – 7,3 балла), что частично объясняет более низкую стрессонапряженность. Эгоцентрический характер иерархии ценностей (ценности-цели: мудрость, общественное призвание, познание, самореализация; ценности-средства: образованность, эффективность, самоконтроль, независимость, рационализм, твердая воля) формирует зависимость от социального признания.

Осознаваемой программой развития субъектности (актуальной потребностью) для 60% преподавателей является формирование уверенности в себе и умения выстраивать гармоничные межличностные отношения, а 40% – умение мотивировать себя к деятельности, для 30% – самоутверждение и материальное благополучие.

Для будущих и действующих учителей характерна крайне высокая стрессонапряженность (выраженность показателя 503,7 балла); психоэмоциональный и ценностно-мотивационный компоненты выражены через внутреннее недовольство при внешней лояльности, снижение приспособляемости психических процессов к меняющимся условиям среды (выраженность состояний «Агрессия» «Ригидность» – 9,8 балла (переходная зона). Иерархия ценностей будущих и действующих учителей не сформирована (переходное состояние на границе зон – степень выраженности показателя 12 баллов).

Будущие и действующие учителя стремятся развивать субъектность как самоактуализацию через самопознание, саморазвитие и самореализацию, однако для 79%, из них, хотят «быть понятым». Формулировка «быть понятым» говорит о пассивной позиции в процессе взаимодействия со средой и необходимости самопознания.

Анализ адресной психологической помощи отражает трудности реализации программы своего развития (актуальной потребности) респондентами. Их беспокоят следующие проблемы (первичный запрос на консультирование): межличностные отношения – 69%; трудности самореализации – 16%; психосоматические проявления – 45%.

Выявленные в ходе диагностического исследования характеристики субъективной составляющей здоровья говорят о нарушении в системе субъективных факторов и их взаимодействия с объективными социальными условиями жизни, т. е. о неразвитой субъектности. Наиболее актуальной сферой развития субъектности для данной группы респондентов являются отношения с самим собой и межличностные отношения, следовательно, прогрессивные изменения в этой сфере и будут восприниматься как успех. Эгоцентрический характер иерархии ценностей препятствует достижению успеха именно в этой сфере и приводит к снижению мотивации изменений вообще. Осознание своего смысла жизни с последующим изменением иерархии ценностей в соответствии со своим смыслом жизни позволит развить субъектность преподавателей вуза, раскрыть возможность выстраивания стратегии своей жизнедеятельности.

Анализ «Я-концепций» будущих и действующих учителей как более проблемной группы с точки зрения сформированности субъектности проводился по «Технологии личностного развития «Психология образа» и показал, что у 70% проявляется ярко выраженный эгоцентризм, что приводит к усилению стрессонапряженности; они мечтают о саморазвитии (40%), о том, чтобы «быть нужной» (40%), об эмоциональном разнообразии (20%). Боятся потерять контроль (60%), стать ненужными (40%), ресурс видят в особенностях своей эмоционально-волевой (70%) и мировоззренческой (10%) сферах. Не осознают свой ресурс 20% респондентов. До 80% студентов имеет «неодушевленную» «Я-концепцию», что говорит о слабо развитой субъектности и высоком уровне зависимости, которая характеризуется повышенной тревожностью и фрустрацией при неблагоприятных социальных условиях жизни. 40% респондентов с «неодушевленными» «Я-концепциями» («Полет фантазий», «Мир») имеют трудности с формированием границ, что ведет к невротизации личности. Для «одушевленных» «Я-концепций» (30%) характерен высокий уровень субъектности, приводящий при неблагоприятных социальных воздействиях к активному сопротивлению и проявляющемуся в повышении агрессии.

Проведенный анализ «Я-концепций» будущих и действующих учителей позволяет объяснить повышенную агрессию и ригидность, высокую стрессонапряженность и несформированность иерархии ценностей этой профессиональной группы через внутренние противоречия «Я-концепций».

Исследование позволило выявить недостаточно сформированную психологическую готовность к оздоровительной деятельности и высокую стрессонапряженность, что говорит о недостаточном уровне развития субъектности у всех респондентов, а также о проблеме коадаптации личности респондентов и образовательной среды: личность не становится здоровой, а образовательная среда безопасной. Для изменения ситуации необходимо качественное преобразование «Я-концепции», которое позволит личности реализовывать смысл жизни, прогнозировать и моделировать ей свое развитие на основе своих ресурсов в единстве с законами и принципами развития мира, что и проявляется как реализация своего предназначения

Непрерывное образование, понимаемое в широком смысле как формирование образа будущего создает условия осознания направления развития субъектности через понимание своей «Я-кон-

цепции», «Смысла жизни», «Иерархии приоритетов развития и реализации его через партнерские отношения со средой.

Специально организованным воздействием на процесс развития субъектности является технология «Консультирование в области субъективного здоровья» как организация и сопровождение процесса осознания и разрешения личностью страданий, вызванных нарушением динамического равновесия между ее адаптационными возможностями и постоянно трансформирующейся социальной средой. Такое консультирование является творческим процессом, в ходе которого происходит как исследование отношения к нарушению этого равновесия, так и поиск путей его восстановления на новом уровне развития (Валеева, Тюмасева, 2022).

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Валеева Г. В., Тюмасева З. И.* Психологическая готовность будущих учителей к оздоровительной деятельности. Челябинск: Цицеро, 2014.
- Валеева Г. В., Тюмасева З. И.* Технология консультирования в области субъективного здоровья. Челябинск: Южно-Урал. науч. центр РАО, 2022.
- Зинченко Ю. П.* Методологические проблемы психологии безопасности: личность, общество, государство. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
- Сергиенко Е. А.* Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.

К вопросу о содержательно-структурном аспекте феномена резильентности

Ф. И. Валиева (СПбПУ Петра Великого, Санкт-Петербург)

Научное исследование направлено на определение валидности авторской шкалы резильентности. Резильентность сегодня определяется и как сила или способность легко восстанавливаться после невзгод, стрессов и т. п., и как первоначальная форма устойчивости и гибкости. Исследование включало в себя краткий теоретический анализ различных теоретических подходов, самооценку способностей студентов различать и идентифицировать конструкты феномена резильентности. Выборка исследования включала около 150 участников. Набор анкет, которые респондентам было предложено заполнить, состоял из трех разделов, включая оценку, выявление устойчивого поведения и личную информацию респондентов.

Ключевые слова: резильентность, устойчивость, студенты, образовательная среда, шкала.

На сегодняшний день в современной психолого-педагогической науке можно выделить несколько направлений в изучении резильентности у представителей разных возрастных групп, в разных социальных контекстах. Систематизация существующих в настоящее время концептуальных теорий и подходов позволяет отметить разнообразие в методологической интерпретации феномена резильентности как на уровне отдельного человека, так и на уровне социальных групп и институтов. Среди авторов теоретических и методологических интерпретаций данного феномена следует назвать таких известных ученых и исследователей, как S. Luthar, G. Richardson, M. Rutter, M. Ungar, E. Werner, A. В. Махнач и др. (Luthar, 2000; Rutter, 2006; Ungar, 2011).

Следует особо выделить две глобальные научно-исследовательские школы по проблеме резильентности. Одна из них определяет рассматриваемый феномен как неотъемлемый аспект личности, приписывая человеку определенные положительные черты характера или личную силу. Более крупный корпус работ описывает рези-

льентность как интерактивный процесс, который зависит от аспектов как личности, так и окружающей среды. Хотя Luthar, Cicchetti и Becker предложили различать эти две теоретические школы, используя термины «резильентность» (для отражения характеристик, находящихся внутри индивида) и процессуальную «резильентность» (для отражения интерактивного и экологического понимания концепции), оба термина продолжают использоваться как взаимозаменяемые. Разница, которая стала более распространенной за последние годы, заключается в использовании терминов «черта устойчивости» (отражающая исключительно индивидуальные активы и устойчивость) и «процесс устойчивости» (отражающий интерактивные процессы устойчивости, включающие индивидуальные активы и контекстуальные ресурсы).

Индивидуальные активы в основном связаны с внутренними защитными факторами, такими как компетентность, самооффективность, чувство юмора и др. Социальные ресурсы включают семью, группы сверстников, других значимых людей; в то время как контекстуальные ресурсы включают, например, системы здравоохранения и образования, сплоченность сообщества. Эти три глобальных конструкта резильентности как процесса образуют цикл, в котором поддерживаются внутренние преобразования. Ресурсы в индивидуальном окружении способствуют развитию индивидуальных активов.

По мере увеличения индивидуальных активов люди получают больший доступ к внешним ресурсам. Кроме того, эти изменения происходят по экспоненте. По мере того как способность приносит плоды, достигается более высокий уровень компетентности. Эти постепенно нарастающие процессы называются «каскадами развития». Устойчивая личность характеризуется стабильным набором качеств и способностей. По мнению исследователей, индивидуально устойчивая личность должна обладать следующими качествами: быть эмоционально стабильной и духовно развитой; иметь хорошее чувство юмора; обладать навыками решения проблем и разрешения конфликтов; уметь ставить четкие и реалистичные цели; иметь адекватную самооценку; уметь воспринимать проблему как возможность расти и развиваться; уважать себя и других людей и т. д. (Valieva, 2015).

В нашем проекте использовалась концептуально авторизованная теория, включающая эмоциональную, социальную и когнитивную гибкость, а также контекстуальные аспекты идентификации личности, начиная с уровня индивида и завершая социокультурным

уровнем. Она была разработана в результате обширного обзора литературы по моделям и подходам к резильентности и основана на конструктах, определенных S. Masten, S. Luthar, M. Ungar и др.

Репрезентативную выборку составили более 150 студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга. Сбор материала происходил с помощью приложения GoogleDocs. Полученные данные обрабатывались с помощью программы SPSS Statistics v. 24.

Проверка надежности шкалы резильентности по критерию α Кронбаха показала $r=0,920$. Шкала состояла из 32 утверждений, которые образуют восемь кластеров. Исследовательская выборка выявила четыре группы респондентов: устойчивые (32%), умеренно устойчивые (35%), неустойчивые (20%) и колеблющиеся (13%).

Самые низкие баллы у всех групп респондентов сосредоточены в области эмоциональной гибкости, что говорит о вероятности эмоционального истощения студентов. Самым сильным ресурсом для российских студентов, как показал анализ полученных данных, является семья. Однако был выявлен очень низкий показатель в области социокультурных ресурсов, что может быть предпосылкой значительных расхождений между собственной системой ценностей и убеждений и окружающей социокультурной реальностью.

Разрыв между позитивной идентификацией себя, своей семьи, друзей и общества является признаком обрыва каскада развития у студентов. Это, с одной стороны, может свидетельствовать об определенной незрелости молодых людей, с другой стороны, делает невозможным использование таких важных для развития человека ресурсов, как общество и культура. Кроме того, как показывают современные исследования, такая ситуация может иметь длительный негативный эффект.

Для корреляционного анализа мы выделили 8 переменных, соответствующие четырем контекстуальным кластерам: 1) система ценностей; 2) социальная гибкость; 3) эмоциональная гибкость; 4) когнитивная гибкость; соответствующие отдельным субшкалам шкалы жизнестойкости; 5) самооценка; 6) семья; 7) социальный контекст; 8) культурный контекст. Наиболее значимые корреляции были логически проанализированы. В результате корреляционного анализа была обнаружена довольно сильная положительная корреляция ($0,730^{**}$) между самой резильентностью и субшкалами гибкости, что соответствует теоретическим ожиданиям, что это отдельные, но связанные аспекты жизнестойкости. Компетенции в рамках кластеров действуют

интегрированно, образуя значимый паттерн способностей, который способствует успешной реализации резильентности личности. Другие кластеры в рамках модели могут иметь связь с развитием. Например, кластер компетенций социальной гибкости необходим для устойчивой позитивной социальной идентификации, а точнее, для устойчивой демонстрации компетенций в социальном кластере.

Факторный анализ позволил выявить 3 компонента. Первый содержит практически все кластеры резильентности, при этом наибольшие показатели имеют самооценка и социальные конструкты. Второй фактор содержит систему ценностей, являющуюся наиболее влиятельным компонентом, семью и социальную гибкость, причем последняя набрала наибольшее количество баллов, но имеет негативное значение. Третий фактор представлен через эмоциональный кластер (0,870).

Результаты исследования доказали, что авторская концепция резильентности, включающая в себя тематический и рабочий кластеры, работает и может быть использована для различных целей. Кластеры могут функционировать как в комплексе, так и по отдельности. Отметим, что резильентность и как индивидуальная характеристика, и как процесс складывается из многих факторов. Во-первых, это общее понимание целей и схожая интерпретация происходящего. Различия в понимании устойчивости студентов в рамках образовательной среды могут привести к противоречиям и стать предпосылкой для снижения резильентности. Результаты корреляционного и факторного анализа показали, что феномен резильентности подразумевает и основывается на нескольких конструктах. К ним относятся когнитивные, социальные и эмоциональные индивидуальные характеристики, которые связаны, даже переплетены, но в то же время представляют собой независимые, влиятельные кластеры. Отдельно следует упомянуть социальную среду, выделив семью, ближайшее окружение и социокультурный слой. В случае отсутствия позитивной самоидентификации на одном из этих уровней, у индивида возникает внутренний диссонанс. Более того, это способствует значительному снижению его устойчивости. То же самое можно подчеркнуть и в отношении духовно-нравственного блока. Положительное принятие социокультурной среды может иметь не очень ярко окрашенное эмоциональное воздействие, но в случае отрицательной оценки, к сожалению, может иметь затяжное и разрушающее влияние на внутренние силы человека. Самым неожиданным результатом

стало прямо противоположное соответствие в данных самоидентификации на трех уровнях культурного контекста: в семье, образовательной среде и обществе.

Литература

- Luthar S., Cichetti D., Becker B.* The construct of resilience: the critical evaluation and guidelines for future work // *Child Development*. 2000. V. 71 (3). P. 543–562. doi: 10.1111/1467-8624.00164
- Rutter M.* Implications of resilience concepts for scientific understanding // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2006. V. 1094. P. 1–2. doi: 10.1196/annals.1376.002
- Ungar M., Liebenberg L.* Assessing resilience across cultures using mixed methods: construction of the child and youth resilience measure // *Journal of Mixed Methods Research*. 2011. V. 5. P. 126–147. doi: 10.1177/1558689811400607
- Valieva F.* Resilient groups of foreign language teachers: components and structure analysis // *Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты*. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2015. С. 52–54.

К вопросу о когнитивных факторах жизнеспособности человека

М. А. Грачев (ЮУрГУ, Челябинск)

В статье представлен анализ немногочисленных исследований связи когнитивных факторов и жизнеспособности человека в различных условиях бытия. Показано, что подобные связи существуют, однако требуются дополнительные исследования, конкретизирующие и углубляющие имеющиеся эмпирические данные.

Ключевые слова: жизнеспособность, когнитивные факторы, адаптация, решение задач, развитие.

Жизнеспособность человека — достаточно новое понятие в психологии. Впервые его употребил Б. Г. Ананьев, называя составляющую трудоспособности, энергетический потенциал, помогающий человеку поддерживать продуктивность деятельности в экстремальных ситуациях. В современной психологии понятия «resilience» (жизнеспособность) и «hardiness» (жизнестойкость) зачастую отождествляются, что, безусловно, неверно, поскольку как в английском, так и в русском языке существуют семиотически разные концепты «жизнеспособность» и «жизнестойкость». Жизнестойкость определяется как система убеждений о себе и о мире, которая позволяет субъективно снижать уровень стресса. Жизнестойкость является неотъемлемой частью жизнеспособности.

Сами трактовки жизнеспособности отличаются довольно пестрой палитрой толкований, отвечающих концептуальным представлениям исследователей (Махнач, 2016; Рыльская, 2013; и др.). В контексте решаемой нами задачи рассмотрения когнитивных аспектов жизнеспособности более приемлемой для нас является понимание жизнеспособности Е. А. Рыльской: «Жизнеспособность — это интегральная способность сохранения человеком своей целостности, актуализируемая в связи с необходимостью решения жизненных задач и обеспечивающая динамическое удержание жизни в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия и человеческого предназначения,

что субъективно воспринимается как удовлетворенность собственной жизнью» (Рыльская, 2014).

Обобщая разнообразные определения интеллекта, можно заключить, что это способность человека к решению задач. Через это единственное заключение уже можно найти общее с определением жизнеспособности, которое рассматривается в данной статье. Исследователями определены разнообразные виды интеллекта. Социальный интеллект, по Дж. Гилфорду, – способность человека решать задачи, касающиеся его окружения, например, понимание и прогнозирование действий окружающих людей в процессе решения жизненных задач. Эмоциональный интеллект, по Д. В. Люсину, – способность человека понимать свои и чужие эмоции и управлять ими. В понятийном поле становится очевидна некоторая закономерность: и жизнеспособность, и интеллект, и социальный интеллект, и эмоциональный интеллект – все эти понятия описывают способности, которые связаны с решением задач, которые возникают у субъекта в процессе жизнедеятельности, будь то собственные эмоции, чужое поведение или социальное взаимодействие между субъектами.

Возникает необходимость в определении места когнитивных (интеллектуальных) функций в обсуждаемом выше понятии жизнеспособности.

Исходя из описания феномена, высокий уровень жизнеспособности подразумевает осознанность, т. е. человек с высоким уровнем жизнеспособности существует, осознавая смысл своей жизни. Проведено исследование, где в контексте регуляции эмоций на студенческой выборке показана значимость осознанности как посредника между когнитивной оценкой и жизнеспособностью (Nicolò et al., 2019). Можно сделать вывод о том, что существует параллель между когнитивными способностями (в случае обсуждаемого исследования, когнитивной оценке) и жизнеспособностью, которая заключается, как пишут авторы, в их связи с осознанностью.

Помимо обучающихся по программам высшего образования, проведено исследование на ветеранах боевых действий старше 50 лет, целью которого являлось обнаружить связь между показателями жизнеспособности и когнитивных функций. В результате проведенного эксперимента, где когнитивные функции определены зависимой переменной, а показатели жизнеспособности независимой переменной, показано, что участники с более высокими показателями жизнеспособности имели значительно более высокие показатели когнитивных

способностей (McDaniel et al., 2022). На подобной возрастной выборке группа китайских исследователей обнаружила, что риск неблагоприятных последствий для когнитивных функций снижался, если человек начинал жить более социальной жизнью, что также повышало его показатели жизнеспособности.

Опираясь на аргументацию зарубежных авторов, пролонгированная (в том числе когнитивно-поведенческая) психотерапия с целью изучения интеллектуализации и других копинг-стратегий улучшает нейробиологическое состояние людей, которые пытаются справиться с ПТСР. В исследовании показано, что через улучшение биологических, медицинских и когнитивных характеристик человека уровень жизнеспособности человека повышается.

Существует исследование, где жизнеспособность рассматривается в контексте совладания и восприятия боли. Авторы пишут о том, что изначально от когнитивной оценки, а затем от гибкости когнитивных способностей зависит, насколько хорошо люди адаптируются к неблагоприятным ситуациям, перераспределяя ресурсы между регулированием когнитивно-эмоциональных процессов и восприятием боли. События, происходящие в жизни, могут иметь отражение на психологических, а затем на физиологических особенностях. Таким образом, событие, воспринимающееся как негативное, может начать разрушение головного мозга. Так, жизнеспособность может быть рассмотрена, как процесс развития индивидуума, приспособляющегося после воздействия неблагоприятных событий или травматических переживаний. Люди, имеющие врожденную нейропластичность и гибкость когнитивных способностей, по выводам авторов, являются более жизнеспособными.

В отечественной психологии данные об особой роли определенных когнитивных компонентов психики в качественно-своеобразном становлении жизненного мира людей с разными показателями жизнеспособности получены Е. А. Рыльской. В роли таких компонентов выступают холистическое мышление и позитивная автобиографическая память. Холистическое мышление позволяет человеку переживать собственное прошлое, настоящее и будущее в неразрывной целостности, обеспечивая осознание необходимости перестройки смысловых ориентиров. Автобиографическая память выступает как особый механизм копинга и обретения новых смыслов, но она может не только созидать, но и разрушать жизненный мир человека, если ему не удастся преодолеть «пропасть» между прошлым

и настоящим. Человек замыкается в прошлом, целиком и безраздельно отдается во власть своим собственным воспоминаниям, которые становятся для него подлинной жизнью (Рыльская, 2013).

Таким образом, исходя из анализа имеющихся публикаций, можно сделать вывод о том, что между жизнеспособностью и когнитивными функциями, интеллектом человека имеется определенная связь. Вместе с тем имеющиеся данные крайне немногочисленны, особенно в отечественной психологии. Возникает необходимость в дополнительных исследованиях, конкретизирующих и углубляющих имеющиеся эмпирические данные.

Литература

- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Рыльская Е. А.* Психологическая концепция жизнеспособности человека. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2013.
- Рыльская Е. А.* Психология жизнеспособности человека: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2014.
- McDaniel J. T., Hascup E. R., Hascup K. N.* et al. Psychological resilience and cognitive function among older military veterans // *Gerontology and Geriatric Medicine*. 2022. V. 8. doi: 10.1177/23337214221081363
- Nicolò Z., Claire P., Jane S.* Mindfulness mediates the relationship between cognitive reappraisal and resilience in higher education students // *Personality and Individual Differences*. 2020. V. 156 (1). 109795. doi: 10.1016/j.paid.2019.109795

Психологическая жизнеспособность учителей: гендерный и возрастной аспекты

Л. Н. Захарова (ННГУ, Нижний Новгород), *А. С. Заладина*
(ННГУ, Нижний Новгород), *И. А. Лангман* (ННГУ, Нижний Новгород)

Представлены результаты исследования психологической жизнеспособности и субъективного благополучия учителей как представителей профессий с высоким уровнем организационного стресса. Показано, что показатели субъективного благополучия как эмоционального регулятора профессиональной деятельности носят противоречивый характер. Организменные показатели свидетельствуют о высоком уровне стресса, усталости, проблемах со здоровьем. Контекстный фактор в форме психологического самочувствия в коллективе и личностный фактор – ориентация на профессиональный успех – имеют относительно более высокую значимость, заставляя игнорировать плохое самочувствие и определяя достаточно высокий уровень психологической жизнеспособности и субъектности педагога, но, возможно, с ослабленным ресурсом здоровья.

Ключевые слова: психологическая жизнеспособность, учителя, переработки, субъективное благополучие, стресс, субъектность, поддержка коллектива.

Профессию учителя можно рассматривать в качестве практически идеальной для изучения психологической жизнеспособности (ПЖ) и субъектности человека в трудовой деятельности. С одной стороны, иерархически клановый, или зависимо-пассивный, тип организационной культуры, являющейся барьером креативности, необходимой не только в трудовой и учебной деятельности, но и в повседневной жизни, давление стандартов, материалов учебников, необходимости подготовки учащихся к ЕГЭ. Трудовая жизнь учителя протекает в условиях действия сложного комплекса стрессовых факторов от систематических переработок до беспокойства не справиться, не успеть, административного давления и сложностей многосторонних коммуникаций. С другой, необходимость быть активным, интересным,

креативным человеком, способным успешно жить самому и подготовить учащихся к жизни в нестабильном, неопределенном, сложном и неоднозначном VUCA мире, содержащем многочисленные источники стресса. Таким образом, сохранение психологической жизнеспособности для учителя – вопрос не праздный.

Ключевым качеством жизнеспособного персонала считается его стресс-устойчивость, способность к антиципации угроз, переживание организационных кризисов и изменений без дистресса (Cameron, 2003). Именно это качество является и результатом, и детерминантой субъектности человека. Как писал А. В. Брушлинский, важнейшее из всех качеств человека – быть субъектом, т. е. творцом собственной истории, вершителем своего жизненного пути. Это значит инициировать, осуществлять и развивать изначально практическую деятельность, общение, поведение (нравственное), познание и другие виды специфически человеческой активности и добиваться необходимых результатов (Брушлинский, 1999, с. 76). Именно таким представляется обществу современный учитель.

Поэтому встает закономерный вопрос: что же помогает (может помочь) учителю сохранить, развить свою жизнеспособность в стрессовых условиях и на этой основе реализовать свою субъектность?

Проведено исследование субъективного благополучия (СБ) учителей, рассмотренного в качестве эмоционального регулятора трудовой деятельности, имеющего системную детерминацию на уровне контекстных, личностных и организменных факторов, и как эмоциональная основа ПЖ (Захарова, 2021).

Испытуемые и методы. В исследовании приняли участие 145 мужчин-учителей и 500 учителей-женщин трех возрастных групп примерно в равном количественном соотношении, работающих в средних и старших классах общеобразовательных школ.

Методы исследования. Авторская анкета СБ, сочетающая вопросы и прямое шкалирование, тест дистресса Р. Кесслера. С помощью анкеты собраны данные о переработках испытуемых, самооценке усталости от трудовой деятельности и домашней работы, самооценке состояния нервной и сердечно-сосудистой систем как наиболее чувствительных к переживаемому стрессу, профессиональной компетентности, важности профессионального успеха, психологическом самочувствии в трудовом коллективе и самооценке возрастного самочувствия. Испытуемые ответили на прямой вопрос не о субъективном, а о психологическом (как более привычном) самочувствии в трудовой

деятельности. Кроме того, они выбирали курсы повышения квалификации, оцененные по субъективной сложности: самые сложные казались цифровых технологий и современного урока, самые субъективно простые – по методике преподавания и воспитательной работе.

Анализ результатов

Результаты показали, что женщины и мужчины перерабатывают одинаково, примерно одинаково оценивают свою компетентность: в 3,3 балла молодые и 3,5 балла старшего возраста. у них одинаковый уровень важности профессионального успеха. Однако мужчины проявляют большую ПЖ. Они меньше, чем женщины, испытывают стресс: 16,5 баллов по Кесслеру, т. е. у них стресс не выходит за границы нормы. У женщин стресс в среднем составляет 22,1 балла ($p < 0,05$). По самооценке состояния сердечно-сосудистой и нервной системы различия между мужчинами и женщинами еще более выражены. Например, по самооценке состояния нервной системы у мужчин средний балл – 3,0 из пяти возможных, у женщин – только 2,1 ($p < 0,01$). Мужчины гораздо меньше устают как от трудовой деятельности, так и от домашней работы. Они чувствуют себя более благополучными в трудовой деятельности: 3,6 балла против 3,4 балла у женщин ($p < 0,05$). Интересными представляются данные о самооценке своего возрастного самочувствия. Испытуемые всех возрастных категорий чувствуют себя моложе своего хронологического возраста, несмотря на переработки, усталость, стресс. Это, видимо, психологическая особенность в работе учителя: чувствовать себя более молодым, работая с юными. Однако мужчины чувствуют себя на 4 года моложе, чем женщины. Это еще раз подчеркивает большую психологическую жизнеспособность мужчин.

ПЖ проявляется на уровне личности. Но ее связь с субъективным благополучием опосредована возрастом. Молодые учителя с большей значимостью профессионального успеха выбирают более сложные курсы повышения квалификации, хотя показатели состояния нервной системы и усталости у женщин указывают на субъективное неблагополучие. В среднем возрасте ситуация становится еще драматичнее: самооценка состояния нервной систем падает с 2,32 балла до 2,02 балла ($p < 0,01$), усталость нарастает. В старшем возрасте, по-видимому, приходит понимание значительных издержек в состоянии здоровья, и старшие учителя становятся более субъективно благополучными, более психологически жизнеспособными: улучшается со-

стояние нервной системы, сокращается усталость, именно старшие женщины отмечают самую высокую разницу между хронологическим возрастом и возрастным самочувствием ($-11,2$ года). Но они выбирают самые простые курсы повышения квалификации, что свидетельствует об определенном снижении субъектности с возрастом.

Таким образом, при одинаковой самооценке своей профессиональной компетентности и важности профессионального успеха с женщинами мужчины более субъективно благополучны в труде, проявляют большую ПЖ, но субъектность учителя меняется с возрастом, в частности вследствие снижения организменного компонента СБ.

Проведенный корреляционный анализ помогает глубже понять действие факторов, способствующих большей ПЖ мужчин в педагогической деятельности. Важность профессионального успеха зависит и у мужчин, и у женщин от ощущения своей профессиональной компетентности и СБ в трудовой деятельности ($r=0,43$ и $r=0,51$ соответственно). Но СБ как основа психологической жизнеспособности зависит от состояния нервной системы ($r=0,61$), а состояние нервной системы, в свою очередь, зависит от социально-психологического самочувствия в трудовом коллективе. Такая важная сторона деятельности учителя, как систематические переработки, связана незначимо с состоянием нервной системы ($r=-0,15$) и обнаружена слабая обратная связь с усталостью ($r=-0,26$). По этим данным можно заключить, что контекстный фактор в виде социально-психологического самочувствия в коллективе, за которым стоят ожидания и поддержка коллег, является более сильным фактором, чем организменные факторы, по крайней мере, в молодом и среднем возрасте. Эти факторы находятся в выраженном противоречии: при поддержке коллег учитель готов преодолевать стресс и усталость, плохое самочувствие. Конечно, здесь обнаруживаются и некоторые неоднозначные связи отдельных аспектов СБ и ПЖ. Первый состоит в том, что учитель может перестать контролировать свое физическое самочувствие, пренебрежительно относиться к своему здоровью, что рано или поздно приведет к неблагоприятным последствиям. Второй аспект – гендерной природы. Мужчины чувствуют существенно большую поддержку коллектива (в котором подавляющее число составляют женщины): 3,5 балла у мужчин и 3,2 балла у женщин ($p<0,05$). Поддержка коллектива, способствующая переживанию стресса в более легкой форме, соединенная с большей толерантностью мужчин к стрессу, обеспечивает высокий уровень СБ и, как следствие, ПЖ. Эти факты хорошо согласуются с выводами, сделанными в фундамен-

тальном исследовании организационной жизнеспособности С. Дучек, состоящими в обосновании необходимости построения доброжелательной и ответственной организационной культуры доверия (Duchek, 2020). Важна не просто поддержка сама по себе, но нужен и анализ тех ожиданий, какие строятся коллективом в отношении конкретного его члена, какую личностную и профессиональную поддержку готовы оказать коллеги.

Выводы

1. ПЖ учителя зависит от его СБ в труде, причем его организменные факторы значимы существенно в меньшей мере, чем контекстные.
2. Мужчины-учителя проявляют большую ПЖ, чем женщины. При равной с женщинами самооценке собственной профессиональной компетентности и значимости профессионального успеха это означает, что цена профессионального успеха женщин выше, чем у мужчин.
3. ПЖ учителя – феномен с факторами сдерживания в виде усталости, переработок, стресса, угроз здоровью и факторами поддержки трудовым коллективом, позволяющей справляться со стрессом, а также молодое окружение, дающее учителям более молодое возрастное самоощущение.

Литература

- Брушлинский А. В.* Перспективные направления в разработке психологии субъекта // Вестник Российского гуманитарного научно-фонда. 1999. № 3. С. 76–79.
- Захарова Л. Н.* Субъективное благополучие персонала как социальное действие в условиях внедрения инноваций // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. А. А. Грачев, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 837–851.
- Cameron K. S.* Organizing Resilience // Positive organizational scholarship: foundation of a new discipline / Eds K. S. Cameron, J. E. Dutton, R. E. Quinn. San Francisco: Berett-Koehler Publishers, 2003. P. 94–110.
- Duchek S.* Organizational resilience: a capability-based conceptualization // Business Research. 2020. V. 13. № 1. P. 215–246. doi: 10.1007/s40685-019-0085-7

Качественные и количественные исследования монородительских семей

К. Б. Зув (ИП РАН, Москва)

В тезисах представлены результаты краткого обзора исследований монородительских семей, которые были распределены по качественной и количественной методологии. Показано, что в качественных исследованиях обычно присутствует четкая теоретическая база (чаще всего связанная с клинической психологией). Количественные исследования носят статистический характер, зачастую опираются на массивы данных, собранных государственными службами, и ставят своей целью изменить социальный порядок (законы и пр.). Оба типа исследований необходимы для понимания процессов, происходящих в монородительских семьях.

Ключевые слова: монородительская семья, подростковый возраст, детско-родительские отношения, клинические исследования, статистические исследования, жизнеспособность.

Вопрос об основании для построения систематических обзоров научной литературы обычно решается через рассмотрение одинаковых предметов, объектов, выборок, методов. Причем под «методом» чаще всего подразумевается инструментальные исследования или установки (метод айтрекинга, например). Использование методов математической статистики в качестве основного основания обзора тоже возможно. В данной работе будут кратко рассмотрены исследования монородительских семей (т. е. в качестве первого критерия выступит выборка или предмет исследования), выполненные в рамках качественной и количественной методологии (т. е. в качестве второго критерия выступит метод). Представленные ниже результаты являются частью работы, направленной на изучение жизнеспособности подростков в монородительских и полных семьях (Зув, 2013, 2014).

Содержательно количественные исследования монородительских семей можно обозначить как статистические, а качественные — как клинические. В первых представлены большие выборки, на при-

мере которых анализируются сопутствующие социальные факторы (экономические, релокационные, расовые и др.). В этих работах исследуется большое количество переменных, часто включающих в себя различные социальные, демографические, экономические, расовые и другие формальные характеристики родителей, детей, внутри- и внешне-семейные факторы (Amato, 2003; и др.) Качественные исследования, напротив, подробно рассматривают единичные случаи, причем это может быть как семья в целом, так и отдельные ее подсистемы: супружеская, детско-родительская, сиблинговая, прародительская и др. В качестве основного психодиагностического метода работы используются глубинные или клинические интервью (отсюда предложенное нами название — «клинические»). В этих исследованиях анализируются высказывания членов семьи по заданным исследователем параметрам, а не результаты стандартизированных тестов. Несмотря на то, что подобный тип исследований имеет понятные ограничения и зачастую вызывает скепсис у сторонников использования статистики для анализа данных, именно работы такого типа позволяют выявить новые феномены, которые могут не попасть в фокус внимания исследователей, пользующихся статистическими методами и поставить, соответственно, новые задачи для дальнейшей работы. С. К. Нартова-Бочавер подчеркивает: «Систематизируя эмпирические факты, мы не можем быть совершенно уверены в том, что нечто важное не оказалось случайно пропущенным». В этом разделе внимание будет обращено как работам, выполненным на больших стандартизированных выборках, так и исследованиям, проведенным с участием ограниченного числа респондентов.

Остановимся на нескольких исследованиях из каждого типа. В качестве примера клинического исследования мы рассмотрим работы представителя венского психоанализа Г. Фигдора. Работы Г. Фигдора возникли из запросов социальной практики, в первую очередь консультирования судов во время бракоразводных процессов. Автор не использует в своих исследованиях статистику, а опирается только на психоанализ индивидуальных случаев. Всего за время его работы изучено 40 детей и их родителей. Он провел очень подробный психологический анализ переживаний детей и родителей, связанных с разводом и послеразводной ситуацией и создал словарь специальных терминов, описывающих развод и детско-родительские отношения в процессе и после распада семьи («конфликт лояльности», разные виды триангуляции и т.д.). Г. Фигдор подчеркивает, что нужно раз-

личать видимые и скрытые реакции на развод. В этой связи уместно заметить, что ряд авторов указывает, что послеразводные проявления детей могут быть манифестированы именно в подростковом возрасте, а до этого оставаться скрытыми.

Подчеркивается также значимость детско-родительских отношений, поскольку развод – это не только расставание одного из родителей с ребенком, но и расставание родителей друг с другом.

Выделены Г. Фигдором и долгосрочные реакции на развод. Первая из них представляет проблемы с чувством собственной полноценности. Дети после развода чувствуют себя брошенными, им не удалось сохранить семью и т. д. У детей возникает чувство, что они недостойны любви и могут снова потерпеть неудачу. Это чувство по мнению автора носит подсознательный характер. В результате они впоследствии либо избегают конкуренции, либо постоянно доказывают свое превосходство. Как следствие возникают проблемы с ровесниками у детей и подростков и профессиональные и социальные проблемы в более старшем возрасте. Вторая проблема – построение партнерских отношений. Указанные проблемы относятся к жизнеспособности, которая стала предметом нашего исследования.

Несмотря на значимость описанных Г. Фигдором понятий и явлений, психоаналитический подход к изучению психологии подростков не является доминирующим в клинических исследованиях. Так, в статье К. Мохнес приведен качественный, и количественный анализ переживаний детьми развода родителей с целью показать позитивные варианты выхода из послеразводной ситуации. Теоретическим основанием статьи служат представления о социальном и экономическом капитале. В результате ряда интервью и анкетирования детей, автор показал, что, хотя развод и является стрессовым событием для детей и родителей, стабильные и предсказуемые детско-родительские отношения способствуют благоприятному прогнозу психологического развития ребенка после развода. Ключевым в данном исследовании является «голос детей», т. е. анкетирование и интервью с детьми. Обычно в западных исследованиях акцент делается на родителях или домохозяйствах.

В статье V. Slonim-Nevo, Y. Sharaga и J. Mirsky рассматриваются методы вмешательства в монородительские семьи и семьи, в которых один из членов пережил насилие. Акцент делается на семьях репатриантов в Израиль из стран бывшего Советского Союза. Показано, как кросс-культурная перспектива может повлиять на интерпрета-

цию декларируемых проблем и привести к менее патологическим последствиям. Показано также, как универсальные методы вмешательства, учитывающие культурные особенности, могут позитивно сказываться на психотерапии.

О. Ю. Ильина с соавторами ставит вопрос о неоднозначности правовой нормы семейного кодекса, требующей учета мнения детей, достигших 10 лет при разрешении споров о воспитании в суде. Авторы подчеркивают, что возраст выбран без достаточного психологического основания. В качестве подтверждения было проведено исследование с использованием классических дилемм Л. Колберга. Показано, что дети данного возраста находятся на разных уровнях морального развития. Кроме того, значимым является фактор пола (Ильина и др., 2022). Выявленные данные поднимают дискуссионные вопросы как в области психологии, так и в области юриспруденции.

Остановимся также на нескольких наиболее типичных статистических исследованиях. Наибольшее распространение такой подход имеет в США. Статьи основываются на статистическом материале, полученном соответствующими официальными структурами, и имеют своей конечной целью разработку рекомендаций органам опеки, социальным и другим государственным службам внесение изменений в законы.

Так, статья S. L. Braver с соавторами посвящена вопросу релокации (смены места жительства) одного из родителей после развода. Ими проведено исследование, показавшее отрицательное влияние переезда на основные показатели благополучия подростков (студентов колледжа). Авторы считают необходимым при решении таких вопросов учитывать собственные интересы молодых людей, которые не всегда совпадают с интересами родителя.

В обобщающих исследованиях P. Amato, его учеников и коллег рассматривается в разных аспектах жизненная адаптация детей к разводу родителей (Amato, 2003). Отмечается, что дети, пережившие развод, по сравнению с детьми из полных семей, обнаруживают больше поведенческих проблем, больше симптомов психологического неблагополучия, более низкую успеваемость, больше социальных трудностей и имеют более бедное представление о себе и своих возможностях. Аналогично, взрослые, пережившие развод родителей в детстве, по сравнению со взрослыми, выросшими в полных семьях, имеют более низкие показатели по целому ряду критериев психологического, межличностного и социально-экономического благополучия. Однако, как отмечает P. Amato, если рассматривать в целом групповые раз-

личия между «детьми развода» и детьми из полных семей, то они невелики, при том что отмечаются существенные различия в реакции на развод внутри самой группы. Возможность для ребенка приспособиться к разводу, по мнению автора, зависит от нескольких факторов, ключевым из которых, для нашего исследования является качество детско-родительских отношений, прежде всего с родителем ответственным за воспитание ребенка.

В нашей стране статистические исследования, особенно в области психологии, распространены значительно меньше. При этом в некоторые социологические исследования включаются психологические показатели. В работах Т. А. Гурко показано, что мальчики-подростки из неполных семей статистически чаще имеют интернальный локус контроля по сравнению со своими сверстниками из полных семей. Причем результат оказался стабильным во времени: аналогичные исследования проводились автором в 1994, 2010 и 2022 гг. (Гурко, 2022).

Таким образом, и клинические, и статистические исследования могут быть сосредоточены как на глобальном влиянии развода на развитие детей, так и на узких локальных проблемах. В целом клинические (качественные) исследования позволяют выделить и описать феномены важные для интерпретации психологических переживаний развода как родителями, так и детьми разных возрастов и наметить перспективы исследований. Клинические исследования в большей степени тяготеют к опоре на конкретную методологию или теоретические основания (психоанализ, теория социального и экономического капитала и др.).

Литература

- Гурко Т. А.* Динамика показателей развития и благополучия подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 108–116.
- Ильина О. Ю., Русаковская О. А., Туманова Л. В., Чубарова О. Е.* Некоторые психолого-юридические вопросы обязательного учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при рассмотрении судами споров о его воспитании // Психология и право. 2022. Т. 12. № 3. С. 27–38.
- Amato P. R.* Reconciling divergent perspectives: Judith Wallerstein, quantitative family research and children of divorce // *Family Relations*. 2003. V. 52 (4). P. 332–339. doi: 10.1111/j.1741-3729.2003.00332.x

Психологические особенности жизнестойкости и склонности к отклоняющемуся поведению тувинских подростков

*А. Э. Клим (ТувГУ, Кызыл), А. М. Салчак (ТувГУ, Кызыл),
Ш. А. Иргит (ТувГУ, Кызыл)*

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей жизнестойкости и склонности к отклоняющемуся поведению тувинских подростков. Целью исследования является изучение особенностей склонности к девиантному поведению и особенностей жизнестойкости подростков, мальчиков и девочек, в Республике Тыва. Гипотеза исследования основывается на предположении о том, что в подростковом возрасте существуют связанные с полом различия в жизнестойкости и склонности к девиантному поведению. Исследование проводилась на базе МБОУ СОШ № 8 г. Кызыла. Выборка представлена подростками в возрасте 15–16 лет в количестве 80 чел. (40 девушек, 40 юношей).

Ключевые слова: подростки, девочки, мальчики, жизнестойкость, отклоняющееся поведение.

Формирование жизнестойкости для преодоления трудностей и успешной социально-психологической адаптации в обществе является социально значимой задачей. Проблема противостояния сложным жизненным ситуациям разрабатывается как в отечественной, так и в зарубежной психологии (Дикусар, 2017). Многоплановость феномена жизнестойкости предполагает, что некоторые вопросы остаются малоизученными, одним из них является вопрос сформированности компонентов жизнестойкости и психологических ресурсов человека в подростковом возрасте, в частности у подростков с девиантным поведением (Куулар, 2018). В работе представлены результаты исследования жизнестойкости подростков по методике «Тест жизнестойкости С. Мадди» (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Исследование достоверных различий посредством t-критерия Стьюдента показало, что статистически-значимые различия име-

ются по таким шкалам, как вовлеченность, контроль и общий уровень жизнестойкости. Возможно, это связано с тем, что девочки больше мальчиков испытывают вовлеченность в жизнь и готовы быстро адаптироваться к изменениям жизни. Как отмечает В. П. Прядеин с соавторами, высокое значение жизнестойкости означает умение справляться с негативными жизненными обстоятельствами, бороться со стрессом, оптимизм, расчет только на собственные силы и возможности (Прядеин и др., 2020).

Для выявления связи между компонентами жизнестойкости и склонности к девиантному поведению у подростков использовался коэффициент корреляции Ч. Э. Спирмена. По таблице «Критические значения коэффициента корреляции рангов Ч. Э. Спирмена для уровня статистической значимости $p < 0,05$ и $p < 0,01$ » определялись критические значения для $n = 80$, так как выборка состояла из 80 подростков. Выявлена статистически значимая обратная корреляционная связь жизнестойкости «Вовлеченность» со шкалой отклоняющегося поведения «Склонность к самоповреждающему поведению» у мальчиков, т. е. чем выше склонность к отклоняющемуся поведению, тем ниже уровень вовлеченности. Выявлена статистически значимая обратная связь жизнестойкости «Контроль» со шкалой отклоняющегося поведения «Установка на социально-желательные ответы» у девочек, т. е. чем выше установка на социально-желательные ответы, тем ниже уровень контроля.

Анализ статистически значимых связей склонности к отклоняющемуся поведению и жизнестойкости мальчиков-подростков с девиантным поведением показывает значимые связи ду общим уровнем жизнестойкости и склонностью к аддиктивному поведению, а также склонностью к агрессии, т. е. чем ниже уровень общей жизнестойкости мальчиков подростков с девиантным поведением, тем выше склонность к аддиктивному и агрессивному поведению. Также определены статистически значимые связи между уровнем вовлеченности и склонностью к самоповреждающему поведению: чем ниже уровень вовлеченности, тем выше склонность к самоповреждающему поведению. Выявлены статистически значимые результаты между контролем и склонностью к агрессии и насилию, т. е. у мальчиков с не девиантным поведением чем ниже уровень контроля, тем выше уровень склонности к агрессии и насилию.

Анализ результатов выявления статистических значимых связей между склонностью к отклоняющемуся поведению и жизне-

стойкостью девочек подростков с девиантным поведением показывает зависимые связи между такими компонентами жизнестойкости, как вовлеченность и принятие риска со склонностью к самоповреждающему поведению и склонностью к агрессии и насилию. То есть чем ниже уровень принятия риска у девочек подростков с девиантным поведением, тем выше склонность к самоповреждающему поведению и агрессии. Выявлены значимые связи между общим уровнем жизнестойкости и склонностью к аддиктивному поведению, т. е. чем ниже уровень общей жизнестойкости девочек подростков с не девиантным поведением, тем выше склонность к аддиктивному поведению.

Результаты выявления корреляционных связей между склонностью к отклоняющемуся поведению и жизнестойкостью девочек-подростков с девиантным поведением показывает значимые корреляционные связи между такими компонентами жизнестойкости, как вовлеченность и принятие риска со склонностью к самоповреждающему поведению и склонностью к агрессии и насилию. То есть чем ниже уровень принятия риска у девочек подростков с девиантным поведением, тем выше склонность к самоповреждающему поведению и агрессии.

Имеются значимые корреляционные связи между вовлеченностью и склонностью к самоповреждающему поведению у девочек подростков с не девиантным поведением, также значимая корреляционная связь между контролем и установкой на социально желательные ответы. Выявлены значимые корреляционные связи между общим уровнем жизнестойкости и склонностью к аддиктивному поведению, т. е. чем ниже уровень общей жизнестойкости девочек подростков с недевиантным поведением, тем выше склонность к аддиктивному поведению. Таким образом, в результате проведенного исследования подтвердились наши предположения о том, что у подростков в зависимости от пола различаются компоненты жизнестойкости и склонности к отклоняющемуся поведению.

Литература

Дикусар Я. С. Влияние семьи на формирование девиантного поведения несовершеннолетних // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. №4. С. 28–32.

Куулар А. М. Жизнестойкость подростков из неполных семей на примере Республики Тывы // Научные труды Тувинского государственного университета: Сборник материалов ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, 2018. С. 79–181.

Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Прядеин В. П., Смирнов А. В., Смирнова А. Р. Факторный анализ показателей ответственности и жизнестойкости в различных половозрастных группах // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2020. № 2 (50). С. 106–122.

Особенности смысложизненных ориентаций педагогов с разным уровнем жизнестойкости*

Н. И. Кольчугина (ГАУДПО ИО УНОИ, Иваново),
Е. А. Шмелева (ФГБОУ ВО «ИвГУ», Шуя), *П. А. Кисляков*
(ФГБОУ ВО «РГСУ», Москва), *О. А. Силаева* (ФГБОУ ВО «ИвГУ», Шуя)

Статья содержит данные об исследовании особенностей смысложизненных ориентаций педагогов, имеющих разный уровень жизнестойкости. Только у педагогов с высоким уровнем жизнестойкости была выявлена значимая положительная взаимосвязь жизнестойкости с локусом контроля – жизнь и с удовлетворенностью самореализацией, что позволяет рассматривать их ресурсами жизнестойкости. Поэтому психолого-педагогические условия реализации образовательных программ должны обеспечивать развитие у педагога личной ответственности, формирование удовлетворенности достижениями собственных жизненных целей, развитие способностей находить в пройденном пути успехи и перспективы развития.

Ключевые слова: жизнестойкость, смысложизненные ориентации, самореализация, локус контроля – жизнь, личностный ресурс.

Поиск дополнительных внутренних ресурсов преодоления жизненных трудностей, приобретение устойчивости в сложных жизненных ситуациях становятся актуальными в связи с возрастанием социально-политической напряженности, профессиональных угроз и рисков (Шмелева и др., 2022). Зарубежные и отечественные ученые (М. Рокич, А. Адлер, В. Франкл, Л. С. Выготский, Д. А. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. Э. Чудновский, К. А. Абульханова-Славская, Н. Г. Каунова) определили, что значимым регулятором поведения в непредвиденных, кризисных ситуациях становятся ценностно-личностные образования, личностные смыслы.

Смысложизненные ориентации понимаются многими отечественными авторами как направленность личности, наличие целей в жизни

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-18-00678. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00678>.

и интереса, жизненных принципов и убеждений, осознание смысла своей жизни и удовлетворенность его реализацией (Баксанский, 2019).

В российской науке большой вклад в изучение феномена «смысл жизни» внесла профессиональная и научная династия Леонтьевых. А. Н. Леонтьев, разрабатывая теорию деятельности, определил жизненную цель аналогом смысла жизни – главного смыслообразующего мотива. Продолжая эти идеи, Д. А. Леонтьев в своей фундаментальной работе «Психология смысла» представил глубокий анализ проблемы смысла в деятельностном подходе. Интересные исследования особенностей смысложизненных ориентаций представлены в трудах отечественных авторов. Изучается динамика смысложизненных представлений в разных возрастных группах. А. И. Ташевой отмечены как качественные изменения, так и изменения интенсивности, которые происходят с жизненными смыслами с возрастом. Если в юности смысложизненные представления лежат в образовательной сфере и сфере увлечений, то в зрелом возрасте – в семейной и профессиональной сферах, а у пожилых людей смысл жизни – в счастье близких, поддержании здоровья и в общении (Баксанский, 2019).

Связь смысложизненных ориентаций и жизненной устойчивости личности присутствует в зарубежных и отечественных источниках. Так, в работах С. С. Степановой, Н. О. Садовниковой, Т. Б. Сергеевой, Е. В. Овчаровой с соавторами выявлена зависимость ценностно-смысловой сферы и процесса регуляции поведения в кризисных ситуациях. Результаты исследования Н. О. Садовниковой с соавторами (Садовникова, 2018) у большинства педагогов, переживающих профессиональный кризис, показали снижение уровня осмысленности будущих целей, отсутствие перспективы, выраженную неудовлетворенность прошлым, ощущение бессмысленности пройденного и безуспешности самореализации. Профессиональный кризис личности, по мнению авторов, приводит к смысловому десинхрону – «уходу» в прошлое, настоящее или будущее, своеобразное бегство от кризисной ситуации, что приводит к снижению осмысленности в целом.

Смысл жизни, в ходе изучения особенностей смысложизненных ориентаций подростков, определен Е. В. Овчаровой с соавторами (Овчарова, 2019) значимым мотивом, способствующим выстоять в трудных жизненных ситуациях. Учащиеся подросткового возраста, сталкиваясь с непредвиденными ситуациями, больше предпочитают отвергнуть свой прошлый опыт, настоящее и нацелиться на лучшее будущее, возникают трудности в принятии себя, в достижении поставленных целей.

Однако остается недостаточно изученным вопрос об аспектах смысловых ценностей личности, позволяющих эффективно решать сложные жизненные задачи и трансформировать трудности в новые возможности. Актуальность поиска дополнительных внутренних ресурсов привела к необходимости проведения исследования, направленного на выявление особенностей смысложизненных ориентаций педагогов с разным уровнем жизнестойкости.

Участниками эмпирического исследования, проведенного в 2022 г., стали 331 педагога общеобразовательных учреждений Ивановской области.

Оценка жизнестойкости педагогов определялась с помощью «Теста жизнестойкости» С. Мадди, адаптированного Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой. Использовался тест «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО), который является адаптированной Д. А. Леонтьевым версией теста «Цель в жизни» Д. Крамбо и Л. Махолика. Данная методика позволяет оценить два локуса контроля и найти «источник» смысла жизни – либо в будущих целях, либо в настоящем, либо в результатах прошлого или во всех этих составляющих.

Обработка данных проводилась с использованием количественных и качественных методов анализа: описательной статистики, корреляционного анализа на основе пакета статистических программ SPSS v. 23.

По результатам диагностики респонденты были разделены на 3 группы, отличающиеся уровнем жизнестойкости. В первую группу вошли педагоги с низкими показателями жизнестойкости (0–71 балла), во вторую – педагоги со средними показателями (72–89 баллов), в третью – с высокими показателями (90 и более баллов).

Анализ результатов показал различия средних значений осмысленности жизни, ее составляющих у педагогов с разным уровнем жизнестойкости. Педагоги с высоким уровнем жизнестойкости имеют более высокие показатели как общей осмысленности ($M = 111,47$), так и всех ее составляющих: цель в жизни, процесс жизни, результативности жизни, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь. Более низкие показатели (общая осмысленность $M = 88,81$) соответствуют педагогам с низким уровнем жизнестойкости. Удовлетворенность учителя результатами самореализации, настоящими достижениями, осознание будущей цели способствует повышению уверенности в своих возможностях по достижении успешного результата, в том числе в трудных жизненных ситуациях.

Для выявления достоверной взаимосвязи между жизнестойкостью и смысложизненными ориентациями педагогов был проведен корреляционный анализ. Выявлены общие закономерности у педагогов с разными уровнями жизнестойкости. Была определена прямая взаимосвязь жизнестойкости с общей осмысленностью, целями в жизни, процессом жизни, результативностью жизни, локусом контроля – Я (Я – хозяин жизни). Наличие цели в будущем, удовлетворенность настоящим и результатами прошлого, уверенность в своих способностях, осмысленность жизни помогают преодолевать трудные жизненные ситуации. Эти результаты совпадают с концепциями В. Франкла, Д. А. Леонтьева.

Установлены и отличительные особенности у педагогов с низким и высоким уровнем жизнестойкости. Выявлена положительная корреляция локуса контроля – жизнь только с высоким уровнем общей жизнестойкостью и ее составляющей – вовлеченностью. Чем выше локус контроль-жизнь – убежденность педагога в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь, тем интереснее жизнь, больше удовольствий от собственной деятельности, больше уверенности и сил для преодоления жизненных трудностей. Локус контроля, субъективная личностная ответственность рассматривается К. М. Муздыбаевым и В. Г. Красильниковой как профессионально-значимые качества личности педагога (Красильникова, 2013).

У жизнестойких педагогов наблюдается более значимая связь результата жизни, удовлетворенности самореализацией и общей жизнестойкости, контролем. Удовлетворенность результатами в прошлом, ощущение продуктивности и осмысленности жизни повышает контроль, способствует возникновению ощущения собственной силы, уверенности в том, что сам выбирает собственную деятельность, свой путь. Тем самым придает педагогу активность, силы в настоящем, повышает вовлеченность – удовлетворенность от собственной деятельности, увеличивается жизнестойкость – устойчивость к трудным жизненным ситуациям. Поэтому успешная самореализация, принятие прошлого, успешный опыт дают силы, вдохновляют, вселяют уверенность в свои силы, способности. Эти данные соответствуют результатам исследования Н. О. Садовниковой, Т. Б. Сергеевой (Садовникова, 2019).

Таким образом, в ходе проведенного исследования у педагогов с высоким уровнем жизнестойкости были выявлены особенности смысложизненных ориентаций. У всех педагогов определена поло-

жительная корреляция общей осмысленности и жизнестойкости, ее составляющей – вовлеченности. Более высокие показатели общей осмысленности, ее составляющих соответствуют более высокому уровню жизнестойкости педагога. Выявлена значимая положительная корреляция жизнестойкости с локусом контроля – жизнь и с удовлетворенностью самореализацией (высокая оценка пройденного отрезка жизни, ощущение продуктивности и осмысленности прожитой ее части – принятие прошлого, отпускание прошлого, успешный опыт). Это позволяет рассматривать уверенность, убежденность в сознательной управляемости, контроле жизни и удовлетворенность личностной самореализацией значимыми внутренними ресурсами педагога по преодолению жизненных трудностей, поиску новых возможностей. Поэтому кадровые и психолого-педагогические условия реализации образовательных программ должны быть направлены на развитие у педагога личной ответственности, формирование удовлетворенности самореализацией, достижения собственных жизненных целей, развитие способностей находить в пройденном пути достоинства, успехи, перспективы развития.

Литература

- Баксанский О. Е., Скоробогатова А. В.* Философский и психологический аспекты изучения смысложизненных ориентаций личности в отечественной и зарубежной литературе // Коллекция гуманитарных исследований. 2019. № 4 (19). С. 10–21.
- Красильникова В. Г.* Педагогическая рефлексия и локус контроля в структуре профессионально-значимых качеств личности учителя // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. С. 56–60.
- Овчарова Е. В., Полина А. В.* Особенности смысложизненных ориентаций у подростков, попавших в трудные жизненные ситуации // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/29PSMN319.pdf> (дата обращения: 16.04.2023).
- Садовникова Н. О., Мирзаахмедов А. М.* Актуальные смысловые состояния педагогов, переживающих профессиональный кризис личности // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 2. С. 113–131.
- Шмелева Е. А., Кисляков П. А., Кольчугина Н. И., Фан Ч. К.* Жизнестойкость и психологическая безопасность педагогов в образовательной среде // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 9. С. 143–173.

К вопросу о совладающем поведении и самооффективности студентов, профессионально занимающихся спортом

А. В. Комарова (ФГАОУ ВО «СПбПУ», Санкт-Петербург),

Т. В. Слотина (ФГБОУ ВО «ПГУПС», Санкт-Петербург)

Статья посвящена исследованию совладающего поведения как объединяющего понятия феноменов жизнестойкости и копинг стратегий спортсменов-профессионалов, также их самооффективности. Обследовано 130 студентов: 56 профессиональных спортсменов и 74 не спортсмена. На основании факторного анализа выявлено, что в экспериментальной группе образовалось 2 фактора: «Деятельностная самооффективность» и «Социальная самооффективность». Для контрольной группы характерны: «Деятельностная и социальная самооффективность», «Копинг-избегания». Самооффективность спортсменов определяется жизнестойкостью, связана с риском и сосредоточенностью на деловой сфере. Для них характерно разделение социальных ситуаций на «ситуацию общения» и «ситуацию дела» и не характерен эмоционально ориентированный копинг.

Ключевые слова: совладающее поведение, жизнестойкость, жизнеспособность, спортсмены, копинг-стратегии, самооффективность.

Ситуация, сложившаяся сегодня в нашей стране, представляет собой не только сложный экономический и политический кризис, но и как следствие имеет глубинный психологический резонанс. Большинство россиян находятся в ситуации стресса, связанного и с объективными, и с субъективными (индивидуально-личностными) факторами. В этой связи психологическая наука имеет особую теоретическую, практическую и прикладную потребность в исследованиях, посвященных стрессоустойчивости и способам совладания со стрессом. Возникает необходимость развивать определенные психологические характеристики, способствующие совладанию со стрессом. Во-первых, жизнестойкость как адаптационный механизм к напряженному ритму жизни, тревоге и стрессам. Во-вторых, эффективный и гибкий репертуар копинг стратегий как осознанное

совладание со стрессом. При этом жизнестойкость и копинг-механизмы можно объединить в общее понятие: совладающее поведение, которое, являясь адаптационной составляющей, рассматривается как арсенал осознанных действий и решений личности (Лапкина, 2015). В-третьих, осознанная самоэффективность как вера в эффективность собственных действий и ожидание успеха от их реализации.

Наряду с понятием жизнестойкости, интерес ученых в последнее время привлекает близкая ему категория жизнеспособности. Е. А. Рыльская отмечает схожесть феноменов жизнеспособности и совладающего поведения по смысловому содержанию (Рыльская, 2014). Е. В. Лапкина пишет о рассмотрении понятий от частного к общему – «совладающее поведение–жизнестойкость–жизнеспособность» (Лапкина, 2015).

Опираясь на определение жизнестойкости Д. А. Леонтьева, где он пишет, что данный феномен характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности (Леонтьев, Рассказова, 2006), мы полагаем, что понятия «жизнестойкость» и «жизнеспособность» действительно близки друг другу. Особенно учитывая положение А. В. Махнача о том, что «в педагогике жизнеспособность – это умение человека преодолевать серьезные проблемы и восстанавливаться, это одна из базовых характеристик проявления субъектности, которая обеспечивает устойчивость в социальной среде (Махнач, 2012). При этом копинг-стратегии во многом схожи с вышеназванными феноменами и несут в себе ресурсы успешного совладания со стрессом и снижения (или даже предупреждения) внутреннего напряжения.

Обращаясь к функциональному аспекту стресса, отметим, что стресс возникает при выполнении деятельности, требующей преодоления внешних и внутренних препятствий. Одним из таких видов деятельности является спортивная деятельность, сопровождающаяся значительным напряжением, связанным с преодолением объективного физиологического стрессора и социально-психологического стрессора, где значимым является достижение результата, самоэффективность. Таким образом, профессиональная спортивная деятельность характеризуется как одна из наиболее стрессовых. С другой стороны, именно занятия спортом способствуют формированию жизнестойкости и копинг-стратегий, составляющих основу совладающего поведения.

Со спортивной деятельностью связан еще один немаловажный аспект, это ее результативность, которая очевидным образом находит свое отражение в жизнестойкости и самоотношении личности. В этой связи особый интерес вызывает исследование самоэффективности профессиональных спортсменов. В работе А. И. Харитоновой было выявлено, что наибольшее влияние на показатели перенапряжения в стрессовой ситуации оказывают некоторые характеристики личностного потенциала, среди которых важное место занимает самоэффективность в предметной деятельности (Харитоновая, 2018).

В этой связи становится актуальным вопрос о влиянии спорта, а именно профессиональных занятий, на такие психологические понятия, как жизнестойкость, копинг-стратегии и самоэффективность. Состояние изучаемой проблемы на данный момент представляет собой разрозненные исследования по каждой из отдельных тем. Научных статей, посвященных проблеме влияния профессионального спорта на совокупность этих понятий, не было найдено достаточно, только в разрезе нескольких отдельных понятий. При этом, с другой стороны, как пишет Д. А. Леонтьев, прикладной аспект жизнестойкости обусловлен той ролью, которую эта личностная переменная играет в успешном противостоянии личности стрессовым ситуациям, прежде всего в профессиональной деятельности (Леонтьев, Расказова, 2006).

В результате мы можем констатировать некоторую неоднозначность причинно-следственных связей: с одной стороны, влияние профессиональной спортивной деятельности на развитие совладающего поведения личности, ее самоэффективности, с другой стороны, нельзя отрицать роли вышеназванных феноменов в профессиональном выборе спортсменов.

В данном исследовании были изучены особенности совладающего поведения, локуса контроля и самоэффективности студентов. Исследование проводилось на базе высших учебных заведений Санкт-Петербурга. В исследовании приняли участие 130 студентов, из них 56 студентов, профессионально занимающихся спортом, и 74 студента, которые профессионально спортом не занимаются.

Методики исследования:

1. Тест жизнестойкости. Методика С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьева.
2. Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (КПСС) (адаптированный вариант методики, «Coping Inventory for Stressful Situations»,

«CISS») (С. Норман, Д. Ф. Эндлер, Д. А. Джеймс, М. И. Паркер; адаптированный вариант Т. А. Крюковой).

3. Методика определения общей и социальной самооффективности (авторы М. Шеер, Дж. Маддукс, адаптация А. В. Бояринцевой).

Результаты эмпирического исследования

Были получены следующие *результаты*.

Общий балл жизнестойкости у студентов, профессионально занимающихся спортом, выше ($p=0,003$), так же, как и компонент «Вовлеченность» ($p=0,021$) и компонент «Контроль» ($p<0,001$). К эмоционально-ориентированному копингу чаще прибегают студенты, профессионально не занимающиеся спортом ($p=0,015$), по другим копинг-стратегиям достоверных различий выявлено не было. Уровень самооффективности в сфере предметной деятельности выше у студентов-спортсменов ($p=0,007$).

Проведенный факторный анализ позволил выявить специфику взаимосвязей жизнестойкости и копинг-стратегий, а также самооффективности в группах студентов-спортсменов и студентов, профессионально не занимающихся спортом.

Для группы студентов-спортсменов выделено 2 фактора (62,02% объясненной совокупной дисперсии). Первый фактор «Деятельностная самооффективность» (собственный вес – 5,28, 40,60% объясненной дисперсии) включает общий показатель жизнестойкости (Вовлеченность, Контроль, Принятие риска); Уровень самооффективности в сфере предметной деятельности; Эмоционально ориентированный копинг.

Второй фактор «Социальная самооффективность» (собственный вес – 2,78, 21,42% объясненной дисперсии) включает Копинг, ориентированный на избегание (Социальное отвлечение и Отвлечение), Проблемно ориентированный копинг; Уровень самооффективности в сфере межличностного общения.

Для студентов-спортсменов характерно разделение социальных ситуаций на «ситуацию общения» и «ситуацию дела».

Деятельностная самооффективность спортсменов определяется высоким баллом жизнестойкости ($r=0,982$) и редким использованием эмоционально ориентированных копингов ($r=-0,710$), она связана с риском ($r=0,812$) и сосредоточенностью ($r=0,813$) на деловой сфере. Социальная самооффективность определяется примене-

нием копингов, ориентированных на избегание ($r=0,964$), проблемно ориентированными копингами ($r=0,526$) и сосредоточенностью на межличностном общении ($r=0,367$).

Для контрольной группы студентов, профессионально не занимающихся спортом, выделены два фактора: «Деятельностная и социальная самоэффективность», «Копинг-избегания» (65,52% объясненной дисперсии).

В фактор «Деятельностная и социальная самоэффективность, который является генеральным – 46,67% объясненной дисперсии вошли общая жизнестойкость (0,955) (контроль, вовлеченность, принятие риска); эмоционально ориентированный копинг ($-0,814$), проблемно-ориентированный копинг (0,416); уровень самоэффективности в сфере предметной деятельности (0,795) и в сфере межличностного общения (0,499).

Эффективность студентов, профессионально не занимающихся спортом, определяется высоким баллом жизнестойкости, контролем, вовлеченностью, принятием риска и проблемно ориентированным копингом, преобладанием рационального поведения и высокой эффективностью как в предметной деятельности, так и в сфере межличностного общения.

В отличие от группы студентов-спортсменов, у данной группы нет деления на «ситуацию дела» и «ситуацию общения», у них получается быть эффективными как в деятельности, так и в общении.

Заключение

Исследование совладающего поведения и самоэффективности студентов, профессионально занимающихся спортом, позволяет отметить, что самоэффективность спортсменов определяется их жизнестойкостью, редким использованием эмоционально ориентированного копинга, риском и сосредоточенностью на деловой сфере. Также характерным для них является разделение социальных ситуаций на «ситуацию общения» и «ситуацию дела».

Литература

Лапкина Е. В. Совладающее поведение, жизнестойкость и жизнеспособность личности: связь понятий, функции // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер.

- «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2015. Т. 21. № 4. С. 130–133.
- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 84–98.
- Рыльская Е. А.* Психология жизнеспособности человека: Дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2014.
- Харитонова А. И.* Влияние личностного потенциала спортсменов на качество преодоления психического перенапряжения в стрессовых ситуациях // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2018. № 3 (157). С. 383–389.

Ассертивность как компонент жизнеспособности личности

Н. С. Корнилова (НИУ «РАНХиГС», Нижний Новгород)

В статье рассматриваются понятия жизнеспособности и ассертивности, преимущества их высокого уровня в современной ситуации развития общества. Раскрываются особенности проявления жизнеспособности с позиции ассертивности личности, которая проявляется в непосредственном поведении. С учетом структурных компонентов жизнеспособности рассматривается обоснованность включения ассертивности в ее структуру. Представлен анализ уровня ассертивности студентов, который показывает недостаточное ее развитие.

Ключевые слова: ассертивность, жизнеспособность, компоненты жизнеспособности, студенты.

Личность в современном обществе живет в условиях неопределенности, сложности окружающего мира и роста трудностей, с одной стороны, и усилением социальной направленности в результате ускорения социально-экономического темпа развития общества – с другой. Высокая скорость изменчивости мира диктует необходимость изменяться и самому человеку. В таких условиях актуальным становится проблема устойчивости личности, ее уравновешенность, сохранение собственной позиции в различных вопросах, что дает возможность говорить, в какой мере личность жизнеспособна в психологическом плане в существующем социально-экономическом и политическом пространстве. В настоящее время нет единого определения данного понятия как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Рассматривается она с точки зрения управления своими ресурсами (М. Ungar); как общая способность человека к эффективному функционированию (Б. Г. Ананьев); в контексте совладающего поведения (В. А. Мазилев); как адаптационная способность организма; как умение выживать, приспосабливаться и развиваться в изменяющихся условиях (А. В. Шувалов); как копинг-стратегия, необходимая для уменьшения воздействия хронических стрессоров, и как фундаментальное качество здоровой личности (D. Hellerstein).

В данной статье будем придерживаться понятия наших современников, которые обозначили жизнеспособность как индивидуальную способность человека управлять собственными ресурсами, к которым относятся: здоровье, эмоциональная, мотивационно-волевая и когнитивная сферы, находящиеся во взаимосвязи с социальными, культурными нормами и условиями среды (Махнач, Лактинова, 2007, с. 294).

Исходя из предположения, что в психологическом смысле жизнеспособность можно трактовать как сохранение человеком своей внутренней целостности, мы рассмотрим ее с позиции ассертивности личности, которая проявляется в непосредственном поведении.

Обобщив понятия многих авторов, можно говорить, что ассертивность определяется как способность человека отвечать за свои поступки, быть уверенным в себе, оставаться спокойным в трудной и противоречивой ситуации и переводится с английского как «настаивать на своем».

Ассертивность предполагает активное отстаивание своих взглядов, самостоятельность и независимость, что пересекается с мнением К. А. Абульхановой, которая видит жизнеспособность человека, в первую очередь, в качестве активного творца собственной жизни.

Ассертивность предполагает самостоятельное творение своего собственного мира, что, по мнению Э. Фрома, является одним из жизненных сценариев для реализации жизнеспособности.

Жизнеспособность зрелой личности проявляется в возможности справиться с трудностями в профессиональной сфере, например с потерей работы и в сфере семейных отношений, например конфликты, разрушение семьи, где ассертивность проявит себя в качестве внутренней ответственности за принятие решений в форме реальности, а не катастрофического восприятия создавшихся ситуаций в форме «виноват кто-то или что-то, но не я». Адекватное понимание своих социальных ролей, поиск ответов, что составляет смысл жизни, реализация своего предназначения также являются критериями жизнеспособности зрелой личности. Этому способствуют такие характеристики ассертивного поведения, как уверенность в себе и своих силах, уважение к себе, адекватная самооценка, определенная система ценностей.

В широком плане жизнеспособность личности проявляется не только в освоении различных видов деятельности, но и в познании своего внутреннего мира, в отношении к моральным нормам,

которые демонстрируются в поведении, в творческом начале при изучении различных сфер личности. Жизнеспособность предполагает собственное творение своей жизни, своей индивидуальной среды развития, в котором присутствует организация и самоорганизация человеком собственного жизненного пространства. Данные действия предполагают активную позицию, характерную для ассертивного поведения, в противовес пассивной, которая подразумевает передачу ответственности в принятие решений другим за собственное выстраивание жизненного пространства, лишает возможности выражать свои потребности, приводит к внутреннему недовольству, тем самым разрушая психологическую устойчивость, что не соответствует жизнеспособности, а, скорее, говорит о психологической беспомощности. Для данного явления кроме пассивности характерна беспомощность в преодолении трудностей и препятствий, зависимость от других людей, пессимистичность ожиданий, отсутствие гибкости в поведении и настойчивости в достижении целей, негативизм, упрямство, эгоцентризм, неуверенность в себе, отрицательная реакция на неудачу, плохой контроль над своими эмоциями, заниженная самооценка и т. п., что в конечном итоге снижает возможности самореализации и самоутверждения и является показателем недостаточной жизнеспособности.

Рассматривая жизнеспособность с точки зрения необходимых для нее качеств личности, подчеркнем их пересекаемость с компонентами ассертивного поведения: интернальностью, оптимизмом, экстра- и интроверсией, настойчивостью, решительностью, активностью, самостоятельностью, психологической устойчивостью, самопринятием, удовлетворенностью собой, самоконтролем. Отметим, что характерное для ассертивности сохранение внутреннего психического пространства, своей целостности, уверенность в себе, потребность быть хозяином своей жизни, активным ее создателем, принятие решений за себя является смыслодержательным предиктором, обуславливающим жизнеспособность.

Теоретический анализ научной литературы выявил, что жизнеспособность в своей структуре имеет несколько компонентов, которые в совокупности формируют и поддерживают последнюю: самоэффективность, настойчивость, совладание и адаптация, внутренний локус контроля, духовность, социальные взаимоотношения. Каждый из них включен в какой-либо контекст, например: индивидуально-личностный, контекст отношений, общества, культуры. Кроме то-

го, к компонентам жизнеспособности можно отнести адаптацию, саморегуляцию, развитие и осмысленность жизни. Все перечисленные компоненты составляют не просто суммарный, а психосинергический эффект, предполагающий совместность всех компонентов одновременно.

Из рассмотренных выше проявлений жизнеспособности с позиции асертивности личности можно предположить включение асертивности в качестве возможного компонента, способствующего через настойчивость, уверенность в себе, самоутверждение, самореализацию, потребность в успехе, достижениях, самооценке и самовыражении сохранению человеком своей психологической целостности, что будет весьма логичным для формирования достаточно полной схемы целостности структуры жизнеспособности. Особенно если учитывать, что каждый приведенный выше отдельный компонент является сложным интегративным свойством, со своими отдельными способностями, свойствами, компонентами относящихся к личности.

Становление личности и усиление ее жизнеспособности активно продолжается в студенческом возрасте, в котором появляются новые сферы деятельности. Высокий уровень асертивности, а вместе с ней и жизнеспособности будет весьма актуальным в данный возрастной период, когда перед личностью стоит много задач, требующих уверенности, ответственности, способности к конструктивному диалогу, управлению собственными ресурсами, к адаптации в изменяющихся условиях. В ходе анализа полученных результатов исследования группы студентов – государственных и муниципальных служащих (124 чел.) в возрасте 18–20 лет было установлено, что асертивность в поведении проявляют лишь 30% опрошенных. Осознавая значимость современных условий выстраивания конструктивных отношений, а также характеристики успешного человека: настойчивость, целеустремленность, активность, уверенность, открытость и т. п., 29% исследуемых студентов стремятся к асертивному поведению, но присущая для них зависимость от окружающих демонстрирует в их поведении признаки агрессии. Неуверенность в себе и отсутствие адекватной самооценки способствуют тому, что 41% из числа опрошенных демонстрируют недостаточный уровень сформированности асертивности (Гапонова, Корнилова, 2022). Отсюда следует вывод, что формирование асертивного поведения следует продолжать во время обучения в вузе для общего укрепления жизнеспособности.

Таким образом, жизнеспособность личности выступает как объединение разнообразных, сложных качеств и способностей, интегрированных в еще более сложные по структуре и функциям свойства и возможности, формирующие синергетическое единство, обладающее особыми эмерджентными свойствами и структурными компонентами, среди которых мы выделяем ассертивность, обеспечивающую динамическое удержание личности в постоянную координацию с требованиями общественной жизни.

Литература

Гапонова С. А., Корнилова Н. С. Исследование ассертивности студентов – государственных и муниципальных служащих // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества: Научные статьи XIII Международной научно-практической конференции, 13–15 октября 2022 г. / Под общ. ред. Л. А. Байковой, Н. В. Евтешиной, Н. А. Фоминой. Рязань: ИП Жуков В. Ю., 2022. С. 100–103.

Махнач А. В., Лактионова А. И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 290–312.

Личностные особенности подростков из семей с различным уровнем конфликтности в контексте проблемы жизнеспособности человека

И. А. Курапова (МарГУ, Йошкар-Ола),

А. В. Смирнова (МарГУ, Йошкар-Ола)

Статья посвящена проблеме личностных особенностей подростков из семей с различным уровнем конфликтности в контексте проблемы жизнеспособности. Представлены результаты эмпирического исследования, показывающие наличие специфических особенностей индивидуально-типологических характеристик и коммуникативной компетентности подростков из конфликтных семей. Так, подростки из конфликтных семей отличаются сниженными показателями коммуникативной компетентности (по всем компонентам), выраженной агрессивностью и тревожностью, интроверсией и ригидностью. Полученные результаты показали, что конфликтность семьи, обуславливая характерный профиль личности подростка, выступает фактором риска его жизнеспособности.

Ключевые слова: особенности личности, коммуникативная компетентность, подростковый возраст, отношения, конфликтность семьи, жизнеспособность личности.

Современный мир характеризуется постоянными трансформационными процессами, создавая ситуацию, когда неопределенность становится привычным атрибутом жизнедеятельности человека, что и определяет актуальность проблемы стабильности, устойчивости и сохранения жизнеспособности субъекта в условиях множества социальных рисков. Однако, по мнению Д. А. Леонтьева, неопределенность содержит в себе позитивный потенциал для человека, связанный с выработкой адекватной позиции по отношению к ней, что в очередной раз подчеркивает двойственную позицию субъекта. Субъект всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен (Брушлинский, 2003, с. 32). Рассматривая жизнеспособность как потенциал субъекта, от-

мечают общее позитивное ее влияние на процессы регуляции, саморегуляции, копинг-стратегии, жизнестойкость, которые выступают механизмами социальной адаптации индивида (Лактионова, 2010).

Семейные и социальные взаимоотношения являются наиболее важными компонентами жизнеспособности, выступая источником эмоциональной поддержки (Махнач, 2016, с. 197), развития персональных ресурсов и потенциала членов семьи (Сараева, 2017). Поэтому правомерно говорить о том, что на формирование жизнеспособности личности, в частности, в подростковом возрасте оказывает характер семейных отношений. Являясь одним из главных институтов социализации, семья должна способствовать адаптации ее членов в обществе, обеспечивая выполнение социальных норм, саморегуляцию поведения. Кроме того, удовлетворительный характер взаимодействия в семье обуславливает развитие способности ее членов справляться со стрессом, кризисами, жизненными трудностями. Тогда как неблагоприятные семейные отношения, например их высокая конфликтность, могут выступать фактором риска жизнеспособности членов семьи. Так, в результате семейных конфликтов у детей возрастает психологическое напряжение, появляются эмоциональные нарушения, и, напротив, низкий уровень конфликтности в семье способствует раскрытию личностных особенностей подростков, развивает коммуникативные умения, навыки саморегуляции (Игебаева, 2019). Однако, как показывают исследования жизнеспособности на разных возрастных этапах, факторы риска могут приводить к росту возможностей субъекта адекватно разрешать возникающие жизненные ситуации. Тем не менее, характер семейных отношений подростков определяет их личностные характеристики, что и отражается на их жизнеспособности.

Методы исследования

С целью изучения личностных особенностей подростков из семей с различным уровнем конфликтности было проведено эмпирическое исследование. Выборка представлена обучающимися 6–7 классов МБОУ «Гимназия № 14 г. Йошкар-Олы» в количестве 92 чел. (42 девочки, 50 мальчиков).

Предметом исследования выступили личностные особенности у подростков из семей с различным уровнем конфликтности. Мы предположили, что личностные особенности подростков в семьях с различным уровнем конфликтности имеют отличительные особен-

ности, при этом конфликтность семьи выступает в качестве фактора риска жизнеспособности подростка.

Для изучения личностных особенностей и отношений в семье подростков использовались психодиагностические методики: «Шкала семейного окружения» в адаптации С. Ю. Куприянова, «Индивидуально-типологический опросник» Л. Н. Собчик. В контексте личностных особенностей подростков изучалась коммуникативная компетентность. Для этого использовались следующие психодиагностические методики: для изучения эмоционального компонента коммуникативной компетентности – методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко; когнитивного компонента коммуникативной компетентности – методика исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда; поведенческого компонента коммуникативной компетентности – «Тест коммуникативных умений» Л. Михельсона. Для проверки достоверности выдвинутой гипотезы применялся U-критерий Манна–Уитни.

Результаты исследования и их обсуждение

Обратимся к анализу эмпирических данных. По уровню конфликтности в семье (шкала «Конфликт» методики С. Ю. Куприянова) выборка была разделена на 4 группы: семьи с пониженным (26%), средним (42%), повышенным (19%) и высоким (13%) уровнями конфликтности. Причем среди семей с различным уровнем конфликтности примерно в равной степени представлены как семьи мальчиков, так и семьи девочек. Так как внутрисемейные отношения схожи у респондентов из семей с пониженным и средним уровнями конфликтности, а также с повышенным и высоким уровнями конфликтности, то в дальнейшем мы будем говорить о различиях в двух категориях семей – семьи с высокой конфликтностью и семьи с пониженной конфликтностью.

Анализ семейных отношений в выборках показал, что для семей с высокой конфликтностью характерны более высокие показатели организации ($U_{\text{эмп}} = 136,4$, $p < 0,05$) и более низкие показатели сплоченности ($U_{\text{эмп}} = 114$, $p < 0,01$), интеллектуально-культурной ориентации ($U_{\text{эмп}} = 56,5$, $p < 0,01$), контроля ($U_{\text{эмп}} = 43,5$, $p < 0,01$), независимости ($U_{\text{эмп}} = 71$, $p < 0,01$), ориентации на достижения ($U_{\text{эмп}} = 88,5$, $p < 0,01$), экспрессивности ($U_{\text{эмп}} = 94$, $p < 0,01$), уважения к этическим и нравственным ценностям ($U_{\text{эмп}} = 73$, $p < 0,01$). То есть в семьях с высокой конфликтностью реже открыто выражаются чувства, мало объединяющих членов семей видов деятельности, отсутствует стремление к поддерж-

ке друг друга и саморазвитию. Негативные экспрессии по отношению к членам семьи не позволяют реально оценить свое поведение и отношения с окружающими. Дети боятся высказывать свое мнение, проявлять эмоции, так как могут не только не встретить понимания, но и получить в ответ негативные реакции членов семьи, что приводит к подавлению эмоций, замыканию в себе.

При этом степень важности для семьи порядка и организованности в плане структурированности семейной активности, финансового планирования, ясности и определенности, семейных правил и обязанностей высока, что может объяснить низкие показатели независимости у респондентов.

Изучение индивидуально-типологических особенностей подростков также показало наличие существенных различий в зависимости от уровня конфликтности семьи респондента. Так, у подростков из семей с высокой конфликтностью наблюдаются низкие показатели экстраверсии ($U_{\text{эмп}} = 71,5$, $p < 0,01$), лабильности ($U_{\text{эмп}} = 75$, $p < 0,05$) и более высокие показатели агрессивности ($U_{\text{эмп}} = 45,5$, $p < 0,01$), интроверсии ($U_{\text{эмп}} = 45$, $p < 0,01$) и тревожности ($U_{\text{эмп}} = 92$, $p < 0,05$). То есть для подростков из семей с высокой конфликтностью характерны закрытость, частые перепады настроения, аффективные реакции в ответ на слабые и умеренные раздражители, чувство незащищенности.

Коммуникативная компетентность у подростков также различается в зависимости от уровня конфликтности семьи респондента. У подростков из семей с высокой конфликтностью более низкий уровень развития поведенческого ($U_{\text{эмп}} = 58,5$, $p < 0,01$), эмоционального ($U_{\text{эмп}} = 41$, $p < 0,01$), когнитивного ($U_{\text{эмп}} = 101,5$, $p < 0,01$) компонентов и, соответственно, коммуникативной компетентности в целом ($U_{\text{эмп}} = 26$, $p < 0,01$). Так, подростки испытывают трудности в понимании связи между поведением и его последствиями, в общении больше ориентируются на вербальное содержание, игнорируя невербальную сторону межличностных отношений, чаще попадают в конфликтные ситуации.

Выводы

Проведенное исследование показало, что жизнеспособность личности является в определенной степени гарантом успешной адаптации в обществе и развития собственных потенциалов (Лактионова, 2010; Махнач, 2016; Сараева, 2017). Значительное влияние на формирование жизнеспособности подростков оказывают семейные отношения, так как ребенок перенимает предъявляемые членами се-

мы модели поведения в различных жизненных ситуациях (Игебаева, 2019; Махнач, 2016).

Эмпирическое исследование показало, что у трети подростков повышенный уровень конфликтности в семье, что говорит о психологически неблагоприятной семейной атмосфере, влияющей в конечном счете на личностные характеристики подростков.

Так, подростки из конфликтных семей отличаются низкой коммуникативной компетентностью, что говорит о наличии у них трудностей в определении причинно-следственных связей своего и чужого поведения, проявлении эмпатии, а также выраженной тревожности, агрессивности, замкнутости, что может стать источником как межличностных, так и внутриличностных конфликтов и закрепить в итоге конфликтность в качестве стилевой характеристики подростка.

В свою очередь, подростки из семей с пониженной конфликтностью способны предвосхищать поступки людей, распознавать их невербальные реакции, стремятся создавать позитивный эмоциональный контакт с собеседником, что может говорить о более высокой их жизнеспособности.

Однако в подростковом возрасте формирование личности не заканчивается, поэтому преждевременно делать однозначные выводы о низкой жизнеспособности подростков из семей с высокой конфликтностью, предполагая существование компенсаторных механизмов и наличие альтернативных моделей поведения в иных референтных для подростка социальных группах.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Игебаева Ф. А.* Социализирующая функция семьи в формировании личностных качеств ребенка // Актуальные вопросы технических, экономических и гуманитарных наук. 2019. № 2 (13). С. 135–138.
- Лактионова А. И.* «Жизнеспособность» в структуре психологических понятий // Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер. «Психологические науки». 2010. № 3. С. 11–15.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Сараева Н. М.* О содержании понятия жизнеспособности человека в отечественной психологии // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 229–235.

Объектно-субъектные факторы преобразования взаимосвязей самооенок внешнего облика и оценок субъективного благополучия*

В. А. Лабунская (Южный федеральный университет, Академия психологии и педагогики, Ростов-на-Дону)

Цель – определение преобразований типов структур взаимосвязей между самооенками внешнего облика (ВО) и оценками субъективного благополучия (СБ) под влиянием совокупности объектно-субъектных факторов. Участники исследования: 188 россиян, 65% женщин; 18–35–45 лет ($M_{\text{возраста}} = 26,6$). Математические процедуры: частотный, факторный анализ. Результаты: наиболее сильным фактором, определяющим тип взаимосвязей между самооенками ВО и оценками СБ, является совокупность самооенок компонентов ВО в сочетании с уровнем образования и субъективной оценки экономического статуса. Взаимосвязи носят обратно-пропорциональный характер. Взаимосвязи между ВО и СБ не являются устойчивыми и преобразуются под влиянием совокупности объектно-субъектных факторов.

Ключевые слова: самооенки внешнего облика, субъективное благополучие, структуры взаимосвязей, типы взаимосвязей, объектно-субъектные факторы.

Несмотря на многообразие понятий и определений «благополучия» (well-being), поворотным моментом, определяющим взгляд на разновидности «благополучия», является вывод Д. А. Леонтьева о том, что «понятие благополучия охватывает и качество жизни, и субъективное благополучие», что оно включает субъективные шкалы, посредством которых формируется интегральная оценка соотношения положительных и отрицательных эмоций, «когнитивных оценок жизни» (Осин, Леонтьев, 2020, с. 86). Одним из первых обратился к социально-психологическому изучению благополучия Р. М. Шамио-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-01641 «Детерминанты влияния оценок внешнего облика на межличностные отношения и субъективное благополучие».

нов. Он предложил определение субъективного благополучия (СБ), в ядре которого находится «собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для нее значение..., характеризующееся переживанием удовлетворенности» (Шаминов, 2008, с. 11). Интерпретация СБ как отношения личности к важнейшим модусам своей жизни, сопровождающегося переживанием удовлетворенности, в качестве конструкта, включающего эмоционально-мотивационные, когнитивно-эмоциональные компоненты, принимается многими исследователями, которые обращаются к поиску факторов, определяющих СБ/неблагополучие на индивидуально-личностном уровне, на различных этапах жизненного пути.

Обзор исследований позволяет утверждать, что, как правило, на уровень СБ влияют комплексы внешних (объективных) в сочетании с комплексом внутренних (субъективных, субъектных) факторов. Сочетание такого рода факторов обсуждается в контексте проблемы «предикторы взаимосвязей самооценка ВО и СБ». Возникновение такого направления исследований не является случайным, поскольку на протяжении десятилетий рассматривались взаимосвязи между рядом показателей СБ и самооценками ВО, образом тела. Обзор таких исследований представлен в ряде наших публикаций (Лабунская, Сериков, Шкурко, 2019). В целом имеющиеся результаты выполненных исследований не столько дополняют или уточняют друг друга, выводы других, сколько порой противоречат друг другу. На наш взгляд, такая ситуация обусловлена, во-первых, тем, что в исследованиях в качестве факторов изучаются различные совокупности социально-демографических характеристик; во-вторых, акцент сделан, главным образом, на физическом компоненте ВО; в-третьих, рассматриваются различные переживания, связанные с ВО, например, обеспокоенность им, самооценки ВО, например, привлекательности; в-четвертых, применяются различные шкалы диагностики СБ, которые не совпадают с методическими приемами отечественных и зарубежных исследователей; в-пятых, в большинстве выполненных исследований, в которых рассматриваются взаимосвязи между ВО и СБ, не представлена российская выборка. Исходя из выше приведенных выводов, была определена цель нашего исследования – это определение влияния комплекса объектно-субъектных факторов на структуру взаимосвязей между самооценками ВО, его привлекательности, удовлетворенности, обеспокоенности им и оценками СБ его составляющих. Комплекс объектно-субъектных факторов включал: возраст,

пол, образование, субъективный экономический статус. В исследовании проверялась гипотеза – структура взаимосвязей между самооценками ВО и оценками СБ может преобразовываться в результате влияния комплекса объектно-субъектных факторов.

Методики эмпирического исследования

1. Социально-демографический опросник.
2. С целью изучения самооценок ВО применялись: 1) опросник: «Самооценки внешнего облика», созданный В. А. Лабунской (Лабунская и др., 2019, с. 389–392). На основе этого опросника определяются следующие виды самооценок компонентов ВО: самооценка лица; самооценка тела; самооценка оформления ВО, затем рассчитывается интегральная самооценка. В указанный опросник входит шкала «самооценка привлекательности ВО»; 2) 10-балльные шкалы, фиксирующие удовлетворенность и обеспокоенность ВО (Лабунская и др., 2019, с. 257).
3. Для диагностики СБ применялась Шкала «Субъективное благополучие» (Perrudet-Badoux, Mendelsohnni, Chiche), адаптированная В. М. Соколовой (1996). Общая (интегральная) оценка СБ является производной от оценок его следующих показателей: 1) напряженность и чувствительность; 2) признаки, сопровождающие основную психическую симптоматику, такую как депрессия, сонливость, рассеянность и т. д.; 3) изменения настроения; 4) значимость социального окружения; 5) самооценка здоровья; 6) степень удовлетворенности повседневной деятельностью. Таким образом, в исследовании рассматривалось 7 показателей самооценок ВО и семь показателей СБ, четыре социально-демографических характеристики.). Математические процедуры: частотный, факторный анализ (IBM SPSS Statistics v. 23.0).

Участники исследования: 188 россиян, 65% женщин; 85% относятся к категории «молодые (18–35 лет; $M_{\text{возраста}} = 26,6$), 57% имеют неполное высшее или высшее образование; 56% считают, что они «скорее бедные, чем богатые».

Результаты

Исходя из данных, полученных в результате факторного анализа 14 переменных (высокая адекватность применения факторного анали-

за к рассматриваемым показателям подтверждается: критерий адекватности выборки Кайзара–Мейера–Олкина (КМО) = 0,810, уровень значимости критерия сферичности Барлетта, который является показателем многомерной нормальности для распределения переменных, $p < 0,001$), структуры и содержания трех факторов, полученных в результате вращения по методу варимакс, процедуры главных компонент, которые объясняют 70,943% от общей дисперсии (три фактора были выбраны с учетом графика собственных значений), можно утверждать, что взаимосвязи между самооценками ВО и оценками СБ не являются устойчивыми и однозначными:

В одном случае они определяются совокупностью самооценок компонентов ВО в сочетании с самооценкой привлекательности ВО, в другом случае – знаком самооценок удовлетворенности, обеспокоенности, в третьем случае наблюдается автономия самооценок ВО и оценок СБ, вплоть до отсутствия значимых взаимосвязей между ними.

Наиболее сильным фактором (объясняет 37,662% от общей дисперсии), определяющим тип взаимосвязей между самооценками ВО и оценками СБ, является совокупность самооценок компонентов ВО в сочетании с уровнем образования и субъективной оценки экономического статуса. Под влиянием этого совокупного фактора взаимосвязи носят обратно пропорциональный характер и указывают на то, что уровень самооценок ВО может повышать оценку СБ. Чем старше участники исследования, тем выше у них оценка компонентов внешнего облика, самооценка привлекательности ВО, обеспокоенность им, но ниже оценка СБ.

В случае определенного сочетания пола, возраста, образования, субъективной оценки экономического статуса (женщины, «скорее богатые, чем бедные», образование – незаконченное высшее, высшее, возраст – от 26 до 35–45 лет) появляется такой тип взаимосвязей, при котором снижение оценки СБ снижает самооценки компонентов ВО, удовлетворенности им, но повышает обеспокоенность ВО.

Отличие выполненного исследования в решении проблемы «предикторы взаимосвязей между самооценками ВО и оценками СБ» заключается, прежде всего, в том, что впервые на российской выборке рассматривались взаимосвязи между самооценками ВО и оценками СБ, что в качестве медиатора этих связей изучалась совокупность объектно-субъектных факторов. Новыми являются данные о более интенсивном влиянии на СБ самооценок ВО в совокупности с объектно-субъектными факторами по сравнению с воздействием СБ

на самооценки ВО. Выполненное исследование позволяет сформулировать новую гипотезу: самооценки ВО в совокупности с субъектно-объектными факторами являются более сильным фактором направления связей, по сравнению с оценками СБ на различных этапах жизненного пути.

Литература

- Лабунская В. А., Сериков Г. В., Шкурко Т. А.* (ред.). Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Ростов-н/Д.: Мини-Тайп, 2019.
- Леонтьев Д. А.* Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 86–95. doi: 10.31857/S020595920012592-7
- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Соколова М. В.* Шкала субъективного благополучия. 2-е изд. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996.
- Шамионов Р. М.* Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Саратовский университет, 2008.

Психоэмоциональное состояние как фактор, влияющий на формирование жизнеспособности детей, находящихся в вынужденной миграции

И. А. Лаврова (КГУ, Кострома)

В статье подчеркивается актуальность исследования роли психоэмоционального состояния в формировании жизнеспособности детей, находящихся в вынужденной миграции. Указывается связь между фактором вынужденности и психоэмоциональным состоянием ребенка. При анализе результатов двух этапов эмпирического исследования выдвигается гипотеза о негативном влиянии психоэмоционального состояния ребенка, находящегося в вынужденной миграции, на формирование его жизнеспособности.

Ключевые слова: жизнеспособность, психоэмоциональное состояние, дети, вынужденная миграция.

В последнее время мировое сообщество столкнулось с большим ростом миграционных потоков, причиной которых послужили произошедшие в последние годы культурные, экономические и политические изменения в стране, различные негативные социальные явления, которые будем считать, в свою очередь, факторами вынужденности. Самыми уязвимыми в таких процессах являются дети, так как травматические факторы миграции лишают ребенка безопасного, стабильного, поддерживающего окружения, необходимого для нормального развития, нарушается процесс формирования и становления личности. Пережитый негативный опыт влияет на познавательные процессы, межличностные отношения, самооценку, особенности поведения и на жизнеспособность ребенка в целом.

В современной психологии вопрос влияния различных факторов на жизнеспособность ребенка остается эвристическим и междисциплинарным. А. В. Махнач определяет жизнеспособность как индивидуальную способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, эмоционально-волевой и другими сферами в контексте средовых условий (Махнач, 2007). Г. В. Гаталь-

ской и К. С. Киселевой были проведены исследования, целью которых являлось выявление критериев успешной социализации как один из факторов, влияющих на психоэмоциональное состояние детей в вынужденной миграции (Гатальская, 2016; Киселева, 2022). Но представляется важным понимание дальнейшего значения психоэмоционального состояния ребенка на формирование его жизнеспособности в такой ситуации. Исследование Энн Мастен, в свою очередь, сосредоточено на поведенческих, психосоциальных и нейробиологических характеристиках и на том, как именно их сочетание позволяет лучше понять жизнеспособность детей в любой стрессовой ситуации (Masten, 2021). Мастен утверждает, что компетентность и стойкость присущи всем детям вне зависимости от стрессовых факторов и что всем детям для достижения успеха необходимы базовая поддержка и возможности на протяжении всего развития.

В научно-исследовательской среде только еще формируется подход к проблематике понимания жизнеспособности детей в вынужденной миграции и факторов, влияющих на нее, поэтому нами было предпринято пилотажное эмпирическое исследование с целью оценки психоэмоционального состояния детей как фактора, влияющего на формирование жизнеспособности детей, находящихся в вынужденной миграции.

Для изучения психоэмоционального состояния как фактора, влияющего на формирование жизнеспособности ребенка, находящегося в вынужденной миграции, были использованы проективная цветовая методика «Тест Люшера» и скрининговый опросник «Сильные стороны и трудности» (ССТ) R. N. Gudman, целью которых является оценка уровня психоэмоционального состояния.

Выборка формировалась методом доступных случаев. Участники были осведомлены о целях исследования, участвовали в исследовании добровольно и индивидуально. Респондентами исследования выступали 16 учениц и 22 ученика ($n = 38$), в возрасте от 6 до 14 лет ($m = 10$), а также 45 родителей и 8 педагогов ($n = 53$) трех частных школ в г. Батуми, Грузия. Родители и педагоги выступали экспертами в проведении скринингового опросника ССТ для дополнительной оценки психоэмоционального состояния учащихся.

Перейдем к результатам исследования. Первая часть исследования при помощи теста Люшера предполагала выявление существующей проблемы в психологической ситуации, в которой находится ребенок, а также анализ эмоционального и психофизиологического состояния

в связи со сложившимися условиями. По результатам данной цветовой методики при интерпретации функциональных пар у 75% респондентов (процентная доля указана по отношению к общему количеству детей) отмечается эмоциональная напряженность (основной показатель тревожности 3,4 из 12 представленных), что свидетельствует о наличии конфликта, но он необязательно носит серьезный характер.

Одним из приемов трактовки результатов выбора является оценка положения основных цветов (синий, сине-зеленый, оранжево-красный, светло-желтый). В оптимальном состоянии основные цвета должны занимать преимущественно первые пять позиций. По результатам проведенного цветового теста в 42,1% от общей процентной доли респондентов основные цвета выбраны в позиции далее пятой, значит, характеризующие ими свойства, потребности не удовлетворены, как следствие возникновение тревожности, негативного состояния. Преобладание дополнительных цветов (фиолетовый, коричневый, черный, нулевой) на первых позициях свидетельствует о наличии конфликта. Наличие стресса, а также факта компенсации за счет основных цветов подтверждается следующими данными, трактуемыми как показатели негативного состояния, негативных моментов, негативного отношения к окружающей ситуации: 39,7% респондентов выбрали основные цвета на 6 позиции (фактор, вызывающий тревогу считается относительно слабым), 18,5% – на 7 позиции (умеренный), 9,4% – на 8 позиции (сильный). Особо важное значение для нас имеет оценка цвета на 8 позиции, а именно соотношение основных цветов на этой позиции в любой функциональной паре свидетельствует о вероятности развития состояния тревожности.

Вторая часть исследования посвящена определению оценки риска формирования эмоциональных проблем, а также отклонений в поведении на основании скринингового опросника «Сильные стороны и трудности» Р. Гудмана.

По результатам опросника можно сделать следующее заключение.

1. «Шкала эмоциональных симптомов» определяет у 44,1% респондентов пограничные (4–5 баллов) показатели, выраженные в таких симптомах эмоциональных нарушений, как высокая тревожность, раздражительность, неуверенность, страхи. У 36,8% респондентов наблюдается нормальные показатели по той же шкале (3–4 балла).
2. По «шкале проблем с поведением» определены у 63% респондентов отклоняющие баллы (8–9). Основными показателями при опре-

делении являлись трудность и нежелание следовать правилам поведения, агрессивность по отношению к другим.

Стоит отметить, что у достаточно большого (47,4%) детей наблюдаются также комбинированные симптомы. Эмоциональные проблемы и проблемы с поведением в суммарном количестве составляют шкалу отклоняющих показателей.

На основе проведенного анализа мы выделяем положения, которые являются важными для понимания обозначенной проблемы исследования и ее дальнейшего эмпирического изучения.

1. Ситуация вынужденной миграции является стрессовой для ребенка, существует высокий риск формирования эмоциональных проблем, что также увеличивает вероятность возникновения трудностей в сфере собственного восприятия и взаимоотношений с окружающими.
2. При анализе и интерпретации результатов теста Люшера, полученная психодиагностическая информация была сопоставлена с материалами скринингового опросника ССТ, что позволило предположить влияние психоэмоционального состояния ребенка на формирование его жизнеспособности как негативное.

Литература

- Гатальская Г. В., Джиганская К. Н.* Феноменология переживаний и успешность адаптации вынужденных мигрантов // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 3. С. 10–25.
- Киселева К. А.* Социальная адаптация детей беженцев и мигрантов // Образовательное пространство детства: исторический опыт, проблемы, перспективы: Сборник научных статей и материалов IX международной научно-практической конференции. Коломна, 26–27 мая 2022 г. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2022. С. 313–317.
- Махнач А. В., Лактионова А. И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 290–312.
- Masten A. S.* Ordinary magic: Resilience in development. N. Y.: Guilford Press, 2021. URL: <https://www.guilford.com/excerpts/masten>.

Динамика развития жизнеспособности у мужчин и женщин в процессе онтогенеза

А. И. Лактионова (ИП РАН, Москва)

Статья посвящена изучению динамики развития жизнеспособности у мужчин и женщин в четырех возрастных группах от 15 до 65 лет с учетом гендерных различий, понимаемых как психологические, социальные и культурные особенности человека. Гипотеза исследования о том, что динамика развития жизнеспособности у мужчин и женщин имеет свою специфику и различается в разные возрастные периоды, подтвердилась частично. Различия в характеристиках жизнеспособности наблюдаются только в группах 18–25 и 26–45 лет. В возрастных периодах 15–17 и 46–65 лет в динамике развития жизнеспособности между мужчинами и женщинами различий нет.

Ключевые слова: жизнеспособность, гендерные различия, возрастные различия, динамика развития.

Социолог Энн Оукли сформулировала следующие определения пола и гендера: «Пол — это слово, которое относится к биологическим различиям между женщинами и мужчинами... Однако „Гендер“ — вопрос культуры: он относится к социальной классификации „мужественности“ и „женственности“. Различие между „мужчиной“ и „женщиной“, с одной стороны, и „мужественностью“ и „женственностью“ — с другой, делает возможным прояснить многое в споре о половых различиях».

С точки зрения авторов «выделение двух уровней пола — биологического и социального представляется необходимым, так как человек — это крайне сложная социально-биологическая система. Очевидно, что биологический пол и гендер — взаимовлияющие понятия, мы не можем игнорировать объективные биологические факторы при анализе личностных особенностей человека, но не принимать во внимание социальные, не заданные природой факторы также нельзя. Биологическое и социальное тесно переплетается в человеке, и это необходимо учитывать при изучении человека».

Изучению гендерных различий жизнеспособности человека посвящен целый ряд исследований (Лактионова, 2022; Махнач, 2019; и др.). Тем не менее, их результаты неоднозначны, и в ряде исследований сообщается об отсутствии обнаруженных гендерных различий. Причиной этому могут служить, во-первых, разные методики изучения жизнеспособности, во-вторых, культурные различия в социальных нормах и, в-третьих, изучаемые возрастные группы, имеющие свои особенности.

Нами были проведены сравнения гендерных различий по показателям шкал оценки жизнеспособности человека в разных возрастным группах (Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи (Child and Youth Resilience Measure, CYRM); тест жизнеспособности взрослых Исследовательского центра жизнеспособности (Resilience Research Centre Adult Resilience Measure, RRC-ARM)) (Лактионова, 2022).

Исследование проводилось на выборке подростков и взрослых ($n = 722$), жителях крупных городов России (Москва, Питер, Томск, Чита, Хабаровск и др.). Возраст 15–65 лет. Из них: мужчины – 362 чел., средний возраст – 30 лет (min – 15, max – 65); женщины – 360 чел., средний возраст – 32,39 (min – 15, max – 65);

Попарное сравнение групп мужчин и женщин в разные возрастные периоды от 15 лет до 65 лет с вычислением достоверности различий между ними (по критерию U Манна–Уитни) позволило выявить различия в траектории развития жизнеспособности у мужчин и женщин.

Полученные нами данные сравнения динамики развития жизнеспособности в группах юношей и девушек 15–17 и 18–25 лет показывают, что у молодых людей в 18–25 лет все значения показателей жизнеспособности значимо ниже, чем у юношей 15–17 лет, а у девушек этой возрастной группы снижения контекстуальной жизнеспособности, по сравнению с 15–17-летними, не происходит, что можно объяснить особенностями гендерных норм. «Гендерные нормы – это правила, образцы поведения, стандарты деятельности мужчин и женщин как членов общества и представителей разных социальных групп (Клещина, Иоффе, 2019, с. 73). Так, Л. В. Карапетян и Г. А. Глотова, проведя исследование на студенческой выборке, указывают на то, что у студентов-мужчин «начинает сильнее проявляться фактор отношения к себе как к взрослому человеку, тогда как в женской части выборки во многом сохраняется отношение к себе как к «ученице» высшей школы». На снижение контекстуальной жизнеспособ-

ности студентов-юношей также может оказывать влияние тот факт, что «девушки в большей степени характеризуются «пассивно-вынужденным» типом планирования, большей обращенностью в будущее (значимо выше число мечтаний и ожиданий), для них характерно наличие проработанной ближайшей жизненной перспективы (1–2 года). Для молодых людей более характерен тип «ориентации на долгосрочное планирование», т. е. их цели чаще относятся к более удаленным срокам (от 3 лет)». Более долгосрочные планы и отношение к себе как к взрослому, по-видимому, заставляет юношей субъективно ниже оценивать свои характеристики контекстуальной жизнеспособности.

Как известно, гендерные стереотипы также во многом определяют предписанные мужчинам и женщинам нормы поведения и отношения к успеху. Например, для мужчин это, в первую очередь, успешность в построении карьеры и величина заработка. По данным Е. А. Савостиной и соавторов, «59,7% девушек, объясняя причины выбора направления дальнейшего обучения, руководствуются не престижностью и доходностью профессии, а своими способностями. Отвечая на вопрос о своем будущем, каждый второй юноша и лишь 30% девушек отметили, что «постараются иметь хорошую зарплату». О «достоверно более низких значениях показателей карьерной направленности у женщин по сравнению с мужчинами» речь идет и в другом исследовании. В то же время в работе М. А. Ерофеевой и О. И. Ключко отмечается «изменение поведенческих моделей юношей и девушек... в направлении от традиционалистского к эгалитарному типу». Однако «молодежь провинциальных городов чаще демонстрирует приверженность традиционным нормам женского поведения... по сравнению с девушками и юношами, проживающими в мегаполисе».

При сравнении динамики развития жизнеспособности женщин и мужчин группы 2 (18–25 лет) и группы 3 (26–45 лет), в нашем исследовании было показано, что у мужчин значимо возрастают значения показателей только контекстуальной жизнеспособности, более высокие в группе 26–45-летних, в то время как у женщин этой возрастной группы значимо выше показатели и индивидуальной, и семейной, и контекстуальной жизнеспособности. Однако следует отметить, что несмотря на то, что и у юношей, и у девушек в 18–25 лет, по сравнению с группами 15–17-летних, снижаются значения показателей семейной и индивидуальной жизнеспособности, а у юношей –

и контекстуальной, у последних они все равно выше, чем у девушек этого возраста (по контекстуальной при этом между ними различий нет). Таким образом, женщины 26–45 лет «догоняют» мужчин в субъективной оценке ресурсов своей жизнеспособности, и все различия между нивелируются (Лактионова, 2022). Исходя из этого, мы предполагаем, что изменения в семейном положении, рождение детей, выстраивание отношений с коллегами, развитие в профессии оказывают более глубокое воздействие на женщин, делая их более уверенными и значительно повышая их индивидуальную, семейную и контекстуальную жизнеспособность. В то время как для мужчин наиболее значимыми оказываются адаптация к условиям жизни, осознание карьерных целей и наличие профессиональных достижений. Так, по данным исследования Гареевой и Степановой, «мужчины и женщины отмечают разные факторы, оказывающие наибольшее влияние на их уровень удовлетворенности. Для мужчин на первый план выходит активная социальная жизнь, профессиональная востребованность, сексуальная активность, спорт, потребность нравиться. Для женщин важны такие факторы, как возможность помогать, семейные связи, быть любимыми». Как показывает М. М. Мишина: «от периода юности к первому периоду зрелости по мотивационному компоненту существуют значимые различия: у мужчин более выражено наличие целей в жизни, ее осмысленность, направленность на самореализацию, они альтруистичны в оценке ситуации и ориентированы на общение с принятием других; у женщин более выражены этические и индивидуалистические ценности. Эмоциональный компонент отражает выраженность экспрессивности эмоциональных переживаний, чувствительность и эмоциональность у женщин по сравнению с мужчинами. По регулятивному компоненту для женщин более характерен внешний локус контроля, отражающий уровень развития социального интеллекта и ориентацию на внешние социальные признаки, а для мужчин – самодостаточность, самоконтроль и конкретная концептуализация». Полученные нами данные согласуются с результатами исследования, проведенного Т. П. Емельяновой и Т. В. Семеновой, которые показывают, в частности, что при сравнении четырех возрастных групп молодежи «признаки тревожно-депрессивного состояния чаще встречаются в группе (17–23 года). Менее всего подвержена ему старшая группа респондентов (29–35 лет)» (Емельянова, Семенова, 2021, с. 90). В свою очередь, Е. А. Рыльская и Л. Д. Мошкина приводят полученные ими данные об «отрицатель-

ных корреляциях жизнеспособности с показателями невротичности, депрессивности и эмоциональной лабильности» у студентов 18–22 лет (Рыльская, Мошкина, 2021, с. 30). Также указывается на снижение социального статуса и автономии женщины в возрастной период, связанный с материнством, которое «является причиной гендерно обусловленной трансмиссии экономического неравенства на весь жизненный цикл женщины». Монотонность жизненных условий, потеря автономности, высокие физические и психологические нагрузки могут приводить к снижению самооценки и возникновению негативных переживаний у женщин.

Однако наше исследование, наоборот, показывает повышение субъективной оценки ресурсов жизнеспособности во всех областях в группе 26–45-летних женщин, по сравнению с 18–25-летними. Возможно, этот факт можно объяснить, исходя из тех изменений, которые происходят в гендерных отношениях и нормах в настоящее время. Так, И. С. Клецина и Е. В. Иоффе, проведя анализ целого ряда исследований, констатируют, что «женщины чаще мужчин демонстрируют новые модели ролевого поведения, которые изменяют существующие гендерные отношения» (Клецина, Иоффе, 2019, с. 74). Как отмечает И. С. Кон: «Ведущими процессами стали индивидуализация и плюрализация, позволяющие мужчинам и женщинам выбирать стиль жизни и род занятий более или менее безотносительно к их половой принадлежности, как в соответствии с традиционными нормативными предписаниями, так и вопреки им».

Литература

- Емельянова Т. П., Семенова Т. В.* Социальное самочувствие молодежи: психолого-политические аспекты // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 4. С. 87–102. doi: 10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_004
- Клецина И. С., Иоффе Е. В.* Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72–90. doi: 10.21064/WinRS.2019.3.6
- Лактионова А. И.* Возрастные и гендерные различия жизнеспособности человека. Ч. 2 // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 1. С. 96–119. doi: 10.38098/ipran.opwp_2022_22_1_005

- Махнач А. В.* Взаимосвязь ценностных приоритетов с жизнеспособностью у кандидатов в замещающие родители // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 93–113. doi: 10.17223/17267080/72/5.
- Рыльская Е. А., Мошкина Л. Д.* Жизнеспособность в структуре интегральной индивидуальности студентов // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14. № 4. С. 24–36. doi: 10.14529/jpps210403

Психологическое сопровождение образовательного процесса – важный фактор психологического здоровья обучающихся

С. А. Лахмостова (МОБУ ГКГ, Якутск)

Здоровье детей – основополагающая ценность современного образования. Психологическое здоровье детей и подростков, его поддержание и сохранение – одна из главных целей деятельности образовательных учреждений. От того, каким растёт молодое поколение, целиком и полностью зависит здоровье нашего общества в будущем, его благосостояние, качество его жизнедеятельности. Забота о психологическом здоровье детей должна быть в центре внимания всех взрослых, находящихся рядом: родителей, педагогов, представителей помогающих профессий. Жизнеспособность, или умение выживать, приспосабливаться и развиваться в изменяющихся, не всегда благоприятных, но обычных для большинства людей условиях, является предпосылкой психологического здоровья.

Ключевые слова: здоровье, ценность, общество, будущее, жизнеспособность, развитие.

Психологическое здоровье – необходимое условие полноценного функционирования и развития человека в процессе его жизнедеятельности. Психологическое здоровье характеризует личность в целом, учитывает особенности волевой, мотивационной, познавательной, эмоциональной деятельности. Психологически здоровый человек – это, прежде всего, человек спонтанный и творческий, жизнерадостный и веселый, открытый и познающий себя и окружающий мир не только разумом, но и чувствами, интуицией. Он полностью принимает самого себя и при этом признает ценность и уникальность окружающих его людей. Такой человек возлагает ответственность за свою жизнь, прежде всего, на самого себя и извлекает уроки из неблагоприятных ситуаций. Можно сказать, что «ключевым» словом для описания психологического здоровья является слово «гармония» или «баланс».

Основу психологического здоровья человека составляет нормальное развитие субъективной реальности в онтогенезе. Основная функция психологического здоровья – это поддержание активного динамического баланса между человеком и окружающей средой в ситуациях, требующих мобилизации ресурсов личности. Чтобы обеспечить ребенку условия здоровой и полноценной жизни, необходим взрослый человек. Это аксиома, не требующая сегодня доказательств. Можно сказать, что «собственно человеческое в человеке» – это всегда другой человек.

Сегодня образовательные учреждения посещает значительное число детей, чье субъективное состояние можно охарактеризовать как пограничное относительно нормы. Ситуацию, когда традиционные психолого-педагогические представления оказываются непригодными для описания и понимания реальных социально-педагогических явлений, можно назвать «понятийной катастрофой». В числе этих явлений – нарушения психологического здоровья детей, составляющие сердцевину проблематики службы психологической помощи.

Нарушения психологического здоровья, его истоки могут просматриваться с самых первых дней жизни ребенка, так что в школу некоторые дети приходят уже с «богатым багажом» трудностей, связанных с уже имеющимися нарушениями.

Среди факторов, отрицательно влияющих на психологическое здоровье школьников, выделяют смещение ориентиров с нравственных внутрисемейных ценностей на материальное и социальное положение в обществе, бесконтрольное использование подростками интернет-ресурсов, ограниченность двигательной активности обучающихся (гиподинамия), увеличение объема учебных нагрузок, ведущих к переутомлению и стрессам.

Определение уровней психологического здоровья может быть представлено следующим образом: к высшему уровню психологического здоровья, креативному, можно отнести людей с устойчивой адаптацией к среде, наличием резерва сил для преодоления стрессовых ситуаций и активным творческим отношением к действительности, наличием созидательной позиции. Такие люди не нуждаются в психологической помощи; к среднему уровню, адаптивному, людей, в целом адаптированных к социуму, однако имеющих несколько повышенную тревожность. Такие люди могут быть отнесены к группе риска, поскольку не имеют запаса прочности психологического здо-

ровья и могут быть включены в групповую работу профилактически – развивающей направленности. Низший уровень – дезадаптивный. К нему относятся люди, стремящиеся приспособиться к внешним обстоятельствам в ущерб своим желаниям и возможностям, и люди, стремящиеся подчинить окружение своим потребностям. Люди, отнесенные к данному уровню психологического здоровья, нуждаются в индивидуальной психологической помощи.

Необходимыми условиями психологического здоровья, по мнению ряда современных ученых, выступают: полноценное психическое, личностное развитие, доминирование позитивных эмоций над отрицательными, создающее преимущественно позитивное эмоциональное мироощущение. Необходимо подчеркнуть, что важной личностной характеристикой, связанной с психологическим здоровьем, является уровень позитивного принятия самого себя.

Психологическое здоровье детей имеет свою специфику. Основу психологического здоровья ребенка, по мнению И. В. Дубровиной, составляет полноценное психическое развитие на всех этапах онтогенеза. Следовательно, психологическое здоровье – это прижизненное образование, имеющее свойство постоянно меняться, более того, формироваться под воздействием внутренних, индивидуально-психологических и внешних социальных факторов.

Конкретную опасность для психологического здоровья ученика в образовательном процессе представляют прежде всего следующие факторы: во-первых, противоречие между уровнем требований того или иного учебного предмета и возможностями ученика, во-вторых, проблема контакта учителя и ученика в учебной деятельности. Даже этих двух факторов достаточно для того, чтобы у школьника появились показатели серьезного нарушения психологического здоровья: заниженная самооценка, тревожность, симптомы дезадаптации в школьном социуме, коммуникативные проблемы, неудовлетворенность происходящим.

Основные задачи психологии здоровья направлены на сохранение, укрепление и развитие здоровья; повышение уровня психологической и коммуникативной культуры; определение путей и условий для самореализации.

Наиболее эффективными для решения означенных проблем являются технологии профилактики, особенно превентивной. Необходимо помочь ребенку сохранить и укрепить здоровье, предотвратить нарушения.

Введение нового стандарта образования существенно изменяет всю образовательную ситуацию в школе, определяя точное место формам и видам приложения психологических знаний в содержании и организации образовательной среды школы. В связи с этим можно обозначить основные цели, реализация которых способствует сохранению и укреплению психологического здоровья обучающихся.

1. Обеспечение системы психолого-педагогического сопровождения для создания социально-психологических условий нормального личностного развития учащихся (в соответствии с нормой развития в соответствующем возрасте) и их социализации.
2. Организация здоровьесберегающей среды, способствующей развитию личности школьника посредством формирования условий, способствующих саморазвитию и самовыражению ребенка, использования интерактивных методов обучения здоровью.
3. Повышение открытости, гибкости и эффективности системы для обеспечения удовлетворения изменяющихся образовательных запросов семей.

Для достижения поставленных целей необходимо решить ряд задач.

1. Организация психологического сопровождения педагогов, обучающихся, родителей.
2. Развитие психолого-педагогической компетентности (психологической культуры) учащихся, родителей, педагогов.
3. Обеспечение преемственности в психологическом сопровождении на всех этапах обучения.
4. Психологическое сопровождение учащихся: адаптация к новым условиям обучения; поддержка в решении задач личностного и ценностно-смыслового самоопределения и саморазвития; помощь в решении проблем социализации (учебные трудности, проблемы с выбором образовательного и профессионального маршрута); формирование жизненных навыков; формирование навыков позитивного коммуникативного общения; профилактика нарушений эмоционально-волевой сферы; помощь в построении конструктивных отношений с родителями и сверстниками; профилактика девиантного поведения.
5. Предпрофильная ориентация.
6. Сопровождение одаренных учащихся, детей «группы риска».
7. Систематическое отслеживание динамики психологического развития ребенка.

8. Выявление особых образовательных потребностей детей с ОВЗ.

Среди критериев успешности психолого-педагогического сопровождения указываются:

- 1) успешность деятельности учащегося;
- 2) осуществление деятельности без значимых нарушений физического и психического здоровья;
- 3) удовлетворенность своей деятельностью, своим положением;
- 4) связывание своих личных планов и интересов с этой деятельностью в перспективе.

Чтобы реализовать требования, которые заложены в стандартах образования, необходимо осуществлять компетентностный подход к обучению и воспитанию, который выдвигает на первое место не информированность ученика, учителя, родителя, а их способность организовывать свою работу.

Смысл такого подхода в том, что, в первую очередь, ученик должен осознавать постановку самой задачи, оценивать новый опыт, контролировать эффективность собственных действий.

Основная направленность сопровождения – обучение детей жизненно важным навыкам, повышение психосоциальной компетентности (способности индивида к сохранению состояния психического благополучия и его проявлению в гибком и адекватном поведении во взаимодействии с внешним миром). Основой жизненно важных навыков является, в свою очередь, развитое самосознание, прежде всего, умение осознавать собственные эмоциональные состояния и регулировать их, а также чувствовать эмоциональные состояния другого человека.

К факторам, формирующим психологическое здоровье, относятся:

- 1) наличие трудных ситуаций, разрешаемых ребенком самостоятельно или с помощью взрослых, притом что предъявляемые нагрузки соответствуют физиологическим возможностям ребенка;
- 2) соответствие степени трудности возрастным и индивидуальным возможностям переживания стресса без ущерба для психологического и физического здоровья;
- 3) положительный фон настроения и фиксация на успехах ребенка с анализом причин успешных форм поведения и эмоционального реагирования.

Сохранение и укрепление психологического здоровья – одно из направлений психолого-педагогического сопровождения в условиях школы. В современной школе обучаются очень разные дети.

Значимую роль в сохранении и укреплении психологического здоровья детей и подростков в условиях образовательной среды играют, безусловно, классные руководители. Важно: формирование здорового, дружного, сплоченного классного коллектива с благоприятным психологическим климатом, создание условий для самопознания и саморазвития каждого ребенка.

Работа педагога-психолога по реализации сопровождения комплексна. Положительная динамика показателей психологического здоровья – показатель эффективности программы сопровождения.

Психолого-педагогическое сопровождение учебно-воспитательного процесса способствует сохранению и укреплению здоровья обучающихся, способствует их личностному развитию, осознанию своих особенностей, самостоятельному решению возникающих проблем, обретению уверенности.

Образовательное учреждение на современном этапе развития общества – важнейшее звено в формировании и укреплении здоровья.

Жизнеспособность, ценностно-смысловые установки и стратегии успешности педагогов, включенных в управленческий кадровый резерв

Н. В. Маркина (ГБУ ДПО «ЧИППКРО», Челябинск),
М. Е. Гумницкий (ГК «Eqvanta», Москва)

Проведено эмпирическое исследование взаимосвязей жизнеспособности, ценностно-смысловых установок и предпочитаемых стратегий успешности, которые могут выступать в качестве ресурсов профессионального становления педагогических работников. База исследования – 44 чел., слушатели курсов переподготовки по направлению «Менеджмент в образовании». Выявлено, что профессиональная жизнеспособность будущего руководителя школы формируется на основе саморегуляции и предпочтения более взвешенных решений, а образ успеха связан с его действиями. В целом профессиональная жизнеспособность является некой универсальной характеристикой личности, в структуру которой ценностно-смысловые установки и образ успешности встраиваются в процессе профессионального становления.

Ключевые слова: жизнеспособность, ценностно-смысловые установки, образ успешности, кадровый резерв.

Запрос на изучение личностных ресурсов успешной деятельности субъектов управления расширяет проблемное поле психологии личности. Актуальность этого связана с изменяющимися контекстами социально-экономических условий и новыми вызовами в сфере образования.

В более ранних наших исследованиях в качестве психологического ресурса руководителя школы рассмотрены толерантность к неопределенности, саморегуляция, а также феномен жизнестойкости. Это позволило уточнить понятие «факторы управленческой деятельности» в контексте соотношения ресурсов и дефицитов менеджеров образования. Доказано, что чем выше жизнестойкость, тем больше вероятность того, что руководители могут найти в себе смелость для оценки своих управленческих ресурсов и дефицитов. Это происходит за счет

готовности к совладанию с трудностями даже в тех случаях, когда нет гарантии на успех (параметр «контроль») и за счет готовности извлекать полезный опыт из любых ситуаций, включая ошибки и неудачи (параметр «принятие риска») (Выбойщик и др., 2022).

Близким к жизнестойкости выступает феномен жизнеспособность. В отношении руководителей жизнеспособность рассматривается Е. А. Рыльской как его общий энергетический потенциал, обеспечивающий успешность решения управленческих задач и взаимосвязанный с лидерским и управленческим потенциалом, коммуникативной компетентностью и разнонаправленно взаимосвязана с личностно-характерологическими акцентуациями (Буторина, Рыльская, 2017).

Мы разделяем положения метасистемного подхода к профессионогенезу личности, в рамках которого Л. Г. Дикой, А. В. Махначем и их коллегами введено понятие «профессиональная жизнеспособность». По их мнению, духовно-нравственный потенциал профессионала выполняет защитную функцию, являясь основой профессиональной жизнеспособности.

Целью нашего исследования является изучение особенностей профессионального становления педагогов – будущих менеджеров образования, в том числе исследование взаимосвязи показателей их жизнеспособности с ценностно-смысловыми установками и предпочитаемыми стратегиями успешности.

Предмет исследования: структура жизнеспособности, ценностно-смысловых установок и предпочитаемых стратегий успешности как ресурсов профессионального становления педагогов – будущих менеджеров образования.

Мы исходим из предположения о том, что жизнеспособность, ценностно-смысловые установки и предпочитаемые стратегии успешности могут выступать в качестве ресурсов профессионального становления педагогических работников, включенных в кадровый резерв менеджеров образования.

Методы и методики исследования

Диагностика особенностей жизнеспособности личности проведена с помощью опросника «Жизнеспособности человека» Е. А. Рыльской (Буторина, Рыльская, 2017). Для диагностики ценностно-смысловых установок использована методика диагностики адаптивности и ак-

тивной неадаптивности «Выбор пословиц» Н. В. Маркиной (Маркина, 2007). Исследование характеристик и проявления успешности проведено с использованием методики «Определение успешности» Е. Е. Сапоговой и И. В. Трухачевой (Сапогова, 2013). Для проверки соответствия нормальному распределению использован критерий Колмогорова—Смирнова. Анализ взаимосвязей выполнен с применением критерия ранговой корреляции Спирмена. Расчеты проведены в программном пакете StatSoft Statistica v. 12.

Описание выборки. В опросе приняли участие 44 чел. (педагогические работники — слушатели курсов переподготовки по направлению «Менеджмент в образовании»). Все они включены в кадровый резерв на руководящую должность.

Результаты и обсуждение

Проверка на соответствие нормальному распределению показателей используемых методик проведена с помощью критерия Колмогорова—Смирнова. Выявлено соответствие нормальному распределению показателей лишь для опросника «Жизнеспособности человека». Это определило выбор критерия ранговой корреляции Спирмена для выявления наличия корреляций между показателями жизнеспособности человека с ценностно-смысловыми установками и представлением о стратегиях успешности.

В результате исследования выявлен ряд фактов. Отметим, прежде всего, что по трем шкалам жизнеспособности средние значения по выборке соответствуют нормативному диапазону. Большинство респондентов (74,4%) показали средний уровень выраженности показателя «Способность к адаптации», и лишь один из них — низкий уровень. Это позволяет им легко приспособиться к существующим в обществе требованиям и критериям оценок, не бояться нового, быть общительными и контактными, легко усваивать нормативы поведения. По второму показателю «Способность к саморегуляции» — более яркая картина: для 65,4% респондентов выявлен средний уровень, для 34,6% — высокий уровень. Другими словами, каждый третий респондент показал, что в основе его жизнеспособность лежит способность к самостоятельному и гибкому реагированию на изменение условий, уверенность и успешность. Низких значений по этой шкале не выявлено. Обращает на себя внимание, что способность к саморазвитию как характеристика жизнеспособности для четырех респон-

дентов из пяти находится на среднем уровне. Их способность познавать себя и самосовершенствоваться, убежденность в том, что все, что случается, способствует развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, во многом зависит от ситуации, а не от человека, от наличия надежных гарантий успеха. Относительно осмысленности жизни как характеристики жизнеспособности 14,9% участников продемонстрировали низкий уровень, остальные – средний. Следовательно, данный компонент жизнеспособности может служить личностным ресурсом профессионального становления будущего руководителя, трансформации профессиональной позиции «педагог» в профессиональную позицию «руководитель» при условии его сопровождения более опытными руководителями.

Обозначенная ситуация профессионального развития отражена в структуре ценностно-смысловых установок. Способы и характер их деятельности определены ценностью осторожного, благоразумного поведения. Это позволяет им находить и воплощать проверенные, надежные способы как управленческой, так и педагогической деятельности, избегать рискованных решений. Процесс адаптации к новой профессиональной реальности концентрирует их внимание на целенаправленной деятельности, четком следовании алгоритму деятельности и актуализирует для будущих руководителей ценность познания и трудолюбия, что вполне логично.

Ответ на вопрос, каким видится будущим руководителям образ их успеха, показывает, что наиболее популярно представление: «успех всегда в твоих руках» ($n = 3,06$) и «стать успешным – значит самореализоваться» ($n = 3,0$). Уверенность в том, что «способный человек всегда успешен» ($n = 2,24$), ориентирует будущего руководителя на свои персональные ресурсы, а образ успеха «успешность и успехи имеют значение только в той степени, в которой они признаются окружающими» ($n = 2,02$), ориентирует на внешние социально-профессиональные ресурсы, на необходимость наращивать опыт интеграции своих достижений в социуме. Менее популярен среди будущих руководителей такой образ, как «успех – это дело случая» ($n = 0,7$) и «успешность определяется ресурсами микросоциального окружения» ($n = 1,00$)

Корреляционный анализ позволил определить еще два факта, раскрывающих особенности профессионального становления будущих руководителей образовательных организаций.

Во-первых, выявлены значимые корреляции между показателями жизнеспособности «способности саморегуляции», и «успех все-

гда в твоих руках» ($r = 0,487$; $p < 0,01$), и «ценностью осторожного поведения» ($p < 0,05$; $r = -0,365$). Способность к произвольной активности с целью регуляции своей деятельности в изменяющихся условиях или поддержанию эффективности в привычных видах деятельности отражает уверенность человека в том, что он способен добиваться успеха и этот успех зависит именно от его действий.

Во-вторых, обнаружена одна отрицательная корреляционная связь между показателем жизнеспособности «способность к саморегуляции» и такой ценностно-смысловой установкой как «ценность осторожного поведения» ($r = -0,365$; $p < 0,05$). Будущий руководитель школы, регулируя свою деятельность в изменяющихся условиях, предпочитает более взвешенные, выверенные решения. При этом он не склонен к деятельности с неизвестным, непредрежденным исходом. В целом стратегия успешности педагога – будущего руководителя – в большей степени связана с учетом текущей ситуации и рефлексией своих возможностей.

Заключение

Можно предполагать, что способность сохранять свою целостность, поддерживать жизнь в соответствии с требованиями социального бытия на первых этапах профессионального становления не связана явно с ценностно-смысловыми установками и образами успешности. Жизнеспособность является некой универсальной характеристикой личности, направленной на поддержание деятельности человека и его способности адаптироваться к окружающим условиям, независимой от типа активности.

Литература

- Буторина О. С., Рыльская Е. А.* Жизнеспособность в структуре личностно-профессионального потенциала руководителя // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 4. С. 134–151.
- Выбойщик И. В., Маркина Н. В., Юсупова Ю. Л., Гумницкая А. С.* Жизнестойкость и факторы управленческой деятельности менеджеров образования с различным стажем и статусом: ресурсный подход // Психология. Психофизиология. 2022. Т. 15. № 2. С. 5–18. doi: 10.14529/jpps220201

- Маркина Н. В.* Методика диагностики адаптивности и активной неадаптивности // Социальная психология творчества – 2007. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2007. С. 153–163.
- Махнач А. В., Дикая Л. Г.* Мировоззренческая направленность как компонент жизнеспособности человека в социоэкономических профессиях // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 1. С. 62–91.
- Сапогова Е. Е.* Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013.

Жизнеспособность семьи в России: современные направления исследований

А. В. Махнач (ИП РАН, Москва)

В статье представлены основные современные направления изучения феномена жизнеспособности семьи. Приводится определение «жизнеспособность семьи». Подчеркивается значение неопределенности как фактора риска для жизнеспособности семьи. Выделены следующие направления изучения этого феномена в семье: с детьми с особыми потребностями, со старшим поколением, замещающей, мигрантов, в семьях военнослужащих.

Ключевые слова: жизнеспособность семьи, ресурсы семьи, факторы риска, неопределенность.

На жизнеспособность семьи как интегральную характеристику ее способности жить и развиваться обращено внимание исследователей в связи с влияниями на нее факторов риска, угрожающих ее идентичности, культурным особенностям, принятому стилю жизни. Семьи с пожилыми членами, с девиантными подростками, детьми с особыми потребностями, молодые, монородительские семьи, семьи мигрантов, участников СВО – все могут быть жизнеспособными. С уверенностью скажем, что все виды семей требуют внимания ученых-психологов, так как специфическое для каждой группы семей феномены не только сложны по природе, объемны, динамичны, но и зависимы от увеличивающегося влияния фактора неопределенности. Как следует из этого, неопределенность является фактором риска для жизнеспособности семьи и связана с тем, как семья справляется с жизненными обстоятельствами, обращается к своим ресурсам. П. Босс среди основных характеристик жизнеспособности семьи выделяет терпимость к неопределенности. В исследовании жизнеспособности семьи в связи с ощущениями неопределенности в ней показано, что большая неопределенность приводит к меньшей жизнеспособности семьи. По мнению А. В. Брушлинского: «Если в послесталинском прошлом психологическим выигрышем для час-

ти населения была определенность, стабильность, некоторая уверенность в завтрашнем дне, то теперь она для многих, если не для всех утрачена. Временно почти все стало временным, но тем большая надежда на возвращаемые в Россию вечные духовные ценности (свобода, творчество, труд, стремление к независимости, семья и т. д.)» (Брушлинский, 1994, с. 86).

В российской психологии с 2012 г. в РИНЦ проиндексировано всего 36 статей, в которых отражена проблематика жизнеспособности семьи. Выделим также появление в российской психологии новых понятий: «жизнеспособность замещающей семьи» (Лактионова, 2016; Махнач, 2019; Окунева, 2021; и др.), «жизнеспособность воспитанника детского дома», «жизнеспособность приемного ребенка», которые в чем-то расширяют феноменологию родового понятия – жизнеспособность.

По нашему определению, «жизнеспособность семьи – это ее системная характеристика, благодаря которой она способна отвечать на стрессы различного генеза с использованием свойственных именно ей защитных факторов и семейных ресурсов (индивидуальные, семьи как системы, ресурсы внешней среды), предполагающих умение и готовность семьи совладать, меняться, адаптироваться и развиваться» (Махнач, 2016, с. 207). Семейные ресурсы складываются из индивидуальных психологических ресурсов каждого члена семьи, и эти ресурсы по прошествии нескольких лет существования семьи становятся семейными. Например, в замещающей семье наличие сформированных семейных ресурсов и умение ими пользоваться способствуют взаимной адаптации семьи и приемного ребенка, совладанию с возможными трудностями и дальнейшему развитию семьи (Махнач и др., 2014).

Характеристики жизнеспособности семьи тесно связаны с семейными ресурсами, к которым семья обращается постоянно – как в неблагоприятных, так и в радостных событиях жизни. Ресурсы позволяют семье не только выдержать влияние кризиса, но и выйти из него с опытом совладания с ним, сделав свой вклад в усиление жизнеспособности семьи. С началом исследований жизнеспособности семьи фокус изучения сместился с отдельного члена семьи на всю семью. Семья перестала быть только контекстом, в рамках которого объяснялась исследуемая семейная феноменология, целостный подход к изучению семьи спровоцировал интерес к ней как к субъекту.

Интересно отметить, что в зарубежной психологии системный подход к жизнеспособности семьи как системе отчетливо заявил о себе относительно недавно – с началом пандемии COVID-19, серьезными трансформациями в общественной жизни, массовой трудовой миграцией, вынужденной миграцией из-за военных действий. В России глобальные события также вызвали интерес к жизнеспособности общества, города, предприятия. По-видимому, в изучении жизнеспособности больших социальных групп не всегда существует возможность охватить все системы, определяющие суть этого предмета исследования, но попыткам включения в анализ более широкого круга характеристик жизнеспособности обеспечен успех, так как для уже полученных результатов не хватает методологии и методов одной научной дисциплины.

По нашему мнению, такие события, как пандемия, войны, сокращение локальных ресурсов для жизнедеятельности целых народов, оказывающих сильное влияние все социальные институты, в том числе на семью, требуют обязательной консолидации социальных (общества, государства), семейных (расширенной семьи) и личных (каждого члена семьи) ресурсов. Отметим, что, несмотря на усиление влияния фактора неопределенности на семью, число работ по тематике ее жизнеспособности по-прежнему незначительно. Предполагаем, что с учетом изменения форм семей и ростом неопределенности в социально-экономическом аспектах жизнедеятельности семьи подход, основанный на концепции жизнеспособности семьи, станет определяющим в изучении феноменологии современной семьи. Согласимся с классиком исследований жизнеспособности семьи Ф. Уолш: такой подход «подготовит» семьи к неопределенности и будущим проблемам благодаря взаимной поддержке, гибкости и инновациям, которые понадобятся для эволюционной выносливости семьи в быстро меняющемся мире.

Представим несколько направлений современных исследований жизнеспособности семьи.

1. Жизнеспособность семей с детьми с особыми потребностями. Среди основных характеристик жизнеспособной семьи, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, выделяют следующие: возможность самовыражения членов семьи, их общая включенность в заботу о проблемном ребенке, поиск решения проблемы ребенка, открытость, информированность,

гармоничное соотношение между заботой о ребенке и потребностями во внимании других членов семьи.

2. Жизнеспособность старшего поколения семьи. Одним из ключевых факторов развития жизнеспособности и, следовательно, долголетия является творческое начало человека, активная жизненная позиция, лежащие в основе субъектности личности. Старшие члены семьи, поддерживаемые детьми и внуками, способны полноценно участвовать в жизни расширенной семьи, оказывать существенное влияние на формирование ее жизнеспособности: своим примером активной жизни, рассказами о том, как быть и оставаться жизнеспособным в любой трудной ситуации, о семейных ресурсах. При этом социальные контакты за пределами семьи позволяют поддерживать активность в пожилом возрасте, включаться в разнообразные виды деятельности.
3. Жизнеспособность замещающих семей. В ряде работ отечественных авторов анализируется психологическая работа с замещающей семьей и приемными детьми, которая проводится с целью развития ее жизнеспособности. Исследования жизнеспособности замещающих семей позволили изучить специфику этой группы, выраженность компонентов их жизнеспособности и определить взаимосвязанность этих компонентов с семейными ресурсами (Лактионова, Махнач, 2015; Махнач, 2019; и др.).
4. Жизнеспособность семей военнослужащих. Жизнеспособность семей военнослужащих – малоизученная тема в российской психологии. В редких работах обсуждаются вопросы, связанные с развитием жизнеспособности, влияющей на адаптацию всех членов семей военнослужащих и особенно в молодых семьях. Проведен анализ индивидуально-психологических особенностей военных специалистов с различным уровнем жизнеспособности и оценена роль семейных традиций и значение семейного окружения в профессиональном самоопределении военнослужащего (Котовская, 2015).
5. Жизнеспособность семей мигрантов. Исследования жизнеспособности семьи другой большой группы – мигрантов, в частности, крайне ограничены неповоротливостью применения к этой группе нормативно-правовых актов, которые по смыслу и поддержке должны быть направлены на ускорение процедур, а следовательно, скорейшей адаптации мигрантов в нашем обществе. За неимением отечественных исследований по жизнеспособности

этой социальной группы обратимся к иностранному источнику. При изучении жизнеспособности семей мигрантов в исследовании описываются четыре понятия, которые помогают объяснить, как на макроуровне регулируется и контролируется повседневная жизнь мигрантов, какие факторы оказывают существенное влияние на их жизнеспособность: а) неопределенность и разделенность семьи; б) экосистемные травмы и стресс; в) ограниченный капитал для перемещения; г) эрозия коллективизма и солидарности сообщества иммигрантов. Миграция в другую страну, несомненно, затрагивает семью, многое в ней меняет, и поэтому важно, что появляется новый, практически неизученный предмет исследования — жизнеспособность семьи мигрантов. В зарубежной психологии ресурсность этой многочисленной социальной группы для принимающей страны очевидна, и поэтому как способы сохранения национальной идентичности и одновременно важность интеграции в новом обществе, так и характеристики ее жизнеспособности исследуются с разных сторон. В российской психологии тема семей мигрантов представляет научный интерес для очень небольшого круга. Стоит напомнить, что уже более тридцати лет после распада СССР это социальное явление — перемещение семей в Россию — охватывает несколько миллионов человек. По итогам 2022 г. количество трудовых мигрантов достигло 3,47 млн, что на 871 тыс. человек больше, чем годом ранее*. Также почти 700 тыс. иностранцев получили российское гражданство в 2022 г., а это означает, что семьи новых россиян испытывают влияние неблагоприятных факторов социальной среды в ходе адаптации к условиям жизни с высокой степенью неопределенности.

Таким образом, поиск предикторов жизнеспособности семьи в условиях неопределенности является сложной научной задачей. Недостаточно изучены феномены жизнеспособности семьи в потенциально опасных ситуациях или в условиях переживания стресса различного генеза. Остается открытым вопрос использования опыта переживания таких ситуаций, как алгоритма для жизнеспособности семьи в следующей подобной ситуации. И наконец, можно ли, перефразировав Л. Н. Толстого, сказать: все жизнеспособные семьи похожи друг на друга, каждая нежизнеспособная семья нежизнеспособна

* URL: <http://FinExpertiza.com>.

по-своему? Ответив на этот вопрос, исследователи получают широкий спектр вариаций феномена жизнеспособности семьи, уникальное и общее о нем.

Литература

Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.

Котовская С. В. Роль семьи в профессиональном самоопределении лиц трудных профессий с разным уровнем жизнеспособности // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2 / Под ред. А. В. Махнач, К. Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 215–224.

Лактионова А. И. Развитие жизнеспособности замещающей семьи в процессе ее сопровождения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 254–271.

Махнач А. В. Жизнеспособность замещающей семьи как малой социальной группы: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2019.

Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В. Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 166–193.

Жизнестойкость как предиктор конструктивных форм патриотизма у подростков с девиантным поведением*

А. В. Микляева (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург),
И. А. Горьковая (СПбГПМУ, Санкт-Петербург)

Представлены результаты исследования вклада жизнестойкости в развитие патриотизма у подростков с девиантным поведением. На материале обследования 48 подростков в возрасте 14–18 лет, проведенного с помощью опросника конструктивного патриотизма и краткой версии опросника жизнестойкости, показано, что жизнестойкость является положительным коррелятом конструктивных форм патриотизма подростков с девиантным поведением, а контроль как один из ее компонентов выступает значимым предиктором конструктивности патриотических установок в данной группе. Обсуждается взаимосвязанность задач психологического сопровождения личностного становления подростков и формирования у них конструктивных патриотических установок.

Ключевые слова: патриотизм, конструктивный патриотизм, жизнестойкость, подростки, девиантное поведение.

В современной социальной ситуации большое внимание уделяется патриотическому воспитанию подростков и молодежи, что определяет рост исследовательского интереса к данному феномену. В психологии наиболее широкое распространение имеет трактовка патриотизма как социальной установки, которая отражает привязанность человека к своей нации, опирающаяся на устойчивую систему социальных ценностей. В качестве механизма формирования патриотических установок рассматривается процесс становления и укрепления национальной идентичности, которая обеспечивает эмоциональную привязанность к стране, субъективную значимость национальной принадлежности, а также готовность действовать на благо своей страны. Последний из перечисленных аспектов определяет диффе-

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-00482. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00482>.

ренциацию «конструктивной» и «слепой» (в некоторых исследованиях называемой «традиционной») форм патриотизма, которые объединяет любовь к своей стране, но различает готовность прилагать усилия для улучшения ситуации (Schatz et al., 1999). Конструктивный патриотизм детерминирует активность, направленную на благо общества, отмечены его взаимосвязи с различными формами просоциального поведения в контексте ориентации на долгосрочные цели (Rupar et al., 2021).

В литературе имеются данные о том, что содержание патриотических установок изменяется с возрастом. Можно предполагать, что эти изменения обусловлены закономерностями социального становления личности на разных этапах жизненного пути. В некоторых исследованиях показана связь между формированием патриотических установок и личностным созреванием подростков и молодежи (Kobilov, 2021). На этом основании мы предполагаем, что изучение факторов становления патриотических установок может включать в себя учет личностных ресурсов человека, обеспечивающих его успешную социальную адаптацию и индивидуальное благополучие (понимаемое в данном контексте в эвдемонической трактовке). В данной статье рассматривается взаимосвязь патриотических установок подростков с их жизнестойкостью, позволяющей личности выдерживать стрессовые ситуации, сохраняя при этом продуктивность деятельности, что гипотетически может поддерживать проявления конструктивного патриотизма в условиях глобальных социальных изменений, а также неопределенности личных жизненных перспектив, которая во многом свойственна подростковому возрасту в целом и особенно ярко проявляется у подростков с девиантным поведением, традиционно рассматриваемых в качестве «группы риска» в контексте задачи формирования просоциальных форм активности.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 48 подростков в возрасте 14–18 лет, воспитанники школы-интерната для обучающихся с девиантным поведением, в том числе 27 юношей и 21 девушка. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью опросника конструктивного патриотизма (Васильева, Микляева, 2023) и сокращенной версии теста жизнестойкости С. Мадди (Осин, Рассказова, 2013). Статистическая обработка осуществлялась с помощью программного пакета

Statistica v. 10.0 и включала расчет описательных статистик ($M \pm S$), оценку статистически значимых различий с помощью критерия Манна–Уитни, корреляционный анализ (r_s по Спирмену) и регрессионный анализ (R^2 , b).

Результаты

Согласно полученным результатам, обследованная выборка по оцениваемым показателям однородна (статистически значимых различий по полу и возрасту не обнаружено), что позволило анализировать совокупный массив данных без учета социально-демографических переменных. Анализ показателей патриотизма позволил отметить преобладание его конструктивных форм над неконструктивными ($27,27 \pm 4,77$ и $23,48 \pm 5,23$, соответственно). При этом 37,5% обследованных подростков характеризуются низким уровнем жизнестойкости, 8,3% – высоким уровнем, остальные 54,2% демонстрируют средний уровень жизнестойкости. Описательные статистики составили $18,60 \pm 4,93$ для шкалы вовлеченности, $14,92 \pm 4,34$ для шкалы контроля, $9,81 \pm 4,08$ для шкалы принятия риска и $43,33 \pm 11,74$ для суммарного показателя жизнестойкости.

Корреляционный анализ позволил зафиксировать положительные взаимосвязи между показателями конструктивного патриотизма, с одной стороны, и показателем контроля ($r_s = 0,59$ при $p < 0,01$), а также суммарным показателем жизнестойкости ($r_s = 0,33$ при $p < 0,05$) – с другой стороны. С помощью регрессионного анализа показано, что компоненты жизнестойкости не определяют показатели неконструктивного («слепого») патриотизма ($R^2 = 0$), однако контроль является значимым предиктором конструктивного патриотизма, определяя 17% его дисперсии ($b = 0,56$ при $R^2 = 0,17$).

Обсуждение и выводы

Результаты, полученные в нашем исследовании, демонстрируют значимые статистические взаимосвязи между жизнестойкостью подростков с девиантным поведением и конструктивностью их патриотических установок. Как уже отмечалось выше, конструктивные патриотические установки предполагают готовность человека к реализации своих патриотических чувств в форме реальных действий и поступков, направленных на то, чтобы внести вклад в благополучие и развитие

своей страны, и жизнестойкость в этом контексте, вероятно, выступает личностным ресурсом, поддерживающим устойчивость патриотической направленности личности в потоке противоречивой информации, суждений и мнений, обеспечивая надежное совладание со стрессом неопределенности и поддерживая конструктивность патриотических установок. Показательно, что статистически значимым предиктором конструктивного патриотизма оказался такой компонент жизнестойкости, как контроль, представляющий собой убежденность в том, что с помощью собственной активности можно влиять на результат происходящего на фоне осознания границ возможностей своего влияния и потенциальной неопределенности результатов собственных действий. На основании этих результатов можно с большой долей вероятности предполагать, что жизнестойкость поддерживает конструктивные патриотические установки подростков с девиантным поведением благодаря тому, что обеспечивает им возможность ощущать собственный вклад в происходящее в стране и тем самым укреплять личностную устойчивость и «укорененность» в актуальных практиках просоциальной активности.

Результаты нашего исследования указывают на то, что работа, направленная на формирование патриотических установок подростков и ориентированная на развитие у них конструктивных форм патриотизма, должна включать в себя элементы, связанные с формированием личностных ресурсов подростков, которые обеспечили бы им возможность устойчиво реализовывать конструктивные патриотические установки в своем поведении. Для подростков с девиантным поведением таким ресурсом, согласно нашим результатам, является жизнестойкость и особенно такой ее компонент, как контроль. Перспективы исследования связаны с проверкой вклада жизнестойкости в формирование конструктивных патриотических установок у подростков с условно нормативным поведением, а также с выявлением иных, помимо жизнестойкости, личностных ресурсов конструктивного патриотизма в подростковой среде.

Литература

Васильева С. В., Микляева А. В. Опросник конструктивного патриотизма (подростковая версия): содержательная валидность и психометрические характеристики // Психология человека в образовании. 2023. № 3.

- Осин Е. Н., Рассказова Е. И.* Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2013. № 2. С. 147–165.
- Kobilov N. M.* Differences between family and state education in patriotic education of young people and principles of ensuring their membership // Eurasian Journal of Humanities and Social Sciences. 2021. V. 3. P. 26–28.
- Rupar M., Jamróz-Dolińska K., Kołeczek M., Sekerdej M.* Is patriotism helpful to fight the crisis? The role of constructive patriotism, conventional patriotism and glorification amid the COVID-19 pandemic // European Journal of Social Psychology. 2021. V. 51 (6). P. 862–877. doi: 10.1002/ejsp.277
- Schatz R. T., Staub E., Lavine H. G.* On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // Political Psychology. 1999. V. 20. P. 151–174.

Социально-психологические факторы, влияющие на жизнеспособность тувинских семей

С. М. Момбей-оол (ФГБОУ ВО «ТувГУ», Кызыл),
В. Л. Ситников (СПБУ МВД РФ, Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются этнонациональные и социально-экономические факторы, которые сказываются на жизнеспособности тувинских семей. Выявлено, что на жизнеспособность тувинских семей влияет большое количество факторов, включающих социально-экономические, исторические и другие виды факторов.

Ключевые слова: жизнеспособность, этнос, тувинцы, семья, культура.

Ученые из разных сфер и областей исследования называют современное общество транзитивным, что действительно отражает суть состояния нынешнего общества (Федотова, 2010). Понятие транзитивности используется в данном контексте как состояние переходности и промежуточности между историческими периодами общественно-го развития. Переходный период рождает фоновое состояние тревожности, особенно в совокупности с неопределенностью будущего. Отсутствие чувства защищенности и базовое чувство тревоги связано с развитием таких глобальных проблем современности, как проблема глобальной пандемии, проблемы идейных и идеологических конфликтов мирового сообщества, проблема морали и нравственности, международного терроризма. Это связано, в первую очередь, с увеличением вероятности смерти человека от эпидемий, массовых беспорядков, террористических атак и экологических катастроф (Александрова, 2004).

Весьма значимым данное исследование представляется в силу специфики республики, которая, по статистике последних лет, стоит на 85-м месте среди регионов России по качеству жизни, а по ее продолжительности отстает на 6 лет от общероссийской. Также в регионе достаточно высокие показатели смертности из-за внешних причин и психосоматических заболеваний (сердечно-сосудистых, онкологиче-

ческих и инфекционных). Особенности социально-экономического развития напрямую влияют на жизнеспособность человека и семей.

Нельзя не заметить, что при кажущейся многоаспектности и обширности исследований еще многие свойства и механизмы жизнеспособности семей требуют дополнительного рассмотрения и исследования.

Тувинский этнос как представитель самобытной восточной культуры имеет собственную специфику культивирования и воспитания жизнестойкого поведения, обеспечивавшего развитие и воспроизводство своего рода. Сегодня в воспитании подрастающего поколения можно наблюдать некоторую «резкоконтинентальность» и противоречивость, которая обусловлена историческими трансформационными процессами.

Нынешнее столетие ознаменовано появлением новых социальных проблем и сложностей. В условиях растущей глобализации и стирания этнопсихологических границ встает вопрос о трансформации многих явлений психики. Необходимо иметь в виду, что наблюдается рост национального самосознания и активное приобщение к этнокультурным традициям. На сегодняшний день Тыва и мир в целом проходят переломный период. Это сказывается как на общей удовлетворенности жизнью, так и на эмоциональном состоянии человека. Довольно частыми явлениями становятся состояния фрустрации, беспомощности, потери идентичности (особенно трудовой). Мощную силу имеет социальная неопределенность, часто вызывающая повышенную тревожность и фрустрацию личности. А. Н. Фомина справедливо отмечает, что «социальная стратификация порождает изменения уровня притязаний, мотивации, эмоционального самочувствия, общего чувства благополучия» (Фомина, 2012).

Из этнонациональных факторов, способствующих развитию того или иного уровня жизнестойкости, существует еще один довольно значимый фактор – религия. Тыва является территорией религиозной синкретичной традиции, для нее характерны приверженность нескольким религиям (Хомушку, 2006). На традиционный шаманизм накладывается буддизм, который проник на территорию современной Тувы в XVII–XVIII вв. Шаманизм и ламаизм оставили глубокий отпечаток на психологическом облике и характере тувинцев. Это терпимость, духовность, стремление к гармонии и уважительность.

Нами в период с 2022 по 2023 г. в Республике Тыве было проведено исследование жизнеспособности тувинских семей. Выбор ре-

спондентов определялся, в частности, тем, что, по статистике последних лет, качество жизни в Республике Тыве занимает последнее место в Российской Федерации. В исследовании приняли участие 470 респондентов, из них 83% женщины, 17% мужчины. Возрастной состав выборки: с 18 до 35 лет. Средний возраст респондентов – 25,3.

Методики исследования: Шкала оценки жизнеспособности семьи (Family Resilience Scale, FRAS) в адаптации Е. С. Гусаровой, М. А. Одинцовой, М. Г. Сороковой (2021), а также методика «Жизнеспособность взрослого человека» А. В. Махнача. Методики были отобраны для сравнения в ближайшем будущем жизнеспособности семей у людей, имеющих разный уровень жизнеспособности.

Результаты исследования показали следующее.

1. В республике неравномерное соотношение представителей разного пола: женщин – 52,7%, мужчин – 47,3%. Это связано с высокими показателями смертности мужчин в трудоспособном возрасте от внешних причин (отравление алкоголем, травмы, ДТП, суициды), болезней и неустановленных причин. Средний возраст населения республики – 26,1 года. Молодежь и дети составляют 62,7% всего населения.
2. В Тыве типичное количество детей в семьях 3–4 чел. и выше. Доля многодетных семей в республике по статистике за 2021 г. – 32,2% (пять и более членов семьи). В республике высокий уровень разводов и достаточно высокие показатели мужской смертности, что приводит к росту числа неполных семей.
3. Тувинские мужчины находятся в ситуации внутриличностного и социально-статусного конфликта. Интроецированность, повышенные ожидания от мужчин, наряду со сравнительно невысокими возможностями самореализации, являются следствием конфликта между уровнем притязаний и оценкой своей личности. Аналогичная ситуация с ролью и образом женщины в этносе. Множественность и разнообразие ролей современной женщины как матери, дочери, супруги достаточно часто, особенно в Тыве, вынужденной выполнять обязанности основного кормильца – главы семьи, предъявляют повышенные требования к жизнестойкости и репертуару копинг-стратегий. И все эти факторы становятся серьезными вызовами для жизнеспособности человека и его семьи.
2. Полученные данные создают предпосылки к дальнейшему изучению жизнеспособности тувинских семей в связи с социально-

перцептивными образами. Необходимы дальнейшие исследования, которые позволят исследовать кросс-культурные различия жизнеспособности семей.

Литература

- Александрова Л. А.* Психологические ресурсы адаптации личности к условиям повышенного риска природных катастроф: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Момбей-оол С. М.* Социальная перцепция, жизнестойкость и копинг-стратегии тувинской молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2022.
- Федотова М. Г.* К содержанию понятия «Транзитивное общество» // Вестник ВятГУ. 2010. № 4. С. 28–31.
- Фоминова А. Н.* Жизнестойкость личности. М.: МПГУ, 2012.
- Хомушку О. М.* Религиозный синкретизм у народов Саяно-Алтая: Дис. ... д-ра философ. наук. М., 2006.

Жизнеспособность будущих специалистов в современном мире неопределенности

Т. С. Мороз (ФГБОУ ВО «ТулГУ», Тула)

В работе предлагается рассматривать вопрос жизнеспособности будущих специалистов в мире неопределенности на стыке научных направлений – психологии и экономики. Предмет исследования: профессиональная жизнеспособность в ситуации неопределенности. С целью развития жизнеспособности специалиста в профессии нужно учитывать компоненты профессиональной Я концепции «Я-изменяющееся», что даст возможность точно и быстро воспринимать изменения, связанные с профессиональной деятельностью. Компонентами «Я-изменяющееся» являются показатели субъектных ориентаций, толерантность к неопределенности, принятие риска, гибкость, ответственность, адаптивность, самостоятельность, психологическая активация.

Ключевые слова: жизнеспособность, неопределенность, Я-концепция, профессиональная успешность, специалист.

В современной быстро меняющейся экономике, которая сегодня характеризуется как мир неопределенности, главным ресурсом производства являются специалисты, которые готовы к овладению новыми профессиональными компетенциями. Компетенции в области прорывных технологий дадут надежный ресурс в любой сфере производства, бизнеса. Тенденция современного времени характеризуется ситуацией нестабильности, ситуацией неопределенности, неясности будущего, которая не позволяет плавно войти в профессию молодому поколению. Такая ситуация провоцирует дезориентацию в складывающихся современных условиях. Понятие неопределенности активно исследуется в разных научных специальностях. Широкое определение категории неопределенности представлено А. Г. Асмоловым как меняющийся мир и меняющиеся личность (Асмолов, 2015). Ученые отмечают, что для того, чтобы молодым людям реализовать свои способности в ситуации неопределенности, неясности, нужно обладать высокой жизнеспособностью. Категорию жизнеспособность из-

учают исследователи различных направлений, к которым относятся психология, социология, политология и др. В психологии наиболее развернута категория жизнеспособности в исследованиях А. В. Махнач, А. И. Лактионовой с позиции управления личными ресурсами (Махнач, Лактионова, 2007). Зарубежные исследователи жизнеспособность рассматривают в русле позитивной психологии, к которой относится жизнестойкость С. К. Кобейса, С. Р. Мадди, посттравматический рост Л. Кэлхаун. Отечественная психология рассматривает жизнеспособность в качестве ресурса личности — Б. Г. Ананьев, в качестве критерия жизненной удовлетворенности — Е. А. Рыльская, в качестве жизнеспособности профессиональной — Р. А. Березовская. В качестве прогноза профессий будущего инновационный центр Сколково разработал атлас новых профессий, которые войдут в нашу жизнь в будущем в 23 экономических сферах.

Появление новых профессий неразрывно связано с изменениями в образовании. Образовательные организации должны готовить специалистов, способных работать с прорывными технологиями. Особое внимание в этой связи принадлежит преподавательскому составу образовательных организаций, который рассматривается как человеческий капитал. Именно такой подход дает возможность рассматривать жизнеспособность человека, его благополучие и безопасность в междисциплинарном ракурсе. С таких позиций рассматривает человеческое поведение нобелевский лауреат Г. Беккер и основатель транзактного анализа Э. Берн, которые поведение человека предложили объяснять с позиции экономических категорий (Берн, 1964).

Целью исследования стало выявить особенности жизнеспособности будущих специалистов в современном мире неопределенности. В новых условиях неопределенности, неясности залогом профессиональной жизнеспособности будущих специалистов является кадровый состав образовательной организации, человеческий капитал. Активизация человеческого капитала связана с психологической готовностью к личностным изменениям.

С целью развития жизнеспособности специалиста в профессии преподавателя образовательной организации нужно учитывать компоненты профессиональной Я-концепции «Я-изменяющееся», что даст возможность точно и быстро воспринимать изменения, связанные с профессиональной деятельностью. А при возникновении новых вызовов современности обладает высокой готовностью к последующим новым изменениям, ориентированным на образ челове-

ка «будущего». Компонентами «Я-изменяющееся» являются показатели субъектных ориентаций, толерантность к неопределенности, принятие риска, гибкость, ответственность, адаптивность, самостоятельность, психологическая активация. Компоненты «Я-изменяющегося» взаимосвязаны с эффективными глубинными личностными сценариями.

Целью первого этапа исследования стало выявление взаимосвязи карьерной успешности с личностными сценариями (Карпов, Мороз, 2014). Второй этап проводился на базе Института повышения квалификации, Полицейской академии, Технологического колледжа г. Тулы.

Выборку исследования составили 185 женщин, работающих педагогами в средних учебных заведениях Тульской области. На основании результатов, полученных по методике Е. Ю. Коржовой, вся выборка разделена на три подгруппы по типам субъект-объектных ориентаций.

Респонденты первой подгруппы – потребители жизненной ситуации – составили 78% выборки. Респонденты второй подгруппы – гармонизаторы жизненной ситуации – составляли 12% выборки, респонденты третьей подгруппы – преобразователи жизненной ситуации – составили 10% выборки. Таким образом, субъектными ориентациями обладает только 22% испытуемых.

Представители самой большой подгруппы – потребители жизненной ситуации – к новым личностным изменениям не готовы, самосовершенствование для них не является приоритетным. Они с легкостью приспосабливаются к трудным жизненным ситуациям, жизненных целей себе не ставят. Гармонизаторы жизненной ситуации готовы к личностным изменениям, стремятся к самосовершенствованию, у них разнообразные цели в жизни. Они активно участвуют в получении новых профессиональных компетенций для обучения и воспитания молодого поколения. У преобразователей жизненной ситуации выявлена готовность к новым профессиональным личностным изменениям на протяжении будущих 5–15 лет. Преобразователи жизненной ситуации имеют ярко выраженную тенденцию к самосовершенствованию, наблюдается стремление понять свое профессиональное предназначение. Они имеют высокие показатели самостоятельности, активации и жизнестойкости. Выражены характеристики гибкости, моделирования. Преобразователи жизненной ситуации быстро находят ориентиры в новых жизненных обстоятельствах, стремятся осваивать свой внутренний мир. Выявлена глубинная установ-

ка на основании опросника В. В. Козлова – способность к оказанию помощи человеку, вне зависимости от выгоды, от его положения в обществе. Они готовы к постоянным личностным изменениям в процессе профессиональной деятельности.

Таким образом, были выявлены компоненты профессиональной Я-концепции «Я-изменяющееся» – показатели субъектных ориентаций, толерантность к неопределенности, принятие риска, гибкость, ответственность, адаптивность, самостоятельность, психологическая активация. Выявлена взаимосвязь компонентов «Я-изменяющегося» с эффективными глубинными личностными сценариями.

Литература

Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. URL: <https://tovievich.ru/news/6781-asmolov-ag-psihologiya-sovremennosti-vyzovy-neopredelennosti-slozhnosti-i-raznoobraziya.html> (дата обращения: 30.05.2023).

Карпов Е. Б., Мороз Т. С. Влияние глубинных личностных сценариев в карьере мужчин и женщин // Акмеология. 2014. № 51 (2). С. 97–99.

Махнач А. В., Лактионова А. И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 290–312.

Bern E. Games People Play. N. Y.: Ballentine, 1964.

Исследование взаимосвязи между восприятием детско-родительских отношений и показателями жизнеспособности подростков старшего возраста*

Н. В. Мотовилова (НГТУ, Новосибирск),

В. А. Капустина (НГТУ, Новосибирск)

Статья содержит результаты эмпирического исследования по выявлению взаимосвязей между удовлетворенностью детско-родительскими отношениями подростков старшего возраста и уровнем их жизнеспособности (N = 75). В результате проведенного эмпирического исследования были выявлены значимые корреляционные связи между удовлетворенностью детско-родительскими отношениями и всеми компонентами жизнеспособности подростков старшего возраста.

Ключевые слова: жизнеспособность подростков старшего возраста, детско-родительские отношения.

В советской психологии термин «жизнеспособность» впервые был введен Б. Г. Ананьевым и рассматривался как «сущность силы энергетического потенциала человека, продуктивность его поведения, как субъекта в условиях экстремальной ситуации и результативность его деятельности, направленная на поиск выхода из нее» (Ананьев, 2001).

Вновь интерес к исследованиям феномена жизнеспособности возник лишь в последние десятилетия, что, вероятно, связано с повышением уровня социальной тревожности и неопределенности при постоянно меняющихся жизненных условиях, трансформацией социальных институтов (семьи, труда, образования, здравоохранения и др.) и общей утратой ощущения стабильности.

В отечественной науке понятие «жизнеспособность» достаточно давно используется во многих естественных и гуманитарных науках. В психологии же этот феномен стал изучаться только последнее десятилетие. Так, А. В. Махнач и А. И. Лактионова предложили следующее определение: «Жизнеспособность – это индивидуальная спо-

* Исследование проведено при поддержке НГТУ, проект С23-13.

способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» (Махнач, Лактионова, 2007, с. 294). Таким образом, А. В. Махнач впервые ввел в качестве отдельного компонента жизнеспособности нравственно-духовный потенциал личности человека.

Согласно социокультурной концепции А. В. Махнача, в структуру модели жизнеспособности включены шесть взаимосвязанных компонентов (пять внутренних и один внешний): самооффективность, настойчивость, совладание и адаптация, внутренний локус контроля, семейные/социальные взаимосвязи, духовность/культура. Каждый из этих компонентов включен в один из контекстов и вносит свой вклад в формирование и поддержку жизнеспособности человека. Семейные ресурсы при этом складываются из индивидуальных психологических ресурсов каждого члена семьи и ресурсов, которые присущи семье как системе, составляя жизнеспособность человека и семьи в целом (Махнач, 2016).

Ценность и смысл термина «жизнеспособность» относится к идеалу возможности достижений. Жизнеспособность личности рассматривается как лежащий в основе развития детей и подростков фактор, компоненты которого являются универсальными и для детей, и для подростков, и для взрослых. Различие состоит в том, что в детском возрасте эти компоненты только начинают формироваться, у подростков их развитие получает новое содержание, а жизнеспособность взрослого человека в большей мере зависит от степени их сформированности в предыдущие периоды (Лактионова, 2017).

Подростковый возраст является непростым периодом в жизни каждого человека, при этом в ситуациях нестабильности окружающего мира подросток вынужден искать внешние опоры, которыми могут стать отношения в семье. Особенности и характер детско-родительских отношений являются одним из важнейших факторов, который либо способствует, либо затрудняет развитие личности ребенка.

На сегодняшний день тема оптимального проживания и преодоления сложных периодов жизни подростком является достаточно актуальной. Поэтому крайне необходимо провести исследование и выявить взаимосвязь между восприятием подростком характера детско-родительских отношений и становлением его жизнеспособности.

Объект исследования – жизнеспособность подростков старшего возраста.

Предмет исследования – восприятие детско-родительских отношений и жизнеспособность старших подростков.

Мы полагаем, что подростки, воспринимающие отношения с родителями как понимающие, принимающие, эмоционально близкие и являющиеся для них авторитетными, имеют высокие значения жизнеспособности, что проявляется в способности к контролю своей жизни (локус контроля), поиску и решению проблем (совладание и адаптация), развитию своих навыков и компетенций, эффективно-му межличностному взаимодействию с социумом и членами семьи.

Эмпирическая база исследования – Новосибирский государственный технический университет.

Выборку составили 75 студентов 1 курса в возрасте 17–18 лет, из них 25 девушек, 50 юношей.

Метод исследования – психологическое тестирование с использованием следующих методик:

1. Тест жизнеспособности человека (автор: А. В. Махнач).
2. Опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» (далее – ВРР) (автор И. М. Марковская, подростковый вариант).

Для проверки гипотезы использовалась математическая обработка данных с применением Rs-критерия ранговой корреляции Спирмена.

В результате проведения корреляционного анализа между показателями жизнеспособности и шкалами опросника ВРР (мать) (N = 75) было обнаружено следующее.

1. Респонденты, показавшие высокий уровень удовлетворенности отношений с матерью, обладают высоким уровнем духовности, культуры и нравственности ($R_s = 0,31$, $p < 0,01$).
2. Подростки, определяющие свои отношения с матерью как принимающие, сотрудничающие, авторитетные и в целом удовлетворительные, активно вовлечены в происходящие в их жизни ситуации, разрабатывают новые цели и планы, если первоначальные варианты не оказались успешными, что выражается в высоком показателе настойчивости как компонента жизнеспособности ($p < 0,01$).
3. Респонденты, определяющие свои отношения с матерью как близкие, принимающие, сотрудничающие, авторитетные и в целом удовлетворительные, обладают высокими значениями таких показателей жизнеспособности, как самоэффективность ($p < 0,01$), внутренний локус контроля ($p < 0,01$), совладания и адаптации

($p < 0,01$), а также общего показателя жизнеспособности. Это позволяет сделать вывод, что первокурсники, воспринимающие отношения с матерью как авторитетные и сотрудничающие, склонны к пониманию своих возможностей, обладанию здоровыми механизмами защиты и адаптации к сложным жизненным ситуациям, выраженности интернального локуса контроля.

4. Те, кто определили свои отношения с матерью как близкие, принимающие, сотрудничающие, авторитетные, последовательные и в целом удовлетворительные, а также согласны с ее методами воспитания, имеют высокий уровень семейных и социальных взаимосвязей, что дает подросткам ощущение опоры и дополнительного ресурса ($p < 0,01$).
5. Респонденты, обладающие высоким уровнем удовлетворенности отношений с матерью, обладают высокими показателями всех компонентов жизнеспособности: самоэффективность, настойчивость, locus контроля, совладание и адаптация, духовность, семейные и социальные связи и в целом имеют высокий показатель уровня жизнеспособности ($p < 0,01$).

В результате проведения корреляционного анализа между показателями жизнеспособности и шкалами опросника ВРР (отец) ($N = 62$) было обнаружено следующее.

1. Респонденты, определяющие свои отношения с отцом как близкие, обладают высоким уровнем духовности, культуры и нравственности, которые способны обеспечить защиту, адаптацию к стрессам в их жизни ($R_s = 0,35$, $p < 0,01$).
2. Те, кто характеризует свои отношения с отцом как сотрудничающие, обладают высоким уровнем показателя внутренней locus контроля, т. е. оценивают себя как способных контролировать происходящее в их жизни ($R_s = 0,35$, $p < 0,01$).
3. Подростки, воспринимающие отношения с отцом как сотрудничающие и авторитетные, показали высокие значения показателя совладания и адаптации, что говорит о способности к саморегуляции и адаптации в сложных жизненных ситуациях ($p < 0,01$).
4. В случае если респонденты оценивали отношения с отцом как принимающие, сотрудничающие и авторитетные, значения такого показателя жизнеспособности, как самоэффективность, т. е. адекватное понимание своих возможностей, находились на высоком уровне ($p < 0,01$).

5. У респондентов, оценивающих отношения с отцом как принимающие, сотрудничающие, последовательные, авторитетные и в целом как удовлетворительные, были выявлены корреляции с высоким уровнем показателя настойчивость как желания продолжать борьбу за восстановление жизненного баланса с применением для этого различных способов и вариантов ($p < 0,01$).
6. Респонденты, оценивающие свои отношения с отцом как принимающие, сотрудничающие, авторитетные, последовательные и в целом удовлетворительные, а также согласные с отцовскими методами воспитания, имеют высокий уровень показателя семейные и социальные связи, т. е. в сложных ситуациях склонны обращаться к нему за поддержкой и помощью ($p < 0,01$).
7. Респонденты, обладающие высоким уровнем удовлетворенности взаимоотношений с отцом, обладают высокими показателями таких компонентов жизнеспособности, как настойчивость, семейные и социальные связи, и в целом имеют высокий показатель уровня жизнеспособности ($p < 0,01$).

В результате проведенного исследования подтвердилась гипотеза о том, что существует связь между уровнем удовлетворенности детско-родительскими отношениями у подростков старшего возраста и уровнем их жизнеспособности.

Подростки с высоким уровнем удовлетворенности детско-родительскими отношениями и жизнеспособности готовы ставить перед собой жизненные задачи, решать их, брать ответственность за события в своей жизни, кроме того, готовы поддерживать на хорошем уровне отношения с родными и близкими и склонны делиться с ними своими переживаниями и искать опору в этих отношениях.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Лактионова А. И.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Марковская И. М.* Тренинг взаимодействия родителей с детьми. СПб.: Речь, 2005.
- Махнач А. В.* Исследования жизнеспособности человека: основные подходы и модели // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 46–70.

Махнач А. В., Лактионова А. И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 290–312.

Жизнеспособность семьи в оценках родителей детей с инвалидностью и родителей здоровых детей (пилотное исследование)*

М. А. Одинцова (МГППУ, Москва)

Проанализированы неблагоприятные события, их интенсивность; ресурсы семьи, стратегии совладания и эмоциональные коммуникации в семьях родителей детей с инвалидностью и родителей здоровых детей. Среди неблагоприятных событий родители детей с инвалидностью чаще называют болезнь ребенка и выше оценивают интенсивность событий, в отличие от родителей здоровых детей, которым в большей степени характерен позитивный прогноз и решение проблем; позитивное переформулирование. Родители детей с инвалидностью готовы к планированию действий по разрешению проблем на фоне запретов на проявление эмоций в их родительских семьях. Развитию жизнеспособности семей, имеющих детей с инвалидностью, способствует работа с дисфункциональными семейными коммуникациями, заложенными в родительских семьях.

Ключевые слова: жизнеспособность семьи, родители детей с инвалидностью, родители здоровых детей, семейные эмоциональные коммуникации, копинг-стратегии.

Жизнеспособность семьи является относительно новой категорией и активно изучается в зарубежной (Уолш, Сиксби, Судзуки и др.) и отечественной психологии (Куфтяк, Нестерова, Махнач и др.). Под жизнеспособностью семьи понимают динамическую системную характеристику семьи, «способной отвечать на стрессы различного генеза с использованием свойственных именно ей защитных факторов и семейных ресурсов (индивидуальные, семьи как системы, ресурсы внешней среды), предполагающих умение и готовность

* Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-00820 «Психологические ресурсы социально уязвимых групп в условиях вызовов современности (на примере лиц с инвалидностью и их семей)».

семьи совладать, меняться, адаптироваться и развиваться» (Махнач, 2016, с. 207).

Интегративная модель жизнеспособности семьи, разработанная А. В. Махначем, объединяет: внешние и внутренние стресс-факторы семьи; когнитивные оценки требований различных неблагоприятных ситуаций членами семьи; внешние и внутренние ресурсы семьи; индивидуальные реакции и стратегии совладания; специфику функционирования семьи в культурно-историческом пространстве (Махнач, 2016). Данная модель позволяет учесть факторы, оказывающие влияние на жизнеспособность семьи, одним из которых является ее потенциальная социальная уязвимость как объективная характеристика семьи, обусловленная мерой ее чувствительности к воздействию неблагоприятных событий, что влечет за собой опасность утраты устойчивого положения в социуме. Среди таких семей – семьи, имеющие детей с инвалидностью. Изучаются родительский стресс при воспитании ребенка с инвалидностью (Ким, Кадыров, 2022); психологические особенности матерей детей с ОВЗ (Дьячкова, Баяндина, 2021) и т. д. Показано, что семья для людей с инвалидностью является центром поддержки и определяет успешность их развития и адаптации в обществе. Поэтому проблематика жизнеспособности таких семей становится особенно актуальной.

Цель: проанализировать характеристики жизнеспособности семьи, семейные эмоциональные коммуникации, копинг-стратегии родителей детей с инвалидностью и родителей здоровых детей.

Выборка. Исследование проводилось с помощью Яндекс-форм и было одобрено Этическим комитетом МГППУ. В нем приняли участие 74 родителя детей с инвалидностью (ср. возраст – $41,32 \pm 8,0$) и 157 родителей здоровых детей (ср. возраст – $41,31 \pm 9,9$) ($t = 1,197$, $p = 0,996$), большинство из них матерей (91,9%).

Методики:

- 1) социобиографическая анкета (пол, возраст, супружеский статус, наличие/отсутствие ребенка с инвалидностью, количество детей в семье, возраст ребенка/детей);
- 2) Шкала оценки жизнеспособности семьи (Гусарова и др., 2021);
- 3) Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) (Холмогорова др., 2016);
- 4) Опросник COPE (Рассказова и др., 2013).

Методы обработки данных: критерий χ^2 , t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ с использованием критерия Пирсона.

Результаты

Группы различались по семейному статусу ($\chi^2 = 15140$, $p = 0,004$) и по количеству в семьях детей ($\chi^2 = 6,345$, $p = 0,042$). 62,2% родителей детей с инвалидностью и 73,9% родителей здоровых детей состоят в браке; 20,3% родителей детей с инвалидностью и 8,3% родителей здоровых детей – в разводе. Остальные указали на статус: свободны (5,4% vs 9,6%), в гражданском браке (0% vs 3,8%) или в отношениях (12,2% vs 4,5%). У более трети (32,4%) родителей детей с инвалидностью и у около половины (49,7%) родителей здоровых детей по одному ребенку, двоих детей имеют 45,9% родителей детей с инвалидностью и 36,3% родителей здоровых детей, троих – 21,6% родителей детей с инвалидностью и 14% родителей здоровых детей.

Группы также различаются по выделению актуальной для семьи трудной жизненной ситуации ($\chi^2 = 71,74$, $p < 0,001$). Среди таких ситуаций родители детей с инвалидностью и родители здоровых детей выделяют болезнь ребенка (47,3% vs 3,2%); развод (9,5% vs 7,6%); утрату (13,5% vs 28%); материальные проблемы (6,8% vs 15,3%); множественные трудности – как сочетание двух и более актуальных трудных жизненных событий в семье (9,5% vs 14,6%); болезни взрослых членов семьи (8,1% vs 14,6%); конфликтные отношения в семье (5,4% vs 16,6%). Интенсивность событий значительно выше оценивали родители детей с инвалидностью ($t = 2,354$, $p = 0,020$) (8,92 балла vs 8,2 балла). Оценки связи в семье («связь стала более дистантной»; «осталась прежней»; «стала более близкой») после неблагоприятного события не различались ($\chi^2 = 0,295$, $p = 0,863$). Однако, в зависимости от типа семейного события, оценки связей в семье после его прохождения были различны ($\chi^2 = 35,32$, $p < 0,001$). Члены семьи чаще дистанцируются друг от друга при разводах (42,1%), еще чаще при конфликтных отношениях в семьях (ссоры, недопонимание и т. п.) (63,3%). Связь остается прежней чаще при столкновении с материальными трудностями (48,3%), болезнями взрослых членов семьи (41,4%), утратой (38,9%). Связь становится более близкой при множественных трудностях (63,3%), болезнях детей (42,5%) и при утрате (40,7%).

Обнаружены значимые различия между двумя группами родителей в такой характеристике жизнеспособности семьи, как «позитивный прогноз и решение проблем» ($t = -1,944$, $p = 0,053$), в копинг-стратегиях: позитивное переформулирование и личностный рост ($t = -2,052$, $p = 0,042$), планирование ($t = 2,173$, $p = 0,031$), в элиминировании эмоций ($t = 4,358$, $p = 0,000$) как одной из характеристик семейных эмоциональных коммуникаций в родительских семьях.

Позитивный прогноз и убежденность в решении проблем; позитивное переформулирование и личностный рост наиболее характерны для родителей здоровых детей, а родителям детей с инвалидностью в большей степени свойственно планирование своих действий для разрешения проблем. Эмоциональные коммуникации в своих родительских семьях родители детей с инвалидностью охарактеризовали как более сдержанные в проявлении эмоций.

Корреляционный анализ позволил обнаружить положительные связи жизнеспособности семьи родителей детей с инвалидностью с такими копинг-стратегиями, как: позитивное переформулирование и личностный рост, планирование. Отрицательные – с эмоциональными семейными дисфункциями в родительских семьях: критика, элиминирование эмоций, фиксация на негативных переживаниях, сверхвключенность, общий уровень семейных эмоциональных дисфункций.

В группе родителей здоровых детей жизнеспособность семьи положительно связана с позитивным переформулированием и личностным ростом, активным совладанием, юмором и отрицательно – только с элиминированием эмоций в их родительских семьях.

Таким образом, наиболее актуальным и высоко интенсивным неблагоприятным событием в семьях, воспитывающих ребенка с инвалидностью, становится его зачастую неизлечимая болезнь, что становится препятствием для позитивных прогнозов по решению проблем. Среди индивидуальных стратегий совладания наиболее эффективным является планирование (обдумывание и разработка стратегий поведения для преодоления трудных жизненных ситуаций), а среди эмоциональных семейных коммуникаций их родительских семей – сдержанность в проявлении эмоций. Повышение жизнеспособности семьи, имеющей ребенка с инвалидностью, возможно за счет психологической работы с такими эмоциональными дисфункциями, берущими начало из родительских семей, как критика, элиминирование эмоций, фиксация на негативных переживаниях, сверхвключенность и усиление продуктивных копинг-стратегий: позитивное переформулирование и личностный рост, планирование.

Литература

Гусарова Е. С. Одинцова М. А. Сорокова М. Г. Шкала оценки жизнеспособности семьи: адаптация на российской выборке // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 77. С. 4. doi: 10.54359/ps.v14i77.130

- Дьячкова Е. С., Баяндина Т. В.* Психологические особенности матерей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью // Медицинская психология в России. 2021. Т. 13. № 3. С. 8. doi: 10.24412/2219-8245-2021-3-8
- Ким К. А., Кадыров Р. В.* Родительский стресс и воспитание ребенка с детским церебральным параличом: обзор зарубежных исследований // Клиническая и специальная психология. 2022. Т. 11. № 4. С. 1–29. doi: 10.17759/cpse.2022110401
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Сорокова М. Г.* Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4. С. 97–125. doi: 10.17759/cpp.2016240405

Жизнеспособность личности как потенциальный фактор превенции шуттинга: постановка проблемы

А. А. Ощепков (ДИТИ НИЯУ МИФИ, Дмитровград),
В. Б. Салахова (ЦИПБ РАН, Москва)

Одной из острейших проблем современности являются крайние формы деструктивности, такие как внезапные нападения обучающихся на своих сверстников и учителей, получившие название «шуттинг». Мнения специалистов относительно причин данного явления едины в том, что шуттинг – комплексное социально-психологическое явление. С учетом данного факта для исследования личности и социального поведения в интегративном единстве наиболее оптимальным представляется изучение системы ценностных ориентаций молодых людей, позволяющее диагностировать направленность личности. В данном контексте особую важность приобретает изучение жизнеспособности личности как такого свойства личности, которое способно позитивно ориентировать поведение молодого человека.

Ключевые слова: амок, шуттинг, психолингвистический анализ, диспозиционная система личности, ценностные ориентации, агрессивное и суицидальное поведение, жизнеспособность личности.

Современное общество идет по пути все большего усложнения форм взаимодействия между людьми, предполагающих и более сложное развитие личности, испытывающей увеличивающуюся ответственность и отвечающей новым требованиям времени. Данный контекст жизнедеятельности человека дает ему дополнительные возможности самореализации, однако и таит ряд дополнительных вызовов. Современному человеку необходимо преодолевать все больше трудностей, налагающих на психику дополнительную нагрузку, которая преодолевается человеком либо ведет к проявлению деструктивного поведения. В этом плане одной из острейших проблем во всем мире стали немотивированные нападения школьников и студентов на своих сверстников и учителей с применением оружия. Такие явления немотивированных, внезапных нападений учеников на свое социальное

окружение с применением огнестрельного оружия получили в научно-публицистической литературе название «шуттинг», а в медицинской классификации болезней это явление было обозначено как «амок», который определяется как «неизбирательный, казалось бы, ничем не спровоцированный эпизод смертоносного или сильно деструктивного поведения, с последующей амнезией или усталостью» (The ICD-10 Classification of Mental and Behavioral Disorders). Как правило, явления амока и шуттинга получают большой общественный резонанс, поскольку связаны с большим количеством жертв и становятся трагедией национального масштаба.

Мнения специалистов относительно причин таких внезапных нападений обучающихся на своих сверстников и учителей едины в том, что они носят психогенный характер. Среди причин называются патологическое восприятие, нагнетаемое внутренним конфликтом с родителями, окружение, в котором живет человек, признаки шизофренического расстройства личности, утрата смысла жизни. Данный набор причин можно объединить в комплекс социально-психологических факторов.

Таким образом, учитывая мнения экспертов, можно обозначить проблему амока и шуттинга как комплексную, проявляющуюся во взаимосвязи факторов и, прежде всего, во взаимодействии личностных особенностей человека и его социального окружения, составляющего ситуационный фактор. В этом плане анализ феномена амока и шуттинга в социальной среде школы и окружающего социума наиболее оптимальным представляется в ракурсе диспозиционной модели личности В. А. Ядова (Ядов, 2013). Согласно данной концепции, развивается идея о том, что ценностные ориентации, в основе которых лежит система ценностей, являясь одним из центральных личностных новообразований, выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и в этом своем качестве определяют широкую мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его деятельности. Система ценностей напрямую связана с направленностью личности, определяет ее содержательную сторону и составляет основу мировоззрения человека, его взглядов на окружающий мир, отношений к другим людям, к себе, ядро мотивации. Ценностные ориентации, сформированные в юношеском возрасте на основе сложившейся у молодых людей системы ценностей, определяют особенности и характер отношений личности с окружающей действительностью и тем самым в определенной мере детерминируют поведение.

Стоит добавить, что система диспозиций представляет собой определенную систему. Так, и установки, и социальные установки, и ценностные ориентации имеют единую основу, поскольку представляют собой предрасположенность человека действовать определенным способом, а различаются они, по мнению А. А. Девяткина, уровнем организации, поскольку установка влияет на восприятие и импульсы человека, а социальная установка выполняет функции установки на уровне социального взаимодействия и, кстати говоря, обеспечивает единую систему отношений между людьми и единообразное поведение индивидов. Такая единообразная система отношений порождает проявление системы знаков как в социально-психологическом, так и в культурном аспектах (Bulle, 2021), а по мнению Д. Н. Узнадзе, образует некий континуум бессознательного и сознательного. При этом Д. Н. Узнадзе полагает, что установка базового уровня функционирует неосознанно, а, согласно П. Н. Шихиреву, социальная установка имеет более осознанное выражение через систему отношений человека. В этом ряду система ценностей личности представляет собой наиболее важные ориентиры человека в системе отношений и, очевидно, имеет наиболее осознанную форму. Поэтому, исследуя систему ценностных ориентаций, возможно изучить систему неосознаваемых и осознаваемых параметров психики человека в интегративном единстве личности и социального поведения человека, а учитывая предметность диспозиций, и целостной деятельности (Kozachenko, Piazza, 2021). В этом плане наиболее оптимальным могло бы стать привлечение психолингвистического подхода в изучении динамических характеристик человеческой психики.

Стоит отметить, что психолингвистический подход обладает практически безграничными возможностями в изучении того или иного явления с той оговоркой, что, по сути, изучается не сам феномен, а его репрезентация в языке. Тем не менее, как было сказано, сознание человека и его связь с языком, выражаемые в высшем уровне диспозиционных образований, добавляют дополнительный аргумент для изучения ценностных ориентаций личности как интегративного комплексного показателя. В ракурсе такого операционального подхода система ценностных ориентаций репрезентуется, по определению Д. А. Леонтьева, в форме ценностных представлений, которые выражаются набором слов-ценностей в речи человека (Леонтьев, 1998).

В контексте такого рассмотрения проблемы шуттинга особую важность приобретает изучение жизнеспособности личности как такого

свойства личности, которое способно позитивно ориентировать поведение молодого человека. Так, в работах А. А. Нестеровой, на основе проанализированных зарубежных исследований, указывается на то, что одной из важнейших переменных жизнеспособности являются ценности, которые ориентируют на просоциальное поведение. Вместе с этим А. В. Махнач определяет жизнеспособность как «способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все внутренние и внешние ресурсы, способности к жизни во всех ее проявлениях, способности не только существовать, но и развиваться вопреки неблагоприятным жизненным событиям» (Махнач, 2016, с. 63). Все это, учитывая интегральный характер ценностно-мотивационной сферы личности и жизнеспособности человека, позволяет говорить о перспективах жизнеспособности как важного фактора просоциального развития человека и эффективной превенции шуттинга.

Литература

- Леонтьев Д. А.* Ценности и ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–25.
- Махнач А. В.* Исследования жизнеспособности человека: основные подходы и модели // Жизнеспособность человека: индивидуальный, профессиональный и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 46–70.
- Ядов В. А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013.
- Bulle N.* Vygotsky versus Dewey on mental causation: The core of two divergent conceptions of human thought // *New Ideas in Psychology*. 2021. V. 63.
- Kozachenko H. H., Piazza J.* How children and adults value different animal lives // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2021. V. 210. Art. 105204.

Взаимосвязь депривации и агрессивных форм поведения

И. В. Полякова (СмолГУ, Смоленск)

Цель исследования заключалась в установлении психологических особенностей влияния депривации на развитие агрессивных форм поведения. Осуществлено компаративное сопоставление особенностей проявления агрессивности в трех группах испытуемых с разными вариантами воздействия депривационного раздражителя (степенью его «жесткости» в ограничения социальных контактов и длительности: более семи месяцев и «жесткое» (ограниченное, инвариантное социальное окружение); среднесрочное и менее «жесткое» (частично-вариантное социальное окружение) и систематическое (эпизодическое) и «нежесткое» (вариантное социальное окружение). Выявлена высокая прямая корреляционная связь между степенью и длительностью депривации и уровнем развития агрессивных форм поведения.

Ключевые слова: депривация, агрессивные формы поведения, психическое здоровье, психоэмоциональная напряженность, враждебность.

Вынужденное сокращение социальных контактов, обусловленное объективными условиями современного развития социокультурного сообщества, способствует сокращению профессиональной занятости и материального достатка, росту социальной напряженности, ухудшению качества жизни и психического здоровья, а также росту агрессивных форм поведения людей (Greitemeyer, Sagioglou, 2018). Агрессия, как одна из привычных форм поведения, возникающая в трудных ситуациях, является опасной социально-психологической тенденцией, характеризующей взаимоотношения людей в обществе (Михайлова и др., 2017). Вынужденная социальная депривация также способствует росту напряженности и агрессивности (Власенко, 2015). Ограничения в удовлетворении собственных потребностей могут увеличивать психоэмоциональное напряжение и агрессию как одну из наиболее частых форм защитного поведения (Брушлинский, 1994). Длительная депривация снижает рабо-

тоспособность, вызывает пассивность, апатию, усиливает тревожность (Власенко, 2015).

Быть в невыгодном положении и воспринимать это затруднительное положение как несправедливое лежат в основе переживания личной относительной депривации, имеет важные когнитивные, аффективные и поведенческие последствия, связанные с проявлением межличностной агрессии, ухудшением физического и психического здоровья, антисоциальным поведением и криминальными исходами, увеличением смертности (Полякова, 2019).

В данной работе исследовано влияние продолжительности и «жесткости» (степени ограничения социальных контактов) добровольно длительной депривации как существенных параметров, влияющих на развитие психологических особенностей поведения личности социально депривированного человека, подвергающего себя принудительной изоляции для достижения личностно значимой цели. Цель исследования заключалась в установлении психологических особенностей влияния социальной депривации на развитие агрессивных форм поведения. В качестве гипотетического было выдвинуто предположение о том, что степень социальной депривации и уровень агрессивности взаимосвязаны.

В исследовании приняли участие 84 чел.: 67 мужчин и 17 женщин. Испытуемые составили три группы: первая и вторая группы объединили 51 чел. в возрасте от 40 до 50 лет: первую группу составили 29 членов команды морского рыболовного траулера «Новоуральск» (далее БМРТ), находящихся в условиях длительного морского рейса продолжительностью 7 месяцев с ноября 2018 по май 2019 г.; вторую группу – 33 пациента пожилого и старческого возраста, постоянно проживавших в СОГАУ Геронтологический центр «Вишенки» в условиях вынужденной социальной депривации (далее ГЦ), и третью – 22 сотрудника ООО ЧОП «Защита» г. Смоленск (далее ЧОП). Степень социальной депривации и ее длительность в группах была различной, эти параметры снижались от первой к третьей группе.

В работе были использованы методики: «Тест агрессивности (опросник Л. Г. Почебут)», с помощью которого устанавливалась степень агрессивности; «Личностная агрессивность и конфликтность», позволившая установить личностные характеристики, обуславливавшие склонность к конфликтности и агрессивности; «Тест оценка агрессивности в отношениях» (А. Ассингер) для определения уровня влияния агрессивности на межличностные отношения и проектив-

ная методика «Hand-тест» для прогнозирования явного агрессивного поведения и уровня дезадаптации.

В результате выявления степени агрессивности испытуемых по опроснику Л. Г. Почебут было установлено, что уровень агрессивности испытуемых группы БМРТ с самым высоким уровнем социальной депривации, находящихся в условиях повышенной опасности, наиболее выражен. Результаты группы ГЦ были ниже на 25%, однако достаточно высокие. Уровень социальной депривации в этой группе ниже, условия социального окружения не такие напряженные, как в описанном выше случае, однако возраст и состояние здоровья, связанное с дефицитом ресурсов людей пожилого и старческого возраста, могут объяснить высокую выраженность полученных результатов. Наименее выраженным оказался уровень агрессивности сотрудников ЧОП, уровень социальной депривации которых значительно ниже, чем в остальных группах. Таким образом, в группах с более длительной и высокой степенью социальной депривации уровень агрессивности оказался выше.

Результаты диагностики личностных качеств испытуемых, обусловливавших склонность к конфликтности и агрессивности (методика «Личностная агрессивность и конфликтность»), подтвердили тенденцию, описанную выше: склонность к конфликтности во всех группах значительно превышает склонность к агрессивности, причем в группе пожилых людей она выше, чем в остальных группах в сравнении с показателями склонности к агрессивности. Иными словами, в пожилом и старческом возрасте условия вынужденной депривации способствуют развитию конфликтности. Наиболее выраженную склонность к агрессивности проявляют испытуемые группы «Новоуральск», в группе ГЦ она на 25% ниже, и, наконец, в группе «Защита» она выражена на 15% ниже, чем в группе БМРТ.

В результате исследования уровней агрессивности по методике А. Ассингера было установлено, что высокий уровень агрессивности характеризует прежде всего социальные отношения членов команды БМРТ (27,5%), он вдвое выше, чем в ЧОП (13,5%), в группе ГЦ он значительно ниже (9%). Последнее можно объяснить тем, что высокий уровень агрессивности в социальных отношениях в группе пожилых и старых людей проявляется как бы скрытно из чувства самосохранения, поскольку физические и психические ресурсы ограничены. Уровень умеренно выраженной агрессии в этой группе проявляется более широко, чем во всех остальных группах: он выявлен в 75,7%

участников группы ГЦ. Средний уровень агрессии в остальных группах значительно ниже, приблизительно на 20% (62 и 63,6% – БМРТ и ЧОП, соответственно). Низкий уровень агрессии наиболее характерен для группы ЧОП и составил 22,7%. Наименее представленным он оказался в БМРТ – 10,3%, а у пожилых людей ГЦ он выявлен у 15% испытуемых, т. е. в сравнении с охранниками ЧОП они на 40% более социально «беспокойны», чем условно депривированные сотрудники ЧОП, и на 50% более агрессивны, чем плавсостав БМРТ.

Склонность к открытому агрессивному поведению определялась с помощью методики «Hand-test». Высокая склонность к открытому агрессивному поведению наиболее выражена у сотрудников ЧОП (3,8 балла), что закономерно, поскольку подкрепляется их функциональными обязанностями и обусловлено условиями работы: предполагается, что есть от кого беречь и охранять, и подобное поведение предполагается по определению. У плавсостава БМРТ выявлена средняя степень выраженности склонности к открытому агрессивному поведению и, наконец, у пациентов ГЦ – низкая (4,4 и 1,2 балла, соответственно). Уровень дезадаптации БМРТ значительно выше остальных (5,5 балла), что объясняется высокой степенью физической и психической напряженности условий их жизни на судне и длительностью рейса, дезадаптация пациентов ГЦ значительно ниже (2,8 балла). Последнее объясняется тем, что условия их жизни все же менее жесткие, чем у других групп. Результаты исследования тенденции ухода от реальности почти одинаковые, что объясняется, во-первых, условиями и профессиональными обязанностями и, во-вторых, в отношении группы ГЦ возрастными особенностями. Наконец, распределение результатов в степени выраженности психопатии в группах, проявляющейся как бессердечность и сниженная способность к сопереживанию, неспособность к искреннему раскаянию в причинении вреда другим людям, выявило высокие значения в группах ГЦ и БМРТ, в группе ЧОП эти показатели вдвое ниже (12,1; 10,7; 5,5, соответственно).

Статистическая обработка результатов с помощью вычисления коэффициента корреляции Пирсона позволила установить взаимосвязь результатов испытуемых по методике Почебут и степенью депривации групп, (r) равен 0,764, связь между исследуемыми признаками высокая, прямая. Та же процедура с результатами по Hand-test и степенью депривации групп, (r) равен 0,748 – связь между признаками прямая. Теснота (сила) связи по шкале Чеддока r^2 равна 0,584

и 0,559, соответственно. Таким образом, гипотеза, выдвинутая в начале исследования, верна, имеется высокая прямая взаимосвязь между степенью социальной депривации и уровнем выраженности агрессивных форм поведения.

Выводы

1. Степень депривации и уровень агрессивного поведения взаимосвязаны.
2. Высокий уровень социальной депривации ведет к высокой склонности к агрессивным и конфликтным формам поведения.
3. Депривация способствует повышению степени дезадаптации.
4. Развитие исследований данной проблематики открывает перспективу создания новых способов профилактики агрессивности и конфликтности в поведении личности и социальном взаимодействии.

Литература

- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Власенко А. И.* Гендерный подход к самосознанию личности в условиях депривации // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 3. С. 263–270.
- Михайлова О. Б., Сафи С. М., Шентура А. В.* Агрессивность личности: основные подходы и перспективы в изучении // Мир науки. 2017. Т. 5. № 6. С. 83–90.
- Полякова И. В.* Психологические особенности развития в юношеском возрасте: точность восприятия и чувство неполноценности // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: Сетевоый журнал. 2019. Т. 7. № 4 (27). doi: 10.23888/humJ20194677-687
- Greitemeyer T., Sagioglou Ch.* The impact of personal relative deprivation on aggression over time // Journal of Social Psychology. 2018. V. 15. № 6. P. 664–675. doi: 10.1080/00224545.2018.1549013

Жизнестойкость педагогов – молодых специалистов: пути формирования

В. И. Рерке (ФГБОУ ВО «ИГУ», Иркутск),
И. В. Беринская (ФБОУ ВО «ИГУ», Иркутск)

В статье раскрыты особенности жизнестойкости педагогов – молодых специалистов. Описаны личностные и профессиональные факторы, влияющие на жизнестойкость личности. Обозначены пути формирования жизнестойкости в контексте преодоления профессиональных трудностей.

Ключевые слова: жизнестойкость, педагог, молодой специалист, выгорание, стрессоустойчивость.

Педагогическая профессия относится к группе профессий, предметом которой выступает человек, но при этом профессия педагога отличается от других по образу мыслей, по уровню высокой ответственности, чувству долга.

Деятельность педагогов характеризуется как количественными, так и качественными характеристиками. Высоким уровнем развития педагогов в профессиональной деятельности является творческий уровень, когда педагог реализует свой творческий потенциал в профессиональной деятельности.

Педагогическое творчество определяется А. К. Марковой как умение решать различные педагогические задачи в изменяющихся условиях (Маркова, 1993). Творческий характер педагогической деятельности проявляется как в решении педагогических задач, так и в развитии личности учащегося. Творчество педагога относится к нестандартному оригинальному решению педагогических задач. При этом педагог проявляет творчество также и в процессе коммуникации.

Для педагога очень важно владеть достаточно широким спектром личностных качеств и свойств, которые будут способствовать установлению оптимального общения с учащимися и развитию его как личности, в том числе и развитию его творческого потенциала.

Анализ педагогической деятельности показывает, что данная деятельность является достаточно стрессогенной, поскольку в процессе взаимодействия с учащимися постоянно возникают какие-то нестандартные ситуации, трудности, которые педагогу необходимо решать. В случае если у педагога не сформирована жизнестойкость, то решение данных задач вызывает большие затруднения и оказывает влияние как на профессиональную деятельность педагога, так и на развитие его личности.

В психолого-педагогической литературе представлен ряд исследований, посвященных проблеме жизнестойкости педагогов (Рерке и др., 2020). В них проанализированы разные аспекты проблемы. Н. А. Кора проводила исследования особенностей жизнестойкости у педагогов с разным стажем педагогической деятельности (Кора, 2017). В своем исследовании автор предположила, что в качестве основных причин, способствующих отнесению профессии педагога к категории социогенных и включению ее в группу риска, выступает низкий общественный статус, несогласованность интеллектуальных и энергетических затрат.

Результаты исследования показали, что первые 5 лет профессиональной деятельности выступают этапом приспособления или адаптации выпускника вуза к условиям работы. Молодой специалист еще мало что умеет при сформированных у него знаниях, также недостаточно сформированы и профессионально-значимые качества, в результате преподаватели с маленьким стажем работы часто применяют дисциплинарные методы влияния, что в основном дает противоположный эффект, у них преобладают приказы, отрицательно окрашенные высказывания по отношению к обучающимся. Затем в последующие 6–10 лет происходит стабилизация профессиональной деятельности и формирование профессиональной позиции. У педагога совершенствуется набор методов и приемов обучения, снижается количество конфликтов, связанных с потребностью педагога самоутвердиться в глазах коллег и учащихся.

Стаж работы от 11 до 15 лет называется исследователями как период педагогического кризиса, который связан с пониманием того, что существуют противоречия между желанием что-то изменить в работе и потенциалом педагога. В это время преподаватели проявляют больше интереса к обучающимся, они умеют строить конструктивные взаимоотношения и гораздо в меньшей степени, чем молодые педагоги, склонны использовать дисциплинарные меры.

По мере увеличения стажа профессиональной деятельности профессионально важные качества в большей степени совершенствуются и, соответственно, отмечается более высокий уровень профессионализма. Наряду с профессионализмом растет и жизнестойкость как следствие адаптации педагога к стрессовым ситуациям в профессиональной деятельности. Кроме этого, по мере увеличения стажа совершенствуются стратегии совладающего поведения и общий уровень жизнестойкости у педагогов возрастают.

В исследовании Т. В. Володиной и Н. В. Калининой анализировалась жизнестойкость педагогов и стратегии преодоления ими жизненных трудностей (Калинина, Володина, 2009). Авторы анализировали взаимосвязь жизнестойкости и эмоционального выгорания. В результате исследования ученые выходят на то, что профессиональные риски, которые существуют в педагогической профессии, приводят к различным негативным проявлениям, таким как социально-психологическая дезадаптация, неудовлетворенность работой, эмоциональное выгорание, что снижает потенциал внутренних ресурсов и влияет на жизнестойкость. Также ученые указывают, что к числу психологических факторов, влияющих на жизнестойкость педагогов, относятся следующие: поисковая активность, мотивация, ценности, самооценка, самоуважение. Авторы подчеркивают, что проблема жизнестойкости имеет тесную взаимосвязь с эмоциональным выгоранием.

Мы считаем, что данные особенности проявления жизнестойкости особую актуальность приобретают на начальном этапе профессиональной деятельности педагога. Именно этот этап является важным периодом профессионального самоопределения, когда человек осознает правильность либо неправильность своего выбора, утверждает в своем профессиональном выборе и вступает на путь профессионального развития и самосовершенствования.

Недостаточная сформированность жизнестойкости может в значительной степени повлиять на дальнейшее профессиональное развитие педагога, поскольку под влиянием стрессовых ситуаций отношение к профессии может приобрести характер негативного, на фоне чего человеком делается вывод о неправильном выборе профессии, хотя причина может состоять именно в недостаточно эффективных стратегиях совладающего поведения, недостаточно развитых внутренних ресурсах и т. д. В то же время существуют и объективные факторы, которые оказывают влияние на профессиональную деятельность и жизнестойкость педагогов.

Как отмечают В. И. Рерке, В. Б. Салахова, С. Б. Игнатов, в период действия новых образовательных стандартов педагоги оказались в сложной ситуации, поскольку на них возложена ответственность по изменению образовательного процесса (Рерке и др., 2020). При этом многие педагоги были не готовы к таким изменениям и испытывали разнообразные профессиональные трудности. Молодому специалисту приходится решать много других задач коммуникативного и организационного характера в профессиональном общении, которые не всегда успешно им разрешаются.

А. К. Маркова считает, что неблагоприятные условия труда вызывают негативные изменения в личностном развитии, профессиональной деятельности, поведении, профессиональном общении, формируются стереотипы поведения и профессиональные привычки, которые затрудняют решение этих задач (Маркова, 1993). В связи с этим большое значение приобретает развитие жизнестойкости, поскольку тогда педагог более эффективно преодолевает возникающие затруднения.

По определению Н. В. Калининой, развитие жизнестойкости педагога представляет процесс профессионально-личностного развития, подразумевающий рост, становление, интеграцию и реализацию в педагогическом труде профессионально-значимых личностных качеств и способностей, важнейшим из которых является рефлексия профессиональной компетентности (Калинина, Володина, 2009).

Развитие жизнестойкости в контексте внутренних ресурсов личности предполагает учет ряда психолого-педагогических условий, к ним относятся следующие.

1. Организация рефлексивного анализа риска негативных профессионально-личностных изменений.
2. Развитие личностных ресурсов противостояния профессионально-нежелательным изменениям.
3. Целенаправленное обучение конструктивным стратегиям поведения в трудных ситуациях.

В результате развития личностных ресурсов педагога происходит осмысление целей, факторов удовлетворения профессией, актуализация личностных характеристик, способствующих преодолению трудных ситуаций, целенаправленное обучение конструктивным стратегиям поведения в трудных ситуациях, включая ситуации профессиональной деятельности, что расширяет возможности преодоления трудностей.

Стимулирование мотивации педагогов к саморазвитию может осуществляться на основе проведения самодиагностики, рефлексии профессиональной деятельности, анализа поведения в трудных жизненных ситуациях. Для обогащения личностных ресурсов в противостоянии негативным воздействиям профессии эффективно могут быть использованы семинары, тренинги, помогающие научиться преодолевать жизнестойкость.

Овладение конструктивными стратегиями поведения осуществляется в процессе целенаправленного обучения, в частности, это может осуществляться в рамках тренинга.

Одним из вариантов повышения жизнестойкости педагогов является модель, разработанная Н. В. Калининой, в которой выделяются следующие формы работы: диагностическая, лекционная, тренинговая, консультативная (Калинина, Володина, 2009). Каждая из этих форм позволяет решать ряд задач, направленных на формирование жизнестойкости. В отношении педагогов – молодых специалистов – мы полагаем, что данная модель также может быть с успехом применена. Для этого должны реализовываться все направления модели.

Диагностическое направление предполагает оценку и анализ жизнестойкости педагогов – молодых специалистов, а также их ресурсов для определения содержания и продолжительности работы с педагогами. Лекционная форма работы также может присутствовать для формирования у педагогов – молодых специалистов начальных представлений по проблеме жизнестойкости. Мы полагаем, что приоритет данной форме отдавать не стоит, а ведущей формой должна выступать тренинговая форма работы, в ходе которой будет осуществляться формирование у педагогов важных умений и навыков, стратегии конструктивного поведения, будет осуществляться актуализация личностных ресурсов, происходить анализ собственного поведения.

Консультативное направление работы, на наш взгляд, имеет важное значение в плане индивидуального сопровождения молодых педагогов. В процессе тренинга не все вопросы могут быть подняты и решены, и индивидуальная работа повысит результативность групповой работы. Консультативная работа может обеспечить удовлетворение индивидуальных потребностей в прояснении тех или иных особенностей личности педагога, особенностей профессиональной деятельности. Учет и реализация этих направлений позволят комплексно подойти к решению вопроса формирования жизнестойкос-

ти у педагогов – молодых специалистов. Выбор методов и приемов целесообразно определять, исходя из особенностей группы педагогов, уровня жизнестойкости, характерного для педагогов и других особенностей. Основным акцент необходимо ставить в программе на актуализацию личностных ресурсов и определении стратегий конструктивного поведения.

Таким образом, на основе проведенного нами анализа мы установили, что формирование жизнестойкости у педагогов – молодых специалистов может осуществляться на основе комплексного подхода к решению проблемы и выделению направлений работы, для каждого из которых характерны определенная цель и задачи, а также формы работы.

Литература

Калинина Н. В., Володина Т. В. Психологические факторы жизнестойкости педагога // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 4–2. С. 398–403.

Кора Н. А. Особенности жизнестойкости педагогов с разным стажем педагогической деятельности // Вестник Амурского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2017. № 78. С. 144–151.

Маркова А. К. Психология труда учителя: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1993.

Рерке В. И., Салахова В. Б., Игнатов С. Б. Формирование и развитие жизнестойкости у педагогов высших учебно-профессиональных заведений посредством интерактивных форм взаимодействия // Образование личности. 2020. № 1–2. С. 107–118.

Травля в сети Интернет и жизнестойкость личности

В. И. Рерке (ИГУ, Иркутск)

Статья посвящена научному обоснованию проблемы травли подростками в сети Интернет и в связи с этим необходимости формировать жизнестойкость личности. Дано определение понятия «кибербуллинг». Обозначены основные причины травли подростками сверстников в сети Интернет. Проведена параллель между психологическими особенностями подросткового этапа онтогенеза и девайс-буллингом. Обоснован подход, основанный на формировании жизнестойкости как интегральной составляющей личности и показателем ее психологического здоровья.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, оффлайн-агрессия, подростки, жизнестойкость.

Увеличение времени, количества людей, зависимых от различного рода гаджетов и Интернета, наблюдаются в последнее десятилетие. Отметим, что электронные девайсы не только обретают простоту в использовании и доступность для взрослого населения, но и становятся более демократичными для детей и подростков. В связи с этим обостряется проблема формирования у молодежи навыков безопасного поведения в глобальной сети.

Заметим, что при ведении переписки в социальных сетях, на форумах и в чатах взрослым людям и подросткам приходится сталкиваться с различными конфликтами, в том числе с виртуальными. Такого рода противостояния от банальных оскорблений переходят к трансляции реальных угроз и могут иметь хронический характер. Также отметим проявление вербальной агрессии в сети – это кибербуллинг или девайс-буллинг.

Кибербуллинг – отдельное направление травли, которое связано с целенаправленными агрессивными действиями (Хломов и др., 2019). Подчеркнем, что она проявляется систематически, как правило, на протяжении длительного времени, осуществляется группой людей или индивидом с использованием электронных форм вза-

имодействия и направлена против жертвы, которая слабее агрессора. Главной целью девайс-буллинга является ухудшение эмоциональной сферы жертвы или разрушение ее социальных отношений (Красонцева, Рерке, Сверч, 2020).

В свою очередь, проблема кибербуллинга обсуждается научным сообществом на протяжении менее двух десятилетий, практически с тех пор, как Интернет прочно вошел в повседневную жизнь людей. Исследователи G. Hoobler, B. Li, J. Patchin концентрируют свое внимание на природе кибертравли, ее особенностях, а также сходстве с традиционной, оффлайновой травлей и отличиях от нее (Hvidston et al., 2013). Как отмечают Д. Хвидсон и соавторы, значительным отличием от оффлайновой агрессии является тот факт, что агрессор и жертва могут находиться в разных географических местах, при этом участники травли могут быть лично незнакомы (Hvidston et al., 2013). При этом, как отмечают А. А. Бочавер и К. Д. Хломов, жертвами девайс-буллинга чаще всего становятся примерно те же подростки, которые испытывают нападки вживую и проявляют в реальной жизни некую виктимность в поведении (Бочавер, Хломов, 2014). Подчеркнем, что процесс внутренней адаптации к подобного рода напряжению возможен посредством отработки навыков решения проблем, а также формированием качеств или свойств личности, которые позволило бы индивиду эффективно самореализоваться в реальной действительности. Всё это порождает потребность научного сообщества изучать феномен жизнестойкости (Рерке и др., 2020). Отечественные психологи проблему трудных жизненных ситуаций рассматривают через призму стрессоустойчивости (там же).

При этом анализ зарубежных экспериментальных исследований позволяет констатировать, что особое внимание стоит уделить изучению жизнестойкости как общего показателя психологического здоровья человека. Особую актуальность обретает данная проблема в связи с демонстрацией девайс-буллинга.

Итак, изучение зарубежной психолого-педагогической литературы позволило обратить внимание на следующие направления научного осмысления понятия «жизнестойкость»:

- 1) способ индивида адаптироваться к стрессам. В этом аспекте важно изучить такие личностные качества, как самообладание, наличие и проявление чувства юмора, как категории психологически здоровой личности;

- 2) изучение факторов риска, приводящих к нарушениям жизнестойкости. Согласно этому направлению исследований, жизнестойкость определяется как способность человека решать проблемы, несмотря на негативные жизненные обстоятельства, и продолжить личностное развитие еще на более высоком уровне;
- 3) жизнестойкость как особая черта личности, означающая эффективное преодоление и достижение человеком значимых жизненных результатов.

Важно отметить, что большинство отечественных исследований жизнестойкости можно разделить на две группы. К первой группе относятся исследования жизнестойкости с точки зрения преодоления стресса и адаптации в сложных жизненных обстоятельствах, ко второй – исследования жизнестойкости «вне стресса», в рамках личностного аспекта. Подобные работы позволяют рассматривать понятие жизнестойкости с точки зрения ценностно-смыслового подхода.

Кроме этого, содержательная сторона понятия «жизнестойкость» представлена в двух аспектах: в осознании интересов и выработке ценностей и смыслов, а также в практическом действии – как навык, умение и способ действия в сложных ситуациях (Рерке и др., 2020).

Особую актуальность формирование жизнестойкости приобретает в подростковом возрасте – это связано с повышенной возбудимостью, импульсивностью и неуравновешенностью. В этот период у подростков наблюдаются частая смена настроения, категоричность высказываний, противоречивость. У подростков появляется желание быть признанными окружающими людьми и особенно взрослыми, которое сочетается с показной независимостью. Борьба с авторитетами и обожествление кумиров, эгоистичность у подростков проявляется наряду с преданностью и самопожертвованием. Грубость, вербальная агрессия и бесцеремонность пубертата может сочетаться с ранимостью. У подростков наблюдаются частые колебания от сияющего оптимизма к самому мрачному пессимизму. У них обостряется чувствительность к оценке другими их внешности, способностей, силы, умений и сочетается с излишней их самоуверенностью (Красонцева и др., 2020). Все это может привести к участию в ситуации кибербуллинга или девайс-буллинга.

В свою очередь, девайс-буллинг оказывает огромное влияние на социальную сторону жизни подростка. Сигналом социальной подавленности подростка может быть: скрытность, нежелание об-

щаться с родителями и друзьями, частые прогулы школьных занятий, избегание компаний одноклассников и других знакомых, потеря навыков общения, дезадаптация, дезинтеграция, ненормативное поведение (там же).

В свою очередь, причины, которые вызывают кибербуллинг, в основном однотипны. Это желание самоутвердиться в глазах сверстников, показать свой авторитет и превосходство путем унижения более слабых личностей. При этом в один ряд с данной причиной встает и низкая самооценка у агрессивных подростков – таким образом они проявляют свою злобу и зависть, пытаясь заглушить чувство собственной неполноценности или отвержение обществом. Комплекс неполноценности возникает как результат различных причин, таких как собственные ошибки и неудачи, душевные травмы и т. п. Еще одной причиной кибербуллинга является желание подростков развлечься. Кибербуллинг может начаться с шутки, язвительных высказываний в адрес жертвы. Юмор является способом самовозвышения, так как объект смеха является смешным, а субъект считает себя остроумным.

Также факторами, способствующими возникновению кибербуллинга, могут стать проблемы в семейных взаимоотношениях, низкий уровень эмпатии, неумение разрешать конфликты, индивидуально-личностные особенности индивида.

Стоит отметить, что обычно проявление кибербуллинга выражается в ситуациях, когда подростки используют современные технологии для того, чтобы запугать, оскорбить, унижить или иным способом вызвать тревогу у своих сверстников. Кроме того, отправляют оскорбительные письма, распространяют ложную информацию, создают страницы в социальных сетях, чтобы над кем-то посмеяться, делают фотоснимки там, где люди рассчитывают на уединение, и распространяют их в киберпространстве, без разрешения снимать и загружать в сеть видеоматериалы, а также используют анонимные приложения для разрушения достижений игроков в игровых сетях и пр. При этом если взрослые не обращают на что-то подобное внимание, в таком случае подростки чувствуют себя безнаказанными и не останавливаются сами, зная, что их сложно идентифицировать и тем более «наложить на них санкции».

Таким образом, вышеизложенное доказывает важность развития жизнестойкости подростков как фактора девайс-антибуллинга. Важным направлением является поиск и определение личных ресурсов,

которые облегчают совладание с киберагрессией со стороны сверстников, смягчают потенциально негативные последствия и поэтому являются защитными (Хломов и др., 2019).

Жизнестойкость как интегральная характеристика личности определяется смысловой регуляцией личности, самооценкой, волевыми качествами, социальной компетентностью, коммуникативными умениями. При этом прикладной аспект жизнестойкости обусловлен социальной ролью, которую личность реализует при столкновении со стрессовыми ситуациями и активным проявлением тех компонентов жизнестойкости, которые свидетельствуют о психологическом здоровье индивида.

Все сказанное позволяет констатировать, что проблема жизнестойкости изучается с точки зрения особенностей переживаний, факторов, которые способствуют переживанию трудностей.

Важно подчеркнуть, что подросток, ставший жертвой кибертравли, сталкивается с большим количеством последствий психологического, педагогического и социального характера. Нарушения, возникающие после кибербуллинга, затрагивают все уровни функционирования подростка. Они приводят к стойким личностным изменениям, которые препятствуют способности подростка реализовать себя в будущем.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что в среде современных подростков набирает популярность такое явление, как девайс-буллинг или кибербуллинг, которое несет множество негативных последствий для индивида. В связи с этим очень важно развивать жизнестойкость как фактор девайс-антибуллинга на данном возрастном этапе.

Однако данная проблематика по большей части рассматривается в направлении профилактики психических нарушений, возникающих в результате воздействия экстремальных факторов, разного рода рисков или опасностей, например, в образовательном процессе. А ведь этот момент является очень важным, поскольку сегодня актуализация и развитие жизнестойких качеств — цель воспитания и самовоспитания будущего специалиста, поскольку мы живем в веке высоких технологий, развитие которых влияет не только на экономику, но и на социокультурную среду, изменяя присущую человеку систему смыслов, образов мысли, ценностей, норм и идеалов, стереотипов и установок.

Литература

- Бочавер А. А., Хломов К. Д.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 177–189.
- Красонцева Е. Ю., Рерке В. И., Сверч Л. П.* Кибербуллинг подростков: изучение социально-психологических последствий // International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии. 2020. Т. 3. № 4. С. 32–37.
- Рерке В. И., Салахова В. Б., Игнатов С. Б.* Формирование и развитие жизнестойкости у педагогов высших учебно-профессиональных заведений посредством интерактивных форм взаимодействия // Образование личности. 2020. № 1–2. С. 107–118.
- Хломов К. Д., Давыдов Д. Г., Бочавер А. А.* Кибербуллинг в опыте российских подростков // Психология и право. 2019. № 2. С. 276–295.
- Hvidston D. J., Hvidston B. A., Range B. G., Harbour C. P.* Cyberbullying: implications for principal leadership // NASSP Bulletin. 2013. V. 97 (4). P. 297–313.

Гендерные особенности готовности к семейной жизни тувинской молодежи

А. М. Салчак (ФГБОУ ВО «ТувГУ», Кызыл),

А. А. Хертек (ФГБОУ ВО «ТувГУ», Кызыл)

В статье рассматриваются вопросы психологической готовности к семейной жизни тувинской молодежи. Представлены результаты эмпирического исследования готовности к браку и семейной жизни среди молодежи Республики Тывы. В исследовании приняли участие 60 чел. в возрасте от 18 до 30 лет из разных кожуунов Республики Тывы, из них 30 мужчин и 30 женщин. Во время исследования использовались методики: «Рольевые ожидания и притязания в браке (РОП)» (А. Н. Волкова); Опросник «Измерение установок в семейной паре» (Ю. Е. Алешина); Тест-карта оценки готовности к семейной жизни (И. Ф. Юнда). Выявлено, что у мужчин больше значимых различий, чем у женщин.

Ключевые слова: готовность к браку, брачно-семейные отношения, мужчины, женщины.

В настоящее время происходит интенсивное развитие общества, это, в свою очередь, приводит к изменению семейных ценностей: представление о браке изменяется, происходит рост альтернативных форм брачно-семейных отношений. Все больше молодых людей, которые не хотят вступать в брак или вообще не стремятся к семейным отношениям. Также бывают и ситуации, когда семья вынужденно создается по причине внеплановой беременности, но молодые люди не готовы к ее созданию. Тем не менее, общество заинтересовано в подготовке молодых людей к созданию семьи, подготовка молодого поколения к браку приобретает особое значение. Для создания хорошей и крепкой семьи, в которой общие интересы и общие убеждения, необходимо формировать готовность к созданию брака и семьи.

Проблемой семьи занимались такие ученые, как: Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, В. Сатир, А. И. Захаров, Ю. Н. Олейник, Н. Аккерман, К. Алыт, Н. В. Александрова, А. Н. Волкова, Т. М. Трапезникова, Н. Я. Соловьева, И. В. Гребенников и многие другие.

Цель исследования: определить психологическую готовность тувинской молодежи к семейной жизни.

Объект исследования: психологическая готовность к семейной жизни тувинской молодежи разного пола в возрасте от 18 до 30 лет.

Предмет исследования: особенности психологической готовности тувинской молодежи к семейной жизни в зависимости от пола и социального статуса семьи.

Задачи работы:

1. Провести сравнительный анализ психологической готовности тувинской молодежи к семейной жизни по полу.
2. Обработать полученные результаты исследования с помощью t-критерия Стьюдента.
3. Проверить подтверждение гипотезы исследования и сформулировать выводы.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что психологическая готовность к семейной жизни имеет половую специфику, что девушки характеризуются большей готовностью к семейной жизни, нежели юноши.

Психологические особенности выбора человеком брачного партнера, согласно теоретическим источникам, определяются в основном привлекательностью партнера и схожестью взглядов относительно важных жизненных вопросов.

Таким образом, как отечественные, так и зарубежные исследователи выделяют свои критерии к проблеме вступления в брак и рассматривают вопрос со своей точки зрения, тем самым расширяя представления о компонентах готовности к семейной жизни. Исследования вопросов вступления молодежи в брак в различных областях знания составляют предмет междисциплинарного характера, позволяющий переосмыслить сущность феномена семьи на современном этапе развития.

Отношения между супругами значительно влияют на благополучие всей семьи. Несмотря на имеющиеся многочисленные исследования в области семьи и брака, некоторые аспекты требуют изучения. В частности, данными аспектами, на наш взгляд, является проблема удовлетворенности браком как важнейшая составляющая психологического климата во взаимоотношениях супругов. Поэтому в данной работе была попытка исследования семейных установок среди молодежи Республики Тывы.

Основной задачей молодого возраста является установление близких отношений с противоположным полом и, как следствие этого, создание семьи и участие в супружеской жизни. Ее важным аспектом являются ролевые ожидания и притязания супругов.

После проведения и обработки полученных данных с помощью математической статистики t -критерия Стьюдента мы получаем следующие данные: по хозяйственно-бытовой шкале по ролевым ожиданиям ($r = 6,18$, $p > 0,01$) значимое различие выявлено у девушек. Это может свидетельствовать о том, что девушки более требовательны к участию супруга в организации быта и для них важны навыки и умения в хозяйстве и быту именно супруга.

А по ролевым притязаниям ($r = -4,25$, $p > 0,01$) значимое различие обнаружено у мужчин. Это говорит о том, что установки мужчин на личное активное участие в ведении домашнего быта проявлены в большей мере, чем у девушек. Установленные представления могут быть обусловлены тем, что в современных условиях происходит перераспределение традиционных семейных ролей, при котором мужской пол допускает исполнение традиционно женских семейных обязанностей и активно демонстрирует свое участие в решении семейных хозяйственно-бытовых вопросов.

Далее, по родительско-воспитательной шкале по ролевым притязаниям ($r = -7,24$, $p > 0,01$) значимое повышение выявлено у мужчин, что свидетельствует о том, что мужчины большее значение придают отцовской роли и считают родительство основной ценностью, концентрирующей вокруг себя жизнь семьи. Тувинские мужчины считают, что отцовство является не менее важным и значимым делом для формирования полноценной и успешной личности.

По шкале «социальная активность» по ролевым притязаниям ($r = 7,70$, $p > 0,05$) мы видим, что значимое различие обнаружено у девушек. Это говорит о большой ориентированности девушек на собственные профессиональные потребности. У них выражена значимость внесемейных интересов, являющихся основными ценностями в процессе межличностного взаимодействия партнеров.

По шкале «внешняя привлекательность» ($r = 4,31$, $p > 0,01$) по ролевым притязаниям значимое различие выявлено у девушек. Это говорит о том, что девушкам важно выглядеть привлекательно, модно и красиво одеваться. Обогащая свою внешнюю красоту, тем самым они приводят в гармонию и свой внутренний мир. Для девушек одежда, свежий макияж, маникюр — это не только внешняя оболочка, но и за-

щита, роль и энергетический ресурс. Опрятность и красота позволяют любой девушке быть уверенной в себе. Результаты сравнения данных методики «Измерение семейных установок в паре» по полу: значимые различия обнаружены в шкале «альтернатива между чувством долга и удовольствием» ($r = -2,74$, $p > 0,01$). Она выше у мужчин, чем у женщин. Возможно, это связано с тем, что мужчины в большей мере чувствуют ответственность перед будущей семьей. Издавна в тувинских семьях приветствовалась традиционная культура, где главой семьи является мужчина. По тувинским традициям главная роль и ответственность за семью лежала на мужчине.

Далее, по шкале «значимость детей» значимое различие обнаружено у мужчин ($r = -2,96$, $p > 0,01$). Это говорит о том, что мужчинам важно сохранить свой род и рождение детей является важным компонентом. Для мужчин роль отца имеет высокую важность, они считают родительскую функцию очень значимой, что подтверждают наши предыдущие данные.

Удивительно также обнаружить, что у мужчин выше шкала «отношение к любви романтического типа» ($r = -2,56$, $p > 0,05$), чем у девушек. Более выражена ориентация на традиционно представляемую романтическую любовь. Возможно, современная тувинская семья переживает трансформацию. Современная семья изменилась и по составу. Произошел переход от расширенной семьи к нуклеарной. Нуклеарная семья – это родители и дети.

А у девушек значимое различие показало по шкале «отношение к патриархальному или эгалитарному устройству семьи» ($r = 3,21$; $p > 0,01$).

Далее, рассматривая результаты методики «Тест-карта готовности к семейной жизни», мы видим, что по шкале «создание положительного психоэмоционального фона» ($r = 5,01$, $p > 0,01$) значимое различие выявлено у девушек. Это говорит о том, что девушки при проблемах на работе или же при иных других трудностях хотели бы как отдавать, так и получать сопереживание и проявление нежности, поддержку и заботу. Неверным и неприемлемым считают упреки, недовольства и обвинения. Таким образом, по созданию положительного психоэмоционального фона в семейной жизни девушки более подготовлены, нежели мужчины.

По шкале «деторождение» ($r = -5,50$, $p > 0,01$) значимое различие выявлено у мужчин. Это свидетельствует о том, что для мужчин важно иметь как можно больше детей. Важно сохранить свой род, и рожде-

ние детей является важным компонентом. Этому можно найти объяснение: ответственные родители с каждым пополнением в семье сами начинают активно искать способы улучшения собственного материального благополучия, и у многих это получается. Как во многих семьях, в особенности в тувинских семьях, главой семьи всегда считался мужской пол, он добытчик, опора для семьи, для детей своих. То есть дети в данном случае выступают неким стимулом. Тем самым, мужчина показывает пример для подражания, чтобы передать соответствующий опыт на своем примере. И таким образом, для мужчин роль отца играет высокую значимость.

Далее, по шкале «социальное самосовершенствование» ($r = -3,11$, $p > 0,01$) значимое различие обнаружено у мужчин. Это говорит о том, что мужчины больше считают, что необходима забота и развитие каждого члена семьи, взаимопонимание и взаимная поддержка, чем женщины, и также не предпочитают проводить досуг отдельно от супруги.

По результатам исследования было выявлено, что у мужчин значимых различий больше, чем у женщин. Таким образом, гипотеза о том, что психологическая готовность к семейной жизни имеет половую специфику, опровергнута, в частности, то, что девушки характеризуются большей готовностью к семейной жизни, нежели юноши, не подтвердилось.

Литература

- Гуриева С. Д.* Социально-психологические феномены в межэтнических отношениях // Социальная психология общения. М.: Инфра-М, 2017. С. 81–107.
- Каган В. Е.* Половое воспитание девочки в семье. М.: Советский спорт, 1991.
- Реан А. А.* Отношение молодежи к институту семьи и семейным ценностям // Национальный психологический журнал. 2016. № 1 (21). С. 3–8.
- Салчак А. М.* Особенности образа отца у подростков из неполных семей в Республике Тыве // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20. № 4 (52). С. 465–474. doi: 10.15507/2078-9823.52.020.202004.465-474
- Ситников В. Л.* Образ ребенка в сознании детей и взрослых. СПб.: Химиздат, 2001.

Психологическое благополучие молодежи в контексте ситуации социально-этнического отчуждения*

А. Г. Самохвалова (КГУ, Кострома), *Е. В. Тихомирова* (КГУ, Кострома),
О. Н. Вишневецкая (КГУ, Кострома), *Н. С. Шипова* (КГУ, Кострома)

Статья посвящена проблеме связи восприятия ситуации социально-этнического отчуждения, совладания с ней и психологического благополучия у российской молодежи. Исследование преимущественно выполнено в номотетическом подходе. В исследовании приняли участие 44 чел. (мужчины и женщины) от 18 до 35 лет ($M = 25,3$, $SD = 7,1$). Выводы: в ситуации социально-этнического отчуждения психологическое благополучие молодежи оказывается в зоне риска, что можно связать со снижением показателей осмысленности жизни на фоне ценностной диффузии и индифферентности будущего. Нейтральность собственных этнонациональных установок связана с конструктивными стратегиями совладания и опосредованно с психологическим благополучием субъекта.

Ключевые слова: молодежь, психологическое благополучие, ситуация социально-этнического отчуждения, этнонациональные установки, совладание.

Политические и экономические изменения, произошедшие в современном обществе, повлекли за собой ряд негативных социальных последствий. Российское общество функционирует в непростых условиях, а именно в условиях социально-этнического отчуждения на арене международных отношений. Граждане РФ столкнулись с ситуацией международного отторжения и непринятия, с введением санкционного режима в отношении себя, агрессией, транслируемой в социальных сетях и пабликах. Развитие политического конфликта приводит к увеличению этносоциальной дистанции русских с представителями иных этнокультурных групп, отчуждение сменяется неприязнью,

* Выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-513-05005/20 «Теоретические и методические основы оценки психологического благополучия студенческой молодежи».

растет конфронтация с остальным миром на фоне усиления этнонациональной сплоченности. Двусторонняя эмоционально-психологическая отстраненность «русского» и остального мира является уникальным контекстом взросления, решения задач развития современной российской молодежи.

Проблемам отчуждения посвящено немало трудов многих зарубежных и отечественных ученых различных областей науки. Еще недавно данный феномен рассматривался в контексте проблем адаптации мигрантов, интеграции отдельных социальных групп в поликультурном обществе, изучения специфики этнических конфликтов (Степанова, 2019). Также в психологической литературе сделан акцент на исследовании эффектов и особенностей социального отчуждения в различных социально-демографических группах, среди которых важное место занимают работы, посвященные переживанию отчуждения и совладания с ним у пожилых людей и других социально уязвимых групп. Авторы рассматривают отчуждение как предиктор возникновения социальной дезадаптации, фактор формирования суицидальных мыслей, индикатор внутриличностных конфликтов (Молодцова, Шалова, 2019; Черная, Бодрухина, 2020; и мн. др.). При этом, как подчеркивают А. В. Черная и А. Ю. Бодрухина, социальное отчуждение сопровождается принятием группой и/или самостоятельным отторжением личности от группы, вследствие чего возникает чувство социальной изолированности. Переживание отчуждения субъектом сопровождается целым спектром психологических симптомов, большая часть которых напрямую связана со смыслоутратой, что не может не отражаться на снижении жизнестойкости личности. Ощущение замкнутости, отчаяния, пустоты, снижение доверия к социуму/себе, попытка отделения себя от реальности возникает на фоне неудовлетворенности потребности в принадлежности к обществу/группе (Леонтьев, 2014; Осин, 2007). В нашем случае мы говорим о социально-этническом отчуждении как разновидности социального отчуждения, в рамках которого субъект переживает чувство изолированности, непринятия и дискриминации по этническому признаку и принадлежности к конкретному государству.

В ситуации отчуждения любой организм испытывает стресс, который, с одной стороны, забирает ресурсы, с другой – необходим для адаптации к новым условиям и для развития. Необходимость

ориентироваться на новые нормы и выполнять правила, вызванные изоляцией на международной арене отношений (ограничение въезда на территории других государств, санкции, ограничение социальных сетей, ресурсов для работы и развлечений и др.), для многих людей стала источником трудностей, к которым они оказались не готовы. Нестабильность современного мира приводит к смене привычных ценностей, провоцирует внутрисемейные конфликты, снижает доверие друг к другу, усиливает страхи. Это может приводить к росту социальной отчужденности в целом. Молодежь может быть подвержена этому явлению в силу возрастной эмоциональной восприимчивости себя, окружения, окружающего мира из-за отсутствия опыта не только личного, но и у окружающих, из-за ситуации интенсивной смены круга общения и ценностных ориентаций.

В нашей работе мы рассматриваем сложившуюся ситуацию в российском обществе как ненормативный социальный кризис, связанный с социальной отчужденностью русских мировым сообществом. Каждый из нас объективно вне собственной воли вовлечен в данный исторический и социальный контекст, но может по-разному его воспринимать и соответственно совладать с ним. В связи с этим и возникла проблема исследования: какова связь восприятия ситуации социально-этнического отчуждения, совладания с ней и психологического благополучия у российской молодежи?

В качестве гипотез были выдвинуты следующие предположения: 1) существует специфика связи восприятия ситуации социально-этнической отчужденности и аттитюдов по отношению к феномену «национальности»; 2) существует связь особенностей восприятия ситуации социально-этнического отчуждения, совладания с ней и психологического благополучия у российской молодежи.

Методы и методики: анкета на восприятие ситуации социально-этнического отчуждения; «Когнитивная оценка стрессовой ситуации» А. Ю. Маленовой (2015); «Шкала этнонациональных установок» О. Е. Хухлаева, И. М. Кузнецова, Н. В. Ткаченко (2018); методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления И. Г. Сизовой, С. И. Филиппченковой (2002); «Опросник личностных изменений» К. В. Карпинского, А. М. Колышко, Т. В. Парфеновой (2008). Математические методы: описательная статистика, частотный подсчет, коэффициент корреляции Спирмена. В исследовании приняли участие 44 чел. (мужчины и женщины) от 18 до 35 лет ($M = 25,3$; $SD = 7,1$).

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ результатов анкеты показал, что социально-этническое отчуждение молодежь усматривает в вводе санкций и ограничений для россиян, в том числе связанных с получением виз, въездом на ряд территорий, экономической блокадой, и проявлений русофобии (предвзятость, негативные оценки русских в СМИ и др.). Респонденты отметили, что данная ситуация социально-этнического отчуждения лично на них отразилась в виде снижения уровня и качества жизни. Ситуация вызывает в основном печаль (превалирующая эмоция), но в юношеском возрасте, в сравнении с возрастной группой старше 22 лет, спектр чувств, испытываемых в связи со сложившейся ситуацией, шире: вина, стыд, гнев, презрение и даже волнующий интерес. Молодое поколение более чувствительно к внешней негативной оценке, отличается остротой восприятия в связи с высокой активностью в познании мира и становлении мировоззрения. Также именно для данной группы, по результатам анкеты, характерна наибольшая вера в силы и возможности страны.

В когнитивной оценке ситуации социально-этнического отчуждения на совокупной выборке было выявлено преобладание факторов объективной заданности ($x = 12$), контроля ($x = 9$) и стрессогенности ($x = 8$). При этом наименее выражен фактор угрозы ($x = 4$). Таким образом, представители юности и ранней взрослости в большей степени, несмотря на стрессогенность ситуации, рассматривают ее как заданную объективными обстоятельствами, поддающуюся контролю. Также можно предположить, что фактор контроля в данной ситуации используется как защитный механизм, чтобы снизить чувство вины. С точки зрения личностных изменений, под воздействием экстремального события были получены следующие результаты: значения по шкалам «психологическое благополучие», «осмысленность жизни», «позитивное самоотношение молодежи» находятся в диапазоне, соответствующем нижней границе среднего уровня выраженности. При этом религиозность и переживание угрозы приближаются к высокому уровню. Таким образом, в зоне риска оказываются психологическое благополучие и его значимые корреляты. На уровне когнитивно-поведенческих стратегий отметим, что молодежь чаще прибегает к конструктивно-преобразующим стратегиям совладания ($x = 10$) с ситуацией социально-этнического отчуждения, т. е. для них характерна нацеленность на сознательное изменение своих особенностей и вера в то, что активность и переосмысление ситуации могут

привести к личному благополучию в данном контексте. Респонденты стараются изменить собственные характеристики и отношение к ситуации, для того чтобы отчуждение оказывало меньшее влияние на их состояние. Так, преобладают такие стратегии, как «когнитивная репетиция», «коррекция ожиданий и надежд», «идущее вверх сравнение», «превосходящая печаль», «изменение личностных свойств». При этом в данной группе респондентов ярко выражены патриотические установки ($x = 13,6$), которые, возможно, выполняют ресурсную роль и позволяют быстрее справиться с ситуацией отчуждения.

При анализе связей применяемых стратегий преодоления ситуации отчуждения, особенностей ее восприятия и личностных изменений в контексте экстремальной ситуации, которые рассматриваются в нескольких измерениях, на выборке представителей юношеского возраста прослеживаются следующие тенденции:

Чем больше преобладает стратегия «когнитивная репетиция», тем выше показатели «позитивное самоотношение» ($R = 0,57^{**}$), «психологическое благополучие» ($R = 0,58^{**}$) и «осмысленность жизни» ($R = 0,54^{**}$) в контексте отчуждения. Это говорит о том, что в юношеском возрасте для сохранения позитивного восприятия себя, своей жизни, видения перспектив в стрессогенном социокультурном контексте необходимо ориентироваться на возможные варианты позитивного изменения ситуации, проигрывать конструктивные исходы, переосмысливая ситуацию и извлекая из нее позитивный опыт. Субъект начинает формировать ее как проблему, определяет конечную и промежуточные цели, намечает план решения, определяет способы достижения и преодоления. Вера в то, что россияне способны справиться с данной ситуацией и наладить привычный стиль жизнедеятельности, придает сил, смысл жизни, у молодого человека появляется переживание уверенности в себе, своих силах, в силах страны, способности преодолеть трудности, справиться с ситуацией социально-этнического отчуждения на международной арене отношений. Планы на будущее воспринимаются как более реализуемые. Также с осмысленностью жизни (важным коррелятом психологического благополучия) связаны конструктивные приспособительные стратегии ($R = 0,52^*$), позволяющие быстрее адаптироваться к ситуации, не утратить смысл собственной жизни. При этом было выявлено, что чем нейтральнее этнонациональные установки у молодежи, тем чаще они прибегают к конструктивным стратегиям копинга в данном контексте – выше коэффициент конструктивности ($R = 0,45^*$).

Таким образом, в ситуации социально-этнического отчуждения психологическое благополучие молодежи оказывается в зоне риска, что можно связать со снижением показателей осмысленности жизни на фоне ценностной диффузии и индифферентности будущего. Было выявлено, что нейтральность собственных этнонациональных установок, но при этом чувство патриотизма взаимосвязаны с конструктивным совладанием с ситуацией отчуждения, которые, в свою очередь, напрямую связаны с психологическим благополучием субъекта.

Литература

- Леонтьев Д. А.* Смыслоутрата и отчуждение. 2007. URL: <http://hpsy.ru/public/x3799.htm> (дата обращения: 04.12.2022).
- Молодцова Т. Д., Шалова С. Ю.* Влияние отчуждения подростков на возникновение их социальной дезадаптации // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63–3. С. 294–297.
- Осин Е. Н.* Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика: Автореф дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Степанова А. А.* Этническая отчужденность личности: основные характеристики и социально-психологические закономерности // Вестник ЮУрГГПУ. 2019. № 5. С. 275–295. doi: 10.25588/CSPU.2019.82.67.019
- Черная А. В., Бодрухина А. Ю.* Психологические особенности субъективного отчуждения у студентов // Вестник ВятГУ. 2020. № 4. С. 118–130. doi: 10.25730/VSU.7606.20.062

Жизнеспособность молодежного населения в регионе экологического неблагополучия: к итогам изучения с позиций экопсихологического подхода

Н. М. Сараева (ФГБОУ ВО «ЗабГУ», Чита),
А. А. Суханов (ФГБОУ ВО «ЗабГУ», Чита),
И. Л. Галиакберова (ОЧУВО «МИУ», Москва)

Представлены методологические позиции экопсихологического подхода к изучению жизнеспособности, обоснование гипотезы о возможных отличиях в показателях жизнеспособности испытуемых, проживающих на отличающихся по степени экологического неблагополучия территориях. Параметрами жизнеспособности служили умственная работоспособность, развитие интеллекта и уровень жизнестойкости. Выборку составили старшие школьники и студенты, коренные жители экологически неблагополучных территорий Забайкальского края. Эмпирически определено, что показатели жизнеспособности большей части обследованного молодежного населения соответствуют среднему уровню. Но выявлена тенденция к снижению ряда характеристик жизнеспособности испытуемых, постоянно проживающих на экологически неблагополучных территориях.

Ключевые слова: жизнеспособность, экопсихологический подход, жизненная среда, экологическое неблагополучие, молодежное население.

В отечественной психологии жизнеспособность человека изучается, главным образом, в социально-психологической парадигме (Махнач, 2016; и др.). Но в реальной жизнедеятельности жизнеспособность обеспечивается не только социальными, но и природными условиями существования. И связи с природной (физической) средой не менее важны для психики, чем взаимодействие со средой социальной. Их значимость возрастает, если природная среда, как часть среды жизненной, является экологически неблагополучной, т. е. не вполне адекватной гено- и фенотипическим свойствам человека. Необходимость включения в число подлежащих анализу детерминант психоло-

гической жизнеспособности человека специфики среды природной определяется значительной распространенностью в нашей стране регионов экологического неблагополучия (РЭН), к которым относятся и Забайкальский край.

Известно, что влияния экологически неблагополучной природной среды снижают показатели физического здоровья человека, его биологической адаптации. Выявлен также дрейф к нижним границам нормы показателей психической деятельности детского и молодежного населения РЭН. Выяснение, за счет каких механизмов и факторов при этом в психике происходит компенсация негативных природных влияний, достигается относительный баланс со средой и в определенной мере достаточный уровень жизнеспособности человека, – актуальная исследовательская проблема.

Авторами была предпринята попытка ее разработки. Исследование выполнено в русле экопсихологического подхода к развитию психики (Панов, 2014), рассматривающего последнюю как результат взаимодействия между компонентами системы «человек–жизненная среда, природная и социальная».

Природно-социальный контекст проблемы определил необходимость расширения содержания понятия жизнеспособности, включения в него не только комплекса социальных (личностных) характеристик, но и свойств, принадлежащих к другим уровням системной организации человека (Леонтьев, 1983). Жизнеспособность определялась как заданная природой (энергетически обеспечиваемая) и развиваемая обществом сложная интегральная характеристика человека, системное свойство системы «человек–жизненная среда», обеспечивающее актуальный и потенциальный уровень психической активности в данных природных и социальных условиях.

В экопсихологической модели жизнеспособности выделены связанные отношения иерархии психофизиологической, психической и личностной ее уровни, из которых первый наиболее подвержен влияниям природной среды, а другие, подчиняясь законам поведения системы, также не могут избежать этих влияний и их последствий.

Краткое теоретическое обоснование гипотезы о возможности существования отличий в показателях жизнеспособности людей, постоянно проживающих на экологически неблагополучных и благополучных территориях, состоит в следующем.

Ни одна из сфер психики несвободна от своего биологического базиса, от необходимости обмена энергией и информацией с окру-

жающей средой, т. е. несвободна от природных влияний. Это относится и к психологической жизнеспособности. Энергетические процессы в организме человека и процессы обмена с окружающей средой есть естественная основа жизнедеятельности и психической деятельности человека.

В связи с этим, прежде всего, отмечено снижение уровня общей активации психической деятельности людей, проживающих на экологически неблагоприятных территориях. Оно вызвано тем, что в условиях экологического «загрязнения» природной (физической) среды адаптация к ней, жизнедеятельность в целом затруднены и требуют большего энергетического обеспечения, больших энергетических затрат, прежде всего, на биологическом уровне системной организации человека. Это влечет за собой недостаточность энергетического обеспечения на других уровнях – психологическом и социальном (личностном).

Снижение энергетического обеспечения жизнедеятельности человека в регионах экологического неблагополучия (и в Забайкальском крае тоже) проявляется в более высокой заболеваемости населения. И у практически здоровых людей, постоянно проживающих на экологически неблагоприятных территориях, согласно медико-биологическим исследованиям, наблюдается заметное снижение функциональных возможностей организма.

Заболевание или снижение биологических функций здорового человека есть особая стратегия адаптации к сложным условиям жизнедеятельности – стратегия минимизирующей адаптации. Когда длительные негативные воздействия вызывают напряжение организма, он переходит на более оптимальный для данных условий энергосберегающий режим функционирования – режим экономии жизненных сил.

Механизм минимизирующей адаптации действует и на психологическом уровне системной организации человека. Зафиксировано снижение показателей психологической адаптации молодежного населения экологически неблагоприятных территорий Забайкальского края (Суханов, 2016).

Если вслед за Б. Г. Ананьевым понимать жизнеспособность как общий энергетический потенциал, как общую способность человека к эффективному функционированию (Ананьев, 2001), а психологическую адаптацию трактовать как интегральный показатель жизнеспособности, то обоснованным представляется предположение

о том, что энергетически обусловленное снижение характеристик психической деятельности, психологической адаптации людей, родившихся и проживающих в РЭН, может быть проявлением ослабления их жизнеспособности.

Проведена диагностика параметров жизнеспособности (определенных в соответствии с теоретической моделью) 730 старших школьников и студентов, проживающих на отличающихся по степени экологического неблагополучия и характеристикам социальной среды территориях Забайкальского края.

Установлено, что интегральная оценка умственной работоспособности — параметра психофизиологического уровня жизнеспособности — у большей части испытуемых, независимо от территории их проживания, соответствует среднему уровню. Но при этом ряд наиболее энергоемких показателей умственной работоспособности испытуемых снижается с увеличением степени экологического загрязнения территории, ведь умственная работоспособность зависит от общей активации психической деятельности человека в его взаимодействии со средой.

Нейропсихологическая диагностика определила, что наиболее чувствительны к экопатогенному воздействию премоторные области мозга человека.

По показателям развития интеллекта — параметру психического уровня жизнеспособности — установлено, что преобладающая часть обследованных имеет средний уровень развития интеллекта, независимо от характеристик жизненной среды территорий их постоянного проживания. Но испытуемые, имеющие показатели низкого уровня развития интеллекта (интеллектуального дефекта, по Дж. Равену), выявлены только в выборках, представляющих население территорий с чрезвычайным и кризисным экологическим загрязнением природной (физической) среды.

Однако по полученным результатам трудно делать однозначные выводы о характере влияния фактора природного экологического неблагополучия на развитие интеллекта. Компенсирующее влияние социальной среды в известной мере выравнивает показатели развития интеллекта испытуемых, проживающих на отличающихся по экологическим условиям территориях.

Показатели жизнестойкости испытуемых — параметр диагностики личностного уровня жизнеспособности — у большей части испытуемых, независимо от территории их проживания, входят в грани-

цы средних значений. Отсутствуют значимые отличия в большинстве показателей жизнестойкости людей, проживающих на территориях с отличающимися условиями жизненной среды.

На высших уровнях жизнеспособности ведущую детерминирующую роль играют факторы социальные. Они позволяют компенсировать постоянные негативные воздействия субэкстремальной экологически неблагополучной природной (физической) среды и выравнивают показатели жизнестойкости испытуемых.

Таким образом, показатели жизнеспособности большей части обследованного молодежного населения, постоянно проживающего в условиях экологического неблагополучия, по изученным параметрам соответствует среднему уровню. Но выявлена тенденция к снижению ряда показателей жизнеспособности испытуемых, постоянно проживающих на экологически неблагополучных территориях. Тенденция обнаружена на всех уровнях жизнеспособности.

Одним из основных механизмов возникновения указанной выше тенденции к снижению ряда показателей жизнеспособности данной категории людей является энергосберегающая стратегия минимизирующей адаптации. Организм и психика достигают относительного динамического равновесия с экологически неблагополучной средой, но на более низком уровне функционирования.

На высших уровнях психического ведущую детерминирующую роль в психической деятельности играют факторы социальные. Хорошие условия социальной среды позволяют компенсировать постоянные негативные воздействия экологически неблагополучной природной (физической) среды на психику населения, проживающего на экологически неблагополучных территориях.

Жизнеспособность большей части молодежного населения, постоянно проживающего в регионе экологического неблагополучия, достаточна для решения базовых задач жизнедеятельности. Но вопрос о цене, главным образом, энергетической, психофизиологической, этой жизнеспособности стоит отдельно.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
- Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения. В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1. С. 381–385.

- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма: Монография. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Панов В. И.* Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.—СПб.: Психол. ин-т РАО; Нестор-История, 2014.
- Суханов А. А.* Психологическая адаптация человека в регионе экологического неблагополучия: Монография. Чита: ЗабГУ, 2016.

Исследование взаимосвязи жизнестойкости и готовности к освоению возрастнo-временных изменений в пожилом возрасте*

Т. Б. Сергеева (ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург),

Г. И. Борисов (ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург)

В статье представлены результаты исследования связи жизнестойкости и готовности к освоению возрастнo-временных изменений как составляющих личностной ресурсности в пожилом возрасте. В эмпирическом исследовании использовались тест жизнестойкости С. Мадди, в адаптации Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой, опросник «Готовность к освоению возрастнo-временных изменений» Н. С. Глуханюк, Т. Б. Сергеевой, корреляционный анализ по Спирмену. Результаты продемонстрировали неоднозначный характер связи жизнестойкости и готовности. Жизнестойкость сопровождается спокойным отношением к происходящим возрастным изменениям и готовностью к освоению изменений в профессиональной жизни субъекта. При этом осознание личностных и социальных изменений свойственно пожилым людям с низкими показателями риска и контроля.

Ключевые слова: жизнестойкость, готовность к освоению возрастнo-временных изменений, пожилой возраст, личностная ресурсность.

Со второй половины XX в. а в отечественной и зарубежной психологической науке появляются подходы и теории, рассматривающие зрелый и пожилой возраст с позиции потенциала развития и компенсации потерь, вследствие чего поздний возраст начинают изучать не только с точки зрения негативных возрастнo-временных изменений, но и с точки зрения ресурсов «успешного» или «счастливого»

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-00715 «Личностная ресурсность и субъективное благополучие в контексте временной перспективы человека в позднем возрасте». URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00715>.

старения. За рубежом ресурсный подход зародился в гуманистической психологии, инициирующей изучение конструктивного начала личности, которое позволяет ей преодолевать трудные жизненные ситуации. В современной отечественной психологии содержание понятия рассматривается в рамках развития теории психологического стресса, а ресурсы определяются как средства к существованию, возможности людей и общества.

Жизнестойкость (*hardiness*) определяется как интегративная характеристика личности, ответственная за успешность преодоления личностью жизненных трудностей. Она предполагает психологическую «живучесть» и расширенную эффективность человека, являясь показателем психического здоровья человека. Жизнестойкость не является врожденной характеристикой, а появляется и развивается в течение жизни. Жизнестойкость образована установками «Вовлеченность», «Контроль» и «Принятие риска». «Вовлеченность» — это убеждение, что вне зависимости от сложности обстоятельств лучший способ их преодоления — оставаться включенным в события, происходящие вокруг и поддерживать контакт с окружающими людьми, вместо отдаления и изоляции. «Контроль» — убеждение в необходимости продолжать оказывать влияние на возможные результаты и последствия вместо переживания бессилия в любой ситуации, что бы ни происходило. «Принятие риска» — это убеждение, что стрессовые обстоятельства — это нормальная характеристика жизни, которая дает возможность развиваться через опыт, полученный в результате их преодоления. Вместе эти установки позволяют оценить проблемную ситуацию с точки зрения возможностей развития и изменения (Maddi et al., 2013).

В процессе исследования факторов эффективности совладающего поведения пожилых людей психогеронтологами выявлено, что психологическим ресурсом, помогающим пожилым людям справиться с жизненными трудностями, является наличие психологического будущего, которое позволяет личности выйти на новые мотивы своей жизни, играет важную стимулирующую роль. В компоненте восприятия времени жизни личностной ресурсности пожилого человека мы выделяем готовность к освоению возрастно-временных изменений — психическое образование, определяющее осознание личностью факта собственного старения, толерантное отношение к нему и проявляющееся в поиске продуктивных стратегий адаптации к данному процессу. Готовность к освоению возрастно-временных изменений

включает в себя четыре компонента: физиологический, социальный, личностно-психологический, профессиональный, которые реализуются на трех уровнях: когнитивном, аффективном и мотивационном. Компонентный состав изучаемой нами формы готовности отражает основные аспекты старения человека. В работах авторов подробно представлена модель готовности и ее основные показатели (Глуханюк, Сергеева, 2007).

В настоящей статье будут рассмотрены взаимосвязи жизнестойкости как одной из составляющих смысложизненного компонента личностной ресурсности и готовности к освоению возрастно-временных изменений как составляющей компонента восприятия времени жизни. Целью поискового пилотажного эмпирического исследования было определение направленности и выраженности связей показателей готовности к освоению возрастно-временных изменений и жизнестойкости пожилых людей. Итоговой целью нашего проекта является разработка структурно-функциональной модели личностной ресурсности как интегративной психологической характеристики человека на поздних этапах развития, в единстве трех компонентов: регулятивного, смысложизненного и компонента восприятия времени жизни.

Понимание механизмов взаимодействия двух интегративных характеристик пожилого человека — жизнестойкости и готовности — позволит уточнить содержательное наполнение модели личностной ресурсности и обозначить направления продолжения исследования.

В эмпирическом исследовании приняли участие 254 респондента в возрасте от 60 до 75 лет, мужчины и женщины, проживающие в разных регионах России (большинство на территории Уральского федерального округа). Реализовывался принцип добровольного участия. Все участники исследования проживают самостоятельно или в семьях, оценивают состояние здоровья как удовлетворительное. Пациенты гериатрических стационаров и иных учреждений закрытого типа к участию не привлекались. Использовались психодиагностические методики: тест жизнестойкости С. Мадди, в адаптации Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой, авторский опросник «Готовность к освоению возрастно-временных изменений» Н. С. Глуханюк, Т. Б. Сергеевой. Основным методом математико-статистической обработки был корреляционный анализ по Спирмену.

Жизнестойкость пожилых участников исследования оказалась связана с профессиональным компонентом готовности ($r=0,149$

при $p=0,017$) и ее аффективным уровнем ($r=0,282$ при $p<0,001$). Более успешные в преодолении жизненных трудностей пожилые люди занимают активную субъектную позицию в освоении изменений, связанных с изменением характера профессиональной деятельности, ее частичной или полной утратой. Б. Г. Ананьев отмечал, что «конец трудовой деятельности неизбежно становится финалом человеческой жизни, драматической развязкой в форме открытого или скрытого конфликта человека и мира. При этом причиной дезинтеграции личности является не только само прекращение систематического труда, но и постепенное разрушение в самом внутреннем мире человека главной ценности – переживания труда как блага, как субъективно-творческого отношения человека к окружающему миру. Именно поэтому сохранение трудового тонуса, продолжение в разных видах общественно полезной деятельности и после наступления пенсионного возраста является важнейшим условием морально-психического здоровья пожилых и старых людей» (Ананьев, 1996, с. 123). Участники исследования продемонстрировали готовность осваивать новые роли наставника, «профессионала в прошлом» или же быть продуктивными в пенсионный период во внепрофессиональных сферах. При этом более жизнестойких субъектов отличает спокойное отношение к происходящим с ними возрастным изменениям, нейтральное или нейтрально-положительное отношение к ним, позиция принятия через активное приспособление.

Описанные тенденции характерны и для конкретной установки «вовлеченность». Кроме того, вовлеченность – единственный компонент жизнестойкости, связанный с общим показателем готовности к освоению возрастно-временных изменений ($r=0,163$ при $p=0,009$). Это позволяет предположить, что ресурс жизнестойкости – не отрицание своего возраста и условная «психологическая молодость» субъекта, а его активная позиция в освоении внешних и внутренних изменений. Вовлеченность также оказалась связана с физиологическим компонентом готовности ($r=0,217$ при $p=0,001$). По мнению геронтопсихологов, успешное или неуспешное старение не связано напрямую с состоянием здоровья. Однако непонимание природы происходящих изменений, эмоциональное переживание изменений внешнего облика, ухудшения систем и функций организма, отказ от поисковых ресурсов, кроме физических, – все это препятствует полноценному включению в жизнедеятельность и совладанию с трудностями.

Выявлено, что установки «контроль» и «принятие риска» не связаны с готовностью к изменениям в профессиональной сфере. Возможно, это обусловлено тем, что профессиональная деятельность в ближайшем или отдаленном будущем перестанет быть основным полем самореализации, субъект позднего этапа профессионализации уже не так включен в конкуренцию на рабочем месте, у него иные источники жизненного опыта. Контроль и принятие риска в большей степени отрицательно связаны с когнитивными показателями социального и личностно-психологического компонентов готовности к возрасту, отражающими степень осознания происходящих или ожидаемых изменений в системе социальных статусов и ролей ($r = -0,135$ при $p = 0,031$ для принятия риска) и в характеристиках личности ($r = -0,197$ при $p = 0,002$ для контроля; $r = -0,201$ при $p = 0,001$ для принятия риска). Эта тенденция отмечена и для жизнестойкости в целом. Можно предположить, что осознание и понимание личностных и социальных изменений, связанных со старением, провоцирует чувство беспомощности у пожилых людей, установки невозможности повлиять на ситуацию и что-то изменить в себе и окружающих. С другой стороны, более жизнеспособные пожилые люди, склонные к контролю и принятию риска в разноплановых жизненных ситуациях, могут сохранять эту способность в том числе и за счет отрицания личностных и социально-психологических трансформаций. «Психологическая цена» их осознания оказывается выше, чем в случае профессиональных и физиологических изменений.

Результаты пилотажного исследования подтверждают неоднозначный характер связи жизнестойкости и готовности к освоению возрастно-временных изменений в пожилом возрасте. С одной стороны, жизнестойкость поддерживается спокойным отношением к происходящим возрастным изменениям и готовностью к освоению трансформаций, происходящих в профессиональной жизни субъекта. С другой – осознание личностных и социальных изменений свойственно пожилым людям с низкими показателями риска и контроля. На следующих этапах исследования будут проверяться гипотезы о наличии и направленности причинно-следственных связей между готовностью к возрасту и жизнестойкостью, участие в этом взаимодействии других ресурсов субъективного благополучия как переменных-модераторов. Результаты послужат основанием для эмпирической валидации модели личностной ресурсности в пожилом возрасте.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Психология и проблемы человекознания. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МодЭК», 1996.
- Глуханюк Н. С., Сергеева Т. Б.* Психология позднего возраста: результаты исследований: Монография. Екатеринбург, 2007.
- Maddi S., Erwin L., Carmody C.* Relationship of hardiness, grit and emotional intelligence to internet addiction, excessive consumer spending and gambling // *Journal of Positive Psychology*. 2013. V. 8. № 2. P. 128–134.

Социально-перцептивные образы и жизнестойкость подростков и молодежи Республики Тывы

В. Л. Ситников (СПБУ МВД РФ, Санкт-Петербург),
С. М. Момбей-оол (ТувГУ, Кызыл), *А. М. Салчак* (ТувГУ, Кызыл)

Статья посвящена результатам исследования гендерных особенностей связи социально-перцептивных образов с жизнестойкостью и копинг-стратегиями тувинских подростков и молодежи в возрасте от 11 до 35 лет из полных, неполных семей и оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: социально-перцептивные образы, жизнестойкость, копинг-стратегии, Тыва, подростки и молодежь.

Отсутствие фундаментального чувства безопасности и тревога в связи с неопределенностью будущей жизни связаны с развитием глобальных проблем нашего времени: резким обострением проблем морали и межэтнической напряженности, международного терроризма, идеологического противостояния между Западом и Востоком, принимающего форму вооруженной борьбы. На этом фоне происходит рост исследований, посвященных проблемам изучения жизнестойкости и жизнеспособности человека.

Исследования в области жизнестойкости личности в России начались во многом благодаря адаптации Д. А. Леонтьевым и Е. И. Расказовой разработанного С. Мадди опросника Hardiness Survey, раскрывающего общий уровень резистентности и ее составляющих: вовлеченности, принятия на себя рисков и контроля. Благодаря исследованиям жизнеспособности замещающих семей как малых социальных групп, которые провел А. В. Махнач в последнее десятилетие (Махнач, 2019), резко вырос интерес к проблемам жизнеспособности, жизнестойкости и семей, и малых, и больших групп. Причем не только в России, но и в Республике Беларусь (Стреленко, 2022).

Вопрос повышения устойчивости населения крайне важен и актуален. Потому что каждая страна, особенно Россия, имеющая самую большую территорию с неограниченными природными ресурсами

и относительно малую численность жителей, нуждается в жизнестойком и стабильном населении. Это связано с политическими, социально-экономическими, экологическими, природными угрозами и усиливается средствами массовой информации, которые сильно развились благодаря новым технологиям, социальным сетям и блогерам.

Информация формирует в сознании людей образ окружающего мира. Особую роль играют социально-перцептивные образы, которые определяют отношение человека к самому себе и окружающим, своей деятельности и деятельности других людей. Многофункциональность образов обладает мощной регуляторной силой, поэтому они в значительной мере определяют нервно-психическую устойчивость и жизнестойкость, жизнеспособность человека. В то же время влияние информации и социально-перцептивных образов на формирование жизнеспособности и адаптации человека сегодня изучено явно недостаточно. Большое значение имеет «исследование социально-перцептивных индикаторов жизнестойкости в условиях глобализации и непрерывно растущего национального самосознания общества, характеризующегося активным обращением к этнокультурным традициям» (Момбей-оол, 2018).

Особый интерес представляет изучение связи социальной перцепции и жизнестойкости в сознании людей, живущих и действующих в отдаленных регионах, далеких от мегаполисов и ведущих научных центров, испытывающих серьезные экономические проблемы. В связи с этим нам представляется весьма актуальным изучение особенностей связей социальной перцепции и жизнестойкости населения Республики Тывы. В 2016–2022 гг. мы провели исследование, посвященное этой проблеме (Ситников и др., 2022).

В исследовании связей жизнестойкости с образами отца приняли участие 450 подростков из полных, неполных семей и детей-сирот в возрасте от 11 до 16 лет (Салчак, 2022).

Исследование связи компонентов социально-психологической перцепции и жизнестойкости тувинской молодежи проводилось в трех возрастных группах от 18 до 35 лет. Были получены результаты исследования 471 чел. (Момбей-оол, 2022).

Исследование социально-перцептивных образов проводилось с помощью методики «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)», диагностика показателей жизнестойкости осуществлялась с помощью теста жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой, кроме того, с помощью опросника «Спосо-

бы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой были исследованы особенности копинг-стратегий подростков и молодежи Республики Тывы.

В результате исследования С. М. Момбей-оол и А. М. Салчак были выявлены гендерные особенности корреляций между образами человека и жизнестойкостью подростков и молодежи из различных по типу семей. Так, в исследовании А. Я. Салчак были выявлены связи жизнестойкости и копинг-стратегий с различными компонентами структуры образа отца у девочек из полных семей по 9 пунктам, а у девочек из осиротевших семей оказалось лишь 3 связанных компонента, при этом у девочек из разведенных семей связей социально-перцептивных образов с жизнестойкостью и копинг-стратегиями не было выявлено. Другая картина обнаружилась при исследовании подростков мужского пола. У мальчиков из полных семей подобные связи были выявлены по 8 компонентам, в разведенных семьях их оказалось значительно больше – 28. И больше всего связей образов отца с жизнестойкостью и копинг-стратегиями оказалось у мальчиков-сирот. Что явно свидетельствует об особой роли образа отца в формировании жизнестойкости и адаптивных способностей у мальчиков, оставшихся без родителей (Салчак, 2022).

В исследовании С. М. Момбей-оол было выявлено, что связь образов человека, жизнестойкости и копинг-стратегий тувинской молодежи также зависит от пола и типа родительской семьи (Момбей-оол, 2022). Среди молодежи с одним родителем повышаются уровень вовлеченности ($r=0,205$), контроля ($r=0,242$) и общая жизнестойкость ($r=0,228$). В группе молодых людей из обычных семей проявляется обратная тенденция: чем старше они становятся, тем меньше их вовлеченность и жизнестойкость. При этом волевых характеристик в социально-перцептивных образах достоверно больше у женщин, отличающихся более высоким уровнем контроля ($r_s=0,217$) и жизнестойкости ($r_s=0,217$). Общая жизнестойкость связана с модальностью социально-перцептивных образов. Мужчины, отличающиеся более высоким уровнем жизнестойкости, заметно реже отмечают у себя отрицательные качества ($r_s=-0,2054$) и достоверно больше выделяют положительных качеств ($r_s=0,222$).

Чем старше становятся тувинские подростки и молодежь (от 11 до 35 лет), тем более существенные изменения происходят в соотношении жизнестойкости и структур социально-перцептивных обра-

зов, при этом уровень их вовлеченности неуклонно снижается. Эти показатели жизнестойкости и вовлеченности оказываются тесно связаны и с типом семьи. У молодежи, выросшей в полной семье, уровни вовлеченности и жизнестойкости, по мере взросления, снижаются, в то время как у выросших в неполных семьях они достоверно возрастают.

Результаты наших исследований показывают, что есть достоверные и разнообразные связи жизнестойкости и социально-перцептивных образов, нуждающиеся в дальнейшем изучении, позволяющем раскрыть механизмы и закономерности детерминации жизнестойкости человека.

Литература

Махнач А. В. Жизнеспособность замещающей семьи как малой социальной группы: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2019.

Момбей-оол С. М. Социальная перцепция, жизнестойкость и копинг-стратегии тувинской молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. СПбГУ, 2022.

Салчак А. М. Образ отца у тувинских подростков из неполных семей: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2022.

Ситников В. Л., Кедич С. И., Момбей-оол С. М., Салчак А. М., Стреленко А. А. Социально-перцептивные образы и жизнестойкость тувинской молодежи из семей разного типа // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН. 16–18 ноября 2022 г., Москва / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова, А. В. Юревич, И. И. Ветрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 385–386.

Стреленко А. А. Социально-перцептивные образы ребенка в представлениях родителей. Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2020.

Ресурсная функция социально-перцептивных образов и их связь с жизнеспособностью матерей

А. А. Стреленко (УО «ВГУ им. П. М. Машерова», Витебск)

В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению особенностей ресурсной функции социально-перцептивных образов и их связей с жизнеспособностью матерей. Значение такой функции заключается в эффективности поддержания жизнеспособности как отдельного человека, так и членов семейного взаимодействия. Результаты исследования показали, что жизнеспособность матерей различного типа имеет корреляционные связи с когнитивным, регулятивным, конативным, оценочным компонентами образной сферы социальной перцепции. Полученные в работе результаты могут быть рассмотрены как перспективные с точки зрения разработки новых подходов к исследованию социально-перцептивных образов как интра-, интерсубъективных ресурсов жизнеспособности матерей.

Ключевые слова: образная сфера социальной перцепции, социально-перцептивные образы, личностные ресурсы, интрасубъективные ресурсы, интерсубъективные ресурсы, жизнеспособность матерей.

Известно, что категория образа связана с внутренним миром человека, с его духовностью. Ссылаясь на идеи В. П. Зинченко о духовном слое сознания, А. М. Поляков полагает, что представления о Я, а также о взаимодействии «Я–Ты» встречаются в идеях Л. С. Выготского об интер- и интраиндивидуальности, взглядах Д. Б. Эльконина о совместной деятельности, исследованиях А. А. Ухтомского о «доминанте на лицо другого» (Поляков, 2022, с. 5). Делая свое предположение о наличии функции построения системных связей между компонентами сознания, он заключает, что с точки зрения культурно-исторической психологии важнейшей характеристикой развития сознания является построение внутренних системных связей между образующими его компонентами, которые опосредуются различными культурными формами, заключенными в образах.

Рассматривая социально-перцептивные образы как образы субъектов, мы предполагаем, что они могут взаимодействовать с другими базисными характеристиками, например жизнеспособностью человека. В результате такой связи социально-перцептивные образы могут осуществлять ресурсную функцию. Так, В. А. Толочек понимает ресурсы как такие условия среды (внесубъектные ресурсы), процессы взаимодействия людей (интерсубъектные ресурсы) и индивидуальные особенности субъекта (интрасубъектные ресурсы), актуализация которых может приводить к становлению новых психических структур с особыми, системными связями, повышающими успешность субъектов при взаимодействии и деятельности (Толочек, 2015, с. 120).

Следует отметить, что проблема ресурсов и жизнеспособности на сегодняшний день широко обсуждается как в зарубежной, так и в отечественной психологии. Так, например, на связь категорий «личностные ресурсы» и «индивидуальная жизнеспособность» в своей работе указывает С. А. Хазова (Хазова, 2016). По ее мнению, для того чтобы быть человеку жизнеспособным, т. е. продуктивным, успешным, ценным в глазах окружающих, необходимы позитивные качества его личности, т. е. ресурсы. Причем внутренние (интрасубъективные) характеристики и объекты физической и социальной среды начинают играть ресурсную роль именно тогда, когда им придается личностный смысл и ценность по отношению к достижению позитивных для субъекта результатов.

Действительно, дефицит ресурсов – одна из причин обострения социальной напряженности. Человек переживает это явление как стресс, адаптируется к нему, «осваивает» это состояние, оно становится необходимой частью его общественной культуры. Напряженность в тех или иных формах и аспектах сопутствует людям всю жизнь и может воплощаться в семейном взаимодействии. На это в своей работе указывает А. В. Махнач, рассматривая особенности жизнеспособности замещающей семьи как малой социальной группы (Махнач, 2019). Мы разделяем мнение о том, что каждый член семьи может использовать свои личностные ресурсы таким способом, когда они будут повышать жизненную силу семьи, формировать как индивидуальные, так и коллективные установки на выживаемость.

Ввиду того что образная сфера социальной перцепции неразрывно связана с интеллектуальными функциями, можно предположить, что социально-перцептивные образы субъектов (Я-, Ты-образы) могут выступать в качестве личностных ресурсов их жизнеспособности.

По результатам проведенного исследования с участием биологических, будущих и приемных матерей при определении взаимосвязей четырех образов (Я-образы, Ты-образы абстрактных детей, Ты-образы родных, воображаемых, приемных детей, Ты-образы родных, воображаемых, приемных детей в будущем) с жизнеспособностью повторяющимся критерием жизнеспособности у них определяется совладание и адаптация. По-видимому, образная сфера социальной перцепции биологических матерей посредством регулятивной функции, а также определяемой поведенческой и когнитивной активности будет способствовать выработке определенных копинг-стратегий с целью преодоления сложных жизненных ситуаций, обуславливая взаимодействие с партнером по коммуникации. В свою очередь, выработанные механизмы совладания будут способствовать адаптации к произошедшим изменениям.

В группе будущих матерей в трех образах (Я-образы, Ты-образы абстрактных детей, Ты-образы воображаемых детей) повторяющимся критерием жизнеспособности устанавливается духовность. По нашему мнению, такая особенность может быть связана с ориентацией на себя, на свою субъектность и ее проявление в многообразии жизни с ее духовно-нравственными ценностями. Благодаря связи образной сферы социальной перцепции с духовностью как ресурсом для проживания жизни увеличивается вероятность сосредоточения человека на ценностно-смысловых и нравственных установках при взаимодействии с другими людьми.

В группе приемных матерей в четырех образах повторяющимся критерием жизнеспособности определяется самоэффективность. Родительская самоэффективность, или самооценка своей компетентности в роли родителя и удовлетворенность этой ролью, признается важным фактором, влияющим на «качество» родительских практик и развитие детей. Как отмечают К. Н. Поливанова и соавт., в основе родительской самоэффективности лежат не столько конкретные родительские знания и умения, а сколько уверенность родителя в том, что он справится со своей ролью (Поливанова и др., 2015). Самоэффективность матерей имеет связь с успешностью материнства, где «самоэффективность матери» в большей степени отражает самооценку женщины в сфере материнства и характеризует когнитивную составляющую субъективной успешности материнства.

В нашем исследовании самоэффективность матерей связана с когнитивным, регулятивным, конативным и оценочным компонента-

ми образной сферы социальной перцепции. Следует отметить, что такой критерий, как самооффективность, будет характерным для всех групп испытуемых и наиболее часто встречается в связях с Я-образами, с Ты-образами абстрактных детей, с Ты-образами приемных детей, с Ты-образами родных и приемных детей в будущем.

Вместе с тем часто встречающимися являются связи образов с духовностью. Так, например, в группе биологических матерей такая связь определяется по Я-образам, Ты-образам абстрактных детей, Ты-образам родных детей в будущем; в группе будущих матерей аналогичная связь есть с Я-образами, Ты-образами абстрактных детей, Ты-образами воображаемых детей; в группе приемных матерей подобная связь встречается с Ты-образами приемных детей, Ты-образами приемных детей в будущем. По-видимому, связь образной сферы социальной перцепции с духовностью как ресурсом жизнеспособности биологических, будущих и приемных матерей определяет их ценностно-смысловые и нравственные установки в самоотношении и в отношении к детям. Причем если у биологических и будущих матерей такая особенность наблюдается в отношении себя, в отношении абстрактных детей и родных детей в будущем, то у приемных подобные установки определяются только в отражении приемных детей и этих детей в будущем. Вероятно, личностным смыслом у приемных матерей становится приемный ребенок и его будущее, на основе чего будет выстраиваться общение и взаимодействие с ним. Что касается биологических и будущих матерей, то, по всей видимости, личностным смыслом для них становится их самость, а также абстрактный ребенок, которого они воспринимают как ценность жизни. Причем такую ценность они усматривают не только по отношению к своим родным и воображаемым детям, в том числе и их в будущем, но и по отношению к любым другим (абстрактным) детям.

Таким образом, на основании результатов эмпирического исследования, посвященного определению ресурсной функции социально перцептивных образов и их связей с жизнеспособностью матерей, можно сделать следующие выводы.

- Во-первых, в трех группах матерей определяются различные ресурсы их жизнеспособности, и они имеют статистические связи с когнитивным и регулятивным компонентами Я-образов матерей.

- Во-вторых, для биологических и будущих матерей абстрактный (любой) ребенок будет восприниматься как культурная ценность, на основании чего формируются ценностно-смысловые установки. Что касается приемных матерей, то, по-видимому, образ абстрактного ребенка ими будет восприниматься как ресурс для поддержания собственной эффективности в роли матери, а также сохранения собственной значимости в широких кругах общест-венности.
- В-третьих, для биологических матерей Ты-образ родного ребен-ка будет отражать реализацию ценностно-смысловых установок, необходимых для их жизнеспособности. У будущих матерей, ана-логично Ты-образам абстрактных детей, в Ты-образах вообража-емых детей отражаться культурная ценность, в основе которой будут формироваться ценностно-смысловые установки; также Ты-образ воображаемого ребенка будет отражать межличностные связи, являющиеся источником эмоциональной и другой помо-щи, необходимой для поддержания жизнеспособности. Для при-емных матерей Ты-образ приемного ребенка будет содержать в се-бе не только ценность конкретного ребенка, но и включать в себя семейные и социальные отношения, имеющие личностный смысл. Также в Ты-образе приемного ребенка у приемных матерей может отражаться реализация важного, ответственного дела – воспи-тание детей, лишенных родительского попечения. Посредством реализации себя в материнской роли при осуществлении такой деятельности может увеличиваться значимость своей эффектив-ности и, как следствие, своей жизнеспособности.
- В-четвертых, биологические матери при отражении родного ре-бенка в будущем будут прибегать к таким ресурсам, как само-эффективность, настойчивость, внутренний локус контроля, совладание и адаптация, духовность, семейные и социальные вза-имосвязи, которые будут отражать связь с когнитивным, регуля-тивным, конативным компонентами образной сферы социальной перцепции. В отношении выборки будущих матерей значимые корреляции не определяются. Приемные матери при отражении приемного ребенка в будущем будут прибегать к таким ресурсам жизнеспособности, как самоэффективность, внутренний локус контроля, духовность, которые будут связаны с когнитивным, регулятивным, оценочным компонентами образной сферы со-циальной перцепции.

Определяемые результаты подтвердили нашу гипотезу о связи структурных компонентов социально-перцептивных образов, определяемых как интра-, интерсубъективные ресурсы с жизнеспособностью матерей.

Полученные данные могут быть рассмотрены как перспективные с точки зрения разработки новых подходов к исследованию социально-перцептивных образов как интерсубъективных и интрасубъективных ресурсов жизнеспособности матерей и членов их семей.

Литература

- Махнач А. В.* Жизнеспособность замещающей семьи как малой социальной группы: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2019.
- Поливанова К. Н., Вопилова И. Е., Козьмина Я. Я., Нисская А. К., Сивак Е. В.* Самоэффективность как содержательная основа образовательных программ для родителей // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 184–200. doi: 10.17323/1814-9545-2015-4-184-200
- Поляков А. М.* Развитие сознания в контексте проблемы знакового и символического опосредствования // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 2. С. 4–12. doi: 10.17759/chp.2022180201
- Толочек В. А.* Социальная успешность человека: внесубъектные и интерсубъектные ресурсы // Известия Саратовского университета. Новая серия. «Акмеология образования. Психология развития». 2015. Т. 4. № 2. С. 115–123. doi: 10.18500/2304-9790-2015-4-2-115-123
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы и жизнеспособность субъекта // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты» / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 210–219.

Одиночество и социотропность: возрастно-половой аспект*

О. Ю. Стрижицкая (СПбГУ, Санкт-Петербург),
И. Р. Муртазина (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Статья посвящена изучению соотношения параметров переживания одиночества и направленности на социум. Исследование выполнено на 204 взрослых в возрасте 30–60 лет. В качестве методов использованы: 1) Дифференциальный опросник переживания одиночества, 2) Методика «Социотропность–самодостаточность». В статье рассматривается соотношение одиночества и социотропности в поло-возрастных группах. С помощью регрессионных моделей сходства и различия в связях негативного и позитивного одиночества и направленности на социум. Полученный результат позволяет говорить о том, что позитивное одиночество может подкрепляться как направленностью на социум, так и самодостаточностью, в то время как негативное одиночество связано исключительно с параметрами, отражающими направленность на социум.

Ключевые слова: позитивное одиночество, зависимость от общения, социотропность, средняя зрелость, поздняя зрелость.

Одиночество часто рассматривается как одна из ключевых социально-психологических проблем XXI в. Одиночество находится на стыке эмоциональных, социальных и экзистенциальных проблем, что создает определенные трудности в его изучении и понимании. Традиционно одиночество имеет негативные коннотации, однако последние 10–15 лет все больший интерес исследователей стало привлекать позитивное одиночество. Такое одиночество может являться динамическим, временным, но необходимым для человека состоянием. Состоянием для размышлений, переосмысления, построения планов и роста. Несмотря на то, что формально никто не хочет быть одиноким, наш опрос 500 российских и болгарских молодых людей пока-

* Грант РНФ № 23-28-00841 «Особенности переживания одиночества и способы совладания с ним в период зрелости».

зал, что лишь один из них хотел бы жить в мире, в котором он никогда не смог бы быть одиноким. Эти результаты навели нас на размышление о том, что, возможно, переживание одиночества может быть связано с ориентацией человека на социум в целом. Так, человек, ориентированный на социум, гипотетически мог бы острее реагировать на состояние одиночества, вероятно, такой человек меньше бы стремился к позитивному одиночеству и болезненно переживал негативное одиночество. В противоположность этому, человек самодостаточный мог бы не только не тяготиться одиночеством, но и испытывать в нем потребность.

Дизайн исследования

Выборку исследования составили 204 взрослых в возрасте 30–60 лет ($M = 45,43$, $SD = 7,98$), 55,9% женщины. Данные были собраны в 2021–2023 годах в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, участие в исследовании было добровольным. Для целей анализа выборка была поделена на 4 половозрастные группы: (1) мужчины 30–44 года ($N = 40$; $M = 38,52$, $SD = 3,78$); (2) мужчины 45–60 лет ($N = 50$; $M = 52,56$, $SD = 4,60$); (3) женщины 30–44 года ($N = 51$; $M = 37,72$, $SD = 4,04$); женщины 45–60 лет ($N = 63$; $M = 50,82$, $SD = 4,31$).

Для решения поставленных задач мы использовали «Дифференциальный опросник переживания одиночества» – шкалы «Позитивное одиночество», «Зависимость от общения» (Осин, Леонтьев, 2013) и методику «Социотропность–самодостаточность» (Стрижицкая и др., 2021). Для анализа использовался дисперсионный и регрессионный анализ.

Целью данного исследования было сравнить соотношение показателей одиночества и социотропности у взрослых в разные возрастные периоды и в зависимости от пола.

Результаты исследования

На первом этапе мы сравнили уровневые показатели переживания одиночества по шкалам «Зависимость от общения» и «Позитивное одиночество» в поло-возрастных группах. Исходя из результатов наших предыдущих исследований (Strizihitskaya et al., 2021), мы не предполагали различий в уровне показателях, однако это предположение требовало проверки. С помощью апостериорных тестов по крите-

рию Бонферрони мы подтвердили, что уровневые показатели в наших группах не различаются.

Исходя из предположения о том, что одинаковый уровень переживания одиночества может регулироваться разными механизмами, вторым этапом анализа стал регрессионный анализ шкал одиночества как зависимых и параметров социотропности как независимых переменных. Результаты показали, что разные шкалы социотропности, в зависимости от поло-возрастной группы, могут объяснять от 10 до 25% дисперсии шкал одиночества. Так, мы выявили, что самодостаточность выступает предиктором переживания позитивного одиночества для мужчин в возрасте 45–60 лет ($R^2=0,186$, $\beta=0,431$) и женщин в возрасте 30–44 года ($R^2=0,198$, $\beta=0,445$). Для мужчин 30–44 лет предикторами «Позитивного одиночества» стали «Социальная неуверенность» и общий показатель социотропности ($R^2=0,217$, $\beta=1,140$, $\beta=-0,892$), причем общий показатель вошел в уравнение с отрицательным знаком. Для женщин 45–60 лет предиктором выступила «Зависимость от мнения окружающих» ($R^2=0,105$, $\beta=0,324$).

Анализ предикторов «Зависимости от общения» в поло-возрастных группах показал, что для мужчин в старшей ($R^2=0,257$, $\beta=0,528$) и младшей ($R^2=0,279$, $\beta=0,507$) возрастных группах, а также для женщин младшей возрастной группы ($R^2=0,269$, $\beta=0,519$) предиктором выступает «Привязанность». Для старшей женской группы предиктором выступила «Социальная неуверенность» ($R^2=0,132$, $\beta=0,363$).

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ показал, что социотропность, или ориентация на социум, тесно связана с переживанием одиночества, как позитивного, так и негативного. Было выявлено, что связи социотропности и одиночества имеют свою поло-возрастную специфику. Так, при анализе позитивного одиночества у мужчин мы видим, что в младшей группе ему способствует социальная неуверенность, т. е. характеристика, отражающая направленность на социум, а в старшей группе — самодостаточность, большая ориентация на автономию от социума. У женщин мы видим обратную картину: в младшей группе позитивное одиночество связано с самодостаточностью, но в старшей группе предиктором становится зависимость от мнения окружающих, т. е. большая ориентация на социум. Эти результаты сами по себе интересны тем, что демонстрируют сложную роль позитивно-

го одиночества в жизни взрослого человека. Они показывают, что позитивное одиночество может быть отражением самодостаточности, автономии человека, а может выступать ресурсом. Мы можем предположить, что у социум-ориентированных взрослых, находящихся в ситуации, когда социум не может предоставить им необходимые им поддержку и общение, своего рода позитивным копингом может выступать позитивное одиночество.

В то же время анализ «Зависимости от общения» демонстрирует более последовательную картину: во всех половозрастных группах ориентация на социум усиливает негативное одиночество, связанное с неудовлетворенностью и нереализованностью в общении с окружающими. Интересным выводом из данного анализа может быть еще и то, что, несмотря на наши ожидания, самодостаточность не стала «препятствием» для негативного одиночества. Таким образом, мы обнаружили, что самодостаточность может в определенных ситуациях способствовать погружению в позитивное одиночество, однако не может препятствовать переживанию негативного одиночества.

Данная работа представляет лишь разведочный анализ связей социотропности и одиночества, и полученные результаты открывают новые перспективы для изучения механизмов как позитивного, так и негативного одиночества. Несмотря на то, что результаты лишь первичные, они позволяют наметить ресурсную роль позитивного одиночества, открывая тем самым возможности для изучения прикладного потенциала этого состояния для взрослых.

Литература

- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А.* Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.
- Стрижицкая О. Ю., Петраш М. Д., Муртазина И. Р., Вартамян Г. А.* Адаптация методики «Социотропность–самодостаточность» на российской выборке взрослых и пожилых людей // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 3. С. 217–233.
- Strizhitskaya O., Petrash M., Murtazina I., Vartanyan G., Shchukin A.* Loneliness among middle-aged and older middle-aged adults in Russia (Saint Petersburg) before and during COVID-19 pandemic // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. V. 18 (18). Art. 9889. doi: 10.3390/ijerph18189889

Жизнеспособность клинических психологов, работающих в стационаре неврологического профиля: анализ проблемы

Е. В. Тарасова (ГБУЗ НО «ГКБ№ 39», Нижний Новгород)

В статье рассматривается актуальность исследования проблемы жизнеспособности в профессии клинического психолога, работающего в стационаре неврологического профиля. Описывается профессиональная деятельность психолога в отделении острого нарушения мозгового кровообращения. Представлен краткий обзор исследований жизнеспособности человека и профессионала. Дано определение термина «профессиональная жизнеспособность». Рассматриваются внутренние и внешние факторы профессиональной жизнеспособности специалистов-психологов. Подчеркивается роль копинг-ресурсов и духовности как свойства личности в жизнеспособности психологов.

Ключевые слова: клинический психолог, жизнеспособность, профессиональная деятельность.

Современная профессиональная деятельность специалистов в сфере оказания психологической помощи в стационаре неврологического профиля является важным аспектом здоровья пациентов после перенесенного инсульта.

Вместе с тем профессиональная деятельность клинических психологов часто связана с риском, стрессом и эмоциональным выгоранием, депрессией и тревогой, травматическим стрессом, усталостью. В связи с этим возникает проблема сохранения жизнеспособности специалистов, оказывающих помощь больным, находящимся в стационарах ОНМК (острого нарушения мозгового кровообращения, инсульта).

По нашим наблюдениям, в отечественной литературе исследования жизнеспособности клинических психологов, работающих в условиях стационара, не проводились, изучались личностные качества психотерапевта и психолога-консультанта (Горобец, Махнач 2003; Махнач, Горобец, 2010; и др.). Профессиональную адаптацию в стрессогенных условиях изучали В. И. Лебедев, Л. Г. Дикая, Г. Ю. Крыло-

ва и др. (Кондратенко, 2010). Путь к повышению устойчивости в неблагоприятных жизненных событиях рассматривал Виктор Франкл. В отечественной психологии проблему жизнеспособности человека изучают: А. В. Махнач (2012), А. И. Лактионова (2013), Е. А. Рыльская (2014), А. А. Нестерова (2011), Е. Г. Шубникова (2013).

«Умение выстоять в критических условиях профессиональной деятельности» (Рыльская, 2009) – важное качество, которым должен обладать клинический психолог. Специалистам в условиях работы в стационаре необходимо развивать и укреплять свою жизнеспособность, поскольку их деятельность связана с повышенной психоэмоциональной нагрузкой.

Работа клинического психолога в стационаре неврологического профиля состоит из нескольких этапов:

1. Психологическая диагностика и определение плана реабилитационных мероприятий.
2. Вторичная профилактика ОНМК – проведение образовательных лекций для пациентов, где транслируется детальная информации об инсульте, симптомах, причинах, первой помощи, особенностях реабилитационного процесса.
3. Проведение релаксационных мероприятий по показаниям.
4. Индивидуальный и групповой когнитивный тренинг (коррекция нарушения памяти, внимания, мышления) по показаниям.
5. Работа с родственниками пациентов в формате индивидуальных консультаций и групповых образовательных лекций.

Таким образом, профессиональная деятельность психологов в отделении ОНМК очень многогранна и требует хороших коммуникативных навыков, способности к работе в режиме многозадачности, а также «профессиональной жизнеспособности».

В работах Е. А. Рыльской появляется новый термин «профессиональная жизнеспособность», что означает наличие определенного уровня профессиональных знаний, умений, опыта, которые обеспечивают возможности выживания в трудной жизненной или профессиональной ситуации, это «способность личности обрести индивидуально-личностный способ существования в профессии» (Рыльская, 2014).

Стоит отметить, что индивидуально-личностный способ существования в профессии основывается на внутренних факторах жизнеспособности личности профессионала. Такие факторы включают лич-

ностные характеристики специалиста, оказывающие влияние на его профессиональное развитие. Благодаря совокупности качеств, способностей профессионала (адекватная самооценка, целеустремленность, когнитивные ресурсы, самодисциплина, ответственность, способность к саморегуляции, самоуверенность, способность находить позитивные решения для самих себя и для своих клиентов, ценностные ориентации, включающие карьерный рост, установки, активное вовлечение в разработку профессиональных задач и планов, инициативность, рефлексия, контроль поведения), формируется жизнеспособность профессионала. Зрелость, проявляющаяся в способности специалиста принимать решения, опираться на ресурсы и находить конструктивный выход из трудных профессиональных ситуаций, способствует сохранению благоприятного психологического климата в рабочем коллективе психологов, что, безусловно, позитивно влияет на жизнеспособность.

Немаловажную роль имеют и внешние факторы для развития жизнеспособности. Это социальные факторы, которые формируют поддерживающую профессиональную среду, учитывают обстановку внутри коллектива, уровень социального функционирования и квалификацию специалистов. Взаимосвязи профессионалов в социальной среде проявляются в совместном участии в реализации общих целей, общении, посещении конференций, семинаров, супервизий, что содействуют развитию жизнеспособности клинических психологов.

Жизнеспособность профессионалов-психологов — это процесс реализации функциональных ресурсов его личности, системный учет внешних и внутренних факторов с целью предотвращения возможных кризисов, эмоционального выгорания, нарушений психического здоровья клинических психологов, работающих в стационарах неврологического профиля.

Стоит отметить, что не только внутренние и внешние факторы способствуют профессиональной жизнеспособности, но и духовность.

Мораль и нравственность характеризуют духовность, и во многих исследованиях мораль и нравственность связываются с жизнеспособностью человека. Духовность как свойство личности психологов в контексте исследования жизнеспособности в современной психологии труда является малоизученным феноменом. Встречаются лишь единичные отечественные исследования духовности как основы жизнеспособности человека и профессионала. Духовность во многом определяет профессиональный рост и развитие психологов, что,

безусловно, отражает их жизнеспособность. Духовность является ресурсным свойством психологов, что проявляется в их гуманистической позиции по отношению к страдающим после перенесенного инсульта людям, которым необходима как психологическая поддержка, так и физическая помощь.

Важную роль в поддержании и сохранении жизнеспособности профессионалов занимают копинг-ресурсы. Стоит отметить, что жизнеспособность, как потенциал индивида, оказывает позитивное влияние на копинг (Лактионова, 2013). «Жизнеспособность» является более широким понятием, чем «стратегия совладания» с трудными жизненными ситуациями. Однако последняя категория, бесспорно, является одной из самых важных составляющих в структуре жизнеспособности. По нашему мнению, клиническим психологам, работающим в стационаре неврологического профиля, важно сохранять следующие копинг-ресурсы: способность к рефлексии, эмпатию; аффилиация как копинг-ресурс отражает способность психолога обращаться за помощью к коллегам в трудных ситуациях; «Я-концепция» обеспечивает контроль в профессиональной деятельности, что способствует принятию ответственности за различные события в жизнедеятельности.

В целом исследование жизнеспособности клинических психологов сводится к многогранному изучению различных свойств и качеств специалистов, а также факторов, влияющих на устойчивость и эффективность в их профессиональной деятельности. Безусловно, профессиональная деятельность клинических психологов, работающих с пациентами с ОНМК, является важной в восстановлении не только когнитивных функций больных, но и в помощи им в преодолении постинсультной депрессии, в формировании у них мотивации на дальнейшую реабилитацию, в психологической поддержке родственников и самих больных. Кроме того, функциями психологов является формирование уверенности при ходьбе и самообслуживании больных, устойчивости их к ошибкам в новом переобучении движениям, принятии своей инвалидизации и обучение пациентов справляться с пережитым стрессом в результате мозговой катастрофы. Для этого психологу необходимы психоэмоциональные ресурсы и жизнеспособность.

В связи с высокой значимостью труда клинического психолога изучение жизнеспособности у данной категории профессионалов в современном мире является важной проблемой, требующей ком-

плексного решения не только со стороны психотерапии и медицины, но и со стороны психологии труда.

Литература

- Горбеец Н. Л., Махнач А. В.* Роль личности психотерапевта в медицинской и психологической парадигмах психотерапии // Научный поиск. Вып. 4. Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 2003. С. 27–33.
- Кондратенко О. А.* Психологическая структура профессиональной жизнеспособности личности // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 16. С. 143–151.
- Лактионова А. И.* Жизнеспособность как ресурс социальной адаптации у подростков // Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 232–253.
- Махнач А. В., Горбеец Н. Л.* Психологический анализ деятельности и личности психотерапевта // Социальная психология труда: Теория и практика. Т. 1 / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 255–276.
- Рыльская Е. А.* Психология жизнеспособности человека: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2014.

Жизнестойкость личности как важнейшее свойство педагогов госпитальных школ

А. Н. Фомина (МПГУ, Москва), *И. В. Москатова* (СОШ № 132, Пермь)

Представлен материал по исследованию особенностей жизнестойкости педагогов госпитальных школ. Рассматривается специфика работы педагогов с детьми, находящимися на длительном лечении в стационаре; анализируется взаимосвязь личностных установок педагога с уровнем его профессионального выгорания. Отмечается взаимосвязь жизнестойких установок учителя, его отношения к своей деятельности как к «служению» с его оптимальным психоэмоциональным состоянием.

Ключевые слова: госпитальная педагогика, жизнестойкость, профессиональное выгорание.

Данная статья подводит итог исследованию по изучению особенностей жизнестойкости педагогов, работающих с детьми, находящимися на длительном лечении в стационарах.

В работе рассматривается такое личностное свойство человека, как *hardiness* (жизнестойкость), введенное в психологический лексикон на основании многолетних исследований устойчивости психики человека к стрессу С. Мадди (Maddi, 1994). Жизнестойкость характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности (Леонтьев, Рассказова, 2006).

По исследованиям С. Мадди, жизнестойкость личности связана с установками человека на вовлеченность в процесс жизни, установками на подконтрольность процесса его жизни, а также на готовность идти на риски и приобретать жизненный опыт. Представляло интерес исследовать жизнестойкость педагогов, работающих в детских стационарах, учитывая высокую эмоциональную нагрузку этих профессионалов, их значимую роль в психологическом благополучии детей, находящихся на длительном лечении в стационаре (от 21 дня до года и более).

В 2014 г. в Москве на базе Федерального научно-клинического центра детской гематологии, онкологии, иммунологии им. Дмитрия Рогачева была открыта инновационная площадка «Проектирование и внедрение образовательной среды для детей, находящихся на длительном лечении в медицинских учреждениях» (проект «Учим-Знаем»). Главной целью проекта является с помощью средств образования и медико-социальной реабилитации способствовать полноценной жизни ребенка в период борьбы с болезнью, его выздоровлению и социализации, успешному возвращению в родные школы.

Цель исследования: изучение особенности жизнестойкости педагогов, работающих в госпитальных школах.

Объект исследования: жизнестойкость личности педагога.

Предмет исследования: жизнестойкость педагогов госпитальных школ проекта «Учим Знаем».

Задачами исследования явились – изучение особенностей жизнестойкости педагогов, работающих в госпитальных школах федерального проекта «УчимЗнаем»; изучение взаимосвязи между жизнестойкостью, профессиональным выгоранием и смысложизненными ориентациями педагогов.

Актуальность данной работы связана с тем, что, помимо высокого педагогического профессионализма, госпитальным педагогам необходимо обладать таким личностным качеством, как жизнестойкость, позволяющим активно противодействовать стрессовым ситуациям, сохраняя физическое и психологическое здоровье.

Важно отметить специфику условий профессиональной деятельности педагогов госпитальных школ, накладывающих отпечаток на их профессиональную деятельность и психологическое состояние:

- дефицит образовательных площадей (отсутствие в больницах специальных помещений для ведения образовательного процесса);
- требования медицинских организаций (санитарно-эпидемиологические требования; специальная медицинская одежда; отсутствие косметики; обработка рабочих поверхностей и электронных средств обучения (планшеты, компьютеры) дезинфицирующими средствами; медицинские манипуляции могут проходить как на переменах, так и во время уроков);
- режим и длительность проведения урока может зависеть от физического и психологического состояния ученика (педагогу необходимо знать основные характеристики заболевания и какие

бывают побочные явления при лечении; учитывать образовательные потребности ученика; его психологические особенности; необходимо учитывать фактические условия при проведении урока, выбирать форму организации образовательного процесса).

Работа в таких условиях, с одной стороны, определяет миссию педагога, а с другой – является важным направлением его профессиональной подготовки к работе с тяжелобольными детьми в медицинском стационаре (Суханова, Шариков, 2020).

В процессе исследования были использованы следующие методики: «Тест жизнестойкости» С. Мадди (Леонтьев, Рассказова, 2006); Тест «Смыслжизненные ориентации» (Д. Крамбо, Л. Махолик, адаптация Д. А. Леонтьева); Опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» (К. Маслач и С. Джексон, адаптация Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой (2008).

В исследовании приняли участие 52 педагога, работающих в онкологических и гематологических центрах различных областей России.

Все участники получали обратную связь от исследователей, в процессе работы проявили высокую степень заинтересованности.

Результаты исследования и их обсуждение

По данным опросника жизнестойкости С. Мадди, было получено, что большинство госпитальных педагогов имеют высокий и средний уровень жизнестойкости: 27,5% педагогов обладают жизнестойкостью выше типичного проявления этого свойства (нормы), средним – 62,7%, и сниженные показатели у 9,8%. Представляло интерес выявить роль компонентов жизнестойкости в высоких и низких показателях общего уровня этого свойства.

Данные по компоненту «вовлеченность»: высокий уровень у 37,3% участников исследования, средний – у 52,0%; низкий – у 9,8%.

Компонент «контроль»: высокий уровень у 17,65% участников, средний – у 66,67%, низкий – у 15,68%.

Компонент «принятие риска»: высокий уровень – 33,33% участников, средний – у 58,83%; низкий – у 7,84%.

Можно отметить, что большая часть участников исследования активно вовлекается в происходящие события и находит в них что-то полезное и важное для себя (показатель «вовлеченность»). Однако обращает на себя внимание тот факт, что при высоком уровне во-

влеченности в социальную жизнь у трети участников исследования отмечается состояние физического утомления (по данным качественного анализа).

В группах педагогов с высоким и низким уровнем жизнестойкости выявлены значимые различия по компонентам «вовлеченности» и «контроля» ($p=0,05$).

По данным качественного анализа, различия в «вовлеченности» связаны с общей энергетикой педагога, его социальной и предметной активностью, а также с высокой степенью профессиональной заинтересованности. Различия в показателях компонента «контроля» в нашем исследовании оказалось связанным с педагогическим стажем педагога и, соответственно, возрастом.

Проанализировав данные исследований уровня профессионального (эмоционального) выгорания (ПЭВ), мы выявили, что у 22,5% госпитальных педагогов отмечается высокий и крайне высокий уровень профессионального выгорания. Возникновение ощущений «приглушения», «притупленности» эмоций отметили у себя педагоги с высоким (11,7%) и крайне высоким (5,9%) уровнем эмоционального истощения – первой фазы профессионального выгорания. Мы обратили внимание на то, что у 20% педагогов наблюдаются высокие и крайне высокие показатели по «деперсонализации», что может быть связано с защитной реакцией психики педагога.

При этом крайне низкий уровень (отсутствие выгорания) наблюдается у 15,7% участников исследования, низкий уровень – у 25,5%, средний уровень – у 35,3%.

Несмотря на данные количественного и качественного анализа о значительном уровне переживания педагогами физической и психологической усталости, большая часть педагогов (76,5%) высоко оценивают свою профессиональную деятельность. То есть в исследовании были единичные случаи (2%) проявления третьей стадии профессионального выгорания, связанной с чувством профессиональной беспомощности. Однако первая и вторая стадия профессионального выгорания проявляются практически у каждого пятого госпитального педагога, и во многом они связаны с психофизиологическими реакциями утомления и эмоционального перенапряжения.

Общий показатель жизнестойкости педагогов в наших исследованиях имеет заметную отрицательную корреляцию ($r=-0,66$) с показателем общего профессионального выгорания. Эта тенденция кажется очевидной, однако представленные данные конкрети-

зируют, что такие компоненты жизнестойкости, как вовлеченность ($r = -0,65$ с общим показателем выгорания и $r = -0,73$ с показателем эмоциональное истощение) и контроль ($r = -0,64$ – заметная корреляция с показателями профессионального выгорания и эмоционального истощения), способствуют высокой психоэмоциональной устойчивости педагогов.

Важно отметить, что работа педагога в больнице с тяжелобольными детьми в большей степени связана с «модусом служения», который представляет собой «высший этап развития личности профессионала и проявляется в свободном выборе человека, обусловленным его жизненными смыслами» (Фонарев, 2005).

В связи с этим мы обратились к анализу результатов теста смысловых ориентаций (СЖО) госпитальных педагогов.

Для выявления взаимосвязи жизнестойкости с профессиональным выгоранием и смысловыми ориентациями был проведен корреляционный анализ с применением критерия Спирмена.

Выявлена высокая степень корреляции между показателями общей жизнестойкости педагогов и общим показателем ОЖ (осмысленности жизни) ($r = 0,74$), наличием цели в жизни ($r = 0,72$), а также ощущением жизни как процесса, включенности в это процесс ($r = 0,77$).

Таким образом, можно предполагать, что высокая степень вовлеченности педагога в социальную жизнь, его опыт и установки, позволяющие контролировать сложные профессиональные и жизненные ситуации, отражаются на его эмоциональной устойчивости в процессе взаимодействия с детьми, находящимися на длительном и тяжелом лечении, а также их родителями.

Отношение госпитального педагога к профессиональной деятельности как к служению способствует сохранению его психоэмоциональной устойчивости, здоровья, творческого подхода к работе, отсутствием психологических защит в форме деперсонализации, уходом из профессии. Наши исследования еще раз подтверждают факт наибольшей значимости личностной составляющей в жизнестойкости человека.

Высокая жизнестойкость педагогов госпитальных школ определяется, прежде всего, установками на значимость собственной деятельности, уверенности в себе как профессионале, установками на подконтрольность именно текущей ситуации, а также проявлением способности искать новое в работе и в жизни в целом.

Литература

- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
- Суханова Г. Н., Шариков С. В.* Разработка инструментов рекрутинга госпитальных педагогов для сети госпитальных школ «Учим Знаем» // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2020. № 6 (51). С. 70–77.
- Фонарев А. Р.* Психология становления личности профессионала: Учеб. пособие. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2005.
- Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.* Синдром выгорания. СПб.: Питер, 2008.
- Maddi S. R., Khoshaba D. M.* Hardiness and mental health // Journal of Personality Assessment. 1994. V. 63 (2). P. 265–274.

